

Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського
Інститут рукопису

Родинне листування протоієрея Петра Гавриловича Лебединцева

Упорядкування, вступна стаття Ганни Калініч

Київ 2020

Родинне листування протоієрея Петра Гавриловича Лебединцева : збірник документів / Нац. б-ка України ім. В. І. Вернадського, Ін-т рукопису; упор., авт. вступ. статті Г. Ю. Калініч. Київ, 2020. 604 с.

Редакційна колегія

Л. А. Дубровіна, (голова), Н. М., Зубкова В. А. Короткий, Г. В. Папакін ,
Н. А. Шип.

Рецензенти

Кізлова А. А., доктор історичних наук
Нетудихаткін І. А., кандидат історичних наук

Затверджено до друку Вченою радою Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського, протокол № 8 від 8 грудня 2020 р.

ISBN

У даному виданні представлене родинне листування київського протоієрея Петра Гавриловича Лебединцева (1819–1896) із фондів Інституту рукопису Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського. Листи подані у хронологічному порядку і відображають життєвий шлях і діяльність братів Лебединцевих, процеси у церковному, освітньому й громадському житті Києва і Київщини, підросійської Польщі, Одеси, Петербурга другої половини XIX ст., соціальні прагнення та політичну позицію представників православного духовенства і російського чиновництва. Тексти листів супроводжуються науковими примітками і коментарями та вступною статтею.

Видання розраховане на широке коло істориків, краєзнавців, а також на всіх, хто цікавиться історією України, Православної церкви і чиновництва другої половини XIX ст.

© Г. Ю. Калініч, 2020

© Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського, 2020

Київський протоієрей Петро Гаврилович Лебединцев

Петро Гаврилович Лебединцев (21 грудня 1819 р./2 січня 1820 р., с. Зелена Діброва Звенигородського повіту чи с. Яблунівка Богуславського (Канівського) повіту – 3/15 грудня 1896 р., м. Київ) – кафедральний протоієрей Софійського собору, київський єпархіальний діяч, історик, археолог, педагог, журналіст.

Петро Гаврилович порівнював себе із машиною – так невідступно, методично долаючи канцелярські перешкоди та інерцію, він рухався до поставленої мети. Результативність його суспільно корисної діяльності залишиться незбагненою, якщо не брати до уваги характер й особисті якості. Петро Лебединцев бачив суть проблеми і шляхи її конструктивного розв'язання, знаходив підхід практично до будь-якої людини, володів «мистецтвом можливого» у вирішенні справ. Сучасники характеризували Петра Лебединцева як людину сильну, розумну, талановиту, владну, стриману, прагматичну, не схильну до сентиментальності, однак добру і доброзичливу.

Рання біографія Петра Лебединцева була успішною, проте доволі пересічною для духовної особи середини ХІХ ст. Син і онук священика (батько служив у с. Яблунівці Богуславського (Канівського) повіту, а згодом перейшов на місце свого батька в Зелену Діброву), навчався в Богуславському духовному училищі, Київській духовній семінарії (1833–1839), а потім у Київській духовній академії (1839–1843), яку закінчив за першим розрядом (магістр). Був призначений на службу до Орловської духовної семінарії (1843–1845), перевівся до Київської духовної семінарії (1845–1851), де викладав логіку, психологію, а також німецьку і французьку мови.

У 1849 р. одружився із донькою настоятеля Житомирського собору і племінницею професора філософії Ореста Новицького, Олександрою Ниркисівною Новицькою. Подружнє життя увірвалося у 1853 р. (збереглася могила Олександри Наркисівни біля вівтарної частини храму св. Марії Магдалини у Білій Церкві), і Петро Гаврилович, не маючи як священик права одружитися вдруге, до кінця життя залишився удівцем. Своїх дітей він не мав, але часто приймав у гості племінників і зрештою взяв опіку над дітьми своїх сестер, напівсиротами.

Життєпис Петра Лебединцева неможливий без братів. Всього у родині Гаврила Григоровича Лебединцева було дев'ятеро дітей, з них п'ятеро синів. Старші, Арсеній (1818 р.н.) і Петро (1819/20 р.н.), маючи різницю у віці два роки, скрізь навчалися разом. Близькими до них був і Данило (1821 р.н.), який навчався із братами, але на молодших курсах. Натомість Андрій (1826 р.н.) і Феофан (1828 р.н.) дорослішали в той час, коли старші брати вже залишили домівку; Андрій і Феофан навчалися теж удвох і протягом всього життя залишалися близькими.

Нове знайомство Петра із Феофана відбулося у 1855 р., коли Феофан перейшов викладати із Воронежської до Київської духовної семінарії, а Петро служив у Білій Церкві. Арсеній служив спершу у Севастополі, переживши його оборону під час Кримської війни, а потім в Одесі, де став зрештою кафедральним

протоієреєм. З-поміж усіх братів він мав найлегшу вдачу, проте вважав, що і він сам, і решта братів своїм успіхом зобов'язані Петру, що всі вони «піднялися на його колісницю». Брат Данило служив у Петербурзі, займався кодифікацією юридичних актів у воєнному відомстві. Данило був для Петра постійним порадиником і помічником у владнанні «петербурзьких» справ.

Після одруження Петро Лебединцев почав шукати місце священника у якомусь містечку Київської єпархії (священницька служба в Києві була малоприбутковою). У 1851 р. він отримав призначення в Білу Церкву, настоятелем Преображенського собору і законовчителем реальної гімназії. Став благочинним. Місце служби було складним: священник потрапляв у вузол соціальних й етнічно-релігійних протиріч – властивий усьому регіону, однак у Білій Церкві особливо складний через польський осередок, що утворився навколо графів Браницьких і гімназії. Дивовижно, що Петра Гавриловича поважали не лише селяни, а й сім'я графа та місцева знать, які і запрошували його у світські салони, і підтримували його ініціативи, і продовжували спілкування вже після його від'їзду до Києва. Це порозуміння священника із привілейованими прошарками населення, абсолютно нехарактерне для XIX ст., збережеться протягом усього життя Петра Лебединцева. Втім, його заняття й коло інтересів разуче виходили за межі служби звичайного «виконувача треб». Та й характеру він був такого, що міг без пихи і з гідністю триматися із можновладцями.

У 1855 р. Петро Лебединцев взяв участь заспокоєнні Київської козащини, про що залишив записки, опубліковані племінником, священником Іоанном Гордієвським у «Киевской старине». Таким чином священник опинився в орбіті взаємодії зі світською владою – ще один напрям та інструмент його діяльності.

У 1859 р. Петром Лебединцевим було відкрито у Білій Церкві чотири церковноприходські школи, які отримали підтримку і селян, і поміщиків. Відкриття шкіл стало прецедентом спроможності приходського духовенства займатися освітою селянських дітей. Діяння екстраординарне (адже Петро Гаврилович був аж ніяк не «звичайним сільським пастирем»), було, однак, використане генерал-губернатором І.І. Васильчиковим і митрополитом Ісидором, щоб зобов'язати решту священників відкривати школи у своїх приходах. Ця неоднозначна практика поширилася, і в Білій Церкві фактично започаткувалося відкриття мережі церковноприходських шкіл в усій Російській імперії, яких вже у 1861 р. діяло понад 18 тисяч.

За півроку, влітку 1860 р., Петро Лебединцев повернувся до Києва на місце священника церкви Богородиці Пирогощі (Успенського собору на Подолі) і законовчителя Другої київської гімназії (залишався на цьому місці до 1868 р., до вислуги пенсії). У 1862–1864 рр. він був настоятелем церкви Спаса на Берестові, а потім священником домової церкви у будинку генерал-губернатора (1864–1868 рр.; в цей час змінилися І.І. Васильчиков, М.М. Анненков і О.П. Безак). Він високо цінував наближеність до генерал-губернатора, а разом до інших високопосадовців Києва, і можливість використовувати особисте спілкування, щоб вирішити справи, які інакше тонули у канцелярських потоках або в упередженому ставленні. Зокрема особисте знайомство із І.І. Васильчиковим

допомогло Петру Гавриловичу отримати дозвіл, щоб труна із тілом Тараса Шевченка на шляху до Канева у травні 1861 р. була внесена до Києва, і зі священником Йосифом Жолтоножським відправив літію в церкві Різдва Христового на Подолі.

У Києві коло інтересів і занять Петра Лебединцева загалом не змінилося, хоча збільшився масштаб дій і розширилися можливості для ініціативи.

У сфері церковного управління він був наглядачем церковноприходських шкіл Києва і благочинним Подольських церков. У 1863 р. став членом духовної консисторії, залишивши посаду благочинного. У консисторії він завідував в різний час різними справами, а найголовніше – кадровими питаннями. Крім того займав чимало інших посад.

Якщо у 1859–1860 рр. Петро Лебединцев допомагав своєму брату Феофану започаткувати газету «Руководство для сельских пастырей» – керував його діями, звертався до знайомих по протекцію та надавав матеріали до редакторського портфеля, то у 1862 р. він вже особисто заснував газету «Киевские епархиальные ведомости» і став її редактором. У 1882 р., коли Феофан вийшов у відставку і повернувся із Польщі до Києва, Петро допоміг йому організувати часопис «Киевская старина».

У 1861 р. старанням Петра Лебединцева було засновано училище для дівчат духовного звання. Це училище та його статут, затверджений у 1863 р., стали прикладом для решти подібних навчальних закладів в Російській імперії. Сам Петро Гаврилович був попечителем свого дітища і викладав у ньому Закон Божий. У 1886 р. на Подолі було відкрито Друге жіноче духовне училище, також за сприяння Петра Лебединцева.

У 1868 р. Петро Гаврилович Лебединцев у віці 48-ти років став кафедральним протоієреєм Софійського собору, першим священником серед білого духовенства єпархії. Його перебування на посаді тривало майже 30 років. Такого, як у Петра Лебединцева, впливу на єпархіальні справи не мав ніхто зі священників ні до, ні після нього. Він знав єпархію досконально – від рівня сільського приходу до консисторського, причому знав і училищну справу, і господарчу, і будівельну, і соціального забезпечення духовенства, і відносин духовенства з населенням та світською владою, і міжконфесійних відносин.

Петро Лебединцев брав участь в розробці системи соціального забезпечення духовенства єпархії, в організації роботи свічкового заводу, у становленні єпархіальної училищної ради. Він був членом будівельних комітетів зі спорудження та ремонту храмів і церковних будівель Києва, причому не тільки стежив за добросовісністю підрядників, а й складав проекти організації робіт. Так, наприклад, він ініціював відновлення занедбаного Кловського палацу, щоб розмістити в ньому училище для дівчат духовного звання; за його проектом було організовано квартири для студентів Київської духовної семінарії. Зрештою на Петра Лебединцева поклали узгодження всіх планів будівництва церков у єпархії.

Проте «домашніми» клопотами єпархіального рівня увага Петра Лебединцева не обмежувалося. Він читав іноземні газети, складав власне судження щодо процесів у Католицькій церкві, вникав у загальноімперські

новини, і не лише синодальні, а й світські. «Тримати руку на пульсі» петербурзьких подій йому допомагав передусім брат Данило. У 1870 р. Петра Лебединцева разом із його другом, професором богослов'я Університету св. Володимира протоієреєм Назарієм Фаворовим, викликали до Петербурга для роботи у комісії, що розробляла реформу суду для духовенства.

Свої міркування щодо умов і устрою життя духовенства, щодо приходських завдань священиків Петро Лебединцев викладав у численних статтях, опублікованих на сторінках «Руководства для сельских пастырей» та «Киевских епархиальных ведомостей».

Для єпархіального духовенства Петро Гаврилович був передусім «всесильним» кафедральним протоієреєм, правою рукою митрополитів київських, оскільки вони, навіть якщо перебували на кафедрі довгий період (Арсеній, 1860–1876), то все одно проводили третину року у Петербурзі як неодмінні члени синоду, тож дивились на єпархіальні справи очима вікарних єпископів і членів духовної консисторії; однак фактично зазвичай покладалися на розважливу думку Петра Лебединцева.

У 1888 р. Петру Лебединцеву було дозволено носити на богослужіннях митру – головний убір як у єпископів, вкрай рідко жалуваний білому духовенству.

Діяльність Петра Гавриловича Лебединцева у сфері історії, краєзнавства й археології почалася як аматорська, однак саме вона принесла йому славу і визнання поза межами свого соціального прошарку, свого регіону і свого часу. Дослідження старовини і ведення в «Киевских епархиальных ведомостях» історичної рубрики стало тією справою, яка, разом із викладанням Закону Божого у гімназіях, сприяла зближенню Петра Лебединцева із інтелігенцією, зокрема з В.Б. Антоновичем, В.В. Юзефовичем, М. Максимовичем та іншими істориками й археографами, а також з меценатами, до яких належала родина Галаганів. Він був чи не єдиним кліриком, близьким до громадівців і повною мірою включеним до культурних процесів у Києві другої половини ХІХ ст.

Коло наукових інтересів Петра Лебединцева включало історію окремих храмів й монастирів, історію адміністративного устрою Православної церкви в Україні й богослужбових особливостей, життєписи й діяльність ієрархів, побут духовенства, історію Греко-католицької церкви, історію окремих місцевостей Києва і єпархії та інші питання.

Ще у Білій Церкві у 50-ті роки ХІХ ст., коли інтерес до старовини був нехарактерним для приходського духовенства, Петро Лебединцев як благочинний багато їздив по округу і поза ним, збирав скрині із нікому не потрібними архівами духовних правлінь і вдома розбирав їх, переписував, на їх основі складав довідки і в такий спосіб систематизовував отриману інформацію. Згодом, будучи кафедральним протоієреєм Софійського собору він так само розбирав архів собору. Працюючи у складі синодальної комісії у Петербурзі, Петро Лебединцев у вільний час (якого, за його скаргою, було забагато) досліджував архіви синоду, сенату, воєнного міністерства, міністерства юстиції та іноземних справ. Віднайдені документи видавав як археографічні пам'ятки.

Входив до Археографічної комісії для розбору давніх актів у Києві. Деякі з документів, переписаних Петром Лебединцевим та його помічниками, а також оригінали документів, що залишились в його колекції, зберігаються в Інституті рукопису серед паперів, переданих до Церковно-археологічного музею чоловіком племінниці Петра Лебединцева, священником Миколою Стасіневичем.

У листуванні Петра Лебединцева збереглися численні побіжні згадки про вивчення давньоруських і давньоукраїнських літописів, а серед документів – витяги з літописів і складені за ними хронологічні таблиці.

Проте найвідомішим і, можливо, найціннішим напрямом науково-дослідної діяльності Петра Лебединцева було дослідження розписів на стінах Софійського собору, Кирилівської церкви – разом з професором А.В. Праховим, Троїцької надбрамної церкви й Успенського собору Києво-Печерської лаври, церкви Спаса на Берестові. Він був ініціатором реставраційних робіт у Софійському соборі (із 1881 р.), під час яких під відносно новими олійними розписами було виявлено давньоруські фрески і мозаїки.

А з нього самого у Кирилівській церкві на розписі «Зішестя Святого Духа» Михайло Врубель написав одного з апостолів; також Петро Лебединцев, ймовірно, зображений у Софійському соборі в образі старця на розписі Івана Селезньова «Хрещення Господнє».

За розпорядженням митрополита, жодні значимі роботи із перебудови старовинних церков єпархії не могли проводитися без нагляду Петра Лебединцева. Передусім це було актуальним для київських храмів, проте його запрошували навіть у сусідні єпархії для обстеження й оцінки пам'яток. Найпомітнішим стало обстеження у 1892 р. разом із Адріаном Праховим Чернігівських пам'яток, зокрема Троїцького Іллінського монастиря.

Займаючись церковною археологією, він не лише брав участь у розкопках фундаментів церков, але й встановлював розташування давніх київських храмів, зіставляючи літописні згадки, віднайдені плани й археологічні відкриття, запропонував нову, більш точну реконструкцію східної частини града Ярославового. Про результати археологічних відкриттів і своїх спостережень Петро Лебединцев повідомляв у численних публікаціях у «Киевских епархиальных ведомостях», «Киевской старине», «Трудах Киевской духовной академии», «Трудах Московского археологического общества» та ін. виданнях, у рефератах, зачитаних у Церковно-археологічному товаристві, Історичному товаристві Нестора Літописця та ін. Більшість цих публікацій мали характер не наукової статті, а повідомлень, однак така форма цілком відповідала тодішньому рівню історичної науки – накопичення історичних знань.

Разом з тим Петро Лебединцев написав кілька монографій, присвячених Софійському собору, Києво-Печерській лаврі, Михайлівському Золотоверхому монастирю. Ці праці стали базовими для подальших досліджень і описів.

У 1870–1881 рр. він входив до комітету зі спорудження й встановлення пам'ятника Богдану Хмельницькому у Києві. Був гласним Київської міської думи, у 1869 р. входив до комісії із найменування і перейменування вулиць і площ

Києва, і з його легкої руки маємо Софійську і Михайлівську площі, Крутий узвіз, вулиці Ярославів Вал, Рогнідинську, Предславинську, Межигірську й інші.

Петро Лебединцев став членом-співзасновником Історичного товариства імені Нестора Літописця (1872) – єдиним з-поміж духовенства. Також він був одним з ініціаторів заснування Церковно-археологічного музею при Київській духовній академії (1873) і товаришем голови Церковно-археологічного товариства (1874–1883, 1889–1896). У 1874 р. очолював секцію церковних старожитностей на III Археологічному з'їзді, що пройшов у Києві. Був почесним членом Університету св. Володимира (1893), Слов'янського благодійного товариства, Московського археологічного товариства та ін.

На схилі життя він, не випускаючи з рук важелів управління та не втрачаючи інтересу до науки, зосередився здебільшого на благодійності, особливо щедро допомагав рідні, різним прохачам, з-поміж яких були й шахраї, котрі представлялись протоіерею його віддаленими родичами і просили допомогти отримати хороше місце служби. Петро Гаврилович не уточнював, чи дійсно це родич, не допомагав прямо, однак повідомляв про маловідомі вакансії, на які прохач міг претендувати. Після його смерті у Києві залишилося 20 стипендіатів в семінарії і духовних училищах.

Помер Петро Гаврилович Лебединцев 3/15 грудня 1896 р., незадовго до 77-річчя, від запалення легень. Був похований на Щекавицькому кладовищі поруч з рідними. Могила його не збереглася.

Протягом найближчого часу передмова і коментарі будуть допрацьовані.

Гаврило Григорович до Петра Гавриловича
3 травня 1849 р., с. Зелена Діброва

Ф. I, № 2555a

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ получ[ено] 8 мая 1849 г.

Любезный сын, Петр Гаврилович!

22 апреля получил я твое письмо, в котором ты извещаешь меня об избрании себе невесты в г. Житомире у протоиерея и ключаря тамошнего собора отца Наркиза Новицкого¹. Господь, презираясь свыше на дела человеческие, да благословит такое твое намерение и даст тебе друга по сердцу твоему! Молю о сем Господа, доселе твою жизнь соблюдавшего и всегда меня утешавшего тобою, подобно прочим твоим братьям, и благословляю тебя на новый путь твой. По твоему желанию, вместо усопшей матери твоей², благословила тебя на сие дело бабушка твоя, /1 зв./ теперь крайне ослабевшая.

При сем сокрушаюсь сердцем, что много заботившаяся о вас всех мать ваша так рано вас оставила³. Итак, сын мой, помолись Богу о душе матери своей и припомни ее наставления, главное, что успех во всяком добром деле зависит от обращения человека к Богу при начале дела, да молитвою к Богу предавайся в волю Божию.

Я весьма рад, что ты избрал себе друга из семейства духовного лица, где всегда надежнее воспитание детей по вере и благочестии, наиболее там обретаемому⁴.

¹ Наркис Маркович Новицкий був братом Ореста Новицького, професора філософії КДА.

² Марфі Михайлівні Лебединцевай, матері Гаврила Григоровича, у 1850 р. було 74 р. (ЦДІА, ф. 127, оп. 1011, спр. 1653, арк. 178 зв.).

³ Фекла Йосифівна (у дівочтві Вакуловська), померла менш як за рік до того, 7 липня 1848 р. Про Феклу Йосифівну розповідає Андрій Гаврилович у своїх спогадах в КС (Лебединцев Андрей. Мои воспоминания // КС, 1900, № 7-8, с. 142-210) та племінник Петра Лебединцева, священник Іоанн Гордієвський у першій частині статті: Памяти кафедрального протоиерея Петра Гавриловича Лебединцева. КЕВ. 1897. № 5, ч. неоф. С. 250-262.

⁴ Про сватання Петра Лебединцева до Олександри Наркисівни Новицької її батько так писав до свого брата у Київ (ІР НБУВ, ф. III, № 63422):

В продолжение прошедших праздников у нас гостил профессор философии и эконо́м Киевской семинарии, магистр, Петр Гаврилович Лебединцев, и за день до отъезда, в присутствии г-жи Суковской, двух св[идетел]ей – Эремича и Ливинсона, да дочери Иоанны, просил у нас руки нашей Саши. Молодой этот человек, которого здесь полюбили все наши знакомые, понравился и нам и показался женихом приличным для нашей дочери; за всем тем мы уклонились, под благовидным предлогом, от дачи родительского слова до следующего Зеленого праздника, в том единственном предположении, чтобы чрез Вас – как местного киевского обывателя и лучшего нашего друга и советника, собрать к тому времени ближайшие о нем сведения и узнать Ваше мнение.

Поэтому покорнейше просим Вас, любезнейший брат, не потяготиться разузнать хорошенько под рукою о характере, поведении и качествах г. Лебединцева и, в

Благословляющий тебя родитель твой священник Гавриил Лебединцев.
1849 года мая 3-го.
Зелена Дуброва.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
[листопад 1849 р.⁵, с. Зелена Діброва]

Ф. 154, № 98

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Здоровье мое все плохо, несмотря на все усилия козачанского⁶ доктора, а между тем вот уже четвертый месяц как я в отпуске. Вижу по всему, что здоровье мое не скоро поправится. Нужно бы посоветоваться с киевскими эскулапами, но я теперь очень ослабел от разн[ых] медикаментов и не знаю, можно ли мне пуститься в дорогу, а между тем мой доктор уехал в Одессу. Что будет, то будет, а будет то, что Бог даст. /1 зв./ Моя голова закрутилась уже от дум. Я все уже передумал, и в итоге все выходит – сидеть и терпеть.

Прощай брат и будь здоров и счастлив. Твой брат Данил Лебединцев.

Кланяйся Феофану и о. Иакову⁷ с семейством.

Иногда мне приходит на мысль вовсе уволиться от училищной службы, а иногда думаю попроситься в Богуслав в инспекторы, если не утвердят или в Уманском [...] Андрея.

Тетушка Ефросиния Григорьевна⁸ просит узнать о ее сыне Филимоне, жив ли он или умер.

непродолжительном времени, уведомить нас о последующем, с Вашим об нем мнением. И если только сведения, какие успеете собрать об этом молодом человеке, окажутся благоприятными, мы с удовольствием примем его предложение...

Одружилися 18 серпня 1849 р. у Житомирському кафедральному соборі. Наречений було 16 років, а Петру Гавриловичу – 29 (ЦДІА, ф. 712, оп. 1, спр. 105, арк. 4, 5).

⁵ Данило вийшов у відпустку 29 липня 1849 р. (Кузьміна С.Л. Вихованці Київської духовної академії брати Лебединцеві: історичний тип і особистості // Бібліографічний підхід у вивченні історії та спадщини Київської духовної академії (1819–1924) : [Збірник наукових праць]. – Київ: КМА, 2016. – С.99–121; надалі усі дати з послужного списку Данила Гавриловича подаються за цією статтею). Вдома лікувався від ревматизму, спершу у батька, в Зеленій Діброві, а потім у безкоштовній лікарні, заснованій О. Бобринецьким у Смілі (Гордиевский И. Даниил Гаврилович Лебединцев (Некролог) // КЕВ, № 19, с. 877–882).

⁶ Сусіднім із Зеленою Дібровою було село Козацьке (але волось і церква – козачанські), в якому знаходилась резиденція і управління маєтками Івана Івановича Фундукля, київського цивільного губернатора (1839–1852). Ймовірно, там був кращий лікар, ніж в Зеленій Діброві.

⁷ Завадський Яків Васильович (1792–1855) – настоятель київської Андріївської церкви у 1843–1855 рр. Був родичем братів Лебединцевих, ймовірно, по матері, оскільки після його смерті настоятелем Андріївської церкви став Іоанн Дмитрович Шаббатович, чоловік Олени Яківни, родички Лебединцевих по матері.

⁸ Сестра Гаврила Григоровича Лебединцева, Єфросинія Григорівна Проценко.

Арсеній Гаврилович до Петра Гавриловича
10 лютого 1850 р., [м. Севастополь]⁹

Ф. 154, № 63¹⁰

/1/ Любезнейший Брат, Петр Гаврилович!

Ныне похвалиться тебе в новом году и что сказать нового? Благодарю Бога, мо[гу] сказать новость весьма рад[о]стную: с 28-го генваря я называюсь отец, потому что имею сына, коего назвал во имя равноапостольного князя, здесь преставшегося, Владимиром. Рекомендую тебе, любезный дядя, /1 зв./ сего племянчина¹¹. Славный мальчик, только прибавил довольно лишних хлопот, особенно своей маменьке. Рекомендуй его Феофану и Александре Нарцисовне, свидетельствуя и от нас любовь нашу искреннюю. Прочее в кругу моей жизни и службы так обыкновенно, что вчерашнего дня от нынешнего нечем отличить. Товарищей, тебе известных, нет, знакомых, которые могли бы интересоваться любопытство, тоже нет. Березин¹² протоиерействует в самом центре Южного /2/ берега, в уездном городе Ялте, который не в обиду ему сказать, не много больше Щербакова [Эчтара]¹³. Но в других отношениях это пункт видный, особенно если царская фамилия летом на[...] посещать южный берег и пров[о]дить там время. Севастоп[о]льские знаменитые доки сухие 2[...] генваря уже открыты.

Домой пишу сегодня же. Женятся и [посягают] наши: благослови их Господь¹⁴. Что Господь творит с Даниилом? Я сильно беспокоен о его здоровье; писал к нему, /2 зв./ но еще не получал ответа. Пока дает ему Господь укрепиться, нужно позаботиться о службе, чтобы не отстать от нее. Подал ли он прошение о переводе в Киев?

Записки твои чрез месяц возвращу с великою благодарностию.

Саша и Марта¹⁵ целуют тебя и Александру Нарцисовну. Будьте здоровы и к нам пишите.

Любящий тебя брат Арсений Лебединцев.

⁹ Арсеній Гаврилович із вересня 1849 р. був настоятелем Севастопольського Петропавлівського собору.

¹⁰ Поля аркушів покриті, тому деякі слова обірвані.

¹¹ Володимир Арсенійович Лебединцев (1850–1908) відомий як член цивільного департаменту Одеської судової палати.

¹² Іоанн Федорович Березін був випускником КДА (1841–1845), у 1847–1849 рр. служив в Одесі, доки не був переведений до Криму.

¹³ Нерозбірливо

¹⁴ Андрій Гаврилович Лебединцев одружився із донькою звенигородського протоієрея (благочинного) Симеона Ясинського і отримав у лютому 1850 р. священицьке місце у селі Лузанівці (зараз Кам'янський р-н) неподалік від Зеленої, де була резиденція Красовських (Лебединцев А. Мои воспоминания // КС, 1900, № 7).

¹⁵ Дружина Арсенія Гавриловича, Олександра Сидорівна, уроджена Гербановська (1828–1876). Марта (Марфа) Гаврилівна – сестра, навчалась у Севастопольському пансіоні – Дівочому училищі, для дітей нижчих морських чинів. У 1849 р. їй було 14 років (ЦДІА, ф. 127, оп. 1011, спр. 1653, арк. 177 зв.). За відгуками братів, мала дуже важку вдачу. В цьому збірнику вміщено один збережений її лист до Петра Гавриловича.

10-е февраля 1850 г.

**Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
26 жовтня 1850 р., [с. Зелена Діброва]**

Ф. III, № 3580

/1/ 26-е окт[ября] 1850 г.

Любезнейший брат Петр Гаврилович!

Возвратившись домой из Умани (30-го сент[ября]), я застал три или четыре твоих писем, написанных на одну и ту же тему, именно: «О подлости монашеской». Хотя я привык к этим и подобным вещам от младых ногтей, но при текущих моих обстоятельствах¹⁶ не мог сего перенести... Земля наша велика и обильна; но монахов в ней много. Много их везде; но в Киеве, я думаю, теперь и к ветру нельзя сходить без того, чтобы не столкнуться с монахом. Нужный народ – духу напускают. А чтобы... Ну, да Бог с ним, пусть себе напускают. /1 зв./ Люблю и уважаю монашество в идее; но в настоящее время монашество тем так удалилось от православного древнего образа жизни, то его скорее всего нужно назвать путем широким...

Настоящие монахи – не монахи, а мы – бесчиновные чиновники ведомства обер-прокурора Святейшего Синода, – жалованье апостольское, страдания мученические и награды – ту не прияте, ту не дадите!.. Мы не дали обетов добровольно, но соблюдаем по необходимости. Правительство обеспечивает судьбу православного сельского духовенства, а о существовании наставников оного сельского духовенства как будто и не знает!!!

Довольно о сем. Пришел староста – едет в Звенигородку. Теперь к делу! Нет ли чего-нибудь обо мне из Петербурга? /2/ Наскучило уже лечиться – пора на службу. Если обо мне еще ничего нет, то по крайней мере решено ли дело о Троцком¹⁷ и его преемнике и моем приемнике по Кишиневской кафедре?¹⁸ А

¹⁶ Згідно некролога у КЕВ, у Данила в Кишиневі була наречена, яка, однак, не дочекалася його, вважаючи мертвим, і вийшла заміж за іншого (Гордиевский И. Даниил Гаврилович Лебединцев (Некролог) // КЕВ, № 19, с. 877–882).

¹⁷ Ймовірно, йдеться Троїцького Платона Олексійовича, професора КДС та його відрядження вивчати християнські святині Сходу (ЦДІА, ф. 712, оп. 1, 1850 р., спр. 45). У подальшому прийняв постриг із іменем Петра і продовжував викладати в КДС.

Троїцький Платон Олексійович (у постригу – Петро; 1811–1873) – випускник КДА (1835), викладач КДС, у 1853 р. – січні 1857 р. – її інспектор, до липня 1858 р. – ректор. Надалі служив у посольських церквах у Константинополі і Афінах, із 1869 р. рукопокладений у вікарного єпископа Кишинівської єпархії.

¹⁸ У листопаді 1850 р. до Кишинівської ДС був призначений М.В. Неводчиков (архієп. Неофіт), випускник МДА, секретар російського дипломата О.С. Стурдзи, що служив у Молдові. Згадується у подальших листах (див. примітку до листа Петра Гавриловича від 11 червня 1860 р.).

от[ец] Дорохтей и Богуславск[ий] начальник Феодор¹⁹? Мож[ет] б[ыть], судьба меня и сюда толкнет, также утверждены на представленные в Волыnsk[ой] и Подольск[ой] семинарии и проч., и проч., что сюда относится? Разрешено ли выдать мне из Киш[иневского] сем[инарского] правл[ения] жалованье за 4-ре месяца? Во всяк[ом] случае, если бы даже решение духовно-учебн[ого] управления было для меня неблагоприятно, мне нужно знать скорее решение своей участи. Я не подавал в Академич[еское] правл[ение] прошения об отпуске, потому что в прежнем моем прошении в Ак[адемическое] пр[авление] я между прочим писал, что поелику Правлением /2 зв./ Академии я представлен к увольнению от училищной службы при Кишин[евской] семинарии и на мое место высш[им] училищ[ным] начальством может быть уже определен другой, что я и не могу отправиться теперь к месту своей службы в г. Кишинев. Академич[еское] правление на сие ничего не сказало. Значит, оно признало мое прошение резонным²⁰.

Батюшки нет в доме – уехал в Лузановку на храм²¹. Андрей на днях писал к батюшке: «Кажется, последовал уже решительный перелом к лучшему в нашей супружеской жизни. С последнего нашего возврата в Лузановку (последних чисел сент[ября]) время прошло совершенно мирно, согласно и нелицемерно, так что за неимением служанки часто своими руками вдвоем и жар разгребаем».

Все наши родные здравствуют. Умерла жена Борымского и жена Семена Михайловича, в Зеленой квартируют саперы, и Никифору повитку поставили! Вот наши новости!

Прощай. Твой брат Д. Лебединцев.

/1 на полях/ NB. Тебя и твою жену Александру Наркисовну и меня по повелению местн[ого] начальства, т.е. письмоводителя Звен[игородского] дух[овного] правления и благочинного записали в ревизскую книгу Зеленянской Николаевской церкви!!!!!!!!!!!!!!

/2 на полях/ О. Антоний²² судит обо мне по вывеске, поэтому и мне что не хочется попасть в Киев[скую] семинарию, чтобы при случае доктор богословия,

¹⁹ Ієромонах Дорофей – наглядяч Києво-Подольських духовних училищ. Цього року він, із виконувача обов'язки, був затверджений у статусі дійсного (ЦДІА, ф. 712, оп. 1, 1850 р., спр. 31).

Ієромонах (цього ж року – вже ігумен) Феодор – наглядяч Богуславського духовного училища.

²⁰ Данило був звільнений від училищної служби 17 жовтня 1850 р.

²¹ До свого сина Андрія Гавриловича; у Лузанцівці храм св. Димитрія Солунського (день пам'яті 26 жовтня за юліанським календарем).

²² Антоній (Амфітеатров; 1815–1879) – ректор КДС із 1845 р. За три місяці, у січні 1851 р. призначений ректором КДА (до 1859 р.); доктор богослов'я. Племінник тодішнього митрополита Київського Філарета (1837–1857). У 1858–1859 рр. був вікарним єпископом Чигиринським, потім переведений на самостійну кафедру, Смоленську, а згодом Казанську. Вирізнявся доброзичливістю і аскетичним способом життя, був противником орієнтації на світські цінності й успіх у церковному житті.

коего мне[ния] не посра[...]»²³, не сказать: Вы ошибаться изволите. Мы не так глупы, как с первого разу кажется.

Арсеній Гаврилович до Петра Гавриловича
31 липня 1851 р., м. Севастополь

Ф. I, № 25556

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ 9-го августа 1851 г.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

С радостию я прочел письмо твое и порадовался о твоём житье. Я недавно из Одессы возвратился: там встретился с одним учителем вашей гимназии²⁴, который передал мне, что тебя там все полюбили и тебе жить весьма хорошо. Должность благочинного тоже вещь хорошая в службе: за 12 л[ет] по закону дается орден св. Анны, и в нашей епархии 5 человек получили эту награду. Но это можно и в сторону; было бы здоровье да хлеб насущный. А что останется лишнее, то откладывай на путешествие в Крым. Оно для здоровья весьма полезно. Ужели нельзя переменить квартиры, если эта местность нездорова? И береги всячески, брат, свою супругу, я скажу тебе, как сказал мне теперь владыка! Поцелуй милую Александру Нарикиссовну за меня, за мою Сашу и за моего милого Володю, которые доселе /1 зв./ остаются в Одессе. Я ходил туда нарочно за ними, но время Сашино было уже так близко, что я побоялся рисковать и по желанию родителей²⁵ оставил все на попечение их. Благодарение Господу за Его благословение! Еще никакой, впрочем, вести не получал.

В бытность мою в Одессе был там ревизором Иван Михайлович с Константином Ивановичем²⁶ (который а propost²⁷ изъявил мне сожаление, что ты

²³ У березні 1851 р. Данило Гаврилович подав прохання про зайняття вакансії у КДС, але отримав відмову. Однією з причин відмови названо те, що його вже представлено на службу до Воронежської ДС (ЦДІА, ф. 712, оп. 1, спр. 108, арк. 1-1зв.). Невідомо з яких причин, але і це призначення не відбулося, натомість до Воронежської, замість Вятської, ДС був призначений Феофан Гаврилович, який того ж року закінчив КДА.

²⁴ Білоцерківської гімназії, де Петро Гаврилович служив законовчителем.

²⁵ Батьки Олександр Сидорівни – Євгенія Михайлівна (1800[3]–1875) і протоієрей Ісидор Миколайович Гербановський (1783–1854), випускник старої Київської академії, сподвижник митрополита Гавриїла (Бенулеску-Бодоні). Із 1820 р. чи з 1821 р. (Про різні версії див.: Сапожников І., Аргатюк С. Историк, поэт и краевед Н.И. Гербановский // Південний захід. Одесика. Історико-краєзнавчий альманах. Вип. 28. Одеса: Друкарський дім, 2020. С. 8–36) служив у різних церквах Одеси, зокрема й в кафедральному соборі, до 1835 р. обіймав різні посади в органах епархіального управління (Духовенство Одессы / Сост. В.А. Михальченко; Музей «Христианская Одесса». Одесса, 2012. С. 106–108).

²⁶ Скворцови Іван Михайлович (1795–1863) і його син Костянтин Іванович (1821–1876), викладачі КДА. Іван Михайлович служив під керівництвом майбутнього архієпископа Інокентія як ректора КДА і був одним ключових авторів «Воскресного чтения».

До 1867 р. духовні семінарії підпорядковувалися Окружним правлінням при духовних академіях, що були центрами духовних навчальних округів.

увез из Киева украшение их общества, т.е. А[лександр] Н[аркиссовну], и даже удивляется, что заставило тебя идти в Белую Церковь, когда у тебя лучшие, чем у других, были средства к жизни²⁸). Константин Ив[анович] был у нас на хуторе, где мы провели время приятно, вспоминая о Киеве. Владыка наш²⁹ был оч[ень] рад приезду Ивана Михайловича и своим радушием был большой помехой в ревизии. «Ну, Иван Мих[айлович], завтра экзамен пусть будет в моей домово́й церкви», – и бысть тако. «Послезавтра у меня на хуторе», – и потащит всех членов за 12-ть /2/ верст от города. Иван Михайл[ович] возьмется за правление, как тут является владыка: «Едем купаться. Он (секретарь) напишет, а вы подпишете». Так что ревизор сказал, наконец: «Ваше Высокопреосвященство, только мешаєте нам».

О брате Данииле благодарю за подробные известия. Мне писал о выезде его³⁰ о. Яков и Феофан, и так кратко, что многое непонятное заставляло меня беспокоиться. Дай Господи ему денег. Если он доселе ничего о себе не пишет, то не пора ли к нему аукнуть. Ты, вероятно, знаешь, куда адресовать ему письмо. Его характер страшно как изменился.

Пришедши из Одессы, я застал письмо Феофана. Меня оно обрадовало тем более, что о. Яков прежде написал о Феофане что-то такое загадочное... А выходит, что у него курсовое не готово. Феофан просил у меня совета насчет будущего, и отвечать к 1-му августа, до которого он пробудет в Киеве. Между тем в Одессе от Григория Максимича /2 зв./ возвратившегося из родины, узнал, что папенька с Никитой Василичем³¹ выслал за Феофаном в Киев; потому полагаю, что его возьмут домой, и письмо мое не застанет в Киеве, я не отвечал ему. Буду отвечать в Зеленую.

Я не понимаю, на какие хорошие места принимает владыка наш воспитанников Академии? Их (мест) нет во всей епархии. Впрочем, владыка в дороге, скоро будет к нам; я спрошу, и тогда дам ответ. Иное место только для службы хорошо. И владыка любит поощрять. 18-го июня он дал предложение консистории «настоятелю и благочинному NN Арсению Леб[единце]ву за

²⁷ А □ *proposit* (à propos) – між іншим або з приводу (франц.), сталий вислів.

²⁸ Викладаючи у КДС, Петро Гаврилович, крім жалування, отримував «квартирні» кошти і класний оклад (ЦДІА, ф. 712, оп. 1, спр. 143).

²⁹ Інокентій (Борисов; 1800–1857), архієпископ Херсонський і Таврійський у 1848–1857 рр. Випускник КДА (1819–1823). У 1830–1840 рр. був ректором КДА і дуже поживав навчальний процес в ній, залишив по собі добру пам'ять. Особливо прихильно ставився до Арсенія Гавриловича. В УПЦ канонізований в чині святителя.

³⁰ Звільнення з Кишинівської ДС завершило службу Данила Гавриловича у духовно-училищному відомстві, і він поїхав до Петербурга, щоб вступити на службу до Синоду. І. Гордієвський у статті-спогадах повідомляє таку історію: обер-прокурор, дізнавшись, що він брат Петра Лебединцева, відразу дав Данилові Гавриловичу місце столоначальника в канцелярії Синоду, а потім обер-секретаря (Гордиевский И. Памяти кафедрального протоиерея Петра Гавриловича Лебединцева. КЕВ, 1897, № 9). Однак це малоімовірно, оскільки вже 22 липня 1851 р. Данило Гаврилович перейшов до Військового міністерства, інспекторського департаменту.

³¹ Гордієвський Микита Васильович (бл. 1811–1856) – зять Гаврила Григоровича, чоловік Єфросинії Гаврилівни, служив у с. Воронівці неподалік від Зеленої Діброви. Їхній син, священник Іоанн Гордієвський, став «біографом» братів Лебединцевих.

примерные труды по своим должностям и неослабное содействие епархиальн[ому] начальству в восстановлении в Крыму свящ[енных] развалин Херсонесса и Инкермана изъять полную пастырскую признательность с вписанием того в послужный список», и таковая мне объявлена. Спасибо; но признаюсь, и хлопот пропасть. Едет другой раз в Крым, а осенью опять будет. Сегодня ожидают у нас морского министра, князя Меншикова³². 16-го числа был принц Ольденбургский³³.

Будьте здоровы и вовеки благополучны, дорогие наши.

Любящий брат Ваш пр[отоиерей] Арсений Лебединцев.

31-го июля 1851 г.

г. Севастополь.

**Гаврило Григорович до Петра Гавриловича
18 сеп[тября] 1851 р., с. Зелена Діброва**

Ф. 154, № 78

/2/ Любезнейшие дети Петр Гаврилович, Александра Наркизовна и сестрица Ефросиния Григorieвна!

Желаю вам о Господе радоваться.

Печальное сетование и горестные слезы дома моего о смерти любезнейшей моей родительницы подали мне причину сим вас известить. 14, августа в 8 часа покойница волею Божиею преставилась от сея жизни временная в вечную. 16 же августа пять священников и три диакона соборне предали /2 зв./ покойницы тело земле. Да упокоит ее Господь во царствии Своем и да сотворит ей вечную память.

Прочие наши, слава Богу, живут и здравствуют, чего и вам усерднейше желаю. Удивительно мне, что наш Феофан и до сих пор ко мне не приехал, и где он находится, ничего об нем и о Данииле не слышу, и тем скорблю, благодарю подвижника моего Арсения, что ко мне часто озывается. Вот, приехавши я с Киева, получил от его /3/ письмо, они, слава Богу, здравствуют и благополучествуют, чем я радуюсь. Каково Александре Наркизовне, здравствует ли? Прошу уведомить также о себе и о тетушке, и о братиях, если что вам известно. Кланяется вам Мартка³⁴ и тетушка Улиана Григ[орьевна].

Прощайте. Остаюсь вас любящий и благословляющий родитель священник Гавриил Лебединцев.

Сестрица, кланяется вам ваша коровка, она здравствует.

Августа 18, 1851 года.

³² Меншиков Олександр Сергійович (1787–1869) – морський міністр Російської імперії у 1836–1854 рр.

³³ Петро Георгійович, принц Ольденбургський (1812–1881) був членом і з 1851 р. головою Учбового комітету при канцелярії імператора, тому приїжджав до Одеси, ймовірно, у справах середніх навчальних закладів.

³⁴ Марфа Гаврилівна Лебединцева.

Зеленая

Новостей в нас никаких нет, а дождя как у Киеве видел, и до сих пор нет, и засуха очень досадная.

Прошу усерднейше, приедьте ко мне на сороковый день покойнице.

**Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
1 січня 1852 р., м. Санкт-Петербург**

Ф. 154, № 79

/поштовий папір з кольоровим зображенням Казанського собору в Петербурзі/

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ получ[ено] 10-го генваря

1-е генваря 1852 года

Любезнейший брат Петр Гаврилович.

С новым годом поздравляю тебя. Извини, брат, что я так долго не отвечал на твои письма. Мешала частию служба, а частию то, что мне хотелось выполнить твои поручения. Ты хочешь знать, какую я занимаю квартиру, как служу, как провожу время тут. Хвалиться нечем, впрочем, я удовлетворю твоему желанию.

Живу в огромном 6-этажном доме в 4-м этаже, нанимаю вдвоем с чиновником Св. Синода Коллежинским одну комнату (с одним окном) от жильцов, /1 зв./ со столом, части и прислугою – платим по 13 р. сер. от носа. Конечно, не роскошно, но существовать можно. Встаю чуть свет, напьюсь чаю и сей час в департамент; возвращаюсь на квартиру в 5-ть часов, обедаю и ложусь отдыхать; в 8-мь часов встаю пить чай, потом, если погода благоприятствует, гуляю по Невскому проспекту (моя квартира недалеко от Нев[ского] проспекта) при газовом освещении; возвратившись, ложусь спать, и просыпаюсь, когда опять пора лететь на службу. Так живет большая часть чиновной братии в С[анкт]-Петербурге. Вечером иногда захожу к Григорию Павловичу³⁵, Тимофею Матвеевичу Соболевичу и [И.В.] Писареву, а также иногда к Артемовскому Семену Степановичу³⁶. Григорий Павло[вич] /2/ столоначальником в

³⁵ Родзаєвський (Радзаєвський, Радзиевський) Григорій Павлович, Писарев Іван Васильович, Соболевський Дмитро Петрович і Зефіров Іван Іванович були однокурсниками Петра і Арсенія Лебединцевих у КДА (1839–1843). Про І.І. Зефірова відомо, що він відразу після закінчення КДА став помічником секретаря Київської духовної консисторії, а звідти перейшов до надзвичайної канцелярії головного управляючого шляхами сполучення і публічними будівлями (ЦДІА, ф. 711, оп. 3, спр. 296). У некролозі Данило Гавриловича у КЕВ згадано, що завдяки Петру Львовичу Соболевському він вступив на службу до воєнного відомства.

³⁶ Гулак-Артемовський Семен Степанович (1813–1873) – видатний співак і композитор. Навчався в КДС одночасно зі старшими трьома Лебединцевими, але на курс раніше за Арсенія і Петра. Походив із Черкащини, м. Городище неподалік від Зеленої Діброви. Данило Гаврилович співав в хорі Академії (баритон), і в Петербурзі простежується київська співацька лінія його знайомств, і кишинівська, і земляцька.

инспекторском департаменте Военного министерства. Тимофей Матвеевич столоначальником в департаменте разных податей и сборов (Министерство финансов); Иван Васильевич Писарев помощником секретаря в канцелярии Клеймихеля³⁷; Димитр[ий] Петрович Соболевский помощником столоначальника в департаменте воен[ных] поселений, но теперь переходит в Смольный институт преподавателем. [И.И.] Зефиров служит столоначальником по ведомству Клеймихеля. Я не имел случая встретиться с ним. [С.С.] Артемовский (которого ты помнишь певчим в Михайловском хоре) артист придворных театров, живет барином.

О твоих поручениях. «История» Филарета Рижского³⁸ отпечатана уже, но еще не получен билет от цензора на выпуск в свет, и цена неизвестна. Я все поджидал этого билета, это, между прочим, [стало]³⁹ причиною, что опоздал ответом. Петр Яковлевич Неведомский [тоже] и Горбатиенков с 1840 года по /2 зв./ настоящее время не [...] в числе выбывших из Александровского полка; значит, он должен быть там же. Напиши, когда он поступил в службу т.е. в каком году – этим путем скорее можно отыскать его. У нас нет именных списков рядовых, а доносится точно о выбывающих и поступающих вновь, а также о переводимых из одной команды в другую с означением имени и фамилии. Парча в С[анкт-]Петербурге привозная из Москвы, и поэтому я думаю, она дороже, чем в Москве. Купец, в лавке которого я был по этому делу, советовал, чтобы ты написал письмо по прилагаемому адресу, а он вышлет тебе образцы и объявит цены. Показывал мне парчу по золотому полю с красными бархатными крестами – арш[ин] 3 р. 75 к. сер. (на две ризы и стихарь, говорит, нужно 27 аршин). В синодальной лавке есть в продаже Четви-минеи, цена 25 р. сер. с копейками без пересылки.

Феофан уволен от Вятской семинарии, представление Киев[ского] академического прав[ления] о назначении его в Подольскую семинарию поступило, как говорили мне, пред праздником, но по случаю наступления праздника ничего еще по этому не сделано. В Синоде заседания начнутся после Крещения. У нас С. Д-т ходят на 2 день праздника. Сегодня я сижу дома и не делаю визитов даже начальству, меня беспокоит лихорадка. Впрочем, это пройдет.

/1 зв. на полях/ Аршин французск[ого] моаре⁴⁰ в С. Петербурге 2 р. сер., впрочем, Ольга Васильевна показывала мне белое французск[ое] моаре на мантильи, которое она брала по 1 р. 75 к. сер. Иван Тихонович служит теперь в Д[епартамен]те внешней торговли. Иван Васильевич в декабре уехал в Уфу

³⁷ Граф Клейнміхель Петро Андрійович (1793–1869) – головний управляючий шляхами сполучення і публічними будівлями, тобто міністерства шляхів сполучення (1842–1855). Його особа була широковідомою, а прізвище – майже називним.

³⁸ П'ятитомна «История Русской Церкви» архієпископа Ризького Філарета (Гумілевського) опублікована вперше у 1847–1848 рр.; можливо, йдеться про перевидання, яких було багато.

³⁹ Моя вставка

⁴⁰ Муар – французькою *moiré*, за старорежимною дворянською вимовою читається саме «моаре», а не «муар», як за сучасною орфографією.

(Оренб[ургская] губ.) стряпчим по удельному ведомству – место, говорят, оч[ень] хорошо.

Александр Наркиссовне свидетельствую мое нижайшее почтение и прошу извинения за то, что до сих пор не собрался написать о Петербурге. Как здоровье Александры Наркиссовны?

/2 на полях/ Петр Г[аврилович]! Григорий Павлович все-таки ожидает от тебя ответа. Напиши, ради Бога, к нему, я тебя покорнейше прошу об этом. Он такой добрый.

Мне обещают дать награду после праздника за службу в Киш[иневской] семинарии. Так по крайней мере говорил столоничальник духов[но]-учебн[ого] управления чиновнику, которому я поручил провести об этом. Да, это было бы оч[ень] и оч[ень] нехудо, потому что /1 зв. збоку/ с меня вычитают по 7 р. сер. в месяц за чин, да кроме того я взял заимообразно из вспомогательного капитала 45 р. сер. на обмундировку с выплатой из жалованья в продолжении года.

/1 на полях/ Спасибо тебе, брат, что ты, и сам нуждаясь в деньгах, не забыл обо мне. Я никогда не забуду этой деньги, которая была так вовремя и так кстати. Прощай, брат, будь здоров и счастлив. Твой брат Д.Л.

Г[ригорий] Павл[ович], Тим[офей] М[атвеевич] Соболевич, [И.В.] Писарев и Иван Тихонович кланяются тебе.

Недавно был у Григория Павловича Алексей Антонович Лакерда⁴¹ из Киева, и я там был.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
25 січня 1855 р., м. Біла Церква

Ф. III, № 6714

/1/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

В праздник Рождества Христова был я в Зеленой и в письме твоём читал жалобу твою на молчание братьев. Может быть, большая часть вины такой падает на мою долю; не оправдываюсь перед тобою. Но бывают обстоятельства в жизни, в которых удобнее есть молчанию; сохрани тебя Бог от них.

Благодарю тебя за добрую память о покойнице Сапиньке⁴², выраженную в письме твоём; она всех любила родных наших, и по своей доброте сердца достойна всегдашней памяти. Спасибо тебе за образ святителя Тихона⁴³; я всегда уважал этого достойнейшего Пастыря и любил его исполненные поми[...]

⁴¹ Лакерди – заможний київський купецький рід грецького походження, що мешкав на Подолі. Антон Пилипович Лакерда був Київським бургомістром у 1820 р., 1829–1831 рр.

⁴² Олександра Наркисівна Лебединцева померла 9 вересня 1853 р., похована у Білій Церкві біля вівтаря Маріє-Магдалинської церкви на Заріччі.

⁴³ Тихон Задонський, єпископ Воронежського, який останні роки жив у Задонському монастирі Воронежської єпархії. Був канонізований у 1861 р.

творения, /1 зв./ и потому очень обрадовался твоему подарку. Теперь он в позолоченной рамке.

Из письма твоего к Батюшке я узнал приятную новость, что ты – магистр⁴⁴. Приветствую тебя с этим титулом; оно хоть и не много выше кандидата, но в духов[ном] звании много имеет преимуществ, по крайней мере по внешности, [...]. Радуюсь и тому, что служба твоя идет хорошо в Воронеже, который ты, впрочем, не очень жалуешь. Аттестация о. Леонтия⁴⁵ мне кажется невероятною, ибо нельзя официально назвать перемещение в Киевскую семинарию⁴⁶ наградой, когда эта семинария ничем решительно не возвышена пред прочими, а в материальном отношении уж верно ниже вашей Воронежской, лучшей в этом по округу.

/2/ Все твои помышления устремлены на родину; [так] было когда-то и со мною в первые годы службы в Орле, но тогда были другие обстоятельства нашего семейства⁴⁷. С[олг]ан изумляется дешевизне припасов жизненных и всего в Воронеже и в Воронежской губернии; это много значит для удобства жизни. У нас деньги ни по чем, а все страшно дорого, – пуд муки ржаной – 60 коп. серебр[ом]. Впрочем сам имаше не только возраста, но и степень магистра.

После полуторагодичного одиночества меня теперь развлекает семья брата Арсения, которую переселил к себе к новому году. Их пребывание у меня большое удовольствие для меня, а для них все же веселее чем в деревне Зеленой, и удобнее сообщение почтовое. Сынки Арсения чудо какие хорошенькие мальчики, молодцы на суше и на морях! Последнее письмо Арсения было от 14-го генваря, он здоров и остается на своем посту, очень опасном, ибо одна бомба отбила карниз у дома, другая упала за кухню; было и на дворе; 13-го ноября ядро влетело в церковь⁴⁸. Но он не теря- /2 зв./ет присутствия духа; за царем служба не пропадет, за Богом молитва – он уже представлен к награде, хоть и не из-за нее подвергал себя опасностям. 21-го дек[абря] осколок бомбы в 20 фунтах

⁴⁴ Кандидати богослов'я першого розряду (як Феофан) мали право отримати ступінь магістра, виступивши два роки за духовно-училищним відомством.

⁴⁵ Оскільки переведення здійснювалося з подачі Академії, то ймовірно, що йдеться про архімандрита Леонтія (Лебединського; 1822–1893) – у 1852–1856 рр. інспектора КДА. Він був випускником Воронежської ДС, у 1847–1852 рр. інспектором КДС. У подальшому став архієпископом Херсонським (1874–1875) і Варшавським (1875–1891), в цих єпархіях служили відповідно Арсеній Гаврилович і Феофан Гаврилович. Помер митрополитом Московським.

⁴⁶ Феофан закінчив КДА у 1851 р. у званні старшого кандидата. У вересні 1851 р. був призначений викладачем словесності до Вятської ДС, але у липні 1852 р. Академічне правління виклопотало переведення його до Воронежської ДС викладачем світської історії. У липні 1855 р. офіційно отримав переведення до КДС викладати російську словесність і латину.

⁴⁷ «...тогда были другие обстоятельства нашего семейства» – Феофан і Андрій Гавриловичі навчались в КДС, коли Петро Гаврилович у квітні 1846 р. був переведений із Орла до Києва.

⁴⁸ За щоденником Арсенія, це відбулося 13 жовтня 1854 р.

хлопнувши в стіну, перепугав до смерті архимандрита Митрофана⁴⁹, розположившись писати в кабінеті Арсенія. Геронтий з Балаклав[ською] братією⁵⁰ у французів, і вестей об них нет.

Арсений отримав твоє листування празнично, писане в листопаді; ти журить його за мовчання. Але не забувай, що він едво знаходить час тепер писати до жінки, а журить доволі і бомби; не будь до нього взыскателен, якщо він не скоро відповість тобі, у нього багато клопоту і турбот.

Праздником сталося сімейне справа – Батько уступає приход нареченому Марфочки, Павлу Аким[овичу] Шаворському⁵¹, і він поїхав до Києва по цьому справу. Жених дуже пригожий і скромний, і доволі ловкий. Мене здивує невнимателісність до нього сестри М[арфи] і навіть небрежність. Я не можу представити, чого кращого вона могла б дождатися, і опасаюсь, щоб вона не испортила доброго початку, якщо буде вести себе так же в стосунках до нього. Ти ближче до Марфоньки і в переписці з нею, напиши їй братнєє радоування, так щоб сестра не сердилася на мене або на Олександрю Сидоровну⁵².

Все наші родні – брати і сестри, здоровують і тобі усердно кланяються.

Прости; в сем році, може бути, у мене буде більш исправности відповісти тобі.

Искренне любящий тебе брат Петр Лебединцев.

1855 г. 25 генв[аря].

м. Біла Церква.

/2 зв. збоку/ Олександра Сидоровна з дитинками тобі усердно кланяється.

/1 на полях/ О київських родних покійниці напишу: Папочка о. Наркис⁵³ нездоров – хворить около року, Тихомірови⁵⁴ в Царстві Польском с

⁴⁹ Намісник Корсунського (с. Корсунка Херсонської обл.) монастиря архимандрит Митрофан був направлений до Севастополя для нагляду за флотськими монахами, відрізаними від своєї обителі – Балаклавського монастиря.

⁵⁰ Балаклавський Георгіївський флотський монастир протягом майже двох років був зайнятий англійськими і французькими військами, на його території розміщувалися лазарет, лабораторія і телеграфна станція. Монахам було заборонено залишати монастир.

Архимандрит Геронтий (Артюховський; 1813–1865) – випускник КДА (1837–1841), архимандрит Балаклавського монастиря у 1854–1860 рр.

У відділі рукописів РНБ зберігаються листи архім. Геронтія до Арсенія Гавриловича і до архієпископа Інокентія. Листування розпочалося наприкінці грудня 1854 р. (Мельникова Л.В. Балаклавський Георгієвський монастир в роки Кримської війни // Вестник церковной истории. 2011. № 3/4. С. 95–112).

⁵¹ Павло Якимович Шаворський (бл. 1832–1862) – випускник КДС, син священика с. Білашки Уманського пов. Рукопокладений 2 серпня 1855 р. (ЦДІА, ф. 127, оп. 1011, спр. 661, арк. 172). Сам Гаврило Григорович Лебединцев помер невдовзі, 30 грудня 1855 р. П.Я. Шаворський помер у лікарні в Києві.

⁵² Дружина Арсенія Гавриловича.

⁵³ Наркис Новицький

⁵⁴ Юлія Наркисівна, старша сестра Олександри, і Павло Тихонович Тихоміров, її чоловік; раніше служив комісіонером у Київській провіантській конторі. Надінька – Надія Наркисівна, вихованка, як і сестри, Київського інституту шляхетних дівчат. З 1858 р. разом з тіткою Олександрєю Степанівною жила у Петра Лебединцева в Білій Церкві і

августа, Надинька в Киев[ском] институте; Николай Наркисович подле сестры им любимой Саши – с 5-го декабря 1853 года⁵⁵. Помолись за упокой его души – он любил тебя.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

3 липня 1855 р., м. Біла Церква

Ф. III, № 6715

/3/ Любезный брат Феофан Гаврилович!

Поздравляю тебя профессором Киев[ской] семинарии на месте твоей новой службы. Что Бог сделал, то, верно, лучшее; дай Бог, чтобы счастливилось и здесь, как в Воронеже, или лучше, как в Воронеже, согласно с желанием лучшего, естественного человеку.

О. ректор затрудняется, что нет тебе помещения в семинарии; попроси хорошенько, авось найдется.

Ты как добрый брат, верно, не очень крепко рассердился за мое молчание на последние твои письма; по любви братской, которой у тебя много, ты меня за это простишь и заедешь ко мне из Киева. Молчание же мое не пр[...] нелюбви; я не измеряю любви количеством писем, хотя и очень /3 зв./ благодарен пишущим.

В Киеве есть неправильный толк, не знаю, откуда вышедший, что ты переехал только для того, чтобы поступить из Киева в Белую Церковь на мое место; к такому толку и ты сам подал повод в Зеленой. Не советую тебе поддерживать этот вымысел, ибо он может тебе быть вредным; тогда, считая тебя временным, будут обходить должностями и проч.

Александра Сидоровна с детьми поехала 30-го июня в Зеленую на свадьбу⁵⁶; возвратится в Белую Церковь, вероятно, к твоему приезду.

Отец Тимофей⁵⁷ умер в июне, за несколько дней до набедренника, который я достал ему у митрополита. Мне хотелось бы, чтобы Андрей брат был в Корсуне⁵⁸; я писал Андрею и князю Лопухину⁵⁹, с которым я знаком /4/ и

разом з ним переїхала до Києва, де вийшла заміж за Юхима Михайловича Крижановської, чий листи до Петра Лебединцева наводяться у цьому збірнику.

⁵⁵ Микола Наркисович Новицький, випускник Університету св. Володимира, жив із Орестом Марковичем, помер від туберкульозу. Від туберкульозу померли і Надія, і Юлія. Невідомо, як клалося життя Єлизавети.

⁵⁶ Заміж виходила Марфа Гаврилівна.

⁵⁷ Тимофій Данилович Стрижевський (бл. 1810 р.н.) – настоятель Спаської церкви у Корсуні з 1830 р. (ЦДІА, ф. 127, оп. 1009, спр. 624, арк. 270 зв.–271), дядько братів Лебединцевих. Його старший брат, диякон Андрій, служив на дяківській посаді у Стеблеві, де священиком був батько письменника І. Нечуя-Левицького Симеон Стефанович Левицький (у листі – о. Симеон). І. Гордієвський називає диякона Стрижевського вчителем Арсенія і Петра Гавриловичів (Гордиевский И. Памяти кафедрального протоиерея..., № 5).

⁵⁸ Андрій Лебединцев розповідає про це призначення у спогадах в КС (1900, № 7). О. Тимофій помер у розпал Київської козаччини, і Андрій прибув туди терміново, відразу після придушення (чи заспокоєння) постання.

который уведомляя меня о смерти о. Тимофея, высказал заботу о преемнике ему в своем письме от 25-го июня⁶⁰. Не зная согласия Андрея, я еще не пишу ни к кому за него в Киев. Попроси за него отца Антония⁶¹ от себя и от меня, и даже можешь при явке сказать и митрополиту. Он в Корсуне может быть благочинным; там и Триччел⁶² всегда может быть ему по[...], и жизнь чище; и жаль его, что он не на одной с нами дороге⁶³.

Арсению в 7-й день мая утвержден крест золотой на Георгиев[ской] ленте с драгоценными камнями. Дал бы Господь, чтобы он был жив.

Прости, до свидания.

Искренне любящий брат П. Лебединцев.

1855 г. 3-е июля.

м. Белая Церковь

**Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
8 вересня 1855 р., м. Біла Церква**

Ф. III, № 6716

/5/ Любезнейший Брат, Феофан Гаврилович!

Дело о производстве к моей церкви диакона остается доселе без решения; справки о моем дьячке⁶⁴ и Колтуновском оста[...] у митрополита две недели. Соскучившись томлением, [Г.Е.] Коломийцев уехал; я посылаю его опять в Киев. Если будешь иметь какой-либо предлог быть у о. ректора Академии, или встретишься с ним где-либо, замолви словцо о моем протее – дьячке, воспевавшем некогда в хоре академическом; а главное, попроси от меня, чтобы его

⁵⁹ Князь Лопухін Павло Петрович (1790–1873) – генерал-лейтенант, учасник придушення Листопадового повстання 1830–1831 рр. З другої половини 1830-х років жив у своєму палаці в Корсуні (Корсуні-Шевченківському). Київська козащина 1855 р. в його маєтках була особливо запеклою і кривавою.

⁶⁰ Див. ІР НБУВ, ф. 154, № 110–111.

⁶¹ Антоній (Амфітеатров), ректор КДА.

⁶² Трітшель Генріх Станіславович, лікар князя Лопухіна, батько професора університету св. Володимира Карла Генріховича Трітшеля.

⁶³ Після закінчення КДС Андрій Гаврилович міг бути рекомендований для вступу до Академії, але не міг продовжувати навчання через хронічне запалення очей. За два роки, підлікувавшись (викладав в Богуславському училищі), він коли був наступний прийом студентів до Академії, успішно склав вступні екзамени, але не приступив до навчання через нове запалення очей. Таким чином, його кар'єрні перспективи були значно нижчі, ніж у братів.

Зважаючи на хронічну хворобу, можливість консультуватися з хорошим лікарем була цінною для Андрія Гавриловича.

⁶⁴ Коломийцев Григорій Юхимович (бл. 1823 р.н.) – стихарний дячок Преображенської церкви. Служив дячком, але був почутий єпископом Чигиринським Ієремією і переведений до хору Михайлівського монастиря. У 1849 р. став дячком у Бердичівському повіті, перевівся до с. Пилипчі біля Білої Церкви, і в грудні 1851 р., за настоятельства Петра Гавриловича, був переведений до Преображенської церкви (ЦДІА, ф. 127, оп. 1011, спр. 359, арк. 16 зв.–17).

или Колтуновского, только бы дали скорее, ибо без диакона в нашей церкви весьма неловко и неудобно. Вот и москов[ское] ополчение грядет, а для встречи не будет диакона. Разумеется, лучше бы я желал сего своего видеть диаконом.

/5 зв./ Александра Сидоровна возвратилась сегодня в 3-ри часа пополудни. Участь Севастополя⁶⁵ мне была известна час спустя после Вашего выезда [...], от проезжего ком[...]анта; а в понедельник подтвердил почтальон симферопольский. Арсений пишет от 26 августа; в этот день он отправлял свои церков[ные] вещи в Бакчисарай из Севастополя; писано в 9-ть часов утра. На пустыре Бельбекск[ом] освятил место для походной церкви и базара; по его представлению здесь утвержден от[ец] Александр оставаться; а о себе ждет приказания от [архиепископа] Иннокентия, где ему прикажет быть. Он пишет: пишу к о. Нектарию⁶⁶ с удовольствием; получил ли он?

По словам Александры Сидоровны, я представлен к протоиерейству. Теперь это /6/ мне кажется лучше камилавки; по крайней мере я *de jure* буду носить то звание, которым пользуюсь от всех здесь *de facto*⁶⁷.

Был ли ты у викария праздником?

Диакон мой старый [о.] Евтимович⁶⁸ опять подал на попятной двор; я бы не желал его видеть опять у себя, потому что во вдовстве при своем характере он потеряется здесь – или разопьется, или что еще хуже. Поэтому я желал бы кого-нибудь, нежели его.

Получил я письмо от Ели[за]веты Наркисовны⁶⁹; она просила сказать тебе усердный ее поклон, прибавляя, если ты помнишь ее.

Комнатку какую-нибудь займи; казенная и малая лучше нанятой просторной, и теплее, главное, ибо самые лучшие дрова как казенные; посему будь в этом уверенным.

Будь здоров и счастлив в Киеве.

Искренне любящий брат П. Лебединцев.

8 сент[ября] 1855 г.

м. Белая Церковь.

/6 зв./ /На звороті складеного листа – запис Ф. Лебединцева із описанням шляху із Воронежа до Києва/.

⁶⁵ 27–30 серпня 1855 р. Севастополь залишили російські війська і взяли союзні.

⁶⁶ Нектарій (Надеждін; 1819–1874) – ректор КДС у 1851–1856 рр.; випускник КДА (1839–1843), однокурсник Петра і Арсенія. У 1857 р. переведений до Петербурга ректором семінарії, а потім академії; з 1858 р. редактор журналу «Духовная беседа». У 1859 р. рукопокладений на вікарного єпископа Виборзького. Надалі в листах як Нектарій згадується саме він.

⁶⁷ Ще за митрополита Філарета протоієреями називали благочинних або головних священників міста, незалежно від присвоєного сану.

⁶⁸ Євтимович Олександр Миколайович (бл. 1818–1858) – диякон Преображенської церкви з 1843 р. (ЦДІА, ф. 127, оп. 1011, спр. 359, арк. 15 зв. 16).

⁶⁹ Сестра Олександри, дружини Петра Гавриловича. Навчалась в Інституті шляхетних дівчат.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
19 листопада [1855 р.]⁷⁰

Ф. III, № 6717

/7/ 19-го ноября

м. Белая Церковь

Любезный брат, Феофан Гаврилович!

С тобою мы обозрели твоего бывшего хозяина со всех сторон, написавши много pro et contra; ясно, что это была западня, которая не совсем приятна. Ну, туда ему и дорога, в Обухов! Удивляюсь, как покойный Жолткевич мог связаться с таким плутом; не касаясь умственных и нравственной стороны, его по крайней мере считал я практически более благоразумным; верно бахус много помог.

Очень радуюсь, что служба твоя хорошо идет, по свидетельству Данилы Максимыча⁷¹ и твоему убеждению. Данило Максимович доставил, кажется, мне экономство, хотя здесь главную роль играла интрига его и [Г.И.] Богдакова⁷² – ссадить [В.П.] Каменского⁷³. Более во время моей 5-летней службы в семинарии он ничего не сделал великого, и я никогда к нему не подделывался, даже устранил его хозяйничество во дворе семи-/7 зв./нарском. Впрочем, теперь он гораздо ближе к о. Антонию чрез его матушку⁷⁴; а тогда я сам сделался близким к о. Антонию. Похвально, впрочем, не раздражать подобных лиц, каковы бы они ни были; добра от них мало, а зло могут сделать; а подчас из них действительно можно извлечь положительную или отрицательную пользу.

Хорошо ты сделал, что уклонился от протоиерейства Звениградского⁷⁵. Что там я[...] на земле, кроме домов? Это место кстати бы моему [о.] Ромаскевичу⁷⁶;

⁷⁰ За зв'язком із подіями з сусідніх листів.

⁷¹ Смолодович Данило Максимович (1808–1882) – викладач КДС (з 1835 р.), з 1848 р. священник Флорівського монастиря, згодом став членом КДК. Для Всіх братів Лебединцевим він був наставником, а для Петра і, нині, Феофана, ще й старшим колегою. У спогадах і в некролозі (КЕВ, 1882 р., № 9) згадується його надзвичайно м'яка вдача і лагідність щодо учнів.

⁷² Богдаков Григорій Іванович – викладач і економ КДС.

⁷³ Каменський Василь Петрович (бл. 1811–1879) – випускник Московської ДА, викладач КДС (1836–1850), секретар її правління (1839–18412 і економ (1841–1847). У 1848 р. рукопокладений, з 1850 р. – священник і ключар Софійського собору (ЦДІА, ф. 127, оп. 1009, спр. 687, арк. 7 зв.–13).

⁷⁴ Мати о. Антонія жила в сім'ї Данила Смолодовича; Андрій Лебединцев у спогадах пише, що це давало дуже великий вплив і на о. ректора, і на його дядька, митрополита Філарета.

⁷⁵ Після смерті о. Якова Завадського місце священника Андріївської церкви зайняв настоятель Звенигородського собору Іоанн Дмитрович Шаббатович, родич, по дружині, матері Лебединцевих.

⁷⁶ Ромаскевич Іоанн Іоаннікійович (1819–?) – священник (1848–1860), а потім настоятель Преображенського собору, випускник КДА (1841–1845), походив, ймовірно, з Чернігівщини. До призначення в Білу Церкву служив інспектором Богуславського духовного училища. Протягом 1850-х років займав посади благочинного, викладав Закон Божий у Білоцерківській гімназії і нижнім чинам саперного батальйону (ЦДІА, ф. 127, оп. 1009, спр. 740, арк. 44 зв.–45 зв.). Тобто його службовий шлях був близьким зі службою

если буду в Киеве, то предложу его: и его бы повысили, и сделали бы удовольствие Позняку; я даже удивляюсь, как не догадаются сами у вас. Впрочем из [о.] Ромаскевича был бы протоиерей во всяком случае лучше Лободовского⁷⁷ и Ельчукова⁷⁸, сколько я знаю всех этих трех господ.

У нас в Белой Церкви жизнь течет тихо. Я прохворал 3-ри недели, простудившись, к великому моему изумлению. Александра Степановна⁷⁹ уехала на зиму в Царство Польское. Арсения, /8/ кажется, не скоро дождемся. Чудная фантазия у этого господина Иннокентия – семейного человека после годичного страдания всякого рода держать в Крыму, безо всякой нужды, просто только для того чтобы иметь корреспондента при армии своего, и притом без жалования, предоставляя только право брать из церков[ных] сумм, сколько нужно для себя! Еще чуднее представление, сделанное им в Синод, в котором он просит назначить оклад жалованья причту бывшего Севаст[опольской] Петро-Павловской церкви, именно настоятелю 500 руб. сер., Демьянову 300 р., диакону 200, причетникам по 150 руб. до окончания войны, так как выводить их из Крыма неудобно, потому что с окончанием войны и с восстановлением церкви они должны снова в Севастополь возвратиться; а для пребывания их [и писать] назначил Бакчисар[айский] скит, так как они остались в Крыму без семейств. Здесь удивляться нужно глупости – держать в скиту семейных людей, тогда как конец войне не виден; и зачем, неужели нельзя им дать мест, а послать потом других? Не знаю, что скажет Синод? Арсений имеет не оставлять Крыма и армии, и по временам навещать взгорье Севастопольское, и писать ему обо всем... /8 зв./ Но нечего делать, нужно терпеть; [архиепископ] Иннокентий умеет мучить людей, но зато умеет и награждать! Это знаю про себя, да разве о. Нектарий может сказать. Впрочем, у Арсения есть и род службы, – это при общине сестер, которых он духовник; [Н.И.] Пирогов⁸⁰ хочет, чтобы он обозревал все пункты, где есть сестры.

Петра Гавриловича і, ймовірно, відчувалася конкуренція між ними чи одностороння заздрість.

⁷⁷ Можливо, настоятель Васильківського собору Андрій Семенович Лободовський. Також Лободовський служив у Києві у Царекостянтинівській чи Хрестовоздвиженській церкві.

⁷⁸ Ельчуков Алексей Михайлович

⁷⁹ Тітка Олександри Наркисівни по матері, жила раніше з сім'єю Наркиза Марковича Новицького. До Царства Польського поїхала до іншої своєї племінниці, Юлії Наркисівни Тихомирової. Пізніше вона жила зі своєю наймолодшою племінницею, Надією, у Петра Гавриловича; але схоже, що і раніше подовгу гостювала у нього.

⁸⁰ Пирогов Микола Іванович (1810–1881) – головний хірург Севастополя під час його оборони. Під керівництвом М.І. Пирогова служили сестри Хрестовоздвиженської общини сестер милосердя – прототипу Червоного Хреста, направлені з Петербурга. Общину складали здебільшого доньки дворян і чиновників; вона перебувала під патронатом великої княгині Олени Павлівни (1807–1873), невістки імператорів Олександра I і Миколи I.

Арсению адресуй: в Бакчисарай NN..., здесь почтовая контора и с 15-го октября главная квартира [М.Д.] Горчакова⁸¹. Арсений писал от 23-го октября, ждем завтра письма.

С перемещением зятя Мотроны сестры⁸² нужно подождать.

Александра Степановна, уезжая в Царство Польское, поручила тебя просить, чтобы ты принял шкатулку Николая Н[аркизовича] на память о нем.

Где твои праздники? Если в Киеве не имеешь в виду особенного удовольствия, то приезжай к нам, покорно прошу.

Нового тебе сообщу из прочитанного в «Allgemeine Zeitung»⁸³: «Деятельность в[еликого] к[нязя] Константина⁸⁴ в Николаеве изумительна. Каждый день в пять часов утра он принимает репорты различ[ных] генералов в своем кабинете, и тотчас едет на верфь, в деревню Спасовку, где спускают на воду корабли. Там уже совершенно готовы 3-ри винтовые парохода, из коих один получил машину англицк[ого] парохода «Тигр». 2 о 36 пушках и один о 42-х пушках. Вооружение должно быть в феврале. Особ[ое] внимание обращают два строящихся корабля 1-го ранга – один «Нахимов» о 130-ти; другой еще не окрещенный о 120 пушках. Деятельность необыкновенная; тщательно работают над построением 500 канонир[ских] лодок, и большинство уже готово и вооружены».

Изобретен способ одному писать на три экземпляра разом.

/8 зв., збоку/ Как здоровье митрополита? Иван Аникиевич⁸⁵ поехал в Васильков на свадьбу к Каминскому⁸⁶, но ехать, верно, будет и в Киев.

Прощай. Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

/7, збоку/ Александра Сидоровна тебе кланяется, посылает 6 руб. сереб[ром] за рубахи и просит прислать; писать будет по почте.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
20 листопада 1855 р.

Ф. III, № 6718

⁸¹ Князь Михайло Горчаков Дмитрович (1793–1861) – командувач військами в Криму у 1855 р., у лютому–серпні 1855 р. керував обороною Севастополя.

⁸² Марія Данилівна, в дівоцтві Коломацька, 1836 р.н., була дружиною Микити Пейзанського, 1831 р.н., псаломщика у с. Селище біля Корсуня, потім у Соболівці біля Шполи, у В'язівці біля Городища і, зрештою, у Козацькому.

⁸³ Напевно, *Allgemeine Zeitung*, що виходила в Аугсбурзі, – в інших листах згадується як *Авгсбургская газета*.

⁸⁴ Великий князь Костянтин Миколайович (1827–1892) – син Миколи I, адмірал, керуючий флотом і морським міністерством. Під час Кримської війни керував обороною Кронштадту, відомий будівництвом великої кількості гвинтових канонерок та інших кораблів.

⁸⁵ Ромаскевич Іоанн Іоаннікійович, священник Преображенської церкви (він же і *Никеич*).

⁸⁶ Камінський (Кашинський?) Олександр Михайлович – настоятель Покровської церкви у Василькові (ЦДІА, ф. 127, оп. 1011, спр. 359, арк. 29 зв.–30, 31 зв.–35).

/9/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

Письмо и рубахи от диакона получены; за исполнение поручения Александра Сидоровна много благодарна тебе. В один день с твоим письмом получил я указ из консистории, который предписывают мне доставить сведения о числе денег, следуемых мне за прогоны и путевое содержание, так как это требуется от консистории генерал-губернатором. Не знаю, бумага [И.И.] Васильчикова⁸⁷ последовала ли вследствие требования консисторией от него мне прогонов, или последовала сама собою прежде, чем консистория решилась по моему репорту и при нем прогонному маршруту просить от генерал-губернатора возврата мне следуемых денег. Любопытно знать бы это.

В ответ консистории, который посылаю вместе с сим, я высчитал себе штаб-офицерские /9 зв./ прогоны и путевые деньги, поставивши основание, что положений о прогонах белому епарх[иальному] духовенству нет, а в высочайше утвержденном положении об этом для армейского духовенства благочинные сравнены с штаб-офицерами. Я уверен, что генерал-губернатор мне не откажет в штаб-офицерских; да не знаю, что речет консистория.

К сожалению, здесь я не могу отыскать этого армейского положения, а читал его в Киев[ском] семинар[ском] правлении в 1848 или 1849 году, куда оно тогда по выходе прислано вместе с прочими указами из Духов[ного] учебного управления. Мне бы нужно знать время издания точно; ибо я не знаю, отыщется ли это положение консистория. Если можно (и это можно легко), поручи письмоводителю отыскать его в архиве семинарского правления; указы за каждый год там лежат вместе, и их в год не очень много. Искать /10/ нужно не раньше мая 1846 года и не позднее марта 1851 года. Лучше бы было взять в семинарии чин коллеж[ского] асессора, да потом уже и в священники, а то теперь изволь доказывать свое штаб-офицерство; чего доброго запишут в унтер-офицеры, исправы не найдешь.

Еще другое обстоятельство интересует меня. Никеич, приехавши из Киева, возвестил, что меня представляют теперь к камилавке. Это что? Я не так самолюбив, чтобы мог подумать, что мне хотеть две награды дать разом; а просто думаю, что протоиерейство мое останется на бумаге в консистории, и меня представляют теперь зауряд. Разъясни, пожалуйста, мне это. Митрополит думает о небесном, а нас земных оставляет втуне, может быть!..

/10 зв./ Никеич в восторге, что якобы Игнатович⁸⁸ в честь его прибытия сделал Вам вечер. Откуда такая честь?.. О протоиерействе молчит; верно, никто не догадался.

Те, которые считают меня крезом пусть будут уверены, что им не достанется и копейка моих прогонов, если не выдадут мне; а если бы я не получил

⁸⁷ Васильчиков Іларіон Іларіонович (1805–1862) – київський генерал-губернатор у 1852–1862 рр. Петро Гаврилович досить близько познайомився з ним під час заспокоєння Київської козащини.

⁸⁸ Ігнатович Іоаким Тимофійович (1784–1881) – священник (з 1810 р.) і протоієрей (1821–1881) Флорівського монастиря; член консисторії. Або його син, Павло Іоаникійович, викладач КДС.

следуемое, то это было бы бесчестье для духовенства, которое, выходило бы, можно заставить гонять по свету на своих конях и своих сухарях, тогда как прогоны получает и рядовой жандарм.

Очень рад слышать добрые вести о здоровье и службе Даниила; теперь невесты не беда. Когда чин больше, то найдется и получше⁸⁹. Напишу ему, авось ответит.

Мы все здравствуем и тебе кланяемся.

Прости

Искренне любящий брат Петр Лебединцев

20-е ноября 1855 года

м. Белая Церковь

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
25 березня 1856 р.

Ф. III, № 6719

/11/ Любезный брат, Феофан Гаврилович

Мир, мир, мир! Вчера «Одесский вестник» удостоверил меня в этом. На прилагаемые 10 руб. серебром потрудитесь сделать следующее: 1, у Литова купить два экзempl[яра] книги «Вера, надежда и любовь», издан[ной] Анатолием, архиеп. Мог[илевским]⁹⁰; 2, отдать их в переплет лучший, француз[ский] с золотым обрезаом – на Крещатике Штрабиндеру; цена экз[емпляра] 3 руб. сер., а за переплет по 2 руб. серебром; 3, из сих книг одну доставить лично советнику Янкулю⁹¹, а другую – полковнику Афанасьеву⁹² 9-го апреля, т.е. в Вербное Воскресенье. Это будет будто подарок им от меня, а в самом деле это в благородной форме уплата должка за то, что они вози-/11 зв./ли меня, платили за меня прогоны по почтовому тракту от Белой Церкви до Богуславля двукратно по своей подорожной. Чрез этот случай ты познакомишься с двумя порядочными людьми, – из коих один и приглашал уже тебя; разумеется, ты поедешь к ним, – Афанасьев в доме Стогова, а Янкулю – в собственном доме,

⁸⁹ 2 серпня 1855 р. Данило Гаврилович був призначений столоначальником в інспекторському департаменті Військового міністерства. Відписувався він рідко, тому не дивно, що брати дізналися про підвищення лише в листопаді.

«Теперь невесты не беда» – тепер можна й одружитися, оскільки з'явилась змога утримувати родину (див. лист Данила Гавриловича від 26 жовтня 1850 р.). Однак Данило Гаврилович так і не одружився.

⁹⁰ Анатолій (Мартинівський; 1793–1872) – у 1844–1860 рр. архієпископ Могильовський і Мстиславський, випускник КДА.

⁹¹ Можливо, Костянтин Костянтинович Янкулю.

⁹² Дослідник Євген Ковальов уточнює, що це був підполковник Г.Г. Афанасьєв (Ковальов Є. «Народ хотів свободи»: відображення Київської козаччини 1855 року в листуванні та щоденникових нотатках Г. Галагана // Київські історичні студії: науковий журнал, 2020, № 2, с. 131–136).

рядом с домом Цыцурина⁹³ в Липках. 9-е апреля избираю для отдания этого дара потому, что оно между 8-м днем бегства нашего из Таганчи и 10-м днем спасения нашего в Корсуне⁹⁴. Прилагаемые странички прикажи переписать, чтобы они были в начале каждой книги.

Арсений пишет от 15-го марта; ополчение и гренадеры уже выходят из Крыма; его [архиепископ] Иннокентий в письме подстрекает большими обещаниями. Он получит благодарность от в. кн. Елены Павловны за ободрение сестер во время кончины начальницы общины. Мир; не приедет ли /12/ Арсений к Пасхе даже к нам?

Если Арсений будет в Одессе, то тебе поможет лучше свои дела устроить, чем у Яхнов⁹⁵; там есть Соколовы⁹⁶.

Полковой священник, помогающий мне в служении, просил, чтобы староста привез ему шляпу иерейскую и фунт чаю. За шляпу я заплатил для расхода – Александровскую⁹⁷ – недурный сорт 2 руб. 30 коп.; а чаю у Барского фунт – 3 руб. Если препятствия не случаются, сослужи службу за меня на прилагаемые 5 руб. 30 коп. серебром. Мужика могут надуть – дадут поярковую, да сена вместо чаю фунток.

Мы все здравствуем; дорога моя была благополучна. Прости.

Искренно любящий тебя брат Петр Лебединцев

1856 г. 25-е марта

Белая Церковь.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

29 травня 1856 р.

Ф. III, № 6720

/13/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

Будь милосерд, освободи, наконец, рясу мою из рук одного художника, заплатив ему рубль, который вручит тебе староста, если ряса поправлена; во всяком случае, нет нужды, а во мне терпения больше, чтобы она валялась у него более 3-х месяцев.

Еще потрудись купить на прилагаемые 3 рубля сер. ½ фунта смирны, да не како камень вместо рыбы дадут тытору; смирну видел я в лавке Землянского.

⁹³ Цицурін Федір Степанович (1814–1895) – видатний медик, викладач Університету св. Володимира (1844–1857), декан медичного факультету.

⁹⁴ Йдеться про Київську козачину 1855 р.

⁹⁵ Феофан Гаврилович намагався отримати місце священника у Млієві, у церкві при заводі Яхненків і Симиценка.

⁹⁶ Соколов Микола Іоаннович (1805–1891) – одеський протоієрей. Випускник КДА (1831), настоятель Одеської церкви Всіх Святих на Християнському кладовищі, член Херсонської духовної консисторії. Свого часу був і законовчителем Рішельєвського ліцею, і настоятелем церкви при Інституті шляхетних дівчат (Духовенство Одессы. С. 435–437).

⁹⁷ Можливо, один рубль – «Олександрівську колону».

Не желаешь ли ты посмотреть красных девиц в Институте? Взойди в воскресенье в 2 часа пополудни в приемную залу Института, и остановишься у решетки; к тебе подойдет дежурная девица, с вопросом кого Вам надо; скажешь: Надежду Новицкую⁹⁸; она сейчас /13 зв./ явится, и ты потрудишься с поклоном от меня дать ей 3 рубля серебром, при сем прилагаемые.

Лиза⁹⁹ вышла замуж 27 апреля; и москов[ский] губернатор [Н.П.] Синельников¹⁰⁰ прислал ей в благословение икону в золотом окладе; он, кажется, даст место и ее мужу, по крайней мере, потребовал формуляр.

Янкулио получил, говорят, 2-й степ[ени] Станислава; а мне хотя бы пряник с коронации прислали! Оле духовные!

Верные ли толки, зашедшие в Белую Церковь об уничтожении духов[ных] училищ с присоединением их к гражд[анским] учеб[ным] заведениям? Теперь и гимназии пошли вверх, когда министром народного просвещения изъявил желание быть сам государь император! Верно вам известен указ об этом, напечатанный в «С[анкт]-Петерб[ургских] ведомостях».

/14/ 16 июня к нам возвращается на постоянные квартиры 6-й саперный батальон; приятно будет видеть всех этих героев, украшенных орденами. Теперь проходят дашибузуки¹⁰¹, которые довольствуясь пищей из артельного котла, крадут на дороге волов, коров и свиней и всякие животы туда валят, зарезавши /примітка збоку/ [Замечательный ответ дал мужик Ванявский Маркиану Дамиановичу¹⁰² о ратниках. «Яки воны оци ратники? Отв. Хто их знае, що воно таке. Воно ны то щоб скотина, але ж чоловік не такий!».] За ними идут кавалерийские, давятся уланы и гусары; пехота и артиллерия движется по дорогам вокруг Белой Церкви. А с 16-го у нас будет квартировать дивиз[ионный] бригадный и полковый штаб сводной кавалер[ийской] дивизии.

Митрополит не собирается ли на коронацию¹⁰³?

Арсений писал от 2-го мая, что они чрез неделю ждут приезда из Петербурга новой начальницы общины, которая, вероятно, возвестит им от в[еликой] княгини, долго ли будет существовать в Крыму община. А к Троицыну

⁹⁸ Надія Наркисівна Новицька (1843–1867) – наймолодша сестра Олександри Наркисівни, в майбутньому дружина Юхима Михайловича Крижановського; їхні листи опубліковані у цьому збірнику.

⁹⁹ Сестра Надії і Олександри; теж була вихованкою Інституту шляхетних дівчат.

¹⁰⁰ Микола Петрович Синельников (1805–1892) із 1852 р. займав посаду волинського губернатора і дуже переймався будівництвом кафедрального собору, який перебував у тимчасовому приміщенні. У вересні 1855 р. був переведений губернатором до Москви.

¹⁰¹ Башибузуки – різновид найманих османських військових загонів, відомий мародерством, насиллям серед цивільного населення і недисциплінованістю. Назва стала прозивною для подібної поведінки; башибузука – шибайголова.

¹⁰² Гребінський Маркіан Дем'янович (бл. 1814–1876) – викладач Херсонської ДС, випускник КДА (1839) і уродженець Київської єпархії. Відомо, що він просився у відпустку на батьківщину і різні міста імперії у травні–серпні 1855 р., яка коштувала йому місця економа семінарії, а в вересні 1855 р. він відмовився від викладання французької мови. Ймовірно, наступного року він теж їздив на батьківщину.

¹⁰³ Олександр II був коронований у серпні 1856 р.

дню обещал прибыть в Крым преосв. Иннокентий. После сего три почты уже пришли без писем. О своем назначении все /14 зв./ еще не знает брат ничего.

Александра Сидоровна с детками тебе кланяется. Прости.

Искренне любящий тебя брат П. Лебединцев.

29 мая 1856 г.

Белая Церковь.

Арсеній Гаврилович до Петра Гавриловича

9 листопада 1856 р., м. Одеса

Ф. III, № 3578

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ получено 18-го, ответ 20-го

9-е ноября 1856 г.

г. Одесса

Любезнейший брат Петр Гаврилович.

С благодарным сердцем обращаюсь к тебе из Одессы, куда прибыли мы благополучно 6-го ноября в 9-ть часов утра¹⁰⁴. Благодарить по достоянию не имею пока возможности, но сердцем и устами благодарить буду немолчно на всяком месте за редкую любовь братскую...

Путешествие наше было таково: до первой станции было нам очень жарко от тесноты в тарантасе. Пелагея попросилась сама на козлы, где имела пребывать до самой Одессы. От Бараньего Поля начало скрипеть переднее колесо, что очень меня беспокоило. Удостоверився в его болезни, тем более. От Лисянки начал мочить нас дождик: дорога стала тяжелее. В пять часов утра мы были в Звенигородке. Нужно было дожидаться рассвета, чтобы освидетельствовать колесо. Явился мастер и нашел, что размололась втулка, отчего колесо ослабло и в голове, и скрипели спицы. Втулки в лавках не прибрали, но ось наварили старую, что обошлось до 3-х рублей. Между тем утекло полдня, мы выехали /1 зв./ в Зеленую в 12-ть часов, заплатив двойные прогоны за 24-е версты. Здесь была мне первая неприятность с бессовестностью жидовскою. Ехали мы по большой дороге княжанской; с Богачевки поворотами прямо во Козацкую и прямо чрез лес в Зеленую. Дорога, рекомендую, хорошая. Жаль, что я не знал, что Козацкая так близко к дороге княжанской; можно бы, не платя двойных прогонов, завернуть туда или в Зеленую, дав ямщику на водку. Это прими к сведению, если случится тебе ехать в Зеленую.

К сожалению, в Козацком не застали мы ни сестры, которая была в Селищах, ни Данила Тим[офеевича]¹⁰⁵, который был в поле. В Зеленой тоже никого не застали дома, но чрез несколько минут хозяева прибыли из Вороновки.

¹⁰⁴ Повернувшись із Криму, Арсеній Гаврилович забрав свою родину з Білої Церкви.

¹⁰⁵ Коломацький Данило Тимофійович (1811 р.н.) – чоловік найстаршої сестри Лебединцевих, Мотрони. Служив з 1850 р. псаломщиком у Козацькому, але у 1837 р. був висвячений у диякона (ЦДІА, ф. 127, оп. 1011, спр. 657, арк. 189 зв.-190 зв.).

3-го ноября, в субботу, я сам отслужил заупокойную обедню и панихиду, и таким образом простился с родиной, б[ыть] м[ожет], навсегда. Очень может быть, что я был там последний раз, вот и решился прослужить сам, хотя сие мне, проезжему, и недозволительно.

Погода опять была так хороша, что соблазняла поехать в Калинову, но мы придержались твоего совета и не рисковали потерять эту удобную для дороги погоду. Того же 3-го числа после обеда часа в два на лошадях вороновских и зеленянских с Самсоном Ма[...]лаком, мы отправились в Княжу, откуда ни минуты не медля, отправились в путь дальнейший. [...] вели лошадей, я зашел к о. Василию засвидетельствовать ему почтение и попросить его доброго расположения родным нашим, ему подведомым. Первую ночь мы не спали и выиграли тем сто верст дороги, которая скоро сменилась на дурную, и тем более неприятную, что от Лысой Горы стали нам впрягать по 5-ти лошадей. Две последние станции мы ехали на 6-ти. Особенно трудно было ехать от Вознесенска. Пошел снег, потом дождь, ночью сильный мороз, грязь замерзла, ехать нужно было по ночам. Холодно: дети пищат. Но благодарение Богу, других неприятностей, кроме на станциях с жидами, не было. Ах, как я зол на этих проклятых жидов! На прогоны пошло рублей 50-т.

Остановились мы в своем доме, где нашлись две квартиры пусты. Трудно было выбрать лучшую, ибо обе так запущены, что только необходимость заставила выбрать из них лучшую. Первый день я никуда не являлся; нужно было позаботиться о самой квартире, в которой нечем было согреться, которую нечем было поместить. Брата Николая¹⁰⁶ ожидали мы до 2-х часов. Наконец, пришел, но от него ни советом, ни топливом нельзя попользоваться. Он живет как циник. В дворе ни прислуги; и того не спросить, ни по[ши]ть.

/2 зв./ 7-го в 10-ть часов явился я преосвященному, который был рад моему возвращению. Без прекословия он разрешил мне зимовать в Одессе, но еще остается при том мнении, что мне пр[...]ее продолжать службу в Севастополе. На первый раз я немного возражал ему, тем более что спешил он на панихиду к кн. Воронцову¹⁰⁷, куда велел ехать и мне для участия в соборном служении, и тут представлял меня графу Строганову!¹⁰⁸ (Воронцов будет погребен в кафедральном здешнем соборе). Когда будет идти в Крым какой-либо казенный пароход, мне нужно будет, по мнению владыки, сходить туда, чтобы оценить и донести о настоящем положении Севастополя. Я не прочь от сего, тем более что оттуда кое-что нужно забрать и передать куда следует вещи о. [Лазаря]¹⁰⁹. Между тем не представляется чего-либо в Одессе: пока решительно ничего нет.

¹⁰⁶ Микола Сидорович Гербановський (1817–...) – старший брат дружини Арсенія Гавриловича Олександрі. Про його заняття не відомо практично нічого, окрім того, що він був поетом (Сапожников И., Аргатюк С. Историк, поэт и краевед Н.И. Гербановский // Південний захід. Одесика. Вип. 28. Одеса, 2020. С. 8–36).

¹⁰⁷ Князь Воронцов Михайло Семенович (1782–1856) – новоросійський генерал-губернатор у 1823–1854 рр. Останні роки життя провів в Одесі. Помер 6/7 листопада.

¹⁰⁸ Граф Строганов Олександр Григорович (1795–1891) – новоросійський генерал-губернатор у 1854–1863 рр.

¹⁰⁹ Священик Володимирської церкви в Севастополі.

Преосвященный согласен дать мне место и другое, но где? Александр Онис[имович] говорит, что Одесса падет с проведением железной дороги в Феодосию. Боюсь, как бы не проиграть, усиливаясь остаться в Одессе, что, впрочем, важно в том отношении, что здесь я успел бы воспользоваться частью из наследства. В продолжении зимы буду думать, избирать, а паче просить Бога, да покажет Сам, что для нас лучше. Довольно, что я не буду зимовать на развалинах; сегодня буду у владыки вторично, что скажет.

Целую, благодаря от души и всего сердца.

А. Лебединцев.

/2-1 зв. на полях/ От меня и Саши добрейшей и многоуважаемой Александре Степановне душевный поклон. Дети помнят бабушку и ласки ее, которых теперь нет от кого получить.

Ужасно, как все дорого в Одессе, особенно жизненные потребности. Дров сажень от 35 до 40 р. сер. Нелегко будет и здесь зимовать.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
15 січня 1857 р.

Ф. III, № 6721

/15/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Вчера, кажется, Леппены уехали в Киев, ибо уехал вчера [М.К.] Персидский. Кажется, [И.П.] Трофимов¹¹⁰ в дурном расположении духа. Книгу мне в воскресенье прислали, хотя я рассчитывал, что ее привезет Иван Ильич. Будь осторожен; не иди в дом, пока не встретишься и пока не пригласят или не сделают поиска. С Персидским будь вежлив и на его счет не делай замечаний пред Леппеными, ибо он дружен с ними, следов[ательно] двое более насолют тебе; далее пригласи его к себе, он за это повезет тебя и будет твоим агентом за трубку табаку.

Арсений пишет от 3-го генваря, что он на 25-е декабря воротился ночью в Одессу сухопутно на перекладных; что в Севастополе пусто; преосв. Иннокентий сказал ему после всего: «Служите с нами; мы часто побираемся для соборн[ого] служения». Между тем представил его к 2-й ст. Анны; значит, пишет брат, он что-то думает обо мне.

/15 зв./ Письмо брата заключается так: «А что Леппены? Что Феофановы воздыхания и надежды? Вера Николаевна¹¹¹ была бы в пару: но не знаю, будет ли

¹¹⁰ Персидський Михайло Костянтинович – викладач географії Білоцерківської гімназії, Трофімов Гнат Петрович – викладач історії. Очевидно, вони були зовсім молодими, оскільки на службу вступили лише у 1853 р. і 1854 р. (ЦДІА, ф. 707, оп.24, спр. 463, арк. 15).

¹¹¹ Соколова Віра Миколаївна (1839 р.н.), донька одеського священика. Стала дружиною видатного одеського протоієрея і викладача Херсонської ДС Мартирія

она свободна до вакацій. Профессора семинарії смотрять на неї, кажется, с удовольствием. Впрочем, священнич[еских] мест нет, а без того никто не решится жениться¹¹². Приезжайте же; если она сужена, то не опоздает».

Александра Степановна просит тебе побывать у Федора Степановича¹¹³, и узнать о состоянии его здоровья, и известить чрез сего же Ивана.

Каково впечатление на монахов рескрипта?

Искренно любящий брат П. Лебединцев.

1857 года 15-е генваря.

м. Белая Церковь.

P.S. Книг я еще не получил, ни «Воскресенного чтения»¹¹⁴.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

12 травня 1857 р.

Ф. III, № 6722

/16/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

На следующий день по получении твоего письма явился ко мне Иван Ильич, за день возвратившийся из Киева, с поклоном от тебя. Каково сие целование, когда я не был у Ильича с того времени, как он бежал от табачного дыму?¹¹⁵ Между разговором расхваливал, как премудро все устроит в доме Александра Андреевна. Вот и все. Что касается, экивоков Ивана Ивановича, то он в этом роде намекал и мне, когда я сидел с ним в саду, а ты почивал. Впрочем, как бы то ни было, знакомство предъявить не следует, тем более что мы не предлагали Николке; это значило бы себя конфузить. Но и [И.П.] Трофимов ничем не обнаруживает надежд; спрашивал меня, виделся ли в Киеве с Леппеными. О Пелехине¹¹⁶ я слышал от [о.] Клебановского¹¹⁷; что касается Артамоныча, то едва ли по состоянию своего нездоровья он может занять место

Федоровича Чемени (Духовенство Одессы. С. 437), якому задрив навіть Арсеній Гаврилович.

¹¹² Викладачі духовних семінарій отримували мізерне жалування (100–200 руб. сріблом на рік; крім того, могли отримувати допомогу на дрова, на житло і одноразову допомогу). На ці кошти неможливо було утримувати родину, тому викладачі паралельно з училищною службою вступали на священицьку. Жалування священика теж було мізерним, однак були гроші за виконання треб і від церковних прибутків.

¹¹³ Брат Олександр Степанівни.

¹¹⁴ *Воскресное чтение* – щотижневий журнал КДА, призначений для широкого кола читачів. Виходив у 1837–1912 рр.

¹¹⁵ Петро Гаврилович курил. В той час чимало священиків курили тютюн. Злом вважалося, коли священик курил «з шиком», негідним священнослужителя (так само, як засуджувалися, наприклад, модна зачіска і головні убори, коштовні тканини), а на вживання власне тютюну дивилися крізь пальці.

¹¹⁶ Штатний лікар КДА Петро Павлович Пелехін (1789–1871).

¹¹⁷ Клебановський Григорій Васильович (бл.1822 р.н.) – з 1849 р. священик с. Храпачі поблизу Білої Церкви (ЦДІА, ф. 127, оп. 1011, спр. 359, арк. 308 зв.–309). Був одружений із сестрою Павла Троцького, в той час студента КДА.

при Академии. Нужно, чтобы его видели прежде в Академии, /16 зв./ после и на нас не пеняли за рекомендацию. А советовать ему поехать в Киев теперь; но он до августа этого не намерен делать, надеясь к этому времени употреблением животных ванн прийти в возможность ходить. Впрочем письмо пошлет к о. Антонию. Разве бы ему дали и квартиру в академической больнице?

Проект мой о библиотеках¹¹⁸, кажется, не нравится о. Василию Фоменке¹¹⁹, потому что он отнимает у него библиотеку. Он, впрочем, надеется удержать книги своей части при себе, не смешивая с другими. Не слышно ли чего о ходе этого дела?

Как же подлю пишут в «Воскресное чтение»; посмотри № 1-й сего года – пасхальный: о ужас, какой подлый стиль, какая безграмотность!.. Я стыжусь послать этот № директору¹²⁰, хотя он и просил меня. Узнай, пожалуйста, кому принадлежит статья о явлении Господа апостолу Петру, кто этот грамотей? О барбар!.. № 4 хорош, не чета предыдущим.

У вас думают, что Бобринский¹²¹ ничего не открыл?

9-ть человек уже сознались, и сидят в крепости, я /17/ имею вернейшее сведение от наперсника Ребиндера¹²². Значит, все узнают; писано бо есть: не утаится шило в мешку.

По археологии: мне обещали прислать из Канева карту, на которой представлено разделение Киев[ской] губернии на протопопии в 18 веке. Очень любопытно!.. Во вторых – я открыл документы, в Белой Церкви было духовное протопопское правление, и под протопопом 3-ри десятиначальника. 3, Я поймал документ о Белой Церкви, который 70 лет под великою тайною хранился у мужиков, несмотря на все поиски гетмана и экономии. Но боюсь и держать. Это значит – заслужить доверие...

В Петербурге была недавно демонстрация мужиков: около сената есть лавочка, в которой продают выходящие вновь указы. Мужики собрались до 300 челов[ек], и атаковали лавку; подавай, кричат, указ о свободе крестьян. Разумеется, их прибрали сейчас куда следует. В Варшаве уже составили комитет под председательством генерала Иксуля, деда нашего барона, для освобождения крестьян Царства Польского. В Канев[ском] уезде крестьяне убили помещика Гудиму¹²³ за жестокое обращение. Знаешь, времена трудные, переходные. Граф

¹¹⁸ Проект Петра Гавриловича про заснування благочинницьких бібліотек.

¹¹⁹ Фоменков Василь Микитович (бл. 1813 р.н.) – з 1835 р. священник с. Темберщини (нинішнього м. Узина), з 1842 р. благочинний 4-го округу Васильківського повіту (ЦДІА, ф. 127, оп. 1011, спр. 360, арк. 286 зв.-287).

¹²⁰ Науменко Павло Йосипович – директор Білоцерківської гімназії із 1859 р., батько Володимира Павловича Науменка.

¹²¹ Граф Олексій Олексійович Бобринський, член попечительної ради Університету св. Володимира.

¹²² Ребиндер Микола Романович (1813–1865) – попечитель Київського навчального округу у 1856–1858 рр.

¹²³ Гудим-Левкович Михайло Петрович у 1857 р. вбитий селянами с. Григорівки біля Трахтемирова. Це було не перше повстання селян проти нього.

Альфред Потоцкий¹²⁴, муж Сангушковой, рассказывал, что и в Тамбов[ской] губернии нескольких помещиков зарезали крестьяне.

Пожалуйста, купи и чрез удобный случай пришли мне книжку: О Śmilieńskim Parofialnym Kościele na Ukrainie. Wilna 1856 г. Drukiem Józefa Zawadskiego – в 8 долю, 44 стр[аниц]. Спроси у [Гильборда] или Завадского.

/17 зв./ Нет ли в бумагах дедушки о. Якова бумаг, касающихся Корсуня и охоты Либицкого? Не забрал ли он с собой из Корсуня весь архив Либицкого, своего предместника? Это, тебе иногда можно бы попросить Александры Ивановны дозволения заглянуть в папиры о. Якова с Шаббатовским¹²⁵. Нельзя ли этого сделать?

«Историю церкви на Волыни»¹²⁶ купил я; пустая компиляция из «Истории рус[ской] церкви»¹²⁷ всего того, что могло касаться Волыни; нового ни на грош. «О братствах»¹²⁸ – порядочное творение. О цветах для о. Петра¹²⁹ я ничего не придумал, да и едва ли и придумаю. Не упоминай, однако, ему об этом.

Что в «Allgemeine Zeitung»? – в[еликий] кн[язь] Константин Николаевич не просто поцеловал руку Евгении¹³⁰, а чмокнул, что французам очень понравилось. В Пруссии будут маневры, на которые поедет наш государь и Людовик Наполеон.

Была статья: «Римско-католические стремления и русское противодействие», да вырезана, только заглавие осталось. А любопытно было бы прочесть.

Свидетельствуй от меня почтение Ивану Игнатьичу¹³¹, и скажи, что я очень рад, что моя мысль пала на такую прекрасную почву, которая сейчас принесла и плод.

А что моя ряса?

От Арсения получил и другое письмо, все здоровеньки. Самборский¹³², женившийся на племяннице архиерея, произведен в протоиерейство по случаю рождения у него сына – в Ногайск. /Приписка збоку/ [*Не говори, откуда знаешь, да и говори осторожно, по секрету, например, Филофею.*] В крае, как оказалось, нет и церкви, а только мечеть!!!

¹²⁴ Граф Потоцкий Альфред Юзеф (1817–1889) – австрійський підданий, політичний діяч. Був одружений із єдиною донькою Р.С. Сангушка, учасника Листопадового повстання, якому саме 1857 р. російський імператор повернув титул князя. Обидва тісно спілкувалися із графами Браницькими.

¹²⁵ Олександра Іванівна – вдова о. Якова Завадського, продовжувала жити при Андріївській церкві після його смерті. Шаббатович (не Шаббатовський) Іван Дмитрович – настоятель Андріївської церкви із 1855 р. Його дружина, Олена Яківна, була родичкою братів Лебединцевих по матері.

¹²⁶ Карашевич П. Очерк истории православной церкви на Волыни. – СПб., 1855.

¹²⁷ «История Русской церкви» архієп. Філарета (Гумілевського).

¹²⁸ Флеров И. О православных церковных братствах, противоборствовавших унии в Юго-Западной России, в XVI, XVII и XVIII столетиях. – СПб., 1857.

¹²⁹ Ймовірно, інспектор КДС архімандрит Петро (Троїцький).

¹³⁰ Дружина Наполеона III.

¹³¹ Малишевський Іван Гнатович (1828–1897) – викладач КДА, один з найавторитетніших і найпопулярніших професорів Академії.

¹³² Самборський Іван – випускник КДА (1853), викладач Херсонської ДС.

Пока прости, искренне любящий тебя брат П. Лебединцев.
12 мая 1857 г.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
28 травня 1857 р.

Ф. III, № 6723

/18/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

Письмо твое получил я преаккуратно 25-го. В воскресенье не мог быть у Леппных чтобы поблагодарить за услугу; вчера их нельзя было видеть; сегодня может быть.

Князя Багратиона¹³³ проводил я 23-го мая; он был у меня, приглашал на обед, подарил коробку [...]тро, термометр хороший и портрет свой, – и обещал остановиться у меня, если будет проезжать когда через Белую Церковь. Хорошо; он поручал даже написать Даниилу [Гавриловичу], чтобы он повидался с ним в Петербурге, но Даниил пишет, что это свидание только возбудит ложные толки обо мне, т. е. по Дергар[...]соту.

Арсений пишет от 21 мая; [о.] Жуковский¹³⁴ умер, но архиерей болен и никого не назначает на его место пока. [Преосв.] Поликарп¹³⁵ уже уехал в /18 зв./ Петербург. В Одессу прислано 40 бронзовых крестов. Вера Соколова 22-го мая имела венчаться с профессором семинарии Одесской; разумеи, не зевай.

Из «Авгбур[гской] газеты»: железная дорога от Одессы до Киева, и от Киева до Брод и от Киева до Курска – 1.400 верст; верста стоит 80.000 руб. серебр[ом]. 9-го сентября 1857 г. в Берлине будет вселен[ский] протестан[тский] собор; а недавно был в Германии Картофельный юбилей! Два великих события для немцев.

Пакет о. Антонию отошли или отдай, когда его нет дома, келейнику; только не лично, чтобы не думал, что я чего ожидаю от него. Два попечителя слетели, харьков[ский] и казанский; дело касается пред[...]ия и нашего отечества.

Не угодно ли полюбопытствовать показания /19/ [С.П.] Шевырева и борьбе его с графом [В.А.] Бобринским¹³⁶; Это двоюродный брат следователя киевского.

¹³³ Титул князя Багратиона тоді носив Петро Романович (1818–1876), флігель-ад'ютант імператора.

¹³⁴ Жуковський Михайло Корнилович (1788–1857) – кафедральний протоієрей Одеського Преображенського собору з 1844 р. У лютому 1857 р. вийшов за штат (Духовенство Одессы. С. 159–160)

¹³⁵ Полікарп (Радкевич; 1798–1867) – випускник КДА (1823), вікарний єпископ Одеський у 1853–1858 рр. У березні 1857 р. був призначений очільником Російської духовної місії в Єрусалимі, проте вже у вересні повернувся на попереднє місце, звідки був призначений єпископом Орловським.

¹³⁶ Йдеться про публічну сварку і бійку між графом Василем Олексійовичем Бобринським і Степаном Петровичем Шевирьовим на початку 1857 року. В.О. Бобринський виступив проти кріпацтва і інших порядків в імперії, а С.П. Шевирьов сприйняв це як нападки на саму Росію.

Только не давай студентам Университета, а то еще его поймает [А.А.] Бобринский; студенты, пожалуй, сделают манифестацию [А.А.] Бобринскому. Да и из своих не давай списывать никому, доколе [А.А.] Бобринский в Киеве, только приближенным своим можешь почитать.

Не хлопочи об Артамоне; он не сможет занимать должность в Академии по состоянию своего здоровья. Разве что в Софийс[ком] училище.

Все у нас благополучно.

Я должен быть в июне в Киеве, за ризою на образ св. Николая после 15-го.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев

P.S. Очень рад, что [брат] Андрей удостоился набедренника. С проповедьми не знаю чего.

28 мая 1857 г.

А что ряса?

Ивану Ивановичу глубочайш[ее] почтение и возвращаю его письмо.

**Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
24 жовтня 1857 р.**

Ф. III, № 6724

/20/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Вчерашний вечер, паче чаяния, явился ко мне Иван Ильич, как ничего не бывало, и попросил отослать его лошадь; просидел до 9-ти часов, жаловался на скуку, и что скоро, со дня на день, ждет семью, – упоминал, что когда бы Бог послал Маше доброго человека и что он, Иван Ильич, чрезвычайно счастлив семейною жизнью. Затем уехал. Я ни слова не закинул *ad rem certam*¹³⁷, как требовали обстоятельства; он просил меня к себе, когда приедет его семья; я обещал, но без зова не пойду. А если пойду, допытаться правды, по крайней мере при посредстве [Н.Ф.] Левицкого¹³⁸?.. Он говорил, что [Н.Ф.] Левицкий его задушевный.

В Звенигородке был я 21-го окт[ября] и взял архив /20 зв./ правления до 1795 года. Бегло уже просмотрел – он начинается с 1768 года – большею частию дела о построении церквей и посвящении священников, в которых попадаются сведения и о состоянии церкви вообще; дело о сборах на стол короля – самое интересное; дел мало, за некоторые годы лишь по одному – всего две связки; кажется, что этот архив горел, некоторые грамоты только половина уцелела от огня, – и то слава Богу! В Таращан[ском] архиве ничего путного нет, только с 1797 года дела Пятигорского духов[ного] правления, а я думал, что здесь дела

¹³⁷ *Ad rem certam* – для конкретної мети (латин.).

¹³⁸ Левицький Микола Феодосійович – наглядач єврейського училища. За скаргами батьків учнів на його недбалість у вересні 1857 р. був переміщений (ЦДІА, ф. 707, оп. 23, спр. 377, оп. 87, спр. 3706).

Тетиевської протопопії. Я просив Григорія Марковича¹³⁹ справитися, що єсть в Черкас[ском] архиві; думаю, що в Звенигородці не весь архів Смелянської протопопії, а більша частина його поступила, верно, в Черкаси; там же повинна бути і Мошенська протопопія. Якщо виявиться що, то заглянемо праздником [Роздства].

/21/ Портрет арх[имандрита] Мелхиседека взят у [о.] Леонтовича¹⁴⁰ о. Тимофеем Сухобрусовим¹⁴¹, і був у нього до смерті, як говорить [о.] Шаббатович¹⁴²; у [о.] Леонтовича повинен бути архів Белоц[ерковської] протопопії от [круля], ібо [о.] Шаббатович в 1838 г. передав йому два сундука великих старих бумаг, при благочин[ническом] архиві – в Кагарлицьке. Подивлюся – 1-го листопада. Ищите и обряцете, сказав Спаситель. Але все це крохи з архіву старої Переяславської консисторії; там – об'єднання повинно бути, – скажу це Івану Ігнатичу¹⁴³. О, якщо б вимагати архів цей, як багато об'яснилося б з минулого України! *[приписка знизу]* Поки цього не буде, важко що-небудь з уездних архівів вибрати для прибавл[ення] к «Воскр[есному] чтению»; всі ці свідчення отрывочные і занадто частинні, щоб можна було з них слепити щось ціле. – Тільки в «Губерн[ские] ведомос[ти]».

Бідні, бідні правління; уобрази, що в них і до сього часу не топлено – ні в Звенигородці, ні в Таращі, – і канцеляристи пишуть, подувая в руки! О, холодне і не согревающее духовенство! О, казна духовна!

В Звенигородці посилав на ярмонку¹⁴⁴ шукати Павла Акимовича¹⁴⁵ – не було. Був і обідав у Дукачева – він двинув додому на славу! І вір людям, коли їдять!

/21 зв./ Дуже раді, що Бог послав Даше¹⁴⁶ Івана Іванов[ича] Яновського. Що митрополит о приході?

При случає перескажи Івану Ігнатичу моє мнение о прибавлении к «Воскр[есному] чтению».

¹³⁹ Левицький Григорій Маркович (...–1882) – чоловік Олександри Гаврилівни, служив у с. Калиновій неподалік від Зеленої Діброви, в 1870-х роках переїхав до Києва служив у Златоустівській старокиївській та в Ольгинській церквах. За свідченням І. Гордієвського (Памяти кафедрального протоієрея... № 9), саме через Григорія Марковича Петро Гаврилович підтримував письмове спілкування із ріднею, що жила в тих краях, тобто з Шаворськими, Коломацькими, Гордієвськими і Яновськими, а також, напевно, з двоюрідною ріднею.

¹⁴⁰ Леонтович Григорій – благочинний у Київському повіті, служив в с. Трипілля.

¹⁴¹ Сухобрусов Тимофій Микитович – київський священик, із 1831 р. був ключарем Софійського собору. Він випадково виявив у 1843 р. давньоруські фрески собору. Один з найшанованіших київських протоієреїв ХІХ ст.

¹⁴² Д.І. Шаббатович до переведення до Київської Андріївської церкви служив протоієреєм у Кагарлицьку (до 1838 р.), Звенигородці і Липовці (ЦДІА, ф. 127, оп. 1011, спр. 1589, арк. 2 зв.–4).

¹⁴³ Малишевський.

¹⁴⁴ Ярмарка.

¹⁴⁵ Шаворський Павло Якимович, чоловік Марфи Гаврилівни, служив у Зеленій Діброві.

¹⁴⁶ Дарія Микитівна Гордієвська, донька Єфросинії Гаврилівни.

Эти прибавления необходимо издавать в форме листов «Воскр[есного] чтения», так, чтобы было 6-ть в неделю листов прибавлений, 7-й воскресный. Этим 6-ти будним листам можно бы дать и особое название, сродное «Воскресному чтению»; кажется, не будет нелепым, если назвать прибавление недельным (седмичным) чтением. Разумеется, что «Недельное чтение» должно выходить выпусками недельными – 6-ть листов или хоть полулистов в неделю составят один выпуск, а 4-ре выпуска одну книжку в месяц. Тогда, конечно, можно требовать, чтобы подписавшийся на прибавление выписывал и «Воскресное чтение», ибо тогда прибавление и «Воскр[есное] чтение» будут по видимому однородны. В Академии нет попа, молитву прочитает родильнице и наречь имя. – Но я не берусь поливать там, где не просят, а подсказать можно.

Прости. Искренне любящий тебя брат П. Лебединцев.

1857 г. 24-е окт[ября] м. Белая Церковь.

P.S. Если бы Ивану Игнатьевичу и понравилась моя мысль о прибавлении; то все же попроси не выдавать ее источника. – Советов не любят.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
19 листопада 1857 р.

Ф. III, № 6725

/22/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

Пред получением твоего письма было изготовлено мною к тебе с приложением письма Андреева, в котором он спрашивал меня о деле – значении Воронов[ского] прихода¹⁴⁷. Сестра была так обеспокоена неприбытием долгим жениха – [И.И.] Яновского, что приехавши в Корсунь, просила Андрея съездить ко мне; хорошо что Андрей не поехал, хорошо что и ты уведомил меня в благопотребное время, почему я мог тотчас это сведение сообщить Андрею. Однако нужно было бы это дело кончить до праздника; если бы ты чувствовал себя не в силах, то я приеду на подмогу; во всяком случае, уведомя, с какими мыслями [И.И.] Яновский поехал из Киева.

[Н.Ф.] Левицкий уехал из Б[елой] Церкви, будучи внезапно переведен в Нежин. /доповнення знизу/ [[И.П.] Трофимов говорит, что [Н.Ф.] Левицкий обнаружил себя – с видами на Марию Ивановну. Вот штука, если бы я обратился к [Н.Ф.] Левицкому!..] После я не виделся с Лепными; Иван Ильич как будто хотел что-то свалить на твою хозяйку, да не договорил.

¹⁴⁷ Сестра Лебединцевих, Єфросинія Гаврилівна Гордієвська (1823–1896), була дружиною Микити Васильовича, священика с. Воронівка, і у лютому 1857 р. стала вдовою. Її донька Дарія вийшла заміж за Івана Івановича Яновського (лист Петра Гавриловича до нього від ... 1879 р. наведений у цьому збірнику). Єфросинія Гаврилівна була близькою із братом Андрієм Гавриловичем, в його домі Микита Васильович помер від тифу. Надалі саме Андрій ініціював і закріплення Вороновського приходу за нею, і надання її дітям допомоги як сиротам (див. листи Андрія Гавриловича до Феофана Гавриловича у ф. III ІР НБУВ).

/22 зв./ Отыскали указ, которым велено было [еп.] Виктору¹⁴⁸ забрать в Слуцк все дела Переяслав[ской] консистории и из Киев[ской] консистории все дела, касающиеся церковей назначенной ему епархии, – на основании его и других сведений составленный проект записки об истребовании этого архива послал о. Антонию. В Черкас[ском] дух[овном] правлении должна быть целая половина – бо́льшая, архива Смелян[ской] протопопии, там должны быть дела о Харьке и Мелхиседеке, ибо следы есть и в бумагах звенигородских. Я бы уже и послал в консисторию за разрешением, да Григорий Маркович не присылает мне обещанной справки.

Ездил я в Триполье – 17 ноября, был и в Гусачевке – резиденции [о.] Зражевского¹⁴⁹. В последней видел только набедренник [о.] Зражевского, а недостойный преемник достойнейшего протоиерея был [до] того пьян, что я ничего не мог добиться от него, и только пел мне: «Да возрадуется душа твоя о Господе», голова заболела, и я поехал в Триполье. /примітка збоку/ *[не говори этого Антонию.]* [о.] Леонтович обещал разобрать кое-какие свои архивы, где есть бумаги и от Трипольской /23/ протопопии оставшиеся; но отрекся от того, что он принял благочиние после [о.] Шаббатовича, и от сундуков его, и сослал меня в Стретовку к [о.] Суфцинскому¹⁵⁰. Оказалось, что [о.] Леонтович неправду сказал, – сундуки должны быть у [о.] Леонтовича; /примітка вгорі/ *[Хотя между им и [о.] Шаббатовичем был Лука Солуха – 2 года.]* а с. Германовки старик Григорович /доповнення збоку/ *[Григорович в детстве помнил Зражевского-криворучку, ибо ему отрубили левую руку за православие, а для священнодействия подвязывал медную кисть. Внук его – пономарь в Венцетовке 50 лет.]* 75-ти лет, передавший их [о.] Шаббатовичу, сказал, что эти сундуки шли от [о.] Зражевского к [о.] Галинскому – отцу архимандрита Авксентия¹⁵¹, а от Галинского к нему в 1817-м году, и что в них бумаги до того стары, что почернели, но он их не рассматривал, хотя хранил более 20 лет. Здесь нужен указ, без того трудно что-нибудь разыскать, с поклонами. Побывай у о. Антония, объясни ему эти трипольские обстоятельства, а главное, спроси, пошел ли в ход мой репорт об этих сундуках митрополиту, которыми, пославши к о. Антонию, я просил о передаче их мне; и уведоми меня, что он скажет.

¹⁴⁸ Віктор (Садковський, бл. 1741–1803) – у 1785–1793 рр. вікарний єпископ Переяславський і Бориспільський з перебуванням у Слуцьку (єпископи Переяславські відповідали за православні «закордонні» церкви і монастирі, тобто православні, не греко-католицькі, в Речі Посполитій).

¹⁴⁹ Зражевський Василь Мойсейович (1733–1796) – православний протопіп Білоцерківський, у 1759 р. став греко-католицьким священником у Гусачівці, нині Обухівського району Київської області, там володів маєтком, під час Коліївщини осаджений польськими загонами (до серпня 1768 р. вже перейшов з приходом до православ'я).

¹⁵⁰ Суфцинський Пилип – священник с. Стретівка, нині Кагарлицького р-ну.

¹⁵¹ Авксентій (Галиїнський; 1782–1844) – київський архімандрит, в роки навчання Петра Гавриловича в Києві був настоятелем Пустинно-Микільського монастиря. Його батько служив в Обухові.

/23 зв./ Звенигород[ский] архив уже почти кончен мною, оканчиваю дело о сборе на стол короля. Из этих сведений можно составить статью не одну, но уже по разбору того, что перешло в Черкассы; иначе все будут выходить только отрывки.

Предложению [о.] Антония секретному о проповедях не верь; он хочет только видеть опыт.

Князя Яблонивского¹⁵² играющего в карты с козаками на базаре видел о. Иаков¹⁵³, и был свидетелем, как он укрывался под кроватью его дяди – священника Стебловского, от козаков, гнавшихся за ним, чтобы дать копачок за проигрыш. Он утонул в Роси с лошадей Горпинкою.

Прости. Искренно любящий брат П. Лебединцев.

Ивану Игнатьичу мое глубоч[айшее] почтение.

19 ноября 1857 года

м. Белая Церковь

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
9 грудня 1857 р.

Ф. III, № 6726

/24/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

Когда Деркачев впервые представился князю [П.П.] Лопухину, то он¹⁵⁴ сказал ему такую орацию: «Я выезжал из Петербурга в имение; знакомые мои – Меншиков, Кисилев и другие, говорят мне: не хочешь ли, мы напишем об тебе [Д.Г.] Бибикову¹⁵⁵. Я поблагодарил, сказав, что не думаю иметь нужды в [Д.Г.] Бибикове; а просил: если можете, попросите за меня тамошнего станового пристава...» Кажется, то же нужно рассуждать мне относительно моих бумаг, лежащих в консистории, т. е. просить тебя, чтобы не справлялся у [о.] Крамарева¹⁵⁶ и других членов, а послал бы к [А.К.] Поставскому¹⁵⁷, или к кому другому из канцелярии консисторской.

¹⁵² Август Доброгост (Микола) Яблоновський (1769–1791/92) – «князь-козак», відомий дивацтвами; помер у таборі біля ріки Рось біля Стеблова.

¹⁵³ Ймовірно, о. Яків Завадський, покійний настоятель Андріївської церкви, який до того був священником у Таращі і в Корсуні в Спаській церкві.

¹⁵⁴ Напевно, П.П. Лопухін, а не Деркачов, оскільки Меншикови і Бібікови – його рівень знайомств, а не Деркачових, пересічних дворян.

¹⁵⁵ Бібіков Дмитро Гаврилович (1792–1870) – київський генерал-губернатор у 1837–1852 рр., міністр внутрішніх справ (1852–1855).

¹⁵⁶ Крамарев Григорій Никифорович (1817–1868) – протоієрей, з 1856 р. ключар, з 1863 р. кафедральний протоієрей Софійського собору; за посадою ключаря і кафедрального протоієрея був членом духовної консисторії.

¹⁵⁷ Поставський Антоній Кирилович – столоначальник Київської духовної консисторії. Від столоначальників залежало просування справи, якщо вона не опинялась «на олівці» у вищого керівництва.

На сей раз, пользуясь случаем, пишу сам к Лаврентию Похилевичу¹⁵⁸ – авось он исполнит /24 зв./ мою просьбу. Члены часто смешивают сходные дела, так когда я спросил в конс[ис]тории о репорте моем относительно звенигор[одского] архива, то мне отвечали, что и указ послан, а по справке оказалось, что и репорт не попал в конс[ис]торию, ибо пропал у [преосв.] Аполлинария¹⁵⁹. Впрочем, недавно послал я письмо [о.] Леонтовичу, прописав, что этим делом интересуется о. Антоний; чрез того же жида жду и ответа.

За приятную весть весьма благодарен тебе – тем более что я вовсе не ожидал такого внимания начальства.

Очень сожалею, что ты не будешь мне сопутствовать. Впрочем, не знаю, что дорога скажет. А очень жаль, если не удастся поехать; памятники гибнут, нужно спешить. Вот протоиерей Буйницкий¹⁶⁰, вследствие письма моего об архиве Тетиев[ской] протопопии, уведомил меня, что он сгорел в 1854 году в Пятигорск[ой] церкви, при которой брошен был по переводе уезда из Пятигор в Тарашу – в 1801 году. Увы!..

Ради братств не стоит сидеть в Киеве; разве нет ли особенных причин? Братства /25/ 18 века – униатского происхождения; помину или намека об них со стороны православной я не встречал ничуть. Хотя бы я и путешествовал чрез Богуслав, то по многим причинам неудобно мне заезжать в Дыбинцы¹⁶¹ – и физическим – ужасный спуск в яму; и политическим – мой приезд возбудил бы не менее толков, как приезд Чичикова в губерн[ски]й город. Лучше поручить это Ивану Максимовичу Вакуловскому¹⁶², он ритор, сумеет записать. Мой путь будет чрез Карапыши¹⁶³ в Корсунь, оттуда в Черкассы, Смелу, Калинову, Вороновку, Зеленую, Звенигород и далее. В Чигирин только в том случае поеду, если будет санная дорога.

Послана ли в Синод программа новая «Воскр[есного] чтения»? Вытребуют ли архив из Слуцка?

У меня есть из звенигор[одского] архива славный дрюк – [П.А.] Кулешу и [М.] Грабовскому¹⁶⁴; это ответ князя Любомирского униат[скому] митрополиту

¹⁵⁸ Похилевич Лаврентій Іванович (1816–1893) – краснавець, автор «Сказання о населенных местностях Киевской губернии» (1864) и «Монастыри и церкви города Киева» (1865); з 1843 р. помічник секретаря Київської духовної консисторії.

¹⁵⁹ Аполінарій (Вигилянський; 1795–1858) – вікарний єпископ Чигиринський у 1845–1858 рр., у зв'язку з частими хворобами митрополита Філарета (помер 21 грудня 1857 р.) часто вирішував його службові завдання. Сам єпископ Аполінарій помер менш як за місяць, 10 січня 1858 р.

¹⁶⁰ Буйницький Федір – священник с. Жидівчик (нині Степове) між Тетієвом і Жашковом.

¹⁶¹ Дибинці – село біля Богуслава.

¹⁶² Вакуловський Іван Максимович – дячок с. Хирівки неподалік Стеблева, двоюрідний брат Лебединцевих по матері. Його батько служив дячком у Дибинцях.

¹⁶³ Карапиші – село біля Білої Церкви.

¹⁶⁴ Грабовський Міхал (1804–1863) – польський історик і письменник, дослідник української старовини, «українофіл». Виріс і тривалий час проживав у Чигиринському повіті. У 1850–1862 рр. мешкав в Києві, де зблизився із Пантелеймоном Олександровичем Кулішем. Обидва цікавилися з-поміж іншого темою Коліївщини.

Иоанну Сморгжевскому на его письмо, – в нем Любомирский объясняет Колиивщину прямым следствием угнетений, а народ защищает от обвинений в бунте...

/25 зв./ Протоиерей Андриевич доставил мне печат[ную] инструкцию 1754 года униат[ского] митрополита Афанасия Шептицкого...

Прости.

Искренно любящий тебя брат Петр Лебединцев

1857 г. 9-е декабря.

Варвара была без праздника; то же и я сделаю.

А спроси у [о.] Шаббатовича: сам ли [о.] Леонтович принял у него сундуки пресловутые, или кто-либо другой по его поручению, и с кем они были отправлены?

**Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
12 лютого 1858 р.**

Ф. III, № 6727

/26/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Будем гривенники изводить! Письмо твое последнее от 21 генв[аря] получил я по приезде из Киева, с штемпелем: Чигирин, следов[ательно], оно слетало туда, и значит, долго ходило, ибо почта в Чигирин идет через Черкассы. Спасибо тебе за твои известия, как бы оные были получены в свое время, ибо дело нужно судить по намерению; ответы на некоторые твои вопросы уже сообщены мною изустно. Касательно умения, впрочем, яко Параклит¹⁶⁵ тебя умудрит... Я и сам прежде Сквиру занял¹⁶⁶, а потом женился, хотя и до женитьбы еще отказался от Сквир.

Теперь расскажу тебе о моем путешествии. Я направился к Триполье, куда и прибыл в 8-мь часов вечера, и тотчас отправил к [о.] Леонтовичу бумаги, давая знать, что сам буду поутру. Возвращается Иван и смеясь говорит: сей батюшка, верно, думал, что мы теперь заедем к нему. Девка сказала, что батюшка дома, отнесла бумаги /26 зв./ и говорит уже – нема дома, кудысь поехали, а приедут поздно, поутру дадут знать. Утром отправляюсь сам; девка говорит: нет дома, поехали рано до света в бор, а пробудут долго, может быть, сегодня и не приедут. Спрашиваю: ты же говорила, что я буду, и бумаги отдала? Молчит. Между тем слышу, в комнатах раздается кашель [о.] Леонтовича! Что было делать? Плюнул и уехал. Дорогою заехал в Мировку¹⁶⁷ к о. Петру Крикуновичу, и получил от него сведение, собранное им в Жидов[ских] Ставах¹⁶⁸, что сундуки те доставлены [о.] Леонтовичу – сам ктитор ныне живущий еще отвозил, а кроме того 5-ть возов

¹⁶⁵ Паракліт – Утішитель (грец.).

¹⁶⁶ Петро Гаврилович ще у 1848 р. зарезервував за собою місце протоієрея у Сквирі, і ще до одруження відмовився від нього (ЦДІА, ф. 712, оп. 1 (1849 р.), спр. 25).

¹⁶⁷ Мирівка – нині Кагарлицького району.

¹⁶⁸ Жидівські Стави – нині Стави Кагарлицького району.

бумаг – архива, то же подтверждають тамошний диакон и пономарь. Итак, нужно мазнуть этого скота; и я решил послать репорт преосв. Евсевию¹⁶⁹ о заперательстве [о.] Леонтовича в принятии сундуков и выклейке стен. Мне кажется, впрочем, что это сундуки не совсем погибли, ибо двух сундуков слишком много на выклейку дома его; но просто свинство, какое-то свинячее упрямство, по которому наш брат не может /27/ добиться даже аудиенции у этого скота.

Если ты будешь у [преосв.] Евсевия по делу о Вороновке, то объясни ему этого скота хорошенько. Лучше бы, чтобы благочинным был твой товарищ [о.] Веледницкий¹⁷⁰, чем этот боров, пьющий аки воду... и управляющий 2-мя благочиниями. Если велят произвести следствие, то буду просить [о.] Жданова¹⁷¹, чтобы это поручил [о.] Фоменкову¹⁷²; ибо всякий другой из благочинных немногим более [о.] Леонтовича уважает древности.

«Воскресного чтения» не получаю уже с месяц; потрудись, покорно прошу, заглянуть в редакцию и побудить оную.

О, полиция! О, Петр великий!.. Где ты? Вообрази, что бездельник пристав и доселе не отослал переданных ему от меня денег одесского старичка, и что же делает, – говорит, – послал в Одессу бумагу, чтобы наследница явилась в Белую Церковь за поручением. Просто нища и странника обирают! А баба беспокоит Арсения [Гавриловича]. Да я уже примусь за эту полицию...

Мой приход дошел до того, что вся наша /27 зв./ знать говееет на 1-й неделе. Конечно, это очень приятное явление! Поздравляю тебя с окончанием сего подвига душевного.

Приехал [преосв.] Аполлинарий, взял Корсунский Синодик – Ильинской церкви – древний, а может быть, при многолетних объездах епархии ему попадались и еще какие-либо другие церковные памятники. Расспроси у Ивана Дмитрича¹⁷³, кто описывал его имущество и разбирал бумаги; не попадет ли чего в твои руки, прежде чем повыберут другие, аки из мешка Сухобрусова.

В «Le Nord»¹⁷⁴ пишут, что Тамбов[ские] помещики отказались освободить крестьян, а губер[ский] предводитель освободил своих только и вменил в бесчестие управлять так низким дворянством, а дворяне избрали другого предводителя.

¹⁶⁹ Євсей (Ільїнський, 1810–1879) – тимчасово керуючий Київською єпархією після смерті митрополита Філарета. До того був єпископом Подільським, з Києва був призначений екзархом Грузії. Випускник КДА (1835).

¹⁷⁰ Веледницький Дмитро Йосифович – священик с. Стайки неподалік Трипілля. Був однокурсником Феофана Гавриловича по КДС. Щонайменше у 1864 р. він вже був благочинним.

¹⁷¹ Жданов Дмитро Афанасійович (1812–1897) – київський протоієрей, випускник КДА (1841). Із 1854 р. був членом Київської духовної консисторії.

¹⁷² Благочинний, який не захотів віддавати свої книжки у благочинницьку бібліотеку.

¹⁷³ Шаббатович Іван Дмитрович, дядько Лебединцевих по матері, благочинний Звенигородський і настоятель Андріївської церкви у Києві.

¹⁷⁴ «Le Nord» – газета, що видавалася в Брюсселі, напівофіційний друкований орган російської європейської дипломатії.

Говорят, что князь Владислав¹⁷⁵ подарил усадьбы крестьянам Белой Церкви одной, в награду за неволнение в 1855 году.

Может быть, поеду сегодня искать Фастовскую протопопию. Из Сквир нет ничего, как уведомил меня [о.] Андриевский.

Прости. Искренне любящий тебя брат Петр Лебединцев.

1858 г. 12 февраля

м. Белая Церковь.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

5 сепня 1858 р.

Ф. III, № 6728

/28/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

Меня удивляет, что [о.] Игнатович доставил мне твое письмо от 2-го августа, тогда как в этот день в 4-ре часа утра должна была разбудить тебя эстафета, отправленная мною 1-го августа в 5-ть часов вечера; по этой эстафете отправлено письмо [П.Ф.] Симиренка, которым он уничтожает договор с тобою¹⁷⁶, а в моем – мой совет.

Что же ты придумал? Кажется, более ничего не придумаешь.

Из прилагаемых денег – 15 руб. сер. отдай Надиньке за музыку Пархоменковой, 15 руб. /додаток знизу/ *[5 руб. прошу приложить, ибо не оказалось дробы более, а случай не ждет; разочтемся]* за музыку занеси в Совет Института, а 6 руб. сер. Надиньке за ноты или что-то подобное, всего посылаю 36 руб. серебр[ом]. Вчера получил я письмо Надиньки, в котором усиленно просит выслать эти /28 зв./ деньги, и я тороплюсь выслать; ибо знаю, что ей очень неловко, когда деньги не уплачены в срок.

Александра Степ[ановна], верно, больна или потеряла деньги, что после двукратных обсуждений не выслали ничего для Надиньки.

К Наденьке, сделай одолжение, зайти завтра, если нельзя ее видеть, то поручи деньги Александре Кирилловне¹⁷⁷ с приложением моего поклона.

Жду с нетерпением твоего ответа.

Искренне любящий брат, Петр Лебединцев.

P.S. 19-го авг[уста] в Белой Церкви обещается в[еликий] к[нязь] Николай Николаевич с супругой на пути в Крым. Говорят, железная дорога захватит часть Александрии.

/29/ По написании сего.

Письмо твое по эстафете получено в 7-мь часов утра, 5-го августа. Что на это сказать? По братской любви я не пошлю твоего ответа Платону [Федоровичу]; оно

¹⁷⁵ Граф Браницький Владислав Міхал (1826–1884), тодішній власник Білої Церкви.

¹⁷⁶ Феофан мав стати священником при заводі П.Ф. Симиренка, где влаштувалося заводське містечко. Перемовини вів значною мірою Петро Гаврилович. Див. статтю у КС.

¹⁷⁷ Викладачка Інституту шляхетних дівчат.

показало бы только твое усилие, придало бы М[арии] В[асильевне]¹⁷⁸ гордости (она содержание его огласила бы всем и еще более конфузила бы тебя), а делу не помогло бы. Отвечу от себя и кратко, и не по эстафете, – нужно действовать холодным оружием. Поверь мне, что это лучше, положишься на мою опытность. Здесь повторяется в другом только виде одна испытанная мною история, а здесь я вижу все щелки. Получивши твое письмо, не сочли бы нужным и извиниться, так подняли бы голову.

Если приедет Платон [Федорович] в Киев, то не ищи сам свидания с ним (пусть он сам повидается, если ему будет нужно) и не дай и намека, что это место так интересуется тебя и так дорого.

Копию моего ответа к Платону [Федоровичу] пришло тебе с первой почтой. Если не воротится дело на лад, то, по крайней мере, честь при нас, а конфуз за торопливость на их стороне.

Прости. Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

1858 г., 5-е августа

м. Белая Церковь.

Все же будет говорить за тебя [брат] Андрей, а Платон [Федорович] будет у него.

P.S. письмо в Новомиргород сегодня посылаю.

**Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
6 септя 1858 р.**

Ф. III, № 6729

/30/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Вот тебе ответ /доповнення знизу/ *[Эту копию прошу сберечь для правок.]* посланный мною [П.Ф.] Смиринке вчера по почте. Здесь нет ни упрека, ни просьбы, ни сожаления; пусть он сам сделает себе упрек и пожалеет о поспешности своей; здесь в моих действиях такая медленность, которая пред тем хорошо содействовала к заключению условий. Что далее? Скажем тогда, когда будет его ответ. Но он теперь очутится тоже в неловком положении после этого письма.

Может быть, ты не вполне оправдываешь мой поступок с твоим письмом? Но ты же сознаешь, что ты очень взволнован, что тебе очень хочется удержать это место, потому тебе решительно нельзя здесь самому действовать, а упрашивать, убеждать – это последнее дело... С другой стороны, /30 зв./ подумай – стоит ли предаваться такому отчаянию? Разве все должны быть в отчаянии, если бы ты один поступил в завод? Живут же и жили на других местах и без завода этого. Да подумай, только ли потому отказывают тебе, что ты по-видимому нарушил условие свое с [П.Ф.] Смиринком? Может быть, они поторопились и уже сожалеют, что посулили священнику 1.000 руб., когда и еще нужно дьячка и

¹⁷⁸ Дружина К.М. Яхненка.

диакона? Кто угадает пока истинную причину? Для того, чтобы это место считать прочным, мало условия или прописки о нем в прошении преосвященному; нужно законное по форме обязательство, что они будут производить 1.000 руб. доколе, доколе угодно будет епарх[иальному] начальству держать тебя на этом месте, – иначе священник будет официалист, и положение всегда шатко. Еще прочного пока очень мало, а уже можно видеть, чего ожидать.

/31/ Ответ твой прекрасно составлен, но в твою пользу из него мало, множество доводов только подвергает сомнению представленное мною средство к благополучному исходу. Если же бы все эти доводы ничего не подействовали, то конфуз наш втрое, вдесятеро увеличился бы, равно как с другой стороны в такой же пропорции увеличилось бы торжество.

Благовари Бога, что ты ответ свой не отправил прямо по адресу; и заметь это, ты со временем признаешь, что это правда.

Тебе теперь одно: заняться архивом и прервать всякие сношения с поверенным, т.е. не вызывать его никакие справки самому и не делать никаких ему поручений, доколе не будет известно ответ Платона Федоровича; на вопросы своих о месте отвечай, что по новым сведениям, в этом месте еще мало прочного, и едва ли ты будешь там. Вот и все.

Valde salve¹⁷⁹.

Искренне любящий тебя брат Петр Лебединцев

6 авг[уста] 1858 г.

м. Белая Церковь

/31 вгорі/ Помни закон психологический: чем более заметны усилия с одной стороны, тем менее желания с другой.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

14 вересня 1858 р.

Ф. III, № 6730

/32/ Любезный брат Феофан Гаврилович!

Так, предоставь воле Божией место заводское; что будет, то будет. Мы с своей стороны сделали все, сколько можно было, не унижая себя, и прочее пусть уже само своим путем идет. Жалею, что в Белой Церкви не позаботился я переписать сказание о Кушнере¹⁸⁰ для Платона [Федоровича], что я обещал ему в заводе еще; помешало его же письмо, после которого я считал неуместными услуги свои. Чтобы и меня он не счел не сдерживающим слово, напиши, что посылаешь по поручению моему, как я и просил действительно: все равно он будет тебе благодарен за доставку, а я как будто сдержу слово.

¹⁷⁹ Велике вітання (латин.).

¹⁸⁰ Згодом було опубліковано у «Руководстве для сельских пастырей»: Лебединцев П. Страдание и мучение за православие Даниила Кушнера, жителя млиевского // РСП. 1860. № 2. С. 40–47; Лебединцев П. Дополнительные сведения о сказании о мученической кончине млиевского ктитора Даниила Кушнера // РСП. 1860. № 2. С. 47–56.

Монастырские дела Киев[ского] архива возвращаю при сем; в них только и дельного было, что о Виноградск[ом] Ирдын[ском] монастыре¹⁸¹, кое-что и о Мошногорском¹⁸², но все *ziarko do ziarka będe miarka*.

Что касается архива, то весьма благодарен тебе, что ты не хочешь быть несправедливым и уважаешь чужой труд. Что касается, впрочем, [о.] Антония, /32 зв./ и Вашего обязательства пред ним с [М.С.] Гуляевым¹⁸³, то [о.] Антоний давным знает, чем я занимаюсь, и потому не потребует от тебя того, чего мог ждать от меня, да и вы, кажется, во первых взялись разобрать архив. В мае я и свои в этом предлагал ему услуги, обещая приехать на месяц в Киев после экзаменов, но он сказал, что для меня это уже лишний труд будет, когда вы беретесь разбирать; вот почему и решил я объехать монастыри, чтобы не быть без дела, пока Вы осмотрите архив, – оттого и хотел это делать еще в июне, предполагая, что вы в это время будете уже заниматься архивом. Действительно, архив консистории оказывается бедным; интересного только и есть, что переясл[авские] бумаги. Но ты забываешь об архиве униат[ской] консистории, который не менее стоит внимания, и на который никто еще не простер своей руки. Желал бы я знать твое мнение об этом архиве. Я бы охотно взялся за него, если бы не начал уже другого дела, т.е. описания приходов епархии по православ[ным] источникам. Сколько я уже изучил, хотя поверхностно, дело сие, Уния более по времени господствовала, чем православие в 18 в.: неужели можно описать епархию нашу без изучения действий Унии по ее документам?

Монастыри уже кончены мною вчера: /33/ отделять в чистоту не намерен я до окончания обзора всех источников. Твой опыт о [архимандрите] Мелхиседеке¹⁸⁴ показывает, что можно пока печатать только документы, а не писать статьи, доколе вполне не обозрен предмет. Меня затрудняет переписка документов; сам пишу скверно, а мой писец – Макариев сын, не утвердил еще почерка.

Если ты отречешься от архива униатского, то прошу дать мне бумаги, касающиеся не 4-х из 9-ти, а 2-х – Васильковского и Звенигородского уездов, из переясл[авского] архива, как предполагаешь; ибо только таким образом могу я не потерять своего труда; в противном случае мне прискорбно было бы думать, что еще кто-нибудь думал обо мне, как Лаврентий Похилевич, чающий будущего описателя монастырей. А затем возьму дела униатской консистории. Если на это

¹⁸¹ Виноградський Ірдинський Успенський чоловічий монастир – печерний монастир, що знаходився поблизу с. Мале Старосілля Смілянського району Черкаської обл. Відомий з XVI ст., комплекс побудований у XVII ст.

¹⁸² Мошногорський Вознесенський чоловічий монастир – заштатний у XIX ст. монастир, що знаходився біля сіл Мошни і Будище Черкаського району.

¹⁸³ Гуляєв Михайло Спиридонович (...-1866) – випускник (1849) і викладач КДА. У подальшому кум Феофана Гавриловича.

¹⁸⁴ Феофан Гаврилович досліджував діяльність настоятеля Мотронинського монастиря архімандрита Мелхиседека, розвиваючи тему свого дисертаційного дослідження.

будешь согласен, то прошу сделать так, чтобы уже никто более не простирал к ним руки¹⁸⁵.

Не думай, что я обвиняю тебя за прошедшее; я убежден, что действительно это наше столкновение произошло оттого, что тебе показалось, будто монастырей надолго станет мне. А они заняли бы меня надолго, если бы мы не работали уже над ними крепко в самих монастырях – 3 недели до поту. Главное было сделано уже, оставалось сводить только сведения собранные и выводить.

Нельзя ли справиться, куда поступили дела упразднен-/33 зв./ных в недавнее время муж[ских] монастырей: Лебединского, Белиловского и Ржищевского, перемененного на женский¹⁸⁶. Это совершилось около [18]40 г. при [митрополите] Филарете, и должно быть в делах об упразднении сих монастырей – по консистории.

Пономарь мой попался в похищении пану эконому. Хотя лично не участвовал, а жена. Для чести причтов своих думаю удалить его в дьячки; только не решил, вызвать Якова Ивановича или одного из Братских певцов.

Недавно получил я указ с объявлением мне благословения Св. Синода за отлично-усердную и полезную службу, епархиальным начальством засвидетельствованную. Это вместо креста, вероятно; и за то спасибо.

Билет прошу передать чрез сего Остапа.

Прости. Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

14 сент[ября] 1858 г.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

2 листопада 1858 г.

Ф. III, № 6731

/34/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

Нужно бы и мне что написать; но что напишешь из этой страны Завулоновой? Разве что на твое письмо сказать?

Скверно отличилась Академия, скверно в ней и Киев[ская] семинария! Всего хуже эта глупая церемониальность при подаче прошения¹⁸⁷. Правда, что здесь всего более виноваты [о.] Нектарий и [о.] Петр¹⁸⁸. Что-то будет с этими

¹⁸⁵ Звідки у Феофана доступ до архівів? Архів Київської духовної консисторії в той час лежав в одному з приділів Софійського собору. За свідченням Ю. Крижанівського, це було звалище паперів, яке не вповні захищалося навіть від підтікання з даху.

¹⁸⁶ Лебединський Георгіївський чоловічий монастир – заснований у XVI ст., закритий у 1846 р., знаходився в с. Лебедин Шполянського району Черкаської обл.

Білилівський Георгіївський чоловічий монастир – заснований на початку XVII ст., закритий в 1845 р., знаходився в с. Білилівці Ружинського району Житомирської обл.

Ржищівський Преображенський монастир – давній чоловічий монастир. Перші документи з XVII ст., у 1850 р. чи у 1852 р. реформований на жіночий, знаходився в м. Ржищів Київської обл.

¹⁸⁷ Про що мова?

¹⁸⁸ Ректори Петербурзької і Київської ДС.

реформами?.. У меня был 22-го преосв. Антоний, епископ Одесский¹⁸⁹; приехал в 7-мь часов утра и уехал по обеде; у него испортилось колесо, да и к тому же оо. Антоний и Иоанн рекомендовали ему заехать ко мне. Он человек добрый, без хитрости, но, верно, не очень далек; спрашивал я его о значении ревизии Соломона¹⁹⁰, но он ничего путного не сказал; говорил, что готовят какие-то реформы по учеб[ной] части, но это держится в тайне. От м[итрополита] Григория¹⁹¹ он слышал за все время не более 10-ти слов. От него же я узнал о назначении [о.] Иоанникия¹⁹²; поздравляю с о. ректором; думаю, что не будет жаловать киев[ских] семинаристов. Жаль отца Феокиста¹⁹³!

Что-то теперь речет [митр.] Исидор¹⁹⁴? Он должен /34 зв./ был выехать 19-го из Петербурга. Верно, вы уже познакомились с ним; хорошо, что его резиденция в Соф[ийском] соборе, а не в Лавре, – монахи не будут развлекать его своими дразгами.

Если познакомились, то познакомьте и нас. На беду, диакон мой болен уже другой месяц, у него, кажется, чахотка будет; и, вероятно, придется на Николая приехать в Киев, да попросить, чтобы [дядька] Коломийцева произвели к праздникам во диакона.

Известия твои о Яхнах интересны; но, кажется, напрасно Андрей [Гаврилович] не признал твоего предложения действительным: нам приличнее быть пред Яхнами прямо действовавшими, а не хитрецами. Для тебя от действительности этого предложения нет никакого конфузу, когда в самом деле не хотели и думать о меньшей мимо о старшей¹⁹⁵. Если [о.] Андриевский поступает к Яхну, то должно быть [П.Ф.] Семеренко умыл руки от дела замещения свящ[еннической] вакансии у себя, а представил на волю Промысла и Кондратия [Михайловича]¹⁹⁶, с которым при влиянии Марии В[асильевны] ничего не сделает. И действительно – трудно ему добиться осуществления своих планов по сему предмету, пока еще движут дяденьку по комнате. /35/ Он сделал умно, отказавшись; иначе и он обманывался, и других обманывал. По сей причине он не отвечает тебе, и не спрашивает моего совета, как предполагал в

¹⁸⁹ Антоний (Смолін) – вікарний єпископ Одеський (1858–1859 рр.), а потім Новомиргородський.

¹⁹⁰ У 1857 р. духовно-навчальне управління при Св. Синоді почало збирати відгуки від духовних навчальних закладів щодо їх реформування. У 1858 р. почалася ревізія директора управління кн. С.М. Урусова, який особисто об'їздив 11 єпархій.

¹⁹¹ В той час був один митрополит Григорій – Новгородський (Постников, 1784–1860 рр.).

¹⁹² Іоаннікий (Руднєв; 1826–1900) – випускник КДА (1849), з 1856 р. її інспектор; у 1858 р. призначений ректором КДС. Майбутній митрополит Київський.

¹⁹³ Феокист (Попов) – інспектор Київської духовної семінарії (1856–1859 гг.), в іюне – на початку жовтня 1858 г. виконував обов'язки ректора семінарії.

¹⁹⁴ Ісидор (Нікольський; 1799–1892) – митрополит Київський у 1858–1860 рр.

¹⁹⁵ Подивитись в листі Андрія до Феофана.

¹⁹⁶ Яхненко Кіндрат Михайлович та його дружина Марія Василівна, вдова священика Труханова, у дівочстві Пасхалова (Клебановский П. С.368.

крайнем случае. [О.] Андриевскому будет содействовать [о.] Обыдовский¹⁹⁷, видевшийся с ним где-то. Во всяком случае, твое уже дело с заводом кончено; и ты, верно, не считаешь не основательною задержку мою твоего известного письма.

Законоучителем быть при [Н.И.] Пирогове¹⁹⁸, верно, тяжело, если [о.] Мысловский¹⁹⁹ отказывается?.. Не слыхал ли, как отнесся и чем [Н.И.] Пирогов к киевским законоучителям?

Получено приглашение жертвовать на училище для девиц духов[ного] звания; но бумага о сем составлена весьма робко. Любопытно, как преосв. Антоний станет в отношении к [митр.] Исидору. Преосв. Антоний не поехал в завод; надолго ли отложено, и совсем ли, или только временно. После, верно, он поедет по суше; потому это путешествие небезынтересно и нам; прошу сообщить, что известно.

/35 зв./ Если о [архим.] Мелхиседеке ты написал 15 листов и дошел только до его освобождения, то долго шел. Не возвышай очень его; не придавай ему значения более надлежащего, – не будь пристрастен к нему потому только, что это твой герой. В самом деле история его коротка, и известны страдания более; деятельность его была сильна, но не менее значил и [еп.] Гervasий²⁰⁰.

Читали речь Государя к московс[кому] дворянству?.. В «Allg[emeine] Zeitung» пишут, что дворян задерживал [А.А.] Закревский²⁰¹.

Прощай. Искренне любящий тебя брат Петр Лебединцев.

P.S. Тетушка у меня; но Акилиевич²⁰² писал, что Максим²⁰³ дал ему репорт о ее отлучке, и будто ездил в Киев. Что более – не знаю

1858 г. 2-е ноября

м. Белая Церковь

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

14 грудня 1858 р.

Ф. III, № 6732

/36/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

¹⁹⁷ Обыдовський Єремія Семенович (1802–після 1880) – чигиринський міський протоієрей. У 1828–1847 рр. служив у Лузанівці (див.: Карпінчук Г. Протоієрей Ієремія Обыдовський і Тарас Шевченко в архівних документах // Шевченків світ, 2018, № 11, с. 3–11).

¹⁹⁸ Пирогов Микола Іванович (1810–1881) – видатний хірург, у 1858–1861 рр. попечитель Київського навчального округу.

¹⁹⁹ Мысловський Федір Петрович (бл. 1814 р.н.) – київський протоієрей, випускник КДА (1839). Із 1841 р. служив у Георгіївській церкві. Викладав Закон Божий у 2-й гімназії.

²⁰⁰ Гervasій (Линцевський; бл. 1700–1770) – єпископ переяславський у 1757–1769 рр.), який займався «закордонними» православними монастирями.

²⁰¹ Закревський Арсеній Андрійович (1783–1865) – московський генерал-губернатор у 1848–1859 рр. московський генерал-губернатор.

²⁰² Благочинний.

²⁰³ Єфросинія Григорівна Проценко жила в м. Медвині, де служив дияконом її покійний чоловік біля священика Максима Максимовича Левицького.

Сейчас мне пришла мысль благая! Может, и у вас была она, да я не слышал. Мысль не хитрая, простая весьма. Я выписал из Allg[emeine] Zeitung, что в Венгрии издаются духовные листки на мадьярском и словацком наречиях для протестантов. Вспомнил я, что стал и у нас выходной журнал духовный на латыш[ском] наречии. Почему бы не быть у нас журналу духовному на малороссийском языке, и почему бы не издавать его при Киевской семинарии, имеющей столько хохлов в учебном нынешнем штате? Малорос[сийские] бедные проповеди Грегулевича²⁰⁴ дожили 2-го издания; это ручательство лучшее, что малорос[сийский] духов[ный] журнал будет иметь успех. «Воскресное чтение» плохо расходуется по Малороссии; ясно, что ей нужен духов[ный] национальный журнал. Малороссов же более, чем латышей, – 12.000.000! Только! Да и язык чище латышского... /36 зв./ За сотрудниками также дело не станет.

Что же – составьте митинг, и, помолясь Богу, хлопчите у ближайшего и дальшего начальства. Если разрешит, то это будет великий подарок к новому году; только не откладывайте, пусть хоть с 1-го марта, да начните. А грошей, грошей сколько наберете; так будете личить на карбованыци, як Яхно, у кожного буде лишня тысяча карбованцив, або и дви. /примітка збоку/ *[Но пока не будет митрополит малоросс, трудно, кажется, осуществить это.]*

Мимоходом я передаю эту мысль и преосвящ. Антонию. Следовательно, она скоро обобщится. Кивни и [о.] Крамареву, если нужно прозвонить, или проблаговестить. Назовите хоть: «Недильна бесида» «Благочестива мова». Это тоже «Воскресное чтение». Хоть оригиналу [...] хватило: можно многое переделать, особенно жизнеописания святых и сведения о богослужении.

/37/ Издавать какой-нибудь другой журнал Академия всегда Вам воспрепятствует, имея в своем хозяйстве два на велькороссиаск[ом] наречии. Опять обращаюсь к предыдущему, какое большее сочувствие вы встретите, не только в провинции, но и в столице... А как велика польза будет душевная...

Хотя сделайте попытку: что вам скажут? К тебе я обратился с этим предложением, ибо ты хотел печатать в «Воскресном чтении» проповеди на малороссийском языке, и о. Антоний, кажется, тебе обещал. А сколько чести будет Киевской семинарии от [] Марченко, [И.И.] Срезневского, [П.А.] Кулеша, [Т.Г.] Шевченко, [С.С.] Гулака-Артемовского²⁰⁵ и других!

Первосвященник обещал мне, что Чигиринс[кое] правление вышлет мне архив в Белую Церковь, и я дал отсюда уже репорт ему о сем; в Киеве я не решил, брать ли его. Мысль моя изменилась об архивах. Думаю, что каждый из нас должен продолжать свое дело, сколько кому времени достанет и источников (т.е. Мин[ского] архива, уездных и униатских архивов), а потом уже при общей обработке разделиться уездами и свести к одному знаменателю все сведения о том или другом уезде – свои и чужие. Таким образом /37 зв./ многое уладится и самое

²⁰⁴ «Проповеди на малороссийском языке протоиерея и кавалера Василия Грегулевича», священника Подільської єпархії. Вперше були видані в Петербурзі у 1849 р., а у 1857 году доповнені і перевидані.

²⁰⁵ Марченко

Срезневський Ізмаїл Іванович (1812–1880) – філолог і письменник.

дело выиграет. Но для сего нам нужно работать по одной программе – или лучше с одинокими приемами.

Преосвященный Антоний высказывал желание принять участие в этом деле; но я не знаю и не мог сказать, что он мог бы делать здесь, и отделался молчанием, хотя и совестно было.

Был у меня Ясь Кошиц²⁰⁶ 6-го декабря, – он был в Млиеве у [о.] Нестеровского. Служат Млиевские поочередно, освящал церковь [о.] Обыдовский. Избрание священника отложено до окончания курса. Не академическо[...] эту мысль высказывал мне [П.Ф.] Семиренко. Но думают двух священников – молодого и старика в духовника.

В. Н. Фоменков едет в Киев на именины Настасии Дмитриевны²⁰⁷ – 22-го декабря. Его очень заняло, когда я упомянул, что ты был ... на Дмитрия. Как думаешь с праздниками? Не угодно ли с Василием Николаичем в Белую Церковь? Милости просим. Мы и черного кабанца колем.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев

1858 г. 14 декабря

м. Белая Церковь

Если захочется тебе написать ко мне в субботу; то отдай поутру в двор Браницкого на Печерске камердинеру Михалу или кому-либо из лакеев, и оно прибудет ко мне утром в воскресенье с Иосифом, который ездит всякого воскресенья в г. Белую Церковь.

/37 на полях/ Намедни я книжки из Риги получил; состояние Польши в 1791 и 1792 г. описано весьма подробно; о Викторе есть выписка из донесений Екатерине нашего посланника в Варшаве, но о Пинской Конгрегации ни слова. Но слупили 7 руб. серебром.

Иринарху²⁰⁸ было прислано 250 экз. брошюры о Пинской конгрегации для рассылки по церквам. Где же они? И в монастырях нет.

/36 на полях/ Из консистории от имени преосвященного 18-го сентября послано [Н.И.] Пирогову согласие на награждение меня крестом; с недав[них пор] у [о.] Крамарева крепок желудок и более ничего.

Правда ли, что Братский монастырь обворовали, и водят иереи жандармы зелие?

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

24 грудня 1858 р.

²⁰⁶ Кошиць Ясь – син священника Григорія Івановича Кошиця в. с. Кирилівки (зараз Шевченкове) неподалік Зеленої Діброви.

²⁰⁷ Донька протоієрея Д.А. Жданова.

²⁰⁸ Ймовірно, Іринарх (Попов; 1790–1877) – архієпископ Подільський у 1858–1863 рр. Ще один Іринарх, наділений адміністративною владою, був архімандрит Іринарх (1809–1869), іконописець, який брав участь у розписі Софійського собору, після смерті митрополита Філарета призначений настоятелем Медведівського Миколаївського монастиря.

/38/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

Благодарю тебя душевно за поздравления и сожалею, что ты не приедешь ко мне на праздник, который я, кажется, в особенности просижу в комнате, ибо простудился и уже целую неделю не могу поправиться совершенно. Дай Бог тебе, что сделать за праздник; но в прошлом году такое же твое намерение не было достигнуто за праздничною суетою. Более бы ты сделал здесь, взявши материал, по крайней мере, здесь нет Иван Ивановичей. Вчера получил я описание Харьков[ской] епархии II и III отделы²⁰⁹ – 6 уездов, и вчера же всю книгу пересмотрел. Здесь есть и о братствах, занесенных из Киев[ской] Украины. Выпишу два послед[ние] отдела. Но наше описание должно выйти занимательнее. Харьков[ских] 6-ть уездов занимают 600 стран[иц] в большую осьмуху.

Теперь разбогател – 52 связки! Я рад, что [М.С.] Гуляев экономом; он, верно, отстанет от архива по сему случаю, а я прошу тебя не принимать более компаньонов к сему делу. Будем трудиться вдвоем, /38 зв./ и честь при нас будет, и дело ладнее пойдет. Скоро ли пришлют мне Чигир[инский] архив, не знаю, верно, нескоро; во всяком случае, уездные архивы – рутина, хотя, впрочем, я не оставляю и рутины этой без внимания. А как ты теперь разбогател материалами, и [М.С.] Гуляев занят; то нельзя ли для меня отделить дело Мин[ского] архива с 1785 г. по 1795, т.е. десять лет, управление [еп.] Виктора, а ты будешь продолжать [еп.] Гервасия, [еп.] Иова и [еп.] Иллариона²¹⁰ по всем статьям – 30 л[истов]. Если бы тебе нужно было, то когда получится Чигир[инский] архив, я также отделию тебе бумаги по 1785 год, по крайней мере, ты восполнишь из них недостающие [17]68 и [17]69 годы. [Еп.] Виктора управление надеюсь хорошо разобрать, при помощи моего немца, который хорошо и подробно в 2-м томе изобразил состояние Польши с 1789 по 1794 год, и лица, действовавшие тогда.

Если ты не встретишь препятствий к сему; то имея обязанность быть в Василькове 8-го генваря для раздела приходов васильковских, 7-го забегу в Киев, чтобы взглянуть на твои сокровища, и взять что-нибудь. /доповнення збоку/
[Предоставляя все на мое мнение ты... по крайней мере, откровенно. Я не желаю такого самоотречения. От чего же тебе не сказать бы своего мнения?.. Вовсе я не думаю много о своем мнении, а что оно не по нерешительности, то вот я уже дважды переменял его.]

На вопросы о [архим.] Мелхиседеке и сборах не мог я ответа дать, ибо бумаги были в церкви у старосты, а [еп.] Иов не случался, когда приходилось писать к тебе. Теперь:

1., Указом Св. Синода от 14-го окт[ября] 1768 г. на имя преосв. Гервасия велено игумена Мотр[онинского] монастыря Мелхиседека пристойным образом оттуда /39/ сменить и определить в епархию Переясл[авскую] в престольный

²⁰⁹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отделение II. Отделение III. М., 1857.

²¹⁰ Иов (Базилевич; 1723–1776) – епископ Переяславский у 1770–1776 гг.

Иларіон (Кондратовський; пом. 1799) – епископ Переяславский у 1776–1785 гг.

монастырь, кроме заграничных, а в Мотрон[инский] монастырь отправить настоятеля с наставлением по силе Ее Величества указа, что 11-го дек[абря] 1766 г., т.е. из таких людей, которые со всякой кротостию и смирением послужили, не подавая ни под каким видом причины тамошн[ему] духовенству к каким-либо неудовольствиям и раздорам. Монастырь поручен иеромонаху Гавриилу.

2., Сборы денег с духовенства были с 1766 г. по 1781 г., но только с 1779 якобы на стол его к[оролевского] в[еличества]ва. Жалобы на эти сборы передавались из Синода в Коллегию иностр[анных] дел, оттуда к рос[сийскому] посланнику в Варшаву всякий раз, но, видно, все эти ходатайства были безуспешны, и конца этому делу не видно.

С Эразмом поступили неблагоразумно, не по-английски, и себя сконфузили, и духовенство. Жаль мне бедного [о.] Феокиста! Жаль и Серафима²¹¹! Если Св. Синод решится ограничить ..., то это исполнение моей давней мысли. Но в таком случае нужно дать другую организацию консистории: нужны депутаты и члены по выборам от духовенства.

А я думал, что у вас в семинарии одни хохлы, да и о. Феокиста считал глубоким малороссом. Мое предложение было увлечение народное, пробудившееся при взгляде на то, что делается у других. Дай Бог, чтобы когда-нибудь оно все же исполнилось.

/39 зв./ Какие это поучения готовишь для о. Антония? Митрополит возвратил [Г.Е.] Коломойцева, объявив, что даст нам диакона после решения дела в Св. Синоде; я прописал размеры своей церкви и послал [Г.Е.] Коломойцева обратно. Доселе нет вспять, значит, зацепился... Не думаю, чтобы Св. Синод дал нам 3-го священника равного; верно, изменит штат: настоятель с бо[льшим] окладом и два младших, тогда [о.] Ромаскевичу дадут другое место, и никто в обиде не будет. В Харьков[ской] епархии в одном сельс[ком] приходе (из 3.000) по штату: 3 священ[ника], 1 – диак[он], 3 – дьячка и пономарь. Не так ли будет и у меня?

[Брат] Андрей прислал мне письмо и свое мнение о благоч[иннической] должности. Они здравствуют, и все наши. Палку мою Яхны Федору Тим[офеевичу]²¹² не отдали, якобы говоря, что я обещался быть у них..., тогда сами отдадут. Что сие? Может быть, я и проехал бы в Корсунь, а там в Виногр[адский] монастырь чрез завод; да вот указом побуждают делить Васильков. Если твои занятия туго пойдут [в] праздники; то к новому году приезжай в Белую Церковь, а я на Крещение отвезу тебя в Киев.

Будь здоров.

²¹¹ Феокист (Попов) – викладач КДС, до призначення архімандрита Іоаннікія (Руднева) виконував обов'язки ректора.

Серафим (Аретинський; 1812–1886) – випускник (1837) і викладач КДА (до 1842 р.). Переводився з місця на місце, доки у 1852 р. не став ректором Херсонської ДС. У 1858 р. призначений ректором Тамбовської ДС. У січні 1860 р. висвячений на єпископа Чигиринського, вікарія Київської єпархії. У 1865 р. став самостійним єпископом Воронежським. Надалі у листах як Серафим згадується саме він.

²¹² Син покійного священника Корсунської Спаської церкви Тимофія Стрижевського (в листах – о.Тимофей).

Искренне любящий брат Петр Лебединцев
24-е дек[абря] 1858.
м. Белая Церковь

Александра Степановна передает тебе усердный поклон и спрашивает о здоровье Федора Степановича. Павел Тихонович²¹³ надеется достать сборник чрез Дрезден.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
9 січня 1859 р.

Ф. III, № 6734

/1/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

Поздравляю тебя с новым годом и с новым счастьем, дай только Бог получить его. Поездка моя весьма не состоялась: с 17-го декабря я не выходил из комнаты, и только сегодня несколько проехался, есть все еще не могу, и язык не очистился. Ну, воля Божия; я давно уже не хворал! Жаль только, что ты к новому году не приехал, я был бы тебе и в особенности рад при таких циркулитатриях. Вероятно, от Павла Федоровича²¹⁴ ты знаешь о циркуляре [попечителя] Пирогова²¹⁵: он извратил мои слова и мысли в первом пункте; собираюсь вразумить его пространно, особенно об отношении веры к уму и сердцу, ибо я нарочно потянул его здесь за язык, зная, что действовать на сердце его конек. Не /1 зв./ перейдет ли этот циркуляр и к монахам, и что они скажут? Пирогов в 4-м пункте ересь порет... Если будут слухи, то прошу меня уведомить; мне нужно будет тогда своим дать копию своей заметки.

Сегодня проводил я добрейшего о. Серафима; жаль его для Тамбова... Он о своем перемещении, т.е. о причине, не знал и столько, сколько Вы знаете. Может быть, за него вступится [митр.] Исидор; он его ученик и им отправлен в Академию. Вот бы ректором Академии!

Брат Арсений и вся его семья здравствуют; дети в Лютеран[ском] училище, где брат законоучителем по Аусбур[гскому] исповеданию; нем[ецком], т.е. для православных. Я рад этому, дети узнают хотя языки.

²¹³ Родичі Петра Гавриловича по покійній дружині.

²¹⁴ Підвисоцький Павло Федорович (пом. 1897) – київський протоієрей, настоятель Андріївської церкви після смерті о. Іоанна Шаббатовича, викладав закон Божий у 2-й київській гімназії. Дружина Павла Федоровича, Сусанна Іванівна, належала до роду Шаббатовичів. Лебединцєви спілкувалися з Підвисоцькими як з родичами.

²¹⁵ Із грудня 1858 р. М.І. Пирогов почав видавати щомісячник «Циркуляр по управленію Киевским учебным округом», в якому публікувалися офіційні повідомлення, розпорядження, а також статті на педагогічну тематику. Циркуляр, про який пише Петро Гаврилович, також опублікований у виданні: Циркуляры по Киевскому учебному округу. II. О преподавании закона Божия // Пирогов Н.И. Сочинения: В 2-х т. Т. 1. Киев, 1914. С. 659–662.

А читал в «Педагогич[еском] вестнике» записки [] Рылова о своем воспитании?.. досталось нашей братии: ректор назван дервишем!.. Всех честит и светит [...].

По словам о. Серафима, [митр.] Исидор никогда никого не приближал к себе, это его манера, и также редко когда можно было видеть улыбку на его лице; отдает /2/ ему честь за справедливость, строгий и благородный характер.

Вот вандализм! Мне назначили две проповеди говорить в Васильков[ском] соборе по общему расписанию, а цензором, вероятно, Андриевич, хотя об сем не упоминается. Не знаю, куда обратиться, к митрополиту не хотелось бы, а в консисторию бесполезно, разве при этом написать к о. Иоанникию²¹⁶, чтобы для чести Академии поддержал меня.

Ты, кажется, давно не писал к [брату] Арсению; напрасно, хоть бы к празднику было что-нибудь ему написать.

Впрочем, *Salve et vale*²¹⁷.

Искренне любящий тебя брат Петр Лебединцев.

Что же ты успел сделать за праздники?

9-е генв[аря] 1859 г.

м. Белая Церковь

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
3 березня 1859 р.

Ф. III, № 6735

/3/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

С постом поздравляю и всех благ желаю. В первых числах февраля писал я, что как Надинька уведомила меня, Федор Степанович до 2-го февраля еще не вносил в Институт денег за музыку, и потому просил тебя разузнать об этом предмете у Федора Степановича и в Институте, и в крайнем случае хотя на мой счет уплатить 30 руб. в Институт; вместе с тем просил о последующем меня уведомить. Но до сего времени нет весьма интересующего меня ответа. Пожалуйста, во-первых, напиши мне о сем; на всякий случай прилагаю 25 руб. серебром в уплату за музыку; если они не нужны, то прошу отдать старосте моему.

/3 зв./ Appetit мой поправляется, но здоровье мало еще; часто у меня ослабевает голос и на уроке, и в беседе. Чтобы облегчить себя от священнодействия, необходимым нашел просить митрополита командированию ко мне [о.] Дометия Ботвиновского из Васильков[ского] собора на время В[еликого] поста, с дачею ему половины своих доходов. Спасибо большое владыке, он написал: «Исполнить неотлагательно». И о. Дометий уже у меня; [о.] Ромаскевич смотрит на это с опасением, но я весьма благословляю и Митрополита, [о.] Дометия.

²¹⁶ Архімандрит Іоаннікій (Руднєв) – ректор КДС

²¹⁷ Прощай і бувай здоровим (латин).

Более, право, нечего писать, кроме того, что в Васильков я на проповедь не ездил, и ничего не делал, чтобы не изнурять себя.

Что в Китае?

Прости – искренне любящий брат Петр Лебединцев.

3-е марта 1859 г.

м. Белая Церковь

/4/ В Корсуне Крыловский умер 18 генваря. [Н.И.] Пирогов якобы покупает Макиевку близ Белой Церкви.

Не оставил ли я у тебя немецкого лексикона?

Завчера был у меня полковник Шванебах²¹⁸, только что возвратившийся из Петербурга, и рассказывал такую штуку, случившуюся перед выездом его в Петербурге, т.е. в феврале: граф Толстой, князь Гагарин и еще князь Кавказской породы из конвоя его величества, проезжая вечером по Питеру, подхватили благор[одную] девицу на тротуаре, увезли за город и там, несмотря на крики и проч., сделали все с нею, участвуя все трое; потом ее в обмороке опять бросили на том же тротуаре. Дело было замазано, но приехавший с Кавказа брат в театре обжаловал государю; обер-полицмейстер тут же подтвердил, что лица названы верно; государь, удостоверившись только, кто первый, назначил на другой день быть браку графа Толстого с обещанной девицей, изъявив желание быть посаженным отцом, с тем, чтобы его лицо заменял обер-полицмейстер, граф Шувалов. Тотчас после брака девица признана графинею и ей принадлежащими 6-ть тыс. душ – родовое имение графа Толстого, а граф Толстой, князь Гагарин и князь еще назначены в Сибирь на поселение.

Петербург рукоплескал этому суду, как некогда суду Соломона. Тут много значит влияние императрицы Марии Алекс[андровны].

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

28 квітня 1859 р.

Ф. III, № 6736

/5/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

Усердно благодарю за известие о митрополите; на другой день я получил и подтверждение от [о.] Фоменкова по письму [о.] Жданова. Теперь нужно чепуриться. Думаю поехать на встречу ему в Васильков 7-го, чтобы утром 8-го возвратиться к месту, пока он будет служить в Василькове.

Теперь дело об угощении; на посылаемые деньги прошу взять 6-ть бутылок и при сем прошу спросить у Ивана Дмитрича²¹⁹ о его вкусе в питиях и в яствах. Недостающее можно здесь дополнить. Еще прошу взять бархату фиол[етового] 1½ аршина доброго – это на две камилавки по ¾ ар. и дать портному обтянуть одну

²¹⁸ Шванебах Борис Антонович (1823–1905) – военный і военный педагог, з 1855 р. полковник, у 1856–1860 рр. командир 6-го саперного батальйону, який після Кримської війни квартирувався в Білій Церкві.

²¹⁹ Шаббатовича.

посылаемую; но выкроить он должен обе разом, ибо для того и берется на две, что из $\frac{3}{4}$ не выходит и одной, а из $1\frac{1}{2}$ выкраивается две; бархат на другую прислать мне. Еще Владимирскую ленту прошу и $\frac{1}{8}$ ф[унта] высокого чаю, которого этак рублей в 7 фунт.

/5 зв./ Был у меня [Е.М.] Крыжановский и советовался о методе, как делать выписки из архив[ных] бумаг; я показал ему свой способ, т.е. выписывать все, что встречается в бумагах, по рубрикам приходов. У него и в Киев[ском] поветье встречаются дела о приходах польс[кой] Украины.

Жаль преосв. Антония, жаль и Завадских, но монахам урон велик и новый.

В воскресенье я освятил знамя и держал речь, к[ото]рую пошлю в «[Русский] инвалид»²²⁰; после был обед – саперный, на котором был генерал и командиры других батальонов.

Контроль взаимный, кажется, не удался, так заключаю из слов [Л.В.] Лапицкого²²¹ и других, хотя они прямо и не говорят.

[Попечитель] Пирогов хочет ввести разрядные списки, ко[...]енты и экзамен на семинарский манер. Это прогресс!

Прости. Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

28 апр. 1859 г.

/5 зв. збоку/ Нельзя ли еще купить портрет Фил[ар]ета Киев[ского], чтобы он занял у меня место Антония?

**Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
30 квітня 1859 р.**

Ф. III, № 6737

/7/ Любезный брат Феофан Гаврилович!

Вот еще ин вестник! Старушка баронска скончалась вчера вечером. Август Карлович и София Владимировна²²², посылая с сим Пантелеем письмо графини к митрополиту о дозволении похоронить покойную при нашей церкви, вместе с сим покорнейше просят тебя оказать им нижеследующую услугу: купить парчи хорошей и нужное к гробу по прилагаемому списку, на что посылается при сем серебром – двести двадцать пять (225 руб.) серебром.

В покупке принадлежностей гроба, верно, тебе пособит Иванович, сын Ивана Ивановича, а для покупки парчи нельзя ли пригласить некую духовную или церковную особу, которая уже присмотрелась к разным родам парчи. Для собствен-/7 зв./ного твоего соображения посылаю тебе образчики парчи по петербург[ским] ценам. Гас и бархат мишурные. Сколько какого материала на гроб нужно, могут сказать и в лавке, а лучше справиться у сих дел мастера – гробовщика. Расходы на извозчиков причисли к общему счету. С Пантелеем к

²²⁰ «Русский инвалид» – щотижнева воєнна газета, виходила у Санкт-Петербурзі; з 1862 р. стала офіційним органом Воєнного міністерства.

²²¹ Лапіцький Леонід Васильович – вчитель математики у Білоцерківській гімназії.

²²² Барон і баронеса Іскуль.

митрополиту нельзя ли послать на извозчике какого ученика, а то он, пожалуй, пещерами в Иерусалим зайдет, а к митрополиту не попадет. От митрополита дол[жен] быть и ответ.

Парчи не малиновой, а какого другого цвета.

Прилагаю два образца парчи.

Смета примерная, а просят все закупить к гробу потребное, как лучше у вас в Киеве делается.

Искренне любящий тебя брат Петр Лебединцев

30-е апр[еля] 1859 г.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

15 травня 1859 р.

Ф. III, № 6738

/9/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

Чрез ктитора Остапа я уже написал главное о посещении митрополита. Если интересно тебе знать еще некоторые частности о нем, то это дополнит своим рассказом Василь Никитич²²³, которому и вручаю это письмо в надежде доставить тебе случай повидаться с Дмитрием Афанасьичем²²⁴.

О 3-м священнике митрополит ничего не говорит; а только сказал, что лучше бы д. Пещаную²²⁵ отчислить к ближайшему приходу.

От брата Андрея вчера получил письмо, которым он просит наставлять о встрече и приеме митрополита.

Прости. Искренне любящий брат Петр Лебединцев

1859 г. 15-е мая

Т[...]

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

21 червня 1859 р.

Ф. III, № 6739

/11/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

Спрашиваешь, поеду ли я в Одессу? [Брат] Арсений приглашает и очень приехать вместе с тобою. Оно бы и так, но да я имею вот что в виду; Слышу, Матрона Гавр[иловна] собирается выдать дочь замуж; если я съезжу в Одессу, то нечего будет дать ей в пособие. Вот это главное, что меня останавливает causa sufficiens²²⁶. А если бы я решился ехать, то с тем, чтобы к 10-му июля быть в Одессе, ибо к 15-му преосвящ[енный] Антоний Одесский отправляется в

²²³ Протоієрей Фоменков, благочинний.

²²⁴ Протоієрей Жданов.

²²⁵ Село біля Білої Церкви на р. Протока.

²²⁶ Достатня причина (латин.).

Севастополь парохомом, на который можно бы и нам присесть. Но можно ли тебе и теперь пораньше получить отпуск из семинарии?

Любезность [о.] Иоанникия к тебе не имеет ли дела – завлечь тебя /11 зв./ в монашество? Вот и все. Рано или поздно, они выселят [о.] Феокиста²²⁷, это верно. Жди предложения и так...

Профессором в Университете не будет ни [о.] Фаворов²²⁸, ни [о.] Богданов²²⁹, а зять Скворцова²³⁰, имеющий жениться, т.е. [В.Ф.] Певницкий²³¹. [О.] Скворцов не так неблагоразумен, чтобы свою собственность отдавать всякому встречному. В вакацию тебе главное дело – жениться, по моему мнению, бросивши все, даже и поездку в Одессу. Вот и все!

Сведения о С[анкт]-Петерб[ургской] академии духовной были приложены при «Христиан[ском] чтении»? Я выписал «Христ[ианское] чтение», а ничего такого не получил.

Иг[у]мен Нектарий²³² – ректор С[анкт]-Петербур[гской] /12/ академии. Мне о. Исихий, Виноград[ского] монастыря настоятель²³³, говорил из письма [В.И.] Асоченского²³⁴, что все о [епископе] Феофане²³⁵ жалеют, кроме митрополита Григория, который действительно уже толк потерял.

Salve²³⁶.

Прощай. Искренне любящий брат Петр Лебединцев

21 июня 1859 г.

**Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
3 серпня 1859 р.**

Ф. III, № 6740

²²⁷ Був призначений ректором Тамбовської ДС у грудні 1859 р.

²²⁸ Фаворов Назарій Антонович (1820–1897) – випускник (1845) і викладач КДА. В грудні 1859 р. був призначений професором богослов'я, логіки і психології в Університеті св. Володимира. Згодом прийняв священницький сан. Однокурсник Данила Гавриловича, став товаришем Петра Гавриловича.

²²⁹ Богданов Михайло Мартинович (1819–1907) – київський священник, викладач КДС; випускник КДА (1845).

²³⁰ Скворцов Іван Михайлович (1795–1863) – кафедральний протоієрей Софійського собору (1849–1863), професор КДА і професор богослов'я Університету св. Володимира (1834–1859).

²³¹ Певницький Василь Федорович (1832–1911) – випускник (1855) і викладач КДА. Його дружиною стала донька прот. Скворцова Клавдія. Опонент Лебединцевих у суспільно-політичних поглядах.

²³² Надєждін.

²³³ О.Ісихій – настоятель Виноградського Ірдинського монастиря із 1858 р. (Виноградський Ірдинський Успенський монастирь // КЕВ, 1861, № 18, С. 526–338).

²³⁴ Асоченський Віктор Іпатійович (1813–1879) – історик КДА, літературознавець, публіцист; випускник КДА (1839). Проживав у Санкт-Петербурзі.

²³⁵ Феофан (Говоров; 1815–1894), відомий як святий Феофан Затворник, – ректор СПбДА у 1857–1859 рр., далі став єпископом; випускник КДА (1841).

²³⁶ Прощавай (латин).

/13/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

О Ждановых тебе сообщаю давно сообщенное мне В.Н.Ф. известие, что как жених, так и курс кончен, ибо лета есть 16 ½; это говорено было еще зимой, по случаю ее именин и окончания совершеннолетия. Дело это пусть будет по твоему чувству!

Письмо привез тебе учитель Морского кадет[ского] корпуса²³⁷, близкий к Ханчеву, – Молчанский, возвращаясь с женою из Кишинева; они были и у меня – добрые люди – наши; и мне привез письмо о Богдане Хмельн[ицком] [Н.И.] Костомарова.

Если решишь о Ждановых, то можешь и после вакации, была бы добрая воля. Итак, не приходи в изъяз на квартиру и приезжай в Белую Церковь.

/13 зв./ Я теперь действую одной рукой; сегодня застоявшиеся лошади пошалили, а я ушиб в плече левую руку, слава Богу, без повреждений, дело кончится холодной водой.

О 3-м священнике я написал [брату] Андрею, чтобы он предложил Григорию М[арковичу] или Ивану Ивановичу²³⁸ на обсуждение, да и не знаю, что будет? Хорошо, или худо? 3-й будет меня обирать; пусть же лучше свой обирает.

О поездке в Одессу не знаю, что сказать тебе. Много есть причин и быть дома; но вот 6-го августа отправится Макарий²³⁹ хлопотать об диаконстве, тогда напишу да, нет. А о тарантасе поговорить бы.

[Искренно] любящ[ий] брат Петр Лебединцев.

3-е авг[уста] 1859 г.

Б[елая] Церковь.

/14 зв./ Если да, то пришлю прошение о выдаче билета.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

7 жовтня 1859 р.

Ф. III, № 6741

/15/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

В воскресенье получил я письмо твое, спустя несколько часов прибыл и о. Михаил из Киева. Теперь развязка с [о.] Ромаскевичем. Очень не понравилось ему, когда я предложил уничтожить общую кружку, а доходы забирать всякому поседмично. А как же, говорит, 3-й священник будет? Я должен буду уделять диак[онскую] часть. На вашей седмице он не будет служить, и ничего не будет получать, вам 3-й священник не нужен. Это тем неприятнее ему, что [о.] Клебановский по какому-то чутью загодя предсказывал ему такой порядок. Об

²³⁷ Морський кадетський корпус – воєнно-морський навчальний заклад в Санкт-Петербурзі.

²³⁸ Г.М. Левицький – чоловік Олександри Гаврилівни; І.І. Яновський – зять Єфросинії Гаврилівни Гордієвської.

²³⁹ Прилуцький Макарій Максимович (бл. 1817 р.н.) – стихарний дячок Преображенської церкви з 1844 р. (ЦДІА, ф. 127, оп. 1011, спр. 359).

отчислении из его ведомства Лазарета и Пещаной сообщили ему письмом²⁴⁰; по получении которого он побегал к другу своему, /15 зв./ инспектору²⁴¹. Не знаю, что присоветовал, и что они порешили. [о.] Ромаскевич вчера поехал в Васильков за жалованьем, и, вероятно, теперь в Киеве уже жалуется на меня преосв. Антонию.

О. Иакова²⁴² опять бомбардируют: вчера он приносил мне прошение об увольнении и уступке прихода [о.] Богдановичу²⁴³, которое привезла ему жена Богдановича для подписи, уверяя, что на его место подал студент семинарии Бебяновский, сын б[ывшего] полкового протоиерея Бебяновского, и, верно, получит его место, если не уступит [о.] Богдановичу. Митрополит отдаст приход этот тому, кому уступит сам о. Иаков. Это ясно. На всякий случай вчера послал я письмо Григорию Марковичу, чтобы он прислал мне свой бланк, с подписью. Если о. Иакову /16/ трудненько будет уже, то я уговорю его уступить Григорию Марковичу.

Какое место даст Антоний Никите Ивановичу²⁴⁴? Не худо бы наблюсти за этим, чтобы не дал плохого, на которое не пойдет и богуслав[ский] дьячек, напр[имер], вроде Селища²⁴⁵. А для сего справиться бы у конторщика.

Если в самом деле предлагают смотр[ительское] место профессорам, то не худо было бы занять. Журнал – это журавель в небе, а смотрительство синица в руках. Смотрительство не более займет времени как секретарство, или экономство; а между тем почет: о. ректор, частая аудиенция у митрополита и епископа, квартира хорошая, подъяремнич и воз духовный – все это вместе вещь ясная. Предлагают холостым, а позволяют, после женившись, быть на этом же месте.

Я, спеша выездом, забыл оставить деньги на реперацию шубы; вышло вскоре чрез ктитора. А спешить нужно было, ибо по приезде я застал [И.Г.] Михневича²⁴⁶, который подходил и в понедельник к моему классу. Ничего,

²⁴⁰ Величезний приход Преображенської церкви був поділений для виконання треб між двома священиками.

²⁴¹ Андрієвський Олександр Герасимович – інспектор білоцерківської гімназії з 1846 р.

²⁴² Кондрацький Яків Павлович (1785 – після 1866) – перший священик білоцерківської зарічанської Маріє-Магдалинської церкви (1843–1859), із 1815 р. був священиком білоцерківської Троїцької церкви, поки її не закрили і не передали приход до Маріє-Магдалинської (ЦДІА, ф. 127, оп. 1011, 359, арк. 20 зв. –21).

²⁴³ Богданович Феофан Якович (бл. 1801 р.н.) – священик с. Шамраївки біля Білої Церкви.

²⁴⁴ Пейзанський Микита Іванович, зять Мотрони Гаврилівни Коломацької.

²⁴⁵ Село неподалік Зеленої Діброви.

²⁴⁶ Михневич Йосиф Григорович (1809–1885) – помічник попечителя Київського навчального округу. Випускник (1833) і викладач КДА (замість О. Новицького), викладач Рішельєвського ліцею в Одесі, автор «Исторического обзора сорокалетия Ришельевского лицея с 1817 по 1857 год». Він був помічником М.І. Пирогова на посадах попечителя Одеського і Київського навчальних округів; після його звільнення сам тимчасово виконував обов'язки попечителя. Потім став помічником Ф.Ф. Вітте (див. листи із 1865 р.) на посадах попечителя Київського навчального округу, директора Комісії народної

сказали, болен, а в вторник он был у меня на уроке, и спросил, что передать Оресту Марковичу²⁴⁷. Значит – неопасно.

Прости. Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

1859 г. 7-е окт[ября].

Белая Церковь

/15 зв. збоку/ На цар[ской] охоте лес было с одной стороны на 7-мь верст обтянут сетями; для государя устроено было место в центре вроде бруствера, на который натыкано ветвей, а сзади бруствера убрано и выстлано коврами. Оттуда он стрелял; убил 3 волков, 3-х [даниолен], 4-х лисиц, 24 фазана и еще всякой дрови. Заряжал ружье Андрий стрелец, и получил 200 р. На охотников дал 1.000 руб., на прислугу графа 600 руб. Графине браслеты, ловчему перстень.

/16 збоку/ [Полковник] Шванебах говорит, что государь не ожидал, чтобы так хороша была охота, и потому весьма был доволен. Сажая дерево, государь потерял кольцо, но теперь нашли уже.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
13 жовтня 1859 р.

Ф. III, № 6742

/17/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

Прошу принять сии 25 руб. серебром и распорядиться из них, сколько потребуется, на починку шубы. Вчера в мое отсутствие из квартиры заезжал ко мне г. Монастырский, бывший некогда секретарем в Кишиневе, а теперь состоящий при Министерстве внутр[енних] дел; он оставил письмо от [брата] Данила, писанное 13-го сент[ября]; в нем, как и всегда, ничего особенного, кроме что намерен развивать более энергии даже насчет писания писем. О тебе пишет: Верно, Феофан обиделся, что я долго не отвечал на его письмо, и потому в свою очередь не от-/17 зв./вечает на мое.

Перстни получили не графы, а Зелинский²⁴⁸, Бояковский – ловчий, Гайтер – берейтор; маршалок и его помощник – золотые часы.

[О.] Ромаскевич так обиделся, что и кланяться не глаголет; в Киеве, кажется, ніс ніе roskuwał²⁴⁹. Отец Михаил подвизается в погребениях. Если бы Преосв. Антоний на случай спросил о [о.] Ромаскевиче, то доложи, что принявши лазарет, я с о. Михаилом 11-го сего октября запечатали 11-ть могил, а еще осталось на

просвіти у Царстві Польському і попечителя Варшавського навчального округу. Завершивши службу у Царстві Польському, повернувся до Одеси.

²⁴⁷ Новицький Орест Маркович (1806–1884) – член Київського цензурного комітету, в минулому професор Університету св. Володимира і КДА, дядя покійної дружини Петра Гавриловича.

²⁴⁸ Економ графів Браницьких.

²⁴⁹ Ніс ніе rozkuwał – нічого не зіпсував (польс.).

другом кладбище 5-ть, ergo²⁵⁰ 16-ть не удостоенных погребения, исповедывал ли кто их, это еще вопрос.

Прости.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

13 окт[ября] 1859 г.

/збоку/ Получил я медаль. Получит ли Григорий Маркович? Нельзя ли, чтобы получил?

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
19 листопада 1859 р.

Ф. III, № 6743

/19/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

Письмо мое лежит и теперь у фельдшера, который едет в Киев уже 1½ недели. Там кое-что писал я в ответ на твое; теперь всего не припомню. Если успею взять, то приобщу к сему.

Об о. Иакове ответил я преосвященному, что он не вполне способен уже к должности по старости, но что я не даю репорт о сем; а пусть консистория сама вызовет и испытает. Между тем, диакон кадетского корпуса был у о. Иакова с предложением ему своей руки, и получил отказ. Я говорю, прежде Ксению сватали, а теперь сватают уже о. Иакова. На Григория Марковича мало надежды, да он и там нужен как попечитель Вороновки. О [о.] Богдановиче писал преосвященному, что я не желал бы его иметь. Не лучше ли /19 зв./ Кустовский, что в Умани, чем этого кадетского диакона?

Никеич мой злится и беснуется за Пещаную, прежде молчал, а теперь начал меня бомбардировать записками, которые, наконец, не стал я принимать.

Что ваш журнал? Что [о.] Крамарев пишет из Петербурга? У нас говорят, что уже получен указ о назначении преосв. Антония в Смоленск²⁵¹, а на его место якобы [о.] Серафим. Это было бы хорошо. Но – похоже – [о.] Серафим весьма протезировал земляков своих.

В воскресенье открываю школу при квартире о. Михаила, под его инспекциею, педагог – отставной матрос из певчих митрополичьих. Между тем, начато сегодня дело о покупке для училища дома старого, что на моем дворе, и обещан успех тем более, что об этом хлопочет /20/ сам Павловский. Тогда прибьем платаного орла и подпишем.

Сей пусть привезет шубу, а оный, фельдшер, который явится после, пусть получит бумаги.

Где-то задержан Иосиф Тукальский, уже два № «[Киевских] губернь[ских] ведомостей» прошло, а его нет; верно, цензура не пропускает известия о мощах его.

²⁵⁰ Тобто (латин.).

²⁵¹ Ректор КДА епископ Чигиринський Антоній призначений на Смоленську кафедру в 31 жовтня 1859 р.

Об о. Михаиле доселе нет указа; попроси, прошу, Павла Федоровича побудить консисторию. Этак и жалованье он потеряет.

Дай Бог тебе успех и у Скворцовых! Тогда можно будет побывать в Софийской библиотеке.

Засим, пожелав всякого благополучия, остаюсь искренне любящий брат
Петр Лебединцев

1859 г. 19-е ноября

м. Белая Церковь

/19 збоку/ Прошу написать, как имя вашего домохозяина, как оно на таблице у ворот? Это нужно.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

23 листопада 1859 р.

Ф. III, № 6744

/1/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

Из письма моего чрез Салгана ты уже знаешь причину моего молчания: окаянный фельдшер водил, водил...

Искренно благодарю тебя за интересные известия, и радуюсь назначению [о.] Серафима²⁵². Скорблю о болезни [о.] Оглоблина²⁵³ и [о.] Каменского и истинно желаю им выздоровления и долголетия. Но, если по судьбам Божиим, [о.] Каменский опростаёт место, прошу меня уведомить как можно скорее – хоть и эстафетой. Мне теперь, правда, покойнее и более свобод[ного] времени; но есть причины, по которым все же в Киеве чище и лучше и полезнее в материальном и политическ[ом] значении. Я об этом подумаю. При содействии Орды и [И.Г.] Михневича надеюсь занять 1-ю гимназию, если то угодно Богу.

О Николае Ивановиче²⁵⁴. Попроси Алипия, чтобы тебе заявляли всякое открывшееся дьячковс[кое] место, и поставь правилом справляться хоть раз в неделю у письмоводителя. Право, и жаль его, и стыдно крайне нам! Это будет угодно Богу, чем сходить в к[...].р пустой.

/1 зв./ Преосв. Антоний от 13-го ноября прислал отцу Михаилу предписание чрез письмоводителя, предлагает ему должность эконома в Академии! Он и сам робеет буянства студента, а я вчера сообщил из твоего письма; потому он сказал – напишет отказ. Да и лучше, ибо хотя он всегда в порядке, но все еще при[...].ахивает, ему нужно еще утвердиться, иначе сконфузится. А [М.С.] Гуляев, верно, и не знает сего!

О прочем буду писать тебе вскоре. Ибо опоздаю на почту.

Искренне любящий брат П. Лебединцев.

²⁵² Серафим (Аретинський), призначений бути єпископом Чигиринським.

²⁵³ Оглоблін Микола Якович (1814–1877) – київський священник, викладач КДС. Пізніше став ключарем Софійського собору і редактором КЕВ.

²⁵⁴ Ймовірно, не Микола, а Микита Іванович – Пейзанський, зять Мотрони Гаврилівни, дячок, який саме тоді змінював місце служби.

1859 г. 23-е ноября
м. Б[елая] Церковь.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
9 грудня 1859 р.

Ф. III, № 6745

/3/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Мне хотелось побывать в Киеве, воспользовавшись двумя праздниками: Николая и Niepokalanego poczęcia²⁵⁵, и я был готов; но, увы! Погода изменила. Целью поездки было – проститься с Преосвященным Антонием, показать Назару Антоновичу список грамот и поговорить о вашем журнале; еще главное – навести справку и посоветоваться с Орестом М[арковичем]²⁵⁶, нельзя ли взять из банка и отдать Яхну капиталец Надиньки.

Вчера 6-го положил на столе список журналов богослов[ских] заграничных и ждал с почты твоего письма, полагая в нем прочитатъ известие о утверждении вашей программы; но почта опоздала на сутки, и я на авось махнул 4-ре журнала – недорогих: 3 лютеранск[их] и один католический; чтобы скорее, послал в Петербург, а не в Ригу. Итак, к Вашим услугам и я; только лучше объяви просто о моем участии, без подробностей: иногда за недостатком оригинала можно и перевести, а Бог разберет, что лютеранское и что католическое. Пока я приготавливаю что-нибудь из имеющихся листов «Kirchen Zeitung».

Нуждаетесь в проповедях? Пожалуй, я повыправляю свои катехизич[еские] поучения на Символ Веры и Молитву Господню, и буду посылать. Все же они лучше далеко, чем печатающиеся ныне в «Духов[ной] беседе», часто подлейшие из подлых. /3 зв./ Пришли мне, или я приеду – сам возьму – «Пастырск[ое] богословие»²⁵⁷ Антония, да еще есть Кирилла? Можно пощипать некоторые статьи, или по поводу их [...]толости написать нечто о приходе, о благочинном...

У меня есть «Иисус Навин останавливает солнце», большая статья, писанная мною в Академии, а более переделанная из отличной статьи, в «Universite Catholique»²⁵⁸ помещенной; я отыщу и тоже дам.

Митрополиту я послал в октябре выписку историческую: «О способах содержания духовенства бывших в Киев[ской] епархии до 1842 года. 5-ть листов

²⁵⁵ Непорочного зачаття Богородиці – католицьке свято, відзначається 8 грудня.

²⁵⁶ Новицький.

²⁵⁷ Пастырское богословие / Ректора Киевской духовной академии доктора богословия архимандрита Антония. Киев, 1851.

«Пастырское богословие» – дисертація на звання доктора богослов'я майбутнього єпископа Мелітопольського Кирила (1855), випускника СПбДА.

²⁵⁸ «L'Université catholique» – французький католицький журнал ультрамонтанського спрямування (1836–1855), проблематика стосувалася богословських, соціальних, мистецьких питань і навіть емпіричних наук.

частого письма»²⁵⁹. Кажется, ее можно бы напечатать в «Трудах [Киевской духовной] академии»²⁶⁰. Я привезу. А когда привезу? Думаю – 20-го декабря, еще Бог даст дорогу; ибо все же мне нужно что-нибудь сделать с билетами Надиньки, когда с нового года 2%. Если угодно будет тебе удалиться в Б[елую] Церковь, то и тебя возьму.

Прежде иностранных известий можно напечатать внутреннее известие об открытии школы в Б[елой] Церкви, а вскоре и школ. На митинге 1-го декабря решено, и уже исполняется /примітка знизу/ *[Увы, говорят, евреи-откупщики воспротивились. К гласности!]* – взывать в пользу училищ по 1 коп. сер. с каждого ведра водки, отпускаемого из белоцерк[овской] пит[ейной] конторы прихожанам /примітка збоку/ *[Это в год не менее 600 руб. сер.]*; избран казначей и совет училищный из 6-ти прихожан под моим председательством; приговор этот формально признан и экономией. Но это сообщу праздником, когда число учеников будет до 100! – Теперь 50.

/4/ Может, [о.] Ботвиновский²⁶¹ перемешал поклоны? Пища [о.] Крамареву по делу о каплице, я просил его поздравить от меня [о.] Нектария с епископством; а [о.] Леонтию писал в ответ на его письмо, посылая свои статьи. Может быть, [Л.И.] Похилевич и отсунет немного [о.] Крамарева в отпущение за сукно. Да к кому пишет [о.] Крамарев в Киев?

Отец Иаков дал уже мне свое прошение об увольнении за штат на условиях, заключенных с [о.] Кошутским²⁶², а потому и в Киев не поедет. Это я допустил, ибо Григорий Маркович не допускает никаких условий и не желает перемещаться зимою. О. Иакова требуют в консисторию вследствие поданного Афанасием Павловичем митрополиту прошения, в котором он описал его и глухим, и немым, и дурным, а сам просится на его место.

Господи спаси и помилуй Николая Яковлевича!

Об устройстве редакции прошу уведомить, а программу сообщить.

Но неужели вы не наберете на два №№, чтобы начать с генваря? Странно! Что же у вас было готово?.. А впрочем, все же зачем печатать, когда нет подписчиков. Вот еще – хорошо бы вам сделали, если бы печатали на отдельных листочках в виде прибавлений при каждом № для Киевской Епархии епархиальных распоряжений о перемещении, увольнении, смерти священников, рукоположении, назначении членов консистории, благочинных, уезд[ных] протоиереев, определении и перемещении профессоров семинарии и учителей уездных /4 зв./ училищ, не касаясь канцелярий консистории и дух[овных]

²⁵⁹ Лебединцев П. О способах содержания православного духовенства в Киевской губернии // РСП. 1860. № 9. С. 199–214; № 10. С. 231–241.

²⁶⁰ В листопаді 1859 р. був отриманий дозвіл на видання нового журналу – «Труды Киевской духовной академии», перший номер якого вийшов у 1860 р.

²⁶¹ Ботвиновський Юхим Георгійович (бл. 1822–1873) – настоятель Троїцької церкви у Києві, випускник КДА (1851). Засновник першої недільної школи (1859). Був відомий легковажно-практичною вдачею; герой оповідання М. Лескова «Ефим Ботвиновский».

²⁶² Кошутський Яків Васильович (1827–1882) став настоятелем білоцерківської Маріє-Магдалинської церкви; у 1864 р. перейшов до Преображенського собору, помінявшись з Петром Орловським (ЦДІА, ф.127, оп. 1009, спр. 768, арк. 307 зв.; оп. 768, спр. 43 (1882 р.)).

правлений, и вообще более порядочные распоряжения консистории и семинар[ского] правления, если они нужны к сведению отцев, напр[имер], список окончивших курс в семинарии, в Академии – из Киевской семинарии и распределение их, об экзаменах; наконец, о наградах по Киев[ской] епархии, перепечатывая из «Духов[ной] беседы». Это бы привлекло вам местных подписчиков, так как и к «Дух[овной] беседе» влечет их. А кое-что почему бы не брать для перепечатывания из «Духов[ной] беседы», опуская благословение старостам, и определения канцеляристов, и других лиц не интересных сельс[ким] священникам? Это бы отвлекало подписчиков от «Духов[ной] беседы». Бог вам в помощь!

А нельзя ли подослать кого, кто бы забрал у [торговца] Леймана товаров рублей на 75-ть из лавки, или дал ему поручение принести шубу, ковер и т[ому] подобное, да и заарестовать, пока денег не принесет? С этим подлым народом иначе нельзя. Я сам так поступил с Дроздовским, когда он хотел замотать 200 р. серебром. Тебе весьма мог бы пособить в этом [М.С.] Гуляев, поручивши Лейману какую закупку для Академии. Он же берется за все, и дрова мне в семинарии поставлял.

До свидания, аще Бог даст путь.

Искренно любящий брат Петр Лебединцев

1859 г. 9-е декабря

м. Б[елая] Церковь

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

9 січня 1860 р.

Ф. III, № 6746

/5/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

Вот и я на простой! У меня теперь недостает 3-х вещей необходимых: гребня, помады и почтовой бумаги; но лень таскаться к жидам, а сегодня и шабаш!

Недостаток крайний материалов в вашей редакции навел на меня особую ревность; вчера встретивши у [В.В.] Вилуева француз[ские] каталоги новейшие, высланные ему Исаковым, записал я 6-ть названий новейших книг по части священства - 25 franc. 50 cent. Или на 25 руб. 50 коп. ассигнациями.

Вот их названия:

1., «Курс свящ[енного] народ[одного] красноречия; или опыт говорить к простому народу» (а французы мастера говорить ясно).

2., «Опыты священнич[еской] ревности».

3., «Новый курс священнич[еских] размышлений, или священник, освященный делом молитвы» (это чувствования священника по разным okazиям).

4., «О священнике и свящ[енно]служении по учению Отцев Церкви» (это очень кстати!).

6., «История церкви в биографиях» (это очень модно)

/5 зв./ Завтра [В.В.] Вилуев посылает за ними к Исакову, которого очень хвалит за исправность. Но все же это будет только к 6-му февраля.

Эти пособия вместе с немецким дадут возможность поставлять статьи по всем отделам вашей программы, кроме актов и грамот. О сих последних я все того же мнения, что их нужно вовсе исключить из вашей программы; помещать это значило бы метать бисеры... и поперут ногами... сельские иереи.

Теперь ничего своего не посылаю, ибо занят был церков[ными] отчетами до зде со времени приезда. Прилагаю список статей по примеру ваших сотрудников.

Рекомендую Вам перечитать:

1., Иоанн Леванда (она в прекрас[ной] отделке в журнале Министерства; есть в Памят[ной] книжке Киев[ской] губернии за 1851 г.; и в «Киевских губернс[кой] ведомостях» – сокращенно.

Н.В. О Леванде не было еще ни в одном духов[ном] журнале, а это – образец пастыр[ской] деятельности.

/6/ 2., Петр Дамианов Максимович – [В.И.] Асоченского (в «Киевских губер[нских] ведомостях»).

3., Григорович-Барский – [В.И.] Асоченского (в «Киевских губер[нских] вед[омостях]»).

4., Архимандрит Феофил Авсенов *ibidem* из творений св. отец известия о миссиях наших в Америке и Сибири.

А *propos*²⁶³ – нельзя ли взять у [о.] Иоанникия и напечатать в «Руководстве [для сельских пастырей]» мою приветственную речь [митр.] Исидору? Она была говорена от лица сельского духовенства. Спроси, пожалуйста.

Если [митр.] Исидор вменит в обязанность всем священникам Киев[ской] епархии выписывать «Руководство[для сельских пастырей]»²⁶⁴, то уж прибавьте бюллетень по Киев[скому] епарх[иальному] управлению – особенный.

Ты теперь очень занят; но все же мою просьбу не отринь. Письмо сие отошли Наденьке, хоть хлопцем, хоть семинаристом, и узнай, вышла ли она уже из больницы. Если вышла, то в следующий день часа в 4-ре потрудись съездить к Александре Кирилловне, отдать сии деньги по 15 руб. в Совет и Пархоменковой, и с собою свези два прилагаемых билета на 1.685 руб. /*примітка збоку*/ [За № 4.846-м и 4.844-м] Волин[ского] приказа обществ[енного] призрения. Если Наденька придет в комнату Александры Кирилловны, предложи чернильницу и билет, и она на обороте напишет: «Дочь протоиерея, девица Надежда Новицкая». О согла- /6 зв./ сии Александры Степановны на перевод денег к Яхну Наденька знает из письма ее, которое я теперь при своем посылаю. Если бы почему-либо этого нельзя было в институте сотворить, то доставь этот билет Оресту Марковичу, который имеет возвращаться к 20-му генваря, и попроси его взять Наденьку к себе в воскресенье, и чтобы она у него сделала надпись. По учинении надписи, билет прошу выслать ко мне по почте в конверте страховом (платят только весовые двойные, как за страховое письмо). Но я желал бы, чтобы теперь это сотворилось; а по получении

²⁶³ До речи (франц.).

²⁶⁴ «Руководство для сельских пастырей» – журнал, почав видаватися у 1860 р. при КДС.

я послал бы билет с Пантелеем в Житомир к Болондовичу – взять деньги. Потом я бы в Масляную успел бы съездить к [К.М.] Яхну и отдать, взявши палку таинственную назад; а Маслянная 7-го февраля начинается.

О. Филарету²⁶⁵ прошу засвидетельствовать мое почтение. Я в начале декабря послал к нему для помещения в «Православ[ном] собеседнике» письмо Вениамина, Митрополита Казанского, к Екатерине, добытое мною в Триполье.

Salve et vale.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

1860 г. 9-е генваря

м. Белая Церковь

/6 зв. збоку/ Прошу прислать объявления о «Руководстве [для сельских пастырей]».

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

1 лютого 1860 р.

Ф. III, № 6747

/7/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Тебя, а более других, удивит объявление, которое скоро получится на твое имя, о 2.000 руб. сер. из Житомира, которые поручил я Болондовичу о. Иоанну выслать на твое имя из банка. /примітка збоку/ [*По получении прошу запираť на ночь двери на замок.*] Рассудил я, что контора Яхно, или [П.Ф.] Семиренко сам, верно, теперь в Киеве, а при настоящем беспуте я не успею съездить в завод; а потому попросил выслать эти деньги в Киев, где теперь и контора Ольшанского завода. Если бы случилась на Масляной сносная дорога, то, может быть, я и сам проехался бы в Киев, по этому делу, чтобы не затруднять тебя; а если поленюсь, то буду просить тебя потрудиться по сему делу. Впрочем, прежде жду уведомления от /7 зв./ Болондовича, и тогда напишу, прописавши, и сколько нужно оставить. Да, тогда еще нужно взять из Киевского коммерч[еского] банка, и приложить. Если получится объявление чрез Правление канцелярии, то умолчи, чьи это деньги.

Сегодня получил я записку от [о.] Фоменкова и буквари. Слава Богу, что твое здоровье поправляется. Получил ли ты мой пакет с письмом и статьями, посланное с [бароном] Иксулем? Теперь перевожу /примітка знизу/ [*уже кончил;*

²⁶⁵ Філарет (Філаретов; 1824–1882) – випускник (1851) і професор КДА. У 1858–1859 рр. служив у Казанській ДА, і наприкінці 1859 р. повернувся до Києва як ректор КДС. У жовтні 1860 р. призначений ректором КДА (до 1877 р.). Із 1874 р. вікарний єпископ Уманський. Потім був призначений на Ризьку єпископську кафедру. Петро і Феофан Гавриловичі спершу дуже приязно спілкувалися з архімандритом Філаретом, однак у співпраці над «Руководством для сельских пастырей» Феофан, а слідом за ним і Петро Гаврилович, посварилися з ним. Попри це, переведення Феофана Гавриловича до КДА відбулося (грудень 1860 р.). З часом у Петра Гавриловича склалися з ректором КДА цілком приязні і щирі стосунки.

нужно только переписать.] о Миссиях²⁶⁶; это будет разве к Масляной. «Гостиница»²⁶⁷ готова. Поучение благочин[ного] напечатанным оказалось при инструкции, разосланной в 1800 г., митрополита Гавриила²⁶⁸. Я хочу уж о благочинных краткую историю прежде изложить; главное есть, но нужно проверить по актам историческим.

Свои грамоты я предложил Академии, /8/ впрочем, это не воспрепятствует некоторым давать и вам.

Меня очень интересует знать, как и чем проявил себя [о.] Филарет в отношении к журналу и к тебе. Впрочем, если он упрям, то нужно быть мягче, чтобы всего не испортить.

Не слышно ли чего об отставке о. Иакова и его приемнике?..

Ксендз наш признает уже верным, что папа частно воспретил епископам иметь сообщение с митрополитом Жилинским²⁶⁹, и что также верно и то, что сей римский католический митрополит принял православие. Неужели у вас ничего не знают?

Salve et vale.

Искренне любящий тебя брат Петр Лебединцев.

1860 г. 1-е февраля

м. Белая Церковь

отправлено 3-го февраля.

/8 зв./ Австрия разрешила в Галиции преподавание и судопроизводство на польском языке!

В Житомире закрыта польская типография, издававшая по дешевым ценам.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

23 лютого 1860 р.

Ф. III, № 6748

/9/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

Из полученных от сего подателя денег пришли 5 руб. в редакцию Руководства, а 5 руб. отошли в редакцию «Трудов К[иевской] д[уховной] академии» – на высылку ко мне в Белую Церковь этих изданий.

²⁶⁶ Миссии Римской церкви // РСП. 1860. № 15. С. 383–408.

²⁶⁷ Л-в П. Христианская гостиница // РСП. 1860. № 3. С. 71–74.

²⁶⁸ Митрополит Київський Гавриїл (Бенулеску-Бодоні) видав чимало розпоряджень щодо поведінки, обов'язків і матеріального забезпечення духовенства, а благочинні, які раніше обиралися духовенством, стали призначатися митрополитом. Також була розроблена інструкція щодо обов'язків благочинних і їх взаємин з підлеглим духовенством.

²⁶⁹ Вацлав (Жилінський; 1803–1863) – архієпископ (митрополит) Могильовський (1856–1863 рр.), очолював Римо-Католицьку церкву в Російській імперії.

Приготовил я Флоров[ские] грамоты и письма Иасона Сморгожев[ского]²⁷⁰ и князя Любомирского, да еще не переписаны начистоту. Нельзя ли бы письма напечатать в «Трудах [Киевской духовной академии]» – с польским и рус[ским] текстом, в «Руководстве [для сельских пастырей]» поместить один русский текст; ибо это дополняло бы послесловие к сказанию.

Ваших объявлений и доселе нет. /9 зв./ А между тем, жидам дана кем-то копия указа консистории с резолюцией митрополита об ограничении действий священников в развитии трезвости по поводу неблагоразумия [о.] Татарова, и жида с этим указом таскаются по корчмам, проповедуя вопреки трезвости. Указ они достали в Киеве или в Василькове. Срам!.. Являются агенты акцизных откупщиков и к священникам, предлагая подарки. По показанию исправника, вместо 8.000 ежемесячного акцизного сбора в Васильков[ском] уезде за генварь поступило только 3.000 руб. Вот что значит духовенство!

/10/ У [о.] Фоменкова достал я медаль, и сегодня отправил к Григорию Марковичу чрез его благочинного, поздравляя с монаршею милостию.

О католич[еском] митрополите то верно, что он пытался учредить патриархат, независимый от Рима, о чем донес священник француз[ского] посольства; папа митрополиту прислал ad monitionem²⁷¹, а рус[ское] правительство велело патеру франц[узскому] выехать из России.

Бог да укрепит тебя; пиши о своем здоровье.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

1860 г. 23 февраля

Белая [Церковь].

**Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
5 березня 1860 р.**

Ф. III, № 6749

/11/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

Очень жаль, что нездоровье твое продолжается и не позволяет тебе выходить. Если бы [о.] Филарет давал тебе хоть коней; может быть доктор позволит тебе проежжаться, что мне даже предписывал, когда я стал поправляться, но еще боялся выходить. Только нужно хорошо на первый раз кутать ноги.

Жду в завтрашний день 1-го № «Руководства [для сельских пастырей]». Каково будет целование сие? Каково будет целование ему от Филарета [митр.] Моск[овского] и Григория [митр.] Петерб[ургского]?.. А верно, одолжат отзывом. Предоставивши /11 зв./ главную редакцию [о.] Филарету, избавишься от неприятных столкновений с Еремичем, [о.] Богдановым, а там далее и с другими пиитами красного слога. За трусливость не очень обвиняй [о.] Филарета, ибо куи,

²⁷⁰ Ясон (Сморгожевский; 1715–1888) – греко-католический митрополит Київський у 1780–1788 рр.

²⁷¹ На захист (латин.).

cui²⁷², а ему на первый раз нужно держать ухо востро, а то власти старые могут опешить на первый раз; потом можно и свободнее; так и коней с разу не распускают. В библиотеке набрал или еще спожил много хламу всякого езуитского об исповеди; да еще не нашел времени пересмотреть. За другими делами и развлечением только и успел, что приготовить для [о.] Фаворова униат[ские] письма и грамоты Флоров[ского] монастыря, да составил склады для славянск[ого] букваря.

/12/ Хорошо, что [о.] Филарет с тобою на ты, но при других и официально лучше с твоей стороны говорить ему вы или как-нибудь; лучше пусть считают тебя равным в отношении к нему, нежели имеющим особенное влияние.

Прислали мне народные проповеди французские, но под populaire он понимает не проповедника сельского, а популярного в обыкнов[енном] смысле, который имеет значение для всех. Вот и гадай по названию! История в биографиях включает несколько избранных кратких жизнеописаний всех веков; можно некоторыми воспользоваться. Жду вскоре других книг. «Allgemeine Zeitung» выписал [барон] Иксуль, а как он едет за границу, то он будет у меня.

Опозорили себя монахи инспектором семинарии.

Получил я книгу «Русское духовенство»²⁷³, здесь нет ничего Антониевого И-Грекова, Муравьева «Мысли свет[ского] [человека]»²⁷⁴ и о монашестве – старое. Первая статья – брата Платона е[пископа] Костромского²⁷⁵; это его /12 зв./ отгаскал за волосы мещанин, а воспитывал их дядя, Кирилл, арх[и]е[пископ] Каме[не]ц-Подольский; все они москвичи.

Болондович выслал мне деньги, и я сегодня отправил их с Пантелеем в Корсунь, к [брату] Андрею.

Жаль мне бедной жены Борецкого и его самого²⁷⁶. Что за причина этого несчастья?.. Вечный покой Андрею Демьяновичу, хоть я не принадлежал к его ученикам.

Лука Михайлович выслужил 25-летний срок, и теперь свободный человек, с пенсией в 600 руб. серебром.

Дай Бог скорее тебе выздороветь.

Прощай и прости.

Любящий брат Петр Лебединцев.

1860 г. 5-е марта.

Б[елая] Церковь

²⁷² Який-який (латин.).

²⁷³ Русское духовенство. Берлин: Тип. К. Шултце, 1859. Видання Миколи Елагіна, який у 1848–1860 рр. служив цензором. Це видання було полемічним до резонансної книги І. Белюстіна «Описание сельского духовенства» (1858).

²⁷⁴ [А.Н. Муравьев]. Мысли светского человека о книге: «Описание сельского духовенства». Санкт-Петербург, 1859. 16 с.

²⁷⁵ Єпископ Костромський Платон (Фівейський; 1809–1877) був ректором Орловської ДС, коли там служив Петро Гаврилович.

²⁷⁶ Борецький Олександр Петрович (бл. 1818 р.н.) – викладач КДС, настоятель церкви при Прозорівській вежі.

Объявление с отношением получил; консисторс[кое] распоряжение доселе не было разослано, как говорил столоначальник Васильк[овского] д[уховного] правления, по той причине, что в указе консистории не означена цена вашего журнала. Впрочем, консистория в указе не обязала все церкви к выписке «Руководства [для сельских пастырей]», а предписала выписать туда, где есть средства...

/12 зв. збоку/ Луке Михайловичу поручил я билет Ал[ександры] Степановны на 200 руб. сер.; прошу поручить кому взять капитал с процентами; если можно, то прислать с Лукою Михайловичем; а если нельзя, то пусть побудет у тебя до случая.

/11 збоку/ Григорию Марковичу достал я медаль, и отослал на имя благочинного его.

Н.В. Пошли в консисторию справиться, выслан ли действительно, и когда, указ о Никите Ивановиче; он пишет ко мне, что без указа в Соболевке его не принимают, а из Журжинец высылают; я писал уже к протоиерею Сикорскому за него.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
16 березня 1860 р.

Ф. III, № 6750.

/13/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Потрудись написать несколько строк к Александре Степановне, и приложить 200 руб., заадресовать: в г. Радом – коллежск[ому] советнику Павлу Тихонов[ичу] Тихомирову, главному смотрителю провиант[ных] магазинов; страховые и весовые уплатить из оставленных 12 руб. серебром.

Слава Богу, что наконец выходит ваш или наш журнал. А когда же он будет рассылаться? Я же уплатил 5 руб., а доселе ничего не вижу, т.е. в течении 15 дней.

Спасибо тебе, что ты и больной потрудился сам посмотреть корректуру моих статей; без твоей руки там много наврали бы. Что сказание в одном № с послесловием, это и лучше. Если после [архим.] Мелхиседека перепечатаете письма [кн.] Люб[омирскому], данные мною в «Труды», а потом я дам [еп.] Виктора; то в этих четырех отделах и будет история Украинской церкви в 18 веке.

/13 зв./ Столоначальник соврал: в указе все церкви обязываются выписать «Руководство [для сельских пастырей]». С консисторией я же советовал не иметь дела, а с канцелярией преосв. викария.

[Кликот] Козин не мешает; но только бы уроки на этой неделе кончились, я вас стану наделять вдоволь статьями, вполне соответствующими названию: subsidia²⁷⁷ уже получена. Сегодня набросаю на бумагу «Вопросы иерейской совести»²⁷⁸. Это будет целый ряд статей. Другой ряд – о посещении священником

²⁷⁷ Допомога, підтрмка (латин.).

²⁷⁸ Лебединцев П. Вопросы иерейской совести // РСП. 1860. № 9. С. 195–199; № 13. С. 311–321.

больных и умирающих. За «Ami de la religion»²⁷⁹ и «Observ[] Catholique» обратитесь к Василию Исакову или к Вольфу в Петербурге. Кто выписывает вместе два журнала, тому будут высылать ежемесячно с тяжелою почтою. Выгода всякий иностр[анный] журнал или газету выписывать чрез книгопродавца та, что цензура ее не мазнет. Вольф считает талер по 1 р. 10 к, а франк по 28 коп. серебром.

/14/ Читал ты в «Духов[ной] беседе» мое письмо? Вчера получил я письмо от [В.И.]Аскоченского, в котором он просит моего дозволения на перепечатание этого письма в «Домаш[нюю] беседу»²⁸⁰. А при том пишет: «Как не грех Вам посылать такие животрепещущие статьи в этот мертвый, безжизненный журнал? Пусть печатают там велемудрые сочинения Леонтия, сносят во тму самые огарки: зачем же такие превосходные вещи месить с этими затхлыми изделиями отжившей схоластики?...» А что скажет он об исповеди?.. Посылаю ему желанное разрешение и поклон [брату] Даниилу, о котором он упоминает, что видится с ним.

Прошу свидетельствовать глубокое почтение о. Филарету, с которым я согласен, что журнал должен соответствовать названию, а потому на след[ующий] год нужно бы программу переделать.

Дай Бог тебе укрепляться; но погода... Твое здоровье требовало бы проехаться на праздник хотя в Белую Церковь. Прощай.

К воскресенью что-нибудь изготовлю вам.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

1860 г. 16-е марта

Б[елая] Церковь

/14 збоку/ P.S. 17 апреля имеет быть в зале гимназии музыкальный и танцев. вечер в пользу моих школ; уже готовятся билеты. Просим.

/14 зв./ Вот копия подп[исного] листа:

Liste des personnes, qui vounront participer á la soirée musicale et dansante, qui va avoir lieu au mois d'avril dans la salle du gymnase au profit des écoles élémentaires fondés á Biala-Zerkoff pour les enfants des paysans.

C-tesse Hedvige Branicka

Xavery Turrovicz obl.

Caroliné Sraffß

Paul Naumenko²⁸¹

Elise Tokarska

A.Cosacki

Plucinski²⁸²

Philipowizh

Яковлев

²⁷⁹ «L'Ami de la Religion» («L'Ami de la Religion et du Roi») – ліберально-консервативний журнал, видавався в Парижі у 1814–1862 рр.

²⁸⁰ «Домашняя беседа» – журнал, заснований у 1858 р. В.І. Аскоченським в Петербурзі.

²⁸¹ Директор гімназії.

²⁸² Плюцинський, контролер графського маєтку. (за КЕВ 1864, № 12).

Moric Kach
Ikskul chedl.

Будут и граф Турович молодой – австр[ийский] капитан с оркестром Браницкого, и Манцель Грасс; потом нет M[adam]e Санатко и Mad[emoi]sele Graß. Билеты распродают ученики гимназ[ии]. Эта штука будет иметь всероссийское значение!.. Еще изящ[ные] искусства не служили в пользу крестьян.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
23 березня 1860 р.

Ф. III, № 6751

/15/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

Получил я уже два № «Руководства [для сельских пастырей]» в 2-х экз. Спасибо за то, что не забыл и меня, и почтил экземпляром. Что же сказать об этом новорожденном, в особенности о первенце? Я спрашивал о. Михаила, и тот сказал о первом №: «Прекрасно, превосходно». Дай Бог, чтобы все сельские священники настолько были им довольны. Мне очень понравилось поучения м[итрополита] Сильвестра²⁸³, и прекрасно, что это Киевского, а не некоего Московского. 1-я твоя проповедь, при всех своих достоинствах, имеет излишек – длинновата для села; еще NB. Крест принимается в пяток после прочтения часов, ergo не 6-ть дней лежит от воскресенья, но это мелочь, которую может заметить иной Макарий. Лучше было бы напечатать бегло заглав[ный] лист, чем пускать чистую бумагу в расход; знаю, что здесь твоей вины нет, зато кто-то маха дал большого. Жаль! Два текста, стоящие под /15 зв./ заглавием много места занимают, оттого журнальная статья едва захватывает несколько строчек 1-й страницы. Я бы эти тексты выкинул. Цензора тоже как-то особенно печатают, разрывая его титул на две строчки. Но всё это мелочи, а дело как дело хорошо. «Вопросы иер[ейской] совести» (1 л.) я отдал на почту прошлую, адресовавши [о.] Филарету; теперь посылаю 1-ю статью «О посещении больных», затем будет о цели посещения, о свойствах священника как духов[ного] врача, о самых духов[ных] врачевствах, предлагаемых больному: слово Бож[ие], молитва, причащение... и проч., и проч. Как покажется о. Филарету то и другое? 2-я статья «Вопросов и[ерейской] совести» будет касаться ревности священника в прохождении своей должности.

Сколько у Вас подписчиков уже? Нет ли каких занимательных от кого-нибудь статей? Куда больше выписывают.

А напечатаны билетки визитные? Прошу прислать, коли готовы.

²⁸³ Поучение митрополита Сильвестра новопоставленному иерею – перша стаття в першому випуску «РСП». Це типова настанова рукопокладеному священику, відома за підписом митрополита Київського (1556–1567) Сильвестра (Белькевича), написана у Новогрудку у 1562 р.

Митя и Ваня²⁸⁴ пусть приезжают ко мне на праздник. Как же твое намерение? Могу ли хотя на святки /16/ ждать тебя?

Не прислать ли вам билетов на бал Белоцерковский? Все же здесь будет интереснее, чем *soirée dansante au Бирюки*²⁸⁵, да и погода лучшая.

Н.В. Протоиерей Сикорский уведомил меня, что по 8-е марта указа о Николае Ив[ановиче] не было. Не мерзавцы ли эти постовские, которых я сам спрашивал в консистории, и меня уверяли 29-го декабря, 1859 г., что уже послано? Напиши, пожалуйста, к [М.М.] Хижнякову²⁸⁶, да теперь же. Ужас, как он, бедный, страдает!.. А если здоровье твое позволяет, то попроси лошадей у [о.] Филарета, и съезди сам в консисторию, и уверься по исходящей и разносной книге, к[ото]рую потребуй чрез М[ихаила] М[ихайлови]ча.

Прошу мне возвратить описание сельского духовенства, я обещал [барону] Иксулю дать выписку о русс[ких] помещиках, да и сам хочу кое-что припомнить. Хотел прислать Вам известие о белоцерк[овских] училищах, да не успел переписать. Вчера у нас было заседание педагогическое о преподавании в гимназии арифметики, земледения и русс[кого] языка. Из Белой Церкви могут выйти просветители в села. Если бы в семинарии вашей в четверг после обедни открыли урок для обучающихся грамоте, то, кажется, воскрес[ные] школы [попечителя] Пирогова²⁸⁷ разрушились бы. /16 зв./ А впрочем, все у нас обстоит благополучно.

Salve et vale.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев

1860 г. 23-е марта

м. Белая Церковь

Книги прошу отправить о. Филарету и мой отзыв; если им нужно переписать начисто список книг, то да благоволят ваши письмоводители переписать, а у меня много и другой работы, а человека не имею пишущего, и пусть извинят.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

28 березня 1860 р.

Ф. III, № 6752

/17/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

Если билетки готовы, то прошу прислать чрез сей случай. Стихари получены; прошу из оставшихся денег уплатить 7 р. 60 коп. монахиням, и чрез

²⁸⁴ Дмитро і Іван, діти Єфросинії Гаврилівни і Микити Васильовича Гордієвських.

²⁸⁵ Танцювальний вечір у Бірюках (село неподалік Білої Церкви).

²⁸⁶ Хижняков Михайло Михайлович (1811–1875) – секретар Київської духовної консисторії у 1844–1875 рр.

²⁸⁷ У 1859 р. попечитель Київського навчального округу М.І. Пирогов заснував недільні школи – загальноосвітні початкові школи (див. статтю: О воскресных школах // Пирогов Н.И. Сочинения. Т. 1. С. 631–644).

Данила Максимовича поблагодарить их. О бале и концерте нашем прошу не упоминать, доколе он не пройдет благополучно. А послан ли действительно указ об Никите Ивановиче?

Под статьями: «[Вопросы] иер[ейской] совет[и]» и «О посещении больных» я не выставял своей подписи по другим причинам, а теперь вижу и нову: не будут кричать – монополия. Об исповеди²⁸⁸ действительно очень переделано, но если переделал [о.] Филарет, то не стыдно ли /17 зв./ было [Михаилу] Мартыновичу выставять свою подпись?

На первой страницей под статью о посещении больных священником нужно бы внизу, под чертою оговорить что-нибудь вроде этого: «У нас есть казенная обязанность посещать больных для напутствования таинствами исповеди и причащения, по просьбе больного, и даже в уставе консисторий в § 194-м определено наказание строгое за неисполнение этой обязанности; но мы понимаем здесь посещение больных не только как обязанность совершителя таинств, но в более общем смысле: 1, как обязанность общую христианскую, в исполнении которой священники должны являть пример, и в особенности как обязанность пастырскую, обязанность, вытекающую из доли пещись о спасении своих прихожан».

О переводе в Академию тебя известно, кто хлопчет; но тому тебе нужно иметь в виду и последующее, или уклониться от их ходатайства.

Затем желаю тебе к празднику быть совершенно здоровым и весело провести его, я все же прошу на бал.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев

1860 г. 28-е марта

**Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
31 березня, 3 квітня 1860 р.**

Ф. III, № 6753

/19/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

Христос воскрес!

Приветствуя тебя с столь радостным праздником и желая его провести в радости, скажу несколько слов о печальных вестях, переданных мне г[осподином] Крыжановским, о которых желаешь знать мое мнение. [О.] Филарета нельзя совсем винить, ему действительно кровь должна кидаться в лицо, если у вас в редакцию мало пока поступило дельного, а с другой стороны, столько и таких претензий от членов К[иевской] семинарии. Винить можно только за крутые меры, за огласку слабой стороны редакции; все можно бы поправить, никого не обижая. Но я сужу со слов других, да и не мое дело судить.

Спрашиваешь моего совета? Кажется, [о.] Филарет сам старается перевести тебя в Академию, чтобы действовать одному, ибо только ты можешь вмешиваться

²⁸⁸ Богданов М. Практические замечания касательно совершения исповеди // РСП. 1860. № 3. С. 63–71; № 4 С. 83–92.

в дела редакции; т.е. тебя жалуют в сенаторы! Ты желал бы избавить [о.] Филарета /19 зв./ и Киев[скую] семинарию от редакции и передать Назару Антоновичу? Пожалуй, [о.] Филарет и сам откажется, ибо он явно тяготится этим делом, да и не желал его. Как же прочее устроить? Нелегко, однако возможно вот как бы. Главное – нужен естеств[енный] предлог, естественная точка отправления. Мое мнение таково. Формально откажись и ты от редакции – пусть будет общее отречение; а на деле можешь быть опять. 1-е. Пусть [о.] Филарет скажет, что он как ректор не имеет времени, прочие наставники семинарии обременены уроками; 2-е. Пусть согласится, или хоть скажет, что руководство для священников должны издавать священники. Итак, на этом основании должна составиться новая редакция: 1-й редактор священ[ник] Фаворов, 2-й кто? Тот, с кем ты недавно ссорился, т.е. [о.] Колосов²⁸⁹, бывший сельский священник и благочинный; 3-й – настоящий сельский священник и благочинный – твой брат, редактор по форме, а на деле за него ты – будущий бакалавр, с получением и оклада редакторского, а мой голос только совещательный. */Доповнення збоку/ [Если кто спросит, почему я? А потому что 3-го иерея на это дело в Киеве нет. А по справкам с твоими письмами оказывается, что мысль о журнале дана мною, а осуществлена она тобою. Да притом 3-й для счета – можно сказать.]* Если примучат тебя пря-/20/мо открыто в редакторы, я очень буду рад и о себе ни слова; ибо я хочу только гарантировать тебя своим духовным саном и званием сельского священника, и тебя не включаю прямо потому только, что отправляюсь из идеи новой редакции, которая должна быть священническая и притом отчасти сельская. О. Филарет займет место [о.] Колосова, т. е. [будет] цензором по «Руководству [для сельских пастырей]». А ты возьмешь секретарство редакции, владея и моим голосом, следоват[ельно], двумя. Об этом पहले тебе нужно переговорить с о. Филаретом, ибо все будет зависеть от его согласия, а потом с Назарием Антоновичем, который охотно отдаст кому-нибудь редакцию «Трудов [Киевской духовной академии]» – жалкую, с тем, чтобы принять новую по «Руководству [для сельских пастырей]».

Это нужно: 1-е держать в тайне от многих, 2-е пускать ли в Петербург, или дожидаться [митр.] Исидора?

2-я статья «[Вопросы] иерейс[кой] совести» уже готова 2 листа, только остается переписать. */Доповнення знизу/ [отослано теперь же [о.] Филарету 3-го апреля.]* Все мое время теперь будет «Руководству [для сельских пастырей]».

Затем *salve et vale*.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев

1860 г. 31-е марта

Белая Церковь

/20 збоку/ А что билетки? Директору нужно сказать цену, и деньги с него получить.

²⁸⁹ Колосов Олексій Михайлович (бл. 1816–...) – київський протоієрей, випускник КДА (1843). Викладав у КДС, у 1847–1850 служив законовчителем у Білоцерківській гімназії (на його місце попоросився Петро Гаврилович), потім повернувся до Києва і сслужив законовчителем у кадетському корпусі. Був духовним цензором (ймовірно, через цензуру була сварка з Феофаном Гавриловичем), згодом став членом консисторії.

/20 зв./ P.S. Только берегись: если проект не удастся, а узнают семинарские, тогда гонение тебе будет. Трудно, чтобы монахи 1000 подписчиков выпустили из своих рук; но все, что писал я, кажется, чепуха; до года дело останется как есть.

3-е апреля. Христос Воскресе!

Приветствую тебя с сим радостным праздником, и да будет тебе радость и веселие! Еще о редакции и семи[на]рии. Как же семинарию успокоить? А вот как! Семинария пусть с 1-го июня 1860 года издает «Епархиальные ведомости». Это будет по силам, и прилично, и отчасти полезно. Для неофициальной части, как известно тебе, у меня довольно запасов. Издавать помесечно – выпусками, ценою в год рубля на два. Секретарем этой редакции был бы [] Ильинский, а редактором [Е.М.] Крыжановский; официальную будет редактировать [Л.И.] Похилевич, если возьмется. /Доповнення знизу/ [«Руководство [для сельских пастырей]» дол[жно] быть *необязательным для Киевской епархии, а «Епархиальные ведомости» – обязательными. Это будет consolatio*²⁹⁰ для семинарии.] Таким образом дело уладилось бы мирно и безобидно.

Может быть, Академия тебя берет к себе затем и впрямь, чтобы удобнее овладеть «Руководством [для сельских пастырей]»; но отдать в Академию – значило бы бросить из огня да в полымя! Редактор – начальник, велее зло! Да и нет нигде этого, кроме в дух[овных] журналах. Если бы уладилось так, ты бы с Назарием Ант[оновичем] был бы хозяин журнала навсегда. [О.] Колосов крикун, его уговорить можно, а меня как-то он слушается, да притом он на Лыбеди²⁹¹.

Если нельзя будет таким способом составить редакцию, то пусть лучше она остается при семинарии.

О 3-м редакторе пока не нужно говорить, и не называть хотя. Пусть его назовет [о.] Фаворов впоследствии, а пока себя можешь назвать только секретарем будущей редакции.

/20 зв. збоку/ Вечная память добрейшему Ивану Дмитриевичу²⁹²; упокой, Господи, блаженную его душу! Передай глубокую мою скорбь Емельяковым, Павлу Федорову и Сусанне Ивановне. Увы! Из наших родных чуть ли не я на очереди теперь!.. по старшинству.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

13 квітня 1860 р.

Ф. III, № 6754

/1/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

Отцу Филарету я обещал высылать еженедельно от 1 до 2 листов. Во исполнение сего за пасхальную неделю посылаю 2 листа: «Обеты трезвости» и

²⁹⁰ Розрада (латин.).

²⁹¹ Тобто на околиці Києва, далеко від адміністративних установ і від Братського монастиря.

²⁹² Шаббатович.

известие о наших школах²⁹³. Известие нужно, может быть, перебелить? Скрибал²⁹⁴ Митя. Другое, более пространное, прошу отдать в редакцию «[Киевского] телеграфа»²⁹⁵, но препроводить от своего лица и притом, если можно, внизу выставить свой вензель: Ф.Л. Это мне необходимо, чтобы [граф] Браницкий не гневался на меня за [эконома] Зеленского. Отдачей прошу поспешить, ибо после бала будут писать другие, которые назовут [эконома] Зеленского и меня по фамилии. Известие твое о отзыве князя²⁹⁶ весьма утешило меня после огорчений от подлюстей [эконома] Зеленского. Но князь, вероятно, ограничится отзывом обо мне митрополиту; кстати, я послал в генваре митрополиту ведомость.

Но еще более радует весть о реформе епархиального управления. Архиереи повесиша лица, верно. Кто же это внушил и кто подвигнул Синод?

/1 зв./ Любопытно знать, что еще писал преосвящ. Михаил²⁹⁷, и какого он сам мнения.

«Руководства [для сельских пастырей]» № 4 и 5 вместе присланы в Б[елую] Церковь 7-го апреля – вероятно, по случаю праздников. О сне Богородицы²⁹⁸ я того мнения, что он составлен униатами в прошлом столетии для Украины с целью доброю, и имеет полезное действие. Недостаток в том, что это *pia fraus*²⁹⁹, обман в форме по езуитскому правилу: цель оправдывает средства. Слова: «Кто сему сну верит», – нужно понимать так: кто верит тому, что содержится в этом видении. Распространители этого сна преимущественно солдаты грамотные; они-то занесли его в Русь. Саперы на Крымскую кампанию все запасались им. Лангедок – месторождение ереси валденов и албигенов; Британская земля при Льве X совратилась в лютеранство. Почему явление снов – и там именно? А заметил ли ты, что в сне нет ни одного латинского догмата? Он чисто православный. Священник должен обнаружить только лживость формы, или лучше ее неприличие и несообразность с евангельским повествованием. Этим и может ограничиться вся его полемика про-/2/тив сна. Статья о трезвости моя покажется странною после похвал за общества трезвости; но, по моему убеждению, этот взгляд верен, несмотря на противоречие установившемуся мнению. Как это покажется [о.] Филарету? Нужно обуздать ксендзов и общество Пия IX! В редакцию вашу я дал только два поучения о молитве; более моих проповедей там не осталось. Продолжение о молитве пришлю вскоре. Затем последует о 10-ти заповедях, для которых вчера я получил превосходное из Риги пособие. [Барон] Иксуль выписал «Sonntagsblatt», сиречь воскресный листок;

²⁹³ Леб-в П. Обеты трезвости // РСП. 1860. № 12. С. 304–311.

Известие об открытии сельских училищ // РСП. 1860. № 11. С. 279–282.

²⁹⁴ Писав, від латин. scribe – писати. Митя – Дмитро Гордієвський.

²⁹⁵ Киевский телеграф.

²⁹⁶ І.І. Васильчикова.

²⁹⁷ Єдиним на той час в Православній церкві Росії архієреєм з цим іменем був архієпископ Мінський Михаїл (Голубович; 1803–1887), учасник приєднання до православ'я греко-католиків у 1839 р.

²⁹⁸ Лебединцев Ф. Сон Пресвятої Богородиці // РСП. 1860. № 5. С. 109–119; Два списки «Сна Пресвятої Богородиці» // Там же. С. 120–126.

²⁹⁹ Благочестивий обман (латин.).

этот лист подобился «Воскр[есному] чтению», но убористее, и стоит с пересылкою 2 рубля; издается в Петербурге на превосходной бумаге. Выходит в неделю – не более и не менее листка. Что же мы пред немцами?..

Не нужен ли Павлу Федоровичу³⁰⁰ отец Михаил на лето? Если нужен, то я могу отпустить для Андреев[ской] церкви, а пока его мне заменит отец Иаков, теперь свободный.

Что касается места законоучительского во 2-й гимназии, то мне не приходится быть под началом Никиты. Пусть лучше Павел Федорович на некоторое время придержит его, т.е. законоучительство, за собою, а там посмотрим.

/2 зв./ [Протоиерею] Крамареву довольно будет сказать, чтобы он дал на прочтение митрополиту на прочтение статью Онисилича, и если он признает полезным напечатать, напечатаем. А когда митрополит имеет прибыть в Киев?

Затем даст Бог тебе укрепиться в здоровье.

Искренне любящий тебя брат Петр Лебединцев.

Биография Петра Могилы напечатана в «[Киевских] губерн[ских] ведомостях» за декабрь 1859 года; там и о *livos*; этот номер может достать Павел Федорович.

13-е апреля 1860 г.

Белая Церковь.

P.S. 1-е. Если поступят в печать мои «Катех[изические] поучения», то пусть мое имя будет подписано под последним, на молитву «Отче наш», т.е. после изъяснения аминь, а пока пусть значится вообще к сельским прихожанам.

2-е. У вас неаккуратно разбирают листы; вот мне прислали уже два листка лишних, следоват[ельно], испорчено два экземпляра!.. Возвращаю.

Прошу отыскать Манифест на коронацию, и дописать слова: «Заумно жнется просвещение...»

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

23 квітня 1860 р.

Ф. III, № 6755

/3/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

При сем присылаю 3-е «Катихиз[ическое] поучение» и «Слово о пользе грамотности». /примітка збоку/ [Аз прошу выцитовать тексты, ибо теперь некогда искать в Библии, а у вас есть «Симфония»³⁰¹.] /примітка снизу/ [Еще предлагаю слово

³⁰⁰ Подвысоцкому.

³⁰¹ «Симфонія» – зібрання в алфавітному порядку всіх слів або вибраних висловів (т.зв. «Вибрані симфонії»), що зустрічаються в певній книзі. Тут, ймовірно, йдеться про «Симфонії» на біблійні книги, Ці «Симфонії» видавались в Російській імперії у XVIII – першій третині XIX ст.

[о.] Кошутского³⁰² по вступлении на паству. И прошу напечатать хотя в поощрение ему и в побуждение другим. Впрочем, оно так прилично, что очень годится для нашего журнала, и лучше оных. Я лишь несколько фраз исправил здесь.] Последнее я старался изложить сколько можно доступнее и рельефнее, и оно, кажется, произвело свое действие. Если оно будет напечатано, то прошу сделать 50 отдельных оттисков или брошюр для меня на мой счет; я хочу раздать здесь всем грамотным и жду от сего большой пользы. Бал наш, несмотря на всяческие препятствия со стороны экономии, удался благодаря [полковнику] Шванебаху и гимназии. Но зато [эконом] Зеленский спасовал очень, и на другой день при очень вежливом письме прислал мне на школы 25 руб. сер., высказывая сожа-/з зв./ление, что не мог быть на балу. Ergo разбит в пух и прах. Бал этот – победа и одоление! Высшая школа при гимназии уже открыта, и в ней – 12-ть мальчиков. Сбор с бала за всеми расходами дал 150 руб. серебром. Чего же хотеть? Результат отличный. Позднее пожертвование [эконома] Зеленского вызвало только всеобщий хохот. По влиянию его не хотели давать канделябров и мебели из дому Браницких; но маршалек спасовал, когда директор вмешался, ибо у маршалки два сына в гимназии. Наконец, после концерта музыки отказались играть для бала: погрозила полиция высечь, а гимназия пообещала деньги, и пошли играть опять. Кавалеры-официалисты не хотели танцевать, ученики гимназии стали смеяться, что им запретил [эконом] Зеленский, и пошли плясать. Я, впрочем, не был ни на концерте, ни на бале.

Но этот бал, или совещания касательно его, отняли у меня много времени, и я едва ли сдерживаю свое обещание, /4/ данное вашей редакции. Теперь буду продолжать о молитве поучения, «Вопросы иерейс[ко]й совести». Отец Филарет прислал мне письмо весьма дружеское и искреннее; я душевно и глубоко благодарю его, и буду писать, когда будет у меня готово что-либо более путное. Статью о продаже календарей прошу возвратить; она действительно не идет в наш журнал, да я и писал ее для [В.И.] Аскоченского, туда и отправлю. Мое мнение о обществах трезвости, верно, вас затруднит? Т.е. есть опасность, чтобы кто не зацепил с другого боку; впрочем, поступайте как знаете.

Теперь я буду перечитывать о народ[ных] школах; вчера прочтен у нас новый проект гимназии, прогимназии и народ[ных] училищ – высших и низших и народ[ных] школ³⁰³. Чтобы дать министру мнение от педагогич[еского] совета, у нас составлен комитет из меня, [В.В.] Вилуева и [Л.В.] Лапицкого. Новая работа, ибо министр требует сообразить все, что писано в журналах. В Белой Церкви, верно, будет только прогимназия. Много писать нечего; Павел Федорович расскажет. Учителям работа египетская! Благодичные везде членами попечит[ельских] советов гимназий, прогимназий, выс[ших] нар[одных] училищ и т.д. Все это уже согласно с уничтожением духовной касты. В каждом уезде

³⁰² Священик Білоцерківської Маріє-Магдалинської церкви, що змінив о. Якова (Кондрацького).

³⁰³ Проект уставу гімназій і народних училищ був розроблений у 1858 р. у Санкт-Петербурзькому університеті і розісланий із 1859 р. в інші університети для обговорення.

/4 зв./ одно или два высших народ[ных] училища – 4-ре класса, в которых будут технич[еские] классы. В Корсуне, верно, будет высшее народн[ое] училище.

Был у меня Кирилл Федорович Станкевич; по словам его, проект о новом устройстве духов[ного] управления писан [архиеп.] Дмитрием³⁰⁴. */примітка вгорі/ [как он слышал от благочинного лавры Варлаама, а сему писали из Петербурга.]* [Владыка] Дмитрий остается и на лето в Петербурге; [брат] Арсений писал мне недавно, у них был сын Гавриил, но чрез неделю 9-го апреля умер. «Руководство [для сельских пастырей]» в Одессе хвалят; но я буду просить, чтобы он написал, как и за что будут его бранить. Редактор «Епарх[иальных] Одес[ских] ведомостей» – протоиерей кафедральный Знаменский³⁰⁵.

Редакция «Духов[ной] беседы» прислала мне 24 руб. сер: 11-ть за березки, и 13-ть за ярмонки.

[Брат] Андрей писал ко мне недавно; у него все благополучно, он объехал праздниками родных наших, и все здравствуют, только Павел Акимович [...] с тетушкой. Хочу написать ему, чтобы он удерживал тетушку, авось и сам догадается.

Как теперь твоё здоровье? Господь да укрепит его!

Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

1860 г. 23-е апреля

Б[елая] Церковь

Отцу Филарету прошу передать мое глубочайшее уважение.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

1 гравня 1860 р.

Ф. III, № 6756

/5/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

По здоровом обсуждении отвечаю тебе, а заодно и отцу Филарету на вопрос о передвижении меня в Киев.

Меня долго затрудняло в ю, что с оставлением гимназии я теряю уже некий пансион – 400 руб., до которого мне только 8-мь лет. Не думаю, что в течении 8-ми лет изменится многое, а с тем уничтожится глупое правило духовно-учебное, по которому за службу в семинарии я могу получить пансион только после смерти. Служить с о. Филаретом я вменяю себе в честь и подчинением не стесняюсь. Но, чтобы быть полезным семинарии и редакции, я желал бы принять инспекторство без профессор[ской] должности, как это благоразумно учреждено при гимназии. А как на 125 руб. нельзя прожить инспектору, то с инспекторством я желал бы соединить священнич[еское] место. Где же? Например, во-первых, в Андреевской

³⁰⁴ Дмитрій (Муретов; 1811–1883) – у 1857–1864 рр. і 1882–1883 рр. архієпископ Херсонський.

³⁰⁵ Знаменський Іоанн Матвійович (1813–1873) – кафедральний протоієрей Одеського Преображенського собору (з 1857 р.), редактор «Херсонських епархиальних ведомостей» (з 1859 р.).

церкви, если не успеет Павел Федорович, или же быть настоятелем Успенского собора, если пожалуй, [о.] Дашкевича³⁰⁶ пере-/5 зв./ведут в Андреевскую или куда-нибудь. Оба эти места весьма легко совмещать с инспекторством, а должность священническая все была бы некоторого рода практически школою редактору.

Если же это покажется дико кому-либо, или неудобноисполнимо, то я готов поступить и на место Павла Федоровича во 2-ю гимназию и на 2-е место в Успен[ский] собор с тем, чтобы в Успен[ском] соборе только считаться, а служить в церкви 1-й гимназии. Конечно, это широкие основания, но на узких я никак не могу поступить теперь.

Прошу о сем посоветоваться с о. Филаретом, или предложить на его добрый совет, аще обретох благодать пред очима его, то попроси помочь словом и делом – и его мнению меня уведомить.

Где № 7, 8, 9 «Руководства [для сельских пастырей]»? Прошел весь апрель, а мы не получили ни одного нумера; это что-то очень, и я думаю, здесь вина не ваша, а Киевской губерн[ской] почтовой конторы.

[П.А.] Кулиш читает журнал наш, но как ему понравилось мое замечание?

/6/ Известие о школах можно и не посылать в «[Киевский] телеграф»; я даже хотел нарочито просить об этом после того, как [эконом] Зеленский прислал мне 25 руб. сер. Что ни делается, то к лучшему.

Скоро должна прибыть в Киев Александра Степановна, и, верно, повидается с тобою. Передай ей мой нижайший, а если можно, приезжай с ней на Зеленые святки. Если бы указали надобность мне самому быть в Киеве, напр[имер], для явки митрополиту, то я свезу тебя обратно в Киев тогда.

Моск[овский] м[итрополит] Филарет³⁰⁷ – либерал, и прогрессист. Говорят, и [Д.Г.] Бибииков теперь большой либерал³⁰⁸! Таков закон природы!

Отцу Филарету прошу свидетельствовать глубочайшее мое почтение. Затем желаю тебе здравствовать, и благодарю Бога, что ты уже здоров.

Искренно любящий брат Петр Лебединцев

1860 г. 1-е мая

Белая Церковь

**Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
11 червня 1860 р.**

Ф. III, № 6757

/7/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

³⁰⁶ Дашкевич Микита ... (1816–1880) – київський протоієрей, настоятель Успенського Подольського собору, благочинний.

³⁰⁷ Филарет (Дроздов) – в 1826–1867 гг. митрополит Московский.

³⁰⁸ Колишній київський генерал-губернатор вирізнявся консервативними поглядами. У 1855 р., після смерті імператора Миколи I, пішов у відставку з посади міністра внутрішніх справ.

Письмо твое сейчас получил, и отвечаю потому, что также пора написать что-нибудь. Да, [митр.] Исидор верен себе, когда такие ответы и приемы делает. Но дело не выяснилось еще о журнале, нужно подождать. Еще загадочнее замещение Андреевской церкви. Не вздумает ли он доходы Андр[еевской] церкви употребить на какое богоугод[ное] заведение? Мне, кажется, удобнее сидение, особенно, если вместо земли положат рублей 500 жалованья. А впрочем, если бы [митр.] Исидор что предложил, то поторгуюсь. Конечно, [о.] Филарет только тогда заговорит обо мне, когда [митр.] Исидор соблаговолит потолковать с ним о «Руководстве [для сельских пастырей]».

С известием сглупили как нельзя хуже; /7 зв./ и мне неловко, да, пожалуй, и [кн.] Васильчикову, который будто награждает в 1860 г. за дело 1855 года, а притом чем же?.. Не мешало бы поправить в следующем №, сказавши, что в известии слова: «и за содействие к успокоению...», – прибавление излишне³⁰⁹. Такова уж судьба – что попадет доброго в руки духовенства, то и они и готовое только изгадят.

В «Руководство [для сельских пастырей]» я приготовил только IV-ю статью «Вопросов иер[ейской] совести» (2 ½ л.), которая и отослана о. Филарету. Меня много заняли критикою на проект министерский, весьма частыми и длинными занятиями, и переноскою из комнаты в комнату, и экзамены, поглощавшие лучшее утреннее время.

Кстати: «Слово о пользе грамоты» печатайте вполне, или вовсе оставьте; ибо в сокращении оно выйдет ни то, ни се. Оно у меня 1 ½ листа, а только писарь растянул широчайшим почерком, оттого оно испугало вас. [Брат] Арсений пишет, что «Руководство [для сельских пастырей]» в Одессе все единогласно ставят выше «Дух[овной] беседы». Дзбановский³¹⁰, который доставил его письмо, спрашивал: что это вы только с братом пишете, а больше почти нет? Редактором «Херсон[ских] епарх[иальных] ведомостей» по офиц[иальной] части – [прот.] Знаменский, а /8/ по неофициальной – [Н.В.] Неводчиков³¹¹, бывший секретарь [А.С.] Стурдзы³¹² – оба Москва, и цена 6-ть рублей серебром!!! О, Москва, Москва!..

У нас почти все уже кончено; директор [гимназии] уехал в Одессу.

Завчера приехала ко мне Александра Степановна; в Киеве будет в конце июня. Если что-нибудь окажется интересное из переговоров с [митр.] Исидором, то, может быть, и я приехал бы с нею; это зависеть будет, впрочем, от твоих известий дальнейших. Только пусть не дает вида, будто я прошусь в Киев.

³⁰⁹ Сделали?

³¹⁰ Маньковка черкасского уезда?

³¹¹ Неводчиков Микола Васильович (1822–1910) – випускник МДА, спершу служив у Молдові, а з 1858 р. законовчитель в Одесі, з 1861 р. у викладацькому корпусі Херсонської ДС. У 1880 р. став монахом з ім'ям Неофіт і вікарним єпископом Херсонської єпархії (новостворена Єлизаветградська кафедра), а потім і самостійним єпископом.

³¹² Стурдза Олександр Скарлатович (1791–1854) – російський дипломат і публіцист молдавського походження, займався переважно «дунайськими» міжнародними справами і питаннями освіти.

Была у меня недавно сестра Матрона Гавриловна, и просила о диаконстве Никите Ивановичу. Наши все здравствуют, Павел Акимович отчасти куликает³¹³.

А что это значит, что [митр.] Исидора не просят дальше в Петербург?.. Когда и куда он поедет по епархии?

Поблагодари Памфила Даниловича³¹⁴ за «Воскр[есное] чтение», и засвидетельствуй нижайшее почтение отцу Филарету.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

1860 г. 11-е июня

м. Белая Церковь

/8 зв./ «Вдова»³¹⁵ написана очень чувствительною, матушка не одна взрыдает. От чего было кстати не упомянуть, что на пансион высчитают по 2 коп. с рубля с 1842 г. – 18 лет, причисляя туда же и остатки от некоми[...] вакансий?..

[О.] Ромаскевич спрашивал меня, где «Вопросы иер[ейской] совести»? Я сказал: не знаю. Он будто поверил и заметил: много уж очень требуют от священника. Я успокоил его, что это идеал священника.

**Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
19 червня 1860 р.**

Ф. III, № 6758

/9/ Любезный брат, Феофан Гаврилович!

Посылаю чрез сей случай 5-ть катихизич[еских] поучений о молитве Господней, в дополнение 3-х имеющихся в редакции. Творите с ними что хотите. Жду известия о рецензии [митр.] Исидора касательно нашего журнала, мнения о редакции и проч.

Протоиерей Андриевский Васильковский, бывший вчера у меня, рассказывал мне, как свидетель грубости, с какою изрек [митр.] Исидор [о.] Богданову отказ в присутствии всех просителей, на [праге] своей залы. Он же передавал слух, якобы на Андр[еевское] место подал профессор Акад[емии] Максимович, и ему обещано. Это, верно, вздор, а, верно, другой ич, т.е. Эремич, значит, я немножко не угадал, назначая [о.] Крамарева.

Александра Степановна приехала в Киев /9 зв./ с Софией Владимировной³¹⁶, которая вскоре и возвращается в Б[елую] Церковь. Что у вас еще нового, прошу написать с ней.

Деньги [кн.] Васильчикова я обратил на книги Евангелия в рус[ском] переводе для раздачи детям, обучившимся чтению в моих школах, и на сие попросил разрешения [митр.] Исидора, а он велел возвратить в консисторию, из которой от его имени будет изготовлено отношение к директору хозяйств[енного]

³¹³ Випиває.

³¹⁴ Юркевич Памфіл Данилович (1826–1874) – філософ, у 1851–1861 рр. викладач КДА, її випускник (1851).

³¹⁵ Крыжановский Е. Вдова сельского священника // РСП. 1860. № 13. С. 324–346.

³¹⁶ Дружина барона Іксуля.

управления о высылке таковых за казенною печатью. Значит, это понравилось [митр.] Исидору. Сии деньги с рапортом препровождаю, и прошу отослать в оную консисторию. Еще потрудись для Александры Степановны получить деньги из банка по прилагаемому билету, и дав на расходы ей сколько потребует, прочие оставить у себя до /10/ моего приезда.

Духовные журналы очень опустели к лету. А «Руководство [для сельских пастырей]» высылается по 2 № в одном конверте... Получен 12 и 13-й, далее нет. Не думаю, чтобы могли найти причины достаточные к запрещению нашего журнала. Мне, правда, раз снилось, что собаки кинулись на меня; но как-то не достали.

О перемещении скажу, что мне сильно не хочется не дослужить пенсионера в гимназии. Что же Павел Федорович думает теперь? Я думаю, он готов бы и меняться со мною, оно и так, да Микита – настоятель. Меня интересует, впрочем, только при сем случае узнать мысли [митр.] Исидора, чтобы их принять в соображение на будущее.

Желаю тебе доброго здоровья и жития.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

1860 г. 19 июня

М. Белая Церковь

P.S. Прошу купить на прилагаемые 10-ть грамматочек и прислать с [С.В.] Иксуль, ибо очень нужны.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича

25 червня 1860 р.

Ф. 154, № 103

/1/ Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Пишу, не зная того, придет ли кацап за письмом, или нет.

Напрасно Вы вспомнили историю [А.М.] Колосова и не едете в Киев до получения указа. Теперь нет моды и ничего подобного быть не может. Сейчас я был в канцелярии попечителя, там действительно не получено еще сведение из консистории; но указ в консистории уже приготовлен и будет послан завтра. Я был и в консистории. Ergo Вы можете ехать хоть завтра. В канцелярии попечителя нашлась протекция, которая обещала выслать предписание немедленно.

Итак, до свидания!

Искренне любящий Вас брат Феофан

25-е июня 1860 года.

P.S. [митр.] Исидор едет завтра.

/2 зв./ Александре Ст[епановне] и Надежде Наркисовне мой нижайший поклон.

Квартира ждет Вас; а хорошая...

по признанию Павла Федоровича

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
17 липня 1860 р.

Ф. III, № 6759

/11/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

И сие послание последнее из Белой Церкви в Киев. Сожалею, что ты не мог приехать, но имею выгоду ту, что могу отправить вперед некоторые вещи. Выехать предполагаю 24-го в воскресенье, после служения. Сожаление обо мне общее и гласное; но великой демонстрации не хочу делать из этого сожаления.

Указа, впрочем, обо мне нет, и в гимназии от попечителя нет. Хоть бы к воскресению выслали; все как-то лучше, чем без указа.

За квартиру много благодарствую; дороженько и далеченько, но я верю, что ты сделал все, и что лучше нельзя было сделать. Мебель – канاپки, стулья и столы – распродал, но шкаф оставил и два столика; те-/11 зв./перь не продам ничего. Сено, овес и дрова проданы. Если бы можно какой воз дров поставить на дворе и возок сена к приезду, то это было бы хорошо; подводы теперь трудны, но кое-как соберемся, и первый транспорт отправлю в среду или четверг, что будет привезено, прошу разместить в доме.

Об [брате] Арсении слышал и я с понедельника; лучше, кажется, чем кто иной, но по крайней мере, знаю его малость, и приемы гуманные.

Для редакции с Надинькой приготовили два листа – учение Отцев Церкви о священстве, между прочим, о превосходстве священства пред монашеством; если успею, то отдам теперь же на почту на имя /12/ отца Филарета. Надинька превосходно переводит, ибо владеет и русским языком.

[П.А.] Троцкий³¹⁷ был в Б[елой] Церкви, но ко мне не являлся, а был у [о.] Ромаскевича.

Затем прости из Белой Церкви, и до свидания в Киеве.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

17-е июля 1860 г.

Белая Церковь.

Арсеній Гаврилович до Петра Гавриловича
17 квітня 1861 р.

Ф. 154, № 64

/3/ Любезнейший брат Петр Гаврилович!

³¹⁷ Троцький Павло Антонович (бл. 1834–1901), викладач КДС із 1859 р. Був призначений на посади у Білій Церкві замість Петра Гавриловича – законовчителем і священником Преображенського собору. Рукопокладений 8 серпня 1860 р. (ЦДІА, ф. 127, оп. 736, спр. 226). Служив у Білій Церкві до серпня 1863 р., коли був переведений до Київської Воскресенської церкви. Його сестра, Катерина, донька священника с. Бірюків, стала дружиною священника Григорія Васильовича Клебановського.

Вот тебе письмо и книга от Даниила Гавриловича. Они доставлены мне одним одесситом, бывшим в Петербурге, чрез которого я писал к брату. Слава Богу, что от самого письма и очевидца удостоверился о его существовании и здоровье. Я очень долго не имел от него отзыва, хотя писал к нему раза три. /3 зв./ Пишет, что его прочтут в начальники отделения и ужасает больших трудов.

Поздравляю тебя с новыми обязанностями и должностями³¹⁸ и радуюсь, будучи уверен, что сие будет для блага общего и твоего в частности. Есть ли теперь у тебя хоть часок досуга? Приход, гимназия, благочиние, школы... Право, боюсь за твое здоровье.

Если удосужишься когда-нибудь написать ко мне несколько строк, не забудь сказать свое мнение, или еще чье-либо, касательно заметок о некоторых /4/ случаях церковной практики, помещенных в 6 № «Херс[онских] [епархиальных] ведомостей». Не заметок собственно, а замечаний редакции, которые писаны мною³¹⁹. Дело в том, что преосв. Димитрий целое письмо написал редактору за наречение имени новорожденному. Гнева, правда, в письме нет, но большое сожаление и беспокойство, что дал такой промах. Ведь вы, пишет, защищаете молитву в шапку, на что еще в Регламенте указано как на нелепость³²⁰. Это донос, говорит, на всю епархию, в которой существует защищаемый обычай. Как ни странным мне кажется такой взгляд владыки, однако надо приготовиться к ответу, когда, даст Бог, возвратится домой, а надеется на сей год вырваться оттуда. /примітка збоку/ [*Пусть это будет между нами.*]

/4 зв./ Vivat вашим «Ведомостям»! Мы ожидаем каждой книжки с нетерпением. Преосвященному митрополиту за его слова нужно поклониться в ноги. /примітка низу/ [*Премного благодарю тебя и Феофана за получаемые мною журналы вашей редакции.*]

«Руководство [для сельских пастырей]» вошло в силу, и нет признаков истощения, что по временам случается с журналами. Как здоровье счастливого редактора. Мы не пеняем, что он не пишет к нам. Есть ли досуг подышать?

³¹⁸ 3 листопада 1860 р. Петро Гаврилович став наглядцем київських церковноприходських церков, з січня 1861 р. – благочинним Київських Подільських церков і редактором неофіційної частини «Киевских епархиальных ведомостей» (сам же був їх засновником). У цей час він служив другим священником Успенського Подільського собору і законовчителем 2-ї київської гімназії.

³¹⁹ Заметки о некоторых случаях церковной практики // ХЕВ. 1861. № 6. Ч. неоф. С. 445–461. У статті описано три ситуації церковної практики і до кожної з них додається коментар редакції.

³²⁰ «Вельми срамное и сие обреталось (как сказуют), молитвы людем, далече отстоящим, чрез посланников их в шапку давать. Для памяти сие пишется, чтоб иногда отведать, еще ли сие деется». Духовный регламент, ч. 2, п. 10. В статті мовиться про молитву про наречення імені новонародженому, яка може читатися священником не безпосередньо над дитиною, а за зверненням третьої особи.

Наш труженик ([Н.В.] Неводчиков³²¹) занемог. Делателей нет, дело развели широко – о 5 листов и более на книжку, приходится плохо. А хуже всего то, что и мзды трудящим едва обрящется. /примітка збоку/ [И это знай для себя.]

Любящий тебя брат Арсен Лебединцев

17 апреля 1861 г.

/4 зв. збоку/ Феофану и Александре Степановне поклон от меня ниж[айший].

/3 збоку/ NB. Что как тебе заметки Севаст[опольского] священника³²²? Выбирается лишь кое-что. Не пришла пора многого печатать. На помещении печатаемого я согласен лишь за недостатком материалов.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича

1 червня 1861 р.

Ф. III, № 3444

/1/ Достопочтеннейший Петр Гаврилович!

Сегодня я решаю одно весьма и весьма важное для меня дело, которое потребует предварительно Вашего совета и участия. Вы настолько добры, что не откажете мне в том и другом. Не можете ли, поэтому, пожаловать /1 зв./ ко мне хоть на 5–10 минут от 10 до 2-х часов? Будьте так милостивы.

Преданный Вам Ефим Крыжановский

1 июня 1861 года

/2 зв., почерком Петра Лебединцева/ Редактор «[Киевских] еп[архиальных] в[едомостей]», помещая этот рассказ, покорнейше просит все читателей своих, и преимущественно священнослужителей Киев[ской] епархии, сообщить ей замечательные черты из жизни покойного митрополита Киев[ского] Филарета как материал для его биографии.

Арсеній Гаврилович до Петра Гавриловича

15 грудня 1861 р.

Ф. 154, № 65

/5/ 15 дек[абря] 1861 г.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Вот тебе сколько писем в один раз! Раз – та гараз. Зачти в иной раз за долгое молчание. Верно, вследствие всеобщего пробуждения везде и у всех времени тем мало, что только хватает его, чтобы пообедать и иногда соснуть немножко. А там

³²¹ Редактор неофіційної частини ХЕВ. Арсеній Гаврилович був постійним дописувачем ХЕВ і фактично співредактором.

³²² Витяги із щоденника Арсенія Гавриловича часів оборони Севастополя у Кримській війні, що публікувалися у «Херсонских епархиальных ведомостях».

опять на делание до вечера и ночи. Не могу и я похвалиться досугом, а еще менее спокойствием, необходимым для дружеской беседы. А тебе давно удивляюсь, как ты управляешься с редакцією, благочинием, гимназією и приходом. Потому счета в письмах отложим в сторону. Адресовать чрез тебя письмо /5 зв./ к Александре Кирилловне заставило переходное ее положение – из Института в духов[ное] училище³²³, по которому не знали настоящего ее адреса.

К приветствиям семьи моей присоединяю и мое тебе приветствие с днем ангела. Да живет, да здравствует протоиерей³²⁴ и благочинный богоспасаемого града и влиятельнейший, как слышим, член Киевского почтенного духовенства! Серьезно, нам писали, что ты любим митрополитом³²⁵, как никто. От всей души сочувствую значению твоему, потому что уверен, что оно всегда было и будет ко благу и радости о том всех благомыслящих.

У вас все реформы и улучшения; у нас все по старому порядку, который наш секретарь [А.Т.] Летницкий³²⁶ ставит выше нового. За отсутствием /6/ настоящего владыки и его ненарушимым несогласием о чем-нибудь новом и думать нельзя. Ты пишешь: «Чрез преосвящ[енного] Димитрия вы в ближайший связи с Св. Синодом», – и спрашиваешь: «Что нового там делается?» А Бог его знает, скажу тебе. Мы только и видим его руку или слышим его слово, что на протоколах немногих, посылаемых в С[анкт-]Петербург на утверждение. Так уже Бог его создал, что все молчит наилучшим образом. Недаром А.Н. Муравьев³²⁷ в письме к [М.П.] Погодину³²⁸ назвал его молчальником. Недавно я имел случай читать в рукописи огромное письмо это, в высшей степени интересное, писанное из Межигорья в 1859 г., под влиянием дум, наведенных лысынами и совершенным обмелением Днепра. Письмо это – апология церкви русской против известной книги о духовенстве³²⁹. Всего вину бес-/6 зв./силія архиереев сделать что-либо к улучшению как по административной, так и по училищной части, слагает на обер-прокурора с его чиновною ордою. А[ндрей] Н[иколаевич], служив сам в Синоде, представляет тому доводы, чрезвычайно сильные и резкие. Искоренить это зло и вырвать с корнем мог бы, по его мнению, мог бы один [В.В.]

³²³ У жовтні 1861 р. було засновано Київське училище для дівчат духовного відомства.

³²⁴ Отримав протоієрейство у липні 1861 р.

³²⁵ Арсеній (Москвін; 1795–1876) – митрополит Київський у 1860–1876 рр. (призначений у липні 1860 р.). Був архієпископом Подільським у 1841–1848 рр. і Варшавським у 1848–1860 рр.

³²⁶ Літницький Олександр Тимофійович – секретар Херсонської духовної консисторії.

³²⁷ Муравйов Андрій Миколайович (1806–1874) – церковний діяч, письменник, історик. Служив у Св. Синоді і у Міністерстві закордонних справ, займався «східними» питаннями. Часто бував у Києві, певний час проживав, похований у крипті Андріївської церкви.

³²⁸ Погодін Михайло Петрович (1800–1875) – історик і публіцист слов'янофільських поглядів.

³²⁹ Белюстин И.С. Описание сельского духовенства // Русский заграничный сборник. Berlin, Paris. London. 1858. 168 с. Це видання, ініційоване М. Погодіним, отримало широкий резонанс і багато публіцистичних відповідей.

Скрипицын³³⁰, живущий в Париже. Сказать что-либо против этого письма не нашел бы и прот. Васильев³³¹.

Кланяйся от меня [брату] Феофану и пожелай ему от меня поприща лучшего из предстоящих. Если он будет не учителем народа чрез «[Киевские] губ[ернские] ведомости», а расколо-учителем в Академии, то я могу достать для него прекрасное руководство Лондонского издания. Дорогой супруге его, Юлии Александровне, сердечный от нас поклон. Кланяюсь направо и налево от тебя живущим, любезным свойственникам, хотя еще мы и не имеем, но верно будем иметь удовольствие лично познакомиться. Гора с горой..., а человек с человеком всегда. И все вот списал. Остается поцеловать тебя, ради дня ангела, и сказать прости!

Любящий тебя брат Ар[сений] Лебединцев.

/6 зв. збоку/ NB Редактор наш недоумевает, что значило бы, что «Киев[ские] епарх[иальные] ведомости» перестали являться в облике херсонских, тогда как последние высылаются исправно.

/5 збоку/ Видите, что правду говорили, что консист[ория] помором скоро забьет.

Марфа Гаврилівна Шаворська до Петра Гавриловича [1861–1862 рр.]

Ф. 154, № 109

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович!

Положение мое вам известно, а потому нет надобности описывать подробно мои горести. Причина к написанию письма, собственно, есть та, что я от всей души желаю, чтобы Павел Акимович прожил последние дни свои в Зеленой и был погребен около отцов моих³³². Об этом-то я всепокорнейше прошу, и умоляю вас дать ему возможность отправиться теперь же с Иваном Ивановичем³³³ домой, с разрешением [богослужения]. В противном случае я не перенесу этого, и вынуждена буду ехать в Киев и ожидать его кончины. Как бы то ни было хлопотливо и тяжело, но я не боюсь ничего этого. Я уже привыкла к этому

³³⁰ Скрипицын Валерій Валерійович (1799–1874) – начальник департаменту іноземних сповідань Міністерства внутрішніх справ у 1842–1855 рр. За його ініціативою проведені значні реформи в адмініструванні Католицької церкви в Російській імперії. Після відставки жив закордоном, переважно в Парижі.

³³¹ Васильев Йосиф Васильович (1821–1884) – настоятель російської посольської церкви в Парижі (1846–1867), публіцист. Пропонував об'єднання Православної російської церкви з Англіканською, зважаючи на схожість устрою обох церков, тобто в цілому підтримував устрій ПРЦ синодального періоду.

³³² Чоловік Марфи Гаврилівни лежав в лікарні у Києві на кошти Петра Гавриловича. У Києві він і помер, похований був на Щекавицькому кладовищі біля рідні Лебединцевих.

³³³ Яновський Іван Іванович, зять Єфросинії Гаврилівни, служив у Воронівці неподалік від Зеленої Діброви.

и с верой и у-/1 зв./пованием на Бога буду переносить все великодушно, молясь вместе и за вас.

Остаюсь от всей души благодарна за все ваши попечения, искренно любящая вас сестра Марфа Шаворская.

Касательно прихода делайте как вам угодно, я на все согласна.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[кінець листопада 1862 р.]³³⁴
Ф. III, № 3445

/1/ Достопочтеннейший Петр Гаврилович!

Весьма благодарны мы Вам за подмогу, которая как нельзя более теперь нам кстати.

Посылаю Вам Прибавление к «Актам», самих «Акт»³³⁵ у меня нет. Посылаю том «Акт» юридический³³⁶, в нем есть статья о выборе десятских и, кажется, старост поповских. В моей тетради дело об этом на тех страницах двух, на которых она раскрыта. Но к выбору собственно тут мало.

Ваш покор[ный] слуга, Е. Крыжановский.

Надинька целует Ваши ручки.

Печальная новость – [В.П.] Чехович³³⁷ умер от удара.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
[літо, до липня 1863 р.]³³⁸

Ф. 154, № 102

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Завтра Валя³³⁹ едет в Киев, и вот я в 3 часа ночи собрался написать к тебе хоть несколько строк. Очень жалко, что твое здоровье хромает. Береги, брат, здоровье. Я знаю по горькому опыту, как плохо при слабом здоровье и как нужно

³³⁴ За датою смерті В.П. Чеховича – 20 листопада 1862 р.

³³⁵ Возможно, йдеться про другий том «Архива Юго-Западной России» (Київ, 1861), який містив додаток із алфавітного переліку дворянських прізвищ, що зустрічаються у виданні.

³³⁶ Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства / Археографическая комиссия. Санкт-Петербург, 1838. Це єдине видання на 1861 р. «Актів юридичних», в якому зібрані документи по українських землях. У розділі «Выборы, поручные и крестоприводные записи» є документи, схожі на названі Юхимом Михайловичем.

³³⁷ Чехович Венедикт Павлович (1801–1862) – викладач фізико-математичних наук в КДА, Університеті св. Володимира і Інституті шляхетних дівчат, цензор «Вестника Юго-Западной и Западной России».

³³⁸ За виходом згадуваної книжки о. Степана Опатовича.

³³⁹ Валентин Павлович Тихомиров – син Юлії Наркисівни і Павла Тихоновича Тихомирових. Помер від туберкульозу у 1866 р.

его поддерживать. Зимой я было сильно расхворался, /1 зв./ и доктора говорили, что мне необходимо летом ехать в Карлсбад. Да вот пришла весна, и потом лето, и я немного поправился; в Карлсбад не поеду – не нам туда ездить, и может быть, отпрошусь на месяц в Новгородскую губернию в деревню к моему приятелю старику Паулю – он меня и полечит немножко. Дальше ехать теперь не могу, а хотелось бы, и очень бы хотелось поехать в Киев и Одессу, та ба – рада б душа /2/ в рай, да грехи не пускают.

Присланную тобой статью я давал в редакцию сына, но объявлять тебя автором не решился – так она плохо написана и так много в ней фимиамов митрополиту Арсению. У [митр.] Арсения я был³⁴⁰. Он принял меня любезно и просил быть еще и еще. Хитрый старик. Потом я был у него в день Пасхи после обедни, но он устал, и потому я поздравивши его, тотчас ушел, собираясь потом еще побывать у него, но он скоро уехал. Говорят, /2 зв./ что он уехал недоволен Петербургом, потому что его отпустили впредь до востребования. Он очень хвалил тебя, [братьев] Феофана и Андрея. На меня он произвел неприятное впечатление. В душе он остался тем же кацапом, хотя и набросил лоску на Подолии и в Варшаве. Он враг нашей народности. Посылаю тебе 100 экземпляров первого выпуска священной истории Опатовича³⁴¹ и 20 экземпляров житий святых на малороссийском языке. Из них по одному экземпляру оставь

/1 зв. збоку/ Прошу тебя принять ласково достопочтеннейшего о. Иннокентия Игнатовича³⁴². Он был у меня и расскажет про мое житье-бытье.

/Без закінчення/

Надія Наркисівна Крижановська до Петра Гавриловича
[січень 1864 р.]³⁴³

Ф. III, № 3447

/1/ Милейший Петр Гаврилович.

Может ли иметь силу и плоды для меня эта дарственная надпись? Ведь Ефим набрал у Вас довольно... Так как теперь контракты, и я мечтаю о весеннем бурнусе, то очень желательно, чтобы дарственная запись не осталась для меня бесплодной. И если есть препятствия к получению моего наследства, то прошу Вас, Петр Гаврилович, отложить их на после контрактов, веря, что Ефим не останется в долгу. Поляки³⁴⁴ все не едут, и я ужасно тревожусь.

До свидания, Петр Гаврилович.

³⁴⁰ Митрополит Київський був неодмінним членом Св. Синоду.

³⁴¹ Опатович С.І. Оповідання з Святого Писання. Петербург: Печатня Имп. Акад. Наук, 1863. 91 с.

³⁴² 1888 р. – Иннокентий Игнатович служил в Тарашанском уезде, 1-й округ.

³⁴³ Згадувані Київські контракти проходили у січні; розписка-додаток датована 17 січня 1864 р. У січні ж 1865 р. і далі Юхим Михайлович перебував на службі у Царстві Польському.

³⁴⁴ Можливо, Юлія Наркисівна і Павло Тихонович Тихомірови, який служив в Польщі, у Радомі.

С уверенностью в успехе остаюсь любящая Вас Н. Крыжановская
Ефим свидетельствует Вам свое почтение, и Сережа целует.

/2/ /Додаток на бланку редакції «Вестника Юго-Западной и Западной России»/

Киев. 17 генваря 1864 г.

Милостивый государь, Евфимий Михайлович!

Имею честь известить Вас, что я письменно обратился к о. протоиерею Петру Лебединцеву с просьбою, чтобы он вычел из следующих мне от консистории 200 р. и передал Вам то количество денег, какое редакция «Вестника»³⁴⁵ обязана Вам уплатить за помещенную в этом журнале Вашу статью, считая, согласно уговору с /2 зв./ о. Петром, по 20 р. от печатного листа, и вместе с тем прошу извинения за замедление уплаты следующего Вам гонорария.

С глубочайшим почтением и преданностию, имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою К. Говорский³⁴⁶.

/3/ /олівцем на тому ж аркуші, що й лист до Петра Гавриловича/

Дарственная запись

Деньги сии, 400 руб. сереб[ром], дарю законной жене моей Надежде Наркиссовой, урожденной Новицкой, в чем своей собственной рукою подписуюсь.

Баккалавр Киевской духовной академии Ефим Михайлович, сын Крыжановский.

Свидетелями при этом были: сын мой Сергей и его matka – Пелагея Драбынчук, а за них неграмотных расписался я же – по их убедительной просьбе.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича

[1864 р.]³⁴⁷

Ф. III, № 3445

/1/ /карандашом и другим почерком/ 1864 г.

Достопочтеннейший Петр Гаврилович!

Ждем-ждем и не дождемся мы с Надинькой процентов от Сангушки³⁴⁸, которые должны быть на днях. Между тем, срок уплаты за квартиру прошел

³⁴⁵ «Вестник Юго-Западной и Западной России» – літературно-історичний журнал русифікаторського спрямування. Виходив у 1862–1864 рр. у Києві, а потім перемістився до Вільна разом з головним редактором.

³⁴⁶ Говорський Ксантофонт Антонович (1811–1871) – редактор «Вестника Юго-Западной и Западной России».

³⁴⁷ Між призначенням М.Г. Казнакова губернатором у січні 1864 р. та призначенням Юхима Михайловича на службу у Польщу в листопаді 1864 р.

давно, и мой хозяин, терпеливый и молчаливый всегда, теперь напелся вынужденному пристать ко мне всеми силами. Покорнейше прошу Вас, пособите, дайте 100 руб. в займы. Я говорю в займы, потому что с получением процентов, мы возвратим их Вам, а возвратим потому, что я не надеюсь скоро что-нибудь поставить для «[Киевских] епарх[иальных] ведомостей», так как «Труды [Киевской духовной академии]» с ножом к горлу приступили, попрекая «[Киевскими] епархиал[ьными] ведомостями». Бог с ними, /1 зв./ нужно поработать и на них, а у меня для них есть давно работа, потерянная для меня, но весьма тяжелая и долгая. Будьте так добры, не откажите.

Вчера [Н.Г.] Казнаков³⁴⁹ звал меня поговорить о мерах к улучшению «[Киевских] Губ[ернских] ведомостей». Но я предупредил его, что не намерен держаться более их, и просил только покорне уволить меня от редакторства. Т[аким] обр[азом], о мерах не было и речи.

А слышали Вы, какого рода донос на нас подал обер-прокурору и прислан от него сюда? Пасквильное дело. И писал будто студенты!... Донос – что мы все сплошь совер[шенная] бездарность, ч[то] даже двое из нас окончили курс кандидатами, что все ленивы и небрежны, ч[то] абонируют логи в итал[ьянской] опере, живут на дачах, имеют собств[енные] дома или великол[епные] квартиры, завели карточ[ные] вечера и под[обное]. Все /2/ это направлено к одному убеждению: «Не стоят они прибавки жалованья»...

Ваш покор[ный] слуга, Еф[им] Крыжановский.

Я сам хотел быть у Вас, но ежедневно лекции, сочинения студентов, да еще и курсовые – за все душат.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
29 січня 1865 р.

Ф. III, № 6760

/13/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Отъезд [П.Т.] Тихомирова даст мне случай написать тебе несколько строк после отправленного с Кухаренком письма.

Юлия Александровна и дети твои здоровы. Дом нанят за 130 руб. с оставлением двух твоих комнат для Юлии А[лександровны]; да за нижние комнаты еврей заплатил 15 руб., итого контракты дадут 145 руб. без переселения в нижний сырой этаж. Квртирант – уманский еврей, который и обещал, притом без кухни и без лошадей. Что касается Надежды Н[аркиссовны], то и о сем Ефиму М[ихайловичу] передаст Павел Т[ихонович]; но прошу и от меня уверить Ефима

³⁴⁸ Ймовірно, від волинських цукроварень князя Романа Сангушка старшого.

³⁴⁹ Казнаков Микола Геннадійович (1823–1885) – київський цивільний губернатор у 1864–1866 рр.

М[ихайлович], що здоров'я її значительно краще, і [С.П.] Алфер'єв³⁵⁰ обіцяє дозволити їй виходити, коли мороз упаде до 3-х градусів.

А написали Ви лист мітрополиту?

/13 зв./ Ітак, тобі вирішено бути Холмським і Белзьким³⁵¹, значить, «Русский инвалид»³⁵² ти будеш отримувати в Холмі по адресу Еф[има] М[ихайловича], а Е[фим] М[ихайлович] в Седльцах³⁵³ по адресу твоєму; для сього вам потрібно тільки обмінятися об'явленнями од себе. Але що стосується «Отечеств[енных] записок»³⁵⁴, то благоволи написати в редакцію о відсилці їх в Холм замість Седльця. «[Київські] єпархіальні відомості» вже заадресовані вам обоєм, жалко тільки, що в них тепер порожньо; але ця порожнеча наповниться, сподіваюся, вашими листами об'єднаними.

У нас тепер час важкий для утроби: вчора обід у намісника Лаври був, сьогодні у [єп.] Серафима³⁵⁵, в воскресіння духовенство дає обід [єп.] Серафиму, а там ще що-небудь... Преемник [єп.] Серафима точно ще не відомий, але київські не потрапили і в кандидати, якими поставлені: [о.] Порфирій – Успенський, [о.] Флавіан (Кур[ський] ректор) і [о.] Ефрем – Ризький ректор, колишній волыньський³⁵⁶.

/14/ Анненкові, т.є. мадам і дочки, будуть їздити через Варшаву, а □ Николай. Не прямо з Петербурга за кордон. *Sic transit...*³⁵⁷ Врештеш, Вера Ів[ановна] великодушніше перенесла цей удар, ніж м[адам] Гессе³⁵⁸. [А.П.] Безак³⁵⁹, кажуть, буде на 1-й неділі поста, коли призначено виїзд і Веры Ів[ановни].

³⁵⁰ Алфер'єв Сергій Петрович (1816–1884) – медик, професор Університету св. Володимира, знайомий родини Новицьких.

³⁵¹ Титул Холмського і Белзького (хоча з 1772 р. Белз входив до складу імперії Габсбургів) належали до греко-католицької єпархії.

³⁵² *Русский инвалид* – офіційна газета Військового міністерства, видавалася з 1862 р.

³⁵³ Седльце (російська дореволюційна назва – Седлец) – місто нині в Мазовецькому воєводстві у Польщі.

³⁵⁴ *Отечественные записки* – науково-літературний журнал ліберального спрямування, виходив у Петербурзі з 1818 р.

³⁵⁵ Серафим (Аретинський), єпископ Чигиринський у 1860–1865 рр. Був переведений на самостійну Воронежську кафедру.

³⁵⁶ Архіандрит Порфирій (Успенський; 1804–1885) став наступним єпископом Чигиринським. Відомий як знаєць християнського Сходу, був ініціатором й організатором Російської духовної місії в Єрусалимі (1847).

Архіандрит Флавіан (Остроумов; ...–1868) – ректор Курської ДС.

Архіандрит Єфрем (Рязанов; 1817–1891) – ректор Ризької ДС у 1857–1871 рр., у 1853–1857 рр. був ректором Волинської ДС.

³⁵⁷ *Sic transit gloria mundi* – так минає мирська слава (латин.).

Варвара Іванівна, дружина київського генерал-губернатора М.М. Анненкова (19 січня 1863 р. – 19 січня 1865 р.). М.М. Анненков супроводжував з Німеччини до Петербурга тіло спадкоємця російського престолу Миколи Олександровича.

³⁵⁸ Дарія Олексіївна, дружина київського цивільного губернатора Павла Івановича Гессе (1855–1864), що залишив посаду у січні минулого року.

³⁵⁹ Безак Олександр Павлович (1800–1868) – київський генерал-губернатор у 1865–1868 рр.

Сообщи Василю В[асильевичу]³⁶⁰, что Министерство нар[одного] просвещения поставило православных законоучителей в одну категорию с поляками, ибо разрешено выдать 50% всем, кроме поляков и законоучителей православного исповедания. Выгоднее быть немцем даже или евреем, чем православным священником. Во 2-й киевской гимназии ученик Парфенов хлопнул по затылку надзирателя [] Гребеновского без всякого повода со стороны последнего, а просто потому, что будто это лучший способ выйти из гимназии, тогда как отец не соглашается на увольнение. Теперь комитет производит разбирательство, попечитель смотрит на это дело серьезно.

Октавиан Стан[иславович] Баневский умре; Мальченков поехал в Суцаны³⁶¹. Бутовичева уже с погребения.

/14 зв./ В академии вашей, как на гладкой поверхности лужи, ничего особенного не видно. Почти то же и в консистории.

Когда ты устроишься в Холме, нам, т.е. тебе, мне и [брату] Даниилу³⁶², нужно бы устроить правильное пособие сестрам 3-м так, чтобы они могли знать, на что могут рассчитывать в год. Мне кажется, это было бы лучше неопределенного пособия нашего. Но как лучше: пособие ли общее разделять между сестрами, или сестер разделить между собой?..

Зима у нас крепко держится после дождя, бывшего вслед за вашим отъездом. Снегу немало, и мороз вчера был 19°.

Каковы ваши мундиры теперешние?

Наденька была впечатлена до слез переменой в Седлеце, но теперь мы ее так ободрили, что она смеется над прежним своим отчаянием.

Затем пожелав тебе и Ефиму Михайловичу, здравия и благоденствия, и благополучного путешествия к местам службы, остаюсь искренне любящим братом Петр Лебединцев.

29 янв[аря] 1865 г.

Киев

/14 зв. збоку/ Мой усердный поклон Василю В[асильевичу] и Софии Ивановне.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

³⁶⁰ Вілуєв Василь Васильович – колишній вчитель Білоцерківської і 2-ї київської гімназій, з 1864 р. попечитель гімназій Варшавської губернії.

³⁶¹ У «Сказаниях о населенных местностях Киевской губернии» Л. Похилевича записано: «Суцане в 4-х верстах от церкви в м. Германовке при незначительном ручье, текущем среди степи к с. Мировка, в 2-х верстах отстоящему... Жителей обоего пола 687; земли 1532 десятины. Деревня эта основана в недавнее время бывшим помещиком Проскурой Суцанским, ныне принадлежит отставному коллежскому секретарю Октавию Станиславичу Баневскому».

³⁶² У Петра і Данила Гавриловичів не було родин, а Феофан Гаврилович, перейшовши у відомство народної просвіти у Царстві Польському, отримував жалування, в рази більше, ніж священники Андрій і Арсеній Гавриловичі (3000 руб. жалування і 1000 руб. на роз'їзди).

10 лютого 1865 р.

Ф. III, № 6761

/15/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Поездка [П.Т.] Тихомирова не состоялась, поэтому и письмо осталось, которое при сем прилагается. В дополнение скажу, что к 15-му твои перебираются к Барским³⁶³. Юлия Александровна и дети здоровы. О пребывании Вашем в Варшаве все почти известно из подробных писем Ефима Михайловича. Твоего письма, об отправлении которого упомянуто в письме к Юлии А[лександровне], я не получил доселе и в ожидании его не писал. Вам нужны делопроизводители и учителя? Знающего польский язык можно бы найти и здесь – из русских и даже из духовных, например, столоначальник Вишневский, другой – бывший реент митрополита Крыжановский и проч[ие]. Вызов в учителя семинаристов, сделанный [Ф.Ф.] Витте³⁶⁴, припечатан в «Киевлянине». Мне кажется, этого мало.

/15 зв./ Необходимо бы здесь кому-нибудь поручить делать выбор, а то, пожалуй, налезет всякая дрянь, которой не будете рады. В будущую гимназию советую взять из духовных академий только преподавателей словесности и истории.

[Преосв.] Серафим уехал, на его место назначен [архимандрит] Порфирий Успенский³⁶⁵, бывший в Вене и Иерусалиме, но еще не приехал. [А.П.] Безак будет в конце месяца. «Акты»³⁶⁶ еще не вышли и не рассылаются, о высылке князю Черкасскому³⁶⁷ попрошу [М.В.] Юзефовича³⁶⁸. [И.О.] Самчевский³⁶⁹ говорит: денег нет, и ничего не делается, поеду в пятницу понукать [М.В.] Юзефовича. [В.Б.] Антоновичу³⁷⁰ твою просьбу я передал.

³⁶³ Родина Юлії Олександрівни, уродженої Барської.

³⁶⁴ Вітте Федір Федорович (1822–1879) – у 1862–1864 рр. був попечителем Київського навчального округу, у 1864–1866 рр. очолював Комісію народної просвіти у Царстві Польському і одночасно входив до Установчого комітету з реформування Царства Польського. Із відновленням у 1867 р. Варшавського навчального округу став його директором. Походив із шляхетного, але незнатного роду.

³⁶⁵ Порфирий (Успенський; 1804–1885) – у 1865–1877 рр. вікарний єпископ Чигиринський, а до того служив в Одесі, у Відні і в Палестині; ініціатор заснування Російської духовної місії в Єрусалимі.

³⁶⁶ У 1864 р. було видано другий і третій томи «Архива Юго-Западной России» – Материалы для истории православия в Западной Украине в XVII ст. Архимандрит Мелхиседек Значко-Яворский. У томі другому вміщено статтю Феофана Гавриловича.

³⁶⁷ Князь Черкаський Володимир Олександрович (1824–1878) – помічник М.О. Мілютіна (див. далі), головний директор урядової Комісії внутрішніх і духовних справ Царства Польського (1864–1866 рр.). За поглядами був слов'янофілом і панславістом, прихильником м'якої сили.

³⁶⁸ Юзефович Михайло Володимирович (1802–1889) – голова Київської археографічної комісії з 1856 р.

³⁶⁹ Самчевський Іван Йосипович (1830–1871) – інспектор Другої київської гімназії із 1864 р. Був членом Київської археографічної комісії, брав участь у підготовці до друку літописів Самійла Величка і Григорія Граб'янки.

³⁷⁰ Антонович Володимир Боніфатійович (1834–1908) – історик, у 1863–1880 рр. був головним редактором Київської археографічної комісії.

Вчера уехали от меня Андрей Гаврилович и Иван И[ванович] Яновский. Андрей увлекся слухами и прибежал, собственно, справиться, правда ли, что его переводят в новый Владимирский собор. Он, кажется, очень поверил этой /16/ пустой молве, но я посоветовал ему только взглянуть на здание Влад[имирского] собора. Я не думал, чтобы он так был легковверен и так много думал о моем влиянии. Теперь у меня Григорий Фед[орович] Ковальский, который дает согласие на перемещение из Брусилова в Златополь законоучителем и учителем.

Как ты устроился в Холме? В какой обители? Старичок [еп.] Калинин³⁷¹ очень прост, но я думаю, что ему не следует класть палец в рот. Будь пока в наблюдательном состоянии, пока не узнаешь людей. [Регент] Крыжановский женился и теперь без места, так как занятый им приход отдан женившемуся на сироте. Хорошо бы тебе иметь его у себя как опытного регента, знающего польский язык, имеющего хороший почерк и весьма скромного, по отзыву Андрея Г[авриловича]. Он будет в Киеве на 1-й или 2-й неделе В[еликого] поста.

/16 зв./ Зима у нас стоит постоянная, и езда на санях продолжается чрез все контракты; но контракты жидовские.

Затем желаю здоровья и благополучного пребывания.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев

1865 г. 10-е февраля

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
27 лютого 1865 р.

Ф. III, № 6762

/17/ 27-е февраля 1865 г.

Киев.

Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Ильяшевич снабжен всеми необходимыми документами, т.е. билетом годовым и метрическим свидетельством; завтра отправляется. Дай Бог ему успеха в службе, а тебе пользы от него. Кроме выданных на гербовую бумагу, более от меня денег он не получил, так как мать дает ему на дорогу свои деньги. О [регенте] Крыжановском я уже писал, что он не может быть твоим делопроизводителем. О регентстве я говорил ему, но он затрудняется тем, что женился (на дочери священника с. Семигор³⁷² Трезвинского), да и содержание по сей должности неизвестно. Напиши о содержании; может, он подумает, так как при-/17 зв./ход, зачисленный за ним, отошел другому, женившемуся на сироте местной; теперь он остается в Киеве, в ожидании открытия праздного прихода.

³⁷¹ Калінський Ян Миколай (1799–1866) – єпископ-номінант (не був висвячений на єпископа), адміністратор Холмської греко-католицької єпархії у 1863–1866 рр., палкий противник зближення Греко-католицької церкви і обряду із православними. Удівець.

³⁷² Семигори – село в Богуславському районі Київської обл.; в Семигорах відбувалися події «Кайдашевої сім'ї» І. Нечуй-Левицького. Братом дружини Крижановського був Степан Трезвінський (1860–1842), оперний співак, соліст Великого театру в Москві.

Посылаю тебе 40 экз. статьи о Почаевской лавре, в предположении, что небесполезно раздать ее униатским священникам в подарок. Хорошо бы еще отпечатать историч[ескую] статью о Хелме и православной Хелмской епархии также для подарков. Пусть бы вспомнили, что такое был когда-то Хелм, и что коренное население хелмское. У Ефима Михайловича уже были собраны материалы. Если тебе нет времени и возможности, то попрошу Е[фима] М[ихайловича] прислать для «[Киевских] еп[архиальных] в[едомостей]», с тем чтобы сделать 100 оттисков для тебя и для него.

Станиславский, о котором я писал, отказался иметь виды на должность /18/ помощника проректора или субинспектора университета, а вместо себя рекомендовал некоего Литославского (д[олжно] быть из духовных), служащего в губер[нском] управлении. Соберу сведения и тогда позову. /примітка знизу/ *[Рекомендуют еще одного из Канцелярии генерал-губернатора.]* Кроме того, мне обещал рекомендовать С.И. Александрович; один и есть весьма способный, но якобы вздорный характером, но надеется найти и другого. Мне бы хотелось, чтобы делопроизводитель твой знал счетную часть, поэтому я и обратился в Каз[енную] палату. Счетная часть – великое дело.

Что касается кандидатов в инспекторы, то я того мнения, что не следует брать товарищей, ибо из товарищей плохие подчиненные. Но из 3-х указанных тобою я бы скорее избрал бы [] Пономарева, так как он уже и стоял на духов[ной] службе ниже тебя ступенью, знает языки и математику, и человек степенный. Знал только, что супруга его невзрачная, Михайловская... Мне кажется, что [П.Г.] Рублевского³⁷³ возьмет Е[фим] М[ихайлович] в Бялу, а кума совсем не советую, он тебе не подначальный.

/18 зв./ Учителей тоже, по моему мнению, нужно набрать не исключительно из духов[ных] академий, а только своих на словесность, историю, русский, латинский и греческий языки; все прочие должны быть университетские. Что такое [...] Войцицкий³⁷⁴? Откуда у бискупа дочери? Итак, Холм – Васильков? Но все же твое положение лучше директора Белоцерк[овской] гимназии, так как ты не привязан к месту и можешь разъезжать.

При выборе места для гимназий имей в виду, чтобы они не были в соседстве с жидов[кими] квартирами; квартир не будет, а главное – жида при них устроят бардак для учеников. Женской гимназии не подобает быть в таком близком расстоянии к мужской, как ты означаешь; прислуга мужская одной и женская другой; да и гимназисты способны на многие скандалы, как то бывает от

³⁷³ Петро Григорович Рублевський – випускник КДА, з травня 1860 р. бакалавр КДА (на відміну від Феофана Гавриловича, який був екстраординарним професором). Останнім місцем служби була посада начальника Люблінської навчальної дирекції.

³⁷⁴ Войцицкий Юзеф (1813–1889) – греко-католицький священник, викладач Холмської семінарії, номінально службовець Холмської греко-католицької консисторії, а фактично відсторонений через конфронтацію із єпископом Яном Калінським. Був прихильником наближення греко-католицького обряду до православного, а потім і приєднання греко-католиків до Православної церкви.

соседства 2-й Киев[ской] гимназии с пансионом [Нельгавской]³⁷⁵. И в ум не придет, какие глупости учнут выделявать на крыше сараев и т.п. Мне сдается, что у вас в Холме должно быть закрытое женское заведение, так как едва ли найдутся вольные квартиры для девиц.

[И.О.] Самчевский говорит, что «Акт» нельзя выпускать, пока не представят Государю. Завтра буду у [М.В.] Юзефовича сам. М[ожет] б[ыть], в Польшу пустит.

Юлия Александровна и детки здоровы.

Желаю здравствовать и благоденствовать.

Искренно любящий брат Петр Лебединцев.

/18 зв. збоку/ Коней купи таких, чтобы легко продать после, а здесь купить бы хороших.

/17 збоку/ Ефим М[ихайлович] нашел в Седл[ьце] гимназии 460 учеников, [номинанта], знающего хорошо русс[кий] язык, хвалит; обедал у воен[ного] начальника – генерала, привлек будто любовь учеников ласковым обращением, но я предостерегаю его от излишней ласковости. Едет по округу; квартиру занял частную, казенной не предвидится.

/17 зв. збоку/ В Седлец[кой] гимназии 17 униатов-учеников и ни один не знает славян[ских] молитв. Е[фим] М[ихайлович] обратил на это внимание и потребовал знания.

**Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
5 березня 1865 р.**

Ф. III, № 6763

/19/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Надеюсь, что письмо это поспеет к 12 марта. Потому прими мое душевное, братское поздравление с днем твоего ангела и желание здоровья, долгоденствия и во всем благих успехов. Вчера я был у Юлии Александровны, она и дети здоровы и пребывают благополучно под крылом бабушки³⁷⁶. Алеша подрос, сделался живее и больше говорит. Юлия Александровна, будучи довольна своим временным помещением и рассуждая, что путешествие твое на Пасху в Киев после недавнего отъезда и в виду другого, июньского, соединено будет для тебя лишними расходами и опущением занятий, хочет предложить тебе, не сочтешь ли ты более удобным /19 зв./ для себя ограничить себя одним приездом в Киев в июне, как бы ни было ей и тебе приятно провести Пасху вместе. Это с ее стороны большое самопожертвование, признаюсь.

Ильяшевич, отправившийся из Киева 28 февраля, теперь уже в Хелме, и подкрепит тебя своей работой. Теперь о делопроизводителе. [С.И.] Александрович рекомендует своего помощника по столу, некого Сочинского,

³⁷⁵ Пансіон графині Є.В.Левашової. Це будинки біля рогу бульвару Тараса Шевченка і Володимирської. До того ж Друга гімназія мала перпендикулярну прибудову вглиб.

³⁷⁶ Марія Федорівна Григорович-Барська, уроджена Гудим-Левкович (1805 р.н.).

квартировавшего у Игнатовичей³⁷⁷, и может быть известного тебе отчасти. Он отличный каллиграф и превосходный счетчик, польский язык знает разговорно, в литературе, впрочем, польской не упражнялся, по воспитанию из 6-го класса гимназии. Казенная палата ни за что бы его не выпустила, если бы не одно обстоятельство. В Контракт[ном] доме приказчик сказал ему: врите, Сочинский потребовал повторить, а так как тот не отказался повторить, то Сочинский дал ему за сие пощечину. В это дело вмешался жандармский полковник, и Сочинскому предложил /20/ председатель уволиться, к общему своему и всей Палаты сожалению. Работает он необыкновенно быстро, и неустойчивое в работе. Родом из Звенигородки, испов[едания] православного. При этом [С.И.] Александрович замечает, что весьма трудно приискать человека с данными условиями, т.е. чтобы был хороший чиновник, русский и знал польский язык одновременно. Прошу дать ответ по сему предмету.

Вспомнил я про выбор инспектора будущей Холм[ской] гимназии. Я бы советовал тебе взять состоящего инспектором Житомир[ской] равв[инско]й гимназии Николая Ивановича /пропущене місця для прізвища/³⁷⁸, кандидата Киев[ской] академии, служившего учителем гимназий Каменец-Подольской и Белоцерковской, преподавшего в гимназиях рус[ский] язык, латинский, географию, очень хорошо знающего француз[ский] язык и польский, и говорящего на последнем бойко, уроженец Каменец-Подольского, и изучившего все гимназич[еске] порядки. Характера, /20 зв./ ровно и как его семья, прекрасного; он как нельзя более был по этому краю и народу и тебе большим помощником. Кажется, ты видывал его в Белой Церкви у меня; его дочь Наденька, а жил он подле стану, на горбочку за церковью. Я бы его взял его предпочтительно Пономареву и [П.Г.] Рублевскому и прочим нашим, не знакомым с порядками гимназическими и польским народом. Преподаватель он был дельный.

Викарий еще не приехал. [В.И.] Асоченскому ответ написан. [А.П.] Безака нет в Киеве. Еф[им] Михайлович нанял квартиру, и 26 февраля отправился по округу, в каком путешествии пробудет до 23 марта, затем в Киев за семьей. Жозеф³⁷⁹ не дает ему ответа и хорошо делает.

Желаю здоровья и благополучия.

Искренно любящий брат Петр Лебединцев.

1865 г. 5-е марта.

Киев.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
17 березня 1865 р.

Ф. III, № 6764

³⁷⁷ Іоаким Ігнатович – священик Флорівського монастиря, його син Павло Якимович – публіцист. О.Іоаким належав до необхідного київського духовенства.

³⁷⁸ В наступному листі Петро Гаврилович згадав його прізвище – Грієльський.

³⁷⁹ Підвисоцький Йосип

/1/ 17-е марта 1865 г.

Киев

Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

О делопроизводителе я писал уже тебе. Но твои предположения мне не кажутся хорошими. Бочковский может быть хорошим учителем, но отнюдь не делопроизводителем, так как он философ, а в канцелярской части вовсе не упражнялся. Вот, например, [П.Г.] Рублевский, вероятно, хороший бакалавр философии, но арифметику в жен[ском] училище до того мерзко преподавал, что Маниковский, сын Алексия пономаря, на 100 процентов в этом отношении выше его. Не говорю уже о неудобстве иметь на посылках бывшего товарища: все же он дол[жен] стоять пред тобою, сесть, когда предложишь, и проч., и проч., и в голове у него все же промелькнет мысль: «И я не глупее его...» Мне кажется, что ты впадаешь в ту же крайность, что /1 зв./ и Ефим М[ихайлович] с Жозефом. К счастью, Жозеф не ответил на сделанное предложение. Мож[ет] быть, и Бочковский затруднится отвечать на твое; а по мне, недурно сделает. Что он первым представился на мысль по пробуждении – не беда. Определи его учителем, а потом и чем побольше; это дело, а уже никак не делопроизводителем.

[М.В.] Юзефович деньги мне отдал сполна. Кто-то шепнул ему, что ты очень размашисто напечатал, растянувши на два тома, что можно было убрать в один. Мне кажется, что это [И.О.] Самчевский (хотя сей и не признается), ибо [М.В.] Юзефович выставял в пример последний том Велички³⁸⁰. Я сосчитал в типографии на странице строки, но оказалось, что у Велички 27, а у тебя 28. Вот и ложь! Завтра или послезавтра поеду распекать [М.В.] Юзефовича за его легкоеверие. И выходит, что голова – шарманка; на какой вал заведут, тот вал и играет. Экземпляры для [кн.] Черкасского [...] обещает выдать, но за деньги.

Николай Иванович, о котором я упомянул /2/ прежде, прозывается Гриельский.

Если хлопомания растет, то не следует, что и народ растет. Брань на московщину мне не нравится в галичанах, если под московщиной не понимают они того, что понимается в аскетике под плотию. Пусть осуждают то, что есть дурного в московщине, но пусть не питают вражды к великому русскому народу, к русской нации. Блюдися убо от таковых.

Я предложил [прот.] Крамареву напечатать отдельной брошюрой на счет братства статьи Ефима М[ихайловича], помещенные в Киевском Ч[...]нике за подписью [П.Ф.] Подвысоцкого, с тем, чтобы разослать по школам, да малую толику выслать бесплатно и для ваших униатов. Я вчера только прочитал все. Чудесные, превосходные статейки! И все они составляют одно целое, которое можно назвать историч[еским] введением в историю рус[ского] православия. Язык легкий, ясный и самый популярный. Лучше этого Еф[им] М[ихайлович]

³⁸⁰ Летопись событий в Юго-Западной России в XVII ст., составленная в 1720 г. бывшим канцеляристом малороссийской генеральной канцелярии Самоилом Величком / Под ред. Н.Ригельмана, И. Самчевского, В. Антоновича: В 4-х. Киев, 1848–64

еще ничего не писал. А подпись... Теперь я уже и не знаю, у кого просить дозволения на перепечатание. Пожалуй, Дуся заявит претензию на литературную собственность.

/2 зв./ Попрошу побольше сообщить сведений об униатстве их. Это предмет новый и интересный. Есть ли подле Холма, в 10-ти верстах, остатки монастыря Спаса? А Кирилл 2-й, митрополит Киев[ский], собиратель земли русской, был из Холмских епископов. Сохранились ли хотя какие-нибудь следы православия? А епископы Холмские еще были в 16 веке православные. Есть ли библиотека при семинарии, и есть ли в ней русские книги? Ефим М[ихайлович] пишет из Бялы³⁸¹, что униат[ские] священники говорят: «Мы поляки, а не русские». Не дана ли им инструкция так отвечать? Вот тут и видна необходимость в брошюрах о Холмской православной епархии и начале христианства в России. Можно бы перепечатать и твою статью о [св.] Кирилле и Мефодии, да еще о начале христианства в Польше. Это было бы просвещение для униатских иереев.

Юлия А[лександровна] и детки здоровы и благоденствуют. Берегись простуды. Во многих местах теперь тифы. Феофил Маркович³⁸² очень слаб, с ним опять был легкий удар. Едва ли он станет на ноги, но еще не лежит. Н[адежда] Крыжановская поправляется.

Как ты расстался с [В.В.] Вилуевым? Сохраняй с ним отношения как-нибудь. Он груб, но человек добрый и может быть всегда полезен. В Киеве у нас все благополучно. Зима едва трогается, Днепр не вскрылся. Викария монахи уже другой день ждут в Броварах. В Академии ничего особенного.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев

/2 зв. збоку/ [А.П.] Безака все еще нет, и время прибытия его неизвестно. Государь на Пасху едет в Ниццу и там говеет на Страстной.

/1 збоку/ Деньги 700 руб. получены и переданы Юлии Александровне. Именины твои мы праздновали до часу, а некоторые и дольше.

/1 зв. збоку/ Григорий Ф[едорович] Ковальский перемещен в Златополь законоучителем и учителем латинского языка.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[до квітня 1865 р.]³⁸³

Ф. III, № 3450

/1/ /лист з дірками/

Достопочтеннейший и многоуважаемый Петр Гаврилович!

Получив от Вас письмо, я долго не мог распечатать его – так мне совестно и стыдно стало, что Вы упредили меня в деле, которое составляло мой долг, мой

³⁸¹ Бяла Подляска – город в Люблинском воеводстве.

³⁸² Брат Ореста і Наркиса Новицьких.

³⁸³ За терміном, коли має прийхати секретар – не пізніше [другої] половини квітня.

прежде всего, а не Ваш. Даруйте мне сей раз. Что делать? Ведь я только и пишу, что к Надиньке. К тому же в самом начале я заповедал ей, чтобы она каждое письмо мое посылала к Вам, так как каждое из них будто относится наполовину к ней, наполовину к Вам. Потому-то в некоторых письмах я распространялся о таких предметах, которые для нее не могут иметь особенного интереса, но говорил о них потому, что имел в виду и Ваше любопытство о моей жите-бытье, разумеется, с другой стороны.

С истинным уважением я прочел Ваше письмо. До сих пор я здесь был один-один бедняжка, как рекрут на часах: сам думаю и решаю все, ни от кого не услышу ни йоты искреннего и прямого замечания, как бы ни делал что-нибудь, не говоря уже о совете. О многом писал и к [Ф.Ф.] Витте, на основании слов его, не раз повторяемых: «Обо всем пишите, во всем буду вашим советчиком искренним», но ответы получал только официальные. Знаю, что делаю пропасть ошибок, но как быть иначе? Ведь нельзя одной голове моей управиться тут со всем /1 зв./ как следует. Иногда видишь, что и можно было бы избежать ошибки, подчас спокойно, но – только потом видишь!.. Гм, если бы-то здесь был хоть один человек, понимающий мое положение и сочувствующий мне! Но – рекрут на часах, да й годи! Был я в Бялой три раза и с ужасом выезжал из ней, в последний раз в Седльце. Комиссия тамошняя по крестьянским делам, заведывающая двумя уездами (Бяльс[ким] и Радзынским), – это собственно униятская комиссия, и люди чуть особенно дельные, дружные, с широким взглядом на свое дело. Тут-то я был на месте в своем деле. А в Седлеце, где униятов почти нет, Комиссия крестьянская строго стушевалась в одну заботу о материал[ьном] быте народа, о других вопросах никогда и не помышляет... Военщи[на] здешняя – военщина, больше ничего. Все прочее смотрит на тебя только затем, чтобы подметить какую-нибудь ошибку. Что же станете делать, после великой бакалаврской службы, не имея никакой другой (о подобной и говорить нечего) практики? Говорю Вам, что сто раз благодарю Вас за искренние советы, никто еще не говорил здесь со мной таким опытным и неллицеприятным языком.

Но с некоторыми из Ваших замечаний я не согласен остался. Отвечу на них в письме к Надиньке, которая, испугавшись Ваших слов, задала мне головоломку. Объясняясь пред нею, я говорю там же и с Вами, на Ваши вопросы отвечаю, почему и пишу к Надиньке, чтобы /2/ она немедленно послала письмо мое к Вам. Об остальных вещах я надеюсь поговорить с Вами лично, почему и не пишу о них теперь.

Не з[наю], как там Феофан действует. Мои униятские ксендзы, видно, знают уже про него, но ни за что не передают мне чего-нибудь. Некоторые из них в последнее время нарочно ездили в Хелм посмотреть, что там делает теперь. Бранят все до одного [о.] Войцицкого как взяточника и интригана, бранят и [еп.] Калинского, сильно бранят [Ф.Ф.] Кокошкина за пропаганду (Бяльский законоучитель – уният[ский] священник, назвал его предо мною подлецом и дураком за нетактичность пропаганды), но о Феофане – ни слова. Желал бы я, чтобы он осторожно держался и с [о.] Войцицкими, и с Кокошкиными, и с Калинскими, иначе выйдет ужасная чепуха, придется ездить по школам с

козаками, обучать для вида только своего, чтобы после нашего выхода из школы русские книги забросили в каморку до следующего нашего приезда, придется – Бог знает что придется испытывать. Между тем, охота к восстановлению обрядности восточной есть всюду. Нужно пользоваться пока этим, о другом рано думать, если хотят, чтобы не отложилось это дело на 100 и более лет. [Кн.] Черкасский, обласкав двух свящ[енни]ков из моего округа, выразивших пред ним сочувствие к православию, впал в большую ошибку: эти люди, наделав в приходах кутерьмы, поспешили в Варшаву, чтобы лстивыми словами предупредить беду, в чем и успели! Но потом один из них сам же в приходе своем [...] стал толкать народу, что всех униятов хотят приневолить на схизму. /2 зв./ Он до поветанья³⁸⁴ еще много раз обманывал Яблочинского архимандрита, который давал ему даже рекомендательные письма к [архиеп.] Иоанникию³⁸⁵; но во время восстания имел наглость приехать к тому же архимандриту и выразиться, что теперь ему нет нужды в прежнем поведении и что [са]мый Яблоч[инский] монастырь должен принять унию. Зная этого господина по слухам, но не зная села его, я, попавши его на дороге в этом же селе, был зятанут к нему в дом, ночевал у него и дал в совершенный просак. Недаром было у меня сомнение, когда он повел речи, неслыханные мною от униятов; но поздно я спохватился, успел поделиться с ним (к счастью, о православии я и рта не разинул) некоторыми мнениями моими об уният[ских] священниках. Что же? Он тот час же, шельма, все передал этим священникам, так что один из них, встретив меня в Бялой, прямо вступился со мною в объяснения, говоря, что сам [о.] Боярский писал к нему обо всем! Вот оно что! Другой из этой партии сильно подходил меня, чтобы я дал ему рекомендательные письма в Варшаву (и все к лицам, у которых он надеется выторговать себе кое-что), и когда я отказал ему, он отвернулся и больше внимания не обращал на меня. Как бы то ни было, но желательно крайне, чтобы Феофан не сходил с [о.] Войцицким. Летом я думаю прокатиться в Хелм нарочно для того, чтобы познакомиться с семинариею и кафедрою (кстати, нужен законоучитель для Бяльской прогимназии³⁸⁶).

Учителей для Бяльской гимназии прошу, секретаря – тоже, с тем, чтобы последний готов был ехать не позже половины апреля. Учитель: латынист, математик, он же естественник, немец, француз (на рус[ский] язык и на историю думаю пригласить двух из Минской семинарии оч[ень] дельных профессоров). С греком нужно думать еще.

/2 збоку/ Получил письмо от [П.А.] Кулиша (как видно, он пишет то же к Феофану), просит сведений о народе. Но он ждет, кажется, идиллии, а не горькой правды: тут нет и тени оппозиции унии и даже полонизму, какая жила по Украине. Духовенство – лучшее то, которое оппозирует ксендзов[ской] пропаганде, переводящей униятов в костелы стадами; но и эта, самая

³⁸⁴ *Powitanie* – звернення, вітання (польс.).

³⁸⁵ Иоанникий (Горський; 1810–1877) – архієпископ Варшавський у 1860–1875 рр. У 1841–1846 рр. був інспектором КДА, а після Варшави був переведений до Одеси. З-поміж архієреїв вирізнявся світськими манерами. Випускник СПбДА.

³⁸⁶ Прогімназії влаштовувались замість повітових училищ.

благонамеренная часть его, держится за полонизм как за спасение от православия, которого боится ужас до какой степени. Галиция поддерживает их в этом сильно: видно завязались у них сношения с [нею] самые решительные. К русскому языку питают страх такой же, как и к православию. На народ[ном] яз[ыке] вызываются говорить проповеди и обучать в школах, но на литературном – ни за что не [...]. Но обо всем поговорю после.

[без закінчення]

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича³⁸⁷
[Початок 20-х чисел березня 1865 р.]³⁸⁸

Ф. III, № 3397

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ 27 марта 1865 г.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Совестно мне, что и редко, и мало пишу к Вам; но и то едва успеваю. Впрочем, письмо Ваше от 5-го марта я получил только 14-го, и потому думаю, что не совсем еще запоздал.

Благодарю Вас за Ваши хлопоты по приисканию мне хорошего делопроизводителя. Хотя я и писал Вам, что послал приглашение к Бочковскому; но как и доселе от него нет ответа, то может быть, что и Сочинский мне пригодится. Как ни хотелось бы мне Бочковского, но я опасаюсь, что он не согласится не потому, что место было невыгодное, а потому, что он, говорят, стал упорно довольствоваться малым и очень щекотлив. Подожду еще немножко, но не далее Пасхи, а приехавши в Киев, могу лично пригласить Сочинского, если Бочковский откажется. Ильяшевичем я очень доволен, но без делопроизводителя слишком тяжело: сам перечитай всякую бумагу до мелочей, сам обдумай, как и что с нею сделать, сам пиши черновые и переписанное внимательно читай. /1 зв./ Самому также смотреть надо за входящею и исходящею, а польские бумаги самому и записывать. А всякую мелочь помнить надо, что исполнено, что не исполнено, что нужно предпринять, и проч., и проч., и ни с кем посоветоваться нельзя.

Приехать на Пасху в Киев я не оставил намерения и сегодня даже послал докладную записку об отпуске. Отказать – не откажут, но боюсь, что отпуск запоздает, и что мне придется, пожалуй, первые дни в дороге пробывать и возиться с пьяными ямщиками. Подумайте, от Варшавы до Холма бумага едет иногда 5-ть

³⁸⁷ Див. також листи Феофана Гавриловича до дружини, Юлії Олександрівни: ІР НУБВ, ф. III, од. зб. № 3380–3389, № 3390–3396 (24 січня – 30 липня 1865 р., а також 14 листопада 1865 р. і 26 серпня 1866 р.). Ці листи здебільшого родинного змісту, проте містять розлогі відомості про польські цікавинки, про побут і облаштування Феофана Гавриловича у Польщі. У цих листах Феофан Гаврилович висловлює значно вільніші, емоційніші оцінки і своєї служби, і того, що відбувається навколо.

³⁸⁸ За датою отримання листа Петром Гавриловичем і за згадуваними в листі датами.

и 6-ть дней – всего 216 верст, притом по шоссе. А приехать в Киев мне необходимо по многим причинам: надо с Вами и другими посоветоваться насчет учебников, надо книги и деньги для Вас вырвать у [М.В.] Юзефовича, если он не отдал Вам доселе, надо вербовкою заняться и о том посоветоваться, за отправкою мебели наблюсти и, наконец, в семье и на родине душу отвести в праздничное время и отдохнуть немножко после тяжелой работы. Семейства взять теперь не могу по многим причинам, а главное потому, что нет удобного и приличного помещения. Хлопочу всеми силами о казенном помещении, прошу за деньги дать, а в частных домах, если бы и вышли военные, нигде нельзя поместиться, бо, по секрету сказать, в целом Холме нет дома более, как из 4-х комнат, а /2/ передних вовсе не полагается, и выходит человечество прямо или в сени, или на улицу. Важный город!

Посылаю теперь еще 100 рублей, которые прошу вслед за получением передать Юлиньке. Я расчел, что посланные 700 рублей все разойдутся, и к празднику она может остаться без денег.

Извините, только теперь, пишу письмо, не забыл Вашего предложения на счет сестер и пособия. Вполне разделяю Вашу мысль, а как сделать, поговорим лично на Пасху. Я думаю, что мне можно будет отделять в год 100 рублей.

Нового у нас, конечно, ничего, если не считать распоряжения [кн.] Черкасского о введении проповеди на русинском языке. Из Варшавы не дают никаких вестей о гимназии: писал, не отвечают, просто бесят. Сегодня снова пишу, чтобы добиться какого-либо известия.

До свидания! Доброго здоровья и всякого благополучия Вам.

Искренне любящий Вас брат Феофан.

Назарию Ант[оновичу], Павлу Ф[едоровичу] и всем знакомым мой поклон.

«Наума» Михаила Ал[ександровича]³⁸⁹ хочу купить несколько сот.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича

7/15 травня 1865 р.

Ф. III, № 3398

/3/ /почерком Петра Лебединцева/ Получ[ено] 15-го мая, отв[ет] 16-го мая 1865 г.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Собрался писать к Вам, когда и выезжать надо, и тормозят со всех сторон. Напишу, сколько успею, ибо сегодня непременно нужно послать письмо. И так уже совестно пред Вами, а отложу, снова не скоро соберусь.

Начну с гимназии и педагогической школы. По всему видно, что [Ф.Ф.] Витте и [кн.] Черкасский распинаятся, чтобы устроить это дело к августу. Но как тут успеть, когда только что смета составляется. Вчера получил от [Ф.Ф.]

³⁸⁹ Книга Наума о великом Божием мире – розвиваюча книга для школярів, складена М.О. Максимовичем.

Витте запрос, могу ли прибыть к 20-му мая без помехи составлению сметы. Сегодня отвечаю, что смета готова будет к 20-му, а сам могу приехать к 24 или 25, так как смету нужно завезти в Люблин на рассмотрение Губ[ернского] правления. Вызывают пока меня, Ефима М[ихайловича] и [А.Г.] Теодоровича³⁹⁰ – для рассуждения об устройстве греко-униатских школ. Дело /3 зв./ это считают очень важным и спешным, а у меня еще не готовы все сведения об униатских школах. Надо ездить и собирать. Выезжаю сегодня или завтра – как успею.

Без делопроизводителя беда. От Мурковского и доселе ответа нет, а потому я послал к житомирскому учителю Гродецкому предложение. Что делать? Окажется плут – прогоню. А выгода та, что он уволился уже из духовного звания – все-таки скорее можно перетащить.

[Н.И.] Григельский, как Вы знаете, почти отказался и даже принял мое предложение как-то равнодушно и холодно. Ругает Губера³⁹¹ и опасается, как его, так и [Ф.Ф.] Витте. Последнее его слово было – сказать об нем [Ф.Ф.] Витте; тогда он подумает. А жаль – он хороший человек.

[С.Ф.] Грушевскому³⁹², Пономареву и прочим ничего не могу сказать определенного о том, с какого времени начнется гимназия. В Варшаве узнаю приблизительно и тогда напишу. Кандидаты на учительские места являются со всех сторон.

/4/ Леушинский и Моссаковский³⁹³ из Минской семинарии приклали письма и послали прошения [Ф.Ф.] Витте. Даниил Г[аврилович] рекомендует какого-то Федоровского, художника, в учителя русск[ого] языка – из харьковских семинаристов. Поляк-доктор³⁹⁴, о котором я рассказывал, добивается усиленно: был в Варшаве и просил ходатайства люблинского губернатора. Даже подрядчик сегодня приходил – подряд снять, а кузнец кузницу нанять. Но со всем надо ждать.

В Киеве я забыл книгу «Народовещание»³⁹⁵. Вышлите вместе с «[Киевскими] еп[архиальными] ведомостями», которых я доселе на получено с 3-го №. Она мне очень нужна к отъезду в Варшаву. Если получится после, скажу Ильяшевичу все-

³⁹⁰ Теодорович Автоном Григорович (народ. бл. 1817 р.) – начальник Люблінської навчальної дирекції, а до того був викладачем, інспектором і директором різних навчальних закладів Київського навчального округу. Син священника Волинської єпархії, але випускник Університету св. Володимира. Був одружений із донькою Й.Г. Михневича Вірою. Після розформування Люблінської дирекції переведений директором до Каліша, а потім став директором Варшавських російських гімназій, чоловічої і жіночої. У 1871 р. вийшов у відставку.

³⁹¹ Правитель канцелярії Київського навчального округу при Ф.Ф. Витте.

³⁹² Грушевський Сергій Федорович (1830–1901) – викладач КДС, призначений вчителем до Холмської гімназії, служив у Польщі по 1869 р. Випускник КДА (1859); батько історика М.С. Грушевського (народився 29 вересня 1866 р. у Холмі).

³⁹³ У 1863 р. КДА закінчили Валеріан Леушинський і Павло Моссаковський. Моссаковський Павло Васильович – директор Радомської гімназії.

³⁹⁴ Лікар Єнтис, був призначений на посаду лікаря в Холмську гімназію.

³⁹⁵ *Народовещание, или Слово к народу католическому чрез монахов чина Василия Великого* – греко-католицький катехізис із життями святих, неодноразово видавався у другій половині XVIII ст. в Почаївській друкарні. У 1870 р. був перевиданий у Холмі.

таки выслать отсюда. Кстати, тут и типографию собирается открыть какой-то Гольшмит. Был уже у меня и просит ходатайства о дозволении.

Деньги на вспоможение школам за два квартала я уже получил; но книг для школ не покупаю. Поеду в Варшаву и там испрошу разрешение. Буквари Золотова, Главинского и Лермонтова пересмотрел – не годятся в настоящем виде, галицийские лучше, и не столько буквари, сколько катехизис и св[ященна] история. Повезу /4 зв./ их в Варшаву и попрошу разрешения. До того времени прошу выслать мне 1 000 экземпляров «Наума», о чем я уже говорил, и 200 букварей М.А. Максимовича. За сотню букварей я уже заплатил ему, а на другую сотню и тысячу «Наума» пришлите счет на бланке редакции, а я вышлю сейчас деньги. Счет нужен для отчета. Букварь лаврский забыл в Киеве, кажется, у Вас, а по памяти не знаю, каков он. Часловцы и псалтири необходимо будет из Киева покупать, ибо в Почаеве типографии нет теперь, а прежний запас истощился.

Посылаю 200 р[ублей] с[еребром]. Из них прошу взять свои 50 и еще, сколько потратили на Ильяшевича, а остальные прошу передать Юлиньке. Счет на Ильяшевича прошу выслать Павлу Ф[едоровичу]. Потрудитесь передать, чтобы он не высылал 60 р[ублей] с[еребром] за сани мне, а отдал бы их Юлиньке. Предстоит рождение и крестины, след[овательно], и большой расход. С этим вместе прошу принять братское участие в крестинах и воспринять уже 3-е чадо, когда Бог пошлет.

Из Галиции не дают ни епископа, ни ректора для семинарии Холмской. Все интриги [еп.] Калинского и [еп.] Шиманского³⁹⁶. Писали аж до Риму, а папа в Вену. Даже ставленников не принимают. Цель та, чтобы вынудить посвящение [еп.] Калинского. Но дудки!

Прощайте. Будьте здоровы и благополучны.

Искренно любящий брат Феофан.

7/15 мая 1865 г.

г. Холм.

/3 збоку/ Елене Як[овлевне]³⁹⁷, Сусанне Ив[ановне] и Павлу Ф[едоровичу] мой особенный поклон. Назарию Ант[оновичу] также.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

[17 травня 1865 р.]³⁹⁸

Ф. III, № 6765

/3/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Начну письмо сообщением о твоих, которых так любишь. Вчера я был вечером у Юлии Александровны по получении твоего письма. Детки здоровы и

³⁹⁶ Шиманський Петро (1793–1868) – римо-католицький єпископ Янува Підляського (Сідлецька). Єпископ Подянский римо-католической епархии, вновь открытой в Седлецкой губернии пред восстанием 1863 года с целью окатоличения униатов.

³⁹⁷ Вдова покійного о. Дмитрія Шаббатовича.

³⁹⁸ Написано на 5-й день після пологів Юлії Олександрівни (з 11-го на 12-е травня 1865 р.)

Юлия Александровна здорова, насколько можно быть здоровой в ее положении. Роды совершились с 11-го на 12-е мая благополучно и без особенных болей, все было в порядке, но поздравить не с чем. К общей скорби, младенец родился мертвым, хотя мальчик без всяких неправильностей и вполне образовавшийся. Это обстоятельство, конечно, было прискорбно для всех и для Юлии Ал[ександровны] в особенности, но она перенесла это горе без особых волнений. Теперь уже 5-й день, и Юлия Александровна поправляется при содействии одной акушерки. Коршун, призванный осмотреть дитя, признал, что причиной смерти его /3 зв./ мог быть испуг матери, а испуг действительно был накануне родов – во вторник же от приключившейся драки между Прасковьей и богомолкой-няней Коли, когда их увидели Соня³⁹⁹ и Юлия Ал[ександровна] в детской, вцепившихся за волосы друг другу. Это было пред обедом, и Юлия Ал[ександровны] чувствовала себя во время обеда не совсем хорошо; после обеда, впрочем, была у Гуляевых вечером, но и там чувствовала себя не совсем, а в поздний вечер приключилось разрешение благополучное само в себе, но неблагоприятное по результату. В успокоение тебя скажу только, что это случай для родителей прискорбный, но в жизни обыкновенный, как я часто с ним встречался во время белоцерковской приходской практики⁴⁰⁰. Так Богу угодно, такова воля Божия, ибо и случай не без воли Божией. Переноси и ты сию скорбь благодушно, и верь, что я ничего от тебя не скрываю и что мой бюллетень о состоянии здоровья Юлии Александровны совершенно верен, т.е. что она ничего особенного не испытывает, и оправляется здоровье ее обычным после родов порядком. Вчера вместе со мной была Мария Федоровна, а потом подошла и Мария Егоровна⁴⁰¹. На этой неделе, верно, /4/ она и сама будет в состоянии написать тебе. Но лучше, если бы ты написал ей прежде, не дожидаясь ее письма; ибо она здесь беспокоится о тебе не меньше, как ты о ней. Дитя похоронили, впрочем, на кладбище, близ своих, по благосклонности о. Модеста и по ходатайству Параскевы Акимовны. Прасковью прогнали со двора. Но подобные случаи бывали и без испуга, от каких-нибудь внутренних состояний организма, и я думаю, что заключение Коршуна о первичном впечатлении на дитя от испуга может быть и не совсем верно.

Это менее беспокоило тебя, если бы ты был сам здесь, на месте. Но как ни прискорбно случившееся, но теперь ты можешь надеяться скорее уже перевезти в Хелм свою семью, была бы квартира приготовлена. В начале июня, мож[ет] б[ыть], Юлии Ал[ександровне] можно бы и ехать, но как ты это время проводишь еще в Варшаве, то, верно, им можно будет оставить Киев только во 2-й половине июня.

³⁹⁹ Сусанна Шаворська, донька Марфи Гаврилівни, яка після смерті чоловіка жила разом з дітьми у Петра Гавриловича.

⁴⁰⁰ Хоча Петро Гаврилович був формально приходським священиком і в Києві, однак до Успенського Подольського собору він був скоріше приписаний і не жив життям приходського пастиря.

⁴⁰¹ Мати Юлії Олесандрівни та, ймовірно, дружина прот. Колосова.

Но перейду к другим предметам. «Народовещание» я выслал по почте, за училищ[ной] печатью. «Наума» и буквари вышлю. С ними вышлю и Лавр[ский] букварь. Деньги 200 руб. получил, из них 150 руб. передал Юлии Алекс[андровне]. За сани Павел Ф[едорович] передал тоже Юлии А[лександровне]; он уже обзавелся червонцами и платиной, и крыльцо каменное пристраивает.

/4 зв./ На документы Ильяхевича издержано мною 70 к. + 40 к. + 1 р. + 1 р.; [...], что я дал ему 4 руб., да вновь употреблено 70 к. + 40 к. + 1 р. = 2 р. 10 коп., итого 6 руб. 10 к. сер. Мурковский прислал уже давненько ко мне письмо, в котором сообщает, что он послал уже прошение к тебе и вместе просил моего совета – ехать ли в Польшу, так как он уже имеет невесту, на которой скоро имеет жениться. Я ответил: «Так как вы уже решили дело, пославши прошение, то и нечего колебаться, а вам будет недурно, во всяком случае лучше, чем в Черкасской бурсе». Если Гродецкому послано предложение, то и лучше, а Мурковского когда-то уволят, когда-то он соберется ехать с женою, а что еще скажут [...] местечка, що дитину хоче завезти на чужий свит. [Н.И.] Гриельский труслив. За что на него сердится [Ф.Ф.] Витте и Губерт⁴⁰²? Впрочем, репутацию его может поправить [В.В.] Вилуев, следует только ему об этом сказать. Если [Н.И.] Гриельский ни то, ни се сказал, то дело естественное. Он не был приготовлен, и нужно ему написать из Варшавы. Федоровский рекомендуемый Д[анилом] Г[авриловичем] в учителя рус[ского] языка, как художник и годится только в художники, а из семинариста плохой учитель, да еще и с художеством. Возьми его в учителя рисования и чистописания. Все равно жалованье законоучительское. В Варшаву пос-

/Без закінчення/

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
8/20 червня 1865 р.

Ф. III, № 3451

/3/ /почерком Петра Лебединцева/ Отв[ет] 26-го июня

Седльце.

8/20 июня 1865 года.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Наконец я таки собрался написать к Вам что-нибудь. Простите, не браните. Частью моя горячка природная, держащая меня всегда почти в суете, в хлопотах, частью разъезды да куча канцелярских бумаг, наконец – трюшки лень, неизбежная после напряженной суеты, все это вместе сделало меня виноватым пред Вами и пред Павлом Тихоновичем (к которому на днях собирался писать и зеркало отправить). Но что уж сделаете? Такой я удался – неисправимый! Все

собираюсь, пеняю на свою забывчивость, а таки забываю, или лучше – отвлекаю себя друг[ими] делами. Уже когда войду в надлежащую колею (мы до сих пор еще не вошли в колею), тогда буду исправен. А до той поры – не бранитесь, бо ничего не поможет, все буду неисправным.

Мы позавчера воротились из Варшавы – будто из ада вырвались. Главное, что отравило наше положение там, это болезнь Надиньки, та же самая, которая задержала поездку мою из Киева в Польшу, но только в значительно меньших размерах⁴⁰³. 5 дней она должна б[ыла] пролежать в постели – в грязной (Липской) гостинице, на одной из самых шумных улиц, где стук и шум душу раздражают. Хождение по лестницам да простуда – вот причины возобновления болезни. Удобную квар-/3 зв./тиру найти здесь теперь невозможно, я без толку объехал с этою целию всю Варшаву, и – ни одной не нашел. К тому еще, с первого же дня по приезде нашем в Варшаву стала такая погода, какая бывает только в окт[ябре] или в нояб[ре]. В сильнейший дождь да в холод мы и выехали из Варшавы. Я все почти время б[ыл] занят службою, Надинька все сидела дома, – не была ни на одном гулянье, не видела ни одной замечательности (раз была в театре, другой – в Швейцар[ской] долине, где и простудилась), не была в церкви (а хотелось ей) и на кладбище (где Лиза похоронена⁴⁰⁴), не виделась с Валерком и с Славиными. Приехала будто для того только, чтоб поскучать, потом заболеть. До сих пор она очень слаба; но Деньковский всеми богами уверяет, что ее болезнь не опасна, что нечастое возобновление ее не вредит легким, если тот час свертываться в клубочек, пролежать тихо, покойно.

А я за разными занятиями знал только свою квартиру да то место, в котором скажут собраться. Собирались каждый день утром, за обедом и вечером. Спорили на жизнь или на смерть. Что выйдет (жизнь или смерть) неизвестно. В простоте души я думал, что если возникнут несогласия, то они скоро и весьма удобно уладятся. Э, паны не попросту спорят! Глядишь – пустяк дело, но слышишь: «Это мое убеждение – ни за что не уступлю», – и не уступает, а дело путается! Другой выезжает на требованиях здравой педагогики (т.е. той, которая царила во 2-й киев[ской] гимн[азии]), и тоже ни за что не уступает. А с противоположной стороны только пускают: «Вздор, ерунда, пощадите», – и тоже не уступают ни на шаг. Вот и решай, как знаешь. Между собой они давно решили дело и крепко, а нас употребляли только в посредство споров, да душу отводили на нас – утром выбранят, вечером выбранят, даже за обедом выбранят: меня – /4/ наша Комиссия⁴⁰⁵, Феофана – [кн.] Чер[кас]ский. Оказалось, что я в своих делах и планах шел совершенно в противупол[ожную] сторону от стремлений наш[его]

⁴⁰³ Надія Наркисівна хворіла на сухоти. Від швидкоплинних сухот померли її сестри, брат Микола і племінник, Валентин Тихомиров.

⁴⁰⁴ М.П. Синельников, який свого часу був волинським губернатором і після одруження Єлизавети Наркисівни запитав формуляр її чоловіка, у 1860–1863 рр. служив у Варшаві, тому можна припустити, що чоловік Лізи перейшов за своїм патроном до Польщі, де Єлизавета Наркисівна і померла.

⁴⁰⁵ Комісія народної просвіти у Царстві Польському, очолювана Ф.Ф. Вітте, підпорядковувалась Комісії внутрішніх, духовних справ і просвіти, очолюваній кн. Черкаським.

Ком[итета]⁴⁰⁶ и во всем сходилс[я] с [кн.] Ч[еркасски]м. Феофановы планы сильно по душе пришлись Ф.Ф. В[итте] и В.В. В[илуеву], а мои расположили к себе [кн.] Чер[касского]. Спорили они между собою об этом часто, примешалось самолюбие, примешались разные слухи и толки – и пошла борьба! Сначала шли у нас проготовит[ельные] собрания (мы, Комиссия с В.В. В[илуевым]м). Эти-то собрания наделали беды. Все (кроме меня) заклинались стоять на своем до конца, готовилась битва. Сталось формальное заседание (те же, члены от Учред[ительного] комитета⁴⁰⁷ – [П.А.] Кулиш, [В.М.] Белозерский⁴⁰⁸, и член от [кн.] Черкасского – управляющий уния[тскими] делами). Битва увенчалась пол[ным] успехом. Но на др[угой] день объявляется другое, решительное сражение, за несогласием против[оположной] стороны на условия победителей. Снова все решались стоять до конца, одушевляли друг друга (на меня косились, бранились). Но сражение вышло самое постыдное. Приехали: [кн.] Черк[асский], [А.Ф.] Гильфердинг⁴⁰⁹ и [И.С.] Сидорский, и при первых же стычках все замолкали, покинув Ф.Ф. В[итте] одного. Он спорил, глядел то на того, то на другого, требовал поддержки, а они – как воды в рот набрали! Тут убеждения в сторону: честно ли поступили с ним люди, уверявшие его в своей поддержке? Не будь эт[их] уверений – он и [не] настаивал бы, и не провалил бы так жестоко. Больно б[ыло] это видеть. Хоть на меня он крепко косится, а я всегда буду говорить, что это – благороднейшая и добрейшая душа, с которою век бы жил – не тужил. После такого поражения при множестве прежних подоб[ных] столкновений ему не удержаться на месте. Через неделю ожидают [Н.А.] Милютин⁴¹⁰ и – перемен, ломки, с тем вместе перемен в лицах... /примітка знизу/ [[Кн.] Ч[еркасски]й не удержался в отзывах своих, о нем прямо говорят, ч[то] он портит только всякое дело, не на месте. А [А.Ф.] Гильфердинг просто смеется. Нужно еще знать, ч[то] теперь в Варшаве на очереди немец[кий] вопрос...] Как жаль-жаль!.. Это еще более охлаждает к службе в Польше и все сильнее тянет к России, особенно, когда подумаешь, ч[то] в решит[ельную] минуту тебя все бросят! На

⁴⁰⁶ Тимчасовий комітет із реформування початкової і середньої освіти.

⁴⁰⁷ Установчий комітет із реформування Царства Польського.

⁴⁰⁸ Куліш Пантелеймон Олександрович у Варшаві служив у 1864–1868 рр. директором відділу сповідань в Комісії внутрішніх справ і у комісії з перекладу польського законодавства. Був одружений із сестрою В.М. Білозерського.

Білозерський Василь Михалович (1825–1899) – український громадсько-політичний діяч, один з видавців журналу «Основа». У Варшаві служив директором канцелярії при Установчому комітеті з селянських справ, згодом став членом Варшавської судової палати. У 1880-х роках вийшов за штат і повернувся на батьківщину (Івашків В. Білозерський Василь // Наукове товариство імені Шевченка. Енциклопедія: електронна версія. Київ, Львів, 2015).

⁴⁰⁹ Гільфердинг Олександр Федорович (1831–1872) – етнолог і публіцист, службовець Державної канцелярії. Народився у Мазовії, однак закінчив Московський університет, вважався знавцем Польщі. За дорученням М.О. Мільотіна займався проектами реформ у Царстві Польському, зокрема реформою народної освіти.

⁴¹⁰ Мільотін Микола Олексійович (1818–1872) – статс-секретар з особливих доручень і у справах Царства Польського, з 1863 р. займався заспокоєнням і реформуванням Царства Польського.

душу В.В. В[илуева] падет смертный грех, п[отому] ч[то] он наиболее поджигал, а потом наиболее молчал; хвалился, ч[то] «прочистит зубы [кн.] Ч[еркаско]му», и только произнес пред ним несколько междометий! Быстрый, великий он в куточку, а на сцене – пас. Пред тем он б[ыл] у нас (визит отдавал) и наговорил мне так[их] вещей, ч[то] Надинька плакала целый день! «Какой вас черт понес сюда? Почему не оставались в своем академическом болоте? Только портить приехали сюда, нам мешать, сторонничать с [кн.] Ч[еркаски]м!..» И пошел, и пошел. Разумеется, что и я /4 зв./ бранился на чем свет стоит! Да что толковать?!..

Между раз[ными] скрытыми попреками не забыта и статья моя – помните, Вами переданная Говорскому? В сущности я до сих пор держусь тех же положений с ограничениями по местности. Привлечь к участию в нар[одном] образов[ании] благонад[ежных] священников, дьячков, не устранять от учитель[ских] должностей; из России не вызывать учителей до времени, а если вызывать, то не иначе, как окончивших курс гимназии или семинарии, и дать им хорошее содержание, поручив при них преподавание Закона Б[ожия] священникам. Вообще не раздражать, а привязывать бы к себе униятов, не бранить их и преследовать, а, оторвав их от всяк[ого] влияния польского, расположить их в нашу пользу, дать им все средства высказываться прямо, понять свое поведение и задачу, сознать ложь связи с Римом и полонизмом, обнаружением разн[ых] вещей, устройством различ[ных] частей управления церковного, изданием сочинений раз[ных] и под[обным]. Кричат, ч[то] все это – пустяки; «церемониться с ними нечего, все подлецы, всех долой от школ, вызывать учителей не иначе чем из России» (обращали бы сей час в православие посредством воен[ных] начальников, тюрем – люди не православные и выдающие себя апостолами православия, готовыми, будто, душу положить за православие). Никто из них не видел ни од[ного] унията, а уверяет, ч[то] ему и не для чего видеть, и т.д. – ч[то] люди всюду одинаковы и ч[то] немец[кие] педагогич[еские] теории всюду д[олжны] б[ыть] догматом (уж мне – эти знаменитые педагоги немецкие – черт бы их побрал! Туда бы и всех наших опытных педагогов, не знающих ничего дальше стен гимназии, дальше хождения пред ними по струночке, и называющих жизненные требования – химерою, грубых и сухих деспотов!). Как бы то ни было, кончилось дело след[ующими] решениями: 1, учителями избирать преимущественно дьячков и вообще униятов, вызов из России предоставить усмотрению директоров; 2, Благонад[ежных] свящ[енников] в по усмотрению директоров и по сношению с Управлением уният[скими] делами назначать законоучителями, также смотрителями школ – одной, двух – до 10, разумеется, с жалованьем за это. На каждую дирекцию в пособие школам назначено по 10 тыс. руб. ежегодно. С этим мы уехали. Я не взял от [Ф.Ф.] Витте ни одного прошения от кандидатов на учительство (Господи, кого тут нет! И поручики, и титуляр[ные] советники, коллеж[ские] ассесоры, наконец, правосл[авный] диакон!!! И сколько между ними Святодуховых, Богомысловых и проч., хоть и не звали их сюда) – все переданы, поэтому, Феофану. Теперь же зато вызываю тех из семинаристов, окончивших курс, которые были у меня во время Пасхи, найду средства дать им по 300 руб. жалованья (хоть для так[их] лиц

положено только 150 р.), устрою шесть-семь школ с рус[скими] учителями, но хорошие, которые не посрамят имени право-/5/славного. А там – пойдет дело как по маслу. Кстати, просите владыку, чтобы этих семинаристов оставили в духов[ном] звании, а не увольняли бы из него, – для них в этом большая выгода, они сами просили меня об этом. В Варшаве совершенно согласны на это. Как придет окончат[ельное] утверждение наших решений да моего представления о 7-ми двухклас[ных] училищах в моей дирекции, так на Ваше имя вышлются для них прогонные. Но об этом – в свое время.

«Наума» я получил и завтра высылаю Вам деньги за него. К сожалению, [Ф.Ф.] Витте не одобрил этой выписки. Да ведь они до сих пор не дали ничего лучшего. Затевают издать свой читальник для унийт[ских] школ. И кто же это будет писать для них? «Опытный и известный педагог» (как рекомендует его всякому Ф[едор] Ф[едорович]) В.В. В[илуев] считает это для себя трын-травую, духом создаст, как создал и Букварь...

Между прочим, решили выписать из Галиции учителей на математику, естеств[енную] историю, польский и немец[кий] язык. Послали Феофана в Львов. Дай Бог, чтоб он успел там, это было бы приятно. Пускай себе и не берет их, его воля, но я весьма желал бы иметь их в бяльс[ком] училище. Боюсь, что он даром только прокатится, п[отому] ч[то] поехал с явным нежеланием иметь у себя таких лиц. Будто они в самом деле хуже некот[орых] лиц, выбранных им в Холме... А всему виною споры о власти: зачем, дескать, [кн.] Ч[еркасскому] мешаться в это дело (это мысль [кн.] Ч[еркаского]го).

Инспектором в Бялу и учителем греч[еского] яз[ыка] – [П.Г.] Рублевский. Не буду каяться, что беру его: если бы ждал чтоб они сами его назначили, тогда назначили бы какого-нибудь птенца В[асилия] В[асильевича], с которым хоть в воду. Учитель рус[ского] языка – [Иван] Левитский, латин[ского] языка – [Стефан] Флоринский (студ[ент]), истории и отчасти латыни – [михаил] Яновский (студ[ент])⁴¹¹. Остальных набрал б[ы], но предпочту галичан.

Тяжело мне набирать людей для своей прогимназии. Жалованья им назначили не по 1000 р., а по 900; тогда как в Холме младшим учителям по 1000. Очевидно, ч[то] всякий скорее пойдет в Холм на младшего, чем ко мне на старшего! Меня обманули, уверив, ч[то] назначат одним по 900, другим по 1000 р. Я и /5 зв./ приглашал на 1000. Мовляв Феофан: «А, пустяки! О 100 рублях не стоит и говорить». Не понимаю, из-за чего же он бился, чтоб у него подняли жалованье. Он уверил меня, что как уговорились мы, хлопотал и о моих, и о своих (я не мог быть при этом), ч[то] и исполнено будто, – но только для учителей холмских, а не для бяльских. Оказалось, ч[то] о своих он хлопотал, а о моих – ни слова! Но прошлого не воротить, государь уже утвердил. Разве в след[ующем] году переменят.

Секретарю моему (Андриевскому) отказали в прогонных. Писцом запретили мне брать поляка и сами взялись приискать русского. Этого русского я жду до сих пор – но если я и определю его, то как же он приедет без прогонных?

⁴¹¹ Випускники КДА 1865 р.

Прошу разрешить мне выписку книг по моему усмотрению из средств, отпускаемых в наше распоряжение на пособие школам, – отвечают, что сами издадут книги, а не издали еще ни одной! Не стану теперь и спрашивать! По всем вопросам, какие я предлагал формально со времени приезда из Киева, ни на один не получил ответа. Пусть же ждут теперь моих вопросов! А на выговоры ласы!..

Вообще нужно делать, ни о чем не спрашивая и ничему не противореча. Буду выслушивать все с покорностью, а делать так, как совесть и само дело велит. На все постановления соглашусь, а сделаю как знаю, и знаю, ч[то] выйдет не хуже, чем от ихних постановлений.

Но я уже замолелся. Всего, впрочем, не выкажешь. Одно повторяю – то же, ч[то] и в Киеве твердил Вам... Но – перемелется, а может и переменится все... Я не переменюсь, однако, в своем убеждении.

Я чуть было не остался в Варшаве. Не остался, потому что перепугался от мысли, ч[то] [кн.] Ч[еркасск]ий считает мои убеждения одинаковыми с его убеждениями (тогда как я случайно в одном деле сошелся с ним), и ч[то] заманчивое для меня место – у него, а не у другого. Впрочем, еще неизвестно, ч[то] будет. М[ожет] б[ыть], я должен буду взять это место... А место – с генер[альским] штатом!

/5 зв. збоку/ М[ожет] б[ыть], в Холме гимназия и не откроется в нынеш[нем] году – здание едва ли успеют приготовить. Писал ли Вам Феофан, что выделяет ему [кн.] Ч[еркасск]ий за смету? Ну, признаюсь. Ведь это не по-духовному нашему, никакой Филарет того не сделал бы. Жутко!..

/3/ Павлу Тихоновичу, Юлии Наркиссовне и Вале наше почтение нижайшее и лобзания сладчайшие. Собираюсь писать и к ним. Поклонитесь от нас Павлу Фед[оровичу] и Сусанне Ив[ановне]. Жозеф собакою пропадает.

Надія Наркисівна Крижановська до Петра Гавриловича
6 липня 1865 р.

Ф. III, № 3452

/6/ 6 июля 1865 г.

Здравствуйте, милый Петр Гаврилович!

Только что получили мы Ваше письмо, и я сразу же принялась отвечать Вам. Благодарю Вас, душечко, за Ваше доброе внимание ко мне. Я в Варшаве опять заболела, но значительно меньше прежнего. Теперь мне, слава Богу, лучше, хотя совершенным здоровьем похвастаться не могу.

Жизнь наша теперь такая тихая, время проводим однообразно, не то, что бывало, каждый вечер сидишь за картами. Знакомых имеем, но очень мало, все русские, с поляками мы не знакомы, да и не очень желаем этого. Квартира у нас теперь такая славная, очень даже большие комнаты, светлая, веселая, не знаю, будет ли тепла зимой, потому что печки тут дурно строятся.

Когда-то Вы, Петр Гаврилович, соберетесь за границу и тогда по дороге в Варшаву заедете к нам? Приезжайте непременно, /6 зв./ в Варшаве есть что

посмотреть. Какие чудные магазины, глаза разбегаются, глядя на все эти чудные вещи, выставленные в окнах. Но дороговизна страшная, мы очень испытали ее при покупке мебели. По случаю мы не могли купить оттого, что очень недолго были в Варшаве, а взяли готовую, да еще попали в магазин, как потом нам говорили, самый дорогой.

Петр Гаврилович! Ефим Вас просит сказать митрополиту, не пожертвует ли он евангелий для унияетских школ, потому что Ефим выписал 500, да мало, а денег на эти книги больше употребить едва ли можно, так скажите, душечко, он Вас очень просит. Вы, вероятно, уже знаете, что Царство Польское разделяется на 10 губерний, [Н.А.] Милютин приехал в Варшаву, и составила уже комиссия под председательством князя /7/ Черкасского для приведения этого раздела в исполнение. Седльце назначен губернским городом, Ефим просил [кн.] Черкасского, чтобы губернским городом была Бяла, где будет русская гимназия, и [кн.] Черкасский обещал, но к несчастью, Бяла совершенно выгорела, так что теперь это сделалось невозможным, и мы, вероятно, остановимся в Седльцах при всем желании жить с русскими. Если б уже скорей приехали Рублевские, ждем их с нетерпением. Ефим очень просит Вас, не найдете ли Вы какой-нибудь учительницы для женской школы; жалованья полагается 200 р., квартира, отопление и освещение, прислуга, огород.

Да кстати, скажите Павлу Тихоновичу, что тут открылось место страхового посредника, жалования 3100 р., казенная квартира с отоплением /7 зв./ и пр[очее], если б он желал, то Ефим говорит, что это можно было бы сделать, оттого что он очень хорош с [В.М.] Белозерским, от которого это зависит, то только на свежих порах потому, что охотников множество.

До свидания, милый Петр Гавр[илович], целуем Вас все. Ефим Мих[айлович] скоро будет Вам писать, а теперь низенько кланяется. Кланяйтесь от нас Юленьке и Павлу Тихоновичу, и поцелуйте Валю от меня и особенно за Сережу, который его, как и Вас, очень часто вспоминает. Если Юлия Александровна еще в Киеве, кланяйтесь ей от нас всех.

До свидания, целую Вас.

Н. Крыжановская.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

6 липня 1865 р.

Ф. III, № 6766

/5/ 6-го июля 1865 г.

Киев

Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Вспомнил я, что в последнем письме допущена мною неточность в выражении. Спешу исправить. Не твое самолюбие удовлетворено избранием кума, ибо побуждением у тебя было не самолюбие, а любовь к куму; а здесь раздражено самолюбие Академии, в особенности [Н.И.] Щеголева и

[о.] Филарета⁴¹². Это проявилось теперь на Конференции – хотят не дать магистра [Михаилу] Яновскому⁴¹³, которого весьма желали бы лишить бакалавром, перепугали и других. Соломоновскому ректор объявил, что лучше бы не увольняться, так как ему дадут отметку: довольно хорошего поведения. [М.] Яновский, впрочем, говорит: какую бы степень не дали, я все же поеду в Польшу. [В.Ф.] Певницкий и К^о обеспокоены, почему все набирают из одних малороссов, и уже в пустой голове воображают что-то опасное для правительства. Митрополит только недоволен вызовом [М.С.] Гуляева; со /5 зв./ всем прочим он согласен и препятствий чинить не будет. [Прот.] Крамарев, [о.] Колосов и Назарий А[нтонович] ратуют за магистерство [Михаила] Яновского.

Вчера [С.Ф.] Грушевский принес мне список кандидатов в народные учителя; из них 9-ть 1-го разряда, 5-ть – 2-го в начале, народ выборный. Прошения о выдаче метрич[еских] свидетельств отдадут по получении аттестатов, опасаясь и здесь какого-нибудь гонения со стороны [о.] Феоктиста, а затем пришлют прошения в Хелм. О неимении препятствий к увольнению пришли запрос митрополиту на бланке, в форме письма с испрашиванием молитв и казеною печатью. К[...]ой порядок длинен, а этот короток.

[С.Ф.] Грушевский, Пономарев и проч. просят тебя об определятельном уведомлении, не встретится ли препятствий к открытию Хелмской гимназии в начале сентября сего года, т.е. будет ли готово здание? Они люди домовитые, а теперь время новых сроков квартирам и зимним запасам. О [П.Г.] Рублевском уже давно был запрос от [Ф.Ф.] Витте, а о [М.С.] Гуляеве и проч. до сих пор нет ничего в Киеве!

Александра Ив[ановна] Скворцова уехала в Городище, но скоро будет обратно. Я думаю, что начальницу Хелм[ской] жен[ской] гимназии найдут в Петербурге и вам вышлют, хорошо бы пожилую даму или девицу. Но советую хлопотать, чтобы женщина /6/ не стояла во главе, а чтобы непременно один из учителей гимназии или помощник инспектора гимназии был начальником, или что то же Линниченком, имея у себя учеб[н] и хозяйств[н] часть, предоставив начальнице, которую приличнее называть старшей надзирательницей, часть воспитательную яко ныне главнейшую. [Ф.Ф.] Витте телеграммой просил у меня копии устава нашего училища девиц дух[овного] звания, что я ему и выслал в половине июня. Устав этот мною составлен, и смею думать, что он лучше изданных и обнародованных.

Не добьюсь толку, как это не посылаются к вам в Польшу «[Киевские] еп[архиальные] ведомости». Сегодня добьюсь. За статью «Церковно-археологич[еские] заметки» я получил из Житомира безыменное ругат[ельное] письмо какого-то Кацато, где меня называет хлопоманом, сыном униат[ского] священника и проч., проч. Копия такового же письма прислана [прот.] Крамареву и одновременно и мне передана. Ужасно не понравилось, что у них-

⁴¹² Щоголев Никифор Иванович (1825–1884) – выпускник (1849) і професор КДА.

Архімандрит Філарет (Філаретов) – ректор КДА.

⁴¹³ Выпускник КДА 1865 р. Михайло Яновський (Київська семінарія) був останнім зі старших кандидатів.

то колокольный римский звон, а наш православный. Не знаю, что еще речет Москва и проч.

[Стефан] Дахнович⁴¹⁴ уехал вчера, т.е. 5-го июля, чрез Брест в Варшаву, согласно предписанию. На /6 зв./ проезд я обещал ему пособие, которое он обещает выслать из Варшавы. Ефим М[ихайлович], кажется, решится перейти к [кн.] Черкасскому; тогда [П.Г.] Рублевский может занять его место.

Митрополит поедет по епархии с 14-го августа по 5-е сентября, и дол[жно] быть, и я с ним, на что сделан намек и поручено мне маршрут писать. На днях поручено мне присоединить к православию униата из Варшавы, старика. Ш[...] был на Востоке и в Риме, служил в Почетной гвардии, вояжовал... и спрашивает, где здесь мощи жены св. Андрея Первоз[ванного]? На мое удивление он отвечал, что в Цицилии над гробом св. Андрея на трех языках в надписи значится: «Моя жена Иустина умерла и погребена в Киеве». Сегодня передам эту новость Павлу Ф[едоровичу] и [А.Н.] Муравьеву.

Когда митрополиту я сообщил, что жалованье по новому штату будет выдаваться только тем священникам, которые будут говорить проповеди по-русски или по-русински, то он и неудовольствием сказал: «Зачем это или-или?» И потом распространился об австрийс[кой] хлопомании и при сем упомянул, что он о надзоре за ним слышал от гр[афа] Строганова и сенатора Желтухина. Сейчас Павел Фед[орович] принес известие, что [М.] Яновскому таки дали степень магистра.

Желаю здоровья и благоденствия. Юлия А[лександровна] и детки здоровы.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев

/6 зв. збоку, іншим почерком/ Голубчик наш Феофан Гаврилович! Здравствуйте и прощайте. Как Вас Бог милует? Вы и не откликаетесь-то – было бы с Вами благо! Когда-ниб[удь] еще наговоримся. Завтра я уезжаю на месяц к родным. Бог да хранит вас!

Ваши Павел, Соня и чада⁴¹⁵.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[приблизно 10 липня 1865 р.]⁴¹⁶

Ф. III, № 3454

/10/ /почерком Петра Лебединцева/ Получ[ено] 17-го июля 1865 г.

Многоуважаемый, любезнейший брат Петр Гаврилович!

⁴¹⁴ Дахнович Степан Олександрович – магістр КДА 1865 р. випуску, у ТКДА опублікована його стаття на основі магістерської дисертації «Иезуит Антоний Поссевин» (ТКДА, 1865, № 2).

⁴¹⁵ Підвисоцькі

⁴¹⁶ За датою отримання листа; з Польщі до Києва кореспонденція йшла п'ять-десять днів.

Горькие вести из Киева! Изволь теперь приискивать там людей дельных, способных на борьбу с полонизмом за нашу братию – польских недоедков! Поглядишь-подумаешь, будто мы зовем сюда молодых людей для участия в польском мятеже, а не в благом деле возвращения забитых, полумертвых, несчастных 270 тысяч русского народа! Подумаешь, будто мы обращаемся к полякам Киев[ской] губернии и у них просим людей для русского дела. Подумаешь – подумаешь!!! Итак, вот наши русские силы, вот наше участие к горю своей братии! Полно, уж не сон ли эти русские /10 зв./ силы, не мечта ли наш киевский патриотизм, так громко заявлявший себя во время польского восстания! Не насмешка ли над историею – наша русская интеллигенция, вступившая теперь на духовную борьбу с Польшею? Вот этот патриотизм, эти силы, эта интеллигенция – мы решились устроить две (точнее, полторы) гимназии для униатов, и сами же не даем учителей для этих гимназий! Есть ли тут смысл? Что скажут враги наши, когда узнают об этом? Видим алчущего и жаждущего брата нашего, признаем, что нужно дать ему есть и пить, и – отказываем ему в капле воды, в куске хлеба, – мы, хорошо знающие, что кроме нас никто другой не даст ему есть и пить, а даст камень вместо хлеба, и оцту, смешанного с желчью, вместо воды! Сбывается, вероятно, слово од-/11/ного старого поляка, который при известии об учреждении в Бялой прогимназии в улыбкой сказал мне: «А наберете ли вы учителей для этой прогимназии». Я с презрением ответил ему, что не понимаю вопроса его. Но он с твердостью продолжил: «Наберете или пьяниц, или таких, которые чрез два-три года будут нашими». Неужели это правда? Неужели мы должны будем отказаться от надежды иметь хороших людей и брать только пьяниц или легкомысленных – пустых, которые только скомпрометируют наше дело? Неужели новая Киевская академия забыла старую, которая целую Россию подняла учеными, администраторами и под[обными], и туда, где видела особенную нужду, высылала цвет своих питомцев, отказывая себе в нужде учебной? Этим-то и приобрела она себе славу!.. Потешайся, новая академия, на гробе старшей, умной, дельной сестры своей! Славь-/11 зв./ся, величайся небрежием к нужде, вопиющей нужде русской братии!.. А между тем, пойдите-ка поглядите-ка, как дрожат от патриотических чувств влиятельнейшие члены академии, читая «Москов[ские] ведомости»⁴¹⁷, как беспощадно критикуют каждый шаг служащих здесь! Неужели весь патриотизм свой они тратят только на то, чтобы подставить ногу, захохотать под нос русскому служаке (кто бы он ни был) в нужде, в просьбе о помощи?! Боже мой, что бы я дал за то, чтобы это было не так, как мне передано, чтобы не оставаться навеки в мыслию, что киевская академия помешала зарождающемуся делу поднятия русской народности, вырванной из зубов польских! Но письма, письма из Киева – все твердят, что то – правда! Злорадно или же насмешливо провожали нас в Польшу, теперь тестят тех, кто хочет пособлять нам! А между тем, хоть мы люди, и м[ожет] б[ыть] ничтожные, в наших руках образование 270 тыс. народа, несчастнейшего из всех русских – кто

⁴¹⁷ *Московские ведомости* – газета Московского университета, выходила с середины XVIII ст.

же нам поможет, кто поправит ошибку?.. Или хотят потешиться над падением нашим в глазах поляков? Но каждый русский здесь на своем месте. Есть целый русский народ, ум русский, силы русские!.. Будь что будет.

/10 зв. збоку/ Будьте так добры, передайте чрез кого-нибудь студ[енту] [Михайлу] Яновскому, что несмотря ни на какие аттестации его Академиею, он будет учителем в Бяле непременно!

/10 збоку/ [Стефан] Дахнович у нас, продержим его дней пять. Спасибо за картины. Я писал Вам, что в Варшаве только хвастают желанием издать «Книгу для чтения», но, без всякого сомнения, не издадут. Значит, издавайте там, что имеете.

Поклон наш Тихомировым и всем добрым знакомым, только не Академии. [П.Г.] Рублевский не пишет ни слова – экий увалень, лежебок!

А из Варшавы – ни слова. Пишу-пишу, и ни на одно письмо не получаю ответа. Только и переписываюсь теперь с [...] с [Й.С.] Сидорским.

/11 зв. збоку/ Все это я написал – излил душу свою пред Вами, по прочтении предлинного письма от студ[ента] Яновского, которого я ангажирую в Бялу. Выбачайте, может быть письмо мое там и некстати, но нужно же с кем-нибудь близким поделиться своим – истинно скажу – великим горем моим!..

/Приписка іншим почерком/ Из Варшавы на будущей неделе я буду писать Вам, достопочтеннейший о. протоиерей. Теперь пользуюсь случаем засвидетельствовать Вам свое глубокое почтени и поклон. Ваш покор[ный] слуга Ст. Дахнович.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
12/24 липня 1865 р.**

Ф. III, № 3453

/8/ 12/24 июля 1865 года.

Седльце

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Кому повем печаль мою? Меня страшат быстрые переходы из одной службы а другую... Трудно мне до сих пор помириться с выходом из Киева – теперь заставляют уходить и из Седльца. Не к добру подобные скачки. Кто шибко едет, далеко не доедет...

Бога ради, спросите [С.П.] Алферьева, не рискованно ли будет Надиньке жить в Варшаве? Прочитайте прилагаемое при сем письмо ко мне [Й.С.] Сидорского. Это совершен-/8 зв./ная наглость! Я поспешил послать совершенный отказ, но уверен, что этим дело не кончится, как не кончилось отказом еще в Варшаве. Единственно причиною отказа я поставил теперь болезнь Надиньки и решительное запрещение докторов жить в Варшаве. Поспешите, Бога ради, сообщить мне мнение [С.П.] Алферьева об этом же, уверен, что оно будет такое же.

Господи, как не хочется идти на службу к [кн.] Ч[еркасскому] и возиться с польскими ксендзами! Мне кажется, что там покончу я все свое спокойствие, честь и службу самую...

Прощайте, и писать больше не могу, до того смущен.

Любящий и уважающий Вас Е. Крыжановский

Все кланяются Вам.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
18/30 липня 1865 р.

Ф. III, № 3399

/5/ /почерком Петра Лебединцева/ Получ[ено] 26-го июля 1865 г.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Спешу писать к Вам, чтобы обменяться еще раз-другой письмами, пока Вы отправитесь в объезд епархии.

Приятно мне слышать, что митрополит по-прежнему оказывает Вам внимание и предпочтение пред известными жабами; но время Вашего объезда, к сожалению, не совпало с моими планами касательно передвижки семьи моей в Холм. Вам известно, что именно 20-х чисел августа я предполагал двинуть моих из Киева и, конечно, при этом рассчитывал, что никто лучше Вас не устроит всего нужного к выезду и не снабдит лучшими советами для дороги. Теперь как быть, право, не знаю. На рассудительность и практичность окружающих мою семью, откровенно сказать, я не полагаюсь; при том знаете, там со głowa, to rozum⁴¹⁸, и голов этих таки довольно. Что самому нельзя поехать, это я вижу ясно.

/5 зв./ Между тем, нужно же Юлиньке иметь какой-нибудь вид на проезд, чтобы взять по нему подорожную. А как и от кого и какой вид взять? Бывший здесь артиллерийский генерал Штадт говорил как-то мне, что этот вид должен выдать гражд[анский] губернатор. И мне думается так. Но Вы, напр[имер], этот вид можете взять у [губернатора] Казнакова в полчаса, а кому-нибудь другому, напр[имер], Ивану Александровичу, не выдать, мож[ет] б[ыть], и в неделю, да, пожалуй, стянут еще рублей три или поболее того. Опять, если нужно взять метрические свидетельства и брачную выпись (а кажется, что это нужно на всякий случай), то и это Вы можете устроить скорее и легче, чем кто-либо другой. Как же быть-то? Не отложить ли передвижки семьи до Вашего возвращения, т.е. до 5-го сентября? Вопрос этот сам собою может разрешиться неделю или полторы спустя. И странно, если бы Вы знали, с чем связан этот вопрос еще? С вопросом о том, уступит ли Совет Управления два пиарские флигеля для гимназии или нет. Если уступит, то вытискавши из одного флигеля бурмистра, я могу теперь же поселиться в нем, и поселить потом семью и жить до тех пор, пока не отделают для меня квартиры; в противном случае мне весьма не хотелось бы вводить моих в

⁴¹⁸ Що голова, то розум (польс.).

такую грязную и тесную квартиру, /6/ какую занимаю теперь у базилианов: тут часто припоминаются мне слова свящ[енника] Лукьянова⁴¹⁹, знаменитого паломника: «Не то что у нас на Москве, наищешься места чтобы ..., там (т.е. в Царьграде) есть заходы и проч.».

Теперь несколько слов по поводу [М.С.] Гуляева. После того, как он сам вызвался с просьбою или предложением, мне совестно было отвечать ему прямым отказом, но и до той минуты, когда пришлось представить его, я все еще колебался относительно его и даже изыскивал способы, как бы отклонить его предложение. Дело решилось так. Приходим мы к [Ф.Ф.] Витте собственно для решения вопроса о кандидатах. Представляю [Н.И.] Гриельского, забрили затылок. Объявляю [Ф.Ф.] Витте, что позвольте теперь подумать. Вдруг Ефим М[ихайлович] предлагает Грушецкого Василия⁴²⁰, учителя варш[авской] рус[ской] гимназии, которого он пред тем рекомендовал особою запискою и о котором я сказал ему прямо, что не могу принять. Смотрю, [Ф.Ф.] Витте соглашается. Я объявил, что считаю [В.] Грушецкого еще молодым и недостаточно опытным, тогда Ефим М[ихайлович] предложил мену, т.е. [В.] Грушецкого в Бялу, а [П.Г.] Рублевского ко мне. [Ф.Ф.] Витте опять: «А в самом деле...» и проч. Но это было уже слишком. [П.Г.] Рублевский, конечно, хороший человек, но пихать его ко мне, когда он предпочел идти на меньшее жалованье к Ефиму М[ихайловичу]... Согласитесь, что это слишком неловкая штука. Самое то, что говоря о [В.] Грушецком и [П.Г.] Рублевском, /6 зв./ Ефим М[ихайлович] обратился прямо к [Ф.Ф.] Витте, чтобы он решил вопрос свои авторитетом помимо моего согласия, кольнуло меня значительно. Я выдвинул тогда кума и освободился от насилия в моем же деле. Конечно, тут не могло быть места тем расчетам самолюбия, о которых Вы в первом письме писали, ни даже чувству привязанности, в которой я не запираюсь. Прежде и после, рассуждая о куме, я имел пред глазами многое *pro* и *contra*⁴²¹; но тогда решил дело мгновенно, по движению оскорбленного самолюбия. Не скажу, чтобы это было хорошо, но зато совершенная правда, в которой, однако ж, не хотелось прежде признаться. Жалею, и крепко жалею о том, что Ефим М[ихайлович], которого я теперь не перестаю уважать, становится ко мне иногда ребром; но насильно мил не будешь никогда. Теперь мы жили врозь в Варшаве, и кажется, не могло быть поводов к неудовольствиям. Между тем, вот один из случаев. [В.Ф.] Грушецкий порекомендовал ему некого Червинского из Злотопольского училища в учителя математики, а потом стал рекомендовать мне свояченицу Червинского, вдову, в классные дамы и даже начальницы для женской гимназии. Я отвечал [В.Ф.] Грушецкому: «Не лучше ли им обоим ко мне? Зайдите к Ефиму М[ихайлович] и

⁴¹⁹ Іоанн Лук'янов – старообрядницький священик другої половини XVII – початку XVIII ст., автор твору «Хождение в Святую землю» про паломницьку подорож по Близькому Сходу. «Хождение» було опубліковано у журналі «Русский архив» у 1864 р.

⁴²⁰ Грушецький Василь Федорович - випускник КДА (1855), викладач Варшавської, Грубешовської гімназій, інспектор Інституту сільського господарства і лісництва в Пулавах. Автор багатьох підручників з російської мови для польських шкіл.

⁴²¹ *Pro et contra* – за і проти (латин.).

поговорите с ним». На другой день Ефим М[ихайлович] заходит ко мне сердитый и начинает: «Я пришел поругаться с вами за...» и проч. /7/ Самым спокойным и сердечным тоном я отчал, что не отбиваю... и успел замять дело.

На рассуждениях об устройстве униатских школ положительно разошлись с ним во взглядах на дело, и это подало повод также к его неудовольствию. Он, заодно с комиссарами, у которых, впрочем, свой взгляд, утверждал, что на первый раз могут быть какие-угодно школы и какие-угодно учителя, даже бывшие повстанцы и жандармы-вешатели, только бы народ учредил эти школы и выбрал этих учителей, и в этом сходилась с мнением [кн.] Черкасского и [А.Ф.] Гильфердинга, у которых опять свой чисто политический взгляд и политические цели. Я, напротив, стоял за то, что не надо торопиться делом размножения школ, что лучше иметь не много школ, но вполне обеспеченных в своем существовании – не капустою, картофелем или житом и гречкою, а деньгами, и лучше опять иметь немного учителей, и даже не из среды униатов и народа, но только бы эти учителя вполне отвечали своему званию, и в этом сходилась с взглядом [Ф.Ф.] Витте и [И.Г.] Михневича. Верно вполне, что он не становился с предвзятою целию на сторону [кн.] Черкасского, точно так же, как я не становился на сторону [Ф.Ф.] Витте; но если мы разошлись во взглядах, то неужели из-за этого нам ссориться? А между тем он видимо сердится на меня за мой взгляд и едва ли не был убежден в том, что я только подделываюсь к /8/ начальству, иначе не написал бы Вам, что будто я сильно нагнул было сторону [Ф.Ф.] Витте. Мне слишком неловко было, когда [Ф.Ф.] Витте и [И.Г.] Михневич, вполне разделяя мой взгляд, его обличали даже в оппортунизме, но в таком обличении я виноват столько же, сколько он в том, что [кн.] Черкасский не мне, а ему предложил известное место. Когда в конце концов нам предложили формулировать результаты рассуждений, я, писавший до того уже несколько записок и в то время чувствовавший себя нездоровым, попросил Ефима М[ихайловича] взять на себя этот труд. Что же вышло? Вместо точного и обстоятельного изложения, он набросал лишь несколько мыслей начерно – опять в своем-таки духе. Разумеется, что этого наброска не мог одобрить [Ф.Ф.] Витте, и Ефим М[ихайлович] на обратном пути от него не хотел даже говорить со мною. Чрез день новая беда: [Ф.Ф.] Витте при нас расхвалил с обычным красноречием записки, мною составленные, по тому же предмету. Понимаю неловкость положения в этом случае Ефима М[ихайловича], но едва ли и мое положение было ловчее, хотя во всяком случае я не виноват ту ни на волос.

Но возвращусь опять к куму. Известие Ваше о том, что никто в Киеве не одобряет ни его согласия, ни моего выбора, несколько смутило меня. Как всякий другой на моем месте, я стал теперь думать: неужели я один не ошибаюсь? Признаюсь, мне крепко не хотелось /8 зв./ оставлять его теперь, когда он стал втягиваться в известную привычку, но с др[угой] стороны, *vox populi vox Dei*⁴²², и потому я не был бы в претензии, если бы кум отказался на словах, а митрополит для честного выхода моего и кумового из этого дела написал, что он не находит

⁴²² *Vox populi vox Dei* – голос народу – голос Божий (латин.)

возможным отпустить [М.С.] Гуляева из Академии, пожалуй, хоть ради того, что некому будет читать еврейский язык и переводить для «Трудов [Киевской духовной академии]». Как устроить это, если еще не поздно, в том полагаюсь на Вас и даже прошу Вас. В случае отречения кума, я взял бы [В.Ф.] Грушецкого, которого прежде серьезно не хотел, – взял бы потому, что он знаком с порядками гимназическими, человек неглупый и может быть назначен и даже в Холм приехать в несколько дней, тогда как духовного надо ждать целые месяцы. Относительно мотовства кума скажу, что здесь для этого нет физической возможности, ибо здесь на руках ни у кого ни гроша: жалованье всякий учитель сам получает, а нужно купить что-нибудь для заведения, так прежде купи, а потом деньги дадут тому, у кого куплено – по квитку, который только свидетельствует начальство.

Кума я просил, чтобы он приискал мне двух учителей на математику, одного на латинский и одного на греческий язык. Прошу Вас и об этом. На гали-/7 зв./чан остатняя надежда погибла, хотя, признаться, мне не хотелось их. Назначением учителей теперь надо торопиться, чтобы все съехались к началу сентября, когда, можно надеяться, и гимназия будет открыта. Смета и план утверждены; 19 июля ст[арого] ст[иля] торги, а к 1-му августа работы начнем. Насяду на подрядчика всеми силами, чтобы по кр[айней] мере здание мужской гимназии было готово к 1-му сентября. Пономареву и [С.Ф.] Грушевскому ничего более определительного сказать не могу. Дело об их квартирах будет зависеть не только от времени открытия гимназии, но и от того, когда уволит их Синод, а Синод теперь думает, вероятно, думу горькую, видя, что так многие бегут от него.

Дурачество [о.] Филарета и [Н.И.] Щеголева, равно [В.Ф.] Певницкого et Ко, не удивило меня, ибо давно уже я привык считать их сумасбродами. Понятно, что нападая на студентов, они хотят уязвить меня, но уже [М.С.] Гуляеву я писал, что студентов берет один Ефим М[ихайлович], кроме Соломоновского, который и без того уволился бы из академии.

Нет ли учителя чистописания и рисования? Жалованья 500 р., подъемных 300 р. Должность в IX кл[ассе]. Я писал Даниилу Г[авриловичу], чтобы предложил это место тому художнику, который просился на русский язык; но он что-то не отвечает, да едва ли и тот согласится? Нет ли также учителя в педагогич[еские] курсы на 800 р.с. и должность в XVIII кл[ассе]?

Букварей, часословов и псалтирей крайне нужно. Когда бы лавра прислала на Комиссию хоть по сотне часословов и /9/ псалтирей, а букварей русско-славянских обещали из Комиссии н[ародного] пр[освещения] выслать. Две сотни букварей [М.А.] Максимовича, за которые я ему и деньги заплатил, прошу выслать, оставив всякие опасения. Я делаю опыты⁴²³, который букварь лучше

⁴²³ Цікаво, що і син Феофана Гавриловича, Костянтин Феофанович Лебединцев, математик-методист, у своїй викладацькій роботі випробовував різні методи і підходи у навчальному процесі. Загалом це було характерним для освітнього процесу XIX – початку XX ст. М. Кальницький у науково-популярній праці «Гимназии и гимназисты» (Київ, 2014, с. 38) пояснює велику кількість приватних навчальних закладів бажанням реалізувати власні педагогічні ідеї.

придется, и мне нужны всякие буквари, а до того, что в них есть что-либо помалороссийски, мне нужды мало. Везде пока галицийские учебники, а никто об них ни слова. Ефим М[ихайлович] выписал их на 400 р. Я удержался, но дотол, пока вопрос о них решен будет Учред[.] комитетом, а это решение не за горами. [Ф.Ф.] Кокошкин⁴²⁴ говорил, что Петербургская партия вообще не любит [кн.] Черкасского и [Н.А.] Милютину; но дело в том, что [Н.А.] Милютин в великой силе у Государя. Итак, до поры до времени слежение за сепаратизмом здесь не может иметь никаких последствий, пока же инициатива того, что там может казаться сепаратизмом, будет исходить от Милютина и [кн.] Черкасского. Впрочем, я просил бы Вас не все передавать митрополиту, который сам готов поджечь III Отделение, тогда как здесь ни у кого и мысли о сепаратизме.

Соломоновскому прошу объявить, чтобы он по получении увольнения немедленно прислал свое свидетельство увольнительное и метрику. Определяю я сам, но в Комиссию нужно написать о выдаче прогонов.

Начальницы для женского училища не пришлют из Петербурга. [Ф.Ф.] Витте именно мне поручил приискать. /9 зв./ За совет не поручать бабе всего управления очень благодарен; буду хлопотать.

«[Киевские] еп[архиальные] ведомости» были получены; но Ильяшевич затаскал было их куда-то, а потом я с удовольствием прочел церковно-арх. заметки и многое другое. Действительно, их вера в том, что вот на счет сердцов не было перемены и проч.

[Еп.] Калининский сильно работает в Австрии: опять не дали ректора и других, и на этот раз запретил сам нунций.

Еду сейчас за 30 верст в д[еревню] Хутче для заведения школы, потому прощайте.

Будьте здоровы и благополучны.

Искренно любящий Вас брат Феофан.

18/30 июля 1865 г.

г. Холм.

P.S. Типография у нас, кажется, скоро будет.

В Варшаву я послал 500 р. на мебель. Решился, наконец, но зато славно обеднел.

Достаньте, прошу Вас, где-либо Волынскую летопись и вышлите мне, а я скоро возвращу.

Что сказал бы [В.Ф.] Певницкий, если бы знал, что я никого не хочу взять в нар[одные] учителя из Чухломы, Вологды, Суздаля, Муромы и проч., а таких много просится; один даже диаконского места просит – у [Ф.Ф.] Витте в Царстве Польском.

/9 зв., збоку/ Юлиньке не успел сегодня написать. Кланяйтесь ей и деточек поцелуйте. Во вторник буду писать.

⁴²⁴ Кокшкін Федір Федорович (пом. 1874) – начальник Люблінської Комісії по селянським справам і чиновник з особливих доручень в уніатських справах при Міністерстві народної просвіти.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
20 липня 1865 р.

Ф. III, № 6767

/7/ 20-е июля 1865 г.

Киев

Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Хотелось писать по получении твоего обещанного письма, но как г[осподин] Франковский может скорее доставить письмо, чем почта, которая возит корреспонденцию по заведенному во время мятежа порядку, чрез Остров и Варшаву в Хелм, то я и пользуюсь сим случаем.

Сейчас заехал я к Юлии А[лександровне], но не застал ни ее, ни Алеши, а только Коля пересыпается песочком. Впрочем, с Юлией А[лександровной] я виделся третий день тому; она сильно хочет скорее отправиться в Хелм и весьма скучает уже в Киеве, а меня просила убедить тебя, чтобы скорее распорядился об отправлении их – не позже 15-го августа. И в самом деле, что за беда, что квартира не готова? Могут временно пожить и в съемной /7 зв./ незавидной квартире. Чем тише начинать, тем лучше. В этом отношении мне весьма понравилось, что Юлия А[лександровна] не очень похваляет твои хлопоты об арист[ократической] мебели; довольно, если будет прилично. Юлия Ал[ександровна] до 10-го августа имеет попутчицу и желала бы ею воспользоваться, в конце же августа опасается и холода для детей. Тебя приездом своим не надеется отвлечь от твоих занятий, обещая еще помочь кое в чем. Итак, она ждет твоего решительного согласия на выезд пред 15-м августа из Киева. Это было бы хорошо и тем, что я мог бы проводить хотя на 1-ю станцию; ибо 14-го августа я отправляюсь с митрополитом по епархии по 6-е сентября. Что касается способа отправления, то вышли Юлии Ал[ександровне] от себя какой вид, по которому она могла бы получить подорожную. Но своих лошадей в Устилу⁴²⁵ не следует высылать, ибо может случиться, что или Юлия Ал[ександровна] опоздает или упредит твоих лошадей, а еще хуже того – разъедутся в дороге. Расчет пустой, а хлопот много.

Споры о Яновского магистерстве еще не /8/ окончились. [О.] Филарет вошел с особым мнением против общего приговора Конференции; к нему присоединились [Н.И.] Щеголев и инспектор Крамарев, и прежде ратовавший за [М.] Яновского, подал contra-мнение, дело лежит у митрополита, и, кажется, он решил не по-филаретовски, сколько мог я догадаться. Одно, что и сегодня митр[ополит] повторял мне – перемещение кума считает унижением Академии, за что не благодарит тебя и самого кума. К тому, что писал, от себя не хочется больше прилагать о сем. Я все боюсь и за него, и за тебя из-за него. Поправится – хорошо, а не поправится – что тогда? Пропал окончательно, тогда как здесь при

⁴²⁵ Устилуг – місто у Волинській області, Володимир-Волинський район.

всяком исходе служил бы до еле возможного, как Яков Кузьмич, а семья не потеряла бы ни в каком случае пенсии. Но будет... [С.М.] Сольского⁴²⁶ два раза пытался спросить, но в оба раза и сегодня не застал дома. Если [Г.А.] Аристов хорош, то почему бы его не сделать помощ[ником] инспектора? [С.М.] Сольский едва ли согласится, как и другие. Полагаю, что эту честь бакалавр может получить и во отечестве своем и в дому своем.

В духовном море нашем затишье. /8 зв./ Говорят, обер-священником, на место [прот.] Кутневича⁴²⁷, утвержден протоиерей Богословский⁴²⁸. Сильно домогался этого места [прот.] Васильев⁴²⁹, который был и во кандидатах. И моск[овский] [митр.] Филарет не преминул случая представить двух своих кандидатов – Горского и Новского⁴³⁰, да опоздал. [Еп.] Нектарий⁴³¹ вызывается в Синод для присутствования.

Полевые кресты, кажется, останутся неистребленными: и [А.П.] Безак сказал, что он не признает их чем-либо католич[еским] или опасным. При сем прилагаю один из 2-х получ[енных] экз[емпляров] письма из Житомира и № 11-й «[Киевских] еп[архиальных] ведомостей». Это рука духовной особы, а кто – дело пока неразъясненное. Статья имела пока тот результат, что дьячки уже многие подрезали свои гривы.

[С.Ф.] Грушевский набрал уже 10-ть учителей из окончив[ших] курс; теперь выписываются их метрики. Изъявили согласие и рекомендуются след[ующие]: Марк Стрижевский, Стеф[ан] Радецкий, Алекс[ей] Панченко, Фед[ор] Янковский, Григорий Голиневский, Автоном Еримович, Василий Яновский, Афанасий Левандовский, Виктор Кальницкий, Владимир Левицкий – люди все способные и по поведению благонадежные. Василь Федорович, филаретчики [Н.И.] Щеголев с братией все боятся, что малороссы будут вредны Правительству. Сюда бы рус[ского] элемента... А много сделал в Хелме г[осподин] Егоров?.. Они в отчаянии, что нет запросу на великороссов. Будет на [Амур]... Но тем временем прошу прощения.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

⁴²⁶ Сольский Степан Михайлович (1835–1900) – выпускник (1861) і з 1864 р. викладач КДА, його службова кар'єра йшла вгору. У 1887–1900 рр. був Київським міським головою.

⁴²⁷ Обер-священник – з 1858 р. головний священник армії і флоту.

Кутневич Василь Іванович (1787–1865) – обер-священник з 1832 р.

⁴²⁸ Богословський Михайло Ізмайлович (1807–1884) – выпускник і викладач СПбДА, головний священник армії і флоту у 1865–1871 рр. (див. примітку до листа Данила Гавриловича від 19 грудня 1869 р.)

⁴²⁹ Васильєв Йосиф Васильович – настоятель посольської церкви у Парижі (див. примітку до листа Арсенія Гавриловича від 15 грудня 1861 р.).

⁴³⁰ Горський Олександр Васильович (1812–1880), Новський Дмитро Петрович (1799–1879) – московські протоієреї, викладачі МДА.

⁴³¹ Нектарій (Надеждін) – єпископ Нижньогородський, однокурсник Петра Гавриловича по КДА, в минулому інспектор КДС. В Синоді (1865–1869) очолював тимчасові комітети з реформування духовних навчальних закладів.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
27 липня 1865 р.

Ф. III, № 6768

/9/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Письма твои двое разом получил я вчера и в то же время получено таковое Юлией Александровной. Судили мы, рядили с Марией Федоровной, да и порешили: «Юлии Александровне отправляться 8-го августа, а тебя о сем уведомить». Много здесь затрудняться нечего. На первый раз поместится и в настоящей твоей квартире и при той мебели, какая есть. Когда [Е.С.] Казнакова⁴³² приехала к мужу, в квартире, которую я окроплял по прибытии, было только две дюжины стульев, несколько столов и 2 кровати, прочее все лежало по углам на полу. Когда приехала [В.И.] Анненкова, в генерал-губ[ернаторском] доме не было ей и приюта, а заняла маленькую квартиру в частном доме с мебелью не лучше моей. Если же такие люди без затей, то Вам и Бог /9 зв./ благословил не церемониться на первый раз в кое-какой квартире и при кое-какой мебели. Потребное место, когда у тебя под рукой подрядчик, сделают в 3-ри дня, а будет это стоить 5 рублей; стоит только тебе распорядиться. Причины поспешности нашей: наступление осени, откладывание дальше и дальше по причинам дальним; 5-го сентября я возвращусь и должен вдруг раскупоривать свое хозяйство, принимать в училище, писать отчет по обозрению епархии и т.д. Время ли мне тогда заниматься отправкой на Подоле? А к тому в начале сентября хотя часто бывает и хорошая погода, но часто холод, дожди и снег выпадает даже до 14-го сентября. Как тогда везти детей, как утрясаться с хозяйством? Да будешь ли ты тогда свободнее? Теперь только подрядчики, а тогда и учителя, и ученики, и пролетели *et tutti quanti*⁴³³... Мамаша тоже желает, чтобы скорее уже вы /10/ были вместе, боясь за тебя и за твоих, будучи напугана случившимся печальным случаем с родами. Юлия А[лександровна] также скучает. Я же не вижу более никаких особенных причин откладывать. Извини нас, что мы распорядились несколько раньше. Паспорт и все нужное для дороги я выхлопочу. Если ты не успеешь выслать нужное на путевые издержки количество денег, то я и этим снабжу. Лошадей в Устилуг просим не высылать по причинам, о которых писал я; в провожатые Юлии А[лександровне] дам семинариста, одного из будущих учителей.

О Михаиле Спирид[оновиче]. Еще дополнительные сведения те, что у него ослабевает зрение; [врач] Шимановский⁴³⁴ говорил Коршуну, что ему угрожает катаракт. Сию причину и следует принять за основание, не марая ничьей чести, и я решаюсь написать завтра о сем [Ф.Ф.] Витте, якобы по твоему поручению, собравши о сем сведение. Еф[им] М[ихайлович], которому вновь

⁴³² Казнакова Єлизавета Сергіївна (1828–1906).

⁴³³ *Et tutti quanti* – I все одно (франц.).

⁴³⁴ Ймовірно, Шимановський Юлій Карлович (1828–1868) – видатний хірург, викладач Університету св. Володимира.

предложено место в Комиссии внутр[енних] дел, кажется, решится туда. [П.Г.] Рублевский, может быть, тогда не займет ли его места? Из отношений твоих к Ефиму М[ихайловичу] я вижу, что вы оба /10 зв./ не сдержали самолюбия, которым можно было пожертвовать для дела. Еф[им] М[ихайлович] нехорошо совсем делал, навязывая тебе людей мимо твоего согласия; но напрасно ты отказывался еще в Киеве от [П.Г.] Рублевского потому только, что [П.Г.] Рублевский не обратился сам к тебе. Что легче было – [П.Г.] Рублевскому просить или тебе сделать ему предложение? Вам же предложили, а не вы просили. Почему другим не сделать так, как нам было приятно? И вышла затем самая нелепая комбинация – [П.Г.] Рублевский подчинен Ефиму М[ихайловичу], а [М.С.] Гуляев – тебе, т.е. нелепая по последствиям, которые были бы затруднительны для тебя и Ефима М[ихайловича] как лиц начальствующих. Для дела нужно было жертвовать иными личными столкновениями. Вообще нужно бы более ладить. [М.С.] Гуляев отказаться сам не согласится – нечего и слов терять. Запросов из Синода нет еще в Академии, хотя [А.Г.] Ильинский⁴³⁵ на депешу Пономарева отвечал, что дело движется и препятствий в Синоде не будет. Соломоновский уехал домой на время; [П.Г.] Рублевский обещал ускорить журнал об его увольнении из Академии. Об учителях позабочусь и буду писать тебе, буквари [М.А.] Максимовича вышлю. Затем прошу братской любви и прощения за некие предрезности в сем письме.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

27-е июля 1865 г.

Киев.

/10 зв. збоку/ Дубиневичева (урожд[енная] Чернявская), соглашающаяся ехать в Бялу учительницей, говорили мне, что, как писал [В.Ф.] Грушецкий к брату, в начальницы Хелмской жен[ской] гимназии кого-то выбирает некая графиня Варшавская.

/10 збоку/ О Волынской летописи справлюсь.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича

28 липня/9 серпня 1865 р.

Ф. III, № 3400

/10/ /почерком Петра Лебединцева/ 9-го авг[уста] 1865 г.

Любезнейший брат Петр Гаврилович!

Почта отходит ночью, теперь 6-ть часов, а тут народ ждет еще с экзаменами на учительские места. Итак, напишу лишь несколько строк.

⁴³⁵ Ільїнський Андрій Григорович – колишній викладач КДС, співредактор «Руководства для сельских пастырей». Служив у Синоді, відрядженим до Міністерства народної освіти, а з 1875 р. переведений віце-директором господарського управління Синоду.

Посылаю вместе с этим 200 р.с., которые прошу передать Юлиньке. Как распорядиться ими, об этом я уже писал ей. Вас еще раз покорнейше прошу устроить все нужное к ее отъезду и снабдить надлежащими советами.

Сегодня строительный наш комитет имел первое заседание. Не привык я председательствовать, так чувствую себя неловко. Комитет состоит из 6-ти членов: меня, архитектора, присланного из Варшавы, двух униатских ксендзов, бургомистра и одного мещанина-униата. Последнего я нарочно выбрал потому, что он /10 зв./ хозяин, имеет собственный каменный дом, который сам строил, и потому знает толк во всем. Трудно и даже страшно; но Бог даст, как-нибудь управимся.

Срок отделки классов для гимназии – 15-е польское сентября. Не знаю, однако ж, успеет ли подрядчик. Женское училище положено окончить к новому году. Окончательный срок для этих работ 1-е июня след[ующего] года. Церковь хотят устроить в здании пиаров; но я хлопочу, чтобы отдали один костел, непригодный и никому не нужный⁴³⁶.

До следующей почты! Будьте здоровы и благополучны!

Искренне любящий Вас брат Феофан.

28 июля/9 августа 1865 г.

г. Холм.

Юлиньке и деткам мой поклон.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
28 липня/9 серпня 1865 р.

Ф. III, № 3455

/Зважаючи на незвичну для Юхима Михайловича розмірність почерка на всіх сторінках і відсутність закреслень, незначну кількість скорочень, лист переписаний з чернетки/

/12/ /почерком Петра Лебединцева/ 3 авг[уста] 1865 г.

Многоуважаемый и любезнейший наш брат Петр Гаврилович!

Не ищите в этом письме сведений интересных, кроме одно – глупо интересного. Думал-думал, да и решился сообщить о нем Вам; судите обо мне как хотите /sic!/, одно буду твердить, что говорю со всею искренностью и ужасной болью душевною.

⁴³⁶ Костел этот был смежный со зданием, предназначенным для женской гимназии. По закрытии монастыря католического, которому принадлежало здание и костел, последний оказался непригодным и ненужным. Впоследствии ходатайство Ф.Г. Лебединцева было уважено, и костел был переделан в церковь униатскую, а с 1876 г. – православную. Ныне – прекрасный храм при женском учебном заведении. (примітка КС)

Вот что. Феофановы дела весьма плохи. Часто твердили мне мои униятские ксендзы, что он с тамошними обращается весьма неласково, и что там весьма недовольны им, особенно в семинарии. Недавно я получил такое известие. Один господин пишет мне, что был свидетелем такого разговора (он застал на хвостик): уният[ский] священник (не пишет, какой): «Так как же?» [Й.С.] Сидорский: «Будьте покойны, Леб[единце]ва скоро не будет в Холме»... Наконец, вчера получил письмо от Осипа Подвысоцкого (служит он теперь в Учредит[ельном] комитете), в котором он буквально пишется: «Здесь гово-/12 зв./рят, что профессора Холмской семинарии приехали к [кн.] Черкасскому жаловаться на Ф.Г.] Леб[едиинцева]ва и просить об удалении его из Холма».

При тех же отношениях, в каких Феофан находится к [кн.] Черкасскому, в последнее время сильно ухаживающему за униятами, эти известия поразили меня. Вдобавок вчера Феофан прислал мне письма [Ф.Ф.] Витте, из которых видно, что [кн.] Черкасский действительно и в высшей степени зол на него и делает всевозможные придирки к нему. Одним словом, Феофана ждет изгнание из Холма, если он не поспешит переменить свои отношения к униятству.

Судите, что из этого выйдет? Из этого, прежде всего, выйдет то, что униятское духовенство, которое теперь еще действует не по преданности нашему делу, а по задним тенденциям, но пока робко, пробует себя в интригах с нашим делом, убедится тогда, что оно сильно, проникнется отвагою – тогда сам черт ничего не сделает с ним, тогда оно будет ездить на директорах, вмешиваться во все, критиковать, доносить, сплетничать всеми способами. Не о себе говорю здесь, не о своем благополучии, а о деле, которому мы /13/ призваны служить, – его мы испортим, и наше имя замажется навсегда, нас вправе будет осудить всякий, кому дорого наше дело.

Вся беда в том, что он, став вначале на непрямую дорогу, потом при первом столкновении с оппозициею не вдумался в нее (в Варшаве) и совершенно поддался партии одномыслящей с ним, уверовал в авторитет ее (крайне шаткий), и не хочет убедиться в призрачности этого авторитета – призрачности, исходящей единственно из совершенной нелогичности этой партии, непонимании его действительного дела, которое созерцает сквозь призму немецких педагог[ических] систем. Как видно, он доселе верует в логичность этой стороны...

Как ни странно, может быть, покажется Вам сие мое суждение об этом деле, но когда я убежден до мозгов, когда вижу – к чему идет дело, я высказываю его Вам, и высказываю со всей искренностию, как человеку, который один из близких моих и Феофанових вникает в него простым и чистым сердцем, и любящею душею, не говоря уже о беспристрастном взгляде и понимании униятства. Господа ради, не браните меня за откровенность и поспешите внушить /13 зв./ Феофану, чтобы он изменил свою суровую систему на легкую, более человеколюбивую. Лучше быть учителем, даже писарем гимназии, чем директором училищ, после той катастрофы, какая может постигнуть его, т.е. по выводе его в другую дирекцию. Именно – каждый ксендз будет на тебе ездить,

нечего и думать тогда устроить дело как должно – пляши, враже, як пан каже, тогда!

Вот что я хотел сказать Вам в этом письме, и не прибавлю к нему ничего. Будет и этого. Прошу только верить искренности сказанного мною. Хоть в воду бросайте, заезды нашего брата.

Искренне преданный Вам и глубоко уважающий Вас

Е. Крыжановский.

28 июля/9 авг[уста] 1865 года.

Я совершенно отказался от вице-директорства, и [кн.] Черкасский остался этим очень недоволен.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

[між 27 липня і 3 серпня 1865 р.]⁴³⁷

Ф. III, № 6769

/11/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Сегодня, отправив письмо к тебе, получил на почте деньги 200 р., назначенные для Юлии Александровны. Потом, заехав к [губернатору] Казнакову, подал прошение о выдаче паспорта Юлии А[лександровне]; велено выдать. Между тем оказывается еще надобность писать. Поводом к этому верные слухи.

Один господин, бывший в Варшаве, передал, что тебя сильно интригуют у [кн.] Черкасского. Хлопочут и клеветают униаты, с которыми ты будто весьма негуманно обращаешься. Он передал даже, что застал на такой конец разговора [Й.С.] Сидорского с одним униат[ским] священником: «Так как же?» [Й.С.] Сидорский: «Будьте покойны, [Ф.Г.] Л[е]б[единце]ва скоро не будет в Холме». Он же и другое слышал, что профессора униат[ской] семинарии приезжали жаловаться [кн.] Черкасскому на тебя и просить об удалении из Холма. /примітка збоку/ *[Не считай сих слухов маловажными; места административные не так крепки, как профессорские или священнические, на них нужно сидеть осторожно и чутко.]*

/11 зв./ [Й.С.] Сидорский мог, пожалуй, сказать так, чтобы и отделаться поскорее от униат[ского] ксендза; но все же тебе не следует пренебрегать этими слухами. Ты сам знаешь, что [кн.] Черкасский остался недоволен твоей сметой, а из писем твоих видно, что ты слишком уверен в себе и в своих действиях, между тем как при той-то уверенности и можно просмотреть многое или хотя кое-что.

Что же тебе предпринять? Мне кажется, что надлежало бы тебе написать письмо к [Й.С.] Сидорскому по поводу слухов о жалобах униат[ских] профессоров, но ни в каком случае нисколько не касаясь его разговора с униат[ским] священником. /примітка збоку/ *[[Й.С.] Сидорскому бы написать, что слух о перемещении твоём распустили униаты же. Тогда он им задаст. Этим можно все перевернуть.]* Да написать [Ф.Ф.] Витте о слухах касательно твоего перемещения из

⁴³⁷ За процесом підготовки документів для Юлії Олександрівни.

Хелма, коснувшись последствий, которые могли бы поднять партию униатскую и придавить как настоящих, так и будущих директоров, но также нисколько не упоминая о разговоре [И.С.] Сидорского и не компрометируя его сим. Если [Ф.Ф.] Кокошкин в Холме, то чрез него позаботься повлиять и на кн. Черкасского. Притом рассуди, /12/ что восставило против тебя [кн.] Черкасского. Неужели одна смета? Если и смета, то все же ты не без вины; ибо знал, что нужно по Пасхе спешить в Хелм, и покупку лошадей предпочел службе. /примітка збоку/ *[По сим же причинам не выезжай на встречу Юлии А[лександровне]; лучше ожидай в Холме, присматривай за ходом работ, чтобы не дать какого просмотра и повода к неудовольствию [кн.] Черкасского на тебя.]* Нельзя думать, что на всё будут и все смотреть снисходительно. Но главное, обсуди свой образ действия в отношении к другим. И у меня есть тот грех, что не щажу самолюбия других и подчас захваливаю (внутренне или внешне) себя, будучи уверен в себе. Мож[ет] б[ыть], по родовому качеству природы нет ли чего и в тебе? Остерегайся раздражать людей даже и малых. Хотя я и презираю [о.] Феокиста и весьма не одобряю [о.] Филарета, но мне приходило иногда на мысль, что они оба были твоими друзьями и из друзей стали врагами. Виноваты, конечно, они пред тобой; но не усилил ли ты сам их вражды? Мож[ет] б[ыть], у другого при тех же причинах все ограничилось бы только холодностью. Покойный Наркис М[аркович], великий прак[тический] мудрец, говорил мне, что умный человек никогда не обнаружит, что он оскорблен, и никогда не поссорится начистую. Конечно, здесь мож[ет] б[ыть] более, чем мудрость, но есть немало и благоразумия. [Кн.] Черкасский поручал изв[естным] способом покончить с орга[н]ом. Такой способ приписан был бы случайности. Ты воспретил ученикам играть – пошел открыто. Это не могло не раздражить. Хорошо бы не делать /12 зв./ иного, не спросясь у перших. [Кн.] Черкасский ласкает униатов, боясь вызвать реакцию; нужно в сем ему подражать ласковым, даже предупредительным обхождением, хоть бы даже и прося благословения. Пожалуй, тебя не в чем будет обвинить; но обвинят в том, что ты вызвал реакцию, а этого и достаточно будет, чтобы признать тебя стоящим не на месте.

В письмах твоих встречалось, что ты иному пригрозил, почтмейстеру задашь и проч. Это меня озадачивало; у меня рождался вопрос: не увлекаешься ли ты важностью своей должности?.. И этого люди польские не простят, это не Русь. Пожалуй, униаты, мож[ет] б[ыть], прокричали в Варшаве и про коней твоих и про упряжь... Советую и прошу быть во многом немцем. Лучше бы не замечали, кто 1-е лицо в Хелме. Губернатор писал тебе, что он завидует мнению о тебе [Ф.Ф.] Витте. Так, но губернатор – лях, а лести польской нет меры. Вообще не доверяй похвалам, а более верь брани и проверяй ее на себе: нет ли тут чего и правды или повода хотя к ней в себе.

При этом раздражении против тебя, что если бы униаты еще подметили слабость [Михаила] Спиридоновича? Жалею о нем, но не раскаиваюсь в сделанном. Думаю, что спас тебя от многого. В том же письме к [Ф.Ф.] Витте я упомянул, что предложение о [Н.И.] Гриельском было сделано по моему совету, и объяснил, по каким причинам мой был совет. Теперь я бы советовал тебе указать

[Ф.Ф.] Витте указать кандидатов, а выбор предоставить ему. Это доверие польстило бы [Ф.Ф.] Витте и укрепило его доверие к тебе, необходимое ныне тебе – как взаимное доверие.

Но будет. Бог да сохранит тебя от какой-либо катастрофы, а нас от прискорбных вестей о тебе. Юлии Александровне это останется неизвестным. Она сегодня молилась в Михайлов[ском] монастыре.

Искренне любящий брат, Петр Лебединцев.

Написал сие от многия туги и любви к тебе.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

3 сепня 1865 р.

Ф. III, № 6770

/13/ 3-е августа 1865 г. Киев.

Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Так или иначе, отделаемся от нареканий, или нет, а я исполнил то, о чем писал в последнем письме, т.е. написал [Ф.Ф.] Витте, что «проверивши отзывом медика болезнь [М.С.] Гуляева, по поручению брата, имею честь довести до сведения Вашего и проч...» Interim⁴³⁸ пускаю слух, что инспектор[ского] места в Хелме кто-то добивается у [Ф.Ф.] Витте. Я поступил, мож[ет] быть, неуместно, без решительного твоего согласия на такой исход дела; но я видел, что ты сам никак не развяжешься с ним, а развязать нужно для твоего же блага. Теперь кого опять избереешь в директоры? За дуже розумным не гоняйся; когда ты в Хелме, можно обойтись и таким директором, который бы умел только поддерживать порядок. /13 зв./ Необходимо, впрочем, чтобы пользовался уважением учеников и наставников. О [В.Ф.] Грушецком говорят, что он из плохих кандидатов академии. Оставивши в стороне все столкновения с Ефим[ом] Михайловичем, я взял бы [П.Г.] Рублевского, как человека хотя и с приленью, но умного, способного и весьма доброго, который не способен ни к какой интриге. Но если перемещение Ефима М[ихайловича] состоится (о чем уже доложено наместнику), то верно Еф[им] М[ихайлович] постарается определить [П.Г.] Рублевского на свое место в Седльце. Если так, то возьми [С.М.] Сольского почтеннейшего, а еще лучше Пономарева. Тогда начальником педагог[ической] школы я рекомендовал бы тебе взять Ильинского, тестя [А.Г.] Ильинского черненького, что в Синоде. Он и старый Ильинский из Киев[ской] академии был учителем гимназий, [...] по поимке, исправником, издавал таблицы для истории и картинки для св[ященной] истории, а ныне поступил в штат[ные] смотрители Киевского уезд[ного] училища на место Проценка. Он известен [И.Г.] Михневичу, делал недавно ви-/14/зит и мне, намекая на Польшу; причем хвалился полным знанием латинского языка. Его можно бы еще определить учителем педагогич[еской] школы, ибо на эту должность я не придумаю кандидата, тем более что мне не сообщено, в чем будет

⁴³⁸ Разом з тим (латин.).

дело этого учителя, а можно взять его учителем латин[ского] языка в гимназию. Вам в Польше очень полезен был бы человек, который прошел даже должность исправника. Но прежде чем представлять, нужно запросить его самого. Учителем рисования, говорят, согласится учитель Киев[ского] уезд[ного] училища Сергиенко, но он теперь в отпуску. Об учителях лат[инского], греч[еского] и математики я обращался ко всем; но явился только один кандидат, да и тот еще не совсем готов. Прочие то уехали на деревни, то не dokonчили экзаменов; обещают, что это удобнее сделать в сентябре. Между тем прошу сообщить: кому 1200 р., а кому 1000 р.; ибо в письме твоём о сем написано вообще, а за какой предмет сколько – не сказано.

Из кончивших курс, оказалось, один [] Стрижевский взял конс[исторские] документы, который и /14 зв./ приедет с Юлией Алекс[андровной] провожатым. Прочие уехали по домам, а когда возвратятся и подадут ли прошения, не известно, хотя у [С.Ф.] Грушевского их записалось 10-ть человек. О Львовиче бумага получена и будет выслан ответ. Советовал бы я не отказывать и лучшим из неокончивших, прислав ко мне предварительно список подавших прошения для собрания предварительных о них сведений. М.М. Хижняков просит выслать документы Сташевского, если он не будет определен в учителя. Того же, верно, захотят и прочие подавшие прошения [Ф.Ф.] Витте с приложением документов.

Сегодня поеду к [губернатору] Казнакову за паспортом Юлии А[лександровны], а там будем собираться, чтобы можно было им двинуться из Киева между 8 и 10-м августа в путь, дорогу.

Нет ли у тебя места учительницы в Хелме? Здесь есть бедная вдова священника, окончившая курс в Одес[ском] училище, весьма приличная; ее хвалит [Н.И.] Полякова⁴³⁹, зная ее по дочери. В деревню не может она поступить, ибо у нее сынок в муж[ской] гимназии и дочь в женской.

Затем желаю здоровья и радостного свидания с семьей.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича

8/20 серпня 1865 р.

Ф. III, № 3401

/12/ /почерком Петра Лебединцева/ 8 авг[уста] 1865 г.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Последние три дня я получал каждый день по письму от Вас. Сейчас только принесли последнее. Читал и дивился; тем не менее, спешу написать, чтобы Вы не беспокоились вследствие слухов, которые ни в каком случае не могу считать верными.

⁴³⁹ Полякова Надія Іванівна – начальниця Фундуклівської жіночої гімназії у Києві із часу відкриття до 1889 р. До того служила в Інституті шляхетних дівчат. В гімназії навчались зокрема і діти духовенства.

Откуда эти слухи дошли до Вас, я знаю, хотя Вы и не пишете. Дело в том, что за три или четыре дня пред этим я получил точно такое же письмо от Ефима М[ихайловича]. Не сомневаюсь, что он написал прежде Вам, а потом мне. Но не в том собственно дело: какое основание для этих слухов – вот главный вопрос. Коснусь прежде всего самого важного известия, будто профессора семинарии ездили к [кн.] Черкасскому с жалобой на меня и с просьбой о перемещении меня из Холма. Холм не Киев и не /12 зв./ Петербург, где живущие в одном конце города не знают, что делается в другом. Здесь известно не только то, кто, когда и куда выезжает, но даже кто куда идет. Знаю поэтому несомненно, кто из профессоров когда и куда ездил. В Варшаву вскоре по прибытии моем оттуда ездил [о.] Войцицкий⁴⁴⁰, один, по случаю болезни дочери своей, учащейся в Варшавском пансионе. [О.] Войцицкий известен здесь и в Варшаве как великий мошенник, подлец и клеветник. Что [о.] Войцицкий мог сказать что-нибудь дурное обо мне, в том не сомневаюсь; но что я ему не подал ни малейшего повода к тому, это также несомненно. Был он у меня с визитом, и я у него был тот час же. Был он у меня раз вечером, а я у него ни разу – за недосугом. Встречались несколько раз; но при каждом свидании кроме самого большого внимания, почтения и любезности он ничего другого от меня не встречал. Был потом в Варшаве, проездом за границу для рукоположения, Лебединский: сам он человек очень добрый, да и я с ним обходился в трехкратное свидание самым радушным образом. Проехал недавно чрез Варшаву за границу экононом семинарии – ксендз Панасин-/13/ский, который больше всех мне нравится, и с которым потому я наилюбезнейшим образом обращался. Был недавно профессор П[а]цей; этому я первый раз сделал визит и затем, встречаясь несколько раз, относился с полным уважением и любезностию. Говорить против меня он ничего не имел, да и не захотел бы, так как и ездил в Варшаву затем, чтобы упроситься в гимназию. Больше никто не ездил в Варшаву. С теми, которые здесь, я в самых приятнейших отношениях, особенно с вице-ректором⁴⁴¹, с которым целуюсь не меньше 6-ти раз при каждом свидании, хотя в душе не очень высокого об нем мнения. Вообще ни с кем из здешних профессоров я не только не имел никаких столкновений, но и никаких объяснений, которые могли бы подать повод к нареканиям на меня. Кроме полной вежливости, почтения и любезности, они не видели от меня ничего другого. Одно, на что они могут указывать и из чего могут выводить неблагоприятные заключения и, пожалуй, даже клеветать на меня, это на то, что я не бываю почти ни у кого из них; но зато я ни у кого и никогда не бываю, и пред всеми вообще и пред каждым в частности извиняюсь и твержу всегда, что бывать мне решительно некогда. В этом отношении я не делаю различий между

⁴⁴⁰ Войцицкий, професор униатской семинарии, ксендз-канонник (протоиерей). Впоследствии, по удалении Калинского, ему поручено было по представлению кн. Черкасского управление Холмской епархией и дан титул архипресвитера. (примітка КС)

⁴⁴¹ Должность вице-ректора в униатской семинарии соответствовала должности инспектора. Вице-ректор, ксендз Гарасовский, был слишком ополоченный и окатоличенный униат; по удалении Калинского был также удален на приход в село. (примітка КС)

православ-/13 зв./ными и униатами; равно как они не могут не верить моим словам, ибо все они не только не видят меня где-либо в гостях, но редко видят гуляющим, а кто приходит ко мне, тот всегда застаёт меня за бумагами, в какую пору ни пришел бы ко мне.

Итак, что профессоры семинарии ездили жаловаться на меня, это совершеннейшая ложь. Трое из них разновременно были в Варшаве – каждый по своим обстоятельствам. Очень может быть, что кто-нибудь из них сказал обо мне, что я держу себя с ними далеко, холодно, даже, пожалуй, гордо – все на том основании, что я доселе не мог быть ни у кого из них более, как по одному разу; но чтобы тут была общая, нарочитая жалоба, чтобы кто-нибудь мог пожаловаться на мою неделикатность, негуманность, проще – грубость, сердитость и т. под[обное], этому я не могу поверить на том основании, что ничего подобного не заметил в своих отношениях к ним. Думаю так отчасти и потому, что [Ф.Ф.] Витте в одном письме передавал, говоря его словами, просьбу, точнее же приказ [кн.] Черкасского – стать в возможно близкие отношения к униат[скому] духовенству; когда же я отвечал, что забочусь об этом всеми силами /14/ и представил на это некоторые факты, то он, объявляя, что сообщит об этом [кн.] Черкасскому, прибавил в то же время, что [кн.] Черкасский почему-то был другого мнения, но и только. Будь какая-либо положительная или серьезная жалоба, я не сомневаюсь, что ни [кн.] Черкасский не скрыл от [Ф.Ф.] Витте, ни тем более [Ф.Ф.] Витте от меня.

Что сельским иереям я нигде никакой неприятности не сделал и ни малейшего не подал повода к нареканиям, это также совершенно верно. Был, правда, у меня один ксендз униатский из Подлясья, которого [Й.С.] Сидорский представил как отчаянного брехуна и высочайшего подлеца: его я принял не так радушно, как других, может быть даже несколько холодно, но это потому, что в оба раза он заставлял меня за самую экстренную работу и долго мучил меня самую нелепую просьбою – ходатайствовать о том, чтобы ему дали лучший приход. Разумеется, что такой просьбы я не принял и объяснял лишенному за разные проказы прихода ксендзу, что лучшее средство поправить свои делишки и репутацию, это показать на деле ревность об униатстве и русинстве, недопущением соращения в латинство и проповедыванием на русском или русинском языках. /14 зв./ Ксендз этот – блуждающая комета, и едва ли не он пустил в Подлясье то, о чем писал мне Ефим М[ихайлович], именно – будто я «держу себя гордо, не сочувствую нуждам униат[ского] духовенства, не забочусь об нем и люблю только властвовать». Но он же рассказывал по всему Подлясью, что когда он в карете подъехал к Комиссии внутр[енних] и дух[овных] дел, то [кн.] Черкасский выбежал к нему навстречу, а [княгиня] Черкасская просила познакомить ее с его женою, и опять – [кн.] Черкасский предлагал будто ему принять православие, тогда как было совершенно наоборот, и пр[очее]. Вообще из рассказов Ефима М[ихайловича] и [Й.С.] Сидорского я заключил, что униатское духовенство, брехливое вообще, брехливое особенно на Подлясье. Нигде столько не бывает толков и слухов, часто поразительных своей нелепостью, как на Подлясье, что и здешние униаты подтверждают, а Ефим М[ихайлович]

имеет охоту собирать всякие слухи, что я еще в Киеве заметил за ним. Известия, теперь переданные им, как сам пишет, заимствованы от каких-то ксендзов с одной и от Жозефа Подвысоцкого с другой стороны. Источники одинаково мутные. Всего вероятнее, что поводом к этим слухам послужило известное представление [еп.] Калинского о том, как понимать отношение директора к делу проповедничества, послан-/15/ное по тому случаю, что я просил у ректора для прочета проповедь одного семинариста после того, как она прошла законную свою цензуру и была произнесена в церкви. Проповедь эта давно возвращена мною и, разумеется, что ни на ней, ни об ней я не сделал никаких, ни письменных, ни словесных, замечаний или отзывов. Это неосторожное любопытство, хотя я имел для того полное основание в возложенном на меня наблюдении за семинарией, возбудило неудовольствие [кн.] Черкасского, который поручил [Ф.Ф.] Витте предостеречь меня, чтобы я был как можно осторожнее в отношении к семинарии; но на том дело и кончилось. Кто-то из двух, ректор или [еп.] Калинин, в бытность здесь [Й.С.] Сидорского, говорил ему, что я будто всякие дела по семинарии решаю; но нелепость этого сам [Й.С.] Сидорский признал, так как я был однажды только в семинарии – на полчаса, и ничего не сделал, ничего даже не сказал. Семинарию и [еп.] Калинского покорило постановление Учр[едительного] комитета о наблюдении со стороны директоров, но вовсе не мои к ней отношения, ибо я, кроме упомянутого посещения, был еще только один раз на экзамене и также ни слова не сказал. В этом смысле я писал и еще напишу и [Ф.Ф.] Витте, и [Й.С.] Сидорскому. В Люблине не униаты, а распустили было слух про [А.Г.] Теодоровича, что его вовсе увольняют по случаю действительно крутой его переписки с председателем Комиссии по крестьянским делам.

/15 зв./ Пишу все это для успокоения Вашего; но не думайте, чтобы я был равнодушен к сообщенным мне слухам, или же был слишком самоуверен в своей непогрешимости и безопасности. Вы читали мои письма к жене, где я беседую как бы сам с собою, и пишу наскоро, употребляю первое попавшееся слово, вроде, напр[имер], задал почтмейстеру. Не так, однако ж, я принимаюсь за дело. [Ф.Ф.] Витте я представил одни голые и несомненные факты необычайно медленного получения казенных бумаг, не жалуясь прямо на почтмейстера. Следствием сего было распоряжение г[осподина] Фрейганга⁴⁴² о том, чтобы тяжелая почта из Холма ходила в Варшаву не два, а четыре раза, а почтмейстеру сделано предостережение. Вообще здесь надо быть в высшей степени осторожным, и я стараюсь об этом всеми силами; но бывают случаи, когда выдумывают из ничего, как это и Ефим М[ихайлович] испытал.

Что узнаю из Варшавы, о том напишу, а теперь не могу не благодарить Вас за Ваши замечания и советы, которые внушены братскою любовью. Понимаю и дорого ценю Вашу тугу и жалею крепко, что Ефим М[ихайлович] накиннул Вам ее преждевременно.

⁴⁴² Фрейган Лев Васильевич (1843–1904) – інтендант Варшавського військового округу. Випускник Університету св. Володимира.

Будьте здоровы и благополучны.
Искренно любящий Вас брат Ф. Лебединцев.
8/20 авг[уста] 1865 г.
г. Холм.

P.S. Позавчера я получил письмо от [И.С.] Сидорского, который уверительно пишет, что скоро имеют послать меня в Львов – посмотреть тех униатов, которые просят на уч[ительские] места в Холм, «не говоря им ничего положительного». Написать это поручили ему [Ф.Ф.] Витте и [кн.] Черкасский. И из этого я заключаю, что слух о перемещении моем – чистая выдумка.

/12 зв. збоку/ Об инспекторе тут сладить легко; но я очень боюсь, чтобы Синод ради ускорения дела не распорядился уволить кума, не спросив акад[емического] Правления. Что тогда будет с кумом и каково нам пред ним? Не могу придумать, чем бы тут пособить горю, хотя от кума не могу не отказаться. Буду просить /13 збоку/ [Ф.Ф.] Витте, чтобы он устроил это как лучше, написав, напр[имер], [графу] Толстому⁴⁴³, чтобы о куме дело было прекращено.

/13 зв. збоку/ Уверьте митрополита, что тут ничего подобного сепаратизму нет. Правда, что я после долгих размышлений и совета с [Ф.Ф.] Кокошкиным решился отказать всем кацапам, просящимся в элем[ентарные] учителя, но это необходимо, чтобы не вооружить униатов, да об этом я прошу Вас не говорить никому.

/14 збоку/ Работы двигаются с возможной быстротою, и я надеюсь, что классы будут отделаны к сроку. Я каждый день, и по несколько раз, бываю на работах и смотрю во все глаза, чтобы не прозевать чего-либо. Присланный из Варшавы архитектор, кажется, добросовестный человек.

/14 зв. збоку/ Ильинского не могу взять: он стар и, как говорили мне давно, плут большой. Притом в назначении учителей такая теперь путаница из-за галичан, что я просил уже [Ф.Ф.] Витте назначать, не спрашивая моего мнения. О рекомендуемой Поляковой жене священника также ничего не могу теперь сказать, ибо [Ф.Ф.] Витте написал мне только /15 збоку/ высматривать классных дам, но не давать им решительных обещаний, так как штат не утвержден, и самое открытие женской гимназии последует только с нового 1866 г.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
10/22 серпня 1865 р.

Ф. III, № 3402

/16/ Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

⁴⁴³ Граф Толстой Дмитро Андрійович (1823–1889) – новопризначений обер-прокурор Синоду (червень 1865–1880), а згодом міністр народної освіти (1866–1880). Займаючи ці посади, був енергійним і послідовним реформатором. Займаючи міністерську посаду, він першим із обер-прокурорів Синоду увійшов до уряду, завдяки чому давно обговорювані реформи духовного відомства були реалізовані, а не заблоковані іншими міністрами.

Спешу уведомить Вас о деле [М.С.] Гуляева, чтобы Вы могли благовременно сообщить ему, покамест я сам соберусь написать ему.

/примітка збоку/ [NB. Напишите, как передадите [М.С.] Гуляеву известие, чтобы нам одно уже говорить. Так и я тогда ему напишу, а теперь некогда писать.]

Сегодня [Ф.Ф.] Витте прислал мне предметно, на двух больших листах письмо и при нем несколько других писем, в числе которых находится и Ваше к нему о [М.С.] Гуляеве письмо. Можно догадываться, что он рад был сделанному Вами сообщению, которое развязало его с Синодом по одному самому важному и не терпящему ни малейшего отлагательства делу, именно, назначению инспектора. [Ф.Ф.] Витте уведомляет, что он телеграфировал уже [графу] Толстому о том, что «[М.С.] Гуляев отказался от предложенного ему места», – для того, чтобы не последовало неожиданно увольнение [М.С.] Гуляева от духовно-училищной службы. Спасибо великое ему за эту теле-/16 зв./грамму. Прочитав это место, я, что называется, выдохнул легко, и на сердце отлегло. Объявите же теперь [М.С.] Гуляеву, что, мол, [Ф.Ф.] Витте нетерпелся и, потеряв надежду на скорое увольнение Вас, спросил предварительно Ф[еофана] Г[авриловича], не будет ли [М.С.] Гуляев в претензии в случае избрания на его место другого, а как Ф[еофан] Г[аврилович] согласно, мол, Вашему письму к нему, отвечал, что Вы дескать не особенно интересуетесь этим местом, то [Ф.Ф.] Витте, чтобы не терять времени, дал знать по телеграфу, что Вы отказались и проч. Я прошу Вас исполнить эту неприятную обязанность потому, что Вы сумеете личным объяснением успокоить самолюбие [М.С.] Гуляева, который после этого готов разругать меня в пух и прах. Напирайте особенно на то, что, дескать, из Синода ответа никакого, а тут гимназию хоть из земли подай, по Высоч[айшему] повелению требуют. Собственно говоря, в этом неправды не будет никакой. Не открывайте, однако ж, и митрополиту этого секрета, а я и [Ф.Ф.] Витте попрошу, чтобы сохранить в секрете, т.е. в этаким роде что-либо напишу. Пусть теперь успокоится [о.] Филарет и прочие. Не постраждет более самолюбие их и честь, /17/ или гонор академии.

Но приняв, как видно, с удовольствием Ваше известие о [М.С.] Гуляеве, [Ф.Ф.] Витте остался при своем прежнем мнении о [Н.И.] Григельском. Он прямо пишет мне, что [Н.И.] Григельского признает неспособным для инспекторства в Холме и избирает какого-то старшего учителя гимназии Киевского учебного округа, малоросса, как пишет, и из духовной семьи. Кто он, так же не знаю, как и того, кто избранная [кн.] Черкасским и наместником начальница женской гимназии. Думаю, не [Н.] Ковалевский ли это, что в Полтавской гимназии, товарищ Ефима М[ихайловича]. Только тот не давний, а об этом [Ф.Ф.] Витте пишет, что он был несколько лет старшим учителем. Видно, впрочем, что не из бойких, так как [Ф.Ф.] Витте счел нужным прибавить, что де под Вашим руководством и при Ваших указаниях и направлении может пригодиться.

/примітка збоку/ [Семинаристам скажите, чтобы не ехали прямо сюда на учительство, не подав предварительно прошений и не получив ответа, иначе поставят и меня, и себя в крайнее затруднение. На все нужно время, и на то опять, чтобы выискать подходящее место.]

Что касается перемещения моего из Холма, то это новое письмо показывает, что тут сушая брехня, которую размазал недолголюбивающий меня Жозеф и сгоряча принял Ефим М[ихайлович] очень-очень жалею о беспокойстве, Вам причиненном. Униаты такие небылицы разносят о ком-угодно, даже о [кн.] Черкасском, /17 зв./ что превзошли в этом отношении «Час» и «Ойчизну»⁴⁴⁴. Этот подлейший, омерзительный народ в десять раз хуже поляков. [Ф.Ф.] Витте пишет, что меня решили послать в Львов, но только позже, когда будет открыта гимназия. Насчет слухов о несближении моем с духовенством униатским, о чем прежде была речь, замечает, что [кн.] Черкасский успокоился его уверением, что это ложь, прибавляя к тому: «Во мне всегда найдете ограду, защиту». Кажется, все дело именно в том, что кто-то шепнул [кн.] Черкасскому, будто я далеко держусь от ксендзов униатских. Сегодня же я послал письмо [Ф.Ф.] Витте собственно о слухах, сообщенных Вами, прося не говорить [кн.] Черкасскому, если эти слухи пустые, в чем и высказал я свою уверенность. По этой же причине не буду писать [Й.С.] Сидорскому, слишком двуличному господину. Подожду, что напишет [Ф.Ф.] Витте.

Учредительный комитет решил вызвать для гимназии из Галиции не более 2[-х] или 3-х учителей, и то, когда истощатся все средства к отысканию русских учителей; для народных же школ 10-15 учителей на две дирекции, но с величайшею осмотрительностью и самою крайнею осторожностью относительно их политического направления. [Ф.Ф.] Витте просто называет это узким взглядом и формализмом, а опасения насчет сепаратизма чуть не дурачеством. Вот, что значит честный немец.

/18/ Касательно учебников Учр[едительный] комитет постановил допускать из галицийских изданий только книги духовного содержания, все же прочие книжки должны быть непременно на русском языке. Бедный Ефим М[ихайлович]! Ведь он выписал на 400 р.с. галицийских учебников. Слава Богу, что я уберегся и терпеливо ждал решения Учр[едительного] комитета! Любопытно, однако ж, было бы заглянуть в душу Учр[едительного] комитета, чтобы знать, какими понятиями руководился он, разрешая духовные книги и не разрешая не духовных.

Образа для гимназии я предлагал выписать из Киева, но [кн.] Черкасский нашел это неудобным и требует, чтобы они заказаны были в Галиции. [Ф.Ф.] Витте пишет, чтобы я поспешил заказать, а между тем сделал бы официальное о сем представление. Чересчур тонко!

Дополнительные правила касательно униатских школ, поданные мною и Еф[имом] М[ихайловичем], рассматриваются в Учр[едительном] комитете. [Кн.]

⁴⁴⁴ Польские газеты, издаваемые в Кракове и Львове; в них чуть не ежедневно печатались удивительные измышления о русских и их деятельности в Польше – *примітка* КС.

Czas – друкований орган краківського консервативного угруповання Станьчики. *Ojczyzna* – підпільний польський часопис, що видавався із 1864 р. у Лейпцигу, із 1867 р. у Парижі, а в 1870 р. його організатор, Агатон Гіллер, оселився у Львові і, ймовірно, переніс редакцію.

Черкасский, как пишет [Ф.Ф.] Витте, на бумаге отказался от уступок, сделанных нам на словах, т.е. непременно хочет присадить ксендзов униатских к школам. [Ф.Ф.] Витте нетерпеливо ждет, что скажет на это Учр[едительный] комитет. О, дал бы Бог, чтобы он оса-/18 зв./дил [кн.] Черкасского! Пропасть придется, если присадят к нам этих прощелыг и ябедников. Понятна цель [кн.] Черкасского: через ксендзов и дяков он хочет подчинить себе наши две дирекции.

Если найдутся кандидаты на учительские места в гимназии, то пусть присылают поскорее прошения к [Ф.Ф.] Витте. Галициею только поманывают, а черт ли их дождется, да и не хотелось бы мне самому этих новых униатов. 1200 р. не присвоено известному предмету, а будет назначаемо по моему усмотрению достойнейшим. Когда будете уезжать, а кандидаты не явятся, поручите кому-либо приискание их. Только кацапов не хочу. Смердячий народ! Вот в Люблине посадили одного (Савина), так как тот то и дело кричит: «Что это за глупый народ, полячишки, ни черта по-русски не смыслят».

Прощайте за тем. Будьте здоровы и благополучны.

Искренно любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

10/22 авг[уста] 1865 г., г. Холм.

P.S. Прошу кланяться всем родным и знакомым.

Вышлите, пожалуйста, Волынскую летопись, если возможно. Хочу ознакомиться с историею Холма, а то в зуб толкнуть не могу.

**Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
11 сепня 1865 р.**

Ф. III, № 6771

/15/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Итак, Юлия Александровна с деточками отправляется. Дай Бог ей благополучный путь и вместе вам счастливое жительство.

При сем сообщаю, что к 30-му августа я возвращаюсь в Киев, так как митрополит поспешит из объезда для встречи в. князя Николая Николаевича.

Чепурковский подал прошение [Ф.Ф.] Витте и написал от себя предложение одному математику.

/15 зв./ Сегодня приезжал ко мне архимандрит Варфоломей просить ходатайства об учительском месте хотя в уезд[ном] училище для выбывшего из Академии по болезни, но ныне здорового студента Пясецкого, весьма занимающегося специально математикой; кроме того знакомого с географией и латин[ским] языком и русским, ибо он был репетитором гимназистам и учителем сыну Варфоломея. Я советовал подать прошение [Ф.Ф.] Витте, обещая написать и от себя, и при сем прошу иметь и сего в виду.

/16/ Едущему кандидатом Стрижевскому выдано мною 6 руб. серебром. Прошу вычестъ из его подъемных и мне возвратить.

За сим желаю здоровья и душевного спокойствия.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

11 августа 1865 года. Киев.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
13 сепня 1865 р.

Ф. III, № 6772

/17/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Прежде чем это письмо дойдет до тебя, твоя семья будет уже с тобой. Поздравляю тебя с этою радостью и желаю жить, поживать да добра наживать. На всякий, впрочем, случай сообщаю, что Юлия А[лександровна] в сопровождении окончившего курс Стрижевского отправилась из Киева на почтовых 11-го августа в 8-мь часов вечера и ночевала с мамашей на первой станции, откуда уже выехала в 7-мь часов утра.

Еврей с вещами отправлен 12-го августа вечером и дол[жен] прибыть в Холм не позже 25 августа; ему дана накладная, заверенная в Подольской части г. Киева. Еврею дано Юлией А[лександровной] в задаток 5 р., мной выдано при отправке 20 р.; остается уплатить в Холме 25 руб. сер.; так[ким] образом, доставка вещей обойдется 50 руб. сер. /17 зв./ Это недешево, но брать вещи в Киеве и еще заплатить 30 руб. в контору транспортов за пересылку книг – было бы гораздо дороже. А теперь будете иметь все необходимое, даже рогаши и стульчик детский. Кроме показанных в накладной вещей, еврею дан белый ящичек с вареньем, поставленный отдельно. Бурнус Юлии А[лександровны] вложен в нижний ящик комода; также и шубка Алеши; зонтик и пальто няни в буфете. Шкаф, комод и буфет как наполненные вещами запечатаны.

Билет еврея, нарицаемого мещанина Волын[ской] губернии, Новоград-Волынского уезда местечка Любаря Иося Нухмаловича Шварцыра, отправлен сего 13-го августа за казенной училищной печатью в пакете директору Холмской учебной дирекции за №304-м; накладная же в дороге служит ему вместо паспорта.

В письме твоём, вчера мною /18/ полученном, найден ответа на мой запрос, кому из 4-х учителей греч[еского], лат[инского] языков и математики 1000 руб. и кому 1200 руб., и одно из писем нарочно затем было и послано.

Что касается толков и слухов, то дай Бог чтобы они были и остались пустыми сплетнями, но что жалобы были, это совершенно видно из приводимых тобою слов [кн.] Черкасского к [Ф.Ф.] Витте. Пренебрегать этим не нужно, а объяснить даже и [кн.] Черкасскому. Главное, нужно снисходить к униатам и остерегаться того, что походило бы на отношение кацапа к безмозглым хохлам. Униаты не так глупы, чтобы ездить жаловаться целою корпорацией; но один [о.] Войцицкий мог наговорить за всех, особенно если чем-либо был задет. Тебе нужно бы чрез кого-либо знать все, что у них о тебе думается.

Михаил Спиридонович не очень тревожится слухом об возможности /18 зв./ остаться в академии, а София Ив[ановна]⁴⁴⁵ уже всем объявляет, что остается в Киеве.

Был у меня Модзолевский; он, когда я объяснил ему, что в Холме гимназия, и жалование по 1000 р. и более, просил иметь в виду в случае вакансии в гимназии. От униат[ской] семинарии отказался и теперь отказывается. Студент Пясецкий подал прошение [Ф.Ф.] Витте. Нельзя ли его в педагогическую школу – на 800 руб. серебром? [О.] Варфоломей говорил, что он из перворазрядных, а репетиторство ознакомило его с гимназич[еским] курсом уездного училища.

За сим прошу прощения и низко кланяюсь Юлии Александровне.

Прошу передать мой поклон и Степану Александровичу Дахновичу, который, верно, приехал из Варшавы без денег. За тобою итого 26 р. 48 к. серебром.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

13-е авг[уста] 1865 г. Киев.

**Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
26 сентября/7 вересня 1865 р.**

Ф. III, № 3403

/19/ Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Полагаю, что Вы уже в Киеве; потому снова начинаю писать.

Первое всего о слухах. Вместо всяких объяснений посылаю письмо [Ф.Ф.] Витте, которое прошу возвратить за казенною печатью. Подобное же письмо прислал [В.В.] Вилуев. Ergo...

Теперь о других делах. [М.С.] Гуляев прислал мне оскорбительное письмо, на которое я, конечно, не стану отвечать. Передайте, однако ж, ему, что такое неожиданное приключение послужило к лучшему, ибо как вижу, чрезвычайно трудно было бы ему соединять инспекторскую должность с учительскою при 17-ти уроках, а без учительства жить было бы трудно. На место его [Ф.Ф.] Витте хочет назначить Андрея Стефановича, учителя варшавской русской гимназии, бывшего два года в Киевской /19 зв./ академии, а оттуда перешедшего в университет⁴⁴⁶. От обер-прокурора [Ф.Ф.] Витте получил телеграфическое уведомление о том, что Синод определил уволить 13-ть наставников духов[ных] уч[ебных] заведений на службу в Польше, но списка их еще не прислал, а потому и [Ф.Ф.] Витте поджидает, чтобы знать, нет ли в списке уволенных и [М.С.] Гуляева. [А.] Стефановича все хвалят и сам [Ф.Ф.] Витте.

⁴⁴⁵ Софія Іванівна Гуляєва – дружина М.С. Гуляєва, донька кафедрального протоієрея Іоанна Сковцова.

⁴⁴⁶ Стефанович Андрій Леонтійович. Випускник КДС, вступив до КДА у 1829 р., випускник Університету св. Володимира. До згаданої служби у Варшаві у 1862–1864 рр. служив у гімназії Кам'янець-Подольській.

Из указанных Вами кандидатов будет назначен, кажется, один только Чепурковский, Ильинский за старостию забракован, а о Каменском я получил неблагоприятный отзыв от [С.А.] Дахновича, который знает его лично как гуляку и актера. Притом он кацап.

Прошение [И.Я.] Пясецкого⁴⁴⁷ сегодня прислано на мое мнение, и я даю завтра благоприятный ответ – рекомендую штатным учителем педагогических курсов. Передайте это о. Варфоломею⁴⁴⁸, а он пусть [И.Я.] Пясецкому передаст.

Передайте окончившему курс академии Амулину (он прислал мне два письма и в последнем пишет, что хочет ехать, не дожидаясь), что он будет назначен в Бялу, ко мне же на немецкий язык назначен /20/ уже галичанин Хомин, имеющий на днях прибыть в Холм. [И.] Абрамовича⁴⁴⁹ я представил на церковное пение и надеюсь, что он будет утвержден. Скажите всем собирающимся в Польшу, что назначение их последует в самом непродолжительном времени, и подъемные деньги будут высланы на имя Слепушкина. [Ф.Ф.] Витте просит написать всем им, чтобы собирались заблаговременно и ехали как можно скорее.

Кандидатов новых не трудитесь уже приискивать. [Ф.Ф.] Витте пишет, что места два-три нужно оставить для галичан. Меня пошлют в Галицию тотчас, как скоро приедет инспектор гимназии, а то не на кого дирекцию оставить и работы.

Нам готовятся большие привилегии по службе. [Ф.Ф.] Витте пишет, что дело это было уже присылаемо на его заключение от [Н.А.] Милютин.

Прощайте! Будьте здоровы и благополучны.

Искренне любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

26 авг[уста]/7 сент[ября] 1865 г.

г. Холм.

/20 зв./ И семья, и вещи уже здесь. Благодарю Вас от всей души за все хлопоты Ваши.

Юлинька и деточки здоровы и Вам кланяются низенько.

Павлу Ф[едоровичу] и Сусанне Ив[ановне] мой нижайший поклон. Елену Яковлевну благодарю премного-много за ее родственную любовь и усердие.

Скоро буду писать опять.

**Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
2 вересня 1865 р.**

Ф. III, № 6773

⁴⁴⁷ И.Я. Пясецкий уволился из Киевской духовной академии по болезни и назначен был учителем педагогических курсов (Учительской семинарии) в Холме. Состоит (в 1896 г.) начальником Калишской учебной дирекции – примітка КС.

⁴⁴⁸ Архимандрит, профессор духовной академии – примітка КС.

⁴⁴⁹ Из окончивших курс академии учитель Киевского женского училища, ныне директор Бельской гимназии – примітка КС.

/20-20 зв./ /Лист кандидата у вчителі Холмської гімназії, нині вчителя Київського повітового училища, Павла Івановича Сергієнка, із питаннями про умови служби в Холмській гімназії. На чистому аркуші цього листа (папр відмінний від тогочасного поштового паперу, яким користувався Петро Гаврилович), написаний його лист/

/19/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Посылая сии вопросы, присовокупляю, что я возвращаюсь в Киев 29-го авг[уста]; 30-го авг[уста] встречал в своей церкви в[еликого] князя. Об определении долж[остных] лиц в Холм и Седльце от [Ф.Ф.] Витте депеша получена, но подъемных еще нет.

Сейчас пожаловал ко мне окончивший курс академии Евгений Стефанович, который сообщил, будто Чепурковский получил уже место в Киев[ском] округе, просто узнает, может ли он получить место учителя лат[инского] языка в Холмской гимназии, о чем он просил еще прежде чрез М.С. Гуляева и сам писал.

М.С. Гуляев огорчен, а София Ив[ановна] рада отказу. Что М[ихаил] С[пиридонович] прислал оскорбленное письмо, это естественно; и посему можешь заключить о том, что могло бы случиться от друга, сделавшегося подчиненным, на случай, когда потребова-/19 зв./ лось бы сделать нахлобучку или замечание. Дел много, а времени нет.

Будьте счастливы. Юлии Александровне усердно кланяюсь.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

Сейчас приехал Андрей Гаврилович с дочерьми.

В Тетиеве, в ряду икон в церкви обрел я образ св. Иоасафа Кунцевича, который и привез с собою в Киев.

2-е авг[уста] /помилково/ [сентября] 1865 г.

Киев.

Письмо [Ф.Ф.] Витте возвратилось. Что нет запроса об окончивших курс, подавших прошение в народ[ные] учителя?

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича

2/14 вересня 1865 р.

Ф. III, № 3456

/14/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 11-го сентября 1865 г.

Любезнейший наш Петр Гаврилович!

Извините, что обращаюсь к Вам с просьбою нижеследующею. Прилагаемое при сем письмо, пять рублей и одну из карточек – будьте так великодушны – передайте ученику 1-й киевской гимназии первого класса Василию Вышинскому. Это сын родной сестры моей, жены священника Фавста Вышинского (в Липовец[ком] уезде). Она определила теперь только его в гимназию, не согласившись прислать его ко мне. Говорю: она... потому что муж ее – горе ее и

мое! Прежде я сдерживал его, теперь – пишет сестра – со времени выезда моего в Польшу совершенно отдался давней страсти своей – горькому пьянству, из-за которого не принимал никакого участия даже в определении сына своего в гимназию, не говоря уже о приготовлении его, и едва ли хорошо знает, где теперь обучается сын его, потому что беспросыпный. Она уже буквально выплакала /14 зв./ свои глаза, мало видела ими, еще когда я был в Киеве, теперь еще хуже. Горе мое! Эта сестра dokonчила мое воспитание, и прежде того была почти матерью мне. Судите, как мне больно получать такие вести от ней!.. Понесла меня нелегкая в Польшу, отсюда ничем не пособлю ей. Бывало поедешь к ним, выписываешь их к себе, просишь его, убеждаешь, бранишься – и страсть затихает иногда на целый год. Теперь же что сделаю? Писал уже – ничего не помогло! Письма ни к чему не приведут! А в нынешнем году не могу сам поехать к ним... Ох, горе-горе!

Извините, Петр Гаврилович, что говорю с Вами об этом. Поговоришь – как будто легче на душе...

Не имею сегодня никакой способности говорить о чем-либо другом толково, сообразить что-нибудь стороннее. Потому извините меня, что кроме помянутой просьбы ничего не передаю Вам. После – когда отойдет и на душе легче и свободнее станет.

Искренно уважающий и любящий Вас Е. Крыжановский

2/14 сент[ября] 1865 г.

P.S. Одно из посылаемых при сем произведений Седлецкой фотографии просим Вас принять себе и жаловать его.

/15/ Часа через два после написанного я начал разбирать присланный мне сегодня из Комиссии проект нового устава и штата рус[ской] гимназий в Польше (для унитов). Мучившие меня думы пропали на некоторое время, занят теперь другими, считаю нужным поделиться с Вами. Меня поразило в этом проекте прежде всего то, что [П.Г.] Рублевского приглашали на 2100 руб., а хотят дать ему только 1600 руб. (за инспекторство и учительство вместе). Есть известие, что он Синодом уже уволен из Академии, значит, дескать, можно дать ему хоть и 5 коп., должен уже ехать! Что делать? Только хлопот множество наделают человеку, потому что он уже уволен, а ехать на 1600 руб. тогда как брал там до 1200 – это значит только водицы похлебать вместо борщу. [Ф.Ф.] Витте чего-то уехал позавчера в Петербург, и нет с кем поговорить об этом. На всякий случай напишу к [И.Г.] Михневичу и буду жестоко грызться. Ведь это похоже на черт знает что такое! Утвердили один штат, утвердил его и государь, прислали нам; но мы еще не успели приложить его к делу, как составляют уже другой!.. Дело о новом штате возбуждено отзывами о недостаточности оклада учительского: поправляя это дело, учителям прибавили, а от инспекторов отняли, да еще крепко отняли! Дали учителям в Холме 1500–1200–1000, в Бяле 1200–1000. Инспектору в Холме (с учительством) 1850, помощнику его (с учительством) 1860.

/15 зв./ Впрочем, это, может быть, еще только проект, может, еще с год повозятся под ним. Мне прислали его из Комиссии без всяких известий: для чего,

зачем, что он такое? Не говорите [П.Г.] Рублевскому ничего. Если и действительно уменьшат обещанный ему оклад, то можно будет исхлопотать для него прибавку Ad personam⁴⁵⁰ в 500 руб. сер.

Инспектором в Холме назначен [А.Л.] Стефанович, недавно окончивший курс в Киев[ском] унив[ерситете], бывший доселе учителем варшав[ской] рус[ской] гимназии. [Ф.Ф.] Витте уверял меня недели две тому, что Синод, как говорила телеграмма [обер-]прокурора, уволил всех духов[ных] кандидатов. Не знаю и не ведаю, почему же до сих пор они еще не определены? Вероятно, уволив, Синод собирается подписывать бумагу в Варшаву – две недели, другие две недели будет подписывать, а чрез две недели будет отправлять ее. Видно – [Ф.Ф.] Витте поехал просить Синод сократить эти недели.

Не знаю, откуда пошли слухи, что [П.Г.] Рублевского Синод не уволил. [Ф.Ф.] Витте писал мне, что он уволен. А [М.С.] Гуляев «теряет зрение»? Говорят, что об этом Вы писали [Ф.Ф.] Витте или [В.В.] Вилуеву, потому его и не приняли.

Передайте, пожалуйста, Амулину, что он назначен будет в Бялу на немец[кий] язык.

Жду-не дождусь из Учредит[ельного] комитета штата для двухклас[ного] училища, чтоб забрать семинаристов.

Вчера приехал ко мне из Киева студент ак[адемик]⁴⁵¹ Кереселидзе (грузин) – «давайте место». Что с ним делать? Как дать ему место учителя хоть в сельской школе, когда он плохо говорит по-русски? Нужно будет переговорить с [П.Г.] Рублевским и сделать его письмоводителем в Бялой. Передайте это Петру Григорьевичу⁴⁵². Во всяком случае, пускай он не берет письмоводителя, п[отому] ч[то] ему не дадут прогонных.

Е.К.

**Надія Наркисівна Крижановська до Петра Гавриловича
13 вересня 1865 р.**

Ф. III, № 3458

/18/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 24 сент[ября]
13 сентября 1865 г.

Милый Петр Гаврилович!

Вы нас совершенно уже забыли, никогда и не отзоветесь к нам, а мы Вас часто вспоминаем; особенно я теперь, оставшись одна, часто принималась писать к Вам, да все как-то не удавалось кончить начатое письмо. Ефим Михайлович на 20 дней уехал в Бялу, где теперь съехались все сельские учителя, и только по воскресениям будет приезжать домой. Все это время я останусь одна и страшно скучаю, да к довершению очарования, и няня наша уехала в Киев, и я за

⁴⁵⁰ Персонально (латин.).

⁴⁵¹ Так іноді називали випускників духовних академій.

⁴⁵² Рублевський.

неимением няньки сама исправляю ее должность, что при моем слабом здоровье очень трудно и тяжело. Да теперь еще я где-то простудилась, и кашель, который почти совсем было уже покинул меня, снова возвратился, да еще со страшным насморком. Милый Петр Гаврилович, душечко, не вините, что я буду Вас беспокоить одной просьбой, вот в чем состоит она: если /18 зв./ Вам выдастся когда-нибудь свободный часок, побывайте у [С.П.] Алферьева и попросите его, чтобы он дал мне что-нибудь от кашлю, только мой кашель не такой сухой, как прежде, а больше мокроты, и он особенно усиливается, когда я ложусь в постель, и мне почти целую ночь не дает уснуть. Мне было [С.П.] Алферьев и дал рецепт, да я его во время пожара, бывшего в Седльце очень близко от нас, потеряла и теперь никак не могу отыскать. [С.П.] Алферьев бывало все спрашивает меня, не чувствую ли я лихорадки. До сих пор ее не было, не знаю, как дальше будет, так если он спросит об этом, так скажите ему. Но так как он без взятки ничего не сделает, то и посылаю 3 р. которые прошу Вас, душечко, вручить ему при свидании.

От Феофана Гавриловича недавно получили письмо, он пишет, что Юлия Александровна страшно скучает /19/ и много плачет за Киевом, особенно узнавши, что [М.С.] Гуляева не будет в Холме, куда, как говорили нам, назначен некто [А.Л.] Стефанович, человек очень умный и очень хороший, но все же не так им близко знаком, как [М.С.] Гуляев. Один из студентов Академии, приехавши сюда, – Кареселидзе, рассказывал нам, что [М.С.] Гуляев огорчен тем, что его не приняли на службу в Царство Польское, и что главною причиною отказа стала глазная болезнь, которой он вовсе не чувствует, но о которой кто-то писал к [Ф.Ф.] Витте.

От Тихомировых мы тоже на днях получили письмо, жаль мне бедной Юли, которая очень беспокоится, что Павел Тихонович до сих пор не получил никакого места. То место, о котором я писала, уже было занято тогда, когда пришла депеша Павла Тихоновича, и на телеграмму Ефима Михайловича [В.М.] Белозерский /19 зв./ (директор канцелярии при Учредительном комитете) ответил, что «вакансии нет ни одной, надо искать здесь», т.е. в Варшаве. Да и Валя все хворает, пишет Юленька, бедный мальчик, не правда ли, как жаль его!

До свидания, Петр Гаврилович! Крепко целую Вас много раз за Ефима Михайловича и Сереженьку, и еще больше за себя.

Ваша Н. Крыжановская.

При свидании с Павлом Федоровичем и Сусанной Ивановной кланяйтесь им от нас всех, а собственно от меня их гувернантке, M[ademoise]lle Добжинской⁴⁵³, моей бывшей подруге по Институту, если только она еще помнит меня. Узнайте, душечко, хоть от Сус[анны] Ивановны, вышла ли Гельтман замуж, и напишите мне.

Хорошо.

⁴⁵³ Добжинська Катерина Іванівна.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
19 вересня/1 жовтня 1865 р.

Ф. III, № 3404

/21/ Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Опять собрался писать пред отходом почты. Прежде всего о самом нужном.

Передайте Сергеенку, что по новому штату Холмской гимназии, представленному уже на Высоч[айшее] утверждение, жалованья 600 р.с. учителю рисования и чистописания, а в педагогических курсах особая плата по 60 к.с. за урок. Срок на пенсию предположено сократить с 35 на 25 лет, как в России, но только для русских. Кварты казенной не полагается. Если хочет, пусть присылает прошение – прямо [Ф.Ф.] Витте.

Передайте Абрамовичу, что я представил его на церк[овное] пение и уже сделал запрос обер-прокурору. Жалованья в гимназии 250, да в педагогических курсах 300 р. Со временем что-нибудь /21 зв./ другое может получить. Он писал мне, но ответить было некогда.

Михаил Сп[иридонович] пусть благословляет свою судьбу, которая хотела, кажется, пошутить над ним. Вообразите, по новому уставу инспектору жалованья 1 600 р., а за уроки ему же только 250 р. Едва ли он был бы этому рад.

Открытие гимназии и пед[агогических] курсов отложено на 2/14 окт[ября] за неприбытием учителей. Работы окончены к 15/27 сент[ября] Скажите Пономареву и [С.Ф.] Грушевскому, чтобы выезжали немедленно и ехали день и ночь. К открытию гимназии приедет из Петербурга [Ф.Ф.] Витте, и, конечно, будет недоволен, если они к тому времени не явятся.

Приемные экзамены идут. Учеников уже больше ста. В Галицию поеду после открытия гимназии – сейчас. Теперь сильная суета.

Будьте здоровы и счастливы!

Искренне любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

19 сент[ября]/1 окт[ября] 1865 г.

г. Холм.

P.S. Юлинька и детки здоровы и Вам кланяются низенько. Кланяйтесь и от меня моим знакомым и кровным.

/22/ Только теперь принимаюсь за разбор прошений кандидатов на уч[ительские] места в сельских школах, ибо только получено постановление Учред[ительного] комитета, позволяющее в ун[иатские] школы назначить не по 38, но по 40 ст[атьи] Выс[очайшего] указа.

Из гимназических прибыли только инспектор и два учителя.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
27 вересня/ 9 жовтня 1865 р.

Ф. III, № 3457

/16/ /почерком Петра Лебединцева/ 27 сент[ября] 1865 г.

Многоуважаемый и любезнейший Петр Гаврилович!

Сего униятского монаха, его же пред собою видите, примите любезно и благопопечительно. Должен быть славным малым, не давайте ему только финтить слишком. Кн. Черк[асский] хочет, чтобы он водил знакомства в Киеве с выбором, особенно среди духовенства, в котором найдутся самые бестактные в отношении к нему как унияту ([прот.] Крамарев изругает, а [архимандрит] Феоктист уколует, [прот.] Жданов станет обращать в православие). Поэтому прошу Вас сделать для него выбор в знакомстве. Выбор будет небольшой...

Во всем прочем будьте ему советником и помощником – Бог Вас вознаградит за это. Ему я толкую все как можно ближе /16 зв./ познакомиться с киевскими историческими местами и с полемической литературой первых времен униятства.

Но, прощайте. На послезавтра заказано открытие рус[ской] моей прогимназии, сам принимаю учеников, сочинил съезд сельских учителей и сам обучаю их – работы невыразимое множество. Потому теперь и не пишу к Вам о себе ничего. Только о мнихе позаботьтесь как о чаде своем.

Искренне любящий Вас Е. Крыжановский.

27 сент[ября]/9 окт[ября] 1865 г.

г. Бяла

Прошу кланяться от меня низенько Назарию Антоновичу, Павлу Федоровичу и о. Алексею Колосову. Желал бы и просил бы вас познакомить этого мниха с ними лично – повезите, будьте так добры.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
3/15 жовтня 1865 р.**

Ф. III, № 3459

/20/ Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Спасибо Вам за благожелания моей новорожденной рус[ской] прогимназии! Просите у Господа для нас сил, чтобы мы могли тихим, но неизменным трудом своим возвратить матери-России оторванных от ее злою долею чад ее и пособить им, польским недоедкам, ожить к новой доле.

Посылаю Вам сейчас набросанное мною описание торжества открытия нашей прогимназии. Извините, что посылаю вчерне, ей Богу, не имею времени переписать. Кроме некоторых мест в нем, оно будет напечатано в «Варшав[ском] дневнике»⁴⁵⁴ – я составил его первоначально, [И.Г.] Михневич взял его с собою в Варшаву, увез и речь свою, которой поэтому я и не могу сообщить к Вам. Я было приготовил речь, но когда [И.Г.] Михневич взялся сам сказать, то я счел неприличным произносить свою – будто соперничать с ним. За бокалами я отрывочно высказал все, что имел сказать я [...].

⁴⁵⁴ *Варшавский дневник* – офіційна газета у Царстві Польському, виходила у російській і польській редакціях.

Открытие случилось как нельзя лучше. Из учителей новых были только [С.] Флоринский и [П.В.] Моссаковский. Две беды только стались при этом. 1, В этот день имел приехать в Бялу преосв. Иоанникий, объезжавший епархию. Поляки воспользовались этим случаем и настращали народ, что вот, мол, приехал, бискуп схизматыйский и чиновник из Варшавы – посвятят сначала унит[скую] церковь, потом перекрестят учеников, а затем и всех унитов на схизму. Подлые люди! Я просил бургомистра объявить /20 зв./ по городу программу открытия прогимназии и просить всех, кто хочет, принять участие в нашем деле. А он, подлец, с друг[ими] чинами послал десятских по домам с палками стогнать народ в церковь «на перекрещивание»... Перед литургиею поднялось подле церкви сильное волнение – я пришел к толпе и, сильно изругав полицейских, бургомистра и всех, кому о том ведать надлежит, потолковал с народом, успокоил волнение – все пошли в церковь. Приедь только архиерей перед обеднею в город – «ось дубину, прогнали бы от церкви». Преосвященный не рассчитал дня приезда своего, не следовало ему приезжать в этот день. 2, Не могу и вспомнить спокойно про другую беду – неожиданную, нежданную, едва не зарезавшую меня. Кто мог думать и ожидать, чтобы в 1-й же момент открытия рус[ской] прогимназии среди глаз и ушей самых неприязненных нам и новым, наш учитель –Флоринский, упился как сапожник. Боже, за что покарал наше дело так[им] началом! Стыд завязал мне язык до того, что я как оглашенный молчал за завтраком. [И.Г.] Михневич упрекнул меня неудач[ным] выбором учителей (их было тогда только двое), другие лица русские сожалели о моей неудаче в этом... А поляки – поляки! Трепчат, как демоны!.. Боже мой, кто мог ожидать этого от него. Будь проклят час, в который я остановился на нем мыслию! Однако в Киеве все считали его за способ[ного] и деликат[ного] господина. В первом порыве я решил сию же минуту уволить его и вон прогнать из Польши. Но жена его... Потому-то вечером того же дня я составил и на другой день отправил в Комиссию представление о переводе его в Седлец[кую] гимназию – пусть живет у меня на глазах... Подлец, мерзавец! Горе, что он женат! И вот, упрекают меня, что я набираю малоросов, а не великоросов – вот, взял одного, благородного между последними из студентов, – вот он что сделал нам. А войти в цукерню⁴⁵⁵ в шляпе, кричать на прислугу, непрерывно грубость за грубостью оказывать всем – это, как знал я, он делал все дни, которые провел здесь доселе... /21/ Будь он проклят... Несмотря на эти неприятности, торжество наше произвело самое благопр[иятное] впечатление на всех русских и униатов. Из поляков пришел на него только 1 – гражданский уезд[ный] начальник. Было довольно свящ[енник]ов, много войтов и солтысов⁴⁵⁶. Последние весьма и весьма рады, что мы с ними ели и пили за одним столом. Ни одним бокалом шампанского не лишили их, «ура» они кричали неистово, благодарили «царя» неизмеримо. Ко мне заявили самую лучшую для меня благодарность за внимание к народу при всех случаях и за заботу об

⁴⁵⁵ Цукерня – заклад громадського харчування, кав'ярня із акцентом на кондитерських солодошах і випічці, орієнтована здебільшого на жіночу публіку.

⁴⁵⁶ Війт – голова громади. Солтис – сільський голова.

училищах, за обхождение с детьми их и с ними, за то, что я созвал всех учителей в Бялу и сам учил 20 дней русскому языку и методам обучения.

Ну, не хвастай, брат! – Литургия и молебны шли до того чинно и благоговейно, что это поразило [И.Г.] Михевича, думавшего доселе вместе с [Ф.Ф.] Витте, что унияты – самоеды какие-то, и постоянно бранивших меня за мое внимание к ним. Молебны шли по ~~служебнику~~ молебнику, изданным Святей[шим] Синодом, а священник не успел разобрать их хорошо и преспокойно читал фразы вроде этой: «Соблюди их в вере своей православной...»

Учители начальных училищ артистически пропели литургию и молебны. 20 дней я занимался с ними здесь ежедневно, толкуя им наиболее про народность и созидаю в них веру в нас и наше дело. [И.Г.] Михневич, поговорив с ними, совершенно разубедился в прежнем своем и [Ф.Ф.] Витте мнении о них – будто они враждебны нам, ополячены, эскимосы в науке.

Вообще я успел разбить предубеждение против меня нашей комиссии и – идя по той дороге, на которую раз стал и не делал ни шагу назад или в сторону. Пошли же, Боже, мне оправдать как всеобщее доверие, выраженное к моей системе всеми, даже врагом ее – [И.Г.] Михневичем (с [Ф.Ф.] Витте и проч.), так и развить еще больше дело, которому служу.

[Ф.Ф.] Витте, во время нашего праздника б[ыл] в Петербурге, но в Холм поспеет, там послезавтра буд[ет] открытие.

/21 зв./ Мне крайне противно вспоминать, но не могу не вспомнить здесь о лицах киевских, трубящих, будто мы развиваем здесь хохломанию. Бесчестный народ – чтобы помочь нам, они только ногу подставляют... Эти люди мерзки, как и поляки. Прииди и виждь, негодный человек, то, что делается здесь во имя общерусского дела. Одна бесстыдная кацапомания так же вредна нашему общерус[скому] делу, как и хохломания, могли создать эти клеветы и интриги. Я ставлю этих людей на одну доску с поляками – в нашем народ[ном] общерус[ском] деле. Будь они неладны! Поляки распудили было всех учеников нашей прогимназии, они хотели распудить учителей – обе стороны достойны одной чести! Дай Бог прозреть ослепшим очам их и умягчиться дебелому сердцу – не братскому, а Бог знает какому. Да что и толковать об этом...

Вы пишете, что посылаете рецепт [С.П.] Алферьева, но его, весьма нужного, я не получил...

Я уже 24-й день живу в Бялой, заведу машину гимназическую – тогда уеду. На день я уезжал в Седльце раза три – помаленьку живут там и кланяются Вам. Позавчера я был там; был тогда и преосвящ. Иоанникий, служил там (Покрова Б[огородицы]), а после литургии был у нас с визитом и провел с нами с полчаса времени.

Прощайте, базилиане зовут на обед.

Испросите нашей прогимназии молитв и благословения Владыки Вашего, которому шлю земной поклон за себя и за всех учителей.

Прощайте. Больше напишу после – со всех сторон зовут дела-дела-дела...

Искренне преданный Вам Е. Крыжановский.

3/15 окт[ября] 1865 г.

г. Бяла

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
10/22 жовтня 1865 р.

Ф. III, № 3405

/23/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 20-го октября 1865 г.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Итак, гимназия и педагогические курсы открыты 5/17 окт[ября]. На открытии, по просьбе Государя Императора, был [Ф.Ф.] Витте, и по моему приглашению [А.С.] Костанда и [М.А.] Буцковский⁴⁵⁷, кроме множества ксендзов, военных и других чинов. Служил [еп.] Калининский и дом освятил соборне после народной процессии. Торжество было велие, но стоило мне до 200 р.с. След[ующей] почтою непременно вышло Вам описание оногo для «[Киевских] еп[архиальных] ведомостей».

Тем временем потрудитесь разыскать Соломоновского и объявить ему, что об уплате 200 р.с., которые требует с него Синод, я уже написал [Ф.Ф.] Витте, что поэтому пусть он смело дает [о.] Филарету расписку и немедленно едет. /23 зв./ Тут получит и подъемные, и окончательное увольнение. Жалование ему по новому штату 500 р.с. Пусть же не медлит ни мало. Очень нужен.

Учителю церковного пения в Госуд[арственном] Совете положили жалованья 500 р. Передайте это при случае Абрамовичу.

Пишу с след[ующей] почтою, а теперь и минуты свободной.

До свидания!

Искренно любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

10/22 окт[ября] 1865 г.

г. Холм.

К концу этого месяца еду-таки в Галицию.

Кланяюсь всем.

Сегодня получил уведомление о назначении Чепурковского в Хол[мскую] гимназию на греч[еский] язык, и письмо пригласительное. Жалованья 1 000 р., но это на месяц, не более, покамест штат учрежден будет.

/24/ [В.Б.] Антонович несомненно, кажется, будет назначен. Передайте ему, что от него не требуется ничего – ни прошения, ни документов. Об этом он спрашивал меня.

Пономарев свидетельствует, что [С.Ф.] Грушевский просто болтается без нужды. Передайте ему посылаемую при сем бумагу, если она застанет его болтающимся. Редко, может быть, но [Ф.Ф.] Витте недоволен. Ergo я не виноват.

⁴⁵⁷ Костанда Апостол Спиридонович (1817–1898) – генерал, начальник 5-ї піхотної дивізії. Його останні місцем служби було командування військами Московського військового округу. Брав участь у придушенні повстання. Буцковский Михайло Андрійович (1812–1876) – Люблінський губернатор у 1863–1875 рр..

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
24 жовтня/5 листопада 1865 р.

Ф. III, № 3406

/25/ /почерком Петра Лебединцева/ получ[ено] 28 окт[ября] 1865 г., отв[ет] 7-го ноября 1865 г.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Не успев с сегодняшнею почтою послать Вам письмо, я начинаю сегодня же писать, чтобы успеть до следующей почты и написать на этот раз побольше, чтобы вознаградить за прежние очень короткие письма.

Итак, открытие гимназии состоялось, наконец. Много хлопот и много денег стоило мне это дело, но теперь я чувствую себя и лучше, и как будто легче. Уже одно то для меня большой выигрыш составляет, что я могу посылать в гимназию на экзамены всех кандидатов на учительские места, которые просто отравляли мне жизнь. С открытием гимназии русский элемент взял здесь еще более сильный перевес, а когда гимназия устроится вполне и будет открыта гимназия женская, тогда Холм примет совершенно русскую физиономию. Расскажу Вам кое-что из периода открытия гимназии и о самой гимназии.

Начать с того, что [преосв.] Иоанникию, как видно, сильно хотелось быть на этом торжестве, и, как оно предполагалось первоначально 15/27 сентября и затем отсрочено было на неопределенное, но непродолжительное время, то [преосв.] Иоанникий и подгонял свой приезд в Холм так, чтобы попасть, что называется, на самое расторжье. Приехал он 24-го сентября и, оставшись до 26-го, уверял меня несколько раз, что, как сообщили ему в Варшаве и в дороге, открытие гимназии назначено, именно на 26-е. 25-го он обедал у нас со всею духовною и светскою свитою, 26-го служил, после чего обедали у [о.] Крашановского⁴⁵⁸. В тот и другой раз он убеждал меня, что церковная церемония при открытии гимназии должна быть совершена по обряду православной церкви прав[ославным] протоиереем; но я отделался от него тем, что к открытию имел прибыть [Ф.Ф.] Витте, которому он поручил передать его взгляд. Говоря проповедь 26-го, он неожиданно прослезился, заговорив о том, как ему хотелось бы, чтобы между здешними разноверцами установился мир и согласие. Прослезилось при этом несколько дам, жандармский /25 зв./ полковник и военно-уездный начальник. Следовало по порядку и мне, но я посовестился; только особенно тоненький его голосок напомнил мне в это время, что его звали в Киеве скрипачкою. Мимоходом сказать: несколько раз он ругался на певчих и дьячков в церкви, что произвело на меня весьма тяжелое

⁴⁵⁸ Протоиерей православной церкви в Холме, б. товарищ преосвященного по академии – примітка КС.

Крашановський Яків – настоятель Іоанно-Богословського собору у Холмі в 1864–1874 рр., перший після передачі його із гарнізонної церкви у приходську.

впечатление; особенно после того чрезвычайного парада, с каким его встречали и провожали – с козаками, на манер того, как ездит [наместник] Берг⁴⁵⁹.

4/16 октября к обеду дождался я, наконец, [Ф.Ф.] Витте, которому с великим трудом приготовил у себя квартиру. Его встречали везде по пути от Варшавы до Холма гражданские и военные власти, и здесь не успел он войти в комнату, как посыпались с рапортами и представлениями. Не знаю, худо ли, хорошо ли, но я не делал ему никакой встречи, хотя рапорт подал и служащих представил на утро. Предварительно обдуманной мною, известный Вам план церемонии он одобрил вполне. Оставалось уломать [еп.] Калинского, которого я не хотел и трогать до приезда [Ф.Ф.] Витте, не надеясь, чтобы он согласился принять участие в схизматическом празднике, В 5-ть часов вечера мы отправились к нему. [Ф.Ф.] Витте вооружился звездой⁴⁶⁰ и начал с того, что Государь лично просил его приехать в Холм и отпраздновать как можно торжественнее. Застигнутый врасплох, [еп.] Калинин до того оробел, что на все согласился и даже заговорил по-русски, как мог.

Торжество, как видите, вышло довольно пышное; но были некоторые неудачи, о которых, конечно, нельзя было упомянуть в описании. Прежде всего, распалился [генерал] Костанда на законоучителей униатских, которые не явились на церемонию, уехав в свои приходы, и ближайшего из них, Шелеметка, за 15-ть верст велел доставить (и доставлен) с жандармами, а потом распекал вместе с [Ф.Ф.] Витте. Хотя все это поделом, но следовало бы осторожнее и иначе казнить этих подлецов. Я старался уговорить и [А.С.] Костанду, и [Ф.Ф.] Витте, но видно, что они не изучили еще униатов. Потом [Ф.Ф.] Витте перемаялся со своею речью, которая была у него написана загодя, но которую он имел неосторожность говорить наизусть. Он читал ее мне с вечера, и – ничего себе; но когда стал говорить, сбился и начал мять, путать и повторять – просто срам. Не говорите, впрочем, об этом никому, чтобы в случае не дошло до него. Моя речь очень резка, и потому я с вечера читал ее [Ф.Ф.] Витте, в присутствии [А.Г.] Теодорововича и еще нескольких лиц, прося их сказать, что смягчить, а что совсем выбросить; но все в один голос твердили, что и то уже очень мягко. Обед шел чинно, и первые два тоста прошли смирно; но затем, /26/ [А.С.] Костанда, по выражению [Ф.Ф.] Кокошкина, известный своими скандалами на больших обедах, неистовым голосом стал драть спич за здоровье [Ф.Ф.] Витте, точно его за пуп кто ухватил. Надо было за [А.С.] Костандою – за здоровьем [М.А.] Буцковского, но тут [А.Л.] Стефанович поднялся будто с спичем (он действительно готовил спич) и взамен спича сказал только: «Здесь была русская земля, и да будет здесь русская земля». Таким об[азом], [кн.] Черкасский и [М.А.] Буцковский остались в обиде. О последнем я успел вслед за тем возгласить, но и то уже порядок был прерван, а [кн.] Черкасский не скоро дождался своей очереди. Великую глупость сморозил

⁴⁵⁹ Граф Берг Федір Федорович (1794–1874) – генерал-фельдмаршал, останній намісник Царства Польського (1863–1874). Був прихильником політики замирення у Польщі.

⁴⁶⁰ Зірка, вишита чи металева, жалувалась особисто імператором і означала не лише кавалерство, але і вступ до відповідного ордену.

мой Кухаренко, выскочил с тостом за мое здоровье тотчас после тоста за [М.А.] Буцковского. [Ф.Ф.] Витте, недовольный тем, что этот малый чин вмешался не в свое дело, когда все успокоилось, начал так: «Хотя один из здешних деятелей и предложил ...», – но он только предупредил и проч., а я и после этого считаю и проч. Пошли потом шуметь: за униатов, за... и пр[очее], и проч. [Ф.Ф.] Витте, державший себя с полным достоинством, подал руку Юлиньке и пошел с нею наверх, за ним [М.А.] Буцковский и еще несколько человек. Оставшаяся компания, имея во главе [А.С.] Костанду, зашумела неистово, возглашая тосты за тостами. [А.С.] Костанда, провозгласив чей-то тост, хлопнул бокалом об пол, его примеру последовали еще несколько человек. Затем кто-то подхватил [А.С.] Костанду на ура; но едва спустили его, как он скомандовал меня подхватить и пошел как на штурм; потом, не знаю почему, схватили [А.Г.] Теодорововича, а за ним нашлись какие-то охотники на комиссара Баранова⁴⁶¹, может быть потому, что он очень толст. Офицерство орало во всю глотку и стучало саблями. Я поспешил пригласить [А.С.] Костанду наверх, и все человечество затихло и стало расходиться. Две самые скверные вещи вышли из этой неожиданной суматохи: во 1-х, за тостами забыли о десерте, который стоил нам очень дорого и остался на расхищение мелким гостям и прислуге; во 2-х, ни [А.Л.] Стефанович, ни [Ф.Ф.] Кокошкин не сказали приготовленных спичей, а спич [Ф.Ф.] Кокошкина произвел бы впечатление. Он мастер и писать, и произносить. Я несколько раз тянул его за язык, но когда потерялся порядок, он упорно отказался. Прибавить слова два о месте, где мы обедали. Это была столовая базилианов, а теперь класс для певчих. Огромная, но сильно запущенная зала. Вытащили лавки и все, что было, мыли и чистили дня два, поставили часть своей мебели, повесили икону и два портрета государя и государыни, присланные для женской гимназии. Вышло ничего. Стол и портреты были убраны цветами.

/26 зв./ На другой день, до 4-х часов, мы ходили с [Ф.Ф.] Витте то по классам, то по работам. Чрезвычайно важных результатов достиг я чрез эту ревизию: во 1-х, работы в здании пореформатском [Ф.Ф.] Витте разрешил приостановить до весны, во 2-х, к этому зданию разрешил сделать пристройку, без чего трудно было бы нам извернуться, в 3-х, согласился на устройство бани из реформатского бровара, в 4-х, разрешил и в пиарском здании некоторые сверхсметные работы и обещал настоять на отдаче флигелей, в 5-х, признал мою квартиру не только не обширною, но даже малою, хотя я отказался от расширения. Канцеляриею остался очень доволен. После обеда и чаю [Ф.Ф.] Витте уехал в Варшаву, оставив самое приятное впечатление и заставив меня не раз вспоминать наших игемонов-монахов⁴⁶².

⁴⁶¹ Д. Г. Баранов — комиссар по крестьянским делам Холмского участка, то же что мировой посреднику впоследствии был управляющим греко-униатскими делами при министре гр. Толстом, а по присоединении униатов к православной церкви 1876 г., назначен был начальником Калишской учебной дирекции; умер в отставке 12 января 1887 г., в Киеве – *примітка КС.*

⁴⁶² Єпархіальне керівництво складалося із чорного духовенства.

Из разговоров [Ф.Ф.] Витте можно было заключить, что поездкою в Петербург он много поправил и укрепил свое положение. Государь видимо благоволит к нему. Нам готовятся такие привилегии: прежняя служба засчитывается в здешнюю эмеритуру, срок службы 25-тилетний, жалованье все обращается в пансион; в случае болезни полный пансион за 15-ть лет службы, за 10-ть половина, за 5-ть одна треть; представление к наградам чрез два года и даже чуть ли не чрез год. Дай Бог только пожить здесь в добром здоровье! Мне и снится, и видится, что я могу своими очами увидеть здесь православие, если поживу подолее. Не говорю о частных случаях, вроде того, напр[имер], что учитель немецкого языка Хомин после отбытой церемонии, когда воротились домой, бросился мне на шею и взволнованным голосом произнес: «После того, что я слышал сейчас, чувствую, что мне стыдно оставаться униатом», – или что один ученик педагогической школы на другой день подал мне прошение о присоединении его к православию. Но вот случай, достойный замечания. На прошлой недели две огромные деревни, Обша и Замх, на австрийской границе, приняли православие и присоединены священником их д[еревни] Бабиц без всякого шума и формальностей. В соседних деревнях: Ружанце, Хмельку, Лосинце⁴⁶³ и других идет сильное волнение. Кажется, что и они не устоят. Тут бы только огню подкладывать, а горело бы куда как хорошо! Просто покатило бы по всей Холмщине. И дай-то Бог! Жаль народа этого, искалеченного варварами-пропагандистами. Славный народ!

Позавчера я отправил в Киевскую консисторию отношение с просьбою уведомить окончивших курс семинарии Брояковского и Каченовского, а также уволенного из средн[его] отделения Филона Михалевского о том, что они назначены мною учителями сельских школ, и выдать им билеты на проезд, предварительно уволив их из епарх[иального] ведомства. Прошу наблюсти за этим делом.

/27/ В июле я просил консисторию уведомить меня, нет ли с ее стороны препятствий к перемещению в Польшу учителя Халчанской школы Левковича, но она и ответа не дала.

Хочу устроить как-нибудь, чтобы назначаемые сюда в элем[ентарные] учителя не были увольняемы из дух[овного] звания. Буду просить [Ф.Ф.] Витте, чтобы снесся с обер-прокурором о зачислении таких в Варшавскую епархию. Попросите от меня консисторию, чтобы не увольняли до того из дух[овного] звания назначенных мною.

Позавчера приехал [С.Ф.] Грушевский, уже 4-й учитель. Беда без учителей! [Г.А.] Аристов⁴⁶⁴ прислал только запрос, как уплатить ему 400 р., которые с него требуют. Чепурковский что-то не едет, а я давненько послал ему приглашение. Командировки в Галицию доселе нет; но жду с каждою почтою. Казусное это

⁴⁶³ Обша, Замх, Бабице, Ружанець, Хмелек, Лосинець – села нині Білогірського і Томашівського повітів Люблінського воєводства.

⁴⁶⁴ Г.А. Аристов, кончил курс Киевской духовной академии и назначен был учителем истории в Холмскую гимназию; очень дельный был учитель, любимый учениками; прослужив 6 лет в Холме, умер там же от чахотки – примітка КС.

дело! [С.Ф.] Грушевский и Пономарев рассказывают весьма печальные вещи о [М.С.] Гуляеве. Жалею об нем от всей души, тем более что неудача относительно перемещения сюда поразила его до того, что, как писала Софья Ив[ановна], он руки ломал, в совер[шенное] отчаяние приходил. Всего скорее, что после этого он закутил и получил белую горячку. Но что было бы, если бы он явился сюда с своею привычкою? [А.Л.] Стефанович очень порядочный человек.

Соломоновский, говорят, в отчаянии и не знает, что делать. Пусть берет билет месяца на два и едет сюда. Вот и все. Тут и увольнение, и уплату денег устроить можно, и на месте будет. Я написал бы сам ему, да не знаю, где он находится.

Будьте здоровы и благополучны!

Искренно любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

24 октября/5 ноября 1865 г.

г. Холм

Прошу кланяться всем родным и знакомым.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича

25 жовтня/6 листопада 1865 р.

Ф. III, № 3460

/1/ 25 окт[ября]/6 нояб[ря] 1865 г.

Седльце

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Сегодня посылаю в нашу правит[ельственную] комиссию просьбу о высылке на имя Ваше прогонных денег для трех семинаристов: Иннокентия Кудрицкого, Стефана Стратоновича и Ивана Варгулевича, просивших меня об определении их на должность учителей в унитских училищах. Они просили меня об этом еще в мае. Но тогда невозможно было еще назначать их. Теперь обстоятельства переменились, униты-крестьяне сами просят о назначении учителями русских «из-за Буга»... Если означенные лица уже поместились где-нибудь, или Вы не отыщите их в Киеве, то будьте так добры – найдите по своему усмотрению кого-либо из семинаристов или из другой касты трех персон, способных быть учителями при 150 руб. сереб[ром] жалованья и при казенной квартире, отоплении, прислуге. Если эти персоны будут духовные, то если требуется, /1 зв./ пускай увольются из духовного звания, возьмут метрики с собою, паспорт и так явятся ко мне. Метрика нужна и для не-духовной персоны. Для учившихся где-нибудь нужны и свидетельства училищные. Будьте же так добры, поищите таких лиц и вышлите их скоро-скоро прямо в Седльце.

Поживаем мы – ей Богу, не могу сказать, хорошо или худо вообще. Такая гибель работы, что нет свободной минуты подумать об этом. Кроме той работы, которая требуется от меня как администратора дела – по расширению и улучшению дела училищ, одна канцелярская работа пожирает всякое время и

всякое спокойствие. При двух чинах канцелярии бессмысленно было и думать об успехе. Я сам превращен теперь в канцеляриста – в полном значении этого слова. В Варшаве немного понимают это наше положение, но ничего не делают к пере[...] его на лучшее. Беда с Варшавою! Проклятая служба! А между тем – симпатичная...

Из Холма, т.е. от Ф[еофана] Г[авриловича], не получал давно никаких вестей.

Бельская прогимназия прозябает – не более. [П.Г.] Рублевский сильно не в духе. Учителя хорошие; но еще нет всех их. Левитский – регент, привез с собою жену – это еще сяк-так, но тещу, тещу!.. /2/ Кажется, не обойдется без беды. Что за яга, как она с донею мучат его, да и меня! В казенной квартире не захотели жить – дрянная; я вынужден нанять им ее. Потерплю, а там самого Левитского, если он не наберется духу и не подчинит их себе, прогоню.

В доме у нас благополучно. Надинька мало скучает, скрипит здоровьем, Сережа – ни горюшки. Все кланяемся Вам.

Польша – глупа, теперь шушукает что-то в галицийских делах, секретных, разумеется. Многие твердят, что там готовится восстание – против России, что имеют вторгнуться сюда оттуда шайки вооруженные, как только начнется здесь обмундировка рекрут, что [граф] Белькреди⁴⁶⁵ с Австриею не даром думают о титуле Королевства Польского для Галиции, а Бисмарк с Наполеоном недаром съезжались в Биарице – и проч., и проч. Из ума выжили люди. Конечно, рассудок – самая презренная вещь в Польше, не помешает показаться шайкам, которые, впрочем, покажутся только по ночам на глухих дорогах – чтоб грабить проезжих.

Что-то наши унит[ские] дела очень запутались. Унитов перепугал наш архиерей, который во время объезда по своей епархии был в Холм[ском] учит[ельском] соборе, раздавал благословение народу. Воен[ные] начальники хотели прислужиться и сгоняли навстречу ему народ с окрест[ных] сел, согнали его даже в Яблочин[ский] монастырь на богослужение. В этом мне сознался хваст-/2 зв./ливо Бяльс[кий] военный начальник – немец, который готов душу положить за православие (разумеется, не свою). В одном местечке он арестовал катол[ического] инфулата за то, что тот не позволил в своей церкви звонить при проезде архиерея. Епископ унитский⁴⁶⁶ лишен всего содержания от казны за неисполнение правит[ельственных] распоряжений. Он себе ни горюшки – «за веру страдает», – трубит по свету, а на содержание свое собирает от священников, по 15–30 руб. от каждого. Дают, бранят нас. Он пустил было по священникам для подписи прошение о рукоположении его; но об этом узнали, распустили жандармов и отняли прошение. При этом обыске Бяльский воен[ный] начальник нашел у одного благочинного «Акт освидетельствования мощей Кунцевича», произведенный на днях унит[скими] священниками для чего-то. «Акт» гласит, что мощи всюду целы, только на голове шрам есть. Руки одной вовсе нет: она отрезана по частицам для закладки церквей. Половина ее отрезана уже недавно

⁴⁶⁵ Ріхард Белькреді (1823–1902) – граф, голова уряду Австрійської імперії (з червня 1865 р.), міністр внутрішніх справ, поліції, віросповідань і народної освіти.

⁴⁶⁶ Ян (Калінський). Він не був рукопокладений у єпископи.

(во время «Акта») для закладки строящихся теперь правительственных церквей (sic!). Проповедей, шельмы, не хотят говорить по-русски. В Бялой при учениках говорят их по-польски. Сварился я с ними – ничего не выходит. И что делает правитель их в Варшаве!..

Я выписал из Галиции учебников на 215 руб. (с перес[ылкой]), давно заплатил за них деньги; книги эти попали для цензуры к [кн.] Черк[асско]му и сидят там уже 3 месяца! В гимназиях унитских нет ни одной книги для обучения религии. Букварей до сих пор не напечатали. Господи! Правительственных наших книг не пускают, унитских не пускают – что же это за политика! В семинарии Холмской ввели преподавание на рус[ском] яз[ыке] еще в апреле, а до сих пор, как пишет [С.А.] Дахнович, не прислали туда ни одной русской книги!!!

/1 збоку/ Варшавского епископа-номината⁴⁶⁷ сослали в Астрахань за то, что секретно присланное нунцием папским из Вены (хлопочет там о поляках) какое-то послание он разослал секретно же духовенству польскому, а (перед самым днем изгнания) выбрал и назначил настоятелем одного монастыря в Варшаве монаха-революционера, не спрашивая правительства. Он вообще кричал, что схизматич[еское] правительство не имеет права вмешиваться в дела католич[еской] церкви. Созывается конклав для выбора нового архиепископа Варшавского.

/2 зв. збоку/ Кланяйтесь от нас Павлу Федор[овичу] и Сусанне Ив[ановне]. А что Колбуть⁴⁶⁸ – не шеремыжничает? Кланяйтесь ему.

**Юхим Михайлович Крижановський і Надія Наркисівна Крижановська
до Петра Гавриловича**

[кінець жовтня – початок листопада] 1865 р.

Ф. III, № 3461

/3/ /почерком Петра Лебединцева/ 5-го ноября 1865 года

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Николай Корчинский, уволенный из Семинарии, просится на учительство в унитских школах. Думаю, что к Вам или нескоро явятся ученики, о которых я писал к Вам, или кто-нибудь из них не явится вовсе. В таком случае выдайте подъемные Корчинскому: если же тройца, о которой я писал Вам, явится к Вам прежде его, то – будьте так добры – уведомите меня, тогда для Корчинского вышлются деньги особо, или же выдайте ему из своих источников рублей

⁴⁶⁷ Вікарій Павло Жевуський (1804– 1892) – керуючий Варшавською католицькою єпархією у 1863–1865 рр. У засланні пробував до 1886 р. Архієпископ Варшавський (1862–1883) Зигмунд Фелінський, пербував у засланні у Ярославлі після звернення до імператора із закликом надати полякам широку політичну автономію. З подачі пап Римського, замість нього не призначали нового архієпископа, а єпархією керували єпископи-номінанти.

⁴⁶⁸ Колбуть Йосиф – випускник КДА 1867 р., греко-католик із Холмщини.

тридцать – я немедленно возвращу их Вам, не дожидая, пока выслались бы они из Варшавы. Вообще, кто прежде явится, тому и выдайте 50 руб. сереб[ром] из присланных Комиссиею, для остальных же вышлются, /3 зв./ если он явится к Вам.

О Корчинском пишу вместе с сим и в Консисторию, а также в Комиссию. Житье-бытие наше ни сяке, ни таке. На весну уже, вероятно, не останемся в Седльце, переберемся в Бялу. Что так долго не едет [П.В.] Кизимовский⁴⁶⁹? Или он дурень, или скверный человечешко – другой причины пока я не вижу в медлительности его. Хоть бы написал что-нибудь. Если бы он написал, что он без денег не может выехать, то уже 20 раз можно было бы выслать ему их – лежат два месяца у меня.

Чернявский приехал. Левитский (из Одессы) пишет, что на днях выезжает. Искренно любящий Вас и покорнейший Ваш слуга Е. Крыжановский

Милый Петр Гаврилович! Видите, как я часто пишу к Вам, а Вы уж давненько ничего нам не писали. У нас уже осень (как и у Вас, конечно), и вследствие этого я уже заперлась дома до весны. Но недавно, впрочем, я совершила маленькое пу-/4/тешествие, именно: ездили с Ефимом М[ихайловичем] и Сережей в Бялу отдавать визит Рублевским, потому что она с детьми была несколько дней у нас. Бяла понравилась мне больше Седльца, потому, может быть, что там мне было гораздо веселей. Все время, что мы там были, каждый вечер после занятий учителя приходили все к Рублевским или к Флоринским (которые живут в одном с ними доме), и время проходило незаметно. Ефим же постоянно был занят то гимназией, то школой, открывшейся в Бялой. Полина Григорьевна такая хозяйка, что чудо, в доме такой порядок, что любо посмотреть. Она рассказывала мне свое горе, что с нее хотят вычесть 12 р. из денег, которые она получила /4 зв./ за год своей службы при училище. Она называет это ужасной несправедливостью и обвиняет в этом [М.М.] Богданова⁴⁷⁰.

Бяльские учителя все очень милые и любезные, по крайней мере, они таковыми мне показались. Мы были у них всех с [П.Г.] Рублевской и Флоринскими, что, кажется, им пришлось по вкусу, что делать *politesse obligé*⁴⁷¹, так как они были весьма и весьма внимательны к нам и выходили за несколько верст встречать нас и долго ждали, говорят, но не дождались, потому что мы приехали уже совершенно поздно.

Петр Гаврилович, неужели Вы летом не посетите нас, Юрий Давидович⁴⁷² пишет из Киева, собирается на лето в Бялу, приезжайте с ним, а я за 20 верст пешком пойду к вам на встречу.

А пока до свидания, душечко, крепко, очень крепко целую Вас.

⁴⁶⁹ Кизимовський Петро Васильович (1834–1895) – викладач Першої київської гімназії. Дмитрій Іванович Кизимовський

⁴⁷⁰ Протоієрей Михайло Мартинович Богданов із 1861 р. був викладачем і членом училищної ради в Київському училищі дівчат духовного відомства.

⁴⁷¹ *Politesse obligé* – обов'язкова ввічливість (франц.).

⁴⁷² Подгурський Юрій Давидович (1834–1872) – викладач КДА із 1859 р.

Ваша навсегда Н.К.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
13/25 листопада 1865 р.

Ф. III, № 3462

/5/ [почерком Лебединцева:] Отв[ет] 28 ноября

13/25 нояб[ря] 1865.

Любезнейший брат, Многоуважаемый Петр Гаврилович!

Сто руб. сереб[ром], данных Вами [П.В.] Кизимовскому, позавчера отправлены Вам мною при отношении. Вопрос о медлительности [П.В.] Кизимовского только сегодня решился для меня. Только сегодня я получил от него просьбу о высылке ему в Киев подъемных денег, а эта просьба принята в Киевскому почтовой конторе еще 7-го октября!!! Я удивлялся, что [П.В.] Кизимовский ничего не пишет мне о деньгах и не мог себе раскусить, почему человек не едет и не пишет? Теперь понятно. Экая подлая почтовая контора в Киеве! Выбачайте же за беспокойство Вас по этому делу. Уже такая судьба Ваша – быть агентом Царства П[ольского] по делам униятов, часто преглупо комбинирующихся да и прескверно идущих.

Новые сведения о проделках [о.] Филарета уже возмутили было меня, но ненадолго. В первых порывах я было принялся за письмо к нему, требуя от него прямого ответа, чтобы формально потом обличить его судом. /5 зв./ Ведь студенты на лицо, можно допросить, говорил ли я на лекциях (даже и в частных разговорах), что «это (?) край русский ли – еще вопрос, п[отому] ч[то] он – забранный». Помню хорошо, что о забранном крае я имел горячий спор с [В.Ф.] Певницким, ругая великоросов, которые называют его забранным – в прежнее время называли даже печатно, а теперь от мужика или образованного человека с мужиц[кими] ухватками услышишь не раз. Уличал я самого его в этом, хотя он по своей подлости отказывался уже тогда от своих слов. Этого мерзкого для меня человека я считаю причиною клеветы, [о.] Филарета – орудием. Не ему ли я твердил, что глупо и бессмысленно было поведение тех (и его тоже), которые называли край этот «забранным», – как будто он – татарский, польский, китайский? Этого человека я всегда признавал способным на все подлости. Но и все его проделки – глубоко пошлы, мерзки и не стоят серьезного внимания. Разумеется, если бы я получил подобное известие из Варшавы, я заставил бы его дать доказательства. Теперь же – черт с ним и с ними всеми. Проделки эти не принесут мне никакого вреда, служба моя видна здесь всякому, ищи подтверждения клевете – глаза только испортишь, время потратишь. Да и выдумал же, негодный народ, штуку: по тому изречению следовало бы, что я или помещан – как поляки, или я немец, француз, не бывавший в России, во всяком случае, не хохломан, п[отому] ч[то] ни один хохломан не усомниться в том, ч[то]

этот край русский, и даже истые хохломаны твердят, что он то и есть исключительно русский в историч[еском] значении. Ох, мерзость, мерзость!

/6/ [П.Г.] Рублевского послал я в Варшаву, ксендзы взбунтовали против прогимназии за вмешательство в дела религии. 2-го нояб[ря] – день [Иосафа] Кунцевича – он распорядился (с моего, разумеется, ведома), чтоб ученики все были в классе, а ксендзы подослали уговорить, чтоб шли в церковь. Половина послушалась инспектора, половина ксендзов. Пошла буря, когда ксендзы узнали, как учителя решали пред учениками вопрос о святости [Иосафата] Кунцевича; Яновский тут прославился так, что пришлось пробрать его (разумеется, наедине). Скакали ксендзы, кричали, ч[то] перейдут в магометанство скорее, чем в правосл[авие] – законоучитель отказывался от должности. Ну, пускай поскачут, это полезно часто для всякого. Вчера [И.С.] Сидорский написал мне, ч[то] [кн.] Черкасский распорядился отложить назначение законоучителей (в Холме тоже отказались, но по другим причинам) до неопред[еленного] времени! Вот и штука! Его не разгадаешь: книги правосл[авные] преследует, унитских не пускает – что это за политика? Что-то привезет [П.Г.] Рублевский из Варшавы? Так как он зубатый, то и послал его вместо себя. С [кн.] Черкасским он еще не виделся (тот уехал в Кеннингсберг для встречи Елены Павловны⁴⁷³, но теперь, верно, уже воротился). С [Ф.Ф.] Витте он, видимо, справляется добре, п[отому] ч[то] уже на одно дело, имевшееся в программе посольства его, сегодня официал[ьное] разрешение пришло.

На днях в «Варшав[ском] днев[нике]» я прочитал, описание открытия Холм[ской] гимназии и речи Ф[еофана], куда же нам с нашею Бялою. Ни войск, ни музыки, ни генералов мы не имели в запасе. Процессиею и не думали идти из церкви, да притом и дождь ужасный был тогда. Речь [Ф.Ф.] Витте наперед можно было разгадать... Очень жаль, ч[то] в обоих речах забыли про то, что унияты существуют и вне Холм[ской] дирекции, и что не одному Холму отдано дело народное унитов. Это обстоятельство бросилось в глаза многим. На мне там /6 зв./ сочинили, будто я отбивал учеников от Холма. Небылица эта неприятна тем, ч[то], как мне известно, ее проповедовал делопроизводитель даже при открытии гимназии, горячо стоя за правду ее. Что это – ездил я, что ли, по деревням да убеждал. Целый месяц я сидел в Бялой и принимал, кто приходил. Какой-то ксендз туда привез эту весть. Но от них всяких вестей наслушаешься...

Не знаю, уехал ли, наконец, Феофан во Львов. Мое письмо к нему лежит там уже 3 недели, а не дольше 4 дней я получил от Феофана письмо из Холма еще, а пишет, что собирается ехать.

Если [П.В.] Кизимовский приедет, то в Бялой не будет только учителя рисования; но о нем давно уже начата переписка.

Сiju, копчу над канцел[ярскими] бумагами. Из гимназии нельзя откомандировать писца к себе, коротки руки у меня для этого. Я уже и в

⁴⁷³ Велика княгиня Олена Павлівна (1807–1872) – дружина Михайла Павловича, брата Олександра І. Підтримувала ліберальні реформи, в її домі відбувалися регулярні зустрічі членів імператорської родини із не придворними особами для обговорення реформ. Була засновницею Хрестовоздвиженської сестринської общини.

Комиссию писал об этом, да и оттуда ничего нет. Феофан пишет, что послал представление о назначении ему помощника и увеличении канц[елярских] чинов до 6. Мне бы хоть два писаря дали, без помощника обойдусь, хоть хорошо было бы и с помощником (а еще лучше с инспекторами начал[ьных] училищ по уездам), все одно как лучше ездить в карете, чем в фаэтоне.

Жизнь наша домашняя та же, что и была. Живы-здоровы трошки и кланяемся Вам.

Вы, кажется, покинули проект об уничтожении моего долга «[Киевским] епарх[иальным] ведо[мств]м» отпечатанием моих статей, помещенных в «Сборнике» попечительском⁴⁷⁴. Если так, то нам нужно рассчитаться прямо. Напишите, сколько за мною остатка. На днях высылаю «Руководству [для сельских пастырей]» 12 руб., недавно только узнал я, ч[то] оно считает за мною этот долг, а я помышлял еще с него стянуть что-нибудь.

/6 зв. збоку/ Левитский приехал в Седльце. Удачно ведет свое дело. Живет пока у нас. Флоринский вышел очень неудач[ный] учитель. Все у него виноваты, всякий раз застанешь у него толпу на коленях и на ногах. Немало не умеет войти в дух учеников и преподает очень неловко. Эх, каюсь. Написал в Комиссию, чтоб перевели его в Седльце вторым учителем по рус[сим] предметам (два учителя должно б[ыть]), тут он буд[ут] у меня на глазах, всё буду кучить, а то [П.Г.] Рублевский не решался ему заметить, хоть крайне недоволен им. Я побранил его за суровое и мужицкое обращение с учениками, а он и обиделся. Полина Гр[игорьевна] приняла мою сторону, и мы его, мож[ет] б[ыть], победим.

/6 збоку/ Ничьих прощений я не держу, все они у Феофана. Что-то я побаиваюсь едущих ко мне семинаристов, окончивших курс, едва ли усидят они здесь. Если три едет, то 4-го такого же не нужно, уже едет из Петербурга – полтав[ский] семинарист. Опять хохломания! Но его рекомендовал мне [Ф.Ф.] Витте, лично видевший его в Петербурге.

/5 зв. збоку/ Исключенников, пожалуйста, найдите. Я писал Вам об одном новом (фамилию забыл), он явится к Вам. Нет ли из гимназистов кого? Да, [Ф.Ф.] Трепов⁴⁷⁵ хлопочет об учителе народ[ного] училища г. Васильков, я согласился принять его – не явится ли он к Вам, берите его ко мне. Три-четыре человека таких мне сейчас нужны. Буду теперь православных замещать.

/5 збоку/ Видели ль Вы в «Дне»⁴⁷⁶ объявление об издании «Страхапуда»⁴⁷⁷? Славная штука для знакомства с положением галичан. Не хотите ли видеть его, я пришло Вам за нынешний и прошлый год. Не знаю, почему мне высылают его от имени [кн.] Черкасского из Варшавы, и выслали разом за два года.

⁴⁷⁴ Циркуляр по управлению Киевским учебным округом.

⁴⁷⁵ Трепов Федір Федорович (1812–1889) – генерал-поліцмейстер Царства Польського у 1863–1866 рр.

⁴⁷⁶ *День* – газета слов'янофіла І.С. Аксакова, виходила в Москві у 1861–1865 рр.

⁴⁷⁷ *Страхопуд* – москвофільський сатирично-політичний часопис. Виходив у Відні у 1863–1868 рр. і у Львові в 1872–1913 рр.

М. Тихомиров до Петра Гавриловича
18 листопада 1865 р.

Ф. 154, № 142

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ ответ 23-го ноября

18 ноября 1865 года.
 г. Житомир

Уважаемый Петр Гаврилович!

Настоящим письмом к Вам я обязан Юлии. Не имея возможности писать к Вам сама по причине образовавшейся на одном из пальцев правой руки страшной ногтееды, она просила меня, во 1-х, искренно /1 зв./ поблагодарить за Ваше всегдашнее доброе внимание и участие в судьбе их; во 2-х, просить Вас потрудиться послать человека в дом некоего Василия Васильевича Тарновского⁴⁷⁸, находящийся на Софийском или Житомирском спусках, и узнать там, где находится теперь сам Тарновский – в Киеве или в своем имении Потоках, и известить о том. Вы весьма много обяжете ее.

Особенных новостей у нас /2/ в Житомире нет. Холера в последнее время значительно ослабела. Семейство брата остается в прежнем положении, т.е. Валя хиреет, а Юля как тень бродит за ним. Конечно, приезд брата Ивана несколько уразнообразил жизнь их, но в настоящее время они начинают тревожиться относительно долгого молчания брата Павла. Надобно полагать, что он как новичок сильно занят службой своей. /2 зв./ Сам я здоров, и с пожеланием Вам всех благ

Остаюсь Вашим покорнейшим слугою М. Тихомиров

P.S. При отъезде своем брат условил жидка доставить ему из Киева от Попова щепы или кусты огородных деревьев, не знаю. Между тем, сейчас явился жидок с прилагае[мым] при сем письмом к Попову, объявил, что подрядившийся еврей куда-то отлучился из Житомира и не скоро будет в Киеве. Поэтому Юля очень просит Вас отослать письмо по принадлежности, приказать Василию Вашему, чтобы для перевозки упомянутых кутов в Житомир, он отыскал бы кого-нибудь жидка-бола[...]

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
30 грудня 1865 р. / 11 січня 1866 р.

Ф. III, № 3464

/9/ 30 дек[абря]/11 янв[аря] 1865/6 года
 Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

⁴⁷⁸ Тарновський Василь Васильович (1810–1866) – етнограф, юрист, громадський діяч.

С новым годом! Пошли, Боже, всего наилучшего! Живы ли, здоровы ли? Давно уже я писал Вам. Все гости мешали. Вот оно что – и у нас водятся гости! Да еще и немало: чуть не вся бельская прогимназия прогостила у нас целых пять дней с хвостиком. Приехала пред днем св[ятого] вечера и уехала только вчера. Первый раз, после приезда в Польшу, мы очутились будто в Киеве, видя в своем доме все старых киевских знакомых. Но затем гости разъехались, пошла опять канцелярская суета, не заставит себя ждать и скука...

Дней за пять-шесть до праздника я возвратился из Варшавы, где виделся с Феофаном. Жаль, что он приехал туда уже пред самым выездом моим, и хотя я ради удовольствия побеседовал с ним и остался еще на один день там, и целый этот день провел только с ним, однако это весьма мало. Больше и больше приходит нам с Надинькою /9 зв./ охоты побывать в Холме, а затем перетащить к себе, хоть на месяц, Юлию Александровну.

Юлия Наркиссовна писала, что в мае собирается за границу. Надинька поедет с нею. А по возвращении из Немечины непременно поедет в Холм хоть на два-три дня.

На два-три дня, потому что я не могу отлучиться на более продолжительное время. Вся задача в том, что в Бялой мне приходится строиться. Может быть, в феврале, но не позже августа, Бельская прогимназия преобразуется в гимназию, а для этого необходимо построить там другое здание, больше прежнего ее здания. На днях ожидаю архитектора, чтобы отправиться туда с ним для составления плана и сметы на постройки. Мне как председателю строит[ельного] комитета придется прожить там чуть не все лето. А с весны же начнется постройка там правосл[авной] церкви, эту работу также хотят взвалить на меня. Между тем, хлопоты мои о перемещении дирекции моей из Седльца в Белу, почти уже достигшие цели, вдруг встретили поражение. Все согласилось было, я уже и квартиру приискал для себя в Белой с 1-го апреля. Но приехавший недавно [Н.А.] Милютин, у которого я был, стал решительно против моего плана: «В Седльце будет жить губернатор – там же пускай живут и все губер[нские] учреждения; не то все будете идти врозь, живя далеко один от другого. При том директор училищ есть вместе и член Губер[нского] правления...» Вот его аргумент. Что делать? /10/ Будем жить и в Седльце. Но целое лето придется жить на два дома...

О [Н.А.] Милютине (я обедал у него) скажу, что это человек, каких я еще не встречал. Не столько ум его замечателен, сколько натура – сила. Все далось ему этою натурою, и потому гениальный ум выражается в нем так просто и естественно, что для нас, стяжавших разные познания путем мачехи-школы, путем розок, эпитимий и под., это кажется невозможным, пока не увидишь на живом примере. Самые трудные задачи он решает шутя, как бы дело шло о выборе туалета или сигары по вкусу личному. Огромная голова на таких же плечах – строго гармонирует со всем корпусом его. В целом виде этот организм чрезвычайно прост и гармоничен. Кажется, решительно ничто в нем особенно не поражает, но весь он для нашего брата – поразительное явление. Эх, школы наши, школы!.. Он держит себя так просто, что никому и в голову не придет видеть в

нем пред собою какого-нибудь Велёпольского⁴⁷⁹ – предшественника его: самая тщедушная мелкота чувствует себя здесь как бы на самом нормальном и самом свободном месте. Веселость, легкий юмор – вот его характер, который в нем выдерживается на каждом шагу, от оценки венгерского вина до решения последних судеб Польши. Лет ему под 60, волосы белые, голова полулысая; но здоровья у него еще по крайней мере на 20 лет. У [кн.] Черкасского на первом плане тоже натура гениальная, но натура жесткая, упругая, стесняющая... Я узнал на этом обеде судьбу Польши. По правую сторону Вислы должна быть совершенная Россия, по левую – Польша, но до некоторого времени – чем кончатся современные политические дела Европы. /10 зв./ Скоро вычеркнут на карте имя Польши, будут только рус[ские] губернии N, N, N... числом 10. Там же мне предложены были след[ующие] вопросы: 1, Как[им] обр[азом] удобнее превратить Седлец[кую] гимназию в русскую? («Постепенно»); 2, Не время ли открыть на юге моей дирекции русскую прогимназию, кроме Бельской? («Лучше на севере, к границам Августов[ской] губернии, где довольно литвы и отчасти руси»); 3, Не открыть ли с будущего же учеб[ного] года в Бялой женскую русскую, другую гимназию? («Если в Холме окажется не менее 70 учениц»); 4, Необходимо ли устроить викариатство унитское в Холме или в другом пупке, на севере, как хочет [кн.] Черкаскай? (На севере, и именно в Янове, на месте знаменитого [еп.] Шиманского, которого кафедру перевести в другое место или вовсе уничтожить»).

Губернатором в Седльце, говорят, будет какой-то гр[аф] Шувалов. Приедет он в начале февраля и начнет устроить губернию. Люблин[ская] губерния разделится на две: Люблинскую и Седлецкую. Вероятно, согласно с этим поделятся и учеб[ные] дирекции, так что одному из нынеш[них] трех директоров ([А.Г.] Теодорововичу) придется перейти в новую, неожиданную губернию – Калишскую. Эх, если бы меня избавили от униятов! В ноги поцеловал бы. Впрочем, это еще предположение, которое, может, и не выполнится.

Могу ли я надеяться на получение от Вас баса? О нем я писал Вам в прошлом письме. Могу подождать еще с месяц, даже другой, если бы надежда была. Мне рекомендуют какого-то Архиповича, окончив[шего] курс семинарии. Будьте так добры, постарайтесь этим устроить пение в нашей Седлец[кой] церкви (с весною начнется постройка новой, отличной), которое теперь – страшный конфуз для нас пред ляхами. Место псаломщика учителю нашего училища уже очищается. Если этот учитель будет хорош, то он может рассчитывать на учительство в будущей Седлец[кой] рус[ской] прогимназии, п[отому] ч[то] [Н.А.] Милютин дал мне такой план об эт[ом] училище: в след[ующем] году сделать его двухклассным, и в следующем затем – прогимназию; потом прогимназию переменить в гимназию, уничтожив польскую.

Прощайте. Все низенько кланяемся Вам.

Искренне любящие Вам Крыжановские.

Павлу Федоровичу и Сусанне Ив[.] наш низенький поклон.

⁴⁷⁹ Вельопольський Олександр (1803–1877) – голова комісії духовних справ і сповідань у Царстві Польському у 1861–1863 рр.

/10 зв. збоку/ Из присланных Вами семинаристов одного (Гриневича) оставляю на писарство в моей канцелярии (300 р.с.), другие уехали на места. Слышно, что народ оч[ень] неприязненно принял их. Поеду разбирать дело. Я поместил их в самых ополяченных околицах, в 30 верстах от Седльца.

/9 зв. збоку/ Ко мне просится в сельские учителя бывший товарищ мой – Похилевич. Если он не ледащо и если согласится до времени послужить за 150 руб. сер., то пускай едет. Дайте ему имеющиеся у него 50 руб. сер. На подъем для учителя Седлец[кого] училища Комиссия на днях вышлет Вам pienięzy⁴⁸⁰. Если бы попал Вам какой-либо способный учитель из исключенников, то – будьте так добры – дайте мне знать о нем, я попрошу Комиссию выслать ему деньги. Мне нужно в эту пору 10 таких учителей, а я не имею еще ни одного. Хочу отписаться в Кременец или в Житомир, также в Минск к Турчиновичу⁴⁸¹ об этом.

/9 зв. збоку/ [П.Г.] Рублевский роди сына – Владимира. Дали ему имя сами, еще и не молитвовано оно. 3/15 генв[аря] еду крестить. Бесконечно рад я, что таки выхлопочу ему то содержание, на какое он приглашен, т.е. 2100 р. И мне в числе 5 директоров прибавляют к жалованью 1000 р. сереб[ром]. Штат канцелярий наших увеличивают до 5 человек.

Удастся ли получить святую Анну, к которой представлены все директоры? [Ф.Ф.] Витте говорил, что [Ф.Ф.] Берг не соглашался представлять к ней тех, которые приехали после декабря. Может, так и будет.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
22 січня / 3 лютого 1866 р.**

Ф. III, № 3465

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 4-го февраля
31 янв[аря] 1866 г.

22 генв[аря]/3 февр[аля] 1866 г.

г. Седльце

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Только что хотел я приняться за перо, чтобы писать к Вам, как является Засадкевич. Хорош, видно, малый; но жаль, что он не может быть псаломщиком-регентом. Вы пишете про баса-консistorиста: не знаю, какое место дать ему. При ожидаемом увеличении штатов канцелярий наших имеют открыться у меня три места: контролера (500 р.с.), архивариуса (360 р.с.) и писца (225 р.). Конторское место я уже обещал теперешнему писарю моему, а на его место (300 р.с.) просится один из трех присланных Вами учителей – Гриневич, служивший в консистории.

⁴⁸⁰ *Pienięzy* – гроші (польс.).

⁴⁸¹ Архімандрит Турчанович Афанасій (пом. 1867) – ректор Мінської ДС (1865–1867); випускник КДА 1857 р. Вступивши на посаду, розпочав ревізію щодо економічної частини семінарії і ініціював слідство, що закінчилося у 1868 р. Мінська ДС на той час була слабкою.

На должность архивариуса просятся два поляка – способные люди, бывшие – один в Седлец[кой] гимназии, другой в прежней Бельской прогимназии писарями. Каков этот бас? Если он может быть хорошим архивариусом (но хорошим), то – пожалуй – откажу полякам. Если же он тма-мна-здо-тлю, то не поедет ли он на 225 руб. сер.? Если бы архиерей согласился сделать его – чиновника – вместе и псаломщиком! Но этого трудно ожидать. Впрочем, опишите мне способности его, тогда будем посмотреть.

/1 зв./ Сегодня же я получил от Вас документ Терешкевича. Свидетельство его весьма хорошее – отчего он вышел из семинарии? Если Вы получите из Комиссии деньги на прогоны еще для трех учителей, то высылайте его. Я говорю – для трех, т.е. для Седлецкого и для двух в унитские деревни, – Засадкевич приехал на остававшиеся у Вас 50 руб. с. для 4-го учителя двухклассных училищ.

Мне нужно и нужно людей. Потому, будьте так добры, вышлите мне этих трех (в том числе Терешкевича и одного для двухкл[ассного] училища), а потом – кто случится хороший, высылайте документы его, выдавайте ему прогоны, а я тот час буду писать Комиссии о возвращении Вам за каждого по 50 руб. сер. 12 училищ не открываются по неимению учителей. Дайте этих 12 учителей. Я уже написал в Минск к Турчиновичу – нет ли там охотников. Но надежда на Минск плоха, там не меньше нашего нужны такие люди.

Седлецкое наше училище растет. 10/22 числа открыли мы его (со спичками, бокалами, музыкою – совсем перепугали ляхов!), занимался доселе Колесницкий (великолепно учил! Начавшие с а, б, в... теперь свободно читают всякую книгу!) В первый день явилось 8 учеников, теперь их 20 (из них 14 правосл[авный], 1 католик и 5 жидов). Думаю поэтому распочать дело об открытии в Седльце русской прогимназии. Кстати, есть прицепка: по новому уставу (печатается) приходится низшие четыре класса Седлец[кой] гимназии, в которой по 90 с лишком учеников, разбить на параллельные, для которых потребуются особый штат учителей. Так не лучше ли ради потребности в русском /2 зв./ обучении отделить эти 4 класса и придать им только нового инспектора, писаря, да нанять помещение...? У меня идет уже переписка с [Ф.Ф.] Витте о превращении Седл[ецкой] гимназии в русскую. Требую сейчас же инспектора сюда – русского, а далее постепенно всех учителей буду переменять на русских. Постепенность мне нужна единственно ради невозможности найти разом рус[ских] учителей для всех предметов и сильного нежелания, чтобы настоящие учителя, оставшись за штатом, сидели здесь и туркали, все зная учеников, да пороги оббивали бы мне с женами и детьми, прося места, плача и убиваясь (по здеш[нему] положению остающийся за штатом получает только половину жалованья). Я вынес на своих плечах превращение Бельской прогимназии и ни за что не соглашусь на другой такой же опыт.

За брошюры большое спасибо. Еще в Киеве я страстно занят был мыслью добиться происхождения дорожных крестов⁴⁸².

⁴⁸² Малышевский И. О придорожных крестах // ТКДА. Т. 3. Киев, 1865.; окр. відбитки – С. 1-106

На сих словах прервал меня приехавший из своей деревни один из трех семинаристов – Теодоровович. Другие ничего себе, но этот беду мне привез собою. То несомненно, что ксендз народ бунтует против москаля. Но учитель, как видно, мерзавец: пьет, развратничает, говорит дерзости военному начальнику, народ как скотов честит. Чего я наиболее боялся, то и случилось: он профанировал, подлец, пред унитами русских учителей. Что с ним делать? Переслать на другое место? Пешком, разве, пойдет, да и там обесславит – еще дальше пойдет молва про беззаконие рус[ских] учителей. Подлец!

Не хочется и продолжать уже о крестах.

Посылаю при сем 3 руб. сер. – будьте так добры, передайте их моему племяннику Вышинскому, ученику 1-го кл[асса] 1-й гимназии. Пускай купит себе, что хочет.

Уставы наши, как я сказал, печатаются уже. Но если введут только с нов[ого] учеб[ного] года – в пол[ьские] гимназии, /2 зв./ в русских теперь же. Они – только копия с Ваших уставов за исключением нескольких фраз да жалованья служащим (в рус[ских] гимназиях 1500, 1200, 1000, в прогимназиях 1200, 100).

Самое крупное явление теперь в Польше, это переход польских ксендзов на жалованье. [Кн.] Черкасский стяжал себе этим славу более чем уничтожением монастырей⁴⁸³. Уничтожить сотню-другую монахов, парализовать монастыри – это не то, что парализовать всех ксендзов, имевших половину непосредств[енного] влияния на народ. Эти люди владели страшными нравств[енными] средствами только потому, что располагали громадными средствами материальными и были вполне независимы от народа. В дирекции моей есть несколько приходов, которые давали ксендзам не менее 20 тыс. руб. сереб[ром] чистогану – с одних недвижимостей (деревни, леса, луга, заводы всякие, магазины, лавки и под.). Придет к нему парочка венчаться – он не только не возьмет с нее за обряд, но подарит еще невесте золотые серьги, кольцо, а иной к[...] (этим способом множество унитов перетягивали в латинство). И в[...] 20 тысяч переход на 400 р. сер. и ни йоты больше, кроме квартиры, и огорода кусочек! Все пошло в казну: описывается и продается с публич[ных] торгов: все коровы, овцы, пасеки, посуда домашняя (ведь для них насчет церкви покупалось и это), медовые и пивные погреба, все хозяйство, кроме полудюжины стульев, двух столов, 6 стаканов и 6 тарелок с вазою. Страшнейшие проклятия повсюду изрыгаются ксендзами на [кн.] Черкасского. Теперь будут брать за требы, а потому будут в зависимости от народа. Седлецкий пробор[...] имеет до 150 коров, столько же волов (а полей, лугов!), три дома отдает в наем, три парафии имел (держал на них викариев). Говорят – заболел страшно, потому что Седл[ецкий] приход положен во 2-м кл[ассе] – 400 р. сер. и баста. Но хитрый человек – [кн.] Черкасский. Он потребовал предварительно сведений, что даст кажд[ому] ксендзу парафия его. Все они были уверены, что не отнимая эт[их] доходов, додадут жалованьем, где их мало. Потому показали как можно меньше. Где было 20 тыс. – там показали 300–400 р., где 10.000

⁴⁸³ У 1864 р. всі василіанські (греко-католицькі) монастирі були закриті, деякі перетворені на приходські храми. Діючим залишився лише Успенський монастир у Варшаві, куди перебралося чимало монахів із закритих монастирів.

– там 300 р., дошло до того, что в большей части приходов показано б[ыло] доходов меньше 150 руб. с[еребром], тогда как ни один не давал меньше 1500–2000 р. с. «Ну, голубчики, так вы только бедствуете с хозяйством, мозоли натираете и голодаете – отдайте же казне это, а вам нате жалованье – честные денежки, и притом вдвое против того, что дало вам хозяйство». По показанию ксендзов, общий итог доходов их /2 зв. збоку/ по целой Польше выносил 450 тыс. р. с., им удвоили эту цифру. Вот как надулись отцы и патеры! Кроме сего: все остающееся в пользовании ксендза (квартира, огород, посуда) управляется войтом, ксендз не имеет права нанять кому-либо огород, квартиру, за пропавшую посуду отвечает такую же вещь. Если бы он захотел нанять что-нибудь из этого другому кому, делается войтом торг, и деньги идут на нужды костела. Вся плата за требы вносится в руки церков[ного] дохода, она употребляется на нужды костела и только остаток выдается ксендзу – с ведома Управления духов[ных] д[ел]

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича

27 січня / 8 лютого 1866 р.

Ф. III, № 3407

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ Отв[ет] 19-го февр[аля]
порушение – о басе и иконе для Львова

27 генв[аря] / 8 февраля 1866 г.
г. Холм

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Видно, в тяжелый день я выехал в Варшаву, что, воротившись оттуда, до сих пор не соберусь написать Вам. Все отчеты, да разные текущие дела, а недавно в Люблин ездил, также по делам.

В Варшаву, как я писал уже, [Ф.Ф.] Витте звал по случаю приезда [Н.А.] Милютин. Видел же я сего великого деятеля по делам Польши – сперва в его квартире, в Брюлевском дворце⁴⁸⁴, куда возил меня [Ф.Ф.] Витте, потом на обеде у [Ф.Ф.] Витте, потом у [кн.] Черкасского и, наконец, на бале у наместника, куда и аз многогрешный затесался. Прехороший человек, чрезвычайно ласковый и приветливый. Много расспрашивал он меня о галичанах, и много доброго успел я сделать для них чрез него. [Н.А.] Милютин, по моему представлению, согласился снабжать чрез меня галичан русскими книгами на счет правительства, предоставить им стипендии в университетах, допускать в холмскую гимназию /1 зв./ и педагогические курсы и даже в гражданскую службу. Завязать такую связь необходимо, о чем когда-нибудь на досуге буду писать пространнее. Жаль, что [кн.] Черкасский подозрительно смотрит на галичан и все славянские народы называет мошенниками, попрошайками. Впрочем, пред [Н.А.] Милютиным и он

⁴⁸⁴ Напевно, палац Оссолінський, куплений Генриком Брюлем, у центрі Варшави, в якому в середині XIX ст. розміщувалась резиденція намісника. Не зберігся.

склоняется. Недавно, говорят, вышла в Варшаве след[ующая] картина, произведение какого-то русского чиновника: летит борзый конь, копытами мечет во все стороны, топчет всех попадающих под ноги, бьет и по сторонам. [Наместник] Берг стоит в стороне в испуге. [Генерал-полицмейстер] Трепов держится рукою за окровавленную свою щеку и хватает за поводья, [Ф.Ф.] Витте отскочил вбок, закрывшись рукою и почти припав к земле; прочие кто куда, кто куда попал. Конь с головою [кн.] Черкасского, а на коне сидит [Н.А.] Милютин и с чрезвычайным напряжением силится удержать поводьями и мундштуком.

Удалось кое-что и для гимназии сделать чрез [Н.А.] Милютина. Разрешено дать деньги на медицинские пособия; число и размер стипендий предоставлены моему усмотрению, с тем, что деньги будут давать по моим представлениям.

[Кн.] Черкасский отдал флигеля пиарские, о которых безуспешно хлопотал я и [Ф.Ф.] Витте целых 8-мь месяцев. Согласился он также на перепечатание «Слова к народу католическому, или Народовещание», оставленного мною в Львове, и /2/ деньги обещал. Обещал также деньги на издание материалов и сведений о Холмщине, что, мимоходом замечу, возможно было бы только с переселением сюда [В.Б.] Антоновича. Впрочем, давняя клевета униатов оставила свои последствия. Так, он восставал против моей речи, похваленной в Варшаве всеми и даже [Н.А.] Милютиным, по рассказу [В.М.] Белозерского и [П.А.] Кулиша. Так, мне лично высказал такое мнение, будто бы я стараюсь обращать в православие, на что я ему отвечал, что оставил без действия даже нарочитые просьбы по этому предмету двух или трех учеников. Ефиму М[ихайловичу] заметил, будто я отмежеввал себе огромную квартиру – комнат 100, на чем и Ефим М[ихайлович] его опроверг. Главная причина его недоверия и некоторого неудовольствия заключается, кажется, в [Й.С.] Сидорском, которого я невзлюбил почему-то с первого разу, и которого Ефим М[ихайлович] ругает уже на чем свет стоит, называя его величайшим подлецом. Дело в том, что [кн.] Черкасский еще в самом начале поставил нам как бы в обязанность вести переписку с [Й.С.] Сидорским. Я писал очень редко, Ефим М[ихайлович] очень часто, в результате вышло одно и то же мнение о [Й.С.] Сидорском; но [Й.С.] Сидорскому не по вкусу пришлось мое отношение к нему – далекое. Проиграл ли я от этого, сказать не могу. По крайней мере, и Ефим М[ихайлович] дал себе слово не писать [Й.С.] Сидорскому, а что до замечаний кн. Черкасского, то есть пословица: на всякое чихание не наздравствуешься.

/2 зв./ [Ф.Ф.] Витте по-прежнему добр и ласков ко мне, и дай Бог, чтобы так было и на будущее время. Представил нас к орденам на шею, да доселе не выходят. Верно, и не выйдут уже. [В.В.] Вилуев недавно писал мне: ждем на днях, или отложат до Пасхи; скорее, впрочем, надо ожидать последнего. [Граф] Берг не хотел пропустить меня и Ефима М[ихайловича], но [Ф.Ф.] Витте сказал ему, по словам Ефима М[ихайловича], слышанным от самого [Ф.Ф.] Витте, будто мы первые директора. [В.В.] Вилуев представлен в д[ействительные] с[татские] советники. О том, что [Ф.Ф.] Витте и [И.Г.] Михневич получили Станислава 1-й ст.

еще летом, Вы, конечно, знаете. Мы с Ефимом М[ихайловичем] еще в ноябре утверждены в должностях директоров, а то были *pełniącymi obowiązki*⁴⁸⁵.

Был я однажды у пр[еосвященного] Иоанникия и не застал его дома, а в другой раз совершенно некогда было. На выезде, когда я почти садился на почтовую тележку, он прислал мне образ Божией Матери в серебряном позолоченном окладе и просфору. Идти к нему невозможно было; пришлось ограничиться благодарственным письмом из Холма.

Хочу, впрочем, утешить его братством, которое он, побуждаемый Синодом, очень хотел бы видеть в Холме. Жаль, что все некогда приняться за это и мне желательное дело.

Вспомнил кстати: познакомился я в Варшаве с известным [С.П.] Сушковым⁴⁸⁶, который приезжал туда /3/ по поручению Синода для устройства там правосл[авной] семинарии, братства и вообще по делам православия. Синод так яр, что хотел бы немедленно обращать униатов в православие. [Кн.] Черкасский поэтому страшно сердился и о Сушкове говорил мне, что если приедет в Холм, то просто не пускайте. В этом случае [кн.] Черкасский более прав, чем Синод, [преосв.] Иоанникий и [С.П.] Сушков. И Репнин писал когда-то, что дела веры весьма суть деликатны, а тут хотели бы просто за горло брать. [Преосв.] Иоанникий доверчив до наивности. В Седлецкой дирекции жандармы и козаки, по распоряжению военных начальников, выгоняли народ на встречу; а он принял это за наличную монету. Мне лично рассказывал пренабожный жандармский полковник, как в деревне Люхове, за отсутствием православных, «подпустили маленько» поляков, чтобы церковь не была пуста во время архиерейского богослужения. Тут вот никак не добьются проповеди на русском языке. Недавно военные участковые начальники созывали ксендзов униатских для увещания. Что же вышло? Те упорно отказывались, а поручик Ермолаев, воронежский семинарист, чуть ли не мой ученик, так возревновал о православии, что дал в ухо ксендзу Козловскому, а тот ему, а тот ему, /3 зв./ а потом за волосы друг друга дергали и в потасовку. Пренелепейший скандал! Поляки просто в восторге, [еп.] Калинин телеграфировал [наместнику] Бергу. Произвели следствие, но решения пока нет.

Заговорив о местных событиях, буду и продолжать. Недавно умер ректор Холмской семинарии [о. Иоанн] Шокальский. Посадили бы на его место Криницкого⁴⁸⁷, доктора богословия, прибывшего в праздник из Галиции чрез Варшаву и определенного пока законоучителем гимназии; но [еп.] Калинин

⁴⁸⁵ *Pełniącymi obowiązki* – виконувачами обов'язки (польс.).

⁴⁸⁶ Сушков Сергій Петрович (1816–1893) – церковний діяч (мирянин). Перебуваючи у відставці, служив із прот. Васильєвим у Парижі, із 1862 р. службовець Синоду. Займався зокрема питаннями реформи освіти у духовному відомстві.

⁴⁸⁷ Криницький Іполит – викладач Віденської греко-католицької духовної семінарії, потім священик Перемишльської єпархії (П.П. З життя Віденських русинів // Мета: Політичний часопис на рік. Львів, 1865. С. 392–339), у Відні займався українськими видавничими справами у Вірменській друкарні. У 1866 р. став ректором Холмської духовної семінарії і залишався на цій посаді після приєднання греко-католиків до Православної церкви.

при первом его появлении запротестовал и формально требовал от меня, чтобы не допустить его к чтению уроков по той причине, что он не имеет отпуска от Львовского митрополита и никаких доказательств своего священства. Не знаю, что скажет [кн.] Черкасский.

На Крещение святили мы торжественно воду с ружейной пальбой⁴⁸⁸, а потом окроплена была гимназия. Когда мы расположились закусывать в моей новой квартире, внезапно ворвался униатский ксендз и с яростию стал кропить во все углы. Я принял его с подобающей честью, чтобы избежать нового скандала. Вообще ксендзы сильно возбуждены, особенно на Подлясье. Это, впрочем, не помешало в Бяле снять запрестольную картину убийства [Иосафата] Кунцевича, которая гостит теперь в каби-/4/нете [кн.] Черкасского⁴⁸⁹.

Абрамович показал себя совершенным свиньей. Он пристал ко мне, чтобы я представил его в учителя математики или латинского языка, доказывая, что ему стыдно быть учителем пения. Я отказал наотрез, и он поехал в Варшаву попытаться поступить к [кн.] Черкасскому на службу. Посмотрим, что выиграет; но и в учителя эдакого невегласа, не имеющего никакой степени, пускать грешно. Для возврата Ваших денег нужно будет изобрести особый способ, если он останется в Варшаве. Расписки, о которой прописываете в письме, я не получил.

Благодарю Вас за Ваши хлопоты по моим делам, а также за присылку брошюрок Малышевского⁴⁹⁰. О крестах очень понравилась, хотя следовало бы еще прямее; но прочитавши речь, я пожалел о том, что все это прекрасное содержание не вышло из уст более прямого и честного и менее уступчивого человека, а то вертится, как сучка, по обыкновению. Конец страницы 12 и начало 13-й почему-то без смысла. Почему? В том месте, где говорится о гостях из Нижнего [Новгорода], Калуги и проч., я подумал, что [Богдан] Хмельницкий просто батожьем погнал бы этих гостей, особенно их подлое начальство.

/4 зв./ Известие об ордене [М.В.] Юзефовича просто возмутило меня. Верно, суждено вору красть до смерти, как и мою награду украл. Неужели [В.Б.] Антонович останется с этаким подлецом? Готов побожиться, что надует. [В.Б.] Антоновичу я писал по приезде из Варшавы. Не знаю, получил ли он мое письмо. Я обещал ему в самом непродолжительном времени перемещение на латинский язык, с жалованием в 1200 и даже 1500 р. Могу и квартиру дать. Убедите его каким-нибудь способом ехать в Холм; по крайней мере пусть скажет да или нет. Кафедра польского может быть сколько угодно пустою, но на

⁴⁸⁸ За петербурзьким звичаєм. На урочистому водохрещі на Неві була присутня імператорська родина.

⁴⁸⁹ Впоследствии эта икона передана в Румянцевский музей в Москве, где и теперь хранится – *примітка КС*.

⁴⁹⁰ Известный ученый, профессор Киевской духовной академии. Брошюра эта написана по поводу распоряжения гражданского начальства о снятии придорожных крестов, ставленных будто в подражание римским католикам. Г. Малышевский в этой брошюре показал, что придорожные кресты древнего православного происхождения у нас появились еще при в. кн. Ольге, и первый крест водрузил еще апостол Андрей на горах киевских – *примітка КС*.

латинский нужно теперь же, а я так и думал сразу поручить ему латинский язык, а потом представить к перемещению.

Похилевича, о котором Вы писали, теперь могу назначить и на 300 руб. Дело в том, что, будучи в Варшаве, я таки добился этой прибавки из 2000 р., которые в этот год даются в мои руки на пособие беднейшим школам. Завтра высылаю представление о прогонах Похилевичу, а в воскресенье вышлю ему назначение. О Сташевском, о котором Вы писали давно, вспомнил только теперь. Он так малограмотен, как явствуется из прошения, что я не могу решиться взять его в учителя. Сегодня посылаю его свидетельство.

Будьте здоровы и счастливы.

Искренно любящий Вас брат Феофан.

27 января/8 февраля 1866 г.

/1 збоку/ Штаты наших канцелярий увеличены до 5-ти человек. Нет ли такого человека, который при хорошем почерке пел бы басом? Басов очень скудно, а хочется хор смастерить. Жалованье письмоводителю 300 р.с.

/2 зв. збоку/ Что писано в «Голосе» о протесте поляков против моего приезда в Львов, то справедливо, а писал [А.Я.] К[онис]ский⁴⁹¹, бывший, кажется, учителем в Полтавской гимназии.

/3 зв. збоку/ Галичане крепко просили меня о высылке икон из Киева к ним на Комиссию. Нельзя ли устроить это дело с лаврою? Потрудитесь поговорить с наместником, да и митрополиту написать, если нужно. Я сам хочу писать об этом митрополиту. Во Львове ужасающие /4 збоку/ латинством и безобразием иконы. Директор ставропигии говорил мне, что киевские иконы там весьма желательны и были бы полезны; он же слезно просил о высылке их. Может быть, лавра что-нибудь и подарила бы.

/4 зв. збоку/ Виленский попечитель Корнилов⁴⁹² вызывает также учителей филологии из Галиции. Не захочет ли и [попечитель] Ширинский⁴⁹³? Там их без счету.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[лютий] 1866 р.⁴⁹⁴**

Ф. III, № 3469

/7/ Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

⁴⁹¹ Кониский Олександр Якович (1836–1900) – перекладач, письменник, громадський діяч, громадівець, автор підручників для недільних шкіл. Спілкувався із галицькими українцями, був засланий до Вологди, а в 1865–1872 рр. жив у Львові.

⁴⁹² Корнілов Іван Петрович (1811–1901) – попечитель Віленського навчального округу у 1864–1868 рр.

⁴⁹³ Князь Ширінський-Шихматов Олександр Прохорович (1822–1884) – попечитель Київського навчального округу у 1864–1867 рр.

⁴⁹⁴ За пасхалією: заговіння на піст у 1866 р. було 6/18 лютого, Пасха – 27 березня/8 квітня.

Взаимно поздравляем Вас с постом и желаем в добром здравьи дожидаться Пасхи. Для Вас это ожидание – возжеленное, а для нас оно немножко странно. Там загудут колокола, весь люд встрепет, всё принарядится, друг другу веселости поддаст – есть чего ожидать. А у нас? Был при церкви колокол в 7 пудов, да и тот разбился пред новым годом. А принарядиться – для кого? Для ляхов и жидов, или для четырех стен? Кто веселости прибавит? Только и ожидания, что рождает чувство христианское. Но не аскеты же мы, чтобы до конца возрадовались только этим чувством. Встанет в воспоминаниях Киев, земля православная – пожалуй, еще скучнее станет, чем в пост. Левитский уедет за женою. Крестьян[ская] комиссия наша расстраивается, старшие члены уедут (мы очень хорошо были с помощником, председатель теперь назначается вице-губернатором в Плоцк – брат Подольс[кого] губернатора), новые не скоро приедут. Только и русских! Только и радости!

/7 зв./ Поздравляю Вас и с обедом в честь [А.П.] Безака⁴⁹⁵. Я уже читал все речи. Ну, как назвать [М.В.] Юзефовича, который в лице сына своего так курил [Н.Н.] Анненкову, а теперь пред [А.П.] Безаком так ругает его (бывшую до самого [А.П.] Безака администрацию)? О, штукмейстер!

Не знаем, кто будет у нас губернатором. Пока думали посадить здесь гражд[анского] губернатора, прочили сюда Шувалова⁴⁹⁶. Теперь же вдруг решили посадить военно-полицейского только. Мелкота, значит, дело! Сядет здесь на это губернаторство, кажется, сын [Н.Н.] Анненкова⁴⁹⁷. Не радуется это назначение. Добрый, хороший, танцор, да дело не по нем. Сюда бы именно [П.А.] Шувалова, или [Д.Г.] Анучина (последний уже назначен в Радом)⁴⁹⁸.

В прежнем письме я сделал ошибку. Не Теодоровович, а Кудрицкий оказался неловким малым. Был я на месте – плох человек. Теодоровович, напротив, весьма скромный малый.

Довольно пока для меня и семи человек. Двое еще едут из Минска. Беда с Комиссиею; гарантировали им по 150 р. жалованья, теперь требует, чтобы я изыскивал средства для этого. Положим, крестьяне дают на школу всего 50 руб. Остальные – откуда взять? Добавляю из суммы, находящейся в моем распоряжении, но ее, так[им] обр[азом], не хватит на другие предметы.

Переделка Седлец[кого] училища в прогимназию должна совершиться. Это объявлено [Н.А.] Милютиним даже и о Седлец[кой] гимназии. Но как приведут это в исполнение! Давно /8/ уже я предложил проект, да ответа на него нет. О

⁴⁹⁵ Ймовірно, в цей час О.П. Безак тільки прибув на місце служби. Петро Гаврилович був священиком домової церкви при генерал-губернаторському будинку.

⁴⁹⁶ Ймовірно, граф Павло Андрійович Шувалов (1833–1908) – генерал, брав участь у придушенні Січневого повстання.

⁴⁹⁷ Анненков Михайло Миколайович (1835–1889) – військовий, брав участь у придушенні Січневго повстання, а потім служив під керівництвом кн. Черкаського у Комітеті з реорганізації Царства Польського.

⁴⁹⁸ Анучін Дмитро Гаврилович (1833–1900) – генерал, брав участь у придушенні Січневого повстання. 3 липня 1865 р. Радомський губернатор (до грудня 1879 р.). Згодом Феофан Гаврилович вже на посаді начальника Радомської навчальної дирекції тісно перетинався з ним.

прогимназии нечего и думать, когда дело идет о гимназии. Я просил не взваливать на меня такого же труда по этому делу, как в Бялой. Разом приискать 15 лиц для гимназии немыслимо для меня. Прошу постепенности в этом деле и в инспекторы выбрал [В.Ф.] Грушецкого, сделал представление. Молчат и молчат. Как (дня три тому) [В.Ф.] Грушецкий, настроившийся в Седльце, пишет, что [Ф.Ф.] Витте призвал его и заказал готовиться инспектором в Грубешовскую прогимназию (которую переделывают в русскую)! [С.А.] Дахнович просится в Седлец[кую] гимназию, подал прошение – ему отказывают, а предлагают в Холмскую! Прошу определить Зенченка ([из] Петерб[ургской] семинарии), стали крутить, просить его в др[угие] гимназии, так что тот вовсе отказался от Царства Польского. Теперь я не имею ни одного порядочного кандидата в Седлец[кую] гимназию. Искать не стану, пускай сами и переделывают, и людей ищут.

И у нас погода такая же, как у Вас. До того стало тепло, что жаворонки запели, по снегам цветки выглядывали. Потом снег и мороз до 15°. С вчерашнего дня опять тепло, снег расплзается. Вчера соблазнились прокататься, и Сережа раскашлялся. Надинька ничего себе. От скуки все шьет, выдумывая всякие работы. Вчера кончила одну длинную работу, сегодня принимается за другую. В июне, если прибавят мне 3-ю тысячу, непременно отправлю ее в Зальцбург. Съездить туда дешевле обойдется, чем в Киев. Но что-то не сильно про 3-ю тыс[ячу]. Не сильно про увеличение канцелярий и про все другое, что так сулилось, когда я был в Варшаве пред праздниками Р[ождества] Х[ристов]а. У нас слово теплое – ох, как теплое! Да холодно от него! /8 зв./ Юлия недавно уже писала к нам. Жаль Вали!

Гельманн Надинькою очень ожидается. Ей ходится о компании, которую я рад доставить ей. Но я боюсь, чтобы Гельманн не явилась сюда с какими-либо особ[енными] претензиями. Сбитая с толку, она может тут скучать желанием поскорее выйти замуж, да требовать вывозов частых в свет. А свет у нас не широкий, в польских домах не бываем. Разве [П.В.] Кизимовского женить на ней, если примет православие.

Не радостна Академии прибавка жалованья. Все одно, что кость бросили собакам, передерутся и сильнейшие захватят обе все, оставив голодать слабейших.

Защита епископов-монахов барынею лучше всего доказывает необходимость для епископов барынь-жен. Только и кажется, что содержанка вооружается против своего любовника за желание его иметь законную жену. Ревность, ревность... Бабе это знает, что в гостинной женатого епископа им нет места и значения в обществе. Они пропадут тогда, приюта не будет, разве спустятся к архимандриту.

[приписка Надії Наркисівни Крижановскої] Здравствуйте, милый Петр Гаврилович! И я с Сережей желаем Вам всего лучшего и очень, от всей души благодарим за память. Здоровье мое, кажется, слава Богу, не делается хуже, хотя сил не особенно много. С весной думаем езжать за границу, куда я все приглашаю и Юлю с /7 зв./ Валеи, авось, может быть, что-нибудь поможет. Бедный Валечка, искренне сочувствую ему, зная по опыту, как несносна эта болезнь. До свидания,

милый, добрый Петр Гаврилович! Крепко целую Вас с Сереженькой. Как он /8 зв. вгорі/ теперь вырос, Вы бы его не узнали. Кланяйтесь от нас Сусанне Ив[ановне] и П[авлу] Федоровичу.

В следующий раз напишу больше.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
10/22 березня 1866 р.

Ф. III, № 3408/

/5/ Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Начавшиеся перестройки, а главное – поездки в Люблин и по дирекции, помешали мне ответить Вам своевременно. Тем более благодарен я Вам за новое письмо и поздравление с днем ангела моего. Воспоминание о моем рождении и крещении, о старичке, крестившем меня, и блаженной памяти родителей наших подействовало на меня на этот раз как-то особенно грустно. Бог знает, почему с некоторого времени мне слишком часто приходит на мысль, что осталось жить гораздо меньше, чем прожил, а приближение нового года моей жизни – 39-го, еще неотвязнее стало наводить на эту мысль. Дай-то Господи еще и еще пожить нам в добром здоровье. Теперь только и жить, благодаря Бога за неисчислимые Его милости.

/5 зв./ Работа растет с каждым днем, козни не уменьшаются, но ни на минуту я не чувствовал еще ни утомления, ни тем более охлаждения, напротив, с каждой новой работой прибывает охота делать и делать. Поразила меня как-то вычитанная фраза: «Кто в настоящее время не старался изобразить из себя полезного деятеля?» И побоялся я сего изречения и молю Бога, чтобы труд мой не был бесплоден.

Многое предстоит впереди. Вот гимназии никак не укомплектует. Странные все случайности выходят: то Чепурковский и соглашается, и отказывается по нескольку раз, то за Гнилова отказывается Виленский попечитель, не давая ему знать, а за Будкевича попечитель Киевский, то [М.В.] Юзефович грозит донести III Отделению, что якобы я хохломанскую партию образую, то галичан не пускает под разными прологами Львовское местничество. А тут еще и [Ф.Ф.] Витте по секрету пишет, что вон вошел уже с представлением о преобразовании Седлецкой гимназии и Грубешовского училища в русские заведения; между [тем] и для женской гимназии потребуются и классные дамы, и учителя. Где взять людей, когда так много требуется их разом, а тут насильно не /6/ пускают? На математику назначен как-то очень скоро Малиновский, учитель Полтавской семинарии. Только духовенством и пробавляемся, да униатами. Пишете: не увлекаюсь ли я галичанами? Да тут и татарами увлекся бы. Впрочем, я сам убежден, что скопление галичан (их будет до 6-ти) в Холме не может быть полезно, и заблаговременно просил [Ф.Ф.] Витте рассортировать их с преобразованием грубешовского училища, бельской прогимназии и седлецкой гимназии. Что [Ф.Ф.] Витте на это согласится, я не сомневаюсь; но не пишите о

сем Ефиму М[ихайловичу], так как он не терпит галичан, а ему придется накинуть хоть одного.

Сегодня получен новый штат гимназии и педагог[еских] курсов с увеличенным штатов. [С.Ф.] Грушевский и [Г.А.] Аристов будут получать по 1500 руб., а Леушинский с жалованьем помощника инспектора 1860 р. Пясецкий утвержден штатным учителем педагог[еских] курсов с жалованьем 1200 р. Совестно мне, что Соломоновский с такими же правами будет получать всего 500 р., а доселе был на 225 р. Учитель чистописания из Прилук будет назначен к нам, а жалованья по новому штату 800 р. Сергиенко, я думаю, раскается.

На днях я получил письмо от [Н.А.] Милютин. Он пишет, что данную ему [Ф.Ф.] Витте выписку из моих писем о поездке в Галицию он, по важности содержащихся там известий, счел долгом повергнуть на Высочайшее [усмотрение], /6 зв./ и что Его Величество удостоив прочтения сию выписку, соизволил собственноручно написать на ней: «Весьма любопытно»; причем прибавляет, что ему особенно приятно сообщить мне об этом, а также порадовать известием, что все мои представления об установлении связи с Галицией и о снабжении ее книгами увенчаются полным успехом. О последнем он заповедует секрет величайший и просит писать ему не по почте, а по оказии.

Известие о [А.П.] Безаке весьма интересно. А [Н.А.] Милютин действительно самостоятельный человек, хотя и очень деликатный.

[В.Б.] Антонович почти совершенно отказался из страха будто бы угрозы [М.В.] Юзефовича. Подлинное его письмо я препроводил [Ф.Ф.] Витте, спрашивая, что дальше делать, и не настаивая особенно на перемещении [В.Б.] Антоновича. Жду, что ответит он.

Галиция засыпает меня письмами. Все просят в учителя. Сейчас получил письмо от почтеннейшего [проф.] Головацкого⁴⁹⁹ с присылкою книг для раздачи по школам.

В Люблине на открытии гимназии женской [А.С.] Костанда и [М.А.] Буцковский столкнулись на том, кому поднять тост за здоровье Государя, иначе: кому первым быть. Поднял [А.С.] Костанда, но когда потом директриса, генеральша Жилий⁵⁰⁰, провозгласила тост за [М.А.] Буцковского, то [А.С.] Костанда не позволил провозгласить своего тоста и назвал [А.Г.] Теодорововича и Жилий повстанцами. Вышел огромный скандал. Дело дохо-/7/дило до [наместника] Берга. Недавно [Ф.Ф.] Витте писал мне, что надеется уладить это дело. Сюда вмешался и Волькенштейн, друг Букоцкого и Жилий, но принявший сторону [А.С.] Костанды. Я попал в самое неловкое положение, так как я со всеми был в самых добрых отношениях, и чтобы избежать какой-либо неприятности, поспешил уехать из Люблина.

⁴⁹⁹ Головацкий Яків Федорович (1814–1888) – лінгвіст, етнограф, член Руської трійці, професор, ректор Львівського університету, греко-католицький священник. У 1868 р. переїхав до Вільна, перейшов до православ'я, очолив Віленську археографічну комісію.

⁵⁰⁰ Жилий Марія Карлівна була наглядачкою Люблінської жіночої гімназії щонайменше до 1883 р.

[Еп.] Калининский целый год не получает жалованья⁵⁰¹. Теперь он продает все имущество, ибо в буквальном смысле есть нечего.

Денег с Абрамовича мне не удалось получить: потребуйте с отца, а если не отдаст, то я напишу сыну, что потребую через Комиссию.

Юлинька, слава Богу, здорова и Вам кланяется низенько. Она часто вспоминает Вас и всегда благодарит. Деточки тоже здоровы, просят Вашего благословения. Алеша, молясь Богу, почему-то вздумал петь молитвы, особенно «Богородице дево».

Прошу кланяться всем родным и знакомым, а Михаилу Ал[ександровичу] мой земной поклон. Что же брошюры о Холмской земле? Жаль, теперь денег на школы 2 000 р.

Будьте здоровы и благополучны.

Искренно любящий Вас брат Феофан.

10/22 марта 1866 г.

г. Холм

P.S. Нет ли регента на 500 р.?

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича

18/30 березня 1866 р.

Ф. III, № 3466

/3/ /почерком Петра Лебединцева/ ответ 5-го апр[еля] 1866 г.

18/30 марта 1866 года.

г. Седльце

Любезнейший брат, Многоуважаемый Петр Гаврилович!

Столько лет уже я не писал к Вам! Суеты, суеты множество! Спешу хоть к празднику одуматься и поздравить Вас с ним. Дай, Боже, Вам всего наилучшего!

А мы не можем похвастаться чем-либо хорошим. Вот уже почти целый месяц Надинька то сляжет, то встанет. Первоначально, покатавшись в ветр[енную] и холод[ную] погоду, должна была выдержать целую неделю карантин в кровати. Встала, на другой день явилось немного крови, опять легла. Опять встала, посердилась на слугу, которая чуть не упустила Сережу в окно, потом еще посуетилась, явилось крови таки довольно. Теперь уже 5-й день лежит. Дай-то, Боже, поправиться. Трудная задача здесь иметь дачу, а дача непременно нужна. В помещичьих домах, разве, но с каким чувством лях будет глядеть на москов[ские] души под родным шляхетским кровом его! Трудно надеяться на согласие. Но затем трудно и жить! У меня был один пан – приятель, оч[ень] богатый человек, живущий в 7 верстах /3 зв./ от Седльца, да на беду откопали у

⁵⁰¹ Жалование Калининскому – номинату, было прекращено за противодействие мерам правительства – примітка КС.

него что-то и потаскали в Новогеорг[иевскую] крепость⁵⁰² на полгода. Занять его превосход[ный] двор – пожалуй, еще заподозрят в сочувствии к повстанцу. Есть и другой – русский душою, владелец превосх[одного] парка, он набивается перейти к нему на лето, но имеет свои цели, от которых я должен устрашиться. Беда в этой сторонущке! Но найти дачу непременно нужно. А в июне за границу поедем – хотя бы то по границе стояла целая армия для задержания нас.

Не писал я Вам прежде об этом, не спрашивал [С.П.] Алферьева. Пока-то получится ответ! А тут сразу давай рахунок. Доктора здесь – можете судить о них по целому городу. [С.П.] Алферьев, не видя, не поможет больше их. Ну и что тут доктора? Известны микстуры, порошки и капли для этих случаев, прописанные [С.П.] Алферьевым. Остается мне возможнейшее спокойствие соблюсти, да ждать Обер-Зальцбурга, на который вся надежда. Дай-то, Боже, чтобы надежда не посрамила нас.

За этуо суетою я давно уже бросил все дела свои по дирекции, едва вспоминаю про них. Семинария, верно, охоту потеряла уже ехать в Польшу, не имея сил дожидаться денег на проезд. Что будете делать? Наша Комиссия умудрилась облегчить выдачу прогонных таким лицам, передавая их в Киев не от себя, но поручая Губ[ернскому] правлению предписать Седлец[кому] казначейству выдать их мне, а я уже должен буду высылать в Киев. Хорошее облегчение! Месяц полежит дело в Ко-/4/миссии, месяц в Губ[ернском] правлении, а потом недели две будут идти деньги в Киев. До сих пор еще из Губ[ернского] правления о них ничего нет, а Комиссия дала ему предписание уже месяц назад. Что же толку вызывать этих? Хороший человек тем временем себе вынюхает местечко и уйдет...

А тут еще другая забота. [Ф.Ф.] Витте пишет мне, что он уже вошел с формал[ьным] представлением в Учредит[ельный] комитет о преобразовании Бяльск[ой] прогимназии в классич[ескую] гимназию, а Седлецкой гимназии в русскую реал[ьную] гимназию. Для первой приискание учителей [П.Г.] Рублевский взял на себя, но их там нужно будет только три; но где взять 12 учителей и инспектора для Седлецкой гимназии? Как это будет гимназия реальная, то важнее всего здесь учителя по реальным предметам, а тут-то и запятая. Конечно, люди найдутся и находятся, да совестно с ними показаться. Господа ради, наметьте мне: математика, химика, физика и географа. Студенты университета оканчивают курс, между ними, может, найдутся охотники. Есть там один, бывший в семинарии моим учеником, оч[ень] хороший малый – Борецкий (естественник) – вот бы его, между прочим. Наметьте, Бога ради, и инспектора, совершенно отдался Вашему указанию, п[отому] ч[то] сам я решительно никого не имею в виду и не буду иметь. Латинника, историка, словесника и проч. челядь найду между нашею братиею. Говорят, при 1-й или 2-й гимназии есть француз,

⁵⁰² Новогеорґіївська фортеця (Модлин) – фортеця, побудована Наполеоном I на північний захід від Варшави і укріплена Миколою I. Була передусім військовим форпостом (на західних кордонах і проти можливих польських повстань) і використовувалась як тюрма для особливих ув'язнених.

знающий по-русски, который поехал /4 зв./ бы на 1000 руб. сюда. Узнайте, пожалуйста, правда ли это? Тут нужен такой француз.

Губернатором в Седльце назначен Ваш соучастник по усмирению крестьян в 1855 году, сотрудник «Отечеств[енных] записок» [С.С.] Громека⁵⁰³! Теперь он принимает дела в Люблине.

Железная наша дорога продвигается, насыпь кончена до самого Седльца, ложат уже рельсы, строят станции. Не далее как в августе мы будем связаны железн[ыми] дорогами со всею Европою.

На днях выписал Холмский унияцкий календарь⁵⁰⁴. Но я еще не получил его. А вещь интересная. [П.А.] Кулиш пишет мне, что уже запаковал его для меня и Феофана по 300 экземпл[яров]. Сообщу Вам экземпляр. Унияцкое дело вообще натужно подвигается. Есть горячие ревнители православия между здешними рус[скими] деятелями, особенно военными. В Бялой генерал Головачев выслал солдат своих на хоры в унияц[ской] церкви, и, как пришла пора символа веры, солдаты оттолкнули органиста и грянули: «Верую... иже от Отца исходящего...» А по литургии помянули св. правит[ельствующий] синод. Так раз-другой-третий, пока я не заступился за «угнетенную» унию и не написал об этом [кн.] Черкасскому, – генерал получил от наместника выговор и умолк (теперь там поют гимназ[ические] певчие, орган не играет). В Грубешове, как писал мне [Й.С.] Сидорский, участковый офицер, заспорив с унит[ским] ксендзом о вере, пустился в дело кулаки; случились тут др[угие] ксендзы, и пошла потасовка. Ксендзы избili офицера, а потом подняли вой за угнетение унии. Дело возгорелось большое. Тот же [Й.С.] Сидорский пишет, что [в] Драшове солдаты (неизвестно по чьему приказанию) пришли в унияц[скую] церковь с топорами и ну рубить боковые престолы!!! Вот мы как обращаем в православие! Шапками закидываем унию!

Но прощайте. Искренно любящий Вас Е.К.

/4 зв. збоку/ Еще четверо унияцов едет в Киевскую академию. Сообщенные Вами о Колбусе сведения побудили кого следует (я сообщал их) дать этим 4-м соответственные инструкции, а Колбусю нагоняя. Варшавского базилиан[ского] монастыря игумен отпустил бороду, изгнал органы. Кажется, [кн.] Черкасский прочит его в викарного архиерея. Бяльский законоучитель хоть сейчас принял бы православие, но – за деньги! Плут!

/3 зв. збоку/ Надинька и Сережа целуют Вас крепенько. Передайте наш сердечный поклон Павлу Федоровичу и Сусанне Ив[ановне]. Поздравьте их от нас с праздниками и пожелайте им всего наилучшего.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
19/31 березня 1866 р.

Ф. III, № 3409

⁵⁰³ Громека Степан Степанович (1823–1877) – Сідлецький губернатор у 1867–1875 рр., публіцист. Служив у поліції, потім у комерції, у 1860 р. повернувся до МВС в Петербурзі.

⁵⁰⁴ Холмский греко-унияцкий месяцеслов ... на 1867 год. Варшава, 1866.

/8/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 22 марта

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Христос Воскресе!

Когда это письмо дойдет до Вас, и в Киеве будет уже праздник, а у нас и теперь уже праздник, хотя и не наш, а польский и жидовский. Поздравляю Вас заранее с радостнейшим праздником Воскресения Христова. Дай Господи Вам радостно встретить и весело проводить сей праздник и на будущий год дождать а добром здоровье.

Поздравляю Вас также с орденом св. Анны 2-й ст. Об этом получил я вчера письмо от Даниила Г[авриловича], который со слов обер-секретаря Св. Синода пишет как о сем, так и о том, что Арсения Г[авриловича] награждают палицею. Желаю в добром зносить, та в краший убраться.

/8 зв./ Посылаемые при сем 104 р. сверх тех, которые посылаются для учителей, прошу раздать при случае по след[ующим] адресам: сестрам 75 р., по 25 для каждой, 12 р. Надежде Александровне⁵⁰⁵ для уплаты каких-то долгов Юлиньки, о чем она писала ей, 6-ть рублей в Корсунское братство – 3 р. за прошлый год и 3 р. за нынешний год, и 5 р. тетушке Ульяне Григорьевне. Завтра, может быть, успею написать Андрею Г[авриловичу], но посылаю все деньги Вам и потому что гуртом лучше, и потому что после праздника кто-нибудь из наших будет в Киеве [будет], след[овательно], и деньги можно будет передать.

Прошу передать мой нижайший поклон всем родным и знакомым. Куму надеюсь также завтра написать. Виноват я пред ним много.

Будьте здоровы и благополучны.

Искренно любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

19/31 марта 1866 г.

г. Холм

/9/ P.S. В бумагах о деньгах для учителей помещен некто Смирницкий, которого, конечно, вы не знаете. Хотя адрес его там и обозначен, но как он довольно давний, то чтобы не затруднять Вас в приискании сего господина, прошу обратиться за сведениями о нем к бакалавру академии о. Августину Гуляницкому⁵⁰⁶, а тот отыщет и вышлет. Извините за беспокойство, но другого лучшего способа не придумалось.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича

21 березня / 2 квітня 1866 р.

Ф. III, № 3467

/5/ Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

⁵⁰⁵ Сестра Юлії Олександрівни.

⁵⁰⁶ Ієромонах Августин Гуляницький (1838–1892) – викладач КДА з 1863 р., її випускник. У 1870 р. призначений ректором Віленської ДС, потім став єпископом.

Вчера получил я «Холмский греко-униятский календарь – посылаю Вам один экземпляр. Стоило выступить с такою вещью! В Седлец[кой] дирекции показано всего 10 учеников-униатов, тогда как их с 49 года не было меньше 200, я застал до 400, а теперь их около 2000. То же и в Холмской. И это показываем мы сами. «За что же вы деньги получаете?» – спросит всякий, доверившийся этим цифрам. Статья [архиеп.] Антония⁵⁰⁷ уместна была бы в брошюре, частью изданной, как я о том хлопотал, но не в официал[ьном]. издании – этим она Бог знает как замутит униатов! Издан он Учредит[ельным] комитетом – ничего не знающим в униатстве и знать не желающим. Пускай делают, что /5 зв./ хотят, мы не вечны и не долговечны здесь!

Посылаю Вам и «Страхопуд», сколько успел собрать его.

Сегодня получены деньги на проезд семинаристов, но денежная почта идет только чрез три дня – тогда же вышлю Вам их.

Надиньке завтра доктор позволил встать. Дал бы Бог ей не скоро ложиться подоб[ным] образом, по крайней мере чрез 50 лет. Этого же количества лет желаю и Вам.

Прощайте.

Искренно любящие Вас Е. и Н. Крыжановские.

21 марта/2 апреля 1866 г.

Сегодня уже др[угой] день польской и 3-й жидовской пасхи. В городе все веселятся. Наши русские военные празднуют и себе – пьют и едят с поляками, как бы на свой праздник.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
15/27 квітня 1866 р.**

Ф. III, № 3470

/9/ 15/27 апреля 1866 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

И позднее «Христос воскрес» принимаем от Вас как своевременное, потому что с ним соединены лучшие благожелания, каких только мы можем желать для себя в настоящую особенно пору.

После письма моего к Вам, и именно на 2-й день праздника⁵⁰⁸, Надинька снова слегла – по той же причине! Около 10 дней уже как она встала, но силы ее крайне слабы. Надежда на сельский воздух, который уже нанят нами, потом на Обер-Зальцбург... Дай Бог, чтобы надежда эта не обманула нас. В деревню переедем на следующей же неделе, а за границу с 19 июня/1 июля, на что я уже получил согласие [Ф.Ф.] Витте.

⁵⁰⁷ Йдеться про статтю архієпископа Мінського Антонія у «Місяцеслові». Див. примітку до листа Феофана Гавриловича від 6/18 травня 1866 р.

⁵⁰⁸ Пасха 26 марта / 8 апреля.

Так на учителей гимназии трудно у Вас! Придется, значит, принять лиц, мне или лицам, которым я верю, как себе, неизвестных. Много уже есть у меня прошений от таких лиц. Если лица, которых /9 зв./ обещали Вам, неизвестны Вам, или рекомендуются не вполне уважаемыми Вами лицами, то оставим их – пускай определяет [Ф.Ф.] Витте ему известных, – не будут пенять на нас за – чего доброго – неладный выбор. Прошу Вас покорнейше найти мне математика хорошего и химика. Я лично знал студ[ента] Университета Борецкого (был учеником моим в семинарии) – позовите его к себе и уговорите. Если бы решено было дозволить и полякам преподавание на рус[ском] языке, в таком случае мне только Борецкий и подобный ему и нужны: из здешних учителей окончили курс в русских университетах большая половина. [Ф.Ф.] Витте думает, что в Петербурге так именно решат, хоть он не желает этого. Дело еще не ходило в Петербург. Когда оно воротится оттуда, тот час уведомя Вас, а до того времени имейте кого на примете.

Учителей начальных высылайте. Мне нужно их еще штук 20. Напишу еще в белорус[скую] семинарию. Об окончившем курс я забыл написать Вам, он писал, чтоб как можно скорее брать его, иначе он не поедет, но скоро я не мог взять его (долго за деньгами), потому и думал, что он останется в Киеве. Теперь же я не могу дать ему 300 руб. сер.

Новости Ваши киевские отрадны очень. Славно Вы поддели ректоров семинарии, особенно [о.] Феокиста. Вы, я слышал, украсились Анною 2-й ст. Желая Вам и звезду. А мы с Феофаном украсимся (утв[ерждено] 27 марта) Станиславом с короною, но еще не прислали его. Нас (А.А. Солтановского⁵⁰⁹, Феоф[ана] и меня) представляли к Анне с короною, а [В.В.] Вилуева, /10/ [А.Г.] Теодорововича и [Т.И.] Пристюка к действ[ительному] стат[скому] сов[етнику]. Но наместник обреза – нам Станислава, а тем Анну с короною дал. [Ф.Ф.] Витте очень недоволен за [Т.И.] Пристюка, Вил...., те тоже. Мы же хвалу воздаем, особенно я рад награде – как дурень ступе.

Недавно я получил офиц[иальный] запрос: где в дирекции моей открыть бы муж[скую] прогимназию и женскую гимназию. От первой я и руками, и ногами отмахался, посоветовал у Феофана открыть ее. О жен[ской] гимназии молю – или в Седльце (с допущением полек) или в Бялой.

С 7 по 13 апр[еля] [Ф.Ф.] Витте осматривал Седл[ецкую] и Бел[ьскую] гимназии. У нас прожил 4 дня, да 3 дня в Бялой. Остался оч[ень] доволен. Особенно же убедился в том, что унияты-учители могут быть гораздо лучше вызванных из империи, даже некоторых окончивших, напр[имер], Левитского – регента, совершеннейшего чурбана, осрамившего меня своею школою пред [Ф.Ф.] Витте.

Гельманн пишет, извещает о смерти Фромета и своей решимости ехать к нам. Я сам отвечал ей на письмо: выставил всё, ожидающее ее у нас, дабы она не

⁵⁰⁹ Солтановський Автоном Якимович (1826–1886) – начальник Сувацької навчальної дирекції у 1864–1871 рр., у 1871–1875 рр. – Плоцької. До переведення до Польщі служив інспектором у Кам'янець-Подільській гімназії. Автор «Записок» про свій досвід служби у навчальних закладах.

мечтала о чем-нибудь, кроме скромной тишины, и не думала бы, что мы станем вывозить ее, балы давать, женихов ловить. Не знаю, поедет ли она после этого. Но Надинька оч[ень] желает приезда ее.

Как у Вас принято известие о покушении на жизнь государя? Страшно, очень страшно в ряду бесчисленных телеграмм государю не видеть телеграммы из Киева! При первом известии о покушении, здесь на всех напал неописанный страх: в Варшаве одурело все, во всех костелах страшные толпы народа судорожно молились Богу, дабы преступник не оказался поляком. Скоро весть о фамилии его (Ал[ександр] Петров⁵¹⁰) развеселила все; но потом пошла другая боязнь – дабы преступник не был орудием польской партии. Но едва ли эта молитва их будет услышана. Оказывается (мне говорил это [Ф.Ф.] Витте, слыхавший от [Ф.Ф.] Трепова), что [Ф.Ф.] Трепов за три дня до злодейского поступка получил от своих тайных заграничных агентов телеграмму с известием, что польская эмиграция выслала в Петербург трех злодеев с целью убить государя. [Ф.Ф.] Трепов в ту же минуту уведомил об этом [князь] Долгорукова⁵¹¹ (Долгоруков теперь уволен!), а чрез /10 зв./ три дня совершенно безумное покушение!.. Несомненно, что злодей – орудие польской партии. [Ф.Ф.] Трепов позван в Петербург, в Париж производить аресты⁵¹², [граф] Муравьев⁵¹³ назначен судьей – видно факты несомненны, что дело это – польской партии принадлежит.

Приехал наш губернатор – [С.С.] Громека. Тихий по виду, все еще только присматривается к делам, потом поедет по губернии, потом только решит, как делать, с чего начать. Пусть все боятся наружной скромности его, уверен, что он весьма решительный, умный и деятельный человек. Дай Бог! До сих пор здесь каждое колесо вертелось само по себе, винегрет какой-то выходил в общем виде, ничто не ладилось, разные ведомства русские перессорились между собою. Не пойдет ли дело лучше?

[П.Г.] Рублевский очень скучает за Киевом. Если бы из Академии сделали Петру Григорьевичу предложение на должность экстра-ординарного, он, я уверен, в ту же минуту бросил бы Польшу. Очень жаль было бы. Но что-то похожее там, кажется, затевается, если еще не затеяно.

Уния благоденствует себе, т.е. знать не хочет того, что для нее делают, и не тревожится ничем, уверенная, что даст отпор полный. Мечты-мечты наши!.. Хуже всего то, что за дело это все принялись и все идут врозь. Каждый становой офицер хочет отличиться, рвется на куски, обличая унию и преследуя орг[ан]ы, польские колядки, проповеди и под. То же, кажется, выйдет и с унит[скими] училищами.

⁵¹⁰ Йдеться про замах на Олександра II 4/16 квітня Дмитром Каракозовим, який при затриманні представився Олександром Петровим. Сам імператор після замаху підозрював поляків.

⁵¹¹ Князь Долгоруков Василь Андрійович (1804–1868) – у 1856–1866 р. шеф жандармів і начальник III Відділення. Подав у відставку сам, але її прийняли охоче.

⁵¹² Зрештою був призначений обер-поліцмейстером Петербурга.

⁵¹³ Граф Муравйов(-Віленський) Михайло Миколайович (1796–1866) – цивільний чиновник, займав посади губернатора різних губерній і міністра держмайна. Відзначився жорстким придушенням Січневого повстання і подальшими реформами у Віленській губернії, куди був призначений у травні 1863 р.

Все уже взялись за них: Унитское управление, Учредит[ельный] комитет и мы. Унитское управление тянет в одну сторону, Учредит[ельный] комитет в другую, а мы в третью, а есть еще целая партия свободных просветителей народа, которая тянет в четвертую сторону (поляки же и униты – в пятую). Приближается кризис. Что-то выйдет? Один весьма уважаемый в Учредит[ельном] комитете господин официально представил, что учебное ведомство на к черту не годится и совершенно не умеет взяться за унит[ские] училища, – он предлагает составить рус[ское] общество (из чиновников и воен[ных] начальников?), которому и поручить бы все дело. Донес на нас с Феофаном, что мы не умеем взяться за дело и портим его. Это мне говорил [Ф.Ф.] Витте. Учредит[ельный] комитет уже дал об этом запрос Феофану (мне еще нет). Надеюсь, ч[то] Феофан отчистит доносчика. Если бы не болезнь Надиньки, я бы сей час бросил бы службу здесь.

Кланяйтесь от нас Киеву всему – начиная с Павла Ф[едоровича] и Сусанны Ив[ановны]. Поляк-француз, хорошо знающий по-русски, есть и в Седлец[кой] гимназии.

/10 збоку/ У нас около Седльца снова показалось несколько повстанцев, и что всего досаднее, они уже успели побывать в доме того помещика, у которого мы наняли в саду флигель. Сегодня ночью было третье явление и нападение их. Воен[ное] начальство головы теряет. [С.С.] Громека прижал всех за это очень. Он обещал дать нам на дачу конвой, который будет беречь нас.

/9 зв. збоку/ Павел Тихонович пишет из Житомира, что Валя не в силах ехать за границу, но, по совету докторов, если силы поднимутся, поедет на осень и зиму в Каир. Бог знает что такое!

/9 збоку/ Слышно, будто [о.] Феоктист представлен к Владимиру? Господи Иисусе Христе, спас Ты вора на кресте!!!

**Надія Наркисівна Крижановська до Петра Гавриловича
4 травня 1866 р.**

Ф. III, № 3471

/11/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 12 мая 1866 года

4 мая 1866 г.

Здравствуйте, милый Петр Гаврилович!

Вот и я, наконец, собралась с силами написать Вам несколько строчек. Благодарю Вас, душечко, за желание мне здоровья, оно очень и очень мне нужно. С начала марта и почти до сих пор я лежала с малыми промежутками, и теперь еще я не совсем пришла в себя. А доктора-то здесь, доктора! Вы себе и представить не можете, мне столько давали лекарств, что [С.П.] Алферьев, верно, в продолжение года не дал бы столько; и как мне кажется, пользы особенной они мне не принесли. Теперь /11 зв./ мы живем на даче. Садик маленький, но довольно хорошенький, имеет три малюсеньких комнаты, переднюю и кухню. Но

я еще не могу пользоваться всеми прелестями дачной жизни, погода стоит сырая и холодная, постоянные дожди, так что я почти не вылажу из комнаты.

Что ж там у Вас слышно новенького? Сообщите и нам. А у нас скука невообразимая в городе, может быть, приезд губернатора немного оживит его. Он намерен зимой устраивать вечера, но, к несчастью, не мне танцевать на них.

А мы все ждем да ждем ответа от /12/ Гельтман, приедет ли она или нет? Между тем сестра одного из учителей бяльских – Чернявская, девица лет 30, очень серьезная и хозяйка, хочет жить у нас в качестве домоправительницы, так как силы мои не позволяют мне заниматься всем самой. И Ефим Михайлович того же мнения, что покой мне необходим. Но так как двух держать не приходится, я желала бы очень знать, приедет ли Гельтман, или нет. И потому, милый Петр Гаврилович, низенько Вам кланяюсь и умиленно прошу вас, узнайте, пожалуйста, ее окончательное решение и напи-/12 зв./шите мне как можно скорей. Я знаю, что Вам самим не приходится быть у нее, то попросите от меня Добжинскую, позвольте ей Вашу лошадку, пусть она съездит и узнает мнение Гельтман. Катерина Ивановна добрая, и я надеюсь, что она не откажет сделать мне эту маленькую услугу, хоть во имя наших прежних дружеских отношений. Если б я знала, что Гельтман не приедет, то мы бы взяли Чернявскую, тем более что Еф[им] Мих[айлович] скоро поедет по школам, а мне оставаться одной нельзя. Так сделаете, душечко? Да?

Я сказала, что у нас нет новостей, да и забыла одну Вам сообщить очень радостную для нас. Третью тысячу Ефиму Михайловичу наконец прибавили, хотя раньше ноября ее /12 зв. вгорі/ давать не будут, так как здесь есть обыкновение после утверждения полгода еще не выдавать. Но все же лучше, чем ничего.

/11 вгорі/ При свидании с Павлом Федоровичем и Сусанной Ивановной кланяйтесь им низенько от нас, как и Екатерине Ивановне от меня. До свидания, Петр Гаврилович. Крепко целую Вас. Е[фим] М[ихайлович] Вам кланяется, Сережа целует.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича

6/18 травня 1866 р.

Ф. III, № 3410

/10/ Чарторийского – в Новоз[] училище уч[итель] истории и географии «Странник». Костанда

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Поездка по дирекции, хотя и непродолжительная, а главное – домашняя суета по поводу начавшихся работ, помешали мне ответить вовремя, так что я дождался, наконец, и второго письма Вашего. Правда, и то сказать нужно, что теперь, когда высохло болото между Луцком и Рациборовицем, письма ходят несравненно скорее.

Благодарю сердечно за поздравление с орденом. Чувствуется особое удовольствие, когда подумаешь, что на прежней службе и до конца жизни такой штуки не дождался бы. Правда, в Польше ордены раздают направо и налево, особенно по Учредительному комитету. Здесь штабс-капитаны – комиссары по крестьянскому делу и люди бесчиновные получают сразу на шею Анны, как это случилось и теперь; но я не смотрю на других, а сужу по своему положению. Совестно было ходить с голою шеею, или выставлять медаль в память минувшей войны. [В.В.] Вилуев, однако ж, крепко огорчен тем, что не дали генерала. По Учр[едительному] комитету другое дело: там из губ[убернских] секретарей и жалу-/10 зв./ют прямо в надворные советники, а из титулярных в статские⁵¹⁴.

Благодарю и за хлопоты Ваши по высылке учителей Похилевича и Тетеруковского. Разумеется, что этого последнего я определил теперь же и пошлю на место Смирницкого. Очень рад избавиться от дурня. Есть уже у меня один дурень, окончивший курс Киевской семинарии Семен Коченовский. Просто грамоты не знает. А как избежать таких неудач. Не собирать же каждый раз справок, когда и без того назначение учителей из империи требует слишком продолжительного времени. Когда-то Вы писали, что у меня дела эти идут медленно. Что делать? Порядок такой. Школы открываются постепенно и слишком медленно. Проходит часто полгода и более в переписке. Вот я и держу давно переданные мне прошения киевских и других семинаристов. Откроется школа, я назначаю и посылаю представление в Комиссию о выдаче прогонов, а Комиссия в Совет управления, а тот держит месяца два, пока разрешит, да опять в комиссию, а комиссия в губ[убернское] правление, а то в губ[убернское] казначейство, а это в уездное, а уездное ко мне, и т.д. Теперь у меня из 120 прошений осталось не более 40. Волгожанам, усть-сысольцам, костромлянам и прочим подобным я давно отказал, но земляков придержать необходимо, иначе придется парка□ парить, /11/ так как местный, негоднейший запас давно истощился, а из Галиции дозволено только взять 10–15-ть.

Хлопотал я, как Вам известно, о зачислении всех вызываемых семинаристов в Варшавскую епархию без увольнения из духов[ного] звания. Просьба моя исполнена, но зато мне навязали два раза в год доставлять архиерею сведения об их успехах и поведении.

Одновременно с этим вышло нечто вроде киевской истории с церковно-приходскими школами, и хотя в миниатюрном, но гораздо более забавном виде. В крепости Замостье гарнизонными офицерами в 1864 г. учреждена русская школа. Православные ученики были большею частию незаконнорожденные то нижних чинов, то самих офицеров. Было немножко униатов, попадались и католики. В прошлом году с упразднением крепости школа имела рухнуть за недостатком денег и помещения. Я исхлопотал 200 руб. ежегодно на содержание от

⁵¹⁴ Військовому званню штабс-капітана відповідав цивільний чин колезького радника (10 клас), а званню генерала – чин дійсного статського радника (2 клас). Губернський секретар – чин 12-го класу, а надвірний радник – 8-го (між ними 13 років вислуги; а до наступного чину від губернського секретаря – всього 3); титулярний радник – 9-го. Можливо, це перебільшення.

правительства, выпросил временное помещение и каменный дом крепостной навсегда, назначил учителя, священника определил законоучителем и блюстителем и выхлопотал ему жалованье. Несмотря на то, существующая там издавна школа польская много мешала делу русскому, и я решился закрыть ее, но так, чтобы придать этому вполне законный вид и не возбудить ропота поляков. Так как этих последних очень мало, /11 зв./ и сами они без жидов, которых до 4 000, не в состоянии были бы содержать школы, то я убедил жидов присоединиться к русской школе и преобразовал ее в двухклассную. Школа польская рушилась, но кажется, что и русской грозит то же. [Преосв.] Иоанникий ни с сего, ни с того объявил, что эта школа церковно-приходская и должна находиться под ведением консистории, а не дирекции, которой он изъявляет только свою архипастырскую признательность за благотворное содействие. Комиссия утвердила постановление консистории по этому предмету и меня, по желанию [преосв.] Иоанникия, обязывает сообщать свои наблюдения два раза в год и даже чаще. Слуга покорный. Как ни оскорбительно для меня это несправедливое дело, но я охотно отказался бы от замостьской школы, если бы она могла существовать под управлением консистории. Но именно теперь ей грозит гибель. Жиды откажутся и пристанут снова к школе польской, а между тем в русской школе собственно русских учеников очень мало за окончательным выступлением гарнизон. Пробовал я частично довести об этом до сведения [Ф.Ф.] Витте и [преосв.] Иоанникия, так они руками и ногами. Я решился молчать, чтобы не повторить киевской истории.

По случаю событий 4-го апреля мы служили молебен два раза, 6 и 9 апреля, каждый раз в присутствии сменных, переходивших из Люблина в Киев. В последний раз офицеры справляли маевку и меня приглашали. Если уви- /12/ дите в Киеве полковника Медникова, передайте ему мой поклон. Жаль, что [генерал] Костанда не переезжал чрез Холм. Я хотел устроить для него парадный обед на память оставления им того уголка, которого окончательное умиротворение принадлежит ему и в котором мирно и безмятежно мы располагаемся с своими школами. Лично мне [А.С.] Костанда сделал несколько одолжений, и вообще, как он, так и жена его, были весьма внимательны ко мне, за что я всегда храню о них самое приятное благодарное воспоминание. Передайте же ему все сие равно искреннее мое сожаление о том, что мне не пришлось устроить для них прощанье с Польшею.

Адрес мы послали позднею по случаю выезда моего в дирекцию. Собрали по подписке до 400 р., с тем, что одна часть будет обращена на пособие беднейшим ученикам гимназии, а на другую устроим образ пр[еподобного] Иосифа Песнопевца⁵¹⁵ для ежедневного свершения пред ним молебна. Адрес поехал чрез [Ф.Ф.] Витте, но от лица всех жителей Холма, представителя древнерусской земли Холмской. Законоучитель-галичанин пожертвовал 40 р.,

⁵¹⁵ Преподобний Йосиф Піснєписець (іноді – Піснєспівець) – святий, пам'ять якого вшановується в Православній російській церкві 4 квітня, тобто у день замаху на імператора (вдячність за відведення вбивства – всі порятунки від замахів шанувалися як чудесні).

учитель немецкого языка – галичанин же – 30 р. [Ф.Ф.] Витте по этому, кажется, поводу пожелал дать пособие бедным ученикам из денег, находящихся в его распоряжении, вероятно, также собранных по случаю событий 4-го апреля. [Еп.] Калинин раньше нас посылал адрес от себя. Очень верно, что и его чувства искренни. Он ненави-/12 зв./дит собственно [кн.] Черкасского.

Кстати о делах униатских. Статью [архиеп.] Антония⁵¹⁶ в Холмском месяцеслове напечатали недаром. Только что получено распоряжение о введении в униатские церкви богослужебных книг московского издания. Предварительно военным начальникам поручено переговорить об этом с униатскими священниками. Надо ожидать страшной бури. Судя по тому, как принято ими предложение о проповеди на русском языке, за которую и деньги давали, можно крепко сомневаться в успехе этого нового распоряжения. [Еп.] Калинин переводят в Красностав, где пока ни одной души униатской не осталось. Кажется, это делается с той целью, чтобы посадить в Холме суффрагана с саном епископа, разумеется, человека стоворчивого, а [еп.] Калининского почетным образом удалить от дел. Политика [кн.] Черкасского в этом отношении неразгаданный, да он ее никому и не открывает.

Строительные работы давно начались, а с ними бесконечная суета. Разрешена пристройка к реформатскому зданию, где имеет быть женская гимназия. Когда откроют гимназию, неизвестно. Устав не утвержден и, кажется, еще не послан на утверждение. [Кн.] Черкасский страшно обрезал штат. Инспектору жалованья 150 р., а в польских гимназиях 450 руб. Классные дамы по 300 р., /13/ а в Варшаве по 500 р. и даже в польских по 360 р. Я весьма рад, что назначение классных дам не предоставлено мне, а главному директору. Где найти вообще классных дам и при том на 300 руб. в Польшу? Пусть себе ищут и назначают.

Штаты наших канцелярий, наконец, увеличили: делопроизводитель 900 руб., бухгалтер 500 р., архивариус 360 р., писец высшего разряда 300 р., писец низшего 250 р., Станиславу⁵¹⁷ 120 руб. Новых чиновников наберу из учителей элементарных, в виду того, что вызываемым на службу по канцеляриям на переезд не дают ничего. Соломоновский оказался ледачим, мож[ет] б[ыть] потому, что его товарищ Пясецкий, одинакового образования, получают 1 200 р., а он только теперь будет получать 500 р. Не знаю, что и делать с ним. Пясецкий женился на сестре жены Пономарева. Свадьба была в прощенное воскресенье в нашей квартире. Пара незавидная: он в парике, а она худая, и старая, и некрасивая, и простая. Конечно, он в 10-ть раз лучше ее. Пономаревы сразу принялись за него и поддели ловко.

⁵¹⁶ Бывшего Минского архиепископа, сотрудника митрополита Иосифа Семашки, о воссоединении литовских униатов с православной церковью – *примітка КС.*

Архієпископ Антоній (Зубко; 1797–1884) – архієпископ Мінський у 1841–1848 рр. Був греко-католицьким єпископом Брестським, який разом з єпископом Йосифом (Семашком) приєднав підросійських греко-католиків до Православної церкви.

⁵¹⁷ Рассыльному при канцелярии – *примітка КС.*

[С.А.] Дахнович просится в Седлецкую гимназию. [Кн.] Черкасский, чтобы удержать, прибавляет жалования 500 руб. *ad personam*, и за границу на лечение на казенный счет посылает.

Теперь позвольте беспокоить Вас некоторыми поручениями. Во 1-х, прошу отыскать хорошего ре-/13 зв./гента для педагогических курсов. Жалованье 500 руб., служба в X классе; на дорогу должны дать рублей 100. Хорошо, если бы он и голос имел, а главное – чтобы на скрипке играл⁵¹⁸. Требуется, кроме того, знание церковных напевов, а не одного партесного пения. Если будет хорош, со временем и в гимназии может занять уроки, где также 500 руб. жалованья. Там пока учит пению учитель латинского языка Позняков⁵¹⁹, бывший академический регент. Во 2-х, вышлите мне за печатню училища 50 экз. книжицы «Киев[ские] пещеры и Киево-Печерская лавра» [Н.М.] Сементовского⁵²⁰, но поторгуйтесь с ним, не может ли он уступить по 4 или по 5-ти злотых за штуку. Рубль – цена высокая, при том это с пересылкою, а на пересылку он кладет верно не менее 25 к. с. Книжки эти я хочу раздать в награду лучшим ученикам элементарных школ и потому прошу выслать поскорее. Деньги вышлю тотчас по получении книг. В 3-х, вышлите мне один экземпляр печатаемого Каллистратовым Ирмолая с означением цены, чтобы я мог сообразить, сколько экземпляров закупить.

Сейчас приехали Тетеруковский и Похилевич. Я очень обрадовался привезенному ими салу. Здесь такое скверное, что съесть нельзя. С июня по сентябрь я вызываю в Холм всех учителей униатских школ, как местных, так галичан и наших. Предстоит новая возня, но подучить необходимо.

Будьте здоровы и благополучны!

Искренно любящий Вас брат Феофан.

6/18 мая 1866 г.

г. Холм.

Юлинька и детки здоровы и Вам кланяются.

/10 збоку/ Что же, прибавили что-нибудь на содержание Археографической комиссии? [В.Б.] Антонович доселе числится у нас учителем польского языка, и жалованье по новому штату 1 000 р. Ефим М[ихайлович] просит меня пригласить его в седлецкую гимназию на латинский язык с жалованьем в 1 200 р.; но если он не поехал в Холм, то не поедет и в Седльце.

/10 зв. збоку/ Письмо это недели полторы собирается на почту, и только уж завтра попадет. Сегодня приехали Смирницкий и Левкович. Первый должен быть плут. Второй хорош, но болезнен. Похилевич засиделся в девках; но мне нравится

⁵¹⁸ Траплялося, що навіть регенти поважних хорів, таких, як архієрейські, не мали достатньо тонкого слуху, щоб керувати хором, а голос був іще менш обов'язковим.

Скрипка дає змогу довго тримати звук, щоб його могли вловити і повторити співаки.

⁵¹⁹ В[асилий] Поздняков по окончании курса в Киевской духовной академии [1863] был назначен учителем латинского языка в Холмскую гимназию – *примітка* КС.

⁵²⁰ Сементовский Н.М. Киевские пещеры и Киево-Печерская Лавра. Киев, 1864. 85 с.

Сементовський Микола Максимович (1819–1879) – письменник і історик, автор високо поцінованих книг і статей з історії Києва, київських святинь і взагалі української старовини, зокрема козацької. Перебував на службі в канцелярії київського цивільного губернатора.

его солидность и, мож[ет] б[ыть], опытность. Из рассказов его и Левковича я узнал, что Ваши школы находятся в бедственном положении относительно содержания. И у нас в ново-/11 збоку/ заведенных школах крестьяне часто отказываются платить складку; но у нас в крайнем случае и экзекуцию можно поставить, да и высшее начальство пока есть, и пособие от правительства есть. Был один случай, что учитель не получал жалованья три года. Доходило дело до наместника, и тот велел взыскать. Теперь кое-где не получают по полгода и более. Что же у Вас? Не захотят, и кончено.

/11 зв. збоку/ Пришлите книжку «Странника»⁵²¹, в которой биография батюшки. Любопытно, но у нас «Странника», разумеется, нигде достать нельзя. В образе батюшки много высоких черт, но за то за отделку такого образа нужно было взяться очень искусной руке, иначе выйдет акафист, который и нам даже не понравится. Думаю, что только биография, написанная Ванею. Жаль, что он не дал ее в обработку.

/12 збоку/ Судьбы духовно-учебных заведений интересует меня по-прежнему. Дай Бог, чтобы их устроили во благо. Боюсь, чтобы с назначением [графа] Толстого министром не повернули круто к соединению⁵²². Пока светские заведения рождают нигилизм, нельзя спешить соединением. У нас секретно разыскивали виновника недавнего убийства с грабежом в Москве. Оказался студент московского университета Данилов.

/12 зв. збоку/ Что же не поедете Вы с [Г.П.] Галаганом⁵²³ во Львов, а оттуда чрез Краков и Варшаву в Холм? Очень жаль, если это не случится. Подобные вояжи дают много. В одной Польше стоит побывать. Не найдете ли Вы возможным по крайней мере в Холм проехать? Павел Федорович, мож[ет] б[ыть], компанию составил бы, а мы душевно рады были бы таким гостям.

/13 збоку/ [П.А.] Кулиш предлагал мне купно с ним собрать и издать том актов, а потом археографическую комиссию образовать. Я отвечал, что положительно некогда. Правду Вы говорили, что надо чего-нибудь одного смотреть.

/13 зв. збоку/ Подумываю, не известить ли сестру Саню⁵²⁴. Народ здесь голодный, сейчас вышла бы замуж. То же можно бы устроить и для племянницы какой-нибудь, если бы была совершеннолетняя. Сколько, напр[имер], лет Ели Вороновской⁵²⁵ и кончила ли курс.

⁵²¹ Гордиевский, свящ. Священник Гавриил Григориевич Лебединцев // Странник, № 4, с. 5–22.

⁵²² Обговорювалося наближення начальних програм і порядків в духовних навчальних закладів до світських.

⁵²³ Галаган Григорій Павлович (1819–1888) – гродський діяч, меценат, близький до громадівців. Засновник київської колегії Павла Галагана.

⁵²⁴ Ймовірно, сестра Юлії Олександрівни, оскільки Олександра Гаврилівна була заміжною, а двоюрідних називали із уточненням по прізвищу або по-батькові.

⁵²⁵ Яновська Олена – онука Єфросинії Гаврилівни, донька Івана Яновського, священника с. Воронівка. В той час навчалась в заснованому Петром Гавриловичем училищі для дівчат духовного відомства.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
18/30 травня 1866 р.

Ф. III, № 3472

/13/ Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Великое спасибо Вам за устройство дела о Гельтманн... Видя, что Надинька сильно желала приезда ее и давала все зарок на так скучать и предоставлять мне ездить по дирекции, сколько мне угодно (с осени доселе я почти нигде не ездил!!!), я соглашался было на просьбу ее. Но чего это стоило мне? Что сказали бы в Варшаве о том, что в семье моей в качестве ближайшей приятельницы живет полька? Каково было бы в доме моем вести разные речи про дела мои, состоящие преимущественно в вырывании руссизма из зубов колонии? Бог, вероятно, змилдовался надо мною. Гельтманн, получив деньги на проезд, отказалась было ехать. Но вот опять было собралась. Тогда я не выдержал и написал к ней письмо, в котором выставил ей жизнь у нас для нее самою непри-/13 зв./ влекательною. Надинька холодно согласилась тогда со мною и в конце письма таки приписала свои мольбы о том, чтобы та поскорее приезжала. Но потом она, более и более вдумываясь, согласилась со мною, что для нас только вред будет от жизни такой особы в нашей семье. Приписка стала мучить ее, и вот она написала к Вам... Спасибо Вам! Но, вообразите, как только она прочитала Ваше письмо, стала очень жалеть за Гельтманн, доказывать, что она вовсе не о том просила Вас, дабы отклонить Гельтманн от поездки к нам, что она всегда желала и желает взять ее к себе и проч. Такой уж характер! Скоро, впрочем, успокоится, подумает и будет благодарна.

Что касается места классной дамы в Варшаве, то за него не ручаюсь. Там теперь все места заняты и кандидаток мириады. Хоть ей как воспитаннице Киев[ского] института дали бы преимущество, но все же пришлось бы пождать. Этаким образом отвечал мне [Ф.Ф.] Витте, когда я, придумывая, куда бы поскорее сбыть Гельтманн, если бы она приехала к нам, просил его (лично) именно о месте для нее в Варшаве. Ближе /14/ время, когда такое же место она может получить в Седльце, где имеет быть 4-классная женская гимназия, что уже решено в Учредит[ельном] комитете. Если в классные дамы допустятся и польки, я представлю Гельтманн. Если бы она поскорее написала по свои желания. То же самое и Добржинская, за которою, впрочем, гораздо больше шансов – эта непременно будет назначена, если того пожелает. А потому пускай поскорее уведомляет или меня, или прямо [Ф.Ф.] Витте, с присовокуплением своего аттестата. Здесь всякая сволочь, лишь бы была русская да учившаяся в пансионах, забирает места. Ополяченных вдруг перемещают, дабы поймать место клас[сной] дамы, и дают им. Пускай же не медлит. Добржинская, да и Гельтманн. Одной девицы русской, живущей в Белой, [Ф.Ф.] Витте уже обещал место в Седл[ецкой] женс[кой] гимназии, а клас[сных] дам в 4-клас[сной] гимназии всего 4. Но жалованье им небольшое – 360 руб. сер. без квартиры, как Седльце, так и в

Варшаве, в гимназиях и прогимназиях. Добржинская могла бы, как того желает Надинька, жить у нас. Но замуж ее выдать не берусь, хоть и не отчаиваюсь в этом.

Спешу уже на свою дачу, потому не пишу ни о чем более. 5-й уже день, как переменялась у нас погода: был большой снег /14 зв./ и холод, теперь оч[ень] тепло, но постоянны дожди большие.

Сегодня Юлии Ал[ександровны] именины. На днях они ждут еще сына или дочь. Ото будет дѣтвoры!

В Варшаве идут большие приготовления к приезду государя. Поляки встрепeнулись, мечтают об огромных переменах, делаются заносчивы и дерзки пред нами. Беда будет, если состоится амнистия в это время, когда все соседство России взбалмошено, особенно австр[ийские] поляки, а эмигранты все составляют полки. В загранич[ных] газетах я читал, будто содержанием письма государя к прусскому королю было предложение – образовать Варшавское княжество из части польс[ких] земель, но что находящихся в руках России, Пруссии и Австрии. По Вислу уже никто не отделит от России пол[ьских] земель, но что произойдет тут, когда за Вислой явилось бы самост[оятельное] княжество? Ума не приложить, что именно хотят сделать. Никто не знает об этом и в Варшаве, и все опасаются резких перемен.

Искренно любящий и уважающий Вас Е. Крыжановский

Передайте наш поклон нижайший Павлу Федоровичу и Сусанне Ив[ановне].

18/30 мая 1866 г.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
26 травня/7 червня 1866 р.

Ф. III, № 3411

/14/ Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Весьма благодарен Вам за обстоятельный и скорый ответ. По возможности спешу и сам с ответом.

Вопрос о регенте решают Пономарев и [А.Л.] Стефанович. Они говорят утвердительно, что Соловкин пьет. Я сам склоняюсь в пользу его, но при таком известии уступил. Может быть и Соловкину лучше бы в большом городе: там все-таки лучше не он, так семья найдет какую-нибудь работу, а здесь кроме жалованья ничего больше. Пения [дизерей] его послушали бы раз-два и собрали бы рубля два, да и только. Собственно же для нас нужен знаток церковного пения. Итак, пригласите Петрашню. Пусть присылает прошение на мое имя; я его и определю, а в Ко-/14 зв./ миссию донесу и буду просить о назначении денег на проезд. Прощение может быть на простой бумаге, но при нем формуляр должен быть. О нечинении препятствий к перемещению я буду просить Совет Института. Предупредите Петрашню, что исходатайствование денег на переезд тянется обыкновенно от полутора до двух месяцев, и потому если бы он пожелал скорее

увидеть престольный некогда город Холм, то нужно проехать на свои деньги, а здесь выдадут в свое время.

Вот еще два обстоятельства. 1-е, получает ли уже Петрашень пансион? В Институте срок службы на пенсию 15 лет, а мне помнится, что он поступил в Институт еще в то время, когда я учился в академии. Если получает, то не будет большого затруднения перевести этот пансион и в Польшу; но если еще нет, то нужна слишком длинная переписка. 2-е, играет ли он на скрипке? Если и не играет, то это не может препятствовать его определению, но ему нелегко будет справляться /15/ с простыми ушами учеников педагогических курсов.

Раньше первых чисел августа Петрашенью нечего ехать, если бы и до того времени решилось дело его.

Позвольте еще беспокоить одним пустым поручением – нельзя ли у какого маляра достать рецепт покраски полов русским способом. Здесь красят так, что в два дня высыхает, но зато в два месяца совершенно облезает краска. Мне предстоит теперь покраска полов во всем пиарском здании; классы вновь нужно перекрашивать. Кажется, у нас намазывают полы замазкою, а здесь смазывают только каким-то жидким составом и затем красят.

Что же еще привез [А.П.] Безак? Меня интересует, увеличено ли содержание Комиссии⁵²⁶. [Ф.Ф.] Витте недавно писал мне о том, что [П.А.] Бессонов⁵²⁷, председатель Виленской археографической комиссии, другой раз просит его изыскать средства для разработки актов люблинского архива и архивов холмских. Спрашивая моего об этом мнения, он упоминал об [В.Б.] Антоновиче и выражал желание видеть его даже учителем латинского или греческого языка в Холме. Я отвечал, что нужно подождать, чем кончится дело об увеличении штата Комиссии. /15 зв./ Что же теперь? Нельзя ли как-нибудь узнать образ мыслей [В.Б.] Антоновича? Место по латинскому языку можно очистить для него.

В Львов я напишу, чтобы списывались с лаврою по поводу икон и книг. Знаю, что будут рады.

Прислал мне, наконец, книги Ламанский⁵²⁸. Обещает и еще. Просит и в Буковину выслать. С недели отправляю с жидом.

[Н.А.] Милютин исхлопотал, наконец, 20 стипендий⁵²⁹. Государь ассигновал на это собственные деньги, поручив избрать благонадежного человека для выбора молодых людей. [Ф.Ф.] Витте подавал по этому записку [Н.А.] Милютину, а тот государю. В записке благонадежным человеком именовали меня */примітка збоку/ [Не говорите о сем митрополиту; он станет говорить в Петербурге, и меня болтуном назовут.]*

⁵²⁶ Київська археографічна комісія.

⁵²⁷ Безсонов Петро Олексійович (1828–1896) – філолог-славіст, голова Віленської археографічної комісії у 1865–1866 рр.

⁵²⁸ Возможно, О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене / С филол. и ист. примеч. В. Ламанского. СПб., 1864. 167 с.

Ламанський Володимир Іванович (1833–1914) – історик, археограф, філософ.

⁵²⁹ Див. лист від 27 січня / 8 лютого 1866 р.

В прошлом письме я по ошибке написал, что присланы богослужебные книги для униатов. Перебрал военный начальник: на самом деле это проповеди галицийские. Ни один, однако, ксендз не взял, кроме [о.] Войцицкого. Один даже спрашивал: *Co to iest*⁵³⁰ книга?

Меня доктор посадил на воды (Виши). Юлинька в последних днях. Деточки здоровы: выучились у кого-то подражать католическим процессиям и, забравши в руки палки либо книжки, ходят по комнатам и дерут во все горло. Алеша положительно утверждает, что в костеле не хорошо – кричат и барабанят, а что нет лучше, как русская православная церковь.

Будьте здоровы и благополучны!

Искренно любящий Вас брат Феофан Лебединцев.

26 мая/7 июня 1866 г.

г. Холм.

14 збоку

Прошрое воскресенье мы торжественно праздновали объявление монаршей благодарности в ответ на адрес нам. Благодарность прислали [Ф.Ф.] Витте, а тот мне. Пред обеднею собрались все в парадной форме в зале гимназической, куда явился и я и прочитал с кратким предисловием и послесловием. Затем «Ура» и «Боже, царя храни». На обеде были все ученики – униаты и католики, в прав[ославной] церкви. Потом молебен, а после многолетия Боже, царя храни. Католики подходили к кресту.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
[початок червня 1866 р.]

Ф. III, № 3412

/16/ Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Сегодня посылается к Вам официальное письмо о семинаристах. Чтобы не показалось Вам странным, считаю нужным пояснить, что собственно такое письмо пришлось посылать Думитрашкову⁵³¹ в Полтаву, а Вам сказал написать для выигрыша времени. Кого забракуете, тем всем вышлю отказ.

При этом позвольте поздравить Вас с новым племянником Александром, который родился благополучно 28-го мая. Послезавтра еду в Люблин за кумами. Юлинька, слава Богу, здорова, сегодня вставала с постели. Новорожденное кричит жестоко, но потому и кричит, что здорово.

/16 зв./ У нас ничего особенно нового. В Варшаве ждут государя, но к какому времени, сами не знают. Говорят, что он намерен прожить недели две в Скерневицах⁵³².

⁵³⁰ *Co to iest* – що це (польс.).

⁵³¹ Законоучитель Полтавской гимназии – *примітка КС*.

⁵³² Скерневіце – місто, нині у Подільському воєв., де розташовувалась заміська резиденція Романових (перший власник – намісник Костянтин Павлович, до 1831 р.). Тут

Женская гимназия вряд ли поспеет к августу. Проект устава еще не прошел чрез Учр[едительный] комитет, как писал мне [П.А.] Кулиш. Кстати: [П.А.] Кулиш назначен директором отделения исповеданий при комиссии вн[утренних] и д[уховных] дел. По этому случаю он писал мне: Да утешится тень Вашего Мелхиседека⁵³³, жезлом бо железным упасу католических бискупов.

Не помню, писал ли я Вам, что униатов, перешедших в латинство, возвращают и паки, а за совращение кара на ксендзов по 100 руб. на латинского и униатского. Это славная штука!

Будьте здоровы и благополучны!

Искренно любящий брат Ф. Лебединцев.

P.S. Приложенное при сем письмо потрудитесь послать тотчас Марии Ф[едоровны]. Это поздравление от Юлиньки с днем ангела. Юлинька и деточки Вам кланяются.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[початок червня] 1866 р.

Ф. III, № 3473

/15/ Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Вчера я получил от бывшего семинарского регента, ныне учителя пения при Бельской прогимназии Василия Левитского прошение об увольнении его от настоящей должности и ходатайство за него для получения прихода в Киев[ской] епархии. Сегодня отправляю к Варшав[скому] архиерею ходатайство мое о предстательстве пред [митр.] Арсением за просителя. Сегодня же отправляю ходатайство мое и к другому лицу, имеющему силу в этом деле, именно – к Вам, настоящее письмо. Вступитесь за него: человек он редкой честности и доброты, но нынешнее место решительно не по нем, за целый год ничему не научил детей, поют – как свиньи на дожде. Беда бедующая для него – теща и жена, обе яги ужасные, грызущие его до смерти, панующие над ним как над пахолком, забившие его до идиотства. Здесь он не имеет ни откуда /15 зв./ моральной опоры для борьбы с ними, и если не дадут ему прихода (порядочного), он или сойдет с ума, или того хуже поступит. Недавно я вызывал тещу к себе, два дня продержал ее у себя, распекал с утра до вечера. Ревет, как корова, но виновною не хочет признать себя. Я решительно потребовал, чтобы или она сама удалилась из Бялой, или сам Левитский просился обратно в Киев[скую] епархию. Прошение было плодом этой аудиенции... На приходе он найдет товарищей и сослуживцев, найдет случаи сам-на-сам бывать в обществе их и набираться самостоятельности. Здесь же он сам – только на уроках с детьми. Жаль человека! Ради «угнетенной

надалі проводили зустрічі «трьох чорних орлів» – імператорів Росії, Німеччини і Австро-Угорщини.

⁵³³ Разумеется архимандрит Мотронинского монастыря половины 18 века, деятельность которого и старания в борьбе с униатами на Украине описаны автором писем в особой брошюре – примітка КС.

невинности» постарайтесь для него о приходе небезбедном. Из него священник выйдет далеко лучше многих и многих.

Беда с учителями, приезжими из Киева. Некоторые до того неграмотны, что по письму их признают поляками. Нечай особенно отличается. Это – Божие наказание, а не учителя. Половина из них постоянно дерется с войтами и солтысами. Выгонять? Но до 20 деревень ждут учителей, а на месте ни единого канди-/16/дата! Педагогические курсы, хотя открытие их в Белой уже решено Учредител[ьным] комитетом, дадут skutki только чрез три года. Присылайте хоть каких-нибудь.

Все пророчат нам невозможность путешествия за границу по случаю войны, вот-вот наступающей. Советуют ехать на кумыс в Самару. Бог знает, что выйдет! И нужно же такого несчастья! А тут еще курсы наши за границей страшно упали: за ассигнац[ионный] рубль дают в послед[нее] время только 53 коп. сер. Цена на золото и серебро с кажд[ым] днем поднимается: вчера за серебр[янный] рубль жида требовали от меня 10 злотых, сегодня требуют уже 10 ½ злот[ых]! За полуимпериал нужно пратить 7 р. 75 и 85 коп. сер. Жиды страшно рыщут по всех домах и деревнях, скупая золото и серебро. Я спохватился поздно: куда ни поткнусь – продано жидам. Имею надежду приобрести по 1 р. 20 к. сер. до 30 серебр[янных] рублей. А где же взять больше? Неужели платить по 10 ½ злотых?

С назначением [Н.А.] Милютинна на место [В.П.] Платонова⁵³⁴ ополеченного ожидается множество перемен здесь.

Здоровье Надиньки получшало. Ходим в поле, в лес, может пройти уже целую версту.

Прощайте, спешу додому.

Искренно любящий Вас Е. Крыжановский.

/16 зв./ О Пясецком [Ф.Ф.] Витте что-то молчит. Не поручит ли он В[асилию] В[асильевичу] [Вилуеву] снестись с ним или с Вами. Пишут, что [Ф.Ф.] Витте предлагал инспекторство в Седльце учителю Варшав[ской] гимназии Копылову, оч[ень] умному господину, но тот отказался в надежде на Люблин, который обещан б[ыл] ему самим [Ф.Ф.] Витте еще в прошл[ом] году.

Нашелся ли естественник – Борецкий, студент университета? Нет ли художника какого по части рисования и чистописания?

На нашу Седлец[кую] правосл[авную] школу [А.И.] Друкарт⁵³⁵ прислал 8 руб. сереб[ром]. Не собирается ли он в Седльце? [С.С.] Громека говорил, что имеет с ним корреспонденцию...

Скоро именины Сусанны Ивановны – поздравьте ее от нас.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
13/25 червня 1866 р.**

⁵³⁴ Платонов Валеріан Платонович (1809–1893) був переведений з посади статс-секретаря Царства Польского 19 травня 1866 р.

⁵³⁵ Друкарт Андрій Іванович (1822–1874) – службовець у Київських генерал-губернаторських установах. Віце-губернатор Сідлецької губернії у 1867–1874 рр.

/17/ /почерком Петра Лебединцева/ 20-го июня 1866 года

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Когда вы получите это письмо, нас, вероятно, уже не будет в Седльце. Мы решили выезжать 18 или 19 числа. Я надеюсь найти для Надиньки надежную компаньонку и оставить ее с нею в Зальцбурге, а сам буду спешить обратно в Седльце, выждав – благоприятную ли перемену произведут воды на здоровье Надиньки. Обратно в Седльце думаю прибыть 15-16-17-18-19 августа. Разумеется, не дай Бог как бы чего худого, я останусь там и на другой месяц, как бы не тянули меня оттуда. И без того хотелось бы своими глазами присмотреть за лечением полным, но не на кого покинуть дирекцию – [П.Г.] Рублевский, на которого я возлагал такие великие надежды на этот случай, отказался переезжать в Седльце!!! Так прощайте, пока возвратимся. А может, австрияки заберут нас в плен и зашлют подальше... Тогда не скоро получите от нас письмо.

/17 зв./ Паскудную штуку выкинул варшав[ский] архиерей по делу о Левитском. На представление мое с просьбой о рекомендации для него к киев[скому] епарх[иальному] начальству он ответил мне, что 1, он не назначал и вызывал его; 2, ни благочинный, ни священник приходской не доносили о его поведении, а потому он и не хочет рекомендовать его. Экая подлость! Можно ли выдумать нелепее первой причины? Можно найти толк во второй, когда он так рьяно добивался надзора на унитскими учителями из семинарии, что вполне достаточно ему, – когда бы обязаны каждую четверть года представлять ему ведомости о них и исправно представляли? Не его ли вина, что благочинный его и священник не знают своих обязанностей? Можно ли, наконец, быть более бессердечным, чтобы так грубо и невежественно оттолкнуть человека в крайней нужде? После этого какой порядочный семинарист поедет на учительство в унит[ские] училища? О, иерархия наша!..

Я опустил руки, едва ли можно что сделать для Левитского у [митр.] Арсения. Разве Ваше сильное предстательство поправит это дело. Позвольте надеяться и позвольте ждать от Вас ответа на эту надежду к 15–19 августа. Если Левитский останется на настоящем месте, то он /18/ и гимназия крепко затруднятся. Мне жаль его, он может рехнуться или чахотку получить. А между тем, человек он честный и предобрый, священник из него был бы хороший. Что делать, порадыте.

Добржинской сегодня отвечает Надинька, она же пишет Сусанне.

Что же с Гельтманн случилось? Хоть бы деньги возвратила.

Не знаю, кого и благодарить: по представлению [Ф.Ф.] Витте о загранич[ном] отпуске для меня Совет Управления решил выдать мне в пособие 250 руб. с., тогда как я и полслова не заговаривал о пособии. Спасибо, разумеется, прежде всего Витту. Поминаем при подоб[ных] случаях Киев[скую] академию!..

Прощайте, до времени.

Искренно любящий Вас брат и слуга Е. Крыжановский.

13/25 июля 1866 года.

Ив. Г. Левитский будет ехать чрез Киев и расскажет Вам, что неуловимо для писем. Но он слишком пристрастен ко мне.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
14/26 липня 1866 р.

Ф. III, № 3413

/17/ Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

В последнем письме я обещал Вам писать с следующей почтою непременно.

Дело вот в чем. В бытность мою во Львове, как я уже давно писал Вам, у меня перебывало более 200 молодых людей из галичан. Просились во всевозможные места, между прочим в университеты и академии русские. Государевы стипендии удовлетворяют уже ищущих образования светского, алчущие же духовного образования в России остаются пока без удовлетворения. Прошу заявить о сем митрополиту [Арсению], не может ли он исходатайствовать у Св. Синода хотя 5-ть или десять стипендий в Киевской академии для галичан.

/17 зв./ Дело это, само по себе малое, может иметь весьма важные последствия, и мне кажется, что именно на Св. Синоде лежит священнейший долг устроить это дело. Своими ушами и очами убедился я, как недалеко галицкие униаты от православия. На нашей опеке холмские униаты, сущие враги православия и ревнители латинства, но они смотрят на галичан, и нам нужно воздействовать и на Галицию, чтобы когда-либо рассчитывать на успех в Холмщине. Душею и телом преданные России, молодые галичане, получив духовное образование в колыбели православия, пронесли бы с собою по Галиции верные сведения о православии и симпатию к нему. Остальное по воле Божией, а то наш долг. О сербах, болгарях и проч., т.е. о принятии их в Киевскую академию, пишут обыкновенно их митрополиты в Синод, но от [митр.] Литвиновича⁵³⁶ сего ждать нельзя. Это не то, однако ж, значит, чтобы Литвинович стал противодействовать такому делу; в душе он и сам был бы рад ему, только бы оно состоялось без его участия и ведома. Такая его политика среди партий правительственной, общественной немецкой, польской и народной галицкой.

/18/ Если бы митрополит устроил это дело, я берусь доставить столько кандидатов, сколько потребуется. Некоторые у меня записаны. Это молодые люди, окончившие полный гимназический курс и слушающие богословие в университете Львовском.

⁵³⁶ Спиридон (Литвинович; 1810–1869) – греко-католицький митрополит Галицький у 1864–1869 рр. Палко виступав за етнічну і адміністративну окремішність галицьких греко-католиків від поляків (і водночас за близькість до Риму – див. примітку до листа Юхима Михайловича від 26 липня/7 серпня 1866 р.), але проти зближення з росіянами і підросійськими православними українцями.

Штаты Холмского духовенства утверждены, наконец, и скоро будут введены. Заметки по поводу их и вообще о холмской унии я надеюсь прислать в «[Киевские] еп[архиальные] ведомости». С введением новых штатов, кажется, и епископа нового добудем. Вы знаете, что еще в 1864 г. [кн.] Черкасский хотел добыть из Львова и епископа, и священников. Дело не сладилося за тем, что народная партия ([Б.А.] Дедицкий, [Я.Ф.] Гловацкий, [А.С.] Петрушевич⁵³⁷ и проч.) рекомендовали одних людей, а [митр.] Литвинович других. [Кн.] Черкасский хотел кандидатов народ[ной] партии⁵³⁸, между прочим [о.] Гинилевича⁵³⁹ на епископство, а [митр.] Литвинович не пустил их. Оказалось, что [митр.] Литвинович был прав, ибо [о.] Гинилевич человек вялый и замешан во многих блудных действиях. Кандидат [митр.] Литвиновича, [о.] Южичинский⁵⁴⁰, гораздо лучше [о.] Гинилевича и безукоризненнее, как сознается и сама народная партия теперь. [о.] Литвинович, сойдясь с этою партией, обратился сам к [кн.] Черкасскому, и теперь идут деятельные переговоры. Попросят и моего ходатайства, и я /18 зв./ завтра напишу к [П.А.] Кулишу, который вступает уже в должность директора отделения исповеданий.

Позавчера получил письмо от С.И. Гуляевой с известием о смерти кума. Вечная ему память! Я все боюсь, не имел [ли] отказ в перемещении в Холм влияния на его слабость, которая привела его к холере и смерти. Так как это был единственный верно-преданный мне человек и много заботился обо мне, то я долгом совести и дружбы считаю позаботиться о его осиротевшем семействе. По совету с Юлинькою мы послали детям 100 р., а Софье Ив[ановне] я предложил место учительницы в холмском женском городском начальном училище с жалованьем в 200 р., если ей не представляется ничего лучшего в Киеве⁵⁴¹.

Вчера получил от Павла Ф[едоровича] письмо. Поблагодарите его за память. Буду отвечать.

У нас целый месяц холера и дожди. Холера весьма слабая. Детки страшно кашляют. Юлинька здорова и Вам нижайше кланяется.

Жду известия об Иване Мак[симовиче]⁵⁴² и Пасхалове.

Искренно любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

14/26 июля 1866 г.

⁵³⁷ Дідицький Богдан Андрійович (1827–1909), Головацький Яків Федорович (див. примітку до листа від 10/22 березня 1866 р.), Петрушевич Антоній Степанович (1821–1913) – галицькі громадські діячі московфільського напрямку. Б.А. Дідицький, на відміну від більшості діячів свого покоління, не був священником. Про А.С. Петрушевича див. лист Юхима Михайловича від 26 липня/7 серпня 1866 р.

⁵³⁸ Феофан Гаврилович називає народною партією московфілів.

⁵³⁹ Гинилевич Григорій (1809–1871) – греко-католицький священник, московфіл.

⁵⁴⁰ Южичинський Антоній (1815–1886) – греко-католицький священник, московфіл. Як і А. Гинилевич, був членом і учасником багатьох організацій і заходів, однак, на відміну від нього, діяльність А. Гинилевича залишалась активною і в поточному часі, і в майбутньому. Після смерті митрополита Спиридона став одним з кандидатів на його заміну.

⁵⁴¹ Невідома їй подальша доля, але до Польщі Софія Іванівна не поїхала.

⁵⁴² Вакуловський, двоюрідний брат по матері.

г. Холм.

/17 збоку/ Вот штука. Учитель Федынський (галичанин) поехал в Львов жениться – на русской латинского исповедания. Ксендзы потребовали, чтобы оглашение⁵⁴³ о нем произведено было в Холме, где он был всего полтора месяца. Оглашение д[олжно] б[ыть] за подписью епископа и губернатора. Это на основании конкордата. Федынський, д[олжен] б[ыл] выкрепиться в Холме и просить оглашения.

/18 зв. збоку/ [Г.П.] Галаган был в Львове. Один из приехавших галичан передал мне поклон от него; но это, конечно, от своего чрева, так как я с [Г.П.] Галаганом не знаком.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича

26 липня/7 серпня 1866 р.

Ф. III, № 3475

/1/ 26 июля/7 авг[уста] 1866 г.

г. Седльце

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Наконец-то я возвратился из путешествия. Но пока только я сам, Надинька же с Сережей (с компаньонкою и горничною) остались там еще до 8/20 авг[уста], когда окончится шестинедельный курс лечения ее. Варшавские доктора уперлись руками и ногами, чтобы она ехала не в Обер-Зальцбург, но в Щавницу⁵⁴⁴ (в Галиции), воды Зальцбурга для нее – будто – до того крепки, что непременно вызовут сильное кровохаркание и еще большее расстройство груди, которая и без того – будто – *zupełnie zepsuta*⁵⁴⁵. Ехал я в Щавницу с отчаянием. Но тамошний доктор (один из пяти сущих там) нашел, что далеко еще не всё *zepsuto*, что надежда не пропала, если аккуратно выдержать настоящий курс, а потом *suchy* (безвыходно в комнате), Надинька опять приедет туда же, а потом опять. Варшавский доктор (Холубинский), которого прислал нам [Ф.Ф.] Витте, как наилучшего из профессоров и практиков тамошних, стоит на том, чтобы она и в Щавнице не пила вод, а только *używała świeżego powietrza* и пила сыворотку. Но щавниц-/1 зв./кий доктор требует после трех недель прибавлять понемногу, постепенно увеличивая, воды. Я провел с ними в Щавнице 18 дней. Наверное не могу сказать, лучше ли ей действительно стало, или только наружно она стала свежеть. Будет, что Бог даст, худшего не виделось, и потому я оставил ее там,

⁵⁴³ Попереднє оголошення у приходській церкві про намір укласти шлюб, щоб вчасно виявилися можливі обставини на заваді шлюбу.

⁵⁴⁴ Курорт між Західними Бескидами і Пенінами у Польщі, зараз практично на кордоні зі Словаччиною, у XIX ст. місцевість була лемківською.

⁵⁴⁵ *Zupełnie zepsuta* – повністю зіпсована.

Zepsuto – зіпсовано.

Suchy – сухий.

Używała świeżego powietrza – дихала свіже повітря (польс.).

спеша сюда, где имеет быть столпотворение вавилонское с гимназиями. По дороге (свернул, однако, в сторону 320 верст по железнице) я заехал в Львов, где три дня провел в среде нашей юной-младенческой, но горячей, до энтузиазма любящей общую мать нашу братии нашей. Боже-Боже, как мы обманываемся здесь насчет убеждений их и отношений к нам. Какую брань [П.А.] Кулишу и бр[атии] приходилось мне там слышать за – если не создание, то поддержание хохломанства и «Меты»⁵⁴⁶. Как они борются там с ляхами и униєю, как нетерпеливо ждут, что вот-вот придет белый царь и заберет их! По деревням Щавница – последняя польская деревня, за нею начинаются русские (в некоторых из них я был, говорил с народом, бывал в домах священников) несомненно верит, что нынешняя война кончится присоединением Галычыны к России. «А вы же хотели бы того?» – спрашивал я их потихоньку. «Ге-ге, як бы то Бог дав! Все ж таки мы рідня, не то що проклята ляхва... Там тепер людям добре, ляхів взяли в руки, а тут що лях, то й гаспид», – и под. /примітка знизу/ [Во время пребывания моего в Галиции, австр[ийское] правит[ельст]во пустило предложение о поголов[ном] ополчении против пруссаков⁵⁴⁷. Польские газеты завопили: «Ни за что! Народ прежде всего нас – панов, перережет, как в [18]48 году!» Вот лучшая характеристика отношений между ляхами и рус[ским] народом там! Со всех сторон сыпался корреспонденции, описывающий страх, наведенный на панов мыслью об ополчении, и мольбы правит[ельст]ву не затевать его. Русинов /2/ описывали самыми злобными красками, посылали доносы о чайной измене их и чайных замыслах, о заготовлении «свяченых» кос, о желании их «лизать московский кнут» и принять «схизму»... Кажется, австр[ийское] правит[ельст]во вняло просьбам их, п[отому] ч[то] гр[аф] Голуховский⁵⁴⁸ назначается реорганизатором Галиции.] По деревням и в самом Львове есть священники, которые толкуют про малорусскую народность и желали бы политич[еской] отдельности и всегдашней унии с Римом; но это – слабая и ничтожная партия, опирающаяся на хитрого митрополита и всеми презираемая. Я встречал только трех таких лиц, остальные все называют /2/ себя не русинами, как им приказано правительством с голоса поляков, но русскими, москалями и схизматиками. Слово уният там совсем изгоняется, всюду слышится только православный (т.е. униятский). Органов нет ни в одной церкви. Иконостасы и жертвенники всюду есть. Но боковые престолы и скамьи удерживаются в некоторых (последние в Львове есть только в кафедрал[ьном] соборе) влиянием митрополита, который грезит о кардинальстве и даже думает ехать в Рим на канонизацию [Иосафа] Кунцевича, хотя и представляется жарким русином.

⁵⁴⁶ Мета – галицький літературно-політичний часопис народівецького спрямування (1863–1865), в якому публікувалося чимало матеріалів з підросійської України, зокрема твори П.О. Куліша і В.Б. Антоновича.

⁵⁴⁷ 16 червня–26 серпня 1866 р. тривала австро-прусська (австро-пруссько-італійська) війна.

⁵⁴⁸ Граф Голуховський Агенор (1812–1875) – губернатор Галичини (1849–1859) намісник Королівства Галичини і Лодомерії у 1866–1868 рр. і 1871–1875 рр. За походженням – польський шляхтич, був лояльним до політики австрійського уряду, але замінював німецьких функціонерів польськими, проводив культурну регіоналізацію із польським ухилом.

Хитрый человек. Визит мой у него останется у меня в памяти навсегда: мы ужасно переругались. Едва вошел я и протянул руки за благословением, он отступил и давай кричать-ругать [кн.] Черкасского, всю администрацию русскую, Бибикова даже и [М.Н.] Муравьева⁵⁴⁹ – за что бы, Вы думали? Якобы за слабость их с поляками! Ах ты ж лис, думаю себе, вот куда ударил! Говорит, а в глазах чертики скачут. Сначала я все отнекивался, говорил, что приехал частно, а не от имени правительства, и не уполномочен говорить с ним о каких бы то ни было правительств[енных] делах, зашел к нему попросить только благословения его и засвидетельствовать свое уважение яко главе роднейшего нам народа – и под[обное]. Но двоедушие, пыл и щедрость на порицание вывели меня из терпения, и я стал спорить с ним. Часто я повторял: «Перепрошую, Ваше Высокопреосвященство, то брехня, то Вам набрехали, Вы нас знаете більше от ляхів, чем от наших!»⁵⁵⁰ – «Ни, то ти брешутъ, которых Вы посылаете сюда для разных высмотрів, яко Раевскій⁵⁵¹ (венский протоиерей) и др[угие], (кого он под другими разумел, оказалось к концу разговора – [Ф.Ф.] Кокошкина⁵⁵²). Мени не вірять, кажуть “ультрамонтан”⁵⁵³! А я ж таки глава народу цілого, я пред Богом повинен отвіт дати за свій нарід, я маю совість...» – «А чи позволете мені, В[аш] В[ысокопреосвященст]во, говорити, що у мене на душі?» – «Говоріте, про□шу.» – «А чому же вы не даете отпустительных грамот священникам которых выбираем тут? Чому вы не напышете [еп.] Калинскому, щоб не держав сторону ляхів, а він же має з Вами корреспонденцію!.. По чиему наговору австрійске прави-/2 зв./тельство не пускае до нас людей, яких мы просим, но – тільки яких воно скаже? Як же мы, хозяи в свої хаті, будем слухаты кого-сь там, и кого нам пришлють? Мы вам не вороги, вы нам, а брати рідни, а німці и ляхи з якои причини будуть сюда мішатись и людей нам межи вами выбирати? Выберіть сами, без ляхів и німців, мы вас в ручку поцілуем...» И много подобного говорилось. «Я пастырь, мене слезы обминають, що ваши уніати таки упорни...» – «А мы уже выплакалы над ними всі слезы, переболіли душею. Вы нас не хотите піддержаты...» – «Я?» – и расстрогался старикашка, стал меня обнимать и благословлять на все боки. «Не думайте так, не думайте, я щирый русскій и не

⁵⁴⁹ Колишній віленський губернатор (див. примітку до листа від 15/27 квітня 1866 р.).

⁵⁵⁰ Тут і далі при передачі прямої мови галичан збережена орфографія (але не пунктуація) авторів, за винятком опущеної літери «еръ» в кінці слів.

⁵⁵¹ Раевський Михайло Федорович (1811–1884) – протоієрей Православної російської церкви, із 1842 р. настоятель церкви при Російському посольстві, панславист за переконаннями.

⁵⁵² Ф.Ф. Кокошкін, за дорученням кн. Черкаського їздив до Львова для переговорів щодо переведення галицьких священників до Царства Польського, як і Феофан Гаврилович їздив за вчителями.

⁵⁵³ Ультрамонтанізм – ортодоксальна течія в Католицькій церкві, що виступає за жорстке підпорядкування папі Римському церкви у національних державах і, ширше, за збереження папами світської влади. Ці питання постали особливо гостро у 1860-ті роки під час Рісоджименто. У 1866 р Австрійська імперія втратила Венецію на користь світської Італії, і під владою папи залишилась лише Папська область. В даному контексті звинувачення «ультрамонтан» вказує на орієнтацію митрополита на більшу залежність греко-католиків від Риму.

благословляю ваших уніатов, лаю их, когда вони сюда прїезжают». Расстались мы, т.е. он, большим приятелем, крепко жалел, что не может меня долее видеть здесь (я был у него в 9 часов вечера, узнав пред тем, что на др[угой] день чуть веть он уезжает к отцу в деревню на целую неделю), долго кутил, чтобы я осенью или зимою приехал в Львов. Ох, лыс-лыс!

Когда я приехал в Варшаву, рассказал про все виденное и слышанное [кн.] Черкасскому, особенно про митрополита, он согласился с моим взглядом на тамошние дела и начал выводить раз[ные] предположения для здешних унит[ских] дел. Вдруг подают с почты письмо – читает и смеется. Это было письмо от [Ф.Ф.] Кокошкина о тех же галицких делах, о которых он собрал сведения от свежо приехавших в Холм из Львова учителей, оно выставляло тамошние дела совершенно иначе. Смех. Тут же сидит [П.А.] Кулиш и вынимает только что полученное письмо Феофана, в котором те же дела на основании рассказов тех же учителей выставлены еще иначе. [Кн.] Черкасский порешил никому из нас не верить и навести свои справки, тогда решить, как устроить теперешнее запутанное положение унитов – принять кандидата в епископы, выставляемого митрополитом, или довольствоваться одною консисториею, устранив [еп.] Калинского.

В Львове я нашел 2[-х] учит[елей] для Седл[ецкой] и двух для Бельской гимназии. Я был там всего три дня, дошли слухи о моем приезде о окрестностей не скоро, и вот – сегодня. Сегодня я получил письмо от [Б.А.] Дедицкого – тотчас по выезде моем двери у него не затворяются доселе, все желают видеть меня и ехать на какие бы то ни было места – плачут, что не застали меня, просят его рекомендовать их мне. [Б.А.] Дедицкого (и [Я.Ф.] Головацкого) я не застал в Львове (ездили в деревню), он приехал, как пишет, три часа спустя по моем выезде, теперь письмом отдает мне визит, слезно просит за многих людей.

/2 зв. збоку/ Да, было бы и забыл. Некто Митрофан Стефанович (сущий при 2-й киев[ской] гимназии) по рекомендации [Ф.Ф.] Витте приглашен мною на должность инспектора Седлец[кой] гимназии (о женатом на Тамаре и слышать не хочет). Но В.В. В[илуев] выставляет его нигилистом. Будьте так добры, сообщите мне свое мнение о нем. [Ф.Ф.] Витте чрезвычайно хвалит его. Дело о нов[ых] рус[ских] гимназиях еще в Петербурге, где теперь и [Ф.Ф.] Витте. Придется начинать год по-польски.

/1 збоку/ Особенного внимания в Львове заслуживает кафед[ральный] священник [А.С.] Петрушевич – историк и лингвист. Все тратит на книги, живет невероятно бедно. Невероятно честный и весьма умный. Грудь изменяет ему. 13-й год занимается он составлением сравнительного словаря славянских наречий. Выводы его подвинут много вперед грамматики этих наречий. Недавно [И.И.] Срезневский писал ему, что Академия наук обещает ему издать словарь его на свой счет. Целых пол дня просидел я у этого замечательного человека с большим наслаждением.

/1 вгорі/ «Народный дом» русский в Галиции – замечательное явление. Собирали люди по крейцеру, жертвовали из жалованья и выстроили огромный дом в 4 этажа, в котором клуб, театр, библиотека, музей, гимназия,

педагогич[еские] курсы и затем магазины и квартиры, с которыми имеют более 10 тысяч гульденов дохода. Теперь прикупили еще два сосед[них] дома подобной же величины. Хотят еще устроить для одной церкви большой колокол – «щоб каждому ляху аж в голові загуло, як зазвонять», – и порешили: у кого явится какая-либо медная монета – несет ее в Народ[ный] дом на колокол. И что же? В продолжении полутора года набралось уже медяков до 70 пудов.

/1 зв. збоку/ Еще: львовяне очень бедны рус[скими] книгами и газетами. Не будет ли так добр «Киевлянин» и не подарит ли им себя в одном экземпляре? Постарайтесь, благо окажете. Послать ли в редакцию «Слова», или в «Русскую беседу»⁵⁵⁴ (клуб) в Львове. При мне [М.Н.]Катков прислал им «Москов[ские] ведомости» – с жаром читают и хвалят. Получают еще «Север[ную] почту»⁵⁵⁵ – и только! Не подарите ли им экземпляра «[Киевских] епархиал[ьных] ведомостей».

/3/ Дело о «свяченых» косах имеет основание, но вполне выставяющее положение ляхов и отношение их к русским. Зимой приехали в Львов из России купцы и заказали одной фабрике тамошней множество лучшего сорта кос. Чтобы отметить заказанные ими косы от других заказов, фабрикант положил на них русские надписи (клейма). Но на фабрике сделано было, как водится, лишнее количество их против заказа, многие экземпляры могли быть забракованы. Вот это-то лишнее количество и осталось в фабрике. Чтобы не лежало оно даром, так как для поляков и немцев русское клеймо – вывеска несовершенства изделия, фабрикант-немец обратился к господину (русскому), бывшему переводчиком купцов, не знавших по-немецки, спустил эти косы между сельским людом Галиции. Тот обратился к посредству одного сельского священника, который охотно вызвался распродать их в народе, для чего и послано ему около 500 кос, которые и проданы наполовину. Косы с московскими надписями! Ага, вот что затевается! Это «свяченые ножи», присланные царицею в Украину для гайдамаков! Это непременно русское правительство подослало для истребления поляков! Когда я был в Львове, получено было там первое известие (письмо от священника на имя приславшего ему косы) о том, что косы эти у него и у купивших арестованы, священнику запрещен везде из деревни, титулуют его чиги-/3 зв./ринским благочинным, съехались местные власти и производят строгое следствие... Чем это кончится, еще неизвестно... Вот положение русизма среди вольных поляков!

/3 зв./ У Вас остались еще, кажется, для двух учителей прогонные деньги. Пришлите их в сентябре. Будьте так добры, внушайте им при отправке, дабы они рассчитывали, что приехав на место, только чрез месяц еще он начнет получать жалованье, и потому не тратили бы прогонных. А то приехав и едва вступив в

⁵⁵⁴ Слово – український галицький літературно-політичний часопис москвофільського спрямування; заснований у 1861 р. Головний редактор у 60-х роках – Б.А. Дідицький.

Руська бесіда – український клуб-товариство у Львові, заснований у 1861 р. У 60-х роках було здебільшого москвофільським. Напрямом роботи була здебільшого культурна сфера.

⁵⁵⁵ Северная почта – офіційна щоденна газета Міністерства внутрішніх справ Російської імперії, виходила у 1862–1868 рр.

комнату, первое – «дайте денег». Иной пропивает дорогою сюртук, шинельку, голым приезжает.

/1 зв. вгорі/ Как-то писал ко мне [Ф.А.] Терновский⁵⁵⁶ с просьбою разузнать, почему «Слово», на имя которого Академия послала деньги на него, не жалуется к ним? Я спрашивал. Ответ простой: потому что загранич[ные] газеты выписываются чрез почтамты, а не непосредственно из редакций, которые высылают экземпляры, не зная, для кого они выписаны. Деньги академические не дошли по адресу, все это дело может решить только почтамт.

/2 зв. вгорі/ Да, вчера я получил письмо от Ивана Тих[оновича] Тихомирова, в котором он известил меня о близкой смерти Вали. Целый вчерашний день я был не свой – так мне жаль Вали. Что-то будет с Юлией Наркиссовною? Не пошли мне, Боже, такого горя.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
18/30 серпня 1866 р.

Ф. III, № 3476

/4/ Любезнейший наш брат, Петр Гаврилович!

Извините, что не даю Вам покою с своими просьбами и поручениями. Настоящая просьба, вероятно, наведет на Вас раздумье, а может, и попрек мне в поспешности. Но в семье своей я не делаю ничего без предварител[ьного] долгого общего с нею обсуждения. Горе, которого я сильно боялся и ожидал издавна, пришло наконец: сестра моя покончила свою многотрудную жизнь, оставив пьяному мужу 5[-х] детей, мал мала меньше. Умирая, она завещала мне старших двух сыновей своих, отец которых подавно готов сбить их с рук, о чем и пишет мне. По совету с Надинькою, я решился взять их к себе. Посылаю 40 руб. серебром и покорнейше прошу Вас выдать их тому, кто явится к Вам по делу об отправке этих детей. За 40 руб. сереб[ром] можно нанять жида до Седльца. Явится к Вам, вероятно, отец их или брат мой – Григорий (священник). Будьте так добры, /4 зв./ дайте им совет, как и что сделать для отправления детей сюда на жительство – какие нужны для них виды и под. Дети могут ехать в компании или с своим праздношатающимся репетитором (которому можно тут дать место учителя в учит[ельском] училище), или с кандидатами на учительских учителей, которых Вы должны мне. А может, отыщется и иной удобный случай. Приисканием такого случая займется тот, кто приедет для отправки детей – отец их или брат мой.

Такова-то судьба наша! Умер Валя – Надинька поплакала не больно; я не боялся сообщать ей об этой потере, давно уже мы приготовлены были к ней. Но смерти сестры никогда не могли ожидать, она была в силах (умерла от родов) чрез три дня после Вали. Надинька горько плакала по ней, так что я боялся за результаты, вывезенные ею из Щавицы (приехали вчера на рассвете). Она очень

⁵⁵⁶ Терновський Пилип Олексійович (1838–1884) – викладач КДА з 1862 р., випускник МДА. Пізніше став викладати в Університет св. Володимира.

любила ее. Теперь она мечтает о детях-сиротах как о своих. Разумеется, что сделаю все, чтобы она не имела с ними никаких хлопот. Приняли мы одну пожилую девицу – великолепную хозяйку, Надинька сидит за спиною ее как за спиною Бога. То же будет и по приезде племянников.

/5/ Надинька свежее после Щавицы. Дал бы Бог провести и весну благополучно, а там опять в Щавицу. Там был знаменитый в Галиции доктор Дитль⁵⁵⁷, осматривал ее внимательно и сказал, что правое легкое ее довольно попорчено, левое только начало портиться, но что он имеет полную надежду на излечение ее; заповедал ей пить рыбий жир, никуда не выходить зимою, потом в Щавицу приезжать.

Извините за короткость письма. На днях напишу побольше. Но прошу Вас поспешить сведениями о Стефановиче. О них просит Вас и Ф.Ф. Витте.

Кланяемся Вам низенько и желаем всего наилучшего.

Искренно преданный Вам Е. Крыжановский.

18/30 авг[уста] 1866 г.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
11/23 вересня 1866 р.

Ф. III, № 3414

/19/ /почерком Петра Лебединцева/ получ[ено] 16-го сент[ября] 1866г.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Вчера вечером я воротился, наконец, из Варшавы после трехнедельного отсутствия. Сегодня весь день ходили ко мне, пока я не запер двери, чтобы пообедать, перечитать великое множество писем и написать Вам.

Начну с того, что в сегодняшнюю ночь, с 10 на 11-е число, ровно в 12-ть ночи приехал [Й.С.] Сидорский, жандармский полковник и военный начальник с братиею. Чрез час [еп.] Калинин катил уже по дороге в Варшаву в сопровождении двух жандармов. Ему назначено жить в Вятке, туда и повезут безостановочно. Сам он выслушал это решение довольно спокойно, но дочери страшно кричали и сыпали проклятиями на всех. Им выдали по 100 руб. единовременно, а отцу оставлено жалованье в 1 500 р. Холмские униаты сильно взволнованы и огорчены, даже и те, которые были против него. Теперь-то открылись истинные их чувства. [О.] Войцицкий принимает епархию, а [Й.С.]

⁵⁵⁷ Дітль Юзеф (1804–1878) – польський лікар, професор Ягелонського університету (на час приїзду Надії Наркисівни вже був звільнений і служив депутатом Міської ради Кракова). У медицині дотримувався підходу про лікування передусім природним шляхом, якому лікар повинен не перешкоджати.

Сидорский сдает. Послушаем, что скажет епархия. Выходит точь-в-точь Богуславская консистория⁵⁵⁸... Дело о епископе снова отложено.

/19 зв./ Междуцарствие открывает возможность для многих реформ. [О.] Криницкого уже назначили ректором⁵⁵⁹; пойдут дальше. Введут галичан, благо, [кн.] Черкасский потерял веру в местных униатов, от чего и мне полегчало.

Теперь о своих ближайших делах. Открытие женской гимназии последует между 15-м и 20-м октября. Мне предложили по прибытии на место самому назначить срок, советуя, впрочем, не спешить. Теперь нужно людей набирать. Ивана Максимовича я назначил сегодня и сегодня же посылаю номинацию и предложение прибыть в Холм. Прочитав Ваше письмо, я тотчас же распорядился написать и в Киев[скую] консисторию о неимении препятствий. Прошу выслать Ивана М[аксимовича] как можно скорее. Мне он чрезвычайно нужен, хоть бы сегодня даже. Если ему понадобятся деньги, ссудите под его ответственность, ибо я не уверен вполне, дадут ли ему на переезд, так как дается одним лишь учителям. Сестру Соню я также назначил сегодня классною дамою и номинацию посылаю. Нужны еще две классные дамы. Соня рекомендует подругу свою Болотинову, получившую серебряную медаль в Фундуклеевской гимназии, в комиссии же дали мне прошение от какой-то Суворовой Александры, дочери полковника, окончившей курс в Киевском институте в 1859 г. О той и другой прошу собрать сведения. Болотинова явится к Вам сама, а Суворова, кажется, известна Вам прежде. Хохлович говорит, что она ханжа, а это хуже нигилизма. Если ни та, ни другая не годятся, /20/ прошу прислать других двух. Одну хотелось мне иметь не то что старую, но посolidнее, чтобы могла принять участие в хозяйственном комитете и быть помощницею начальницы, за что ей прибавляется жалованье еще 150 руб. к 360, при казенной квартире и столе. Нет ли также учительницы рукоделий с жалованьем в 400 р.? Какого Вы мнения о девице Голубевой, которая была, кажется, в Вашем училище? Мне рекомендует ее Кухаренко.

Троцкого⁵⁶⁰ могу и готов назначить, но с дороги еще не сообразил, на какое место удобнее. Напишу в среду.

Нет ли затем учителей? Требуется два на русский язык в Холмскую женскую гимназию. Жалованье обоим по 1 200 р., но один может поучить добавочного 365 руб. по должности члена хозяйственного комитета. Нет ли на латинский язык в Грубешовское училище (жал[ования] 1200 р.)? Нет ли очень хорошего человека для должности инспектора в том же училище, с жалованьем 1400+200=1600 руб. при казенной квартире? Прибавляю: очень хорошего, ибо за неимением такового я представлю кого-нибудь из учителей холмских. Прошу ответа на сие в скорейшем времени.

⁵⁵⁸ Учрежденная на Украине польским правительством для заведывания православными церквями по случаю ареста и взятия в Варшаву в 1789 г. православного епископа [Переяславского Виктора] Садковского – *примітка КС*.

⁵⁵⁹ Холмської реко-католицької духовної семінарії.

⁵⁶⁰ ЦДІАУК, ф. 127, оп. 750 (1866 р.). спр. 511. Об увольнении из духовного звания священнических детей Назария и Стратоника Троцких. 28 мая – справа вибула.

[Ф.Ф.] Витте пробудет за границей не меньше двух месяцев. Он очень истощал.

Павла Ф[едоровича] поблагодарите за письмецо. Жду вести об Ильинском.

/20 зв./ Реформы Царства Польского продолжаются; дело идет к совершенному его уничтожению, о чем говорят довольно прямо. В Варшаве довольно сильная холера; но меня Господь сохранил. Василий В[асильевич] [Вилуев] сильно трусит холеры. Испытал я страшные хлопоты с закупками и заготовлениями. Начальница гимназии ни в чем не помогла ни на волос. Это молодая барыня, избалованная знакомством с [кн.] Черкасским и другими важными лицами да волокитами-офицерами. [Ф.Ф.] Витте говорил, что о назначении ее просили 20 генералов. Когда я приехал, [Ф.Ф.] Витте предлагал послать за нею, чтобы она явилась ко мне, то я отклонил это и сам поехал к ней, а она и пошла потом посылать за мною – раз, два, три. [В.В.] Вилуев страшно взволновался этим, [Ф.Ф.] Витте тоже, [И.Г.] Михневич тоже. Я молчал, пока ей не сказали в Комиссии, что де есть начальник, что вы де обязаны то и то..., явиться и помочь, и проч. Она побывала, не застала и опять прислала за мною, а я сказал тогда: дзуски, и уехал. Это начало болезней. В хозяйстве и в зуб толкнуть не умеет.

Очень жаль мне [архиеп.] Филарета Черниговского⁵⁶¹ как ученого мужа, и еще более того, что так обесценили Ваше училище.

Михаилу Ал[ександровичу] мое глубочайшее почтение. Я храню о нем самую светлую память.

До следующего разу. Будьте здоровы и благополучны!

Искренно любящий Вас брат Феофан Лебединцев.

11/23 сентября

г. Холм

Павлу Ф[едоровичу], Сусанне Ив[ановне] и Елене Яковлевне мой нижайший поклон.

От галичан никого нет. Я застал 15-ть писем.

Юлинька просила Вам кланяться низенько. Детки все еще кашляют.

На ком женат Троцкий и чем теперь?

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
до 30 серпня 1866 р.**

Ф. III, № 3477/

/6/ /іншим почерком/ 30 авг[уста] 1866 года

Любезнейший брат Петр Гаврилович!

⁵⁶¹ Філарет (Гумілевський; 1805–1866) – архієпископ Чернігівський з 1859 р. Помер 9/21 серпня під час об'їзду єпархії від холери. Автор 5-томної «Истории Русской церкви» (1847–1848), написаної у час перебування на Ризькій кафедрі. Канонізований УПЦ як у чині святителя.

40 руб. сереб[ром] посланы мною напрасно, жиду заплатилось бы тут. А то деньги потратят, а жиду все-таки тут придется платить. А на деньги после заграничной поездки скверно у нас. Да нечего делать, будет, как выйдет. В случае вздумал бы провожать детей до самого Седльца отец их – отсоветуйте это. Если бы брат мой решился бы на этот путь – мы с Надинькой рады были бы видеть его (а ехать ему можно бы, он бездетный). Господа ради, не поставьте себе в труд выправить в дорогу детей, если бы брат мой не ехал с ними. Услуга эта не забудется нами вовек.

Надинька теперь с радостью ждет племянников (одного из них она оч[ень] полюбила). Но я все твержу ей, что радость от них далеко впереди, если только еще будет она, а пока они – терпение и терпение, а может, /6 зв./ и лишнее горе. Надинька много переменялась в это лето. Скуки никакой (но и потребности в обществе никакой), больше обдуманности в поступках, гораздо больше мягкости, резкости почти незаметно. И рад я этому много, и страшно боюсь, чтобы эта перемена не предвещала близости смерти. Если бы она оставалась такою и жила долго-долго, я только благословлял бы Бога, на свете редко кто имел бы такую добрую и сердечную жену. Глядя на нее в продолжении этих десяти дней, как объявил я ей о смерти сестры, я крепко каюсь за прежние слезы и горевания свои – дети сестры не будут чувствовать сиротства своего. Помолитесь, чтобы Бог дал Надиньке много-много здоровья, да чтоб она в душе оставалась тою, какою есть теперь – уже месяца два или три!..

Вы защищаете [митр.] Литвиновича. Нет, он плутует не по обстоятельствам, а по натуре. Что пишется в «Слове» – не все искренно, о митрополите же оно не смеет не сказать ничего. Нет, нет, плут он. Руссизм его не похож ни на какой, он хотел бы быть русином польско-немецко-католическим. И поверьте, если [наместник] Голуховский послушает его и даст свободу русизму галицкому – галицкая интеллигенция и /7/ Галиция пропала для нас. «Слово» иногда с похвалою отзываясь о нем, дает ему только намеки, побуждения, указания, куда он должен идти, кого держаться, не смея выражаться об этом иным способом. Читали мы № его (не помню который, я в тот день, как он вышел, был в Львове, значит, числа 13–14–15 июля), где говорится что откуда существует уния – у униятов был только один святой – Григорий Яхимович⁵⁶², что [Иоасаф] Кунцевич – изверг и враг русских, и если [митр.] Литвинович хочет заслужить народ[ную] память, то он не должен ехать в Рим на канонизацию [Иоасафа] Кунцевича. Если решились напечатать эту статью, то недаром: много желчи накопело у всех против него, много ультрамонтанства у него, подличанья, езуитства даже. Вообще, он хочет быть русином папствующим, и русином, а не русским, который для него чужд больше поляка. Что и говорить – человек он умный, да неразумный.

Так [А.Л.] Стефановича я порешил взять. Вчера написал ему об этом окончательно. Феофан правду говорит, что «лучше иметь дело с молодым

⁵⁶² Григорій (Яхимович; 1792–1863) – митрополит Галицький, якого змінив на кафедрі митрополит Спиридон (Литвинович).

человеком, чем с старым пердуном», и что «административ[ная] жизнь действует на взгляды, как и монашество» – нигилизм вывертится на др[угой] же день по вступлении в эту жизнь.

Но прощайте. Зовут на встречу в. кн. Ник[олая] Николаевича, который возвращается из Янова в Варшаву же.

Целуем Вас от всего сердца, искренно любящий Вас Е. Крыжановский

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
до 30 серпня 1866 р.**

Ф. III, № 3478

/8/ /іншим почерком/ 30 авг[уста] 1866 года

Любезнейший брат Петр Гаврилович!

Наскучу я Вам своими просьбами и поручениями. Будьте так добры, пошлите кого-либо из своих слуг к А.Д. Воронову⁵⁶³ попросить его, дабы он отыскал часто бывающую у них давнишнюю матку Сережи Пелагею, и объявил бы ей, дабы она, если хочет ехать к нам, приехала бы вместе с племянниками моими. Недавно (и прежде часто) она писала Надиньке о своем желании с плачем, и мягкодушная Надинька хотя много терпела от нее прежде, очень хочет ее у себя снова. Поскорее только пускай выхлопочет себе паспорт, если имеет его только для жительства в Киеве, а не «в разные города Российской империи». При последнем она должна только заявить его в части, которая надпишет, что на выезд из Киева в Седльце нет препятствий. Здесь она может быть /8 зв./ чем захочет – горничной, нянькой, кухаркой, прачкой и под.

Будьте так добры, не оставьте этой просьбы моей или, точнее, Надиньки.

Остается двадцать минут до захода солнца, а мне еще нужно идти к Надиньке в деревню (5 верст), а потому

Прощайте.

Искренно преданный Вам Е. Крыжановский

Вновь купил я себе кони, но не могу ездить ими, потому что нет кучера.

Е.К.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
26 серпня / 7 вересня 1866 р.**

Ф. III, № 3479

/10/ /іншим почерком/ 29 сент[ября] 1866 года

Любезнейший брат Петр Гаврилович!

⁵⁶³ Воронов Олександр Дмитрович (1839–1883) – викладач КДА з 1862 р., випускник МДА. Призначений до Києва одночасно з іншим випускником МДА – П.О. Терновським.

Податель сего письма – сын приятеля моего, униатского благочинного о. Шиманского, возымевший благое и непринужденное намерение учиться в Киевской дух[овной] академии. Этот парень не похож на Колбуса: скромный, степенный и здравомыслящий, немного артист, как и все семейство (дочери – настоящие артистки) о. Шиманского, крепкого притом унита, но и доброго русина, очень много помогающего мне в устройстве училищ в своем околотке. Думаю, что не откажете ему в доб-/10 зв./ром слове, отопреете его душу на чужбине, которая – дай Боже, чтобы перестала быть им чужбиною.

Товарищей его – унитов же, я не знаю: один из них, Тонкель – сын очень хорошего священника, с которым я (хотя лично не знаком, но) переписываюсь по училищным делам и нахожу в нем большое сочувствие к русскому делу. И сему, если явится к Вам, не откажите в добром слове.

Люди они, как и всё порядочное из здешних унитов, только еще начинающие в деле народности русской, еще не знающие определенно на цели своего пробудившегося жара, ни средств стать на верную дорогу, и только пробующие себя и эти средства. Поэтому они – естественно-трусливы, как зайцы, и на все будут смот-/11/ реть вопросительно – не нарушается ли вера их, в которой отцы их тверды. Только об унии и православии с ними разве чрез год можно вести, а лучше не говорить об этом с ними. Дело в том, чтобы они стали истыми русскими, чем они и хотят быть. Познакомьте его с лицами духовными, по Вашему выбору. Боюсь, чтобы он на первых порах не столкнулся как-нибудь с Крамаревым – тот ведь сей час начнет пропаганду да брань папе.

Прощайте и молитесь Бога о нас грешных.

Искренно любящий Вас Е. Крыжановский

26 авг[уста]/7сент[ября] 1866 г.

/11 зв./ Сейчас прислали мне Станислава с короною. Еду в нем к Надиньке.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
до 29 вересня 1866 р.**

Ф. III, № 3480

/12/ /іншим почерком/ 29 сент[ября] 1866 года

Любезнейший брат Петр Гаврилович!

Премного благодарю Вас за Ваше дорогое участие в отправке к нам моих племянников. То, что они рассказывают об этом участии Вашем, о Ваших посещениях их, о советах и наставлениях, навсегда остается в благодарном сердце их и моем в особенности. Да наградит Вас Бог!

Мальчуганы спокойные, Надинька довольна ними. Нельзя без слез слушать, как они говорят ей: «Не умирайте, мамо наша, еще хоть десять лет, Вас Бог нам дал», – видеть, как они постоянно сидят при ней, целуя руки ее, глядя ей в очи, рассказывают сказки и всячески занимают. А она очень-очень слаба. Не дай Господи!.. Большого ужаса я не могу себе представить.

/12 зв./ Пашкевича я представил на должность учителя Бельских педагогич[еских] курсов, с жалованьем 1200 р. сер. Мне еще нужен один математик – для Бельской гимназии, но жалованья ему всего пока 1000 руб. сер. Туда уже представлен один товарищ Пашкевича – Чернявский Илья, тоже на 1000 руб. с. Поищите кандидата. Буду ждать его от Вас целый месяц (а там снова примусь искать).

Граматику Андр[ея] Даниловича⁵⁶⁴ я отдал на рассмотрение учителям греч[еского] языка Седл[ецкой] и Бел[ьской] гимназий. Сжатая, немного схоластическая, но подробная и строгая система. Учителя до этого учебника нужно хорошего. К счастью, у меня будут на этот предмет прекрасные филологи. По получении отзывов от учителей, попрошу его выслать мне экземпляров с 300 и более.

Некто Николай Акимович, уволенный из сред[него] отд[еления] семинарии, просит учительства в унит[ских] школах. Но Заячковский и др[угие] называют его полусумасшедшим. Поэтому откажите ему неимением места. Я уже имею из них одного полусумасшедшего, с которым не знаю как и разделаться. Это Симонов. Он доселе ни разу /13/ еще не собирал на науку детей, но постоянно собирает мужиков и толкует им про разные вещи – «развивает» их. Наука эта дала уже и плоды: мужики восстали против панов и против крестьянской комиссии; он сам написал им жалобу на неправды этой комиссии и выбрал себя депутатом от них в Варшаву. К счастью, в Седльце секретарь мой поймал его и воротил назад (я был тогда в округе). Обирает крестьян под предлогом расходов на хлопоты по делам их; торжественно бичует жандармов за их шпионство и под[обное]. Все это мне рассказывали, потому я еще ничего не могу сделать с ним, разве перевести его на др[угое] место. По одному письму из Киева к нему, случайно прочитанному мною, я подозревал в нем черт знает что, чуть не агента социалистич[еского] обществ. Разумеется, что при первом донесении о поступках его, я тотчас уволю его и попрошу выслать за Буг посредством жандармов.

В униятельстве тревога. Епископ сослан в Вятку, [о.] Войцицкому поручено управление епархией. Вице-ректор, первый протестовавший против этого, сослан. Агенты разъезжали по деревням, возбуждая духовенство и народ к бунту; но их уже поймали. В эти дни, ничего не зная, я пустился в объезд, но после 9-дневного путешествия, встретив всюду бурю в духовенстве, вернулся. Давно бы так поступить, /13 зв./ не было бы бури. А то нянчились с ними и дали время подготовиться на все. В то же время грубыми выходками оскорбляли их и еще более раздражали. Всюду еще не то, что в Белой – возле мощей [Иоасафа] Кунцевича. Там слезы льются. С учениками беда – [Иоасаф] Кунцевич воодушевляет на мученичество. Бельскую гимназию за религиозные преследования (!) унитов обругали фанатически в заграничных газетах. К празднику [Иоасафа] Кунцевича я нарочно ездил в Белу и посвирепствовал над законоучителями и учениками насчет безуслов[ного] повиновения требованиям

⁵⁶⁴ Этимология греческого языка / Учителя 2-й Киевской гимназии Андрея Юркевича. Киев, 1866. 90 с.

гимназич[еского] начальства и убирания ее к черту в случае малейшего нарушения порядка, уехал в тревоге. Но праздник сошел как найтише: ни один ученик не пошел в церковь на великол[епное] торжество. Однако ксендзы выдумывают, какую бы штуку удрать мне. Эх, подальше бы от этой чертовой гвардии – ксендзов, и от унии! Я уже так далеко зашел в своих новых отношениях к унии, что ожидаю себе у [кн.] Черкасского участия Феофана. Думаю, стоять на том, чтобы меня перевели в Калиш.

Передайте Добржинской, что гимназия женская в Седльце откроется 1-го генв[аря] 1867 года – так, по крайней мере, я проектировал на запрос об это Комиссии, и возражений нет.

Сегодня в Седльце оживление, пришел первый пробный поезд желез[ной] дороги. В субботу приедет наместник, имеющий обыкновение открывать для публики желез[ной] дороги, а затем – будем кататься... На след[ующей] неделе думаем целым домом прокатиться в Варшаву и назад. Эта выгода пока и удерживает в Седльце.

У нас порядочная холера. Ученики болеют (двое умерло), а распускать их не позволяют. Лях – вояка, при первом страхе дерет до лясу – ученики от страха уходят по деревням и ничем нельзя остановить их.

/12 зв. збоку/ Спасибо Павлу Фед[оровичу] и Сусанне Ив[ановне] за поклон. Я, однако, случайно прочел одно письмо П[авла] Ф[едоровича] к Жозефу, из которого узнал, как нужно нам смотреть на поклоны П[авла] Ф[едоровича] и С[усанны] Ив[ановны]. Обое они с презрением отзывались о нас и с пошлыми насмешками о письме, писанном Надинькою на Сус[анне] Ив[ановне]. Обижаются люди, что мы не каждый, так сказать, день пишем к ним. Но даже к Вам я пишу всегда возбужденным каким-либо делом – так мало у меня времени.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
14/26 вересня 1866 р.

Ф. III, № 3416

/23/ /почерком Петра Лебединцева/ Уведомление Троцкому послано 30-го сентября.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Посылаю чрез удобный случай, т.е. чрез студентов-униатов, и как они отправляются чрез полчаса, то и писание выходит краткое.

Прежде всего о Троцком. Я надумался и решился определить его в Грубешовскую прогимназию письмоводителем и вместе смотрителем зданья, с жалованьем в 400 р.с. при казенной квартире. Кажется, что это будет хорошо. Что он не знает польского языка и форм польского делопроизводства, это беда не крайняя. В Грубешове живет и там остается прежний письмоводитель, /23 зв./ прослуживший 36 лет и теперь вышедший на пенсию: той научит его всему. Пусть же Троцкий присылает немедленно прошение на мое имя с формуляром

или каким-либо документом. На прогоны трудно рассчитывать, хотя я и буду хлопотать.

Прошу затем приискать мне бухгалтера на 500 р. жалованья без квартиры. Хорошо, если бы он был сколько-нибудь знаком с польским языком и счетною частию, но если и не будет знаком, беда не великая, был бы толковым и писал хорошо. Еще одно условие: поляка нельзя принять.

В Холме великое смятение и страх за вывозом [еп.] Калинского. Вицеканцлера семинарии арестовали, строят вновь консисторию. Сегодня по почте пошло Вам /24/ окружное послание Холмской консистории, в котором [И.С.] Сидорский нагло издевается над истинными чувствами униатов. Не диво, что некоторые из членов консистории не решились подписать этот памфлет. Впрочем, для памяти не мешало бы Вам перепечатать в «[Киевских] еп[архиальных] ведомостях».

[О.] Могильницкий⁵⁶⁵, о котором я писал, доселе справляется с своими делами и потому медлит. Сегодня [о.] Криницкий вновь пишет ему, чтобы поспешил.

Петрашень доселе не приехал. Как будет ехать Иван Максимович? Если бы я знал, что на днях, попросил бы купить пару лошадей для меня. Одну из четверых я продал в Львове, другую испортил кучер и приходится продать, а дороги ужасные.

14/26 сентября 1866 г.

г. Холм

Юлинька и дети нижайше Вам кланяются.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
18/30 веренся 1866 р.

Ф. III, № 3415

/21/ Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Посылаю вместе с сим прошение священника Могильницкого. Прошу довершить начатое дело. Свезите прошение к митрополиту и попросите ответа и разрешения. Употребите при том содействие Ваше, чтобы проситель был помещен в Белой Церкви при Магдалинском приходе.

[О.] Могильницкий прислал прошение на немецком языке вчерне и притом бланк с своею подписью. Переводил новый ректор семинарии Криницкий, я подправил в тех местах, где выходило темно, но оставил много галицийского. Переписывал Ильяшевич.

⁵⁶⁵ Могильницкий Антін Любич (1811–1873) – греко-католицький священник, письменник, громадський і політичний діяч. Обирався депутатом до представницьких органів – місцевого сейму і Рейхсрату. Служив у с. Бабче, нині Івано-Франківської обл. («Бабчский приходик»).

Ответ и разрешение прошу прислать ко мне, а я отправлю при случае, чтобы не /21 зв./ попала бумага в руки австрийских властей и не наделала хлопот Бабчскому приходнику.

Заранее прошу приютить сего пастыря и оказать содействие в устройении детей его, ищущих науки. Событию этому я придаю много значения не потому, что обращается [о.] Могильницкий, но потому что едет к нам галицкий униат. Два, три, несколько таких фактов, и мысль о православии с большею и большею силою пойдет кружить в Галиции. Кажется, я писал Вам, что [преосв.] Иоанникий просил меня добыть галичанина для православной церкви в Тарногороде. Я обещал и сдержу слово без труда.

Сегодня приехал Петрашень. Он очень приятный человек; постараюсь и в женскую гимназию определить его же певцом. При случае поблагодарите Софью Ивановну⁵⁶⁶ за варенье. Я не собираюсь писать ей, да суета великая. Благодарю Вас за книжечки. Я дал их великому нашему греку Дячану⁵⁶⁷, который /22/ также написал «Методичну грамматику».

Вышел ли Ирмологий Вишневого, издание Каллистратова? Я хотел бы закупить, пока не раскупили.

Митрополиту поклон мой земной и благословения попросите. Скажите, что у нас в Холме совершенное православие. Под Успение пели совершенно как в Лавре, все светильны и седальны на подобен, равно канон весь «Преукрашенная». Пели 50 учителей и [я] в числе их. Поем и теперь лаврское: «Иже херувимы», «Господи помилуй» и пр[очее]. Униаты и даже поляки толпами к нам валят, а галичане и не знают другой церкви, кроме православной.

Для [Н.М.] Сементовского деньги сегодня посылаю. Пусть извинит, что поздно. Это случилось за поездками моими сперва по дирекции, а потом в Варшаву.

Искренно любящий Вас брат Феофан Лебединцев.

18/30 сентября 1866 г.

г. Холм.

/22 зв./ Павлу Ф[едоровичу], Сусанне Ив[ановне] и Елене Яковлевне мое нижайшее почтение.

Жду с нетерпением вестей по первому или предыдущему моему письму.

Что Ильинский? Мне это нужно очень скоро знать.

Попросите Марию Ф[едоровну], чтобы привезла нам сала. */примітка на арк. 21 / [Чрез Марию Ф[едоровну] пришлите белого песочку зо жменю.]*

Вице-ректора семинарии Гарасовского сегодня ночью отправляют в Варшаву. Это за то, что сказал, будто их в схизму государь превращает и требует,

⁵⁶⁶ Напевно, вдова С.М. Гуляева, кума Феофана Гавриловича. Після смерті чоловіка вона залишилася у близькому знайомстві із Петром Гавриловичем.

⁵⁶⁷ Дячан Пилип Микитович (1831–1906) – греко-католицький священик з Галичини, мовознавець. У 1866–1872 рр. викладав у Холмі в гімназії і духовній семінарії. У 1872 р. перейшов до Варшави, з 1874 р. викладав у Варшавському університеті.

Його праця, про яку згадує Феофан Гаврилович: Методична граматика языка малоруского / Написал Пилип Дячан. Львів, 1865. 142 с. Також видана польською мовою.

чтобы его за папу признавали. Сегодня на обедне профессор Зиневич (священник) помянул [еп.] Калинского. И его туда же, и кажется, также в нынешнюю ночь. Вообще теперь не церемонятся более с униатами⁵⁶⁸.

Сегодня [о.] Криницкий давал обед. [О.] Войцицкий смотрит настоящим архиереем⁵⁶⁹. [А.Л.] Стефанович спрашивает: «Как здоровье Ее Преосвященства?»

НВ. Уведомьте, как думает митрополит устроить прием молодых галичан в Академию, и скоро ли это может быть? Многие просят. Нельзя ли в семинарию принять одного-двух? Один приезжал с этой целью, но я не решился отправить его в Киев. Чрез Министерство иностранных дел крайне неудобно. Гораздо лучше, если бы этим распорядился сам обер-прокурор или же митрополит. Запомогу на дорогу также нужно хотя бы рублей 75, а пожалуй, и 100. Пусть Синод потряхнет мошной. Дело стоит и весьма даже.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
28 вересня 1866 р.

Ф. III, № 3417

/1/ /іншим почерком/ 3-го окт[ября] 1866 года.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Премного благодарен Вам за набор в таком обилии и столь хороших кандидатов и кандидаток. Приступим теперь к определению и распределению:

1, Григорий Васильевич Васильев да будет инспектором грубешовской прогимназии. По моим расчетам, никто более его не подходит к этому месту. В этом смысле я писал об нем в Варшаву, и там ждут его прошения. Пусть же подает прошение или прямо в Комиссию, или ко мне, а я представлю. Назначение его до того несомненно, что если бы попечитель, по обычаю, стал за-/1 зв./держивать его, он может просто уволиться и ехать к нам в полной уверенности, что получит грубешовское инспекторство. На проезд дадут 400 р., но лучше, если бы он не дожидал этих денег.

2, Турчинский на латинский язык в Грубешов с жалованием в 1 200 р. Место можно продержатъ месяц-полтора; но чем скорее, тем лучше.

3, Иван Семенович на русский язык в женскую холмскую гимназию на 1 200 р. Если комиссия разрешит назначить и другого учителя русского языка, о чем я просил, тогда можно будет и Смородинова взять, хотя [А.Л.] Стефанович, коротко его знающий, дал об нем весьма нелестный отзыв.

4, Антон Линниченко⁵⁷⁰ учителем естественной истории и географии в Грубешов /2/ на 1 000 р. – пока, а если бы он не согласился, то Волошанович.

⁵⁶⁸ Після замаху на імператора пішла т.зв. реакція 1866 р., коли ліберальні реформи і підходи змінилися на охоронні.

⁵⁶⁹ Після арешту єпископа-номінанта о. Яна Калинського керуючим єпархією призначено керівника Холмської консисторії о. Юзефа Войціцького. Раніше єп. Калинський відсторонив його від реального управління консисторськими справами.

Позиция на 1 200 р. в грубешовской прогимназии остается только одна, и потому я берегу ее для достойнейшего, не обещая вперед. Если бы и Волошинов не похител [sic], то прошу справиться и уведомить о Петре Ситничевском, который и прошение прислал. Об нем просила Надежда Александровна.

[Х.М.] Орду⁵⁷¹ я с удовольствием готов взять на русский язык в Холмскую гимназию на 1 500 р., но нужно подождать известия о деле [С.Ф.] Грушевского, которого я порекомендовал в д[еревню] Вымыслин на место Ильинского. [С.Ф.] Грушевский плоховатый учитель, [А.Л.] Стефанович на него насел – вышла распря, нужно развести, если удастся.

Пономарева на днях назначат, по моему ходатайству, инспектором Калишской гимназии и скоро к месту потребуют. Нужен и инспектор педаг[ических] курсов; но кого туда, еще подумаю. Кажется, придется наз-/2 зв./начить Малиновского, учителя математики в холмской гимназии, ибо другие два учителя педаг[огических] курсов математики не знают. Впрочем, прошу написать, кого из учителей киевской гимназии в последующем письме своем Вы рекомендовали в инспекторы. Письмо это я, к сожалению, потерял, искал дня два и не нашел, а фамилию забыл.

Суворовой номинацию я послал на Ваше имя. Что касается девиц Мацкевич и Болотиновой, то назначать их я мог бы и сегодня; но еще раз представляю их Вашему усмотрению. Если вы не усмотрите лучше их, присылайте сих. Одним словом, нам нужна еще одна классная дама. Г-жа Нолле⁵⁷² – барыня отчасти, и может быть покрутит носом, что вот, две классные дамы – купеческие дочери. Впрочем, с первым известием от Вас, что нет лучше, я вышлю номинации и Мацкевичевой, и Болотиновой, а еще лучше так: когда Вы /3/ окончательно на их выборе остановитесь, то пусть едут обе, не дожидая даже номинаций, которые получают здесь. Жалованье будет назначено им со дня, в который приедут в Холм, но подъемные после – рублей по 150.

Открытие женской гимназии назначено 27 октября старого стиля; это потому, что [кн.] Черкасский раньше не может ехать. [И.Г.] Михневич раздумывает ехать собственно потому, что едет [кн.] Черкасский. Отравит, говорит, удовольствие.

Дело о [о.] Могильницком придержите и прекратите, а свидетельства его вышлите мне. К счастью, вовремя я получил несомненное сведение, что он и до сего дне подвержен налогу запоя, периодически возобновляющегося. Боже избави! Но не говорите сего митрополиту, а свалите вину на [наместника] Голуховского, который действительно запретил выдавать кому бы то ни было из

⁵⁷⁰ Лінніченко Антон Іванович (1843–1889) – випускник фізико-математичного факультету Університету св. Володимира. У 1868–1873 рр. викладав у Сідлецькій гімназії, а потім перейшов до

⁵⁷¹ Орда Харисим Михайлович (1837–1904) – викладач КДС з 1864 р., випускник КДА (1861). До Польщі не поїхав. Став священником, після смерті дружини прийняв постриг з іменем Іринія і став ректором КДС. З 1888 р. – єпископ. Автор багатьох популярних праць з богослов'я, перекладач, редактор церковних періодичних видань.

⁵⁷² Марія Наумівна Нолле (пом. 1907 р.) була головною вихователькою щонайменше до 1883 р.

галичан эми-/3 зв./грационные паспорта в Россию. Оказалось, что [о.] Криницкий знал [о.] Могильницкого только в лучшие часы его жизни, знал лично и по тем блистательным речам, которые он произносил в рейхсрате. Я уже сказал [о.] Криницкому написать [о.] Могильницкому, что дело его по разным причинам не может состояться. Жаль, а человек, говорят, просто гениальный и образованнейший.

Что же Троцкий не присылает прошения? Поторопите.

[Й.С.] Сидорский доселе у нас и с ним жандармский полковник Дроздов, бывший регент Пензенского архиерея, сын о. дьякона. Вице-ректора и [проф.] Зиневича доселе держат в Люблине, да в таких помещениях, в которые свет только сверху падает. Униаты наши страшно перепуганы и не только молчат, но даже Лазаря поют. Они на все теперь готовы. Так бы /4/ и давно следовало бы сделать. Русская проповедь, русское делопроизводство уже вводятся, но до русского духа, конечно, далеко.

Михневич (отец) пишет мне, что был в Варшаве [К.А.] Говорский⁵⁷³ и хлопотал у него и у [кн.] Черкасского о введении в польские и русские уч[.] заведения и даже сельские школы изданной им истории русской Кульжинского⁵⁷⁴. [И.Г.] Михневич спрашивает моего мнения. Отбрею, на чем свет.

Холера кругом нас. Сохрани, Боже! Сегодня от Ефима М[ихайловича] письмо получил; и там холера.

Будьте здоровы и благополучны!

Искренно любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

28 сентября 1866 г.

г. Холм.

/1 збоку/ [Н.М.] Сементовскому деньги посланы. Прошу всем мой поклон.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[кінець вересня] 1866 р.

Ф. III, № 3481

/14/ /почерком Петра Лебединцева/ получ[ено] 5-го окт[ября] 1866 года
отв[ет] 9-го окт[ября]
Еще от 14-го окт[ября] и в Холм

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Спешу написать Вам в ответ на только что полученное письмо Ваше, хотя два слова – такая куча у меня дел.

⁵⁷³ Видавець «Вестника Юго-Западной и Западной России» (див. примітку до листа Надії Наркисівни, написаного у січні 1864 р.).

⁵⁷⁴ Кульжинський Іван Григорович (1803–1884) – педагог, історик, письменник. Із 1846 р. у відставці, жив у Ніжині. За суспільно-політичними поглядами був близький із К.А. Говорським. У листі йдеться про посібник: Народная русская история / Соч. И. Кульжинского. Киев, 1864. 258 с.

Добжинская и Володимирова будут назначены мною (назначение клас[сных] дам в Седлец[кой] жен[ской] гимназии принадлежит директору училищ) тотчас по приискании для гимназии соответственного помещения. Я представил – отобрать и обделать для этой нужды дом у Седл[ецких] ксендзов, так как в городе решительно нет помещений. Вчера получил уведомление, что на отобрание показ[анного] дома [кн.] Черкасский согласился, нужно прежде починить и приспособить его. Сегодня весь день я рассказывал архитектору, что и как переделывать. Смета скоро будет готова, но перестройка затянется, вероятно, до нового года. Кучат меня, до того време-/14 зв./ни найти какое-нибудь помещение и открывать, а я – уже второй раз – посылаю все отказы. В жидовском заезде разве открывать? Если дадут временно дом, занимаемый ныне [С.С.] Громекою и покидаемый им чрез три недели (потом он назначается под губ[ернское] правление), так открою, а нет – буду ждать переделки ксендзовского – пускай и цапа скажут. Открывать русскую гимназию на посмешище полякам не намерен. Всех сбивает [С.С.] Громека, которому кажется приличным открывать гимназию в жидовском, указываемом им доме (около шинков и солдат[ских] барачков, в самой грязной и глухой улице). Но я решился выдержать себя с гимназиею до конца. Во всяком случае, раньше или позже открыта будет гимназия, Добжинская и Володимирова будут утверждены мною первыми. Две другие имеющиеся уже кандидатки еще не получили от меня окончат[ельного] слова, так как одна из них чуть ли не содержанка одного офицера, другая немка закадышная). В здании ксендзовском для них найдется и квартира (с отоплением) – для этого я уже отметил одну большую комнату (помирятся вдвоем) и приказал архитектору обделать ее светленькими обоями, а пол, хоть простой, навоштить.

О Володимировой писала Надиньке Оринька, /15 / и ответ ей послан вчера, на имя самой Володимировой матери.

Вчера же я послал в Комиссию за документами Володимировой и Добжинской. Последнюю усмирим. Если будут обе только кокетничать с молодым инспектором и молоденькими учителями, а не заниматься воспитанием детей, я им дам такого джосу, что они вдруг переменятся, т.е. выдам их замуж.

Добжинская могла бы и сейчас ехать – Надинька рада, чтобы она пожила у нее до открытия гимназии.

Пашкевича я представил было в учителя педагогич[еских] курсов; но сейчас уже получил из Комиссии уведомление, что он назначен уже в Грубешов, – и запрос: не приму ли на его место Волошанина? Очень рад, что к запросу подоспела Ваша рекомендация. Сегодня же посылаю Комиссии, что принимаю Волошанина в Бельскую гимназию (там есть место для него), в Бельские же педагогич[еские] курсы прошу назначить [А.И.] Линниченка, так как там с математикою соединены и сведения по естеств[енной] истории, а Вы пишете, что он мастер того и другого дела, тогда как Волошанин только математик. В гимназии жалованья 1000 руб. (но не постоянно, будет потом и больше), в педагогич[еских] курсах 1200 (но неизменно, повышений нет, разве пойдет потом на высшие /15 зв./ должности).

Вчера я послал по сто руб. сер. на дорогу (на имя Ваше) Федору Стефановичу, Буткевичу, Чернявскому и Ахримовичу. Гоните их поскорее.

Вчера мы с Надинькой помянули про Петрашина, и я думал было пригласить его в Белу на 1000 р. сер. А вот он уже в Холме. Беда мне с учителями пения. Левитского я уволил и дал ему более подходящую должность письмоводителя гимназии. Теперь сижу без учителя пения. Из Петербурга никто не хочет ехать порядочный.

Теперь Ваши гимназич[еские] учителя не прочь в инспекторы... Друзки! Кроме любоначания, не шутка и любостяжание: ведь 2100 р. сер. при каз[енной] квартире с отопл[ением] и проч[им] – вещь заманчивая! Пускай же посмакуют!

Надинька сильно покашливает. Боюсь я за нее крепко. Дай-то Боже, чтобы сошла эта зима и весна благополучно!

Холера у нас порядочная, но слабеет уже.

Прощайте! Целую Вас крепко.

Искренне любящий Вас Е. Крыжановский

Присланные Вами 4 прошения учеников семинарии получены: посылаю за метриками и училищ[ными] свидетельствами их. Е.Кр.

**Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
навздогін або разом з листом від 28 вересня 1866 р.**

Ф. III, № 3418

/5/ /іншим почерком/ 3-го окт[ября] 1866 года.

Петр Гаврилович!

Посылаю на всякий случай номинацию для Мацкевичевой и Болотиновой. Если бы Вы не нашли лучших кандидаток, то вручите сии документы по принадлежности; но если бы встретилась какая перемена, то лишнюю номинацию прошу возвратить.

Ваш брат Ф. Лебединцев.

Завтра наши уезжают в Варшаву. Сегодня весь день в суете и поэтому ничего более писать не могу.

**Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
8/20 жовтня 1866 р.**

Ф. III, № 3419

/7/ /почерком Петра Лебединцева/ 14-го окт[ября] 1866 год.

Антон Гаевский, кандидат мат[ематического] факультета на место Волошановича.

Ответ 19-го окт[ября]

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Сегодня случайно нашлось Ваше письмо о Худзынском⁵⁷⁵, и я сейчас послал формальное представление о назначении его в Грубешов, а [Г.В.] Васильева в педагогические курсы. Таковую перемену я решился сделать и по первому отзыву Вашему, что [Г.В.] Васильев был бы более пригоден для педагогических курсов, и вследствие письма [И.Г.] Михневича, которым он спрашивал, не молод ли [Г.В.] Васильев для Грубешова. Я так твердо писал об них, что никак не жду отказа или перемены. Боюсь одного, чтобы попечитель не задержал, как в прошлом году Борткевича. Попросите их, /7 зв./ чтобы они заблаговременно переговорили с попечителем и упростили его не препятствовать их перемещению. Из Комиссии скоро должен быть запрос об них.

Семенович /примітка олівцем/ [Ив[ан] Сем[енович] Левицкий]⁵⁷⁶ и Смородинов назначены в Варшаву. Не поедет ли [Х.М.] Орда на 1565 р. в женскую гимназию, т.е. 1200 р. учительского жалования и 365 руб. по должности члена хозяйственного комитета? Впрочем, духовных кандидатов у меня довольно.

[С.Ф.] Грушевского не удалось провести. Ильинский прислал согласие и будет назначен.

Подали ль прошение Турчинский, [А.И.] Линниченко и Волошанович? О Турчинском [И.Г.] Михневич спрашивал, не стар ли он для латинского языка, а я отвечал, что латынь именно в его летах с удовольствием читается.

Как жаль, что доселе нет [И.М.] Вакуловского. Без него как без рук. Поторопите его. Как бы и Троицкий поскорее прошение присылал.

/8/ У нас ничего нового, кроме суеты. Проговорили было, что на место [Ф.Ф.] Берга назначен Баранов, а на место [Ф.Ф.] Витте – [А.Ф.] Гильфердинг; но [И.Г.] Михневич ничего не пишет. Витту Государь пожаловал 2 000 руб. на лечение. К 1-му декабря он возвратится.

[Наместник] Голуховский начал расправу с русинами. Трое самых важных лишены мест. [Я.Ф.] Головацкий пишет, что и его ждет то же, и просит сделать для него что-нибудь. Двух дочерей его я принимаю в гимназию, а 3-ю, старшую, учительницею музыки, но ему не придумаю места, да и трудно. Вот бы в Киев, а православие принял бы. Ведь это европейская ученая знаменитость. Во всей Европе едва ли кто лучше его знает славянскую литературу; говорит он на всех славянских наречиях, по-русски совершенно, кроме того по-немецки, по-французски и проч. Жаль только, что священник, а то в университет легко попал бы.

Искренно любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

8/20 окт[ября] 1866 г.

г. Холм.

⁵⁷⁵ Бывший учитель 2-й киевской гимназии, был назначен инспектором Грубешовской прогимназии, впоследствии был начальником Плоцкой дирекции – примітка КС.

⁵⁷⁶ Нечуй-Левицкий Иван Семенович (1838–1918) – видатний письменник, родич Лебединцевих. Після закінчення у 1865 р. КДА викладав у Полтавські ДС. У Польщі був призначений не до Варшави, а до Каліша (1866), а в 1867 р. переведений до Сідльця.

/8 зв./ Прошу поторговаться с Каллистратовым, не уступит ли он на нотах с 1 руб 20 коп. до 75 коп. В таком случае я готов взять у него 75 экземпляров, за которые и деньги вышлю немедленно.

Читал я где-то, что в Лавре делают недорогие иконы на дереве или холсте посредством хромофотографии. Прошу узнать цену и сообщить, и если не дороже рубля штука, я купил [бы] штук 100.

Семинаристы холмские взбунтовались и объявили, что готовы в солдаты идти, если только не станут им читать богословия на лат[инском] языке, ибо мы де католики, а католики все слушают на латинском языке⁵⁷⁷.

Сейчас был первый раз в новоустроенной моими заботами бане. Приятно, особенно потому, что, так сказать, труды плодов своих есть⁵⁷⁸.

**Юхим Михайлович і Надія Наркисівна Крижановські до Петра
Гавриловича
[середина жовтня] 1866 р.**

Ф. III, № 3482

/17/ /почерком Петра Лебединцева/ получ[ено] 25-го октября
отв[ет] 31-го окт[ября]

Наилюбезнейший и многоуважаемый Петр Гаврилович!

Комиссия наша уведомила меня, что она послала на Ваше имя 200 руб. сереб[ром] для выдачи из них подъемных семинаристам, окончившим курс: Лотоцкому, Колесницкому, Доманицкому и Кашинскому, назначенным мною учителями высших классов в элементар[ных] учительских училищах. Предупредите Колесницкого, что он ни в каком случае не должен брать этих денег и ехать в Польшу, если думает быть тут не учителем. Мне говорил Петр Григорьевич, что он вызвался на учительство только для того, чтобы воспользоваться прогонами, а тут поступить в чиновники. Поступить так он мог бы только тогда, когда решился бы прослужить на учительстве не менее полугода, да и тогда он мог бы перейти /17 зв./ в чиновничество только с разрешения

⁵⁷⁷ В таком смысле семинаристы сделали заявление ректору Криницкому и перестали посещать лекции богословия, которые читались в этот учебный год на русском языке вместо латинского. Через несколько дней приехал в Холм. Черкасский на открытие женской гимназии; он лично произвел очень основательный экзамен семинаристам по латинскому языку и убедился сам, и показал всей учащей и учащейся корпорации семинарской, что семинаристы совсем не знают латинского языка, и лекции на этом языке понимать не могут, и что заявление их неосновательно и основано на желании их противодействовать распоряжениям начальства, желанию возбужденном в них ревнителями католичества, имеющими в виду окатоличивание униатов. По этому поводу семинарской корпорации сделано было князем строгое внушение, а 12 семинаристов, главных виновников бывшего волнения между ними, исключены из семинарии и тотчас были вывезены из Холма в дома родителей их под надзором полиции – примітка КС.

⁵⁷⁸ Мається на увазі «Плоды трудов своих есть».

Совета управления. Если он не захочет ехать, то деньги его возвратите мне. В случае и другой из них кто-нибудь раздумал уже ехать, тогда выберите кандидата на место его, снабдите его метрикою и аттестатом, да билетом на свободное проживание в Польше, и высылайте его разом с другими. На место Колесницкого у меня есть кандидат, но другого не имею. [С.А.] Дахнович просил меня за некого Янковского, окончившего курс семинарии – из однодворцев, славный малый, если он попадется Вам под руки, то смело выдайте ему прогонные, пускай едет – разумеется, не без документов.

При сем удобном случае желаю Вам всего наилучшего и остаюсь Вашим преданнейшим и покорнейшим слугою Е. Крыжановский

/18/ И что там случилось с Кизимовским? Ведь ясно было сказано в бумаге о нем, что подъемные деньги он получит здесь, на месте. Если бы он написал было мне хоть пару слов про то, что не может ехать без денег, я тот час выслал бы их ему. А то – ни слова, а деньги лежат, я не посылаю их, чтобы не разминулись они с ним в дороге. Если бы Вы снабдили его 50-60 рублями, то я немедленно и с благодарностью возвратил бы их Вам, п[отому] ч[то] – повторяя – подъемные его лежат у меня уже около двух месяцев.

Про училище женское в Белой ничего не слышно из Варшавы, пишу-пишу, а в ответ не получаю ни слова. Даю себе слово: ничего не затевать впредь от себя. Бедная Дубневичева, вероятно, ни в сих, ни в тех. Что делать?!

Прощайте!

/18 зв./ /почерком Надії Крижановської/ Здравствуйте, милый душечка Петр Гаврилович! Благодарю Вас очень-очень за письмо и крепко целую за рецепт, который, помня слова [С.П.] Алферьева, еще не употребляла. Кашель мой почти прошел, слава Богу, и без лекарства. Главною причиною его было, вероятно, то, что я спала возле каменной наружной стены, и притом северо-западной, откуда бывает всегда сильный ветер, и теперь, когда я перенесла свою кровать в другое место, кашель почти прошел. А хотя я и теперь немного кашляю, но то уже кашель, от которого я уже навряд ли когда-нибудь избавлюсь, и который меня не очень беспокоит. Что же Вы там поделяваете? Здоровы ли Вы? Как будет свободная минуточка, то вспомните Надю и напишите ей, и она за это, хотя заочно, Вас крепко поцелует. И отвечать всегда Вам буду, потому что времени у меня пропасть.

До свидания, Петр Гаврилович, целую Вас хорошенько, и Сережа тоже.
Ваша Н.К.

/18 зв. вгорі/ Кланяйтесь от меня Сусанне Ивановне и Павлу Федоровичу. Когда будете писать к Ф[еофану] Г[авриловичу], то напишите Юлии Александровне, чтобы она мне писала и не забывала меня, и я ей писать буду.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
10/22 листопада 1866 р.

Ф. III, № 3420

/9/ /почерком Петра Лебединцева/ 15-го ноября 1866 года.

Отв[ет] 23 ноября

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Открытие женской гимназии с приготовлениями и проводами отвлекло меня от корреспонденции, так что даже Вам я не собрался написать доселе. Дней 7-мь или 8-мь при непрерывной суете составлял я описание бывшей у нас церемонии, которое теперь только могу послать Вам. Жаль, что [кн.] Черкасский и [И.Г.] Михневич не изложили своих речей на бумаге, впрочем, они должны появиться в «Варшавском дневнике» вместе с моею речью и описанием, по крайней мере речь [И.Г.] Михневича. Посылая Вам описание для печати, прибавлю кое-что еще, не идущее к печати.

Вам известно, что [кн.] Черкасский был настроен против меня, хотя, быть может, больше говорили, чем на самом деле было. Тем с большим смущением я ждал его, да и не я один, но и все живущие здесь. Приехал накануне часу в 1-м пополудни, а за ним вслед почти и [И.Г.] Михневич с дочерью. [Кн.] Черкасский сильно беспокоился, по словам [Й.С.] Сидорского, о том, будет ли у нас все прилично для его приема. Действительно, он держит себя вельможею и даже в Холм прислал своего повара и своих лакеев с припасами, и в день приезда заказал обед душ на 20-ть, на который пригласил меня и [И.Г.] Михневича. Обедали еще знатнейшие униаты, да губернатор с уездными начальниками и жандармериею. Лично меня он принял очень ласково, а когда по его желанию я прочел церемониал, стал еще ласковее. На другой день все было по /9 зв./ писанию. В церкви православной он был приятнейшим образом поражен пением нашего хора и заметил [И.Г.] Михневичу, что хотя он и много слышал об этом хоре, но такой штуки не ожидал. Вместо концерта мы пели – что бы Вы думали? – «О, Всепетая Мати», положенное с голоса моего на ноты, точь-в-точь как в Зеленой. [И.Г.] Михневич просто в восторг пришел. Речь [о.] Войцицкого написана, кажется, [Й.С.] Сидорским, а произносил он ее точно комедию разыгрывал: трясется, падает, плачет, на галичанина Лавровского⁵⁷⁹ опирается и проч. Все это, разумеется, штуки были. [О.] Войцицкий может плакать и смеяться по заказу. Князь, впрочем, доволен был и этим, ибо это увеличивало церемонию, нужно для виду. Сам говорил гораздо проще и резче, чем передается в описании, что де я приехал сюда, чтобы поддержать..., восстановить и проч. Проповедь [о.] Ливчака⁵⁸⁰ принадлежит мне по мысли и развитию оной, а то он небылицу

⁵⁷⁹ Лаврівський Іван Андрійович (1823–1873) – галицький греко-католицький священник, диригент і композитор. У 1866 р. призначений викладачем у Холмській духовній семінарії, а після арешту Гарасовського – віце-ректором.

⁵⁸⁰ Ливчак Микола Миколайович (1837–1909) – греко-католицький священник, випускник віденського університету; служив у Кракові. У 1866 р. законовчитель Холмської жіночої гімназії, а наступного року перейшов до Бяли. У 1878–1880 рр. як православний священник перебував під судовим слідством, висланий, повернувся до польщі у 1882 р. Автор широко цитованої праці: К истории воссоединения униатов Холмской епархии.

какую-то было написал, так что даже и [Й.С.] Сидорский отверг нее с негодованием. [О.] Ливчак теперь уехал в Краков за женою, потому и проповеди его прислать не могу, да притом она на половину по-русски, наполовину по-малороссийски изложена, и самое изложение не блестящее. Весь день, особенно во время обедни, была страшная буря, так что за самую церковь можно было опасаться. Когда пришли в здание женской гимназии, то у всех головы были, то что из кабаков повыскакивали. [И.Г.] Михневич говорил по обыкновению просто и очень уже не спеша. [Кн.] Черкасский усердно молился, а [о.] Войцицкий оскрамлился неумением читать по-славянски. Все помнят святого великомученика Панталона (Пантелеимона), а как Косму и Дамиана он произнес, того никто разобрать не мог. Моя речь не была в церемониале, так как я вовсе не хотел говорить, и только ночью да поутру дописал по убеждению [И.Г.] Михневича. Вместо меня хотела говорить [М.Н.] Нолле, но распотевши и испугавшись, отказалась. Не хотел я говорить из-за [кн.] Черкасского, который, если верить слухам, один /10/ из всех варшавян в прошлом году не похвалял моей речи. Теперь он благодарил в самых лестных выражениях и только шутя заметил на обеде, что, пожалуй, австрийское правительство из-за нее ноту пришлет. В своем спиче за обедом он упомянул об ней и сказал, что ему только остается сослаться на меня. [И.Г.] Михневич еще более был доволен тем, что видел, как [кн.] Черкасский всем вполне доволен. Вообще [кн.] Черкасский никогда не был в таком хорошем расположении духа, как тогда, что и [Й.С.] Сидорский засвидетельствовал. Предубеждение его окончательно рассеялось на другой день при посещении наших школ. В день открытия я просил его к себе на обед на другой день, но он сказал, что сам пригласил других к себе на обед и пожелал быть вечером того же дня. К сожалению, Юлинька лежала еще в постели после счастливо прерванного тифа, и, конечно, нельзя было вполне хорошо устроить приема. Впрочем, [кн.] Черкасский был очень любезен, жалел о болезни Юлиньки и сказал было [И.Г.] Михневичу, что навестит больную на другой день, да видно, и сам раздумал, что это неудобно. Во все время пребывания он пользовался моими лошадьми и давал кучеру по 3-ри и по 5-ти рублей. Кучер так было чуть свет и спрашивает: не ехать ли к князю. В семинарии [кн.] Черкасский задал всем маку; делал между прочим экстренный экзамен и, просидев 7-мь часов сряду, сам убедился и другим дал убедиться, что семинаристы положительно ничего не знают. Этого я добивался полтора года, и только теперь сбылось мое задушевное желание. За бунт, о котором я упоминал в прежнем письме, [кн.] Черкасский выгнал 9-ть семинаристов. Профессорам сильную нотацию прочитал и даже всех хотел разогнать и взять на место их галичан да русских из империи. [О.] Войцицкого он возвышает и сажает на диван, но в то же время дает такой вид: смотри, мол, подлая тварь, я тебя возвышаю, умеи же держать себя хорошо, а не то по шапке дам. [О.] Войцицкий действительно иной политики и не стоит. На чае у [кн.] Черкасского, /10 зв./ когда и все учителя были, мне удалось, пользуясь его

благодушием, провести несколько добрых предположений, как то об устройстве постоянного сообщения посредством дилижансов между Холмом и Люблином, откуда давно уже есть подобный пусть до Варшавы, об обращении пореформатского костела в домовую церковь для женской гимназии, об учреждении клуба, также братства или учено-литературного общества, об издании газеты и проч. На клуб нам, может быть, дадут даже денег, тысячи полторы или две. На учреждение братства [кн.] Черкасский не соглашается относительно формы и советует, лучше учено-литературное общество, а мне все-таки в братстве больше толку видится. Кажется, что и на издание газеты могут денег дать, но князь советовал не газету, а ученый сборник, и в конце сошел на епархиальные ведомости⁵⁸¹. Как видите, у нас дело загорается, но много, и сразу побороть всего нельзя. Помаленьку будем двигаться.

[И.С.] Сидорский и жандармский полковник Дроздов оставались еще дней 10-ть, и на отъезде дали бал в архиерейских комнатах для всего Холмского общества. За тостом в честь Государя людие в пафос неописанный пришли и даже поляки со всеусердием (*volens-nolens*⁵⁸²) тянули: Боже, царя храни! Я ушел тотчас после ужина, но там происходили еще непередаваемые сцены, когда расчувствовались галичане, и в особенности три прибывшие для приискания мест священники: о. Василий Федорович Ясинский, Решетилович и Лысяк. Один трунил над реверендою⁵⁸³, другой над униєю вообще, третий спрашивал, чи хороши парафії за Бугом... И не думайте, что тут Бахус играл или легкомыслие; нет, так сложился этот великолепный народ, и таковы его душевные убеждения. На другой день все эти три отца были у меня на прощанье. Разговор скоро стал патетическим, слезы блистали на глазах у этих мучеников, когда речь шла о действиях [наместника] Голуховского и подлой шляхты. «Що нам робити, що нам почати? Одна надія на Білого Царя!» Старик Ясинский рассказывал след[ующий] случай из своего прихода. Есть у него /11/ глубокий старик, простой селянин, имеющий внуков и правнуков. Его спросил кто-то: «Доки ты, старче Божій, будешь свитом нудить? Пора б и на спокій!» – «Не вмру, – отвечал старец, – и хоча ж важко жити, але мушу жити, аж поки не прийде Білий Царь и не візьме нас од ляхів до своєї родины. Тогди тильки дві хвилиночки проживу, та й скажу до Бога: нини отпущаєши раба Твоего с миром!...» Разговор продолжался. Я говорил между прочим: «История наша як на долони; весь світ це знає, що все то було колись один дух, одно тіло, а тим часом лихі люди розривали тее тіло на шматки та пороскидали собакам-ляхам, и грызуть вони, грызуть, де-де вже кистки тильки позостались, от-от догрызуть...» Отцы зарыдали. «Ба, не догрызуть, – возгласил один, – мы вси йдемо в православіє...» – «Я першій, прошу», – воскликнул о. Василий и вскочил с места. «И я», – восторженно говорил Лысяк. «Мене десять чоловіка просили об тім у вашого благородія, – продолжил Решетилович, – я вам

⁵⁸¹ Зрештою лише у 1877 р. почав видаватися «Холмско-Варшавський епархиальний вестник».

⁵⁸² *Volens-nolens* – волею-неволею (латин.).

⁵⁸³ Верхняя одежда униатских священников, какую и теперь носят католические ксендзы – *примітка КС*.

список пришлю. И мене візьмуть. Куды хочете пишити; що хочете робити з нами, бо на вас тепер надія. Вся Галичина вас знає и Бога за вас благає. Вы нам другий Яхимовичь! Вы одкрыли нам кордон, и вся Галичина піде до вас!» Я прервал эту незаслуженную мною хвалу и сквозь слезы дал обещание обо всем писать куда можно. И вот первое все пишу Вам; поведайте о всем владыке. Да будет святая воля Господня, пред которою я повергаюсь в слезах благодарения за то, что Господь сподобил меня быть свидетелем воочию совершающегося, его Божественным Промыслом устроенного толикого движения! Сила вещей несокрушима, и если Господь указывает нам путь – грех нам будет, когда мы уклонимся от него. Моя мысль, впрочем, такая: не надо нам спешить, но «все по малу-малу», как писал когда-то Гервасий блаженный, да со всевозможною тишиною и без малейшей огласки. Что говорилось между /11 зв./ мною и отцами, то знаем в Холме мы одни. Я хотел писать [преосвященным] Леонтию и Агафангелу⁵⁸⁴, да боюсь, чтобы они не разблаговестили. Движение массою и неудобно, да, может быть, и невозможно было бы. [Наместник] Голуховский слишком бдителен, и мне пишут из Галиции почти буквально то самое, что писал [архим.] Мелхиседек [еп.] Гервасию по вступлении Воронича в Смелянщину⁵⁸⁵. Но вот, напр[имер], просится «першій» Ясинский – лет под 50, волосы только подрезаны и разделены совершенно по-нашему. Реверенду за грех считает надеть и ходит в козачке с шнурками. Человек умный, трезвый, энергический, говорит прекрасно. Не повторяю того, что все галицийские священники университетского образования. [О.] Могильницкого мне до чрезвычайности жаль. Недавно он прислал превосходное письмо на латинском языке, где выражает свое сожаление, что я поверил слухам, благодарит за участие и просит возвратить документы, если его просьба не может быть исполнена. Не знаю, что сказать более. Слух о его слабости сообщил мне брат [о.] Криницкого и говорил слишком уверительно.

Письмо Ваше по поводу беседы с Гогоцким⁵⁸⁶ я получил и тем более сочувствую сказанному, что еще и прежде сего хотел писать [Н.А.] Милютину, как и о многом другом. Втік – не втік, а побігти можно. А слышали Вы, что галичане посылали адрес Дагмаре⁵⁸⁷ ко дню свадьбы? Не знаю, как это принято у нас и в Галиции – немцами и поляками. Как далеко пошли теперь галичане, усмотрите

⁵⁸⁴ Леонтій (Лебединський; 1822–1893) – у 1863–1874 рр. архієпископ Подільський. Далі був переведений до Одеси і у 1875 р. – до Варшави. Останнє місце служби – Московська кафедра (1891–1893). У 1847–1852 рр. служив у КДС. Як і архієп. Варшавський Іннокентій, з-поміж архієреїв вирізнявся світськими манерами. Випускник СПбДА.

Агафангел (Соловйов; 1812–1876) – архієпископ Волинський у 1866–1876 рр.

⁵⁸⁵ Герої дослідження Феофана Гавриловича (див. Матеріали для історії православ'я в Западній Україні в XVII ст. Архимандрит Мелхиседек Значко-Яворський / Архив Юго-Западной России. Ч. 1, т. 2, т. 3. Киев, 1864).

⁵⁸⁶ Гогоцький Сильвестр Сильвестрович (1813–1889) – колишній викладач КДА і професор Університету св. Володимира (по 1867 р.). Підтримував наукові зв'язки з галицькими українцями.

⁵⁸⁷ Данська принцеса Марія Софія Фредеріка Дагмар (1847–1828), наречена наслідного князя Олександра Олександровича, майбутня імператриця Марія Федорівна.

между прочим из брошюрки [Б.А.] Дедицкого⁵⁸⁸, которой 10-ть экземпляров посылаю Вам. Дайте одну брошюру [М.В.] Юзефовичу и одну Гогоцкому. Она много их утешит!...

Худзынский и Васильев должны быть скоро назначены. Попросите их от /12/ меня, чтобы собирались и потом ехали поскорее, особенно Худзынский. Впрочем, [И.Г.] Михневич сильно отговаривал меня насчет Худзынского, говоря, что он и больной, и поляк, хотя и православный, и проч. Но что же делать? Приходилось [С.Ф.] Грушевского посылать, а от него всегда капустою смердит, иногда ж и водочкою. Вообще простота и неряшество! Что касается Гаевского⁵⁸⁹, то если он естественник, пусть пришлет прошение. Дело в том, что учитель естеств[енной] истории в холмской гимназии Черкунов хочет в Киев перебраться по настоянию матери и подает о сем прошение. На его-то место и можно определить Гаевского с жалованьем 1 200 руб. Черкунов прекрасный юноша и учитель, но говорит слишком тихо. Турчинского [И.Г.] Михневич решительно не хочет, и я уже проектирую переместить сюда Ивана Левитского⁵⁹⁰, сына о. Симеона. Вообще с замещениями и перемещениями превеликая морока.

За благословенную для женской гимназии икону премного благодарен я и женская гимназия, собственно г[оспожа] Нолле. По поводу сей иконы прошу заказать для нас след[ующие] иконы: 1, икону святых, празднуемых 4 апреля⁵⁹¹, по образцу, присланному Каллистратовым, но, во 1-х, на дереве или же на бляхе, во 2-х, размера след[ующего]: длина 1-н аршин и 6-ть вершков, а ширина 1-н аршин. 2, три иконы для классов в мужскую гимназию, 6-вершковых так называемых: св. Владимира, св. Ольги, преп. Антония и Феодосия. 3, для женской гимназии также 6-вершковых две иконы: св. Андрея Первозванного и св. мученик Бориса и Глеба, и еще три хромофотографии Распятия, такие точно, как Вы прислали на благословение. На первую икону у нас есть рублей сто из складки, сделанной по поводу 4-го апреля; потому прошу и раму золоченную заказать, но и на пересылку рассчитать. На три следующие иконы можно израсходовать 75 руб., по 25 руб. на каждую, пожалуй, с рамами. Для женской гимназии, насколько можно иметь приличной иконописи, но без рам. Изображения можете и изменить, если Вам что иное представится.

/12 зв./ Троцкий прислал прошение, и я хотел уже определить его, но тут вышло недоумение относительно лет службы его предместника, которого нужно представить к эмеритуре. Инспектор грубешовский говорил, будто ему 6-ть месяцев не достаёт, а по нашим справкам, иное число лет. Вам я и послал за

⁵⁸⁸ Б.А. Дідицький – автор кількох брошур, по 1866 р. були видані дві: «О неудобности латинской азбуки в письменности русской» та «Сиф о рускую азбуку» (Відень і Львів, обидві у 1859 р. у ході т.з. «азбучної війни»).

⁵⁸⁹ Антон Гаевский, бывший преподаватель в Каменец-Подольской гимназии, был переведен в Люблинскую гимназию; теперь (1896 г.) состоит начальником Ломжицкой учебной дирекции – *примітка КС*.

⁵⁹⁰ И.С. Левитский был недолго учителем Седлецкой женской гимназии, потом перешел в Кишиневскую гимназию. Известен в малорусской литературе под псевдонимом Нечуя – *примітка КС*.

⁵⁹¹ 4 квітня 1866 г. здійснений замах (відведена смерть) на Олександра II.

справками новыми. Впрочем, теперь, или немножко погода, Троцкого я определяю. Жаль только, что он в дяки поступил, ибо [погла]зно немножко дяка определять.

Мария Ф[еоровна] собирается вскоре ехать с матерью Суворовой. Болотина и Суворова – хорошие классные дамы, но Сонечка усерднее их. Суворову я назначил помощницею гл[авной] воспитательницы. Помещение у нас вообще не очень хорошее, а для классных дам еще менее, на что очень претендует старая Суворова. [М.Н.] Нолле очень недовольна ее претензиями. Очень жаль, если непосидящая баба распушит худую молву о женской гимназии в Киеве, а этого ждать можно.

[Ф.Ф.] Витте выздоровел и до 1 декабря едет в Швейцарию. Мы решительно приступаем к учреждению клуба. Каково! Говорят, что нам и денег дадут.

[Я.Ф.] Головацкий писал, что об увольнении его изготавлен уже доклад министру, но что дочерей он привезет лишь на след[дующий] год. [Митр.] Литвинович отказался дать ему даже в селе приход.

Искренно любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

10/22 ноября 1866 г.

г. Холм

P.S. У митрополита испросите для меня и семьи благословения. Павлу Ф[едоровичу], Сусанне Ив[ановне], Елене Як[овлевне], Михаилу Ал[ександровичу], если он в Киеве, Назарию Антоновичу, [С.С.] Гогоцкому и всем мой нижайший поклон.

Когда бы мне удосужиться, я выдал бы здесь ирмологий почище Каллистратова. Кое-что у нас записано. Теперь заедают отчеты в сумме более на 100 000 р.с.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
24 листопада / 6 грудня 1866 р.

Ф. III, № 3421

/13/ /почерком Петра Лебединцева/ Отв[ет] 27-го дек[абря] 1866 г.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Пользуюсь отъездом Марии Федоровны, чтобы написать Вам несколько строк.

Дело о Худзынском и Васильеве доселе не решено. Вот и сегодня пришла почта, но ничего не принесла. Вероятно, в Совете управления залежалось. Вчера, между тем, я получил прошение Бевского и не знаю пока, что сказать. Дело в том, что он просится на место Черкунова, Черкунов же на место Худзынского, а Худзынский доселе не утвержден. Итак, нужно немножко подождать. Можно бы его и в педагогические курсы взять, переместив оттуда Молоткова в женскую гимназию; но и этот мой проект в связи с делом Худзынского.

/13 зв./ О письмоводителе я забрал уже справки. Действительно ему нужно дослужить 5 ½ месяцев. Может быть, и Троицкому лучше подождать до лета, ибо теперь ехать⁵⁹² – ворога карать, что сам я сейчас дважды испытал.

Получил я на днях письмо от Федора Тимофеевича Стрижевского: просит о перемещении его в Царство Польское или в армию. Куда этакое беспардонного человека можно рекомендовать и где стали бы держать его? Посоветую сидеть в Корниловке смирно да тихо.

Получил последние документы [о.] Могильницкого. Жаль, что консистория, посылая их, не написала: в собственные руки, как это у нас делается, а то в канцелярии в мое отсутствие распечатали и чуть-чуть не узнали секрета совсем. Благо, первый пакет получен при мне, и я спрятал в свой стол. Этаких вещей я и здесь никому не доверяю.

/14/ В Галиции, или собственно в Вене, какой-то поворот в политике. Сейчас получил я письмо от [Я.Ф.] Головацкого. Пишет, что [министр] Белькреди не решается утвердить его отставку. Говорили и прежде, что в Вене побаиваются России, и [министр] Бейст⁵⁹³ настаивал будто бы на увольнении [наместника] Голуховского.

Впрочем, пока [граф] Голуховский успеет что-нибудь, у нас не дремают. В Варшаве на счет Учредительного комитета напечатано уже несколько учебников для сельских школ на польском языке, но русскими буквами. Работа продолжается и будет продолжаться до тех пор, пока не настанет время для объявления русского алфавита обязательным. Действительно, отличная штука: читая этакую книжку, видишь, что это точно славянское наречие, и понимать гораздо легче. Жаль, что нет у меня под рукой этакой штуки – послал бы Вам.

В Замостье у военных я отвоевал здание, в котором помещалась академия Замойских. /14 зв./ Это будет великолепнейшее помещение для прогимназии, какого нет ни в одной гимназии Царства. По зале серьезно конем нужно ехать, а квартир без счету. Прибавьте к этому баню и прачечную в отдельных зданиях, и еще большую армянскую церковь – временный склад полевой артиллерии. Но содержать этакую громаду трудно, и потому я думаю выступить с проектом об открытии там же женской русской прогимназии.

Посылаю Вам при сем случае два образчика продуктов, употребляемых в Холмской учебной дирекции.

Будьте здоровы и благополучны!

Искренно любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

24 ноября/6 декабря 1866 г.

г. Холм.

P.S. В воскресенье будет объявление Высочайшего благоволения по поводу телеграммы в день открытия ж[женской] гимназии. Государь повелел объявить при этом жителям Холмского края уверенность его, что «они непоколебимо

⁵⁹² Взимку.

⁵⁹³ Граф Фрідріх фон Брейст (1809–1886) – австрійський політичний діяч і дипломат, з жовтня 1866 р. – міністр закордонних справ.

сохранят те чувства преданности Престолу и общему отечеству, которыми всегда отличались все сыны Русской земли».

[Ф.Ф.] Витте на этой неделе возвращается в Варшаву.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
13/25 грудня 1866 р.

Ф. III, № 3422

/15/ /Почерком Петра Лебединцева/ Отв[ет] 27-го дек[абря] 1866 г.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

При оказии пишу, так как по почте никак не соберусь. Пясецкий расскажет вам подробнее о Холмской жизни, а я кой-что по верхам.

Самая важная у нас новость, которой мы не знаем еще в определенных чертах, это оставление Польши князем Черкасским. Я Вам писал в свое время об аресте 4-х униатских священников, демонстрировавших по поводу вывоза [еп.] Калинского. Доселе они безнадежно сидели в Варшавской крепости. На прошлой неделе неожиданно дано было по телеграфу предписание освободить их и отправить на места. Воротившиеся таким способом вице-ректор Гарасовский и профессор Зиневич привезли положительное изве-/15 зв./стие, что [кн.] Черкасский не возвратится в Варшаву, и что жена его выезжает уже оттуда. Известие это вполне подтверждается всеми соприкосновенными обстоятельствами. Но вот вопрос: куда же девается [кн.] Черкасский? Выходит ли он в отставку или попадает в канцелярию Государя, либо в Комитет по делам Царства Польского – в этом весь интерес новости. [Н.А.] Милютин, опора русской партии в Варшаве, сражен параличом, а [наместник] Берг в Петербурге. Не одолела ли немецкая партия? Это весьма вероятно, и в Варшаве [Р.И.] Брауншвейга⁵⁹⁴ прочат на место [кн.] Черкасского. Что [кн.] Черкасский выходит из Варшавы, об этом, пожалуй, и не приходилось бы особенно тужить, но беда, если не только [Н.А.] Милютин, но и он станут в стороне от польского вопроса. [Ф.Ф.] Берг весьма склонен к примирительной политике; тогда, как говорится, пропало, що й писали.

О Худзынском и Васильеве Комиссия не дает мне доселе никакого ответа. Я не сомневаюсь, однако ж, что Комиссия задерживает это дело только потому, что у ней нет теперь денег на переезд им, ибо все подоб-/16/ные платежи она давно прекратила за истощением кредита на нынешний год. Завтра, впрочем, я напишу, чтобы назначали без денег, с выплатою на следующий год.

Недавно я послал Вам 200 руб. на иконы и ноты. Кажется, будет следовать за иконы еще не меньше ста рублей, и я высылаю таковые при сем случае

⁵⁹⁴ Брауншвейг Рудольф Иванович (1822–1880) – російський чиновник, займав посади віце-губернатора і губернатора різних губерній. У 1864–1872 рр. – в Царстві Польському, в Установчому комітеті. 11 грудня призначений замість кн. Черкаського директором Комісії внутрішніх справ Царства Польського.

(*wyraznie rubli srebrem sto*⁵⁹⁵). Если бы что осталось от икон, то попрошу передать Ивану Игнатьичу⁵⁹⁶ за брошюры, высланные им в количестве 75-ти. Потрудитесь спросить его, какая цена этим брошюрам, а без этого я не знаю, как с ним рассчитаться.

Что же [М.В.] Юзефович и [С.С.] Гогоцкий доселе не выслали книг для Львова? Неужто они отправили на Броды⁵⁹⁷? Плохо, если так: и галичан доведут до неприятностей и хлопот, и книги, пожалуй, не попадут к ним, а если и попадут, то не раньше, как чрез полгода. Галичане боятся письма из России получать, не то что книги московские. От меня идущие книги переправляются по ночам, да и то таможенными чиновниками при посредстве жидов.

/16 зв./ Кстати, возьмите у [И.О.] Самчевского экземпляра два моих «Актов» и передайте чрез Пясецкого, а если деньги потребуют, выплатите из посылаемых теперь денег по такой цене, по какой они продают Литову, т.е. за половину. У меня ни одного экземпляра не осталось, а хотелось и в гимназию подарить; у них же этого добра много должно быть.

Гаевского я представил на место Пясецкого, которого в Калиш просят перевести; но ответа еще не последовало.

Не добились ли Вы чего нового от митрополита на счет галичан? Что успели [А.И.] Селин⁵⁹⁸ и [С.С.] Гогоцкий на счет [Я.Ф.] Головацкого? На исходатайствование субсидий, о которых Вы писали, я утратил надежду: только что собирался писать [Н.А.] Милютину, как прочитал печальное известие о его болезни.

О клубе подаем прошение, а почтовое сообщение с Люблином начнется чрез 6-ть дней.

Часть икон, какие готовы будут, прошу чрез Пясецкого передать.

Поздравляю сам и Юлинька и дети с днем приближающегося дня ангела Вашего. Продли, Господи, дни Ваши в счастье и здоровье.

Искренно любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

13/25 декабря 1866 г.

г. Холм.

/15 збоку/ Павлу Ф[едоровичу], Сусанне Ив[ановне] и Елене Яковлевне, Назарию Антоновичу и проч[им] мое нижайшее почтение.

Нет ли кандидатов на учительство в сельские школы? Прошу высматривать и рекомендовать. Мест много.

/16 зв. збоку/ Если за описание и речь⁵⁹⁹ причитется некий гонорарий, прошу сестрам выслать за нынешний же год.

⁵⁹⁵ *Wyrażnie rubli srebrem sto* – чітко що рублів сріблом (польс.).

⁵⁹⁶ І.Г. Малишевський.

⁵⁹⁷ Через Броди, прикордонне підавстрійське місто, нині Львівської обл., проходив поштовий шлях, митна і прикордонна служба.

⁵⁹⁸ Селін Олександр Іванович (1816–1877) – філолог, декан історико-філологічного факультету Університету св. Володимира.

⁵⁹⁹ Надіслані до КЕВ.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
19/31 грудня 1866 р.

Ф. III, № 3423

/17/ Экстренное.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Пишу об особом случае. Сейчас приехал из Львова о. Ясинский, о котором я уже писал Вам, и привез оттуда самые горестные вести. Все, впрочем, самые безбожные проделки и поляков, и правительства стали вещью обыкновенною. Одно только обстоятельство способно поразить кого-угодно своею чрезвычайностию, это невероятная нищета ораторов-послов, которым рукоплещет вся Европа. Вот что передал он мне о [о.] Наумовиче⁶⁰⁰: «Европа в долони плескала його мови, а чи знае Европа, що той оратор смілий не має навіть штанив полотняних?! Истинно так. Раз роскинув вин якость /17 зв./свою сутану..., то пробачайте, тила грішного ничим прикрити. “Вдень в сойми сижу, – сказал ему Наумович, – а вночи латы латаю: що маю робити”».

Ужасно, но именно так. Пожар испепелил все его имущество, жена и дети где-то в деревне без крова и без хлеба, а он в сейме речи говорит... Не забудьте, что он простой сельский священник и получает жалованья всего 80 гульденов австрийской валюты. Дети подросли, так не за что в школу было отдать еще до пожара, а теперь босые и голые.

Христа Господа ради, сжальтесь над знаменитым бедняком и устройте в Киеве подписку в пользу его, да что соберете, присылайте ко мне, а я в Львов отошлю при оказии. Мы в пять минут собрали и завтра посылаем до 200 руб. Дали бы и больше, да уже совсем истощились, ибо в этом году шестой раз уже жертвуем, и мне од-/18/ному пришлось до 200 р. положить (25 р. по поводу 4-го апреля, 25 р. по поводу акта в муж[ской] гимназии, 15 р. на церковь и опять 15 р. на то же, 15 р. на постройку Иордана, 50 р. на стипендии по поводу открытия женской гимназии, и теперь 50 р. для [о.] Наумовича, да на дрова в церковь 3 р.). Попросите у митрополите, [М.В.] Юзефовича, [С.С.] Гогоцкого (этих двух прижать надо), вообще в университете, академии, семинарии, обеих гимназиях и еще где-либо. Если соберется довольно, можно уделить [Б.А.] Дедицкому и [о.] Добрянскому⁶⁰¹, которые тоже без мотни ходят. Не даст ли чего Свято-Владимирское братство?

⁶⁰⁰ Наумович Иван Григорович (1826–1891) – греко-католицький священник, публіцист, громадський діяч, Посол до Галицького сейму (1861–1866). У 1882 р. засуджени до у'язнення через поширення православ'я, виключений з Греко-католицької церкви. У 1886 р. емігрував до Росії, оселився у Києві, став православним священником. Див. про нього статтю: Протоиерей Иоанн Григорьевич Наумович, просветитель Галицкой Руси // Церковные ведомости. 1894. № 38 (прибавления). С. 1326–1340

⁶⁰¹ Добрянський Антоній (1810–1877) – греко-католицький священник, педагог, посол Галицького сейму і Рейхсрату (1861–1866).

На казенную субсидию погибла надежда с тех пор, как [Н.А.] Милютин сражен. [Д.Н.] Набоков⁶⁰² – этот тот, что был при Константине Николаевиче в Варшаве. Говорят, что [кн.] Черкасский просил отставки, но Государь говорил с ним три часа и убедил остаться. Что больше – темна вода.

Будьте здоровы и счастливы!

Искренно любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

19/31 декабря 1866 г.

г. Холм

/18 збоку/ Жду с нетерпением ответа. Михаилу Александровичу мой земной поклон.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[початок січня] 1867 р.

Ф. III, № 3483

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ 9-го генв[аря] 1867 года
отв[ет] 21 января

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Не могу и назвать того чувства, которое испытывал по прочтении Вашего письма. И стыд, и досада, и прозрение, и помрачение вместе, все сошлось. Почему я так долго не писал Вам, об этом, я себе не задавал и вопроса, до получения Вашего письма, и только получив его, сообразил... Сообразил многое! Это месяцы, которые я теперь проживаю – годы, десятки годов! Ничего еще подобного я не переживал. Надинька тает, как свечка. Нет, не как свечка. Невыразимо больно, до сумасшествия тяжело глядеть на нее и думать о ней. Страшнейший кашель, особенно ночью, упадок сил, отсутствие всяких средств пособить ей хоть чем-нибудь, хоть немного облегчить ее страдания, жизнь ее – взаперти, без возможности выйти даже в переднюю⁶⁰³, это всегдашняя суeta /1 зв./ душу раздирает. И ни одной вокруг души, которая, кроме меня, которая сколь-нибудь отнеслась бы к положению ее с участием искренним, с чувством искренним! В Варшаве я просил доктора – тамошнюю знаменитость, осматривавшего ее пред поездкою за границу, приехать хоть раз на месяц, обещая ему за это, что он захочет, хотя бы и месячное жалование мое, но он – подлая шляхетская душа – и слышать не хочет! Здешние же коновалы только дорогие лекарства приписывают, от которых ни малейшей пользы нет. Такое безвыходное положение ломало меня в щепки. Чтобы хотя и немного развлечь ее и доставить ей возможность хотя

⁶⁰² Набоков Дмитро Миколайович (1827–1904) – сенатор, перебував при наміснику Царства Польського. Наприкінці 1866 р. отримав призначення до власної канцелярії імператора як начальник у справах Царства Польського, тобто замість М.О. Мільотіна. Дід письменника Володимира Набокова.

⁶⁰³ У неопалюваній передій, типово для російських заможних будинків XIX ст., був вхід до туалету.

изредка ведаться с нашим кое-каким обществом, я назначил субботы днем приема у себя гостей и хлопотал из всех сил, чтобы они были возможно многолюдны, и кроме того, пользовался всякими случаями иметь гостя в своем доме во всякое время. И действительно, субботы наши – самое многолюдное собрание, от множества гостей наш дом прозван заезжим двором. Целые праздники у нас шли так, что за обедом у нас было не менее 5–8 сторонних лиц. Я шел, не думая, куда и зачем? Я забыл все свя-/2/зи свои, ни разу не писал к своему зятю, которого дети у нас, к Павлу Тихоновичу, наконец, давно перестал писать к Вам. Ровно месяц уже, как я не был в моей канцелярии, дал, очертя голову, отпуск двум своим канцеляристам на 29 дней, по пустейшим нуждам, несмотря на гибель дел к концу года; канцелярия в расстройстве, долгов по уши, школы мои прозябают, как знают... Хоть убейте меня, не понимаю, каким образом я очутился в таком положении и настроении, и почему мне доселе и в голову не приходило, что я стал на слишком опасную дорогу! Не могу сказать Вам, какое впечатление произвели на меня администр[ативные] перемены⁶⁰⁴ в нашем проклятом Царстве. Все это порою прорывалось во мне безумными выходками, а обыкновенно забывалось, бледнее пред тем, что я вижу в своем доме. Не могу сказать, почему вывело меня из этого отупения и одурения именно письмо Ваше. При одном взгляде на конверт у меня все начало переворачиваться в голове. В тот же день я дал себе слово бросить все и начать новую жизнь. К ужасу моему, на другой день я узнаю, что в Петербурге одерживает верх проект учредить в Ц[арстве] П[ольском] два попечительства (прилучив сюда и Гроднецкую губ.), в Варшаве и в Люблине, уничтожить учебные дирекции и при двух попечителях учредить по три округа инспектора. Что, если мне придется остаться без места? А чего доброго! Ведь [кн.] Черкасского нет, у [Ф.Ф.] Витте голос компетентного судьи и руки раз-/2 зв./вязаны. Притом нас 10, а окр[ужных] инспекторов всего 6...

Что больше сего кажу Вам? Пока ничего особенного не могу сказать, нужно для этого более спокойное настроение. Пустяки разве передам из нашей обществ[енной] жизни. Вчера торжественно у нас открыли губ[ернские] учреждения. Вице-губернатором у нас [А.И.] Друкарт, ни у кого не бывающий. [С.С.] Громека купил себе карету и живет истым губернатором, но постоянно хватается за голову, спасаясь банкротства. Приехал и [А.И.] Чоповский⁶⁰⁵ (на 600 р.с. жалования! Вот дурень!), но еще не был у нас, горько жалеет за Киевом. Счисление у нас по всем делам (кроме церковным) начато то же, что и в России. Поляки по случаю увольнения [кн.] Черкасского⁶⁰⁶ думали уже о новом повстанье, потом, после знаменитой прощальной аудиенции, данной государем

⁶⁰⁴ 19/31 грудня 1866 р. було прийняте Положення про губернське і повітове управління в губерніях Царства Польського, встановлено поділ на 10 губерній (85 повітів).

⁶⁰⁵ Лікар.

⁶⁰⁶ 3 посади головного директора урядової комісії внутрішніх справ у Царстві Польському.

[наместнику] Бергу⁶⁰⁷, страшно отупели, а немцы все пришли в неописанное раздражение и переболели. Как подумаешь, что за трагикомедия разыгралась с поляками и немцами – страшный хохот и горе обгортают тебя вокруг! Такие явления бывают только при одре умирающего врага, который все силы собирает, чтобы жить, безумно торжествует при предсмертном облегчении, кипит надеждами и вдруг чувствует, что умирает – навеки!

Мазановскому я выдам назначение... Кто именно говорил Вам о [А.Л.] Стефановиче те вещи, которые Вы передаете мне? Это правда, но меня это не задевает, или точнее, доселе от этого для меня не было никакой неприятности, напротив, мы живем оч[ень] дружно все. Между учителями есть партии, но я доселе успевал примирять их и действовать дружно.

Прощайте! Ваш весь Е. Крыжановский

/2 зв. збоку / Из Киева пришли вести, будто [М.А.] Тулов⁶⁰⁸ имеет быть попечителем проектируемого Люблинского учеб[ного] округа... Для меня это было бы из огня да в полымя!

/2 зв. вгорі / [С.А.] Дахнович гостил у нас от Св[ятого] вечера до вчераш[него] дня. Я собираюсь в Холм в начале февраля.

/2 вгорі / Надинька интересуется знать о здоровье [о.] Гервасия Сикорского⁶⁰⁹ и просит Вас сообщить ей, что о нем, если Вы знаете.

/1 зв. вгорі / В Петербурге хотят сделать глупость – передать унитские дела обер-прокурору Св. Синода. [Граф] Толстой очень настаивает на этом и чуть ли не успеет. Будет опять буря в унитстве.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

7 лютого 1867 р.

Ф. III, № 6774

/1/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Предположенный тобою выезд в Варшаву затруднил меня, как писать тебе, в Холм или в Варшаву. Полагаю, что теперь уже ты возвратился к месту своему, и потому сужаю сим письмом Алексея Самойловича Гудзынского. С ним же отправляю и 5 золоченых рам в ящике – рамы эти по 3 руб. каждая.

⁶⁰⁷ Намісника графа Берга було призначено до Державної Ради зі збереженням на посаді намісника Царства Польського і головнокомандувача військами Варшавського військового округу.

⁶⁰⁸ Тулов Михайло Андрійович (1814–1882) – у 1865–1873 рр. помічний попечителя Київського навчального округу.

⁶⁰⁹ Сікорський Гервасій (1837–1873) – священник Сквирського повіту Київської губ. Вже маючи родину і священницький сан, у 1864 р. посеред навчального курсу вступив до КДА, закінчив у 1867 р. З осені 1867 р. служив законовителем у Більській гімназії і педагогічних курсах і священником православної церкви. Брат лікаря Івана Сікорського, племінник професора КДА І.М. Бобровницького (Менжулін В.І. Випускник Київської духовної академії Гервасій Сікорський (за матеріалами архівних студій) // Філософська і богословська спадщина КДА. С. 111–129).

Более всего интересует меня знать, как определится ваше, директоров, положение при учреждаемых 2-х попечительствах, Варшавском и Люблинском. Еще до получения твоего письма Ефим Михайлович писал мне, что вместо директоров /1 зв./ проектируется учредить по 3 инспектора училищ при попечителе. Это не очень блистательно, хотя бы все и переименованы в инспекторы. Известно, инспектор окружной – тот же чиновник особых поручений без власти и силы и без определенной работы. Тогда уже положение [А.Л.] Стефановича выгоднее, хотя бы по классу и ниже. Но я полагаю, что униат[ские] округа, мож[ет]. б[ыть], удержатся в прежнем порядке. Во всяком случае, верно вас – униат[ских] директоров, удержат хотя во звании инспекторов сих же униат[ских] округов. Ефим М[ихайлович] сообщил мне слух о проектируемом назначении [М.А.] Тулова в Люблинское попечительство; то же писал и [П.А.] Кулиш к учителю Хильчевскому. [М.А.] Тулов сам, однако ж, молчит, как воды набравши в рот. Он человек кроткий и добрый.

/2/ Иконы уже подготовлены, и к Вел[икому] посту будут окончены совсем и отправлены; к тому же времени поспеет и рама большая.

Подписка в пользу галичан продолжается у [Г.П.] Галагана, уже дошло за 300 руб., и как только всеми будет уплачено, деньги будут высланы к тебе для отправки куда следует.

Получил ли ты письмо [С.С.] Гогоцкого для передачи [Ф.Я.] Гловацкому? Он проектирует [Ф.Я.] Гловацкому доцентуру в Киев[ском] университете с жалованьем экстраорд[инарного] профессора, а вместе с тем [С.С.] Гогоцкий написал и [И.И.] Срезневскому в Петербург, прося похлопотать, нельзя никак там пристроить [Я.Ф.] Гловацкого. Не знаю, что из сего выйдет. Я не верю в успех. [С.С.] Гогоцкий жалуется на равнодушие Совета, который большей частью наполняют немцы. О законоучителе подумаем; [Н.В.] Неводчиков⁶¹⁰ – инспектор одесской семинарии, и по привычке к Одессе едва ли /2 зв./ расстанется с нею.

В духовном мире тишь да блажь. [О.] Филарет телеграммой дал знать, чтобы по случаю выезда его прекратили корреспонденцию. О проекте устава митрополит говорит, что лучше взять старый устав, поправить, и да пусть так... т.е. чем делать новые, взять старые порты починить, да и ходить с латкой indecne. Того же мнения, кажется, и [митр.] Филарет Московский.

Один игумен Москов[ской] губернии прислал нашему митрополиту смиренную эпистолярию, которою извещает, что в В[еликой] России народ колеблется по случаю назначения протоиерея⁶¹¹ в ректоры Академии Петерб[ургской], а раскол поднял голову, потому он, игумен, умоляет спасти церковь пока можно. О, хитрый народец!

⁶¹⁰ Неводчиков Микола Васильович – законовчитель в Одесі. У 1880 р. став монахом з ім'ям Неофіт і вікарним єпископом Херсонської єпархії (див. примітку до листа Петра Гавриловича від 11 червня 1860 р.).

⁶¹¹ Янишев Іоанн Леонтіович (1826–1910) – священник посольської церкви у Берліні, законовчитель принцеси Дагмари. У 1866–1883 рр. був ректором СПбДА.

Целисс женился на Бубновой Никитишне⁶¹².

Жду с нетерпением известия о будущем положении унитских директоров.

Искренне любящий брат П. Лебединцев.

7-е февраля 1867 г. Киев.

/2 зв. збоку/ Рекомендую вашему обществу madame Худзинскую, весьма милую даму. Юлии Александровне мой усерд[ный] поклон.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[середина лютого] 1867 р.**

Ф. III, № 3484

/3/ /почерком П. Лебединцева/ 22 февр[аля] 1867 года, отв[ет] 19 марта

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Последнее письмо Ваше попало в руки Надиньки прежде моих и наделало тревоги. «Ты – видно – писал, что тебе тяжело на свете по причине моей постоянной болезни – ах, я несчастная, что служу только и себе, и тебе в тягость... Ты писал, что имеешь много долгов, – все это я виновата, все это из-за меня, – ах, я несчастная...» И пошла, и пошла!.. Пришлось порядком побранить, чтобы унять слезы и жалость о том, что она – будто – служит мне только в тягость.

Я, однако, поправляюсь в своих делах, и даст Бог, скоро совсем поправлюсь. [Врач] Чоповский стговорен мною приходить по два раза в неделю – проверять состояние здоровья Надиньки, и ходит исправно. Он не находит в здоровье ее ничего опасного. Дай-то Бог устами его мед пить!

Недавно (недели, впрочем, три тому) к нам приезжал Феофан и [А.Г.] Теодорович. Было о чем наговориться. На именины Феофана думаю поехать в Холм, что и исполню, если март начнется благополучно для Надиньки.

Из Петербурга, где давно уже сидит [Ф.Ф.] Витте, никаких слухов, или точнее – один еще только слух, именно, что [Ф.Ф.] Витте остается попечителем /3 зв./ Варшавского учебного округа. Он поехал с проектом, чтобы и учебные дирекции остались нетронутыми. Положил бы, но если не дадут нам помощников, то лучше бы уничтожить нас, п[отому] ч[то] ничего путного не делаем мы с одними своими руками.

Гимназии мои двигаются помаленьку. [А.Л.] Стефанович действительно высказывался сначала в том духе, о котором Вы пишете. Я это заметил в нем на первых же порах и тотчас принял все меры, чтобы не допустить осуществиться стремлениям его. Я даю ему полнейшую самостоятельность в управлении гимназией и никогда не иду против распоряжений его, не кассирую распоряжений его. Он, так[им] обр[азом], не имеет никаких поводов составлять себе партию, которая была бы неблагоприятна мне. Человек он толковый, и сразу понял, что строить партию на песке не приходится и незачем. Мало того,

⁶¹² Двоюрідна племінниця (чи донька двоюрідної племінниці) Юлії Олександрівни.

очутившись полным хозяином в деле, в котором не имел еще никакой практики, да и нескоро получит ее, он находился вынужденным ежедневно прибегать ко мне за советом. Если приходит от него представление, на которое я не могу согласиться, я при встрече с ним поговорю с ним об этом деле так, что он сам берет его назад и переделывает по моим мнениям. То же и с определениями педагогического совета. Он имеет доброе сердце и при этом умение обращаться с этим сердцем, оно, а не эгоизм и своекорыстие, будет руководить отношениями его к другому. Мы с ним не ссорились и не имели размолвки, противоречий по службе ни разу, и едва ли скоро будем иметь. Все, что я присоветую ему сделать, делает с полною готовностью. Я советую, но никогда не требую, не приказываю. Сове-/4/тую притом только на словах и никогда на бумаге, так что по документам все до последней йоты администрации выходит от него, а за мною только формальные отписки. Разумеется, кто без греха? На преподавание некот[орых] предметов у него своеобр[азный] взгляд, расходящийся с моим. Поговорили – стоит на своем, побыл я на лекциях – невелика беда от метода, учитель усердно занимается, лекции содержательные – и баста, нечего спорить о прочем. Нелюбовь его к некоторым учителям всегда имеет за собою довольно правды; я ей не противоречу, стараюсь только сдерживать порывы этой нелюбви и товарищески отклоняю раздор. Он окружил себя молодежью и уже слишком близок с нею, по-видимому, без всякой прямой нужды и как бы партию составил на всякий случай. Но из этой молодежи все благородные малые и в нашей семье – как домашние, ни один не имеет повода коситься на меня, хотя я двух немного и распек было, в чем все прочие и [А.Л.] Стефанович поддерживали меня. Да и он с ними держит себя по пословице: «Дружба дружбою, а служба службою». Не явился кто минута в минуту на урок, педель уже летит к нему – почему? Почитал плохо урок – тут же (в сборной) дает замечание (а на лекциях он ежедневно бывает у кого-нибудь). Вообще вижу, что он очень ретиво взялся за дело, даже грозит быть формалистом (толковали, ч[то] он нигилист – смешно и сказать это!), дело понимает, за практикою обращается ко мне – чего же мне больше? И слава Богу, самому легче. Вообще я очень доволен им. Разумеется, что все-таки я держу себя настороже против некоторых вещей в нем, и никогда не отдался ему в руки, ни на одну минутку. Впереди ожидает его женитьба (каникулами), многое в гимназиях, рвениях и взглядах его изменится тогда к лучшему.

Но все подобное хоть было бы и иначе – невелика беда. Вот с ксендзом – другое дело, тут голова ходит кругом. Перебесились все до одного, самые преданные изменили, подлецы. Все, что накопилось было в униятельстве издавна оппозиционного, сплывает в Подлясье и, подожженное искусным пропагандистом, Яновским бискупом, разразилось целым пожаром.

/4 зв./ Еще в сентябре, после ареста уният[ского] епископа и назначения [о.] Войцицкого, собралось Бельское благочиние и составило протокол – не признавать всех последовавших правит[ельственных] распоряжений. Но подержали в тюрьме двух предводителей два месяца – стали как шелковые. Казалось, другим наука, спокойно все было. Но вдруг не прошлой неделе день за днем наместник получает адреса от всех подляс[ких] благочиний, писанные на

разных языках, но ни полслова русского. Наместник передал первый по времени [Й.С.] Сидорскому (управляющий уния[тскими] делами, независимо от Глав[ной] дир[екции] внутр[енних] и духов[ных] дел), тот мастерски разобрал его (по старому обычаю, мне из греко-ун[иатского] отделения сообщают в копии подоб[ные] вещи). Адрес не хочет знать оснований восточной церкви, даже уния[тской], но только римско-католич[еской] и в частности Тридент[ский] собор ставит краеугольным камнем уния[тского] исповедания; затем он не признает никаких правительств[енных] распоряжений относительно церковных дел, произведенных без отношений с папою (!), и потом требует, чтобы уничтожено было все, сделанное [кн.] Черкасским, и поведено было дело унии единственно на основ[ании] Трид[ентского] собора (!) и с согласия папы (!!)

Подобной дерзости не оказывало и католич[еское] духовенство, которое теперь и писку не издает. (Разумеется, оно управляет демонстрациями унитства.) По записке [Й.С.] Сидорского, наместник велел все благочиние арестовать, глав[ных] зачинщиков – в Седлец, в острог, остальных в собств[енных] домах, с прекращением выдачи жалованья, и нарядил строгое следствие. Но затем – другой адрес, третий и четвертый... Наместник поколебался и послал донесение государю: «Что делать?» Но [Й.С.] Сидорский убедил не отступать от первого примера, и потому теперь все благочинные и глав[ные] зачинщики сидят в тюрьме с Седльцах, каждый ксендз арестован в своем доме. Вот явление казусное! [Й.С.] Сидорский прислал мне вчера отчаянное письмо, недоумевает, что делать! Все дело лежит на его плечах, наместник не знает ни истории, ни оснований унии, и потому колеблется (а [С.С.] Громека себе уехал за 150 верст на охоту!). Я присоветовал [Й.С.] Сидорскому воспользоваться настоящ[им] ладом между австр[ийским] и нашим двором, и убедить наместника согласиться на вызов целой партии священников из Галиции, и заместить ими благочинных и всех передовых уния[тских] ксендзов, сослав этих последних на жительство в Россию. Иного средства нет; притихнут – опять при случае подымутся. Они верили, что все перемены в унитстве были личною фантазиею [кн.] Черкасского, и что наместник противился этим переменам, а потому и решились теперь, когда страшилища их не стало, подойти наместника. Но что будет из этого дела, неизвестно, дело очень-очень пакостное. Ведь в Питере нашем есть великие благодетели и полонизма, и унии. Будет или решит[ельное] падение унии, или решит[ельное] восстание ее. Много греха на душу свою в подоб[ных] явлениях принимают холмские галичане. Не справляясь с настроением мест[ного] унитства, они кричат о православии. Огражденные от нападок всяких там, они позволяют себе круто ломать все и презирать общее мнение унитства. Оттого и непомерное раздражение. Польша веками полячила унию, а они в один день хотят сделать ее православною. Дали им по 2000 [р.] и более содержания, и они знать ничего не хотят. Остается именно одно – местных ксендзов удалить и посадить на место их только галичан, иного средства нет поправить испорченные дела.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

7 лютого 1867 р.

Ф. III, № 6775

/1/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

При сем препровождаю чetyреста один рубль серебром, собранные Киевской общиной в пользу поборников русской народности в Галиции. Пусть это будет чetyреста один выстрел в врагов Руси. Деньги эти уже задумывано выслать путем, о котором заявлено в газете «Москва», но я убедил, что путь чрез Холм вернее. Киевская община просит тебя, по совещании с о. Криницким и с прочими галичанами, распределить эти деньги между нуждающимися поборниками и заступниками русской народности в Галицию, и теперь же уведомить, кому и сколько будет вами назначено.

/1 зв./ Самое деятельное участие в сборе принял Григорий Павл[ович] Галаган, и своею сотнею, и приглашением. Впрочем, прилагаем и полный список жертвователей. Пожертвования, есть надежда, будут продолжаться, и еще по мере накопления будут высылаемы.

Я сижу уже 3-й день с повязанным глазом, в котором произошло сильнейшее воспаление от простуды. Беда эта вот уже в другой раз в новом году; придется еще несколько дней просидеть без чтения и письма, маршируя из угла в угол или лежа в полусвете.

С [о.] Филаретом виделся и я, и первый его вопрос был о том, как поживает Феофан Гавр[илович], что весьма меня удивило. Мне кажется, что Петербург произвел в нем большую реакцию. Он не угодил монахам и раз-/2/ладил с светской партией. Московский митрополит на обратном пути не принял его. Может быть, это ему и впрок послужит: ты сам знаешь, что в нем много добрых свойств, но горячность все портит. Окатившись холодной водицей, будет поумереннее.

Книгу: «О черном и белом духовенстве» Св. Синод запретил впускать в Россию, но обер-прокурор прибавил: «А академиям духовным печатать в своих изданиях опровержения на нее». Стало быть, послать в духов[ные] академии по экз[емпляру] для прочету. [В.Ф.] Певницкий уже, кажется, готов писать опровержение.

В прошлый понедельник было уже заседание 1-й академич[еской] конференции о преобразовании академий. Св. Синод велел, чтобы конференции представили свои соображения. Посмотрим, что выйдет из этого.

Будет, очеса болят.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев

19-е февраля 1867 г.

Киев.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

18 березня 1867 р.

Ф. III, № 6776

/1/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Поздравляю с св[ятой] четырехдесятницей, и за непоздравление с днем твоего ангела прошу извинить, ибо пред тем вновь было разболелись мои глаза.

При сем прилагаю квитанцию (а лучше пошлю в казенном куверте) в принятии Конторою транспортов двух ящиков с иконами и рамой. Хотя этот способ и длинный, и дорогой, но я решился в надежде, не поспеет ли эта посылка к 4-му апреля в Холм; другого способа решительно нет и не представляется в виду. Посылка пойдет чрез Варшаву, а оттуда уже в Холм. Поэтому нельзя ли кому в Варшаве наблюсти, что она там не залежалась долго.

Икону в память 4-го апреля /1 зв./ я пересочинил так, чтобы она сама собою выражала событие: потому между святыми 4-го апреля поставлен св. князь Александр Невский, а вверху всевидящее око, как символ провидения, охранившего жизнь государя предстательством святых. Вышло действительно с смыслом, лучше, чем иконы, представляющие то одного Александра Н[евского], то одного Иосифа Песнописца, то порознь на одной стороне Александра Н[евского], а *via-a-vis*⁶¹³ Иосифа Песнописца (1-е в 1-й гимназии, 2-е в Университете); это то же, что в одном углу головы селитры, а в другом поташ; мысль о порохе никак не придет в голову такую. Счет деньгам на днях вышло с расписки.

Как ваши дела? В. В. Вилуев на днях писал мне⁶¹⁴, что [Ф.Ф.] Витте остается попечителем Варшав[ского] учеб[ного] округа; значит, и вы можете быть благонадежнее за свое /2/ благосостояние и пребывание в Холме. Ефим М[ихайлович] обещал приехать к вам в Холм – на масляной был ли? Я ему не ответил еще, хотя нужно было сказать свое мнение по поводу мер против протестов униатских. А мое мнение таково: напрасно преследуют унит[ских] священников, это только усиливает агитацию. Пусть бы лучше их адреса переслали было на постановление в Холм[скую] д[ухоную] консисторию, и потом уже распорядились с ними во исполнение решения духов[ной] консистории, а то нехорошо решать светс[кой] властью. Пусть бы тогда бранили сами себя, свое духов[ное] начальство и кого-угодно, только не правительство, не [И.С.] Сидорского или [Ф.Ф.] Берга. Видно, [И.С.] Сидорский хоть и ловок, но не опытен в житейском плаваньи. А главное – нужно бить не по оглоблям, а по коню, – искать виноватых не /2 зв./ в селах униатских, а в Янове⁶¹⁵, вспомнивши, чем умирал [губернатор] Муравьев Литву.

В Киеве у нас тишь да гладь, да выпавшие большие снега тают. Притворили было о назначении [А.П.] Безака министром внутр[енних] дел, да и замолчали опять. [А.П.] Безак сделал недавно штуку: уволил Фурсова, а на его место чиновником – [в] канцелярию генерал-губернаторскую, начальником крестьян[ского] отделения, чиновником VI-го класса с жалованьем 2.500 руб. оклада определил Стаховского, который по окончании семинарии во 2-м

⁶¹³ *Via-à-vis* – навпроти (франц.).

⁶¹⁴ Див. лист В.В. Вілуєва: ІР НБУВ, ф. 154, од. зб. 40.

⁶¹⁵ Натяк на католицького єпископа Петра Шиманського.

разр[яде] служил 3 года в канцелярии [губернатора] Казнакова и в крестьян[ском] присутствии.

В понедельник отправлю еще 2 иконы заказные по почте.

Мой усердный поклон Юлии Александровне и Софии Александровне. Деток целую.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

18-е марта 1867 года. Киев.

/2 зв. збоку/ С отменой нового стиля⁶¹⁶ ты и Ефим М[ихайлович] не означаете на письмах числа.

**Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
25 березня 1867 р.**

Ф. III, № 6777

/1/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Меня удивляют ваши предположения о обращении высланных денег то на Львов[ские] бursы, то на стипендии в Холме для галичан, когда из Холма писано было о вопиющих нуждах защитников русского дела на сейме и их бедственном положении, в особенности говорилось о св[ященнике] Наумовиче, который латы латае. Мы на них собрали, на них и должно быть обращено это пособие 405 р. 57 коп.; пусть ваши галичане, пребывающие в Холме, только решат, кому сколько будет дано. Разумеется, слишком дробить тут не следует, а ограничиться меньшим числом лиц, но истинно нуждающихся и действительно помогающих русскому делу. Итак, прошу покор-/1 зв./нейше не мешкать и деньги употребить согласно назначению, которое указано и заголовком на списке жертвователей. Григорий П[авлович] Галаган в особенности одушевлен этим делом и надеется продолжить сбор пожертвований, а вы сообщите, кто еще нуждается в особенности.

Что касается собранных якобы в Киеве на галичан 4.057 руб., то это опечатка редакции «Москвы»⁶¹⁷, не разобравшей письма Галагана. В нем значилось 405 р.; Аксаков, принявший «р» за «7», напечатал «4.057 р.», а из «Москвы» перепечатали «Москов[ские] ведомости» и т.д. пошло. [П.Г.] Галаган послал уже заметку на это в «Москву».

Циркуляр об отмене годзинок и рожанцов⁶¹⁸ я бы написал короче, т.е. поелику они латин[ского], а не греческого обряда, то, согласно с такими-то бумагами папскими, предписывается консистории отменить их. А прочитав циркуляр в форме воззва-/2/ния, они, пожалуй, будут рассуждать, что это представляется на добрую волю каждого, что можно отменит, можно и не отменять; по крайней мере в этом роде все еще понадобится подоб[ный]

⁶¹⁶ 3 нового 1867 року.

⁶¹⁷ *Москва* – щоденна газета, яку у 1867–1868 рр. видавав І.С. Аксаков.

⁶¹⁸ Годзинки – позаалітургійні католицькі молитви, які читаються на Часах – добових богослужіннях. Рожанець – чотки для відрахунку молитв.

циркуляр в прямом смысле. Форма-то пастырского циркуляра сама собою хороша и, вероятно, он будет иметь некоторое действие. Да, нужно чтобы консистория сама действовала больше, не предоставляя полиции действовать за нее, даже пусть она воспретит духовенству обращаться к град[скому] начальству; пусть перетянет в свои руки и дело об адресах, подданных наместнику из Подлясья, и решить по своему усмотрению, освободивши хотя к празднику Пасхи арестованных – за подпиской сидеть впредь смирно.

Весьма рад, что тебе понравились Васильев и Худзынский. Васильев кроток, но в педагогич[еском] совете он свирепо стоит за свои мнения.

Григорию Фед[едоровичу] Ковальскому пишу с /2 зв./ первой почтой, а между тем переговорю с директором о замещении его Ваней Никитичем. О кандидатах на законоучительское, учительское и писарские должности – после.

Расчет в израсходовании 300 руб. прилагаю; расписки получателей будут высланы за №.

Вчера митрополит служил в академич[еской] Благовещенской церкви, и обед был у о. Филарета. [О.] Филарет перестал визитовать по миру: проповедует и держит себя иначе, вообще во многом переменялся к лучшему.

За память преосв. Иоанникию премного благодарен.

[В.Б.] Антонович печатает два тома «Акт»». Михаил Александрович кланяется усердно; к Пасхе он уедет домой.

В Киеве все обстоит благополучно.

Мой усердный поклон Юлии Александровне.

Искренне любящий брат П. Лебединцев.

25-е марта 1867 г.

Киев.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[16–19 квітня]⁶¹⁹ 1867 р.**

Ф. III, № 3486

/6/ /почерком Петра Лебединцева/ 19-го апреля 1867 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Christus resurexit!⁶²⁰

Желаем Вам по сему случаю всего-всего наилучшего!

Пожелайте и нам добра, наипаче здоровья, которое все больше и больше уходит от нас. Пришли теплые дни – не на радость!.. Придет лето – на радость или на большое горе? Одному Богу известно. Коновал – [врач] Чоповский, ничего путного не может тут сказать, не то что сделать. Одному Богу вверяемся на наступающее, дорогое для лечения время, предоставляя [А.И.] Чоповскому только

⁶¹⁹ Пасхальне вітання вживається лише після Великодня. Пасха у 1867 р. була 16 квітня.

⁶²⁰ *Christus resurexit!* – Христос воскрес! (латин.).

исправно получать чрез день по рублю сереб[ром]. Не забудьте нас в молитвах своих, которые сильнее у Бога всех рецептов.

/6 зв./ Многие советовали нам отправиться летом на воды или кумыс в Самару. Но теперь все советы сходятся к одному – поселиться в деревне, в лесу, и не изнуряться далекою дорогою да неверным расчетом на воды или сухой степной воздух в Самаре. Так и думаем поступить.

Недавно я был в Холме. Аж злость меня взяла, когда я увидел Феофана и Юлию – толстых, как барыла, здоровенных, не знающих иной боли, кроме боли от избытка здоровья и жалоб на жару и тяжесть. Хоть бы по кусочку отдали от себя сала своего и дали его нам. Живут они очень великолепно. А Холм сам по себе прекрасное место, но окруженное болотами болышущими. Смешной там мир, на кого ни взглянешь по улице – всё принадлежащий к учеб[ному] ведомству, такое множество там народа в этом ведомстве. Ходят по жидов. местечку, как древние перипатетики, никого и ничего другого, подходящего к себе /7/ не видя здесь. На именинах у Феофана было 67 душ – все служащие по учебному ведомству (кроме уезд[ного] начальника)! В один день узнаешь всех, и все-все одинаковы. Не «живя на большой проезжей дороге», они мало получают всяких сведений; зато близость к Галиции побеждает их окончательно, галичане – это их бред, горячка, и чуть ли они не пожелали бы присоединения к Галичине, чтобы в пух и прах разбивать [графа] Голуховского и всех панов. Вся корпорация очень дружная и хотя провинциализмом там попахивает, зато дело свое горит у них, особенно в мужской гимназии. Пропаганда, и полит[ическая] и религиоз[ная], развита у всех чуть не до фанатизма. Так, напр[имер], ученики-униты обязаны ходить в церковь православную; а ученицы женс[кого] училища ходят в нее и сидят там рядами, и притом вместе с унитским ксендзом. Такова там сила православно-русская!

После праздников ожидаем [графа] Толстого. В Варшаве он пробудет две недели, изучая на месте способ преобразования Глувней школы⁶²¹ в Московский университет, что он хочет учинить с началом же след[ующего] учеб[ного] года. Оттуда поедет в Седльце, Белу и в Холм – для изу-/7 зв./чения унии, которую он хочет взять в свои руки. «Пренеприятная новость», – скажу с Гоголевским Городничим⁶²². Будет пропасть суеты для нашего брата.

Из Холма министерские отправятся в Киев. Зачем [попечитель] Ширинский[-Шихматов] позван в Петербург? Не прочат ли его в Варшаву?

Дело об адресах приняло сквернейшее направление. Получено внушение задержать это дело. Но как задержать, когда оно дошло уже до Геркулесовых столбов, а из Питера то и дело шлют внушения совершенно иного рода? Ксендзы сидели в

⁶²¹ Варшавська головна школа (1862–1869) – вищий навчальний заклад, заснований замість закритого після Листопадового повстання (у 1830 р.) Королівського університету. У 1869 р. Школа була реорганізована в університет, і устав нового Імператорського Варшавського університету базувалася на загальному уставі російських університетів (хоча значно обмежував самоврядування).

⁶²² «Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор».

тюрьме – что делать с ними? Правда Ваша, что уният[ское] дело дурно идет в настоящем случае. Но об этом теперь и речи не может быть, нужно было в самом начале вести его иначе. В Белу к [Иоасафу] Кунцевичу мы приставили уже галичанина⁶²³, но потрухивали – не быть бы беде от народа, если он какое-либо неуважение к нему покажет. Впрочем, дали мы ему нужные инструкции. Есть там и другой галичанин, но приход его в деревне. Когда он явился в приходе и служил первую литургию (разумеется, как Бог приказал), народ всполошился, пошли толки: «Він из Курска пріихави в Бресте бороду сбрыв», – стали твердить. Впрочем, уже дело уладилось.

Прощайте. Желаем Вам в добром здоровье провести праздники.

Ваш Е. Крыжановский

Наш усердный поклон Павлу Ф[едоровичу] и Сусанне Ив[ановне] – то-то она баб напекла, думаю, хоть бы попробовать...

Сообщите нам адрес Тихомировых.

В Белой открывается прав[ославный] приход, на священство я пригласил [о.] Гервасия Сикорского, архиерей согласен.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича

29 квітня 1867 р.

Ф. III, № 3487

/8/ Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Бабу съели мы в один прием, значит, с большим аппетитом. Спасибо! Польские бабы, и живые, и сделанные, хороши только по наружности, и слишком искусственны, а толку в них мало; киевские же положительно и существенно хороши, как те, которые занимаются печением, так и те, которые выпекаются. Хвала им.

Рады мы, что Вы живете в добром здоровье. О, если бы и нам Бог послал его! Да – ба, не посылает. На днях собираемся переезжать в деревню, за 30 верст от Седльца. Неудобства для меня громадные. Но делать нечего. Вблизи Седльца решительно нет ничего похожего на дачку. Усадьбы панов расположены или на болоте, или на голом песке, а главное – все паны косятся на меня. То же и особенно /8 зв./ около Белой. Приисканное мною помещение в одной версте от уезд[ного] города Венгрова и есть усадьба помещика гр[афа] Лубенского⁶²⁴, холостяка, отъезжающего за границу. Уломать его взялся уездный начальник (по личной моей просьбе ни один пан не уступил бы и одной комнаты). Впрочем, пан этот может еще раздумать; в таком случае нанимаю дачу в Варшаве.

⁶²³ Священник М.М. Ливчака.

⁶²⁴ Возможно, граф Людвіг Ксаверій Лубенський (1839–1893), участник Січневого повстання, автор текста пісні «Останній мазур»; Лубенським належало село Рухна біля Венгрува, нині Мазовецького воєв.

Нет ли учителей для школ? Только не мошенников и пьяниц, каких на днях двух я выгнал из службы. Последние приехавшие учителя очень похвальный народ из первых же большинство – дрянь непроходная.

[Преосв.] Иоанникий просит у меня учителя для Яблочинского (монастырс[кого]) училища – из окончивших курс студентов семинарии. Обещает ему до 300 руб. сер. жалованья, квартиру и стол в монастыре. Не имеете ли в виду такого учителя? Хорошему человеку было бы там очень хорошо – тем именно, что, кроме обеспеченного содержания, он мог бы чрез два-три /9/ года получить место священническое (а ведь приходским священникам здешним теперь жалованья по 1200 руб. сереб[ром]!), или же – до поры – диаконом. Если найдется такой, толковый и солидный парень, будьте так добры, уведомите меня для заблаговременного уведомления архиерея. Если он будет бояться монастырской жизни, то не согласится ли занять должность старшего учителя в м. Вогыни⁶²⁵ вместо Кашинского, который, может быть, пойдет в монастырское училище.

О дне и часе приезда министра к нам никто же весть, приедет же, вероятно, яко же тать в нощи⁶²⁶. А мы все трусим и потрухиваем не хуже Киева. Поклонившись [Иоасафу] Кунцевичу, он поедет в Холм. Вероятно, по отъезде его начнутся у нас преобразования. И дай Бог, их нужно здесь множество, особенно по части народ[ных] школ.

Да, женскую гимназию в Белу бы, да и мне туда же. Думаю о себе просить министра. Думаю также предложить закрыть Бельскую гимназию и пед[агогические] курсы, и вместо ее открыть высшее народ[ное] училище, с обучением в них ремеслам и педагогич[еского] класса /9 зв./ для желающих быть учителями народ[ных] училищ. Проект свой формирую теперь. Жаждающие гимназического образования унияты (все крестьяне) могут поступать в Седлецкую гимназию.

На 28 июня назначена канонизация [Иоасафа] Кунцевича. Приглашаем Вас на этот праздник в Белу. Подлец Литвинович (Львов[ский] митрополит) страшно агитирует, чтобы русские униты приняли в этом деле всё участие. Из Галиции извещают, что оттуда собираются приехать в Белу на 28 июня несколько унит[ских] священников (есть и там много ополченных) для составления праздника. Разумеется, это им не удастся; но волнение у нас этим производят они много. Я уже порешил: на 27 и 28 июня белсь[ких] ксендзов (все служат чем-нибудь по учеб[ному] ведомству) вызвать в Седльце – по касающемуся к ним делу, учеников распустить за дней пять до этого числа. Губернатор с своей стороны даст предписание уезд[ным] начальникам не выдавать на этот и ближайшие дни священникам билетов на выезд их приходов.

Кланяемся Вам низенько и гарненько.

Искренне любящий Вас покорнейший слуга Е. Крыжановский

29 апр[еля] 1867 года.

⁶²⁵ Вогинь – село нині в Радинському п. Люблінського воєв.

⁶²⁶ Перефразы из Нового завіту про кінець світу: «О дне же том и часе никто не знает...» (Мф. 24:36), «...день Господень так придет, как тать ночью» (1 Фес. 5:2).

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[квітень-травень 1867 р.]⁶²⁷

Ф. III, № 3448

/1/ За что купил, за то и продаю:

В Варшаве затеваются демонстрации. На погребении [генерала] Корфа⁶²⁸ в толпе слышны были крики: «Всех бы вас, москалей, так понести и зарыть в землю». Чем-то оскорблен тут же и наместник. Схватили нескольких эмиссаров, высланных сюда эмиграцией. В Варшаве, поэтому, усилено военное положение. Где-то из-за угла убит козак. Ходит много слухов всяких... Сами поляки передают, что это шутка [императора] Наполеона, который, заискивая на случай войны с Пруссией, расположения России, указывает последней на свое всемогущество относительно внутренних для ее и грозит ей новым повстаньем, если не согласится она на дружбу с ним. Готовых взяться до брони и идти до ласу здесь множество еще, но где взять броню и под[обное]. Нужно видеть страшнейшее разорение шляхты⁶²⁹, чтобы понять всю невозможность рухавки в долгие годы еще. [Императору] Наполеону нужно отвлечь силы России, для чего он готов пожертвовать сотнею тысяч поляков и превращением страны в пустыню. Даст денег, высосет их у Чарто-/1 зв./рыйского и Замойских

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
4 червня 1867 р.

Ф. III, № 6778

/1/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Студент Киев[ской] академии Шиманский⁶³⁰ из холмских униатов, бывший у меня несколько раз по рекомендации Ефима Михайловича, представлен мне рукопись под титулом: «Холмского русина касательно современного призвания холмских униатов» – в надежде поместить ее в «[Киевских] епарх[иальних] ведомостях». При некотором даже многословии и растянутости, мне эта статья кажется заслуживающею опубликования и печати как голос русина холмского, того же мнения о. Филарет и [И.И.] Малышевский, /1 зв./ которым он давал это для «Трудов [КДА]». В «Труды [КДА]» не могли принять ее, так как это показывало бы со стороны Академии какую-нибудь пропаганду к соращению в православие учащихся в ней униатов; в «[Киевских] епарх[иальных] ведомостях» она и неудобовместима и неуместна как

⁶²⁷ За датою згаданої у листі смерті Павла Корфа.

⁶²⁸ Корф Павел Иванович (1803–1867) – командующий войсками Варшавского военного округа, принимал участие в подавлении Январского восстания. Умер 6/18 апреля 1867 г.

⁶²⁹ Після Січневого повстання польська шляхта була обкладена 10-відсотковим податком.

⁶³⁰ Шиманський Йосиф – випускник КДА 1867 р.

предназначенная для унитов. Нельзя ли ее отпечатать в Варшаве особой брошюрой и распространить между унитскими священниками? Неправильности языка легко исправить. С этой целью, с согласия автора, препровождаю на твое благоусмотрение оную рукопись.

Душевно порадовался я распоряжению об уничтожении Подлясской епархии бискупа /2/ Шиманского⁶³¹. Это великолепно; лучше этой меры для поправления унитского дела и не нужно. Давно бы так – ударить по коню вместо того, чтобы бить по оглоблям. Можно надеяться, что с закрытием Подлясской консистории начнет иметь силу Холмская консистория, бессильная пред ее силой.

Киев[ский] университет отличился большою подлостью. Министр чрез Левчанского предложил, чтобы Киев[ский] университет избрал [Я.Ф.] Гловацкого на кафедру славянс[ких] наречий ординарным профессором, а для сего предложил бы ему как известному ученому докторскую степень. Университет грубо отказал и в том, и в другом. Вот и сочувствие славянам! Да и чего другого ждать от университета, наполненного немцами и ниги-/2 зв./листами? Они сделали штуку на днях и другую: князь Ширинский[-Шихматов] удалил от службы за явный нигилизм Аршаницкого, учителя Немиров[ской] гимназии, университет выбрал его в помощники проректорские.

Вот и вспомнишь отзыв Н.Д. Иванишева о Совете университетском. [Н.Д.] Иванишев прибыл уже дня с три в Киев и утвердил свое пребывание на Подоле; я, впрочем, еще не видал его. [В.Б.] Антонович печатает два тома обыкновенным шрифтом и на обыкновен[енной] бумаге, без всякой роскоши.

Твой орден, или обещанный тебе, [М.В.] Юзефович повесил [И.О.] Самчевскому – 2-й ст. Станислава с короной, за приведение в порядок архива Комиссии и составление описи делам, которого якобы не было при тебе. Так ли это?

Salve et vale.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

4 июня 1867 г.

Сегодня хиротония [о.] Модеста во игумена с оставлением на лавр[ском] клиросе, обед в квартире наместника и большое пирование. [О.] Модест из крестьян Галагана.

**Андрій Гаврилович до Петра Гавриловича
1 липня 1867 р.**

Ф. 154, № 55

/1/ Дорогой брат Петр Гаврилович!

Посылая за детьми, покорно прошу меня уведомить, последовал ли запрос в консисторию.

⁶³¹ Католицький єпископ (див. прим. до листа Феофана Гавриловича від 7/15 травня 1865 р.).

При сем считаю не лишним до сведения Вашего довести, что Григорий Маркович отказался от перемещения; от Мирона же Господь да сохранит.

/1 зв./ Командир батарейный, выходя в лагере в Киев, объявил, что он неделю сему назад представление обо мне командиру бригадному послал.

За сим с всегдашнею моею братскою любовию и уважением пребываю

Ваш брат Андрей Лебединцев

1-е июля 1867 года

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
19 липня 1867 р.**

Ф. III, № 3488

/10/ /почерком Петра Лебединцева/ 25-го июля 1867 г., отв[ет] 29-го июля

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Давно у меня была мысль написать для Ваших «Ведомостей» про нашу несчастную унию. Теперь я улучил свободный час и чем богат, тем и рад. Кстати, я у Вас в долгу, может, будем и квиты. При этом попрошу Вас об одном, именно: нельзя ли по напечатании сих писем⁶³² сделать для меня с сотню оттисков их (как придется, не заботясь о том, /10 зв./ чтобы пригнать страницу к странице)? Если бы то можно было, я был бы весьма рад и в благодарность постарался бы продолжить свои письма (если только Вы признаете их пригодными) об унии и познакомить читателей «[Киевских] еп[архиальн[ых] в[едомостей]» с мерами, принятыми правительством к возрождению унитов.

Письма вышли длинными; но разбивать их на более мелкие не приходится, потеряют весь интерес. Уж пускай идут как есть, хотя и длинные.

Извините, что так долго не писал я к Вам. Да и теперь не расписываюсь – вечер, нужно спешить к своим – за 20 верст от Седльца. Приезжаю сюда три раза в неделю.

Тихомировых все нет и /11/ нет. От 6-го июля писали, что чрез два дня выедут, будут в дороге 5–6 дней, но сегодня уже 19 июля...

Мы не имеем чем похвалиться, кашляем оч[ень] плохо, на ногах едва держимся⁶³³. Что-то Бог даст осенью?

Прощайте. На следующей неделе напишу побольше о наших делах.

Искренне любящий Вас покорнейший слуга Е. Крыжановский

**Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
28 липня 1867 р.**

⁶³² Крыжановский Е.М. Письма из Подлясья // КЕВ, 1867, № 15, с. 466–480; № 16, с. 481–492; № 17, с. 530–540; № 19, с. 577–591; № 20, с. 628–643.

⁶³³ Надія Наркисівна померла 3 серпня. Похована на Щекавицькому кладовищі у Києві біля свого дяді, протоієрея Феофана Новицького.

/1/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Итак, вся вакация твоя прошла в Холме, подобно как и моя в Киеве. Это еще не беда, да сохранил бы Господь вас только от беды, т.е. дал бы Бог, чтобы припадок, случившийся Юлии Александровне в пути, не имел никаких худых последствий. Холмская колония движется обратно в Холмщину. [А.Л.] Стефанович и проч. обратно в Седлещину, [А.Л.] Стефанович уже с благоверною. Женился в Киеве на дочери о. протоиерея [Иоакима] Игнатовича и учитель Калишской гимназии. Итак, русский элемент все усиливается в Польше.

/1 зв./ Митрополита нашего зовут опять в Петербург, но говорят, что и обер-прокурор будет в Киеве в сентябре, якобы 5-го августа он будет в Москве на юбилее [митр.] Филарета, а оттуда чрез Харьков в Одессу (вероятно, и в Крым) и оттуда в Киев.

Портреты галичан получил и весьма благодарю. Взаимно посылаю киевский календарь, на котором есть Тарас [Шевченко] и [М.А.] Максимович.

В вторник минувший заложили деборкадер⁶³⁴ железной дороги и пролили много шампанского.

Все прочее у нас обстоит по-старому.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

28 июля 1867 г.

Киев.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[перші числа вересня]⁶³⁵ 1867 р.**

Ф. III, № 3489

/12/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 4-го окт[ября]
получ[ено] 25 сент[ября] 1867 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Не сдержал я данного Вам слова – ехать из Киева в Седльце чрез Холм. Я рассчитал в дороге, что могу приехать в Седльце не раньше 24 чис[ла], если не поеду в Холм (а на 26 авг[уста] назначено открытие прогимназии женской). Решил тогда я: поеду после открытия прогимназии сейчас же. На другой день по моем приезде в Седльце приехал [Ф.Ф.] Витте – как выразился с первых слов, «приехал погоревать о дорогой Надежде Наркисовне и выразить, как глубоко он уважал ее, и как прискорбна для него кончина ее». И он пробыл у меня пять дней, бывши только на акте откр[ы]-/12 зв./тия и один раз в мужской гимназии, все остальное время проводил со мною дома, никуда не выходя. Здесь никто не высказал ко мне

⁶³⁴ Крита платформа.

⁶³⁵ 11 вересня згадується як майбутнє.

такого участия, какое высказал он в эти дни. Спасибо ему, и дай Бог, чтобы он был век свой самым счастливым семьянином! От него я узнал, что присутствие мое в Холме по дороге из Киева было бы не совсем удобно – там в то время находился [И.Г.] Михневич «для ревизии учебных заведений и для примирения Феофана с Ноллихою»⁶³⁶, значит, мне пришлось бы жить не у Феофана, да и редко видеть его. Что касается Юлии Ал[ександровны], то [Ф.Ф.] Витте, получивший от [И.Г.] Михневича письмо, уже сядя в вагон для отправления в Седльце, сообщил мне подробные сведения о ней. [Ф.Ф.] Витте уехал и разрешил мне поездку в Холм только после приезда в Седльце наместника, который остановится здесь, открывая железную дорогу до Бреста, и приедет сюда завтра. Скоро засим, именно 11 сент[ября], исполнится 40 дней моего с Сережей сиротства (ах, как тяжело доселе мне это ощущение, не убывающее в своей силе, несмотря ни на что), и я хочу помолиться о ней здесь вмес-/13/ те с Сережей же. Таким образом, я выеду в Холм только 11-го (после панихиды) или 12-го сент[ября], и поеду непременно. Извините же меня, ради всех этих случайностей, за такую медлительность в поездке этой. После поездки пришлю Вам самый подробный отчет о ней.

Про Юлию Ал[ександровну] [Ф.Ф.] Витте, со слов [И.Г.] Михневича, рассказывал грустные вещи: она оч[ень] редко приходит в сознание. Позавчера был у меня [И.С.] Сидорский, приехавший прямо из Холма, и со слов дамы (жены галичанина [о.] Дячана), постоянно проводящей время с Юлией Ал[ександровной], рассказывает, ч[то] предмет помешательства ее – смерть ее. Она все видит себя отпеваемой, лежащей во гробе, указывает червей на своем носу, глазах и под, будто уже в могиле расплзшихся по ней, плачет о Феофане и детях как о сиротах и под. Тяжко мне будет встретить ее... [Ф.Ф.] Витте обещал, что тотчас по приезде в Варшаву распорядится отпуском Феофану 1000 руб. сер. на лечение Юлии Ал[ександровны]. Любовь его к нему не знает границ. [И.Г.] Михневич пишет, что не имеет никакой надежды на примирение его с Ноллихой, и что Феофан не хочет сделать ни одной уступки, и [Ф.Ф.] Витте сказал, что этим решает он судьбу Ноллихи, выгонит ее, несмотря ни на [кн.] Черкасских, ни на Соболевских, Корфов и проч[ее] генеральство, взявшее сторону ее. Чрез 10 дней [Ф.Ф.] Витте едет за границу на 29 дней.

/13 зв./ Тяжко испытываю и я в своей квартире то же, что и Вы испытывали после смерти жены своей – все мне кажется, что я на почтовой станции. Когда Сережа с племянниками уйдет гулять, и я остаюсь один, такая смертная тоска нападает, что я, сам не ведая каким образом, нахожу себя в поле за городом, среди ороющих и сеющих. Доселе я не был еще ни у кого, и не имею никакого побуждения бывать, знаю только свой долг, канцелярию и женскую гимназию. И сказать не могу, как мне тяжело! Особенно тяжело мне глядя на Сережу – как есть сиротка! Какой скучный он часто, особенно при моей грусти! Как точно исполняет все, что делал при маме. Перекрестившись после обеда, он обращается к иконе и говорит: «Благодарю тебя, мамусю, за обед». Ложась спать, всегда

⁶³⁶ Див. подальші листи Феофана Гаврилоича.

говорит как-то тяжело солидно: «Спокойной ночи, мамусю». За всякую подаренную ему мною вещь он прежде благодарит маму, потом меня. Редко можно убедить его пойти погулять, все дома и скучает. Когда бы поскорее приехала Людмила Егоровна⁶³⁷!

Из униатских деревень прискорбные известия. Все начальство разъезжает там, а волнения все растут и растут. Открытые бунты весьма часты, толпы бросаются на чиновников (но без всякого орудия), кричат: Все пойдем до царя, пустить нас «в Львов до папы. Нехай нам позволить на органы грать». Бог знает, чем кончится все это, не пришлось бы оружие пустить в дело, и тогда все пропало! Положение [С.С.] Громеки оч[ень] печальное, всё на нем обрушится. Жаль усердия его. По всему этому выбросьте в 5-м письме моем фразы, относящиеся к спокойному отношению народа к реформе (в конце письма) и вообще переделайте и сократите это письмо с половины его. Не мешайся ретиво в народ[ное] дело, все было бы благополучно, и письмо говорило бы правду.

/13 зв. збоку/ На другой день по приезде в Седльце я получил от Павла Тихон[овича] письмо очень любезное, а вчера – от Юлии Н[аркисовны] к Надиньке, самое веселое. Бедные люди, они ничего не знают о ней!!! Только позавчера я послал им известие и описание смерти Надиньки. Не забывайте, Петр Гавр[илович], 11 сент[ября] и помолитесь на Щекавице, там и моя душа тогда будет с Вами.

/12 зв. збоку/ Передайте мой усердный поклон Назарию Ант[оновичу], Павлу Фед[орович] и Алексею Мих[айловичу] с Людмилою Егоровною, поклонитесь и доброму Андрею Ивановичу низенько.

/13 збоку/ У Вас, вероятно, есть портретная карточка Надиньки. У меня нет ни одной. В послед[нее] время мы с нею все собирались в Варшаву к фотографу – но на том и осталось. Будьте так добры, пришлите мне карточку ее – я отошлю в Варшаву, где великолепно воспроизводят копии, и тогда пришлю Вам и подлинник, и несколько копий. Не забудьте же поскорее прислать. Е.К.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
11 вересня 1867 р.

Ф. III, № 3490

/14/ 11 сент[ября] 1867 года

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

И доселе я не ехал в Холм! Рассчитал, что пустившись в такую дорогу, я не поспею в свою семью на 40-й день от смерти Надиньки. Сегодня этот день!.. А тут еще болезнь какая-то привязалась ко мне. Я чувствовал себя не совсем здоровым еще и в то время, когда писал к Вам письмо, думал – пустяк, после дороги и тяжелых обстоятельств семейных. Но скоро затем я счел: одни говорили, что

⁶³⁷ Сестра дружини київського прот. О. Колосова.

тифус у меня начинается, другие толковали Бог знает что. Как там объясняли, а я никого не слушал, прокачался 5 дней, да теперь /14 зв./ и как будто здоров. Но – тяжело дышится, кашель и скверный, ноги дрожат, заниматься делами долго не могу, из комнаты выходил вчера, да едва добрал домой. Плохо что-то. Но что бы ни было, завтра выеду, и таки поеду в Холм.

Свежие известия о Юлии Александровны я получил от законоучителя Холм[ской] гимназии – [о.] Попеля⁶³⁸ (вызванного для увещания волнующегося народа), выехавшего из Холма 8 сент[ября]. Ей лучше, она даже катается по городу и гораздо реже забывается.

Народ наш все волнуется. Все слышим про вспышки то там, то сям. И вспышки бывают оч[ень] скверные. В м[естечке] Кодне⁶³⁹ народ бросился на роту солдат, завязалась драка – сначала ручная, потом... один мещанин убит, другой сильно изранен!.. А многим досталось прикладами ловко. Этакое дело еще более затрудняет дело. А тут жандармы восстали против [С.С.] Громеки за все это дело, наместник /15/ кричит: «Не трогайте органов и ружанцов...» Жаль смотреть на [С.С.] Громеку – что с ним случилось. Он все в разъезде и на один день в неделю приезжает в Седльце. В Кодне он не был, виновник бойни – уезд[ный] начальник, старых времен полковник.

Все не соберусь переписать Вам хвост к моим «Письмам». Пришлите мне карточку Надиньки.

Сережа – ни печаль, ни воздыхание!⁶⁴⁰ Дурник.

Истинно любящий Вас покорнейший слуга Е. Крыжановский

P.S. Передайте Людмиле Егоровне, что я жду ее с большим нетерпением. В доме совершенное разорение, деньги бессовестно растаскиваются управительницею хозяйства, родня ее втирается вся в доме и претендует на совершенное порабощение меня и всего моего. Сережа не имеет в ней ничего для себя, больно глядеть.

/15 зв./ P.S. [А.Л.] Стефанович как-то странно поражен смертью своей жены. Обыкновенно он весел, но по вечерам съеживается, бредит наяву, а позавчера с ним был припадок настоящего помешательства, продолжавшегося более часу, – все видятся ему разные отрывки из печальной его драмы, и он разговаривает с доктором, с женою, видит доктора с хвостом, башлык жены, летающий по комнате, и под. Каждый день он бывает на гробе жены и почти всегда бывает там спокоен, но иногда дичь нападает на него там же, ляжет на гробе и бредит. Слез у него почти нет. Жалкий человек! Физиономия у него дикая, и он так растрясся, что вот-вот развалится.

⁶³⁸ Попель Маркел Онуфрійович (1825–1903) – галицький греко-католицький священик, вдівець; з січня 1867 р. служив у Холмській гімназії законовчителем, згодом протоіерей кафедрального собору. У 1871 р. призначений адміністратором Холмської єпархії, у 1875 р. перевів греко-католиків до Православної церкви, став вікарним єпископом Люблінським (у Холмсько-Варшавській єпархії). Із 1878 р. – самостійний єпископ в різних єпархіях імперії.

⁶³⁹ Село Кодень Бельського п. Люблінського воєв.

⁶⁴⁰ Перефраз слів заупокійної молитви.

Бекман – тихая и добрая женщина, но дуже грошелюбивая, все бы загорнула в свои руки, что оплачивается. Ну, да кто не любит денег? Учениц имеем всего 26, но еще будут прибывать.

Кланяйтесь от меня Павлу Федоровичу и Сусанне Ив[ановне], да Назарию Ант[оновичу], да всему Киеву низкий поклон.

Е.К.

Приступаю к постройке унитской церкви, не имея ниоткуда и копейки денег. Церковь эта ждет от ждет от Андреевской какой-нибудь одежинки для себя, согласно обещанию Павла Фед[оровича], чтобы не быть и босою, и голою.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[початок-середина жовтня] 1867 р.**

Ф. III, № 3491

/16/ /почерком Петра Лебединцева/ 20 окт[ября] 1867 г.
отв[ет] 27-го окт[ября] чрез Люд[милу] Егор[овну]

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Да, судьбы Божии совершились и над Феофаном! Мне как будто легче стало со времени смерти Юлии Алекс[андровны] (безумство, но – так!), не понимаю, отчего и как. Зависть ли к другим счастливым семьям удовлетворилась во мне, или одинаковость положения облегчила, не знаю; знаю только, что я почему-то без слез и боли, с симпатией глядел на труп Юл[ии] Ал[ександровні], в особенности, когда припоминал слова, /16 зв./ сказанные ею мне при первой встрече нашей накануне смерти: «Умру, пойду к Надиньке, поклонюсь от Вас ей, нам там вместе не скучно будет...»

Плохо сделал Феофан, что не поехал в Киев. Мне пишут из Холма, что он впадает иногда в отчаяние, ужасно горюя. Обещал писать ко мне почаще, в случае останется в Холме, но – ни слова.

Кавалеры холмские крепко сожалеют, что выпустили из Холма Софью Алекс[андров]ну.

Мы все еще не устроились с хозяйством домашним и все ждем Людмилу Егор[овну] Слава Богу, что она скоро приедет. С приездом ее я буду покоен по кр[айней] мере за Сережу и за хозяйство.

На днях, возвратившись из Варшавы, я застал в Седльце Гельтманн! Да еще вышла на станцию встречать меня! Авантюристка, искательница приключений? Едет /17/ в Варшаву к какому-то дяде на жительство. Живет у Владимировой; приходит ко мне каждый день, а за ею целый хвост гимназических кавалеров, чему я очень рад, так как могу говорить с нею поменьше и меньше волноваться чувством глубочайшего презрения к ней, возбуждаемым во мне подозрительностью – не избирает ли она меня предметом своих искательств. Сегодня уезжаю из дому и возвращусь по выезде из Седльца. Вчера [С.С.] Громека

ловеласнически спрашивал меня: «К Вам приехала какая-то красавица? Позвольте приехать и взглянуть...» Мороз подрал меня от этих слов.

Посылаю хвост [статьи]. Некогда было обделать его как следует. Все это время я в разъездах, дома в занятиях ужасных.

Читали ль Вы в «[Санкт-]Петер[бургских] вед[домостях]» корреспонденцию «Из Мендзыржеца»⁶⁴¹? Я поставлен в ужасное положение в отношении к [С.С.] Громеке /17 зв./ и при своих занятиях должен отвечать длинным писанием в ответ корреспонденции.

Тихомировы пишут, просят отдать им Сережу. Преглупый народ!

Желательно бы иметь 100 оттисков моих писем, здесь они были бы оч[ень] кстати, потому что уният[ский] вопрос (и приемы [С.С.] Громеки в отношении к нему) занял всех до зела и вызвал бездну толков. Толкуют, а не знают дела.

Напомните Лавре и Павлу Фед[оровичу] о обещанных ими ризах для унит[ских] церквей. Я строю унитс[кую] церковь в здании гимназии Седл[ецкой]. Говорю я, потому что строю ее единственно на собранные мною пожертвования. Имею иконостас и 400 руб. сер. денег. Перевозка и постанова иконостаса с доделкою к нему, устройство престола и жертвенника буд[ет] стоить до 120 руб. с., церков[ные] вещи, кроме риз и облачений напрестольных, до 450 р.с. (из нейзильбера⁶⁴²). Дайте поскорее хоть одну ризу. Каюсь, что взялся за это дело. Но утешаюсь, ч[то] в здеш[нем] крае это будет первая унит[ская] церковь, не отличающаяся от православных.

Павлу Фед[оровичу] и Сус[анне] Ив[ановне] мой низенький поклон. Пишет с ужас[ным] укором, ч[то] я не зашел к ним проститься, подозревает, по обычаю, затаенную ненависть. Отвечал резко.

Назарию Ант[оновичу] и Алексею Мих[айловичу]⁶⁴³ уизенько кланяюсь. А глубже, искреннее всего, со слезами всегда кланяюсь могиле Надиньки. Не знаю, когда пройдут мои слезы. Но лучше пускай не оставляют меня.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
19 листопада 1867 р.

Ф. 154, № 105

/1/ Любезнейший Брат! Петр Гаврилович!

Последняя переписка наша убедила меня, что почта у нас ходит как на волах. Странно только, что из Киева я получаю письма на 5-й день, а мои в Киев раньше 10-ти дней не поспевает. Не знаю, когда-то дойдет это письмо, а оно нужно очень скоро.

В прошедшую почту я писал Марии Федоровне о гувернантке Чекмаревых, чьего окончательное согласие на заключение с нею договора пришлю по получении ответа от Ефима М[ихайловича], которому пред /1 зв./ тем я послал

⁶⁴¹ Санкт-Петербургские ведомости – щоденна літературно-політична газета.

Корреспонденция из Мендзыржеца // Спб ведомости. 1867, № 268.

⁶⁴² Нейзильбер – сплав міді, нікеля і цинка.

⁶⁴³ Колосов.

телеграмму. Сегодня я получил от него известие по телеграфу же (на 5-й день), что он не заключил еще договора с гувернанткой, которую рекомендовал мне, и прекращает дальнейшие с нею переговоры. Итак, будьте добры, побывайте сейчас же по получении письма у Марии Ф[едоровны] и вместе с нею договорите гувернантку Чекмаревых. На чем уговоритесь, так и будет. Кое-какие условия для договора я изложил в письме к Марии Ф[едоровне]. Если ей понадобятся деньги на дорогу, снабдите на мой счет и мне напишите, а я вышлю Вам. Одно мне желательно, чтобы она ехала как можно скорее. Нельзя ли устроить, чтобы она ехала с г. Ширмер? Это и удобно, и скоро, и дешевле обошлось бы. Мне очень трудно управляться самому с /2/ детьми. Саша опять хворает; Коля поправляется, но туго. Главная беда, что никуда выехать нельзя. Вот ездил в Грубешов на крестины, — набрался страху, пока домой вернулся. Теперь нужно в Замостье ехать, но опять страх берет.

Саничке я писал, что если бы гувернантка Чекмаревых приехала до праздника, то, быть может, я приехал бы в Киев праздником. И сделал бы, кажется, так, ибо первые праздники должны быть особенно тяжелы для меня в одиночестве. Единственную перемену к лучшему вижу в том, что могу иногда и после обеда заснуть, тогда как прежде и ночью сна не имел.

Из кандидаток в классные дамы я избрал Ширмер как ответственной и /2 зв./ возрастной, хотя и странно несколько, что кроме Нолле и Векмен будет еще и Ширмер, и все то в русском училище.

Любопытно, что сказал [Х.М.] Орда на новое предложение. Я с нетерпением ждал ответа и жду.

Андрей Г[аврилович] устроился, наконец, с квартирой, и недурно; но церковь мудрено достроить скоро и порядочно при таком ничтожном числе прихожан. Он израсходовал весь свой запас — более 800 р., а жалованье доселе не ассигновано. Вчера я писал в Варшаву по этому, а между тем уделяю из своих переходящих. Он не тяготится своим положением; но первые месяцы показали, что собрать здесь что-либо мудрено, хотя жалованье весьма почтенное — 1850 р.

Спешу на почту. Будьте здоровы и благополучны!

Искренне любящий Вас брат Ф. Лебединцев

19-е ноября 1867 г.

г. Холм

/1 збоку/ Низайший поклон всем нашим.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[середина - початок 20-х чисел листопада] 1867 р.**

Ф. III, № 3492

/18/ /почерком Петра Лебединцева/ получ[ено] 27 ноября 1867 г.
отв[ет] 30 ноября

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Много воды утекло с тех пор, как я писал к Вам. А все дела-дела!..

Самое важное дело, занимавшее меня в последнее время, это волнения уния[тского] народа по поводу уничтожения органов, польс[ких] песней и польс[ких] проповедей.

Не встречали ль Вы в «[Санкт-]Петерб[ургских] вед[омостях]х» заявления моего на «Корреспонденцию из Мендзыржеца»⁶⁴⁴? Я обещал в нем поставить подроб[ное] фактич[еское] изложение всего этого дела. И принялся я за это дело тогда же. Ездил в Варшаву, читал все дела, ездил по деревням, расспрашивал, и вот чрез месяц самой упорнейшей работы у меня готово было и переписано набело на 15 листах моего письма. И, увы! Труд мой едва ли не пропадет. В Варшаве мне все советовали послать в газету какую-либо, не показывая предварительно [С.С.] Громеке. Но он настаивал, и я не мог отказать ему в этом. И что же? Вышла ужасная буря! Он нашел, что я не воздал ему должного. Да, я действительно не воздал ему должного. Собственно говоря, все дело волнений принадлежит ему. Он переступил границы власти и захотел разом разорвать узел, связывающий унию с полонизмом, и вышли волнения. Он же и усмирил вол- /18 зв./нения. Теперь нет ни одного органа в унит[ских] церквах, не слышится польс[ких] песней и пол[ьских] проповедей. Вопрос в том: искренно или притворно уступило духовенство и народ? По моему мнению, неискренно, и если отношения его к унии продолжатся, в следующем году, в котором поляки затевают новую рухавку, будут новые волнения. По мнению моему, волнения в большей части мест уступили искренно, и именно – там, где действовал протоиерей Попель. Если [С.С.] Громека прекратит свою деятельность по отношению к унии, волнения, если и вспыхнут где, то масса сама станет против них, и вообще не буд[ет] труда успокоить их посредством [о.] Попеля и под[обных]. На этом основании я опустил в своей статье всю двусмысленность [С.С.] Громеки и в сам[их] волнениях, приписав ему только полиц[ейскую] сторону дела, каковая и должна принадлежать ему. «Нет, – кричит он, – я все сделал, Вы отнимаете у меня мои заслуги. Это самое вел[икое] мое дело, и Вы самую глуб[окую] обиду наносите мне, приписывая мои заслуги другим. Я говорил с народом, я ему все объяснял, он меня послушал, все принадлежит мне». – «Вам принадлежит почти все, – отвечаю я, – но об этом теперь неблагоприятно писать, все восстанут с криками: “А, так это все администрация? Так органы-то и под[обное] уничтожали войска, тюрьмы да контрибуции? Так вот что оно! Так народ только силе уступил и знает до 1-го случая?”» [П.А.] Валуев⁶⁴⁵ был в Варшаве и, желая спечь [С.С.] Громеку, все допрашивал, не он ли все это дело затеял. Наместник и [Р.И.] Брауншвейг тоже подкапываются на этом. [Граф] Толстой, бывший в Варшаве дабы отвоевать себе уния[тские] дела, /19/ также твердил: «Если все это дело сделано посредством духовенства – хорошо, если же

⁶⁴⁴ Крыжановский Е. Письмо к редактору «Спб. ведомостей» // СПбВ, 1867, № 281.

⁶⁴⁵ Валуев Петро Олександрович (1814–1890) – міністр внутрішніх справ у 1861–1868 рр. Залежно від погляду, греко-католицькі справи, могли бути віднесені до його відомства як іноземне сповідання, до Міністерства народної просвіти або до відання Синоду.

посредством администрации – плохо, и [П.А.] Валуев может оттяпать себе уния[тские] дела». Хотят доказать, ч[то] уния – ни больше, ни меньше – как один из видов католичества, и на эт[ом] основании причислить ее к иностранным исповеданиям. Если причины волнения и усмирения их вызваны администрацией, т.е. духовенство и народ уступили только силе, то значит, дело решенное – уния не имеет в себе ничего сочувствующего востоку, и есть *de facto* иностр[анное] исповедание, и нельзя иначе относиться к ней, не рискуя быть варварами и оттолкнуть униятов совершенно от России. «Вот такая опасность для дела и для Вас, – говорю я [С.С.] Громеке, – если распространится о Вашей деятельности! Сделали – и молчите, поскорее спускайте с своих рук это дело. Слава Ваша впереди, в свое время имя Ваше, мож[ет] б[ыть], выявится. Обнаружить Ваши дела – значит и Вас, и дело погубить...» – «Меня? Губите, губите, но не отнимайте от меня того, что мне принадлежит. Не Ваше дело, что я могу погибнуть». – «А дело? Ведь его возьмет [П.А.] Валуев, и тогда опять пойдут рожанцы и органы...» – «Нет, нет, я убедил народ, я ему растолковал...» И вот он наложил свое veto на мою статью, объявил, что будет считать меня низким врагом, если я осмелюсь напечатать ее, и выступит с печатным опровержением моей статьи – выйдет скандал большой! Я, разумеется, не хочу с ним ссориться и потому уступаю ему и не печатаю своей статьи. Он сам взялся теперь написать про свои дела и предлагает мне вместе послать свои статьи [М.Н.] Каткову. Но я не думаю, чтобы [М.Н.] Катков согласился напечатать его статью. С месяц тому он послал [М.Н.] Каткову свое послед[нее] донесение [Р.И.] Брауншвейгу /19 зв./ по усмирению волнений. В нем все приписано ему, консистория и [о.] Войцицкий обруганы. Но напечатанное в «Соврем[енной] летописи»⁶⁴⁶ извлечение из этого донесения показывает, ч[то] [М.Н.] Катков совершенно против него. Напечатаны только факты, а о самой администрации сказано только, что сообщенные в «[Санкт-]Петер[бургских] вед[домостях]» сведения не совсем верны, да что администрация действовала заодно с консисториею (?!!!) Я, раздумываю, не послать ли моей статьи прямо в «Киев[ские] епарх[иальные] ведомости», пропустивши весь трактат об администрации и [о.] Попеле. Или в «Труды [КДА]», так как статья большая и разбивать ее на 4-5 №№ «[Киевских епархиальных] ведомостей» не приходится, п[отому] ч[то] интерес потеряется, так как предмет цельный, и все в нем уславливается одно другим. Может быть подумаю, да и пришлю Вам, а там – как порешите, так и будет.

Людмила Григ[орьевна] уже вступила в все права свои, и у меня в доме все переродилось. Оказалось, что меня со времени смерти Надиньки, страшно обкрадали. Теперь все обнаруживается. Но Людмила Гр[игорьевна] постоянно скучает, и оттого в доме у меня натянутость.

⁶⁴⁶ *Современная летопись* – газета, додаток до «Московских ведомостей» (з 1863 р.). С.С. Громека був активним дописувачем у виданнях М.Н. Каткова, власне, став широко відомим завдяки циклу публікацій про поліцію у «Русском вестнике» (див. Антонова Т.В. Из истории русской журналистики пореформенного периода: программа «мирного прогресса» С.С. Громеки // Локус. 2017. № 1 С. 7-22).

Гельтманн подцепила себе жениха и ждет его здесь, живя у Владимировой. Жених – инженер, полковник⁶⁴⁷, познакомился с нею в дороге. Я читаю письма его, кажется, нужно ему верить, по крайней мере, пишет, что приедет с тем, чтоб тут же свадьбу сыграть. С Богом бы...

[Граф] Толстой пробыл в Варшаве всего 4 дня. Мы с Феофаном были у него часа 2, все расспрашивал про унияцкие дела, и мы, по обыкновению, разошлись с Феоф[аном] во взглядах, и я, по обыкновению, увлекся до того, ч[то] принужден был, остановившись, вскочить и просить извинения в том, ч[то] позволил себе увлечься и раскричаться. А человек он смирный, так и хочется при нем быть запанибрата.

/19 зв. збоку/ Хлопочу все о памятнике на могилу Надиньки. Да раздумываю. Не лучше ли будет построить над гробом ее капличку из кирпича, оцекатуренную цементом? Уведомите меня – будьте так добры – 1) дозволяют ли на Щекавице строить каплички? Я не видел там ни одной. Мож[ет] б[ыть] относят эту постройку к католич[еским] обычаям? 2) Удобно ли будет построить капличку над гробом Надиньки? Не придется ли захватить и гроб Феофана М[арковича]? Если бы устроить ее так, чтобы со временем в ней и для меня было место хоть подле каплички, место вперед можно заплатить и занять хотя решеткою. Капличка в визант[ийском] стиле была бы лучше всякого памятника.

Андрій Гаврилович до Петра Гавриловича
14 грудня 1867 р.

Ф. 154, № 56

/3/ г. Грубешов
14-е декабря 1867 года

Дорогой брат, Петр Гаврилович!

Полагаю, что настоящее мое письмо поспеет ко дню Вашего Ангела. Итак, примите братское мое поздравление Вас с этим днем и пожелание Вам здоровья и благополучия.

Вместо какого другого сюрприза Вам в этот день препровождаю небольшое свое плутеньице, сказанное во вновь устроенной временной православной /3 зв./ Грубешовской церкви по случаю храмового ее праздника. Не думаю, чтобы оно, как наскоро изготовленное, заслуживало общеизвестности. По крайней мере, из него Вы можете видеть, в каком духе я предпринял и других побуждал действовать на нашем поприще. Распорядитесь сим сюрпризом по своему усмотрению.

Только еще сегодня, доставши из недавно полученного мною сундука №№ 15 и 16-й «Киев[ских] епарх[иальных] ведомостей», вычитал я статьи о

⁶⁴⁷ У Петербурзі проживав Клемм Вільгельм Карлович (1815–1891) – військовий топограф, служив у Головному інженерному управлінні. Помер у чині генерал-лейтенанта. У 1866 р. став удівцем, але мав не доньок, а синів.

состоянии Унии в Подлясье⁶⁴⁸. Такова она и в Грубешове. /4/ На храмовом униат[ском] празднике видел я у униатского грубешовского благочинного многих того исповедания священников. Все они имеют тип ксендзов латинских во внешнему виду и внутр[еннему] настроению своему. Настанет ли, и когда, благодатная перемена?

Вчера по случаю римско-католического праздника Р[ождества] Хр[истова] заслушал я казань до своих прихожан грубешовского канонника. Меня немало поразили – неестественный вид, напряженный крик и неуместные жесты высокого оратора. Народ густыми массами простодушно внимал оратору и вместе с ним всенародно охал, когда тот /4 зв./ собою их к тому возбуждал. Чем похваюсь я, осуждающий других?

Последних чисел прошлого месяца был я в Варшаве и уже познакомился с столицею так называемого Царства Польского.

«Киевские епархиальные ведомости» прошу мне высылать с нового года, начав высылку оных с № 17-го сего года, в каких номерах могли быть еще статьи о состоянии Унии в Подлясье, меня интересующие.

Затем будьте здоровы и счастливы!

Искренне любящий Вас брат Андрей Лебединцев

Любовь Семеновна Вам кланяется.

Прошу передать поклон Павлу Федоровичу с его женой и маменькой.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
21 грудня 1867 р.**

Ф. III, № 3493

/20/ /почерком Лебединцева/ смета каплички – Иващенко и Ко

21 дек[абря] 1867 г.

г. Седлец

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Сегодня день Вашего ангела. Простите меня, что поздравление мое Вас с этим днем придет к Вам разве чрез пять-шесть дней. Столько имел работы, и так рвали меня на все боки, что с частными моими делами дотянули меня до сегодня. Простите же и примите разом три поздравления: с днем Ангела, с празд[ником] Р[ождества] Х[ристового] и с Новым годом.

В последнем своем письме Вы пишете о желании Тихомировых взять к себе Сережу. Писали они и мне о том же. Но я даже не отвечал им на это письмо. Я даже не понимаю, каким образом можно свое дитя отдавать кому бы то ни было. Я уступлю Сережу кому-либо только после моей смерти.

⁶⁴⁸ Стаття Юхима Михайловича (див. примітку до його листа від 19 липня 1867 р.).

Предпоследнее письмо Ваше дает мне дву-/20 зв./смысленный намек на пребывание в Седльце Гельтманн и на скуку Людмилы Егоровны. Напрасно Вы сделали этакое предположение. Я женюсь во второй раз только на своей собственной могиле, в этом нисколько не сомневайтесь, и раз навсегда оставьте на этот счет всякие колебания и наперед не верьте никаким слухам. Не хочу даже распространяться об этом.

Гельтманн сидит у Владимировой, возбуждает различные толки на мой счет, но – не прогнать же мне ее. Куда она поедет? Жених зовет ее в Петербург, а она зовет его в Седльце, на том и стало дело. Я читаю все его письма – влюблен старина до безумия, но она боится ревности и старости его. Чтобы сбить ее с рук, я хлопотал для нее о месте классной дамы, но удачи доселе нет. Недавно, с переходом Люблина к Феофану, я писал последнему о месте для нее в Люблине, Богом заклинал его вызволить меня от непрощенной опеки. Ответа еще не получил. Людмила Егор[овна] очень хорошо знает мои отношения с ней, и на этот счет она совершенно спокойна. Она не любит ее еще из Киева. Нелюбовь усилилась крепко с того времени, когда она в моем доме в присутствии нескольких постор[онних] лиц, в том числе одного учителя (которого я рассчитывал женить на Гельтманн) по поводу разговора о Гельтманн назвала ее распутною женщиною, пьянствовавшею у Ясси с веселыми студентами. На что я тут же заметил, что всему этому нельзя верить, все это сплетни, а потом легко заметил Людмиле Егор[овне], что если бы и было что подобное, то нехорошо же так третировать сироту. Тем более что какому-то Божию попущению, /21/ или по дьявол[ьскому] наваждению, она теперь почти на моих руках, и люди, пожалуй, станут видеть в ней мою секретную любовницу. Она озлилась, а кавалеры все отшатнулись от Гельтманн совершенно. Впрочем, Людм[ила] Егор[овна] ни одной дамы или девицы здесь не любит, никому из них не отдала визита и сильно тяготится, если ко мне приходит в полной компании женская гимназия. Все и ее не любят. Скука ее происходит оттого, что я не могу доставить ей всего, чего она требует: экипажа, фортепьяно, разбитное общество, да сам не могу быть веселым и любезным. Впрочем, я ей очень благодарен за то, что она хорошо ведет свое дело с Сережею, из-за этого я ей извиню, и насколько могу, буду удовлетворять требования ее. У нее бывают странности такого, напр[имер], рода. «Поехать бы в оперу... Эх, скука смертная...» Идет скука день-другой, боль в голове смертная и под[обное], а у меня в кармане на стор[онние] расходы ни гроша. Занимаю 50-60 руб. сер. и отправляю ее в Варшаву побывать в опере. Так уже два раза была она в Варшаве. И ни одним жестом не даю ей заметить своего недовольства этими капризами. Бывают (найчаще) такие речи: «Эх, какая я всегда была счастливая! Как все меня любили, на руках носили!..» И идут слезы, боль головы... Но тут я пасую, п[отому] ч[то] не знаю, в чем состояла такая любовь к ней, чтоб подражать другим в ней. Но все-таки я доволен ею, другая, может быть, была бы в тысячу раз хуже. Думаю, что она укошкается, особенно, когда мои финансы поправятся, которые она очень любит. Я даже благодарен ей за Сережу, так удовлетворительно во всем она ведет его. Но Сережу нельзя не любить. Редки стали в нем капризы, а симпатия мамина в нем хотя кого увлечет. Все-таки я не

хотел бы переменять ее на кого бы то ни было. После последней поездки в оперу она третий день лежит уже в постели, хотел быть тифус, но прервали и окончится дело обыкновенною простудою. Я был в большом беспокойстве эти четыре дня, ожидал тифуса.

/21 зв./ Будьте так добры, соберите сведения о капличке и уведомите меня. Хотелось бы устроить ее так, чтобы внутри можно было поместиться четверем-пяти человекам. Памятник из варшав[ского] мрамора не хотелось бы строить – и скверный мрамор, и доставка докучна. Из Одессы выписывать еще труднее. Тем не менее, нужно сообразить цены. Все готов отдать для этой цели, но в 1868 году многого не могу дать, больше 1000 руб. не могу обещать. Хотелось бы, чтобы все готово было (памятник или капличка) к 3 августа – дню смерти Надиньки, к которому и я приеду в Киев, положу себе каждый год проводить этот день при гробе ее.

С карточки Надиньки, присланной Вами, снят портрет ее в увелич[енном] размере, но только один, другого не захотел делать фотограф иначе, как за 46 руб. сереб[ром] (первый 16 р.с.), п[отому] ч[то] по неясности черт пришлось звать художника для расписывания их тушью, что обошлось очень дорого. К лету я дал этот самый портрет переснять, тогда и Вам пришлю один экземпляр.

У вас политич[еский] горизонт завлакивается... У нас все худо. Все перессорились и передрались между собою. Немцы торжествуют в полном смысле... Униятские дела остаются за наместником. Впрочем, по повелению государя, уже начаты сношения с папою о епископе для униятов ([о.] Попеле). Переговоры ведет венский наш посланник чрез венск[ого] нунция, митрополита Львов[ского] и [графа] Голуховского, и все они дали слово, что добудут у папы согласие. Дай-то Боже! В скором времени [о.] Попель сделан будет номинантом.

Статью мою об уният[ском] деле я достал из хлама, придал ей предварит[ельные] сведения, да умерил речь о действиях администрации седлецкой, не изменив, однако, основного взгляда на дело, и послал [М.Н.] Каткову. Со всех сторон стали спрашивать меня, почему не печатаю статьи, как объявлял? Уж нет ли чего? Стали подозревать и се, и то. Я потому и послал. Впрочем, не послал бы ради мира, но [С.С.] Громека очень-очень спорил в своем взгляде на дело. Статья об уният[ском] деле в «Голосе» написана самим [С.С.] Громекою, подписана бельским комисаром. В краков[ском] «Часе» и в «Газете народовой»⁶⁴⁹ печатаются страшнейшие пасквили на [С.С.] Громеку и на правительство за уничтожение органов. Насчитывают сотни жертв, утопленных, убитых, зарубленных и под.

/21 зв. збоку/ От Феофана давно уже не получал письма и не знаю, что делается у него. Оч[ень] жаль, что гувернантка Чекмарева отказалась ехать. Учительница моя (которая вчера и сегодня находится в Седлеце), также

⁶⁴⁹ Czas – див. примітку до листа від 10/22 серпня 1865 р., Gazeta Narodowa – польська суспільно-політична щоденна газета, видавалась у Львові із 1862 р. Мала потужний редакторський і кореспондентський апарат, підтримувала зв'язки з емігрантами. За спрямуванням була ліберальною, але лояльною до австрійської влади.

отказывается – болезненностью. [Ф.Ф.] Кокошкин женится на сестре Ноллихи⁶⁵⁰ (об этом Ноллиха писала к [Ф.Ф.] Витте, который сообщил мне эту неприят[ную] новость). Новость тем неприятна, что теперь партия Ноллихи будет непобедима, тем более, что Ноллиха успела поколебать [Ф.Ф.] Витте в мнении его о ней. А дразги не только уменьшаются, но и увеличиваются. Бекманн не хочет меняться с Ноллихою местами, да теперь и сама Ноллиха ни за что не уедет из Холма по доброй воле, п[отому] ч[то] [Ф.Ф.] Кокошкин покупает там землю и дом.

/21 збоку/ Из одной деревни униаты умудрились подать прошение Дагмаре (М[арии] Фед[оровне]), жалуются, что при уничтожении органов в деревне их топили женщин, брали контрибуции по 100 руб. с души, козаки насиловали женщин, в церкви действовали нагайками и саблями. Дагмара подала это прошение губернатору, который написал на нем: «Неужели все это правда? Произвести строжайшее следствие». Следствие показало, что все эти жалобы – вздор. Тем не менее, печально настроение народа в многих местах.

/20 зв. збоку/ От Енька⁶⁵¹ ожидаю прошения и документов. Звонарю Демидовскому и Иващенко скажите, пожалуйста, что они назначены будут причетниками после нового года, п[отому] ч[то] штат прихода Бельского утверждается только с нового года. Церковь временная к новому году буд[ет] готова (в здании уният[ской] гимназии).

/20 збоку/ Павлу Федоровичу и Сусанне Ив[ановне], а также Алексею Мих[айловичу] и Назарию Антоновичу мой всеусерднейший поклон.

[Х.М.] Орде я ничего не предложу, а только по требованию [Ф.Ф.] Витте выписал для своих 4[-х] сред[них] учеб[ных] заведений перевод[енную] им «Жизнь Спасителя»⁶⁵². Он просил у [И.Г.] Михневича места инспектора, но едва ли получит его.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
5 січня 1868 р.**

Ф. III, № 3494

/1/ 5 генв[аря] 1868 года

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Хочется написать к Вам письмо, но не знаю, о чем писать. Состояние души моей таково, какого я не испытывал никогда во всю жизнь. Не удивляюсь теперь, что другие люди в подобном состоянии делаются или пьяницами, или прощальгами, или просто потерянными людьми. Я, слава Богу, далек от этих счастливых состояний, зато часто и часто попадаю в совершенно противоположные. Большею частью мне кажется, что я или скоро умру, или с ума

⁶⁵⁰ Ольга Наумівна Нолле.

⁶⁵¹ Енько Антон Якимович служив в Холмській учительській семінарії щонайменше до 1883 р. штатним вчителем.

⁶⁵² Ците В. Земная жизнь Господа Спасителя нашего Иисуса Христа / Пер. с нем. под ред. Х.М. Орды. Киев, 1867. 427 с. (помилково першим називають видання 1874 р.).

сойду, или как листок осенью – свернусь и засну всеми своими способностями. Никакое дело не клеится в моих руках. Кроме прямых обязанностей я выдумываю себе дела. Но чего-чего стоит мне делать дело, а не сидеть над ним в полудремоте, в забывчивости? А оторвусь /1 зв./ от дела – тряпка, а не человек! Думаю-думаю над собою, призываю свои силы на помощь – ничего не выходит. Как будто и не было во мне способностей к чему-нибудь, ни энергии, ни прочей силы! Где все это девалось? Что за страшный во мне упадок сил, и физических, и нравственных? Тяжко гляжу я на свое будущее. Что будет, что будет? Все пробовал, ничто не помогает и только еще ярче обнаруживает предо мною мое бессилие. Ничто меня не интересует долго, все держится у меня только минутною вспышкой и потом на половине валится из рук, все портится, все не оканчивается и не ведет по прямой дороге. С людьми здешними уже и не сойду – пробовал всеми силами, не склеимся более. Все лица здешние для меня – будто проклятие какое на моей душе. В доме – тоска, тоска без конца. Что же мне делать с собою? Чем излечить себя от этого состояния? Под рукою нет никаких лекарств и никаких докторов, ничто подобное не приходит мне здесь в руки. Думал я, думал – и придумал: переменить службу, или место службы. На сих основаниях я решил было проситься в Калиш, рассчитывая, что [А.Г.] Теодоровович с большою охотою пойдет в русскую дирекцию.

/2/ Поехал было в Варшаву с этим проектом, но застал, что [А.Г.] Теодоровович уже на дороге в Калиш, и едет туда с большою охотою, отрясая и прах с этих мест. Помирись – думаю – с Седльцем. Но праздники прошлые – праздники! Каждый час их был камнем для меня, и окончательно я порешил теперь бежать отсюда. Но куда? Не присоветуете ли каких-либо комбинаций? Я пока что буду ждать приезда министра, и если он останется доволен, или очень недоволен мною (что равно выгодно в этом случае для меня), буду просить о перемещении меня в Юго-Западный край – чем бы то ни было. Если же выйдет ни се, ни то, тогда я брошусь на самые крайние средства... А жить до этого времени все-таки тяжело, очень тяжело! Не знаю, куда и деваться, сижу – не сидится, лежу – схватываюсь, как угорелый. Зайдет кто-либо – по шее выгнал бы, остаюсь сам – к черту забежал бы и т.д.

[А.А.] Енько пригодится ли для педагогич[еских] курсов? Нет ли кого из духовной братии способного? Кажется, не замещен Шпаковский (оконч[ивший] курс Ак[адемии]), не согласится ли? Хорошо бы и естественника. Долго, однако, ждать не приходится. [А.А.] Енько с год тому просился в здешний гимназии, но почему-то его забраковали. Как он из себя, т.е. каково общее развитие его? Если оно ничего себе, то можно взять его. Эти господа вообще страдают недостатком общего развития, и потому математик уже ни за что не может читать, напр[имер], географии, естественник – арифметики или истории, и под. То ли дело наш брат духовный! Хоть китайский /2 зв./ язык подай, все сможет преподавать. А с теми – беда. Выбудет учитель – и некому поручить до времени предмета его. А сказать математику или естественнику заступить до времени место учителя родного, рус[ского], языка – просто смеху возбудить! Бедовое, видно, это факультет[ское] образование в наш[их] университетах.

Знаю, что Феофан оч[ень] недоволен Шарипом. И я недоволен назначением его в Грубешов, это для него понижение, он уехал со злобой на меня. Я просил о назначении его в Пинчав[скую]⁶⁵³ гимназию, и для меня совсем неожиданно б[ыло] назначение его в Грубешов. Зная Феофана, я думал, что дело это устроилось с его ведома. Дело шло первоначально так: будучи в Варшаве (во время приезда министра) вместе с Феофаном, я просил [И.Г.] Михневича перевести Шарипа в гимназию, п[отому] ч[то] курсы не по нем, гимназия же будет по нем. [Ф.Ф.] Витте б[ыл] на моей стороне – больше потому, что Шарип служил в Риге, значит, образов. человек. Приезжает Феофан, заходит прямо ко мне и, заставши у меня нескол[ьких] лиц, посидел и ушел к [И.Г.] Михневичу, заповедавши и мне быть у него. Прихожу и я. Сидим, балакаем, разговор не клеится. Оба они посматривают друг на друга и улыбаются. Дальше Феофан говорит [И.Г.] Михневичу, улыбаясь: «Начинайте». [И.Г.] Михневич отвечает: «Начинайте вы», – и хохочут. «Что такое?» Слово за слово, и мне делают предложение – уступить Феофану Бекманн, а мне взять Ноллиху, а за это Феофан возьмет Шарипа в Замостье. Это б[ыло] для меня неожиданным. Я отвечал, что Бекманн отдаю, Шарипа тоже (но в Замостье), но Ноллиху разве через труп мой введут в Седл[ецкую] гимназию. Поохотали, и чем дело кончилось. Потом [И.Г.] Михневич наедине стал мне доказывать всю необходимость удалить Ноллиху из Холма и начал расписывать достоинства ее – до того искренно, ч[то] я согласился на перемену эту, только бы она произведена была без моего ведома. Феофан, однако, сказал мне, ч[то] он вовсе не желает себе Бекманн, а только удаления Ноллихи, которую он мог бы заменить Ал[ександрой] Ив[ановною] Скворцовою. Тем дело кончилось. Вдруг приходит назначение Шарипа в Грубешов. Я и думал, ч[то] чрез несколько дней получу уведомление о перемене Бекманн на Ноллиху. Но зачем же так дешево покупается Бекманн, – думаю себе. Говорю ей об этом, та и руками, и ногами – «не хочу низа что» ([А.Л.] Стефанович ведет куры-муры с дочерью ее, и у Бекман почти решенное дело свадьба их, хоть кажется, [А.Л.] Стефанович только надувает ее, желая посредством нее поправить свои обст[оятельст]ва у [Ф.Ф.] Витте). Спрашиваю у [И.Г.] Михневича – «А вот так, – говорит, – нет кандидата у Феофана, мы и назначили, соглашался же он взять его в Замостье...» Шарипа, однако же, очень обидели этим назначением. Это прекрас[ный] человек, хотя и плохой инспектор педагог[ических] курсов. Я весьма и весьма жалею об этом назначении и поставляю себе заданием грызться с [Ф.Ф.] Витте дотол, пока не переведут его в гимназию, в чем, кажется, успею. Феофан, однако, сердится, и на письмо мое о Пельтмане, переданное чрез част[ные] руки, не дал даже ответа.

/1 зв. збоку/ [Ю.Н.] Тихомирова пишет ко мне, что «Сереза – единственный наследник имения их». Тошно мне слышать это, после того, как она в тяжкие дни для нас не приняла к себе к себе Надиньку. Купить Серезу у меня она не сможет не только своим имуществом, но и головою своею. Мне

⁶⁵³ Пінчув – місто нині в Свентокшиському воєв., тоді у Келецькій губ.

отвратительно было читать эту фразу, плюю я на имущество ее. Таково было мнение и Надиньки... Я, однако, вежливо отвечу ей.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича

16 січня 1868 р.

Ф. III, № 3424

/1/ /олівцем/ 16 янв. 1866 г.

/Без початку/

Наблюдения, которые я излагаю, сделаны мною именно в виду вопроса, не могла ли бы Ловягина быть воспитательницею моих детей. По ним я окончательно решил вопрос о Ловягиной, не в пользу ее. Рассуждал я с Андреем Г[авриловичем], он того же мнения. У него в услужении две старые бабы, на которых он жалуется. По поводу их у меня сорвалось с языка, что иметь старую слугу то же, что на старой кобыле ездить. Теперь так и просится на язык это жесткое слово. По Соничке и другим классным дамам сужу, какая разница между воспитанием нынешнего и прежнего времени. Все, однако ж, что пишут о Ловягиной, пишу только для Вас, Марии же Ф[едоровны] и прочим скажите лишь вообще, что де не подходящая, или что нельзя брать ее из Грубешова.

/1 зв./ Итак, мне нужно другую гувернантку искать. Где же и кого? Случайно я остановился на известной Вам Костенич. На днях я получил от нее прошение о представлении ей места классной дамы, и как места нет, то мне прошло на мысль, не согласилась ли бы она в ожидании места пожить у меня. В присланной ею копии метрического свидетельства видно, что ей 30-й год, училась она, кажется, с Юлинькой, дочь духовной особы, трудилась в обучении детей, имеет, как сама пишет, родных в Замостье во избавление от воя, который поднимает Людмила Егоровна. Соберите об ней сведения, и если будут удовлетворительные, скажите ей в таком роде: «Вы де просили места, места пока нет, да и свидетельства на звание домашней учительницы нет у Вас⁶⁵⁴, требуется по 1-му пункту ожидание, по 2-му пункту усмотрение директора, ждать же места выгоднее /2/ близ самого места, не угодно ли, дескать, подождать тем [временем] в Холме и личное усмотрение заслужить». Здесь одно препятствие – что она не имеет узаконенных общественным мнением 40 или 50 лет, но этих лет я не признаю удобными для воспитания моих детей, а когда об этом вопрос, то для меня ничто не существует, ничто не обязательно. Итак, спросите Костенич (по справке предварительной о ней самой) и дайте мне знать по телеграфу на мой счет. Если это не удастся, поеду в Варшаву, Петербург, Москву и где-нибудь добуду. Об этой поездке я давно думаю, и только дети меня удерживают.

⁶⁵⁴ Свідощтво на звання домашньої вчительки надавалося випускникам Фундуклівської гімназії, в атестатах яких були лише хороші і відмінні оцінки. У 1864/1865 навчальному році було створено додатковий педагогічний клас, який давав більш високу кваліфікацію «домашньої наставниці».

Завтра или послезавтра ждем к себе [Ф.Ф.] Витте, который уже в Люблине /примітка знизу/ [Сейчас получил известие, что еще нет в Люблине.] Едет он сколько для того, чтобы посмотреть учеб[ные] заведения, который должен будет показывать вскоре [графу] Толстому, сколько же и по делу Нолихи. Каково-то будет целование и беседа? Утешительно пока одно, что Нолиха по при-/2 зв./езде подалась – исполнила те мои распоряжения, которые доселе отвергала, явилась ко мне, а когда я пошел в училище, в первый раз вышла провожать меня везде. Скажу и [Ф.Ф.] Витте, что я ничего более не требую, кроме того, что следует по закону. Согласна повиноваться закону, пусть служит.

Папа спрашивал недавно наше правительство, намерено ли оно обратить униатов в православие, причем заявлял, что они ближе к православию, чем к католицизму, и прося сказать откровенно, выражался в таком роде, что де и сам не прочь от этого, только бы это было сказано откровенно и желательно с его ведома и согласия. Конечно, это была иезуитская проделка, и [князь] Горчаков отвечал, что намерения такого нет, что есть только желание очистить унию от нововведения латинских на основании папских же булл. По воле государя этот ответ объявлен Холмской консистории лично губернатором.

Будьте здоровы и благополучны!

Искренно любящий брат Ф. Лебединцев.

16-е генв[аря] 1868 г.

г. Холм.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[січень–лютий 1868 р.]⁶⁵⁵

Ф. III, № 3485

/Без початку/

/5/ «Вести» гласят, что государь утвердил уже уния[т]ские дела за [графом] Толстым, но – яко обер-прокурором! Непременно будет новый взрыв в уния[т]стве.

Из «Голоса» «Киевлянин» перепечатал статью об учреждении в Владимире Волынском губернии и о причислении к ней всей Холмской епархии. Давно всеми нами сознавалась необходимость рус[ского] центра административного для уния[т]ов. До открытия губернии Седлецкой, я много бился, чтобы губер[нским] городом был не Седлец, но Бела – русский город, Феофан – чтобы не в Люблине, но в Холме была губерния. [Кн.] Черкасский был первый против меня. «Э, батюшки, что Вы понимаете? Нам лучше русить польские центры, чем русские». Обрусят, как раз. Опыт показал, что польс[кие] губер[нские] города, стягивая к себе уния[т]ское население, сильнее полонизируют его. Куда ни ткнется приехавший сюда ксендз или крестьянин уния[т]ский, всюду найдет отличных пропагандистов полонизма. Мысль о перемене центров для уния[т]ов стоило бы

⁶⁵⁵ За звісткою про підпорядкування греко-католицьких справ обер-прокурору Синоду та про затримку грудневого номера «Русского вестника».

поддержать, да некому. Но проект «Голоса» довольно неоснователен. От верхнего пункта уният[ского] в Соколовском уезде до Владимира Волынского будет, вероятно, верст 300! А уният[ские] поселения еще дальше идут – в Ломжинскую губернию. И что это было бы за губерния длиною верст в 400 с лишком, а шириною, напр[имер], в нынеш[ней] Седл[ецкой] губ[ернии] не более /5 зв./ 70 верст, а в некот[орых] местах в 30, 20, 10 верст? Всего бы лучше одну губернию устроить в Холме (или в Владимире), другую в Бресте, в Седльце уничтожить губернию, и пол[ьское] население ее причислить к Люблину (от крайнего пункта Седл[ецкой] губ[ернии] к Люблину не более 150 верст). К Брестской губернии причислить бы часть Гродненской, а к Холмской или Владимир[ской] – часть Волынской. Совсем не то пошло бы тогда с униятами.

А декабрьская книжечка «Рус[ского] вестника» все еще не выходит! Должна быть в ней моя статья. Царь, бог литературный – [М.Н.] Катков! Никаких объяснений не дает мне на мой запрос, будет ли напечатана статья. Но если не напечатает в декаб[рьской] книжке? Изругаю как подлеца.

Я послал на днях в «Голос» заметку о «Списке городов и гмин Ц[арства] П[ольского]», изданном Учредит[ельным] комитетом⁶⁵⁶. Учредит[ельный] комитет – такое русское учреждение в Польше! И называет по-польски до приторности не только польские города и села, но и униятские! Пора обновить это учреждение. Гг. комиссары свыклись уже с поляками и, не владея достаточ[ным] образованием, часто уступают пред польскою цивилизациею... Соловьев⁶⁵⁷ буд[ет] сильно ругаться, если узнает, кто писал эту заметку. Я никому не говорил здесь о ней, пускай про[...]ивают.

Сейчас я прочитал прошение «окончившего курс среднего отделения Киев[ской] дух[овной] семинарии» Никиты Сухобрусова о назначении его учителем униятским. Если этот господин порядочный, то пускай едет, только возьмите от него документы и вышлите мне. Деньги получить по прибытии на место. Он из Сухобрусовых, Иорданских.

[Без закінчення]

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича

3 лютого 1868 р.

Ф. III, № 3495

/3/ /почерком Петра Лебединцева/ 3 февр[аля] 1868 г.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Блукал я по свету две недели, приехал домой – и слег... Сильно было простудился. Сегодня немного лучше. Но – тоска такая! Не знаю, чем более болен

⁶⁵⁶ Алфавитный список сельских гмин Царства Польского / Сост. в канцелярии Учредит. ком. Варшава, 1867. 94 с.

⁶⁵⁷ Соловйов Яків Олександрович (1820–1876) – член Установчого комітету, займався наглядом за діяльністю комітетів у селянських справах.

я – духом, или телом! Точно дерево весь. Спасибо за утешения. Ваши письма всегда самые дорогие для меня, какими были они и для Надиньки.

Унияты наши – точно стадо овец, гонимые собаченкою. Но не все одинаково исподлились, громадное большинство народа сидит тихо и покорно. В некоторых местах опять запели ружанцы и не хотят бросить их. Множество подстрекательств, самых ехидных. Центр зла – Межиречь и окрестности Рудна, Гуси⁶⁵⁸ и др. В Межиречи расположен уже 5-й год полк, а которым, на 800 душ, только 200 православных, остальные – католики и унияты. Один унтер-офицер возвращается на новый год от своей невесты из одного местечка, и добившись пешком до д[еревни] Гусь, зашел в гминское управление, и чтобы выманить даровую подводу, отрекомендовался офицером, недавно приехавшим из Петербурга. «А чы не чулы там чого про нашу віру – будем мы православными?» – спрашивают его. «Ведать, – /3 зв./ расходился офицер, – царь сильно гневается на губернатора и чиновников, за то что они отняли у Вас органы, запретили петъ ружанцы и проч., и приказал все это возвратить Вам, но вы катайте сами, не слушайте ник[аких] уезд[ных] начальников...» Сбежалась вся деревня, он и всем то же подтвердил. Дали подводу ему и с честью проводили, а на др[угой] день разнесли это по окрест[ным] деревням – «всюду пошли опять ружанцы...» Над уезд[ным] нач[альство]м смеются: «Э, що цар, то не вы. Ничого вы нам не зробіте, лучше идіте додому здорові...» Унтер во всем повинился и сидит в тюрьме. Мне самому народ говорил, что солдаты эт[ого] полка, еще во время волнений расквартированные по деревням, убеждали народ не поддаваться губернатору и стоять за веру крепко. Вот каков полк! И держат его в среде униятов! Летом офицеры эт[ого] полка пели в собрании в доме своего священника «Боже царь Польске»⁶⁵⁹... В эт[ом] полку служит и Волков, зять Игнатовича. Он да три-четыре офицера – монархисты и русаки, остальные – мерзость! Но и на Волкова были какие-то доносы. В Межирече унияты целую неделю сряду видели по ночам в своей церкви огонь – ходящий и плачущий, собирались около церкви поэтому, плакали, пели польс[кие] песни: «Видно, Бог в нашей церкви только тогда, когда нас в ней нет. А прежде ничего подобного не было. Прогневался Бог на нас за то, что мы не устояли за веру свою», – и начали петъ рожанцы. Приехал уезд[ный] начальник, три ночи постоял около церкви – нет огня. Но унияты ни за что не хотят перестать петъ рожанцы и под.

По-моему – и пускай себе поют! Гражданская власть для них бессильна. Попоют – до назначения епископа, а этот как ударит просто «по коняці, а не по оглоблях» (доселе /4/ шло дело наоборот, жали глупый народ) – повезет кляча. Проездом из Варшавы в приходы Седлец[кой] губ[ернии] был у меня недавно [о.] Попель. Там показали ему все дело о епископстве, содержимое в вел[иком]

⁶⁵⁸ Межиречь (Międzyrzec Podlaski) – нині місто в Бяльському п., Рудно (Rudno), Гус (Генсь, Geś) – села нині в Парчевському п. Люблінського воєв. Тут були греко-католицькі громади.

⁶⁵⁹ *Boże, coś Polskę* – польська національна пісня, неофіційний варіант офіційного польського гімну *Pieśń narodowa za pomysłnością króla* (царя Олександра I). Заборонена у 1862 р., побутувала як пісня польських змовників і повстанців.

секрете. 8 генв[аря] государь утвердил [о.] Попеля, послали к Венс[кому] нунцию, который берет на себя хлопоты пред папою. [Граф] Голуховский все прочит [о.] Куземского⁶⁶⁰ (глава галичан), разумеется, чтоб сбыть с рук того, кто все дело русское держит на своих плечах, обещает отпускать беспрепятственно и священников (с тем же расчетом). За то выговаривает себе полное хозяйничанье в Галиции и уже предложил митрополиту завести всюду органы, рожанцы, уничтожить иконостасы и под. Не знаю, что обещали ему. В нынеш[ний] век политика все может обещать, как Бисмарк Наполеону по Рейн земли, или [князю] Горчакову содействие в восточ[ных] делах. Однако [о.] Куземскому наше правит[ельство]во не делало ник[акого] предложения, да и он, как слышно, не хочет в Холм. На днях был здесь [Ф.Ф.] Кокошкин проездом из Петербурга, где лично от [графа] Толстого слышал, что доклад государю о подчинении униат[ских] дел ему, ревнителю православия, уже готов и скоро должен б[ыть] утвержден. И рады мы, и боимся. Что, если и он пойдет прямо к православию? Будет беда. Приедет сюда в апреле.

С Феофаном я еще не списался. Мне странно, что он так ребром поставил свои подозрения о Шарипе. Ехал один господин из Седльца в Холм, я даю ему письмо к Феофану, прошу лично быть у него. Тот был, потом возвратился. Что же? «Ответ напишется...» Что же говорил он больше? «Ничего, видно, чем-то недоволен; называл бестактностью устройство униатской церкви в седл[ецкой] гимназии, вообще говорил беспокойно...» А больше? «Ничего ровно...» А и письменного ответа доселе нет. Хоть бы плюнул человек на мою усерднейшую просьбу о Гельманн, мне и стыдно, и злостно от такого поступка его со мною. Впрочем – только подчас и то – бывало. Теперь нет, особенно после того, как /4 зв./ я узнал, что Виттовое представление его о Ноллихе провалилось. [Ф.Ф.] Витте, правда, до того изругал Ноллиху, что та в обморок падала у него (до 10 генв[аря] она была в Варшаве; рассказывал мне [И.Г.] Михневич), однако тем и ограничился, и решил ехать в Холм для примирения его с нею! Ноллиха кричит: «Обратите внимание, что мне ставят в вину по службе (в донесении Феофана) то, что я не захотела б[ыть] посаженою матерью Болотиновой, что я знакомилась с комиссарами, из которых [Ф.Ф.] Кокошкин – жених сестры моей, что я не сближалась с учителями, которые оскорбляют меня, что я прошу о праве, высочайше дарованном мне (избрание клас[сных] дам), что я оскорбляюсь цинич[ным] обращением со мною некот[орых] лиц, что я прошу признать за мною права женщины и воспитательницы» и проч. [И.Г.] Михневич чуть ли не весь на стороне Ноллихи. [Ф.Ф.] Витте, говорят, очень недоволен, что большинство обвинений в донесении Феофана именно в этом роде. Варшава вся поднята на ноги. Все генеральство нападает на [Ф.Ф.] Витте толпами: «Несчаст[ная] женщина!.. За что так тираните ее? Ради Бога!..» и проч. Грозятся просить наместника о назначении судьи постороннего, не из учеб[ного]

⁶⁶⁰ Куземський Михайло Євстафійович (1808–18076) – галицький греко-католицький священник, громадський діяч, публіцист. Виступав проти зближення греко-католиків і з православ'ям, і з польсько-католицькою культурою. У 1868 р. став єпископом Холмським. На початку 1871 р. вийшов на спокій, повернувся до Львова.

ведомства. Как быть [Ф.Ф.] Витте? Вот он и решил ехать в Холм, чтоб помирить. Но как мириться-то? Судите, возможно ли это? Феофану остается одно – пуститься на хитрости и хитростями сопхнуть ее. Но если он будет идти напролом, – потерпит фиаско, несомненно. Ноллиху я встретил на бангофе⁶⁶¹ желез[ной] дороге в од[ном] городке во время объезда по своей епархии. «Здравствуйте, Марья Наумовна» – «А-а-а, как я рада, как[ими] судьбами, ах, Боже мой» и пр[очее]. И тотчас вынимает из рукава пузырек и прикладывает его к носу. «Что это вы делаете?» – «Ах, вы не поверите, как у меня страшно расстроены нервы. Ах, какие я мучения терплю, какие нападения, ах, ах» – и т.д. Конечно, звонок прозвенел, и разговор длился только 5 минут. И так, говорят, она со всеми начинает свой разговор. Старые генералы, слушая ее (а она красивая баба), блятся: «Да что там за вандал – директор, как это можно тиранить такого ангела?» (а она при этом горько плачет), и пошел, и пошел – и едет потом к [Ф.Ф.] Витте с тысячами ахов и охов. Вот чертовское положение! Так как я не думаю таки навсегда оставаться в Седльце, а только до первой возможности получить директорство в одной из южных губерний, то в виду таких страш[ных] неприятностей для Феофана – я теперь вполне согласен был бы на перемещение ее в Седльце. Один [Ф.Ф.] Кокошкин, женящийся на сестре ее, мог бы ее удерживать в Холме. Но не это комиссарство, и [С.С.] Громека подумывает, как бы сманить его к себе на службу – на должность вице-губернатора, если [А.И.] Друкарт получит место председателя казенной палаты, которая откроется здесь с июля.

/3 зв. на полях/ О капличке нет от Вас обстоятельных известий. Поэтому нужно хлопотать о памятнике, пора уже. Мне говорил один господин, бывший на мастерской лабрадорной около Коростышева, что весьма хороший памятник там стоит с доской от 300 до 400 руб. сереб[ром]. Не адресоваться ли туда. Знакомый один доставил мне сведения об одес[ских] мрамор[ных] памятниках (в 500–600 р. с доставкой, хороший). Но мрамор скоро чернеет и портится. На всякий случай закажу рисунок памятника.

Нас с Феофаном [Ф.Ф.] Витте представил к Анне. Господи, за 100 руб. сереб[ром] продал бы [орден] Андрея Первозванного.

/4 збоку/ Ваш политич[еский] горизонт заволакивается тучами, а на нашем стоит только знак вопроса. Приготовления такие же, как у вас, делаются у нас и гораздо в бол[ьших] размерах. Но войска ни йотою не дрессируются для войны. Говорят, наружные приготовления – только пугало для Европы. Но если война будет, то страшная, страшнее севастопольской. Дали себя Бисмарку провести жестоко. Теперь он с Наполеоном и Австриею сошлись вот на чем: немцев у себя Австрии не удержать ни за что даже надолго, вечная буд[ет] внутр[енняя] колотня и ссора с север[ною] Германиею (Бисмарк опять Наполеону обещает по Рейну), Австрии же придать Сербию, Черногорию и Молдавию с Валахией. В случае первого выстрела со стороны России, Пруссия шлет две армии: одну на Варшаву (Польшу думают также отдать Австрии), другую на Остзейские губер[нии].

⁶⁶¹ Вокзал – від німецького слова.

Турция вступает в Бессарабию, Австрия в Вол[ынскую] и Подол[ьскую] губ[ернии], а Наполеон наступает с Черного моря. Что будет? Армия наша плоха, если судить по здешним войскам. Но и допустить образования юж[ной] федерации государств под Габсбургами Россия не может, это для нее смерть.

/3 збоку/ 20 окт[ября] освятили мы правосл[авную] врем[енную] церковь в Белой, устроив ее в гимназич[еском] зале. Служил Яблоченский архимандрит и 4 священника. [О.] Гervasий⁶⁶² сказал прекрасное слово. Не знаю, почему архиерей не напечатал его в «Варш[авском] дневнике». Я просил его об этом, послав ему и описание освящения. Последнее напечатал, а слово – нет. Немного, правда, резко оно для поляков и униатов, но – пусть их!

Павлу Федоровичу и Сусанне Ив[ановне], Назарию Антонов. и Алексею Михайловичу мой всенижайший поклон.

Один господин, бывший недавно в Минске и видевшийся с еписк[опом] Михаилом⁶⁶³, передавал мне, что (по заявлению самого [еп.] Михаила) И. И. Малышевский недавно как-то писал к нему в этом роде: «Мои товарищи, вызванные на службу к униатам, не оправдали наших ожиданий, и своим незнанием унии и своей бестактностью произвели восстание в народе и ненависть к русским...» Ив[ан] Игн[атьевич] всегда остается Ив[аном] Игнатъевичем! Вот бы их с [В.Ф.] Певницким сюда, так сразу все изменилось бы.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
10 лютого 1868 р.

Ф. 154, № 80

/1/ 10-е февр[аля] 1868 г.

Любезнейший брат Петр Гаврилович.

26 января я послал к тебе письмо, а твое письмо писано 31 января; значит, наши письма разминулись. Благодарю тебя за поздравление с Новым годом и в свою очередь поздравляю тебя с св[ятым] постом. Спешу отвечать тебе о ходе дела по записке [А.П.] Безака об уничтожении сословности духовенства в Юго-Западном крае. В Синоде, как тебе известно, дело о гражданских правах духовенства православного уже производилось, а именно в комитет об улучше- /1 зв./нии быта духовенства⁶⁶⁴. Комитет этот пробовал денег для улучшения быта духовенства, но как таковых в государственном казначействе не очень густо, то комитет и притих. Записка [А.П.] Безака побудила Синод заняться безотлагательно обсуждением вопроса о гражданских правах духовенства, не

⁶⁶² Сікорський.

⁶⁶³ Михайл (Голубович; 1803–1881) – архієпископ Мінський у 1848–1868 рр. Як греко-католицький вікарний єпископ Пінський (Мінської єпархії) брав участь у приєднанні греко-католиків до Православної церкви у 1839 р.

І.Г. Малишевський був випускником Мінської ДС.

⁶⁶⁴ Комітет (офіційно – присутствіє) у справах духовенства праював з 1863 р. по 1885 р., активно – у 1863–1866 рр., і хоча не був розпущений, однак здавалося, що припинив роботу. Голова комітету – митрополит Ісидор.

ожидая того времени, когда состояние государственных финансов позволит улучшить материальный быт духовенства. Но этот вопрос желают решить теперь же не для одного Юго-Западного края, а для всей России. Дело это взято из комитета и передано юрисконсульту Св. Синода, которому поручено поскорее его оболванить⁶⁶⁵. /2/ По сему предмету сделаны сношения с некоторыми министрами, в том числе и с министром народного просвещения о том, не встретит ли он препятствия к освобождению детей духовного ведомства от платы за учение. Юрисконсульт Синода – ст[атский] сов[етник] [В.А.] Степанов⁶⁶⁶, мой хороший знакомый и земляк (харьковский), но он не мог мне сказать ничего более, потому что он еще и сам не знает, чем решится это дело, можно только надеяться, что долго не залежится.

Я думаю, что решение этого вопроса, в смысле записки [А.П.] Безака, будет иметь между прочим последствием опустение духовных училищ и семинарий и слияние их с учебными заведениями Министерства народного просвещения. Это было бы очень разумно.

/2 зв./ Придворного протоиерея Орлова я не знаю, потому не могу ничего сказать тебе о нем и его семействе. Помнится, года 4-ре назад кто-то из земляков говорил мне, что он бывает у протоиерея Орлова, но теперь я не помню даже, кто это был. Может быть, И.И. Диаконовский, который уже два года как переселился в Штутгарт ко двору королевы Виртембергской⁶⁶⁷. Н.Ив. Болшаненая передавала мне просьбу старухи Барской об освобождении ее дома от секвестра и продажи. Но я, не имея никого знакомого из влиятельных лиц по министерству финансов, отклонил от себя это дело, да и вообще я не имею времени заниматься такими делами. Им кажется, что оч[ень] легко сделать! Для этого есть специальные ходатаи по делам и присяжные поверенные.

Твой брат Д. Лебединцев.

О пребывании [И.А.] Крылова в Казацком я читал прежде в записках [Ф.Ф.] Вигеля⁶⁶⁸.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
13 лютого 1868 р.**

Ф. III, № 3496

/5/ /почерком Петра Лебединцева, олівцем/ получ[ен] 21 февр[аля]
Отв[ет] 8-го марта

⁶⁶⁵ Оформити належним чином.

⁶⁶⁶ Степанов Василь Опанасович (пом. 1881 р.) – юрисконсульт при обер-прокурорі Св. Синоду.

⁶⁶⁷ Вюртембергской

⁶⁶⁸ Вігель Пилип Пилипович (1786–1856) – мемуарист «пушкінської доби». Був наближеним до князя С.Ф. Голіцина, одруженого із племінницею Г.О. Потьомкіна (власниця с. Козацького біля Зеленої Діброви). В «Записках» П.П. Вігеля описується перебування поета Івана Андрійовича Крилова (1869–1844) у маєтку в Козацькому.

13 февр[аля] 1868 года

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Вот и пост настал... Поздравляю Вас с ним. Для меня он начался очень приятным событием, именно – отъездом из Седлеца Гельтманн. Дал я ей на дорогу 126 руб. сер. и даже не спросил, куда она собственно едет, только взял с нее слово, что она больше не вернется в Седлец. От названного жениха ее я имею два письма. Последнее (по поводу запроса моего – шутит ли он, или серьезно думает жениться, и если последнее, то приезжал бы за нею) гласит, что он уже получил на этот брак согласие своей матери и дочерей, что на днях приедет в Седлец, чтобы тут же повенчаться. Потом прислал телеграмму, что уже готов к выезду. Затем прошла неделя-другая, а его нет. Пристал я к Гельтманн, что такое, должна же она знать. /5 зв./ Она объявила, что между ними все кончено! Что и как – ничего не мог добиться путного. Она уверяет, что не могла победить себя, отказывается от брака, подала письмо от него – последнее. Но из письма, оч[ень] короткого, видно, как будто, что он сам отказывает ей. Прощаясь с нею навсегда, он дает ей раз[ные] намеки на поведение ее в Киеве, особенно на какие-то интрижки в доме Кренке (?). Для меня, конечно, ничего в этих намеках не понятно. Но я с ужасом представил себе, что, может быть, я покровительствую здесь бесчестную женщину. Еще больше я поражен был, когда в приписке к письму увидел незамеченный или непонятый ею намек на каких-то молодых друзей ее в Киеве и общих знакомых ее и Кренке. В этот день я собрался в Белу, куда должен б[ыл] приехать из Варшавы и Феофан, пришло время отъезда, и потому я ничего не мог переговорить с нею и выпросить у нее. По возвращении же из Белой призвав ее, я потребовал, чтобы она немедленно мне все рассказала. Но бился-бился и только убедился, что это лукавейшая душа, наглая до омерзения. Севши напротив портрета Надиньки (висящего на стене), она мне сказала: «Знаете ли, зачем я приехала сюда и зачем отказала Клемму? Я прямо смотрю на Надиньку и говорю Вам: я жду, что Вы женитесь на мне, то была и ее воля!» Не взвидел я света, кинулся на нее и едва не задушил ее, как гадину. Но удержался по возвращении снова к ней сказал, чтобы она немедленно уезжала из Седльца, куда знает. С сим она уехала, /6/ а на третий день, т.е. сегодня, пришла проститься и денег просить – в...ла как ни в чем не бывало. Не доверяя словам ее, я послал к Владимировой за вещами ее, за паспортом, дал ей 126 руб. сер., посадил с нею на извозчика секретаря своего и поручил ему не отходить от поезда железной дороги, пока он не тронется с места... Поехала в Варшаву... Поедет ли оттуда к Феофану? Я не спрашивал ее об этом. Мне кажется, не может ли она в Петербург? Если бы она свернула себе шею на дороге, я отслужил бы акафист. Боже! А в городе-то издавна все шушукались, не невеста ли это моя и не маскировка ли петербур[гский] жених? Надинька, бывало, и здесь пред многими шутила: «Умру я и дам ему невесту – Гельтман», – и это твердили всюду здесь, как уверяла меня на днях жена [С.С.] Громеки. И она, подлая, так нагло, в глаза мне и свету посмеялась над памятью Надиньки, воспользовавшись невинною шуткою ее!..

Я так подробно рассказал Вам эту несчастную историю, п[отому] ч[то] не с кем мне более поделиться ею и облегчить несказанную тяжесть мою. Поминаю слова Ваши в ответ на мое уведомление о петерб[ургском] женихе ее: «У католиков две главы церковные, две всегда и думки, у невест по два жениха – один видимый, другой невидимый». Правда Ваша великая! Из здешних, я сказал про причину изгнания Гельтманн только Володимировой, у которой она жила. Но вышло неудачно, она до сумасшествия плачет и плачет: «Как? И она так скрывалась предо мною? И она так нагла? Что и обо мне после этого скажут люди?» Рыдает и рыдает, ничем не успокаивается. А я сказал ей для того, чтобы совмест[ными] силами выжить Гельтманн, так как та жила у нее. Владимирова, придя домой, прямо объявила ей, то не хочет более жить с нею и просит ее убраться. Этим /6 зв./ только и ускорен отъезд беспутной прощальги.

Такова-то беда моя! Доселе еще выздоравливаю и не верю, что она уехала от меня.

Пред Масляною был у меня Феофан (по дороге в Варшаву). Спасибо ему! Затем мы условились вместе побывать в Белой и были (на крестинах у [П.Г.] Рублевского). Там дали ему частицу мощей [Иоасафа] Кунцевича... Здоров как был, так и есть, только очень седеет. Я же, пошатнувшись во время поездки по училищам, уже не прихожу и к тому здоровью, какое имел прежде. Задышка с побаливанием груди очень пугают меня. Вчера писал я [И.Г.] Михневичу о своем намерении переменить службу и просить об этом министра, когда он приедет в Седлец. Что-то запоят власти на это? Без участия их я не могу сделать этого.

Громаковского прошение я получил и тотчас представил об утверждении его в должности учителя педаг[огических] курсов. Известите его об этом. Деньги на переезд не могут быть высланы ему в Киев, он получит их только на месте.

Все мы кое-как здоровы и кланяемся Вам. Все-таки не имею я последнего Вашего слова о капличке над гробом Надиньки. Так как время коротко, то на всякий случай я послал за справками о памятниках из мрамора и из лабрадора, жду рисунков и окончательных условий, по получении коих сообщу, что выгоднее. Капличка мне наиболее нравится, но она наиболее подвержена порче. Мрамор скоро чернеет и хрупок. Все советуют употребить лабрадор, говорят, что отличный памятник с доставкой и установкою будет стоить 400 руб. сереб[ром]. Брат [А.И.] Линниченки⁶⁶⁹ служит в Коростышеве, около которого ломки лабрадора, есть, как говорят, там же и отлич[ная] мастерская – туда-то и послал я за справками. Но есть, кажется, и в Киеве мастерская такая. Нельзя ли собрать справок? Хотелось бы, чтобы к августу все было готово на месте, и 3-го августа при мне освящен был бы памятник.

Прощайте. Искренне любящий Вас Е. Крыжановский.

**Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
22–28 лютого 1868 р.**

⁶⁶⁹ Лінниченко Костянтин Іванович – мировий суддя у Коростишеві.

/3/ /почерком Петра Лебединцева/ получ[ено] 5-го марта
отв[ет] 6-го марта
В Одессу 9-го марта.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Поездка в Седльце и потом в Варшаву сильно обескуражила меня. Вот уже около двух недель я ничем не могу заниматься, хожу из угла в угол, думаю, думаю и ничего не выдумую. Напавшая на меня инерция настолько овладела мной, что я даже писать не мог. В чем же дело? – спросите Вы.

Все та же история с Нолле. Что предчувствовал я, о чем писал Вам и о чем Вы писали мне, то сбылось. «Сей немец, – как писали Вы, – стушевался», – или только стушевывается. Вот что собственно возмутило меня до глубины души. Объясню подробнее.

Кажется, я писал Вам в ноябре прошлого года по возвращении из Варшавы, что когда [Ф.Ф.] Витте решился было наделить Нолихой Ефима М[ихайловича], я сам просил его оставить этот проект, причем он, поблагодарив меня за такое, по его словам, благородство, сказал мне дать делу формальный ход, чтобы было формальное основание для решения дела о Нолле; «А то все, – прибавлял /3 зв./ он, – ведется на одних разговорах». Считаю излишним замечать, с какою искренностью и участием ко мне говорил он это, как грозил Нолихе, стучал кулаками, призывал, по обыкновению, государя императора и проч., и проч. И все-таки я медлил, не решался, думал, рассчитывая на всевозможные случайности, а главное, на нетвердость [Ф.Ф.] Витте. Только наездка Нолле в Варшаву решила мое долгое колебание. Мне необходимо было, по моему расчету, дать оружие [Ф.Ф.] Витте на случай нападения на него генералов. В короткое время я перевел на бумагу, что велось на словах, и затем отправил представление, о котором уже писал Вам. [Ф.Ф.] Витте, как узнал я теперь в Варшаве, призвал после этого [М.Н.] Нолле и в присутствии [И.Г.] Михневича прочел ей это представление, говорил много и долго (с 7-ми часов вечера до 12-ти), как она виновата, как дорог я ему, как много будто я сделал и проч., и проч. Она, разумеется, в слезы, в истерику, в обморок, несколько раз отливали водою. А в промежутках: «Знать, дескать, ничего не знаю, ведать не ведаю, напасть одна», – и многое другое. В 12-ть часов [Ф.Ф.] Витте отправляет ее в своей карете на бал к генералу Соболевскому⁶⁷⁰, и она пляшет, как ни в чем не бывало, а за ней толпа обожателей. Пред тем и после того рассыпала она свои жалобы по Варшаве, запаслась даже флакончиком со спиртом, который Ефим М[ихайлович] видел у ней даже в дороге. Генералы надели на [Ф.Ф.] Витте, требовали расследования и даже грозили просить наместника, чтобы он командировал кого-либо в Холм, – если верить слуху, где-то полученному Ефимом М[ихайловичем], [Ф.Ф.] Витте объявил, что /4/ он едет в

⁶⁷⁰ Соболевский Василь Львович (1817–1881) – генерал-майор, с 1866 г. в.о. начальника Мисцевих войск Царства Польского.

Холм и даже меня в том уведомил, но так, что я уже все понял. Давно решившись ехать в Седльце за гувернанткой, я попросил у него на это разрешения, причем прибавил, что если надобность укажет мне быть в Варшаве для той же цели, то я ни словом не заикнусь о [М.Н.] Нолле. [Ф.Ф.] Витте разрешил телеграммой. В Варшаву я приехал и для того, чтобы добыть языка. Прием [Ф.Ф.] Витте поразил меня: он встретил меня с папиросой в зубах, конечно, во избежание тех жарких поцелуев, которыми прежде встречал каждый раз. Разговор был холодный, натянутый; он видимо чувствовал себя неловко и не раз заговаривал с [И.Г.] Михневичем о предметах посторонних. Я принялся уходить, но заявленные уже некоторые важные дела по дирекции побудили его удержать меня. Заговорив о делах, он впадал иногда в прежний тон, но потом вспоминал, видно, генералов и пробовал даже придраться по поводу пристройки в 35 тысяч, и только планы избавили меня от нового неудовольствия и даже заставили его отдать мне полную справедливость. В конце он заговорил о том, что хочет представить меня к награде, что считает это священнейшим долгом, что непредставление считал бы самою черною неблагодарностию и проч., но уже тут открылась фальшь и влияние генералов, ибо прежде обещал представить вместе к ордену и к денежной награде в 1 000 руб., а теперь объявил, что представит к чину статского советника, который и без того выслужил. О последнем я не мог не заметить ему, и он объявил, что представит к ордену, а к деньгам, прибавил, в след[ующем] году, т.е. иначе никогда. На прощанье не обнял, не назвал /4 зв./ другом любезным, но ограничился рукопожатием и таки не вытерпел, заговорил о [М.Н.] Нолле. «Она во многом виновата, я ей то и то, вот тут она плакала 4-ре часа..., но я там на месте разберу и сумею всякому свое сказать, и вам, если что окажется... Кто не виноват, тому ничего не скажу. Мне кажется, вы нехорошо поступили, что никогда не бывали в женском училище и только писали: "Предлагаю Вашему Высокоблагородию". Надобно, знаете, так, на словах, лично, с участием, с чувством, как вы обыкновенно делали, а не формально...» Я заметил, что в училище бывал и бываю, насколько позволяют мои занятия и разъезды, что не бывал лишь в последний месяц после ругательного шквала [М.Н.] Нолле, после которого она и сама не являлась ко мне, не бывал во избежание какого-нибудь скандала и публичного оскорбления, что теперь я опять бываю, как только она явилась ко мне, хотя и без извинения, а что дал формальный ход делу только вследствие личного требования В[ашего] Пр[евосходитель]ства. Первое остановило его, а последнее положительно озадачило, и он сам сознался, что действительно требовал этого. «А прежде вы не писали?» – «Не только сам не писал, но даже когда она требовала формальности, объявлял, что из этого добра не будет и некоторые бумаги и письма ее оставил без ответа». [Ф.Ф.] Витте задумался. Лице его просветлело на минуту, но опять нахмурился, когда я спросил, где ему приготовить квартиру. «Я хочу быть беспристрастным, и потому остановлюсь у [о.] Войцицкого». Я заявил, что я еще не подсудимый и что это произведет тягостное и неблагоприятное впечатление, что пора задабриваний миновала и он согласился остановиться в гимназии, где жил и [И.Г.] Михневич, но с тем, чтобы ему даны были только кровать, стол и два стула, и больше ничего. С

тем мы разошлись. Я был глубоко огорчен такою внезап-/5/ною переменою из-за юпки, из-за красивых штанов, самых искренних и добрых отношений, которым только и ободрялся я и силен был во всех здешних моих делах. Не знаю, что делал бы я в этот день, если бы одинаково добрый [И.Г.] Михневич не пригласил меня на обед и не уладил горя моего своею искреннею беседою. Говорили мы и о деле [М.Н.] Нолле. [И.Г.] Михневич положительно утверждает, что [Ф.Ф.] Витте сам не знает, что делать. Уволить ее боится, перевести некуда, что хочешь, то и делай. [И.Г.] Михневич прибавил, что [Ф.Ф.] Витте боится будто одной мысли о возможности моего выхода из Холма. Допускаю, что он может так думать, но еще более допускаю, что он может сделать иначе, нежели думает, т.е. отступить от меня при первом напоре извне. Я видел в нем доселе одну нетвердость убеждений и еще более действий; но [А.Л.] Стефанович говорит, что в нем есть холопское чувство, боязнь пана и преклонение пред ним, что будто бы [Ф.Ф.] Витте обнаружил явно в Каменце по какому-то подобному делу⁶⁷¹. Насколько справедливо это, покажут последствия, хотя невыгодно испытывать эти последствия на своем хребте. [В.В.] Вилуев, по обыкновению, несет вздор: «Зачем Вы допустили [Ф.Ф.] Кокошкина жениться на сестре [М.Н.] Нолле?» Из этого, однако ж, я заключаю, что и сим обстоятельством пугаются.

Таким об[разом], как видите, все сложилось самым неблагоприятным образом для меня. «Не мешало бы, – говорите, – и ей уступку сделать». И сколько делал! Много бумаг готовых, необходимых приостановлено. Довольно, если я не решился требовать перебранные сestroю ее деньги за уроки франц[узского] языка, вопреки протоколу педаг[огического] совета, /5 зв./ мною же утвержденному. Побывала она у меня по приезде из Варшавы – я у ней сейчас побывал, и потом был, и вернувшись из Варшавы был, хотя она у меня не была. «Надо, – говорите, – покончить хоть плохим миром». Но ежедневно почти возникают истории: то она жалуется на кого-нибудь, то на нее кто-либо. Претензии ее не только незаконные, но и положительно подлые. Пусть, – говорит, – член хоз[яйственного] комитета освидетельствует дрова. Член говорит, что это дело всего комитета, повторяется давно решенный спор, идут ко мне, я не могу сказать против закона, и вот неудовольствие. «Зачем инспектор мешает в выписку книг?» Наводятся справки, оказывается, что за исключением одного случая в 1866 г., она сама всегда вела это дело. Сделала замечание Ширмер, зачем та идет позади учениц, а не впереди. Поссорились, к счастью, дело не дошло до меня, ибо я сказал бы, что ученицы должна быть пред глазами, а не за глазами.

Что мне делать с этой проклятою бабою, ума не приложу. Сама она кому-то говорила: «С Ф[еофаном] Г[авриловичем] еще можно жить, он человек с чувством, но инспектор, но прочие...» А мне за всех приходится отвечать и за самого себя. Ведь так ни за что, ни про что потеряешь добрую репутацию. Не хотелось бы оставлять Холм; но Бог знает, что будет далее. Да и куда идти? Нужно прежде обезопасить отступление, а потом уже раскланяться. Если бы дело могло как-

⁶⁷¹ Під час заворушень у Немирівській гімназії у 1864 р. Ф.Ф. Вітте як попечитель Київського навчального округу об'їжджав інші гімназії Правобережжя, проводив там виховну роботу. О.Л. Стефанович у той час викладав у Кам'янець-Подільській гімназії.

нибудь протянуться до каникул, я мог бы тогда надеяться, что ее переведут в одну из вновь открываемых польских гимназий; но Бог знает еще, что принесет приезд [Ф.Ф.] Витте и потом [графа] Толстого. Доселе я надеялся исключительно на правоту своего дела; но прием [Ф.Ф.] Витте показал, что /6/ и это не спасает. Как очевидно, ни [М.Н.] Нолле не взвела на меня никаких обвинений, ни [Ф.Ф.] Витте не мог найти никакой вины, кроме того, что сделано по его же требованию, как и сам он в том сознался. А между тем он принимает такой вид, от которого волей-неволей придется посторониться.

Извините, что так долго занимаю Вас холмскими дразгами: мне нужно было высказаться, а высказаться у меня, кроме Вас, не пред кем. [Ф.Ф.] Витте ждем – не дождемся. Обещал известить, но не извещает и не едет. Неприятен будет этот приезд, но все лучше, чтобы он приехал. «Прииди и виждь»⁶⁷², – готов я сказать ему. Пусть бы он послушал инспектора, учителей, их жен, классных дам и проч., а то все мне приходилось говорить и писать. Пронесся слух, что он уехал в Петербург, но я имею позавчерашнюю бумагу за его подписью. В Петербург он действительно едет, и [И.Г.] Михневич сомневался даже, поедет ли он в Холм. Зачем едет, неизвестно. [В.В.] Вилуев говорил, будто Витту прямо предложено было перейти в Дерпт. Это сомнительно только потому, что [В.В.] Вилуев теперь и спит, и видит себя то помощником попечителя, то даже просто попечителем. Новый чин много изменил его: он добр, радушен, весел, покоен и на многое смотрит светлее. Глядя на него, я подумал: как немного тебе нужно было! Ваше Превосходительство, – скажет Гринберг и покраснеет, а [В.В.] Вилуев в Эмпиреях.

По пути из Варшавы заехал я в Бялу и видел [Иоасафа] Кунцевича – единственное приобретение от поездки. Когда посмотрел на него от ног чрез стекло, мне представился живой, но спящий или только что умерший человек с желтым цветом лица. Но это оптический обман, происходящий от того, что свет, падающий на голову чрез верх-/6 зв./нее стекло, доходит до глаза посредством отражения от надвинутой на брови желтой парчовой митры. Доселе никто не знал этой штуки, кроме изобретателей, и поражался почти совершенно натуральным цветом лица. Я сам был поражен; но когда свящ[енник Н.Н.] Ливчак вызвался поднять стекло наверху, над головой, сорвав притиснутые рукою благочинного, но его, [о.] Ливчака, печати, тогда открылась совсем иное зрелище: я увидел не голый, правда, череп, но голову темного цвета с присохшею кожей и мышцами, точь-в-точь как был в Киевском университете засушенный палач. Волос совсем нет, нос набок, как у Александровича. [О.] Ливчак засунул руку под облачение и отодрал часть кожи с мышцами протрухшими, дал мне на память. Меня покорило это живодерство и вообще вид неизвестного мертвеца, которому суждено разыгрывать странную и жалкую роль. «Чьи это кости, – думал я, – и по смерти покоя не имеющие, чья это тень, которую то возводят в лик мучеников и чествуют поклонением, то осыпают проклятиями и дерут, как не драли при жизни». Грустно стало мне, и долго я не мог прийти в себя. О люди, люди! О страсти человеческие! Когда буду в Киеве, покажу Вам reliquia,

⁶⁷² Прииди и виждь – евангеліє від Іоанна, 1:46.

доставшиеся мне. Может быть, [о.] Гороновский⁶⁷³ захочет приобрести их для конкуренции с соседом Павлом Федоровичем.

В Седльце ездил я, как Вы верно заключили, собственно за гувернанткой, именно той, которую рекомендовал прежде Ефим М[ихайлович]. Но и здесь потерпел неудачу. Рекомендованная оказалась страждущею какою-то хроническою болезнью и в этот раз так опасно занемогла, что доктора ни в каком случае не обещали ей более 2-х лет жизни. Об этом Ефим М[ихайлович] узнал в тот день от сестры больной, встретившись с нею в вагоне. В /7/ Варшаве, как и следовало ожидать, ничего русского не оказалось, а брать польку либо немку – из конторы, я не решился. Рекомендовали из Рязани, но очень молода и далеко. Когда все поиски мои оказались тщетными, я не без умысла сообщил Михневичам и [В.В.] Вилуеву, что поступить к о мне соглашается одна из классных холмских дам, именно Вектен, бывшая в Злотополе, а потом в Лебединском женском училище. Все выразили крайнее удивление, почему я не беру ее, а езжу и ищу, а на замечание мое, что не решаюсь от того, что ей только 25 лет, пожали плечами. Я именно желал вызнать мнение других по этому последнему пункту. Ефим М[ихайлович] и [П.Г.] Рублевский то же самое твердят, а Чернявский, знавший ее в Злотополе гувернанткой, чрезвычайно хвалил. Еще прежде очень хвалили Григорий Ф[едорович]⁶⁷⁴, и Саша. Сообразив все это, я решился взять Вектен, с тем и ехал домой. Здесь застал Ваше письмо о немке и по обыкновению стал раздумывать, да доселе ничего не выдумал, ни на что не решился. Рекомендованная Вам 1, немка и протестантка, 2, родилась и воспитывалась в Вильне, когда там господствовало польское образование, и 3, имеет дочь. Минувя первый пункт как не особенно важный, я серьезно озабочен двумя другими. Держать дочь у себя неудобно и дорого, определить же на казенный счет не видится никакой возможности, так как из 6-ти имеющихся открытых вакансий (собственно в моем распоряжении) на половину уже есть кандидатки от прошлого, а на другую явится душ 20-ть, не менее, а тут нужно из Андреевых дочерей хотя одну вписать, ибо и теперь, видя его трудное положение, заплатил за одну сам. С Вектен я не вступал еще в переговоры, не даю даже вида, что хочу пригласить ее, пока не приедет /7 зв./ [Ф.Ф.] Витте. Она вообще тяготеет службою и хочет променять ее на частную. Желание, или согласие, поступить ко мне высказано одному из учителей по поводу разговора с ним о тяжести службы при училище, и когда передано мне, я промолчал. Во всяком случае, дело это, как видится, до весны приходится отложить. Относительно могущих возникнуть толков Ефим М[ихайлович] одно твердит, что толков не оберетесь, хотя бы кого взяли. Я и сам того мнения, что толки толками, а дело делом. Если бы до того времени, как я буду иметь возможность вступить в переговоры с Вектен, явилась другая, более пожилая особа, я отказался бы от его проекта, единственно для

⁶⁷³ *Reliquia* – реліквія (латин.).

Гороновський Петро Афанасійович (1807 р.н.) – київський протоієрей, із 1845 р. настоятель Десятинної церви. Автор нарису: Описание Десятинной церкви в Киеве. К., 1872 г. 25 с.

⁶⁷⁴ Ковальський.

избежания толков, ибо со всех других отношений не нахожу ничего выгоднее, как взять Вексен.

Скоро должна приехать Гельтман, которой, с согласия [М.Н.] Нолле, я даю место учительницы франц[узского] языка в Холм[ском] училище. От брака с женихом из почтовой кареты она окончательно отказалась.

Ставровский⁶⁷⁵ написал Вонсовичу, с которым собирался ехать, записку, в которой заявил, что он вовсе не хочет ехать в Польшу и отсылает обратно свои документы. На этом основании и имея под рукою готового кандидата – того же, что и был, [Г.А.] Аристов, я представил Ставровского к увольнению и на днях получил распоряжение об его увольнении и о назначении [Г.А.] Аристов, который и вступил уже в должность. Завтра посылаю формулярное уведомление Ставровскому; но из опасения, что оно не скоро дойдет, прошу предупредить его приватно.

Вонсовичем здесь очень довольны и положили приплачивать ему от себя, чем и он очень доволен.

Вчера приехал Пашуто⁶⁷⁶ – регент, в Грубешов. Я повел его на спевку и убедился, что он отличный регент. Благодарю за рекомендацию.

/8/ О положении дел униатских, вероятно, писал вам Ефим М[ихайлович]. Государь еще 3-го генв[аря] утвердил [о.] Попеля кандидатом во епископы; но доселе никакого ответа от папы. [О.] Войцицкому оставлено будет все нынешнее содержание и дан орден Анны 2-й ст. Если папа на назначение [о.] Попеля не согласится, то учредят коллегию. [Р.И.] Брауншвейг уверял меня, что дела униатские подчинены [графу] Толстому как обер-прокурору.

Нет ли кандидатов на учительские места в сельские школы. Хоть бы и 10-ть человек, всем достало бы мест. Особенно нужны мне человека два из окончивших курс на места старших учителей, которым проектировано жалованье в 400 р. О сем послано представление министру.

[Преосв.] Иоанникий, спасибо ему, принимает меня всегда особенно радушно. В этот раз он просил меня написать чрез Арсения Г[авриловича] [Н.В.] Неводчикову⁶⁷⁷, не согласится ли он поступить в Варшаву священником в Подвальную церковь и вместе благочинным. Жалованье как священнику 1 200 р. и квартира с отоплением и освещением, да по должности благочинного 400 р. Я хотел было из Варшавы писать; но узнал от него же, что об этом уже писано чрез [В.В.] Вилуева к Вам, решился подождать. Прошу уведомить меня поскорее, приискали ль Вы кого-нибудь, и если нет, напишите от себя для ускорения Арсению Г[авриловичу]. В Одессе вообще содержание дорого, а жалованье скудное, духовенства же образованного гораздо более, чем в Киеве. Требуется и в Люблин законоучитель, но к августу. Нет ли под рукой окончившего курс семинарии рублей на 400 или 500 по канцелярии. Мне очень нужны басы, и места

⁶⁷⁵ З університета?

⁶⁷⁶ Возможно, Федр Пашуто (Пашута) – выпускник КДА 1863 р.

⁶⁷⁷ Неводчіков Микола Васильович – викладач Херсонської ДС (див. примітку до листа Петра Гавриловича від 11 червня 1860 р.).

им учительские и канцелярские есть от 150 до 500 р. Поищите, а то хор расстраивается совсем.

В генваре сделано представление о назначении диаконов в губернские города Царства Польского. Когда назначат, Холмский наш диакон перейдет в Люблин, а мне [преосв.] Иоанникий поручил приискать. Нет ли из окончивших баса? Жалованья 500 р. и квартира с отоплением.

Детки, слава Богу, здоровы. Марии Ф[едоровне] пишу завтра.

Искренне любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

P.S. [Преосв.] Иоанникий объявил, что имеет намерение назначить Григория Федоровича благочинным Тарноградского кутка. Он предлагал эту должность Андрею Г[авриловичу], но тот отказался, чего я в душе не одобрил, хотя Андрею Г[авриловичу] и надоело благочиние. Ведь выслуга.

28-е февр[аля] 1868 г.

г. Холм.

Сейчас получил от Нолихи протокол о разрешении давать воспитанницам скоромную пищу. В прошлом же году вопрос этот был поднят формально и решен в пользу постной пищи. Вот так всегда.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
6 березня 1868 р.

Ф. III, № 6780

/1/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Душевно поздравляю тебя с новым годом жизни, молю Бога: да сохранит тебя с детками в добром здоровье и благополучии и сохранит от всех зол. Пишу не пространно на пространное письмо, а кратко по краткости времени.

Действия [Ф.Ф.] Витте весьма понятны: он вышел из маленьких, связей не имеет, сам в себе не уверен, и от того поневоле должен лавировать и сюда, и туда, а единства и самостоятельности действий он и прежде не имел, будучи способен подчиняться влияниям всякого рода. /1 зв./ Он поставлен в затруднение, вот ему и хочется выйти из этого затруднения холодностью к тебе. Полагаю, что он поспешит опять к тебе с словами «друг» и «любезнейший», как только получит от тебя уведомление, что дела в жен[ской] гимназии улаживаются, потому что и сам он тогда свободнее вздохнет.

Мой совет относительно бумаг [М.Н.] Нолле – держаться закона, а иногда, для ее удивления, за ведомом ее – пускать их на разрешение [Ф.Ф.] Витте с своим мнением, напр[имер], о замене постной пищи скоромной. Большую часть мелочей решать или улаживать словесными переговорами, убеждениями и т.д., не считаясь с бабой визитами. Давид умел быть мирным и с ненавидящими мира; поучися у него, когда необходимость заставляет /2/ учиться.

Относительно гувернантки и я думаю, что лучше православная Виктен, чем протестантка с дитям еще своим. Есть здесь еще одна девица Герасимова, но

франц[узским] языком не говорит, а немецким, ибо мать ее была немка; училась она в Варшаве в пансионе, когда отец ее полковник был там на службе в интендантстве коллежс[ким] советником; девица лет 30-ти и скромная, хозяйство, говорит, знает, ибо у матери всем таковым занималась, за триста руб[лей] и даже за 200 р[ублей] поедет. Но, конечно, Виктен как институтка выше ее по образованию.

В чем заключается стесненность положения Андрея Гавриловича? Вообще доволен он, или ошибся своим переводением, – я не имею положит[ельного] сведения.

/2 зв./ В Варшаву поступить, кажется, согласится [о.] Петр Орловский⁶⁷⁸, ибо по новым штатам кафедр[альных] соборов убавлено одним священником; он очень деятелен и аккуратен. Согласился было [о.] Громаковский⁶⁷⁹, да потом отказался.

Бас из окончивших курс есть, и очень хороший. Позову сегодня. Прошу прописать, сколько жалования законоучителю в Люблине, и есть ли квартира?

Подаю прошение в учителя народные Драников, купеч[еский] сын. Он хороший господин, бывший ученик 2-й гимназии.

Старовскому будет сегодня объявлено. [...], он весьма сомнительный господин.

Гельтман при определении нужно дать хороших советов побольше, в ней много польского, хотя и прикрыто рус[ским] воспитанием.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

6 марта 1868 года

Киев.

Взявши Виктен, доставь удовольствие г-же Нолле взять даму класс[ную] по своему выбору. Она в долгу не останется, да и вкус свой покажет.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
11 березня 1868 р.**

Ф. III, № 3497

/7/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 21-го марта

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Ваше молчание на последнее письмо мое, в котором я изложил безумную, поразившую меня выходку со стороны Гельтманн, заставляет меня предполагать,

⁶⁷⁸ Орловський Петро Іванович (1827–1909) – із 1866 р. священник Києво-Софійського собору. У 1868–1870 рр. служив у Варшаві священником і законовчителем, а потім знову повернувся до Софійського собору. Після смерті Петра Гавриловича став ключарем собору, коли попередній ключар ста кафедральним протоієреєм. Автор спогадів про Київ середини ХІХ ст. і історичних нарисів про церковну старовину. Один із зображених на «Зішесті Святого Духа» М. Врубеля в Кирилівській церкві.

⁶⁷⁹ Громаковський Олександр Кирилович (1835–1869) – священник Києво-Подольської Воскресенської церкви і викладач КДС. Випускник КДА (1859).

что Вы недоверчиво посмотрели на это дело и ожидаете, чем оно кончится. В то время я нуждался в Вашем сочувствии немного, но все-таки ожидал от Вас поддержки в неожиданно поразившем меня случае. В Ваших только письмах я находил утешение в моем горе, надеялся услышать его от Вас и в этом случае. Но утешение не пришло, и я остался один сам с собою. Напрасно же Вы отказали мне в нем, оно много облегчило бы меня в том состоянии, которое последовало спустя недолго за письмом моим, и которое едва не разбило меня окончательно. Выслушайте эту страшную историю и хотя теперь не откажите мне в своей братской помощи, прошу и умоляю Вас, потому что я один-один со своею страшною борьбою, выношу и надеюсь вынести ее до конца, но все-таки требую Вашей поддержки.

/7 зв./ В радости, что Гельтманн уехала из Седльца и в недоумениях – помешательство или неизведанная мною наглость ее сказалась в возмутительном предложении ее мне, я оставался недолго, всего 8 дней. На второй неделе поста в среду приходит ко мне из гостиницы мальчик и объявляет, что еще вчера приехала из Варшавы какая-то пани, большая, и просит меня прийти к ней. Недоумеваю, что это за пани, и думая, что кто-либо по делу, я посылаю в гостиницу секретаря своего. Возвратившись, тот объявляет, что это Гельтманн, помешанная. Бегу туда и вижу – действительно помешанная. Пока я расспрашивал ее о причине возвращения в Седлец и придумывал, в какую больницу препроводить ее, она мало по малу начала увлекаться и выказываться нахальною, стала твердить, что не уедет отсюда никуда, и если я не женюсь на ней, то она умрет здесь. Я ушел, предоставив ей умирать. Но пребывание ее в гостинице стало делаться известным в городе, я послал к ней знакомых с убеждениями. Она уступила, стала раскаиваться во своем поступке и сказала, что уедет непременно в Петербург, но хочет посоветоваться со мною об этой поездке. По общему решению, я пошел к ней: она действительно стала раскаиваться, но была страшно напряженною, много плакала о своем заблуждении, злой доле своей и затем снова стала объявлять, что умрет, но не уедет. Я снова ушел от нее, сказав, что она больше не увидит меня, и решил обо всем передать губернатору. Но губернатор все еще не возвращался из Варшавы, куда позван был по делам службы, прошел день-другой, я решился испробовать еще убеждение и написал ей письмо, в котором грозил ей полициею, если она не уедет, обещал поддержку, если уедет к матери или в Петербург, где бывший жених ее вызывался найти ей место. На этом письме она поделала безумнейшие надписи и грозила умертвить себя. Если ее вышлю силою из Седльца. Я решил было в самом начале уехать из Седльца, но не было губернатора, некому передать было дела. Наконец, приехал губернатор, я рассказал /8/ ему все, передал ему письмо мое с надписями ее и, так сказать, покончил с нею, а сам на другой день уехал из Седльца. Затем дело шло так: губернатор сам пошел к ней, долго убеждал ее и уговорил уехать, она попросила экипажа к бангофу назавтра, он обещал. На др[угой] день в урочный час экипаж с полициеймейстером подъехал за нею. То была жуткая ошибка, полициеймейстер своею компаниею с нею выставлял ее арестованною, и остаток соображения покинул ее. Молча села она в экипаж, но при проезде мимо улицы,

которая поворачивала в мою квартиру, она скомандовала кучеру: «К директору». Кучер, не посвященный в таинства этой истории, повернул лошадей: полицеймейстер стал было противиться тому, но она наделала крику, грозила выскочить из экипажа и дала полицеймейстеру пощечину. Кучер подкатил к моей квартире. Как стрелою влетела она в гостиную, схватила Сережу одною рукою, другою ударила в грудь Людмилу Егоровну со словами: «Прочь, я здесь должна быть хозяйкою, меня покойница уполномочила на то». Сережу успели вырвать от нее и спрятать в мезонине. Людмила Егоровна стала гнать ее из дому, но та подняла такой неистовый крик, ч[то] полицеймейстер счел нужным послать за людьми. Прибежала губернаторша, Володимирова, учителя, стражники, два доктора, но вся эта толпа не могла справиться с бешенством ее. Бегаёт по комнатам с страшным криком, требуя Сережу, то хохоча неистово, то рыдая. Два часа продолжалась эта оргия, как [А.И.] Линниченко, наконец, нашелся, предложив ей покататься, на что та согласилась и затем очутилась опять в гостинице, так как поезд железной дороги давно уже ушел. Тогда губернатор составил подробное донесение [Р.И.] Брауншвейгу, зная из моих слов всю последнюю историю ее, послал докторов освидетельствовать ее, составить акт и отвезти ее ночью на почтовых в Варшаву. В два часа ночи ее разбудила толпа полицейских, понятых и докторов, четыре часа бились с нею и ничего не смогли сделать, пока губернатор не приехал сказать, чтобы взяли ее силою. Ее взяли отвезли в Варшаву. Здесь держали ее под арестом три дня, пока [В.В.] Беккер⁶⁸⁰ /8 зв./ (бывший профессор Киев[ского] унив[ерситета], доктор) не определил состояние ее и не принял в ней участия. Она оказалась помешанною.

По выезде моем из Седлеца меня нашел в Белой [А.И.] Линниченко и обо всем сообщил. Я поспешил в Седлец, оттуда в Варшаву. Дотоле я колебался между сомнениями в нормальности рассудка ее и предположением в ней невероятного, неизвестного прежде мне ни из чего нахальства, с которым она решилась достигнуть своей цели во что бы то ни стало, или погибнуть. В Варшаве я переходил от одного предположения к другому, пока не увидел [доктора] Беккера. Оказалось, что она помещена в преудобной лечебнице, что [В.В.] Беккер с необыкновенным участием относится к ней. Лечебница эта устроена двумя лучшими докторами, в прекраснейшем месте, [В.В.] Беккер бывает у Гельманн ежедневно, доктора эти только исполняют распоряжения его, для ней особая комната, особая прислуга, дама-компаньонка, экипаж и под. В два-три дня вся Варшава рассказывала про этот случай, все ждали от меня объяснений, а я с трудом мог соображать что бы то ни было. 1, Я всегда представлял ее себе честною, выдержанною, хотя ограниченною, скрытною, упорною, дармоедкою, кроме того, видел в ней друга Надиньки, почему и не отказал ей в моем покровительстве. А между тем, поведение ее со времени рокового предложения, особенно в моей квартире, показало в ней беспутнейшую, наглейшую, самую бесстыдную и циническую вакханку. И вот кого дарила Надинька своею

⁶⁸⁰ Беккер Василь Васильович (1812–1874) – начальник медичної частини Царства Польського у 1867–1870 рр. У 1843–1859 рр. викладав в Університеті св. Володимира. Був лікарем при Інституті шляхетних дівчат у 1858–1859 рр., коли там навчалась Гельтман.

дружбою, и вот, кому я покровительствовал, кого выставял в переписке с Клеммом (женихом ее) честною и скромною девицею! 2, Я сделал ей большое благодеяние, дав ей покровительство, и вот, в благодарность за все это она позорит меня пред целым светом и плачет на могиле Надиньки! 3, Жених отказал ей, узнав о поведении ее в Киеве, в доме Кренке, значит, поведение ее было там таково, что ей нельзя было ничего доброго ожидать для себя, и вот она пустилась в далекую дорогу испытать счастья там, где ее не знают, после решит[ельной] неудачи, компрометации и здесь, она бросается со всею наглостью на меня, рассчитывая на мой уступчивый характер, решается или сломать меня, или погибнуть, п[отому] ч[то] пора замужества окончательная – 26 лет, и ушедшая почти красота, поднимает против меня все общественное мнение, готовое стать на стороне бедной, скромной красавицы, любящей будто без ума, и /9/ невольно, защищается пред ним священнейшею для меня памятью Надиньки, твердя, что она вложила ей уверенность в замужестве со мною, и этим заставляла ее при жизни Надиньки легко относиться к бывшим у нее женихам, затем, после смерти ее, немедленно ехать ко мне в уверенности, что я помню завещание Надиньки, насильно, видя во мне решит[ельный] отпор вступать в переговоры с Клеммом, затем отказать Клемму, по невозможности победить себя, и самой объявить мне о своем внутреннем состоянии, чтобы или погибнуть, или получить того, чего она ждала несколько лет. Вся эта история представляется мне невообразимою наглостью и распутством. Я изумился еще более, когда вдруг узнаю, что она в больнице долго все настаивала, чтобы ее везли к архиерею и что ее действительно возили к нему. Поспешив к [преосв.] Иоанникию, я узнаю от него ужасную для меня вещь. «А я вот только готовился писать к Вам письмо, – начал он, – волю жены исполнить нужно, разрешаю Вас и благословляю на новую женитьбу, вижу указание самого Промысла...» Гельманн упала ему в ноги и просила повлиять на меня, выставя себя исполнительницею воли Надиньки, свою любовь ко мне самою святою и давнею, меня же – идеалом совершенства, но преданным жене своей так, что считает нечестным и нерелигиозным жениться второй раз – «Разрешите совесть его, скажите ему он Вас послушает...» Плачу и рыданий с коленопреклонениями было столько, что неопытный в женских делах монах принял в нем самое живое участие. Стал я рассказывать ему биографию ее, и он переменился в своем участии. Рассказывал, что она говорила хотя урывками, но довольно связно, часто прерывала свои мольбы прислушиванием к чему-то, выбегая в соседнюю комнату, все слышала мой голос, глаза дикие, движения неестественные или отчаянные. Варшава вся разделилась на /9 зв./ два стана: женщины бранили частью меня, а большею частью ее, мужчины относились к этому дело как к роману, оправдывая и ту, и другую сторону. Всё это искренно верило, что девица, влюбившаяся в меня еще при жизни жены, получившая так сказать благословение на буд[ущий] брак от самой жены моей, долго ожидала этого брака, ведя терпеливо дни свои, потом едет ко мне, не находит во мне любви к ней, но неизменную преданность жене, мучится тайно, никому не поверяя своих дум, решается выйти за другого, но будучи не в силах победить свою любовь ко мне, считая бесчестным выйти замуж не по любви, отказывает

случайному жениху своему – богатому и чиновному, кроется с своей любовью и, наконец, решается объявить о ней и – или достигнуть цели, или погибнуть, встречает отпор – и погибает. Женский вариант был такой: все это так, но она дармоедка, пробовала многих женихов и последняя любовь ее не иное что, как расчет и нахальство. Были и такие артисты, которые задавались сомнением: «Быть не может, чтобы тут не виновен был и он, вероятно, дал ей поводы надеяться...» Я, разумеется, больше всех волновался этою историею и меньше всех понимал ее, кидался, как волнами, от одной мысли к другой, держался только одного, что получив отказ от жениха, она решилась испытать меня, рассчитывая на мою слабость и преданность Надиньке: «Запугаю его обществ[енным] мнением, памятью о жене, как виновнице гибели ее, он не выдержит...» В Седлеце действительно она пробовала выставить меня виновником любви ее. В Варшаве же она стоит на том, что я не давал ей поводов никаких, что она не могла не любить меня, зная меня, до решимости погибнуть или достигнуть цели, что она тяжело оскорбляет меня всем своим поведением, но уверена, что вымолит у меня прощение, все ждет меня, непрерывно держит пред собою мою карточку, плачет, бьется об землю, то умирает /10/ то оживает, вообще, как влюбленная неслыханно.

Вдруг мне передают, будто сам Клемм (жених ее) писал к другу своему Лихтенштейну (управл[яющему] таможнями в Ц[арства] Пол[ьского]), что действительно она сама отказала ему. Отыскал Лихтенштейна, тот показывает мне письма Клемма и что же? Она сама отказала ему, он страшно поражен этим отказом, делает Бог знает какие предположения... Письмо его к ней, которое я принял за отказ его, было не больше, как маленькая колкость за ее отказ, последовавший накануне свадьбы, когда у него все приготовлено было к этой свадьбе, даже спальня для нее, когда пастор сделал уже оглашение в кирхе об этой свадьбе, дочери шили белые платья... Она писала ему, что давно любя другого, считает бесчестным выйти замуж не по любви и потому отказывает ему. То было как раз в то время, когда она приходила ко мне с Володимировою с решительным заявлением, что хочет служить и решается отказать Клемму, видя из писем, что он пустой человек, боясь старости его, значительной семьи и под., когда я сильно бранил ее за эту мысль, называя последнею подлостью вить-вить дело и накануне свадьбы отказывать человеку, как по всему видно, благороднейшему, любящему ее без ума, срамить его пред семьею и знакомыми, она билась, плакала, попросила сроку день, чтобы окончательно решиться – за Клемма или на службу, которую я приискивал для нее на всякий случай, и сбиваемый всеми с толку сомнениям в действительном намерении Клемма жениться. На другой день вечером она снова пришла ко мне с Володимировою – веселая, хохочет, объявляет, что решилась выйти за Клемма, потому что служить не научилась. В это время принесли мне депешу от Феофана, в которой он предлагает ей место в Холме, она рассмеялась как-то дико, решительно отказалась от места, о чем сейчас и ответ послал, мечтала о жизни в Петербурге и под. А между тем уже был послан ею отказ Клемму. С этой поры поведение ее было все страннее и страннее. Дома она все молчала, мало ела, чем-то сильно мучилась, ни слова про отказ Клемму или про любовь ко

мне и так до признания /10 зв./ в любви и предложения жениться на ней. Обдумывая все это, я порешил, что вероятно, она давно уже медленно начала мешаться, самый приезд ее в Седлец, совершенный, очевидно, с целью выйти за меня замуж, уже отличался ненормальностью ума, отказ Клемму сделан среди таких обстановок, которые заставляют предположить в ней уже значит[ельный] шаг в этом состоянии, и затем то задумчивость, молчание по целым дням без пищи и сна, то беспричинный хохот дикий, наконец, предложение, скандалы... Видно, что неудачи прежних лет сильно работали в ней, последняя неудача добила ее. Видно, что она сильно работала над этой попыткой, когда до предложения мне она ни разу, даже вскользь не сказала о своих затеях Володимировой, только часто мучилась какою-то мыслию, тогда шутя говорила, что не выйдет за Клемма, необыкновен[ная] скрытность в этой мысли, засевшей камнем, сломала ее. [Доктор] Беккер до того оправдывает все послед[нее] поведение ее, до того убежден в честности любви ее, что и сказать нельзя больше, и этим единственно убеждением руководится в своих чрезвычайных заботах о ней. Он жестоко напал на меня, когда я начал выражать свою обиду на нее за скандализирование меня. Он окончательно убедил в невинности всех ее поступков, в прощении ее и в продолжении забот о ней. Рассказывает, ч[то] состояние ее не неизлечимо при тех удобствах, которыми она окружена, ч[то] она припоминает свои поступки, все зовет меня, чтобы попросить прощения у меня, отчаивается в моем прощении, страшится за свою будущность, которую окончательно испортила, и под., но большую часть времени не владеет сознанием, иногда до того ослабевает, что ее переносят на руках, молчит, устремив глаза в одну точку, ни слышит, ни видит, когда к ней говорят, и будто ни о чем не думает, и вдруг опять срывается, опять бежит, кричит, зовет меня, просит прощения и забот о ней. В послед[нем] свидании со мною [В.В.] Беккер сказал мне, что не может сказать положительно, что может успокоит ее, потому что нашел в ней сильно ненадежную примету, застал ее лежащею, штора спущена, в комнате темнота, а зрачки у ней вместо того, чтобы быть расширенными, как обыкновенно бывает, у кого мозг еще не поражен, сужены, что в медицине считается крайне плохим знаком, особенно относительно тех лиц, которым грозит сильное и неизлечимое помешательство. Он говорит, она не отвечала, глядела дико, долго белея, пока заговорила, подняли немного штору, она схватилась, стала весела, предложили ей покататься в парке, она поехала – так что все еще [доктор] Беккер и доктора-содержатели лечебницы не отчаиваются за ее мозг, хотя положительно не могут сказать, что возвратят /11/ ее к полному здоровью. Я, разумеется, не виделся с нею. По соглашению с [В.В.] Беккером, я написал к нему письмо, в котором я изложил, как я прежде смотрел на поведение ее и как смотрю теперь, выслушав объяснения докторов, что прощаю ей все поступки ее, буду защищать ее пред общественным мнением, что я сожалею о нынешнем состоянии ее, о необдуманном желании ее выйти за меня замуж, но требую, чтобы она навсегда бросила смысл об этом замужестве и не пыталась бы видаться со мною, но попра[ви]в свое здоровье, ехала бы к матери и занялась с нею хозяйством, да придумала бы себе занятие в жизни. Это письмо [В.В.] Беккер

покажет ей и наблюдет впечатление его, затем определит дальнейший ход лечения и буд[ет] извещать меня чрез [И.С.] Сидорского обо всем. С тем вчера и уехал я из Варшавы.

Вот история-то! Затронуты ею самым страшным образом моя честь, память о Надиньке все для меня самое дорогое. Я чуть головы не потерял. Все чудятся, дивятся, там ругают ее, там вопросительно смотрят на меня, одни поражаются романтичностью случая, другие толкую Бог знает что, всем доставило это пищу на значит[ельное] время, и варианты бесконечны. Сам архиерей потерял голову, увидев тут промысел Божий... Более всех ораторствовала Людмила Егор[овна] и более всех досаждала мне: «Подлая, распутная, пьянствовала в Киеве, не верю помешательству ее...» Грызет душу, выворачивает и целует Сережу, заверяя, что он любит ее как свою мать... Один только [В.В.] Беккер поставил меня на надлежащую точку: «Вы привыкли все играть на душев[ной] струне, я играю на нервах и мускулах, смотрю на мозг. Станьте на чисто христианскую точку, самую лучшую и наиболее верную в этом случае. Она скажет вам все». И правда, я стою теперь твердо. Помешанная /11 зв./ не виновата в своих поступках и вызывает только сострадание и участие.

Ваше слово в этом случае было бы для меня так отрадно, как редко. Не откажите мне в нем. Я не могу взглянуть на портрет Надиньки, висящий над письменным столом моим, без слез, но все смотрю на него, когда мне станет тяжело, и получаю утешение. Только этому портрету и поверяю всю мою душу, и кроме [В.В.] Беккера, ни один живой человек не говорит мне так толково и так симпатично, как эта фотография. Сегодня промучили меня весь день посетители своими утешениями. Пошли все эти казенные утешения. Самое лучшее для меня время – это когда я сижу один как бы с Надинькою, да вбежит смелый Сережа, все прочее гадко мне. Жена [С.С.] Громеки горюет со мною, утешит сколь-нибудь, но это один у меня в Седлеце приятель, понимающий дело, [А.И.] Линниченко молод еще для этих вещей, хотя и любит меня.

На сем заканчиваю свои ахи да ахи. За ними обыкновенно следует придумывания, как устроится она в случае выздоровления. Карьера ее навсегда испорчена, на службу больше нечего и надеяться, никто не даст ей места при учеб[ном] ли заведении, или в порядоч[ном] доме. Остается, значит, ехать к матери и помогать ей в хозяйстве – только, потому что всяким другим трудом (открыть, напр[имер], магазин и под.) она не может заняться, не умея решительно ничего делать. Но где живет мать ее, чем занимается, живет ли даже своим домом, всего этого я не знаю. У нее в Киеве есть брат – студент университета, и сестра в Институте. Будьте так добры, Петр Гаврилович, соберите от них справки о матери их и сообщите их мне. Это необходимо найскорее, чтобы сообщить их [В.В.] Беккеру, который берется уговорить ее /12/ уехать к матери, если не окажется в ней способности к какому-либо занятию на месте.

Вот история-то! Божье ли тут испытание, бесовское ли наваждение – для меня теперь все одно, не легче, потому что выздоровеет ли она и покается во всем, или не выздоровеет, все-таки погибшая репутация ее или болезнь не перестанут требовать моего участия и пособия, иначе и теперь ей пришлось бы жить на

улице, или пойматься на удочку первого ловкача – тогда бы все назвали меня подлым.

Хотя теперь не откажите мне в своем участии по этому делу. В особенности же не откажите как можно скорее сообщить мне справки о матери ее.

Прощайте.

Искренне любящий Вас покорный слуга Е. Крыжановский

Марта 11 дня 1868 г.

г. Седлец

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

22 березня 1868 р.

Ф. III, № 6781

/1/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Хотя письмо мое, может быть, поспеет и раньше несколько праздника, но как едва ли удастся мне писать еще до праздника, то душевно приветствую тебя с светлым Христовым Воскресением; дай Бог, чтобы с приездом Марии Федоровны и Софии Александровны праздник этот был светлее предшествовавших дней для тебя и для детей.

Петр Орловский по совещанию с своими отказался от места в Варшаве, потому предложение это я передал Арсению Гавриловичу для одесских иереев по его усмотрению или для него лично, прося о последующем написать от себя преосв. Иоанникию. Хотя брат живет весьма скудно и в тесной из 4-х комнат квартире соборной, получая 150 руб. жалованья, /1 зв./ да не более как 25 руб. кружки в месяц, но по привычке к мирной Одессе едва ли рискнет он в Варшаву. А между тем, как бы это было хорошо для Андрея Гавриловича, Григория Федоровича и тебя, иметь в Варшаве кого-нибудь родного; тогда Польша была бы своей уже, так сказать.

Басов три приходило ко мне, но в канцелярию не желают поступать, хотя и почерки имеют. Причины понятны: лежебоки знают, что в канцелярии лежать на боку нельзя. Какое жалованье учителя басам? Не пойдут ли на эти места?

О вакансиях сельских учительских мною объявлено чрез секретаря семинар[ского] правления П.А. Игнатовича.

Гельтман не будет, кажется, в Холме. Она наделала таких историй Ефиму Михайловичу, влюбившись в него или желая выйти за-/2/муж, что наконец чуть не рехнулась ума. Ефим М[ихайлович] мне подробно описал всю эту историю, которая по Божиему ли попущению, по дьявольскому ли наваждению случилась, – трудно решить. Именно напасть, ибо Ефим Михайлович тут виноват только тем, что не встретил ее спиной, когда она явилась первый раз в Седльце. Из Варшавы и Седлец в Холме, верно, рассказней придет об этом скандале; умеряй их для чести добродушного и ни в чем не повинного Ефима М[ихайловича] Он и теперь жалеет о ней и всячески старается пособить в ее бедственном положении, в которое она попала по своему увлечению. Она в

Варшаве в лечебнице какого-то психиатра. Баснь ее явствует, колико нужно быть осторожным вдовому человеку в выборе гувернанток, если так небезопасны беседы частые с старыми знакомыми...

Поздравляю с wcieleniem⁶⁸¹ в пределы Рос[сийской] империи. Будет ли еще оставаться название Царства Польского по закрытии Комитета внутр[енних] дел⁶⁸²?

/2 зв./ У нас по епархии идут выборы благочинных, и прекуррьезные протесты идут в консисторию от непопавших в кандидаты; один даже телеграфировал митрополиту в Петербурге о бунте и заговорах. Точь-в-точь польские сеймы. Но это все же жизнь. Григорию Марковичу не достало 1/2 голоса против Григория Кожуховского; впрочем, мы порешили утвердить в консистории Григория Марковича. Прошу сказать Андрею Гавр[иловича], что супостат его Антоновский не попал в благочинные, а утвержден Загородский.

Говорят, что нашего [еп.] Порфирия⁶⁸³ могут взять от нас в Чернигов или Полтаву, а на его месте будет якобы [о.] Филарет.

В Минск на место уволенного без прошения Михаила назначен будто бы Нафанаил Архангельский, бывший Полтавский⁶⁸⁴.

Каково превознесли киев[ское] духовенство в «Моск[овских] ведомостях» по поводу Липов. адреса [А.П.] Безака! Москве, думаю, жарко от сего.

Попечитель Антонович⁶⁸⁵ хотя военный, но тишайший человек; с учеб[ной] администрацией, видно, еще не очень знаком.

Нижайше кланяюсь всем знакомым и желаю праздник провести в радости и добром здоровье.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

22 марта 1868 года

Киев

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[початок 20-х чисел березня]⁶⁸⁶ 1868 р.**

Ф. III, № 3498

/13/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 12-го апреля 1868 г.
отв[ет] 16 апреля

⁶⁸¹ *Wcielenie* – дослівно: втілення; тут: включення, інкорпорація (польс.).

⁶⁸² Урядова комісія внутрішніх справ – фактично окремий уряд Царства Польського, указом від 29 лютого була скасована, а всі комітети, що входили до її складу, передали справи до загальноімперських міністерств.

⁶⁸³ Порфирій (Успенський) – єпископ Чигиринський у 1965–1877 рр. (див. примітку до листа від 29 січня 1865 р.)

⁶⁸⁴ Нафанаїл (Савченко; 1799–1875) – єпископ Архангельський у 1860–1871 рр., потім був переведений на Чернігівську кафедру. Випускник КДА (1825).

⁶⁸⁵ Антонович Платон Олександрович (1811–1883) – попечитель Київського навчального округу у 1866–1880 рр. Військовий, мав чин генерал-майора, але не бойовий.

⁶⁸⁶ Пасха у 1868 р. була 31 березня/12 квітня, а Юхим Михайлович збирався

Рогузский, директор банка: у него ... Виктор Гельтман

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Сегодня, по возвращении моем из Варшавы, подали мне письмо Ваше, писанное в дополнение к последнему по почте. Последнего я не получил еще. Между тем, завтра хочу уехать в Белу для говенья там и разговленья, и письмо Ваше не скоро прочитаю, а хочется сказать Вам в пору «Христос воскресе», и поделиться продолжением тяжелой для меня истории Гельтманн.

Итак, Христос воскресе! Помолитесь Воскресшему, да воскресне мои силы, физические и нравственные, совсем упавшие, да возрастит и благословит моего Сережу и да вызволит меня из мучений, испытываемых мною (за что и для чего?!) и грозящих мне тяжкою бедою.

Помешательство Гельтманн – вот эта тяжкая беда моя! [Доктор] Беккер уже сдал ее специалисту душевных болезней. Этот последний передал мне /13 зв./ о состоянии ее следующее. Она большею частью бывает вне сознания, в часы же спокойствия не покидает ее ее идея фикса. Бред ее держится преимущественно на следующих предметах: 1, на ожидании моего прихода к ней и искании меня. Часто она выходит из своей комнаты, заходит в чужие камеры, всякого спрашивая, не здесь ли я, все что-то бормочет, все в горячке, дикая, тревожная; 2, на представлении, что она сидит в остроге за нанесенное мне оскорбление, что ее судят, а вместе с нею брата ее, мать – что всех их приговорили к казни, и скоро последует исполнение этой казни. Этот последний предмет наиболее мучителен для нее. Выписываю Вам для примера начало ее письма к Беккеру, писанного ею с неделю тому: «Действительному добродетелю и советнику одного Беккеру (Беккер – действит[ельный] стат[ский] советник). Отец родной мой, придите ради святого поступка Вашего; может быть, благодеяние, которым Вы наделяете нас еще возможно принять из рук Ваших, которым я недостойна прикоснуться; но я молю не одна, а целое семейство, которое может погибнуть через меня, поверьте искренности слов моих, предыдущая моя жизнь может быть порукой в этом, нет слов, чтобы представить Вам состояние души моей. Отец мой, не отвергайте моления нашего, я более нежели преступница в настоящее время, но Вы будьте больше снисхо-/14/дительны, как может быть человек на Вашем месте, молю Вас ради погибающих и, может статься, уже приговоренных через меня, верьте, спаситель мой, жизни нашей будет недостаточно, чтобы возблагодарить Вас... Остаюсь с истинным почтением и преданностью дочери, просящей помилования у отца, который дарует жизнь не одной мне, а ряду жаждущих жить, жизнью истинно христианской, потому умиласердитесь и простите меня... Прошу, придите с отцовским благословением». Подписано: «Софья Крыжановская». Недавно она писала к [С.С.] Громеке, спрашивая, где я и скоро ли буду жениться на ней, и подписалась тоже Крыжановскою. Иначе она теперь и не называет себя. Последнее время она решила уморить себя голодом, или же не сознает потребности есть и пить, одним словом, не ест и не пьет ничего. Сряду четыре дня так было, и потому принуждены были, надевши на нее смиренную рубашку, накормить ее насильно. Вчера доктор рассказывал мне, что и после того

она не ела полтора дня, и потому опять кормили ее таким же образом. В этот раз доктор сидел около нее три четверти часа, она лежала и не сказала ему ни одного слова, как бы в забытии, только поводя глазами, – состояние, как говорит доктор, очень опасное.

Доктор полагает, что расположенность к помешательству родилась у нее давно, примерно года полтора или два тому, что есть, однако, надежда поправить ее, если в роде Гельтманнов не было помешанных. Он полагает за лучшее отправить ее в частное заведение для умопомешанных около Берлина (доктора Лера), где и больше удобств для нее, и /14 зв./ плата дешевле здешней.

Плата, плата! С концом этого месяца Гельтманн со времени первых проявлений своего помешательства будет стоить мне уже 370 руб. сереб[ром]. Вот первая беда моя! Не плати за нее – ее выбросят на улицу, потому что в доме помешанных, на 50 мест, сколько-нибудь подходящих для нее, и уже занятых, имеется 62 кандидата, записанных по времени заявления просьб о них, и по этому же списку принимаемых на место выбывших. Отсылать ее к матери? Но что это за женщина? Ни из чего не видно, чтобы она любила свою дочь и помнила о ней, ни разу не писала ей. Потому может статься, что она подымет гвалт, подаст жалобу на меня, считая меня виновником помешательства ее. [С.С.] Громека, арестовав ее со скандалом, действительно способствовал усилению помешательства ее, и при следствии поднялась бы кутерьма, не менее тяжелая для меня. Бог знает, чем и когда это кончится. Боюсь, чтобы самому не сойти с ума или окончательно не потерять здоровья.

Ахримович, вероятно, был у вас с рисунками памятников. №№ 1-й, 2-й мне нравятся больше всего. Впрочем, я сдаюсь на Ваш выбор. Заказ должен быть исполнен к последним числам июля, так, чтобы 3-го августа (день смерти Надиньки) в моем присутствии он мог быть освящен. 150 руб. для задатку я передам Вам чрез Колесницкого, который едет в Киев в первой неделе Пасхи.

Людмила Егоровна, кажется, задумывается не возвращаться из Киева, хотя я не сказал ей ни одного грубого слова доселе, ни одного замечания. Плачет, раздражается за малейший каприз Сережи. В случае она удерет мне такую штуку, возьму к Сереже гувернера и няню-хозяйку, которую на всякий случай прошу наметить в Киеве – матушку какую-либо вдову.

Сейчас я получил телеграмму от [М.Н.] Каткова: извиняется за ненапечатание моей статьи доселешним отсутствием соредактора по части этого рода статей и обещает непременно напечатать ее в «Рус[ском] вестнике» в апрельской книжке⁶⁸⁷.

Я проектировал ехать в Белу для говенья и разговляться вместе с Сережей и Люд[милою] Егор[овною]. Но вот, последняя готова удариться в слезы от этого. Между тем в Седльце это время для меня будет адом, так как оно живет других дней напоминает мне двойное теперь мое горе. А эти визиты с разбитою душою и маскою приличия! Как ни тяжело мне будет отсутствие Сережи, но гораздо

⁶⁸⁷ Крыжановский М. Волнения униатов на Подлясье // Русский вестник. 1868. Апрель. С. 569–588.

тяжелее оставаться в Седлеце, где при детстве Сережи я буду решительно одинок с своим горем и только по цел[ым] дням принужден буду выслушивать от Людм[илы] Егор[овны], как ее любили в Киеве, да чувствовать томно-нежные взгляды ее на себе, которые никак не переваривает душа моя. Между тем [П.Г.] Рублевский и [П.Г.] Рублевская со времени смерти Надиньки показывают ко мне истинно братское сочувствие и убедительно просят меня провести них эти тяжелые для меня дни. Поэтому, вообще спасая себя для Сережи, решаюсь ехать в Белу и без Сережи. А как мне жаль оставлять его на эти дни! Люд[мила] Егор[овна] начинает грубо обходиться с ним, тяготится им.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
1 квітня 1868 р.

Ф. III, № 3499

/15/ /олівцем, іншим почерком/ 1 апр[еля] 1868 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!
 Христос воскрес!

Пишу из Белой, и пользуясь случаем отъезда в Киев Колесницкого, передаю 100 руб. в задаток на памятник. Будьте так добры, закажите и сообщите мне условия заказа. Я уже писал Вам, что последним термином исполнения заказа должны быть последние дни мес[яца] июля, так, чтобы у 3-го августа памятник стоял и стоял на своем месте.

/15 зв./ Что напишу Вам еще? Пожелаю разве всего наилучшего. И желаю...

Сижу в Белой. Все опаздываю к поезду железной дороги, а по почте то лошадей нет, то кучера пьяны. Почтовыми здесь никто не ездит, и держат их только для рассылки корреспонденций – всего 5 лошадей. Этакая беда! За Сережей скучаю чрезвычайно.

Но прощайте. Письма Вашего, к которому Вы приложили дополнение, я доселе еще не получал. Распорядился выслать мне его в Белу, но вот нет и нет.

Искренно уважающий Вас покорнейший слуга Е. Крыжановский
 1 апр[еля] 1868 г.
 г. Бела

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
16 квітня 1868 р.

Ф. III, № 3500

/17/ /почерком Петра Лебединцева/ 22 апреля 1868 г.

16 апреля 1868 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Памятник № 1 что-то уж слишком дешевым выходит. Вероятно, он не весь будет из лабрадора, или высота его будет уменьшена? Не хотелось бы последнего. Кажется, на плане высота его определена в 4½ аршина с пьедесталом без креста и урны. Не слишком бы уменьшить этот размер. Если пьедестал будет гранитным, то следует полировать гранит. Разумеется, что я совершенно согласен на цену, ожидав гораздо большей. Как будто предполагал я условия Ваши с подрядчиком и чрез Колесницкого (учитель образцового училища), отправившегося в Киев на первой неделе Паски, передал Вам для этого дела 100 руб. сереб[ром]. Известите меня затем о сроке высылки 50 руб. сереб[ром], или додадите их из своих денег. Хорошо было бы, если бы памят-/17 зв./ник стоял на могиле к 3 августа – дню смерти Надиньки. К этому числу мы будем в Киеве. Искренно благодарю Вас за хлопоты по этому делу, так дорогому для меня.

Павел Тихонович писал ко мне, приглашал по пути в Киев съехаться в Житомире и затем, может быть, поехать в Киев. Жалуется на упадок сил, на необеспеченность положения по службе и трудности относительно пансиона. Приглашает в Черный Остров⁶⁸⁸ в гости, советует не покидать службы в Польше, из-за дарованных здешним рус[ским] чиновникам прав и преимуществ. Да, пропели нам песенку сладкую. Но нужно быть довольным и тем, что слышали ее. Здесь все убеждены, что знаменитый указ издан был только для устранения поляков и резкого неверия в них правительства и готовности наводнить Польшу русскими – не больше. По крайней мере, употребляются все хлопоты, чтобы затормозить эти права и преимущества, и доселе никто из русских не воспользовался ничем из них. Напр[имер], по моему ведомству: по выходе прав вызвано на службу два рус[ских] учителя – им выдали не по 600 руб. сереб[ром] подъемных, как сулили «права и преимущества», но по 250 руб. сереб[ром], как было прежде. Приехал же один немец (на должность учителя франц[узского] языка в Седл[ецкую] гим[назию]), ему тот час выдали 600 руб. подъемных. И немчура-то прескверный! Но русский из Митава⁶⁸⁹ и евангелич[еского] исповедания. Недавно [С.С.] Громека на основании «прав» просил для двух своих детей вспоможения по 150 руб. сереб[ром] Ему ответили: «Хорошо, дадим, но чрез три года со дня подачи о этом прошений», тогда как права обещают это пособие чрез три (или два – не помню) года со времени службы в Польше. /18/ Если так извращают эти права теперь же, по свежих порах, то что же будет чрез год-два? Поляки страшно хохочут над нашим простодушием, утверждая, что все переменится, и нам не видать этих прав. И почему же бы не так? Ведь за Бугом же, от нас недалеко, всё теперь переменяется. На днях я был в Бресте – глазам своим не верил. Прежняя рус[ская] физиономия города решительно стала польскою: паны гордо разъезжают и расхаживают по улицам, польская речь громко раздается всюду, русские всюду попрятались и укладываются в дорогу. Около церкви кружок крестьян спрашивает меня, показывая на церковь: «Вы не

⁶⁸⁸ Чорний Острів – містечко, нині селище міського типу в Хмельницькій обл.

⁶⁸⁹ Німецька назва Еглави в Латвії.

тутешний? Чи не тут лежить св. Антоний? (в местном костеле есть икона Antoniego) Нам сказали, що то велький святыї» (гуляють агитації ксендзовські!..) И кто же все это переменяет? Русский же, даже великорусский человек – Потапов⁶⁹⁰! И суда и расправы над ним нет. То же будет и с нашими «правами» при абсолютном царстве немцев. Никто из нас не уверен, что чрез год-два нас не вытурлят отсюда в пользу благонамер[енных] обрусевших поляков (которые, кстати сказать, для нас подлее поляков полякующих), или же, чтобы не явился указ об уравнивании всех без разбора служащих здесь с служащими в империи. Что и толковать!

Гельманн, или, точнее, мое горе новое, доселе путает меня. Будучи пред Пасхою в Варшаве, я, по условию с доктором, написал к ней письмо с убеждениями полечиться серьезно и с заявлением, что я готов содействовать ей в будущем. Мне передают теперь, что прочитавши это письмо, она задумалась тяжело и сказала: «Теперь я вижу, что мне нечего надеяться на него». Затем перестала вспоминать и говорить обо мне, даже отвечать, когда доктора заговаривали с нею обо мне. В первый день Пасхи [Й.С.] Сидорский послал ей от моего имени конфетов и красное яйцо – она даже не дотронулась ко всему этому и не отозвалась ничем слуге. Дал бы Бог, чтобы эта перемена происходила из разубеждения в состоятельности затеи ее. Но если /18 зв./ это начало только нового сумасшедшего маневра, в той же мысли? Жду – не дожусь дальнейших известий о ней от доктора. Разумеется, что писать к ней более не буду, разве снова доктор найдет это необходимым. Она поправляется физически, ест и пьет без принуждения, спокойна, только сильно задумывается. Тогда же в первый разобрали вещи ее, до которых она и не дотрагивалась и не вспоминала о них. Все оказалось целым. Кстати, Вы спрашиваете о 2 тыс., данных ей Фрометом. Она передавала мне по приезде в Седлец, что из них дала матери 600 руб. сер. и брату столько же – на окончание курса в университете. Странно, что брата не оказывается в университете. Вероятно, по выезде ее он шмыгнул снова куда-нибудь на вольный путь. Она передавала мне, что убедила его снова поступить в университет, он дал ей слово, попросил по 300 руб. сереб[ром] в год на содержание и получил за два года вперед. Из оставшихся 200 руб. сер. она кое-что сшила себе, потратила на дорогу от матери в Киев, из Киева в Седлец 600 руб. (в билетах) имеются теперь у ней. Было бы самое лучшее, если бы Голубцова и Некастер приютили ее в Киеве. Я постарался бы найти ей компанию туда. Одна беда, проезд мимо Седлеца может ошеломить ее, она выпрыгнет из вагона, если ей не позволят вступить ко мне, или учинит новый сильный скандал. Но может быть, она переменится. Дал бы Бог! Ух, как подумаю о ней – сил лишаюсь!

От всей души благодарю Павла Федоровича за выражение им в письме Вашем ко мне сочувствия к тяжелому делу моему. Желаю всякого счастья семейство его.

⁶⁹⁰ Потапов Олександр Львович (1818–1886) – з березня 1868 р. Віленський генерал-губернатор.

Сережа с весною свежее, постоянно гоняю их на свежий воздух. Растет он очень спешно, познаний имеет бездну, болтун неустанный же, но немой и вялый при сторонних людях, которых редко видит в нашем доме. Людмила Егоровна по мере успокоит[ельнѣх] известий о будущности Гельтманн делается спокойнее и гораздо сноснее. Она, как признавалась другим, страшно боялась, как бы я не вздумал жениться на Гельтманн.

Прощайте.

Искренно любящий Вас Е. Крыжановский.

При случае передайте мой поклон M[ademoise]lle Некастер. Неизмеримое мое спасибо ей будет, если она хотя чем-нибудь поможет мне выкрутиться из моей беды. Любопытно, будет мне знать, что ответил [В.В.] Беккер Голубцовой. Он боготворит на словах Гельтманн. Но по всем видно, что что-то скрывает от меня на ее счет. Не выскажется ли пред Голубцовою?

/17 зв.-18 на полях/ Наша уния опять было забурлила. На днях двигали снова войска для усмирения более 1000 душ толпы, вооруженной кольем и камнями. Говорят, все кончилось благополучно. 50 душ из этой толпы сидят теперь в тюрьме, 7 из них судятся военным судом!!! Наместник вчера строго предписал [С.С.] Громеке бросить все принудит[ельные] средства, и что на его ответственности будут все волнения униатов. Давно бы так! [С.С.] Громека страшно озлоблен этим предписанием и злость свою вымещает на мне вчера и сегодня целый день (по делу о затеянном мною любительском театре), кажется, подозревая в происхождении наместниковского распоряжения мои интриги с [Й.С.] Сидорским – «другом» моим, как выразился [С.С.] Громека. Сей час я получил от [С.С.] Громеки самое ругательное письмо – все о театре. «Вы перехватили мою мысль, Вы подставили мне ногу, Вы давно уже против меня... Я губернатор, не позволю Вам оскорблять меня...» Так и видно, что умысел тут другой, а не театр...

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[початок травня] 1868 р.**

Ф. III, № 3501

/19/ /почерком Лебединцева/ 12 мая 1868 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Наконец, Гельтманн уезжает из Польши – в Киев пока. Не знаю, дадут ли ей там какой-нибудь приют. Желали видеть ее (может быть только для любопытства!) – вот мы с [В.В.] Беккером и отправляем ее туда. К [доктору] Беккеру, впрочем, никто не писал из Киева о присылке ее туда. Писала только Репнинская, но она просила его заботиться о ней – больше ничего. Как будет, так и будет; выехать ей из этих мест необходимо чтобы: 1, сколь-нибудь поправиться среди других обстановок, 2, ослабить, наконец, все более и более растущие, часто самые пакостные толки, 3, дать уже мне покой. /19 зв./ Теперь она в таком

состоянии, что лучше всего поместить ее в каком-нибудь семействе, конечно, симпатизирующем ей. Я принял бы участие в расходах на нее (она стоит мне уже около 700 руб.), но пора мне окончить свою специальность в этом деле. Я и без того разорился и потратил сил на несколько лет. Если я и виноват в этом деле своим простодушием и излишеством доброты, то я уже слишком наказан за этот грех. Пора простить уже меня. Теперь пускай несут ответственность за нее и воспитательницы ее. Каждый, близко узнав дело это, невольно выразит: «Эх, воспитание!..» Поломала ее затем и злосчастная доля с женихами и бесприютностью.

Теперь она вот в каком состоянии: обо всем говорит правильно, только на отношение ко мне путается, безумствует. Все, о чем она у подушки года-то мечтала, кажется ей действительностью, и она считает себя женою моею и толкует, что между нами были все отношения мужа к жене. [Доктор] Беккер ручается головою, что она чистая девица, и что любовь ее чиста. Впрочем, теперь все в ней стало спокойно. Пред посторонними она лукавит (обычное свойство помешанных) и представляет, что не интересуется мною. Пред всеми твердит, что имеет на меня права. Доктор и брат ее убедили меня видиться с нею (позавчера). Тяжко было для меня это свиданье после более двух месяцев. Меня слушала она, как бы любовно утопая во мне, но с бессмыслием. Всю правду о ней я высказал: обманывала меня от начала до конца, не слушала меня ни в чем, не имеет достоинства, за которое я полюбил бы ее, тяжело оскорбляет меня своими претензиями ко мне, обвинениями про-/20/тив меня и под. Все слушает, любовно-глупо улыбаясь, со всем соглашается, но твердит одно: «Женитесь на мне». То просит отдать Сережу, утверждая, что он от нее родился (из карточки Надиньки вырезала Сережу и приклеила на своей карточке), или по кр[айней] мере взять ее в гувернантки к Сереже. То вдруг шепчет, чтобы я уволился от службы и женился на ней. «А чем же будем жить?» – «Чем-нибудь». – «А Сережа?» Она и опустит голову. Вообще никак не может выбраться из засевшей в ней мысли, которая овладела лбом ее. Я ушел, оставив ее, как столб безгласную. Брат остался с нею и, как передавал мне, по-видимому, убедил ее ехать в Киев и заслуживать чью бы то ни было любовь честным трудом и добрыми поступками, а не просьбами и претензиями...

Другая сторона этого дела – полиция, жандармерия. После появления известно глупой корреспонденции «Вести», [генерал] Фридрикс⁶⁹¹ распорядился расследованием дела. Пошли собирать окрестными путями это дело, т.е. посредством раз[ных] пройдох. Собирали, собирали, наконец, [П.А.] Фридрикс признал необходимым сделать допрос самой Гельтманн (!). Ни меня, ни докторов не запрашивали, [генерал] Фридрикс не только не взял с собою доктора, отправляясь к ней, даже не предупредил о своем визите докторов. Вот их разговор (он лично передавал мне его). «Вы M[ademoiselle] Гельтманн?» – «Я M[ada]me Крыжановская». – «Вы замужем?» – «Нет». – «Почему же Вы называетесь M[ada]me

⁶⁹¹ Фредерікс Платон Олександрович (1828–1888) – генерал-майор, чиновник жандармерії, з лютого 1867 р. по грудень 1873 р. був начальником Варшавського жандармського округу.

Крыжановская?» – «По своим отношениям с ним». – «Дают ли эти отношения право претендовать Вам на замужество с ним?» – «Да, он обязан жениться на мне». – «Но говоря так, Вы бесчестите свое девичество?» – «Я знаю это». – «Почему же он не женится на Вас?» – «Потому что жена его еще жива». – «Кто же Вам сказал это?» – «Он сам; когда я сказала ему: женитесь на мне – он указал мне на портрет жены и сказал: вот у меня жена». – «Но она умерла?» – «Нет, ее только скрывают, так нужно...» И т.д., и т.д. Но что же? [П.А.] Фридрикс, сам уступивший свою жену другому, как товар, постоянно меняющий любовниц, порешил себе, на основании этого разговора, что вероятно, /20 зв./ я был в связи с Г[ельтманн]!!! «Помилуйте, да люди говорят многое. Вот, напр[имер], Вы платите теперь за содержание ее – с какой стати? Вряд ли Вы обязаны, она содержанка Ваша...» Такой мерзавец! [В.В.] Беккер пришел в бешенство, когда я передал ему этот разговор да намерение [П.А.] Фридрикса еще раз допросить Г[ельтманн]. Он тот час отправился к наместнику, объяснив все дело. Позвал [П.А.] Фридрикса. Два часа шли толки и объяснения, и наконец, наместник выругал [П.А.] Фридрикса, приказал ему не мешаться в это дело, меня одобрил за мое участие к ней и дал из своих денег 40 руб. сереб[ром] на дорогу Г[ельтманн], выразившись, что принимает со мной участие в содержании Г[ельтманн].

Что будет с нею в Киеве – напишите Бога ради.

Спешу на станцию – чтоб не вышло какого скандала при проезде Гельтманн мимо Седлеца.

Ваш покорнейший и искренно любящий Е. Крыжановский.

Шульгин-Шульгин!⁶⁹² Покажите ему мои письма о Г[ельтманн].

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
14 травня 1868 р.**

Ф. III, № 3501a

/21/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 20 мая 1868 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Мимо Седлеца Гельтманн проехала не только без скандала, но и совершенно спокойно – незаметно. Теперь она в Киеве. Как там приняли и устроили ее? Это весьма любопытно для меня. Но как бы не приняли, теперь я считаю конченною мою миссию в отношении к ней. Что бы ни произошло с нею за сим, для меня оно будет совершенно посторонним делом. Она уехала, как видно, с твердым намерением ждать моей перемены в отношении к ней, которую она надеется заслужить... *Idée fixe*⁶⁹³ ее или никогда не пройдет, или пройдет. В первом слу-/21 зв./чае я свободен от нее, во втором – она свободна от меня. Я

⁶⁹² Шульгін Віталій Якович (1822–1888) – цсторик, викладач Университету св. Володимира, видавець газети «Киевлянин». Також викладав в Інституті шляхетних дівчат, який закінчила Гельтманн.

⁶⁹³ *Idée fixe* – нав'язлива ідея (франц.).

готов оставить для нее в моей душе уголок христианского участия, как к постигнутой тяжелой несчастьем. Более сего я не могу сделать для нее ничего. Не могу теперь даже материально пособлять ей, потому что, по милости ее, все дела мои, в том числе и материальные, до того сильно расстроены, что я должен употребить самые крайние меры к тому, чтобы по крайней мере чрез год, полтора года стать на ноги.

Повторяю, не знаю как примут Гельтманн в Киеве. Судя по статье о ней в «Киевлянине», ее ожидает там рай. Рай... Но где же были Шульгин и Со, когда она, после смерти Фромета, не могла найти себе места, кидалась неудачно на разных женихов и до того оставлена была всеми, что никто даже не вникнул, зачем она едет в Польшу? Там часто приходилось ей слышать: «*Ma chère*⁶⁹⁴, вы умная, достойная девица, но – люди, свет... Конечно, вы поступили с неслыхан[ным] самоотвержением, просиживая дни и ночи у постели больного жениха... но холостой человек и молодая девица сидят по ночам...» Поневоле, для нее осталось одно прочное место – замужество. А тут неудачи за неу-/22/дачами: один почти жених на конец объяснений бросает ее (Богданов); другой, получив от нее какое-то письмо с объяснениями в любви, читает его пред товарищами, называет ее пустейшею девицею (Онацевич) – и т.д. Эти обстоятельства сломили ее. Не в здравом уме она задумала поездку в Седлец. Она до того была уверена в выходе за меня замуж, ч[то] две трети своих денег раздала родным, как ненужные ей. Поехала тотчас после смерти Надиньки... Одним словом, мне понятны предположения доктора, пользовавшего ее, что помешательство ее получило начало год-два тому назад.

А на меня теперь всю вину взваливают. Да еще как? Она сама кричала, когда ее брали из Седльца, что я имею с ней связь, что от меня у нее родится дитя, что я обещал ей жениться на ней, просил отказать Клемму и под. [Генералу] Фридриксу повторяла почти то же самое... Постороннему человеку как не поверить этим заявлениям? И жандармы хотели было поверить... Между тем, архиерею она хвалила меня так, что «выше и представить нельзя» (говорил архиерей). Как видите, знает на кого чем действовать. Когда брат ее узнал меня в Варшаве и начал пред нею утверждать, что я действительно б[ыл] хороший человек, она начала хвалить меня, а затем признаваться, ч[то] прежними отзывами о мне она думала побудить других заставить меня жениться на ней.

/22 зв./ По всей вероятности, она будет и у Вас. Я очень желал бы, чтобы Вы виделись с нею. При свидании обойдитесь с нею сурово. Напомните, что она толковала обо мне пред вывозом из Седльца, да пред больничною прислугою, да пред [П.А.] Фридриксом и разными др[угими] лицами; она успела во многих незнающих меня и ее навсегда заподозрить меня, поколебать прежнее доверие ко мне у моих начальников, подкосить мое здоровье так, что едва ли я стану на ноги чрез год-два, отнять у моего сына по кр[айней] мере 1000 руб. сереб[ром] (на нее я выдал до 700 р., да частые поездки мои в Варшаву соединены б[ыли] с значит[ельными] тратами), довести меня до такого тяжкого состояния, ч[то] я

⁶⁹⁴ *Ma chère* – моя дорога (франц.).

должен буду, мож[ет] б[ыть], на год расстаться с Сережею, чтобы спасти себя от ужасного скандала по причине моих огромных долгов – и пр[очее], и пр[очее]. Она имеет право только на проклятие мое и моего сына, да могилы Надиньки, она должна употреблять усилия, чтобы заслужить у нас прощение, снять с меня пятно, которое положила на меня своими безумнейшими претензиями. О любви моей к ней, тем более о женитьбе нет теперь речи. Я ей сказал при отъезде ее: «Ты требуешь, чтобы слепой непременно видел – вложи же в него новые глаза: произведи во мне любовь к тебе, затем создай во мне потребность жениться – тогда я женюсь на тебе...» Она поехала в Киев с твердой решимостью заслужить мою любовь... но только – спокойным пребыванием в Киеве! Нет, если она публично признает свою виновность предо мною и публично попросит у меня прощения, и тогда она только получит мое прощение, а до любви моей еще далеко ей!..

Дела мои в самом деле требуют самых энергических и необыкновенных мер к исправлению своему. Долги мои возросли до такой цифры, что страшно и сказать. Я мог бы угораздиться за них на поселение. Поэтому я решился на крайнее средство – расстаться на целый год с моим Сережею! Долго я боролся с этою необходимостью, но ради себя и его я должен сделать это. Здоровье мое так плохо, что все знакомые мои неотступно убеждают меня ехать /23/ или в Самару, ли за границу. Но куда же, как это не по моим средствам! Если уж мне суждено умереть в нынешнем году, то пускай же смерть решит все. Если же нет, то я и здесь займусь лечением. Буду жить кавалером⁶⁹⁵ – за год выбьюсь из долгов, тогда и Сереже копейку соберу. Не поступлю так – я страшно пострадаю, Сережа пойдет по миру. Вот мой план: отправить теперь же Сережу в Киев (куда Людмила Егор[овна] каждый день просится); затем написать Юлии Наркиссовне, дабы она к августу приехала за ним и взяла его с Людмилою Егоровною к себе до следующего лета. Оставаясь здесь и отпуская на них у Юлии Нарк[иссовны] по 50 руб. сереб[ром] в месяц, я могу затем уплачивать долгу средним числом от 150 до 200 руб. ежемесячно и так[им] обр[азом] выбьюсь из долгов за год. Здесь же я выдаю Люд[миле] Егоровне в месяц по 150 руб. на дом – с тем, ч[то] все, ч[то] будет в столе лишнего против обыденного – я и выдаю лишнее. Так[им] обр[азом], лишний человек за столом, гость, гвоздь в стену вбить, не говоря уже о ремонтировке вещей домашних, о платье, посуде и проч., и проч., это особый расход, на который большею частью не хватает остатка моего месяч[ного] жалованья. Одним словом, теперь сред[ним] счетом содержание семьи стоит мне от 250 до 300 руб. в месяц, по отправке же Сережи и отправке племянника и слуг (кроме лакея), расходы сократятся так, что из них ежемесячно до 170 руб. сереб[ром] буд[ет] идти на удовлетворение долга.

Итак, в последних числах мая ждите Сережу в Киеве. Людмила Егоровна мечтает жить у Колосовых, /23 зв./ там и Сереже будет хорошо в Роще.

А как тяжка мысль расстаться с Сережею! Но еще тяжелее другая мысль – подпасть страш[ному] скандалу за долги и пустить Сережу по миру...

⁶⁹⁵ Від польського *kawaler* – холостяк.

Искренно любящий Вас брат Е. Крыжановский.
14 мая 1868 г.
г. Седлец

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
1 червня 1868 р.**

Ф. III, № 3502

/24/ /почерком Петра Лебединцева/ 1868 г. 5-го июня

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Наделал я и Вам хлопот своими поганым делом с Г[ельтман] Цур ему! Да исчезнет оно навсегда.

Был у меня брат ее по пути из Киева. Из рассказов его видно, что 1, она не нашла в среде плакавших по ней ничего, кроме плаксивой болтовни. «Киевлянин» высказал от имени этого кружка столько сочувствия к ней, что казалось, ее встретят там с распростертыми объятиями. Однако на деле вышло совсем иначе... Черт же с ними! Пускай же теперь «Киевлянин» еще заикнется об участии «умной, благородной воспитанницы Киев[ского] института», – я не выдержу и, со слов Надиньки, опишу воспитание эт[ого] института, которое все дает своим ученицам /24 зв./ ничего положительного, кроме дороги к замужеству, или к сумасшествию. 2, Приятно было узнать, что Г[ельтман] соглашается ехать куда бы ни повезли ее – к матери или к брату в Саратов. Пускай едет, легче будет и ей, и мне.

Впрочем, вся эта история как-то больше и больше делается постороннею для меня. С течением времени, мож[ет] б[ыть], я и совсем забуду про нее. Жаль мне одного во всей этой истории, именно – что дружба Надиньки так печально поругана.

Но дело это еще и еще беспокоит меня. По поводу второй корреспонденции «Вести» толки и подозрения сильно встреपнулись. Где и как не бранят меня?! Седлец[кое] рус[ское] общество послало от себя протест против этой корреспонденции, я же послал краткое письмо [М.Н.] Каткову и письмо ко мне [В.В.] Беккера с засвидетельствованием помешательства С. Г[ельтман], и просил его напечатать и то, и другое. Для публики и то, другое будет иметь значение, но пред начальством моим я сильно пошатнулся. Я решился было осуществить давнее свое желание – уйти из Седлеца, и просил [Ф.Ф.] Витте переместить меня в Сувалки или в Келец. Но он отказал мне в этом, при множестве обоюдных любезностей, и предоставил мне отнестись к попечителям др[угих] округов, если бы я пожелал перевестись в один из них! Поехал я в Варшаву. Оказывается, что [Ф.Ф.] Витте спрашивал наместника, перемещать или не перемещать меня? Наместник решил: не перемещать. Когда я сидел у [Ф.Ф.] Витте, неожиданно входит Феофан и с плачем предъявляет одновременное получение им от /25/ Вас и от Волкова (из Воронежа) письма с известием о якобы

перемещении его в Воронеж[скую] гимназию (Вы, вероятно, знаете, как поступил [Ф.Ф.] Витте с Феофаном в Холме по делу его с Ноллихою). [Ф.Ф.] Витте сказал, что ему ничего об этом не известно, что если бы в министерстве затеяно было что-нибудь подобное, то он ни за что не допустит этого и готов сам выйти в отставку, если бы министр вздумал пойти против него. «Уж не обо мне ли, а не о Феофане, думают там?» – перебил я. «Очень может быть, это гораздо скорее. В таком случае, если Вам угодно в Воронеж, я согласен». Передернуло меня. Переход с 4 т[ысяч] на 800 руб. слишком ужасен, хотя Воронеж и манил меня. Решено: спросить Данила [Гавриловича], есть ли в министерстве какая-либо мысль о перемещении меня или Феофана. Послали мы телеграмму. Феофан остался ожидать ответа, и если ответ будет неопределенный или хоть немного подозрительный для него, он поедет в Петербург. Я же поехал в Седлец, предав себя в волю Божию, которая всегда меня хранила в бедах и напастях. Приехав домой и посоветовавшись с добрыми людьми, я порешил: сидеть на месте и ждать, пока не заставят уйти, сам же не пойду.

Но люди-люди! [А.Л.] Стефанович, со времени скандала, учиненного Г[ельтман], сдружившийся прежде с Бекман по обычаю своему подбирать себе партию, приударил решительно за дочерью ее, так что в Варшаве объявили своим родным о предстоящем браке M[ademoise]lle Бекман с ним. Пошли затем происки родственников их – Паткулевых, ахи и вздохи о том, будто я малоспособен и только порчу дело, что [А.Л.] Стефанович гениальный человек, но задавленный мною, и проч., и проч. [Ф.Ф.] Витте говорил мне, что «тут уже положительно уверены в том, ч[то] он женится ([А.Л.] Стефанович же уверяет здесь, ч[то] нет), дело у них зашло так далеко, что я уволю его тот час, если он не женится... Тут... Тут... Как хотите, он подлый человек!» (Какой толк иметь этот отрывочный пассаж? Простой: около [Ф.Ф.] Витте ходят, чтобы он посадил на мое место [А.Л.] Стефановича!) Бекман – родная сестра [А.В.] Пат-/25 зв./куля жены. [Барон] Паткуль⁶⁹⁶ воспитывался с государем и в каком-то родстве с Адлербергом⁶⁹⁷... Теперь понимаете, почему [А.Л.] Стефанович женится... (Бекмановы в[есьма] бедны) Не удалось взять за первую женою богатства, возьмет за вторую многое... Первая жертва на этой дороге его – я, так как служба Бекман в Седлце выгодна. Понимаете теперь, почему при нынешних моих обстоятельствах я усиленно желаю перемещения в другую дирекцию. К сожалению, [Ф.Ф.] Витте не хочет поменять меня с кем-либо из директоров. Что делать! Буду сидеть здесь и буду сильно бороться...

Нас с Феофаном представили к чину статского, но министерство отказало и высчитало, что этот чин следует Феофану в будущем, а мне в 1876 году! Здесь не нашлось что возразить и просили для нас по Анне, да еще и с коронами. Не в такую бы пору представлять нас, откажут. Обоим нам как-то разом не везет. Разом Бог отнял у нас самое лучшее наше утешение в жизни, разом прихлопнул нас

⁶⁹⁶ Барон Паткуль Олександр Володимирович (1817–1877) з 1841 р. одружений із Марією Олександрівною, донькою маркіза де Траверсе (1822–1900). Її сестра Аліна (1824 р.н.) була дружиною А. Бекмана.

⁶⁹⁷ Напевно, граф Адлерберг Володимир Федорович (1791–1884) – міністр двору.

снова после начавшегося примирения с судьбою. Хлопушка и ему, и мне досталась – от женщин, как бы для того, чтоб мы еще более ценили своих жен и горевали по ним. Но моя хлопушка слишком уж громка и слушком оглушительна! Вынеси нас, Боже, и из этого горя. Помолитесь о нас усердно.

Уният[ские] дела наши подвигаются ко благу. Над [о.] Куземским совершенно уже все предварит[ельные] католичес[кие] (по катол[ическим] законам) процессы, и он ждет только номинации от государя, чтоб посвятиться и приехать в Холм. Номинация ожидается на днях. 11-го мая, в храмовый день униятской церкви в Седл[ецкой] гимназии, мы попировали, послали с [С.С.] Громекою депешу ему поздравительную. Он отвечал нам яко будущий епископ наших униятов. Фанатики наши трясутся, чуя для себя недоброе. Впрочем, [о.] Куземский при стойкости в народ[ных] началах, крепко держится Рима. Пускай себе держится, он уже стар, только бы [о.] Попеля избрал себе викарием, о чем будут употреблены все старания.

/26/ Польские дела сидят смирно. Здешние поляки не имеют ни денег, ни сил, ни охоты воевать, решительно не верят возможности повстанья. Если бы кто другой воевал за них, да с надежными силами, тогда только они поднялись бы. Шайки по границам с Галицией действительно приготавливались, но австр[ийское] правительство должно было, по требованию нашего, принять против этого меры, и теперь там притихли все замашки повстанские. Разумеется, между молодежью множество охотников повставать. Но это самые негодные ни к чему мальчишки. Они все мечтают о легионах Лангевича⁶⁹⁸. На днях пропал из Седлеца сын одного чиновника, исключенный в прошлом году из 5-го кл[асса] гимназии. Теперь полиция нашла у отца письмо, из которого оказывается, что он бежал в Краков, а оттуда отправлен в легионы. Письмо показывает, что бегут т[аким] об[разом] многие, Краков для них сборный пункт, там существует что-то вроде комитета для приема и пересылки по назначению так[их] господ. Изредка и здесь открывают ничтожные, впрочем, запасы пороха, пуль и под. Но это здесь всегда бывает. Толкуют все о примирении с поляками. Глупее нет толков. Они думают об одном: удалить отсюда всех русских, достигнуть того же, чего достигла Венгрия, а там... На крестьян плоха наша надежда. Побольше сюда русских, тогда и примирятся.

Не знаю, как и подступить к Людмиле Егоровне, чтобы она согласилась ехать с Сережею в Юлии Наркиссовне. Без нее Сережа ни за что не учился бы где бы то ни было. Да и я не согласился бы иначе на переезд его к ней. По всему вижу, что она не захочет. Я готов увеличить ей жалованье до 400 р. сер. – Сережа очень привык к ней, да и она смотрит за ним хорошо. Ныне она очень дуется на меня. Получивши /26 зв/ письмо Ваше с решит[ельным] советом отослать Сережу к Юле, я, на любопытство Людм[илы] Егоровны, сказал ей, что пишет о Гельтман, прибавил: «Тут еще пишет об одном деле, но об этом я скажу Вам после». Она пристала с любопытством, что пишется о поездке в Киев и о житье у [о.] Колосова.

⁶⁹⁸ Лангевич Маріан (1827–1887) – польський військовий, останній очільник Січневого повстання. Емігрував; у 1867 р. переїхав до Османської імперії, вступив на військову службу і намагався створити польський легіон.

Я отвечал, что об этом ничего, но что – признаюсь ей – я стесняюсь допустить, чтобы Сережа жил с нею у [о.] Колосова: «Он мне ни сват, ни брат, я всего однажды только был у него. С какой стати Сережа поселится у него на два месяца и больше?» Она стала на все лады оказывать противное. Я сказал ей, наконец, что согласен на житье у [о.] Колосова только на короткое время, и единственно под условием, чтобы Вы оттуда... Но об этом после скажу. Пристала она ко мне с сильно задетым любопытством. Но я не сказал. Тут пришли ко мне люди, я заговорился, положил письмо Ваше вместе с другими тогда же полученными на стол в своем кабинете и ушел. Возвращаюсь домой – Людм[ила] Егор[овна] оч[ень] дуется, не отвечает мне. «Что с Вами?» Молчит. «Голова болит?» Молчит. Я ушел и больше не выходил из своей комнаты. На др[угой] день [А.И.] Линниченко рассказал мне, в чем дело. Она с плачем созналась, что прочитала письмо Ваше и сильно обижена, что я лгу на нее пред Вами, будто она расходует у меня 300 р.с. в месяц. [А.И.] Линниченко отвечал ей, что все видят, ч[то] у меня ежемесячно расходов около этого, и все видят, ч[то] 150 руб. вам дают только на стол и слуг, ч[то], вероятно, Петр Гаврилович, выражаясь, ч[то] она расходует о 300 руб. сер., предполагает, что она полная хозяйка в доме (да так и есть), и потому должна она знать про все мои расходы и не допустить, чтобы их было так много. Она сказала ему, что будет писать к Вам, прибавив: «Только бы мне достаться до Киева, а там Бог с ними, на что мне все эти хлопоты...» Не знаю, писала ли она к Вам, но я отложил поездку Сережи в Киев до каникул. Со мною доселе обо всем этом ни пол слова, а я – как ни в чем ни бывало.

Все еще не знаю, буду ли я в состоянии приехать в Киев. А как хотелось бы! Целую зиму я только и живу этою мыслию. Теперь тяжело-больно мне буд[ет] на могиле Надиньки! А главное, со всех сторон только и будет расспросов, что про Гельтманн... Бог да устроит, яко же волит!

Искренно любящий Вас, покорнейший слуга и брат Е. Крыжановский.

1 июня 1868 года.

[А.И.] Линниченко хочет ехать 10[-го], Володимирова 16[-го]. Этих чисел и Сережу бы в Киев выслать. Володимирова все что-то киснет и киснет, аж досадно. Бекман терпеть ее не может за то, что она всюду в городе принята, особенно у [С.С.] Громеки, как своя, тогда как та оторвана [А.Л.] Стефановичем от всех.

Андрій Гаврилович до Петра Гавриловича

[Початок літа 1868 р.]⁶⁹⁹

Ф. 154, № 61

/15/ Любезнейший брат Петр Гаврилович!

Более чем полугодовым опытом я удостоверился, что проект переселения моего, за приспешением меня, недостаточно в свое время ни мою, ни кем следовало был обсужен. Остается одно: чтобы не удобрять Царства Польского

⁶⁹⁹ Переехал в Грубешов приблизительно в октябре 1867 года.

костями нашими, бе- /15 зв./ жать из него, не теряя много времени. Через сколько времени? Это будет зависеть от того, в какое время можно уговорить митрополита Киевского на принятие меня обратно в край родной, и в какое время может открыться в нем обеспечивающий существование наше приход. Причин, побуждающих уходить, много, и есть весьма серьезные. Позвольте упомянуть хотя о некоторых.

Самая главная – невыносимость климата страны и особенно города Грубешова, утопающего в грязях, /16/ из коего ни летом, ни зимой не можно ни выехать, ни выйти. Вторая – не менее важна первой, невыносимость квартир сего города и безнадежность в каком-либо более близком времени дожидаться квартиры настоятеля церкви, как и о самой церкви проект, еще новейший, в сем только месяце поступил, или только поступит, чрез Люблинское губернское правление на рассмотрение центрального министерства обширной империи Российской. /16 зв./ Если проект утвердят хотя за сим разом, то пройдет не краткое время на вызов со всех концов земли Русской подрядчиков на казенную работу; три переторжки; заготовление материалов; и затем работы. И по окончании работы церкви тогда только можно поднять вопрос о церковном доме. Покуда все это пройдет, много воды из р[еки] Гучвы уйдет, много и здоровья уйдет; а может, и самая жизнь моя. А после нее какая участь тех из моего семейства, кто еще уцелеет!..

/Без закінчення/

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
11 червня 1868 р.**

Ф. III, № 3503

/1/ Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Итак, Сережа⁷⁰⁰ отправляется в Киев – на целых два месяца. Приеду ли туда сам я, или не приеду – пускай хотя он побывает. Побывать на могиле мамы, видаться с Вами – вот и вся цель поездки его. Примите же его любовно и будьте ему пестуном и хранителем. Не будь там Вас, конечно, я не отпустил бы его и на один день. Что мне [о.] Колосов и Терновские? Ни сваты, ни братья, даже не приятели. Долгой борьбы с самим собою стоило мне решиться отпустить его с Л[юдмилой] Е[горовной] на жительство к ним. Я решился на это только потому, что у /1 зв./ Л[юдмилы] Е[горовны] за полутора почти месяца все вещи сложены были в чемодан, и каждый день только и речи, что про «нетерпеливые» ожидания Терновскими «Сережи», только и дела, что новые и новые капризы, претензии да жалобы пред всеми на то, что я не сижу дома, не забочусь о Сереже, не хочу доставить ему удовольствия, отпустив его «прокататься в Киев» и под. Решившись на эту поездку, я между прочим имел в виду просить Юлию Наркиссовну приехать в Киев и взять его к себе. Но когда я, наконец, сообщил этот план

⁷⁰⁰ Сину Юхима Михайловича, Серьожі, було неповних 6 років (народився 29 серпня 1862 р.).

Люд[миле] Е[горов]не, она наотрез отказалась от переезда к Юле, несмотря на то, что я предлагал ей увеличить жалованье до 450 руб. сер., имея в виду, что Сережа крепко привык к ней и без нее он не поехал бы к Юле, а если бы и удалось сманить его, то он сильно скучал бы без нее. Ну, пускай будет, как есть. Пускай по кр[айней] мере побывает «у мамы» и у Вас.

/2/ Мой приезд в Киев будет зависеть от двух обстоятельств: от финансов и от судьбы Гельтманн. Если последняя будет там, я не поеду, хотя бы финансы мои были и в блистательном состоянии, иначе могут выйти неописанные скандалы. Финансовые же судьбы мои будут зависеть от возврата мне казною 600 руб. сер. эмеритуры, что ожидается к концу июля (уже 7 месяцев водят).

Феофан, получив от Данила [Гавриловича] телеграмму не с положительными уверениями, поехал в Петербург.

Еще раз прошу Вас – будьте Сереже вместо меня, пока он будет в Киеве. Наказываю им почаще бывать на Щекавке и у Вас, быть хотя по разу у некоторых из бывших наших знакомых, само собою и у Сусанны Ивановны (наговорится там Л[юдмила] Егор[овна] обо мне!!!)

Прощайте. Сережу поласкайте. Ваши ласки не наемные.

Искренне любящий Вас, всею душою присущий в Киеве

Е. Крыжановский.

11 июня 1868 года.

г. Брест

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича

12 червня 1868 р.

Ф. III, № 3426

/9/ Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Я уже 8-мь дней в Петербурге и сегодня уезжаю в Москву, откуда снова чрез Петербург возвращусь в Холм.

Совершенно на выезде спешу написать Вам несколько строк.

Был по начальству, везде приняли очень ласково и весьма почтительно. Слуху о перемещении моем здесь никакого не было и нет. [И.Д.] Делянов⁷⁰¹ в прошлую пятницу приглашал меня на обед, что, как замечает Даниил Г[аврилович], не в правах петер-/9 зв./бургских панов и означает великую честь. За обедом он был особенно внимателен ко мне. Слава Богу, если все это искренно.

Даниил Г[аврилович] по обыкновению, говорят, хандрит, но приезд мой много развеселил его. Душевно рад и благодарю Бога за сие. Живет он весьма прилично и в довольстве, получая жалованья 3 000р

В Холм надеюсь возвратиться к 25-му июня, откуда и буду подробно писать.

А теперь прощайте. Будьте здоровы и благополучны.

Искренне любящий брат Ф. Лебединцев.

⁷⁰¹ Делянов Иван Давидович (1818–1897) – товариш (заступник) министра народної просвіти у 1866–1882 рр., длі – міністр.

12-е июня 1868 г.

г. Петербург.

/10/ [Преосв.] Нектарий Вам кланяется. Устав академий на днях будет предан на обсуждение публики. [Митр.] Исидор болен. [Г.П.] Родзаевский⁷⁰² скончал от пьянства.

400 дам подавали просьбу об открытии университета женского, но министерство отказало.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича

26 червня / [8 липня] 1868 р.

Ф. III, № 3505

/1/ 26 июля июня 1868 г.

г. Седлец

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Письмо Ваше нисколько не утешило меня. Напротив, оно еще сильнее возбудило во мне желание скорейшего возвращения Сережи в Седлец. Никогда уже не сделаю такой глупости. Пишу к Людмиле Егор[овне], чтобы поскорее выезжала⁷⁰³. Не состоялся мой план, ради которого я решился жертвовать присутствием Сережи, не нужно было и отпускать его, а дождавшись конца июля, самому ехать с ним в Киев. Не могу быть покойным, что он не со мною, и что я подчинил его и свою любовь к нему капризу женщины, не понимающей ничего в родительских чувствах и нимало не сочувствующей интересам моего дома, но самые священные мои отношения ставящей ниже своих корыстных побуждений. Ошибка, ошибка моя! Я не знал, что сознание так будет карать меня за эту ошибку. Мне не следовало уступать капризу Люд[милы] Ег[оровны], а ее самую вразумить. Может /1 зв./ быть, я не имею права требовать от нее пожертвования своими личными интересами моим семейным наклонностям. Не прощу себе этой ошибки. Если бы Люд[мила] Ег[оровна] отказалась ехать в Седлец раньше августа, я сам приеду за Сережей. Денег я решил не посылать до получения точных известий о результатах этих моих требований, чтоб часом не разминутись с ними в дороге. Пишу Люд[миле] Егор[овне], чтобы на дорогу употребила свои деньги, которые я возвращу ей. Если бы она отиралась неимением денег, не решаясь ехать, дайте ей денег рублей 75, я немедленно возвращу их Вам. Только, пожалуйста, гоните их поскорее. Жду их не позже 10 июля. Месяца довольно ей для свиданья с киевскими знакомыми. Повидалась, наговорила – и довольно!

Сережа очень привязался к ней – это правда. Но он так же привязан был и к предшественнице ее – грубой б[ывшей] экономке нашей. Две недели пришлось отрывать его от нее и приучать к Людмиле Егор[овне] – ничего не помогало. Я употребил такой маневр: поставил их всех троих вместе и сказал Сереже строго:

⁷⁰² Товариш Петра Гавриловича і Арсенія Гавриловича по КДА.

⁷⁰³ ІР НБУВ. Ф. III, № 3504.

«Ты должен отселе быть только с Люд[милою] Егоровною, Мария Фед[оров]на (экономка) больше не наша – слышишь? Чтобы я не видел тебя с нею». Он заплакал и – буквально прирос к /2/ Людмиле Егоровне так, как и доселе. А прирастет он к нему – нельзя не любить его от всей души, столько в нем мягкости, симпатии! Никакой нет мне причины думать, чтобы Люд[мила] Ег[оровна] заслужила эту привязанность его; напротив, она полюбила его за привязанность к ней.

С хозяйством своим я порешил так: нанял повара – дал ему квартиру, кухню, дрова и 50 руб. в месяц, а он обязан давать всему дому моему обед и усчитать по списку кушаньев, какие я буду каждый день назначать. Засим, думаю, что рубль сер[ебром] в день на сахар, чай, свечи, булку к чаю и под[обное] достаточно. Так[им] обр[азом], в экономии будет у меня руб[лей] 40 ежемесячно от прежних расходов, да и стол будет человеческий, а не собачий.

С планом Вашим относительно Сережи я не согласен. Один план не состоялся, другой возможен только один – поскорее Сережа пускай едет ко мне.

Какие впечатления произвело в Киеве появление в «Моск[овских] вед[омостях]» «протеста» письма моего и Беккеровского – по делу Гельтманн? Любопытно. Что-то [В.Я.] Шульгин не отвечает мне. Мастера они поболтать в газетах, а как придется взяться за дело – спасовали! Писать /2 зв./ и делать – вещи разные, даже писать и серьезно рассуждать – розь.

На днях я изумлен был одною просьбою. Вы, конечно, помните сочинение «О примирении православия с современностью» и автора его архим[андрита] Федора⁷⁰⁴? Этот бывший архимандрит теперь, умирая с голоду, просит места вольнонаемного писаря или учителя в сельской школе!!! Я и руки опустил, выслушав такую просьбу от агента его, так же расстриги и также воспитанника Казанской академии, служащего в Варшаве поверенным [книгоиздателя] Кожанчикова и нарочно приезжавшего ко мне с этою просьбою. Рвусь пособить ему чем-нибудь, но – нечем. Вольного найма не существует у меня, должность учителя все-таки дает некот[орые] права государств[енной] службы, которой он не может занимать целую жизнь. Пишу, впрочем, к [Ф.Ф.] Витте, как он посмотрит. А есть места учителей в 400 руб. сер. с каз[енной] квартирою – «содержание, за которое он руки целовать будет», – говорил агент его. Имея жену и дочь, будучи исключительно книж[ным] человеком, не имея права жить в столицах, не умея писать для светских журналов, не принимаемый ни в одном духов[ном] журнале, он с голоду умирает (тесть решительно отказался от него и жены его).

Искренно любящий Вас брат и покорнейший слуга Е. Крыжановский.

⁷⁰⁴ О православии в отношении к современности, в разных статьях архимандрита Феодора / Издание журнала «Странник». М., 1860. 334 с.

Колишній архімандрит Феодор (Бухарін; 1822–1871) – колишній викладач МДА і КазДА, колишній Санкт-Петербурзький духовний цензор. Як цензор опинився у конфлікті із редакцією «Русской беседы», з подачі якої у нього вилучили недописану працю – толкування на книгу Апокаліпсису. Склавав з себе монашество, одружився, перебивався випадковими літературними заробітками.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
1/[13] липня 1868 р.

Ф. III, № 3506

/1/ Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Доселе ничего я не знаю о результатах письма моего к Вам (а также к Людм[иле] Егор[овне] и к [А.И.] Линниченко), которыми я звал Сережу обратно в Седлец. Сегодня минуло уже 11 дней, как Володимирова, повезшая это письмо, находится в Киеве, и пора бы уже мне знать о действии его. Разумеется, Людмила Егор[овна] заартачится, пускай артачится, я больше тревожусь. Гоните их; посидела, увиделись, ну и довольно. Для три тому я получил от нее письмо, состоящее всего ровно из 48 слов. Оно еще больше /1 зв./ потревожило меня. Такая глупая безучастность к моему состоянию! Будто Сережа – ее собственность, а не мой единств[енный] сын, пущенный на ее руки в далекие места, будто мне и не нужно знать о нем больше того, чем говорят эти 48 слов, написанных крайне небрежно. Пожалуйста, высылайте их в Седлец. Мне так скучно за Сережей и так страшно видеть его на руках женщины, не больно уважаемой мною, что при первой вести об оппозиции ее этому моему желанию я немедленно сам поеду в Киев.

Как глаза Ваши? Частенько-таки возвращается к Вам эта болезнь. Спаси Вас, Боже, от этой беды раз навсегда.

Ничего ни от кого не слышу о Гельтманн. Что же [В.И.] Шульгин не сообразовалит написать мне или в «Киевлянине» /2/ хотя несколько слов? Бросить камень в воду легко, но вынуть его из воды – видно, не легко? Здесь дело это производит такие раздоры, что я готов сказать всем: «Бросьте меня в море, и утишится буря»⁷⁰⁵. Жандармы, поддерживаемые [генералом] Фридрихом⁷⁰⁶, хотят доесть [С.С.] Громеку, который взвалил на них (и справедливо) всю вину появления корреспонденций «Вести». Грызота большая. Никто жандармов в дом не принимает, руки не подает, да и тем, кто бывает у них (всего трое). Они бесятся и интригуют другими делами, а [С.С.] Громека пишет наместнику. Чем кончится все это? Жандармы что-то новое затевают, пот[ому] что выписали корреспондента «Вести» ([С.С.] Громека тотчас об этом написал наместнику). Это было два дня тому. Вообще, дела такого рода, что от всей души хотелось бы переселиться куда-нибудь (на равное место).

[А.Л.] Стефанович, провожавший своих товарищей, уехавших на каникулы, уверениями в том, что был бы подлецом, если бы женился, /2 зв./ позавчера подал мне прошение о выдаче ему свидетельства на женитьбу. Свадьба назначена на 19 июля. Надул, значит, всех их. Приедут и застанут уже чуть не месяц женатым! Вот человек! Видно, нечестные побуждения привели его к этой женитьбе, если так тяжело было признать ее на глазах товарищей. Жалкая роль

⁷⁰⁵ Иона

⁷⁰⁶ П.О. Фрідрекс (див. лист, написаний на початку травня 1868 р.).

жены, на которую смотрят как на кобылу, способную вывезти туда, куда нет ему самому выбраться...

[О.] Куземскому дали 6000 руб. сер. на подъем, 4000 на первонач[альное] обзаведение, полную архиерей[скую] ризницу, к жалованью (5250 р. сер.) прибавили ежегодно по 2000 руб. сер. Что скажут на это наши архиереи? Всякий из них, верно, пожелал бы принять унию на этот раз. Не шутя, кто не удивится, что своих архиереев мы сажаем на нищенские оклады, а иноверных так великолепно обставляем! А [о.] Куземский – строгий папист! Одна надежда на возвращение с лихвою этого капитала – это преданность его рус[ской] народности и ожидаемое избавление правительства от черт знает какой траты капиталов в возне с полонизациею. [О.] Куземский поразил в Варшаве всех и наместника своим умом, особенно смелым и гордым обращением с панами мира сего. Вошел к наместнику в кабинет, будто в свой собственный, держал себя с ним – будто с членом своей консистории. Тут он потребовал, чтобы к 6000 р[ублей] с[еребром] ему прибавили еще 4000, чтобы дали ему лучшие обстановки, встречали бы на границе и провожали верхом с почетом и проч., и проч.

/2 зв. збоку/ Сегодня 1 июля. Желаю Вам выиграть 2000 сер. Сегодня все русские радуются прекращению действий Комиссии внутр[енних] дел и избавлению от [Р.И.] Брауншвейга, бывшего большим злом для рус[ского] дела в здешнем крае. Немцы продолжают получать майораты.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
[2]/14 липня 1868 р.

Ф. III, № 3427

/11/ /олівцем/ [1 июля 1868 г.]

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Вы знаете уже о новом страшном ударе, поразившем меня неожиданно-негаданно. Эту ужасную весть я получил в Варшаве на третий день после смерти Алешы. Опять ровно в 12-ть часов ночи я полетел я из Варшавы, но уже не застал ни живым, ни мертвым моего возлюбленного первенца, так много меня утешавшего в моей неисходной скорби и так много надежд подававшего своим физическим здоровьем и большими задатками богатых умственных дарований. Удивлявшая всех и меня более всех его бойкость и резвость, крайняя любознательность и пытливость, доброта и нежность, наследованные от матери, и этот звонкий, серебристый голос, которым он утро и вечер распевал мне молитвы – все это развивало во мне новую сильнейшую привязанность, будило надежды, вливало отраду в отягченную скорбию душу. И все это исчезло, в дребезги разбилось. Исчезла традиция семейная, так живо в его детской памяти сохранившаяся и будившая во мне каждый раз целый ряд самых высоких сладостно-грустных чувств. Что осталось мне в этих двух малютках, из которых /11 зв./ одно едва на ноги поднялось, а другое валится с ног?

Я приехал на другой день после погребения Алеши. Коля и Сапа переселены были в квартиру [С.А.] Дахновича. Полночь, всюду пустота, как будто слышался еще запах ладана и виделись милые, навеки отлетевшие призраки... Ужасающая ночь! Что перенес я в эту ночь и следующие три дня, того и сам представить не могу. Я потерял голос, едва видел сквозь опухшие глаза. Неиспытанные страшные думы и чувства подымались в душе. Я перебрал весь мир христианских и человеческих убеждений и ни в одном из них не нашел утешения, ибо после всего выступал в душе страшный вопрос: что если это хитросплетенная сеть, придуманная человечеством в долгие веки его тяжких страданий для собственного утешения? Никто так не утешает себя, как сам страждущий, ибо никто же плоть свою возненавидит... Меня одно остановило и на том я остановился – что не следует ни к чему привязываться. И вот смиренно склоняется седая голова моя пред сокрушающею судьбою, и об одном молю Бога, чтобы он дал мне силы холодными, бесстрастными очами смотреть на мир и жизнь.

Алеша умер от крупы, Коля едва не умер. О болезни Коли Мария Ф[едоровна] писала в Петербург, но мне не показали этого письма. Говорят, будто никаких средств не было спасти Алешу, но как отец по крайней мере я положительно этому не верю. Сам доктор говорит, /12/ что с вечера пятницы и до утра воскресенья он не подозревал в нем крупы и лечил от катара, а между тем в городе была эпидемия крупозная, и Коля был в крупе. Неужели были лучшие указания? Но что и говорить...

При моем состоянии душевном рано еще передавать путевые впечатления, с тою подробностью, как я их передаю. Скажу нечто вкратце. В Петербурге я не заметил ни европейского, ни немецкого преобладающего характера. В массе та же русь со всеми ее простыми и грубыми формами. В Варшаве не рыгают на улице, не валяются и не пакостят, равно не ругаются, не дерутся и не обдирают. В Москве я вспомнил [П.К.] Щебальского⁷⁰⁷ – что она могла лишь произвести нескольких ересиархов, а в Лавре и Вифании продолжил Маркиана Демьяновича: И теперь здесь пустыни, и теперь здесь живут звери. Поясню это фактами впоследствии.

По делу своему, как и писал, ничего не проведаль. Кажется, что этот слух из Польшу и основания никакого не имеет. Для меня выигрыш тот, что, во 1-х, [Ф.Ф.] Витте написал обширный мне панегирик, читая который, [И.Д.] Делянов с улыбкой заметил: «Все это об Вас, да впрочем, все это мы и прежде знали», во 2-х, [И.Д.] Делянов простер свое внимание до того, что не только два раза на обед приглашал, но и визит мне сделал, хотя дома не застал. Так[им] об[разом], на всякий случай и [Ф.Ф.] Витте не светлое око выступать про-/12 зв./тив меня, да и те-то видели меня. Здесь опять пущены слухи о моем перемещении – кто переводит в Седльце, кто в Калиш, а кто в помощники попечителя неизвестно куда; но я, наученный тяжким опытом, решил не давать веры пустым басням.

⁷⁰⁷ Щебальський Петро Карлович (1810–1886) – історик і публіцист, з 1871 р. займав посади начальника навчальних дирекцій у Польщі (Сувальської і Варшавської).

Губернатора нашего смещают едва не каждый день, а он сидит себе преспокойно. Если, с одной стороны, нельзя быть равнодушным к этим слухам, то с другой, надо быть твердым иначе жизнь – каторга.

Вчера послал Вам телеграмму, теряя надежду написать письмо. Цель была дать весть о себе, но и дело делом. Особенно нужен, и очень скоро, причетник из окончивших. Если он дельный человек, может проложить себе какую-угодно дорогу. Диакон наш выйдет в Люблин как только последует разрешение на штатную диаконскую там вакансию. И вот первый исход, а диакону 500 р. жалованья и квартира с отоплением и освещением. Диакону может быть придется иметь уроки в низших классах женского училища и за то плату, если не удастся добиться 3-го законоучителя, на что [И.Д.] Делянов надежды подал. Если избранный Вами кандидат будет знать хорошо ноту, поручу уроки пения в женском училище за 250 р., если же будет хороший писарь, всего может иметь 200 и 250 р. за занятия по канцелярии в гимназии или пед[агогических] курсах. Регент требуется особенно хороший, и чтобы знал не только ноту вообще, но и простой напев в частности, а также чтобы на скрипке играл. Жалованье учи-/13/теля пения в пед[агогических] курсах 500 р., и в женском училище 250 р. может быть соединено, смотря по достоинству учителя. Что до письмоводителя, то меня интересует не знание, а способность. Хорошо, если бы это был окончивший и, конечно, с хорошим почерком. Я употребил бы его в свою канцелярию, назначив одного из чиновников моих письмоводителем. Что хороший субъект здесь не засидится, в том нет сомнения. В настоящую пору место письмоводителя праздно в Замостье, а чрез месяц или два опростается в Люблине на 500 р. Хорошо, если бы пишущий вместе был и поющим, таковых бо ищем.

Посылаю объявление об учительских местах, которое прошу напечатать в «[Киевских] еп[архиальных] ведомостях». Это же объявление пошло в Полтаву и Чернигов. У меня 11-ть двухклассных училищ, и как теперь жалованье возвышено до 400 рублей, то бывшую часть учителей старших я хочу заменить лучшими. Трудно, конечно, среди курса рассчитывать на множество охотников, но довольно, если двух или трех обрящу.

За книгами в Галицию я послал и думаю, что скоро будут. [О.] Войцицкий получил пенсию в 3 000 р., след[овательно], выиграл лучше всех. [О.] Куземского никак не посвятят. Ждут буллы, которая теперь должна быть в Петербурге на разрешении у [министра] Тимашева⁷⁰⁸, а может быть, уже в Львове. Скверно, что в Львове затеяли ряд празднеств по поводу объявления [Иосафа] Кунцевича святым. Каково при этом [о.] Ку-/13 зв./земскому, который должен распрощаться с [Иосафом] Кунцевичем, лишь только переедет границу? А распрощается ли после такого напутствия? Дай Бог, чтобы я ошибся, но какой-то тайный голос говорит мне против [о.] Куземского. При его прямоте трудно верить, чтобы он ездил в прошлом году в Рим не по убеждению и влечению, а так только политике и чтобы добиться Холмской кафедры. Что если он папист, хотя и русский? Ему готовят встречи, в каждой царине, посылают депутатов в Львов, на границу, а

⁷⁰⁸ Тимашов Олександр Єгорович (1818–1893) міністр внутрішніх справ у 1868–1878 рр.

Холм съедется всякое чиновначалие, начальник уезда с вийтами встретят за городом и затем он в митре и мантии с посохом пройдет по всему городу. Обещают прибавку к жалованию, звание сенатора и 6 000 р. подъемных. Все это хорошо, но можно опасаться, что потом зазнается и справиться будет мудрено.

Satis jam⁷⁰⁹.

Будьте здоровы и благополучны!

Искренно любящий брат Ф. Лебединцев.

14-е июля 1868г.

г. Холм

Мария Ф[едоровна] и Саничка нижайше Вам кланяются. Здоровье Коли серьезно беспокоит меня. Кроме ослабления физического, у него глубокая тоска по Алеше, которым он, можно сказать, жил.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
15/[27] липня 1868 р.

Ф. III, № 3507

/1/ /оливцем/ 15 июля 1868 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Никак не ожидал я, чтобы мне пришлось быть так обманутым в планах моих о поездке Сережи в Киев. Людмила Егоровна так расписывалась о нетерпении, с каким ждут ее [о.] Колосов и Терновские, об обстановках жизни, готовленных ей ими, твердила, что [о.] Колосов настоятельно зовет ее, отводит ей две комнаты, дает все содержание, что все будут бесконечно рады ей и Сереже и под. Как же она глупа, чтобы не сказать более! Дал я ей в Бресте 125 руб. сер., обещал выслать на дорогу из Киева еще столько же. И эти деньги все одно, что в воду брошены. А вечно твердит, что моя /1 зв./ копейка ей дороже, чем своя. Если бы она подумала да приискала себе место в Киеве – хорошо сделала бы. Не сойдемся мы с нею, кажется, никогда.

Так или иначе, но я решился поскорее Сережу вернуть в Седлец. И крайне скучно мне за ним, и глубоко досадно, что я отпустил его в далекую дорогу на руках легкомысленной женщины. С планом Вашим относительно поручения Сережи Сусанне Ив[ановне] я не могу согласиться и на один день. Одной Юлии Наркиссовне поручил бы, и то не более, как на год. Так и преследуют меня теперь повсюду слова Надиньки: «Когда я умру, не отдавай Сережи никому ни за что, хоть бы тебе и как было трудно, разве Юле». Я послал его в Киев теперь собственно для того, чтобы он увидел могилу мамину, Вас да Юлию Нарк[иссовну], которую думал я просить приехать в Киев и взять его к себе. Если последнее и не состоится, то хотя первое состоится. Но оно могло бы быть и после, а не вот сей час непременно, если бы Людмила Егор[овна] не пела мне ежедневно три месяца об /2/ этой поездке, о наилучших удобствах, ожидающих ее и Сережу

⁷⁰⁹ *Satis jam* – досить вже (латин.).

там. Итак, пускай собираются назад в Седлец. 21 или 22 я вышлю им денег на дорогу, и по получении их пускай немедленно едут. Если бы Людм[ила] Ег[оровна] уперлась и заявила о желании своем остаться в Киеве навсегда, в таком случае я сам приеду за Сережею (на три-четыре дня).

Я и сам не имею надежды, чтобы «кружок» сделал что-либо для Гельтманн. Одно спасение – если возьмут ее к себе мать или брат саратовский. Дал бы Бог, чтобы она не узнала о пребывании Сережи в Киеве да не встретила его где-либо.

Весть «о поведении Гельтманн в доме Кренке» Клем получил от Шаврова, значит, не из Седльца. Впрочем, мне Лихтенштейн читал письмо Клема, из которого видно, что Шавров отзывался о ней с прекрасной стороны. Может, письмо Клема или намек в нем на это поведение был не ясен, а может, он в досаде только кольнул ее. Бог их там знает, я теперь не стараюсь ничего разобрать.

Если [В.Я.] Шульгину так хочется писнуть что-нибудь по делу Гельтманн, то пускай он не вдарится в др[угую] крайность и не марает ее ничем. Если она помешана – баста, одно христианс[кое] участие уместно. Плохую он услугу окажет мне, если вздумае отозваться о ней плохо.

/2 зв./ [М.Н.] Катков позавчера прислал телеграмму, что «протест» и «письмо» напечатает в самом скором времени.

А статью мою обрезают решительно наполовину. К тому же прибавил примечание, которое взорвет хотя кого. Напишите ответ на замечание его о том, будто органы [...] не воспрещаются канонами нашей церкви; я же на свободе урвусь в Варшаву и в греко-уния[т]ское управление, соберу справки о ряде самих хлопот уния[т]ских по исправлению обряда.

18 числа у нас закладка церкви. Сдуру поехали просить целую Варшаву на это торжество. Будут наместник и [Ф.Ф.] Витте, а я позволил учителям и ученикам разъехаться с 16-го (по уставу 19-го). Еще нагоняя дадут.

Уния[ты] со страхом и трепетом ждут [о.] Куземского. Он глубокий уния[т], но «щирый русин». Это они знают «и трепещут».

Нет ли порядочных кандидатов на учительство? Из нынешних хорошие: Терешкевич и Словачевский – по способностям и старанию, да племянник Павла Федоровича – по смиренномудрию и старанию. Из всех православных его одного народ любит.

Прощайте.

Искренно любящий Вас покор[ный] Слуга Е. Кр.

15 июля 1868 года.

/2 зв. збоку/ Павлу Федоровичу и Сусанне Ивановне мой земной поклон. Напишите мне, как идут работы с памятником. Да, вышлите, пожалуйста, мне одесские рисунки памятников – настоятельно требуют возвращения их.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича

18/[30] липня 1868 р.

Ф. III, № 3508

/1/ /олівцем/ 18 июля 1868 р.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Телеграмму Вашу я получил за два часа до приезда Сережи в Седлец!!! Говорят, будто где-то на ту пору порвалась телеграфная проволока. Вследствие сего радость моя о приезде Сережи была ужасная.

Поездка расширила кругозор Сережи, но видимо сузила всю Людм[илу] Е[горов]ну. Совсем не та стала: больше внимания к дому, меньше претензий, никакой тоски по Киеву и нет разговоров о том, как там когда-то любили ее. Видно, что ей или прочитано было там нравоучение (если прочитано – спасибо читавшему), или прием был вовсе не таков, какой ожидался. Так или иначе, но польза от поездки есть, хотя на /1 зв./ это и не стоило бы тратить 180 руб. сереб[ром].

Меня снова мучит желание поехать в Киев ко дню смерти Надиньки. Не знаю, как это сделать. Много затруднений и важнейшие из них 1, деньги, 2, боязнь близости к Гельтманн. Первое еще сяз-так, но второе очень трудно. Не быть у ней – все затрешат о бесчеловечии или о жестокосердии. Положим, пускай себе кто хочет трещит; но эти со всех сторон спросы и расспросы, эти необходимые по этому делу визиты [В.Я.] Шульгину и под., причем не обойдется без того, чтобы выдержал себя и вызвался принять участие в содержании ее и под. – вот что скверно. При моем характере не могу поручиться, что я выдержу себя в этих случаях и не выкину большущей глупости. Ну а вдруг она узнает, что я в Киеве?!. Ведь она уехала с уверенностью, что в начале августа я буду в Киеве. – Вот мои раздумья. Но не меньше сильно и желание поехать в Киев – хотя бы на один день, и едва ли не явлюсь я там 2-го августа⁷¹⁰. Ах, как хочется побывать! Какой-то ужасный мистицизм овладевает мною больше и /2/ больше. Кажется, если бы все у меня было благополучно (т.е. было бы денег довольно, да Гельтманн не сидела бы в Киеве), и нельзя было бы добраться до Киева иначе, как пешком, – пошел бы, ни мало не раздумывая. Во всяком случае, я уведомлю Вас о своем решении по этому делу. Завтра жду к себе [Ф.Ф.] Витте ([А.Л.] Стефанович просил его посаженным отцом, и завтра свадьба), и с ним переговорю о деньгах (восемь месяцев уже водят нас с возвратом процентов эмеритальных, которых мне следует больше 600 руб. сереб[ром]), и если будет надежда на скорое получение их, займу денег и 28 июля выеду из Седльца, а 1-го августа буду в Киеве. Только не рассказывайте об этом никому, чтобы слух не дошел с посредством института до Гельтманн.

Не постигаю, что за фатум преследует Феофана. Меня известил о смерти Алеши [И.Г.] Михневич, которому послана б[ыла] об этом телеграмма из Холма. Я полагал, что умерло самое меньшее, и подумал, что этого и ожидать следовало по приговору Коршуна. Но Алеша... Это ужасно! Воображаю горе Феофана. И одно по другому – такие тяжкие скорби! К чему ведет нас с ним Бог – решительная загадка. Как в начале все нам везло, так теперь все, решительно все против нас – и

⁷¹⁰ Напередодні смері дружини.

Бог, и начальство, и всякие люди! Как везло два с половиной года, так, вероятно, промучит столько же, и если не ляжем костями в этот период, то продержимся на свете.

/2 зв./ Под нашим солнцем ничтоже ново, разве то только, что мы с Феофаном получили по Анне (но без короны), [А.Л.] Стефанович Станислава 2 ст., маленький Яновский маленькую Анну, а [А.И.] Линниченко – больше всех нас в совокупности – 200 руб. сер.

Прощайте до часу. К 28 числу или к 1 авг[уста] получите или письмо от меня, или телеграмму, или меня самого увидите. Дай-то мне, Боже, последнее.

Искренно преданный Вам покорнейший слуга Е. Крыжановский.

18 июля 1868 года.

г. Седлец

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича

29 липня / [10 серпня] 1868 р.

Ф. III, № 3509

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ 5-го авг[уста] 1868 р.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Итак, при всем желании я не мог поехать в Киев. 22 июля около шести часов по обеде я проснулся с сильною лихорадкою и расстройством желудка. Ночь и следующий день с ночью провел почти без памяти. Только на третий день я пришел в себя, и доктор стал весел. Мне грозило разом две беды – тиф и воспаление желудка. Слава Богу, все мино-/1 зв./вало. Но мне доселе нельзя ничем заниматься и не есть ничего, кроме клейку. Получасовая прогулка утомляет меня. Потому о поездке и думать нечего. Горько соболезную об этом. Что приготовил на дорогу, то потратил на лечение. Да не быть 3-го авг[уста] в Киеве – не для чего особенно и ехать. Итак, в нынешнем году не буду в Киеве!!! Посылаю Вам 200 руб. сер., следуемых за памятник, и 15 руб. сер. – приблизительно – употребленных на литургию и панихиду 3-го августа.

Извините, что не высылаю Ваши 55 руб. сер., употребленных Вами на отправку Сережи из Киева. Очень обнищал я теперь. В конце месяца вышлю.

Мне сообщают, что Вы назначены кафедр[альным] протоиереем. От /2/ всей души поздравляю, если это правда. Дай Боже, чтобы это была правда. Не смилуется ли Господь теперь над Софийским собором, духовенством и порядками в этом соборе, котором мерзость на мерзости сидела. Всякий порадуется Вашему назначению, кому дороги историч[еские] судьбы эт[ого] собора и понятны злохудожные души диаконов, звонарей, пономарей соборных, ставших притчею в епархии.

Был тут инспектор холмский, говорит, что Феофан очень посунулся. Как бы поехать к нему?

У нас ничего нового. Был [Ф.Ф.] Витте, ясно показал мне, что хочет в Седлеце повторить холмскую историю, а я очень ясно показал ему, /2 зв./ что если он вздумает когда-либо начать что-либо подобное, то очень осрамится... О, Стефанович! О, бабы! О хлестаковы-администраторы наши! О, препод[обный] Тихон Задонский (так прозвали стар[ого] Михневича)...

Прощайте. Желаю Вам наилучших благ.

Пришлите мне рисунки памятников, по посланные мною Вам.

Искренно преданный Вам Е.К.

29 июля 1868 г.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
8/[20] серпня 1868 р.**

Ф. III, № 3510

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 27 авг[уста]

Дворянка Наталия Чардакли, [...] – отличное

Людмила Ег[оровна] уехала Сережу отвезть к Тихомировым.

8 авг[уста] 1868 года.

г. Седлец

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Итак, Людмила Егоровна уехала от меня – в Киев. Не жаль мне за нею, жаль только, что отъезд ее произошел в очень неподобающем виде. По возвращении из Киева она стала будто внимательнее к дому и к Сереже. Но зато другие неловкие наклонности ее стали сказываться решительнее. Больше стала она побранивать Сережу, гораздо чаще болеть. [Ф.Ф.] Витте был у меня три дня, и эти три дня она была больна, почему прием [Ф.Ф.] Витте был в отношении стола безобразный, и сам [Ф.Ф.] Витте, поглядев по моему дому и житью-бытью, решительно посоветовал мне переменить ее. «С первого разу она коробит душу...» – повторял он. Приехал Игнатович на 4 часа – эти 4 часа она была больна. Сережу дома сдала совершенно на /1 зв./ руки горничной оч[ень] неловкого поведения, и дома сама ограничивалась в отношении к нему только фразами: «Оставь меня, ты мне доедаешь, ты меня с света сведешь» и проч[ие] безумные глаголы. Ударился он – в ответ только ругань и возгласы: «Так тебе и нужно, и хорошо, не лазь, где не нужно». Дитя видимо стало избегать ее и дичиться ею. Но ни разу я ни малейше не замечал ей этого. По-видимому, она все занялась домом – хозяйством, и расходы мои прошли еще в большем размере. Стала она заходить к губернаторше, все целует ей руки и все твердит, что я крайне капризный, недобрый, что не следует доверять моей наружной скромности и под. Заболел я жестоко, и тут мне пришла неотвязчивая мысль: «Неужели в случае смерти Сережа останется на значит[ельное] время на ее руках?» Начал было я поправляться и в первый раз после болезни съел тарелку супу. Отвыкший от пищи желудок начал до того болеть, и ветры до того меня распирали, что я в

беспамятстве кричал, 4 часа валяясь без всякой помощи. Наконец, она пришла ко мне; в беспамятстве я просил у Бога смерти и тут же при облегчении выразился: «Как будто яд съел /2/ я этот суп» (а суп она приносила мне). Пошли потом пред всеми скарги, что я упрекал ее, будто она дала мне яду – соблазн для всех был большой. Поздоровел я и, по обыкновению, стал после обеда ходить в сад с Сережею (она всегда отдыхала в это время). В одну из таких прогулок, встретившись в саду с губернаторшею и выслушав, как накануне Людмила Ег[оровна], которую с Сережею губернаторша брала с собою в лес на гулянье, честила меня пред нею и некотор[ыми] из бывших там знакомых, я в свою очередь стал выражать свое недовольство ею. Побалакали и разошлись – вечером. На другой день губернаторша, встретившись со мною, передает мне, что Людм[ила] Ег[оровна] пред обедом была у нее с Сережею и со слезами стала ей выговаривать, что она вчера со мною осуждала ее. «Откуда Вы знаете это?» – «Сережа мне передал.» – «Но Сережа что же за свидетель». – «Дитя не солжет. Сережа, говорила ли губернаторша то и то.» – «Говорила», – отвечает Сережа. «Но ты не так понял, Сережа.» – «А, нет, неправда Ваша, я слышал, Вы не оправдываетесь...» И пошли очные ставки!!! И это было при детях губернатора и при некот[орых] домашних! Омерзение на всех напало от такого воспитания, дети и др[угие] свидетели стали чуждаться Сережи тотчас. Оказалось, что этим путем Людмила Ег[оровна] добывала всякие сведения, и дитя стало у нее шпионом. Несказанно я возмущен был этою историею. Тут же губернаторша сказала мне, что Люд[мила] Ег[оровна] поручила ей передать мне, что она не желает быть у меня и уедет в Киев. Я успокоился, /2 зв./ «баба з возу, коням легче». Но пришедши домой, я не выдержал и хотел объясниться с нею: «Вы передавали, что не хотите быть у меня, я вас не стесняю», – вышло у меня от неулегшегося волнения. Пошла-поехала. Я начал выставлять, что нехорошо вытягивать у дитяти подоб[ные] сведения, и еще хуже сводить его на очные ставки с таковыми лицами, припомнилось тут, как Сережа украл у меня письмо Ваше и дал ей прочитать (я писал Вам о прочтении эт[ого] письма ею) – она сама утверждала, что не она взяла письмо, а Сережа принес его ей (из кучи бумаг знал, что выбрать!!!), и я выразился, ч[то] она учит дитя шпионству, и что это не честно. Начавшиеся с первых слов слезы разразились теперь страшным криком и поведением, какое встречается только на Житнем базаре: «Так я шпион, так я бесчестная!.. О Боже, Боже, я честь свою потеряла? Так я подлая? Так я распутная? И без того по городу говорят (?!), будто я с Вами в связи (!!!)... Ай, ай, гвал, спасите, спасите!!» Упала на пол, бьется, плачет, мечется, потом подошла к окну, неистово крича, будто я сделал ее подлою... Волос дыбом стал у меня на голове. Я в ужас пришел, сообразив, какая история может выйти из этого заявления!.. Эта сцена продолжалась с час, я в забывчивости только произносил: «Не кричите, не кричите», – потом ушел, она все кричала несказанно, затем вышла на двор и там с час еще плакала и ломала руки на соблазн [...]ьяцам. Я твердо решил себе ни одним словом не относиться к ней, и если думает ехать – пускай дет, Сережу решил отвезть к Тихомировым. И вот прошел день-другой, ставня в комнате ее закрыта, она все лежит. На третий день – день смерти Наденьки (ни она, ни Сережа не были в церкви), когда я

пришел из церкви и стал распоряжаться приготовлением к панихиде, в это время подходит ко мне мой лакей (которого она выписала из Киева) и благодарит за хлеб и соль, с тем и уехал. Сошедшиеся на панихиду, приехавший [П.Г.] Рублев[ский] и [о.] Сикорский – все стали мне советовать: «Если она едет, не удерживать и не просить остаться, а Сережу к сестре отвезть». Приехала и губернаторша – Людм[ила] Ег[оровна] так успела настроить ее, ч[то] начала требовать, чтоб я просил у нее извинения, и затем не вышла на панихиду и уехала, не простившись со мною. На др[угой] день, когда [о.] Сикорский и [П.Г.] Рублев[ский] собирались уезжать, она приходит ко мне и объявляет, что она уезжает. Я пожелал ей счастливой дороги, и она, плача и все ожидая, ч[то] я попрошу ее остаться, мигом собралась и – уехала.

/2 зв. збоку/ Отъезд ее сильно заставил меня раскаиваться, ч[то] я доселе не поступил так, но миролюбиво. Но это, вероятно, последняя моя глупость. Я не мог не выговорить ей резкого недостатка в воспитании Сережи, но я не ждал, чтоб это было принято таким взрывом. Я не мог не заметить ей, что брошенными ею нескольк[олькими] фразами воспользовались люди для унижения моих отношений к Гельтманн, но шпионом ее не называл, выражался только, ч[то] она дитя приучивает к шпионству. Бог с нею, я прощаю ее. Губернаторша взялась /2 зв. збоку/ было за примирение только для того, чтоб история отъезда Л[юдмилы] Е[горовны] не б[ыла] соединена с ее именем, она сердита на меня за это, но одобряет, что с Л[юдмилой] Е[горовной] я разделался. В день отъезда ее я послал просьбу о билете, и вот сегодня чрез час уезжаю в Сережею к Тихомировым. Кого бы я ни принял – старое будет лениться, молодое будет или кокетничать со мною, или заявит претензию, ч[то] потеряла честь в моем доме, так как по городу говорят о связи со мною, и еще – чего доброго – в /1 зв. збоку/ силу этого потребует, как Гельтманн, чтоб я женился на ней. Как ни тяжело расставаться с Сережею, но я должен принести эту жертву.

Простите мне, что я все еще занимаю Вас моими дразгами; но вероятно, это последняя.

Ваш Е.К.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича

25 септя 1868

Ф. III, № 3428

/Без початку/

/14/ ее хочу взять одну учительницу, не молодую женщину, которой дочь поступила в женское училище. Стрижевская (по мужу Просовская) была весьма усердна и исправна, но ее знания и влияния не хватает. Держать ее при другой лучшей и накладно, и неудобно, ибо тогда она нисходит на степень прислуги, что стесняет и ее, и брата-бухгалтера. Эту перемену нужно произвести скоро, чтобы и учительница не истерпелась, и Стрижевская не ждала, а она вошла в переписку о новом месте. Потому усердно прошу по прилагаемому прошению как можно

скорее, за печатью редакции, выслать на мое имя билет Просовской для свободного прожития в разных городах Царства Польского. Деньги на прошение и билет прошу употребить свои, я же возвращу, да и в прошении прописать.

/14 зв./ Учительницу, о которой пишу, мне наивыгоднее взять; ибо во всякое время могу сбыть ее, дав ее место учительницы же. Устраюсь так, чтобы быть ко всему готовым.

Епископ Куземский приехал вчера вечером. Встречали в мундирах все наши, кроме меня, ибо я доселе в постели. Сегодня я послал ему письменное поздравление. Сегодня первое его служение и чтение булл. Министр приедет в Варшаву к 15-му сентября для встречи Государя, и проводив его, осмотрит учеб[ные] заведения Варшавы, 1-го октября в Люблин, а 4-го в Холм. Там и здесь пробудет по 3-ри дня. Это уже 3-я ревизия в году. Тошно, наконец.

Посылаю Вам галицийские книжки по списку, который Вы прислали.

Будьте здоровы и благополучны!

Искренно любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

25-е авг[уста] 1868г.

г. Холм.

/14 збоку/ Убедите Иващенко – баса, чтобы в Холм с Розмаинским, если бы до того не последовало назначение. Хотелось бы к приезду [графа] Толстого баса иметь.

**Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
3 вересня 1868 р.**

Ф. 154, № 81

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 27 сент[ября]

9-го сентября 1868 г.

Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Поздравляю тебя назначением в кафедральные протоиереи. Радуюсь твоему повышению.

Теперь я могу сообщить тебе более точные сведения о деле по известной тебе записке А.П. Безака⁷¹¹. К приезду из заграницы графа Толстого приготовлен юрисконсульт доклад по этому делу, который графом просмотрен и отчасти изменено, впрочем, к лучшему. Доклад /1 зв./ этот и свод мнений всех архиереев по этому предмету печатается и разошлется ко всем членам Присутствия об

⁷¹¹ Київський генерал-губернатор О.П. Безак на початку року подав Олександрові ІІ записку – обґрунтування необхідності і перспектив покращення матеріального становища православного духовенства Південно-Західного краю. Оскільки така реформа була на часі, давно обговорювалась, то було прийняте рішення про проведення змін в усій імперії.

Записка була підготовлена Петром Гавриловичем, священником генерал-губернаторської домової церкви.

улучшении быта духовенства. По возвращении графа Толстого из Варшавского учебного округа, куда он поехал на ревизию, дело это по рассмотрению в Присутствии будет внесено в Государст[венный] Совет⁷¹².

Сущность доклада состоит в следующем:

1, Дети священно- и церковнослужителей православ[ного] исповедания всей империи не считаются в духовном звании.

2, Детям священнослужителей прав[ославного] исповедания, хотя бы они и не поступили в государственную службу, предоставляется потомственное почетное гражданство, т.е. права детей личных дворян.

/3/ 3, Детям церковнослужителей прав[ославного] исповедания предоставляется, на том же основании, личное почетное гражданство.

4, Как тем, так и другим предоставляется право поступать в те учебные заведения империи, в которые дозволено принимать лиц всех сословий.

5, Для детей священно- и церковнослужителей, поступающих в Юго-Западном крае в учебные заведения Министерства народного просвещения, назначить на стипендию некоторую сумму по примеру Северо-Западного края.

6, Сверх дозволенных уже к приему в учебные заведения Министерства народного просвещения без платы за право обучения детям десяти процентов всех учащихся в заведении, дозволить /3 зв./ принимать еще 10% бесплатно собственно из детей священно- и церковнослужителей православного исповедания, которые представят свидетельство о недостаточности состояния.

Дело, как видишь, кажется, сделано недурно, по крайней мере насколько это было возможно. Как оно будет дальше идти, увидим. [А.П.] Безаку и кому-то другому большое спасибо скажет вся Россия, что не дали заснуть этому делу. В Синоде немного недовольны, что предвосхитили у них честь почина, а я думаю, что без записки [А.П.] Безака они едва ли бы что сделали, так как из всех архиереев только Киевский митрополит да Курский епископ заявили, и то довольно робко, об уничтожении сословности духовенства, да еще Херсонский архиерей или комитет /2/ выразил мысль о пользе учреждения общего сословия в государстве, подобно тому, как в Гетманщине сын священника и сын гетмана были равными вольными козаками. Что духовенство русское не было приготовлено к уничтожению его сословности, видно из того, что в духовной нашей литературе нет ни одного серьезного сочинения по этому предмету. /примітка збоку/ [Таким образом, в Канцелярию юрисконсульта пришлось писать историко-богословский трактат о начале и распространении духовной касты и о несогласии этого учреждения с учением (древних) соборов греческой церкви и духом православия.] Может быть, это зависело и от того, что духовная цензура едва ли бы пропустила такое сочинение.

/2/ Лето провел я в Петербурге, но здоровье мое значительно поправилось от купанья, которое я и до сих пор продолжаю, – в Неве теперь 10 градусов. Летом

⁷¹² Обер-прокурор Синоду не входив до Державної Ради, тому усі попередні спроби реформувати становище духовенства були у Державній Раді відхилені. Д.А. Толстой суміщав посади обер-прокурора і міністра народної освіти, і таким чином був присутній на засіданні Державної Ради, міг наполягти на розгляді і прийнятті.

/2 зв./ нас замучил дым от постоянно горевших лесов и торфа. Смрад от горения торфа нестерпимый, и южные жители не могут себе и представить, что это за мерзость. Теперь, с конца августа, это прекратилось.

Летом умер в Петербурге Григорий Павлович Родзаевский. Кланяются тебе Иван Васильевич Писарев, Т. М. Заушкевич и о. архимандрит Геннадий (мой товарищ по Академии свящ[енник] Григорий Левитский⁷¹³), ректор Тамбовской семинарии, которого скоро будут посвящать в архиереи.

Мой поклон всем родным.

Искренне любящий тебя брат Данила Лебединцев.

3 сент[ября] 1868 г.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича

2 жовтня 1868 р.

Ф. III, № 3429

/15/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 12-го окт[ября] 1868

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Наконец давно и так нетерпеливожданное письмо Ваше пришло. Понимаю вполне Вашу суету и нимало не в претензии, но душевно жалею, что так случилось. Вы и мою тревогу извините, если объясню, в чем дело.

В виду пребывания министра в Варшаве я чувствовал себя весьма неловко пред [преосв.] Иоанникием, которому я обязался послать законоучителя и причетника, а между тем никаких сведений о том дать не мог. То же самое придется испытать пред самым министром здесь; но теперь я знаю, /15 зв./ что нет, а на нет и суда нет.

Другое обстоятельство не менее беспокоило для меня – получение паспорта для живущей у меня няни, сестры бухгалтера Стрижевского, вдовы Прасовской. В письме, переданном чрез Надежду Александровну, я послал Вам ее прошение на имя консистории о выдаче ей паспорта. Рассчитывая, что при Вашем содействии паспорт будет выслан в непродолжительном времени, я пригласил на ее место одну немолодых лет русскую сельскую учительницу, которой дочь учится в холмском училище. Теперь мне от той и другой постоянная бомбардировка: одна спрашивает, скоро ли ее отпущу, другая – скоро ли приму. Так как из письма Вашего видно, что письмо мое, в котором было прошение Пра-/16/совской, затерялось, то полагая, что затерялось и прошение, посылаю при этом новое, причем убедительнейше прошу выслать паспорт с первой почтой. Ведь эта операция очень проста, да и упростить еще можно, т.е. выдать паспорт и записать в исходящую, а протоколом и утверждение после – обычным порядком. Об одном

⁷¹³ Геннадій (Левицький (Левитський); 1818–1893) – випускник КДА (1845), вдовий священик, прийняв постриг під час навчання в Академії. У 1860–1868 р. ректор Тамбовської ДС. Рукопокладений у вікарного єпископа. Помер єпископом Сумським. Харківським вікарієм.

прошу, наблюдайте сами за этим делом и вышлите паспорт за печатью, напр[имер] редакции, а то если предоставить консистории и обыкновенному ходу дел – поминай как звали. Стрижевская по отцу, или по мужу Прасовская, взята еще при жизни Юлиньки за няню; из нее, при ее лихом характере, прекрасная няня для маленьких детей, но выше знания грамоты она не идет, а для Коли, которому уже 6-й год, требуется нечто больше как по части /16 зв./ познаний, так и относительно выдержки. В последнем отношении после мамы Коля много потерял, а в первом ничего не выиграл. Но если я поэтому желаю отправить Стрижевскую, то в свою очередь и она желает иметь другое место, если не другое занятие. Дело в том, что с переходом сюда ее брата на должность бухгалтера ее служба в няньках неловка и для нее, и для брата, и они, как видно, очень стесняются этим. Вот почему она желала бы переехать в Люблин или Варшаву, да где-то она после и присмотрела себе место; но без паспорта, как знаете, у нас и шагу ступить нельзя. Интересуется она теперь переехать, чтобы и места не потерять, и избежать холода при неимении теплой одежды. Потому еще раз прошу как можно скорее выслать просимый паспорт.

Даниил Г[аврилович] приискал для меня хорошую /17/ гувернантку в Петербурге; но с ней длинная еще история. Надо еще договориться, а для этого списаться раза два. Потом и она не может ехать скоро, да и я денег не могу ей послать на переезд, если бы мы сошлись на цене. Поездки в Варшаву, Петербург и Москву, погребение Алеши, переезд Марии Ф[едоровн] и прием министра, а также заготовки на зиму довели меня до того, что я долго еще буду без денег. /Збоку/ [Передайте Марии Ф[едоровне], что Кистерн по моей просьбе уже получил место в Сувалкской губернии на 550 р., обещают и большее.]

Министр вчера приехал в Люблин, а 6-го, в воскресенье, к нам. Грустно мне, что там ревизия идет без меня, да и здесь немного я помогу. Нога все еще болит; я хожу, и то недавно, по комнате, разумеется, понемножку. Малейшее усиленное движение, малейший холод – и боль усиливается и грозит возобновлением болезни, что было уже не раз. Что ни пи-/17 зв./шут о снисходительности и доброте министра, но я не жду благополучного для себя исхода ревизии, ибо ныне такое странное для меня время, что я во всем терплю неудачи – до последних мелочей. Какой-то злой рок преследует меня и истощает мое терпение и твердость.

[Граф] Толстой в Варшаве принял униатские дела и сюда приедет с [Й.С.] Сидорским⁷¹⁴. Епископу Куземскому сказал, что хочет устроить Холмскую епархию так, чтобы она была образцом для всех других (?!). Посмотрим. Остановится [граф] Толстой у меня. Хотя это и накладно и беспокоино, а все же лучше: по крайней мере, ходить не буду.

[Еп.] Куземский представлялся государю и нашел, что [император] Франц⁷¹⁵ совсем не под стать нашему. Этот, говорит, все знает и /18/ сам делает.

⁷¹⁴ Й.С. Сидорський саме здав греко-католицькі справи.

⁷¹⁵ Франц-Йосиф I (1830–1916), імператор Австро-Угорщини у 1848–1916 рр.

С законоучителем я бы и подождал, если бы Максимович дал слово. Утвердите его в намерении перейти в Холм.

Иващенко – окончивший ли курс? У нас таковые в причетники требуются.

Письмоводителя из окончивших если нет, то и не нужно. По припечатанному объявлению я получил до 10-ти прошений и надеюсь выбрать.

О благословении Св. Синода я только из «[Киевских] еп[архиальных] ведомостей» узнал. Ничего, пусть и это будет. Поблагодарите митрополита и за его сочувствие, и особенно за благословение, которому я более рад, чем синодальному, ибо оно от живого лица и притом глубокоуважаемого.

/18 зв./ О [еп.] Куземском вроде уже пишут, что он не оправдал доверия национальной русской партии, и это верно; но я храню молчание и стороне стою.

Будьте здоровы и благополучны!

Искренне любящий брат Ф. Лебединцев.

2-е окт[ября] 1868 г.

г. Холм

Деньги за гербовую бумагу на паспорт и на прошение прошу заложить свои, а я возвращу Вам сколько причитается. Прасовская говорит, что прежний ее билет, вдовый вид и деньги на паспорт даны были в августе 1866 г. бельском участковому военному начальнику и им посланы в [Киевскую] консисторию. Теперь не время разыскивать, нужен паспорт новый.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
2 жовтня 1868 р.**

Ф. III, № 3511

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ 9-го окт[ября] 1868 года

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Не знаю, как и извиниться пред Вами в таком долгом молчании своем! Простите мне сию вину мою, она произошла не по воле моей. Наезд министерии доселе не давал мне покойного часу. До приезда министра я жил в гимназиях и канцелярии, усиливаясь поправить все, что в течение трех с половиной лет завелось там непорядочного. А тут, среди этих усилий, вдруг – неожиданно является [Б.М.] Маркевич⁷¹⁶ и снова тянет меня с собою по деревням, и тягает почти до дня приезда министра в Седлец. С 25 сент[ября] по 2-е окт[ября] министр осматривал учеб[ные] заведения в Седльце и в Белой. А сегодня 2-е октября...

/1 зв./ Общее впечатление на министра в Седлеце и Белой и по всем моим делам благоприятно. Бела моя отличилась пред ним гораздо лучше Седлеца, а о любимом моем детище – педагогич[еских] курсах, он сказал: «Это лучше всего,

⁷¹⁶ Маркевич Болеслав Михайлович (1822–1884) – чиновник з особливих доручень при Міністерстві народної освіти у 1867–1875 рр., до того служив у Міністерстві внутрішніх справ. Добре знав грео-католицькі і католицькі справи. Співробітник періодичних видань М.Н. Каткова.

что доселе я видел в Ц[арстве] Пол[ьском]». То же подтвердил поневоле и [Ф.Ф.] Витте (а министр был уже в губ[ерниях] Сувалкской, Ломжинс[кой], Плоцкой и в Варшаве), очень негодуя внутренне, что Варшав[ские] немецкие курсы не так идеальны для нас, как он это всегда рисовал себе и мне. В Седлеце плохо показались ученики: в 6-м кл[ассе] по рус[скому] языку (учились ему в б[ывшей] польс[кой] гимназии), в 7 кл[ассе] по рус[скому] истории (преподает [А.Л.] Стефанович, от которого я и не жду толкового преподавания), во 2-м кл[ассе] по арифметике. (Министр не был на словесности, географии, греч[еском] яз[ыке], естеств[оведении], ист[ории] и физике.) Но – сказал он – «общее впечатление удовлетворительно, недостатки исправите, надеюсь». В Белой плоховато отвечали только по арифметике (Чернявский, молодой, мяло страшное). Но это вовсе незаметным осталось при отличных ответах по прочим предметам, особенно при ответах в педагогич[еских] курсах.

Министр – человек оч[ень] скромный, мягенький, деликатный. Приехав в Белу, он тотчас пошел гулять по городу с [С.С.] Громекою. В одной глухой улице встретил /2/ маленького ученика, он подозвал его и спросил: «А что, ждете министра?» – «Да он приехал уже», – отвечал мальчуган. «А вы видели его?» – «Нет». – «А как говорят, строгий он?» – «О, говорят, очень строгий». – «А вы боитесь его?» – «О, боимся все». Пришедши потом на лекцию в 1-й кл[асс], он сразу узнал эт[ого] ученика и опять спросил: «А строгий министр?» – «Строгий», – отвечал тот. Он стал экзаменовать его по рус[скому] языку, тот отвечал оч[ень] хорошо, стоя подле стула министра. Шутки и все любезное обхождение развеселили мальчика до того, что кончив свой ответ, он сказал: «Вы совсем не строгий», что оч[ень] понравилось ему.

Один день посвятили на поездку в Яблоченский монастырь (50 верст от Белой). Поездка была превеселая. Погода отличная, народу в каждой деревне множество выкапило, в одной уният[ской] церкви застали на литургию и прослушали половину ее – во всем безобразии униятском. Несчастный архимандрит (Анастасий) так струсил (хоть за 4 дня уведомлен был), что все боялись за него.

Министр очень умный, русский человек. Речь его отчетлива, ясна, проста. Он оч[ень] легко и вместе глубоко соображает. При этом всегда шутлив (в частной беседе) и весел. Меня постоянно корил оптимизмом моим в препирательстве моем с [С.С.] Громекою по уният[ским] делам.

[Ф.Ф.] Витте оч[ень] печальную роль играл со мною во все эти дни. Вступивший в высокое родство. [А.Л.] Стефанович не сдерживается более и с целюю фалангою высоких родичей напирал на него всеми силами, черня меня как больше. Сын века сего, [Ф.Ф.] Витте весь в зисках этой высокой фаланги, злится на меня, что я не смиряюсь пред нею, все хорошее в Седльце старался приписать пред министром [А.Л.] Стефановичу, все худое – мне (у [А.Л.] Стефановича и жил он). Но это не удалось ему. Как оказывается, министр /2 зв./ знает меня по рекомендации [кн.] Черкасского, а также [Б.М.] Маркевича (который б[ыл] в Седлеце при нем), хорошо изучившего [А.Л.] Стефановича. Впрочем, в Белой [Ф.Ф.] Витте совсем спасовал.

5-го числа я с [Б.М.] Маркевичем отправляюсь из Варшавы (куда еду сегодня же) в Белу, где порешили мы устроить бал, оттуда же прямо в Холм – к приезду министра, на что последний выразил полное свое согласие. Употреблю все старание, чтобы разубедить [Б.М.] Маркевича в том понятии, какое сообщил ему о нем [Ф.Ф.] Витте и [Ф.Ф.] Кокошкин (теперь большие друзья). Впрочем, в Белой я повел пред министром дело, по которому Феофан избавится от [Ф.Ф.] Кокошкина, именно – я напирал, что ему необходим чиновник особ[ых] поруч[ений] по уния[т]ским делам */примітка знизу/ [В Варшаві государь подписал указ о передаче уния[т]ских дел [графу] Толстому]*, и таковым взял бы [Ф.Ф.] Кокошкина. [С.С.] Громека всеми силами поддержал эту мысль, и в Холме [Ф.Ф.] Кокошкину сделают предложение. Как только [Ф.Ф.] Кокошкин получит уржонд⁷¹⁷ надежный и видный (ему хочется б[ы]ть директором, хотя бы то и с Седлеце), он тотчас помирится с Феофаном. Против [Ф.Ф.] Витте мы будем упираться вместе, так как теперь находимся в совершенно одинаковом положении, и обоих нас он равно хотел бы согнать с своего двора. «[Ф.Г.] Лебединцев оказался предо мною неблагодарным», – сказал он мне дорогою в Белу. «Что делать, – отвечал я ему, – таково наше воспитание: не продадим совесть за деньги и ласки, не станем пресмыкаться пред всякою сволочью из-за высокого родства ее – в этом мы несчастны.» – «Не то совсем, нужно жить в мире... Я поднял и высоко поставил его...» – «В этому Ваша же вина, а не его». Когда Э.Е. фон Бракке⁷¹⁸ (чиновник при министре) стал завидовать нашим правам, я сказал, что мне «мое болото» было обольстительнее нынеш[них] прав, и «я готов снова променять их на это болото» – столько тут всяких гадостей. [Ф.Ф.] Витте очень рассердился и быстро прервал разговор.

/2 збоку/ Кланяйтесь Надиньке... Поставлен ли памятник и как выглядывает? Будьте так добры, велите для меня сделать фотографию этого памятника с могилою и пришлите ее мне – деньги возвращу Вам с большою благодарностью.

/1 зв. збоку/ Где Гельтманн и что с нею? Тут ходят самые разнообр[зные] толки. Жандармы допекают мне, будто она признает, что все делала в здравом уме...

/2 зв. збоку/ О Сереже доселе не получил никакого известия. И сам-то я только одно письмо писал к Тихомировым. Второе напишу завтра из Варшавы, узнавши точно о результатах поисков за немкою, которую хочу послать к Сереже, так как Юлия Н[аркиссовна] очень ненадежна в своем здоровье, да и было бы крайне обременительно для нее одной глядеть за Сережею⁷¹⁹. И мне показалось,

⁷¹⁷ *Urząd – керівна посада (польс.).*

⁷¹⁸ Фон Бракке Емануїл Єгорович (1832-1884) – службовець при міністрі народної просвіти, син колишнього попечителя Київського навчального округу Єгора Федоровича фон Бракке

⁷¹⁹ Юлія Наркисівна Тихомирова так писала до свого дяді, Ореста Марковича Новицького, з приводу Серьожі: «Я взяла на виховання мальчика Бурдукова, внука Леона Степановича /ймовірно, брат матері, Олександри Степанівни/. Он один не составляет для меня особенных хлопот. Но в августе месяце привез ко мне своего сына

ч[то] они очень желают получить землицы малую толику... Прожил я там 12 дней – очень и очень радостно. Зато расставанье с Сережею было невыразимо тяжело для меня. И теперь я как одурелый без него. На праздник Р[ождества] Х[ристового] поеду к ним, выпросил себе уже позволение.

Кланяйтесь Павлу Федоровичу, Сусанне Ив[ановне] и всему Киеву.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[середина] жовтня 1868 р.**

Ф. III, № 3512

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ 15-го окт[ября] 1868

[олівцем] плита 1 ½ арш. фунд[амент] дол[жен] выступать на 1 вершка, т.е. на полкирпича приделать кругом.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Думаю, что Вы получили письмо мое от 2-го окт[ября]. Все-таки прошу прощения за мое долгое молчание. И к Тихомировым, в доме которых теперь вся душа моя, я пишу сегодня только второй раз после свиданья с ними. Причина одна и та же – недосуг, постоянные поездки.

Только вчера возвратился я из Холма, или точнее, из Варшавы, в которой побывал прямо из Холма. Феофан плох. Расширение вены в ноге возобновилось после хождения его с министром, и я покинул его в постели. Ему нужно серьезно полечиться... Программу моего пребывания в Холме я выдержал строго. Как кстати я узнал, что и Вы советуете ему бросить дрязги и жить в /1 зв./ согласии, по кр[айней] мере по службе, с [М.Н.] Нолле и [Ф.Ф.] Кокошкиным. В Холм к приезду министра съехалось всё, что имеет отношение к униятскому делу, и вся эта компания бросилась на меня с убеждениями – содействовать примирению его с [Ф.Ф.] Кокошкиным и Ноллихою. Я строго выдерживал свою программу: 1, остановился я квартировать на нейтральной почве – в гостинице, 2, равно бывал у Феофана, у [Ф.Ф.] Кокошкина и у [М.Н.] Нолле; 3, все разговоры направлял к миру. Ох, как необходим там этот мир! Епископ в опасном положении. Галичане посторонились от него. Православные ограничились только визитом – и он оказался в руках местной заядлой партии униятов. Горько соболезнавал об этом министр, узнавши, что Феофан был у него всего только с визитом и больше ничем не влиял на него. Он просил – умолял всех побольше влиять на епископа, п[отому] ч[то] только от этого зависит вырвать этого умного и благонамеренного, но несколько не знакомого с здешними делами человека из рук подлой партии. Под влиянием всего виденного и слышанного мною, я все употреблял, чтобы уладить дело. Феофан – тот же Феофан. На мою откровенность он отвечал

[Е.М.] Крыжановский. Я обязана его взять к себе: но два мальчика при их разнохарактерности составляют для меня уже много хлопот и забот, и часто становится тяжело Это еще больше расстраивает мое здоровье, посмотрю далее, насколько я буду в силах хлопотать об них» (лист від 31 жовтня 1868 р. ІР НБУВ, ф. III, № 63511, 2 зв.-3).

руганью и насмешками, чуть не проклинал меня как изменника и предателя... Я все переносил, в свою очередь ругался с ним, не щадя самолюбия его, в виду крайне важного дела в Холме, которое может пойти успешно только при единодушии всех рус[ских] местных лиц. И как не тронуться – не расвирепетать, когда в ежедневных наших собраниях, обедах и вечерах ни разу не появлялся Феофан, и когда за одним обедом епископ в речи своей сказал: /2/ «Дуже мени жаль, що межи нами нема нашего дирехтора! А с ким би нам й бути душа в душу, як не з ним...» Чуть слезы всех не прошибло от этих слов! Феофана не приглашали во всех этих случаях потому, что он (говорит, что по болезни) не сближался ни с кем. Далее: женское училище оказалось по ревизии действительно прекрасно во всех отношениях. Министр, найдя семинарию никуда не годную, повез архиерея посмотреть это училище как образец того, что мы – русские – делаем в этом крае (до того времени он не видел ни одного из наших заведений!!!), и архиерей был поражен нашими успехами, про которые, живя в Холме два почти месяца, он ничего не знал!!! Что же после этого Феофану корить Ноллиху неисправностью?! Никто посторонний не поверит. Одним словом, все-все заставляет Феофана покончить со всем прошлым в Холме и начать новую жизнь. Громко и справедливо возропщит все, если он не сделает этого. Министр уехал с уверенностью, что Феофан в[есьма] полезный здесь человек, что он непременно должен бросить все дразги как недостойные его. Ему небезызвестны были наши, в частности мои, старания, и он очень рад был этому. Несмотря на то, что педагогич[еские] курсы глубоко провалились, а гимназия вышла ни се, ни то, он все-таки, несмотря даже на нашептыванья [Ф.Ф.] Витте, остался в этой уверенности своей (обещал обоим нам Владимира 4-й ст.). На Холм обращены теперь взоры министра едва ли не более всего, и от Феофана будет зависеть, или создать себе карьеру, или выйти ни рыбою, ни мясом, или... При прощании моем с ним среди самой искренней моей откровенности он, ругая меня всеми способами, вдруг остановился, подумал, зарыдал как медведь и после раздумья сказал: «Я все понимаю, буду стараться», – и простился со мной по-дружески, по-братски. Эх, дай-то Бог, чтобы он все понял! Первое: ему нужно удалить от себя своего секретаря – Кухаренка, большого сплетника и грубияна.

/2 зв./ Пасенко, приставленный им к Ноллихе, настоящий разбойник. [А.Л.] Стефанович – не друг ему. Весь этот штат я советовал ему удалить от себя и быть с Ноллихою в приязни (а он все корит меня, что я влюблен в Ноллиху и думаю жениться на ней...) [Ф.Ф.] Кокошкин вполне готов на мир, [М.Н.] Нолле тоже. Да не будет Феофан другом кесаревым, если не склонится к миру. Его съедят с кишками, и никто над этим не заплачет. Теперь будет кому есть его: [Й.С.] Сидорский при министре в Петербурге, [Ф.Ф.] Кокошкин в Холме в качестве прокурора униятских дел, [Ф.Ф.] Витте готов подставить стульчик... Еще ли не сознать своего положения? Если епископ еще будет против него, тогда недоборовать ему. Увы, все это только сердило, а не вразумляло его, и он всех называл подлецами, себя одного считая святым. Оле суемудрия!..

Но довольно о сем, хоть и наболела душа!

На памятнике Надиньке велите написать как можно проще что-нибудь. Вот что напишите: «Надежда Крыжановская, урожденная Новицкая. Род[илась] 10 сент[ября] 1842 года, скончалась 3-го августа 1867 года, прожив 24 года, 10 месяцев и 23 дня». По другую сторону памятника: «Вечная память». Господи, как тяжело писать эти вещи. Хотя бы взглянуть мне на памятник и могилу. Не забудьте снять фотографию.

От Тихомировых доселе ни одного письма, и я не знаю о Сереже. Одним себя успокаиваю – написали бы, если бы было что дурно.

Будьте так добры, уведомите [А.Д.] Воронова, дабы окончивший курс Университете (б[ывший] студ[ент] Акад[емии]) Лисицын прислал мне поскорее свои документы. Денег ему на переезд поищу хотя что-нибудь.

Никак не приищу для Сережи боны. Нет ли в Киеве? Ехала бы прямо к Тихомировым. В деньгах я не стою и готов заплатить больше, чем Людмиле Егоровне.

Кланяйтесь Павлу Фед[оровичу] и Сусанне Ив[ановне].

**Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
25 жовтня 1868 р.**

Ф. III, № 6782

/1/ 25 окт[ября] 1868 г.

Киев

Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

Итак, поздравляю тебя с благополучным окончанием министерской ревизии, насколько она могла быть благополучной при твоей болезни и твоих отношениях к некоторым лицам. Дай Бог только, чтобы Господь укрепил твою ногу и физически, и морально. В первом, конечно, нужен хороший доктор, а во втором – перемена некая образа действий.

Да душевно сожалею и я, что твои неудовольствия с [М.Н.] Нолле стали известны и министру, а так же, если не больше, что большинство за нее. Что писал прежде, то повторю и /1 зв./ теперь – право, не стоит воевать с бабой, эта война унизительна. Ее действия по гимназии дают хорошие результаты, чего ж больше? Полагаю, что тебя раздражают против нее кое-какие сплетни; пожалуй, воспрети вход к себе всем подоб[ным] слухам, и ограничься делом, да пугни и тех, кто услуживает тебе сообщением мелочей.

Правду говоришь, что впереди мрачное, когда [Ф.Ф.] Кокошкин становится при униат[ских] делах. Я вспомнил, что [Ф.Ф.] Кокошкин был тебе большой приятель; вспомнил и других твоих – [о.] Филарета и [о.] Феоктиста. Право, ты дружбой не дорожишь и не прощаешь того надолго, что можно бы прощать и не друзьям. Ты начальник, а начальник должен ладить и никогда отношений не доводить до ссоры, вражды; ты – добрый христианин, нужно дать в сердце место и христиан. примирению.

/2/ И мы люди, и мы грешим против других. Поставь себя в положение [Ф.Ф.] Витте или министра и подумай, что подумал бы ты, если бы нашел кого из подчиненных в подобных твоим отношениям на таком месте, где русские люди дол[жны] ладить между собою, чтобы вместе воевать с кем следует, воевать... *Sat sapienti*⁷²⁰!

Потому умоляю тебя переменить свои отношения к [М.Н.] Нолле и [Ф.Ф.] Кокошкину. Полагаю, что удобнее и приличнее начать с [Ф.Ф.] Кокошкина, а там само собой уладится. Поверь, что восстанавливая мир, ты будешь иным и душевно, и телесно. Искренне сего желаю, как желаю тебе и детям твоим добра.

Что касается [еп.] Куземского и его образа действий, то мне кажется, никто из вас не разгадал его. Как ему делать? По-вашему – быть хорошим с галичанами, пугнуть местных униатов? Это была бы большая бестакт-
/2 зв./ность в его положении. Желаю не ошибиться, что он умышленно оттолкнул на время галичан, чтобы привлечь местных; с той же целью бьет в звонки и служит шептаны. Пригорнувши местных, нетрудно ему приблизить к себе галичан и всех повести уже, куда хочет. Все вы поспешили произнести приговор об нем. А сблизиться тебе с ним нужно даже и не по министер[скому] приказу. Был ли он в гимназии и в других твоих учреждениях? Предлагал ли ты ему сию честь?

На днях приедет в Киев преосв. Димитрий⁷²¹ – повидаться с митрополитом, к[ото]рый выезжает в Питер 15-го ноября. Максимович пишет мне из Харькова, что он хочет быть уже в Польше, только не законоучителем, а учителем лат[инского] языка, узнавши, что чрез Москву есть вызов. Просит выслать его документы.

[Барона] Иксуля старшая дочь София – 22 л[ет], выходит в среду замуж за директора К[аменец]-Под[ольской] гимназии [П.В.] Коленка⁷²² – 49 лет муж, по добром у ее согласию. Прекрасная дева и седые баки с лысинкою порядочною на темени...

Искренне любящий брат П. Лебединцев.

/2 зв. збоку/ Написал сие от скорби и туги многия.

/1 збоку/ Мария Федоровна все в Перегоновке.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
10 листопада 1868 р.

Ф. III, № 3430

/19/ Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Сегодня я сам хотел писать к Вам, а тут кстати и письмо Ваше подошло.

⁷²⁰ *Sat sapienti* – достатньо для того, хто розуміє (латин.).

⁷²¹ Димитрій (Муретов) – архієпископ Херсонський.

⁷²² Коленко Петро Дмитрович (бл. 1819–1887) – директор Кам'янець-Подільської гімназії у 1864–1871 рр. Відомо, що у 70–80-х роках служив директором Ковенської жіночої гімназії (Віленська губернія).

Если Вы писали от превеликия туги, то и я тоже. Много, однако ж, значит эта меняющаяся призма душевная, т.е. известное расположение духа, при котором смотришь на предмет и судишь об нем. Теперь я в том душевном расположении и смотрю на мое положение бодрее и тверже. Зла не соделал я никакого, и ни в чем противузаконном сам [Ф.Ф.] Витте упрекнуть меня не может, да и никогда не пробовал. [Ф.Ф.] Кокошкин, [М.н.] Нолле, как передавал мне с их слов Ефим М[ихайлович], корят меня лишь тем, что я «не в лакейских перчатках подходил к [М.Н.] Нолле». [Ф.Ф.] Витте, [Б.М.] Маркевич, [И.Г.] Михневич перфразируют это так, что я не умею обращаться с дамой, прибавляют еще, что я /19 зв./ будто поприжать люблю. Что изо всего этого? Самое большее – меня переместить могут, чего, скажу откровенно, я сам в последнее время душевно желаю. Холм потерял для меня прелесть тихой, сельской почти жизни с тех пор, как эта жизнь пошла в расстрой. Все почти что можно было здесь сделать, я сделал или начал – более делать не представляется возможности. Я и теперь без сожаления оставил бы Холм, если бы это удобно было сделать. Если я привязан еще к чему-либо, то к службе, которая должна обеспечить мое и детей моих существование. Чрез год с небольшим я выслуживаю половину пансиона, т.е. 1 500 р., что и достаточно было бы для меня. Чрез тот же и уже кратчайший срок неизбежно должно начаться движение. [Ф.Ф.] Витте, [И.Г.] Михневич, [А.Г.] Теодоровович, Попов, [Т.И.] Пристюк и еще некоторые из директоров выслуживают полную пенсию и требуемый для получения оной 5-летний срок службы в Польше. Если выйдут человека два ([А.Г.] Теодоровович и [Т.И.] Пристюк – несомненно), то и довольно для моего переселения, а переселившись, может быть и до 20-х лет дотяну. Таков мой план, если Бог поможет.

Идти на какую-нибудь другую службу с [М.Н.] Нолле и [Ф.Ф.] Кокошкиным и поздно, и невозможно. Это народ гордый, лукавый, мстительный. Не я их жму, но они жмут. Я глубоко убежден в том, /20/ [что] лучший лекарь отношений человеческих – отдельная жизнь, т.е. когда люди расходятся в разные стороны. Тысячи примеров привести можно. Беру более близкие. Когда я разошелся с [о.] Филаретом и [о.] Феоктистом, никакой злобы у меня не осталось к ним, и когда [граф] Толстой бранил [о.] Филарета, а [Ф.Ф.] Витте принялся поддакивать, у меня язык не повернулся сказать, что-либо против него. И они ведут свое дело, и я свое; друг другу не мешаем. Заспорил у меня [С.Ф.] Грушевский с [А.Л.] Стефановичем, я развел их, выведши [С.Ф.] Грушевского в инспекторы, и всякая ссора прекратилась. Много подобных опытов я делал в своей дирекции, и результаты всегда были самые утешительные. Пробовал я выселить [М.Н.] Нолле и едва в том не успел, когда же пошла неудача, я не иду наперекор ей, но всячески сторонюсь от нее. Не самолюбие, не злоба, не желание отомстить или поставить на своем мешают мне сойтись с [М.Н.] Нолле и [Ф.Ф.] Кокошкиным. Было время, около году я старался всячески ладить с [М.Н.] Нолле – ничто не помогло; теперь когда она видит, что ее верх, и думать невозможно. Надо бы унизиться до последней степени, став ее рабом; но тогда я вооружил бы против себя всех служащих, которые глубоко ненавидят ее. Это была бы измена своему знамени, которой не простили бы мне те, что идут под

этим знаменем. Вы советовали мне прежде не вмешиваться в училищные дела, предоставить ей и инспектору. Я исполнил это с буквальной точностью; но есть /20 зв./ дела, от которых уклониться нельзя. Пред приездом министра она привезла расписание расхода из штатной суммы 200 р. по содержанию сада, расход же на 219 р. 50 е. Утверди я это расписание, Контр[ольная] палата с меня потребует 19 р. 50 к[опеек]. Я отчислил посадку винограда, равняющуюся этой сумме, прописав, что по закону выше штата идти нельзя, а она, говорят, министру об этом сказала. Другое дело: в прошлом году требовала учредить годовой праздник в честь открытия училища. Я на словах объяснил всю невозможность этого дела, а теперь она министру и [Ф.Ф.] Витте об этом говорила и на основании их словесного согласия сама отпраздновала. Я и молчу; пусть делает что хочет. Много подобных фактов я насчитал бы. Видите, я не виню, не наезжаю. Самолюбие свое сдавил донельзя. Храню только закон, поколику пришлось бы платить за неисполнение его наличными деньгами. Наговоров, поджигательств у меня нет; что делается в училище, из рапортов да протоколов узнаю. О наговорах, вероятно, Ефим М[ихайлович] со слов [М.Н.] Нолле Вам писал, или Вы a priori⁷²³ заключили.

В заключение скажу, что я не один в таком положении. [Т.И.] Пристюк и [А.А.] Солтановский с губернаторами в ссоре, а Ефим М[ихайлович] с [А.Л.] Стефановичем. [Т.И.] Пристюка [Ф.Ф.] Витте съел бы, если бы мог, [А.А.] Солтановского прижал так, что тот пардону стал просить, Ефима М[ихайловича], по его словам, тоже готов бы ссадить. Везде и во всем он обнаруживает крайнее холопство, которым он известен был всегда. Что нам делать? Терпеть, пока сил хватит. В [Ф.Ф.] Витте, а не в нас все беды. И [М.Н.] Нолле смирилась бы без него.

/21/ Предыдущий лист написан более недели назад тому. С тех пор случилось два важных происшествия. [А.Л.] Стафанович из Седльца перемещен в Калиш на место Пономарева, а тот в Седльце; в то же время [С.Ф.] Грушевский перемещен из Холма в Ломжу учителем рус[ского] языка на место некоего Соколова, назначенного инспектором Холмских педаг[огических] курсов. Перемещение [А.Л.] Стефановича случилось по поводу пущенных в Холме толков о перемещении моем в Седльце, а Ефима М[ихайловича] в Холм. Я написал об этом Ефиму М[ихайловичу], тот сказал [С.С.] Громеке, [С.С.] Громека написал министру, а министр написал [Ф.Ф.] Витте – переместить [А.Л.] Стефановича куда бы то ни было, а Ефима М[ихайловича] не трогать никуда. Это уже не по-Виттовски: министр не посмотрел на маркиз и генералов – родню [А.Л.] Стефановича, и на самого [Ф.Ф.] Витте. Великая победа и великое благополучие для Ефима М[ихайловича], хотя он и пишет, что его съедят теперь с кишками. Для меня в сей истории выгода одна: прекратятся покушения обменять меня местами с Ефимом М[ихайловичем]. Есть смутная догадка, что и меня не так-то легко двинет министр, если бы и [Ф.Ф.] Витте того желал, да и этому последнему после описанной истории не так-то ловко поднимать новую подобную историю во имя знати и родства. [С.Ф.] Грушевский перемещен по

⁷²³ A priori – наперед, незалежно від досвіду (латин.).

ревизии. Это гнусный моментик. Перемещение его – большой нос для [М.Н.] Нолле и [Ф.Ф.] Витте. В апреле /21 зв./ [М.Н.] Нолле перевозила [С.Ф.] Грушевского до небес, а [Ф.Ф.] Витте в угоду ей находил даже, что у него лицо святое; но когда министр объявил, что [С.Ф.] Грушевский не на месте, [Ф.Ф.] Витте принялся развивать эту мысль, забыв и [М.Н.] Нолле, и лицо святое. Душевно рад, что все это посрамление без участия моего. Моя выгода здесь в том, что я избавляюсь от человека подлого и неспособного. После апрельской истории [С.Ф.] Грушевский решительно передался на сторону [М.Н.] Нолле, поджигал ее против меня, держал с нею и Кокошинским тайные советы, составлял курьезные протоколы Хозяйств[енного] комитета, к которому он давно не принадлежал, и под рукой распускал, что [М.Н.] Нолле ссадит меня с места. Но это полбеда, а главная беда в том, что при всякой серьезной ревизии он срамил бы целое заведение, а своим мелким мошенничеством измучил меня. Поверите ли, что даже из бедной экономии педагогических курсов он норовил украсть и крал, как в старину крали⁷²⁴? Дай Бог, чтобы новый инспектор был порядочный человек!

[Еп.] Куземского, кажется, порядочно настроили против меня местные униаты, выставив меня врагом и гонителем унии, всеми силами распространяющем православие. Надеюсь, что все это пройдет, как только я встану с постели и стану видаться с ним. Изобличится и клевета, пущенная, кажется, пред самым министром, будто я просто не хочу знать [еп.] Куземского, болезнь же была только предлогом. Пора теперь всем убе-/22/диться, что никому не придет охота 5-ть месяцев лежать неподвижно в постели, чтобы избежать знакомства с кем-либо. Двери у меня не заперты, приходят все, и все видят меня лежащим изо дня в день. Лежа я пишу, лежа всякие дела решаю, лежа с отъезда министра обедаю и чай пью.

Пишете, что мы не разгадали [еп.] Куземского, что такова его мудрая политика и проч. А priori так естественно предположить; но слушая, как он ругает в лицо [священников] Попеля, Лавровского и Дячана за их склонность к православию, нежелание служить шептаны, звонить в звонки и проч., припоминая его прошлое и недавнюю поездку в Рим, невольно подумалось другое. То всем известный факт, что в Галиции есть целая партия людей, горячо преданных унии, латинству и Риму и в то же время ратующих за русскую народность. [Еп.] Куземский принадлежал к этой именно партии. Странно было бы, чтобы он, имея на костях 60 лет, вдруг изменил свои убеждения и симпатии. «Я знаю, – говорил он, – чего правительство хочет; но этому не бывать, пока я жив». Вот Вам и весь сказ! Сейчас приходил его секретарь, говорил, что и преосвященный хочет навестить меня. Это добрый знак, душевно рад сему.

В заведениях моих он не был, но я два раза поручал инспекторам попросить его. Выздоровею и сам попрошу.

⁷²⁴ В першій половині XIX ст. щонайменше в духовних навчальних закладах економічно і без суспільного осудження брали для себе з коштів і запасів установи, не існувало практики господарських звітів. Єдиним критерієм зловживань була недостатність продуктів, дров і т.д. для самої установи.

Коля мой очень болен – горячкою. Да помилует его /22 зв./ и меня Господь. Вообще это время самое трудное для меня: сам я болен, Коля болен, Кухаренко болен и бухгалтер болен, а дела, как всегда, по горло.

Не купит ли кто хоть в Киеве моих лошадей? Около полугода я лежу, дети также всегда болеют, а лошадей четверка стоит, а овес уже теперь 5 р. четверть. Хотя возьми в поле пусти: никто купить не хочет.

Любопытно, что не так давно кто-то из Нежина прислал [еп.] Куземскому анонимное письмо, которым убеждает его прославить себя принятием со всею паствою православия, доказывая притом, что уния и все ее верования не выдерживают критики. [Еп.] Куземский ужасно разозлился. «Що то? Це вин хоче, щоб я як той сурдут⁷²⁵ драный виру свою кинув? Поганець!» Кажется, что этот поганець – либо [В.] Добротворский, либо [И.Г.] Кулжинский⁷²⁶.

На Рождество я не на шутку приехал бы в Киев, если бы была санная дорога и здоровье поправилось. Разумеется, что без детей я теперь никуда ни шагу.

Будьте здоровы и благополучны!

Искренно любящий брат Ф. Лебединцев.

10-е нояб[ря] 1868 г.

г. Холм.

Брат Андрей получил на основании указа 30 июля 600 р. подъемных. Слава Богу!

Передайте мой ниж[айший] поклон Марии Ф[едоровне] и Саничке. Письмо им давно начал, да никак не кончу.

/19 збоку/ Просил я предыдущим письмом об учительнице для Холма. Можно ли надеяться? Нужно тем скорее, что я взял учительницу к своим детям.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича

30 листопада 1868 р.

Ф. III, № 3513

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ 2-го дек[абря] 1868 г. отв[ет] 10-го дек[абря]

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Давно-давно я уже не писал Вам. От чего бы это? Сам не найду причины. И время есть, и чувства мои к Вам те же, все то же. Только обстоятельства мои личные не те же, и в них единственно должна быть причина того, что я редко с кем делюсь внутр[енним] моим миром. Со времени возвращения моего из Черного Острова я послал туда всего пять писем (вчера пятое), к Вам же пишу только третье. Ни с кем больше не переписываюсь. Решительно не бываю в

⁷²⁵ Surdut – сюртук (польс.).

⁷²⁶ Добротворський Велеріан і Кулжинський Іван Григорович (про нього див. примітку до листа від 28 вересня 1866 р.) – викладачі Ніжинського ліцею князя Безбородька.

обществе и ни к кому равно не выхожу, разве изредка бываю у [С.С.] Громеки. Едва ли в вашей лавре хотя один монах живет таким отшельником, каким живу ныне я. То работаю, то все мечтаю. Предметы мечты моей одни и те же: Надинька, Сережа, затем – богатство и желание бросить все на свете да жить с самим собою. Последнее, вероятно, никогда не придет ко мне, и вероятно, останусь я при двух первых предметах. Скуки вовсе не знаю и удивляюсь даже, как могут люди скучать. Но тоска – тоска убивает меня.

/1 зв./ Боялся я прежде, чтобы не предаться пьянству: признаюсь, я пробовал было сладость этой добродетели, то за завтраком, то за обедом, то за ужином испивая порядочное количество всякой всячины; но только и хорошего получал, что крепкий сон, тоска же росла все больше и больше, потому бросил это глупейшее средство, противное притом моему организму. Теперь если не работаю, то мечтаю. Но мечта делает удивительно вялым и беспрестанно мучит разными проектами. Едва ли можно приобрести более сильную страсть к чему-либо, как чем к мечтательности. Неодолимо тянет она тебя за всякою работою, обставит свои сюжеты всеми атрибутами крайней неизбежности, необходимости, служебного значения или же – высокого удовольствия, прочной надежды, возможного счастья и под. И только когда после двухчасовой ходьбы из угла в угол закружится голова, заболят ноги, тяжело дышится, тогда только выпускает она свою жертву из рук и смеется над нею. Но даст отдохнуть, снова та же история... Чтобы избавиться от мечтательности, усиливающей тоску до ужасного состояния, я принял к себе [А.И.] Линниченка, а затем младшего сына⁷²⁷ [С.С.] Громеки (уч[еника] 6-го кл[асса]). Но чрез две-три недели опять та же история, тем более что от 9 до 2 ½ часов они на лекциях, а вечером или занимаются, или ищут развлечений, а я все почти сам и сам... Служебная работа, кажется, не ждет меня, все идет должным чередом, а все мечтаю – и за работою даже. За мечтою и тоскою не имею и одной минуты свободной. Вот и теперь пишу и все задумываюсь, Бог знает к чему отрываются мысли, и Бог знает, где бродят, пока глаз не встретит письма и не потребует продолжения его. Несколько дней тому я постоянно чувствую боль в левом боку с задней стороны. Припоминаю, что и Надинька все жаловалась на боль в том же месте. Хочу бояться этой боли, но боязнь не приходит, лечением развлечься бы.

/2/ Впрочем, я не шутя хотел бы полечиться. В груди меня давно давит, а побуду на морозе час-два (напр[имер], в дороге), начинает болеть и серьезно. Но здесь лечиться – смешно и думать, а на далекую поездку денег нет. С месяц тому я написал в Варшаву, а на днях и в Петербург, чтобы мне вместо всякого ордена дали денег. Ответа не дали мне (нигде на деньги так не скупы, как здесь). Если бы дали денег примерно с полугодовой оклад жалованья, в таком случае беру отпуск с 15 апр[еля] на три месяца и еду на Пасху к Сереже (пишут, чтобы не приезжать на Р[ожество] Х[ристово], но на Пасху), оттуда в Киев, а затем в Самару или в Саратов на кумыс. Если не дадут денег – пускай Бог лечит.

⁷²⁷ Громека Михайло Степанович (1852–1884).

От Тихомировых я получил всего одно письмо на прошлой неделе. Боже мой, как мне хотелось и хочется почаще знать, что-либо о Сереже. Но они при прощанье напрямик сказали мне, что писать не любят, и если нет известий от них, значит, все идет своим чередом, в случае бы какого несчастья – известят по телеграфу. Потому я стараюсь быть спокойным.

О Феофане я получил самые прискорбные вести – от [еп.] Куземского, с которым виделся в м. Пищаце⁷²⁸ (около Белой), куда он приезжал на освящение церкви. Сам он доселе качается в постели с ногою (расширение вены), а старший сын заболел спазмами, против которых ничего не могли присоветовать доктора, выписанные им из Замостья, Грубешова и из Люблина. С ума можно сойти от такого [...] ряда и таких тяжких несчастий. Бывши в Холме, я нашел в нем большую перемену. Тревога его затем усилилась от одной сплетни (а в Холме-то сплетень как нигде может быть в мире), он писал мне с большим нетерпением, правда ли, что нас меняют местами. Так как мне известно было в подробности все дело, которое могло дать повод к этой сплетне, то я все подробно описал ему и доказал нелепость сплетни. А вслед за тем заболел Коля...

/2 зв./ Слава Богу, позбыл я своего [А.Л.] Стефановича. По распоряжению министра, его турнули в Калиш, а сюда назначили Пономарева. Приехав из Холма, я застал тут страшную неладицу между ним и учителями. Последние составили и подписали на имя его письмо, в котором требовали, чтобы он удалился отсюда, или все они подадут на него жалобу попечителю. Мне удалось захватить это легкомысл[енное] письмо, подача которого могла кончиться подлейшим обр[азом] прежде всего для меня, я снес его, учителей сильно пробрал и обо всем частно написал [И.Г.] Михневичу. Но в то же время Феофан пишет ко мне о переводе нас одного на место другого. По городу пошла молва, что меня перемещают из-за [А.Л.] Стефановича, Феофана из-за [М.Н.] Нолле (сам [А.Л.] Стефанович агитировал эту молву). Тогда [С.С.] Громека, боясь моего перемещения, секретно от меня написал министру письмо, в котором рассказал историю моих отношений к [А.Л.] Стефановичу и учительс[кого] письма, и министр велел перевести [А.Л.] Стеф[анови]ча в польс[кую] гимназию. [Ф.Ф.] Витте выбрал ему как любимцу своему Калиш – оч[ень] хороший город, почти выгнав оттуда Пономарева, объявившегося там. Не простит мне этого случая [Ф.Ф.] Витте! Он никак не поверит, чтобы [С.С.] Громека писал свое письмо не по моему возбуждению. Пономаревы приехали 25 числа. Он оч[ень] постарел, седин и морщин много, лысина огромная. Она же только пополнела. Страшно скучали за Калишем. [А.Л.] Стефанович наговорил им обо мне таких вещей, что они ехали в Седлец точно в ад, черту в зубы. Но, кажется, они разубедились в справедливости сообщений [А.Л.] Ст[ефанови]ча. Думаю, что Пономарев поведет свое дело твердо и прочно.

Каков же вышел памятник? Как желал бы я взглянуть на него? Если бы хотя фотографию его иметь?

⁷²⁸ Піщаць – село в Бяльському повіті Люблінського воєводства.

К Сереже выписали панну Юзю, какую-то давнюю свою знакомую из Житомира. Довольны ею и пишут, чтобы не приискивать гувернантки еще с год.

Ноллиха получает браслет из кабинета Ее Величества – за министер[скую] ревизию. Вот так-на!

[Еп.] Куземский все добивается получить в свое ведение народ[ные] училища. Двухдневное его пребывание на Подлясье произведет огромный переворот в положении здеш. униятов. Тут был суд и решение для народа и священников по всем вопросам, волновавшим их в прошлом чаду, и суд был решительный. Все повесило носы, но покорилося. Он заставил одного из [мативных] /2 зв. збоку/ священников, всегда в[ы]ражавшегося против рус[ских] проповедей, сказать при себе на литургии проповедь (народа б[ыло] до 5 т[ысяч]) и в ней высказаться: «Мы – русские, и наше правительство – русское, тем мы счастливы, что имеем родное правительство. Посему и будем повиноваться ему как родному. Все, что сделало для унии правительство и чего требует оно, должно быть свято и ненарушимо. За седлецкого губернатора мы должны Бога молить: ревнитель, и старание его о нашей народности и нашем обряде достойны только нашей благодарности...» и под. Как громом поразил всех. Бабы плакали о пропаже веры, но по литургии как бы переродилось все. К [еп.] Куземскому народ подходил под благословение не иначе, как ставши на колени. Латинистов у него ворогов довольно.

/1 вгорі/ Сегодня 30 ноября, ап[остола] Андрея. Поминаю Павла Федоровича⁷²⁹ и Сусанну Ивановну с обычною суетою в этот день. Поздравляю их с праздником и кланяюсь им.

Поклонитесь от меня всяким знакомым моим. При случае спросите [А.Д.] Воронова, выслал ли Лисицын документы свои попечителю? Он имеет б[ыть] назначен на должность учителя Сед[лецкой] гимназии.

Представление мое о преобразовании жен[ской] прогимназии в гимназию пошло в ход. Будет в след[ующем] году место для рекомендации Ва[...]
Чердакли⁷³⁰.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
лютий 1869 р.**

Ф. III, № 3514

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 28 февр[аля] 1869 г.

Февраль 1869 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Вернувшись из 19-дневной поездки по своей дирекции, я застал Ваше письмо. Рад был я ему душевно. Бывало – возвращаешься домой, Надинька бежит, Сережа бежит, радость, крик, суета... Теперь – вошел в дом как в гроб. Уныло

⁷²⁹ Павло Федорович Подвисоцький був настоятелем Андріївської церкви у Києві.

⁷³⁰ Чердаклі Наталія Михайлівна.

поглядел на меня портрет Надиньки, слезами ответил я ему... Но тут же встретил глазами Ваше письмо, и стало легче мне, будто родная душа промолвила ко мне воочию и воушию...

По дороге был я и в Холме. Приехали туда и выехали оттуда разом с [С.С.] Громекою. И его, и меня (между прочим) влекло туда сильное любопытство положением уния[т]ского дела, о котором доходили до нас бесконечно противоречивые слухи. Дело это мы застали в самом печальном положении. Центр его и фокус – епископ. Положение его вот какое: православные русские в Холме совершенно холодны и подозрительны к нему; галичане повесили носы; местные унияты шушукаются, сплетничают пред ним на всех и на все, заподозривают пред ним всех и все – и он не видит подле себя открытого сердца и щирой правды. Из Нежина он получает письмо, в котором спрашивают его, когда же он, наконец, торжественно объявит в Холме православие, из Курска спрашивают, почему он доселе не едет в Петербург на заседание в Свят[ейший] Синод (едва ли эти безым[янные] письма не проделки поляков!). И в то же время из Варшавы /1 зв./ он получает яркую польскую брань за свой русизм и за свое православие (?). Из Галиции – русские пишут, что до них доходят печал[ьные] слухи о том, будто он неверен рус[ской] народности и враг восточ[ной] церкви, а поляки осыпают его руганью за то, что из него – будто «*co dzień więcej wyłazi prawosławny por*»⁷³¹. Жандармы наши и люблинс[кий] губернатор доносят и доносят, что он чуждается всех русских и галичан, заявивших свою преданность правительству и вост[очному] обряду, восстанавливает латинские обычаи в церквах, называет православие схизмою, не любит все русское и восточное и в то же время Рим в переполохе, кардиналы собираются на совещание, папа грозит ему как, и [о.] Войцицкому, проклятием (за то, что он утвердил все распоряжения консистории)!.. Вот положение! Ко всему этому прибавить, что здешние светские галичане один за другим переходят в православие, объявляя, что стыдятся унии, которая в лице лучшего своего представителя видимо враждует с рус[ской] народностью и церковью! «Бачите, що я не на ружах, а на колючках сижу тутка, – повторяет он. – Я уже старый, віри не перемінать мені, для мене віра не штаны, що скинув одне, а взяв други. Але я щирий русскій чоловік и такою хочу зробити паству свою. Довіряйте мені, не пере[шк]ожуйте мені, не лайте мене, помагайте мені, и я віддам вам мою паству такою же русскою, як и за Бугом. Не довіряєте, пустіть мене, зараз піду назад. Так я и Императорові пишу в Отчеті». Холодность свою к православным он объясняет неумеренным и явным пропагандизмом их безуслов. православ[...], запугивающих массу униятов. Галичане все, по словам его, так же заподозрили себя пред народом неумеренною ретивостью в православ[ном] направлении. Народ покинул уния[тские] церкви и пошел в костелы, навернуть его в церкви можно, по словам [еп.] Куз[емского], только восстановлением унии. Затем он требует от системы осторожной постепенности в восстановлении обряда – осторожности во всем, за что хватается народ. «Звонки,

⁷³¹ *Co dzień więcej wyłazi prawosławny por* – щодень все більше вилазить православний піп (польс.).

монстрації⁷³² и под. /2/ – то забава теперь народа. Дайте ему сюю забаву, нехай пограеця. С часом все переменится. Вперед всёго пустыты народность, щоб не дати и мысли о религіоз[ном] содержаніи. Повірте, що як тильки народ созает себе русским, братом по крови забужанам, він и сам востановить обряд, а може и православие. Як бы я хотя трохи повернув в православие, од мене одступилася б вся паства, вам пришлось бы знов двигать войска и нічим не скінчить діла сёго...» И вот вся суть тепереш[них] унийт[ских] дел! Правительство, требуя епископа, торжественно объявляло Риму в постановлении Комитета министров: «Мы не требуем и не думаем обращать унийтов в православие, но желаем восстановления обряда». Это условие сообщено Венс[кому] нунцию, который предъявил его [еп.] Куземскому пред рукоположением. [Еп.] Куземский согласился не это условие и выдерживает его. И вдруг он оставляет кафедру и уходит в Галицию. Скандал вышел бы! Значит, правительство недобросовестно, явно лжет пред светом!.. Конечно, правительство не допустит этого скандала! Если в Белоруссии довольствуется оно обрусением католичества, то тем более оно удовольствуется обрусением унии, в которой все-таки несравненно больше родных нам элементов, чем в католичестве. Знаю, что правительство вполне согласится с доводами [еп.] Куземского...

Положение Феофана очень тяжелое. Он доселе живет в 4-х стенах и нигде не бывает. С епископом он повизитовался по два раза – чисто формально, холодно, и на том все кончилось. Епископ на него горы вернет, а он на него еще больше. Послушаешь его – плечами сдвинешь и руками разведешь. «Помилуй, вот пять месяцев он живет в Холме и ни разу не посетил ни од[но] из наших учеб[ных] заведений; несмотря на наши постоянные приглашения! Этим он прямо ставит в подозрение наши заведения пред унийт[ским] миром (и правда!). С православными решительно холоден и намеренно от всех устранился. О православии выражается как о схизме. Галичан преследует (Но многие и стоят того). Я не верю искренности его, он все понимает, но он заклятый папист и враг всего не унийтского...» [С.С.] Громека оч[ень] увлечен был разными наговорами на Феофана по делу о разводе епископов, и хотел все это втаскать в записку о своем свиданье с епископом, которую он имеет представить наместнику. Я потом пристал к [С.С.] Громеке, чтобы он пошел к Феофану и переговорил с ним. После посещения Феофана он оставил всякую мысль выписывать в записке что-либо про него. Но он стоит на мысли (с которою /2 зв./ трудно не согласиться), что епископ искренне предан правительству, народности и обряду, все ошибки и странности его происходят единственно от незнания здеш[них] обстоятельств, России и правительства. Он в заблуждении, и не упирается ни на чем, коль скоро искренно разъяснять ему, в чем дело. Но разъяснять – решительно некому. Всё настроено относиться к нему только формально. «Не маю коло себе щирого серця». И то правда, что подле него нужен человек сильной воли, такта и ума, вместе с искр[енним] сердцем. А где между нами такой? Подумаем и решаем, что

⁷³² Монстрація – остенсорій, у Католицькій церкві різновид дароносиці для вшанування Святих Дарів під час спеціальних богослужінь – адорацій.

директоры польс[ких] дирекций живут как в раю, мы же – в чистилище. Себя не исключая из чистилища, п[отому] ч[то] все претензии по службе к Феофану равно относятся и ко мне. И у меня неудер[жимая] будто в учеб[ных] заведениях пропаганда и поношение униятов, и у меня галичане принимают православие, и я часто кричу про епископа, и он все это знает, что в глаза заявлял мне ([С.С.] Громека в увлечении при мне сказал ему: «Вот вам пример, прибежит ко мне, хватается за голову – “Ай, ай епископ то-то, епископ папист, католик, школы хочет забрать, гонит правосл[авных] учителей, православие называет схизмою...”» – не правда ли?» Я отвечал, что – правда, что я сообщал [С.С.] Громеке все это как материал. [С.С.] Громека всегда способен на медвежью услугу. Епископ почти плакал перед этою откровенностью, и мне много стоило успокоить его, что все это – только материалы, которые я получал и хранил, что, не принимая абсолютно всего этого, я решился поехать в Холм, чтобы прямо и откровенно объясниться с ним обо всем. «Ото спасибі, ото спасибі за щирість», – успокаивал он меня). Да, трудно наше положение! Но Феофаново труднее моего. Разве кости мои пошли бы в Холм, если бы Феофан вздумал, как уверял, проситься в польс[кую] дирекцию. Я давно о сем молил [Ф.Ф.] Витте.

А тут, как на беду, несмотря на указ о передаче униятских дел [графу] Толстому, передача доселе не состоялась. [И.С.] Сидорский два месяца сидел в С[анкт-]Петербурге, уехал и просится в отставку – находит не под силу себе уният[ские] дела в дальнейшем ходе их. И Бог знает, чем все это кончится. Не одного [И.С.] Сидорского съест настоящее положение уният[ских] дел. [Граф] Толстой слишком важный барин, чтобы спуститься в обыденное положение дел унии, окружен людьми, ничего не понимающими в этих делах, но много мечтающих о своем всезнании и глядящих на лица как, на бумагу, которая чертит всякие фантазии. Кого они пригласят управлять уният[скими] делами – это вопрос. Многие прочат и меня на это место. Но для меня – вряд ли это место (но может, там и не думают обо мне), значит, чрез полгода быть выброшенным, как сметье. /3/ По всей вероятности, позовут [Ф.Ф.] Кокошкина. Феофан приходит в ярость от этой мысли.

Но будет об этом, надоедает хуже редьки. Поговорить бы о другом чем-либо, но эта уния теперь все поглощает. В отсутствие мое один из седлец[ких] учителей-галичан принял с семьею православие, и это мелкое обстоятельство в виду сильных нападков [еп.] Куземска на директоров за пропаганду, занимает здесь всех сильнее, чем греческие волнения⁷³³, так что я должен был конфиденциально спросить этого прозелита, что побудило его оставить унию – пускай ответ его лежит в делах на всякий случай. И то правда, что приобретение одного унията для 60 мил[лионов] русского правосл[авного] народа небольшое дело. Между тем великую важность имеет для нас умножение в среде униятства людей вполне правосл[авный] образа мыслей, потому что только путем умножения этого рода униятов возможно обращение всей массы униятской в

⁷³³ В Греції тривала війна-повстання за звільнення Криту з-під Османської імперії, навколо якого проводилися дипломатичні дії в усій Європі.

православие. Это была постоянная мысль [кн.] Черкасского, и он очень сердился на [Ф.Ф.] Трепова за то, что сей немец[кий] ревнитель православия еще в 1865 году задумал было обратить одну деревню уният[скую] в православие (посредством жандарм[ского] офицера – поляка!.. который глубоко напакостил тогда там православию). В Киссингене за обедом у государыни стали выражать радость по случаю обращения [проф.] Головацкого в православие. [Кн.] Черкасский (сам рассказывал) решительно восстал против всех, и сама государыня согласилась, что поодиначные обращения страшно замедляют обращение всех униятов, а обращения галичан утверждают местных униятов в уверенности, что все галичане – схизматики, и убивает влияние первых на последних.

Но – *będzie już tego konia, zaspiewaj – no jeszcze wody...*⁷³⁴

От Сережи получал известия давно. Но на последнее письмо еще не отвечал, и отвечаю завтра же. Меня берет сильное раздумье, не возвратиться ли поскорее к прошлогод[ней] полусемейной жизни, взявши Сережу к себе. Павел Тихонович отчаянно выражается о здоровье Юлии Наркиссовны, не ручаясь, переживет ли она новый год. Весною они отправляют от себя назад мальчика Бардуковых – именно в видах грозной болезни Юлии Нарк[иссовны]. /3 зв./ На Пасху еду к ним с готовностью взять Сережу обратно в случае согласия их. Одно препятствие в этом: Ю[лия] Н[аркиссовна] привязалась к Сереже (пишет П[авел] Т[ихонович]) до болезненности, и трудно буд[ет] оторвать ее от него. Но можно сказать смело, что житие ее кратко...

В Киев[ской] первой гимназии племянники мои пребывают. Брат пишет мне, что они страшно оборваны, отец их запивает тяжко и решительно небрежет о них, так что печальная перспектива стоит пред ними, когда один из них большой повеса, другой крайне туп. Будьте милосердны, окажите мне содействие в настоящем случае – поручите кому-либо из ваших диаконов или церковников отыскать их (они квартируются у пономаря или дьяка Трехсвятит[ельской] церкви Гервасия Терравского) и на посылаемые при сем 30 руб. сер. сшить им сертучки и чоботы, а если станет денег, то и панталоны. У них имеется репетитор – студент. Пускай этот господин пишет мне об успехах и нуждах своих воспитанников.

Посылаю Вам мою фотографич[ескую] карточку, приобщите ее к Надинькиной. Крепко буду благодарен Вас за модель памятника. Напишите, что стоить будет, благовременно вышлю пекунию⁷³⁵.

Феофан крепко дряхлеет. Седой, осунулся как мешок, сторбился и все не выходит из квартиры. (В Холме, впрочем, болезнь его теперь считают политическою – поменьше бы иметь отношений к уният[ским] делам, поменьше нареканий...)

Павлу Фед[оровичу] и Сусанне Ив[ановне] мой нижайший поклон.

О Дундуке⁷³⁶ у нас говорят оч[ень] плохо. Где и чем он послужил в преж[ние] времена? Что особенного сделал? У нас повторяют: «В Киеве заседает

⁷³⁴ *Będzie już tego konia, zaspiewaj – no jeszcze wody*

⁷³⁵ *Pecunia* – гроші (латин.).

кн. Дундук...» Ждут и у вас всего того, что деется в С[еверо]-З[ападном] крае, ждут и переповероч[ніх] комиссий, и высылки из края некот[орых] миров[ых] посредников и под., а в результате – обливание серной кислотой нетраурных платьев... Дай Бог, чтобы все это не оправдалось.

[Ф.А.] Терновскому при случае поклонитесь. Радуюсь каждому успеху Академии и профессоров ее. Мечтаю приехать на юбилей ее. Может, от поездки к Сереже урву несколько дней и скочу в Киев. Если бы удалось!..

Прощайте. Ваш Е.К.

**Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
6 березня 1869 р.**

Ф. III, № 3581

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Вчера выслал граф Толстой высочайше утвержденный доклад о прогонах, подъемных и суточных деньгах для членов имеющего открыться комитета по церковно-судейской реформе. Доклад этот будет доложен Синоду на будущей неделе в четверг, и тогда окончательно решится вопрос о времени вызова вашего в Петербург. В.А. Сте-/1 зв./панов думает, что вызов последует не ожидая праздника Пасхи, так как [преосв.] Макарий желает на лето уехать в свою епархию. Во всяком случае, вы можете теперь приготавливаться в путь. В будущую пятницу напишу, если что узнаю.

Искренно любящий брат Даниил Лебединцев.

6 мар[та] 1869 г.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
10 березня 1869 р.**

Ф. III, № 3515

/4/ 10 марта 1869 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Первый ответ Ваш на последнее письмо мое был для меня таким нравственным ударом, какого я не испытывал со времени истории Гельтманн. Я решился было не отвечать на него, по крайней мере до времени моего выздоровления (которое еще впереди), потому что был в сильном возбуждении, ответом при нервной болезни. Второе письмо Ваше успокоило меня, и я отвечаю теперь Вам спокойно, без волнения и обиды.

Петр Гаврилович! Я много ошибался в жизни, много увлекался, но я никогда не был расположен к поступкам подлым и бесчестным. Я всегда и во всем почти в основании не сходил с Феофаном, но я никогда не переставал искренно

⁷³⁶ Князь Дондуков-Корсаков Олександр Михайлович (1820–1893) – київський генерал-губернатор у 1869–1878 рр. Дундук – його прізвисько.

любить его, и благо его считать свящ[енным] долгом моего сердца. Я не стану описывать длинного ряда наших несогласий по всем вопросам нашей службы и скажу только, что от этих несогла- /4 зв./сий ему не было ни тепло, ни холодно, потому что они не шли дальше наших личных отношений, управления же наши разделены и не сталкиваются (столкнулись только однажды, в 1865 г....). Я не стану излагать причин, по которым я считаю себя обязанным иначе, чем Феофан, держать себя в отношении к [Ф.Ф.] Кокошкину и [М.Н.] Нолле – скажу только, что стань я на точку зрения Феофана в этих отношениях – я принес бы ему неисчислимый вред. Пускай не удивляет Вас этот кажущийся парадокс: я потерял бы в кругу влиятел[ьных] лиц не нашего ведомства значение беспристрастного судьи в холмских делах, и мой голос не имел бы в этом кругу никакого значения. Теперь же он имеет большое значение. Укажу Вам хотя на два-три примера. Когда [И.С.] Сидорский был в Петербурге, он получил одно полуофициальное письмо о холмс[ких] делах для доклада [графу] Толстому: половина этого письма касалась епископа, половина Феофана. [И.С.] Сидорский спрятал вторую половину и доложил [графу] Толстому только первую. [С.С.] Громека дал [еп.] Куземскому честное слово в своей записке изложить все затруднения его и с Феофаном. Но вот предо мною литографированный экземпляр этой записки, посланный наместником прямо государю, и разосланной всем гражд[анским] чинам, имеющим отношение к унии, для сведения – в этой записке только значится о Феофане, что неблагоприятные люди стараются посеять сильную вражду между [еп.] Куземским и православными лицами униятс[кой] администрации, распуская самые нелепые толки о последних, как, напр[имер], о дирек[торе] Лебединцеве – будто он агент скрытой пропаганды правительства между униятами, наделен от правительства секретно суммами для подкупа /5/ униятов и тайного пособия обращающимся из унии в православие, и под. И больше ни одною йотою не помянуто имя Феофана. [Ф.Ф.] Витте увлекался [еп.] Куземским и готов был сильно нападать на неладицу с ним. Но вчера был у меня [И.С.] Сидорский, видевшийся с ним пред отъездом, а дней пять тому я получил от него длинное письмо – ответ на мое письмо, еще более длинное. Что же? Обвинение теперь не против Феофана, напротив, соглашаются, что если нет прямого влияния на [еп.] Куземского, по крайней мере, есть и полезна хотя глухая оппозиция католизму его. Но что же мне распространяться обо всем этом? Феофан считает меня ниже всякого значения в подоб[ных] делах, и – пускай считает! Он снисходит ко мне в этом случае, как к ребенку – спасибо ему и за это! Мои отношения к [И.С.] Сидорскому, [Ф.Ф.] Кокошкину, [еп.] Куземскому и под. он признает по отношению к себе лукавством, чуть ли не подлостью – и пускай себе считает, его не переделаешь. А я всегда в отношении к нему был, есмь и буду один и тот же – несогласный в мнениях и личных симпатиях, но глубоко дорожащий благом его. То, что я писал Вам о нем в прежнем письме, я знал кому писал. Не имей я к Вам глубокого уважения, я ничего подобного не написал бы Вам. Неужели с Вами я не должен быть до конца, до детства искренним, непритворным? Надинька сидит во мне, она никого из своих родных не уважала больше Вас. Первое письмо Ваше произвело на меня такое одуряющее действие, что я надолго было растерялся.

Совпали два таких случая: долгие и бестолковые ссоры [П.Г.] Рублевского со всеми мест[ными] гражд[анскими] властями, из-за которых я, поддерживая его всеми силами, много выстрадал, заставили меня, наконец, написать к нему письмо с советом – помириться, так как и он наполовину неправ. Ответом на это было письмо, которое я счел долгом отослать ему назад, просить возвратить мне мое письмо и покончить, если он действительно находит это для себя нужным, все наши прежние дружеские отношения, если же нет – то пускай сам возьмет /5 зв./ назад свои глубоко оскорб[ительные] выражения и признает себя виновным предо мною за свое письмо. Но в ответ на это он только возвратил мне мое письмо без всяких объяснений. Затем приехал с женою с Седлец, остановился у Пономаревых и зашел с ними ко мне всего на 15 минут – только и виделись мы в течение 3-х дневного пребывания их в Седлеце (я в то время уже не выходил из дому). Скандал! Вот и дружба! Этот случай был очень тяжелым для меня...

Теперь о [еп.] Куземском. Прочтите – прошу Вас – еще раз то, что я писал о нем. Я излагал не убеждения свои, даже не мнения определенные, но материал, из которого может выйти разе одно убеждение, именно: всякое решение о [еп.] Куземском pro или contra теперь было бы преждевременным; за ним нужно смотреть в оба, но не подавать повода к взаимному раздражению и – что можно – исправлять в нем, не теряя если не надежды, то терпения, хотя бы ради того только, что правительство в нем много связало себе руки. Напрасно Вы думаете, что статья «Вечер[няя] газета»⁷³⁷ написана кем-либо из моих знакомых (т.е. одномышленников). Мне гадко было читать эту статью, как гадко читать катковские отзывы о [еп.] Куземском. Лучшим опровержением в этом случае я представляю мои действия тотчас по возвращении из Холма, точнее – письмо мое к [Ф.Ф.] Витте (сообщенное им министру), в котором я изложил свое мнение о том, каким образом нам следует обезопасить себя против почти несомненного направления [еп.] Куземского, между прочим – 1, уничтожить в учеб[ных] уния[тских] заведениях всякое отличие их от имперских и самое имя их (Пишет [Ф.Ф.] Витте, ч[то] это мнение мое принято и скоро последует распоряжение о отмене названий гимназий и под. греко-уния[тскими]), 2, правосл[авных] законоучителей уравнивать по правам с уния[тскими] и в религиоз[ном] отношениях служащих к ученикам, и ко всему пр[очему] твердо ставить, что господствующая религия здесь правосл[авная], а не уния[тская]; 3, покончить гоньбу за учителями-уния[тами] и не вызывать таковых более нарочно (по последним двум пунктам мне поручено войти с формал[ьным] представлением). Далее: тотчас по возвращении из Холма я послал [еп.] Куземскому длинный (но в очень дружеском тоне) меморандум относительно замеченных мною (и им поддерживаемых!) агитаций против сельских правосл[авных] учителей, прося его внушить духовенству действовать в этом случае не подпольною интригою, но отк[ры]то-/⁶/венно, и затем уволить от должности 12 блюстителей – священников, на которых пало сильное подозрение в возбуждении народа против правосл[авных] учителей, против

⁷³⁷ Вечерняя газета – петербургская щоденная газета, вечерний додаток до «Биржевых ведомостей».

некоторых русских учебников, даже против православного надзора за уният[скими] школами (за [еп.] Куземским теперь всюду духовенство твердит народу, что управление уният[скими] училищами должно принадлежать униятам, а не православным), о чем подробно прописал в своем меморандуме, прибавив, что такое понятие духовенства об училищах, выводимое из названия их униятскими, побуждает меня представить это дело на рассмотрение правительства и просить отделить дело школы от дела религии, которой школа доселе хотела послужить своим образом – честно, и уничтожить название их униятскими. Получил я скоро после приезда из Холма безыменное письмо «громады униятской м. Межиреча» к [еп.] Куземскому (от него же) с просьбою употребить свое старание, чтобы в уният[ских] училищах не было ни учителей, ни учеников православных, п[отому] ч[то] православные заражают своим духом уният[ских] и католич[еских] детей. На формал[ьную] бумагу [еп.] Куземского я отвечал письмом, что по документу, никем не подписанному, я не считаю себя в праве делать какие-либо форм[альные] сношения и распоряжения, не советую и ему делать того же, иначе жандармы еще больше будут в праве упрекать его в поддержке подпольной интриги – что фанатизм безыменного письма, требующего запретить вход в училища правосл[авным] детям, дошел до геркулесовых столбов, и если не высказаться против него открыто и резко, то можно запутать себя бесконечно и создать для себе неисчислимые затруднения пред правительством и паствою. Все сие и под[обное] я пишу ему в самом почтит[ельном] и дружеском тоне. Просьбы его прямые я немедленно исполняю, толковые требования тотчас удовлетворяю – того же прошу и у него – он кряхтит, пыхтит, да таки прорвется и даст сильную нахлобучку священнику, обо /6 зв./ мне же всегда говорит: «То щира душа», и это мне на руку. Как бы то ни было, но 1, против католицизма [еп.] Куземского я весь; 2, относительно общего направления его я пока не спешу выводами, 3, как человека я уважаю его, видя, что он не хочет лукавить, и отчасти будучи б[олее] ч[ем] в уверенности, что он действует согласно с видами правительства – сожалею, что он хочет создать из унии крепкую веру, недоступную стрелам православия и латинства, но сожалею только п[отому] ч[то] эта мечта сама собою лопнет.

Теперь частности: на днях являлся ко мне галицкий священник Орловский, новоназначенный учителем немец[кого] яз[ыка] в Бел[ьскую] гимназию. В Галиции паны и под. до того заели его, что он «забрав жінку и дітей», продал все, с пашпортом явился в Каменец к [преосв.] Леонтию и просил его о принятии в православие, да на приход. [Еп.] Леонтий затруднился, дал ему денег и отправил его в Синод лично. В Петербурге он явился [митр.] Исидору. [Преосв.] Исидор сказал ему: «Мы не нуждаемся в правосл[авны]х сельских священниках, но сильно нуждаемся в надежных униятских священниках; но своим опытом в Белоруссии, я знаю, что единичные обращения сильно замедляют общее обращение унитов: католицизм более 200 лет уничтожала унию и не уничтожил – единственно по причине своей глупой системы единичного захватывания униятов. Мы хотим избежать этой ошибки, и я не приму Вас в православие, поезжайте в униятам и там работайте». Он к [графу] Толстому, но услышал то же, к военному министру –

то же. Это решило его. Получил он от каждого из этих лиц по 200 руб. на дорогу, и теперь zde прибывает, вполне убежденный в справедливости мнения о единич[ном] обращении... (может быть, из-за 600 р.с.). Привожу этот случай в подтверждение моего мнения о единичных обращениях униятов.

/7/ Чиновник особ[ых] поручений при министре по уният[ским] делам – один, и жить будет в Холме, а Питере такового не будет. Я не знаю здесь ничего неосновательнее вражды [Ф.Ф.] Кокошкина и Феофана, это – скандал, всех беспокоящий. Но [Ф.Ф.] Кокошкин всюду трещит, что он готов броситься на шею Феофану, если тот протянет ему руку, Феофан же решительно не хочет мириться иначе, как под условием, чтобы [Ф.Ф.] Кокошкин признал себя вполне виновным пред ним и торжественно извинился бы пред ним, однако никому не укажет ошибок и подлостей [Ф.Ф.] Кокошкина, и только личные оскорбления, до которых никому нет дела, и которые не должны бы мешать отношениям служебным. Впрочем, на этом пункте мы с ним никогда не сойдемся. Что касается опасений Феофана от нового назначения [Ф.Ф.] Кокошкина (чинов[ник] ос[обых] пор[учений]), то он решительно в его власти: он имеет полную возможность устранить их, даже не смирясь с ним. Министр, [Ф.Ф.] Витте, [Й.С.] Сидорский – не хлоци, и хорошо знают обоих их. Если [Ф.Ф.] Витте похвастается иногда, то так и замрет это хвастовство. Но я решительно утверждаю, что если Феофан и станет действовать иначе, т.е. ссорясь из-за личностей, иметь общее дело, то он создаст себе большие затруднения. Я «прислужил Феофану, давши голос за назначение [Ф.Ф.] Кокошкина...» Кстати сказать, ч[то] министр хотел [Й.С.] Сидорского по боку, а [Ф.Ф.] Кокошкина на его место, для особых же поручений прислать шпычку из Питера. Мне [Й.С.] Сидорского нужно было отстоять, п[отому] ч[то] он славный господин. «В таком случае, [Ф.Ф.] Кокошкин буд[ет] по особ[ым] пор[учениям]», – сказали все бывшие в один голос, в том числе и я. Общий голос что-нибудь да значит... Я же всегда буду твердить: [Ф.Ф.] Кокошкин весьма способный, умный, дельный, живой господин, только... Феофан тоже весьма цепкий, способный, знающий, только... Но за каждым человеком есть свое только, и из-за него не должно терять дело. Пришли министр свою шпычку в Холм, она заварила бы такую кашу, которой Феофану не расхлебать, отношения же их с [Ф.Ф.] Кокошкиным всякому известны и ими наперед будут объясняемы разные столкновения, так что обе стороны буд[ут] признаваться /7 зв./ равно виноватыми, и на обеих будут в таком случае напирать.

[Й.С.] Сидорский не только получил вновь приглашение на должность управляющего, но даже известие... послал согласие и скоро переезжает в Питер. Никак не пойму, за что Феофан считает его врагом своим и чуть не подлецом. Впрочем, у него всякий враг, кто не согласен с ним в мнениях и отношениях личных к нелюбимым ему людям, таким уже он родился. Но сообразите, пожалуйста: [еп.] Куземский – подлец, [Ф.Ф.] Кокошкин – подлец, [Й.С.] Сидорский – подлец, [С.С.] Громека – подлец, я – подлец, [М.А.] Буцковский (Люблин[ский] губернатор) – дурак и подлец... и т.д. В самом Холме уезд[ный] начальник – подлец, [о.] Войцицкий – подлец и т.д. Что же это такое, Господи Боже? Разве выслушав эти отзывы о всех лицах, прямо или стороною

прикосновенных к ун[иатским] делам, можно по кр[айней] мере не улыбнуться? А сочувствуя Феофану, разве можно не попрекнуть его за эти отзывы и отношения? Каждый из всех этих лиц имеет свои большие слабости, но не по ним должны определяться служеб[ные] отношения...

Но – несть конца. Повторю: пишу все это – Вам, то же говорил и Феофану. Судите меня, как хотите: если бы я говорил Вам и ему иначе, тогда только я был бы – прежде всего в собств[енных] глазах – подлецом, пот[ому] ч[то] безусловно лгал бы. Письмо Ваше, как и Феофановы речи, поняло меня иначе. Глубоко огорчаюсь этим, но уважая Вас и от души сочувствуя Феофану, я не могу писать и делать иначе. Пускай Бог разбирает нас. На сем конец, больше никогда ни словом, ни делом не вмешиваюсь в дела Феофана, и только одного права вымаливаю у него для себя – располагать моею дружбою и отношениями по моей воле, да не требовать, чтобы я ссорился с [еп.] Куземским и [Ф.Ф.] Кокошкиным...

С возвращением из Холма я все болею: недели две только хворал, но вот уже три недели не выхожу из комнаты, не занимаюсь шк[ольными] делами. Доктора ощупали меня и приказали мне взять отпуск на целых три месяца и уехать или на кумыс, или под небо Италии. Дали свидетельство, и я уже послал прошение об отпуске на три месяца в Италию и Юж[ную] Францию. В кармане ни гроша, но хоть пешком пойду искать здоровья, которое нужно для Сережи. В крайнем случае, уеду к Тихомировым на все три месяца.

В болезни тоска доходит до послед[них] пределов. Доктора объясняют ее по-своему, очень оригинально для меня. Наибольше испугался я сильной боли в груди и множеству мокроты. Главное же страдание мое – нервное. Тихомировым я написал, ч[то] после Пасхи верну Сережу к себе, если проведу время отпуска у них; не то возвращаясь из отпуска заеду за ним.

Поклон от меня Павлу Фед[оровичу] и Сусанне Ив[новне].

/7 збоку/ Болезнь нашего [С.С.] Громеки усилилась до того, ч[то] он лежит как бревно. Доктора варшавские обрекли его на водянку... Огромная семья, недовоспитанная, и он страшно мучится... Вы пишете: «Пускай полиция не мешается в унию...» Но уния – не православие, этак и костелы потребуют того же, и чрез два года будет поветанье.

/4 збоку/ За модель памятника буду Вам премного благодарен. Напишите, что будет стоять. Хотелось бы вовремя отпуска урваться хотя на день в Киев. Но это невозможно будет, если поеду за границу, слишком далекий путь, денег не будет достаточно и времени на переезд, напр[имер], из Ниццы или Флоренции в Киев нужно много потратить. Разве отпуск мой продется у Тихомировых, тогда, разумеется, приеду в Киев, хотя бы и недели на две. Но на юбилей уже не пустят. Отпразднуем здесь.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
26 березня 1869 р.**

Ф. III, № 3516

/8/ Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Имею к Вам просьбу, не откажите мне в ней. Секретарь мой – добрый и весьма честный малый, но ленивый, малосообразительный и даже не совсем грамотный, промучив канцелярию мою и меня 2 года, надумался и ищет для себя другой службы, точнее – заручился обещанием службы в Петербурге и уезжает к Пасхе из Седльца совсем. Дайте мне секретаря – хорошего и бойкого, только не хвата. Теперь в наших канцеляриях все дела идут только на русском языке, потому секретарь может /8 зв./ быть господин и без аттестатов и дипломов, а простой знаток дела канцелярского, толковый и честный (честность условие важное, чрез руки его много денег переходит). А.И. Линниченко рекомендует мне господина, служащего в Фундуклеевской гимназии, или же какого-то, известного Андрею Ивановичу⁷³⁸, Бурхарта, служащего в банке. Повидайтесь при случае с Андреем Ивановичем и поговорите о сих и о других. Может, в университет[ской] канцелярии есть путные люди или при гимназиях (Франковского не хочу, не хочу никого из консисторских). Жалов[ания] 900 р.с., на переезд 600 р., должность в XVIII кл.

Другая просьба (но извините за беспокойство), некто Лисицын просил меня о месте в гимназии; я обещал и ждал документов его. Но проходили месяцы, а он болел, и документов не представлял. Потом попечитель назначил на его место захожего из Галиции господина. Но вслед за тем Лисицын шлет свои /9/ документы. Чтобы не оставить его без службы, я просил попечителя дать ему место в другой гимназии. Ныне попечитель спрашивает меня: не согласится ли Лисицын на место учителя латинс[кого] и греч[еского] яз[ыка] в Ломженской гимназии с жалов[анием] по 1000 р.с. (я хотел дать ему 1500). Я ответил, что, вероятно, согласится. Лисицыну протезирует А. [Д]. Воронов. Будьте так добры, при случае скажите [А.Д.] Воронову об этом, да разъяснит это дело Лисицыну и убедит его ехать в Ломжу, если последует назначение. Из Ломжи он скоро может переместиться в наши гимназии на больший притом оклад.

Тихомировы приглашают меня к себе, чтобы ехать за границу вместе. Хорошо бы в компании. Но они поедут для удовольствия, притом не больше как на 28 дней, я же должен ехать для лечения на 2-3 месяца; они бы переезжали с места на место, я же должен высиживать на одном месте все почти время. Впрочем, поеду еще к варшав[ским] док-/9 зв./торам: если предпишут мне только отдых, развлечение и вояж, тогда предложением Тихомировых, разумеется, воспользуюсь со всем удовольствием и возьму с собою и Сережу.

Прощайте пока. До отъезда еще буду писать Вам.

Искренно преданный Ваш покорный слуга Е. Крыжановский.

26 марта 1869 г.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича

⁷³⁸ Лінниченко Андрій Іванович (1822–1888) – викладач у середніх навчальних закладах і з 1855 р. в Університеті св. Володимира. Із відкриттям Фундуклеївської жіночої гімназії став її викладачем.

25 квітня 1869 р.

Ф. III, № 3517

/10/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 27 мая

25 апр[еля] 1869 года.

м. Черный Остров

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Пишу к Вам сколько по возбуждению последнего письма Вашего на имя Павла Тихоновича, столько и по собственному побуждению. Из Седлеца я не успел написать к Вам, как и никому ничего не писал, никаких распоряжений не делал о своих интересах. Совсем было задумали меня там. Один советует ехать, другие кричат, чтобы остаться; одни советуют исполнять требования докторов, другие закливают никого из них не слушать; одни утешают, другие оплакивают меня навеки. Задумали так, что я едва не задохся, и не ожидая теплых дней, я взял отпуск в Чер[ный] Остров и немедленно уехал, чтобы избавиться от всей этой по[д]лости и непрощенного тяжелого участия.

В Чер[ном] Острове я живу уже восьмой день. /10 зв./ Дорогою мне служила теплая погода, и я скоро стал оживать. Теперь у меня уже горло не болит и голос есть, и так[им] обр[азом], одни из плакавших о моей горловой чахотке могут утешиться. Может б[ыть], причиною сему наступивший (со дня моего приезда) холод, не пускающий на свежий воздух. Думаю спешить к месту своего лечения в Швейцарию (Canton de Geneve, Clarens, après de Vevé), на берега Женевского озера. Тамошний среднегорный и тихий воздух да соляные ванны должны поправить меня. Проживу там до первых чисел июля. Оттуда, если позволит время и карман, скочу в Рим (не добуду ль индульгенцию) и прямо в Седлец.

Сереже здесь так хорошо, как у меня никогда не могло бы быть. Но я все боюсь, чтобы пребывание его здесь не тяготило Юлию Наркиссовну, слабую здоровьем. И по моим теперешним обстоятельствам, и по желанию Юлии Наркиссовны, и по большой выгоде для Сережи, я решаюсь оставить его здесь. Надеюсь, что прежние ошибки несколько научат меня уму-разуму, /11/ и я не стану отдаваться мучит[ельной] тоске. Дай Бог поправить здоровье – примусь за дела, давно уже брошенные мною, и горевать буду меньше. Нервность моя, дошедшая до послед[ней] степени, была причиною постоянной тоски и глупых [...]ков, еще больше утомлявших меня. Еду лечиться от нервности, буду продолжать лечение (по рецепту мне начертанному консилиумом докторов) всю зиму в Седлеце и, мож[ет] б[ыть], вернусь к пол[ному] здоровью (курс лечения для меня кончится только в июле след[ующего] года морскими купаньями).

От кого и о чем послана была мне в Седлец телеграмма? Не от Свидницкого ли? Я уполномочил инспектора Седл[ецкой] гимназии на получение всех корреспонденций на мое имя, равно и телеграмм, и вероятно, в неполучении показанной телеграммы виноват дурень-слуга мой, не отправляющий разносчика к инспектору. Впрочем, вместе с сим я послал инспектору наставление, как

поступить, чтобы впредь подоб[ных] случаев не было. Свидницкий, если Вы окончательно избираете его, да пошлет на мое имя прошение с приложением документов. Инспектору пишу, чтобы он от моего имени сделал о нем (по получении прошения) представление. Пишу и [Ф.Ф.] Витте о нем (вообще о том, кто будет окончательно Вами рекомендован).

Письмо Ваше из Седлеца будет прислано мне или сюда, или уже в Швейцарию. Я буду очень благодарен Вам, если Вы еще напишете мне – прямо /11 зв./ в Швейцарию (Svide, Canton Geneve, Clarens, après de Vevéj, pension M-r Dolmatoff). */примітка знизу/ [Долматов – рус[ский] человек, содержащий там гостиницу (называют их там пансионами и эрмитажами), дочь его классною дамою в Седл[ецкой] жен[ской] прогимназии.]* Письма из России, особенно от близких моему сердцу, будут для меня лучшими наслаждениями.

Кларан, место моего буд[ущего] жительства, превосходная деревушка на берегу Женев[ского] озера против Шильонского замка. Важнейшие выгоды положения ее для меня – воздух среднегорный, мягкий и – главное, что редко среди гор – отсутствие ветров. Далее: там все лето толпятся рус[ские] путешественники (и по сосед[ним] деревням), так что трудно квартиру достать в июне и июле (я давно уже заказал ее для себя). Деревушка, говорят, игрушка, и все там недорого. В 7[-ми] верстах от Кларана находится Веве – местожительство [Н.А.] Милютин. Буду иметь возможность часто видеть этого патриарха всех русских, преданных рус[скому] делу в Польше.

Тихомировы живут тихо и уютно. Юлия Наркиссовна все плачет о Вале. П[авел] Тихонович все мечтает о клочке земли, чтобы успокоиться на старости. Впрочем, он так же свеж и бодр, как был в Киеве. Юлия Н[аркиссовна] много кашляет. Иван Тихон[ович] здесь живет и ни о чем не мечтает, ничего не желает.

Прощайте.

Искренно любящий Вас покорнейший слуга Е. Крыжановский

Утверждали, что [А.И.] Линниченко⁷³⁹ женится на [Н.М.] Чердакли. Сам он не отрицал, такого намерения. Если это правда, то кто же вместо нее будет в случае нужды классною дамою? Рекомендуют какую-то Белову – киевскую, не знаете ли ее?

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича

10 травня 1869 р.

Ф. 154, № 82

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Благодарю за приветствие и приглашение в Киев. Сожалею, что обстоятельства препятствуют тебе летом посетить Петербург, и крайне соболезную тебе в посетившем тебя несчастии – болезни глаз. Здоровье мое в настоящее время, слава Богу, в удовлетворительном состоянии, только глаза

⁷³⁹ Антон Иванович.

ослабели до того, что [настает] необходимость оседлать свой нос очками. Хотелось бы летом уехать из Петербурга [...] /1 зв./ для отдыха глаз и укрепления здоровья, но работы столько, что не могу еще сказать, что будет, т.е. поеду ли в отпуск или останусь в Петербурге. Что делается с братом Феофаном – я оч[ень] давно и не получал о нем никаких известий. Впрочем, здесь я сам виноват.

Дело о духовных детях уже рассматривалось в Департаменте законов Государственного Совета, и выписку из журнала прилагаю при сем: в понедельник, т.е. 12 мая, оно будет докладываться в общем собрании Государственного Совета.

Посылаю при этом для сестер 150 р. и прошу передать им мой поклон, а также всем родным.

/2/ В Сенате есть предположение составить Комиссию для преобразования судебной части духовного ведомства и переделать устав консисторий. В эту Комиссию нужно будет назначить членов из белого духовенства – специалистов по части канонического права, как теоретиков, так и практиков. Обыкновенно в разные комиссии при Синоде назначаются из петербургского духовенства. Я советовал предложить графу Толстому, чтобы назначить 2-х петербургских, 2-х московских и 2-х из Киева, и притом указал на Назария Антоновича как на теоретика, а на тебя – как практика. Если бы это осуществилось, то мы имели бы возможность провести вместе, может б[ыть], целую зиму. Что ты скажешь на это. Об этой Комиссии никто еще не знает, а только /2 зв./ граф Толстой и юрисконсульт Синода. Монахи не должны знать о ней до того времени, пока не будет решено о ней, кем ей быть, т.е. это пока секрет.

Если удастся совершить поездку в Киев, то вероятно, в конце июня или в начале июля. Н.И. Костомаров тоже хочет побывать в Киеве вместе со мной, если только удастся мне.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

10 мая 1869 г.

Хочу быть у митрополита Киевского перед выездом его из Петербурга.

Иван Васильевич Писарев кланяется тебе – хочет приехать в Киев на юбилей Академии.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

28 травня 1869 р.

Ф. III, № 6783

/1/ Любезнейший брат, Феофан Гаврилович!

За тобою два неисполненных обещания: менее краткое письмо и приезд в Киев. Без первого, конечно, можно бы и обойтись, если бы состоялось второе. Что же? Разве отпуск не дали, или затруднительно отлучиться? Или уже разом на юбилей Академии, на который Академия почтила приглашением тебя и Ефима Михайловича? Об этом сказал сам [о.] Филарет, который нередко

предлагает вопросы и тебе с участием. Явное дело, что он с добрым сердцем, только сердитый – или лучше – раздражительный.

Академия вся представлена к награде, но как нельзя было представ- /1 зв./ лять всех к одним наградам, то вышел некий скандал из желания всех получить 3-ю ст. Владимира. Мне кажется, что все они получают по коронке.

[О.] Феофист – епископ Стародубский, викарий Новгородский, а [о.] Ферапонт – ректор Черниговской семинарии. Теперь дол[жны] быть выборы ректора для Киев[ской] семинарии. По назначении моем в каф[едральные] протоиер[еи] Думитринов передавал мне, что меня хотели избрать ректором себе, но теперь эта честь не нужна, а затем, кажется, два кандидата – [о.] Сильвестр и [прот.] Колосов. Посмотрим, чья возьмет.

Епархия теперь возбуждена полученною реформою, хотя она последует вполне через год, т.е. расписанием приходов и причтов, по какому у нас без мест 700 причетников, не считая разных сторожей. Порешен 12 мая в Гос[ударственном] Совете и вопрос об эмаципации детей духовенства, согласно /2/ Безаковым так наз[ываемым] проектом. Как изменится теперь православ[ное] духовенство, распустившее свою голодную армию, которая приносила церкви столько же пользы, сколько ополченцы в Крым[скую] кампанию – Рус[скому] государству. К след[ующему] году дол[жен] явиться и новый устав консисторий, для составления которого формируется комитет в Петербурге, в каковой якобы позовут осенью и меня, и Назария Антоновича, если что не попрепятствует. Митрополита ждем, ждем, но его все задерживают, а чаяно, что приедет сегодня. Теперь, видно, еще останется и на крестины. Верно, граф Толстой важнейшие дела предлагает на выезде, чтобы недолго в Синоде думали.

В соборе Софийском, слава Богу, установил я мир, и Пасху мы проводили друг у друга, как старые друзья после полугодовой войны. Да будет мир и на Холме вашем, ибо что добро и красно?

Барские здравствуют, а также и мои домашние. Мир ти, брате!

Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

28 мая 1869 г. Киев.

/2 збоку/ [Г.П.] Галаган по случаю смерти сына своего отдает студентам Университета свой дом, что на Крещатике, и 200.000 капитала.

**Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
Між 12 травня і 11 червня 1869 р.**

Ф. 154, № 99

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Вот опять пишу к тебе по случаю. Едет в Киев г[осподин] Горянский, чиновник Киевского арсенала. При этом случае посылаю тебе записку по вопросу об открытии детям священно-, церковнослужителей путей для обеспечения своего существования на всех поприщах гражданской деятельности со сводом

мнений епархиальных начальников. Она была составлена для Высочайше /1 зв./ утвержденного присутствия по делам православного духовенства. Сверх сего прилагаю также представление означенного присутствия в Государств[енный] совет и журнал департамента законов Государственного совета по тому же предмету. Сии документы, я думаю, тебе будет очень интересно прочитать, но прошу тебя никому их не передавать, так как это составляет канцелярскую тайну, и нарушающие оную подвергаются ответственности.

Прилагаю также два №№ «Биржевых ведомостей», в которых какой духовный юрист (говорят, будто /2/ бы из Петербургской академии) усиливается отстаивать независимость суда епископского, но очень неудачно. Номера эти попались мне под руку, и я посылаю их тебе не потому, чтобы предавать им значение.

На днях будет доложено св. Синоду предложение графа Толстого об учреждении известной уже тебе комиссии или комитета, для чего и задержатся здесь митрополиты. В предложение включены только теоретики, а практиков представляется назначить самим митрополитам, но о тебе, по приказанию /2 зв./ графа, составлена для него особая записка. Это записка для памяти, чтобы пред заседанием переговорить об этом с митрополитом Арсением, т.е. чтобы он назначил именно тебя, а не кого-либо другого. Если митрополит согласится, то дело о твоём вызове тут же в Синоде и будет решено.

Посмотрим, что-то скажет Синод!

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

Напиши мне, что ты думаешь о пре[...] вашей поездки в Петербург.

**Юхим Михайлович Крижановский до Петра Гавриловича
4/16 червня 1869 р.**

Ф. III, № 3518

/12/ /почерком Петра Лебединцева/ 17-го июня 1869 г.

4/16 июня 1869 года.

Кларан

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Письмо Ваше от 27 мая я получил сегодня утром. Очень рад ему. Очень-очень рад реформам в духовном сословии, хотя эти реформы еще только начало в великих нуждах нашей иерархии. Гляжу я на здешнюю, кальвинистскую иерархию... Часто говорю о ней с моим хозяином (русским и православным, но совершенно онемеченным и окальвинившимся), с местными жителями... Но начала нашей правосл[авной] веры указывают нам несравненно лучшее устройство для нашей иерархии. О, если бы мы вникали в эти начала! Наша вера – православная, но наша христиан[ская] жизнь и наша иерархия совсем не православные! Одно другому противоречит на каждом шагу. Виннегрет и кошемар!

О Свидницком я поручил Пономареву собрать формальные справки, так как получил здесь из Седлеца от одного господина сильное предостережение на счет этого кандидата. Говорят что он забубенная голова, очень вздорный, легкомысленный и крайне неохочий к труду. О Франковском я получил много ходатайств, но я очень предубежден против него. Помнится мне, что и Пономарев стоял за Франковского. Как найдете лучшим, так и устройте. Если о Свидницком получатся благоприятные справки, то он будет утвержден до моего возвращения.

В Львове мне говорил [Б.А.] Дедицкий, что Феофан прислал туда полномочного для покупки очень хорошего эки-/12 зв./ пажа, отправили за покупкою его в Вену. Что это? «Не думает ли барин жениться?» Любопытно, что так помолодило его. Если бы он открыл мне свой секрет и поднял бы меня на ноги. Или для этого достаточно помнить стихи Тредьяковского:

«Плюнь на скуку
Мерзку суку...»⁷⁴⁰

К сожалению, после трехмесячного отпуска мне едва ли дадут хоть час-другой, хотя бы короткий, для участия в юбилейном празднике Академии. А хотелось бы побывать.

Кем же семинария заместит ушедши от нее [еп.] Феокиста? Мне сообщали, что она метит на Вас. Но примите ли Вы это место? Должность кафедрального и спокойнее, и может стать почетнее, а главное – полезнее для епархии, чем должность ректора семинарии при нынешнем положении ее, далеко еще неудовлетворительном для нужд епархии. Иное дело, если бы главное связывающее ее начало – архиереи, были из белого духовенства и выборные...

Здоровье мое расшевеливается понемногу. Воздух здесь живительный и разнообразный притом. У подошвы гор, на берегу Женев[] озера, растут все тропические растения (лавры, кипарисы, кедры и т.д.), а на вершинах – все снег и снег (в июле и августе снег на них пропадает), на полугоре воздух средний. Выбирай, что хочешь. В жаркий день я взбираюсь на горы, на высоту 2000 фут[ов] и просиживаю там часов по 6–7, к вечеру спускаюсь к берегу, в свою квартиру. Наша деревушка – маленькая, всего 30–35 домов. Не судите, впрочем, о ней по Зеленой Дуброве и под. Все дома в ней в 3–4–5 этажей, все строения каменные. Имеются станции: железной дороги, телеграфическая, почтовая, пароходная; поезда железной дороги отходят ежедневно в раз[ные] стороны по 7 раз, пароходы по 5 раз. Есть превосходные экипажи для катаний; имеется до 10 прекрасных отелей; разумеется, нет ступня земли не вымощенного как наилучше, улицы освещены газом, вода всюду проведена с гор, с высоты 2500 футов. Вот Вам и деревня!

История ее довольно поэтична. Родил ее для Европы Ж.Ж. Руссо, восприемником был [Дж.] Байрон. Действие романа Руссо «Julie /13/ ou la

⁷⁴⁰ Тредіаковський Василь Кирилович (1703–1768) – російський поет і перекладач. Ю.М. неточно навів цитату: *Плюнь на скуку /Морску скуку*, тобто знехтуй морською хворобою.

Nouvelle Heloïse»⁷⁴¹ происходит на местности Кларана, тогда еще имевшей несколько пастушеских хижин. Доселе указывают «Bosquet de St.-Preux»⁷⁴² (этот bosquet куплен и застроен замком и парком – одним банкиром парижским⁷⁴³, который вышел в молодости из Кларана, своей родины, простым рабочим с 20 франками в кармане). Нахлынули толпы сентиментальных сердец на Кларан – вздыхать и мечтать о свободной жизни. Заехал сюда и [Дж.] Байрон, и так полюбил Кларан, что остался в нем жить. Здесь он написал и своего «Шильонского узника»⁷⁴⁴. Доселе сохраняется здесь комнатка, в которой он жил, много рассказывается про его быт здешний. Тогда-то европейцы стали приезжать сюда, чтобы не помечтать только, но и пожить, как [Дж.] Байрон. Стали с тех пор заводиться отели и проч.

Я живу не в отеле, а в пансионе. Пансионом называются здесь отели, в которых все живущие имеют один общий завтрак, обед, ужин, каждую квартиру с мебелью, постелью и прислугой за одну определенную плату. Все это я имею, при двух маленьких комнатках, за 6 ½ франков в день. Очень-очень сходно! При этом, впрочем, каждый должен иметь свои свечи, свое вино: если захотите за завтраком или обедом что-либо лишнее, платите особо, и плата очень дорога (чашка чаю обойдется в 1 ½ франка). Извозчики дороги, все дорого. Каждый день я принимаю соляные ванны, каждая ванна стоит мне 3 фр[анка] Каждый день плочу за ягоды 1 фр[анк] Если присчитать сюда табак (оч[ень] дорогой), сигары, прогулки по окрестностям, любопытство Женевою, Монбланом и подоб[ное], то средним числом месяц обойдется мне от 600 до 700 франков. Примите в соображение, что за наш рубль дают здесь только 3 фр[анка] 12–18 сантимов... В нашем пансионе кормят оч[ень] хорошо. Оттого в нем значительное население. Нынешний год здесь очень беден иностранцами, и содержатели отелей, да и все торговцы, заставляют детей своих ежедневно прибавлять к молитве утренней и вечерней «*Dieu, envoyer à nous des etrangers*»⁷⁴⁵. В нашем пансионе теперь 32 души (10 русских, 3 англичанина, 1 француз, остальные немцы). Общество большое, но я мало могу пользоваться им, потому что никак не наломлю своего языка на французский (которым говорят все приезжие). Русская компания – все молодые дамы, шляющиеся по Европе для удовольствий всякого рода, все красавицы и пребезтолковейшие создания. Из-за них часто приходится краснеть. Это – цивилизованные варвары (все княгини, генеральши и под.). Ничем здесь не интересуются, ничего не знают, пред иностранцами пыхтят, свысока огляды-

⁷⁴¹ Julie ou la Nouvelle Héloïse («Юлия, або Нова Елоїза») Ж.Ж. Руссо – найпопулярніший роман у французській літературі XVIII ст., відсилає до історії П'єра Абеляра й Елоїзи. Роман ввів європейську моду на швейцарську рив'єру і сільські пейзажі.

⁷⁴² Боскет Сен-Пре (Сен-Пре – головний герой роману), місце першого поцілунку героїв.

⁷⁴³ Вінсен Дюбоше (1796–1877), французький фінансист, у 1864 р. урочисто відкрив у Кларані резиденцію Шато де Крет.

⁷⁴⁴ «Шильонський в'язень» – поема Дж. Байрона (1816), натхненна Шильонським замком поруч із Клараном та історією одного ув'язнення в ньому, що сталася у XVI ст.

⁷⁴⁵ *Dieu, envoyer à nous des etrangers* – Боже, пошли нам іноземців (франц.).

/13 зв./вают их, занимают всюду первые места, громко разговаривают там, где другие молчат, и молчат там, где другие говорят – прислушиваются и промеж себя вслух трунят над ними. Только наряжаются и клубничают, не пренебрегая для этого удовольствия ничем и никем. Дома они стеснены обществом, молвою, здесь – ничем. Друг про друга рассказывают пребеспутные вещи. Все они (в том числе гвардейский офицер) от меня узнают такие новости, напр[имер], что в Швейцарии республиканское правление, что не Женева, а Берн считается здесь глав[ным] городом правит[ельственным], что все должности здесь выборные. Некоторые из них жили по году и по два в Германии и теперь спрашивают: кто такой Бисмарк и что такое он сделал? Пускай газета и согниет в гостиную, никто из них руки не протянет к ней. Ничто в России их не интересует, кроме сплетней про знакомых, которых они ждут с каждым письмом. И такие экземпляры – говорят мне иностранцы – сплошь да рядом встретите на всех европейс[ких] гульбищах. Зачем они живут? Каким обр[азом] они могут жить без желания понимать, любопытствовать чем, уважать что-нибудь. Как можно не любопытствовать здеш[ней] природою, не желать знать что-либо про нее. Все одно, что корове показывайте эти картины природы – не понимают, что тут изящного. Только и мечты, что в октябре и ноябре поедут в Ниццу, где множество лореток и голодных на них, потом в Петербург, где для них важны только пира, балы и клубничка... Найлучшие люди – англичане: самые богатые, здоровые, свободные, умеющие вести себя так, что и сами ничем не стесняются, других ничем не стесняют. Немцы очень солидные, смирные, но как будто собаку дохлую съели, все смотрят из-под лоба. Француз – совершенный ветер, милейший болтун, пустейший господин, вежлив – как нельзя более. Все эти народы и местные жители глубоко презирают русских, особенно немцы. Некоторые из них бывали подолгу в России и знают по-русски, я режусь с ними по целым дням из-за этого. «Варвары, варвары», – и только. Ох, правда, правда! Но мы не виновны в том. Правда, впрочем, наполовину: мы варвары сравнительно с ними в практическом быту. Но высшие стремления, духовные потребности – другое дело. Тут решительно все поглощает холодный расчет и материализм. Мы же несравненно богаче началами духовными, хотя они и не развиты у нас, хотя бы должны в этом случае сказать словами поляка: «Mara duża w brzuchu, tylko na dwór nie moge»⁷⁴⁶. Они заняли такие прелестные места, нам оставив степи, равнины голые, пески, болота, холод; они почти 1000 лет раньше нас сложились в государство; они взяли готовую цивилизацию – римскую... Но дайте нам время... Дайте нам поскорее школы и школы, железные дороги, шоссе по деревням... Тогда, чертовые немцы, померяемся. Эти туристки – это наше /14/ испражнение, а не члены общества. Мы сами презираем их, они чувствуют это и бегут от нас. «Но у вас как будто в натуре нет совести, долга, религиозности, особенно права, чести, труда...» – чертовые немцы не хотят знать, что эти болячки наши – исторически случайные, что мы сами сознаем их и знаем средства к избавлению от них, помаленьку (черепашьим шагом, повертываясь на печи, рассуждая спяна в кабаках)

⁷⁴⁶ Mara duża w brzuchu, tylko na dwór nie moge

избавляемся от них... «Но вот вам цвет ваш: вот университеты ваши посылают молодых профессоров для изучения своего предмета... вот правительство командирует раз[ных] своих агентов для подоб[ной] же цели... вот [министр] Головнин целую толпу молодежи наслал было⁷⁴⁷ для приготовления к кафедрам... Были здесь даже дамы, командированные правительством с научными целями... Все это здесь только кутило и кутит нараспашку, ничего серьезно не изучая, ни за что не умея взяться, не имея никакой подготовки, навыка к труду. Спешат поскорее знакомиться с эмигрантами, и от них получают свою мудрость; или прочитает две-три книги, научится болтать по-иностранному, случайно встретиться с ученым – вот и возвращается домой, сыплет красноречивую чепуху, получает доктора, но остается, мож[ет] б[ыть], еще большим невежею, чем был до приезда сюда...» Черт бы вас побрал, проклятые немцы, Вам приятно топтать и цветы наши... «Вот у вас размножатся железные дороги, превосходные двигатели цивилизации; но они разводятся искусственно, не с прямою целию, естественные интересы их на заднем плане, все невпопад, все без толку. Кто доживет – увидит, что дороги ваши будут полезны преимущественно Европе, а не вам; у вас усилятся только добывание сырых материалов, нужных для наших фабрик, но не разовьется как должно производство, выделка товаров... Вот у вас заводятся школы – смех! Каждый становой пристав может скрутить эту школу в бараний рог, надругается над грамотным, светские ссорятся с духовными за право обучения, и одни другим мешают увеличивать успехи школ... Вот у вас Финляндия, всегда не любившая вас, пользуется конституциею – за что, про что? А полякам дали автономию накануне революции... Отняли, опять дадут, не в силах будут устоять пред ловкостью их... Нет у вас сути разума – единства, последовательности, строгости, верности себе, вы все с лукавством, задними мыслями, вредите друг другу, ни в чем у вас нет гармонии... Духовенство ваше все презирают, обучение религии – смех, иерархия ваша – материалистическая...» и т.д. без конца. Положим, говорят это немцы, французы, англичане. Но из-за чего распинаются /14 зв./ эти швейцарцы? Что они сделали? Гордятся республикою? Но они ни сном, ни духом не виноваты в ней. Посмотрите на эту местность – на ней никакой монарх доселе не мог бы управиться. Но вот уже Наполеон закидает лапу на франц[узскую] половину Швейцарии, они трясутся, стараются не разгневать его; вот Бисмарк посматривает на немецкую половину ее... Производство и благосостояние ее вызвано и поддерживается только европейскими заезжими, обратившими всю Швейцарию в свою сплошную дачу. Этим мужикам-самодержцам недолгий век. Гордясь своею свободою, они до того угнетают рабочий класс, что тут постоянны маленькие революции (при мне было возмущение рабочих в Женеве и в Лозанне) и ненависть между этими

⁷⁴⁷ З ініціативи міністра народної освіти (1861–1866) Олександра Васильовича Головнина (1821–1886) на початку до німецьких університетів були відряджені кандидати у професори для університетів Російської імперії та фахівці, які б вивчили університетські порядки. Керував ними, проживаючи в Гейдельберзі, Микола Іванович Пирогов.

проприетерами⁷⁴⁸ и рабочими напоминает мне времена в Украине пред Колиивщиною. Проприетеры сами это понимают, но побрались за руки и думают силою подавить своих противников. Это – жиды будущего света: где дело коснется копейки, там брат, отец, честь, совесть, все к черту, и кальвинский пастор с кафедры похвалит вас за это. Рабочие – это беспутнейшие животные. «У нас был лад, пока ваши эмигранты не наехали к нам, все это Ваш [М.А.] Бакунин⁷⁴⁹ наделал...» Смех, [М.А.] Бакунин вдруг перевернул политический быт Швейцарии – в два-три года! Правда, это господа все сошлись здесь и куролесят ([А.И.] Герцен утихомиривается, [Н.П.] Огарев неизлечимо болен, зато их собратья презирают. Глава всему – [М.А.] Бакунин, атлет по сложению, необыкновенно владеющий словом, друг и царь рабочих). [М.А.] Бакунин и [Г.Н.] Вырубов разъезжают по общинам рабочих, ораторствуют против собственников. Ораторствовали они в прошл[ом] году в Берне в Ligue de Paix⁷⁵⁰, но после речи [Г.Н.] Вырубова, в которой он для всеобщего мира требовал уничтожения правительств, обществ, семейственности, религии, собственности, им предложили выйти вон из Собрания (на котором были свободные представители всей Европы) как людям с варварскими понятиями. (Ходит здесь по рукам карточка. Общее заседание Лиги, в дверях показывается Бог, хочет войти в собрание, все члены почтительно приглашают его; вдруг рванулся к двери громадный [М.А.] Бакунин с кулачищами, за ним (карлик) [Г.Н.] Вырубов и лысый [П.Д.] Боборыкин, давай подпирает дверь и прогонять Бога, пнутся из всех сил, грозят ему кулаками...) Да ведь эту сволочь легко бы утихомирить, если бы у этих самодержцев-мужиков были наравств[енные] силы.

Вот я и расписался, разболтался. Поневоле заболтаешься здесь обо всем этом, когда поглядишь вокруг себя. Нет души, с которою мирно можно бы сойтись, свои – хуже чужих, потому что чужие все-таки говорят с толком, а наши – решительно бестолковы. Газет русских я однажды только достал здесь, бывши в Женеве, у серба, торгующего табаком. Местные газеты ни слова не говорят о России – «чтоб не раздражать приезжих русских» (как будто о России и можно говорить пошлости). Другие иностр[анные] газеты все ругают нас, страшно клеветают. Из Седлеца почти ничего не пишут, два письма – страшно ленивых, только и сказавших, что решительно не о чем писать (т.е. ничто их не интересует). Впрочем, теперь Седлец мало интересует меня.

Прощайте. Ваш Е. Крыжановский.

/14 зв. збоку/ Проживу здесь до 1 июля, думаю дорогу обратную сделать чрез Париж, до которого отсюда 15 часов езды. Из Парижа поеду чрез Берлин, и 13 июля буду уже в Варшаве.

⁷⁴⁸ Власники майна; від французького *propriétaire*, протипоставлене *prolétaire* – пролетарям, єдина власність і громадянське служіння яких – їхні діти, яких вони годують.

⁷⁴⁹ Бакунін Михайло Олександрович, Герцен Олександр Іванович, Огарьов Микола Платонович, Вирубов Григорій Миколайович, Боборикін Петро Дмитрович – лідери, прихильники революційного руху.

⁷⁵⁰ *Ligue internationale de la paix et de la liberte* (Міжнародна ліга миру і свободи); її II конгрес відбувся у вересні 1868 р. в Берні.

/13 зв. збоку/ Для Сережи у Тихомировых так хорошо, как у меня не может быть. Но Юлия Наркис[совна] так слаба, что едва ли можно оставлять его у них на зиму. Она в бытность мою там каждую почти ночь прокашливала напролет, и кашель совершенно Надинькин. Бывает и кровь. Кажется, недолга жизнь ее.

/14 збоку/ Кланяйтесь Киеву: Павлу Ф[едоровичу] с Сусанною Ив[ановной], [Н.Я.] Оглоблину, [А.Д.] Воронову, [И.И.] Малышевскому, [о.] Филарету, [П.А.] Игнатовичу и под. Также Андрею Ив[ановичу] Линниченке с женою. На днях буду путешествовать по здешним учеб[ным] заведениям, преимущественно начальным училищам, почитаемым почему-то образцовыми. Все меньшие, средние и высшие учеб[ные] заведения здесь практич[еского] характера. Над реальными гимназиями здесь смеются, в классических видят трату времени. В университетах собственно три факультета: богословс[кий], юридич[еский] и медицинский. Рассматриваю теперь программы и уставы училищ Цюрихского и Фрибурекского кантонов, считающихся лучшими. Удивительное понимание и широта практической жизни в них. Но только практически высшие стремления духа тут совсем опущены, они слепо отданы в распоряжение пасторов.

/12 зв. збоку/ В Женеве был в правосл[авной] рус[ской] церкви. Маленькая, во вкусе московских старых, коробящих душу и чело. И выберет же человек архитектуру азиатскую – на показ Европе, выдавая ее за православную и русскую! Не за это ли отличие зданий (молодой) священник имеет наперсный бриллиантовый крест и Анну 2-й ст. (да орден Спасителя). Внутри церковь представляет прекрасный дамский будуар. Впрочем, это хорошо. Поет хор местной оперы – превосходно. Выговор только смешной: «Господы помилюй», «Аминь... блягосльови...» Придворное наше пение у них особенно хорошо выходит. Гид Женевский пишет: «Рус[ская] каплица – великолепнейшее /13 збоку/ здание (что у них, то все безмерно чудно, дивно, хвалят свое, совершенно как поляки), построил ее “Un Pore”...» – и только. Был я там в кальвинских кирхах. Ужасно, только скамьи, орган и кафедра. Все богослужение состоит только в чтении евангелия, пения псалма и проповеди. Самая [...], мертвящая, самая произвольная религия! Зато нигде я не видел в кирхах молодежи, только старухи, старики и дети.

/12 вгорі/ Видел я в Женеве в кирхе членов Женев[ского] Государ[ственного] Совета (кажды кантон имеет свой Conseil d'Etat⁷⁵¹). Довольно взглядеться в их рожи и руки, чтобы видеть сразу, что один сапожник, другой кузнец и т.д. Придешь в лавку покупать что-то, выходит хозяин – глядишь на него, черт его знает, может быть, он председатель Государств[енного] Совета. Из заседаний совета чины его расходятся прямо кто в кузню, кто за прилавок и т.д.

/13 вгорі/ На днях здесь в Кларане подмастерье портного издал «Географию», которую кантон признал наилучшею для училищ. Этот подмастерье выговорил себе у своего хозяина в день по два часа, в которые ходит в ближ[ний] городок (Монтре) и дает уроки географии в женс[ком] училище (вроде

⁷⁵¹ Conseil d'Etat – Державна рада (франц.).

наших прогимназий), потом снова берется за иголку и нитку, по вечерам читает и пишет. Вот какие тут мастеровые.

/12 збоку/ Читаю здесь иногда брошюрки религиозно-правительственные, изд[анные] кальвинскими пасторами. Слава Богу, у нас такие вещи (вроде «великолепного конфета», «манны небесной» и под.) уже давно вывелись. Здесь все еще потчуют «Ханааном небесным», «колосьями на небесной ниве» и под. Пища эта не по нашему желудку. «Оставь всякое намерение направить себя для вечной жизни сколько-нибудь собственными усилиями, делами». Веруй, веруй, веруй – и только! (Поэтому-то здесь в быту вы не увидите истинно христ[ианского] дела, ни в каком житейском поступке не скажется дух религии, а в вере все здесь ограничивается слепым, безусловным повиновением пасторам.) Чем ближе всматриваюсь в кальвинизм, тем он кажется мне самой ничтожной религиею. Брошюрки эти доходят до того, что смеются и ругаются над усилиями человечества усовершенствовать себя посредством цивилизации и называют эти усилия – усилиями сатаны поравняться с Богом. «Вся цивилизация полезна только для материального быта – в высших потребностях, в деле религии и спасения души она ничтожна».

**Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
11 червня 1869 р.**

Ф. III, № 3582

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Василий Родионович Ратко⁷⁵² едет в Кишинев чрез Киев. С ним посылаю тебе братский привет. Синодальный сезон кончился, и митрополиты с православными архиепископами и графом Толстым разъехались в разные страны. Они очень торопились, и как дела было много, а собирались они один раз в неделю, то предложение графа Толстого о комиссии для пере-/1 зв./смотра устава духовн[ных] консисторий осталось не доложенным Синоду. Граф Толстой отложил это дело до осени. Граф Толстой уехал за границу, но к концу июля возвратится и проживет в своем имении недели три, а оттуда отправится в Киевский учебный округ на ревизию. Таким образом, он, вероятно, будет в Киеве на юбилее Академии.

На днях я получил письмо от брата Феофана. Он жалуется на свою судьбу – она тебе известна. Я пробовал было передать из /2/ его письма графу Толстому при посредничестве Василия Родионовича (он тебе об этом расскажет), но не удалось. Так как граф уже уехал, то Феофану следует обождать его возвращения. Конечно, самое лучшее для Феофана – обратиться с письмом к самому графу и объясн[ить] ему свое положение. Я даже думаю, что для Феофана было бы еще лучше лично передать все графу, когда он будет в Киеве на юбилее Академии.

⁷⁵² Ратко Василь Родіонович (1829–1885) – службовець Военного міністерства, учасник Кримської війни 1853–1856 рр. Його брат, Олександр Родіонович Ратко, викладав у Кишинівській ДС.

Теперь я стараюсь разузнать в Министерстве народного просвещения, нет ли там какой-либо переписки о Феофане вследствие казуса [М.Н.] Нолле и [Ф.Ф.] Кокошкина. /2 зв./ Если обстоятельства позволят, то я, может быть, в начале июля поеду на несколько дней в Холм.

Кланяется тебе Иван Васильевич Писарев. Он был у [преосв.] Нектария и передал ему историю брата Феофана. [Еп.] Нектарий советовал, чтобы я от себя послал письмо к графу Толстому по городской почте с изложением дела, но я нашел сие неудобным по разным причинам. Горячностью можно только испортить дело.

Получил ли ты письмо и книги, посланные с Горянским?

Передай мой поклон всем родным.

Искренно любящий брат Даниил Лебединцев.

11 июня 1869 г.

/2 зв. збоку/ Кланяется тебе старик Прокопович. Он хотел было приехать в Киев на юбилей Академии, но теперь очень ослабел, так что думает уже проситься на покой, т.е. за штат, а потому теряет надежду побывать в Киеве.

Григорій Маркович Левицький до Петра Гавриловича

8 липня 1869 р.

Ф. III, № 11448

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович!

В последнем письме своем к Вам чрез о. Семена Левицкого я уведомлял в получении серий, а теперь, по вручении оных г[осподину] Левину, высылаю и квитанцию. По сериям принято немного больше, чем Вы определили, всего на 2–24 к[оп.] Теперь я спокоен, зная, что дело придет к концу.

Один благочинный рассказывал мне, что уже получено им распоряжение о составлении приходов по новой реформе, обще с приставом и мировым посредником; но что при этом не /1 зв./ получено ни инструкции, ни наставления, а потому он и не думает приступать к столь серьезному делу. В самом деле, как приступить к соединению, напр[имер], приходов, когда ни откуда не известно, какой численности приходы должны быть соединены. При том не может быть, чтобы многие причты и прихожане не воспротивились более или менее невыгодному соединению. Тут начальству предстоят немалые хлопоты. Сколько явится жалоб, просьб и т.п., а сколько самые благочинные могут учинить неправды относительно нелюбимых причтов, и наоборот, опираясь, конечно, /2/ на то, что им не дана инструкция. Великая реформа произведет и великий крык. Уже и теперь многие дьячки и пономари, и в особенности бедные, вопиют к небу о помощи. Что же будет по совершении дела?.. У нас вот уже другая неделя идут беспрерывные дожди, и отличный озимый хлеб гниет на полях.

С истинным уважением и преданностью остаюсь Ваш покорный слуга и брат священник Григорий Левицкий.

8-го июля 1869 г.
Калинова.

Арсеній Гаврилович до Петра Гавриловича
19 липня 1869 р.

Ф. 154, № 66

/7/ 19 июля 1869 г.
Одесса.

Вчера, возвратившись из Севастополя, застал я дома два письма, одно от тебя, другое от Данила Гавриловича. В том и другом упоминается о Юрии Савиче Тесельском, которого и карточку нашел на столе. Еще не видел земляка, но чем могу, готов служить ему.

Благодарю за братскую любовь твою, которую простираешь и на детей моих. И они тебя сердечно благо-/7 зв./дарят и целуют ручки. О жене моей нечего говорить: она тебя беспредельно почитает и вседушевно любит.

Да, я был в Севастополе. Что сказать об нем? Он доселе в развалинах, хотя кой-где по местам и возникли новые строения. Исходил я город во всех направлениях, и везде производил он тяжелое впечатление на меня. Кажется, последний раз видел я Севастополь, и когда пароход удалялся от него, едва удержался от слез.

/10/ Был в Херсонесе, видел дворец о. Евгения и храм недостроенный⁷⁵³, в котором, впрочем, накануне 15 июля совершается всенощная. Вижу промах строителя, но много он для Херсонеса [сделал] такого, за что можно и должно простить ему этот промах. Знакомясь с обителью по документам, я вижу, что он приобрел для ней (он и другой кто не мог этого сделать в настоящее время) /10 зв./ 2500 десятин земли. Нужно быть на месте, чтобы видеть, что он там не сибаритничает, а работает в поте лица. Кстати, передаю тебе его просьбу. Провожая, он просил меня написать тебе, что о. Никон⁷⁵⁴ напрасно говорит, будто о. Евгений выжил его из Балаклав[ского] монастыря. Сам преосв. Гурий⁷⁵⁵ еще в прошлом году хотел просить Синод об удалении за неразумные распоряжения в

⁷⁵³ Архімандрит Євгеній (Екштейн) керував Херсонеським монастирем у 1857–1874 рр. За його настоятельства були побудовані дві церкви, настоятельський корпус, трапезна, готель для паломників і господарські будівлі. Собор св. Володимира був добудований лише до 900-річчя хрещення Русі. Діяльність і особу о. Євгенія сучасники і близькі нащадки оцінювали неоднозначно.

В Інституті рукопису НБУВ зберігся лист о. Євгенія до Петра Гавриловича (ф. 154, № 44).

⁷⁵⁴ Архімандрит Никон (Конобеевський) – настоятель Балаклавського Георгіївського монастиря у 1860–1867 рр. Убв відправлений на спокій, оселився у Києво-Печерській лаврі. Автор нарису: Балаклавський Георгієвський першокласний монастирь. Чернігов, 1862. Дворюрідний брат єпископа Чернігівського Філарета (Гумілевського).

⁷⁵⁵ Гурий (Карпов; 1814–1882) – єпископ (архієпископ) Таврійський у 1867–1882 рр.

монастыре, но [о.] Евгений просил оставить пока он сам попросится, что и случилось.

Был я и на Южном берегу – и все без великих расходов с моей сто-/8/роны, с о. Алек[с]ея Демяновским. Видел Ливадию. Это такой уголок на Южном берегу, что едва ли в земном раю было лучше. К царскому приезду, отложенному, впрочем, до 2 августа, все готово.

Я уже писал тебе, кто будут официальные депутаты на юбилей Академии от Одессы. Мне действительно предлагал эту честь Мартирий Федорович⁷⁵⁶, и частно, и в собрании правления, но я отклонил это предложение, сказав, что приличнее всего ехать /8 зв./ на юбилей о. ректору семинарии, с чем и согласилось правление. А неофициально, если кто явится на юбилей из воспитанников академии, разве не будут таковым рады?

На пути из Крыма, на пароходе, я познакомился с профессором Киев[ского] университета Владимиром Ив[ановичем] Дыбковским⁷⁵⁷. Приятно провел время в воспоминании о Киеве. И вот спешу к нему с письмом этим.

Любящий тебя брат Арсений Лебединцев.

/9/ Марфе Гавриловне от всех нас низенький поклон.

За откровенность благодарю. Положу хранение устом моим. Я был, впрочем, убежден, что [А.П.] Безак почерпал идеи об улучшении духовного быта не от кого другого, чем от тебя. Предмет сей будет в пререкание многое.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
15/27 вересня 1869 р.**

Ф. III, № 3519

/15/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 26-го окт[ября] 1869 г.

15/27 сентября 1869 года.

Кларан

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Человек предполагает, а Бог располагает. Задумал я провести в Швейцарии всего два месяца, а вынужден сидеть здесь уже пятый месяц. В конце июня, когда у меня все было готово к отъезду в Россию, вдруг неожиданно открылось у меня сильное кровохаркание (ночью с 23 на 24 июня). Починив меня кое-как, доктора усадили меня в горы (в Китерлякель) на сыворотку. Там и прожил я июль и август. Но кровохарканье не только не покидало меня, но появлялось чуть не ежедневно, а 3-го августа разразилось целью [...] крови. Тяжелое то было время. Ходить нельзя, ехать нельзя, писать особенно нельзя, читать нельзя... Бывало, пройдешь с ¼ версты скорее, чем ходят в служении митрополиты, тот час кровь. Выдержал я

⁷⁵⁶ Чемена Мартирій Федорович – дуже шанований одеський протоієрей, ректор Херсонської ДС у 1868–1900 рр.

⁷⁵⁷ Дибковський Володимир Іванович (1836–1870) – лікар, фармаколог, викладач Університету св. Володимира, з 1868 р. професор.

полный курс лечения сывороткою, никакой не увидел пользы, /15 зв./ и поехал назад, к берегам Женевского озера для лечения виноградом. Вот уже четвертую неделю ем виноград (по 3, 4 и 5 фунтов натошак) и чувствую величайшую пользу. 3-го сентября, потаскавшись в Лозанну на конгресс мира (Ligue de paix) и просидев в духоте около двух часов, я чуть было не потерял все, что приобрел. Но теперь снова поправляюсь. Хотя до полного выздоровления далеко еще, и доктора требуют, чтобы я остался здесь до следующего лета, однако я здоров настолько, что могу вернуться в Россию и заниматься там делом (только писать мне невероятно тяжело, сильно устаю после 15–20 строк письма). Из всех болей осталась только незначительная боль в верхней части груди с правой стороны. Крови нет и капли вот уже две недели, лихорадки нет уже с месяц, поту нет, кашлю давно нет, мокроты прекратились, могу ходить верст по 6 сразу. Долгое время я был убежден, что иду по следам Надиньки. Теперь начинаю разубеждаться в том. Доктора поддерживают во мне это разубеждение, полагая во мне только сильное нервное и мускульное расстройство от неправильных занятий, а появление крови признаком результата постоянных приливов ее к легким от душевных волнений и геморроя⁷⁵⁸. /16/ Дай Бог их устами мед пить. В Россию выезжаю 24 сентября.

Спасибо [графу] Толстому Он с большим сочувствием отнесся к моей болезни и выхлопотал мне раз и другой отпуск на три месяца с содержанием, предлагает в случае нужды еще и еще отпуск на три месяца (до мая след[ующего] года). Я получаю здесь не только жалованье, но даже разъездные деньги, и живу с полным довольством. У него были на мой счет какие-то планы (перемещение), да болезнь моя им помешала (мож[ет] б[ыть] и к лучшему, кажется). Часто получаю от него поклоны чрез разных лиц, последний – из имения его в Рязанской губ. Но не всякое начальство так относится ко мне, особенно по случаю этих поклонов готовы чуть не в заговоре упрекать меня. Я потому преимущественно не хочу долее пользоваться милостями и давать поводы к поклонам и справкам о здоровье, хотя провести здесь зиму для меня значило бы выиграть, мож[ет] б[ыть], полное здоровье или лет 10 жизни, и еду в Седлец.

Вот Вам вся биография моя за эти последние месяцы.

К Вам собираются в гости Тихомировы с Сережею. Не нахожу средств перевезти Сережу за тепла в Седлец. Кажется, что он останется там зимовать. Приедут в Киев – приголубьте его и кланяйтесь ему от меня.

/16 зв./ 29 сент[ября] Юбилей Академии. Жаль, что я никак не могу поспеть к этому дню в Седлец, где вместе с проч[ею] братиею думалось отпраздновать этот день. Самое раньшее – если я в этот день буду в Вене.

Какие дни прелестные здесь! Какое множество народа съехалось сюда! Министров и королев – как собак. По соседству со мною живет Александра Иосифовна⁷⁵⁹, гуляет по улицам, как немка-хозяйка, оставив все великокняжеское в России для русских. Моя хозяйка дает сыну ее Вячеславу уроки франц[узского]

⁷⁵⁸ Гемороем називалось варикозне розширення судин.

⁷⁵⁹ Олександра Йосифівна (1830–1911) – дружина в. князя Костянтина Миколайовича, брата Олександра II.

языка, говорит, что он большой шалун. Ал[ександра] Иос[ифовна] проживет здесь до генваря. Болеет спиною.

Прощайте. Не проведет ли Бог в след[ующем] году видеть Киев? Поклонитесь от меня Павлу Федор[овичу] с Сусанною Ив[ановной], а в день юбилея – всей Академии низко. Скажите ей, что я благодарю ее за то, что она научила меня совестливо трудиться и чем – между прочим – обеспечила мне средства излечения на случай долгой и тяжелой болезни – что воспитанники ее (числом 9), служащие со мною отличаются в трудах уменьем, постоянством, большим и, так сказать, ярким упорством в преследовании цели своих занятий – что труд их в среде рус[ского] населения, шесть веков ополячиваемого и латинизируемого, чрезвычайно плодотворен и в прошлом году заслужил весьма лестный отзыв г[осподина] министра народ[ного] просвещения, управляющего и делами унии.

Искренно любящий Вас покор[ный] слуга Е. Кр.

/16 зв. збоку/ Извините, что написал архиер[ейским] почерком, не могу лучше писать.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
5 листопада 1869 р.

Ф. III, № 3520

/17/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 11-го дек[абря] 1869 г.

5 ноября 1869 года.

г. Седлец

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Спасибо Вам за память. В свою очередь и я прошу у Вас прощения, что во времени приезда в Седлец не написал Вам. Жизнь моя слишком однообразная и – что писал я в Киев Тихомировым, то и теперь приходится повторять, прибавив очень немного.

Премного обрадовался я карточке Сережи. Но как мало в ней сходства с ним! Плохи же у Вас фотографии. Тяжело мне без Сережи, но что делать? Теперь еще тяжелее было бы с ним, глядеть на него. Уж как я рад перемене в нем капризов на спокойную резвость! Оставляю его у Тихомировых, пока будет можно.

Мое здоровье таково, что до апреля нельзя мне выходить из комнаты, как бывало – Надиньке... Сижусь, дней по пять не вижу ни одной души, кроме секретаря. Не знаю, как перенесу это тяжелое заключение.

/17 зв./ 5 ноября освящали у нас новую церковь. Архиерей, наместник, вся варшавская знать была при этом, обедала, потом плясала в новом здании клуба... Разумеется, что ничего этого я не видел. Приезжали и ко мне многие.

Переход в Белую Церковь теперь для меня был бы невозможен. Да и трудно рискнуть переходом куда бы то ни было. Ведь мне нельзя заниматься много, а –

кое-как. Здесь за мною кое-какие заслуги, и на год дадут мне льготы, а там я пока нуль. Есть, впрочем, у меня кое-какие, оч[ень] слабые надежды на уменьшение служеб[ных] занятий... Ходят кое-какие слухи, и как показали справки, не без основания. Разве [Ф.Ф.] Витте помешает. И за что он опять дуется на меня – не понимаю. [Граф] Толстой еще доедает ему. И оставили бы меня в покое. Кто их просит о деньгах, на черта мне их деньги теперь! Я никогда не унижусь пред [Ф.Ф.] Витте до просьбы о этом. Есть у него кому давать, или точнее – есть кому выманивать у него на раз[ные] латки. У [графа] Толстого в прошлом году просил, тот насел на [Ф.Ф.] Витте, последний уперся и не дал – больше и у [графа] Толстого не просил и не буду просить. К чему же тут усердствовать? Ведь я ездил за границу не по командировке с ученою целию...

Вас печалят униатские дела. Меня, напротив, радуют они. Вернувшись в Седлец, я застал [С.С.] Громеку в страшной ссоре с [еп.] Куземским (из-за личностей), а в /18/ делах унии большой прогресс. Хотя много бывает в них выходок нелепых, но они неизбежны при самом толковом ведении дел, и виновность их совсем теряется в общем направлении этих дел. Я бы доказал Вам все это легко, если бы Вы видели здешнюю унию в 1866 году и ныне взглянули на нее. Но Вы ничего непосредственно не можете знать в ней. Нужно отдать полную справедливость стойкости, с какой противная партия ратует против современного направления уният[ских] дел. Это стойкость протопопа Аввакума, распинавшегося за перстосложение и громившего римские новшества: «Церковь православную хотят извити литовские люди (киевские ученые), латинскую веру проповедуют...» Это стойкость тех смоленских попов, которые в конце прошлого века обличали Волынь в неправославии. Пред этою стойкостью ничто ни правда, ни долг, ни честь. Нужны ей факты – она выдумывает их без зазрений совести, и все изменяет сообразно своей нужде. Простые ошибки она возводит в злонамеренность, неизбежные привычки – в заговор, искреннюю преданность какому-либо обычаю религиоз[ному], нисколько не изменяющему главной идее дел, предательством, изменою (чего, кому?..) Напрасно было бы спорить с этою стойкостью, теперь никто с ними и не спорит (сама себя эта партия прозвала православною – большего позора православия она не могла здесь сделать – других всех нас анафематствует), но все сожалеют о сих как о несчастеньких. Вам и каждому очевидно, ч[то] оппозиция эта началась с первого же дня приезда [еп.] Куземского и – из-за визитов! Держится она только на грубом эгоизме (с той и другой стороны), религия здесь только предлог. И кого хотим обмануть мы? Разве неизвестно всему миру, что у нас [кн.] Черкасский был гениальным человеком, пока гладил нас по головке, а как выручал нас – стал дураком и подлецом первой руки; что все имев-/18 зв./шие отношение к унии – подлецы и дураки, кроме нас, разумеется: [С.С.] Громека подлец, [Й.С.] Сидорский – подлец, [Ф.Ф.] Кокошкин подлец, [граф] Толстой, [еп.] Куземский – все ничего не понимают в унии, люди неправославные и неблагонамеренные, глупцы и подлецы. Одни только мы хорошо правили унию, по увольнении [кн.] Черкасского до панования [С.С.] Громеки. Во главе епархии стоял христопродавец, чуть не чистивший нам сапогов. Пономарь холм[ской] прав[ославной] церкви бывало читает ему от

нашего имени поучения и наставления, и мы потешаемся бывало рассказами, ч[то] Холм[ской] епархией управляет пономарь наш (на свои уши не раз слышал эту [...] и в Варшаве). Требуем к себе на редакцию или сочиняем «Окруж[ные] послания», которые рассылаются потом консисторией... (конечно, не для исполнения, о котором нельзя б[ыло] и думать). Эти нелепые послания дают нам повсюду говорить речи о величайших успехах наших в делах унии, кричать с церков[ной] кафедры (единственный присяж[ный] оратор церковный – [о.] Дьячан, которому мы предварительно дали в год 3 т[ысяч] р.с.), что «уже наша віра православна цвіте...», – приказывать певчим униятским петь Символ веры без «Сына» (и имеем совесть потом твердить, ч[то] мы не приказывали, а певчие сами так убеждены...), а учеников и учениц водить только в правосл[авную] церковь... Это действительно пономар[ское] управление епархией неизбежно породило сначала презрение, потом открытое волнение. Когда [С.С.] Громека кинулся тушить этот пожар, мы, вместо поддержки, осыпали его невероят[ной] руганью и свалили на него причину пожара! Теперь дела унии в твердых и гордых руках. Нам во всеуслышание говорят, ч[то] мы нелепо распорядились унией, точь-в-точь как езуиты, на тех же нравств[енных] основаниях, уничтожили наши распорядки, приказали нам ни во что не мешаться, над нами трунят... Как же нам не доказывать, ч[то] уният[ские] дела идут к гибели? Выдыбай им, Боже!!!

[Еп.] Куземский невыносимо тяжелый, гордый и хитрый человек, и с ним никто не может сдружиться. Но это не относится к делам униятским. В Галиции никто не любил его, но все готовы поставить ему памятник за дело его народные. Он уже и со мною задирается, пустив про мое пребывание в Львове сплетню, я резко отнесся к этому поступку его, однако не поставлю своего эгоизма выше всякого благополучия унии. Я готов даже обвинить его с политич[еской] стороны как хохломана ярого – мир галичан с ляхами строится не без сильного влияния его. Но оппозиция корит его не хохломанством (та и сама не прочь похоломанивать, [...] и поругать Москву), а латинством. Грубым напором своего эгоизма, прикрываемого православием, это оппозиция сделала только то, что теперь вся Галиция отшатнулась от нас: «Вот ваши желания от нас – не идея и жизнь православия, а мелкие формы его... Вы хотите выдрать из нас душу, сердце, отнимая у нас обычаи наши, с которыми мы считались... Разве мы теперь не православные? Напротив, едва ли вы вполне православны, по кр[айней] мере, гниете в религиоз[ном] отношении, как раскольники ваши, убивая дух из-за /18 зв. збоку/ формы. Покорно благодарим, лучше останемся мы при своем православии, а вы оставайтесь при своем. Видно, и правда, ч[то] из России нечего ждать христ[ианской] любви и братской помощи. Попробуем в этой беде помириться с ляхами...»

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
листопад 1869 р.

Ф. 154, № 84

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ 28 дек[абря] 1869 год

Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Ты пишешь, что мож[ет] б[ыть] к 1-му декабря мы уже увидимся в Петербурге. Так как вызов вас в Петербург последует не ранее приезда Киевского митрополита и после заседания Св. Синода, в котором доложено будет об учреждении комитета для преобразования церковно-судебной части, то мне кажется, что вы можете быть в Петер-/1 зв./бурге не ранее половины декабря. Но может быть, митрополит вздумает вас взять вместе с собою, не ожидая вашего вызова. Относительно содержания вашего юрисконсульт Синода сказал, чтобы вы не беспокоились. Хотя граф [граф] Толстой и скуповат, но можно ожидать, что назначено будет приличное содержание. Московский митрополит в своем ответе сказал, что приглашаемые из Москвы депутаты согласны, если им будет назначено приличное содержание. /2/ Хорошо, если бы и Киевский митрополит не умолчал о сем. Квартиры собственно для тебя искать не нужно, так как у меня найдется для тебя помещение, но если бы ты нашел мою квартиру неудобною или же захотел жить вместе с Назарием Антоновичем, то в таком случае по приезде вашем в Петербург я предоставлю вам всю мою квартиру, а для себя найду вблизи помещение, или же найдем для вас особую квартиру, что, впрочем, в зимнее время /2 зв./ очень трудно. Жить в гостинице или в [...] вам как духовным лицам было бы неприлично, да и относительно стола было бы затруднительно.

Приехавши в Петербург, заезжайте прямо ко мне (я живу в Офицерской улице на углу Фонарного переулка, дом купца Одноушевского, № 9, квартира № 5), а там уже придумаем, как лучше устроиться. Если успеешь, то напиши мне еще до отъезда, или уведомя телеграммой о времени вашего выезда. Я желал бы встретить вас на станции железной дороги. Как вы поедете, на Москву или на Ор[...] и Витебск?

Искренно любящий брат Даниил Лебединцев.

/2 зв. збоку/ Из Москвы приедут профессор канонического права Моск[овской] дух[овной] академии Лавров и протоиерей Рождественский⁷⁶⁰.

/2 збоку/ Мой нижайший поклон Назарию Антоновичу. Может быть, он недоволен вызовом его в Петербург.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича

⁷⁶⁰ Лавров-Платонов Олександр Федорович (1826–1890) – викладач МДА з 1854 р., у 1854–1864 рр. і з 1870 р. – на кафедрі церковного законодавства. Відстоював необхідність широких повноважень єпархіальних архієреїв, зокрема у судочинстві. У 1877 р. прийняв постриг і єпископську хіротонію, помер у чині Віленського архієпископа.

«Предполагаемая реформа церковного суда», 2 вып., СПб., 1873 г.

Рождественський Іван Миколайович (1803–1894) – митрофорний протоіерей, служив у різних церквах Москви, член Московської духовної консисторії, очолював стіл, що займався подружніми розлученнями.

17 грудня 1869 р.

Ф. III, № 3521

/19/ /почерком Петра Лебединцева/ получено 23-го дек[абря] 1869 г.

17 ноября 1869 года

/інішим почерком виправлено/ дек[абря]

г. Седлец

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Сейчас я получил Ваше письмо. Спешу поблагодарить Вас за известие о Вашем житье и сказать два-три слова о своем, пока Вы не уехали еще из Киева.

/примітка знизу/ [Если поедете Петроград, уведомите, может, что можете там, напр[имер], – если бы можно было – купить и выслать мне петер[бургские] одноконные дрожки, на что прислал бы деньги прямо туда.]

Мое здоровье, кажется, не так плохо, как воображалось еще недавно. По крайней мере, чувствую, что оно идет к лучшему, а /19 зв./ не к худшему. Дыхание у меня гораздо свободнее, глубже и продолжительнее, болей в груди не таки-то, приливов крови не бывает, я крепче в руках и на ногах, могу заниматься без усталости по три, даже по пяти часов сряду без усталости. Доктора находят, что дыхательные пути мои скоро очищаются, а это главное... Скуки я не знаю, так привык к одиночеству. Тоски успешно избегаю. Нет у меня даже и йоты желания выйти из дому, погулять, побывать у кого-либо. Я убежден, что нет в Киеве ни одного мона-/20/ха, который так сердечно любил бы свою затвору и удаление от мира, как я полюбил мое домосидение. Каждая вещь в доме стала для меня милым другом, я имею с чем нянчиться и нежиться каждый день. В награду за эту дружбу я реставрировал всю мою мебель. В одной гостиной она у меня рипсовая (по 2 ½ руб локоть), в другой – бархатная. У меня в комнатах – точно у кокетливой капризной дамы. Но на все это я смотрю только как на развлечение. Впрочем, я сказал докторам, что трачусь на эти развлечения на их счет, если умру, они должны вернуть расходы моему наследнику, так как они уверяют, что я еще долго проживу.

На освобождение от поездки о дирекции в будущем плоха уже надежда. Ска-/20 зв./зять между нами: удаляя Орлова, [граф] Толстой решил назначить на его место (директора рус[ской] вар[шавской] гимназии) меня. Но после [Ф.Ф.] Витте восстал против этого и предложил [А.Г.] Теодорововича. В это время получено было [Ф.Ф.] Витте письмо мое с известием о моей болезни новой и с просьбою к министру дать мне половину пансиона и уволить от службы. Письмо это было для [Ф.Ф.] Витте кстати, он поспешил обо всем сообщить [графу] Толстому... До назначения [А.Г.] Теодорововича говорили, что он скоро выйдет в отставку, и что ему нужно в Варшаве место только для того, чтобы подле будущего тестя провести первый год новой жизни. Теперь же, говорят, ни тесть, ни жена не хотят, чтоб он выходил в отставку... Не могу не благодарить [графа] Толстого 1, за намерение в будущем освободить меня от поездки перемещением в

Варшаву (что, очевидно, теперь – пуф!), о чем он писал [Ф.Ф.] Витте с настойчивостью. 2, за освобождение меня на сию зиму от этих поездок. За это дело и сердится на меня [Ф.Ф.] Витте. Но я ни сном, ни духом не ведал о нем до возвращения из заграницы, хотя там еще получал поздравление о переходе в Варшаву, на которые отвечал тогда (до кровотечения) уверением, что если бы то последовало, я отказался бы. Впрочем, [Ф.Ф.] Витте должен же убедиться, что я в это деле не принимал ни малейшего участия, хотя Варшава и кстати была бы для меня теперь. Все это – между нами.

/20 зв. збоку/ 27 ноября я получил от Сережи собственноручное письмо. Какая радость была для меня! Получил потом скоро письмо и от Тихомировых. Все заняты будущим своим, но не смогут решить его. Я предлагаю им переехать сюда – под самим Седлецем назначен майорат [Й.С.] Сидорскому, хорошая деревушка – я взял бы ее в аренду и отдал бы им с Сережей в пользование до смерти. Но – гордятся!

/20 зв. вгорі/ Павлу Фед[оровичу] с Сусанною Ив[ановной] и всем знаемым мой земной поклон.

Глубокое спасибо Вам за «[Киевские] епархиал[ьные] ведомости». Постараюсь отплатить какою-либо статейкою.

/19 зв. на полях/ По уният[ским] делам я писал Вам по Вашему же вызову и писал без лукавства, а откровенно, хотя и резко (таков уж я!). Напрасно, однако, мы буд[ем] спорить. Здесь живущие и глядящие на унию глубоко расходятся в суждении о делах ее и [еп.] Куз[емском], что же нам убеждать друг друга? Напрасно Вы, однако, думаете, что в своем письме я разумел Феофана; нет, я разумел целую партию (в которой Феофан – видный член), которая оч[ень] широка здесь. К ней перепрыгнул теперь и [С.С.] Громека – из задетого эгоизма ([граф] Толстой сделал ему внушение за неприличное выражение в письмах к /19 знизу/ [еп.] Куземскому; еще прежде того они поссорились с [еп.] Куземс[ким]), я же совершенно отказался от всякого участия в эт[их] делах, оставляя за собою только разве литературное отношение к унии (послал в Холмский календарь статью, которая очень допечет [еп.] Куземскому). Глубоко ошибается тот, кто читает меня защитником [еп.] Куземского до конца (прежде /20 на полях/ меня считали врагом его), я защитник в нем только системы постепенности, незаметного перехода к полному очищению обряда (т.е. не чрез 100 лет, а чрез 10–12 решительно все изменится и подготовится переход к православию, которого, впрочем, [еп.] Куземский не производил и требовать того от него нельзя). Во многом он показывает большой ум. Но он не любит Москвы и православия в его идее, как отделение от запад[ной] церкви (а не от папы, которого он не почитает главою). Он – ярый хохломан, предпочитающий автономию Руси в Польш[ком] Государстве, чем теперешнее состояние ее – в единстве с Москвою. Москву он несравненно больше не любит, чем Польшу. Вот на этом пункте он подлец, и я крепко борюсь с ним на каждом шагу, хотя и не боготворю Москвы. Он подлец именно потому, что исподтишка агитирует в этом смысле. Дарма, агитации уже разоблачены (много я привез из Галиции и сообщил где следует), и [граф] Толстой теперь решительнее, хотя и в[есьма] вежливо подступа-/19 зв. вгорі/ает к

нему (Т[...] перехватил письмо [еп.] Куземского в Рим), и внушает ему, чтоб он стал только орудием нашим. Но он сердится, дичится, швыряет бумагами его к порогу, хочет теперь независимости, однако поневоле пляшет по дудке петербургской – так вежливы, мягки и предупредительны к нему оттуда и так ловки, ч[то] он не имеет за что своею схоластикою ухватиться. Понятно, почему в Петербурге очень злятся на здеш[нюю] правосл[авную] партию – она оч[ень] груба к нему и дает ему справедливые поводы ругаться, жаловаться вслух всей епархии и полагает дорогу агитации его.

/19 вгорі/ Поздравляю Вас с Днем Ангела.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
19 грудня 1869 р.

Ф. 154, № 83

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Благодарю тебя усердно за поздравление с днем ангела и взаимно поздравляю с тем же. В среду на прошлой неделе, 10 дек[абря], наконец доложено Свят[ому] Синоду об учреждении комитета по преобразованию церковно-судебной части и, разумеется, Синод согласился, и протокол уже подписан членами, но еще испрашивается Высочайшее утверждение. Это утверждение успеют испро-/1 зв./сить еще до праздника, но так как оно еще должно быть заслушано Синодом, а заседаний в Синоде во время праздников не будет, то по всей вероятности, вас позовут в Петербург после Нового года. А вот некоторые эпизоды из того, что происходило между членами: [митр.] Исидор сказал, к чему это приведет. [Митр.] Арсений ответил: Хуже, конечно, не будет, чем теперь есть. [Митр.] Исидор забраковал профессора С[анкт]-Петербургской академии Барсова⁷⁶¹, на назначение которого в комитет предвари-/4/тельно (в письменном отзыве) сам согласился – потому-де, что молод[ой] Бажанов⁷⁶² сказал, что, по его мнению, в комитет и нужно было бы людей молодых, а не старых профессоров, которые, кроме своих записок, составленных ими несколько десятков лет назад, ничего не хотят знать, а жизнь между тем ушла вперед. Даже желательно, чтобы назначаемые в комитет не знали старых канонов. [Прот.] Рождественский⁷⁶³ подставил на место [Т.В.] Барсова своего родственника (кажется, тестя), Главного

⁷⁶¹ Барсов Тимофій Васильович (1836–1904) – професор канонічного права СПбДА, в подальшому автор багатьох праць з історії церковного права і укладач збірників актуальних законів і по духовному відомству, обер-секретар Синоду.

⁷⁶² Бажанов Василь Борисович (1800–1883) – духівник імператора Олександра II, член Синоду. Підтримував розширення прав і підвищення значимости білого духовенства. «Молодий» – іронічно.

⁷⁶³ Рождественський Іван Васильович (1815–1882) – петербурзький митрофорний протоієрей, викладач СПбДА, а з 1860 р. законовчитель дітей Олександра II. З 1865 р. був присутній у Синоді, а з 1874 р. став його членом.

Не плутати з московським протоієреєм Рождественським Іваном Миколайовичем.

священника армии и флота Богословского⁷⁶⁴. Принято, и [Т.В.] Барсова назначили помощником делопроизводителя. В председатели был предложен /4 зв./ [преосв.] Алексей Рязанский, но Исидор предложил [преосв.] Макария⁷⁶⁵, что и принято. Потом уже, т.е. после заседания, граф Толстой говорил В.А. Степанову, что из киевских Лебединцева все члены хвалили, а о Фаворове кто-то сказал, что он, собственно, богослов, на что он, граф, отвечал: так он, кажется, читает и церковное законовеле́ние. [В.А.] Степанов заметил, что он на киевских надеется, но их не спрашивали о согласии – митрополит Арсений сказал им, что они должны быть согласными; между тем есть слухи из Киева, что они в раздумье. Там говорят, что депутатов вызывавшихся в Петербург в комитет об улучшении быта духовенства содержали, как греков на Флорентийском соборе. Графу очень понравилось это выражение, и он много хохотал. Хозяйственному управлению поручено представить соображения о содержании /2/ депутатов. Хозяйственное управл[ение] назначает каждому: на подъемы 400 р. – наравне с архиереями, прогоны по закону (тебе на 3 лошади, а Наз[арию] Ант[оновичу] может быть на 6-ть, по примеру [прот.] Сергиевского⁷⁶⁶, которому выдавали как ординарному профессору на 6 лош[адей]) и суточных на все время пребывания в Петербурге по 2 р. – Вас[илий] Аф[анасьевич] Степанов жалеет, что суточных мало – он хочет по крайней мере по 3 р., но Лавров не соглашается. Мож[ет] б[ыть], граф прибавит. Чумачевский⁷⁶⁷ говорил мне вчера, что ему говорил [А.Г.] Ильинский, будто бы на подворье приготавливаются квартиры для депутатов. Насколько это верно, не знаю. [В.А.] Степанов говорит, что распоряжение о содержании мож[ет] б[ыть] замедлится, так как год оканчивается и деньги, ассигнованные на этот год, израсхо-/2 зв./дованы, и потому советует вам немедленно по получении предписания выезжать в Петербург, где все получите, что будет вам назначено. Не знаю, будете ли вы довольны председателем – [архиеп.] Макарием. По-моему, лучше было бы, если б был назначен [архиеп.] Алексей – было бы больше

⁷⁶⁴ Богословський Михайло Ізмайлович (див. приміку до листа Петра Гавриловича від 20 липня 1865 р.), раніше був членом комітету щодо знайдення коштів для забезпечення сільського духовенства. Головний священник армії і флоту.

⁷⁶⁵ Олексій (Ржаніцин; 1812–1877) – архієпископ Рязанський у 1867–1876 рр., випускник МДА, був її ректором.

Макарій (Булгаков; 1816–1882) – архієпископ Віленський у 1868–1879 рр., потім митрополит Московський; випускник КДА (1841). Про нього був прижиттєвий переказ, ніби він у дитинстві був виразковим, хворобливим і погано розумів уроки, його недолюбливали дорослі і діти. Одного разу в нього кинули камінь, який влучив у голову, і після того у хлопчика відкрилися надзвичайні здібності до навчання, він став вченим-істориком і богословом. Здоров'я і зовнішність теж поправились.

⁷⁶⁶ Сергієвський Микола Олександрович (1827–1892) – протієрей, професор богослов'я Московського університету.

⁷⁶⁷ Ймовірно, Василь Іванович Чумачевський (пом. 1896 р.) – випускник КДА (1857) з Кишинівської ДС (кандидатська дисертація: «Характер православного церковного пения, определяемый характером священных песней церковных». За спогадами київського протоієрея Кл. Фоменка про Памфіла Юркевича, дехто Чумачевський у 1850-ті роки співав у Братському хорі. Товариш композитора Г. Ф. Львовського, регента митрополичого хору, теж випускника Кишинівської ДС.

свободы в обсуждении. На либерализм [преосв.] Макария я не надеюсь. Но тут-то и будет случай показать гражданскую доблесть. Впрочем, бояться нечего, так как опора будет в графе и его органе, В.А. Степанове, и в членах от министерства юстиции и Петербургского университета, да и в Синоде, как видно из ответа мит[рополита] Арсения и Баранова⁷⁶⁸, есть точка опоры. /3/ От вас не потребуют крайнего либерализма или подчинения предварительно составленному взгляду на известный предмет. Желательна независимость мнений. Предоставляю тебе самому определить, что из этого письма можно сообщить Назарию Антоновичу – ты ближе его знаешь, хотя он мой товарищ по Академии. В Академии он был мало сообщителен, а в последнее мое пребывание в Киеве я едва успел обменяться с ним несколькими словами. Между тем, мне сказано, что за киевских депутатов на мне лежит нравственная ответственность.

/3 зв./ Прошу передать мой нижайший поклон Ив.М. Боровницкому⁷⁶⁹, К.И. Скворцову, Д.В. Поспехову и И.И. Малышевскому, [Ю.Д.] Подгурскому и [П.А.] Игнатовичу. Прошу у Ив[ана] М[атвеевича] Боровницкого извинения в том, что до сих пор не выслал ему своей фотографии.

Кланяюсь В.И. Дыбновскому, А.Ф. Кистяковичу и В.А. Бецу⁷⁷⁰ и Ал[.] Фед[.] Ратко.

Низенько кланяюсь Елене Яковлевне, Павлу Федоровичу и Сусанне Ивановне, Ивану Кондратьевичу и всем знакомым.

Целую сестру Марфу Гавриловну и ее детей.

Искренно любящий тебя брат Д. Лебединцев.

19 декабря 1869 г.

/3 зв. збоку/ Кланяюсь Даниилу Матвеевичу Смолодовичу и Серафиме Осиповне.

/1 збоку/ Назарию Антоновичу свидетельствуй мое нижайшее почтение. Если увидишь Ореста Марковича, то поклонись и ему от меня.

**Андрій Гаврилович до Петра Гавриловича
19 грудня 1869 р.**

Ф. 154, № 57

/Без початку/

/5/ Грустные думы кружат голову, особенно, когда сваливаешься с ног сам, повергается на одр болезненный жена, хворают дети. Прославленное содержание

⁷⁶⁸ Возможно, Баранов Платон Иванович (1827–1884) – директор Сенатського архіву із 1865 р.

⁷⁶⁹ Викладачі КДА і КДС. Бобровицький Іван Матвійович (1813–1885), Поспехов Дмитро Васильович (1821–1899) – професори КДА, її випускники (1837, 1845).

⁷⁷⁰ Кистякіський Олександр Федорович (1833–1885) – правознавець, професор Університету св. Володимира; у 1850-х роках служив у Сенаті, у 1860-х роках бував в Петербурзі у відрядженні.

Бец Володимир Олексійович (1834–1894) – анатом, професор Університету св. Володимира.

после того, как иссяк привезенный запас и прокатались данные прогоны на ремонт дряхлых и сырых квартир, по времени-то не хватает на месячное пропитание, а о ремонте одежды я запретил уже и напоминать. Наездник лихой – инспектор прогимназии некий Шарин, разобщи́л меня со всеми интересами прогимна-/5 зв./зии, так что я даже отказался – волею и неволею – от пользования какими то ни было выписываемыми журналами. Интересы Церкви перестали с течением времени русских местных пролетариев⁷⁷¹ совершенно занимать. А между тем Варшавская консистория не перестает претендовать о моей распродаже свечей, о высокой цене покупки оных, о подробном уяснении прихода, расхода и остатка огарков и о строгом исполнении всякой приходской отчетности, как будто я ее никогда не вел и не исполнял!

/6/ Брат Феофан после того, как возвратился из Киева оправившимся, продолжает по-прежнему болеть душевно и телесно, и нуждается сам в укреплении, если бы было кому его укреплять.

Высокопреосвященнейший Варшавский презрел в последнее время на смирение мое, почтивши меня своим милостивым архипастырским письмом; но из сего письма никаких существенных полезных результатов нет основания выводить.

В бытность б[рата] Феофана Г[авриловича] в Городке, на летней даче, советовался я с ним, в виду предстоявшей /6 зв./ его поездки в Киев, не взять ли мне чрез него из 2-х тысяч своих находящихся в Киевском банке, одной тысячи на постройку дома. Он меня тогда от сего отклонил. А теперь по справке вижу, что там у меня одна только тысяча и есть. А Соня на каникулах кончит курс в училище, и оставит в нем казенное одеяние; и придется одеть в свое, уже как невесту. Куда же после сего думать о построении своего дома?

Прошу сообщенными мною, уже теперь, Сведениями не опечалиться, а принять токмо к соображению. Потерплю еще и посмотрю, что явит далее Господь.

Искренно любящий Вас брат Андрей Лебединцев.

19-е декабря 1869 года.

Город Грубешов.

**Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
21 грудня 1869 р.**

Ф. III, № 3431

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ 29 дек[абря] 1869 г.
отв[ет] 4-го янв[аря] 1870 г.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

⁷⁷¹ Наймані працівники незалежно від заняття.

Пишу в День ангела Вашего, авось допишу. Много раз я закладывал письма на широкую руку, но ни разу кончить не мог по непрерывной болезни, в которой и теперь полулежу. Видно, уже мне не поправляться, особливо в Холме.

О дороге писать поздно. Скажу только, что ехал я с великим страхом и мучением. Здесь простудился, обпившись холодной водою с дороги, и с тех пор не могу отправиться.

/1 зв./ Холм после Киева показался мне [вдвое] хуже, чем прежде. Приехав сюда, я застал уже запрос попечителя по поводу извета [А.Л.] Стефановича, в мое отсутствие сделанного; но, благодаря Бога, разбил его как шведа, хотя это много стоило крови, времени и бумаги. Дело шло о том, можно ли принимать на казенное содержание в женское училище забужных, и кому принадлежит право приема, мне или Педаг[огическому] совету. Это вопрос давний, и я рад, что он, наконец, порешен, выговор же, полученный [А.Л.] Стефановичем, остановит его хотя на время.

У Хедива⁷⁷² нашего, т.е. [еп.] Куземского, был, но он, конечно, и не надумал отдать мне визит. [М.Н.] Нолле вздумала помимо прочего сама назначить кастиеляншу, написав весьма грубо, что это ее дело. Я спросил попечителя вообще, и ответ последовал в мою пользу. /2/ Из этих случаев можете заключить, что в Холме все по-старому. Что делать, нужно жить.

В Замостье Гаврилова (воспитательница жены [Ф.Ф.] Витте) заедает инспектора, еще и жалуется на него. [Ф.Ф.] Витте хотел ехать сам туда, и при этом в Холм и Люблин, но у него дочь заболела, и [М.Н.] Нолле только напрасно мерзлую землю во дворе разбивала да посуду перелудила. К счастью, я тут в стороне.

Возобновившаяся боль в шее, нервное расстройство и постепенно усиливающаяся худоба с лихорадочными явлениями заставляют меня заблаговременно просить 4-месячного отпуска на летнюю пору, чтобы серьезно полечиться, а главное, подолее побыть вне Холма, что выше самого лечения. Советуют в Теплиц и Пятигорск. Первое ближе /2 зв./ и удобнее, но в немцах от скуки издохнуть можно. Впрочем, если Бог даст поправиться, в январе или феврале съезжу в Варшаву и там посоветуюсь, куда направить стопы свои.

Нового у нас ничего. Непрерывные толки об удалении [наместника] Берга, об учреждении двух генерал-губернаторств и проч. приелись уже.

Посылаю Вам письмо [Б.А.] Дедицкого к ректору Холмской семинарии, где он вопиет о помощи. Прошу передать это письмо в Киев[ское] отделение Славянского комитета с просьбою поддержать его хоть сотнями двумя рублей. Если затруднение в переписке, пусть вышлют ко мне, а я передам.

Поздравляю с праздником. Дай Бог проводить в добром здоровье и радости. Искренне любящий брат Ф. Лебединцев.

21-е дек[абря] 1869 г.

г. Холм.

⁷⁷² Титул єгипетських правителів, залежних від Османської імперії.

Сестре Марфе Г[авриловне] мой братский поклон и сердечное поздравление с праздником.

/1 збоку/ В инспекторы пед[агогических] курсов представил Гуглинского⁷⁷³, которого Вы и Ефим М[ихайлович] рекомендовали мне еще в 1867 г. На место его – Славицкого⁷⁷⁴, а на место его Павловича⁷⁷⁵. Первый назначен, о последнем обычный запрос в Синод.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
14 січня 1870 р.

Ф. 154, № 85

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ получ[ено] 19-го янв[аря] 1870 г.

14 янв[арь] 1870 г.

Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Сейчас заходил ко мне юрисконсульт Синода с известием, что сегодня уже объявлено Синоду Высочайшее повеление об учреждении известного тебе комитета при Синоде и о назначении членов, в том числе тебя и Назария Антоновича. Сегодня будет решено вызвать ли вас телеграммой или послать указ. Граф был, сказал, что может, они не имеют денег на выезд, и потому, мож[ет] б[ыть], следовало бы обождать окончания дела о вашем довольствии, /1 зв./ но кажется, ожидать не будут. Вы получите следующие вам в Петербурге, иначе затянулось бы дело. На подъем назначается вам по 450 р., прогоны на 3 лошади и по 2 р. суточных. Местное ваше содержание, без сомнения, должно остаться за вами на все время вашей командировки. Я думаю, что иначе и быть не может. Пробыть вам в Петербурге придется, вероятно, полгода, а может быть, преосв. Макарий, желая уехать на лето в Вильно, поторопится окончить к июлю.

Насчет квартиры для вас я остаюсь при прежнем своем мнении, т.е. /2/ приезжайте прямо ко мне, поместимся как-нибудь, а если вам покажется моя квартира тесною, то придумаем как лучше устроиться.

Повторю еще адрес моей квартиры: в Офицерской улице близ Мариинского дворца на углу Фонарного переулкa дом купца Одноушевского № 5 и 9-й, квартира № 5. Впрочем, лучше было бы, если б ты из Москвы дал знать телеграммой о своем выезде – в таком случае я встретил бы вас на станции железной дороги.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

/2 збоку/ Назарию Антоновичу мой нижайший поклон.

/2 зв./ О пенсии твоей [...]тям в Департаменте народного просвещения и [...] сделано сношение Синодом и по получению ответа будет назначена пенсия.

⁷⁷³ Гуглинський Дмитро Степанович – випускник КДА 1855 р.

⁷⁷⁴ Славицький Петро – випускник КДА 1867 р.

⁷⁷⁵ Павлович Олександр Опанасович – випускник КДА 1863 р.

До свидания.
Кланяюсь всем родным.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
23 січня 1870 р.

Ф. III, № 3432

/3/ /почерком Петра Лебединцева/ получ[ено] 30-го янв[аря] 1870 г.
отв[ет] 15-го февр[аля]

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Получил и второе письмо Ваше, спешу отвечать, пока могу.

Здоровье мое несколько поправилось с тех пор, как я путем полугодовых страданий убедился, что у меня не что другое, как только геморрой, и что болезнь ноги, шеи и спины, страдания желудка и нервное состояние суть только ближайшие или отдаленные последствия одной и той же болезни геморроя, которая есть болезнь вен. Пролежав полтора года, я до того развил и усложнил эту болезнь, что теперь, не оставляя занятий, справляться с нею невозможно. Вижу настоятельную необходимость уехать куда-то/3 зв./либо на все лето. В Китаеве и на родине я охотно поселился бы, но там и здесь трудно соблюсти регулярный образ жизни, не всегда, так как часто то в гости, то гости. В Пятигорск потому я задумал, что там много и лечебных средств, да проехать туда трудно. Думаю, впрочем, предварительно побывать в Варшаве, чтобы врачи определили, куда мне ехать.

Благодарю сердечно за субсидию [Б.А.] Дедицкому, тем более что я опростоволосился и забыл вложить письмо его. Прошу заявить Комитету мою просьбу принять меня в число членов его. Членский взнос вышлю, как только получу сведение о годовичном размере одного. Послужив Галиции в прежние годы, чувствую потребность принять участие и теперь в том, что в ее пользу направляется.

[Еп.] Куземский в конце этого или начале след[ующего] месяца едет в Австрию под видом поправления здоровья, на самом же деле чтобы овладеть митрополичьим столцом. /4/ Он рассчитывает на близко знающих его и расположенных к нему Пленера и Шмерлинга⁷⁷⁶, которые опять выходят на сцену. Дай-то Бог ему! Иначе пропащее дело наше. [Графу] Толстому еще в начале он говорил: «Требуете от меня делать по-вашему, говоря, что у вас дело шло хорошо. Но если хорошо, то зачем звали меня сюда; а если призвали, то позвольте мне мою систему испробовать. Скажете: не хороша? По результатам судить надо, а для того нужно время». Теперь [Ф.Ф.] Кокошкин успел убедить, что

⁷⁷⁶ фон Пленер Ігнац (1810–1908), фон Шмерлінг Антон (1805–1893) – австрійські політики і державні діячі. І. фон Пленер був консервативних поглядів, але переходив до ліберальних, І. фон Шмерлінг – помірний ліберал, на протипагу прем'єр-міністру Е. фон Таафе, який йшов у відставку.

система хороша, и [граф] Толстой письма резко написал [С.С.] Громеке и [М.А.] Буцковскому, чтобы они не мешались. Жандармскому ведомству дана нотация. Итак, [граф] Толстой иное пишет (в статье о [еп.] Семашке) и иное делает. Впрочем, говорят, что на него самого теперь надели за варварские меры в Польше, т.е. действия в русском духе. Один [о.] Попель не молчит, но и ему замечено, чтобы жил мирно с [еп.] Куземским. Недавно и я, отвечая на запрос из министерства /4 зв./ о допущении униатских дьячков к обучению в сельских школах церковному пению, по предложению [еп.] Куземского, изобразил систему его довольно подробно, дабы показать как значение этой меры так и ее положительный вред. Если попечитель целиком пошлет это объяснение министру, можно ждать всего, смотря по направлению и взгляду министра; может, т.е., и обругать и похвалить. Чтобы ни последовало, каяться не буду, ибо еже писах, и то есть мое убеждение. [Еп.] Куземский не только папист, но и хлопоман, иначе враг православия и народности в смысле москитовщины, как он выражается. За ним идет много других врагов, поднимающих старую песню, что де есть несколько сумасбродов с [архиеп.] Иоанникием во главе, которые сегодня желали бы обратить униатов в православие. Это чистая ложь, но ею пользовался [кн.] Черкасский и враг его [еп.] Калинин, и мошенник [о.] Войццкий, пользуются теперь [еп.] Куземский с [Ф.Ф.] Кокошкиным. Постепенность нужна, – говорят одни; по-маленьку, – /5/ твердят другие, и ни те, ни другие ничего не делают. А пропаганда работает, униаты потирают руки: «Дайте нам время, дайте нам жалованье, земли, школы, устройте нашу иерархию, приведите в порядок наши церкви, а там мы плюнем на Вас».

Впрочем, я уже много распространился о делах униатских. Перейдем к другим.

Брат Андрей Г[аврилович] горько жалуется на свою судьбу и готов бежать отсюда. Жалованья, говорит он, не хватает, инспектор притесняет, Словицкий строит разные ковы, квартиры сухой отыскать нельзя, дома выстроить не на что, нет такой церкви, как в Корсуне, нет лошадей, нет тех видов и проч., и проч. Но я полагаю, что причиною всех этих жалоб прежде всего нездоровье, которое он часто испытывает. Затем 1 850 рублей он не получил бы нигде, более покойного места также не достанешь, /5 зв./ притеснения инспектора ничего не значат и должны прекратиться, коль скоро я успею вытеснить его, Словацкого каверзы внимания не стоят, о церкви, лошадях, видах и вспоминать не стоит. Одна квартира – сущая беда. Хотел было я в постройкой дома помочь, но крайне сам обеднел, даже задолжал. Мне кажется, что Андрею Г[авриловичу] нужно полечить себя и приноровиться к здешнему климату, ибо ни Любовь Сем[еновна], ни дети, слава Богу, не болеют, страдает же он один постоянным лихорадочным состоянием, как страдал я прежде, чем решительно заболел. У [архиеп.] Иоанникия, может быть, и можно было бы выпросить ему другое место, но вряд ли это будет лучше. Содержание в Грубешове самое дешевое из всех концов

Царства. Тарногородские наши⁷⁷⁷, как видно, свыклись. И лучше, если молча посидают – нельзя постоянно авансовать.

Другое дело Михневич Николай [Иосифович], тот в сорочке родился, либо [М.Н.] Нолле, в довершение всего вы-/6/игравшая 5 000 р. по билету внутр[еннего] займа. А знаете ли, что с ней та же история, что с б[ыла] житомирской начальницей? Связалась с поляком-лекарем. Об этом везде говорят, я же не знаю, что мне и делать. Дознавал под рукой, верно все: ходит каждый день, сидят по ночам вдвоем, в спальню при всех идет, только на акт никто не знает.

На этот раз никто из наших директоров не получил награды. Мне, кажется, что Варшав[ский] университет надолго ототрет нас от наград. Ведь там целые тлумы приехавших за наградами. Жаль, что [брату] Андрею ничего не вышло, а [о.] Крамановский третий раз остается не награжденным.

Хотел было я чрез подателя сего письма послать сестрам деньги, но опасаясь, чтобы не случилось *jakiego [beredz] wypadku w drodze*⁷⁷⁸. Лучше завтра по почте пошлю. К посылаемым деньгам приложу особо на рыбу и икру. Прошу Марфу Г[авриловну] купить, а Вас выслать при случае, какой скорее представится. Желательно /6 зв./ получить: семги штучку небольшую, сельдей керченских с полсотни, капченок десятка два, рыбцов десятков, икры фунтов 10, белуги и осетрины фунтов по 5-ти, маслин и сметки малую толику. Скоро два Дашкевича должны ехать, а мож[ет] б[ыть] и еще кто-либо станет брать в консистории свидетельство дворянское. Хотелось бы и Андрею Г[авриловичу] что-нибудь уделить, потому сельдей и сотню не мешало бы.

Деньги [Б.А.] Дедицкому я успел уже выслать, покамест письмо кончил. Что самые лучшие сведения о положении галицких дел можно иметь в Холме, это несомненно. Кордон теперь как бы вовсе не существует. Счет деньгам за галицкие книги, Вам высланные, я давно потерял, да и не вижу в нем нужды, ибо мало ли я Ваших денег перевел.

Саша, благодаря Бога, всегда здоров. Его воспитательница – отличная хозяйка, теперь же и к Саше привыкает, и он к ней. Вообще я ею весьма доволен, хотя она и характерная.

Будьте здоровы и благополучны!

Искренне любящий брат Ф. Лебединцев.

23-е генв[аря] 1870 г.

г. Холм.

/3 збоку/ 19-го генваря исполнилось 5-ть лет службы моей здесь, и я уже имею право на 1 500 р. пенсии. Тяжкою, однако, ценою куплено это право.

/3 зв. збоку/ [А.Г.] Теодорововича, видно, не торопятся произвести на место тестя, чтобы не было зазору, но что он обнимет эту парафию, в том никто не сомневается. Так-то указ (не предоставлять приходов за дочерьями) указом, а дело делом.

⁷⁷⁷ Ковальницький Г.Ф.

⁷⁷⁸ *Jakiego beredz wypadku w drodze* – якоїсь прикρόсті в дорозі (польс.).

/4 збоку/ Орлов, б[ывший] директор Варшавской рус[ской] гимназии, сослан [графом] Толстым в Оренбург на 10-ть лет, за то [что] осмелился просить у него другого места. Поедете в Питер, ближе узнаете, что есть [граф] Толстой. Это почище [кн.] Черкасского.

/4 зв. збоку/ Всем родным, наиболее сестре Марфе Г[авриловне], мой нижайший поклон.

/5 збоку/ [А.Л.] Стефанович ездил в Варшаву, но его там дурно приняли и сказали, что переведут куда-то. Кажется, он пустил слух, что меня переводят в Дерпт – помощником попечителя. Хорошо, что хоть с повышением.

/5 зв. збоку/ Если бы поздороветь, поехал бы в Варшаву. Статский советник гнусен для меня после того, как малой Михневич получил коллежского, я же переслужил 2-ва и даже 4-ре года.

/6 збоку/ Зима у нас лютая. Вот уже больше недели морозы градусов 20-ть и больше.

/6 зв. збоку/ В феврале приедет к нам [Б.М.] Маркевич – известный лоботряс. Все же он лучше того, что голову за православие слагает и один награды получает.

**Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
23 лютого 1870 р.**

Ф. 154, № 86

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Получивши твою брошюру о церковном суде в XVII веке, я отправил ее тотчас к юрисконсульту В.А. Степанову, который, прочитавши ее, тотчас отправил для прочтения графу Толстому, намено[ва]в ее автора. Граф Толстой возвратил ее чрез два дня при следующей записи: «Возвращаемая у сего брошюра протоиерея Лебединцева обещает в нем полезного сотрудника /1 зв./ нашего комитета».

Василий Афанасьевич Степанов очень и очень доволен этой брошюрой. Он рассказывал мне, между прочим, что Глав[ный] священник армии и флота Богословский, у которого он был для разузнания его образа мыслей о церковно-судебной реформе, сказал: Зачем вы вызвали членов из Киева; мы и сами здесь могли бы сделать это дело.

Позна[...] Богоявленского в настоящем предмете Василь Афанасьевич охарактеризовал, постучав пальцем по столу.

Я спрашивал [В.А.]Степанова, нельзя ли определить /2/ хотя приблизительно время вашего вызова в Петербург. Он опять сказал, что не раньше второй недели поста. Когда же именно, он сам не знает – это будет зависеть от графа, а он еще не высказался на этот счет и не любит, чтобы его спрашивали. Членам от министерства юстиции и II отделения соб[ственной] его в[еличеств]а канцелярии уже посланы ордера, а председателю [преосв.] Макарию еще нет. [Преосв.] Макарий еще не скоро покончит с Цензурным комитетом –

дело усложняется, а между тем пред открытием Коми-/2 зв./тега сказал графу, что покончат в 4-ре заседания. [В.А.] Степанов говорит, что по его мнению, ваш комитет откроют, не ожидая окончания цензурного комитета, и очень может быть, еще в великом посту. Если узнаю что-нибудь более положительное, то тотчас сообщу.

Всю масленицу я прохворал – простудился на похоронах одного из сослуживцев. Теперь поправляюсь.

Назария Антоновича благодарю за память обо мне и взаимно кланяюсь.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

23 февр[аля] 1870 г.

**Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
Кінець березня 1870 р.**

Ф. III, № 3606

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Сейчас заходил ко мне Василий Афанасьевич Степанов объявить, что указ о вызове вас в Петербург уже пишется и в понедельник, т.е. 30 числа, будет отослан к митрополиту Киевскому, который, конечно, не замедлит сделать распоряжение, так что в Киеве оно будет получено, по всей вероятности, в конце следующей недели. На Страстной вам нечего выезжать, а выездите на Святой с тем расчетом /1 зв./том, чтобы приехать в Петербург в начале Фоминой и явиться во вторник начальству, потому что понедельник, как известно, тяжелый день.

Вас[асилий] Аф[анасьевич] думает, что вероятно, вам придется побыть в Петербурге не далее половины июня, так как и пр[ео]св. Макарий, и некоторые из светских членов комитета желают воспользоваться летним временем для отдохновения или для лечения. Очень может быть, что комитет только обсудит предстоящее ему дело вообще и составит план работ. Потом на лето разъедутся и собственно для работы соберутся осенью. Но это только предположение.

/2/ В Петербурге еще довольно холода, и сегодня выпал порядочный снежок, а Нева еще и не думает двигаться, но к вашему приезду, вероятно, скинет ледяную кору.

Искренно любящий тебя брат Д. Лебединцев.

Передай мой поклон Назарию Антоновичу.

Присланные брошюры о юбилее Академии еще не успел раздать. В списках студентов пропущен Ильинский (он теперь делопроизводитель V класса в департаменте народ[ного] просвещения), и в брошюре Пономарев не показан в числе пропущенных.

Надеюсь до праздника еще написать тебе.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
28 травня 1870 р.**

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ 31-го мая 1870 г.
отв[ет] 10-го июля

28 мая 1870 года.
с. Ополе.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Откуда начну плакати окаянного моего жития деяния!.. Нет меры моей вине пред Вами за так долговременное молчание. Не думаю, да и не придумаю, чем извиняться пред Вами в этом великом грехе моем. Сказать разве, что – просто – дурь какая-то нашла на меня, столбняк напал, одевале сердце и проч., и проч. Все как будто занятий бездна, как будто времени нет за множеством докучливых предметов, все как будто руки не служат, как только оторвешься от срочной работы, как будто нет никакого интереса ко всему несрочному, добровольному, к самой жизни... Может быть, это /1 зв/ обман, а может быть и нет; но несомненно, что я остыл, охолодел ко всему и скоро стану деревом, если так протяну еще с год...

Плохо живется мне! Пока шел вопрос только о здоровье, еще не беда была – впереди надежда манила и покрывала все. Но вот явился другой вопрос, совсем безнадежный, вопрос о службе моей, о куске хлеба. Несомненно, что я следующую зиму не смогу пускаться в объезд по школам. Меня заставляют подумать об этом... «школы останутся без надзора и направления другой год – этого нельзя допустить». И совершенно справедливо. Где же поэтому мне деваться? Грудь – главная моя беда, а потому преподавателем быть не могу, чиновником тоже. Где же деться? Вот вопрос, занимающий меня с нового года. Я дал [Ф.Ф.] Витте слово, что если здоровье мое в течение лета не поправится настолько, чтобы я по-прежнему мог пуститься в объезды, то не позже 1-го окт[ября] я подам прошение об увольнении от должности директора. А затем? Голова ходит кругом, ничего не придумаю. Министр не может тут сделать ничего, кроме – предоставить мне место дирек-/2/тора гимназии в империи. Он очень гоняет наших директоров, не посещающих школ, одного хочет уволить, другого велел переместить. Почему же для меня делать исключение? Идти в империю с ее сроками службы и ее пансионами – все одно что оставаться здесь учителем, и гораздо хуже, чем оставаться здесь инспектором. [Ф.Ф.] Витте, решительно воспротивившийся увольнению одного директора и перемещению другого, мне весьма услужливо предлагает место инспектора... Спасибо! Жду, что скажет министр, на днях должен быть ответ.

Живу я теперь в деревне, недалеко от Седлеца – за дождем все сижу в комнате и пользы от дерев[енской] жизни не чувствую. Не щажу никаких средств на удобства жизни, а надежды на барыш нет. Если и поправлюсь, то все же не для должности директорской. (Проклятая должность, как она теперь противна мне,

когда воочию и ушью говорят, что достоинство директора измеряется количеством объездов, т.е. крепостью мускулов, нервов и костей.)

[Ф.Ф.] Витте был у меня с 29 апр[еля] по 5 мая. Он тоже считает себя на выходе. Выслужив пансион в 6750 руб. сер. да майорат, приносящий гораздо больше – бедный человек! Огромный разлад его с уни-/2 зв./верситетом не пройдет ему даром – министр, осыпавший его наградами, в сильном гневе на него за предательство. Споры их я мало понимаю: [Ф.Ф.] Витте упрекает [ректора] Лавровского⁷⁷⁹ в ультраарусском направлении!..

Феофан получил отпуск за границу на три месяца. [М.Н.] Нолле тоже, [Ф.Ф.] Витте на 4 месяца. Мне же, кажется, придется поехать на октябрь куда-нибудь к винограду.

[Еп.] Куземский в отчете своем государю обругал всех властей, в том числе и директоров. Государь от всех нас требует объяснений. Я уже послал свое (хотя меня н мало касается). Не знаю, почему Феофан не отвечал на заметку «Моск[овских] ведомостей» о непосещении школ. Упущен случай раскрыть публике, что такое [еп.] Куземский. Вероятно, он все-таки по-своему представляет его, оттого и писать не приходится...

Что Вы поделяваете в Питере? Долго ли там просидите? Не скучаете ли за Киевом?

Из Киева все печальные для меня вести. Племянники мои не учатся, все требуют денег, отец же пьянствует. У одного брата моего – священника, жена умерла, он сам болеет, другого из службы выгнали, остается без копейки с 7-ю детьми... И при этом – мои теперешние обстоятельства! О, злая доля!

Весь Ваш Е.К.

/2 зв. збоку/ К Сереже еду в августе, возьму его к себе, будет легче делить долю с ним.

/1 збоку/ Даниилу Гавриловичу мой всенижайший, сердечный и всерадостнейший поклон и привет с генеральством. Также и Назарию Антоновичу.

/2 збоку/ Бельский монастырь, о котором Вы пишете, находится в г. Бельск Гроднен[ской] губ. В нашей Белой никогда не было прав[ославного] монастыря. Вышлю Вам книжку Календаря Холмского, в котором моя статья. В него внесли «Боже Царя», а потому я отказываюся распространять его в школах.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
28 серпня 1870 р.

Ф. III, № 3583

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ получ[ено] 2 сент[ября] 1870 г.

⁷⁷⁹ Лавровський Петро Олексійович (1827–1886) – філолог-славіст, ректор Варшавського університету у 1869–1872 рр. До Варшави викладав у Харківському університеті.

/іншим почерком/ Глибоко благодарен П[етру] Гавриловичу и Д[анилу] Гавриловичу. /ініціали нерозбірливо, можливо, НФ (НӨ) – Назарий Фаворов/

Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Василий Афанасьевич ездил в Вильно приглашать пр[еосв.] Макария в Петербург для присутствия в Синоде по случаю увольнения пр[еосв.] Рязанского в отпуск на 2 недели и ослабления в силах митрополита Исидора. Кажется, [преосв.] Макарий уже [приехал], но Василий Афанасьевич до 1-го сентября не будет видаться с ним. После первого свидания он пошлет вам формальное приглашение приехать в Петербург, которого вы получите /1 зв./ пятого или 6-го сентября, а затем можете двигаться в дорогу хоть и после 8-го числа. Василий Афанасьевич не торопится приступать к открытию заседаний комитета. Если московские приедут раньше, то могут и обождать немного. Итак, я ожидаю тебя вместе с Назарием Антоновичем около 10-го сентября. Императрица, говорят, будет в Киеве 4-го сентября.

Преданный тебе брат Д. Лебединцев.

28 авг[уста] 1870 г.

**Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
3 вересня 1870 р.**

Ф. III, № 3584

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Вчера Василий Афанасьевич послал тебе и Назарию Антоновичу приглашение прибыть в С[анкт-]Петербург для участия в занятиях комитета. Он был у пр[еосв.] Макария 1-го сентября, и условились начать занятия комитета с 15-го числа. Но при этом [преосв.] Макарий сказал не писать об этом иногородним членам, чтобы они не оттянули еще дальше. Несколько заседаний, по словам Василия Афанасьевича, пройдет в слушании твоего журнала о весенних заседаниях комитета.

/1 зв./ Василий Афанасьевич говорит, что вам, по всей вероятности, придется провести всю зиму в Петербурге. Мне, должно быть, не придется встретить вас на станции железной дороги, потому что я с 7-го по 30-е сентября несу обязанности присяжного заседателя в окружном суде, где должен быть с утра до ночи. Хотя ты и знаешь уже мою квартиру, но еще повторяю адрес: на углу Вознесенского проспекта и Офицерской улицы, д[ом] № 2-13, квартира № 6.

Кланяются тебе Василий Афанасьевич, Николай Иванович и Иван Васильевич.

/2/ Мой поклон всем родным и знакомым.

До свидания.

Искренно любящий брат Д. Лебединцев.

3 сент[ября] 1870 г.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
13 березня 1871 р.**

Ф. III, № 3524

/3/ /почерком Петра Лебединцева/ 16-го марта 1871 г.

13 марта 1871 года
г. Седлец

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Первые строки Вашего письма как обухом поразили меня. Каким образом появилось предположение «создать для меня должность при Варшав[ских] женских учеб[ных] заведениях»? Никакая подоб[ная] должность немыслима в Варшаве, а если бы она появилась (возможны на свете уроды), то я предпочел бы быть учителем гимназии, чем возиться с варшав[скими] женщинами, самыми бестолковыми в целом свете. Впрочем, я полагаю, что это была какая-либо минутная фантазия [Ф.Ф.] Витте – одна из тех, каких у него ежедневно не перечесать, и которым нельзя давать значение. Никогда ничего подобного не предлагалось мне; я просил места инспектора гимназии, мне [Ф.Ф.] Витте и обещал его; потому скоро предложил подождать до каникул, не выйдет ли [А.Г.] Теодоровович в отставку к тому времени, обещая в таком случае мне его место, – я согласен и жду. Вот и все дело.

/3 зв./ Со стороны министра по этому делу, как мне доподлинно известно, было заявлено желание, чтобы мне дали должность «по сердцу», да чтобы я сам рекомендовал кандидата на свое место (что я и сделал) Итак, я жду до каникул – если [А.Г.] Теодоровович останется на своем месте, или в случае это место отдадут другому (а желающих его – душ тридцать), я пойду хоть бы то в Белу на место [П.Г.] Рублевского, но никак не к женским учеб[ным] заведениям.

О prelimинариях, вызвавших поездку в Петербург [о.] Попеля, я имею сведения. Здесь все с нетерпением ждут результатов этой поездки. «Мой протеже К[уземский]» не показал великих способностей по униатскому делу, ничего не сделал для него особенно хорошего, но и не испортил дела, как то могли бы на его месте сделать другие. Следовало быть на его месте иному, более сведущему и решительному, но кому? Здесь никого такого нет. Несмотря на тормоза со стороны [еп.] Куземского, в общем униатское дело сделало такой прогресс, что его узнать нельзя после 1867–8 годов. Обрядовые разности нигде и никогда не сглаживались в год-два: если бы не [еп.] Куземский тормозил это дело, нашлись бы другие тормозы. Это дело слишком важное, оно – православие, его можно сделать постепенно, исподволь, а не вдруг. Одним словом, особенной беды в униатских делах, за исключением упорства [еп.] Куземского, который в духовенстве всех партий не пользуется влиянием, нет, и бояться особенно нечего. Я пророчу, что если дела не испортит что-либо особенное, то лет чрез 10 в Холме

будет православ[ный] епископ – по желанию духовенства и народа. Молодое поколение, выходящее из школ, уже объявляет войну унии. На Подлясье най-/4/дется уже до 20 священников, которые сегодня же перешли бы в православие. *Coup d'etat*⁷⁸⁰, вроде номинатства [о.] Попеля подняло бы еще волнения, но скоро все уладилось бы. Нежелателен, однако, никому здесь такой фокус, но все желают видеть [о.] Попеля викарным [еп.] Куземского с специальным поручением ему в епархии некоторых дел. Это самое лучшее, что можно придумать.

В архиве унийт[ских] митрополитов не может быть никаких дел нашей Белой, которая никогда не имела схизматических поползновений, приняв унию тотчас после собора Брестского. Дела, о которых Вы пишете, принадлежат Бельску – ныне уезд[ному] городу Грод[ненской] губернии, который сильно воевал за православие до самого падения Польши.

Сережа приехал ко мне 13 февр[аля]. Такой большой и буйн, но очень слабый, часто с тоскою гляжу на него. На лето переезжаем в деревню невдали от Седлеца. Известите, когда будете переезжать чрез Варшаву, приедем к Вам. Конечно, очень желали бы мы видеть Вас у себя, если бы то удобно было для Вас. Многие, впрочем, едут в Холм чрез Седлец и Белу по железной дороге, оттуда почтовыми чрез Влодаву в Холм (100 верст). Подумайте, не посетите ли нашего Подлясья. Скверное, как и вся Польша, в которой всякий из нас остается единственно ради служебных преимуществ пред империею и мечтает о пансионе, как о земли обетованной. Если бы я мог получить хотя полупансион, то ни одного дня не оставался бы здесь.

/4 зв./ [П.Г.] Рублевский все ездит по дирекции моей, готовясь в шефы ее. Сегодня жду его к себе из 10-дневной поездки. Не знаю, что привезет. После первой поездки он начал было задумываться, не остаться ли инспектором в Белой, где ему недавно увеличено содержание почти до трех тысяч руб. сереб[ром].

Прощайте. Передайте мое искреннее почтение Назарию Антоновичу и мой сердечный братский поцелуй Данилу Гавриловичу. Кланяйтесь А.Г. Ильинскому.

Искренно уважающий и любящий Вас брат и слуга Е. Крыжановский.

Пишу сегодня же [И.С.] Сидорскому, дабы передал министру, что я решительно не приму должности по женским учебным заведениям.

Сейчас получил письмо от брата... Он меня дальше совсем обдерет. Шутка ли кормить такую семью?... Родичи мои это вторая болезнь моя, они заедят меня.

Е. К[рыжановский]

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
2 вересня 1871 р.

Ф. 154, № 87

/1/ 2-е сентября 1871 года
Любезнейший брат Петр Гаврилович.

⁷⁸⁰ *Coup d'etat* – переворот (франц.).

Сегодня приходил ко мне Иванов по моему приглашению. Киоты у него готовы, а иконостас не готов, кончает только первый ярус. Говорит, остановка была за рисунками, которые поздно высланы Дейнекою из Киева и притом не все. Остальные рисунки он заказывал в Петербурге архитектору Соловьеву. Надеется окончить на 1 октября. По словам Иванова, едва ли готовы иконы у Соловьева, который болен и в последнее время не мог по болезни заниматься. Впрочем, Иванов гово-/1 зв./рит, что видел у Соловьева много уже готовых икон.

Кланяется тебе и Назарию Антоновичу Василий Афанасьевич. Он склоняет на учреждение окружных судов вместо епархиальных, так как при этом представится возможность учредить помощника прокурора, на которого можно бы возложить и юрисконсультские обязанности. А не лучше ли эти обязанности возложить на секретаря консистории, который с учреждением судов будет иметь меньше дела, чем теперь. Само собой разумеется, что /2/ тогда нужно будет выбрать в секретари консистории людей с юридическим образованием.

Ожидаю тебя к 15 сентября. А как решил Назарий Антонович – на целый сезон или только на часть сезона, и на какую именно – первую или последнюю? Прошу передать ему мой нижайший поклон.

Искренно любящий тебя брат Д. Лебединцев.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
13–19 жовтня 1871 р.

Ф. III, № 3433

/7/ /почерком Петра Лебединцева/ получ[ено] 22 окт[ября] 1871 г.
отв[ет] депеша 5-го ноября

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Итак, судьбу мою я решил уже бесповоротно, послав сегодня [Ф.Ф.] Витте прошение и письмо о перемещении меня в Радом на место [Н.П.] Воронцова⁷⁸¹, представленного на должность помощника попечителя. Худо ли, хорошо ли я сделал, но жребий брошен. И [Ф.Ф.] Витте, и министр, без сомнения, рады будут поймать меня на слове.

К такой решимости побудило меня многое и весьма многое. Выходя из Холма, я не теряю ничего, кроме казенной квартиры и отопления, но зато избавляюсь 1, от трижды проклятой [М.Н.] Нолле и ее клевретов, 2, от назойливого униатского вопроса, который опошлен, истерся и в будущем никакой надежды не подает, несмотря на сладкие мечты [о.] Попеля, 3, от бесконечного множества бумаг, с которыми я уже совладать не мог (в Радоме

⁷⁸¹ Воронцов-Вельяминов Микола Павлович (1823–1901) – помічник попечителя Варшавського начального округу у 1871–1885 рр. Останнім місцем служби була посада попечителя Харківського начального округу. У Польщі з 1865 р. – начальник комісії у селянських справах у різних губерніях. З 1870 р. начальник Радомської навчальної дирекції.

96 школ, здесь 350, и большинство униатских, требующих в 10-ть раз большей отчетности, нежели школы польские), /7 зв./ 4, от всякого сродства, которое я привлек сюда в самую счастливую для меня пору, но из-за которого теперь, без вины его, попадал в весьма неловкое и тяжелое положение, и вместо пользы вред на него накликал, 5, от мелкой уездной жизни, полной сплетен и интриг. Думаю, что все это стоит того, чтобы приплачивать рублей 500 на квартиру и еще несколько на съестные припасы, которые в Радоме будут дороже.

Это было написано 13-го октября, а затем я уже не мог писать. Так худо мне было, что я думал – последняя година пришла. Протекло 6-ть дней и я оправился, а между тем получил от [И.Д.] Делянова краткое уведомление о том, что о содержании моего к нему письма доведено им до сведения Его Сиятельства. Из того, что ни слова более к тому не прибавлено, нельзя не заключить, что министр сурово принял мою просьбу. След[овательно], лучше я сделал, что поторопился с прошением.

Теперь вся моя забота о том, чтобы меня не двинули в другую какую дирекцию. О сем посылаю сегодня же письмо к [И.Д.] Делянову, просил и [Ф.Ф.] Витте, прошу, наконец, Вас, если можете помочь в сем случае чрез кого-либо.

Прошу также узнать и по телеграфу уведомить меня, когда состоится мое перемещение и послана /8/ будет бумага; но прошу писать глухо, в таком роде: «Просьба твоя принята или не исполнена, бумага пошлется или посылается тогда-то». Здесь и содержание телеграмм узнают прежде меня.

Надеюсь, что с перемещением я не буду уже беспокоить Вас моими заботами и просьбами.

Будьте здоровы и благополучны!

Искренно любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

19-е окт[ября] 1871 г.

г. Холм.

Брату Даниилу Г[авриловичу] прошу передать мой нижайший поклон.

Ефим М[ихайлович] женится на дочери Громеки. Знаете ли Вы о том?

В прошении и письме к [Ф.Ф.] Витте, равно в письме к [И.Д.] Делянову, я вовсе не упоминаю о моих здесь неприятностях, а выставляю пошатнувшееся здоровье и необходимость облегчить. Так и на самом деле. Не пропадать же мне под бумагами.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
8 січня 1872 р.**

Ф. III, № 3526

/7/ /почерком Петра Лебединцева/ получено 11-го генв[аря] 1872 г.

Отв[ет] 12-е янв[аря] 1872 г.

8 генв[аря] 1872 г.

Варшава

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Не нахожу меры вины своей пред Вами, ни слов к оправданию себя в ней. Простите, если можете. Все эти месяцы я весь и всякую минуту был в расходе. Точно одуревший глядел я на Божий мир (если только здешний мир можно без богохульства назвать Божиим!) Теперь только начинаю соображать и понимать все вокруг меня происходящее. Первое, что для меня стало ясно и понятно, это то, что я женюсь!

/7 зв./ Не думайте, что я это великое в жизни дело обращаю пред вами в шутку. Два годя уже все меня здесь женят. Два почти года как во мне самом произошел переворот в пользу женитьбы. Возвращение Сережи от Тихомировых окончательно утвердило меня в этих моих намерениях, когда я со всею силою почувствовал его и мое сердечное сиротство и решительную неспособность жить вдовцом. Но исполнение моих намерений я откладывал до устройства себя на новом месте, для чего потребовалось не меньше года. Но вышло иначе – я вынужден был поспешить женитьбою, потому что невесте моей плохо живется в отцовском доме. И я спешу... 16-го генв[аря] назначено венчание мое с девицею Марьею Степановной Громекою, которой не минуло еще и 18 лет. Отдаюсь всецело в руке Божии... Спешу так, что в 12 часов будет венчанье, а чрез три часа с женою отправляюсь в Варшаву...

Итак, чрез неделю я снова буду женат. Всегда, всякую минуту при мысли о своей женитьбе первая молитва моя к Богу о Надиньке. Не извела она радостей жизни. Была мучени-/8/цей за себя и за меня. Не раз бывало она шутя ревнует меня к той или другой женщине, утверждая, что я женюсь на ней после ее смерти. Но не раз сосредоточась в себе, она грустно говаривала: «Что ты будешь делать, когда я умру! Ты не умеешь жить сам по себе, ты пропадешь! Женись вот на Гельтманн!..» Ах, как тяжело отвечал я в эти годы! Это пророчество ее! Чего-чего не вытерпел я в эти годы! Я не умею жить вне семьи. И как играли мною люди, подметив во мне эту струнку! Куда ни бросали меня, чего не делали со мною! А я не мог вырвать в себе расположения к семейной жизни... А какова участь Сережи на чужих руках! Боже меня сохрани от каких бы то ни было нареканий на Тихомировых, я всегда буду благодарен им за призрение его в тяжкие для меня и для него годы. Но если бы Вы знали, с какими дурными наклонностями он приехал от них и как глубоко забита была в нем всякая сердечность, искренность, детская честность, наконец, всякая память о матери! Я не узнавал моего Сережи в его раздражительности, лживости, лукавстве, в солдатской ругани и в таких вещах, о них же нельзя есть и глаголати. Повторяю, никогда за это не упрекну я их, ему некогда, она больна. Но ведь это было последнее убежище для души и сердца ребенка – кто затем вспомнит и вскормит эту душонку. Две гувернантки потом переменил я – все дрянь! К теперешней моей невесте тотчас по приезде ее из Смольного он /8 зв./ так привязался, как еще ни к одной особе после смерти матери, и всегда звал ее по-французски *Ma maela* (мамаша). Она также очень любит его. Все лето он жил у них до ноября, и живет там же с 24 ноября далее,

оберегаемый ею как родной. Ко мне, несмотря на разницу наших лет, она привязана глубоко, я испытываю эту привязанность с самого начала моего знакомства с нею. Я уверен, что этою женитьбою я спасу себя для правильной и полезной жизни и спасу Сережу для правильного и здорового душевного, если не физического роста. Я не иначе гляжу на это дело, как на плод молитв и предстательства Наденьки пред Богом. Смело и отрадно гляжу я на портрет ее, все-все в нем говорит мне: «Довольно ты выстрадал, пора одуматься, тебе нет другой дороги к жизни ровной, честной, благородной, полезной для Сережи и для общества, женись – благословляю тебя...»

От Надиньки мысли мои всегда переносятся к Вам, Петр Гаврилович. И ей, и мне Вы были отцом и другом. Вы устроили наше счастье, хотя Богу и неугодно было продлить и укрепить его. В настоящие минуты примите еще и еще раз мою глубокую, никогда не умирающую во мне благодарность за все – за все, что Вы сделали для ее и для меня. Нынешняя невеста моя очень и очень знакома с Вашим именем, часто мною пред нею повторяемым. Благословите же, хотя заочно, меня и ее, и не оставляйте нас своими молитвами, дружбою и братским расположением. Будьте для меня тем же, чем были доселе.

Искренно любящий и всегда благодарный Вам брат и слуга Е. Крыжановский.

Данилу Гавриловичу мой всенижайший поклон и совет последовать моему примеру – жениться. И пора бы: седина в бороде, а бес в ребро. Хорошо бы последовать этой пословице.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
8 лютого 1872 р.**

Ф. III, № 3527

/9/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 14 апр[еля] 1872 г.

8 генв[аря] 1872 г.

г. Варшава

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Пишу Вам это письмо, а против меня за тем же столом расположилась с книгою жена моя... Вот уже четвертая неделя проходит после моего истинного воскресения к новой, семейной жизни. Не могу передать Вам всего, что мою испытано в эти дни. Все доброе, блеснувшее было предо мною и, по-видимому, безнадежно потерянное, снова ожило для меня, вдвойне утешая меня за давние страдания и лишения. По совести могу сказать, что я исполнил мой долг в отношении к Надиньке честно. Внутрен-/9 зв./ний голос говорит мне постоянно и неизменно, что она благословляет мою новую жизнь, что она выпросила для меня у Бога настоящее мое счастье. Не забывайте нас в Ваших молитвах – да укрепит и на многие годы продлит Бог это наше счастье.

Повенчавшись и пообедавши, мы в тот же день одни с Сережей отправились в Варшаву. Здесь ожидал нас в комнатах священник с молебным и Ваше доброе, истинно братское письмо. С каким удовольствием мы с женою прочли его! Она узнала Вас при этом вполне и выразила искреннюю родственное расположение к Вам. Часто потом мы поминали и поминаем Вас. Не забывайте же нас... Икону Вашу мы получили и приняли ее с тем же чувством, с каким она послана была нам. Еще раз спасибо Вам за Ваше братское, теплое участие к нашей новой жизни.

Вчера я получил письмо от Феофана. Он так же искренно братски поздравляет нас. Беспокоится все о своем положении. Но оно совсем не то стало с переходом его в Радом. Здесь самых добрых распо-/10/ложений к нему, особенно после известий о первых действиях его в Радоме, которыми все служащие остались весьма довольны. При этом он признается, что давно уже решил жениться, но в Радоме не на ком, и потому серьезно просит приискать ему невесту в Варшаве. Приглашаю его приехать в Варшаву и кинуть оком...

Наш общий друг Василь Васильевич⁷⁸² по выходе в отставку прекрасно устроился здесь. Он теперь «состоящий при наместнике» – без жалованья, но с большими видами... Он очень весел теперь. Недавно ездил на следствие над губернаторскими властями в Седлец, всем задал страху такого, что упаси Боже, но все и окончил дело весьма умно.

Мое служебное положение здесь весьма трудно. Русские учебные заведения (их здесь 5) у всех здесь как бельмо на глазу. Русское здешнее общественное мнение таково, какого не может быть в другом каком-либо месте: со всей России сошлись здесь всякого рода люди и – Боже мой – что за разногласия у них по всем вопросам, особенно по воспитанию. Боже мой, сколько дивных /10 зв./ претензий, сколько задач, какие требования, какие возгласы отовсюду! Нечего и говорить уже о том, что поляку, да и немцу ненавистны эти заведения до зарезу. Что хочешь делай – самая злая критика ждет тебя, а поддержки никакой. Ничего подобного не предвидел я, принимая это место, в том и беда моя. Что будет дальше, не могу и сообразить. Едва ли не придется удирать отсюда. После свадьбы моей будто все бросились на испытание меня, я переживаю теперь такие дни, каких давно уже не знал. И это по поводу обстоятельства, в котором я строго прав. (Потребовал увольнения от должности начальницы женской гимназии, уличенной в самых злых преступлениях. Пока тянули это дело, она умерла от удара. Пошла потеха! Генеральство кричит, что я – *parvenu*⁷⁸³, не уважающий заслуг и под., патриоты называют меня поляком (!), немцы на стену лезут, потому что покойная имела в фамилии «фон»).

Но прощайте. Жена просит оставить ей маленькое местечко. Благословите нас и молитесь о нас.

Искренно любящий Вас брат и слуга Е. Крыжановский.

⁷⁸² Вілуєв.

⁷⁸³ *Le parvenu* – вискочка (франц.).

Данилу Гавриловичу от меня и от жены мой передайте низенький искренний поклон и вновь, двойной уже совет жениться.

/іншим почерком/ Искренно благодарна Вам, добрый Петр Гаврилович, за Ваше благословение и Ваши благожелания. Не забудьте меня в Ваших молитвах.
Мария Крыжановская.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
27 вересня 1872 р.

Ф. 154, № 106

/1/ /іншим почерком/ 27 сентября 1872 г.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Письмо Ваше получил по возвращении из съезда и благодарю.

По поводу замечания Вашего о Разумовских и Вилуевых приходится разве повторить слова известной песни: «одна мила далекая, а другая близка»⁷⁸⁴ et [соц]. Значит, еще раз поговорили, и — довольно.

Нездоровы [...] моя, а от чего что, и сам не знаю. Пока ездил, все было хорошо, а теперь снова лихорадочное и лихорадочное состояние. Не знаю, как теперь Андрей Г[аврилович], который писал, что после Мариенбада⁷⁸⁵ чувствует себя очень хорошо; а мне, видно, /1 зв./ не поправляться. Труднее всего при нездоровье писать, а теперь надо разные два отчета посылать — о ревизии и о съезде. Марков, говорят, выхаживал мои школы, подобно тому, как Капылов выхаживал его. Прибавляют, будто [Ф.Ф.] Витте возвратил Маркову его отчет, да и сам лично предо мною не одобрял его за дурные отзывы о таких учителях, которые ему, Витту, лично известные с лучшей стороны. Видно и тут услуга [М.Н.] Нолле и [Ф.Ф.] Кокошкина, хотя Марков и сам способен на подобные штуки.

[...]сивши съезд⁷⁸⁶, я убедился в полной его бесполезности. Старого учить что мертвого лечить; но как и учить с такими учителями, которые двух слов по-русски прочесть не могут.

⁷⁸⁴ Народна пісня:

*Одна гора високая, а другая низька,
Одна мила далекая, а другая близька.
А я тую близенькую людем подарую,
А до тої далекої пішки помандрую.
А у тої близенької воли та корови,
А у тої далекої чорненької брови.*

⁷⁸⁵ Мариєнбад – нині Маріанске-Лазне, курорт в Чехії; протягом ХІХ ст. був курортом для середнього класу.

⁷⁸⁶ Методологічний з'їзд для вчителів початкових шкіл, проводився щороку у серпні-вересні.

Не тоже ли разочарование ждет и Ваш съезд? Три года прошло, оснований не выработали, а другой /2/ мир прибавляет: «пройдут многие годы, пока из этих не выработанных еще оснований составиться устав духовного суда».

Читал я недавно в дух[овном] Архиве записки граф[ини] Блудовой и дивился, как это ... прожившим в ризах, все кажется в розовом свете: все умны, образованы и благонравны. Пожила бы она в Холме или в Радоме в положении нашем. Мне здесь устроены сильные интриги по делу снабжения нач[альных] училищ русскими книгами, по поводу высоч[айшего] повеления об обязательном изучении русского языка. Хочу победить просьбою и уничижением. При всей правоте, нужда скачет и пляшет.

Мне остается год и восемь месяцев до пенсии. В виду этого я попросил письмом [Ф.Ф.] Витте не представлять меня к статскому советнику, а к Владимиру 4-й ст. /2 зв./ к которому представляли меня еще в 1868 г. и который спустя год дали учителю из галичан, свящ[еннику] Дячану, ради его детей? Писали мне, что [Ф.Ф.] Витте предоставил, хотя не знаю, пройдет ли там. Шенк⁷⁸⁷ умер, — может быть, и пройдет... Не великий, правда, заработок, да и того негде взять.

Вчера читал в «Прав[ительственном] Вестнике» о причислении Володи Лебединцева⁷⁸⁸ к Департаменту Юстиции и откомандировании к исправлению должности судебного смотрителя. Неужели так трудно там кандидатам-юристам? Хоть бы скорее у нас судебные реформы вводились, — тогда и там прочистились бы места.

Будьте здоровы и благополучны.

Искренно любящий брат Ф. Лебединцев.

27 сент[ября] 1872 г.

Радом

Саша мой, слава Богу, жив и здоров и Вас целует. Даниилу Г[авриловичу] мой искренний братский поклон.

/2 збоку/ Андрею Григ[орьевичу] Ильинскому при свидании прошу свидетельствовать мое почтение. Не подвышен ли он теперь рангом по случаю смерти Шенки? Ведь так и в Лавре бывает, что когда умирает архимандрит подвигаются и все послушники, а он по крайней мере на линии иеромонаха.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
27 березня 1873 р.**

Ф. III, № 3528

/11/ 27 марта 1873 года

Варшава

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

⁷⁸⁷ Шенк Володимир Карлович (1826–1872).

⁷⁸⁸ Старший син Арсенія Гавриловича.

Сколько лет, сколько зим!.. В Большом долгу я пред Вами. Простите мое прегрешение. Кстати, на этой неделе я и говею. Впредь буду исправнее.

Новая служба и новая домашняя жизнь совсем было отвлекли меня от света. Теперь все, кажется, вошло в свою колею, и я снова могу отдаться обязанностям родства, дружбы, знакомства и под. Семья моя подросла и окрепла. Жена часто хворала, я еще чаще, Сережа же перецеголял и ее, и меня в этом отношении – день бежит, а два лежит. Он уже гимназист, учится хорошо, шалит безмерно, с мачехою в большой дружбе. Все собираемся в Киев и все не соберемся. И вре-/11 зв./мени за службою не найдем, и заботы о здоровье мешают, и деньга как-то не водится. (А ведь мне показаться в Киеве – одним родственникам сколько раздать нужно!) Прошное лето мы прожили на даче около Варшавы – весьма невыгодно. Зима была для меня одною из самых тяжелых, и теперь мне приходится ехать непременно на воды. А тут реформа гимназий с июля, с которою выбывают и мой помощник, и воспитатели, новые лица ни с чем не будут знакомы, самому бы всем делом нужно руководить... Большое затруднение для меня это лето! Во всяком случае, поездку в Киев и теперь придется отложить. А хотелось бы взглянуть на Киев, поклониться могиле Надиньки поскорее. Хотелось бы и на Вас взглянуть – чай, постарели! Ну, да Бог милостив, Он все устроит как наилучше.

От Феофана давно уже не имею известий. Шансы его у начальства значительно переменились с переходом в Радом, хотя на месте хлопот ему едва ли не больше прежнего. Вчера решено дело об одном из главных виновников этих хлопот – /12/ инспекторе Радом[ской] гимназии, его переводят в Кельцы и лишают обещанного после каникул места директора в Варшаве. Помощник попечителя, Радом[ский] губернатор⁷⁸⁹ и мн[огие] др[угие] приятели его крепко стоят за него, но [Ф.Ф.] Витте неумолим, вчера подписал бумагу о перемещении.

В нашем начальственном мире большое нестроение со времени увольнения [П.А.] Лавровского, сделанного против воли министра, по усиленному настоянию [Ф.Ф.] Витте и наместника пред государем. Между ними всегда была неладица: [П.А.] Ларовский считал себя представителем русской партии в учебном мире и именем ее действовал в Петербурге против партии немецкой и польской, стягивал к рукам своим все интересы учебного округа, глядел на себя как на второго попечителя, или как на контролера попечителя, в чем ему вторили в Петербурге. Русские сначала все было прильнули к нему. Но его семейная жизнь, его грубая манера, безмерный эгоизм, по которому ничто пред ним всякие нравственные достоинства и заслуги, кроме унижения и искательства, постепенно возбудили против него почти всех русских профессоров (их теперь до 30), кроме 4–5, и все почти варшавское русское общество, которое с глубоким сожалением глядело на страшный раздор /12 зв./ в университете в среде русских, дававший полякам случай ловить рыбу в мутной воде. Наконец, не находя поддержки в среде русских, он стал заискивать пред поляками, чтобы из них создать для себя

⁷⁸⁹ Анучин Дмитро Гаврилович (1833–1900) – радомський губернатор у 1865–1879 рр. (фактично до 1877 р., коли відправився на російсько-турецьку війну). Бойовий генерал, брав участь у придушенні Січневого повстання. Прізвисько – Помпадур.

партию в Совете [Университета]. Это окончательно компрометировало его. Тогда-то [Ф.Ф.] Витте смело выступил против него пред министром. Поводом к этой последней войне послужили вступительные экзамены в Университет. Экзаменационная комиссия нашла, что ответы учеников, окончивших курс гимназии, были ниже нуля, что округ в учебном отношении представляет отчаянное положение. Так гласил отчет этой комиссии, составленный председателем ее, назначенным от [П.А.] Лавровского. [Ф.Ф.] Витте устроил комиссию для рассмотрения этого отчета из всех экзаменовавших профессоров и др[угих] лиц (в том числе и меня). Но председатель экзаменац[ионной] комиссии (проф. Аристов⁷⁹⁰) и др[угой] профессор в самом начале заседания возразили, что попечитель наносит оскорбление целому Университету, подвергая действия экзаменационной комиссии, утвержденные Советом Университета, суду особой комиссии – что он не имеет права помимо Совета Университета требовать к отчету экзаменационную комиссию и под., и затем вышли из заседания. Произошла неописанная сцена волнения... Остальные лица заявили, что они готовы дать все необходимые объяснения к отчету. Когда затем стали разбирать отчет, /13/ то оказалось, что председатель экз[аменационной] комиссии позволил себе вместе с [П.А.] Лавровским изменить по своим целям все сделанные письменно заявления и мнения членов этой комиссии, а некоторые составил вновь от себя. Так, напр[имер], проф[ессор] истории совсем не признал своим прочитанное в отчете мнение его об экзамене по истории; проф[ессор] математики указал целые резкие выражения, вставленные в его мнение; на ученических сочинениях экзаменовавший ставил, напр[имер], бал 4, 3, 5 – председатель замарывал все и ставил 1 – и т.д. Со всеми этими документами [Ф.Ф.] Витте отправился в Петербург, и когда министр отказывал ему в увольнении [П.А.] Лавровского, предлагая ограничиться только выговором ему, [Ф.Ф.] Витте сам подал прошение об увольнении. Шли переговоры целую неделю, как в одно утро государь зовет к себе министра и требует увольнения [П.А.] Лавровского, ссылаясь на письмо наместника. Можно представить поражение для министра, который издавна ненавидел и наместника, и [Ф.Ф.] Витте! И вот [П.А.] Лавровский уволен, [проф.] Благовещенский⁷⁹¹ назначен на его место. ([Ф.Ф.] Витте хотел [проф.] Феофилактова⁷⁹² назначить.) Такова история этого плачевного дела! [П.А.] Лавровский несомненно б[ыл] русским человеком, несомненно делал многое, да был нестерпимым администратором. Гимназии наши и все здесь учебное дело действительно в плохом положении, все вопиют против него, особенно русские, да с немцами ничего спроста не поделаешь,

⁷⁹⁰ Аристов Микола Якович (1834–1882) – історик, професор Варшавського університету у 1869–1873 рр. Походив із духовенства, випускник Казанської ДА, але завдяки захопленню, заняттям історією став університетським викладачем.

⁷⁹¹ Благовіщенський Микола Михайлович (1821–1892) – філолог, перекладач класичних творів, професор, Петербурзького університету і службовець Синоду. Був ректором Варшавського університету у 1872–1883 рр.

⁷⁹² Феофілактів Костянтин Матвійович (1818–1901) – мінералог і хімік, професор Університету св. Володимира. У 1880–1881 рр. був його ректором.

только еще больше испортить дело. Теперь положение дела /13 зв./ таково: министр все шлет [Ф.Ф.] Витте нагоняи по разным делам и выговоры, просто – гонит его в отставку, [Ф.Ф.] Витте всеми силами упирается, не хочет покидать министерского содержания своего, всевластия с наместником и прекрасно устроенного майората. Мы все служащие стоим между двух огней, чувствуем себя как бы в чистилище. [Н.М.] Благовещенский приехал и первым делом сказал профессорам речь в честь [П.А.] Лавровского, чем всех их огорошил. Впрочем, все они и сами понимают теперь, что не успели взяться с [П.А.] Лавровским за дело – что оказались только орудием в руках другой искусной и ловкой партии и – махнули на все рукой. [Н.М.] Благовещенский мягко стелет... На него все смотрят здесь как на преемника [Ф.Ф.] Витте, который и сам не скрывает, что нет мочи держаться долее и что дальше каникул он не вынесет, хотя и надеется на что-то (не на приезд ли Вильгельма⁷⁹³?). Я держусь в стороне от всех этих столкновений и дразг, двухмесячная болезнь моя много пособила мне в этом. Но трудно до конца устраняться, ведь постоянно приходится встречаться со всеми по делам и без дела. Счастье живущим вне Варшавы, приезжают – смеются с нас!

Униятские дела всеми брошены, и никто более не занимается ими. Преемник Феофана /14/ игнорирует унию и знать ее не хочет, за что недавно получил жестокий выговор от министра. Мой преемник, [П.Г.] Рублевский, ничем себя не заявляет, за что министр также сердится. [С.С.] Громека одряхлел и все сильнее и сильнее болеет, никуда не выезжая и ничем (к счастью) не занимаясь. Так[им] обр[азом], все замолчало, что прежде распибалось из-за унии. По старой памяти ко мне иногда обращаются за содействием. Плохи, значит, дела, если по сторонам ищут содействия. [Й.С.] Сидорский вышел в отставку по несогласиям с министром. Пожил он пять месяцев в майоратишке своем, поехал в Петербург, повидался с министром и теперь глубоко жалеет, зачем поспешно бросил службу такую выгодную, поверив людям, пичкавшим его подозрениями насчет министра. Да прошлого не вернуть, потолкался сюда-туда, нигде подходящего места не нашел, получил от министра вспоможение в 4000 р. сер. и поехал опять в свой майорат. Униятские гимназии втихомолку со всеми похерили новым уставом⁷⁹⁴, подведя их под один ранжир с прочими по всем статьям. Теперь нельзя ожидать, чтобы из России приезжали учителя на здешние должности, п[отому] ч[то] положение их там выгоднее здешнего (жалование то же, но обязатель[ных] уроков 15, а не 12, плата за добавочный урок 40, а не 60 р.с. и т.д.). Службою учительскою будут интересоваться здесь только местные уроженцы – поляки. Каково будет воспитание униятов посредством польских учителей! Я имею сведение, ч[то] министр весьма недоволен, что так надули /14 зв./ его отсюда, намеренно заградив ход русским учителям в пользу поляков (но чего же смотрел он,

⁷⁹³ Імператор Вільгельм І. У міжнародних відносинах готувався Союз трьох імператорів. Стимування національних рухів у власних імперіях і контрольоване розпалювання їх в імперіях сусідніх були важливою частиною політики Росії, Австро-Угорщини і Німеччини і відносин між ними.

⁷⁹⁴ У 1871 р. був прийнятий новий устав гімназій, загальний для всієї імперії. Наступних років устав доповнювався новими правилами.

докладывая здешний проект в Госуд[арственном] Совете?), да не находит возможным поправить это дело раньше года по введении нов[ого] устава. [Ф.Ф.] Витте весьма сердится на меня за постоянные мои напоминания об этом казусе, несколько раз принимался писать в Петербург о дополнениях к уставу, и всякий раз сбивается с толку местными аргументами. С новым уставом в каждой гимназии по два учителя остаются за штатом (на 22 гимназии 44 человека!) Сколько вою и плачу! Все эти слезы направляют в Петербург, умывая и руки, там – мол – все это устроили, мы ничего не могли пособить... Между прочим, остаются за штатом такие люди, как [А.И.] Линниченко, Яновский, – новооткрывающиеся места отдаются немцам, полякам или русским шарлатанам, а этих все продолжают кормить обещаниями.

В остальных сферах нашей Польши все обстоит благополучно. Т.е. все идет только строго-канцелярским путем. Только и жизни здесь, что немцам. Широко и нагло развивается здесь немец[кое] благополучие. Дурак Бисмарк!.. Самая забитая здесь сила – русская. Невозможно представить себе, что с 1865–6 года доселе прошло только 7–8, а не 100–200 лет с революциями, нашествиями иноплеменников и под. Все пошло вверх дном. Ждем уже несколько лет судеб[ных] учреждений. Получим от них, как и от русского преподавания в гимназиях, только кожу русскую, выставленную на смех. Помещение для Судеб[ной] палаты отводят в здании, занимаемом русскою женскою гимназиею, и пользуясь этим, намерены закрыть эту гимназию как более ненужную в Варшаве (а немецкую оставляют и развивают), так как во всех гимназиях преподавание производится на рус[с]ком языке!!! Пожалуй, успеют.

/11 збоку/ Первый мой поклон в Киев – могиле Надиньки. Как виноват я перед нею! Но она извинит меня ради немощей моих. Ничья память для меня так не священна, как память об этой могиле! Жена моя тоже все хочет поклониться ей. Она очень добра к нам, несмотря на наши капризы. Одна беда нам – родные ее недобрые люди, вечные ссоры с ними и раздоры, я совсем устраниюсь от них.

/11 зв. збоку/ О Тихомировых не имею никаких сведений. С год уже не писал им. Все собирался послать им Сережу, да не собрался. Не знаю, удастся ли мне послать его и в это лето. Придется, вероятно, взять его с собою на воды.

/12 збоку/ Итак, [о.] Филарет таки провалился! Вот уж судьба, ни с какой стороны нет помилования! Куда же он теперь направит стопы своя? Поклонитесь ему, а также новому доктору, б[ывшему] товарищу моему о. Сильвестру⁷⁹⁵. Спасибо Вам за «[Киевские] епарх[иальные] ведомости». Все собираюсь чем-либо отблагодарить их, да не найду подходящего материала. Мы с о. Гервасием Сикорским с жадностью перечитываем их. [О.] Сикорский законоучителем и священником в женской гимназии. Невероятно он слаб, диво – чем живет этот человек, почти не имея легких и крови.

⁷⁹⁵ Архімандрит Сильвестр (Малеванський; 1828–1908) – викладач КДА, у квітні 1873 р. отримав чинний ступінь доктора богослов'я. У 1883 р. став ректором КДА, з 1885 р. вікарний єпископ Канівський. Надзвичайно тепло згадувався сучасниками. Канонізований УПЦ як святий.

Архімандрит Філарет (Філаретов) мав вчений ступінь магістра.

/12 зв. збоку/ Слышу, б[ывшие] наши сослуживцы все покупают дома, а мы с Феофаном что приобрели? Болезни и печали! Ему-то хотя до пенсии недалеко, а мне еще 7 лет! Кланяйтесь, пожалуйста, [И.И.] Малышевскому, [А.Д.] Воронову, [Ф.А.] Терновскому, [П.А.] Лашкареву, [К.Д.] Думитрашке⁷⁹⁶. Жив ли Орест Маркович с Матроною Степановною? Поклонитесь ему. А Зина в Киеве? И ей поклон.

/13 збоку/ За что митрополит покарал моего брата Грыцька лишением должности благочинного? Боюсь, не было ли за ним какой-либо пакости. В устройстве министерской школы по-видимому нет вины, да он в этом деле едва ли повинен, так как глав[ное] старание принадлежало лицу, с которым Грыцько несколько лет имеет тяжбу, и потому не мог действовать с ним заодно. Увольнение сильно опечалило его, во вдовстве его благочиние давало ему занятие и развлечение. А впрочем, я не судья в этом деле.

/13 зв. збоку/ О. Андрей был у меня недавно. Он гораздо живее выглядывает, чем летом. В Грубешове ему не житье, ему нужно бы общество товарищей священников, а в Царстве Пол[ьском] кроме Варшавы их нельзя иметь. Теперь Феофан снова в дружбе с архиереем, может, как-нибудь в Варшаву пристроил бы его? [Прот.] Орловский в Кельцах сидит смирно, а то неугомонный был человек. Баландович в Калише полюбился.

/14 збоку/ Павлу Федоровичу вместе с сим отвечаю на письмо его. Передайте мой искренний поклон Назарию Ант[оновичу] Фаворову и о. Николаю Оглоблину да о. (забыл имя) Богданову. А больше поклонитесь св. Софии – Премудрости Божией. Как скучно за всеми киевскими церквями. Здесь богослужение получило какой-то солдатский тип, все священники заняты посторонними службами, при которых богослужение – бремя для них. Нашего архиерея все переводят в Тифлис, да никак не могут перевести. Хоть он очень и очень болеет тиком, да живуч однако.

/14 зв. збоку/ Передайте, если будет какой случай, моим родным, то в настоящую пору я не могу ничем особенным пособить им, пускай потерпят мне еще немного, пока я окрепну здоровьем. Да семью свою поставлю на ноги – нельзя же мне.

**Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
13 травня 1873 р.**

Ф. 154, № 88

/1/ 13 мая 1873 г.

Любезнейший брат Петр Гаврилович.

⁷⁹⁶ Професори КДА:

Лашкарьов Петро Олександрович (1833–1899) – фахівець із церковного права, ініціатор заснування Церковно-археологічного товариства і музею при КДА.

Думитрашко Костянтин Данилович (1814–1886) – мовознавець, перекладач, поет. Автор романсу «Чорнії брови, карії очі».

Тотчас по получении твоего письма я был у Николая Ивановича Павловского⁷⁹⁷. О брате Арсении я узнал, что он был представлен преосв. Димитрием к ордену Владимира 3 степени, но не получил этой награды. Почему? Был разговор, что он ключарь собора, из которого украдена икона, были голоса и в защиту брата Арсения. Николай Иванович говорит, будто бы митрополит Исидор сказал, что Арсений, должно быть, хороший человек, потому что и брат его киевский протоиерей – хороший человек, но все это кончилось тем, что решили отложить награду до следующего года. Митрополит Арсений вообще отстаивал потому, что это представ- /1 зв./ ление преосв. Димитрия. К ответственности за пропажу иконы никто не привлекал брата Арсения.

По вашему комитетскому делу Николай Иванович ничего особенного не сказал – члены Синода говорят, что нужно сделать уступку требованиям времени⁷⁹⁸. 8 числа я был с поздравлением у митрополита Киевского, и хотя не забыл поехать на железную дорогу проводить его, но служебные обстоятельства воспрепятствовали, о чем сожалею. 9-го числа я заезжал к Николаю Ивановичу поздравить его с днем ангела и там встретился с преосвящен[ным] Никандром⁷⁹⁹, который поручил мне передать тебе его поклон. Николай Иванович перед Пасхой говорил митрополиту Арсению, почему бы не представить тебя к награде, на что митрополит отвечал, что он сам думал об этом, но если он представит к Владимиру 3 ст., то непременно дадут 4 ст., а потому лучше будет, если представят за труды по комитету, которые выходят из ряда обыкновенных отличий; тогда дадут прямо /2/ Владимира 3 ст., а после Пасхи в подтверждение сказанного указал на пример Назария Антоновича. По словам Николая Ивановича, назначение Назарию Антоновичу 4 ст. зависело от графа, а Василь Афанасьевич говорит, что граф тут ни при чем, и будто бы удружил Василий Борисович, который в подобных случаях всегда говорит, если вы дадите ему теперь 3 ст., то и станется дать чрез два года. Впрочем, это дела темные, потому что и тот, и другой говорят как-то намеками, опасаясь разгласить закулисные тайны, за что не жалуется граф [Толстой]. Василий Афанасьевич уже оказал сокращенную записку, и граф прочитал ее. На прошлой неделе доложено и Синоду. Решено по отпечатании разослать проект с объяснительными записками, т.е. краткий и про-/2 зв./странный, разослать архиереям и консисториям на заключение, с тем, чтобы консистории доставили свои мнения отдельно от архиерейских. Предлагали Синоду, чтобы срок для доставления замечаний назначить 1-е января 1874 г., но на это не согласились. Граф поручил Василию

⁷⁹⁷ Павловський Микола Іванович – службовець Синоду, випускник КДА 1843 р., тобто однокурсник Петра Гавриловича.

⁷⁹⁸ Проект реформи церковного суду, запропонований Петром Гавриловичем, був прогресивно-ліберальним, а проект О.Ф. Лаврова-Платонова – охоронно-консервативним. Спершу перемиг консервативний проект, оскільки він спирається на канони. Однак зрештою був прийнятий проект на базі лебединцевського як більш відповідний сучасним реаліям.

⁷⁹⁹ Никандр (Покровский; 1816–1893), архієпископ Тульський з 1860 р. до самої смерті; випускник КДА (1839). Довго був присутнім у Синоді – у 1871–1874 рр. Брав участь в роботі комісії з реформування церковного суду і підтримував позицію О.Ф. Лаврова.

Афанасьевичу представить соображения о наградах членам комитета. Василь Афанасьевич думает назначить тебе Владимира 3 ст., а Назарию Антоновичу кабинетный крест. Обещал сообщить, что скажет граф, и тебе также написать. Полагает, что на этой неделе должно последовать высоч[айшее] повеление о закрытии комитета и разрешении наград.

Особых мнений граф не читает и, кажется, едва ли знает об их существовании. Это моя догадка. Напишу после, почему я так думаю.

/2 зв. збоку/ Сегодня я получил Станислава 1 ст. за труды по комиссии о вашей повинности. Завтра все члены представляются государю в Зимнем дворце, и комитет закрывается⁸⁰⁰. В Государственном совете, т.е. в особом присутствии проект уже рассмот-/2 збоку/рен, но в общем собрании Госуд[арственного] Совета будет рассматриваться осенью, а введение в действие последует с 1 янв[аря] 1875 г.⁸⁰¹ К Станиславу 1 ст. я был представлен по Военно-кодиф[икационному] комитету и получил его в обыкнов[енном] порядке 30 августа, а теперь 30 августа /1 зв. збоку/ ничего, мож[ет] б[ыть], не получу. Несчастное стечение обстоятельств, а может быть, кто-нибудь с намерением услужил.

/Без закінчення/

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
18 травня 1873 р.

Ф. 154, № 89

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ Отв[ет] 4-го июня

18 мая 1873 г.

Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Вчера Василий Афанасьевич уведомил меня, что на записке с соображениями о наградах членам комитета для преобразования духовно-судебной части граф написал: «Нужно вытребовать их формулярные списки». Записка передана в канцелярию обер-прокурора Св. Синода для исполнения резолюции. Так как твоего формуляра, а равно и формуляра /1 зв./ Назария Антоновича, нет в Петербурге, то потребуют из Киева. Приведи в порядок свой формуляр и наполни его всеми поручениями, какие возлагались на тебя начальством, т.е. командировками, назначением в разные комиссии и комитеты, а также избранием в члены ученых обществ. Вероятно, граф сам хочет прочитать

⁸⁰⁰ Головний військово-кодифікаційний комітет (1867–1873) був утворений із Військово-кодифікаційної комісії, яка докладно пропрацювала проект військової реформи, запропонованої Д.О. Мілютіним у 1862 р.

⁸⁰¹ Різні зміни у військовій сфері впроваджувалися протягом 1860-х років, але останнім документом, яким встановлювалась загальний військовий обов'язок замість рекрутства, був *Устав о воинской повинности от 1 января 1874 года*.

формуляры. Так как граф скоро уезжает, то вероятно, дело затянется, а может быть ему пошлют в деревню.

14-го числа наша Комиссия о военной повинности /2/ представилась государю императору в Зимнем дворце и получила благодарность. Некоторые получили, кроме почетных наград, пенсии в 1200 р., а у меня по усам текло, а в рот не попало.

Вчера в Правительственном вестнике я прочитал приказ об увольнении брата Феофана в отпуск за границу на 3 месяца. Из писем его к Крашановскому я узнал, что он в годовом отъезде задел Радомского губернатора. Жаль, что он не умеет ладить по крайней /2 зв./ до выслуги полной пенсии. Мне хотя и обещано отпуск за границу, но отложен доклад на некоторое время, так как уже из нашего комитета поехали за границу трое. Вероятно, придется обождать до конца июня.

9-го мая в день именин Николая Ивановича Костомарова исполнилось 35-летие его литературной деятельности, и мы, посетители его вторников, решили поднести ему альбом с своими фотографиями. Так как и ты бывал иногда у него по вторникам, то не пожелаешь ли прислать свою альбомную карту. Деньги (10 р.) я за тебя внесу, пришли только карточку.

/2 зв. збоку/ Доволен ли ты остался живописью Крестonosцева?⁸⁰²

Искренно любящий брат Д. Лебединцев.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
28 червня 1873 р.

Ф. 154, № 90

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Михаил Иванович Крашановский отправляется в Киев, и при сей okazji пишу к тебе. Я все еще сижу в Петербурге и не знаю, удастся ли мне нынешним летом полечиться в Карлсбаде, так как председатель посоветовал мне повременить до возвращения его из отпуска, в котором он пробудет до 25 июля. Настаивать я счел неудобным, чтобы лишним частым напоминанием о себе министру и государю не надоесть. Закрадывается даже сомнение, поеду ли я в Карлсбад. Феофан Г[аврилович] был в Петербурге, и [И.Д.] Делянов, /1 зв./ и [Э.Е.] фон Брадке приняли его благосклонно, чем он ободрен. Теперь он должен быть уже в Карлсбаде. Николай Иванович Павловский живет в Лесном, и я с ним не виделся. Василий Афанасьевич собирал справки об [П.А.] Игнатовиче – оказалось, что о наградах по духовно-учебному ведомству представили в комитет министров без всякой консультации, и неизвестно, что из того выйдет. Граф Толстой будет в Петербурге к 15 июля, когда возвратится из заграницы государь, и тогда, вероятно, пойдет в ход дело о ваших наградах за церковно-судебный комитет, так как уже все отзывы от министров и митрополитов получены. Василий Афанасьевич заметил, что все министры не только согласны на награж-

/3/ дение своих делегатов, но и просят оказать им эту честь, а митрополиты только не встречают препятствий. Граф Толстой прислал приказание напечатать церковно-судебный проект и кр[аткую] объяснительную записку в «Правительственном вестнике» и в двух духовных журналах. Василь Афан[асьевич] думает послать в «Христ[ианское] чтение» и в «Правосл[авное] обозрение». Значит, теперь можно будет обсуждать в печати беспрепятственно. Особые мнения не разосланы в консистории и архиереям, кажется, по приказанию графа. Мнения [А.Ф.] Лаврова и [прот. И.Н.] Рождественского пришлет тебе Василь Афанасьевич по почте. Я хотел было послать чрез сию оказию, но шкаф с сими сокровищами в Синоде сегодня заперт, и ключаря не оказалось на лицо.

Николай Иванович Костомаров командирован от Археографической комиссии в Киев для /3 зв./ предварительного обсуждения вопросов, имеющих быть предложенными будущему съезду археологов в Киеве. Он приедет в Киев к 1-му августа. Иван Васильевич Писарев живет в Коломье. Старик проживает с дочерью, и семейство Василия Афанасьевича живет в Стрельне⁸⁰³, а Николай Прохорович в лагере командует эскадроном, пока временно, надеясь быть настоящим командиром. Кланяются тебе Василий Афанасьевич и Надежда Андреевна, все Прокоповичи, Иван Васильевич, Иван Васильевич Писарев, Иван Родионович с Марьей Карловной с полицмейстером царскосельским и всей семьей, Николай Иванович Костомаров и его матушка, Николай Иванович Барсуков⁸⁰⁴.

Крестоносцев говорит, что портрет митр. Арсения чрез полгода нужно покрыть лаком, когда высохнут краски. Иванову я заплатил только за раму к портрету Мазепы, а за раму к портрету Костомарова нет. /2/ Хотел было заплатить и за нее по получении последнего твоего письма, из которого я увидел, что она не была поставлена в твоем счете с ним, но он отказался принять деньги – значит, это сюрприз и тебе, и мне. Иванов также просил передать тебе его нижайший поклон.

Арсений Г[аврилович] писал мне недавно – жалуется, что здоровье Александры Сидоровны плохо. Передай мой поклон сестре и Григорию Марковичу, а также Павлу Федоровичу, Сусанне Ивановне и Назарию Антоновичу. Я передал Василию Афанасьевичу, что лучше бы Назарию Антоновичу прибавить лепты, но не знаю, что будет.

Сын Назария Антоновича давно уже не был у меня, и я не знаю, здесь ли он.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

28 июня 1873 г.

/2 збоку/ Прилагаю расписку Иванова в получении денег.

⁸⁰³ Коломьяги – історичний район Петербурга, в XIX ст. - передмістя. Стрельна – селище біл Петербурга, тоді вважалось дачним

⁸⁰⁴ Мабуть, Барсуков Микола Платонович (1838–1908) – історик і археограф, помічник завідувача синодального архіву. З ним спілкувався і Данило Гаврилович, і Петро Гаврилович під час перебування у Петербурзі.

/2 зв./ Сейчас получил письмо от брата Феофана из Карлсбада. Он там с 16 июня. Вода ему помогает, и он жалеет, что не поехал туда прежде. С ним Саша и немка-нянька. Пишет, что в Карлсбаде лечится теперь Сербский митрополит Михаил⁸⁰⁵.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
11 липня 1873 р.

Ф. 154, № 107

/1/ /іншим почерком/ 11 июня 1873 г.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Письмо Ваше очень обрадовало меня после долгого Вашего молчания; к сожалению, я не мог ответить Вам вовремя.

В день получения Вашего письма я выезжал в Варшаву на съезд, длившийся более двух недель; оттуда я только наведалься домой, затем ездил в Петербург, а завтра еду в Карлсбад.

В Петербурге мне надо было навеститься по многим делам. В виду скорого (в мае след[ующего] года) окончания службы, мне хотелось обеспечить себя на будущее время какою-либо серьезною работою, и мое заявление о желании взять на себя разбор и издание полемических между православными и униатами сочинений принято всеми благосклонно. Обещали доложить графу и выражали /1 зв./ уверенность, что он будет рад осуществить свою заветную мысль. Хотелось также о чине похлопотать, и в этом мне подали надежды. Хотелось вообще узнать, как имею я себе в министерстве. Оказалось, что министр, которого я не застал уже, совсем иной уже для меня, чем был прежде. Моему преемнику, обвиняющему меня в методе звуковом и Груббе⁸⁰⁶, в пристрастии к школам русским и проч., он прописал такой рескрипт, после которого другой на месте Маркова удушился бы. Рескрипт, видимо, написал в защиту и похвалу мою, что мне и [Э.Е. фон] Брадке выразил. История о русских книгах разрешилась тем, что министр велел выдать мне из общих школьных сумм 6 000 р. на уплату за них, а что до 27 ст. Указа о нач[альных] училищах, то хотел прямо представить государю об отмене оной, но потом счел за лучшее внести об этом в Комитет по делам Царства П[ольского]. На

⁸⁰⁵ Митрополит Михайл (Йованович; 1826–1898) – митрополит Белградський, архієпископ Сербський. Випускник КДА (1853). Мав репутацію русофіла. В Інститут рукопису НБУВ збереглося кілька його листів до Петра Гавриловича (ф. 154, № 115–118).

⁸⁰⁶ Звуковий метод навчання грамоті В.А. Золотова передбачає навчання спершу окремим буквам – звукам і складам, які потім поєднуються у слова.

Монографічний метод В.А. Грубе – навчання арифметиці на наочних предметах та на конкретних числах як прикладах, які арифметичні дії з ними можна виконувати.

Ці методи в Російській імперії поширилися у 1860-ті роки разом із відкриттям початкових шкіл для широких верств населення, зокрема і в недільних школах, і в школах для нижніх військових чинів. У назвах підручників частим було «для сільських шкіл». Методи виявилися ефективними, однак мали палких противників, оскільки базуються на конкретному мисленні, а абстрактне нібито не розвивається.

беду мою, по поводу моего отчета, он обра-/2/тился к Рад[омышльскому] губернатору с просьбой оказать содействие к улучшению материального положения училищ. Помпадур страшно обиделся, забросал меня нахальными бумагами и, по сведениям, стал готовить ответ и даже [извет] министру, что все-де было, действует, но директор молчал. Я невольно смутился, зная [Д.Г.] Анучина; но его и там не хуже знают. Граф первым общим его ответом был крайне недоволен, а по другому пространному, только теперь посланному, обещал, по моей просьбе, потребовать от меня объяснение. Иван Давыдович был даже удивлен моим беспокойством, сказав, что никакого дела тут нет, и что амбиция Помпадунова им не страшна.

Пред Пасхой меня постигла, кроме 5-ти недельной болезни, слабая беда. Бывший инспектор, сущий сатана и доводца⁸⁰⁷, по любви к искусству запротестовал при посредстве друга своего, известного Петрова, управляющего кн[язя] [Панаского], против назначения подъемных воспитательнице моего Саши, назначенной в минувшем году /2 зв./ классною дамою. Желая успеть в этом, напротив мне, и выжить это скромнейшую и достойнейшую личность, он пустил в ход все интриги, прибег к анонимным на имя попечителя письмам, набросив тень на мои к ней отношения, и слабодушный [Ф.Ф.] Витте переместил ее отсюда, а она, во избежание новой подобной истории, подала в отставку, и хотела тотчас оставить меня, но сжалилась над Сашею и моею болезнию – до времени. Тяжкие минуты я пережил. Что дальше, не знаю. Гувернантки в Петербурге не нашел и едва ли найдут для меня. Заграницу еду с немкою при Саше, а Железовская уезжает на прежнее место, подавая лишь слабую надежду на возврат. Тут только я узнал, что значит Польша.

Все надежды мои на Карлсбад, а затем на скорую отставку и покой. Из Карлсбада я возвращаюсь 20-го августа и непосредственно съезд в Сомце — на 6-ть недель.

Будьте здоровы и благополучны. Искренне любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

11 июля 1873 г.

г. Радом

P.S. Брат Даниил довольно ослабел. Быть может и он приедет в Карлсбад. Саша здоров и целует Вашу ручку.

/2 зв. збоку/ [И.Д.] Делянов любезно вспомнил об Вас: «У, много работали».

/2 збоку/ О. Филарету и о. Назарию не забудьте поклониться от меня.

/1 зв. збоку/ Марфе Г[авриловне], Павлу Ф[едоровичу] и Сусанне Ив[ановне] и всем родным и знакомым прошу передать мой нижайший поклон.

/1 збоку/ Школы все до единой я объехал до половины марта, но отчета за болезнь не успел написать.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича

⁸⁰⁷ Dowódca – командир.

21 серпня 1873 р.

Ф. III, № 3529

15/ /почерком Петра Лебединцева/ Тарнопольскому о [...] 27 августа

21 августа 1873 года

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Преосв. Иоанникий Варшавский усердно просил меня передать Вам всепокорнейшую просьбу его – приискать для Варшавы хорошего священника. Вакансия священническая – в Лазенковском дворце. Лазенковский дворец, летнее пребывание польских королей, находится среди обширного парка и составляет резиденцию всех приезжающих в Варшаву особ. При нем есть православная церковь, приход которой составляют все служащие /15 зв./ в Варшаве по ведомству императорского двора. В настоящее время всех прихожан считается 13 душ (остальные все немецкие или польские души). Жалованья по должности священника 1225 руб. сереб[ром]. При этом должность законоучителя гимназии с жалованьем 800 руб. сереб[ром]. */примітка знизу/ [Двадцать лет службы учебной до пенсии в таком же количестве. Награды по придворному.]* Хорошему человеку преосвященный обещает в добавку место или благочинного, или иное при консистории. По принятому обычаю, придворный священник должен быть благообразный и приличный во всей своей наружности. На проезд ему полагается 600 руб. сер. Преосвященный убедительно просит Вас приискать ему в Киеве подходящего кандидата. Сам он стеснялся писать к Вам, так [как] прежде не был с Вами в переписке; поджидал он Феофана из заграницы, да Феофан не зашел к нему. Я не мог отказаться от этого поручения, потому что /16/ выражено было с настойчивостью. «Я Петра Гавриловича помню хорошо, всегда уважал, он не откажется исполнить мою просьбу...»

Таким образом, во всем этом деле я не повинен Киеву преосвященный наиболее симпатизирует по убеждению, что там натуры мягче и деликатнее, а ему надоело возиться с манерами некоторых священников из внутр[енних] губерний по их неотесанной грубоватости. «Киев, – выражается он, – имеет свойство нивелировать угловатости и шероховатости в характерах». Кто-то когда-то рекомендовал ему Гуляницкого, брата б[ывшего] бакалавра, но если он пошел в брата... Я поминал ему про [П.А.] Троицкого, но он полагается вполне на Вашу рекомендацию. Если бы подобный нашелся, то он просит Вас заключить с таковым окончательные условия и прислать от него прошение.

Целое лето я провел в разных тревожностях служебных и семейных. /16 зв./ Давно уже я писал Вам, но все собирался писать. Здоровье мое ничего себе. Сережа перешел во 2 класс, учится хорошо. Жена все как-то похварывает, но не слишком. На днях был у меня Феофан, возвращаясь из заграницы. Он поздоровел. [Ф.Ф.] Витте решительно выходит в отставку в ноябре. Реформа наша в полном ходу. Произведена Бог знает как, все недовольны.

В Варшаве сильная холера, молитесь о нас грешных. В.В. Вилуев произведен в члены Варшав[ского] сената и теперь всем недоступен. За что уволен [помощник попечителя] Тулов?

Искренно по-прежнему обнимаю и целую Вас всею семьею моею. Передайте мой поклон Павлу Федоровичу и Сусанне Ив[ановне], Малышевским, Лашкаревым, Вороновым, [о.] Филарету, Назарию Антоновичу, о. Даниилу Смолодови[чу], Оресту Марковичу и всем, искренно помнящим меня. А более и сердечнее всего поклонитесь могиле Надиньки.

Истинно любящий и уважающий Вас
брат и покорнейший слуга Е. Крыжановский.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
24–26 листопада 1873 р.⁸⁰⁸

Ф. 154, № 100

/1/ 24-е ноября.

Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Прежде всего прошу у тебя извинения за беспокойство, причиненное тебе моим молчанием. Кажется, я писал тебе, что я повредил было правую руку и не мог владеть ею около двух недель, потом были экстренные занятия по службе, а затем простудился и получил лихорадку. Все это препятствовало исполнению поручения. Впрочем, по первому письму от 4 окт[ября] я и не мог ничего сделать /1 зв./ по неимению точного адреса, куда или, лучше, кому выслать ноты, а без точного адреса не принимают на почте. Потом нужно было посоветоваться с специалистами, какие ноты послать. Специалисты тоже стали в тупик, не зная, есть ли в Шубкове⁸⁰⁹ школа и учитель пения, есть ли там уже какие-либо ноты и вообще имеется ли там материал, способный к восприятию партесного пения. Наконец, можно ли там исполнять четырехголосные пиесы, или трехголосные, или же только может быть пригоден шубковцам одноголосный обиход, изучаемый в духовных училищах. /6/ Второе твое письмо, полученное мною 26-го октября, в котором означена фамилия священника Зубкова, доставило возможность по крайней мере отправить хоть какие-нибудь ноты. Выбор нот сделан регентом митрополичьего хора [Г.Ф.] Львовским⁸¹⁰ по совету с корифеями придворной капеллы Розиновым и Стороженком. Деньги отданы 1-го ноября, а ноты отправлены в Ровно священнику села Шубкова Фотинскому⁸¹¹ 2-го ноября. Прилагаю при этом записку Стороженка в получении денег (25 р.), с пометанием

⁸⁰⁸ За відкриттям пам'ятника Катерині II.

⁸⁰⁹ Шубков – село в Ровенском районе Ровенской области.

⁸¹⁰ Львовський Григорій Федорович (1830–1894) – композитор і регент митрополичого хору, випускник Кишинівської ДС, ймовірно, учень Данила Гавриловича. У Данила Гавриловича були широкі знайомства зі співочим колом Петербурга.

⁸¹¹ Фотинський Авксентій Григорович, батько волинського краєзнавця Ореста Оксентійовича Фотинського.

высланных нот и цен оным. Пересылку капелла приняла на свой счет, и кроме того, сделала уступку на один рубль сереб[ром]. Капелла /6 зв./ отправляет на почту посылки по книге и особых почтовых расписок не получает, а потому я не могу приложить почтовой расписки в принятии почтою [там]⁸¹² нот. Сверх нот, посланных 2-го ноября на деньги (25 р.), флигель-адъютанта Арсеньева, я вчера дал библиотекарю капеллы 5 р. 50 к. и просил его отправить тому же священнику Фотинскому «Школу церковного пения» для 4-х голосов и «Родные напевы», изданные Рожновым для мальчиков. Это последнее издание есть сборник песен великорусских и малороссийских, положенных на ноты. Он употребляется в придворной капелле и, /2/ по всей вероятности, может заохотить к изучению пения и в сельской школе.

12-го ноября я послал тебе письмо чрез военного судью Киевского окруж[ного] суда Коробчица. Из телеграммы твоей от 22-го ноября видно, что ты еще не получил этого письма. Коробчиц живет возле Софийского собора в доме Михайла Мартыновича Богданова. Если это письмо тобою еще не получено, то пошли за письмом или сам зайди, потому что я там кое-что написал такого, что не должно быть известно посторонним. Я писал, что Василий Афа-/2 зв./насьевич отозвался невозможностию что-либо сделать по назначению арх[имандрита] Арсения⁸¹³ членом консистории. Теперь я убедился, что нечего было рассчитывать на Николая Ивановича Павловского. Я был у него 21-го числа и узнал, что оный архимандрит уже назначен членом Киевской консистории и что его особенно рекомендовал [преосв.] Макарий, которому он известен с отличной стороны как письмоводитель при покойном митрополите Киевском Филарете и как бывший секретарь Тамбовской консистории. Я заметил, что как письмоводитель при /5/ [митр.] Филарете он пользовался не совсем хорошею репутациею. Ник[олай] Ив[анович] к этому добавил, что и как секретарь Тамбовской консистории он хорошо нагрел руки, и что митрополит Арсений, как говорили ему киевские монахи, представил его к назначению в члены консистории, чтобы иметь предлог перевести его из Выдубицкого в Никольский монастырь, на его место перевести своего племянника из Никольского в Выдубицкий, и вместе с тем вознаградить архимандрита Арсения за потерю более доходного монастыря жалованьем по должности члена кон-/5 зв./систории. Ник[олай] Иванович говорит, что архим. Арсению не следовало быть членом консистории и потому, что он есть благочинный монастырей. Когда я прибавил, что все члены Киев[ской] консистории магистры и даже доктор, а секретарь кандидат, и что [архим.] Арсений был канцеляристом у Хириянова, то он расхохотался. Говорит, что митрополит мог бы предоставить должность кому-либо из двух штатных членов или другому из белого духовенства, и удивляется,

⁸¹² припущення

⁸¹³ Архімандрит Арсеній (Радкевич; пом. 1890) – настоятель Видубицького монастиря у 1869–1882 рр. Дуже посприяв матеріальному благополуччю монастиря – і власним коштом, вкладеними під відсотки, і зв'язками з заможними людьми, і налагодженням паломницького шляху. У 1870 р. покровителем Видубицького монастиря став Ф.Ф. Трепов, чия дружина була похована на території монастиря.

почему это не сделано, а между тем как кажется, сам пальцем не тронул, чтобы /3/ отворатить такую нелепость

За десять дней пред сим я виделся с Василием Афанасьевичем и узнал, что он был у графа Толстого, но аудиенция была прервана на самом интересном месте приходом министра внутр[енних] дел [А.Е.] Тимашева. Граф велел печатать отзывы архиереев и консисторий. Последние его слова были: «Мне говорили, протоиерей Лебединцев...» – и на этих словах остановился при появлении [А.Е.] Тимашева. 21-го я заезжал к нему, но не застал дома, потом заезжал 22 утром, /3 зв./ но мне сказали, что он 21-го вечером уехал в Москву.

Сегодня открывают памятник Екатерине II, но я чувствую себя не совсем хорошо, а потому не намерен выходить из дому. Думал было сегодня отправить письмо, но сейчас узнал, что прием на почте сегодня только до 12-ти часов, а потому заказное письмо нельзя подать раньше понедельника.

26-е ноября. В день открытия памятника Екатерине II стреляли из пушек до того, что на Дворцовой набережной в некоторых домах стекла разбились. Смотрел вчера памятник. Красив, но Екатерининские /4/ сподвижники поставлены так, что страшно за них – кажется, они сами боятся. Вероятно, художники хотели дать урок сильным мира, показав, что положение их непрочное и что им можно легко свалиться каждую минуту.

Я спрашивал Николая Ивановича, сделано ли распоряжение о вызове в Синод митрополитов. Он сказал, что ничего еще неизвестно об этом. [Преосв.] Макарий вызван потому, что на лицо оставалось в Синоде только два члена.

/4 зв./ На днях я получил письмо от Мих[аила] Ив[ановича] Крашановского. Он получил место инспектора прогимназии в Сандомире. Феофан о времени возвращения из заграницы не писал ко мне.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

Мой нижайший поклон всем родным и Назарию Антоновичу.

Николай Иванович говорил, что диссертацию ректора Киев[ской] академии [о.] Филарета должны пропустить, и что в членах Синода заметно сочувствие к нему.

**Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
між 24 січня і квітнем 1874 р.⁸¹⁴**

Ф. 154, № 102

(хибно вкладений до іншого листа)

/без початку/

/3/ Митрополит соглашается на окружной суд под условием, чтобы он состоял из 6-ти епархиальных архиереев, допускает, впрочем, и чинам иерейского сана заменять архиереев по уполномочию последних. От [преосвященных] Платона Новочеркасского, Дмитрия Херсонского, Иоанна Полтавского и

⁸¹⁴ Між одруженням великої княжни і вислугою Феофаном Гавриловичем права на пенсію.

Иоанникия Варшавского⁸¹⁵ еще нет отзывов. [Архиеп.] Леонтий Подольский надул и тебя, и графа Толстого – прислав отзыв по рецепту [А.Ф.] Лаврова, который начинается заявлением, что он дал присягу при посвящении в архиереи соблю-/3 зв./дать каноны, а потому и проч., и проч.

Московская консистория прислала отзыв в несколько строк в таком смысле: проектированный комитетом церк[овный] суд согласен с судей[скими] уставами 1864 г., но противоречит канонам, а потому они, консистория, не сочли возможным водить в рассмотрение проекта.

Граф Толстой часто спрашивает, получены ли отзывы от [митрополитов] Исидора и Арсения, но сфинксы молчат.

Брат Арсений Гаврилович недавно назначен штатным членом Одесской консистории /4 зв./ по представлению преосв. Димитрия. При докладе этого дела [митр.] Исидор, по словам Ник[олай] Ив[анович] Павловского, сказал, что за охота была [Н.И.] Павловскому поступать на епархиальную службу – лучше было дать ход молодым. В день бракосочетания к[еликой] княжны Марии Александровны⁸¹⁶ члены Синода обедали в Зимн[ем] дворце, и [преосв.] Никандр Тульский рассказывал, что он ничего ни ел, ни пил, а все слушал Патти⁸¹⁷, которая во время обеда пела, с оркестром. Ивану Васильевичу Писареву его супруга Акулина Семеновна родила двух сыновей- /4 зв./ близнецов – он хлопочет уже о зачислении их в кандидаты для поступления в Училище правоведения⁸¹⁸. Я одного из них воспринимал от купели. Феофан Гаврилович думает еще остаться на службе по выслуге (в апреле) права на пенсию, пока не получит чины. [Ф.Ф.] Витте подал было просьбу об отставке, но надул графа Толстого – на прощальной якобы аудиенции выпросил у государя отпуск за границу на два месяца и 10 т. руб. По моей просьбе [Н.А.] Сергиевский⁸¹⁹ обещал предоставить гувернантке Феофана Гав[риловича] право на открытие в Воленском округе женского двухклассного училища с субсидиею от правительства в 700 р. в год.

Кланяются тебе Прокоповичи, Ник[олай] Ив[анович] Костомаров (благодарит за сообщенное сведение и за «[Киевские] епархиальные ведомости», которые ему передаются мною), Вас[илий] Афанасьевич и Василь Родионович с Мар[ией] Карловной.

Искренно любящий брат Д. Лебединцев.

⁸¹⁵ Платон (Городецкий) – архієпископ Новочеркаський у 1867–1877 рр.; Дмитрій (Муретов) – архієпископ Херсонський у 1857–1874 рр.; Іоанн (Петін) – єпископ Полтавський у 1862–1887 рр.; Іоанникій (Горський) – архієпископ Варшавський у 1860–1875 рр.

⁸¹⁶ 24 января 1874 г.

⁸¹⁷ Аделіна Патті (1853–1919) – культова в Росії італійсько-іспанська оперна співачка.

⁸¹⁸ Імператорське училище правознавства – привілейований закритий навчальний заклад (1835), один з найпрестижніших в Російській імперії, випускники якого займали найвищі управлінські посади і відігравали значну роль у різних сферах соціально-політичного життя.

⁸¹⁹ Сергієвський Микола Олександрович (1833–1900) – попечитель Віленського навчального округу із 1869 р. майже до смерті. У 1866–1869 рр. був директором канцелярії обер-прокурора Синоду. Випускник МДА.

/4 зв. збоку/ Брату Андрею я послал 300 р. Всем родным мой низки поклон. Кланяюсь Назарию Антоновичу.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
16 квітня 1874 р.

Ф. 154, № 91

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 25 апр[еля] 1874 г.

16 апр[еля] 1874 г.

Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Давно я не писал к тебе, и вероятно, ты недоумеваешь, что это значит. Причины в том, что ничего не мог сообщить тебе определенного по твоим делам, несмотря на частые посещения мои Вас[илия] Аф[анасьевича] и Ник[олая] Ивановича. Я тебе писал, что просьбы [В.О.] Головачевой⁸²⁰ не оказалось в Синоде, между тем, как ты пишешь, дело потребовано в Синод. Теперь Н[иколай] И[ванович] уверен, что он действительно не знал о существовании просьбы и что все делалось помимо его – от него скрывали, и даже не знает, получено ли дело из Киевской /1 зв./ консистории. Василию Афанасьевичу этого дела не передавали и не передадут – оно будет рассматриваться обер-секретарем Стратилатовым, заведующим бракоразводными делами. Василий Афанасьевич обещал переговорить с Стратилатовым и посмотреть самое дело. Ник[олай] Ив[анович] говорит, что из неоднократных бесед даже во время праздника Пасхи с митрополитом Арсением он вынес убеждение, что митрополит расположен к тебе и потому советует, чтобы ты немедленно просил его, митрополита, письмом настоять, чтобы дело /2/ по жалобе Головачевой было доложено Синоду до

⁸²⁰ У Київській духовній консисторії із лютого 1871 р. розглядалася справа про розлучення чиновника середньою ланки Миколи Миколайовича Головачова і його дружини Віри Йосипівни, уродженої Зиминської (процес розлучення розпочався у Волинській консисторії в грудні 1865 р.). Справа про розлучення: ЦДІА, ф. 127, оп.761, спр. 157, 788 арк. Петро Гаврилович очолював стіл, який займався розлученнями.

На розлучення подав чоловік, звинувативши дружину у подружній зраді. У лютому 1873 р. дружина подала зустрічну заяву на розлучення, звинувативши у подружній зраді чоловіка (сторона, яка вчинила перелюб, не мала права на наступний шлюб). Вона ж хотіла передачі розлучення до Петербурзької консисторії (ймовірно, в нинішньому листі йдеться саме про це), справа залишилася в Києві.

Секретар Київської консисторії Михайло Хижняков звинуватив Петра Гавриловича у веденні справи одноосібно (а не колегіально з іншими членами консисторії) та потай від нього, секретаря. Віра Головачова звинуватила Петра Гавриловича в заангажованості і порушенні судової процедури, і наприкінці 1873 р. вимагала його відсторонення від ведення справи.

Зрештою у березні 1874 р. були відсторонені і Петро Гаврилович, і М.М. Хижняков. Справа про розлучення Головачових тривала до 1879 р. (рішення консисторії), а указ Синоду про розлучення послідував від 24 травня 1880 р. Було доведено перелюб чоловіка, а перелюб дружини – ні.

отъезда митрополита в Киев. Это будет для тебя гарантией, иначе [К.А.] Вощинин⁸²¹ может пустить это дело в журнал № 3, т.е. написать журнал без доклада Синоду и послать членам для подписи, и они подпишут, может быть, вовсе не читая журнала, особенно если их будет много, а если иной и прочитает, что видя, что дело исполнено гладко (хотя может быть и в превратном виде) и что уже кто-либо из членов подписался под журналом, и /2 зв./ сам подпишет, ничтоже сумняся. Когда пошлешь письмо к митрополиту, то вместе с тем уведоми и меня, чтобы напомнить Николаю Ивановичу, который обещает переговорить тогда с митрополитом. Ник[олай] Иванович не может особенного содействия оказать, потому что он непосредственно подчинен [К.А.] Вощинину и к тому обременен многочисленной семьей. Сейчас я получил записку от Василия Афанасьевича, который находит совет, данный Николаем Ивановичем, благим советом, и признает, что по № 3-му действительно могут нагадить, /3/ и обещает поскорее привести в известность, получено ли из Киева дело в Синоде. Василий Афанасьевич передавал мне на четвертой или пятой неделе поста, а может б[ыть], и на Вербной, что [И.А.] Ненарокомов⁸²² говорил кому-то, вероятно, слышанное им от [К.А.] Вощинина: протоиерей Лебединцев, побывавший в Петербурге, зазнался и пошел против митрополита – в консистории говорил: пускай пишут, но посмотрим, что скажет юрисконсульт, и при этом [И.А.] Ненарокомов будто бы советовал (заочно) Василию Афанасьевичу поостеречься. Если бы дело Голо-/3 зв./вачевой было передано Василию Афанасьевичу, то разумеется, он не поцеремонился бы ни с [К.А.] Вощининым, ни с [И.А.] Ненарокомовым, но как без сомнения этого не сделают, то он не может принять прямого участия в деле.

Николай Иванович мне передавал, кажется, на четвертой неделе поста, что при рассмотрении в комитете наград митрополит Арсений говорил, что он не представит своего кафедрального протоиерея к награде потому, что ему в обыкновенном порядке дадут Владимира 4 ст., а за комитет он без сомнения получит Владимира 3 ст., но когда на /4/ это заметили, что за комитет, по всей вероятности, теперь не будет наград, и между тем по случаю упразднения ордена Анны 2 ст. с короною, прочим членам Киев[ской] консистории, представленным к этому ордену, следует дать Владимира 4 ст., то он сказал, что не хочет обижать протоиерея Лебединцева и берет свое представление о прочих членах назад. Я тогда же, по совету Ник[олая] Ивановича, побуждал Вас[илия] Афанасьевича поторопиться с наградами по комитету, чтобы чрез это между прочим не лишит наград членов /4 зв./ Киевской консистории, но все его старания остались без успеха, потому что это дело взял в свои руки [И.А.] Ненарокомов, а прямо действовать на графа было невозможно, и т[аким] об[азом], комитет по преобраз[ованию] церковно-судебной части окончательно закрыт без всяких наград председателю и членам.

⁸²¹ Вощинин Костянтин Олексійович – керівник Канцелярії Святійшого Синоду у 1868–1883 рр.

⁸²² Ненарокомов Іван Олександрович – директор канцелярії обер-прокурора Синоду в 1869–1889 рр.

Записку твою, или статью⁸²³, я получил и, переписавши ее начисто хорошим почерком, передал Василию Афанасьевичу. Я исключил из нее то место, где указывается, что автор книги, изданной [Н.В.] Елагиным⁸²⁴, есть одно лицо с автором Московских апологий. /5/ Это я сделал потому, что многим уже это известно и может вызвать со стороны [А.Ф.] Лаврова подобные же разоблачения, а также и потому, что [Т.В.] Барсов в Голосе уже указал на это, и [И.А.] Ненарокомов страшно озлился на [Т.В.] Барсова за это разоблачение. Статья передана Василию Афанасьевичу, но он находит неудобным печатать в том виде, как есть, потому что по некоторым признакам сей час угадают, что она написана тобою. Он дал ее кому-то, только не [Т.В.] Барсову, переделать так, чтобы нельзя было /5 зв./ по отпечатанию заметить, кому она принадлежит. При этом он не открывал имени автора статьи.

На страстной неделе по случаю представления всеподданнейшего доклада о закрытии комитета граф Толстой потребовал к себе отзывы архиереев на проект почему-либо особенно замечательные. Василь Афанасьевич посылал эти отзывы (в т.ч. и [архиеп.] Агафангела), в записке написал, что отзыв [преосв.] Агафангела печатается в «Волынских епархиальных ведомостях», и что киевским протоиереем Лебединцевым напи-/6/ сана основательная статья, еще не напечатанная, против книги, изданной [Н.В.] Елагиным, о предполагаемой судебной реформе, в которой выставлена вся нелепость сочинений г[осподина] Лаврова. Записка эта оставлена графом у себя. Что сделает Василь Афанасьевич с статьей, и где он намерен ее поместить, еще не знаю, но он обещал, что по исправлению он прочитает ее вместе со мной и посоветуется о том, что делать.

Шляпа сегодня посылается тебе из магазина Циммермана – делали на заказ [за] 10 р. У Чуркина есть по 7 и даже по 6-ть руб., но и по фасону, и по доброте ужасная дрянь. /6 зв./ [Архиеп.] Леонтий Подольский добывается всеми путями, чтобы быть вызванным для присутствия в Синоде на место уезжающего по усиленной просьбе [преосв.] Никандра. Граф, говорят, указывал на Серафима [архиеп.] Воронежского⁸²⁵, но тот, говорят, уже целый год не служит по болезни. Кого вызовут, неизвестно. [преосв.] Макария спрашивали, не желал ли он из Киева возвратиться на место в Вильно, но он пожелал возвратиться в Петербург. Василь Афанасьевич получил твое последнее письмо хотя с неповрежденным конвертом, но в середине оно оказалось разрезанным на изгибе во всю ширину листа. Не /7/ умели в Киевской почтовой конторе читать твои письма. Вероятно, при вытаскивании письма из пакета машинкою разрезали письмо. С таким же

⁸²³ Об особом проекте духовно-судебной реформы, изданном г. Елагиным // Церковно-общественный вестник, 1874. №№ 48–51.

⁸²⁴ Елагін Микола Васильович (1817–1891) – публіцист, письменник, духовний цензор. Видавець апологетичної книги «Русское духовенство» (1859; див. коментар до листа Петра Гавриловича від 5 березня 1860 р.). За характеристикою Енциклопедії Брокгауза і Ефрона, як духовний цензор не допускав до друку твори, герої яких чинили протизаконні чи неморальні справи, і грубо втручався в текст рецензованих творів, аж до переписування.

⁸²⁵ Серафим (Аретинський) – див. примітку до листа Петра Гавриловича від 24 грудня 1858 р.

разрезом однажды в прошлом году и я получил от тебя письмо. Впрочем, припомни хорошенько, не сам ли ты как-нибудь сделал эти разрезы при складывании письма.

Настоящее мое письмо дало предупреждение посягательств почтовых чиновников, а может б[ыть] секретаря консистории или агентов [В.О.] Головачевой.

/7 зв./ Посылаю с деньгами сто семьдесят пять руб. Из них отдать по 50 руб. сестрам Марфе, Матроне и Ефросинии Гавриловнам, а 25 р. тетушке Ефросинии Григорьевне, если она еще жива.

Прошу передать мой нижайший поклон всем родным, в том числе Павлу Федоровичу и Сусанне Ивановне.

Поздравь от меня будущего епископа Уманского Филарета⁸²⁶. Его будут хиротонисать в Киеве по возвращении митрополита – так по крайней мере вчера /8/ говорил Феодосий Кучерявый⁸²⁷, которого я встретил у Николая Ивановича. Назарию Антоновичу также мой нижайший поклон.

Кланяются тебе Василь Афанасьевич, Николай Иванович Павловский и Ив[ан] Вас[ильевич] Писарев, а также все Прокоповичи и Ник[олай] Ив[анович] Костомаров.

Н.И. Костомаров уже печатает пятый выпуск своей истории и пишет статью для «Вестника Европы» в защиту Петра Могилы против статьи [С.Т.] Голубева⁸²⁸, помещенной в «Православн[ом] обозрении»⁸²⁹.

/8 зв./ Николай Иванович Павловский по совету докторов собирается в Карлсбад лечить печень. Я едва ли поеду – опять много служебных занятий, которые главным образом и мешают мне подробно отвечать на твои письма.

Н.И. Костомаров на этой неделе в субботу собирается в Полтавскую губернию к своей невесте – но может быть, и не женится⁸³⁰.

Довольно пока.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

⁸²⁶ Архімандрит Філарет (Філаретов), ректор КДА, став першим єпископом Уманським (1874–1877) – другим вікарним єпископом Київської єпархії.

⁸²⁷ Ймовірно, Феодосій (Шаповаленко; 1811–1883) – архієпископ Вологодський. Випускник КДА 1839 р., у 1845–1848 рр. був викладачем і інспектором КДС.

⁸²⁸ Голубев Степан Тимофійович (1848–1920) – історик, викладач КДА з 1874 р., а з 1885 р. викладав в Університеті св. Володимира. Див.: Ульяновський В.І. Двічі професор. Степан Голубев в університетському та академічному контекстах. Київ, 2007.

⁸²⁹ Голубев С.Т. Петр Могила и Исайя Копинский: Вступление Петра Могилы на Киевскую митрополию и его отношение к Исаею Копинскому // Православное обозрение, 1874, № 2, с. 210–251; № 3, с. 303–326. Ця праця була опублікована окремим виданням.

Рецензія: Костомаров Н.И. Петр Могила перед судом исследователей нашего времени: по поводу статей г. Голубева в «Православном обозрении» // Вестник Европы, 1874, кн. 5, с. 429–441.

⁸³⁰ М.І. Костомаров до вислання з України мав наречену, Аліну Леонтіївну Кисіль. За час рзлуки вона вийшла заміж, народила трьох дітей, стала вдовою. За рік до поїздки, про яку йдеться в листі, М.І. Костомаров зустрівся з нею. Одружилися у 1875 р.

**Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
травень 1874 р.**

Ф. 154, № 92

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

В последнем письме ты спрашиваешь, будет ли в Церковно-общественном вестнике продолжение статьи против книги [Н.В.] Элагина. Теперь, конечно, ты уже читал и продолжение, и окончание. На обеде у Киевского митрополита 13 мая к Василию Афанасьевичу подъехали Васильев и Янышев⁸³¹, и оба говорили об этой статье: превосходно, превосходно! Неизвестно, что говорят о ней архиереи и монашествующие. Васильев по-/1 зв./слал графу Толстому отпечатанные собственно для него №№ на веленовой бумаге. Кто же автор этой статьи? В редакции, по закону, должен быть известен автор. Там значится Василий Афанасьевич, но об этом авторе знает только редактор. [А. И.] Поповицкий⁸³² приехал благодарить Василия Афанасьевича и говорил, что он прежде поручал одному из сотрудников (вероятно, [Т.В.] Барсову) написать против книги [А.Ф.] Лаврова, но тот отвечал: «С [А.Ф.] Лавровым ничего не поделаешь – он стоит на почве канонов».

/2/ Дело [В.О.] Головачевой представлено митрополитом в Синод пред самым отъездом. Николай Иванович Павловский говорил митрополиту, почему он раньше не представил, чтобы оно могло быть доложено при нем и чтобы чрез это в его отсутствие не сделали чего неприятного для тебя. Митрополит на это будто бы сказал, что по делу он видит, что для о. Петра ничего худого не может быть. Сегодня я встретился с Василием Афанасьевичем – он сказал, что дело у Стратилатова, который обещал на будущей неделе подробно рассмотреть его и сказать /2 зв./ свое мнение. Василь Афанасьевич тоже обещал прочесть дело – говорит, что заметно участие [К.А.] Вошинина. На днях в комитете или консультации из высших чинов синодских рассматривались представления о наградах консисторских чиновников, и киевского секретаря⁸³³ провалили, но [К.А.] Вошинин при этом молчал.

Мне уже разрешен заграничный отпуск на 2 ½ месяца. Еду в Карлсбад, а оттуда, может быть, заеду в Киев. Со мной едет и Николай Иванович Павловский по совету Боткина. Выеду из Петербурга в первых /3/ числах июня. Серафим [архиеп.] Воронежский уже приехал в Петербург и привез с собой 50 человек

⁸³¹ Протоієрей Васильєва Василь – голова Навчального комітету Синоду; див. примітку до листа Арсенія Гавриловича від 15 грудня 1861 р.

Протоієрей Янишев Іоанн – ректор СПбДА, головний редактор журналу «Християнское чтение»; див. примітку до листа Петра Гавриловича від 7 лютого 1867 р.

⁸³² Поповицький Олександр Іванович (1826–1904) – публіцист-богослов, видавець. Його видання того часу – газета «Современный листок». Співпрацював з виданнями: «Странник», «Християнское чтение», «Церковно-общественная жизнь» та ін.

Т.В. Барсов у першій половині 1870-х років друкував статті щодо реформування церковного суду здебільшого у журналі «Странник», рідше – в «Християнском чтении».

⁸³³ Хижняков Михайло Михайлович.

свиты и собственных лошадей. Живет в квартире, которую занимал Киевский митрополит. [Митрополит] Арсений купил Псковское подворье, в котором жил [преосв.] Макарий, за 86 т. руб. и говорил Николаю Ивановичу, что он пожертвовал Лавре из своих 40 т. р. Сам Николай Иванович, несмотря на все благочестие его, говорит, что это деньги брошены в ненасытную пучину, и что можно было дать им лучшее назначение.

/3 збоку/ Воронежские монахи осмотревши отведенные помещения сказали: видно, здесь жили не люди, а свиньи, и принялись красить на свой счет. Видно, что привыкли хорошо жить на счет преподобного Митрофана⁸³⁴.

/3 зв./ [Преосв.] Агафангелу послали от Синода (весьма секретно) соболезнование о том, что он опубликовал в «[Волынских] епархиальных ведомостях» свое весьма резкое заключение по поводу церковного суда. Сказали, что он мог откровенно писать в Синод, но то же самое печатать не имел права. [Преосв.] Серафим спрашивал Н.И. Павловского, неужели ничего не будет [преосв.] Агафангелу за его выходку, и когда узнал, что сделано, то сказал: видно теперь не то, что было при [обер-прокуроре] Протасове⁸³⁵.

Мой поклон всем родным и знакомым.

Искренно любящий брат Д. Лебединцев.

Кланяются тебе Василь Афанасьевич, Ник[олай] Ив[анович] Павлов[ски]й и Иван Васильевич Писарев. Последний уезжает на днях в командировку в Вильно.

/2 зв. збоку/ [Преосв.] Макарий расхвалил Киевскую академию⁸³⁶ в заседании Синода – тоже и пред Ив[аном] В[асильевичем] Писаревым, но сему последнему говорил, что не хочет ехать в Московскую академию на ревизию.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
22 липня 1874 р.**

Ф. III, № 3531

/19/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 14 окт[ября] 1874 г.

22 июля 1874 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Приносим Вам нашу искреннюю и глубокую благодарность за Ваше теплое участие к нам в нашем горе. Поездка в Киев, благодаря Вашей незаменимой братской любви, была для нас истинным лекарством в душевной боли нашей, /19 зв./ никто здесь не ожидал, чтобы Маша вернулась из Киева настолько успокоенною.

⁸³⁴ Святитель Митрофан Воронежский.

⁸³⁵ Протасов Микола Олександрович (1798–1855) – обер-прокурор Синоду у 1836–1855 рр., реформатор духовного відомства, прихильник функціонування церкви як чіткої управлінської структури.

⁸³⁶ У 1874 р. архієп. Макарій (Булгаков) проводив ревізію КДА, своєї alma mater.

Сегодня я получил разрешение на заграничный отпуск и послезавтра мы едем, куда глаза глядят. Предполагаем, впрочем, пожить в Швейцарии, чтобы попить сыворотку и винограду, да затем покупаться в Адриатическом море.

Ст[епан] Ст[епанович] Громека и А.И. Чоповский благодарят Вас за поклон и взаимно просят принять их искренний поклон. Особенно [А.И.] Чоповский восторженно поминает Вас. Ст[епан] Ст[епанови]ч просит /20/ также принять благодарность за участие к Маше.

Простите. Еще и еще благодарим Вас. искренно любящие Вас
Е. и М. Крыжановские.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
12 грудня 1874 р.

Ф. III, № 3585

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Сегодня я купил, наконец, и отправил по почте в Киев шубу для именинницы Лариссы⁸³⁷. Признаюсь, что покупка эта стоила мне хлопот. Я ничего не смыслю в дамских нарядах и приходилось долго расспрашивать и приценяться, а в конце концов, может быть, меня все-таки надули не только в цене, но и в товаре. Дам знакомых не имею, и потом пришлось покупать самому. Правда, /1 зв./ единственная знакомая Александра Прохоровна вызывалась на услугу, но у меня не хватило духу при настоящих морозах и вьюге воспользоваться ее услугой, потому что она только что начинает поправляться после тяжелой трехнедельной болезни. Шубка куплена в гостином дворе в магазине Саркисова – бархат венецианский, и, по словам хозяина, аршин стоит 40 р. А может быть, он и врет. Фасон последней моды – и этого наверное не знаю. Все, кого я ни спрашивал, говорят, что хороший бархатной шубки нельзя купить дешевле 100 или 120 р. Плю-/2/хонькие, которые я видел, можно гораздо дешевле, особенно московского бархату. Впрочем, я не уверен, что я купил венецианского, а не московского, хотя Мария Федоровна говорит, что не московский. Шубка на пуху с ватой, но я не порол. Одно знаю, что она на всяком месте стоит 50 руб. Ширина в плечах не 9, а 10 вершков, потому что Саркисов уверял, что мне мерка прислана, снятая по телу, а не по теплой одежде – и сего не знаю. Если будет широкой, то можно сузить. Заплатил 110 р. и переплаченные 60 р. прошу считать моим вкладом и не возвращать мне. Если шубка понравилась, то пусть Ларисса носит на здоровье, а не понра-/2 зв./вится, то пусть не бранит меня, потому что я в этих делах круглый невежда.

Николай Иванович Ковальский говорит, что по резолюции графа, представление о твоей награде отложено до Пасхи. Василий Афанасьевич сказал прислать тебе первый том консисторских мнений о церковно-судебном

⁸³⁷ Шаворська Лариса Павлівна – донька Марфи Гаврилівни (П.Я. Шаворський помер у 1861 р.).

проекте⁸³⁸. У Ивана Васильевича вчера умер маленький близнец – мой крестник. Иван Иванович Зефиров говорит, что [преосв.] Леонтий представил Александру Никитишну⁸³⁹ к единовременному пособию, а не к пенсии – дело передано в хозяйственное управление, но [А.Ф.] Лавров до сих пор не сделал предложения Синоду. Все они четверо кланяются тебе.

Искренно преданный и любящий брат Д. Лебединцев.

12 дек[абря] 1874 г.

/1 збоку/ Кланяется тебе о. Прохор Прокопович. Он живет в Петербурге с Александрой Прохоровной на Новопетергофском проспекте, д[ом] № 20, кварт[ира] № 27.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича

9 лютого 1875 р.

Ф. III, № 3532

/21/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[е] 14 февр[аля]

9 февр 1875 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Не знаю, получили ль Вы пространное письмо мое с описанием церемонии воссоединения униятов в Белой. На 16 февраля проектируется такая же церемония в Янове (18 верстах от Белой) для новых приходов, которых набралось уже до 30.

Как видите, движение все растет. В Холмщине действительно возможно к Пасхе совершить общее воссоединение. Но там столкнулись личные /21 зв./ счета разных руководителей дела, и можно опасаться, что они много повредят ему. Одни хотят принимать православие с [о.] Попелем, чтобы иметь его потом епископом, другие вовсе не желают давать свои голоса [о.] Попелю, чтобы не иметь его епископом. Уполномоченные от последней партии явились к [преосв.] Иоанникию и просят его о принятии их в православие (а он отказывается, требуя обращаться за ходатайством о том к [о.] Попелю), ходили и к [генерал-губернатору.] Коцебу⁸⁴⁰, грозили, что не пойдут в православие, если их будут принуждать идти за [о.] Попелем. [О.] Попель открыл посредством благочинных подписки на православие, с тем, чтобы отправиться с этими подписками в Петербург, принять там присягу за всех и посвящение епископа, затем вернуться в Холм и провозгласить всех униятов православными! Проект хитрее /22/ Семашковского! Хорошо, если бы он удался! Но половина духовенства не хочет присоединяться с [о.] Попелем. Подписки вынуждают угрозами. Родственники

⁸³⁸ Мнения преосвященных епархиальных архиереев относительно проекта преобразования духовно-судебной части: В 2-х т. Санкт-Петербург, 1874–1878.

⁸³⁹ Ковальська.

⁸⁴⁰ Коцебу Павло Євстафович (1801–1884) – варшавський генерал-губернатор у 1874–1880 рр.

[о.] Попеля позволяют себе подписываться на православие, поставляя условием, дабы [о.] Попель, а не кто другой был у них епископом.

Другой, более опасный тормоз: требуют подписок только от духовенства, все дело держат в секрете от народа, в убеждении, что народ, узнав в одно прекрасное утро о том, что он уже православный, подчинится своему новому положению. Рассчитывают на то, что этот народ в прежнее время не поднимал никаких бунтов из-за преобразований в уния[тских] церквах – не поднимет, значит, и теперь. Ну, а если поднимет? Где порука, что он останется спокойным? Принуждать народ к настоящей унии – это не постыдно было для правительства, но принуждать его к православию – другое дело!

Вся эта путаница побудила [П.Е.] Коцебу вызвать [о.] Попеля и главного погромщика его Власкевича, чтобы 1, помирить обе партии, 2, вести дело с народом, не обходя его. [о.] Попель еще не прибыл, а Власкевич решительно отказался за себя и за свою партию мириться с ним и уехал уже из Варшавы.

/22 зв./ Бог знает, что выйдет из всего этого. Может быть и пожертвуют [о.] Попелем. Но тогда родственники его, им же несть числа, завопят и станут куролесить! Есть мысль поставить [о.] Войцицкого снова во главе унии, он (с Власкевичем) дал слово, что к Пасхе обратит всю Холмщину, причем с народом...

Так или иначе, но очевидно, что 1875 год – последний для здешней унии! 250 тысяч явится нового православного народа, явится экспромтом, неожиданно явится только в робком желании быть православными. Какое поле для нового учения и наставления! И когда подумаешь, что на огромной полосе Холмской епархии, кроме Холма, нет, вероятно, ни одной книги, которая хорошо ознакомила бы б[ывшего] уния[т]а с православием, то становится аж смешно! Никто об этом здесь и не думает. Наш владыка изумительно равнодушен ко всему этому. В прошлом письме я просил Вас о крестиках. Это было бы хорошо. Но еще лучше было бы заложить теперь же начало благочиннических библиотек – т.е. по одной в каждом из 12 уния[тских] уездов. Вот Вам еще тема для разработки и случай для благотворения. Напишу в Петербург о том же [М.О.] Кояловичу⁸⁴¹. /22 зв. збоку/ Думаю, что в Киеве у разного люда найдется всякого лишнего добра по этой части. Расходы по пересылке будут возвращаться с благодарностью. Конечно, что прежде всего необходима полная догматика Макария⁸⁴² и книги

⁸⁴¹ Коялович Михайло Йосипович (1828–1891) – історик, професор СПбДА, член комісії для розбору архіву Синоду. Вважав Північно-західний край Російської імперії (Прибалтику) питомо руським. За походженням – син колишнього греко-католицького білоруського священика. Багато писав про історію греко-католиків.

⁸⁴² Православно-догматическое богословие: В 5-ти т. Санкт-Петербург, 1849-1853. Особливістю цієї праці порівняно з творами інших авторів, була увага до православних богословських відмінностей від інших християнських (католицьких, протестантських). «Догматичне богослов'я» архієп. Макарія було перекладене на французьку мову і видане в Парижі у 1859 р.

вроде Авдия Востокова⁸⁴³, писем Прокоповича и под., а там беседы к народу, духовные журналы, пастырские сочинения и т.д.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича

26 лютого [1875] р.⁸⁴⁴

Ф. III, № 3525

/5/ 26 февр[аля]

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Второе торжество присоединения не состоялось по случаю внезапного требования Синода поверять посредством древле-правосл[авных] священников искренность и чистосердечность каждого из обращаемых в православие (80 тыс. народа!!), которое опротестовано здесь. На днях получено высочайшее повеление об отмене этого синодского решения, но преосв. Иоанникий ожидает бумаги об этом из Синода. Так[им] обр[азом], новых 38 приходов Седлец[кой] губ. доселе ожидают торжественного присоединения.

Но заходят обстоятельства, по которым им придется ожидать этого торжества еще очень долго. Вчера вдруг целое Томашевское благочиние в числе 25 приходов (Любл[инской] губ.) прислало акты о присоединении. Смасте-/5 зв./рил эту штуку благочинный Ульяницкий, которого [о.] Попель всегда выставлял крайне неблагонадежным. Дело в том, что [о.] Попель издавна стоял на одновременном присоединении Холм[ской] епархии посредством подписок от священников, без опроса прихожан. После 12 генваря⁸⁴⁵, чтобы не оставаться позади, он потребовал подписок от священников всей Любл[инской] губернии. Многие дали подписки, но многие отказались. Из последних одни тот час бежали (8) за границу, остальные прислали в Варшаву уполномоченных заявить, что они отнюдь не желают быть в подчинении [о.] Попелю и потому просят, чтобы архиепископ принял их и в православие, и в свою епархию. Вслед за ними многие из давших подписки [о.] Попелю прислали уполномоченных, что они дали ему эти подписки из страха лишиться приходов, но просят, чтобы [о.] Попель отнюдь не был допущен к епископ[скому] сану, за свой nepотизм, не знающий границ, за крайнее своекорыстие, за крайние несправедливости в принятии и увольнении священников на хороших приходах, чтобы отдать их своим родственникам, наконец, за неодобрительную домашнюю жизнь. Не знаю, насколько последнее справедливо, но nepотизм и совершенно канцелярское отношение к епархии доведены [о.] Попелем донельзя. На днях прибыл в /6/ Варшаву благочинный

⁸⁴³ [Анатолий, архиеп. Могилевский]. Об отношении Римской церкви к другим христианским церквам и ко всему человеческому роду. / Записка Авдея Востокова. [Санкт-Петербург], 1-е изд. 1857; 2-е изд. 1864.

⁸⁴⁴ За згаданую датою 12 січня.

⁸⁴⁵ 12/20 січня 1871 р. відбулася зустріч єпископа Михайла Куземського з імператором Олександром II, після якої вийшов на спокій, а в єпархії розпочалося приєднання греко-католиків до православ'я.

Белограйского уезда Хрущев – умный и в[есьма] дельный господин, и подтвердил [П.Е.] Коцебу в присутствии [о.] Попеля, что все жалобы на него справедливы, и что местное духовенство не желает иметь его епископом, что – как только правительство обещает дать им епископа древле-православного, тотчас вся епархия примет православие и все бежавшие священники возвратятся. Он же привез первые приговоры (на имя архиепископа, а не [о.] Попеля) о присоединении к православию из Люблин[ской] епархии.

Такова катавасия с [о.] Попелем. [П.Е.] Коцебу вызвал его в Варшаву, не принял подписи священников, которые он представил, не пустил в Петербург, куда тот хотел ехать, чтобы представить подписки эти Синоду и там получить посвящение от Синода. Уже другую неделю [П.Е.] Коцебу держит его здесь без дела и хочет задержать, пока не разовьется по всей Люблинской губ[ернии] начатое в народе самое движение и не составятся повсюду акты. [О.] Попель с жандарм[ским] ведомством ударили на слабую струну многих: «Демократизм! Движение в народе полезно ли возбуждать!» Но система обращения посредством приговоров еще в декабре утверждена высочайше. Положив, что священников присоединять – ну, а если потом прихожане скажут: «А мы не хотели»? И была опасность, что назло не присоединились бы.

/6 зв./ Если пойдет движение и дальше, то будут ожидать общего присоединения, чтобы совершить для всех одно торжество – в Холме.

Кого же взять в епископы, если устранить [о.] Попеля? Кто из наших архиереев был бы наиболее подходящий (жалованья ему 6000 р.с.). Мне почему-то кажется таким [преосв.] Хрисанф⁸⁴⁶ (теперь Астраханский), и я ратую за него.

Крестики Ваши доселе не получены. Книги высылайте на имя [преосв.] Иоанникия. Он просил меня передать Вам глубочайшую благодарность его и за то, и за другое.

Деньги за статейку (если будут) употребите по своему усмотрению – или опять на крестики (только хорошие), или на пересылку книг, или купите финифтяных (больших) иконок для депутатов.

«Церков[ный] вестник» я получаю

Искренно преданный Вас покорнейший слуга Е. К[рыжановский]

Маша и Сережа здоровы и кланяются Вам.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича

4 березня 1875 р.

Ф. III, № 3586

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 23 марта

⁸⁴⁶ Хрисанф (Ретівцев; 1832–1883) – богослов, із грудня 1874 р. єпископ Астраханський, до того був ректором СПбДС (1869–1874) і членом Навчальний комітету Синоду, викладачем СПбДА, КазДА. Випускник МДА. Сучасники характеризували його як вченого-монаха.

4 марта 1875 г.

Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Василий Афанасьевич послал тебе письмо приложением 5-ти бланков для подписки на акцию управляемого им Общества пароходства по Волге. Он боится, что ты усомнился и не даешь своего согласия. Для успокоения твоего скажу, что и я уже состою номинальным акционером этого общества и был уже в общем собрании акционеров на выборе директора, но выборы не состоялись, потому [что] не хватило нескольких /1 зв./ до требуемого уставом числа. Дело состоит в том, что в директоры хочет попасть бывший агент общества, уронивший дела общества и выгнанный за то из службы. Теперь он, скупивши порядочное число акций и [столкнувшись] с некоторыми из акционеров, желает попасть в директоры и отомстить Василию Афанасьевичу. Хотя на стороне Василия Афанасьевича большинство акционеров, но не доходит до $\frac{3}{4}$, как требует устав, и потому приходится для увеличения числа голосов переписать некоторое число акций (имеющихся в избытке у нек[оторых] акционеров) /2/ на посторонних лиц, которые, владея акциями только на бумаге, будут иметь решающий голос. В делах акционерных это обыкновенный маневр. Говорят еще, что противник Василия Афанасьевича (Вальтер) желает, уронив акции общества, скупить их по низкой цене, чтобы сделаться собственником всего предприятия в компании с одним греком по фамилии Петрокино. Он уже предлагал ликвидировать дела общества, несмотря на то, что они теперь поправляются. Но предложение его отвергнуто.

На следующей неделе члены Синода, разделившись на два комитета, будут рассматривать наградные списки. В[асилий] Аф[анасьевич] обещал дать памятник /2 зв./ные записки о Влад[имире] 3-й ст. архиеп. Василию⁸⁴⁷ и [прот. И.В.] Рождественскому⁸⁴⁸. Андрей Григорьевич Ильинский, как тебе уже, вероятно, известно, назначен вице-директором хозяйствен[ного] управления при Св. Синоде. Хотя я и рад его повышению, но жалею, что чрез это повышение я потерял корреспондента в д[епартамен]те народ[ного] просвещения. Ник[олай] Ив[анович] Костомаров поправляется после тифа и очень благодарен тебе за память. На днях ему уже объявили о смерти матери, и слава Богу, что это известие не произвело на него того действия, какого опасались. Г-жа Кисель приехала и теперь заботится о нем вместо матери. [Остап] Вересай⁸⁴⁹ теперь в Петербурге и Ор[ест] Миллер⁸⁵⁰ его комментирует, а [М.Н.] Катков напечатал к этому времени в

⁸⁴⁷ Єдиний на той час архієрей з іменем Василій – вікарний єпископ Рязанської єпархії Василій (Левін; 1824–1892).

⁸⁴⁸ Див. примітку до листа від 19 грудня 1869 р.

⁸⁴⁹ Вересай Остап Микитович (1803–1890) – кобзар. Став відомим завдяки українським членам Російського географічного товариства. У 1874 р. виступив на Археологічному з'їзді у Києві, а в 1875 р. – у Петербурзі.

⁸⁵⁰ Міллер Орест Федорович (1833–1889) – історик літератури, інтересувався поезією та зокрема билинним епосом. Серед інтелігенції був відомий здебільшого через критику його слабкої докторської дисертації.

«Русском вестнике» преподную статью о⁸⁵¹ современном украинофильстве, в которой обличает и Киев[ский] отдел Географ[ического] общества за Вересая. О. Мартирий умер от тифа в больнице св. Марии Магдалины у Тучкова моста. Тимофей [Т.В.] Барсов тоже акционер волжский, просит извинения, что до сих пор тебе не отвечал.

/2 зв. збоку/ Владимир Павлович Мордвинов⁸⁵² (кол[ежский] советник и камер-юнкер) недавно назначен за обер-прокурорский стол во 2 д[епартамен]т Сената с откомандированием в д[епартамен]т Министерства юстиции для исправления должности редактора. Письмо ему можно адресовать в д[епартамен]т Министерства юстиции на Малой Садовой улице.

/1 збоку/ Все знакомые тебе кланяются. Мой нижайший поклон всем родным и Назарию Антоновичу.

Искренно любящий брат Д. Лебединцев.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
22 березня 1875 р.

Ф. III, № 3533

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ 25 марта 1875 г. отв[ет] 28 марта

22 марта

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Последние два письма Ваши очень обрадовали нас. Крестики пр[еосвященный] Иоанникий давно уже получил и думает сам раздавать их при осмотре епархии после Пасхи. Ваша жертва почти первая, если не считать Ширяевских произведений, им самим подаренных. Из других мест жертвы готовятся, но медленно. Только Варшавское благотворительное общество /1 зв./ подарило несколько убогих риз, да государь прислал двум церквам богатую утварь. Шлют еще от государя на 30 тыс. разных вещей. Ждут много от Москвы, а также от Петербурга, где собирает [П.Н.] Батюшков⁸⁵³.

Интересны отношения к воссоединению некоторых наших либеральных богословов, особенно специалистов по унии. На письмо мое (о воссоединении и) о пожертвовании книгами для воссоединенных, М.О. Коялович без церемоний отвечал мне, что он как общественный деятель не может принять участие в деле, которое содержат в секрете (не входят к нему с рапортами о всех действиях по воссоединению!), и что по слухам (!) настоящее воссоединение ведется такими

⁸⁵¹ Z. [Ригельман Н.] Современное украинофильство // Русский вестник, 1875, № 2, с. 818-848.

⁸⁵² Мордвінов Володимир Павлович (1838–1908) – службовець Міністерства юстиції і Синоду. Автор праць з церковного судочинства.

⁸⁵³ Батюшков Помпей Миколайович (1811–1892) – службовець Міністерства народної освіти, у 1857–1867 рр. служив у департаменті іноземних сплвідань Міністерства внутрішніх справ. Слов'янофіл, товариш голови Московського слов'янського товариства.

способами, что ему «следует не содействовать, а противодействовать»!!! Вот как рассуждает этот /2/ надутый пузырь. Белорусское воссоединение приняло народ за товар, быдло, которого не спрашивают, что с ним хотят сделать в религии, однако [М.О.] Коялович в восторге от 1839 года. Здесь считают каждого унията лично ответственным пред Богом и совестью за свою веру, и спрашивают согласия всех, а при этом не дают пощады фанатикам, которые пытаются сбить с толку народ, производя открытые полоно-латинские демонстрации и убеждая даже воссоединившихся вернуться к унии – и все дело по [М.О.] Кояловичу нечестно! Вся беда, что не попросили предварительно благословения его на это дело!..

Люблинская губерния вся обращена в две недели. Там разрешено не требовать согласия каждого унията, но только братчиков и двух-тех депутатов за весь приход. Дело скорое! Феофан справедливо говорит, что таким способом он сейчас обратил бы всю Радомскую губернию в православие, даже Варшаву всю. Как бы то ни было, но в настоящую пору остается не воссоединенных всего 22 или 23 прихода, которых надеются к Пасхе обратить, хотя бы просто поставив священников православных.

Из Варшавы вчера отправились униятская депутация для представления государю 25 марта (в 1839 г. тоже 25 мар[та] представлялась) – из 13 (чертова дюжина) священников и 16 крестьян. Были у меня все крестьяне Седлец[кой] /2 зв./ губернии – в каком они восторге, что едут к царю сказать ему, что они уже одной с нами веры и чтобы простил тех, кто бунтовал против этой веры! Они подносят адрес на эту тему, который написан [С.С.] Громекою и им очень нравится. Особо подносят адрес Люблин[ские] унияты – на другую тему, именно в виде просьбы о принятии в православие.

25 марта будет происходить в г. Янове присоединение второй серии обращенных, 38 приходов – по прежнему чину. На сей раз и я еду принимать православие (так выражаются здесь о всех, едущих на торжество), а также Феофан, который приедет в Варшаву завтра. Феофан приготовил речь на это торжество.

Крестьяне-депутаты тронули меня своими просьбами исходатайствовать им средства для посещения Киева. Но что я мог сделать для них в теперешнее время? (Они хотели бы ехать туда прямо из Петербурга). Но я обещал им устроить поездку в мае. Поговорю с [С.С.] Громекою, он с своей стороны не пожалеет ничего для этой поездки. По всей вероятности, Киев не откажет им на три-четыре дня дать комнату-другую, а мы денег на дорогу добудем. Сообщите, однако, мнение Ваше по этому делу.

Жена и Сережа здоровы и кланяются Вам.

Искренно любящий Вас Е. Крыжановский

Феофаново дело не состоялось: проект ли вполне не созрел, он ли много запросил, неизвестна причина. Потолковали и замолкли, ничего не добьешься, хотя добивался я у всех окончат[ельного] решения.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
15/21 травня 1875 р.**

/3/ 15 мая 1875 года

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Конечно, Вам кажется слишком странным и диким, что я так долго не писал Вам, когда здесь происходят такие задирающие события. Всею виною мой старый грех – кипучее увлечение, часто переходящее в полнейшее охлаждение, даже в озлобление и апатию. Это случилось со мною и теперь, причем в высшей степени. Перемена началась почти тотчас за Яновским торжеством – апогеем моего увлечения, и окончательно установилась только теперь. Только теперь я могу спокойно вдуматься в свое состояние и в положение дела и написать Вам хотя что-нибудь о них.

Торжество в Янове было блистательное. Народа собралось туда до пяти /3 зв./ тысяч; на площади всем устроен был пир, который шел горой весь день и всю ночь. Тут во всех отношениях можно было убедиться воочию, что народ верует в происшедшую перемену как в вечное искупление от своих грехов и проклятия, лежавшего на нем в унии. На архиерея все глядело буквально как на Спасителя. Не можете представить себе, что делалось с этим народом, когда среди него показывался православ[ный] архиерей. Народ громко заявлял свою радость, что, наконец, он имеет «янголя Божого», который избавит их от всего прежнего позора, защитит от чиновников, от пройдох галицких, от езуитов домашних, даст им мир и спокойствие, наставит на добро.

В тот же день, как известно, депутация с [о.] Попелем во главе представлялась государю. [О.] Попель взял с собой в числе депутатов: сына, зятя, свата. Всех депутатов он держал взаперти, не позволяя никому без него бывать у кого-либо. Сам бывал у всех министров и ни у одного из синодалов и духовных. В первый раз он предстал пред ними в самом Синоде, не сказав ни единого слова, всецело игнорировал значение Синода в делах Холмс[кой] епархии. Он /4/ всюду в светских сферах (конечно, ничего не понимающих в делах церкви) твердил, что вся епархия желает иметь его, а не кого-либо другого, епископом, – что если он будет викарным, то ради исключительных обстоятельств ему должно быть предоставлено управлять епархией лишь под общим надзором архиепископа, более нравственным, чем юридическим, что священники должны быть по-прежнему вызываемы из Галиции, а не из-за Буга, и т.д. В этом смысле он представил обстоятельную записку обер-прокурору.

Между тем, [генерал] Коцебу и [преосв.] Иоанникий, возбудив в духовенстве надежды на то, что [о.] Попель не будет епископом, и что назначение священников из галичан-пройдох прекратится – что Холмская епархия будет вновь оправославлена и не останется поприщем всякого шарлатанства, своекорыстия, чиновничьего разгула, и религия перестанет быть исключительно дойною коровою для [о.] Попеля и родни его, и всех клевретов его, духовных и светских; уверив в этом духовенство и народ, и тем только склонив их к окончательному воссоединению, полагали, что они – самые компетентные судьи в

этом деле, и что им предоставят решить это дело по их усмотрению, а потому не торопились входить с своими проектами куда следует, и быть настороже, да разъяснить, да настоять. /4 зв./ И вот, пока они еще собирались что-то писать, как известно стало, что по докладу обер-прокурора государь пред отъездом в Эм повелел Синоду за отсутствием разъяснений от варшав[ского] архиепископа и генерал-губернатора, обсудить устройство дел в Холмской епархии на основаниях, представленных [о.] Попелем. Тут-то встрепенулись наши олухи! Пошли похвальбы, угрозы, уверения, что все переменится... А между тем 1-го мая государь утвердил постановление Синода, продиктованное обер-прокурором.

Феофан был в Петербурге во время обсуждения записки [о.] Попеля в Синоде. Все синодалы – точно бараны. Все были в свое время возмущены крайним пренебрежением [о.] Попеля к ним и к Синоду. Все теперь возмущались православием, которое тянет к Галиции и так решительно стоит против Забужья, против всего, что приходит оттуда – настоящего православного, но все повесили носы и восклицали: «Что делать? Не тронь говна, потому что завоняет...»

Таки образом, и духовенство, и народ, и всё, живо сочувствовавшее православию, надули жирно и оскорбили до глубины души.

Чиновники, обращавшие в православие, подумав-подумав, сочли за лучшее помириться с совершившимся фактом, если им дадут крупные награды за труды их. [П.Е.] Коцебу грозился недавно выйти в отставку, если назначат /5/ [о.] Попеля, [преосв.] Иоанникий тоже, а теперь прикусили губы и молчат...

Все дело обращения, значит, ограничилось следующим: [о.] Попель, стесненный прежде (полицией, администрацией и самим положением иностр[анного] исповедания) в своих своекорыстных свойствах, получил полный простор и свободу. Больше ничего не сделано. Православие – [...]льное, галицкое; православие – дойная корова для [о.] Попеля, галичан, чиновников наших – ничего больше не имеем. Народ по-прежнему остается во тьме понятий, чувств, стремлений, среди духовенства, к которому питает полное презрение...

Вот ход событий с 25 марта. Все это время здесь происходила страшная баталия. Случайные люди – пройдохи, поняв, где можно нагреть руки, кинулись со всех азартов, чтобы поставить дело по своим страстям и похотям, не лишиться поживы, пустили в ход все фокусы, непрерывно работали в Питере и Москве и добились своего. С [о.] Попелем они наилучше достигали цели: жалованье, столовые, /5 зв./ прогоны, суточные – мол, нужно, в исключительном положении епархии, сотни глаз нужны, чтобы досмотреть и направить дело, нужно дознание на месте происшествия (которых ожидают) и под.

Понятно, что я скоро стал устраняться от этих дел, когда ход их стал непреодолим для частных рук.

Сегодня утром выехал отсюда (вчера вечером приехал) в Холм митр. Арсений (для посвящения [о.] Попеля?). Я не успел видет[ься] с ним, да и мало кто видел. А мы было собрались к нему целою компанией...

Но – баста с униятскими делами. Так или иначе, но они кончены, и Святейший Синод скоро приведет новообращенных к спокойствию, т.е. к полной апатии и сопливости.

Теперь о своих делах. Сережа с возрастом требует все более и более прочного и серьезного руководства. Пылкий и увлекающийся, постоянно требующий компании сверстников, /6/ он при отсутствии в семье и в дворе таковых, дружит с кем-попало, лишь бы мальчишка. Отсюда много неладицы. С другой стороны, положение в гимназии директорского сына – самое безобразное: пред товарищами он ломается, они сами внушают ему, что для него все должно быть трын-трава, командируют его вперед во всех шалостях и грубостях учителям и под., а учителя – одни потворствуют ему, думая тем польстить директору, другие вымещают на нем все свои претензии к директору. Положение крайне дикое, и я прямо чувствовал необходимость отдать его в другую гимназию. Теперь, когда ему уже 13 лет и ростом он скоро меня догонит, когда окончательно складываются свойства и симпатии целой жизни, мне ужасно думать, что в такой среде он окончательно может испортиться. А между тем, независимо от сыновства он вызывает особенную заботливость и тем, что он мальчик способный, и может хорошо учиться и быть хорошим человеком. Соблазнился /6 зв./ я всегда Катковским лицеем⁸⁵⁴, да не по карману. Теперь же, с смертью Леонтьева, лицей потерял свое значение: пойдут хозяйничать Георгиевские и Любимовы⁸⁵⁵.

Что Ваша Галаганов[ская] коллегия? Стала ли она, наконец, на прочную ногу? Шафраров⁸⁵⁶ (директор) давно известен был за хорошего педагога – оправдал ли на Коллегии эту репутацию? А в такое учреждение я с удовольствием определил бы Сережу, как ни жаль быть вдали от него. В Варшаве не только ничего подобного нет, но нет даже вполне хорошей гимназии. Будьте так добры, сообщите мне, какое мнение в городе о Коллегии, какого Вы мнения о ней, что платится в ней за полное содержание мальчика и с какого класса поступают в нее дети.

Феофан был в Холме и остался недоволен всем виденным и слышанным. Волом человек работал там 7 лет, всех их посадил на места, и теперь никто не помянул про него ни единым словом! [Преосв.] Иоанникию тоже не пришлось на мысль – тактика!

⁸⁵⁴ Катковский лицей – офіційно називався Московський імператорський лицей у пам'ять царевича Миколи, закритий навчальний заклад для дітей з дворянських родин, який включав програму гімназії і університету. Був заснований у 1868 р. з ініціативи і частково коштом М. Каткова, звідси неофіційна назва.

Перший директор – Павло Михайлович Леонтьєв (1822–1874) – російський філолог, професор Московського університету, співавтор реформи середньої освіти 1871 р.

⁸⁵⁵ Любимов Микола олексійович (1830–1897) – публіцист, професор Московського університету (фізик). Займався проблемою університетської освіти, один з розробників університетського уставу 1884 р.

Георгієвський Олександр Іванович (1833–1910) – публіцист, високопосадовець Міністерства народної освіти, співрозробник реформи середньої освіти 1870-х років.

⁸⁵⁶ Шафранов Семени Миколайович (1820–1888) – директор Колегії Павла Галагана у 1873–1876 рр. Походив із духовенства, але закінчив Московський університет і служив у Міністерстві народної освіти.

Варшав[ский] уния[т]ский приход⁸⁵⁷ доселе в унии. В Седлец[кой] губ. [С.С.] Громеке не позволили притянуть к православию 10 приходов. Что будет с ними – Христос знает. Никто теперь об этом не думает.

Искренно любящий Вас покорнейший слуга Е. Крыжановский
21 мая

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
30 травня 1875 р.

Ф. 154, № 93

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 9 июня 1875 г. и еще 12 июля.

Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Вчера я отправил по почте на твое имя материю на мантию митрополиту. Замедление произошло от того, что в указанных тобою магазинах не оказалось голубой материи. На женские наряды этот цвет вышел из моды, а потому и в продаже не имеется. Нужно было перерыть все магазины и только после многократных походов удалось открыть нечто подходящее. Если моаре-антин покажется соборянам ниже присланного /1 зв./ образца, то зато и цена, как на эту материю, так и на канаус⁸⁵⁸ гораздо ниже лаврских цен. Можешь утешить их тем, что и Макарий [архиеп.] Литовский, по словам купца Андреева, взял себе на мантию этой же самой материи. В одном магазине были материи несколько плотнее и, мож[ет] б[ыть], лучше, по 5 р. аршин, но сильным сизым отливом. Я не решился ее взять, потому что, по словам Н.И. Павловского, Московский митрополит однажды явился в Синод в такой мантии, а митрополит Исидор осмеял его, назвав сизым голубком. [Преосв.] Иннокентий тем только и отделался, что сизую мантию он не сам соорудил, а подарили ему такую.

/4/ Вообще материи на ряски, подрясники и мантии архиерейские есть дело женское, а не мужское, и потому Леонид Московский благоразумно поступает, приглашая всегда дам сопутствовать ему по Кузнецкому мосту⁸⁵⁹ в качестве экспертов. Отчего не представлен до сих пор в Синод проект о включении в штат архиерейского дома двух или трех дам для выбора материй на архиерейские наряды.

Ленты для обшивки мантии, подходящей к присланному образцу, не оказалось у Джевежеева⁸⁶⁰. Он ожидал из Москвы, водил меня со дня на день, и я каждый день в течении целой недели ездил в Гостиный двор, наконец, вчера он

⁸⁵⁷ Успенський василіанський монастир у Варшаві у 1872 р. був перетворений на приходський храм. У 1875 р. він все ж таки був ереданий до Православної російської церкви.

⁸⁵⁸ Канаус – цупка шовкова тканина полотняного переплетення, відносно недорого. З неї шилися «нарядні» ряси і подрясники.

⁸⁵⁹ На Кузнецкому мості у Москві знаходились найфешенебельніші магазини.

⁸⁶⁰ Жевержеев Микола Олексійович – власник парчово-ткацької фабрики і магазину церковного начиння в Петербурзі.

объявил, что лента будет непременно через две недели. /4 зв./ Единственный в Москве и в целой империи фабрикант сих лент продал свою фабрику другому лицу (красильщику из Петербурга), и оттого произошло замедление в изготовлении и высылке лент по заказу Жевержеева. Присланный мне образец ленты стоит 1 р. 50 к. аршин – это лента из шелку с примесью бумаги, но Жевержеев говорит, что у него будет еще лента такая же, но из чистого шелку, и потому тоньше – цена ей 2 р. ар[шин], а может быть и дешевле копеек на 20-ть. Я думаю, лучше взять последнюю. Напиши, как, по твоему мнению, сделать.

Денег я получил 230 р.

За моаре-антин и канаус заплачено 139 р. 40 к.

За пересылку по почте 2 р. 45 к.

Затем у меня остается соборных денег 88 р. 15 к.

/2/ Когда получу ленту, то остальные деньги вышлю в Киев на твое имя.

Ящик и клеенку Андреев дал безмездно.

Прилагаю при сем счет из магазина Андреева на имя Киево-Софийского собора на моаре-антин и канаус.

Жевержеев prepares архиерейские облачения и мантии для кабинета Его Величества. Он показывал мне приготовленное им полное облачение и мантию, но для кого они предназначаются, не знает. Все простенькое, а мантия из пунцового моаре-антин московской фабрикации. На эту мантию употреблено материи 22 арш., на подкладку канаусу 3 ½ арш., а на обшивку внизу подола (лыштвы) употреблен коленкор. Ленты упот-/2 зв./реблено 22 ¼ аршин. Жевержеев удивился, что по-киевски на мантию нужно по 26-ти аршин материи и ленты и 14 аршин подкладки, и я чуть было не решился уменьшить размер митрополичьей мантии, но вспомнил, что большому кораблю великое плаванье, и чем знатнее дама и вообще особа, тем длиннее шлейф; ergo и архиереям подобает соответственно рангам их расширять воскрылия и удлиннять хвосты их одежд.

После Троицы я переезжаю в Павловск на дачу, и потому прошу адресовать письма не на городскую мою квартиру, а в Главный /3/ военно-кодификационный комитет в доме Воен[ного] министерства у Исаакиевского собора.

Феофан Г[аврилович] прислал письмо графу Толстому, в котором предоставляет себя в полное распоряжение его для употребления по униатским делам, но при этом просит назначить ему какую-либо сумму вдобавок к пенсии, собственно для найма квартиры в Варшаве. Какая последовала резолюция, еще не знаю. Обещали узнать и сообщить. Граф Толстой 3-го июня уезжает в свое рязанское имение, а оттуда в сентябре поедет в Одесский округ на ревизию.

/3 зв./ Я советовал Феофану выходить в отставку в случае неудачи пристроиться по униатским делам и переезжать в Киев на жительство, где он может найти какие-либо занятия, и где на родной почве полезнее воспитывать сына, чем [в] Польше. Кроме того, я опасюсь, что там он задерется с [о.] Попелем, а борьба с ним может оказаться и невыгодною для Феофана при безучастном

отношении членов Синода к униатскому делу и при поддержке [о.] Попеля графом.

Искренно любящий тебя брат Д. Лебединцев.

30 мая 1875 г.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[15]/27 червня 1875 р.**

Ф. III, № 3535

/7/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 12 июля 1875 года

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Экзаменские и разные другие хлопоты не позволили мне писать Вам. Теперь уже целую неделю лежу боком, ленюсь до положения риз. Пора написать Вам.

Благодарю Вас за сведения о Галаг[ановской] коллегии. Разумеется, что я не отдам Сережи в такое заведение, которое не образцово. Лучше пускай тянет лямку в той же гимназии. Учится он очень хорошо, перешел в 4 класс с наградой – мог бы даже первую награду получить, если бы не помешала ему одна 4-ка, да если бы не разбил лоб мальчишке. Шалит по-прежнему. Читает до запоя, но все скачет по верхам. Нахватался сведений не по летам и слишком много о себе думает. Получает он от меня жалованье ежемесячно по сколько рублей, сколько классов прошел (доселе по 3, а с этого месяца по 4): на это жалованье он обязан покупать сам себе тетради, перья и карандаши и под. Но каждый месяц он прежде всего купит книгу, запишет ее под № в собственной каталог, остальные деньги тотчас же прокутит без милосердия, а письменные принадлежности крадет у меня. От мамы в наследство получил любовь к конфетам и всяким сладостям, и всякую копейку тратит на них. Я уже перестал и сражаться с ним из-за этого, /7 зв./ ничего не поделаешь. Мальчик он очень добрый, но каприза ужасный. Все капризы отца и матери сошлись в нем. Каникулами хотелось послать его к Тихомировым, да все не найду надежного случая. Теперь он собирается на недельку к Антону Ив[ановичу] Линниченке, с которым у него давняя дружба. Мы живем в Варшаве, перебрались в женскую гимназию, где отличный сад, в котором забывается Варшава.

Да, в свое время мы с Машею ужасно опечалились Вашим Владимирчиком⁸⁶¹... И приравнение к Оглоблиным, Ждановым, Смолодовичам и без приравнения – крайне неподобающее дело. Но мзда наша многа на небесех!

Вот если бы Вы обращали униатов в православие, или были пройдохой вроде [о.] Попеля – другое дело. Он умащен всякими милостями, чиновники же увешаны чинами и орденами. [О.] Попель из сил выбивался доказывая, что все дело принадлежит ему, а государь здесь дал крупные награды всем чиновникам

⁸⁶¹ Петру Гавриловичу дали орден кн. Володимира 4-го ст., а не 3-го, як представляв митрополит.

Люблин[ской], особенно Седлецкой губернии, даже таким, которые только переписали две-три бумаг по уния[т]ским делам. [С.С.] Громеке дал тайного советника, его чиновникам три Владимира 3-й ст., несколько 4-й, несколько Анн, чинов и т.д. Этими наградами государь ясно показал, кого он считает действительными обратителями. К тому еще [А.Е.] Тимашеву выдан здесь рескрипт, в котором дело это главным образом приписывается ему (а не Толстому). Участь /8/ [о.] Попеля, как всякого выскочки и пролазы, коротка. [С.С.] Громека составил бойкую записку в разъяснение всего хода уния[т]ского дела за последние годы, причем доказывал, что оставить дело по-прежнему в руках [о.] Попеля значить возобновить все прежние усобицы в Холмской епархии и снова довести дело до крови, что галицкие священники не могут дать народу православия, и необходимо священников выписывать из Киевской губернии, в которой наиболее духовенства образованного и понимающего малор[осийский] народ. Записка эта подана [А.Е.] Тимашеву, [Д.Н.] Набокову, [А.Н.] Стюрлеру⁸⁶² (для наследника), [П.Е.] Коцебу и др[угим] лицам. [А.Е.] Тимашев при этом признался, что [министр] Андраши⁸⁶³ уже прислал резкий протест против вызова галиц[ийских] священников в правосл[авные] приходы, называя это дело возмущением в чужом государстве. Инструкцию, на основании которой [о.] Попель будет исполнять свою должность, поручено составить [преосв.] Иоанникию. Я читал эту инструкцию. В ней [о.] Попель ставится в то же положение, как и все викарные – без малейшего отличия. Утвердит ли Синод? Надеются настоять. Вызов священников положен из Киев[ской] губернии, Волынской и Под[ольской], а «в случае недостатка этих священников, вызывать из Галиции, но не иначе, как по засвидетельствованию австр[ийского] правительства о том, что кандидат не состоит под судом и следствием, и в правительственном отношении беспорочен. Эти кандидаты должны предварительно подвергнуться научению в духе православия, потом экзамену».

[О.] Попель и галичане обязаны всем папе! Sic! Оказывается, что до начала обращения [князь] Горчаков с папою завязал переговоры об устройстве католич[еских] дел в Польше. Папа шел на лад, как вдруг [С.С.] Громека выступил с православием уния[т]ов. Тогда папа наотрез отказался от всякого содействия, попрекая правительство обра[ще]-/8 зв./нием уния[т]ов. Нужно было доказать папе и Европе, что правительство и его слуги тут ни при чем, все сделано самим духовенством, которому нельзя же перечить, потому что у нас свобода исповедания. Вот и пошли носиться с [о.] Попелем и галичанами! Кончатся переговоры с папою (так или иначе) – бросят и [о.] Попеля, и галичан. Да и теперь уже начинается охлаждение к ним в Петербурге, где и выдвинули их. Странно, право! Человек до подачи государю просьбы о православии ни разу не был ни у одного правосл[авного] архиерея или священника, не любил бывать у всякого православного – и он же научил народ православию! Сидел, сидел человек, пока

⁸⁶² Стюрлер Олександр Миколайович (1825–1901) – шталмейстер при дворі наслідного князя.

⁸⁶³ Граф Андраші Дьюла (1823–1890) – міністр іноземних справ Австро-Угорщини у 1871–1879 рр.

его не принудили кликнуть клич к народу, взмылили ему голову за увертки – и вот он спаситель дела! Ни единого разу не появлялся в епархии своей, нелюбим народом и духовенством – и вот он то и есть излюбленный учитель народа! Львовское «Слово» громко кричит, что ни один галичанин не примет православия иначе, как по материал[ьному] расчету – и все-таки галичане лучшие люди, чем рус[ское] православное духовенство! Не ясна ли грубая фальшь, сознательная ложь для какой-то цели посторонней! Кроме двух-трех человек, здесь никто его не любит, а он смело уже протягивает руку на варшав[скую] кафедру! Такой порядок не может продолжаться...

Но вот я замолелся. До свиданья. Если сохранится у меня в кармане лишняя сотня рублей, то непременно приеду к Вам в конце каникул с Сережей хотя на день-другой. Хотелось бы у брата Григория побывать

Кланяются Вам низенько жена и Сережа.

Ваш Е. К[рыжановский]

27 июня

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[липень 1875 р.]⁸⁶⁴

Ф. III, № 3530

/17/ Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Г[осподин] Браиловский⁸⁶⁵, к сожалению, попал сюда в такое время, когда не бывает вакансий по русскому языку. Эти должности как самые выгодные⁸⁶⁶ наперед обещаются и раздаются, что бывает в середине учебного года. Впрочем, с началом августа здесь имеют пройти движение в директорском мире (две вакансии), который будет пополнен из мира инспекторского, а сей – из учительского. Тогда по всей вероятности, откроется и для [господина] Браиловского место. [Н.П.] Воронцов обещал мне непременно назначить его при открывшейся вакансии русского языка. Ну, а если не откроется? На всякий случай я советую ему не брезговать Одесским округом. Назначение туда состоится не раньше того срока, в который определится здесь наверное, будет ли желаемая /17 зв./ вакансия – тогда можно выбирать любую. В этом ничего преступного нет, так все делают.

Хотел было я с Сережей прокатиться в Киев, да состояние жены не позволяет. В конце августа может быть соберусь хотя на два-три дня.

Мы живем в Варшаве все это время; поселились в женской гимназии, в хорошем садике, вдали от городского шума, забываем Варшаву и ее поганые прелести.

⁸⁶⁴ Маркел Попель відвідав Київ 28 черня – 3 липня 1875 р.

⁸⁶⁵ Син кийського протоієрея Олександра Браїловського.

⁸⁶⁶ Російська мова відносилась до розвиваючих дисциплін, викладання яких оплачувалось вище.

Простите, что мало пишу. Работ сошлось много. Жду письма Вашего о пребывании [еп.] Попеля в Киеве. Здесь он с первого шагу страшно рассорился с [преосв.] Иоанникием. Поселился было в его квартире, но на другой же день ушел от него к униятскому священнику! Ни с кем здесь из православного духовенства по-прежнему не захотел ведаться. Теперь и двое лиц – единственных, стоявших здесь за него – отшатнулись /18/ от него, на них он сделал самое неприятное впечатление. Конечно, это в Киеве, среди моря православного, он должен быть совсем не тот, как здесь, у самого берега этого моря. Но Христос с ним!

Искренно любящий Вас Е. Крыжановский
Жена моя и Сережа низенько Вам кланяются.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
9 листопада 1875 р.

Ф. III, № 6784

/1/ Любезнейший брат Феофан Гаврилович!

Потерпи на нас – еще несколько с нужной тебе справкой об учреждении Киевской комиссии. /примітка знизу/ *[В канцелярии генерал-губернатора ничего не оказалось, кроме ежегодного расписания суммы на штат комиссии.]* Дело это из комиссии взял к себе профессор университета [А.В.] Славатинский⁸⁶⁷, составляющий биографию Н.Д. Иванишева⁸⁶⁸, а живет он где-то на даче и доселе, приезжая в Университет только на лекцию. Вот Владимир Бонифатьич и караулит его теперь, чтобы затребовать находящееся у него дело. Но как за делом еще нужно съездить на дачу, следов[ательно], дожидаться другой лекции, то в сем и причина замедления. Во всяком случае, В.Б. Антонович /1 зв./ обещал мне еще на прошлой неделе эту штуку обработать, сделав из дела выписку об учреждении Комиссии и ее содержании нынешнем. Как только получу, сейчас и отправлю. Не мешало бы тебе, однако, справиться, на каких началах учреждена и существует Виленская комиссия. Она помоложе а потому мож[ет] б[ыть], ее учреждение лучше обставлено. Что комиссия при генерал-губернаторе, это, по мнению [В.Б.] Антоновича, не только не служит ни в чем помехой, напротив, полезно, ибо иначе за всяким новым вопросом и утверждением постановления пришлось бы посылать в министерство, то или другое, под ведением коего она находилась бы. Виленская комиссия, кажется, состоит в ведении министра нар[одного] /2/ просвещения.

Ректор Киев[ской] семинарии [архим.] Ферапонт, лежащий почти без просвету, подал, наконец, прошение об увольнении. Были выборы ректора.

⁸⁶⁷ Славатинський-романович олександр Васильович (1832–1910) – історик права і правознавець, випускник і викладач (з 1859 р.) Університету св. Володимира по кафедрі проф. М.Д. Іванишева.

⁸⁶⁸ Іванишев Микола Дмитрович (1811–1874) – історик права і правознавець, професор і ректор (1862–1865) Університету св. Володимира. Член Київської археографічної комісії. Його батько, Дмитро Олександрович, був священником Успенського собору у Києві.

Баллотировано многих, в том числе [прот.] Н.М. Дубницкого, получившего 1 [балл]; [прот.] Грегулевича⁸⁶⁹, получившего 3 [балла], [прот.] Богданова, получившего 6 [баллов], но почти в то же время забаллотированного по должности преподавателя за выслугой 30 лет; доцент Академии свящ. Григорий Малеванский⁸⁷⁰ получил 8 [баллов] и архимандрит Виталий⁸⁷¹ (инспектор сем[инарии]) – 9. Не ища новых кандидатов, постановили избиратели: просить митрополита представить выбор сей на благоусмотрение Св. Синода, – что и сделано с ходатайством об утверждении архимандрита яко получившего все-таки больше других, хотя и отвергнутого большинством наравне с прочими. Избиратели будто открыто высказывались, /2 зв./ что не нужно ректора ни умного, ни энергичного; нужен эдакий Хома, который бы нас слухав. Посмотрим, что скажет Св. Синод или граф Толстой Васильевым.

Вчера мы праздновали [архистратига] Михаила в Михайловском [монастыре], а сегодня вновь обедаем там же, празднуя именины настоятеля, преосв. Порфирия. Преосв. Серафим приезжал в Воронеж на две недели из Петербурга для освящения нового огромного собора в Митроф[ановом] монастыре и задал сильный обед на 250 человек. Но найдется ли в губерн[ском] городе 250 порядочных людей? – вопрос. О сем событии мне повествовала одна из мирноносц, Бравинская, путешествовавшая нарочно из Киева в Воронеж по сему случаю.

Очень рад, что Саша занимается уже с учителями. Желаю ему блистательных успехов.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

9 ноября 1875 г.

Киев.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
25 листопада 1875 р.

Ф. III, № 6785

/1/ Любезнейший брат Феофан Гаврилович!

Получив только сегодня дело об открытии Киев[ской] комиссии для разбора древних актов, спешу сообщить тебе выписку весьма обстоятельную по делу, совершившемуся весьма просто, будто по-домашнему. Вместо

⁸⁶⁹ Петербурзький протоієрей родом з Поділля. Див. примітку до листа Данила Гавриловича від 15 листопада 1877 р.

⁸⁷⁰ Малеванський Григорій Васильович (1840 – після 1899) – священик, випускник (1869) і викладач КДА, законовчитель Інституту шляхетних дівчат. Брат архім. Сильвестра (Малеванського). У 1877–1878 рр. склав священицький сан, склав екзамени в університеті, вступив на службу викладачем Глухівської прогімназії. Одружився вдруге, мав від другого шлюбу дітей.

⁸⁷¹ Архімандрит Віталій (Йосифов; 1831–1892) – випускник КДА (1865), викладач КДС із 1869 р. У 1875–1885 рр. був ректором КДС, з 1883 – єпископ Чигиринський, з 1885 р. переведений на самостійну кафедру.

предуведомления скажу, что первоначально предполагалось открыть в Киеве историческое общество. Устав этого общества написан был М.А. Максимовичем и одобрен [преосв.] Иннокентием⁸⁷², которого надпись я читал сам у [М.А.] Максимовича. Устав был представлен [генерал-губернатору] Бибикову, но [Д.Г.] Бибиков взамен предполагавшегося общества исходатайствовал Комиссию. Как и что писал [Д.Г.] Бибиков в своем ходатайстве, при деле в 1-й книге сего нет. Начинается дело с объявления высочайшего повеления.

От 31 мая 1843 г., за № 3153-м министр внутр[енних] дел [В.А.] Перовский сообщил г[осподину] киев[скому], под[ольскому] и в[олыньскому] генерал-губернатору следующее: «По всеподданнейшему докладу моему, в следствие ходатайства В[ашего] В[ысокопревосходительст]ва, Государь Император Высочайше соизволил на учреждение при Вас Временной Комиссии для разбора древних /1 зв./ актов в архивах присутственных мест и монастырях киевской, подольской и волынской губерний с отпуском на содержание оной Комиссии ежегодно из сумм земского сора по 500 рублей серебром каждой из упомянутых губерний, всего 1500 рублей и с дозволением Вам избрать чиновников в сказанную Комиссию. О таковой Высочайшей воле сообщив, вместе с сим, г[осподину] Управляющему Министерством финансов, г[осподину] Обер-прокурору Св. Синода и главному духовному Начальству Римско-Католич[еского] исповедания, имею честь уведомить Вас, Милостивый Государь, для зависящих распоряжений, покорнейше прося известить меня в свое время о лицах, кои будут Вами избраны в означенную Комиссию, и по мере успеха в сем деле о результатах разысканий оной».

По получении сей бумаги г[осподин] генерал-губернатор Бибиков от 2-го ноября 1843 г. письмо предложил барону Шодуару⁸⁷³ – как члену многих ученых обществ, пригласить к себе гг. профессоров Университета, занимающихся теми предметами, кои могут входить в круг деятельности помянутой Комиссии, и вместе с ними сделать соображение, каким образом полезнее устроить означенную Комиссию, распределить занятия ее к успешнейшему выполнению /2/ монаршей воли и проч., и соображение это за общим подписом доставить ему – генерал-губернатору.

Барон Шодуар от 20 ноября того же 1843 года уведомил г[осподина] генерал-губернатора о следующем: «Во исполнение предписания Вашего В[ысокопревосходительст]ва, мною приглашены гг. профессора Университета св. Владимира – Максимович, Иванишев и Домбровский⁸⁷⁴, занимающиеся предметами русских древностей и Истории. По общему нашему совещанию составлен нами Акт о том, каким образом полезнее устроить означенную Комиссию и проч., который при сем представляется».

⁸⁷² Іннокентій (Борисов), ректор КДА.

⁸⁷³ Барон де Шодуар Станіслав Янович (1790–1858) – колекціонер, археолог, нумізмат, бібліофіл, член-кореспондент Петербурзької АН. В Інституті рукопису зберігається архів і рукописи з його колекції.

⁸⁷⁴ Домбровський Василь Федорович (1810–1845) – історик, археограф-дослідник актових документів, з 1837 р. професор Університету св. Володимира.

Акт.

1843 г. Ноября 19 дня Члены разных ученых обществ – Коллежский ассесор Барон Шодуар, орд[инарный] проф[ессор] университета св. Владимира, доктор законовещения Иванишев, бывший орд[инарный] проф[ессор], ст[атский] сов[етник] Максимович и исправ[ляющий] дол[жность] экстраорд[инарного] профессора Домбровский, выслушав предписание на имя барона Шодуара г[убернатора] киев[ского], под[ольского] и вол[ынского] ... с изъяснением Высочайшего повеления ..., имели совещание ..., и в следствие сего признаем полезным учредить помянутую Комиссию след[ующим] образом:

1., Под главным начальством г[осподина] киев[ского], под[ольского] и вол[ынского] Генерал-Губернатора и собственно при Его Высокопревосходительстве, по его назначению составить Комиссию из действительных и почетных членов.

2. Из числа действительных членов назначить в Ко-/2 зв./миссию, с утверждения Его Выс[око]пр[евосходительст]ва, Председателя, правителя дел и 3-х редакторов памятников: юридических, исторических, словесных и народного просвещения.

3., По учреждению Комиссии избрать оной и представить Генерал-Губернатору почетных членов.

4., Предоставить Комиссии по ее учреждении избрать и представить на утверждение Его Выс[око]пр[евосходительст]ва корреспондентов, сотрудников и чиновников для переписки.

5., Председателем означенной Комиссии мы избираем стат[ского] советника в звании камергера, Писарева⁸⁷⁵, – помощником председателя барона Шодуара, Правителем дел и редактором памятников юридических Профессора Иванишева, Редактором памятников словесности и народного просвещения стат[ского] советника Максимовича, редактором памятников исторических исправляющего должность профессора Домбровского.

6. Если таковой состав Комиссии будет одобрен Его Выс[око]пр[евосходительст]вом, то всепокорнейше просим об открытии оной.

Барон Шодуар

М. Максимович

Н. Иванишев

Василий Домбровский.

На подписанном акте вверху написано: “Согласен. бибик...”»

Г[осподин] Писарев от 24-го ноября препроводя на имя б[арона] Шодуара утвержденный сей Акт об образовании Комиссии, в письме своем просил уволить его от звания председателя Комиссии, которое он не может принять по настоящей своей болезни и по другим занятиям.

⁸⁷⁵ Писарев Микола Еварестович (1807–1884) – у 1837–1848 рр. правитель канцелярії київського генерал-губернатора.

От 29 ноября 1843 г. [Д.Г.] Бибииков, письмом на имя [барона] Шодуара уведомил, что он, соглашаясь на открытие Комиссии в настоящем ее составе без Председателя, просит открытие оной произвести, если возможно, скорее.

/3/ Затем уже бумаги идут в Комиссию не на имя [барона] Шодуара, а на имя [Н.Д.] Иванишева ([барон] Шодуар куда-то спрятался), за подписью Н. Писарева, а иногда от генерал-губернатора на имя Комиссии.

От 2 генваря 1844 г. [Н.Э.] Писарев уведомил [Н.Д.] Иванишева, что титул[ярный] сов[етник] Крыжановский (Семен) и дворянин Брошкович определены генерал-губернатором на службу в канцелярию его, с тем, чтобы занимались по Временной комиссии для разбора древних актов.

От 29 января 1844 г. Бибииков уведомил Комиссию, что звание Почетных членов изъявили желание принять: Киев[ский] митрополит Филарет, Харьков[ский] епископ Иннокентий, Острожский епископ Анатолий, Вольнский р[имо]-кат[олический] епископ Пивницкий, попечитель Киев[ского] учеб[ного] округа князь Давыдов, Киев[ский] гражданский губернатор Фундуклей, действительный ст[атский] сов[етник] Н. Писарев и помещик Константин Свидзинский⁸⁷⁶.

В 1845 г. [Д.Г.] Бибииков испросил высочайшее соизволение на употребление 4 т[ысячи] рублей состоящей в распоряжении его суммы на издание «Памятников» Комиссии с возвратом оной от выручки по продаже книг.

В том же году [Д.Г.] Бибииков все-таки назначил [Н.Э.] Писарева председателем Комиссии, а после назначения [Н.Э.] Писарева в Олонецкие губернаторы, определил председателем Белоцерков[ского] попечителя Судиенка⁸⁷⁷.

Из дел 1844–1845 г. видно, что Н. Писарев принимал деятельное участие в собрании актов для Комиссии.

Вот и все, что можно извлечь.

/4/ Может быть, я опоздал уже своим сообщением, но сие произошло по независимым от меня обстоятельствам. Впрочем, дай Бог успех. В дополнение еще нужно сказать, что права службы даны лично [М.В.] Юзефовичу уже при [губернаторе] Васильчикове по особому высочайшему повелению, с словесного доклада [И.И.] Васильчикова в Киеве о [М.В.] Юзефовиче отставном. Во всяком случае, дай Бог успех твоему делу.

Сообщу тебе таковую еще новость. Есть слух верный, что на днях состоится высочайшее повеление о перемещении преосв. Иоанникия в Одессу, а [преосв.] Леонтия в Варшаву, чем будут якобы перекрещены несогласия [между] варшавским архиепископом и его викарием. [Архиеп.] Леонтию велено будет заехать в Петербург за наставлениями. С этим перемещением можно даже поздравить преосв. Иоанникия, как с приятным и избавляющим от

⁸⁷⁶ Свідзінський Костянтин (1793–1855) – польський колекціонер і меценат, мав маєток на Волині.

⁸⁷⁷ Судієнко Михайло Йосипович (1803–1874) – військовий, поміщик Чернігівської губернії, почесний попечитель Білоцерківської гімназії у 1847–1854 рр., у 1848–1857 рр. був головою Київської археографічної комісії.

неприятностей, тем более что он, говорят, и сам еще до воссоединения униатов просился в Ярославль. Одесса – город приятный, край теплый, дом архиерейский отделан заново преосв. Леонтием. Скорее, тут в проигрыше преосв. Леонтий. Владыка наш еще не двинулся в Петербург, но скоро /4 зв./ двинется, ибо, пишут, уже заготовлен доклад о вызове его, Московского [митрополита] и [преосв.] Макария.

В нашей Киевской жизни особых перемен нет, кроме что проф[ессор] Академии [Н.И.] Петров⁸⁷⁸ на днях защитил диссертацию на степень доктора. К 15 декабря мне нужно быть в Харьков[ской] судеб[ной] палате, чтобы защитить дело по апелляционной моей жалобе на Полтавский окружной суд. Дело идет о 50 т. руб. для духовного жен[ского] училища. Попробуем и на практике.

[М.В.] Юзефович уже предлагал Обществу Нестора соединиться с Киев[ской] комиссией, им председательствуемой, и пока дает ей 1000 руб. неизрасходованные и подлежащие сдаче в казначейство. Кажется, он примечает, что почва уходит от Комиссии с устранением [В.Б.] Антоновича от редакторства, когда не слышно, чтобы и Будинов спешил в его объятия.

Засим желаю дорогого здоровья и благополучия.

Мы все здоровы.

Искренно любящий брат Петр Лебединцев.

25 ноября 1875 г.

Киев

Андрій Гаврилович до Петра Гавриловича

25 листопада 1875 р.

Ф. 154, № 58

/7/ /почерком Петра Лебединцева/ ответ с 300 руб. послан 11 дек[абря] 1875 г.

Дорогой брат, Петр Гаврилович!

Необходимость заставляет меня обратиться к Вам с покорнейшей просьбою:

Кажется, в одном из писем я прописывал уже о переноске дома, выстроенного было на [фолавирне] в городе, на свою землю. Причины, побудившие это сделать, были довольно серьезны, и время, в котором я мог с большею беспрепятственностью со стороны епархиального начальства распорядиться сим делом, было из-/7 зв./бранное время, поэтому я ним и должен был воспользоваться. По предварительному исчислению стоимости предполагаемой операции, казалось, я в силах буду управиться собственными средствами. На деле вышло, что расходы непредвиденно возросли и увеличились

⁸⁷⁸ Петров Микола Іванович (1840–1921) – історик церкви, літературознавець, випускник (1865) і викладач КДА (1870). Секретар Церковно-археологічного товариства і член-засновник Історичного товариства імені Нестора Літописця. У 1884–1887 р. був редактором КЕВ.

еще более требованиями городского положения, так что я очутился в положении доселе неоплатившегося должника, и едва ли в состоянии буду выйти в виду того росту, какой здесь налагается еврейскою промышленностью.

Я обратился было к брату Феофану Гавриловичу; но тот и сам сказался неоплаченным должником после заграничного лечения, потому пришлось мне после воззвания к Даниилу Гавриловичу обратиться и к Вам. /8/ Не найдете ли возможности в выплате половинной части моего долга пособить Вы? Я прошу Вас об одолжении мне 300 рублей на полгода, когда дождусь я срока уплаты мне евреями арендного чинша за арендованную им от себя церковную землю, и когда сам я скоплю от месячного жалования какие-либо остатки. Дом, перенесенный в город, составляет собственность мою, и по страховой городской ведомости оценен в 1000 рублей. Это и может служить верным залогом. Учинив уже раз братскую милость в ссуде капитала на первоначальную постройку, не откажите еще раз в милости, когда дело поставлено прочнее и доведено до конца.

Срок следующей уплаты от меня – к концу сего года, тем более что здесь есть часть затраты и капитала церковного, который неминуемо должен вноситься к концу года в кассу церковную.

/8 зв./ Прошу принять от меня недавний фотографический снимок сооруженной мною в г. Грубешове православной церкви и для Григория Марковича с Сашею⁸⁷⁹ одну, и для Марци⁸⁸⁰ другую карточку дочери моей – невесты Нади. Только пусть Григорий Маркович не спешит привозить жениха, пока я не успею сколотить капитал по крайней мере на обмундировку невесты.

Освящение церкви отложено до весны, а колокола московские гудут и теперь.

Любовь Семеновна и двое домашних детин шлют Вам низкий поклон и всем родным искреннее целование.

Простите за нескромную мою просьбу.

Искренно любящий Вас брат Андрей Лебединцев.

г. Грубешов

25-е ноября 1875 года.

**Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
23 березня 1876 р.**

Ф. 154, № 108

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ Получ[ено] 28 марта 1876 г.

23 марта 1876 г.

г. Радом

⁸⁷⁹ Олександра Гаврилівна і Григорій Маркович Левицькі.

⁸⁸⁰ Марфа Гаврилівна Шаворська.

Любезнейший Брат, Петр Гаврилович!

Еще до именин я отправился по школам и только теперь прочел Ваши оба письма.

Благодарю Вас сердечно за Ваше поздравление и благожелания. Этот год как-то особенно обилен был для меня поздравлениями и благожеланиями, но между последними было одно, которое наиболее пришлось мне по вкусу, именно: чтобы в Радоме не пришлось более поздравлять меня. Случится ли так, Бог весть.

Еще в генваре я лично отвез проект мой в Варшаву и вручил [генералу] Коцебу. Представлял меня сын [Ф.Ф.] Витте; но прием /1 зв./ был короткий. [П.Е.] Коцебу взял, поблагодарил и сказал: рассмотрю. Сколько не усиливался Витте, один ответ: рассмотрю. Так, сказал Витте, всегда бывает. Я видел одно, что [П.Е.] Коцебу дорожит не только своим временем и словами, но и своею рукою, которую генералы и сенаторы осязать не устаиваются. Спустя день, известный Пфель говорил, а через две недели Витте писал, что [П.Е.] Коцебу вполне доволен моим проектом и надеется, что он будет принят и в высших сферах. [Архиепископы] Леонтий и Иоанникий от себя замолвили. После того [П.Е.] Коцебу ездил в Петербург, но о проекте ни слуху, ни духу. Ефим Мих[айлович] передавал, что охотников воспользоваться проектом – многое множество, между прочим [Н.П.] Воронцов и [П.К.] Щебальский. Будет ли что из него, Бог весть, а между тем [Ф.Ф.] Витте проектировал по этому поводу много назначений и повышений. Доселе мне некогда было съездить в Варшаву, но на Пасху поеду и чего-либо добьюсь. /2/ Душевно благодарю Вас за предлагаемое редакторство; но отвечать могу не прежде, как узнавши, что с моим проектом. Между тем прошу открыть, если то возможно, кто сей предлагающий Вам и предлагает ли он только мысль, или же и у[...]. В случае неудачи в Варшаве, я пожалуй рискнул бы и за «[Киевскую] старину» взяться, если бы были какие-либо шансы на успех при ее сугубой специальности.

В генваре я попал на воссоединение варшавских униатов и обед у [преосв.] Леонтия, который оставил меня потом у себя до ночи. Это подняло мои фонды у [Ф.Ф.] Витте, который как многие, сильно ухаживали за [преосв.] Леонтием, видя в нем любимца [графа] Толстого. Дай Бог здоровье [преосв.] Леонтию – он принял меня как и сам [преосв.] Иоанникий, а там сказал мне на прощанье: «Много было у меня друзей, но ни к кому сердце мое не лежало, как к Вам». Из-за [преосв.] Леонтия положительно радоваться можно, хотя и об [преосв.] Иоанникии нельзя было не скорбеть. [Архиеп.] Леонтий много /2 зв./ понатерся и развился не как монах. Мне особенно понравилось в нем то, что вспоминая о ком-либо и желая обозначить его направление, он [...]шил одним словом: «Это Москва».

Прошу еще раз, и убедительнейше, найти какого богослова на должность учителя рад[омской] русской школы с жалованьем в 400 р. и квартирных 150 р. Мне совестно пред публикой православной, что школа с нового года стоит пустою.

Пред Масляной я получил от пр[еосвященного] Евгения⁸⁸¹ отчет о Виленском братстве. Обещал писать что-то, да и нет доселе.

В доме у меня теперь никого, кроме лакея-солдата. Попалась было русская, православная, но фанатичнее всякой польки, попалась полька, записавшаяся в женский монастырь в Кракове. Я прогнал обоих и сижу один с Сашею, бо никого больше нет. Не мудрено, если с отчаяния я женюсь.

Желаю Вас в добром здоровье и благополучии кончить пост святой и встретить Светлый праздник.

Искренно любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

/1 збоку/ Саша целует Вас.

/1 зв. збоку/ Брат Андрей Г[аврилович] пишет, что кончил церковь и собирается святить. Отрадно мне, что дело, начатое мною еще в 1866 г. оканчивается хотя теперь.

/2 збоку/ Григорию Марковичу и сестрам прошу передать мой сердечный поклон.

**Арсеній Гаврилович до Петра Гавриловича
17 липня 1876 р.**

Ф.154, № 67

/11/ /іншим почерком/ 19 июля 1876 г.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович.

Со 2-го июля я начал случить с осторожностью, ибо несвободно еще действую больною рукою, которой не могу ни выпрямить как следует, ни брать сколько-нибудь вескую вещь. Впрочем, день от дня она делается послушнее. Слава Богу, здоров теперь.

Благодарю за известие о прибытии митрополита, которое и преосв. Иоанникий принял с благодарностию. Он до сих пор не поздра- /11 зв./ вил своего дяди⁸⁸² с высоким его саном, потому, говорит, что затруднялся, куда писать к нему. Я, впрочем, и прежние сведения о м. Филофее, которые имел от тебя, передавал ему.

Поздравляю. Дай Бог вам радоваться новым владыкой. От [о.] Чемыны слышал я, что преосв. Иоанникий однажды при разговоре высказал свое мнение, что [митр.] Филофей исправит Киевскую епархию, распущенную м. Арсением. Прими к /12/ сведению высокое понятие племянника о своем дяде.

⁸⁸¹ Євгеній (Шерешілов; 1826–1897) – вікарний єпископ Віленської єпархії (1870–1880), до того був ректором Віленської ДС. Випускник КДА (1853), до 1858 р. викладав у КДС.

⁸⁸² Архієпископ Херсонський Іоаннікій (Горський; 1810–1877), як і новопоставлений митрополит Київський Філофей (Успенський; 1808–1882) походили з Даниловського повіту Ярославської губ., і, ймовірно, були родичами.

Александра Никитична 26 июня возвратилась в Одессу вместе с Долинскими, следовавшими из Грубешова в Ялту⁸⁸³. Но здесь за отсутствием попечителя Голубцова⁸⁸⁴, встретилось зятю Андрея Гавриловича препятствие. В канцелярии попечителя ему объявлено назначение не в Ялту, а в Евпаторию. Я вынужден был писать [С.П.] Голубцову в его имение Рязанской губернии и успел возвратить Долинскому Ялту. 15-го июля Долинские отправились в море, прожив у меня три недели. В день отплытия в Ялту я известил брата телеграммой. Саша мой неделей раньше /12 зв./ отправился в Крым на во[...]во.

Виктор выздоровел и теперь в море в практическом плаванье учебной эскадры.

Сущие при мне здоровы.

После частых дождей стало, наконец, крепко жарко.

Григорию Марковичу с семьей своей, Марфе Гавр[иловне] со чадами, Павлу Федоровичу и Сусанне Ив[ановне] со чадами сердечно кланяюсь.

Здравия и благоденствия тебе желаю.

Искренно любящий тебя брат А. Лебединцев.

17 июля 1876 г.

Одесса.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
19 жовтня 1876 р.

Ф. III, № 3587

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Давно я не писал к тебе, и вероятно, ты недоумеваешь, что за причина моего молчания. Очень простая – я нездоров, и при физической болезни и душевное состояние такое, что тяжело взяться за перо. В первой половине августа я повредил левую ногу на железно-конной дороге, вследствие чего образовалось растяжение сухожилия. С того времени и до сих пор сижу дома и жду, /1 зв./ когда природа и врачи позволят мне взглянуть на свет Божий. Говорят, еще недели три придется посидеть. К довершению беды от долговременного сидения в четырех стенах разболелись глаза.

Завтра Василий Родионович Ратко уезжает из Петербурга с поручением приспособить здания для новых судов в Киеве, Житомире и Каменец-Подольске. В конце этой недели он будет в Киеве и сообщит тебе лично сведения из Министерства юстиции по делу о долге кн[язя] Долгорукова Ригельману⁸⁸⁵.

⁸⁸³ У 1876 р. в Ялті була відкрита чоловіча гімназія.

⁸⁸⁴ Голубцов Сергій Платонович (1810–1895) – попечитель Одеського начального округу у 1866–1880 рр., потім, у 1880–1882 рр., був попечителем Київського навчального округу.

⁸⁸⁵ Цей судовий позив тягнувся з 1864 р. ЦДІА, ф. 127, оп.758 (1871 рік), спр. 1434 – архівна справа у незадовільному фізичному стані.

Вас[илий] Род[ионович] /2/ пробудет в Киеве дней 10-ть и так как в Киеве в гостиницах сильно дерут, а меблированных комнат, подобных петербургским, в Киеве, кажется, нет, то не найдешь ли возможность приютить его в твоей квартире. Я пишу это потому, что В[асилию] Р[одионовичу] очень немного отпущено денег на поездку, и опасаясь, что он хоть до Москвы и доедет, но до Казани, пожалуй, не доедет. Впрочем, я беру свое предложение, или просьбу, назад, если оно может тебя стеснить.

Что делается в мире политическом и церковном /2 зв./ тебе известно из газет, а больше я ничего не знаю, так как никуда не выхожу. В Синоде был летом казус с одним бракоразводным делом. Петер[бургская] кон[систория] решила развести, а Стратилатов представил протокол, чтобы отказать в разводе. Протокол был уже подписан мит[рополитом] Арсением и [архиеп.] Макарием, но Ив[ан] Вас[ильевич] Рожд[ественский] подал особое мнение. Поверили протокол, и оказалось, что в нем пропущены доказательства одной из сторон. Протокол заставили переделать и уже дать подписать другим членам, а Статилату опять ничего! Вероятно, и у других было рыльце в пушку.

Вас[илий] Аф[анасьевич] заходил ко мне в сентябре и поручил тебе кланяться. Тоже и Ив[ан] Васильевич[] Писарев. Ник[олая] Ив[ановича] Павловского не видел с мая.

Прошу передать мой поклон всем родным.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

19 окт[ября] 1876 г.

/1 збоку/ Благодарю тебя за поздравление с Анною.

**Арсеній Гаврилович до Петра Гавриловича
3 лютого 1877 р.**

Ф. 154, № 68

/13/ /іншим почерком/ О заводе

8 февр[аля] 1877 г.

Одесса.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

С постом святым. Между грехами, о которых естественно вспоминать теперь, припомнилось мне и то, что я не отвечал на последнее письмо твое.

М.А. Рігельман пожертвував на користь Київського училища дівчат духовного звання 21699 рубль 8 копійок, ймовірно, боргове зобов'язання із відсотками, який винен був йому князь Долгоруков. В такому разі стягнення боргу лягало на одержувача.

Подібну справу Петро Гаврилович вже вів у 1869–1874 рр. – 3000 рублів із відсотками від поміщика Москаленка священику Пантелеймону Гавриловичу Візерському (ЦДІА, ф. 127, оп. 758, спр. 43).

Рігельман Микола Аркадійович (1817–1888) – публіцист, меценат, дослідник старовини.

Благодарю за братский привет твой моему первому кавалеру. Будут ли и другие кавалерами? Дал бы Господь, чтобы новое поколение Лебединцев оправдало нашу надежду.

Отвечаю на вопросы по свечному делу, на которые и отвечать, правда, не мог, не заслушавши о том людей сведущих.

Прежде всего, вот тебе проект этого дела Иннокентиевский, бывший в рассмотрении Св. Синода. К мотивам в нем изложенным можно прибавить на появление в частных свечных заводах свеч с примесью /13 зв./ не пчелиного воска, которые не могут быть жертвою Богу.

Свечной завод вообще предприятие выгодное при известных гарантиях. [Архиепископу] Нижегородскому Иоанникию⁸⁸⁶ он помог сотворить нечто чудное. Помогал он у нас вначале оч[ень] хорошо, но эта помощь шла больше архиерейскому дому, на земле которого построен завод, да и затея была не совсем в видах общего блага. Завод строился на деньги, позаимствованные от церквей. Кому возвратили деньги, кому и нет. Для оборота был обращен капитал попечительский и при попечительстве учрежден свечной комитет, в котором состоял членом и эконо́м архиерейского дома. При преосв. Димитрии эконо́м обокрал завод и выехал за границу. Пока погашали кражу, подоспело преобразование семинарии и епархиальные съезды. Тут, рассуждая о средствах, коснулись /16/ и завода, упразднили свечной комитет, а попечительство образовали из выборных членов, которым и поручили ведать свечною операциею, с жалованием из барышей: члену-казначею 600 р., члену-делопроизводителю 600 р. и еще двум членам по 300 р. В первом году новое управление, как говорит мне член-делопроизводитель (ключарь собора), за великими расходами они имели прибыли 18 процентов. Возьми во внимание, что архиерейскому дому за завод и белильню платится аренды 4 тысячи рублей. Таково право монополии. Теперь упадок, случившийся от того, что цена свеч на частных заводах и в лавках гораздо дешевле епархиальных свеч, и церковные старосты предпочитают там покупать. А дешевле от того, что в свечи /16 зв./ прибавляется дешевая примесь, которая, впрочем, прибавляет свече и белизну. Лишь три уезда берут из епарх[иального] завода свечи, прочие хотя и присылают по 3 или 4 р. с пуда на попечительство за право покупки в честных лавках, но это не помогает заводу. Теперь производится над ним строгая ревизия. Отчет ревизионной комиссии сей я пришло тебе чрез несколько дней.

На основании харьков[ского] опыта, по мнению нашего секретаря консистории, на первоначальное обзаведение завода понадобится 10–15 тысяч р. С таким именно капиталом они начали дело, и оно пошло весьма хорошо.

Несмотря на неудачи нашего завода, все-таки он увеличил попечительский капитал из 45 до 83 тысяч р.

/15/ Гарантией успеха всего предприятия будет:

⁸⁸⁶ Іоаннікій (Руднєв; 1827–1900) – архієпископ Нижегородський у 1873–1877 рр., випускник КДА (1849). Митрополит Московський у 1882–1891 рр., у 1891–1900 рр. був митрополитом Київським.

1, Если устроите дело так, чтобы власть не эксплуатировала вас. Конечно, у вас загородные монастыри – если не лучшее место для завода, особенно для белильни, которая должна быть открыта для солнца и закрыта от ветров. Но лучше отчуждить для сего кусочек земли и иметь свое заведение, а если нельзя избежать аренды, то заключить долгосрочную, до будущего века.

2, Если покупка свеч из завода будет обязательна для всех церквей и монастырей и лавры особенно.

3, Если розничная продажа свеч в частной торговле будет преследуема чрез нарочитых агентов завода.

/15 зв./ 4, Если против употребляемой в свечи примеси Св. Синодом будет возбуждено преследование. Кажется, следовало бы от Киева возвысить голос об этом.

Честность смотрителя завода и главного мастера – также условия немаловажные.

Е[го] в[ысочество] главнокомандующий уже недели две живет в Одессе. Проезжает по городу в хорошую погоду и делает смотры из окна дворца, что на Приморском бульваре. Войска являются сюда даже из Кишинева, чтобы пройтись перед окнами. Конечно, это передвижение войск имеет свое значение, когда им нечего делать. Младший князь то приезжает, то уезжает в Кишинев. Здесь и Евгений Лейхтенбергский⁸⁸⁷.

/14/ О войне же таки ровно ничего не слышно.

Приезжал сюда из Кишинева и придворный священник в[еликого] князя, молодой чл[...]. из Петерб[ургской] академии Стрехович, так, от нечего делать. Поехал назад устроить в кишиневской квартире главнокомандующего домовую церковь. От него я слышал, что припадки болезни в[еликого] к[нязя] повторяются. 30 января было ему хуже и в Одессе, но потом опять были смотры. Конечно, в Одессе, да еще на бульваре, где постоянно снуют гуляющие, и на виду моря больному веселее. Мне случилось два раза видеть его едущим в экипаже. Издали перемены в лице особой не заметно.

30 января совершенно освящение /14 зв./ семинарской церкви. С 1838 г. семинария здешняя существовала без церкви. Церковь вышла и просторная, и хорошая. После освящения ее владыка наш опять прихворал и служить на первой неделе не может.

Мои все здравствуют. Прошу всем нашим тамошним кланяться и прошу прощения, если согрешил пред кем чем-либо.

Выпал снег сегодня. Рейд опять замерз. Лед – наше ограждение от неприятеля.

Прости.

Искренно любящий тебя брат

Арсений Лебединцев.

⁸⁸⁷ Князь Лейхтенберзький Євгеній Максиміліанович (1847–1901) – онук імператора Миколи I, син князя Лейхтенберзького. Як і батько, жил у Петербурзі як член сем'ї Романових. Був військовим.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
3 березня 1877 р.

Ф. III, № 3587а

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ получ[ено] 8 марта 1877 г.
 отв[ет] 26 марта
 отв[ет] Веселовскому 9 марта

Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Извини, что опоздал ответом на твое письмо. Причина замедления заключается в том, что не успел собрать нужные тебе справки, а частью в том, что я уже более двух недель болен лихорадкой и не выхожу из квартиры. О Мариинском знаке г-жи Геденовой уже давно обещал справиться Ив[ан] Ив[анович] Зефирова, но и до сих пор не доставал сведения. Пишет, что два раза заходил в канцелярию обер-прокурора, но не заставал /1 зв./ начальника отделения, а столоначальник – новичок, или ничего не знает, или боится сообщать такую справку без начальника отделения. Впрочем, Ив[ан] Иванович обещал завтра еще зайти туда и уведомить меня. Если получу эту справку завтра или после, то сообщу дополнительно.

Ив[ан] Вас[ильевич] Писарев наводил справку в д[епартамен]те общих дел о перестройке церкви в Зеленой Дуброве. Она включена в ведомость церквей, на которые предполагается отпустить субсидию, но эта субсидия будет отпущена в будущем 1878 г., а до того времени разрешено будет начать работы, на /2/ собранные для сего на месте средства. При этом Ивану Васильевичу сказали, что этих средств, как видно из представления, не хватает еще на 900 р., а министерство всегда назначает из казны только половину сметной суммы, и потому будет предложено собрать на месте еще хотя 800 р., а остальные 100 р. могут быть добавлены из казны. Надеюсь со временем послать и мою лепту на этот предмет в Зеленянскую громаду, а теперь нужно собираться со средствами для поездки летом в Карлсбад, куда опять посылают меня врачи.

Советовался я, и не раз, а несколько разов, с Василием Афанасьевичем по поводу оставления Полтавским окружным судом без последствий жалобы на отказ конкурсного управления уплатить долг кн[язя] Долгорукова и означению ст. 981 т. X ч. 1 Св[ода] зак[онов] Василий Афанасьевич полагает, что эта статья относится до духовных и светских заседаний, подведомственных Министерству внутр[енних] дел, и что министры собственно и не дают разрешения на принятие таких пожертвований, а доносится им о том для сведения, а они, на основании дополнения к этой статье по продолжению 1868 г., представляют о всех пожертвованиях по их ведомствах ведомости в комитет министру, /3/ а о заслуживающих особого внимания, доводят каждый раз до высочайшего сведения. В газетах часто можно встретить известия такие, например, что государь император по докладу министра народного просвещения

или другого министра о пожертвовании таким-то на такое-то заведение, высочайше повелеть соизволил благодарить жертвователя или пожаловать ему такую-то награду. Из подведенной под статью 981-ю цитаты видно, что слово разрешение попало в нее по недоразумению. В постановлении 1857 (кажется, так – я справлялся в Полном собрании законов, но теперь хорошо не помню), которым увеличена власть министров по разным предметам, содержатся многие пред-/3 зв./меты, действительно требующие разрешения, как-то назначение пенсий и проч., но между ними замешались и пожертвования, о которых прежде всегда доводилось до высочайшего сведения чрез Комитет министров, а этим постановлением имелось ввиду определить, что только о превышающих 10 т[ысяч] р. следует доводить до высочайшего сведения, а о прочих – только до сведения каждого министра по принадлежности. Что здесь произошла ошибка в редакции, это, по словам Василия Афанасьевича, подтверждается одним из решений общего собрания Сената (старого, разумеется)⁸⁸⁸, помещенных в своде решений. Он искал этого решения, но не мог теперь найти, но хорошо помнит, что они состояли в том, что Сенат признал действительным одно пожертвование на учеб[ное] заведение Министерства /4/ народного просвещения, которое было оспариваемо тем, что на принятие его не было испрошено разрешения министра внутр[енних] дел. Василий Афанасьевич советует подавать апелляционную жалобу в судебную палату, а если и палата откажется, тогда подавать жалобу в кассационный департамент Сената, который должен разъяснить ст. 981-ю.

По моей просьбе И.В. Писарев наведя справку в д[епартаменте]те общих дел по этому предмету, но там сказали ему, что к ним не основании ст. 981-й поступают представления от разных ведомств о принятии пожертвований, и они руководствуются буквальным смыслом статьи и дают разрешение на принятие пожертвований.

По мнению Василия Афанасьевича, /4 зв./ консистория должна была в настоящем случае руководствоваться при принятии пожертвования от Ригельмана специальным для нее законом в уставе дух[овных] консисторий. Хотя там сказано только о пожертвовании на церкви и монастыри, но тот же закон должен быть применяем и к пожертвованиям на духовно-учебные заведения.

Я передал Василию Афанасьевичу то, что ты писал по поводу дела [Инфлянд] и изречение [К.А.] Воцинина. Он просит о сообщенном мною изречении [К.А.] Воцинина никому не рассказывать, так как передавший ему эти слова секретарь может пострадать, если [К.А.] Воцинин узнает как-нибудь о том; равным образом он просит держать пока в секрете и то, что делается в Синоде по делу о передаче бракоразводных дел в светские суды. Журнал особой комиссии из министров, /5/ о котором я писал тебе в последнем моем письме, удостоен высочайшего утверждения 1-го марта и по отпечатанию будет разослан членам Синода. Надеются, что в скором времени будет назначено заседание по этому предмету и затем будет представлено в Государственный Совет.

⁸⁸⁸ Рішення, прийняте до судової реформи 1864 р., або рішення одного з департаментів Сенату, які діяли ще до реформи, тобто не касаційних департаментів.

Статью «Современных известий»⁸⁸⁹ об архиереях передал Василию Афанасьевичу, и он очень благодарен тебе. Первая статья этой газеты об [еп.] Ионафане⁸⁹⁰ была прислана неизвестным в пакете [К.А.] Воцинину, который доложил ее графу. В день именин [митр.] Исидора на обеде был разговор об этой статье, и за нее, а может быть, и за вторую, дано [Н.П.] Гилярову предостережение.

Благодарю тебя за присылку собрания сочинений М.А. Максимовича /5 зв./ и отчета о занятиях Общества Нестора Летописца. Один экземпляр отчета я передал [Н.П.] Барсукову, и он благодарен, а Н.И. Костомарову передам по возвращении его из Москвы, куда он уехал на масляной заниматься в архивах – пишет монографию о Мазепе.

У Василия Родионовича был на первой неделе поста. Он говорит, что писал к тебе и обещал вторично написать, так как могло случиться, что письмо пропало, потому что человек его, с которым было отправлено на почту, предавался в то время питиям.

У митрополита Киевского не был еще, но надеюсь побывать праздником Пасхи.

Николай Иванович Павловский говорил, что в Синоде при /6/ рассуждении о Сухобрусовском капитале хотели было разделить его между женским и мужским училищами. Митр[ополит] Исидор говорил, что [прот.] Сухобрусов умер, когда еще не существовало женского училища, и даже не было и мысли о нем. Но так как при разделе мало было бы пользы, то решили все отдать одному училищу – женскому.

26-го января я был посаженным отцом на свадьбе Людмилы Сидоровны Лабунской, вышедшей замуж за командира 2-го Свеаборгского крепостного⁸⁹¹ батальона полковника Бялоцкого. Он приехал из Свеаборга, а она из Москвы, и обвенчались в церкви Главного штаба. /6 зв./ Бялоцкий – огромного росту здоровый мужчина лет за 50, служил прежде в Москве в гренадерском полку. С Людмилой Сидоровной приезжал из Москвы полковник Лабунский и сестра его⁸⁹², которую ты видел у меня в доме Одноушевского. Сын Людмилы Сидоровны служит прапорщиком лейб-гв[ардии] в Московском полку.

Сегодня в «Голосе» есть телеграмма о смерти преосвященного Иоанникия Одесского. Вечная ему память – добрый был человек.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

⁸⁸⁹ *Современные известия политические, общественные, церковные, ученые, литературные, художественные* – щоденна московська газета, видавалась у 1867–1887 рр. Слов'янофільська, видавець і головний редактор – Микита Петрович Гіляров-Платонов.

⁸⁹⁰ Ионафан (Руднев; 1816–1906) – епископ Олонецкий (1869–1877), у лютому 1877 р. переведений на Ярославську кафедру. Випускник КДА (1843).

Статтю з «Современных известий» знайти не вдалося, однак відома наступна стаття: Из Петрозаводска: (Официальное опровержение корреспонденции «Современ[ных известий]» о деятельности преосв. Олонецкого) // Церковный вестник, 1877, № 7, с. 5-6.

⁸⁹¹ Крепостной – составляющий постоянный гарнизон крепости. Свеаборг – буквально «шведская крепость», находится на островах возле Хельсинки.

⁸⁹² Родичі Лебединцевих.

Сестрам, Григорию Марковичу, племянникам и племянницам мой поклон, а также Назарию Антоновичу и Павлу Федоровичу.

3 марта 1877 г.

/6 зв. збоку/ Вчера был у меня Н.И. Розанов с поклоном от тебя.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[19 червня/1 липня 1877 р.]⁸⁹³

Ф. III, № 3536

/9/ Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Переписка наша оборвалась по моей вине. Гроза, постигшая меня в ноябре 1875 г. и доселе отзывающаяся глухим гулом, заставила меня бросить всякую переписку... особенно с Вами! Удивляетесь? Имею основание думать, что письмо мое, попавшее в копии в Левадию, послано было мною Вам! Мне передавали фразу из этого письма – буквально она была в письме, посланном Вам. С той поры я почувствовал такой страх к писанию душевных писем, что оборвал переписку по самым важным делам, особенно с Вами, страхась самой мысли ввести и Вас в большую беду. Теперь /9 зв./ не так страшно уже. Бог с ними, дали бы пенсию выслужить. Пускай бранятся по всякому случаю, пускай отказывают мне в генеральском чине (как отказали в прошлом году), все это пустяки. Одно не пустяки: на бедного Макара и шишки валятся, так с опалой и на меня обрушилась всякая шваль, имевшая когда-либо со мною счеты, и долгое время отравляла мне жизнь. Выдержал, однако, теперь легче живется, даже злейшие враги – виновники катастрофы, иуды мои, и те стали поддабриваться (да я плюнул на них). Господи, помоги еще 2 ½ года потянуть...

Благодарю Вас за хлопоты по делам Сережи. Не знаю, однако, достанет ли у меня решимости отпустить его от себя. Но, Боже мой, что он творит здесь подчас. Росту уже больше моего, гимнастикой развил в себе силу – и в ус не дует, а прямо в зубы. /10/ Сколько хлопот имели с ним учителя! Сколько раз сидел он в карцере! Наконец, накануне экзаменов он обозвал инспектора сумасшедшим, и чтобы потушить дело, я немедленно переместил его в другую гимназию. Но ведь те гимназии польские! В целом классе у него нет русского товарища! Всего два учителя русских! Православный закон Б[ожий] не преподается!.. Но опять и отпускать от себя так жаль! Крепко боролся я с самим собою и окончательно решил: оставить его на этот год дома и не посылать ни в какую гимназию, дома готовить в VI класс. На том и остановился я теперь.

Вчера мы всё покончили и начали каникулы. Завтра еду к своим (Сережа и жена давно уже живут в деревне у [С.С.] Громеки) дня на три, а там еду в Карлсбад, куда на днях должен выехать и Феофан. Думаю пробыть там до половины августа.

Как хотелось бы в Киеве побывать! Да – ба!

⁸⁹³ За згадками у листі подій: Початок гімназійних канікулів – 1 липня, перехід Дунаю після 1875 р. був у ході російсько-турецької війни – 15/27 червня 1877 р.

Что это с [М.А.] Туловым случилось, что он просится сюда в учителя русского языка? /10 зв./ Мне сам [Ф.Ф.] Витте вчера говорил об этом; он решил назначить его после каникул, предварительно снесшись с министром, а затем дать ему директорское место. Большое любопытство возбудил он этой экивокой. Наш [Н.П.] Воронцов в изумлении, подозревает, не хочет ли [Ф.Ф.] Витте подменить его [М.А.] Туловым.

У нас сегодня служат на площади молебн о переходе Дуная⁸⁹⁴. Поляки сильно поникли! Доселе думали, что Австрия не допустит до перехода. Скоро прикинутся русскими патриотами и, конечно, в идеях письма парижских эмигрантов-коммунаров к Градовскому⁸⁹⁵. И теперь они уже громко поговаривают, что за примерное поведение свое в эту годину будут просить по окончании войны земских собраний для Ц[арства] Польского (т.е. сеймиков!).

Журнал духовный⁸⁹⁶ будем издавать в Варшаве! «Вот мы как! Да такие статьи закатаем, что ну!» Я обещал для 1-го номера статейку, да не знаю, когда напишу.

Пр[еосв.] Леонтий живет все лето на даче, в 35 верстах от Варшавы. Я только раз там был у него. Хорошо, но невольно вспоминаешь Голоссев, Китаев, Феофанию... Ему, однако, что-то очень часто нездоровится.

Передайте мой душевный поклон преосв. Филарету, о. Сильвестру, [И.И.] Малышевскому, [П.А.] Лашкареву и [А.Д.] Воронову. Глубоко жаль Назария Антоновича – поклонитесь ему.

/10 зв. збоку/ Как глубоко пожалел я о смерти Юлии Наркиссовны! Сколько раз собирался я послать к ней Сережу!.. Вечна я ей память!

Павлу Федоровичу и Сусанне Ивановне низенько кланяюсь.

**Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
1 сепня 1877 р.**

Ф. III, № 3434

/9/ Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Вот уже 4-й день, как я возвратился из Карлсбада. Отдохнув после дороги, спешу писать к Вам и прежде всего о делах.

Григорий Маркович⁸⁹⁷ нашел для меня какого-то богослова в учителя радомского русского начального училища с 400 р. жалованья при готовой

⁸⁹⁴ Систовське форсування Дунаю 15/27 червня 1877 р. у ході російсько-турецької війни.

⁸⁹⁵ Градовський Олександр Дмитрович (1841–1889) – публіцист і викладач (історик права) Петербурзького університету. Постійний співробітник помірковано-прогресивної газети «Голос».

⁸⁹⁶ Холмско-Варшавський єпархиальний вестник – єпархиальний друкований орган, виходив двічі на місяць у 1877–1905 рр.

⁸⁹⁷ Левицький Григорій Маркович з липня 1875 р. служив не в Калиновій, а у Києві, другим священиком Златоустівської церкви, тож міг бути знайомим із випускниками Академії. У 1877 р. він перейшов до Печерської Ольгінської церкви, яка відтоді стала

квартире и 50 р. на прислугу, и в письме, которым извещал меня об этом, предупреждал меня, чтобы я никого больше не искал. Проездом чрез Варшаву, 22-го июня, я написал ему, чтобы этот богослов /9 зв./ во время каникул прислал прошение и свои документы, а к 3-му августа и сам бы приехал в Радом. Кроме того, на заявление Григория М[арковича] о каком-то окончившем курс академии и состоящем теперь в должности инспектора духовного уездного училища и его желании получить здесь место, я отвечал, что назови он мне его по фамилии и пришли его прошение, ему тогда же могли бы дать место, и что во всяком случае я желал бы знать, кто этот господин, и надеюсь доставить ему место. Возвратившись из Карлсбада, я надеялся застать по крайней мере прошение и документы богослова; но ни о богослове, ни об академисте ничего нет. Между тем из Вильны просится два богослова, с др[угой] стороны, в Солецкой учительской семинарии⁸⁹⁸ умер /10/ во время каникул учитель Амулин из воспитанников Киевской академии, и его место в 1 200 р. свободно.

Итак, прежде всего прошу спросить Григория М[арковича] об оном богослове, намерен ли он принять предложенное ему место и ехать сюда немедленно, или почему-либо раздумал. Признаюсь, виленских мне не хотелось бы. Сведение это я желал бы получить как можно скорее, и потому или сами потрудитесь сейчас меня уведомить, или Григория М[арковича] от меня о том просите. От промедления может случиться, что я не добуду ни киевского, ни виленского богослова. Что касается академиста-инспектора, то если он путный, пусть присылает прошение немедленно, а если ледачий, то нет ли кого получше. Прямое его назначение – учительство в уч[ительскую] семинарию, но как семинария не отстроена еще /10 зв./ после пожара, то я хочу хлопотать, чтобы и этого учителя, как и другого, математика, прикомандировали временно к Рад[омской] женской гимназии и тогда он сверх жалованья по семинарии в 1 200 р. получал бы здесь 400 р. за уроки законов православного исповедания, которые я ему здесь поручил бы.

Для меня весьма важно, чтобы богослов мог явиться теперь и подготовиться на учительском съезде, который начинается с 4-го августа.

Так, что за посредством Вышневецкого⁸⁹⁹ был бы приискан на место Плаховского, жалованье на должности чиновника канцелярии дирекции 300 р. и за уроки пения 200 р., всего 500 р.

На этом прерывают меня. Итак, до завтра. Спешу запечатать.

Искренно любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

1-е авг[уста] 1877 г.

г. Радом

«вотчиною» Лебединцевих: після смерті Григорія Марковича її зайняв Андрій Гаврилович Лебединцев, і у 1901 р. поступився нею своєму зятю, Саві Євдокимовичу Петруновичу.

⁸⁹⁸ Учительська семінарія у містечку Солець (зараз Солець над Віслою) Ліпського пов. Учитель Амулін у 1865 р. вступив на службу у Холмську гімназію.

⁸⁹⁹ Службовець Київської консисторії.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
13 сентября 1877 р.

Ф. III, № 3435

/11/ Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Я обещал и надеялся после первого недоконченного письма написать второе, а дождался и ответного от Вас. Такое теперь горячее время. Оно все поглощено съездом 80 учителей-учительниц.

Сердечно благодарю за скорый ответ. Если богослова не оказалось, то и не нужно; ибо если я стану ждать его, то и виленских потеряю, а эти ближе и скорее приедут.

Мирович пусть присылает мне как можно скорее прошение и копию формуляра. Об нем Григорию М[арковичу] я писал в письме на его запрос, а за богословом обратился в предположении, что это среда более близкая ему.

/11 зв./ Заметка Ваша об учительницах русского языка, географии и арифметики озадачила меня. Такие учительницы мне давно нужны, но, конечно, выдающиеся по таланту, ибо средней руки, так себе способных, и здесь найти можно. Я думаю, что Вы разумеете талантливых, и потому очень жалею, что не знал этого до каникул. Теперь идет распределение уроков, и раз они оставлены за кем-либо из учителей, совестно среди трети отбирать. Есть один только предмет не окончательно занятый, это география. Годичный урок 40 р., и след[овательно], при 10-ти уроках 400 р., а при 15-ти – 600 р. На эти уроки я имел ввиду одну из здешних учительниц, польку, и уже сказал об ней заведывающему гимназиею; но она заболела и я не могу быстро сообразить, как быть с ней. Если решусь отказать ей, то завтра пришлю Вам телеграмму; если же нет, то до более подробных /12/ от Вас сведений о том, какие там у Вас кандидатки и с какою эрудициею.

Относительно Лариссы та же и еще более сложная история. Между прочим и с Ольгою Игн[атьевною] поговорить надо, а она уехала со вторника в Гродненскую губернию к m[ada]me Маймескул на отдых и укрепление себя сельским воздухом и помещичьим столом.

По поводу Вашей поездки в Зеленую Саша запрыгал от удовольствия и сперва выразил желание попроситься с Вами съехать, а затем, поняв невозможность этого, просил меня упросить Вас, чтобы Вы привезли хоть одну оттуда грушку с нашей родовой заветной груши. Зелена для него нечто вроде рая. Поклонитесь там и за меня праху родителей и, сообразив на месте, как охранить их могилы от забвения, мне напишите, чтобы я свою лепту внес за премногую их любовь к нам. Если новая церковь /12 зв./ будет на месте старой, то не войдут ли туда и их могилы? Поклонитесь от меня и всей Зеленой и остающимся родным.

Сейчас и Ольге Игн[атьевне] пишу и передаю Ваш поклон, которым она так дорожит. Здоровье ее очень ослаблено, а Саша, слава Богу, вполне здоров и учится хорошо.

Примите еще карлсбадский поклон от Александра Лебедева, что священствует в Преле, а в Карлсбад приехал на богослужебный сезон.

Ольга Игн[атьевна] виделась в Варшаве с Андреем Г[авриловичем] и нашла, что он очень поправился и говорит очень быстро, в противоположность прежнему.

Будьте здоровы и благополучны!

Искренно любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

13-е авг[уста] 1877 г.

г. Радом

/12 зв. збоку/ От Михн[о]вского я получил письмо и ему прямо откажу.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича

21 сепня 1877 р.

Ф. III, № 3436

/13/ 21-е авг[уста] 1877 г.

г. Радом

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Я все опаздываю. Должно быть, стар уже, либо съезд меня заел. Когда окончится день, то и язык, не только рука не двигается.

Я очень благодарен Вам за кандидаток и скорое об них известие. Из двух богословчиков прошение мне прислал лишь один, Миронович, что под 3-м №, и я в тот же день, когда телеграфировал Вам о Левитском и Ливотове, послал ему по телеграфу назначение, приглашая немедленно ехать, чтобы захватить хотя половину съезда. Он доселе не едет, и потому я /13 зв./ просил бы навести об нем справку, а живет он, как писал, в Софийском митрополичьем доме. Он просил денег; я телеграфировал, что здесь получит. Если бы это его задерживало, прошу дать ему 25–30 р., а я сейчас вышлю Вам. Посылать отсюда, не видя человека, не удобно: иной получит, да там и останется, а потом ищи с него. Жаль, что не прислал прошения стоящий под № 4-м. Чем в солдаты ему идти, лучше сюда, на учительство. Хороших вакансий у меня нет, но на 150 р. и 200 р. при квартире, отоплении и земле, всегда найдется, а на переезд 50 р. здесь на месте. У меня учителей сельских и в ополчение не берут, да и у Вас, конечно, тоже. При всей любви к отечеству, я не вижу смысла в том, чтобы такой или иной богослов шел на Шибку⁹⁰⁰ или под Плевну⁹⁰¹. Поэтому /14/ жалею о Левицком, которого мне очень хвалил здешний учитель гимназии Сретенский, кандидат Киевской академии. Он же и Ливотова мне рекомендовал, прибавив, что Ливотов внес деньги за свое воспитание и подал прошение [Ф.Ф.] Витте. Буду ждать его прошения, и если на днях получу, сам свезу в Варшаву и добьюсь назначения.

В Варшаву я уеду 26-го авг[уста] дня на три. Надеюсь [Ф.Ф.] Витте застать и с [преосв.] Леонтием повидаться. Что узнаю относительно Ливотова, извещу Вас и

⁹⁰⁰ Шипка – горньский перевал у Балканских горах; борьба за Шипку була однією з ключових епізодів російсько-турецької війни.

⁹⁰¹ У 1877 р. російські війська намагалися взяти болгарське місто Плевен.

его. Теперь я имею большую, чем прежде, надежду, что его назначат в Солец, а прикомандируют к радомской женской гимназии.

Что в Зеленой, какова она теперь и какая ближайшая к ней станция? Саша спрашивает, привезли ли Вы грушку с Зеленынской груши. Он целует Вас.

Будьте здоровы и благополучны!

Искренно любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

/13 зв. збоку/

Ольга Игн[атьевна] пишет, что у нее явился сон и аппетит, которых давно не имела. Она и оттуда Вам кланяется.

/14 збоку/ Всем нашим нижайше кланяюсь.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

24 сентября 1877 р.

Ф. III, № 6787

/1/ Любезнейший брат Феофан Гаврилович!

Завчера вечером возвратился я из Зеленой, поклонившись гробам родителей наших. Зелена та же, только гуще заселилась хатами, но лица все почти незнакомые; знакомые перемерли. Только Павло Гаркуша в виде нищего у колокольни, да Карпо и Семен Писаренко – вот старые знакомые. Последние встретили меня с слезами от радости. Тобой особенно интересуется Семен, который теперь карбивничем⁹⁰², и прибежал ко мне из лесу; держится еще бодро, но Карпо одряхлел. Груша старая почти в том же виде, и груши те же я еще застал и вкушал. Насажденная тобой роща состоит теперь из больших деревьев, /1 зв./ делает прекрасную тень, дорожки все были расчищены. За садом сейчас учил[ищный] дом – порядочный, с него начинается целый ряд новых хат; аренды уже тут нема. Ребятюк я оделил книжками.

Новая церковь будет на 5 саж[ен] длиннее нынешней, но не шире; почему гробы родителей наших останутся нетронутыми, только будут не впереди, а сзади северных дверей церкви; гробы деда и прадеда наших, что за олтарем, прикроются церковью. Постройка начнется уже весной. Если что пришлошь в громаду, то и твоя капелька будет не лишняя.

Литова еще не видел и не знаю, послал ли он прошение. Если не послал, то скажу Мирвичу, который уже явился.

Учительниц я тебе дам хороших, из прослуживших год, два пепиньерками⁹⁰³ в училище и, т[ак] ск[азать], прошедших прак-/2/ тический курс педагогики; только обеспечьте их надлежаще. Они поедут охотно, только высылайте деньги на проезд. Это благое дело сделаешь и больше обрудишь ими, чем польками; явятся из них, конечно, подходящие невесты для учителей, которые при неимении рус[ских] девиц женятся, верно, на польках и полонизируются окончательно.

⁹⁰² Карбівничий – лісник.

⁹⁰³ Выпускница, оставленная на педагогическую практику.

Что касается Лариссы, то я кинул тебе вопрос о ней на всякий случай, не зная еще ни ее согласия на этот проект, ни ее матери, а только желая устроить для нее что-нибудь лучшее. Спрошу тогда, когда это лучшее будет возможным, и до того времени нечего затруднят их головоломными вопросами.

Засим желаю тебе быть здоровым и благополучным.

Искренно любящий брат П. Лебединцев.

24 авг[уста] 1877 г.

Киев

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича

[28-30 вересня / 10-12 жовтня 1877 р.]⁹⁰⁴

Ф. III, № 3537

/11/ /іншим почерком/ 1878 год Варшава

/закреслено/ 1878-1884 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

«Молодого магистранта» я не видел. Письмо Ваше ожидало меня в моей квартире целую неделю. 11-го (а не 15-го, как говорят газеты) сент[ября] умер С.С. Громека в своем именье (а не в майорате), и я тотчас поспешил туда. Похоронили его в той же деревушке, где он жил, 14 сент[ября]. Тогда же я простудился, пролежал там неделю, поехал сюда, в дороге снова простудился, и здесь уже целую неделю лежу в постели. Сегодня мне полегчало, и я взялся за письмо к Вам.

Итак [С.С.] Громека успе! С именем его связано воспоминание о важнейшем событии в судьбах этого края. Так или иначе, но унияты стали православными по его вине. История разберет, кто тут прав, кто виновен; но факт фактом: без него, наверное, доселе /11 зв./ унияты были бы униятами, а теперь при затруднениях военных, при страшной боязни раздражать поляков, конечно, отнюдь нельзя было бы и думать о православии. Что будет затем – Христу Богу известно. Уже громко поляки говорят здесь, что по окончании войны они будут требовать для себя земских собраний (сеймиков!) – за свою верность (!!)) России в настоящие трудные времена! Все здесь уверены, что поляки получают льготы. Тогда – прощай всякая мысль о православии униятов. После только оценят всю выгоду оригинальной услуги [С.С.] Громеки. [Еп.] Попель с братией не могут слышать имени его. Никто из них даже не помолился за него. Но низшее духовенство целую толпою собралось на погребение его, многие (в том числе и [о.] Левчак⁹⁰⁵) со слезами стояли у гроба его. Были тут и такие священники, которых [С.С.] Громека засаживал некогда в тюрьму! Народ, отрекающийся от священников-галичан и не посещавший церкви, на погребении [С.С.] Громеки собрался во множестве. Все б[ывшие] сослуживцы его съехались с целой губернии, многие

⁹⁰⁴ За датою смерті С.С. Громеки.

⁹⁰⁵ Ливчак Микола Миколайович – Більський священник-галичанин.

навзрыд плакали. Печально глядели на гроб все, кому дорого было само дело, и кто не искал в нем корысти своей. Прочие недоумевали, что им тут делать. Весь же чиновный мир поглядывал вокруг себя, как бы спрашивая: преступника, опального или заслуженного человека хоронят, и позволительно ли выразить свои чувства над гробом его. Печальная /12/ картина! Среди поля, на одном из самых убогих крестьянских кладбищ, в деревне, где нет и церкви (приписная к Бельскому приходу) зарыт этот опальный человек! Газеты не смели и словом коснуться его деятельности, помянули только как литератора!!!

Он получал до смерти все губернатор[ское] содержание, имел майорат, имел тысяч 15 денег и все вложил в совершенно бездоходное имение и в карманы докторов и аптекарей. Оставил после себя 3 тыс. в билетах и около 2-х с половиною тыс. р.с. долгу! Имение он купил среди униятов (подушное) только потому, что не хотел расставиться с ними, зарвали на торгах, никак не добился плодородия от песчаной земли, и теперь оставил сиротам своим это имение без дохода с него и с обязательством уплачивать за него казне ежегодно 470 р.с. (купил с рассрочкою платы на 25 лет). Осталась старуха, разбитая и ни к чему неспособная, хилая дочь 20 лет и другая 13 лет.

В «Х[олмско-]Варш[авском] епарх[иальном] вестнике» я не участвую в качестве сотрудника, дал статью-другую из залежавшегося материала единственно по желанию пр[еосв.] Леонтия. Других отношений к редакции не имею, да они, кажется, и не желательны. Ведь я тоже опальный по уният[ским] делам человек! Мне запрещено строжайше «вмешательство в дела бывших униятов». Есть люди недоумевающие, как смотреть на печатание мною статей по делам «бывших униятов» – как на «вмешательство», или нет? Конечно, я глубоко сочувствую этому изда- /12 зв./ нию: при самом обращении униятов я много хлопотал о немедленном учреждении печат[ного] органа для них, и теперь в особенности ценю такое издание. Но я все-таки человек под запретом по этим делам, и необходимо избегать со мною всяких сношений по ним, что благоразумно и делается... Желание о написании статейки высказано мимоходом, я поспешил исполнить его, тем дело и кончилось, больше об этом ни слова. Редакторы – люди очень молодые, для которых закон благоразумия не писан, все пристаю ко мне о постоян[ном] сотрудничестве и крайне недовольны моим воздержанием. Ну, да они молоды!..

За Сережу я почему-то не боюсь. Характер у него такой, что гимназия скорее ухудшит, чем поправит его. Инспектор, учителя, баллы, все порядки до того ему опротивели, что хоть убей его – он не стал бы подчиняться им долее. Мне тогда казалось, что он мешается, и никакие мольбы, угрозы и штрафы ничего с ним не могли поделать. С другой стороны, он во многих отношениях до того мальчик и до того пугает меня здоровьем своим, что жаль было расставаться с ним, отдавать же в какую-либо из здешних гимназий (польских) вышло бы еще хуже. Полагаю, что в деревне, среди спокойных, работающих свободно элементов он выпростается. Пороков в нем нет, способности есть. Потом дома займусь с ним; двое учителей обещали мне содействие.

Польские газеты вчера возвестили, что гр[аф] Толстой получает бессрочный отпуск, а на его место назначается временно тайный советник Смирнов⁹⁰⁶ (?). Врут, вероятно.

Поляки ведут себя так, чтобы вышло и Богу, и черту приятно. В одном месте кричат о готовности для России на все, в другом строят все ковы. Пожертвований на войну нигде не видишь, кроме таких, о которых сейчас же узнает высшее начальство и доведет до сведения государя. Как соби-/12 зв. збоку/раются пожертвования по губерниям, по «приглашениям» губернаторов и уезд[ных] начальников, об этом не стоит и говорить. Высшие классы держат себя теперь заносчиво, твердят, что по окончании войны за свои услуги (!!) будут требовать земских собраний (сеймиков!). Но истинные чувства их отражаются на простом народе, простодушно всюду заявляющем, что москалей теперь всех черт поберет, пришел их конец, и как только турки запрут войска за Дунаем, так все поляки поднимутся. Суды завалены делами по этим преступлениям, тюрьмы принимают многих.

/11 зв. збоку/ Жена моя все хворает, ребенок тоже. Дал бы Бог мне пережить это очень трудный год. Кланяемся Вам сердечно. Поклонитесь всем присным и знаемым, а паче Павлу Фед[оровичу] с мамочкой, Ивану Игн[атьевичу] Малыш[евскому], [преосв.] Филарету, Вороновым, Лашкаревым, Сильвестру, Оресту Марковичу, Назарию Антоновичу, Андрею Ив[ановичу] Линниченко.

/12 збоку/ И у вас умирают! Как поживают живущие? Передайте мой душевный поклон Павлу и Ивану Тихоновичам. Собирается семья воедино. Мне остается еще два года до пенсии, и все помыслы мои стремятся также в Киев. Нашлось бы там для меня и в отставке дело. Но служить – ах, как тяжело!

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
15 листопада 1877 р.

Ф. III, № 3588

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Много виноват перед тобою. Не писал долго к тебе частию потому, что часто хворал, а частию потому, что нечего было писать. По делу [Н.А.] Ригельмана собираю часто справки, но утешительного ничего не выходило. Наконец, объявили, что в кассационном департаменте накопилось 18 т[ысяч] дел, и они могут быть двинуты только когда последует назначение добавоч-/1 зв./ных, по новому штату, [...]тиров, которое граф Толстой отложил до возвращения Государя в Петербург. По получении твоего последнего письма опять справлялся чрез Василия Родионовича, и секретарь сказал, что

⁹⁰⁶ Смирнов Микола Павлович (1824–1905) – службовець Мфнфстерства фінансів і Синоду. У 1875–1878 рр. директор господарського управління Синоду, потім призначений товаришем обер-прокурора (Д.А. Толстого), зайнявся веденням справ про розлучення.

кассационную жалобу взял к себе сенатор Мотовилов. Не вследствие ли переданной тобою записки сенатору Катакази⁹⁰⁷?

По делу об ассигновании суммы на перестройку Зеленянской церкви Иван Васильевич уже несколько раз наводил справки, хотя до сих пор не добился настоящего толку. Пока верно то, что Государст-/2/венный Совет сократил на 1878 год кредит на устройство православных церквей в губерниях Западного края, и что в будущем году церковно-строительные работы проектировано ограничить исключительно начатыми уже церковными постройками, которые без вреда для дела приостановлены быть не могут. Поэтому, говорят, предполагаемые 4 т[ысяч] р. на перестройку Зеленянской церкви не будут отпущены в 1878 году, а могут быть внесены в смету на 1879 год, если к февралю будущего года (время составления церковно-строительной сметы на 1879 год) будет получено /2 зв./ в Министерстве внутр[енних] дел от Киев[ского] губернатора сведение, что половина требуемой на перестройку церкви суммы собрана обществом. Впрочем, Иван Васильевич обещал еще раз побывать в Министерстве и собрать по этому последнему пункту положительную справку от начальника отделения, которого в последний раз застал в Департаменте. По получении этой справки сообщу немедленно. Еще в августе я хотел передать тебе некую лепту на Зеленянскую церковь, но пришлось отложить, потому что Андрей Гаврилович попросил пособить ему по случаю поступления его сына в Варшавский университет. Потом поджидал, не отдаст ли мне деньги кто-либо из моих приятелей-должников, но, увы, /3/ легко отдать деньги приятелям в долг, а получить их обратно более чем сомнительно. Не дать худо, а отдать еще худее. Поэтому прошу, не осуди меня, что я посылаю теперь на перестройку Зеленянской церкви такую малую сумму, а именно сто рублей. Прошу переслать их в Зеленую от неизвестного, да не будет так стыдно. Если обстоятельства мои поправятся, то еще вышлю. Не знаю, нужен ли тебе ответ на отношение киевской консистории в канцелярию обер-прокурора Синода о том, следует ли испрашивать разрешение министра внутр[енних] /3 зв./ дел на принятие векселей [Н.А.] Ригельмана. Я писал уже тебе, что Вас[илий] Аф[анасьевич] не желал входить в сношение с Министерством внутр[енних] дел по этому вопросу. Причина этого нежелания была, между прочим, и резолюция Юрия Васильевича Толстого⁹⁰⁸, положенная на отношение Киев[ской] консистории. В этой резолюции он выразился, что вексель [Н.А.] Ригельмана безнадежный ко взысканию и что их не следует принимать точно так же, как уже отказано в принятии каких-то векселей, подаренных гр[афом] Браницким духовному ведомству. Юрий Вас[ильевич] уехал за границу лечиться (у него чахотка), и /4/ полагают, что едва ли он возвратится к своей должности. Если необходимо иметь благоприятный ответ на вопрос Киевской консистории, то я еще раз попытался бы попросить о том Вас[илия] Афанасьевича.

⁹⁰⁷ Сенатори Касаційного департаменту: Катаказі Михайло Костянтинівич (1823–1891), у 1868–1870 рр. київський цивільний губернатор; Мотовилов Георгій Миколайович (1834–1879).

⁹⁰⁸ Толстой Юрій Васильович (1824–1878) – історик і археограф, товариш обер-прокурора Синоду в 1866–1878 рр. Помер у січні 1878 р. в Італії від туберкулезу.

По делу о передаче бракоразводных дел в светские суды В[асилий] Аф[анасьевич] заготовил уже предложение Св. Синоду, и граф уже прочитал оное и одобрил. Это первое блюдо, которое будет предложено членам Синода, когда они соберутся. Ник[олай] Ив[анович] говорит, что еще нет распоряжения о вызове митрополитов в Синод, а В[асилий] Аф[анасьевич] говорит, что уже послан доклад государю о вызове их для присутство-/4 зв./вания в Синоде. Вероятно, их соберут в Петербурге к 12 декабря, т.е. ко дню столетия Александра 1-го, к которому, говорят, возвратится в Петербург государь император.

/4 збоку/ Мнения членов Синоде, несогласных на передачу бракоразводных дел в светские суды, писал бывший юрисконсульт Синода воо время существования филофеевского комитета, а ныне сенатор благочестивый Ив[ан] Ив[анович] Полнер⁹⁰⁹.

/4 зв./ В церковной иерархии имеют последовать следующие перемещения: экзарх Грузии Евсевий переводится в Тверь, в Грузию экзархом [преосв.] Иоанникий [архиеп.] Нижегородский, в Нижний – Тихон [еп.] Саратовский, в Саратов – Хрисанф [еп.] Астраханский, в Астрахань – Герасим [еп.] Самарский, в Самару – Серафим [еп.] Рижский⁹¹⁰.

Кто будет назначен в Ригу, не решено. Чиновный люд Синода думает, что вероятно, туда будет назначен Филарет, еп. Уманский. Н[иколай] Ив[анович] говорит, что когда Платон [архиеп.] Донской⁹¹¹ перемещался в Одессу, то почти решено было в Синоде назначить /5/ на Донскую кафедру [преосв.] Филарета, а по замечанию митрополита Исидора, что на Дон всегда назначались архиереи в сане архиепископа, полагалось даже вместе с назначением [еп.] Филарета на Дон возвести его в сан архиепископа, но митрополит Филофей упросил оставить его пока в Киеве, потому что нет такого, кто бы мог занять его место в Академии – протоиерей Фаворов прослужил по учебному ведомству более 30 лет и притом слаб здоровьем, а из молодых никого нет. Кто будет назначен /5 зв./ в Кострому, еще неизвестно. Не попадет ли при этом [о.] Грегулевич⁹¹² в епископы, все еще

⁹⁰⁹ Полнер Иван Иванович (1820–1892) – юрисконсульт при обер-прокурорі Синоду у 1857–1866 рр. і в 1875 р. З 1869 р. присутній в Касаційному департаменті Сенату. Вважався фахівцем в організації системи судочинства.

⁹¹⁰ Євсевій (Ільїнський; 1809–1879), екзарх Грузії у 1858–1877 рр.

Іоанникий (Руднев; 1826–1900), архієпископ Нижегородський у 1873–1877 рр.

Тихон (Покровський; 1821–1885), єпископ Саратовський у 1873–1882 рр. – цього разу переведений не був.

Хрисанф (Ретивцев; 1832–1883), єпископ Астраханський у 1874–1877 рр. Був переведений у Нижній Новгород, а не Саратов.

Герасим (Добросердов; 1809–1880), єпископ Самарський у 1866–1877 рр.

Серафим (Протопопов; 1818–1892), єпископ Ризький у 1874–1877 рр.

⁹¹¹ Платон (Городецький; 1803–1891) – архієпископ Донський у 1867–1877 рр., архієпископ Херсонський у 1877–1882 рр., потім митрополит Київський.

⁹¹² Архімандрит Віталій (Грегулевич; 1822–1885) – петербурзький публіцист і законовчитель родом із Поділля. Син протоієрея Василя Яковича Грегулевича, автора збірок проповідей українською мовою. Був рукопокладений у вікарного єпископа Волинської єпархії у 1879 р.

пребывающий [...] в сане архимандрита. Московский оратор Ключарев⁹¹³ посвящен уже в архимандриты, и говорят, будет викарием Московским. [Преосв.] Евсевий, говорят, переводится в Тверь вследствие какой-то истории, по желанию наместника. О перемещениях архиерейских просят пока содержать в секрете.

Прошу передать мой нижайший поклон Григорию Марковичу, сестрам Ефросинии, Александре и Марфе Гавриловнам, а также Назарию Антоновичу и Павлу Федоровичу и Сусанне Ивановне.

/6/ Кончил ли курс в Университете Петр Гордиевский и куда он пристроился? В котором классе племянник Миша, сын Марфы Гавриловны?

Я прохворал целый сентябрь лихорадкой, которая возобновилась было в конце октября, и кроме того, страдаю глазами. Погода у нас, как обыкновенно, скверная. Снега нет и не было, тепло довольно и постоянная слякоть.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебедиинцев.

15 ноября 1877 г.

/6 зв./ Кланяются тебе Иван Вас[ильевич] Писарев, Вас[илий] Афанасьевич, Николай Иванович Павловский. Ив[ан] Ив[анович] Зефирков, Василий Родионович Ратко и Ник[олай] Ив[анович] Костомаров, недавно возвратившийся из Москвы, где 2 месяца занимался собиранием материалов для монографии о [гетмане] Мазепе.

**Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
21 грудня 1877 р.**

Ф. III, № 3589

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Отправив телеграмму с поздравлением именинами, спешу сообщить тебе животрепещущие новости. Вчера я встретился с Ив[ан] Ив[анович] Зефировым, который сообщил мне, что ректор К[иевской] академии назначается в Ригу. Еп. Чигиринский Порфирий – в Москву, в Заиконоспасский монастырь, а ректором Киевской академии назначается /1 зв./ архимандрит Михаил⁹¹⁴ из Москвы, с возведением в сан епископа. Будет ли назначен в Киев второй викарий и кто именно – неизвестно. Протокол уже послан к подписанию членам Синода и затем будет представлен на Высочайшее утверждение.

Митр. Филофей все еще хотел удержать [еп.] Филарета в Киеве, упираясь на том, что он человек науки и сам будто бы не желает епархии и хлопот, соединенных с управлением епархией. Преосв. /2/ Макарий предлагал в ректоры Киев[ской] академии, и даже настойчиво, Назария Антоновича, но [митр.] Филофей отклонил. Пока прошу держать в секрете. Я поручил Ив[ану]

⁹¹³ Амвросій (Ключарьов; 1820–1901) – у 1878 р. став вікарним єпископом Московської єпархії, помер в сані архієпископа Харківського. Священик-вдівець, чернечий постриг прийняв у 1877 р.

⁹¹⁴ Архімандрит Михайл (Лузін; 1830–1887) – єпископ Уманський і ректор КДА у 1877–1883 рр. Випускник і викладач МДА.

Ив[ановичу] Зефирову сделать справку о том, как получил митру протоиерей Успенск[ого] собора Новский⁹¹⁵ – он обещал. В воскресенье заходил ко мне Вас[ильевич] Афанасьевич и объявил, что дело о передаче бракоразводных дел в св[етские] суды будет докладываться Синоду 21-го числа, т.е. сегодня, в день твоих именин. Поручил кланяться тебе /2 зв./ и обещал послать тебе и другую записку по бракоразводным делам, которая сегодня докладывается Синоду. В день моих именин я никого не приглашал к себе по нездоровью и во избежание лишних хлопот и издержек, а потому и не виделся с Н.И. Павловским. Надеюсь увидеться праздником, и тогда переговорю с ним о митре и точнее узнаю о новостях. Надеюсь праздниками написать тебе обо всем подробно. О. Полихроний доставил мне табак, за который приношу тебе мою благодарность.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

21 декабря 1877 г.

/2 зв. збоку/ Сестрам, Григорию Марковичу, Павлу Федоровичу, Сусанне Ивановне и Назарию Антоновичу мой нижайший поклон.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
28 грудня 1877 р.

Ф. III, № 6786

/1/ Любезнейший брат Феофан Гаврилович!

С новым годом поздравляю всех вас, душевно желая сего доброго вам и доброго здоровья. Дай Бог, чтобы с возвращением тебе прежней благосклонности Ф.Ф. Витте пожаловало к тебе и новое счастье по службе, или хотя исполнилось обещанное [Ф.Ф.] Витте для Сапи зачисление в училище правоведения. Нельзя сказать, чтобы воспитанники этого училища имели особенное превосходство перед хорошими студентами Университета, но их хорошо содержат и потом дают хорошую промоцию по службе. Отчасти нет уже прежнего быстрого возвышения при новых судеб[ных] учреждениях, но все еще много делается за для них. Обещание свое [Ф.Ф.] Витте может исполнить, если захочет, так как силен у принца Ольденбургского⁹¹⁶. Но скоро ли этого можно надеяться?

Именины в Киеве теперь забыты. Не празднует м. Филофей, уезжая в Голосеев; затем не празднует [еп.] Порфирий и [еп.] Филарет, хотя и не уезжают никуда, а затем и прочие отложили попечение. Впрочем, я предложил моим гратулянтам⁹¹⁷ пирог в утешение, чтобы уклониться от соборных вечеров. Вместо именин теперь будут праздноваться проводы [епископов] Порфирия и Филарета, из которых первый назначен настоятелем Новоспасского монастыря в Москве с званием члена винодельной конторы, и [еп.] Филарет – на Рижскую епископскую

⁹¹⁵ Новський Дмитро Петрович (1799–1879) – протоієрей московського Успенського собору в Кремлі.

⁹¹⁶ Принц Петро Георгійович Ольденбургський (1812–1881) був засновником (1834–1835) і патроном Імператорського училища правознавства до самої своєї смерті.

⁹¹⁷ Поздравляющим, от польского «gratulować» – поздравлять.

кафедру. Итак, китайская стена тронута, и разом вышли – один на покой после 12-лет[него] викариатства, а другой едва получил /2/ епархию после 18-лет[него] ректорства. [Еп.] Филарет доволен тем, что епархия маленькая – всего 140 церквей, а в самой Риге – 2. [Еп.] Порфирий находит неприличным, что берут за раз двух архиереев из Киева. Кто будет преемником [еп.] Порфирия – неизвестно. А ректором Киевской академии с возведением в сан епископа Уманского назначается ректор Москов[ской] академии, архим. Михаил. В Михайлов[ский] монастырь нужно уж кого-нибудь постарше. Посмотрим... Жаль, что [о.] Сильвестра⁹¹⁸ обходят: и добрый, и доктор, и дивно служит, а бракуют за слабое зрение, тогда как Москов[ский] митрополит совсем слеп. С выбытием [еп.] Порфирия и [еп.] Филарета в Киеве будет монашеская *акерхид*⁹¹⁹, так, наместник лавры болен разжижением мозга, [архим.] Мелхиседек удален от настоятельства в Никольс[ком] монастыре, и Выдуб[ицкий] архимандрит /2 зв./ Арсений по болезни считается не у дел. Этакой беды не было и в 1857 г., когда умер [митр.] Филарет и [еп.] Аполлинарий.

Что выругали тебя в «Dziennike»⁹²⁰, это ничего, а что обещают крест и министр[ерский] портфель – это хуже было бы, если бы эту газетку читали в Петербурге.

О митрополите Филофее могу сказать, что он отличный христианин и весьма дельный администратор, но не любящий никакого шума и блеска; от того и мало слышно было прежде о нем. Еще Василь Аф[анасьевич] Степанов давно говорил мне в Петербурге, что [митр.] Филофей далеко умнее [архиеп.] Макария. Он сравнивал их деятельность в суд[ебном] комитете. Что [преосв.] Макарий более знает, это несомненно; но м. Филофей все делает обдуманно, основательно, последовательно, без легкости Макариевой и торопливости Арсениевской, а главное, законно, не позволяя ни себе, ни другим отступать в чем-либо от закона. Это уважение его к закону чувствуется во всем и воспитательно действует /3/ на тех, которые приучились было думать, что воля архипастыря выше закона. Будучи сам строгим монахом, он не особенно послабляет им и потекает. Лаврские монахи прежде добивались все кресты и игуменства, а ныне имеющие кресты прячут их, чтобы понравиться митрополиту. По его взгляду, монахам не нужны зол[отые] кресты. В Лавре восстанавливаются старые порядки. Его винили тверитане за то, будто он все сдает на рассмотрение к[онсисто]рий, но за это винить его нельзя. Он отдает не на усмотрение, а на законное рассмотрение к[онсисто]рий и смотрит потом на постановление к[онсисто]рий как самый строгий прокурор, возвращая его вновь, если найдет несообразным с законом и указывая этот закон, но не позволяет себе отменять решение к[онсисто]рии по

⁹¹⁸ Сильвестр (Малеванський; 1828–1908) – викладач і інспектор КДА. У 1883 р. був призначений ректором КДА (до 1898 р.), а у 1885 р. був рукопокладений у єпископа Канівського (до 1906 р.). Незадовго до смерті осліп остаточно. Був канонізований в УПЦ як священномученик.

⁹¹⁹ Акерхид – нетримання (грец.).

⁹²⁰ Ймовірно, *Dziennik Warszawski* – Варшавський деньник, офіційна газета, що виходила у російському і польському варіантах з 1864 р.

администр[ативным] соображениям. Не терпит и медленности в производстве дел. Утвердивши раз, не изменяет утвержденного. Дай Бог, чтобы и другие архиереи ему подражали; тогда можно было бы жить и при старых порядках. Дела рассматривает с удивительною внимательностию до мельчай-/3 зв./ших подробностей, посвящая сему весь свой досуг.

Вместо князя Дундукова⁹²¹ у нас теперь генерал-губернаторствует Чертков⁹²². Все его хвалят, человек богатый, умный и очень приветливый. Меня он вчера сконфузил: праздничный визит ему я отложил на новый год, а он вчера изволил пожаловать ко мне сам – благо, не застал дома, не так совестно, и все-таки нужно сегодня съездить к нему поблагодарить за оказанную честь.

Вниманию [Ф.Ф.] Витте к Лариссе очень рад, потому что это служит одобрением ее назначения в должность. Благо, и она гимназиею и всем у вас довольна.

Кланяется тебе и Ольге Игнатьевне Григорий Маркович с Сашей, Павел Федорович с Сусанной Ив[ановной], Петр Алекс[андрович] Барский⁹²³ с Софией Львовной.

Елена Павловна⁹²⁴ возвратилась из Ясс, оказав услуги в санитар[ном] деле. Петр Александрович /4/ сообщил мне, что жена [М.К.] Катакази померла, а он женился на Марии Вас[ильевне] Энгельгардт. Вот тебе и новый свойственник! И у нас в соборном доме имеется ввиду свадьба – старшая дочь М.М. Богданова, Вера, в м[есяце] январе выходит замуж за доцента Лесной академии, что в Новой Александрии, сиречь Пулавах. /дописано олівцем/ [Антоновича]

Поехать за границу – давно подумываю, остановка у меня не за денежными средствами, а за формальностями. Нужно просить у Св. Синода отпуск, понеже состою членом консистории, а проситься у Синода не хочется. Посмотрю, впрочем, каковы будут новые викарии у нас; нужно же и с ними прежде обжиться.

Желаю еще здоровья и всякого благоденствия. Ольге Игнатьевне мой усерднейший поклон, привет и /4 зв./ благодарность искренняя за память о дне моих именин и за родственный прием, Лариссе оказанный. Не сомневаюсь, что доброе влияние Ольги Игнатьевны довершит то, чего не доставало в ее воспитании. Сашурку милого благодарю за его письмо и выражение в нем чувства ко мне. Дай Бог ему успех во всем и в поступлении в правоведа. Пусть Ларисса извинит, что на два ее письма еще не ответил; авось соберусь. Теперь много письма.

Искренне любящий брат Петр Лебединцев.

28 дек[абря] 1877 г.

Киев.

⁹²¹ Князь Дондуков-Корсаков.

⁹²² Чертков Михайло Іванович (1829–1905) – київський генерал-губернатор у 1877–1881 рр.

⁹²³ Барський Петро Олександрович (1822–1907) – власник типографії у Києві, брат першої дружини Феофана Гавриловича.

⁹²⁴ Донька прот. Павла Федоровича Підвисоцького.

От братьев Арсения, Данила и Андрея недавно получил письма. Слава Богу, здравствуют. Витя получил назначение на пароход «Владимир», на который сел в Одессе пред праздниками и отправляется в море.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
30 січня 1878 р.

Ф. III, № 6788

/1/ Любезнейший брат Феофан Гаврилович!

Вчера проводили мы преосвященного Филарета в Ригу. На вокзале собрался весь beau monde⁹²⁵: от Свириденка до [М.И.] Черткова включительно – военные, статские и духовные, дамы и мужчины. Кроме генерал-губернатора и губернатора с супругой, здесь были Демидовы-Сандonato оба, княгиня Кочубей, Гани Дренельн, генералы [Леминг] и Павлов с супругами и проч., и проч. Митрополит никогда не выезжал и не выезжал с таким шиком. [Преосв.] Филарет поехал чрез Петербург, согласно приглашению м. Исидора. За неделю до отъезда, 23 января, в семинарской зале, которая в два света и больше академической, состоялся обед в честь [преосв.] Филарета, на ко-/1 зв./торый пригласили и [преосв.] Порфирия; участниками были Академия, семинария и духовенство с академич[еским] образование – всего 80 персон. Обед вышел приличный и сытный, в речах умеренный. В «Киевлянине» напечатано известие об этом обеде. Ректор семинарии, говоря речь, несладкую довольно, в которую вп[л]етал общие места, не упомянул о главнейшем. Я тогда, попросив позволения сделать добавление к его речи, напомнил, что при [еп.] Филарете начало издаваться «Руководство для сель[ских] пастырей», обеспечившее наставников семинарии и глупых преемников [еп.] Филарета, и проч., и. проч. [Преосв.] Филарет, в свою очередь, вспомнил о тебе как редакторе первом, и помянул меня как одного из первых сотрудников, а также [А.Г.] Ильинского, секретаря редакции, что ныне директор Хозяйств[енного] управления при Св. Синоде.

/2/ В сообщении «Киевлянина» сказано, будто я благодарил [преосв.] Порфирия за попечение о благе Киев[ской] епархии; но этого я не мог сказать и не говорил, а только пожелал, чтобы он в Москве обрел давно желанный покой и чтобы плодами этого покоя было появление новых его творений. Академия не весьма щедра была на слова на обеде; зато на другой день, на чае вечернем в квартире о. Сильвестра не было недостатка в речах, особенно красноречив был и потешил «хозяин», явившийся уже с некоторыми запасами хмеля.

Преемником [еп.] Порфирия назначается казанский викарий Иоанн, бывший смоленс[кий] каф[едра́льный] протоиерей Жданов⁹²⁶. Об нем известно, что он певец, имеет сына – полков[ого] священника, /примітка знизу/ [распевавшего романсы год тому назад на именинах у [о.] Оглоблина], и дочь – девицу,

⁹²⁵ *Beau monde* – красивий світ, вище товариство (франц.).

⁹²⁶ Иоанн (Жданов; 1817–1883) – вікарний єпископ Казанської єпархії з 1875 р.

воспитанник Петерб[ургской] академии, благо, что не Московской, а то бы Москва одолела нас совсем.

/2 зв./ Академия Киевская уже тяготилась архиерейством [преосв.] Филарета, но не совсем обрадовались и назначению на его место [еп.] Михаила; потому сожаление об удалении [еп.] Филарета можно считать искренним.

Что касается меня, то в последнее время я особенно сблизился с [еп.] Филаретом и был постоянным его гостем по понедельникам. Расстались мы с ним в большой приязни. Каково будет целование с [епископами] Михаилом и с Иоанном? Тот и другой, кажется, не замедлят приездом своим.

От брата Даниила я имел письмо праздником, но о болезни своей он не упоминал. Мария Вас[ильевна] Энгельгардт – племянница Марии Федоровны Барской, дочь ее родного брата, по мужу Энгельгардт. Вероятно, она в Киеве приживала уже по твоем отъезде. Но Катакази в двух полученных мною от него письмах, сообщая о смерти своей первой жены, не упоминает о новой своей женитьбе.

Сестра Марфа со чадами и Григорий Маркович с Сашей и чадами здравствуют. Григорий М[аркович] завчера возвратился из Чернигова, где ведет иск о сенокосе Ольгин[ской] Церкви.

Все прочее и снег у нас обстоят благополучно.

Желаю здоровья и благоденствия.

Искренно любящий брат Петр Лебединцев.

30 янв[аря] 1878 г.

Киев.

/2 зв. збоку/ Ольге Игнатьевне желаю улучшения здоровья, свидетельствуя свое искреннее сочувствие.

Поклон чадам Лариссе и Саше.

**Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
18 березня 1878 р.**

Ф. III, № 6789

/1/ Любезнейший брат Феофан Гаврилович!

26 марта, в день именин покойного нашего родителя, состоит именинницей и Ларисса, любезная нам племянница. Вспомнивши, что в ее костюме недостает некоторых дополнений, посылаю серьги и брошь в особом ящичке. Прошу сию посылку передать ей в сей день с пожеланием от меня здоровья и счастья. Помещенное в том же ящичке яйцо пусть будет Саше к Великодню.

Мы все здравствуем елико можно. Дождались уже преосв. Михаила. Кажется добрым и приветливым, особенно со мною. Может быть, и в самом деле он таков. [Преосв.] Иоанна, 1-го викария, еще нет.

/1 зв./ Преосв. Филарет писал мне из Риги⁹²⁷. У него изящное помещение, хорошие средства архиерейского дома и дача на берегу моря, где можно купаться. Немцы приняли его хорошо, но надолго ли. Примеры предшественников его не особенно утешительны. Проводы [еп.] Порфирия, чудившего до самого выезда, были незavidны. Проводили его только Михайловские монахи да [еп.] Жданов. Мы ему сделали честь, пригласив на обед, [преосв.] Филарету устроенный, а он не считал нужным чем-нибудь оказать внимание, почтившим его седины, даже состоя в отставке не отпустил певчих на православие⁹²⁸ в собор; потому и мы не считали нужным и при-/2/личным ни идти к нему перед отъездом, ни провожать на вокзал. Как приехал, так и уехал, не тем будь помянут. Впрочем, он никогда не провожал и митрополита, потому не должен иметь претензии к нам.

Кто-то обещал мне дать места учительниц в Радомской дирекции окончившим курс Киев[ского] духов[ного] женского училища. Можно ли на сие рассчитывать кому-либо из них?

Днепр-Славутич вскрылся и шумит, призывая шумом своих волн семинаристов отправляться на праздник Пасхи. Блаженная юность!

Мой усердный поклон Ольге Игнатьевне, Лариссе и Саше.

Искренно любящий брат Петр Лебединцев.

18 марта 1878 г.

Киев

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
6 квітня 1878 р.

Ф. III, № 3590

/1/ 6-е апр[еля] 1878 г. четверг.

Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Давно я не писал тебе – был болен и теперь только начинаю поправляться. С осени я начал хворать, а с 26 февраля до 26 марта не выходил из комнаты. Нужно бы ехать в Карлсбад, но в виду политических обстоятельств и крайне низкого курса наших денег нельзя и помыслить об этом. Придется ограничиться дачей в Павловске и питьем привозимых морских вод, так как /1 зв./ в здешнем климате карлсбадские воды вместо пользы приносят вред. Посылаю при этом сестрам Ефросинии и Марфе сто пятьдесят рублей. Прошу раздать по твоему усмотрению. Перед праздником Р[ождества] Христова мне писала Александра Никитишна Ковальская, что она собирается выйти замуж за учителя реального училища кандидата Университета Дородницына и просила пособить ей. Я послал ей 200 р. Арсений мне писал, что это еще больший секрет, о котором в его

⁹²⁷ Див. дещо пізніші листи єпископа Філарета до Петра Гавриловича в Інституті рукопису НБУВ (ф. 154, № 147–149).

⁹²⁸ Урочистий чин Торжества Православ'я у першу неділю Великого посту.

семействе никто не знает, кроме Алек[сандры] Ник[итишны] и Арсения. Дай Бог ей устроиться. Арсений хвалит жениха. Не знаю, насколько это дело подвинулось.

/1 зв. збоку/ Кланяются тебе Василь Афанасьевич, Иван Васильевич и Иван Иванович, а также Ник[олай] Ив[анович] Костомаров. Последний, спасибо ему, часто навещал меня во время болезни.

/2 збоку/ Недавно получил письмо от брата Феофана. Он собирается определить своего Сашу в училище правоведения и если не отложит еще на год, то приедет к 1-му мая. От брата Арсения и Андрея давно не получал вестей. На днях собираюсь послать Андрею 100 р. для его сына-студента. В что делает Петя Гордиевский?

/2/ На днях заходил ко мне Вас[илий] Афан[асьевич] и сообщил, что в прошлый четверг докладывалось, наконец, Синоду предложение обер-прокурора о передаче бракоразводных дел в общие суды. Синод опять не согласился. За передачу дел по прелюбодеянию оказались только два члена – [преосв.] Макарий и [прот. И.Н.] Рождественский, кажется, по прочим пунктам были за передачу по 3 и даже 4 члена. Особенно противоборствовал митр. Филофей. Теперь будет представлен доклад об этом Государю.

Мне доктор разрешил выходить в теплую погоду для прогулки, и я, воспользовавшись этим, на сих днях встретил Ив[ана] Ив[ановича] Зефирова, который сообщил мне, что в комитете о наградах духовенству под председательством [митр.] Филофея доложено Николаем Ивановичем Павловским, что палица присвоена кафедральному протоиерею Киево-Софийского собора по самому месту, и потому не может служить наградой. В таком случае, – сказал [митр.] Филофей, – я сам разрешу Лебединцеву носить палицу, а на следующий год представлю его к Владимиру 3-й степени. Сие передавал [И.И.] Зефирову зять Николая Ивановича, секретарь Синода Гаврилов. До праздника, мне, кажется, не удастся встретить Николая Ивановича, а когда увижусь, то спрошу о подробностях и сообщу тебе. Он обещал мне прежде дать и копию с указа, которым палица присвоена должности Киев[ского] кафедр[ального] протоиерея. Иван Вас[ильевич] Писарев на Фоминой неделе едет в составе комиссии разбирать жалобы на Поляковских железн[ых] дорогах⁹²⁹. Василь Родионович Ратко завтра выезжает в Бессарабию (чрез Киев) уполномоченным Красного Креста. Желает со станции сделать тебе короткий визит.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

/2 зв. збоку/ Свидетельствую мой нижайший поклон сестрам и Григорию Марковичу, а также Назарию Антоновичу и Павлу Федоровичу с Сусанной Ивановной.

**Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
20 квітня 1878 р.**

⁹²⁹ Поляков Самуїл Соломонович (1837–1888) – залізничний концесіонер, під час російсько-турецької війни будував залізниці у нинішній Молдові і Румунії.

/15/ /почерком Петра Лебединцева/ 24 апр[еля] 1878 г.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Сегодня я получил от начальника приготовительного класса Училища правоведения телеграмму с известием, что экзамены в приготовительном классе начнутся с 24-го апреля.

Так как мне физически уже невозможно послать с Сашею к началу экзаменов, то поневоле приходится отложить на год отдачу его куда-либо. Теперь снова возникает вопрос, не лучше ли отдать его в Коллегию, в надежде и самому со временем переселиться в Киев – особливо, если из Совета /15 зв./ Училища правоведения ответят, что Саша не может быть принят на казенное содержание.

Поэтому прошу Вас покорнейше собрать точные сведения, с какого возраста, за какую плату и с какими познаниями принимают в Коллегию Галагана. Саша чрез год окончит 4-й класс гимназии, и будет ему тогда 14-й год.

Вы писали как-то, что там учение неважное и что вообще это лишь верхняя половина гимназии; но для меня собственно важно воспитание, а дома одного даже с гувернером воспитать нельзя.

Завтра я уезжаю на две с лишним недели по дирекции, а потому сегодня же пишу об Вас Христиановичу⁹³⁰ в Полтаву.

Сегодня я прочел, что в числе прочих /16/ [еп.] Феоктист (дурной) получил Владимира 2-й ст. Какая злая игра судьбы!

22-го мая будет у нас Левантий ко дню своих именин.

Ольге Игн[атьевне] немного лучше. Не удастся ли ей съездить в Карлсбад, хотя и без меня. Ларисса в Киев собирается. Саша тоже охотится, да его одного трудно отпустить, а мне некогда будет, ибо к съезду готовиться надо.

На сем кончу, ибо в дорогу собираюсь.

Будьте здоровы и благополучны!

Искренно любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

20-е апр[еля] 1878 г.

г. Радом

Ольга Игн[атьевна], Ларисса и Саша низенько кланяются Вам и всем нашим, и я же с ними.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича

27 травня 1878 р.

Ф. III, № 3591

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ 31 мая 1878 г.

⁹³⁰ Христианович Микола Пилипович (1828–1890) – композитор і диригент, однак юрист за освітою і служив по судовому відомству – у 1876–1877 рр. у Радомі, а потім перебрався до Полтави.

Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Я все еще в Петербурге, хотя вчера уже получил высочайшее разрешение на 3-месячный отпуск – в России и за границей для лечения минеральными водами и морскими купаньями. Хотел ехать на Кавказ попробовать тамошние воды, но попутчик задерживает. Если же он и на будущей неделе не найдет возможным выехать на Кавказ, то поеду один в Карлсбад и Францебад. Брат Феофан приезжал с Сашей в Петербург; приехал 9-го, а уехал 21 мая. Саша выдержал экзамен в среднее отделение пригото-/1 зв./вительного класса училища правоведения и должен будет явиться в Петербург к 16-му августа. Посылаю тебе справку адресного стола о месте жительства Силаева. Адреса артели художников не удалось отыскать и не знаю, существует ли она до сих пор. С Николаем Ив[ановичем] Павловским не виделся (он на даче в Лесном), и потому не мог подробно узнать мотивов, по которым Назарию Антоновичу дали синодальный крест вместо Владимира 3 ст. Я просил Ив[ана] Ив[ановича] Зефирова справиться об этом и получить следующий ответ: «Назарий Антонович, как оказалось, при Владимире 4 ст. и Анне 2 ст. не имел почетного синодального креста, посему наши отцы и сочли необходимым восполнить этот существенный для протоиерея пробел». Из этого я заключаю, что при докладе комитету о награде Назария Антоновича Владимиром 3 ст. была приложена /2/ справка о том, что он не имеет еще синодального креста. Жаль, что при докладе о назначении синодальным крестом келейника Порфириева не было приложено справки, что он не имеет еще Владимира 4 ст. и Анны 2 ст. Посылаю тебе копию с отношения юрисконсультанта к управляющему канцелярией Синода некоего Карназ. Этот Карназ жаловался Синоду на неправильный будто бы отказ ему в его просьбе. Покамест Ю. В. Толстой написал обширную, на особом листе резолюцию в пользу Карназа и против определения Киевской консистории и в конце этой реплики прибавил, что всему причиной протоиерей Лебединцев, заведующий бракоразводным столом, и что следовало бы при этом довести до сведения митрополита Киевского о неправильных и корыстных действиях Лебединцева по бракоразводному делу [В.О.] Головачевой, по которому он был устранен от производства покойным митрополитом Арсением, но несмотря /2 зв./ и на это продолжал заниматься этим делом. /підкреслено олівцем/ Просьба Карназа с этой резолюцией была препровождена на заключение юрисконсультанта при письме [К.А.] Воцинина, а заключение дано уже по смерти Юрия Толстого, но сама резолюция оставлена Василием Аф[анасьевичем] у себя. К наградному твоему листу по приказанию [К.А.] Воцинина была приложена какая-то справка о деле [Н.Н.] Головачева, но так как докладывал не [К.А.] Воцинин, а Ник[олай] Иванович, то думаю, что она не была доложена комитету. Прими все сие к сведению. Не найдешь ли ты нужным в видах ограждения себя от нападок [К.А.] Воцинина и для защиты всей консистории киевской, объяснить митрополиту Филофею суть бракоразводного дела Головачевой. [К.А.] Воцинин, как видно, придирается ко всякому случаю ужалить киевскую консисторию и в другой раз может не спрашивать заключения юрисконсультанта, а доложить прямо

Синоду, не справляясь с законами, а Синод подпишет то, что ему представят. Просьба Карназа содержала в себе обширное рассуждение о том, что суд церковный должен быть независим от суда светского.

Прощай и будь здоров.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

27 мая 1878 г.

/2 зв. збоку/ Прошу передать мой поклон сестрам, Григорию Марковичу и Назарию Антоновичу.

/2 збоку/ По случаю разногласия в мнениях члена Синода по передаче бракоразводных дел в общие суды был представлен доклад, по которому последовало высочайшее повеление внести это дело в Государственный Совет по предварительном сношении с министром юстиции.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
[20-ті числа липня 1878 р.]⁹³¹

Ф. III, № 3438

/17/ /Почерком Петра Лебединцева/ 28 июля 1878 г.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Сожалею от души о постигшем Вас приключении с лошадей, о котором пишет Григорий М[аркович] и Саша. Слава Богу, что до большей беды не дошло. Ведь я же три раза в Польше отлежал в следствие таких казусов по две и три недели.

Глубоко благодарен Вам за все Ваши попечения о Саше и что Вы сами свезли его в пещеры. Он особенно восприимчив к впечатлениям религиозным, и пусть западут они глубоко в мягкое сердце его. Это лучший светоч /17 зв./ в жизни, с которым еще прежде должен пройти сквозь мрак светского воспитания, способного просветить во многом, но затемнить в главном. Знакомству его с моими крестниками не менее рад. Тут я крестил недавно жидка, и Саша сам до чаю прибежал на его крещение и считал его своим братом, и всегда хлопчет об нем предо мною. С каким опять удовольствием он пишет, что шел на крестном ходе в 10-ти футах от митрополита. И за это великое спасибо Вам. Вообще я весьма рад, что отправил Сашу в Киев. Пусть останутся в нем лучшие воспоминания, чем какие может оставить наша мизерная Польша.

Перестройка гимназии идет. [А.П.] Ширинский[-Шихматов]⁹³², по воспоминанию, конечно, об Вас, сделал мне такую любезность, что не только утвердил все без перемены, /18/ но и чрез директора департамента уведомил меня телеграммой, округ же только чрез 2 ½ недели после того дал знать мне. Поедуся Сашею, лично явлюсь поблагодарить, да и вообще представиться.

⁹³¹ За датою отримання листа і за часом поїздки Саші до Києва.

⁹³² Колишній попечитель Київського навчального округу О.П. Ширинський Шихматов у 1874–1880 рр. був товаришем міністра народної просвіти.

Учение начнется не раньше 15-го сентября, а мож[ет] б[ыть] и 1-го октября. Если я писал, чтобы Ларисса прислала прошение, то потому что мне не дано власти отсрочивать или давать отпуска в то время, которое считается учебным, а должен я о том представлять в округ. Свидетельства о болезни может и не предоставлять; еще менее нужно рубль на гербовую бумагу для отпуска, как пишет она сегодня.

Сашу прошу отправить с Успенским, а если бы его не разыскали, то с Плюховским. Кажется, мы мало денег дали Лариссе на его долю, в виду того, что от Ковеля с него взяли за полный билет... Если поедет с Успенским, /18 зв./ то с ним мы здесь сочтемся, а если с Плюховским, то пусть Лариса из своих доложит, а мы ей здесь возвратим. Прилагаемое письмо прошу запечатать и, заадресовав: Михаилу Дмитриевичу Успенскому, отправить к нему. Днем выезда может быть 1-е или 2-е августа. Мне хотелось бы, чтобы Саша побывал и на крестном ходе 1-го августа, если он бывает.

Вчера приехал сюда [Д.Г.] Анучин, надолго ли, не знаем. Говорят, будто он стал лучше, но я не верю. Довольно, если и теперь его нигде не хотят, и он после конгресса должен был в Радом вернуться.

С 3-го августа у меня съезд учителей, а теперь печатаю «Сравнительный русско-польский букварь»⁹³³, составленный наполовину мною.

Ольга Игн[атьевна] свидетельствует Вам и всем нашим свой нижайший поклон.

Будьте здоровы и благополучны!

Искренно любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

31 липня 1878 р.

Ф. III, № 6790

/1/ Любезнейший брат Феофан Гаврилович!

Слава Богу, что отправление Саши из Киева с благонадежным лицом не встретило затруднений. В случае невозможности ехать ему с Успенским, представился случай в этот же день отправиться по привислянской дороге и с Браиловским, сыном протоиерея А. Ивановича⁹³⁴, учителем какой-то заваршавской прогимназии. Но все же лучше, что Саша едет с Успенским, более известным человеком. Пред выездом Саша повидался с Виктором Ал[ександровичем] Барским, живущим одиноко без семейства, побывал в Братском монастыре и в Академической портретной зале, и главное – на колокольне /1 зв./ лаврской, куда сильно влекло его с самого приезда. По старческой немощи я не последовал за ним в это поднебесье, а поручил его лаврскому звонарю, пока сам побывал у митрополита. Влекло его также желание

⁹³³ Сравнительный русско-польский букварь для совместного обучения русской и польской грамоте. Радом, 1878. XX, 32 с.

⁹³⁴ Александр Иванович Браиловский, священник церкви Николая Доброго, в следующем 1879 г. был переведен на священническое место в Софийский собор.

покататься по Днепру в лодке, но при его живости я побоялся пустить его в открытую водную стихию. Побегал он по киевским горам порядочно; пусть теперь отдохнет на равнинах за своими учебными занятиями. Боже, благослови его в новом школьном поприще. С сим благожеланием провожаю его из града Киева, принося тебе благодарность за удовольствие, доставленное мне пребыванием его здесь.

Весьма рад, что дела о постройке разрешены благовременно князем Ал[ександром] Прох[оровичем] Ширинским. При свидании с ним и при спросе о /2/ мне засвидетельствуй, что я храню всегда благодарное воспоминание о благосклонности его и его супруге Катерины А. ко мне. Воспользуйся сим случаем упомянуть, что Св. Синод не уважил двухкратных ходатайств о награждении Назария Ан[тоновича] Фаворова 3-ею ст. Владимира, а в 3-й раз угораздил надеть ему вместо сего синодальный крест. Теперь вновь ректор Университета запросил митрополита о неимении препятствий; по обычаю сдано это на заключение консистории; мы вывели, что получение синод[ального] креста не должно служить Н[азарию] Ан[тоновичу] препятствием к получению награды, следующей ему в узаконенном порядке по степенности наград, срок на которую выслужен еще в 1876 году. Чем разрешится это здесь, не знаю; а в Синоде, верно, будет отказ без вмешательства министра. Дело в том, что награды нас определяют не в присутствии Синода и не при обер-прокуроре, а на Васильевом острове членами, отвергающими проектированную духовно-суд[ебным] комитетом передачу бракоразводных дел в светский /2 зв./ суд. Возвышая [А.Ф.] Лаврова⁹³⁵ в архиерейство, нельзя было в то же время награждать его оппонентов. Меня, впрочем, награждает посторонний человек [Н.А.] Ригельман, учреждающий в Киеве жен[ском] духов[ном] училище стипендию моего имени с поводу того, что моими стараниями взыскан капитал по векселям, пожертвованным им в пользу нашего училища в 1864 году. Ходатайство о сем пропущено митрополитом и пошло к обер-прокурору Св. Синода около 15-го июля, с упоминанием, что я 15-ть лет безмездно служу училищу. Сначала я отказался было наотрез от этой неожиданной чести, но потом, при новом настоянии [Н.А.] Ригельмана, я согласился, подумавши, что если от одного я откажусь, а в другом отказывают, то нечего не выйдет, а пожалуй, кто-нибудь скажет, что я бесчестно служил. Мне, как неизвестно тебе, гадит еще [К.А.] Вошинин – директор канцелярии Св. Синода, за то, что я не кривил в пользу любовниц двоюродного его брата, ведущей дело о расторжении своего брака.

/3/ Но Господь с ним – дальше 3-й ст. Владимира все же не уедем, хотя бы пришлось и раньше ее получить. Князь Ширинский особеннейше благоволит к Назарию Антоновичу и верно спросит о нем, если будет речь о мне. /примітка знизу/ *[О ходе моих наград прошу, однако, не упоминать [князю] Ширинскому: я не*

⁹³⁵ О.Ф. Лавров-Платонов у квітні 1878 р. був рукопокрадений на вікарного єпископа Московської єпархії.

состою на службе в Министерстве н[ародного] пр[], потому это было бы некстати. Притом я не имею препятствий к дальнейшим.] Прошения Лариса посылает.

С Маркиановичем я имел честь познакомиться. Кажется, хороший человек, без затей.

Киевский мир за последнее время не представил ничего особенного, ни по Академии, ни по епархии.

Петр Гордиевский определен учителем рус[ского] языка в 6-классную прогимназию, что в г. Прилуке Полтав[ской] губернии, в 60[-ти] в[ерстах] от Нежина. Сегодня уезжает в Вороновку, а в 15 августа возвратится, чтобы отсюда отправиться на службу.

/3 зв./ Вскрыл я письмо к Плюхановскому, чтобы узнать, не осталось ли неисполненным за выездом его, какое поручение, но особенного ничего не оказалось, что мог бы я исполнить за него. Хотел навести справки о избранных им учителях, но Павла Акимовича не застал дома в семинарии, он на даче.

Кстати упомянуть: Киевская дух[овная] семинария выдержала в мае сем 2-ю ревизию и аттестована ревизором Миропольским отлично. С 31-го сего июля она поступает в число преобразованных по новому уставу, хотя не совсем радостно удвоение уроков у преподавателей почти при том же окладе жалованья, так как они получали уже дополнение из местных средств епархии, т.е. от сбора с церквей.

/4/ Григорий Маркович, сестры и чада их здравствуют; Павел Федорович уехал в Киев[скую] губернию на поправку, а Сусанна Ивановна доселе еще не возвратилась из Ясс, где ожидается разрешение замужней Лизы.

Дай Бог тебе благополучно совершить новое путешествие в С[анкт]-Петербург. Брата Даниила, конечно, ты не застанешь еще в Петербурге. Выезжая за границу он обещал возвратиться чрез Киев; следовательно, надеюсь с ним вскоре увидеться. Синяки мои от падения дрожки прошли уже, благодаря Бога, бесследно.

Дыньку посылаемую прошу скушать во здравие. Надеюсь, не испортится. Засим усердно кланяюсь тебе и Ольге Игнатьевне, желая вам обоим доброго здоровья и во всем благопоспешения. Искренно любящий брат Петр Лебединцев.

31 июля 1878 г.

Киев

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
15 сеп[тября] 1878 г.

Ф. III, № 3439

/19/ 17 авг[уста] 1878 г.

15-е авг[уста] 1878 г.

г. Радом

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Только сегодня могу писать к Вам, хотя пишу лежа в постели. Меня постигла та же болезнь, с которой я так долго возился в Холме, т.е. расширение вены на правой ноге, соединенное с опухолью и воспалением. Это случилось спустя день или два по возвращении моем с Сашею, когда я только успел открыть съезд, и принять до 100 явок и визитов, и вновь осмотреть оставленные на несколько дней работы. Теперь хотя лежать легче, а прежде было очень мучительно.

Сашу я встретил в Люблине, куда ездил для свидания с [П.Г.] Рублевским и по другим подобностям. Это был приятнейший /19 зв. / сюрприз для Саши, который на всю платформу кричал: Папа, папа! В Пулавах нас оставили на день инспектор Института⁹³⁶ Василий Федорович Грушецкий и ученик мой Татаров, священник и профессор словесности, показав нам весь Институт с его кабинетами, лабораториями и парком и все прелести бывшей резиденции кн[язей] Чарторыйских. Радуюсь их не было конца; но оно, кажется, и ускорило мою болезнь, подготовленную полуторамесячный стоянием на дебатах.

Поездка Саши в Киева дала именно те благие последствия, на которые я рассчитывал. Он стал ровнее, сдержаннее и внимательнее к своим действиям и чужим желаниям. Его мягкая душа отзывалась на все доброе и святое, что видела вокруг себя, начиная от Вашего жилища и кончая св[ятою] лаврою. Он всем сердцем привязался к Вам и не может говорить об Вас без особого чувства удовольствия и детского умиления. «У дяди Петра Г[авриловича] совсем, – говорит, – как дома. И знаешь, папа, масло к чаю всегда подают». Это по поводу отсутствия масла у Даниила Г[авриловича]. Чувство родства /20/ заговорило в нем особою силою, согрело и оживило его. Из всего виденного наибольшее впечатление оставили в нем академическая зала с портретами и могила Василия Григоровича-Барского⁹³⁷. Одного он не мог понять, это языка родного нам, но – увы! – не ему. «Отут у куточку» и еще «викно», – только и заметил и, повторяя, намешалось. Так вымирает язык предков!.. Я не нахожу и слов, как благодарить Вас за Сашу, ибо всеми впечатлениями и чувствами своими, которые лягут у него отныне на всю жизнь, он обязан Вашей нежной о нем заботливости. А что Вы и провожали его, это мы не забудем никогда.

В эту минуту Саша во Пскове, а к вечеру будет в Петербурге. Сопровождать его туда взялся тот же Успенский, поистине добрый человек. Отъезд Саши, как и то, что он поехал без меня, крайне огорчили меня; на все готов пойти ради его счастья. Пуще всего боюсь, чтобы он не затосковал. Если бы новый председатель

⁹³⁶ Институт сельского хозяйства и лесоводства; был основан в 1816 г. в предместье Варшавы, а в 1860-е годы переведен в Пулавы (тогда Новую Александрию), в дворцово-парковый комплекс князей Чарторыйских, конфискованный после подавления Ноябрьского восстания 1830 г. В 1914 г. Институт эвакуировали в Харьков, и сейчас это Харьковский национальный аграрный университет.

⁹³⁷ Григорович-Барський Василь Григорович (1701–1747) – монах, мандрівник-паломник і учасник дипломатичних місій, автор подорожніх творів. Масштаб його подорожей, як для XVIII–XIX ст., вражав. Походив із знатного київського подільського роду, рідний брат Івана Григоровича, пра-прадіда Саші Лебединцева (прадід Юлії Олександрівни).

нашего суда Жуковский успел поместить туда же и своего сына, то был бы хотя один земляк. Надеюсь, что и Даниил Г[аврилович] не забудет его, если поправится /20 зв./ в здоровье. По письму его из Карлсбада, он теперь в Францескбаде и возвращается к 20-му августа.

Постройки у меня идут, съезд тоже, но без меня, а без хозяина и товар плачет. Постройка не окончится ранее 15-го сентября, и только с этого числа думаем начать приемные экзамены. В виду этого я дал Лариссе отсрочку до 10-го сентября, вместо 3-го. Если не продлил еще, то потому, что с половины сентября хотелось бы уже видеть ее здесь, в виду приближающегося дня Ольги Игн[атьевны] кризиса.

Дыгыну Вашу съели мы всласть, вспоминая и благодаря. Теперь с Лариссою кавунчика остается желать, подобно в сем словам молитвы: «День прешед, благодарю Тя, Господи, вечер, прошу с нощию»⁹³⁸.

Всем нашим прошу передать от нас нижайший поклон. Григорию Марковичу буду писать. Письмо Петра Никитича погибло в Пулавах, прежде я прочел оное. Саша по своей живости достал письмо, как только я развязал чемодан; но тут мы переодевались, а нас с обедом ждали. Жара, суета: куда-то ткнул и забыл, а приехавши домой, все перерыли, но нигде найти не мог.

Досадно и жаль! Если будете ему писать, пропишите о сем приключении.

Искренно любящий Вас брат Ф. Лебединцев

/20 збоку/ Маркианович с великою благодарностию и уважением вспоминает об Вас. Я послал его в Люблин, откуда в Пулавы имеет поехать.

/19 збоку/ Ольга Игн[атьевна] шлет Вам свой нижайший поклон.

**Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
3 вересня 1878 р.**

Ф. III, № 6791

/1/ Любезнейший брат Феофан Гаврилович!

Весьма сожалею, что поездка твоя в Люблин, или лучше сказать, прогулка в Пулаве, имела так неблагоприятные последствия для твоего здоровья и твоих дел служебных и семейных. Дай Бог, по крайней мере, чтобы эта беда миновала скорей, и чтобы ты был опять на ногах. Эта болезнь твоя старая, неужели невозможно излечить ее радикально?

Скоро прибудет вам на помощь и для компании домашней Ларисса. Впрочем, да позволено будет ей несколько просрочить, так как около 8 сентября у нас по случаю храмового праздника не совсем свободно. Радуюсь, что Саша уже в училище перворазрядном /1 зв./ по своему устройству и значению, или лучше сказать, образцовом.

Ждал я брата Даниила Г[авриловича] на обратном пути его из заграницы, но вероятно, он уже отправился иным путем в свой град, а не чрез Киев. Очень

⁹³⁸ Слова з повечір'я.

жаль, что здоровье его не улучшается, а чуть ли не ухудшается с каждым годом. Бывший здесь недавно Андрей Гр[игорьевич] Ильинский тоже говорил мне со слов его сослуживцев и со слов пользующего Д[анила] Г[авриловича] врача. Не лучше ли бы ему уже оставить службу и Петербург?

Брат Андрей Гаврилович проехал также мимо Киева – чрез Козятин и Одессу в Ялту на виноградное лечение против своего застарелого /2/ катара. По дороге заезжал к [Н.И.]Пирогову для консультации и добился аудиенции у него, заплативши 6 рублей за входной билет. Значит, то верно, что писали про него в газетах. Мне Андрей Г[аврилович] писал из Винницы.

[А.Г.]Ильинский был в Киеве для осмотра новых построек в семинарии и академии. Пред тем по той же надобности был в Москве, Тамбове, Харькове и Полтаве. Особого какого-либо чествования ему здесь на было; держал себя он прилично, без важности, какую мог бы показать директор Хозяйств[енного] управления при Св. Синоде. Посетил и мое жен[ское] училище, хотя поручение его к сему прямо не относилось.

Из крупных киев[ских] новостей – смерть архимандрита Мелхиседека, утонувшего в Днепре. Помнишь ли его в звании эконома лавры? Не годившись в пономари на родине, он попал здесь скоро в архимандриты, как дальний родственник м. Арсения.

/2 зв./ По смерти митрополита его удалили от должности с помещением до окончания дел в Китаев[скую] пустынь. Сблизившись здесь с профессорами Академии – дачниками, пристал к ним и, переезжая с Вороновым и двумя няньками в лодке, утонул в Днепре 26 августа, вывалившись из лодки, которою правил. Утонуть-то всякий может, но дурно, что архимандрит плавал с девками, хоть это была случайность, так как матери и дети были в другой лодке. Газетчикам новый материал для скандала...

Сегодня творю уже заседание педагогического совета в жен[ском] дух[овном] училище, и положим учению начало с Богом нового лета, после св. Семена.

Гвардейские полки возвращаются из-за Дуная, каждый день снуют по церквам Киева в медалях и Георг[иевских] крестах. Солдаты нисколько не изнуренные, бодрые и молодец к молодцу, хоть видно между ними много новичков. Храбрые лежат за Дунаем – в большинстве! Замирение полное! Ибо и Сусанна Ивановна возвратилась из Молдовы с Лизой и с внучкой. Все здравствуют. Тебе и Ольге Игнатьевне кланяемся.

Искренно любящий брат Петр Гаврилович.

3 сент[ября] 1878 г.

Киев.

**Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича
24 вересня 1878 р.**

Ф. III, № 3440

/21/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 28 сент[ября] 1878

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Письмо это, вероятно, застанет еще Лариссу в Киеве, потому прошу передать ей, что все, о чем она хлопочет в своем письме, сделано прежде не хозяином дома, от которого, как и она знает, никогда ничего добиться нельзя, а нами самими.

Если бы по болезненному ее состоянию, на мезанине ей было холодно, то ничто не помешает жить и рядом с нами, так как по случаю отсутствия Саши его комната не занята, и мы предполагаем изменить наше размещение.

/21 зв. / Я уже встал с постели, пролежав 6-ть недель, и хожу по комнате, но все еще в туфлях, так как на ступне осталось затверднение вены, и сапога надеть нельзя, вследствие чего и выходить нельзя.

Работы в женской гимназии оканчиваются, но учение с 1-го октября не начнется, так как нужно время для осушки стен, на что потребуется еще от 10 до 15-ти дней. Впрочем, это не должно соблазнять Ларисы, если ее здоровье позволяет ехать, так как все уже в сборе и могут думать, что она медлит только по родству. Да и дома ее присутствие скоро может быть полезно. Ольге Игнатьевне скоро придется слечь⁹³⁹, и быть может, надолго, а я еще не совсем тверд и в комнатной ходьбе.

/22/ Саша немножко напугал нас вчера полученным письмом. Дело в том, что у них появилась скарлатина, вследствие чего учение прервано, учеников разобрали, и он остался с 3 или 4-мя товарищами. Делать нечего, на двор не пускают, а карбоновой кислотой задушают. Жалуются на невыносимую скуку, а помочь ничем нельзя. Дал бы Бог мне совсем поправиться: поехал бы проведать.

Будьте здоровы и благополучны.

Искренне любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

24-е сент[ября] 1878 г.

г. Радом.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича

18 грудня 1878 р.

Ф. III, № 3441

/1/ Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Я был очень занят, когда Ларисса передала мне известие о постигшей Вас болезни, и не мог доселе писать по поводу сего, хотя по опыту знаю, как много значит всякое, а тем более братнее слово в такую пору, когда приходится дни и ночи проводить в рассматривании потолка и стен.

Та ли это болезнь, что и у меня, т.е. расширение и припухлость вены на ноге? Если так, то кроме /1 зв./ наружных средств, которые, вероятно, в изобилии

⁹³⁹ 13 жовтня вона народила сина, Костянтина Феофановича Лебединцева, в подальшому математика-методиста.

прописали Вам доктора, тут весьма важно лечение желудка и содержание его в постоянной исправности, а это достигается малыми дозами, по чайной ложечке, ревеня, клизопомпами из комнатной воды, зельтерскою, эмскою и карлсбадскою в холодном виде водою. Во время самой ожесточенной боли достаточно было мне поставить трубку из летней воды, чтобы боль мгновенно прошла, и я мог ступать ногою без всякого труда. Карлсбадскую воду «Mülbrunn» надо пить на ночь по стакану или два, по состоянию желудка. Если нет уже никакой припухлости, нужно носить постоянно эластический чулок, /2/ который, полагаю, можно достать во всякой аптеке. Сегодня жена полкового командира говорила мне, что она носила чулок года два. Я хожу в нем теперь уже три месяца и только благодаря ему могу ходить. Болезнь это упорная и тянется очень долго, если лечить одними наружными средствами, дальше которых не домекает большинство докторов. Пошли Вам, Господи, скорое выздоровление.

Готовимся встретить Сашу, за которым поехал теперь Кухаренко. Он значительно возвысился в успехах и, можно сказать, учится прекрасно, а для нас это великая отрада.

/2 зв./ Все мы здравствуем. Костя покрикивает. Слава Богу, он вполне здоровый мальчик!

Прошел, было, слух об отставке [графа.]Толстого, но не подтвердился. А великая была бы пертурбация, особливо с классицизмом.

Поздравляем Вас с днем ангела и желаем Вам многих лет и доброго здоровья, во всем же благопоспешения.

Ольга Игн[атьевна] и Ларисса нижайше Вам кланяются.

Искренно любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

18-е дек[абря] 1878 г.

г. Радом

Григорию М[арковичу], Александре и Марфе Г[авриловнам] и все нашим передайте наш ниж[айший] поклон.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича+

20 січня 1879 р.

Ф. III, № 6792

/1/ Любезнейший брат Феофан Гаврилович!

Прочитав вчера в «Москов[ских] ведомостях» о пожаловании тебя орденом 3-й степени св. Владимира, имею честь поздравить тебя с знаком монаршей милости, который служит вместе знаком благоволения к тебе [Ф.Ф.] Витте и министра. А чрез сколько лет сие пришлось после 4-й степени того же ордена? Ничего, бывает такая линия во всех ведомствах. Верно, следующая пойдет скорее.

Благополучно ли Ольга Игнатьевна возвратилась из Петербурга и довольна ли своей поездкой?

/1 зв./ Итак, перемещение [еп.] Маркелла⁹⁴⁰ состоялось. Дай Бог, чтобы осуществились все твои ожидания от этой перемены. А преосвящ. Леонтий, верно, теперь [ухает] от удовольствия, что эта тяжесть свалилась с него.

Киев по духовной части не потерпел никаких перемен, кроме перемены наместника Лавры, о чем, кажется, я уже писал.

«Киев[ские] еп[архиальные] ведомости» у Ивана Игнатич[а] выходят весьма прилично, хотя не совсем аккуратно. В обозрении проповедничества киевского помянуто и твое сотрудничество «Руководству сель[ских] пастырей». Говорят, будто прибывают подписчики на «Воскр[есное] чтение» в древнем его формате. Большая Брат[ская] церковь будет теплой к Страстной неделе. Все прочее у нас по-старому.

/2/ Нога моя поправляется, но все не яко другая. Чувствуется, что она скудельная. В училище и консисторию езжу. Служить удерживаюсь. Balsam Bormani⁹⁴¹ употреблял в течение 10[-ти] дней для натирания ноги по приложенному при нем способу; вещь недурная. Чувствую, что желудок нужно исправить. Пуститься бы на воды – за границу весной, да немцы ответят 80-т[ысячною] армиею против рус[ских] путешественников. Лбом стены не пробьешь, а, пожалуй, станут душить хлором, заперши в какой-нибудь чулан. Посмотрим, что дальше.

Слухи о министре замолкли. Пусть себе остается. Наше дело дальнейшее.

Как твоя нога и вообще здоровье? Как здоровье Лариссы? Праздники /2 зв./ками нас посетила сестра Ефросинья Гавр[иловна], приезжал Петя из Прилук.

Все здравствуют и всем вам кланяются.

Искренно любящий брат П. Лебединцев.

20 янв[аря] 1879 г.

Киев

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
7 березня 1879 р.**

Ф. III, № 3538

/13/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 20 марта

7 марта 1879 года

Варшава

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Сколько лет, сколько зим мы не писали друг другу!.. Но бывает же конец всему на свете. Кажется, прошли и причины, неволившие меня к молчанию пред вами и многими другими близкими мне лицами. Прошли они!.. А сколько

⁹⁴⁰ Єпископ Маркел (Попель) був переведений із Холма на Подольську кафедру.

⁹⁴¹ Засіб від ревматизму и ломоти.

горьких воспоминаний в душе оставили они навсегда! И к чему, для чего все это затевалось? Начала, за которые приходилось терпеть одно за другим, постепенно заявили себя иным путем, решительно потребовали перемен и достигли того, что стали руководящими в своей сфере. Невольно думается: что же было бы, если бы в самом начале поступили точно таким же образом? Но, может быть, тут творились какие-либо особенные судьбы Божии, неведомые нам смертным...

Одно, что принесла мне доброго вся эта печальная история: она отвлекла меня от этих дел – и спасибо ей за это!..

/13 зв./ Ну, Петр Гаврилович, так начнем же снова наши невольны с моей стороны прерванные беседы. Как поживаете? Что во славу Божию творите? Был у меня на днях Феофан и недобрые вести сообщил о Вашем здоровье. Нет, однако, худа без добра, все трое мы больны и все вместе съедемся за границей! Я уже послал и просьбу о заграничном отпуске. Семья моя по обыкновению проживает все лето в деревне у матери жены моей, а я сейчас после экзаменов еду... Дай Бог свидеться!

Жена и дети мои, слава Богу, живут в добром здоровье. В прошлом году жена крепко страдала кожной болезнью, все лицо ей обезобразившую было; целое лето провозилась она, потом и я с ней в проклятых Богом Друскениках⁹⁴². Теперь подобное лечение не потребуется, дело пошло успешно от других лечений. Сержа уже перерос меня и все еще растет. Это будет какой-то великан. Рост его очень тревожит меня, все боюсь за грудь его, хотя он и поет уже в хоре басом! Целый прошлый год я пустил его на волю. Жил он в деревне без всяких занятий до нового года, даже до февраля. Потом принялся дома за дело и к каникулам отлично выдержал экзамен. Теперь он в седьмом классе, учится хорошо, характер значительно успокоился, выровнялся, только осталась порывистость, которая, одна-/14/ко, уже не пройдет, как не изменится в корне организм его. Беда у него только с классицизмом. Я перестал и нудить его в этой премудрости, лишь бы занимался так, чтобы не встретил в нем препятствия к переходу в восьмой класс и к получению аттестата. Ну, да он, впрочем, не имел по этим предметам ни одного неудовлетв[орительного] балла. Зато математику полюбил, и меньше 5 не получает за нее. То же и в других предметах. Франц[узский] язык совсем было забыл: целую зиму ходит к нему хорошая французенка, и он снова свободно говорит на этом языке. Сегодня он не пошел на уроки в гимназию – первый раз от начала учеб[ного] года! Я испугался было, но оказалась легкая простуда, которая должна уступить горчицам. Малый мой сынишка – Михаил, или Миня, сильно хворавший прежние годы, эту зиму провел совершенно благополучно. Совсем Сережа маленький! Целую зиму живут также у меня сестры жены, из коих одна учится в гимназии, другая берет уроки живописи (масля[ными] красками), жила мать с осени до февраля. Семейка моя, значит, немалая! После смерти [С.С.] Громеки много приходилось хлопотать, чтобы успокоить старуху и детей, да сколько нибудь обеспечить их существование. Покойник имел массу врагов, которые не постыдились поплясать на его могиле, а

⁹⁴² Друскенікі – місто Друскінінкай на півдні Литви.

ныне – и помститься на семье его! Обо всем приходилось мне одному хлопотать. Слава Богу, успокоились и враги, устроились и матер[альные] дела семьи. Теперь легче стало дышать, а то приходилось круто – и сердцу, и карману!

Но последнему – не отдохнуть. Будьте так добры, разыщите в Киеве брата моего (пишут – умирающего) и передайте ему прилагаемые при сем сорок руб. серебром. Прежде я послал ему /14 зв./ лепты по адресу, чрез губер[нское] правление. Но осенью он оставил Киев и жил в Звенигородке на какой-то службе, так что детям его, обучающимся в Фундукл[еевской] гимназии, я передал деньги посредством А.И. Линниченка (хоть и не имел сведения, получены ли эти деньги – 35 р. сер.). Теперь же он заболел и вернулся в Киев – не знаю, как адресовать ему письмо с деньгами. Знаю, что посылаемое мною ничтожно. Да что же делать, и то – занятое!

Живы ли, здоровы ли Павел и Иван Тихоновичи? Как бы хотелось взглянуть, в особенности на Павла Тихоновича! Как бы хотелось обнять и поцеловать его старую, столько перенесшую, теперь одинокую голову! Как мечтал я послать в Киев на Пасху Сережу, чтобы Вы и Павел Тих[онович] взглянули на него! Да теперь не знаю, как быть: вдруг столько притчей, что не только израсходовал запасаец, но и занимаю деньги!..

Варшава все стоит на одном месте. Для поляков повеяло в воздухе льготами... Но моя хата с краю, в мои гимназии не проберутся эти льготы. К тому же мне осталось всего 9 месяцев до пенсии. Кстати, пора подумать, где и как со временем успокоиться. Свидимся, столкнемся.

Ф.Ф. Витте вернулся из Питера, сильно расхворавшись. К давней болезни печени присоединилась новая, плохая – расширение легких. Несколько дней позанялся делами после [освежения], а вчера снова запрещено ему заниматься ими, доктора торопят его за границу. Как он изменился!

А В.В. Вилуев – тайный советник! Очередь за Горнбергом...

/13 зв. збоку/ Ваш протеже Браиловский здесь на очень хорошем счету. Жаль, что все не удастся ему перейти в Варшаву, чего он добивается. Я решительно обещал ему первую в русских гимназиях вакансию и буду хлопотать, если откроется.

/14 збоку/ Преосв. Леонтий все жалуется на нездоровье. Пущенный газетами слух о назначении его в Киев не был уткой, основания для него не прошли доселе и легко могут осуществиться в недалеком будущем.

/14 зв. збоку/ Передайте мой душевный поклон Павлу и Ивану Тихоновичам], Павлу Фед[оровичу], Сусанне Ив[ановне], Оресту Марковичу с теткою, И.И. Мальшевскому, о. Сильвестру, Вороновым, Лашкаревым... Боже, сколько еще приятелей осталось в Киеве! А как подумаешь о том, сколько развелось там социалистов, отчаяние нападает! Ты ли это, мать градов российских? И что делают святые угодники печерские, почему не оберегают святого места русского от нашествия, от этого наваждения?..

Петро Гаврилович до Івана Івановича Яновського

24 березня 1879 р.

Ф. 154, № 12

/1/ Любезнейший о Господе брат Иван Иванович!

Отпуская Елю, могу сообщить Вам не неприятное известие, что она освобождена от платы за учение впредь с возвращением внесенных в последний раз денег, как сказал мне вчера о. Павел Ф[едорович] Подвысоцкий. Слава Богу, что это послужит к обеспечению Вашему.

Лидию сегодня беру на два дня к Соне; будет отпущена из училища на 3 дня праздника; учится она и ведет себя прекрасно. Сестру Марфу ждем на сих днях из Радома, куда она уехала, встревожившись неполучением письма от Лариссы. Оказалось, что Ларисса /1 зв./ здорова, и страхи напрасны, но сама она после пути прихворнула. Письма Лариссы случайно пропали.

Любезнейшей сестре Ефросинии Гавриловне с поклоном от меня прошу вручить при сем двадцать пять рублей от Даниила Гавриловича, а другие 25 рублей передать Никите Иванов[ановичу] Пейзанскому от него же – для вручения его жене.

Желая Вам встретить и провести праздник Пасхи в добром здоровье, остаюсь

Вам преданный П. Лебединцев

24 марта 1879 г.

Киев

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

7 травня 1879 р.

Ф. III, № 6793

/1/ Любезнейший брат Феофан Гаврилович!

За приглашение встретиться в Варшаве весьма благодарю. Конечно, приятно было бы свидеться со всей твоей семьей и видеть житье-бытье Ваше в Радоме, но мне весьма не хочется теперь показываться в Варшаве по некоторым причинам. Удобнее сделал бы я это на обратном пути из Карлсбада. Поэтому предполагаю следовать чрез Броды – Львов – Краков, Вену. Вместо совещания с варшав[ской] мед[ицинской] знаменитостью посоветуюсь в Вене с проф[ессором] Бамбергером⁹⁴³. Отпуск мой еще не получен, но Даниил Г[аврилович] уведомил меня, что уже составляется протокол в Синоде, следов[ательно], скоро будет. Во всяком случае, мне нужно дождаться м. Филофея, который прибудет лишь к 15 мая.

/1 зв./ Приезд его может задержать меня на несколько дней, так что вероятно, я выеду из Киева после Троицы – в Духов день. Ефим М[ихайлович] Крыжановский получил отпуск с 1-го июня. Так как я приеду в Карлсбад раньше

⁹⁴³ фон Бамбергер Генріх (1822–1888) – професор Віденського університету, відомий передусім як вчений з патологій серця.

вас обоих, то прошу сообщить мне, как там приискать квартиру, где она лучше и за какую цену, а также в какой гостинице остановиться в Львове, Кракове и Вене. Еще вопрос: нужно ли перекостюмироваться, или не нужно? Если нужно, то, полагаю, все это лучше сделать в Львове.

Здоровье сестры Марфы лучше: по мере того, как физически худеет, психически улучшается. Хочется отправить ее в Вороновку на месяц для укрепления, согласно совету врачей, но она почему-то уклоняется от сего, несмотря на личное приглашение Дарии Никитишны⁹⁴⁴.

/2/ В духовном мире передвижение будет вслед за движением [преосв.] Макария⁹⁴⁵ в Москву. Говорят, что [еп.] Амвросия (Ключарева) в Харьков. И у вас не без движения по случаю ожидаемой смерти или отставки [Ф.Ф.] Витте. По словам Д[анила] Г[авриловича], преемником его будет другой немец, [Э.Е.] фон Брадке, директор департамента М[инистерства] н[ародного] пр[освещения].

Наконец, и мне пожалован орден Влад[имира] 3-й степени, до которого прослужил я 13 лет после 2-й ст. Анны. Но это уже предел наших почестей. Слава Богу, что и до сего дожили! Григорию М[арковичу] пожаловали синод[альный] крест, Вите Гордиевскому – тафья⁹⁴⁶. Стало быть, сей год благоприятен для нашего рода, хотя сего и не предвиделось в календарях.

Погода у нас все еще холодная и ветреная. Пыль несносная.

До свидания. Искренно любящий брат Петр Лебединцев.

7 мая 1879 г.

Киев.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича

1 липня 1879 р.

Ф. III, № 3539

/15/ /олівцем, іншим почерком/ 1 июля 1879.

Многоуважаемый Петр Гаврилович!

Сообщаю Вам адрес мой в Мариенбаде на случай Вашего приезда ко мне: Wiener Haus № 20. Если бы Ваш возница не знал этого дома, то велите везти себя прямо к *katholische kirche*⁹⁴⁷, и там за олтарем церкви на пригорке Вам представится целый ряд (единственный в этой части) домов – между ними 4-й от угла и есть Wiener Haus. Если бы я знал о дне и часе Вашего приезда, то я вышел бы к Вам на станцию. Напишите по этому адресу.

⁹⁴⁴ Внучата племінниця, онука Мотрони Гаврилівни Коломацької, донька Марії Данилівни Коломацької і Микити Пейзанського.

⁹⁴⁵ Архієпископ Віленський Макарій був переведений на Московську митрополічну кафедру.

⁹⁴⁶ Скуфія.

⁹⁴⁷ *Katholische kirche* – католицька церква (німець.).

Вероятно, и у Вас в Карлсбаде такая же непогода, как /15 зв./ у нас. Все холод и дождь. Лечиться нельзя. Я уже совсем собрался было переехать в Киссинген (который для меня еще лучше по своим водам, чем Мариенбад), но оттуда пришли вести не только о дождях, но и о снеге. Просто – беда! О ваннах и не думаю, когда вспомню, что 10 лет назад при таких же условиях в Швейцарии ванны произвели во мне кровохарканье.

Приезжайте к нам. Здесь не то, [что] в Карлсбаде. На возвышенных местах дорожки в полчаса погоды позволяют отлично погулять.

Искренно преданный Вам Е. Крыжановский.

Я устроился скромно, но отлично. Из моей квартиры вид на Мариен-/16/бад отличный. Комната меньше Вашей, а плачу дороже – 16 гульденов.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
9 липня 1879 р.

Ф. III, № 3540

/17/ 9 июля

/іншим почерком/ 1879 г.

Многоуважаемый Петр Гаврилович!

Не выпало мне приехать в Карлсбад, пока Вы там. Ужасная погода при начатых мною теплых ваннах заставляет держаться подальше от ветра и холода, чтобы не простудить желудка или груди, в которых сидят мои катары.

Я значительно поправился в силах и стал бодрее, но далеко еще до довольства собою. Эх, погодушка!..

Не изменили ль Вы своего намерения побывать в Мариенбаде? Если не изменили, то уведомите, /17 зв./ когда приедете и которым поездом, я бы вышел к Вам на станцию. Я выехал из Карлсбада в половине 12-го и прибыл сюда около 3-х часов, прождавши в Эгере Мариенбадского поезда более часу.

Каждый день я имею письмо от своих. Жена моя все просит передать Вам от нее и от Сережи поклон. Там очень интересуются успехом лечения [Я.М.] Неверова⁹⁴⁸ и просят меня навеститься к нему. Но поеду только в случае решительной перемены погоды. При свидании передайте, пожалуйста, ему поклон от Катерины Фед[оровны] Громеки и от детей ее. Они убедительно просят его за-/18/ехать к ним в деревню, хотя на самое короткое время.

Поклонитесь от меня Феофану. Жена моя шлет ему свой поклон и благодарит за то, что он подождал меня в Варшаве и довез до Карлсбада.

⁹⁴⁸ Неверов Януарій Михайлович (1810–1893) – публіцист, попечитель Кавказького навчального округу (1865–1879), далі перебрався до Петербурга як член Ради Міністра народної просвіти.

[П.К.] Жерве⁹⁴⁹ уже попал в члены Совета министра [народного просвещения]. Значит, уж одним кандидатом на варшавское попечительство меньше. Пишут мне, что [граф] Толстой продолжает стоять за [А.А.] Сабурова⁹⁵⁰ или [Н.А.] Сергиевского, а [П.Е.] Коцебу – за немецкого генерала. Чья возьмет?

Генералы теперь, видно, в моде. В Харьков назначен генерал, да еще никто иной, как директор сирот[ского] Никол[аевского] института⁹⁵¹. После этого почему бы Москви-/18 зв./на не назначить в Варшаву?

Искренно преданный Вам Е. Крыжановский.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
14 серпня 1879 р.

Ф. III, № 6794

/1/ 14 августа 1879 г.

Киев

Любезнейший брат Феофан Гаврилович!

Благодаря Бога, я благополучно возвратился из дальних стран в свой град Киев, выполнив свою программу даже с некоторым добавлением. Письмо мое из Вены, вероятно, получено тобою. Выезжая из Вены я думал ограничиться обозрением в Италии Венеции, но на вокзале встретился с доктором Погребинским, город[ским] врачом Одессы, ехавшим в Италию туристом, знающим отчасти италиан[ский] язык⁹⁵². Увлечшись таким спутником, я посетил, кроме Венеции, Флоренцию и Рим, а из Рима один уже проехал мимо Неаполя в Фоджио, Бари и Бриндизи; из Бриндизи чрез Средизем[ное] море, архипелаг, Мрамор[ное] море я прибыл в Царьград, пробыв /1 зв./ [в] море почти 4-ре сутки; из Царьграда чрез Одессу в Киев. Путешествие это было бы более приятно, если бы не было так жарко.

В Венеции пробыл я 2 дня – 18 и 19-е июля. Правду говорил полков[ник] Бринкен, что Венеция воняет. Но Марком⁹⁵³ остался я доволен. Во Флоренции также 2 дня, посетив С[ан-]Донато. В Риме три дня – 22, 23 и 24 июля. Риму нужно было бы посвятить недели две – так много здесь достопримечательного. Церкви

⁹⁴⁹ Жерве Петро Карлович (1832–1890) – попечитель Харьковського навчального округу у 1875–1879 рр.

⁹⁵⁰ Сабуров Андрій Олександрович (1837–1916) – попечитель Дерптського навчального округу. У 1880–1881 рр. став міністром народної освіти. Як і Петро Гаврилович, входив до комітету з реформування духовного суду – від кримінально-касаційного департаменту Сенату.

⁹⁵¹ Максимовський Михайло Семенович (1832–1917) – попечитель харківського навчального округу у 1879–1884 рр. Маючи військові звання, був переважно чиновником і викладачем у військових навчальних закладах.

⁹⁵² Сам Петро Гаврилович добре знав французьку, яка в Європі була мовою міжнародного спілкування.

⁹⁵³ Собор св. Марка.

римские по своему внутреннему изяществу выше всех похвал; кладбище римское можно только рисовать в воображении, в другом месте оно не осуществимо. Из Бриндизи отплыл в ночь на 26-е, ночевал на 29-е в Пирее, обок Саламина, а 29-го июля в 2 часа пополудни прибыл в Константинополь, изящный с Босфора, грязный, вонючий и на-/2/полненный собаками внутри. Видел здесь св. Софию, патриархию, Влахерну, живоносный источник. Все это жалко и бедно. Если с Оболони грязным проулком пройти в двор Кладкевича, то это будет патриархия, а если Введен[скую] церковь без куполов вообразить в каменном виде, грязном снаружи, то это будет мать восточных церквей. Влахерна в том же роде; от древней Влахерны остался только кусок стены. Приход[ская] церковь в Галате лучше патриархии, которая щеголяет бедностью. Буюк-дере, где живет наше посольство в летнее время, прелестно. Возвращаясь из Буюк-дере, я на пароходе 5-ть раз приставал то к европ[ейскому], то к азиат[скому] берегу. Босфор немного шире Невы, но с обеих его сторон не плоскости, а гора, раскинутая амфитеатром – в этом вся его краса. Черное море заставило меня сделать один Фридрих-heraut, но затем /2 зв./ ночь и утро прошли благополучно. В Одессу прибыл я 4 авг[уста] утром и выехал оттуда 8-го утром. 6 августа служил в соборе с преосв. Платоном и [преосв.] Вениамином⁹⁵⁴, б[ывшим] викарием подольским, обедали у старосты. Брат Арсений Гавр[илович] по обычаю принял меня очень радушно всей своей семьей. Там застал я и Петю Гордиевского, и туда же 11 августа проехал чрез Киев Николай Андр[еевич] Лебединцев, направляясь в Ялту. Киев оставил он со слезами, до того он ему понравился. Миша вчера возвратился из Кременчуга. Поселится у меня.

Сестра Марфа Г[авриловна] пока у Григория М[арковича] с Соней, в ожидании, пока я поремонтирую квартиру. Пока своего отказа я не объявляю. Саша не отказывает приютить ее у себя, но плачет при мысли о предстоящих себе ежедневных неприятностях, испытавши уже их немало и во время моего отсутствия. Убеждаем Марфу проехаться между тем в Вороновку, чтобы укрепить нервы.

В Киеве у нас все благополучно. [Бывший] иерей Малеванский⁹⁵⁵ 8-го июля женился на классной даме Ивановой. Умре Н.М. Дубницкий. Что у вас доброго? Каков [попечитель] Апухтин⁹⁵⁶? Как здоровье Ольги Игнатьевны и чад твоих?

Искренно любящий брат П. Лебединцев.

/2 зв. збоку/ Книжки свои, отправленные из Карлсбада, я получил в вскрытыми; все на лицо, кроме «Жития Т[араса] Шевченки».

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича

⁹⁵⁴ Веніамін (Павлов; 1821–1890) – вікарний єпископ Подільської єпархії у 1870–1879 рр. Випускник КДА (1843), до хіротонії викладав у різних духовних семінаріях.

⁹⁵⁵ Див. примітку до листа від 9 листопада 1875 р.

⁹⁵⁶ Апухтін Олександр Львович (1822–1903) – попечитель Варшавського навчального округу у 1879–1897 рр. Генерал-майор, але до Варшави служив переважно викладачем у військових навчальних закладах.

4 жовтня 1879 р.

Ф. III, № 3442

/3/ Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

По получаемым весьма часто Лариссою письмам из Киева знаю, сколько неприятностей приходится Вам переиспытывать теперь, когда Вы стали приводить в исполнение давнее Ваше решение относительно сестры Марфы. Она действует с свойственным ей упрямством, как дети действуют по-детски, давая волю чувству и нисколько рассуждению. Могу только сочувствовать Вашему огорчению. Можно одно разве сказать: и так неудобно, и иначе неприятно. Лариссу волнуют все тамошние /3 зв./ происшествия, но ее, видно, не слушают, а она смотрит на дело здраво.

Вообще она сжилась с нами, и теперь, когда она, можно сказать, цветет здоровьем, и нам, и ей стало гораздо приятнее.

Саша часто пишет мне и радуется своими успехами и поведением.

Ольга Игн[атьевна] вывезла из Петербурга такое же впечатление о нем, как и я. С большим сочувствием говорит она о Данииле Г[авриловиче], сожалея о его одинокой и скучной жизни. В здоровье, однако, он значительно поправился.

Посылаю Вам карточку нашего Кости, только что снятую. Это главным образом желание Ольги Игн[атьевны] и ее, так сказать, презент Вам. /4/ Просим благословить его заочно и принять его в свою память и любовь. Тип, как усмотрите, общий, а вышел не пуговкою и не мясом, да таков он и в натуре. Могу прибавить, что не ходит и не говорит, и зубов всего два только имеет, а все это вместе, т.е. позднее и медленное физическое развитие дает надежду, что он будет крепок, ибо таков и Саша был.

Моя женская гимназия после перестройки вышла прекрасною, по общему даже отзыву, и я с особым удовольствием и прежнего захожу в нее.

Наш новый попечитель дает уже чувствовать себя. Недавно разослал к нам циркуляр, которым требует, чтобы мы, возможно чаще посещая школы, не только сами из каждой школы посылали к нему тотчас донесения о времени прибытия и выбытия, но обязали бы к тому и наших учителей. Конечно, это не возможно, потому что дико возмутительно. Поеду с недели в Варшаву по другим делам да кстати и об этом разведать. Поневоле приходится подумать об отставке, хотя других мотивов для сего вовсе нет.

Будьте здоровы и благополучны!

Искренно любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

4-е окт[ября] 1879 г.

г. Радом

Ольга Игн[атьевна], Ларисса и Костя низенько Вам кланяются.

Сегодня у нас был снег.

Есть ли у Вас карточка [Саши] в правоведском костюме? Если нет, пришлю.

Феофан Гаврилович до Петра Гавриловича

11 листопада 1879 р.

Ф. III, № 3443

/5/ Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Не имею ответа от Вас на два очень давно посланные письма. Одно из двух: или мои письма к Вам не дошли, или наоборот. А хотелось бы иметь весть от Вас.

Мы своим положением похвалиться не можем. Ольга Игн[атьевна] все хворает, Костя не может от кашля отвязаться, у меня вечная возня с желудком, только Ларисса вполне здорова.

Служебная тягота при новом попечителе усиливается с каждым днем. Я уже писал Вам, что он потребовал /5 зв./ от нас, чтобы мы, возможно чаще посещая школы, о времени прибытия в каждую и отбытия из оной отдельно и немедленно доносили ему, да обязали бы и учителей доносить и даже описывать подробно наши посещения. Тем учителям, которые подробно описали, на днях в циркуляре объявлена благодарность с приказанием начальнику дирекции выдать им по 20 р. А между тем то и дело бомбардирует приказами ехать неупустительно. На мой рапорт, что мною в марте и апреле все школы осмотрены, а теперь я занят составлением отчета, отвечал грубо: «На отчет было целое лето, а теперь...» – и проч. Я пропихал немного и донес, а сегодня опять еду. Но так жить невозможно. Вечно в дороге, /6/ вечно доноси, вечно пиши, да и свои тебя описывают, а им деньги за то приказывают платить. Это ужасно, это позорно.

Судили мы, рядили с Ольгою Игн[атьевной] и решили, что далее служить мне нельзя. Одно удерживает, что Саша не принят еще на казенное. Итак, до лета.

Но пока место жительства и занятия подготовить надо.

Прошу Вас по-братски высматривать и посудить, не нашлось бы мне в Киеве каких-либо занятий примерно рублей на тысячу или около того. Время поневоле терпит, а что усмотрите, или придумаете, о том прошу в свое время написать.

Будьте здоровы и благополучны!

Искренне любящий Вас брат Ф. Лебединцев.

11-е нояб[ря] 1879 г.

г. Радом

/5 зв. збоку/ Сестрам и Григорию М[арковичу] прошу передать наш ниж[айший] поклон.

/6 збоку/ Ольга Игн[атьевна], Ларисса и Костя низенько Вам кланяются.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича

12 грудня 1879 р.

Ф. III, № 6795

/1/ Любезнейший брат Феофан Гаврилович!

Я спрашивал В.Б. Антоновича, когда он едет за границу⁹⁵⁷ и оставляет ли он за собою редакторства. Он мне на сие ответил, что о командировке его за границу пошло представление к министру, и если будет утверждено, то разрешение последует сюда не раньше, как чрез два месяца. Что касается редакторства, то [В.Б.] Антонович полагает, что вероятно [М.В.] Юзефович, с поводу клявзы которого нужно было сочинить эту поездку, чтобы не быть высланным в отдаленные губернии, по получению бумаги об отпуске его, [В.Б.] Анто-/1 зв./новича, созывает собрание Комиссии для избрания другого редактора. Получивши такой ответ, я не считаю нужным обращаться к Юзефовичу с вопросом о кандидате в редакторы Комиссии прежде двух месяцев.

[Попечитель] Апухтин ваш вероятно действует по особому предписанию министра относительно обозрения школ, ибо и инспекторам народ[ных] училищ Киев[ского] округа предписано строго-настрого непременно до нового года обозреть все церковноприходские школы в Юго-Запад[ном] крае. Знакомый мой и Арсения Г[аврилови]ча Чечот поехал по школам, простудился и заболел, но опять должен ехать, несмотря ни на что. Говорят, /2/ что летом был какой-то комитет под председательством [П.А.] Валуева, который полагал закрыть учительские семинарии, а все народные училища передать в ведение православного духовенства. Вот тут и нужен материал для борьбы...

Пока ты еще в Радоме, поздравляю тебя с назначением [Д.Г.] Анучина в генерал-губернаторы Вост[очной] Сибири.

У нас студенты было заерошились при введении новых правил инспекции, но успокоились. Впрочем, это так подействовало на попечителя Антоновича, что он подал в отставку, но получил ответ, что /2 зв./ его величеству угодно, чтобы он оставался на своем посту.

Все мы здравствуем и вам кланяемся.

Искренно любящий брат П. Лебединцев.

12 декабря 1879 г.

Киев

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича

19 грудня 1879 р.

Ф. III, № 3592

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Телеграмму получил и приношу благодарность тебе и всем родным за поздравление с именинами. Прошу принять и от меня поздравление с днем твоего ангела и пожелание здоровья и всех благ. Василий Афанасьевич поручил передать тебе его нижайший поклон. Дело [В.О.] Головинной поручено рассмотреть на консультации, а о бракоразводном вопросе еще и до /1 зв./ сих пор не получено заключения из Министерства юстиции. Говорят, Киевский

⁹⁵⁷ У 1880 р. В.Б. Антонович виїхав на рік закордон.

митрополит уже приехал – может быть, попробую во время праздников навестить его. Брат Феофан немного успокоился тем, что Радомского губернатора [Д.Г.] Анучина, с которым он воевал несколько лет, назначили генерал-губернатором в Восточную Сибирь. Я обязан теперь отправлением Саши с Никитой до Варшавы, где его примет М.И. Крашановский и препроводит в Радом.

/2/ Саша очень способный мальчик, но ужасно крутого нрава и шалун. Сегодня утром послал за ним Никиту, но не отпустили, потому что наказан за какую-то проказу, и придется отложить отправление до завтрашнего дня.

Брат Андрей воюет в Грубешове с священником Дециневичем, бывшим униатом, родственником [еп.] Попеля, за которого стоит уездный жандармский начальник и уездный начальник – поляки, принявшие православие. По следствию брат /2 зв./ оправдан, а Дециневич наказан, но последний апеллировал в Синод. Граф Толстой по требованию объяснения от архиеп. Леонтия передал дело в Синод с предложением оставить это дело без последствия.

Кланяется тебе Петр Петрович Евланов. И.В. Писарев разъезжает где-то по губерниям средней России для проверки института урядников.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

Мой нижайший поклон сестрам, Григорию Марковичу и всем родным, Павлу Федоровичу с семейством и Назарию Антоновичу.

19 дек[абря] 1879 г.

**Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
1 січня 1880 р.**

Ф. III, № 6796

/1/ Любезнейший брат Феофан Гаврилович!

За приветствия и благожелания, выраженные мне и в телеграмме, и в последнем письме, душевно благодарю тебя, Ольгу Игнатьевну, Костиньку и Лариссу, и прошу принять мое искреннее поздравление с Новым годом. Да дарует Господь всем нам в новом году здравие, благоденствие и всякое благополучие!

Обещали слухи нового министра просвещения к новому году, но подтверждения нет. При сем полагалось, что нынешний останется при одной синодской должности, а преемником у вас будет [И.Д.] Делянов.

/1 зв./ Видно, не выгорело еще это дело, и уния с Синодом продолжится. Наш попечитель Антонович ждет отставку, о которой просил, и даже нанял уже квартиру себе. Но паки отставки еще нет, и неизвестен его преемник. Если граф Тол[стой] останется в своем нынешнем положении, то я полагаю, что чем посылать к нему доклад[ную] записку по город[ской] почте, лучше переговорить с кн[язем] Ширинским по предположению твоему, попрося его узнать мысли графа по сему предмету, и тогда лично явиться к нему, имея в запасе записку - в кармане. А то чтоб не вышло что-нибудь в прежнем роде с запиской. За всяким слу-/2/чаем, предлагаемый мною способ приличнее и безопаснее.

Академия Киевская, или лучше, преосв. Михаил предполагал 31-го декабря совершить Могил[янскую] панихиду поторжественнее и восстановить Богоявл[енское] братство⁹⁵⁸ с целью вспомоществования студентам своекоштным, но с ним случилась беда – на 2-й день праздника его опрокинули лошади против Никол[ьского] монастыря, испугавшись бараб[анного] боя, причем ему приключился ушиб в бок и плечо.

В прошлых письмах почему-то все забывал сообщить тебе, что 9-го ноября я обвенчал в теплом Соф[ийском] соборе Александру Петровну Барскую⁹⁵⁹ с бароном Николаем Александров[ичем] Шкакельбергом, уланским офицером. На свадьбе были все Барские, кроме Виктора и его семейства, и все поручили тебе кланяться.

/2 зв./ Молодые жительствоуют в г. Дубно, где квартируется полк.

Праздник наш прошел в собор[ном] дворе, только в воскресенье был я с Соней у Подвысоцких, которые при сем поручили тебе кланяться.

Сестра Александра⁹⁶⁰ с Гришей, Феокти[том] и Елей уехали завчера в Вороновку щедровать.

Если Саша гостит у вас, то ему мой поклон и благожелание получить отлично не только за успехи в науке, но и за поведение, не подвергаясь за последнее штрафам, ибо один проезжий петербуржец сказывал мне, что по сей части у него не всегда обстоит благополучно, что зависит более от его резвости.

Искренно любящий брат Петр Лебединцев.

1-е января 1880 года

[...] часов утра пред Литургией.

**Андрій Гаврилович до Петра Гавриловича
17 квітня 1880 р.**

Ф. 154, № 59

/9/ 17-е апреля 1880 года

Дорогой брат, Петр Гаврилович!

Окончив в церкви чтением повествование евангельское о страданиях нашего Спасителя, по возврате в дом принимаюсь за перо, чтобы написать несколько строк, хотя теперь, в ответ на письмо Ваше ко мне, писанное от 29-го декабря прошлого года; – письмо, в котором Вы своим истинно братским участием ко мне и благоснисхождением, а равно сообщением о приезде и отъезде от Вас близких наших родных, и сведений о положении дел в самом пресловутом Корсуне – задели столько чутких струн в моем сердце. И письмо это, однако,

⁹⁵⁸ Засідання викладачів КДА, на якому було пройняте рішення про поновлення братства, відбулося у лютому 1880 р., а устав затверджений у грудні 1881 р. Перше засідання відбулося наступного року.

⁹⁵⁹ Племінниця першої дружини Феофана Гавриловича. Віктор – рідний брат Петра і Юлії.

⁹⁶⁰ Недавно стала вдовою.

остається доселе мною не отеченним. Що за причини такого упорного мого мовчання? /9 зв./ Неужели причина сдержанности даже письма моего, высланного Вам к 21-му декабря, могло быть Ваше прежнее молчание, как со смирением Вы, было, в письме своем предположили. Сего никогда я не позволил бы себе сделать по отношению к моему старейшему брату, и особенно Вам, от коего столько раз и так был благодетельствован. А тем более способно было прожечь меня столь сердитое письмо Ваше от 29-го декабря.

Но, как знаете, я все же молчал и молчал. Впрочем, и неверно я сказал, что молчал: я под горячим впечатлением письма Вашего схватил большой почтовый лист, и в несколько мгновений наполовину его списал; но не окончил, а так он и доселе остается неоконченным. Теперь пишу сие краткое, и в нем кратко, сообразно настоящему времени, сообщаю.

Причиною столь продолжительного моего /10/ молчания есть еще долговременные продолжающиеся мои злострадания; от Бога ли они исходят, или от людей? Полагаю, что от людей, и все же по воле Божией.

Как ни близка мысль сия к христианскому воззрению и как ни присуща она должна быть ближайшему служителю Христову, а я в постигших меня напастях никак не мог примирить ее с мерзостью, гнусностью и наглостью постигших меня напастей. Несколько иначе взглянул теперь – в недавние минуты, когда окончил чтением повествованием 4-х евангелистов о злостраданиях Христых, хотя и прежде сии злострадания, подвиги, наложники нашего спасения были мне известны, и я об них почитывал ежегодно. Но удивительное дело, они не были мне так понятны, как теперь! Ко времени /10 зв./ ли теперь говорить об этом, когда письмо мое, хотя и пишется вслед после Страстей Христовых, получится Вами в светлые дни Воскресения Христова.

Итак, братски приветствую Вас с всерадостным – Христос воскрес!

Да воскреснет Бог и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его! Яко исчезает дым да исчезнут, яко тает воск от лица огня... и проч.

Много и моих врагов лютых и сильных исчезли с лица Грубешовской земли; уповаю на милосердие Господа, что прочие исчезнут. А затем и сам отрясу прах от ног своих из града сего. Чтобы несколько более и беспристрастнее познакомить Вас с тем, что в течение года совершилось относительно меня – в недалеком времени достану и пришлю Вам печатное повествование. А в настоящую пору еще раз и третий раз воскликну: Христос воскрес! И прошу передать мое христианское лобзание всем нашим родным, которые подле Вас в Киеве.

Искренно любящий Вас брат Андрей Лебединцев.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
18 квітня 1880 р.

Ф. III, № 3593

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Христос воскрес! Поздравляю тебя и всех родных с праздником и желаю провести праздник весело. Для меня праздник будет не очень веселый – я все еще лечусь. Захворал я еще на первой неделе поста воспалением в горле и ушах и катаром желудка, и вот и до сих пор болезнь тянется и еще долго придется лечиться. Уже около двух недель выхожу на воздух, и хотя /1 зв./ желудок и горло несколько поправились, но уши плохо, и левым ухом ничего еще не слышу. Ехать куда-либо лечиться не представляется возможности, потому что много на лето предстоит работы и очень может случиться, что и не отпустят, если бы попросился в отпуск. Придется перетерпеть и уже на следующее лето (1881 года) отправиться в Карлсбад или на Кавказ. Дай Бог, чтобы твое здоровье не изменяло тебе, и тогда, мож[ет] б[ыть], вместе совершим путешествие.

/2/ Феофана ожидаю на Светлой в субботу, а Сашу сегодня вечером возьму к себе на праздник.

Прилагаю при сем доставленную из Министерства внутр[енних] дел справку об [Мовильоне] с письмом Ив[ана] В[асильевича] Писарева, который третьего дня должен был уехать в командировку в Саратов, несмотря на то, что сын его (11-ти лет) лежит в тифе.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

Кланяется тебе Вас[илий] Афан[асьевич] Степанов, Ник[олай] Ив[анович] Костомаров и В.Р. Ратко.

18 апр[еля] 1880 г.

/2 зв./ Прошу передать мой поклон всем родным и Назарию Антоновичу.

**Андрій Гаврилович до Петра Гавриловича
27 квітня 1880 р.**

Ф. 154, № 60

/11/ 27-е апреля 1880 года
г. Грубешов

Дорогой брат, Петр Гаврилович!

Еще раз приветствую Вас всегда радостным: Христос воскрес!

Как только окончилась Светлая седмица, посылаю то, что в предыдущем своем письме обещал к разъяснению моего продолжительного молчания.

И не дивитесь, что молчал – пора была такая тяжкая и продолжительная, что нечему удивляться, что молчал долго и упорно. И теперь нелегкая, но уже в другом роде. Все новое, пока еще шевелит и побуждает напрягать нервы, покуда они опять не /11 зв./ истомятся.

Препровождаемые печатные листы скажут правдивее, чем бы я сам о том, что равно целый год со мною происходило прежде. Здесь незнакомые мне авторы говорят против и за меня. Которому угодно – верьте. Отклик, впрочем, говорят, писал архиерейский секретарь на основании самого следственного дела, т.е. на основании неопровержимых документов. Прошу не выпускать из виду, что при

следствии присутствовал и депутат с гражд[анской] стороны, назначенный самим губернатором. И потому автор отклика, мне кажется, заслуживает большего вероятия.

В печатных листах представляется фигурирующим против меня один лишь псевдоним – о. Матвей. /12/ А по существу о. Матвей был более подставным лицом. За спиною у него действовали начальник Грубешовского уезда и начальник жандармского грубешовского управления – оба артисты большой руки, первый из С[анкт]-Петербургских департаментов – чернильная душа, и оба до глубины души против меня озлобленные. Первый за правдивое мое показание насчет его по части его полякованья и по части злоупотреблений по воинской повинности новобранцев, а второй за распутную жизнь. Показания против них я чинил вследствие предписания Варшавского генерал-губернатора и вследствие личного, словесного предо мною настояния Люблинского губернатора, низость коих он знает, но ему нужны были внешние показания. /12 зв./ Теперь оба эти начальника сошли с горизонта Грубешовского и оба находятся под судом, и все время производства надо мною следствия они были в полной своей силе. Да и отец [Сандовишев], ключарь Варшавский, далеко был не мой сторонник и в высшей степени человек криводушный. Но Богу споспешествующу меня все-таки не удавили. Но дело епарх[иальным] следствием не кончилось – перенесли еще и в Синод, и туда, обдержавые влиятельными связями со светскими властями, суфлёрили. Наконец, слава Богу, все то дело и по Синоду кончилось благополучно. Преосвящ. Леонтий отечески болезновал на то время обо мне душой и посылал прошлое лето в губернский город Кельцы – очистить там себе дорогу для настоятельства; но я не сделал подлости земляку о. Петру Орловскому, и ответил отказом.

/13/ Стал после того ожидать открытия настоятельской вакансии в соборной Бельской церкви при мощах св. Иоасафа. Но дело о настоятеле там – галичанине – замедлилось, и только 28-го марта сего года отправлено из консистории в Синод. Сего же места приходится и ждать. Бог весть, получу ли. Ибо в настоящую пору воздвигается против меня новая буря напастей от целого стада галицийских попов с благочинным во главе, к округу не его, по установлении новых порядков слияния древлеправославных с новоправославными и допущении выборного благоч[иннического] начала, сопричислен и я. На выбор я не явился, и стороною дал знать, что не желаю быть баллотированным. /13 зв./ Да иначе и поступать не следовало. Ибо в новом округе числилось человек 20-ть священников. Из них древлеправославных я и другой некий, новоправославных из здешнего духовенства два – не явившиеся на выбор, прочие все галичане, крепко сплотившиеся и вдобавок против меня озлобленные за пресловутого о. Матвея, упоминаемого в печатных листках. Какой же успех мог быть в мою пользу на выборах. Древлеправославный, впрочем, священник подал голос за меня. Но сие что к толику? Поэтому я причислен в подначалие благочинного галичанина, который с целым табором галичан ведет на меня систематическую атаку до того, что вот пред Светлым праздником целый

причт моей древлеправославной церкви не удостоился и жалования получить. Целый ряд здесь совершается беззаконий Нужно сражаться из последних сил.

/14/ Вот сегодня иду в Холм и везу два толстых рапорта в духовное правление на своего благочинного и жаловаться имею викарному [епископу] Модесту⁹⁶¹. В непрерывной и одиночной борьбе не мудрено, если в каком разе и проиграешь поле сражения. Вот почему опасаюсь, чтобы от этой непрерывной борьбы чем-либо не прогневать и верховного моего владыку – Высокопреосвященнейшего Леонтия, от расположения коего зависит назначение меня в свое время настоятелем соборной Бельской церкви, когда там вакансия откроется.

Будет Божия воля!

Теперь Вы поймете, как радостны для меня новые порядки, т.е. слияние древлеправославных с новоправославными этими выходцами из земли св. Даниила. Как капля погрязнешь в море, чего, не дай Бог, иди не допустят люди добрые!

/14 зв./ Благо, если Вы готовитесь к поездке для заграничного лечения. Оно несомненно полезно, и ним нужно пользоваться.

Мне пока своих ран некогда и на месте умащать каким-либо елеем. Все стой на поготове к отбою, или сиди, да пиши и пиши. Немного уже и проелось письмоводство себе и других.

Дал бы уже Господь покой!

Новым зятком не особенно могу хвастаться. Рана сия еще ближе моему сердцу, но что же делать? Такова уж моя доля теперь. Аще благая от руки Господней стал по времени принимать, злых ли не стерплю? Аще Господеви изволися, тако и бысть. Буди имя Господне благословенно отныне и до века⁹⁶². Аминь.

Поправляйте свое здоровье, драгоценное и для нас всех.

Искренно любящий Вас брат Андрей Лебединцев.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
23 червня 1880 р.**

Ф. III, № 3541

/19/ /олівцем, іншим почерком/ 1880 г.

23 июня

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

⁹⁶¹ Модест (Стрельбицкий; 1823–1902) – вікарний єпископ Варшавської єпархії у 1879–1885 рр. Випускник КДА (1853). Знавець церковної старовини, скрізь, де служив, збирав писемні і матеріальні пам'ятки, автор багатьох праць з історії церкви і окремих місцевостей.

⁹⁶² Точні і неточні цитати: Іов 2:10, Іов 1:21, Псалом 112:2

Феофан пишет мне, что Вы избрали для себя дорогу за границу чрез Варшаву. Хотя бы на сей раз случилось так! Сколько раз Вы обещали заглянуть в Варшаву! Вероятно, теперь не измените своего намерения. В этой уверенности я остаюсь в Варшаве, пока не встречу Вас здесь, не покажу Вам Варшаву и не провожу Вас в дельнейшую дорогу. Известите же, когда ожидать Вас, когда и каким поездом выедете из Киева. /19 зв./ Комнаты для Вас у меня уже приготовлены.

Пред отъездом из Киева сотворите доброе дело и поищите для моей гимназии такого певчего, который мог бы и согласился бы занять место причетника при гимназич[еской] церкви и учителя пения в гимназии. По причетничеству жалованья 300 р. сер., по учительству пения 250 р.с. Порылся бы в здании и приискал бы ему какую конурку под квартиру (так как каз[енная] квартира для него не полагается). Содержание не Бог весть какое. Но если он будет человек знающий и усердный (а такого именно хотелось бы иметь), то или я предоставил бы ему еще место помощника клас[сных] наставников с казенною квартирою, или же /20/ доставил бы ему еще одно, даже два места учителя пения в здешних гимназиях, которые очень нуждаются по этой части (помощник регента архиер[ейского] хора, напр[имер], имеет здесь уроки пения в 6[-ти] учеб[ных] заведениях!). По причетничеству – сами знаете – в учеб[ных] заведениях небольшая работа. Вечерни да литургии. Треб никаких. Поют и читают ученики, а он только хором их правил бы в церкви. Бывший наш причетник (и учитель пения) четыре месяца с постели не вставал (теперь умер), и мы обходились при богослужении только посредством учеников.

Будьте же так добры, Петр Гаврилович, поищите малого, да непьющего, трезвого – Бога будем молить за Вас. Варшава не представляет никакой возможности приискать подоб[ного] человечка. Архиер[ейский] хор – единственный контингент подобных людей, /20 зв./ но он ни за что не уступает на эти места своих певчих и сам с большим трудом приобретает их. К тому же там большею частию все еле грамотные люди.

К сожалению, подобным лицам ничего здесь не полагается на переезд. Но если кандидат будет человек честный и знающий, то я могу найти способ покрыть сделанный им расход на переезд и на первоначальное житье здесь.

Если отыщется подобный человек, то пускай немедленно пришлет прошение на мое имя «о представлении ему места причетника (назначается по моему выбору архиереем) и учителя пения в 1-й варш[авской] мужской гимназии» (на последнюю должность назначает директор). Не то – привозите его с собою.

Жду Вас. До свиданья.

Искренно любящий Вас брат и покор[ный] слуга Е. Крыжановский.

/20 зв. збоку/ Феофаново дело оканчивается ничем. В самом начале отнесся бы он к нему не с такою покорностью – ничего бы и не было. А то потеряли, поддался...

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
5 січня 1881 р.**

Ф. III, № 3542

/21/ 5 генв[аря] 1881 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

С новым годом! Пошли Вам, Боже, все блага мира сего.

Ваш омофор пришелся как нельзя более кстати. Вчера мы отправляли Сережу в дорогу. 14 градусов мороза, две ночи в вагоне; шуба на Сереже старенькая (моя первая), пальто не ахти, решили было придать ему еще одеяло теплое на случай [если] потребуется больше закутаться. Но за три часа до отъезда пришел с почты плед – и великий вопрос разрешился сам собою.

/21 зв./ Сережу я переместил из Москвы в Петербург. Возненавидел я Москву за время пребывания в ней Сережи. Это обилие социалистов в среде молодежи, эта непрерывная колотня в среде студентов, обзаведшихся подпольною типографией, подпольною газетою, придирающихся к всякому случаю, чтобы мутить товарищей, нахальное приставание к товарищам, чтобы каждый избрал себе псевдоним, записался в общество «Народ[ной] воли» (от Сережи требовали этого с угрозой) и т.п., едва не побудили меня среди семестра взять его из Москвы. Когда же он вынужден был вышвырнуть из комнаты одного социалиста-товарища, выложившего пред ним все секреты своего «общества» и настойчиво требовавшего записаться в члены его, тогда я окончательно решил взять его из этой проклятой сферы. К тому же мальчик поехал с большою жаждою ученья, а проф[ессорские] силы оказались крайне убогими (на юридич[еском] факультете), да и те невероятно манкируют. В Петербург предпочел я послать его потому, что там много из бывших его товарищей, за которыми он сильно скучал в Москве, да юридический факультет самый богатый профессорами. Там же имеются и родные души (Данило Г[аврилович], два дяди моей жены, мои б[ывшие] товарищи, много моих приятелей по Варшаве), тогда как в Москве /22/ не б[ыло] ни единой души, и надежда моя на Матвея Мих[айловича] Троицкого⁹⁶³ оказалась плохой. Боюсь только за климат петерб[ургский]. Но Сережа так увлекся мыслию о Петербурге, что дал слово как можно более беречься.

Мое житье в Варшаве таково, что хоть сейчас убирайся отсюда. Не имея оснований прямо сделать мне предложение об отставке, [А.Л.] Апухтин запутывает меня всеми способами и увеличивает тягости моего положения до невозможности нести службу. Скоро после отъезда Феофана я вынужден б[ыл] решительно объявить ему, что вижу соверш[енную] бесполезность моих добрых усилий во всяком деле, по которому он спрашивал моих советов, ч[то] всегда почти делается наоборот, и я стою при нем точно для потехи, что в округе много

⁹⁶³ Троїцький Матвій Михайлович (1835–1899) – філософ, професор Московського університету. Випускник КДА (1857 р. – однокурсник Юхима Михайловича) і її викладач, доки у 1861 р. не перейшов на державну і освітню службу. У 1869–1875 рр. викладав у Варшавському університеті.

неправд творится, и немало людей, видя мою близость к нему, сыплют на меня упреки, подозревают мое участие в их беде, а потому просил его не приглашать меня более ни к каким совещаниям, не говорить со мною о делах, посторонних для моих гимназий, и т.д. На др[угой] же день он в церкви при учениках сделал мне большую грубость, и с тех пор не упускает случая досадить мне ему одному свойственным образом. Досада его перешла в неопис[анный] гнев, когда наша гимназия в противность его внушений всем директорам высказалась против постановления классицизма – одна в целом округе. В Попечит[ельском] совете он обозвал наше мнение «уличным, основанным на речах министра». Я протестовал там же против этой фразы, просил занести /22 зв./ мой протест в протокол, он не хотел, подвергал в Совете разбору наше мнение, предлагая высказать общее порицание ему. Я долго бился и склонил к тому, что разобрали и в конце концов приняли все пункты нашего проекта. Но [А.Л.] Апухтин с [Н.П.] Воронцовым сами составили определение Попечит[ельского] совета и отослали его в Петербург, не сообщив членам ни для прочета, ни для подписи. Что там пошло – Бог ведает. Как бы то ни было, но с той поры он открыто оскорбляет меня, систематически отказывает во всем, возбудил против меня одного учителя (известного Феофану Зубка), который все пишет ему на меня доносы, всякий раз эти доносы оказываются ложными, и вместо наказания за клевету, он старается выгородить его «неведением законов». В жен[ской] гимназии, не умеющей устава, дела его личным вмешательством доведены до того, что я подал прошение об освобождении меня от эт[ой] гимназии. Но [А.Л.] Апухтин сказал мне на это: «Гимназии по высоч[айшему] повелению не могут б[ыть] разделены, можно уволить только от обеих разом...» С 25 дек[абря] он в Петербурге, и что-то [Н.П.] Воронцов слишком внушительно себя держит, не сотворили ль мне там пакости. Вычеркнули из списка наград – только? Ну, к этому я давно привык, пустяки.

Как бы то ни было, но я заявил, что во всяком случае дольше каникул не думаю служить. Дело, однако, поставили отказами по всем моим представлениям, так что приходится ехать в Петербург или письменно адресоваться к министру. Жду, насколько верны пришедшие из Петербурга слухи о том, что [А.Л.] А[пухтина] сменяют и посылают снова [Э.Е. фон] Брадке.

/23/ На преосв. Леонтия посыпались грозы и молнии. [О.] Левчака Синод сослал в Смоленск; тот дернул (без билета) в Петербург и поднял разных Кояловичей и под. ([митр.] Исидор не принял его, [К.П.] Побед[оносцев] принял и будто обещал что-то). В Холм[скую] епархию шлют две ревизии Чистовича⁹⁶⁴, о чем уже получена бумага. В «Петерб[ургских] ведомостях» посыпались статьи. [М.Н.] Катков грозит целым рядом статей. [Преосв.] Леонтий – я и не думал, что он б[ыл] так впечатлителен – совершенно расстроился. Я послал вчера в Петербю ведомости письмо с общим обличением неправд эт[их] корреспонденций и с

⁹⁶⁴ Чистович Іларіон Олексійович (1828–1893) – викладач СПбДА і чиновник: чиновник з особливих доручень Міністерства внутрішніх справ (1874); член синодального навчального комітету (з 1867); управляючий канцелярією міністра народної освіти з греко-католицьких справ (1873–1874); віце-директор канцелярії обер-прокурора Синоду (1875–1888); керівник управління контролю Синоду (1888).

обещаниями в скором времени напечатать историю появления и возвышения галичан в Холм[ской] епархии, к которой и приступил уже. Знаю, ч[то] защитники галичан ([Н.П.] Воронцов, [А.Л.] Апух[тин] – туда же) доедут меня за это. «Государь мой, доложу вам, ч[то] по закону служащий не имеет права печатать что-либо без разрешения своего начальства» ([А.Л.] Апух[тин]). Но разрешение просить не буду, дело не служебное. Толстого нет.

Приступив к этой работе, я с ужасом вспомнил, что Феофан увез с собою мой экземпляр переписки [С.С.] Громеки с [еп.] Куземским. Эта статья в моем писании одна из важнейших. Прошу его, Креста ради, поскорее выслать мне этот документ. По миновании надобности я могу снова дать ему его.

/23 зв./ «Порядок» передернул ваших профессоров порядочно! Особенно академических...

Что же подельывает Феофан? И как таки он доселе и словом не отозвался. Не знаю, куда направлю стопы своя после отставки. Родные жены тянут то в деревню, то в Петербург, а меня тянет в Киев. [Я.М.] Неверов молит и просит переселиться в Петербург. Обещают мне там кое-что. Если найду с тысячу руб[лей] да квартиру каз[енную], то переселюсь. В конце эт[ого] месяца поеду в Петербург.

Прощайте пока. Числа 10–12 смотрите «Петерб[ургские] ведомости», письмо за подписью N.

В Петербурге теперь все власти варшавские. Что-то привезут для края! Поляки с нетерпением ждут известий. Присяжные и земс[кие] собрания решены. Будут ли выборные мировые судьи? Будут ли в школах льгота польс[кому] языку? Как бы то ни было, но земские собрания сами по себе станут поляков такою силою, с которою трудно буд[ет] [не] считаться. Это не то, что наши дряблые земства... Русские один по другому укладываются уже. Поляки необычайно заносчивы и уже раздают кому патенты на право пребывания в Польше, или изгоняют нас. С новым годом один польский учитель явился поздравить меня и торжественно сказал мне следующее: «Мы просим вас ничего не бояться; вы строги, но честны, только нечестным людям /23 зв. збоку/ мы советуем подумать о себе...» На вопрос, разве он имеет полномочия от кого в сообщении мне этой милости, он ответил: «Я говорю не по уполномочию, но и не с ветра. Я знаю обществ[енное] мнение...» И это один из самых близких к русским поляков, учитель! Сказать [А.Л.] Апухтину – что он сделает, ухаживая за поляками в пол[ном] унижении?..

/23 зв. вгорі/ Передайте наш искр[енный] поклон Феофану и Ольге Игнатьевне, Павлу Ф[едоровичу] и супруге его, от меня Ив[ану] Игнат[ьевичу] и супруге его, Оресту Марковичу и супруге его, о. Сильвестру и всем христ[ианам].

/23 збоку/ Жена моя все болеет. В течение послед[него] месяца ей два раза делали операцию. Как будто лучше теперь...

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
Лютый 1881 р.

Ф. III, № 3594

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ получ[ено] 22 февр[аля] 1881 г.

Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Посылаю тебе справки адресного стола о месте жительства Антоновых. Отца их, протоиерея Иоанна Антонова, по справке адресного стола на жительстве в Петербурге не значится. Вот уже целая неделя прошла, как эти справки собраны Никитою, но я не мог написать письмо по нездоровью. На будущей неделе я пришлю тебе денежное письмо, в котором надеюсь написать более – может быть, к /1 зв./ тому времени мне будет легче. Хвораю с конца октября, по временам начинаю поправляться, а потом опять делается хуже. Может быть, это от того, что не имею времени отдохнуть – очень много занятий по службе.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

Мой поклон Григорию Марковичу, сестрам и всем родным. К Феофану Г[авриловичу] я сделал приписку в письме Саши.

Олександр Феофанович Лебединцев – Петру Гавриловичу
Лютій 1881 р.

Ф. III, № 3594 [приписка на листі Данила Гавриловича]

/2/ Многоуважаемый и дорогой дядя Петр Гаврилович!

Премного благодарен Вам за такое внимание ко мне с Вашей стороны. Здоровы ли Вы? дорого дядя? Как здоровье тети Лариссы, Сони, Миши? У нас, в Петербурге, теперь очень многие заболевают простудой. Я тоже немного кашляю.

Целую Ваши ручки, остаюсь искренне Вас любящий племянник А. Лебединцев.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
18 лютого 1881 р.

Ф. III, № 3543

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ 27 февр[аля] 1881 г.

18 февр[аля] 1881 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

За недосугом доселе не мог я собраться, чтобы от всей души поблагодарить Вас за Ваше братское участие к моему несчастному Никите и его семейству. И доброе слово в таких случаях облегчает горе, а доброе дело навсегда остается памятным. Глубоко благодарен Вам. 50 руб. с. я выслал в один день с телеграммой. Получены ли они?

Моя жизнь тянется кое-как, «абы день до вечера», лишь бы дотянуть до каникул. Меня занимает только один вопрос: дадут ли мне пенсию по обеим

гимназиям, как уверяет [А.Л.] Апухтин, который и на бумаге дал мне засвидетельствование, что признается /1 зв./ на основании указа 1864 г., мою службу двум гимназиям не за две должности, но за одну должность. Так оно и быть должно бы по смыслу этого указа. Да на всякие указы у нас найдутся указы, а министерии пользуются правом и указы объясняют... Хотелось бы поехать в Петербург для разъяснения этого вопроса прежде подачи прошения об отставке, да какого толку теперь там добьешься! Удивительные настали времена в учеб[ном] ведомстве! Довели таки [А.А.] Сабурова до желанного скандала⁹⁶⁵. Не знал человек, откуда собирается гроза, кто возбуждает против него и направляет руки, а нам ясно как Божий день, что верные слуги [графа] Толстого – виновники скандала. Зачем держал их при себе доселе! Зачем созвал всех их на великую думу! Изуродовали, опошили, огадили вопрос об изменениях в каторжной системе, косвенно возвели каторгу в шедевр педагогики, окончательно сбили с толку обществ[енное] мнение по этому вопросу и опозорили министра. Вот результаты съезда! Что за перспектива службы в среде так ожесточенной, сбитой с толку, так разьедаемой злыми партиями! /2/ Что за наслаждение служить в битом министерстве! История еще не знала такого скандала по ведомству просвещения! Эти каторжники педагогики и злодеи просвещения, которыми насадил это ведомство [граф] Т[олстой], не уступят своих мест без тяжкого боя. Можно ли служить долее в такой сфере? Как манны небесной – жду каникул. Заходилась было в генваре покинуть службу, да не пускают среди года. Я теперь так раздражен, так озлоблен, что каждый день боюсь за себя, боюсь чтобы не сделать скандал, который погубил бы меня. Хочу уехать куда-нибудь на месяц-другой, чтобы успокоиться. Поеду в Петербург, когда там немного уляжется буря...

Жена моя также хочет прокатиться и избирает для этого Киев с целию говенья, в компании с Честилиной. Это будет, вероятно, в конце марта. Остановятся они в лаврской гостинице.

Мой Сережа из Москвы перешел в Петребург. Испугался я студентских волнений в Москве и перевел его [в] Питер, не зная, что попаду с ним из огня да в полымя. Впрочем, он оказался очень благоразумным: узнав, наконец, что собираются учинить на акте скандал, он не пошел на акт. Пишет, что бывает у Даниила Гавр[иловича] и находит /2 зв./ в нем то, чего не видит у других многочисленных знакомых и родных (по жене моей) – родственную простоту. Храбрецом оказался не последним. Моск[овский] университет отказал ему в перемещении среди года. После долгой возни он пошел к [А.А.] Сабурову и как юрист доказал ему законность своей просьбы, так что [А.А.] Сабуров приказал не задерживать документов его.

⁹⁶⁵ У квітні 1880 р. – березні 1881 р. А.О. Сабуров був міністром народної освіти. У лютому 1881 р. на Університетському акті в Петербурзі студенти влаштували проти нього демонстрацію, один студент дав міністру ляпаса.

Наступний пасаж Юхима Михайловича стосується діяльності міністра внутрішніх справ Михайла Тарієловича Лоріс-Мелікова (серпень 1880 р. – березень 1881 р.).

В Варшаве ничего особенного, кроме разве того, что Горнберг представлен в камергеры, а представивший его, генерал – шибкинский герой [Ф.Ф.] Радецкий⁹⁶⁶ (по званию председателя благотворит[ельного] общества) разводится с женою своею, покидая ей 7 душ детей и две тыс. содержания, а сам женится на старой девице, потерявшей репутацию. В Варшаве, впрочем, не удивляются подобными событиями. Сфера здесь такая, что сумасшествие между русскими – обыкновенное дело. [Преосв.] Леонтий истощил все свое красноречие над [Ф.Ф.] Радецким, ничего не пособило, и дело пошло уже в Синод. Несчастных детей, говорят, нельзя видеть без ужаса. Тихое помешательство со стороны старика, как и представление Горнберга в камергеры! Последний дернул в Петербург и там, говорят, с другом своим задушевым [А.Л.] Апухтиным хлопочут из всех сил, чтобы осуществить эту затею. Говорят, что влиятельные жида обещали ему содействие. Пожалуй, успеют. И ничего не будет удивительного... Тоже не будет ничего удивительного, если другой друг [А.Л.] Апухтина и наш общий друг В.В. Вилуев получит место ректора Варш[авского] университета, о чем начались уже хлопоты по случаю подачи [Н.М.] Благовещенским прошения об отставке. Ведь 3 года всего прослужить, чтобы получить пять вместо трех тыс. пенсии!..

/2 збоку/ В Варшаву приехал [И.А.] Чистович для ревизии «уният[ских]» дел. Теперь он в Холме. И что высумеют они! [М.О.] Коялович – сила у [К.П.] Победоносцева!⁹⁶⁷ Писал он мне на днях, побуждал сказать слово о здеш[них] делах. Да я ответил ему, что если скажу, то невкусное нечто для него...

/2 зв. збоку/ Куда исчез Феофан, что о нем нигде ни слуху, ни духу? Где он живет, что делает? Не поступил ли в пустынь какую в схимники? Ведь это ужасно! Точно сбежал человек со света! Хоть бы для смеху отозвался чем-нибудь... Сообщите мне адрес его. А если он в Киеве, то попросите выслать мне переписку [С.С.] Громеки с [еп.] Куземским. Моя работа без этого стоит неподвижно.

**Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
19 грудня 1881 р.**

Ф. III, № 3595

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Благодарю за поздравление телеграммой с днем ангела и в свою очередь поздравляю тебя с именинами. Дай Бог, чтобы в новом году твоей жизни было все благополучно, и чтобы служило тебе здоровье. Кланяюсь всем родным и душевно сожалею о нездоровье Григория Марковича. Кланяюсь также Назарию Антоновичу и благодарю за выраженное им желание оказать содействие в деле Жижецкого. Назарий Ан-/1 зв./тонович писал мне об этом на днях. Я буду

⁹⁶⁶ Радецкий Федір Федорович (1820–1890) – генерал від інфантерії, керівник оборони Шибкинського перевалу у Балканських горах, одного з ключових епізодів російсько-турецької війни.

⁹⁶⁷ Победоносцев Костянтин Петрович (1827–1907) – обер-прокурор Синоду (1880–1905).

отвечать ему письмом и благодарить. Прошу сказать брату Феофану, что Сашу я отправлю в Киев 20[-го], а не 21[-го] числа.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

19 дек[абря] 1881 г.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича

3 лютого 1882 р.

Ф. III, № 3596

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Твой бывший ученик, а мой сослуживец Митрофан Николаевич Стародубцев едет в Киев навестить своего родителя. Пользуюсь сим случаем, чтобы подать тебе весточку. Здоровье мое улучшилось значительно, но на меня взвалили новую работу, которая может подорвать только начавшее улучшаться здоровье. Нечего делать – нужно трудиться, пока можно. По окончании работы, по /1 зв./ всей вероятности, уйду на покой. Комитет наш предположено обратиться в отдел канцелярии Воен[ного] министерства, в котором мне не может быть места. Одна надежда, что за мою работу (проект преобразования Воен[ного] министерства), может быть, дадут мне несколько бо[льшую] пенсию, чем следует по закону, разумеется, если она, т.е. работа, будет исполнена успешно. Но и в этом сомневаюсь, так преподанные основания довольно шатки.

Я нигде не бываю и потому ничего не знаю, кого прочтут вам в митрополиты на место Филофея. Получил первую книгу «К[иевской] старины», но /2/ не имел еще времени прочитать. Дай Бог ей успеха. Сколько она имеет подписчиков, и есть ли надежда выдержать первый год при ограниченном, по всей вероятности, [числе] подписчиков?

Митрофан Николаевич очень добрый и умный человек, он обещал свое содействие по делу о сенокосе Ольгинской церкви.

Как здоровье Григория Марковича?

Всем родным мой нижайший поклон.

Я очень виноват пред Назарием Антоновичем. Он прислал мне оч[ень] любезное письмо ко дню моих именин и обещал содействие к делу Жижецкого, а я до сих пор не удосужился его поблагодарить. Прошу передать /2 зв./ ему мою сердечную благодарность.

Искренно любящий брат Данил Лебединцев.

3 февр[аля] 1882 г.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича

10 жовтня 1882 р.

Ф. III, № 3597

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ 15 окт[ября] 1882 г. отв[ет] 31 окт[ября]

10 окт[ября] 1882 г.

Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Много я виноват пред тобою и прошу прощения, что давно не писал к тебе. Все лето я провел в городе в лечении при усиленных служебных занятиях, а расположение духа было такое скверное, что я удерживался писать письма, чтобы и на других не навести тоску. Теперь здоровье несколько поправилось, но надолго ли, не знаю. Сожалею о преждевременной смерти Григория Марковича и прошу принять от меня благодарность за попечение о его семье. Прилагаемые при сем сто рублей прошу передать сестре /1 зв./ Александре Гавриловне. Хотел бы послать больше, чтобы можно было уделить и другим сестрам, но обстоятельства сложились так, что необходимо отложить это до другого более благоприятного времени. За Владимирскую звезду, которая ни светит, ни греет, с меня взыскивают в Капитул орденов 225 р.

В конце лета приехал ко мне брат Андрей Гаврилович хлопотать по своим делам, которые были очень плохи. Спасибо преосв. Леонтию за оказанное к нему снисхождение и защиту. Дай Бог Андрею дослужить до полной пенсии на законоучительстве в /2/ Ломже. У него от природы характер неуступчивый, и к тому еще прибавилось нервное расстройство от разных недугов. Ему необходимо будет на следующее лето ехать лечиться в Мариенбад или в Ялту.

Из письма Феофана Гавриловича я узнал, что зять Марфы Гавриловны⁹⁶⁸ учителем в Кишиневе, где ему плохо живется, и что есть предположение перевести его в Белую Церковь – дай Бог, чтобы это предположение осуществилось.

Не имеешь ли ты сведений из Одессы – как поживает Арсений Гаврилович с семейством?

/2 зв./ Вчера я прочитал в «Голосе», что Киевского митрополита вызывают для присутствия в Синоде. Скоро он приедет?

Кланяется тебе Ив[ан] Вас[ильевич] Писарев, недавно возвратившийся из Минской губернии, где пребывал около году в командировке на следствии.

Ник[олай] Ив[анович] Костомаров хоть и хворает, но держится, а Мордовцев очень плох – доктора советуют ему ехать в Италию. При восхождении на Арарат он не выдержал и, пролежав больной в шалаше у курдов два дня, пока нашли возможность перевезти его, получил плеврит, от которого едва ли излечится.

Желаю тебе здоровья и всего лучшего.

Искренно любящий брат Данил Лебединцев.

/2 зв. збоку/ Всем родным мой нижайший поклон.

⁹⁶⁸ Стасіневич Микола Онуфрійович (1857 р.н.) – чоловік Сусанни (Соні) Михайлівни Шаворської. Був переведений до Білоцерківської гімназії (1882–1891), потім перейшов законовчителем до Києва, і з 1898 р. став священником домової церкви в будинку генерал-губернатора. Микола Онуфрійович після смерті Петра Гавриловича передав його папери і історичні рукописи до бібліотеки КДА (нині у фондах Інституту рукопису НБУВ – ф. 301, спр. 690л).

/1 зв. збоку/ Назарию Антоновичу прошу передать мой поклон.

/2 збоку/ В августе я встретил сына Назария Антоновича. Он из заграницы приехал с женой в Петербург и поступил на службу учителем французского языка в Петрозаводскую гимназию.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
[1882 р.]

Ф. 154, № 101

/без початку/

/1/ или по-прежнему живет у тебя? Брат Феофан писал мне о критическом положении, в котором находится его «Киев[ская] старина» по малому числу подписчиков. Вчера Ник[олай] Ив[анович] Костомаров показывал письмо Феофана, в котором он извещает, что послал письмо к [И.Д.] Делянову с просьбою о субсидии правительственной. Николай Иванович обещал сегодня быть у [А.Ф.] Бычкова⁹⁶⁹ и просить его ходатайства пред [И.Д.] Деляновым. Не знаю, что из этого выйдет. Феофан пишет, что [А.Р.] Дрентельн⁹⁷⁰ дает свое одобрение. Если бы [А.Р.] Дрентельн вошел от себя с ходатайством, тогда можно было бы рассчитывать на успех. Очень жаль и брата Феофана, и «Киев[ской] старины».

/1 зв./ Журнал очень хороший и ведется прекрасно, и все хвалят, а подписчиков мало! Что причиною такого неуспеха, трудно сказать. Равнодушие от публики или боязнь попасть в подозрение в сепаратизме? Были уже какие-то инсинуации, и председатель Главн[ого] управления по делам печати требовал к себе на просмотр «Киевскую старину» и дело о дозволении издавать этот журнал, но книжки и дело возвратил и говорят, что ничего будто бы не нашел. Ему указали при этом на те отличные отзывы, которые были собраны об издателе.

Желаю тебе и всем родным встретить и проводить /2/ весело наступающие праздники.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

Кланяются тебе Ив[ан] Вас[ильевич] Писарев, Иван Ив[анович] Зефирин, который недавно приезжал из Тамбова в Петербург хлопотать о переводе в другую какую-либо консисторию секретарем, и Ник[олай] Ив[анович] Костомаров.

[И.И.] Зефирин говорит, что секретарь Киевской консистории просил о переводе его в Тверь, и что по этому поводу [К.А.] Вошинин высказал, что в Киевскую консисторию нужен секретарь, который бы показал вам кулак. Какое злопамятство!

⁹⁶⁹ Бичков Афанасій Федорович (1818–1899) – археограф, академік Петербурзької АН, з 1882 р. директор Імператорської публічної бібліотеки. Був дуже шанованою особою в науково-освітній сфері Петербурга.

⁹⁷⁰ Олександр Романович Дрентельн (1820–1888) – Київський генерал-губернатор у 1881–1888 рр.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
17 лютого 1883 р.**

Ф. III, № 3544

/3/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 28 февр[аля] 1883 г.

17 февр[аля] 1883 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Сколько лет, сколько зим – как я не писал Вам. Как это случается со мною – перестал я и думать об этом. Должно быть, уж натура такая, не переделаешь ее. Это свойство во мне – давнее мое горе; с ним я немало нажил себе врагов, немало разбил завязавшихся дружеских отношений, часто ставил в тупик моих друзей. Да что поделаешь с собой! Как пойдешь катиться в одном направлении – катишься, пока не стукнешься лбом; не успел сосредоточиться, чтобы идти спокойно, и опять покатился шаром, пока снова не споткнешься. /3 зв./ И так всегда. Редко спохватишься сообразить все, отдашься только личным старым связям. Уверен, что Вы привыкли к этому моему неладному свойству и не сочтете его за намеренное уклонение от тех отношений, какие сам Бог заповедал нам. Никогда в душе моей я не изменялся к Вам, никогда не переставал помнить все, что Вы сделали для меня, никогда не переставал любить и уважать Вас всею душою...

Вчера попало мне в руки несколько №№ «Киевлянина». В них я прочел, что Вы предположены были на кафедру епископскую и что на эту кафедру назначен [о.] Виталий⁹⁷¹. Не о епископстве стала предо мною мысль, но о моей вине пред Вами, о необъяснимом долгом моем молчании. Вот я и сел за письмо покаянное. Да не знаю, как и каяться. Читите Бога для, а не кляните.

/4/ Мое положение стало нелепым. Подал я было в отставку. Но из Петербурга уведомили, что вопрос о моей пенсии должен быть сперва рассмотрен в Минист[ерстве] просв[ещения], потом в Минист[ерстве] финансов, в Государств[енной] конторе, а затем поступить на окончательное решение или в Государст[венной] Совет, или в Сенат, и дело протянется никак не меньше года. Какова перспектива – без гроша за душой, с семейством, при моих силах! Мне посоветовали взять назад просьбу об отставке и просить предварительно решить вопрос о правах на пенсию. Благодаря приятелям, [А.Л.] Апухтин охотно согласился, и я остался на своем месте. Но 1, каково положение оставленного на время из особенной милости! 2, Прощение о правах на пенсию давно подано, но лежит без движения, [А.Л.] Ап[ухтин] – мне так объясняют – уже сожалеет о том, что поддался влиянию моих приятелей, и твердит, что без прощения об отставке находит неудобным посылать дела!.. Прошу его – чешет, мучится, но обещает, а потом снова отложит. Скверно. /4 зв./ Жду, что покажет лето. В Петербурге теперь не добьешься толку. Неопределенное положение, однако, крайне досадно.

⁹⁷¹ Архімандрит Віталій, ректор КДС у 1883 р. був рукопокладений на єпископа Чигиринського.

Я все бросил, чем раздражались против меня (в том числе всякое писательство, которым здесь были особенно недовольны, по недовольству на «Киев[скую] ст[арины]»), сижу в четырех стенах занят только гимназиями и семейными делами, бросив всякое отношение к общественности.

Семья моя как-то расклеилась. Жена поправилась было, повеселела, да стала хворать мать ее, и она опять расклеилась. Мать осталась жить в деревне – одна-одинешенька (другая дочь замужем за офицером, третья в Петербурге учится в Педагогич[еских] курсах ведом[ства] Имп[ератрицы] Марии). Скука и недостаток призора, кажется, близят катастрофу (она расположена к апоплексии). Поездки к ней, постоянные опасения за нее сильно действуют на здоровье жены. От Сережи также недобрая весть: доктор нашел у него расстройство груди! Этого я всего больше опасался... Кажется, все меры были приняты против этого недуга, грудь была сильно развита, мускулы железные, но – объясняют – на него сильнейшее впечатление произвело заарестование его в числе др[угих] студентов по студ[енческим] историям. На праздники он не приезжал, я не видел его всю зиму. Получив /4 зв. збоку/ от него известие о доктор[ском] решении, я написал ему, чтобы он тотчас бросил все и приезжал сюда. Он упирается, считает дело неважным, не хочет откладывать экзаменов на осень, но я снова послал ему совет приезжать сюда. Думаю послать его летом в Эмс, так как ему доктор приписал эмскую воду с молоком. Гоню от себя, однако, всякую мысль о наследственности в нем недуга. Не приведи Господи, это была бы и моя смерть!..

/3 збоку/ Наш генерал-губернатор⁹⁷² все еще не оправляется после операции от каменной болез[ни]. Операция не удалась, а повторять ее при ослаблении организма нельзя. Теперь, впрочем, явилось сомнение в самой болезни: камни не вышли, а между тем, симптомы, по которым первоначально признали существование его, проходят, и здоровье улучшается. Какой позор для польских хирургов и докторов, которым исключительно больной вверил было себя. Теперь ходят за ним русские доктора, которые, однако, сильно сомневаются в существовании камня.

Прощайте пока. Жена моя кланяется Вам низенько. Кланяйтесь Феофану и жінці его хорошенько. Может, и соблазнюсь – пришло ему замечания на карту «Русского Забужья», изд[анную] [П.К.] Щебальским. Эту статью я посылал в «Новое время», которое пропагандировало эту карту, но оно ответило, что находит неудобным хлестать своего сотрудника...

/3 зв. збоку/ Написал я много-премного по поводу статей «Странника» о воссоединении униятов. Но предварительно послал в Петербург [М.О.] Кояловичу вопрос: напечатает ли эту статью «Странник», и вообще – удобно ли теперь печатать про это дело. Не получая ответа, повторил вопрос. Но доселе ответа нет, а бывший у меня недавно член Учеб[ного] комитета при Св. Синоде Григоревский дал мне совет – о напечатании перестать пока и думать.

⁹⁷² Альбединський Петро Павлович (1826–1883) – варшавський генерал-губернатор у 1880–1883 рр.

/4 збоку/ Как поживает «Киев[ская] старина» и ее редактор? Что-то забыли мы друг о друге. Сотрудник из меня плохой вышел. И в клубе нашем не вижу теперь и «К[иевской] старины», только по газетам слышу о ее триумфах. Поправилась ли подписка? Странно теперь нашему брату сотрудничать в период[ических] изданиях, мне особенно.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
15 березня 1883 р.

Ф. III, № 3546

/9/ /іншим почерком/ Варшава
15 марта 1883 г.

Любезнейший брат Петр Гаврилович!

Не надейтесь на князи и на сыны человеческия... На Деляновых и того меньше. «Усиление власти» – современный лозунг – ставит [А.Л.] А[пухти]на в царств[енное] положение, а крутой и жестокий, мстительный и злобный нрав в настоящую пору делают его непобедимым. Нельзя и представить, что здесь за произвол, и как все сходит за государств[енную] заслугу, за пользу делу. Нет, мы люди не современные, пора уходить, только бы год дали докончить. От великих хлопот в мою пользу [А.Л.] А[пухти]н отказался, а в Петербурге инициативы на себя не принимают – «нарушение порядка», «нужно по начальству»...

С Сережей нечего и думать о возвращении в Варшаву, откуда русские студенты толпами бегут, и где я не доживу до окончания им курса. Там он составил было себе кое-какую репутацию /9 зв./ серьезными занятиями. Мне говорили, что кружок профессоров отметил его для будущей кандидатуры на оставление при университете – что у начальства теперь он, конечно, потерял многое, но – говорят – в будущем дело поправимое. Ведь это чего-нибудь стоит, что меньше 5-ок ни разу не получил на экзаменах, подал все сочинения и все с отличной похвалой, сам занимается разработкою некот[орых] предметов, о чем известно профессорам. В Петербурге мне о нем говорил один профессор: «Это один из самых серьезных студентов». Было бы жаль всадить теперь его в Варшав[ский] университет, где профессора (на юридич[еском факультете]) по преимуществу поляки, читают по тетрадкам, которые для них знатоков студентов сделаны с их же польс[кого] текста, и с рус[ским] студентами не вступают ни в какие отношения. Глупо, что он попал в историю, но никак не думаю, чтобы он испортился. Пускай Бог разбирает. Сереже лучше смерть, чем Варшава, молит и плачет. Я же скорее в Киев или Одессу послал бы его, но – ведь остался всего год...

Мать моей жены оправляется. Я сам был там. Беда с ожирением сердца и печени. Кстати, там доктор – мой ученик, мною некогда благодетельствованный, даровитый, но из-за ранней и неудачной женитьбы бросившийся в уезд – он с редким усердием и успехом лечит ее. Теперь она /10/ выезжает, а доктор обещает, что еще протянет. Она очень отяжелела, едва двигается.

О «Киевской старине» в клубе я справлялся в генваре; тогда ее там не было, и библиотекарь сказал, что решили не выписывать. Но потом старшин (и библиотекаря) сменили – «К[иевская] старина» есть. Буду присылать, что попадется. По получении первых книжек ее я в тот же вечер послал ей маленькую заметку с подляскою песнею о злополучнице, сожженной соблазнительями. Доселе еще не привезли мне бумаг из Питера. Между ними и «Заметка на карту Щебальского», ч[то] «Новое время» отказалось напечатать, которую мне хотелось бы напечатать. Получу – пришло. Про униятов не кончил. Жду нужных бумаг из Петербурга. Хотелось бы напечатать там, где и возражение (заметки «Очевидца») напечатаны. Но пишу-пишу, спрашиваю, ни слова не отвечают. Решаюсь, написавши, все послать [К.П.] Победоносцеву с просьбою или приказать напечатать в том же журнале, или дозволить издать отдель[ной] брошюрой. В «Киев[ской] ст[арине]» прочтут не те, для кого она имеет интерес. Впрочем, как там решат. А то, может, и сам раздумаю.

Вам «непонятна антипатия [А.Л.] А[пухти]на к “Киев[ской] ст[ари]не”». Таких типов Вы не знаете. Тут сколько лет присматриваемся к нему, и все-таки многого не понимаем. А антипатия непобедимая. Кроме того, его претит до глубины души всякое малор[оссийское] слово, как и польское. Он все жалуется теперь, ч[то] русских учителей здесь почти нет, п[отому] ч[то] все они то из Киева, то вообще уроженцы югозап[адных] губерний... «А эти – доложу вам – б[олее] ч[ем] хуже поляков...»

/10 зв./ Брошюру [преосв.] Модеста⁹⁷³ вместе с сим посылаю Вам. Великая ученая работа сия не имеет ходу. Горох с капустой! Продолжения нет.

Был у меня на днях в[есьма] почтенный деятель в Седлец[кой] губ., признанный всеми древлепр[авославными] и воссоединенными священниками своим главою – бельский протоиерей Ковальницкий. Я был очевидцем (на двух праздниках б[ывших] униятов) всеоб[щего] к нему уважения священников и народа. И что же? «Ради Бога, пособи́те куда-нибудь уйти. Нет более сил. В этот год все разрушается, гибнет, нет просвету, все опустили головы, всё против нас – не только паны и ксендзы, но и все рус[ские] свет[ские] власти. Зашел я в одной деревне в школу, спросил учеников по Закону Б[ожию]. И что же? Мне потом предъявили школ[ьную] инструкцию, по которой школу может посетить уезд[ный] начал[ьник], жандарм, офицер, мировой посред[ник], войт, судья, но о благочинном – мол – не сказано, и не смейте посещать!» Начальник дирекции – артил[лерийский] капитан! Процессию захочешь совершить – власти косятся, зачем врагов дразнить, а враги тем смелее препятствуют. Не знаешь, о чем толковать прихожанину, чтоб не остаться виноватым – «не ваше дело», или чтоб власти не сочли для себя личною обидою. Над[...] прихожане всюду вопят: «Если скоро не дадут нам помощи – всі погине́м, сил не маем»...

Ново-Александр[ийский] землед[ельческо]-лесной институт на днях закрыт. 17 студентов арестовано за какие-то политич[еские] выходки. Прочие взбунтовались – возвратите, мол, товарищей. Поехал [попечитель] Апухтин, ему

⁹⁷³ Вікарний єпископ Модест написав чимало брошур історичного змісту.

там много нанесли грубостей («Я рад, что выехал цел, что не побили», – сам говорил мне), много буйства учинили. Что же, однако? Дело грозит решиться, что все это рус[ские] студенты наделали («особенно из хохлов», – выражается [А.Л.] Апухтин) и чуть ли в конце концов не решено будет не допускать /10 зв. збоку/ только рус[ских] студентов, а Институт – мол – можно с буд[ующего] года открыть. У нас ведь все так: в конце концов только русские страдают, а поляки выигрывают. Может, и на сей раз так стать.

Кланяйтесь Феофану и жінці его.

/10 збоку/ Отговелись мы на второй неделе – ради того, чтобы дать полякам-ученикам возможность б[ыть] свободными на их Страст[ной] неделе. Сами-то рус[ские] гимназии тут ни при чем, но зауряд нашим приказано говеть на этой неделе. Первый раз в жизни говел я на второй неделе – ради поляков! Теперь у поляков здесь Пасха. Под предлогом смерти ученика от дифтерита и мы эти дни не учились – также в первый раз.

Арсеній Гаврилович до Петра Гавриловича
13 квітня [1883 р.]⁹⁷⁴

Ф. 154, № 75

/28/ /почерком Петра Лебединцева/ получ[ено] 14 апр[еля]
отв[ет] 15 апреля.

13 апр[еля] Вел[икий] четв[ерг]
Одесса

Любезнейший брат, Петр Гаврилович.

Я еще не отвечал тебе на твое поздравление с днем ангела. Ты, конечно, не сомневаешься, что с глубокою братскою благодарностию принял, как и всякую строку от тебя читаю с радостию. Я откладывал, желал еще чем-нибудь похвалиться в моем положении, которое было какое-то неопределенное, как бы среднее между теплом и холодом, и более неприятное, чем... не знаю, как назвать его. /28 зв./ Вчера владыка⁹⁷⁵ явил новое знамение ко мне своего небаговоления. На протоколе о выборе нового благочинного Од[есских] церквей положил резолюцию: «На выбор д[ля] собрания все духовенство г. Одессы. Признаю нужным в Одессе, чтобы ведению оной благочинной подлежали все церкви, не исключая и кафедрального собора с его причтом». Кажется, это первый пример подчинения каф[едрального] собора благочинному. Вчера был я вечером у него с проповедью. Продержал меня с час, говоря о разных разностях, и ни слова об этом сюрпризе. Вот он каков. Не считаю нужным распространяться, что вины своей не вижу и не слышу от него самого.

⁹⁷⁴ Пасха 17/29 квітня за зрілого віку Лебединцевих була у 1883 р. і у 1894 р. Події, почерк і стиль Арсенія ближчі до 1883 р., ніж до 1894 р.

⁹⁷⁵ Архієпископ Дмитрій (Муретов).

/29/ Буди воля Божия! Благая прияхом; злие ли не стерпе ли⁹⁷⁶. Прости, что к светлому празднику делюсь печалью.

От всей души желаю тебе радости и веселия в светлый праздник и всегда. Всем и родным, и знакомым низенько кланяюсь.

Любящий тебя брат Арсений Лебединцев.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
28 квітня 1883 р.

Ф. 154, № 94

/1/ четверг
28 апр[еля] 1883 г.

Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Г[осподин] Землянский сказал, что он отправляется в Киев во вторник, но так как в этот день он не явился, то я приготовленное письмо отправил по почте. Сегодня он заходил, но не застал меня дома, и сказал, что зайдет в 8 часов за письмом. Что написать теперь, в дополнение к прежнему письму?

Андрей Григорьевич Ильинский говорил мне на днях, что представление об ассигновании суммы на постройку Киевск[ой] консистории передано митро-/1 зв./политу Платону на рассмотрение, так как оно сделано было еще до назначения его митрополитом в Киеве, потому это дело будет отложено до будущего года.

Викарий Харьковский Вениамин (Платонов), мой товарищ по Академии, увлекся, говорят, мистицизмом и по ходатайству [архиеп.] Амвросия (Ключарева) переводится викарием в Кострому, а Костромской викарий Геннадий (Левицкий)⁹⁷⁷, тоже мой товарищ, переводится викарием в Харьков.

Попечителю Варшавскому [А.Л.] Апухтину нанесено студентом Гуковичем личное оскорбление за отказ принять просьбу о расследовании беспорядков в Люблинской гимназии, происходящих [в] /2/ дирекции Сингилевича. После беспорядков в Варшавском университете, опубликованные в «Правит[ельственном] вестнике», там же произошли опять беспорядки и покушение толпы студентов и друг[их] на особу [А.Л.] Апухтина, а для восстановления порядка и защиты личности попечителя потребовались войска. Хотя кровопролития не было, но [А.Л.] Апухтин, опасаясь за свою жизнь, предпочел уехать в Петербург. В воскресенье Ефим Михайлович был у него и едва узнал его – так изменился от перенесенных тревожений. Говорил: поеду к государю императору, и если прикажет, то поеду в Варшаву на верную смерть. Что было дальше, не знаю.

⁹⁷⁶ Иов 2:10.

⁹⁷⁷ Веніамін (Платонов; 1819–1905) – єпископ Костромський у 1883–1905 рр.; Геннадій (Левицький; 1818–1893) – вікарний єпископ Харківської єпархії у 1883–1886 рр. Амвросій (Ключарьов) був єпископом Харківським.

Ефим Михайлович уехал /2 зв./ в Петербург во вторник. Он приезжал взять больную сестру его жены из пансиона.

Ефим Михайлович говорил, что он приготовил большую историческую статью о обращении холмских униатов в православие и предназначает ее для «Киев[ской] старины». Вчера получил письмо от Феофана Гавриловича. Невесело ему от «Киев[ской] старины». На днях побываю у митрополита Платона и у [архиеп.] Леонтия и тогда напишу ему.

Искренно любящий тебя брат Даниил Лебединцев.

Арсеній Гаврилович до Петра Гавриловича
16 вересня 1883 р.

Ф. 154, № 70

/19/ 16 сент[ября] 1883 г.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

В Одессу возвратился я в добром здоровье и благополучно. К полночи в вагоне стало не тесно, а от Жмеринки я уже мог лежать на диване.

За братскую любовь и хлеб-соль сердечно благодарю. Александре Гавриловне, Феофану и Ольге Игнатьевне и всем присным поклон сердечный.

Своего владыку застал /19 зв./ я в добром относительно здоровье. Чуть ли не рискнет он повидеться с м. Платоном. По крайней мере, вновь высказал такое намерение. Но сомнительно, чтобы он мог поехать в Киев. Между прочим, он служил в соборе 8 сентября, затем в воскресенье 11 сент[ября] освящал новый приют, 14 сентября не только служил в соборе, но проповедовал. Долго ли он будет так храбриться, не знаем.

О преосв. Далмате⁹⁷⁸ получено сведение, что врачи признали его /20/ безнадежным, что он уже на смертном одре. Если вопрос о его имени решится, скорее решится вопрос и о викариатстве нашем.

А вот что сегодня пропечатал нам «Од[есский] вестник», будто бы «среди од[есского] духовенства крепко держится слух, что Елисаветградским епископом будет киев[ский] кафедр[альный] протоиерей Петр Лебединцев, брат Од[есского] кафедр[ального] протоиерея». Я один был в Киеве из Одессы, и могут подумать, что такая /20 зв./ весть привезена мною из Киева. Но у меня и речи о викариатстве ни с кем. Хотя преосв. Димитрию я не передал слов м. Платона, когда последний, высказав свои мысли, прибавил: «Но это между нами».

Дети мои здоровы и тебе и сущим с тобою кланяются.

Искренно любящий тебя брат Арсений Лебединцев.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
29 вересня 1883 р.

⁹⁷⁸ Далмат (Долгополов; 1831–1883) – вікарний єпископ Новомиргородський у 1883 р..

/11/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 16 дек[абря] 1883 г.

29 сент[ября] 1883 г.

деревня Вулька Плебанская, Седлец[кая] губ., Бельского уез[да]

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Пишу из деревни среди упакованных в дорогу моих вещей. Чрез два часа еду в Петербург. Зачем? Да так, не сидится в отставке.

О. Андрей, вероятно, известил Вас, что я уже в отставке – с 1-го сего сентября. В отставку выпустили, а о пенсии подняли вопрос, который пойдет по министерствам и угрожает затянуться на несколько месяцев. Пока есть лишняя сотня руб., употреблю ее на личные хлопоты в Петербурге о своей пенсии. Вот /11 зв./ главная цель моей поездки туда.

Но поездка эта может повлечь за собою что-либо и другое. В августе в Варшаве был К.П. Победоносцев. По старому знакомству я представился ему и получил от него предложение – в Петербурге зайти к нему, у него для меня могут найтись занятия. Только и сказано. Что за занятия, не пояснено, прибавлено только: «Здесь ничего об этом не могу решить, в Петербурге только объяснимся. Работа должна быть вам по силам». Еще осенью, в Петербурге будучи, я заговаривал кое с кем о дозволении мне заниматься в синод[альном] архиве. Говорили тогда, что это возможно даже с вознаграждением. К.П. П[обедоносце]в, предупрежденный об этом в Петербурге, сказал мне: «Это что ж, дело не важное, беритесь хоть и сейчас, но я хотел /12/ бы посадить вас за другую работу...»

С тем мы и расстались. Эта другая работа что-то меня пугает. Спрашивал Андрея Гр[игорьевича], ответил, что узнаю в Петербурге.

Еду, однако, с твердым намерением взять, если дадут, архивную работу, другого ничего не принимать. Рассердятся – не дадут и архива... Это будет очень скверно, если пенсию урежут. Но если ее не урежут, возвращусь в деревню на полную свободу, которой так всегда я жаждал.

Итак, еду в Петербург главным образом хлопотать о пенсии и ускорить ее. Остальное – как Бог даст. Аще воля Его святая – покорюсь ей. Аще ли ни, еду восвояси, и в таком разе выбор постоянного местожительства падет, вероятно, на Киев. Дал бы Бог хотя перед смертью сойтись всем нам.

Выход мой в отставку произошел не без приключений. Мне резко сказано, /12 зв./ что я глав[ная] причина нерасположения в Варш[авском] учеб[ном] мире к [А.Л.] А[пухтин]у. Он сам сказал, что мы вдвоем не помиримся ни на чем. Значит, и баста! Не шутя он стал толковать про меня, что чуть ли я не принадлежал к поджигателям студента, побившего его. Бог знает, что поднялось в Варшаве, и я должен был бежать, чуть не как высланный из Варшавы. Ну, да об этом не рассказать в письме...

Хуже всего то, что меня он старался очернить в Петербурге. К.П. П[обедоносце]в сам сказал мне, что меня «пытались очернить пред ним». То же весной говорил мне и [И.Д.] Делянов. Но Бог милостив и справедлив...

Ну, и прощайте пока. Кланяйтесь Феофану и его семье. Жена моя низенько кланяется Вам и им. Она остается на зиму в деревне у матери. Если милость Феофана, прошу сюда направить «Киев[скую] старину»: «г. Бела, Седлец[кой] губ. Марии Ст[епановне] Крыжановской».

Ваш Е. Крыжановский

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
18 грудня 1883 р.

Ф. III, № 3598

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Душевно благодарю за поздравление с именинами и взаимно поздравляю тебя с днем твоего ангела. Желаю, чтобы Господь укрепил твои силы на многие годы. Мое здоровье опять что-то пошатнулось; впрочем, может быть, оно скоро опять поправится. Благодарю за сообщение сведений о Мише. Сожалею о нем и вообще о нынешних юношах. У блаженного Никодима⁹⁷⁹ я не был, потому что в то время нездоров был, да еще и потому, что являясь к нему, нужно было приподнести денежное пожертвование, согласно его публикации в газетах. Подносить же малость было бы стыдно, а много не в состоянии.

/1 збоку/ Блаженный Никодим в бытность его архимандритом в Москве покупал вместе с Вас[илием] Род[ионовичем] Ратко мех для шубки младшей дочери Марфы Гавриловны. Сие нужно записать в нашу семейную хронику. Поэтому я очень сожалею, что мне не удалось быть у него в Петербурге. /1 зв./ У преосвященного Ионафана и у митр. Платона побываю во время праздников. Хотел было сегодня быть у [митр.] Платона, но по нездоровью пришлось сидеть дома. Вчера были у меня Андрей Григорьевич Ильинский, Ефим Михайлович Крыжановский и Н[икол] Ан[дреевич] Миревич, и просили передать тебе нижайший их поклон. Еф[им] Михайлович уже назначен состоять в распоряжении обер-прокурора Св. Синода с вознаграждением 1000 р. в год. [К.П.] Победоносцев уже поручил ему составить записку о присоединении к православию латышей и эсты и свод постановлений и правит[ельственных] распоряжений к этому предмету. Недавно Еф[им] Михайлович говорил мне, что предположено вызвать Амвросия [архиеп.] Харьковского /2/ в Петербург для присутствия в Синоде и якобы с тайной целью открыть ему дорогу в митрополиты. Очень возможно, но жаль будет, если он отнимет опять вакансию у [архиеп.] Леонтия. О назначении Никанора Уфимского в Одессу был представлен доклад, но по случаю опубликованной в газетах болезни государя возвращен. Вероятно, скоро опять

⁹⁷⁹ Никодим (1828–1890) – патріарх Єрусалимський з 1883 р. Із 1877 р. проживав в Москві як настоятель Єрусалимського подвор'я, отримав звістку про обрання його патріархом.

представят, и последует утверждение. Недавно я получил письмо от Андрея Гавриловича из Ломжи. Ему остается дослужить до права пенсии 2 года, но едва ли удастся ему дотянуть до срока. Кланяюсь всем родным.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

18 декабря 1883 г.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича

26 грудня 1883 р.

Ф. III, № 3545

/7/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 30 янв[аря] 1884.

26 декабря 1883 года

С[анкт-]Петербург

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Ваше письмо искало Данила Гавриловича по Петербургу несколько дней, за неточностью адреса, а пришло ко мне за день до праздника – день тяжелой суеты для меня. Так я его не успел тогда и прочитать. Только сегодня опомнился от суеты и прочитал. И прежде всего – спасибо Вам за память обо мне, а затем – с праздником! Феофана Г[авриловича] с жінкою и дітками также поздравляю, всех благ желаю. А между благами – и преуспевания «Киев[ской] старины», которой, к сожалению, не могу теперь послужить самим делом.

/7 зв./ Состою я здесь «прикомандированным к обер-прокурору с[вятейшего] с[инода] с откомандированием в Учеб[ный] комитет с правом голоса и с вознаграждением в тыс[ячу] руб.». Что касается занятий, то таковые имеет поручать мне «лично обер-прокурор и по Комитету – председатель его». В Комитете я доселе не был, а поручение обер-прокурора имею уже с прошлого месяца и окончу его разве чрез три-четыре месяца. Поручено извлечь из архивов все постановления и распоряжения прав[ительств]ва по делам правосл[авных] латышей и эстов! После того, как я 19 лет заряжался уният[скими] делами и думал тут выстрелить пометче, вдруг – разряжай! Начиняйся с латышами! На первый раз мне показалось, что меня шлют к готтентотам или в Камчатку, но с первых же дней занятий в архивах работа сильно заинтересовала меня. В этом мире все для меня оказалось новым, унияты – дети пред латышами, как польс[кие] паны – неразумные ребята сравнительно с немец[кими] баронами. Там все работали страсти, тут желез[ная] воля, опирающаяся на европ[ейскую] цивилизацию, /8/ тут все стоит как один человек под знаменем разума, говорит открыто, смело, все начистоту. Боже, какими пигмеями выглядят эти русские апостолы и раторборцы православия сравнительно с этими рыцарями, закованными в железо с ног до голову, с крестом и мечом в руках! Но это так кажется: в сущности последние – армия Дон-Кихотов, которая повалилась бы от русского кулака, если бы только позволили ему погулять, если бы не считали здесь этих Дон-Кихотов за

настоящих рыцарей! Ну, да об это мне буду распространяться. Роюсь в архивах, ищу постановлений, из коих многие попряты так, что их самая юркая архив[ная] крыса не найдет, иные с целыми делами выкрадены, так что подлинный текст их никому и не известен, иные хотя и состоялись, но почему-то считаются отмененными, хотя никакого следа отмены нет, а есть, напротив, строгие подтверждения об исполнении их и т.д. Сверху донизу немецкие руки охватили все дело, все перечистили, прибирали, что нужно б[было] упрятать, – приходится идти шаг за шагом, читая даже лоскутки, не попало ль в них случайно указание на закон или же и самый /8 зв./ текст закона. Занимаюсь теперь в архивах Департ[амента] иностр[анных] исповед[аний], потом перейду к архиву Синода, обер-прокурора, затем еду для той же цели в Ригу и Псков. Повторяю: работаю с наслаждением.

Хорошо бы жилось за такой работой, если бы не какой-то фатум, преследующий меня в течение всего этого года. Не говорю уже о том, что обрезают мою пенсию, затем подняли вопрос снова об увеличении ее и опять (по интригам варш[авского] благодетеля) приостановили дело. Дело, однако, не безнадежно, но вот беда за бедой: 1, по отъезде моем жена моя заболела, все больна и больна – наконец, доктор пишет мне: «Слава Богу, все пошло к лучшему, произошло оплотнение легкого, а то думали, что скоротечная чахотка!» Вообразите мое изумление и мое положение! Только что я собираюсь совсем бросить здесь все и ехать, как получаю просьбы и мольбы от жены не бросать дела, п[отому] ч[то] вся опасность миновала! Доктор, однако, пишет, что едва ли ей можно будет даже в след[ующую] зиму переселиться в Петербург. Итак, теперь мне нечего и думать заводить здесь квартиру и располагаться здесь на житье! Кончу данное мне поручение – не знаю, исполню ли другое (уже есть оно: составить извлечение из изд[ания] Академии наук Записок [еп.] Семашки⁹⁸⁰ – для обыкновенной публики!) да и – прощай Питер! Что будет затем – не предрешаю.

№ 3544 (помилково покладений до іншого листа)

/5/ 2, Едва я расположился здесь, как привозят брата моей жены⁹⁸¹ – учителя Калишской гимназии... помешался! Не предупредили меня ни одним словом – привезли, сдали на руки мне, чтобы скрыть горе от матери – делай, что хочешь! Определил я его здесь в больницу, где доктор – брат покойного о. Гервасия, женатого на Анне Иассоновне, который принял в нем участие как родной. Как матери сообщить об этом? Известие убьет ее. Написал я обо всем другому зятю ее, офицеру, проживающему в Белой. Что же вышло? Старуха, бывши в церкви в Белой, сама зашла на почту – нет ли писем, и там ей дают письмо мое к зятю. Дернуло любопытство, распечатала – и повалилась. Доселе еще не вполне оправилась, а между тем судьба приготовила отчаянный удар.

Это было как раз в день Вашего ангела. Мы с Данилом уговорились в тот день сойтись в клубе и пообедать вместе в честь Вашу. Я сходил с лестницы,

⁹⁸⁰ Записки Иосифа, митрополита Литовского: духовно-просветительское издание: В 2-х томах. Снкт-Петербург, 1883.

⁹⁸¹ Михайло Степанович Громека, проводив час у Юхима Михайловича після смерті Надії Наркисівни.

направляясь в клуб к условленному часу, как летит навстречу служитель из больницы – «ваш родственник сейчас застрелился!..» Его, как /5 зв./ спокойного и совершенно здорового во всем, кроме его *idée fixe* – подозрения в выдаче германскому правительству государст[венного] секрета, неумолимые преследования, перспектива увольнения от службы ([А.Л.] Апухтин посылал ему после моего отъезда приказ подать прошение об увольнении), ссылка или казнь – то его отпускали из больницы с сторожем ко мне, к сестре и двум б[ывшим] универс[итетским] товарищам его. Облюбил он бывать у товарища-прокурора. На сей раз приехал к нему, не застал его дома, умолил своего соглядатая сходить достать ему варенья, а сам (оказалось, ч[то] все прежде того разведаль) отыскал револьвер, заряды, спрятанные в ящиках, но не запертые, и выстрелил в себя – в сердце... Увы, я застал его живым, он не попал в сердце, пуля прошла мимо и осталась внутри, он еще 15 часов жил – мучился! От катастрофы этой произошла пертурбация в организме, все помешательство прошло! Сам не понимая, что с ним было, откуда убеждение в подозрении, просился жить-жить... Исповедался, приобщился – умер праведником!

Ну, теперь что будет с старухой, да и с женой моей, которая столько всегда соболезновала над ним? Тут уж я совсем потерялся, ничего не могу придумать. За лучшее счел послать к ним Сережу и сестренку, что учится здесь в Педагог[ических] курсах – пускай принесет эту весть, да и разделяют горе...

Что будет за сим – жду. Хватит старуху удар, к которому она так склонна, тогда я должен все бросить и ехать.

/5 зв. збоку/ Сережа оканчивает курс. Готовлю его в Вилен[кий] округ, где стар[ший] председатель – мой близкий приятель (по Варшаве). Услал я его теперь в деревню на целый месяц.

/6/ Не везет! А так, казалось, хорошо тут устроюсь и отдохну душой после каторжной службы! Божья воля, приходится покориться ей. Не говорю уже о том, что болезнь жены, брата ее и эта катастрофа с ним подрезали меня в денеж[ных] делах, которые всегда-то у меня дремали, но поправлены были с отставкой. Плоха перспектива жизни в Питере...

Ну, догадываетесь, что эти дни меня ничто не занимает. Был сейчас у Данила, отвел немного душу. Он-то немного прихворнул и еще дня два не выйдет из дому, но – пустяк-дело! А я вот не знаю, когда уже спал ночь...

Про письма мои пишите⁹⁸². Не помню их в надлежащем в тоне и характере, но боюсь, чтобы они не были слишком юны, как все первые необычные впечатления – у человека нервного, пылкого. Хотелось бы посмотреть их; но – как знаете, так и делайте.

[П.Н.] Батюшков затеял издание какое-то о Холмской Руси⁹⁸³. Взял он у меня привезенную мною сюда статью об этом крае, точнее – о доисторических временах его, или иначе – о первоначальном заселении этого края, и не отдает – пушу, говорит, передовой статьей в своем издании. Но и доселе ни об издании не

⁹⁸² «Письма из Подлясья», опубліковані у КЕВ.

⁹⁸³ Петров Н.И. Холмская Русь. Исторические судьбы русского Забужья. Санкт-Петербург, 1887. 321 с.

слышно, ни денег не платит. Хлопотал он о субсидии, [граф] Толстой обещал, да не знаю – даст ли уже. Два уже месяца не вижусь с [П.Н.] Батюшковым. Издание хочет вести на свой страх, /6 зв./ советуется во всем только с [П.К.] Щебальским. Никто тут не доверяет ему... а субсидию дают! С [М.О.] Кояловичем он не состоит по этому делу ни в каких отношениях и тщательно избегает его.

Принялся я было здесь по приезду за Реформацию в Польше (по поводу книжки приятеля моего Любовича⁹⁸⁴), так хотелось писнуть про это дело, да в самом разгаре работы пришлось поручение об эстах и латышах! Теперь и не помышляю об авторстве.

С б[ывшим] владыкою латышей, митр. Платоном, доселе не познакомился. В среду иду к нему. Начитался я в архивах произведений его по этому предмету – ума палата! Да он-то в корне испортил было дело, за[...]шись в политике. Стал наводнять латыш[ские] приходы «русскими людьми» – священниками, не знающими латыш[ского] языка – и пошел раздор!..

В настоящую пору поднялись эсты. До двух тысяч присоединено уже, а теперь еще до двух тыс[яч] прислали прошение о православии. Постановлено и сих принять. По всему краю ходят воззвания на эстон[ском] языке с призывом встать как один человек против ненавист[ного] Лютера (это юбилей-то Лютеровский так отозвался) и его слуг и «стать под знамя веры русского царя и рус[ского] народа». По всему краю немцы пришли в неистовство и шлют сюда ко всем властям протесты с убеждением, ч[то] это движение социалистическое, маскирующееся религией. Я зачитываюсь этими протестами – неслыханно наглыми, бесстыдными, требующими скорейшей присылки войск для неумолимого подавления бунта, угрожающего разрушениям всему государству. И что же Вы думаете? Уже полмира властительного начинает верить немцам и заговаривает, нельзя ли поудержать эстов!!! Что из этого выйдет – одному Богу известно. Пишу Вам о этом по секрету, п[отому] ч[то] все дело идет в молчанку, газеты обязаны не заикаться... Оно и к лучшему, а то Бог знает, что за кутерьма пошла бы в них в настоящее тревож[ное] время.

/6 зв. збоку/ Но прощайте пока. Соберусь как-нибудь, побеседую еще о чем-нибудь, хотя... ни самому миру вместити пишемых книг. Аминь.

Ваш Е. К[рыжановский]

/6 зв. збоку/ Передайте мой поклон всем добрым знакомым и б[ывшим] приятелям. Ай, да мало же их осталось! Как жаль [А.Д.] Воронова! Не увидите ли вдову его – очень-очень кланяюсь ей и горюю с ней о потере ее. Поклонитесь [еп.] Сильвестру (Московский говорил мне, ч[то] предложит его в архиереи на самостоят[ельную] епархию), [И.И.] Мальшевскому, Подвысоцким. Жив ли Орест Маркович? И ему, также Назарию Антоновичу.

Арсеній Гаврилович до Петра Гавриловича

⁹⁸⁴ Любович Микола Миколайович (1855–1935) – професор Варшавського університету. Його докторська дисертація: История реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитарии. Варшава, 1883.

21 січня 1884 р.

Ф. 154, № 69

/17/ Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Отвечаю на письмо твое от 18-го сего января.

Относительно нашей злобы дня, т.е. приезда преосвященного Никанора⁹⁸⁵ имеем следующее сведение от него самого. 12 января телеграммой дал знать, что сего числа выехал из Уфы. Потом получены телеграммы последовательно из Оренбурга, из Самары и Пензы такого содержания: «Благословение Господне. Никанор, епископ Уфимский». В этом нельзя не видеть особого внимания /17 зв./ и любезности Никанора, который не только извещает нас о том, где он в пути находится, но адресуя телеграммы каждый раз на имя нового лица: меня, [ректора семинарии] Чемены, Семского, секретаря консистории, эконома архиерейского дома, каждому делает честь. Можно ожидать, что будут телеграммы еще из Тулы, Курска и Харькова. Из последнего непременно, ибо как писал родственнику своему, случайно обретающемуся в Одессе, он остановится в Харькове отдохнуть дня на два. Через этого родственника он прислал /18/ нам и несколько фотографий с собственной надписью. Сличив с подлинником, я пришло тебе свою карточку. Дал бы Бог обрести благодать у нового владыки. Я уже полюбил его за его голос в защиту духовенства, что напечатан в № 1-м Церковного вестника. Нельзя, впрочем, не согласиться и с рецензией В.Ф. Певницкого на проповеди Никанора.

О 2-х тысячной субсидии Феофану читал и обрадовался. Спасибо его ходатаям толико доброжелательным. Нехай им легенько икнется. [П.А.] Лавровский⁹⁸⁶ праздниками был в отпуску, и я не имел случая с ним видаться. Но передай /18 зв./ Феофану, что Марковичу несправедливо написал, будто [П.А.] Лавровский не оказал никакого содействия к выписке «Киев[ской] старины». Объявление о «Киев[ской] старине» по распоряжению его напечатано в Циркуляре. И только оно одно там напечатано. Саша мой – он секретарствует в Ришельевской гимназии – говорит, что гимназия их внесла этот журнал в список выписываемых ею журналов, и [П.А.] Лавровский никакого возражения не сделал.

Сегодня читая, что распоряд[ительный] комитет Археол[огического] съезда признает нужным исследовать на месте древнюю топографию Константинополя, я вспомнил, что ты приглашен на этот съезд и в августе месяце будешь в Одессе. И я очень рад этому съезду, который может доставить предлог и мне путешествовать с тобою если не в Константинополь, то в Крым. Довольно. Кончен листок.

Всем родным поклон.

Искр[енно] любящий брат А. Лебединцев

⁹⁸⁵ Никанор (Бровкович; 1826–1890) – архієпископ Херсонський у 1883–1890 рр. Після закінчення СПбДА викладав у духовних навчальних закладах, рукопокладений на єпископа у 1871 р., в Одесу був переведений з Уфи.

⁹⁸⁶ Лавровський Петро Олексійович – колишній ректор Варшавського університету, у 1880–1885 рр. попечитель Одеського навчального округу.

21 янв[аря] 1883⁹⁸⁷ г.
Одесса

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
11 лютого 1884 р.

Ф. III, № 3548

/13/ /почерком Петра Лебединцева/ 16 февр[аля] 1884
отв[ет] 6 марта

11 февр[аля] 1884 года

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Едва добился свободного часу, чтобы ответить Вам на два письма Ваши. «Попався жучку в панську ручку...» Это – я так попался! Думал, отлежусь боком, окончив одну работу. Напрягся, как редко... Отнес, мечтая о лежне («и рука тобі лежить, и нога тобі лежить, и голова тобі лежить, и все лежить...») Сдал. «Очень хорошо, теперь вот, пожалуйста, поскорее это приготовьте...» Засел снова на неделю. Отнес на этой неделе в среду... «Прежнюю записку Вашу будем печатать для рассылки кому о том ведать надлежит. Теперь напишите такую же о повинностях, затем о школах...» – «Помилосердствуйте, – взмолился я, как Наполеон пред Александром Благосл[овенным] (по Горбунову), – о повинностях /13 зв./ 38 лет пишут и ни до чего не допишутся, как же мне-то скоро?» – «Ну, а мы поспешим и настрочим... Да, вот еще хотел спросить, как бы это организовать компанию для изд[ания] народ[ных] книжек для унийтов...» – «Увольте от унии, я забыл про нее...» – «Нет, подумайте, вот Наумовичевы⁹⁸⁸ брошюры, возьмите – подумайте...» Поплелся я к дверям... «Да, к субботе приготовьте для Синода, чтобы обсудили способы дальнейшего присоединения эстов...» Я опять засел. Сейчас вечером отнес. Рад же я был, что со мною вошел [прот.] Раевский (великий), которого прочили на место [прот.] Богословского⁹⁸⁹, да он отказался. [Преосв.] Иоанникий хотел спустить рект[ора] Ак[адемии] Смирнова⁹⁹⁰ на это место, а тут рады бы Раевского. Ну, интерес животрепещущий, со мной разговор короткий. Так и случилось. «Ну, спасибо, что приготовили. Приходите в понедельник». Слава Тебе, Господи, до понедельника свободен!

Зашел оттуда к Андрею Григорьевичу. 1, Дано честное слово, что 50 тыс. получите весной (на женс[кое] училище). 2, Но обидным показалось /14/ о

⁹⁸⁷ Архієпископ Никанор був призначений на кафедру у грудні 1883 р., після смерті архієп. Димитрія (Муретова). Відповідно, події, описані у листі, відбувалися у січні 1884 року.

⁹⁸⁸ Наумович Иван Григорович, див. примітку до листа Феофана Гавриловича від 19/31 грудня 1866 р.

⁹⁸⁹ Раевський М.Ф. (помре у травні 1884 р.) – настоятель посольської церкви у Відні. Богословський М.І. (помер у січні 1884 р.) – головний священник армії і флоту.

⁹⁹⁰ Протоієрей Смирнов Михайло Костянтинович, ректор МДА у 1878–1886 рр.

Влад[имирском] соборе. Тут я виноват. Горячо пересолил насчет задержки и [А.В.] Прахова⁹⁹¹. В сущности, оба проекта получены только в декабре. Рассматривали их в Синоде и порешили – чтоб не схибнуть, послать в Археол[огическое] общество. К.П. Поб[едоносцев] решил показать их государю. Пришлось поджидать удобного случая. Только в конце генв[аря] представился случай. Государю очень понравился Праховский проект. Но и он сказал послать в Археол[огическое] общество. Вчера подписана бумага об этом в общество. С Помяловским⁹⁹² мы рядом заседали в Учеб[ном] комитете, в понедельник попрошу его поторопить. Но ведать надлежит наперед, что Прахов[ский] проект одержит верх. С этим нужно помириться. Он на 980 руб. дешевле архитекторского. А Ваш архитектор здесь бегает и пеняет то на того, то на другого, а к Андрею Гр[игорьевичу] и не заглянул! Нельзя сказать, чтобы в этом был толк... На случай Прахову придется сдать и работы, советую помириться с этим. Одобрение государя – дело немаловажное.

И как это В.Ф. Певницкий попал в нигилисты? /14 зв./ Мне [преосв.] Леонтий давал читать письмо его. Тут сами члены Синода недоумевают, что сей сон значит. Не пошутил ли над ним его знакомый – общий к [А.Р.] Дрентельну, или не ввел ли кто для шутки самого [А.Р.] Дрентельна в искушение? Следовало бы В[асилию] Ф[едоровичу] дать на это сдачи: «Я – мол – поблагонамереннее всех вас, смотрите-ка за другими...» А то трусил человек и, пожалуй, на этой робости кто-нибудь вздумает разыграть интрижку, чтобы прибрать в руки всю корпорацию. Следовало ограничиться энергич[еским] протестом на имя обер-пр[окуро]ра, а не письмом о защите. Уж если В[асилий] Ф[едорович] нигилист, то здесь [митр.] Иоанникий – архинигилист!

Да и режет тут [преосв.] Иоанникий! Во всё энергически входит, ничего не страшится. Нельзя не отдать ему чести за деятельность. Он и в Комитете об академиях⁹⁹³ всех ставит в тупик. Правда, возвращение к началам 1809 года с Комиссией дух[овных] училищ, акад[емическим] округам и проч. – едва ли кого удовлетворит. Но человек идет напролом, удивляются энергии и – склоняются!

У пр[ео]св. Платона был раз утром. Сказано прийти вечером, да доселе не соберусь. [Преосв.] Леонтия турят в Варшаву. В марте выезжает – до зимы. Ну, а там – будем живы, увидим что будет, если скоро какой-нибудь митрополит не помрет. Хотят вызвать Харьк[овского] Амвросия, возвести в архиепископы... Эх...

Пошли слухи, не лишённые основания: [граф]Толстой идет или на Просвещение, или в отставку, [И.Д.] Делянов – тоже на прежнее место, по учрежд[ениям] Имп[ератрицы] Марии. Ой, пора бы что-нибудь... Черняев

⁹⁹¹ Прахов Адриан Вікторович (1846–1916) – художник, керівник художнього роспису київського Володимирського собору у 1884–1896 рр.

⁹⁹² Помяловський Іван Васильович (1845–1906) – філолог, професор Петербурзького університету. З 1874 р. входив до навчального комітету Синоду.

Не плутати з письменником, автором оповідать про «бурсу Помяловського».

⁹⁹³ Тривала розробка нового академчного уставу, був прийнятий у 1884 р.

страшным дураком себя показал в Ташкенте. Вот тебе и гений! Не прав ли [Н.А.] Милютин?

Когда еду в Ригу – сам Бог не разберет. Постоянно торопят ехать, а работу за работой накидают.

Но прощайте. Феофану и жінці его – низенько кланяюсь.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
11 травня 1884 р.

Ф. III, № 3599

/1/ 11 мая 1884 г.

Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Только на прошлой неделе я получил возможность выходить на свет Божий. Ездил с Ефимом Михайловичем вечером 6 мая к митрополиту Платону, но он не принимал, собираясь с [...]. Затем, не успевши побывать у преосв. Леонтия, ездил на вокзал попрощаться при отъезде его в Варшаву, но так как провожавших было очень много, то и не удалось говорить с ним о чем-либо. Он уехал против его желания – ему хотелось в Петербурге дожидаться вакантной митрополии, но [К.П.] Победоносцев говорит, что /1 зв./ [архиеп.] Леонтию все равно, сидя ли в Петербурге или в Варшаве, дожидать открытия вакансии в Киеве. Говорят, что в случае смерти [митр.] Исидора в Петербург переместят из Москвы [митр.] Иоанникия, а в Москву, вероятно, [Амвросия, еп.] Харьковского, у которого там большие связи, и родство духовное, и плотское. На прощании с [архиеп.] Леонтием я встретил обер-секретаря Синода Гаврилова (зять Н.И. Павловского), от которого узнал о награждении Назария Антоновича следующее: попечитель⁹⁹⁴ представил Наз[ария] Ан[тоновича] Фаворова к Анне 1-й ст. или митре. При докладе Гавриловым [митр.] Исидору в его квартире в Лавре (должно быть, в комитете) [митр.] Исидор на митру не согласился, будто /2/ потому, что неудобно давать митру настоятелю университет[ской] (частной) церкви, когда настоятель Киев[ского] каф[едрального] собора не имеет митры. [Преосв.] Иоанникий затем поддерживал ходатайство об Анне 1-й ст., на что согласился было и [митр.] Исидор, но потом в Синоде [митр.] Исидор опять остановился на награде Назария Антоновича, велел справиться по формуляру, какие он имеет награды, и узнав, что у него нет палицы, решил дать ему палицу вместо Анны 1-й ст., чему никто из членов Синода не осмелился прекословить. Грустная история! А 8-го мая дали митру, помимо Синода, не только сакелларию⁹⁹⁵ Никольскому, но и какому-то Судакову. Митрополит Платон уезжает /2 зв./ из Петербурга 15 мая. Так, по крайней мере, сказал его швейцар. Вчера привезли тело покойн[ого]

⁹⁹⁴ Голубцов Сергій Платонович (1810–1888) – попечитель Київського навчального округу.

⁹⁹⁵ Ключар собору при Зимовому палаці Нікольський Ксенофонт Якович.

Мих[аила] Фед[оровича] Раевского⁹⁹⁶ из Вены. Я ездил в Андреевский собор в 6-й линии Вас[ильева] острова, куда перевезли с Варшав[ской] дороги торжественно под балдахином, с митрою наверху, как когда-то митр. Филофея. Зять Раевского, протоиерей [Трезлинский] говорил, что мит[рополит] Платон обещал служить завтра, т.е. 12[-го] числа, обедню и отпевать в Андр[еевском] соборе, под условием, если на этот день не будет назначена ему аудиенция у государя в Гатчине.

На днях мне сообщили по моей просьбе справку относительно адмирала Сенявина. В архиве министерства морского уже разыскивали такого адмирала /3/ по просьбе Кононова причетника (значит, Синковского из Хохитвы⁹⁹⁷), но оказалось, что хотя и было несколько адмиралов Синявиных в прошлом и нынешнем столетиях, но Ивана Прокофьевича между ними нет. Опять проверяли, и опять вышло тоже, искали даже между капитанами 1-го ранга, но и между ними Ивана Прокофьевича Сенявина⁹⁹⁸ не оказалось. Мой знакомый делопроизводитель Главного морского штаба обещал еще справиться у морского офицера, занимающегося составлением истории русского флота. О результатах обещал сообщить. Тогда и я напишу. Поеду на днях еще к митрополиту Платону, и если не удастся /3 зв./ его увидеть, то поеду хоть на вокзал проститься с ним.

Я еду в первых числах июня в отпуск на два месяца за границу в Карлсбад и Теплиц, куда 15 мая уезжает и наш воен[ный] министр.

Желаю тебе здоровья и всего лучшего. Прошу передать мой поклон сестре Алек[сандре] Гавриловне и проч[им] сестрам, а равно и Назарию Антоновичу Фаворову.

Искренно любящий брат Данил Лебединцев.

Так как митра теперь жалуется помимо Синода, то не решит ли [попечитель] Голубцов представить [К.П.] Победоносцеву о пожаловании Назарию Антоновичу митры ко дню юбилея университета сверх должной ему синодальной палицы.

/3 зв. збоку/ Гаврилов при докладе [преосв.] Исидору говорил, что и предшественник Назария Антоновича пр[отоиерей] Скворцов имел митру, но [митр.] Исидор заметил, что [прот.] Скворцов был доктор богословия, когда же Гаврилов сказал, что и [прот.] Фаворов доктор богословия, то [митр.] Исидор ничего не ответил.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
10 септя 1884 р.

Ф. 154, № 95

⁹⁹⁶ Протоиерей Михаил Федорович Раевский (1811–1884) – настоятель православного храма при российском посольстве в Вене с 1842 г. Принимал участие в политике по национальным вопросам в Австрийской и Австро-Венгерской империи.

⁹⁹⁷ Хохітва – село біля Богуслава Київської обл., недалеко від Яблунівки, звідки походила мати Лебединцевих. Хохітва описана І.С. Нечу2-Левицьким у «Старосвітських батюшках і матушках».

⁹⁹⁸ «Синявин» і «Сенявин» – обидва раз написано дуже чітко.

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

По дороге останавливался в Москве, где пробыл сутки, а 7-го августа благополучно прибыл в Петербург. Из начальства моего никого нет в Петербурге. Министр на маневрах, а председатель уехал за границу. 7-го вечером заехал ко мне Ефим Михайлович и провел у меня двое суток. Сообщил между прочим, что определению Синода, сообщенному уже митрополиту Киевскому, имеет быть в Киеве 8 сентября собор архиереев восьми южно-русских епархий /1 зв./ для обсуждения мер, какие необходимо принять против распространения штунды. На собор приедет [К.П.] Победоносцев. Ефиму Михайловичу тоже предлагали ехать туда, но он уклоняется, так как в таком случае на него, по всей вероятности, возложат делопроизводство по собору. Неужели митрополит ничего не знает об этом, или держит от тебя в тайне? По письму твоему Ефим Михайлович говорил с Андреем Григорьевичем Ильинским, который сказал, что в настоящем году нет возможности дать денег на Киев[ское] жен[ское] епарх[иальное] училище, /2/ так как назначенные по смете деньги все почти уже распределены, и кроме того, потребуется много денег на прогоны, подъемные и проч. для архиереев и иных, отправляющихся к 8 сентября на поместный собор в Киев.

Николая Андреевича на станции в Нежине не было. В Москве был у Разумовского⁹⁹⁹, но не застал его дома и передал поклон чрез его сына.

Ефим Михайлович кланяется тебе.

[Преосв.] Нафанаил¹⁰⁰⁰ переводится из Пскова в Тобольск за любостыжательность и здирство.

Есть две архиерейские вакансии.

/2 зв./ В Вену еще никто не назначен и в Петербурге нет подходящего лица. Не отыщется ли таковой в Киеве. Очень может, что [К.П.] Победоносцев будет искать такового в Киеве. На всякий случай, полезно было бы стороной порасспросить об этом, чтобы указать на кого-либо [К.П.] Победоносцеву, если он спросит.

Искренно любящий тебя брат Данил Дебединцев.

10 авг[уста] 1884 г.

Ефим Михалович обещал послать для «Киев[ской] старины» ту статью, которую отобрал у [П.Н.] Батюшкова. Пусть Феофан не артачится. Если Ефим Мих[ихайлович] желает восстановить с ним прежние товарищеские отношения, то Феофан должен... О гонораре за эту статью Ефим Мих[айлович] сказал, что может дать, то и тем буду доволен, хотя бы руб. 25 за лист. Кроме того, ему нужно некоторое количество отдельн[ых] оттисков статьи.

⁹⁹⁹ Розумовський Дмитро Васильович (1818–1889) – московський протоієрей, випускник КДА (1843), історик музики і музикознавець. Брав участь в Археологічному з'їзді у Києві у 1874 р., але ще до нього о. Дмитрій листувався з Петром і Арсенієм Гавриловичами, своїми однокурсниками. В Інституті Рукопису НБУВ зберігаються листи о. Розумовського до Петра Гавриловича. Деякі листи були опубліковані.

¹⁰⁰⁰ Нафанаїл (Соборов; 1826–1907) – єпископ Псковський у 1882–1885 рр., переведений був на Архангельську кафедру. Випускник КДА (1851).

/1 збоку/ Мой ниж[айший] поклон сестре Александре Гавриловне, Феофану Гавриловичу, Ольге Игнатьевне, Павлу Федоровичу и Сусанне Ивановне и Назарию Антоновичу.

Петро Гаврилович до Феофана Гавриловича
11 листопада 1884 р.

Ф. III, № 6797

/1/ Любезнейший брат Феофан Гаврилович!

Телеграмма моя свидетельствует, что я прибыл в Петербург не позже пятницы, а собственно в четверг в 11 часов. Путешествие было благополучное. В Туле присел к нам в поезде преосвящ. Никандр¹⁰⁰¹ с ректором и каф[едральным] протоиереем, и в Москве на вокзале присоединились к нам Феогност Владимирский и Феокист Рязанский¹⁰⁰². Брат Даниил Гавр[илович] с Никитой встретил меня на Никол[аевском] вокзале. На другой день, в пятницу, я был у м. Платона, [архиеп.] Ионафана, м. Иоанникия, [архиеп.] Саввы, [архиеп.] Леонтия, Павла – экзарха и Палладия. [архиеп.] Казанского¹⁰⁰³, /1 зв./ но из них, кроме м. Платона, никого, к счастью, не застал, так что к двум часам возвратился домой. Вчера делал визиты [К.П.] Победоносцеву, [И.А.] Чистовичу, Ильинину, Теренину, [В.К.] Саблеру¹⁰⁰⁴ и проч., где встречался с многими архиереями. [И.А.] Чистович не знает, как благодарить тебя за лестный отзыв о его книге¹⁰⁰⁵, порученный тобою такому знатоку истории как Ив[ан] Игн[атьевич] Малышевский, и свидетельствует тебе особеннейшее почтение. Любезно приняли меня и прочие, не исключая [К.П.] Победоносцева. Вчера были у м. Платона после всенощной в Исаак[иевском] соборе.

Сегодня прием у м. Исидора в 1 час дня. Будет прочтен /2/ [К.П.] Победоносцевым рескрипт, а м. Платоном адрес Св. Синода, затем последует подношение адресов и [икот] в молчанку. Точных сведений о кормлении нет.

¹⁰⁰¹ Никандр (Покровский), архієпископ Тульський (див. примітку до листа від 13 травня 1873 р.).

¹⁰⁰² Феогност (Лебедев; 1829–1903) – архієпископ Володимирський, майбутній митрополит Київський (1900–1903).

Феокист (Попов) – колишній ректор КДС, єпископ Рязанський з 1882 р.

¹⁰⁰³ Ионафан (Руднев; 1816–1906) – з 1877 р. архієпископ Ярославский, випускник КДА (1843).

Іоаннікій (Руднев) – митрополит Московський у 1882–1891 рр., випускник КДА (1849). У 1891–1900 рр. був митрополитом Київським.

Савва (Тихомиров; 1819–1896) – архієпископ Тверський з 1879 р.

Павел (Лебедев; 1827–1892) – архієпископ Каргалінський, екзарх Грузії у 1882–1887 рр.

Палладій (Раев; 1827–1898) – архієпископ Казанський у 1882–1887 рр.

¹⁰⁰⁴ Саблер Володимир Карлович (1845–1929) – високопосадовець Синоду: юрисконсульт, у 1883–1892 рр. управляючий канцелярією Синоду. Пізніше став обер-прокурором.

¹⁰⁰⁵ Чистович И.А. Очерк истории западно-русской церкви: В 2-х ч. СПб., 1882–1884.

Наехало до 30 архиереев, за множество архимандритов, протоиереев и игуменов. Лавра занята архиереями, знаменная гостиница – архимандритами и протоиереями, а многие по городу витают. Митрополит Платон благодушествует, а обер-прокурор хвалит его речи и влияние на народ. Феоктит похудал, но здравствует.

Ефим Михайлович странствует /2 зв./ по Остзендскому краю и время его возвращения не определено; вероятно, не придется увидеться с ним, видел его сына, который сдает экзамен и будет отбывать воинскую повинность. Квартиру ему дали в 5 комнат в новом доме на синодальном подворье, что на углу Кабинетской – очень хорошую, скоро должна прибыть сюда и его семья из своей деревни.

Время своего выезда еще не могу определить; пробуду еще дней 5, а потом на Вильно направлюсь.

Мой усердный поклон Ольге Игнатьевне, сестре Александре Гавриловне и племянникам.

Искренно любящий брат Петр Лебединцев.

Утро 11 ноября 1884 г.

С[анкт-]Петербург

2 зв. збоку/ м. Исидору дают право иметь предношения путного креста по Киев[ском] образцу, а что больше, не известно еще.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
18 грудня 1884 р.**

Ф. III, № 3549

/15/ 18 дек[абря] 1884 г.

Петербург

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Поздравляю Вас с днем Вашего ангела. Примите мое поздравление сие, как меня самого – так хотелось бы мне лично обнять Вас в этот день после столь недавнего короткого свидания с Вами.

Трудный вопрос задали Вы мне в Вашем письме. /15 зв./ Положительного ничего не могу сказать на него. А догадки и предположения в подобном деле только напрасно взбудоражили бы воображение и чувство. Едва ли, однако, дело касалось только собора. Из Киева получено было здесь одним компетентным лицом письмо от него же, что «в киевских церквах грязно». После некоторых, и в соборе стоялось с предубеждением... [sic] Полагаю, что так нужно объяснять весь этот случай.

С возвращением в Петербург суэта охватила меня до костей. Пришлось переселиться с квартиры на квартиру (этажом /16/ выше, № 16), чтобы избавиться от нареканий ворчливого соседа, бывшего под моею квартирою. Устройство в Петербурге семьи, покупки – прикупки – починки и под[обное]

совсем задурили меня. А тут отчеты о поездке, а [...] них новые дела, новые поручения. Псковское дело возбудило против меня почти всех членов Синода, меня корнят чуть не тайным врагом церкви. Хотят некоторые замять дело. За немецкие дела в Иллукустском уезде¹⁰⁰⁶ и за ксендзов там наш Пан Грабя¹⁰⁰⁷ взвел на меня. Баталия выходит порядочная. Но нужно выдержать себя до конца.

/16 зв./ Сережу услал уже я в Ц[арство] П[ольское] в солдат. Жена моя опять расклеивается. Данило Гавр[илович] тоже киснет. Жаль, что не могу в это время почаще заходить к нему.

О делах здешних ничего не знаю, нигде ровно не бываю, да и не скоро смогу быть. [Преосв.] Леонтия не видел еще. [Г.П.] Галагана тоже. [А.С.] Костанды тоже, да и никого, кроме некоторых своих, а потому ничего не ведаю.

Некий Гильдебранд подал в Синод проект синодального органа¹⁰⁰⁸. Хотя проект и швах, но кажется, что из этого теленка вырастет корова. Передали его мне на разработку. Но что разрабатывать, когда с существом дела я не согласен? Требуют писать новый по своему убеждению. Видно, что орган [желателен].

/16 зв. збоку/ И с праздниками поздравляю! Искренно любящий Вас Е. К[рыжановский]

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
3 лютого 1885 р.**

Ф. III, № 3550

/17/ /іншим почерком олівцем/ Петербург
1885 г.

О болезни Даниила и смерти б[ывшего] протод[иакона] Оболенс[кого]

3 февр[аля]

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Не знаю, прав ли я, но не могу бороться с своим чувством, которое нудит меня известить Вас. Мне кажется, что Данило Гаврилович плох до опасения... Вот уже два месяца он /17 зв./ усиленно лечился, а облегчения не только нет, но и не предвидится, да кажется, что ему все хуже и хуже. Прежде он хоть выезжал покататься, а теперь уже не может. То хотя по комнате ходил бодро, а теперь едва переползывает. Ноги сверху до низу забинтованы (без этого ступить не может), на руках экзема – тоже забинтованы, задышка от нескольких шагов, давно уже /18/ отсутствие аппетита и т.д. Совсем теперь упащ он духом, и все говорит о смерти. Беда моя, что не могу часто посещать его и подбодрять. Мое мнение: идти ему в отставку и уехать из Питера. Он смущается этим советом моим: «Где же мне жить?

¹⁰⁰⁶ Іллукустський повіт Курляндської губернії. Зараз у межах Латвії.

¹⁰⁰⁷ Hrabia – граф [Толстой].

¹⁰⁰⁸ Розроблявся проект майбутнього журналу «Церковные ведомости» (виходив з 1888 р.).

Помощи требую, а родных не хочу обременять собою, у них и без меня есть о ком заботиться, есть кого приютить...» Вот что он твердит на все мои настояния. А отставка неизбежна, /18 зв./ если не рисковать покончить житие как можно скорее.

Болезнь его все та же – катар желудка /18/ да последствие его расширения вены, печень, с почкой что-то и т.п. Два доктора лечат непрерывно, а все хуже и хуже. Духом он до того упав, что уже дал мне инструкции относительно его имущества на случай смерти и погребения. Думаю, однако, что эти инструкции преждевременны и смерть не так близка. Еще можно подправить его, но переменою климата и покоем.

По расчету, пенсия ему ожидается в 3 тыс. руб. Прожить одному можно.

Напишите ему в этом роде, он Вас послушает.

Ваш Е. Крыжановский.

/18 зв. збоку/ Не клеятся к этому грустному письму другого рода вести, а потому и не пишу об них. Спешу на погребение б[ывшего] знаменитого протоиерея Оболенского (тесть [В.И.] Чумачевского), сконч[ался] от разрыва сердца.

/17 збоку/ За брошюрки спасибо. Типография доселе не выпускает моей «Забужной Руси» – не соберется обложку напечатать.

Хлопот у меня на сию пору много, дела трудные. Немцы взъелись донельзя, боязно...

/17 зв. збоку/ Свежая комбинация: [П.А.] Лавровский в отставку, [С.П.] Голубцов в Одессу, [А.Л.] Апухтин в Киев, [И.А.] Чистович в Варшаву. Может и не так станется, но предположение знаю из верного источника. Как прецедент – [И.А.] Чистовича послали для смотра гимназий Москов[ского] округа. Может и осрамится.

/18 збоку/ Тут [о.] Наумович. Виделся с ним два раза. Велика затея их, да как бы не втянули они в беду других, и в большую беду! А кажется, что это станется.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича

12 лютого 1885 р.

Ф. III, № 3600

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

От всей души и всего сердца благодарю тебя за твою братскую любовь ко мне и за готовность приехать в Петербург навесить меня и перевезти в Киев. Если бы я находился в опасном положении, то конечно, воспользовался бы твоими услугами и твоим предложением, но опасности никакой нет. Ефим Михайлович напугал тебя своим письмом, к чему я сам подал ему повод, так как он навестил меня в такое время, когда я находился в мрачном распо-/1 зв./ложении. После

того я пригласил профессора Мед[ицинской] ак[адемии] Чудновского¹⁰⁰⁹, который нашел, что никакой опасности нет, и переменил только метод лечения, после чего я начал весьма заметно поправляться. Почку поддерживаю особого устройства корсетом, вены – длинными чулками со шнуровкой, а желудок исправился от горьких трав и эссендукских лепешек. Выслушав мою грудь, [Ю.Т.] Чудновский сказал, что грудь у меня богатырская. Он потребовал, чтобы я каждодневно выезжал на свежий воздух или выходил для прогулки и еженедельно ездил с баню, что я и испол-/2/ няю аккуратно. Все это не только благотворно действует на физические силы, но подняло и упавший было дух. Кроме того, [Ю.Т.] Чудновский посоветовал мне ездить на службу и дома заниматься делом, чтобы от бездействия не посещала меня хандра.

Еще раз благодарю тебя, дорогой мой брат, за твою истинную братскую любовь, но убедительно прошу: оставь мысль о поездке в Петербург. Даст Бог, к весне поправлюсь и тогда, смотря по состоянию здоровья, решу что делать: просить отпуска или отставки. Если придется выйти в /2 зв./ отставку, тогда воспользуюсь твоим предложением переселиться в Киев на жительство, но все это нужно будет обсудить подробно и устроить так, чтобы и я никого не стеснял, и чтобы устроиться удобно. Нужно будет мне и здесь постараться об усиленной пенсии. Для обзаведения недвижимостью у меня имеется небольшое сбережение, около 5 тысяч рубл[ей] в процентных бумагах. Еще раз прошу тебя, мой милый брат, не беспокоить себя поездкой в Петербург. Во всяком случае, я теперь не могу и не должен прерывать лечения, которое идет успешно, и по состоянию моего здоровья /3/ не могу предпринять переезд в Киев без крайней опасности окончательно себя расстроить; умирать же преждевременно не хочется. Доктор говорит, что с опустившеюся почкой и расширенными венами обыкновенно живут долго, разумеется при некоторых предосторожностях. Бывшие у меня боли в левой ноге, которые считали за ревматизм, оказались нервными болезнями, происходящими от давления почки на нервы, и в настоящее время уже почти прекратились от подвязки почки посредством /3 зв./ корсета и ежедневного вытирания ног соленой одою (на стакан комнат[ной] воды столовая ложка поваренной соли). Это хорошо действует и на вены. Доктор Васильев¹⁰¹⁰ советовал мне на лето ехать в Крым купаться в море и лечиться виноградом, но [Ю.Т.] Чудновский сказал, что можно будет со временем определить, какое лечение лучше употреблять в летнее время. Извини меня, что я долгим моим молчанием ввел тебя в беспокойство.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

Кланяюсь всем родным.

12 февр[аля] 1885 г.

/3 зв. збоку/ Купил было я эластические чулки, но оказалось, что кожа не переносит их, тоже пришлось бросить потом и фланелевые бинты и заменить их льняными чулками.

¹⁰⁰⁹ Чудновський Юрій Трофимович (1843–1896) – лікар-клініцист, учень С.П. Боткіна, професор Військово-медичної академії.

¹⁰¹⁰ Васильєв Микола Петрович (1852–1891) – літкар-інфекціоніст.

/3 збоку/ Пред поездкой в Карлсбад доктор неверно определял мою болезнь. В Карлсбаде тоже доктор не угадал моей болезни и опустившуюся почку принял за опухоль большой кишки. Лечение его только повредило. Он же посоветовал мне заниматься гимнастикой, от чего почка еще более опустилась и произвела расширение вен.

/1 збоку/ Буду извещать тебя еженедельно или по крайней мере чрез две недели о состоянии моего здоровья.

**Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
21 квітня 1885 р.**

Ф. III, № 3601

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Поздравляю тебя с светлым праздником и желаю здоровья. Я все откладывал писать к тебе, надеясь дожидаться решения докторов о том, что следует мне предпринять на предстоящее лето. Доктор Васильев, который постоянно меня пользует теперь, советует ехать на кавказские минеральные воды, а потом в Крым, но [Ю.Т.] Чудновский все еще не был у меня. Обещает быть в субботу, т.е. 23 апреля. Я сомневаюсь, чтобы кавказ[ские] воды могли принести мне существен-
/1 зв./ную пользу. Может быть[...] более будет полезно лечение виноградом и морские купания, хотя, конечно, от них нельзя ожидать исцеления моих недугов, а между тем, для меня при настоящем моем положении дальние путешествия очень тягостны. Мне необходимо взять с собой человека, так как я не могу обходиться без посторонней помощи. Впрочем, нужно будет подчиниться тому, что скажут доктора. Жить где-либо на даче возле Петербурга лучше будет, чем в городе, но окрестности Петербурга не очень славятся благоуханием воздуха.

/2/ Председатель нашего комитета хлопочет уже, чтобы меня отправили на кавказ[ские] воды за казен[ный] счет, но еще не известно, чем кончится его ходатайство. Если доктора скажут, что лечение кавказ[скими] водами не может принести мне особенной пользы, то я откажусь от милости начальства. Здоровье мое теперь, с приближением весны, несколько улучшилось, так что я уже три раза ходил пешком в комитет, хотя с трудом. Буду надеяться на лучшее, а о худшем буду стараться не думать. Феофан пишет мне, что намерен после Пасхи приехать в Петер-
/2 зв./бург к [И.Д.] Делянову и [К.П.] Победоносцеву хлопотать о месте с сохранением пенсии, а если не удастся, то в Вильно к [И.С.] Каханову¹⁰¹¹ просить места миров[ого] посредника. На [И.Д.] Делянова и [К.П.] Победоносцева плохая надежда. О сохранении пенсии при назначении на штатное какое-либо место едва ли теперь можно мечтать. Кажется, лучше было бы ему стараться у [А.Р.] Дрентельна и других властей в Киеве о предоставлении ему должности

¹⁰¹¹ Каханов Иван Семенович (1825–1909) – генерал-губернатор Віленський у 1884–1893 рр. З 1864 р. до призначення у Вильно служив в Польщі. Ймовірно, до нього збирався звернутися і Юхим Михайлович, щоб влаштувати на службу свого сина.

Служба в Польщі і Литві оплачувалася вище, ніж у спокійних губерніях.

мирового судьи если не в Киеве, то вблизи Киева, причем пенсия сохранится без всяких ходатайств. Место мирового посредника слишком шатко и доставит ему слишком много хлопот и неприятностей.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

21 апр[еля] 1885 г.

/2 збоку/ У меня были пред отъездом в Киев Павел Акимович Игнатович и Е[ле]на Павловна Подвысоцкая. Они тебе скажут, как мое здоровье.

/2 зв. збоку/ Мой нижайший поклон всем родным.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
9 вересня 1885 р.**

Ф. III, № 3551

19/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 13 окт[ября] 1885 г.

14 сент[ября] 1885 г.

9 сент[ября]

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Данило Г[аврилович], по-моему, гораздо свежее и бодрее прежнего. Но сам он твердит, что не поправился, и смотрит на зиму печально. Отвлечется к посторонним предметам – и совсем не похож на больного чем-либо. А заговорит о лечении своем – голос упал, дыхание тяжело, сил нет. Духом т.е. он падает. Да эти слабительные, по-моему, всякого здорового свалят, расстроят. Ведь год дня не проходит без них, теперь и отстать не может. Но нельзя уговорить его. С неделю я уже не видел его, недосуг. Не знаю, но видно, что квартиры новой он не нашел, иначе дал бы знать. Одиночество видимо его расстраивает. Ему нужны люди, предметы оживляющие, а тут все одно и то же. Микита, мини-/19 зв./стерство и квартира – монастырь. Придешь – рад бесконечно, и с час ничего больного в нем нет; но потом снова слабнет и грустно прощается, когда уходишь. Никак, однако, не думает об отставке, которая, по-моему, одна изменила бы его здоровье.

Семья моя еще не вернулась из деревни. Жена лечилась в Силезии (Рейнерц), плохо поправилась. Я с Сережей жил в Стрельне и все почти лето проболел. В городе сразу поправился.

Сижу всю весну и лето над дидактикой для семинарий дух[овных] и над организацией ц[ерковно-]пр[иходских] школ. Все это дело на меня свалили. Еще не окончил всех программ. Но каждая вызывает здесь бурю. Программа дидактики найдена нашим Учеб[ным] комитетом такою, что хоть руки разведи. Ходит она доселе по рукам, и никто не решается решительно произнести о ней слово. На днях пишет мне chodzi do [проф.] Рачинский¹⁰¹², что /20/ она очутилась и у него

¹⁰¹² Рачинський Сергій Олександрович (1833–1902) – професор Московського університету, педагог, просвітитель. Автор кількох праць, присвячених начальному процесу у сільських школах.

([К.П.] П[обедоносце]в послал). Но тот безмерно хвалит ее. На дидактике основаны и все программы мои, а потому и о них тут еще ничего решительно не произнесено. Моя мысль: в основу педагогики положить религиозное начало, строго провести его. (Ух, как расходился бы на меня [проф.] Олесницький¹⁰¹³ ваш, взявший проучить всех и отыскать для ней самот[оятельную] почву и строго научные основания! Пока, однако, ничего еще не выходит, кроме похвальбы да усилия «помазать девиц философией» – его собств[енные] слова. Не только мы с ним, но и эти девицы, их дети и внуки не дождутся этой самостоятельности от педагогики. Одно дурачанье немецкое! Немец выдумал обезьяну и – педагогику, т.е. самотоят[ельную] науку воспитания, независимую от религии, семьи, географии, истории и – прибавлю – от здравого смысла. Семь лет я преподавал ее – жалость одна. Нет и невозможно найти начала для педагогики помимо религии (клерикализм – завопит [проф.] Олесницький!). Пускай бы себе министерство шло прихвостнем за немцами, подобно как в классицизме – куда же лезли доселе наши д[уховные] семинарии?! Только соблазн – не для единого от малых сих, а для всех детей учиняли! Прав[ославная] вера направляет в одну сторону, а педагогика в другую, противоположную. Можно ли терпеть это в дух[овных] семинариях? Беспутство. Теперь так привыкли, что стыдно становится пред наукою (??!) перейти к религиоз[ным] основам.) Однако мое отступление длинно. Занят я этим делом много.

/20 зв./ По нерешительности в этом деле ничего еще не сделано и для ц[ерковно-]пр[иходских] школ. Торопят окончанием программ, а с представлением ничего не решают. Ну, да я свое дело кончу, а там... Хочется, чтобы это были школы, за которые не краснеть бы пред «наукою и педагогикою». «Простенько, как-нибудь, зачем это столько учить – год, ну, два, только бы знать молитвы да читать и писать» – попривыкли к таким ц[ерковно-]пр[иходским] школам! Ну, для таких школ не стоило и шуму поднимать. Лучше пускай мин[истерст]во да земство учат.

Сережа chodzi do biura¹⁰¹⁴ кандидатом в здеш[нем] Окр[ужном] суде. Лишь бы при мне был, много еще выправлять его приходится. Боюсь отпускать за глаза. Да и дешевле тут стоит. С сент[ября] ему здесь и жалованье положили кое-какое. Служит оч[ень] усердно.

Сынишку меньшего не думаю и в эт[ом] год отдавать в гимназию, дома буду учить.

Жаль Павла Ф[едорови]ча и Сусанны Ив[ановны]. А Данило в послед[нее] свиданье со мною так радовался, что таки добился приема сына их в академию!

[К.П.] Поб[едоносце]в в Зальцбурге; облюбилося ему там очень, не нахвалится. Вернется в конце сентяб[ря].

[В.К.] Саблер в Минске и Вильне теперь (собор готовится на след[ующий] год).

¹⁰¹³ Напевно, йдеться не про Якіма Олексійовича, а про Маркеліна Олексійовича Олесницького (1848–1905) – професора КДА, автора праць про моральне богослов'я і «Курсу Педагогіки» (1885).

¹⁰¹⁴ Chodzi do biura – ходить на работу (якщо робота конторська; польсь.).

Придется, кажется, мне снова перейти к немец[ким] делам. Встает немало затруднений, и мне, рабу Божию, не миновать их. Ох, как бы не хотелось. Но успех послед[него] дела (уничтожение повеления 1865 г. о смеш[анных] браках. Как-то м. Платон принял это известие? Его тут был грех великий) перевел все затруднения с немец[кими] кознями на голову [К.П.] Поб[еданосца]ва, а у него ведь никого нет по эт[им] делам. Тогда пожалейте обо мне на всю зиму. А летом все брошу...

/20 зв. збоку/ Феофану и жінці его низенько кланяюсь. Еще кому? Кому знаете. Да, [о.] Сильвестру и [И.И.] Малышевскому. На днях у нас рассматривалась прекуръзная жалоба на них б[ывшего] студента Селецкого. Провалили ее абсолютно. М. Платон высказался однако за попущение просителя к экзамену или в академию. Не помогло.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[перші числа листопада] 1885 р.¹⁰¹⁵**

Ф. III, № 3552

/21/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 27 ноября 1885 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Передаю Вам просьбу [В.К.] Саблера подействовать на редакцию «Киев[ских] еп[архиальных] ведомостей», дабы они сделали 1000 оттисков апологии [о.] Наумовича, печатаемой будто бы ими. Тут долго водились, каким способом разделаться с этой апологией. Петербургская академия ([М.О.] Киялович и Болотов¹⁰¹⁶) против печатания всякого, [В.К.] Саблер и я за печатание, [К.П.] П[обеданосца]в не знал, на чью сторону склониться.

/21 зв./ Согласились на том, чтобы напечатана она была журнале с предисловием, думали «Страннику» предложить, как вдруг [В.К.] Саблер сообщает, что ее печатают в «К[иевских] е[пархиальных] в[едомостях]»¹⁰¹⁷. Хотел он сам писать в редакцию, но официальности побоялся. Он, впрочем, надеется, что с него возьмут только расход казенный, без барыша. Если «[Киевские] е[пархиальные] в[едомости]» согласятся, и возможно еще сделать оттиски, то о совершении сего дела пускай редактор неофициально уведомит [В.К.] Саблера, который тогда и сообщит, куда выслать их. Тут же и о расходе.

Сам я тут сбоку-припека. Ко мне прислали рукопись, когда решили было уже не печатать.

¹⁰¹⁵ 5–6 листопада в майбутньому часі. Рік за публікацією «Апології» І. Наумовича у КЕВ.

¹⁰¹⁶ Болотов Василь Васильович (1853–1900) – історик церкви і церковного розколу.

¹⁰¹⁷ Апология символа веры вселенской церкви против предложенной о. Иоанну Наумовичу частною римско-католическою церковью известной Confessio fidei s. КЕВ. 1885. № 20. Неоф. С. 953–964

/22/ [В.В.] Болотов (молодой доцент – даровитый) чрезвычайно умный разбор написал брошюры Добрянского (а мотив ее с апологией один и тот же). Оригинально, остро, увлекательно. Решили устранимся от этого дела, как неприличном для прав[ославной] церкви (защита построена на несоблюдении папами флор[ентийских] постановлений и условий русской унии, – а нам-то то до этих оснований? Плевать! Папы, выходя именно из этих основ, совершенно логично нудили униятов к большему и бол[ьшему] совершенствованию в них, т.е. ломали унию во имя католичества. Сие – [В.В.] Болотов). А я стал на том, что дело это нужно не для прав[ославной] Руси, а для Галиции, что только на этих основаниях можно говорить и что-либо сделать для униятов в Австрии и т.п. Ну и проч...

Данила уже давненько не видел. Я очень занят. Мы условились с Микитой, что он мне тотчас дает знать в случае недуга. Не приходил. Зайду на днях.

/22 зв./ На днях же, 5 или 6 ноября, уезжаю в Белу. Там сынок мой заболел, да мать жены в скверном состоянии. Еду не больше как на 10 дней.

Ничего не знаю о делах, которые могли бы Вас интересовать. Снова вожусь с немцами, наехавшими сюда «от имени всего края» с жалобами на [К.П.] П[обедоносце]ва. В Вене отпечатана, однако, записка (моя) о смешанных браках (дело, глав[ным] образом досадившее им) и произвела должное впечатление в сферах, которые решили было, ч[то] [К.П.] П[обедоносце]в доложил дело несправедливо, и нужно его пересмотреть в законод[ательном] порядке. Не могу прислать Вам эту брошюрку, пот[ому] ч[то] отпечатано всего 50 экз., и раздается самим только в компетент[ных] сферах. Печатается также обзор положения прав[ославной] церкви в Остзейском крае (тоже мое произведение). Это могу прислать, ибо печатается 100 экз. и составлена по простым (а не секретным) документам архивным.

Школы пока отложены в сторону, хотя моя дидактика (т.с. записка о препода[вании] ее в дух[овных] сем[инария]х) целое лето ходила по рукам и проваленная было и Учеб[ным] к[омитетом], и особенно петербургскими учеными, теперь нашла защитников, и мне передали для приготовления ее к печати. [С.А.] Рачинс-/22 зв. збоку/кий (с которым мы сошлись) очень вступился за нее, да Герман Кавказский¹⁰¹⁸, да другие некоторые. У-у, как [преосв.] Леонтия обидели, ч[то] не его вызвали, а Палладия¹⁰¹⁹ Каз[анского]!.. Да еще поселяют его в митрополичьем доме!.. Решаюсь поэтому не останавливаться в Варшаве проездом в Белу, хотя нужно бы поблагодарить за выбор меня в почет[ные] члены Хол[мского] братства. (Экое чиновничество синодальное, что значит у них. То гнали, как врага, теперь – в почет[ные] члены!..)

/21 зв. збоку/ По секрету: ждут здесь [митр.] Платона, м[ежду] пр[очим], чтобы склонить его принять [еп.] Попеля в число лаврс[кой] братии. Ожидали сего? Не знали, как, да куда поместить. Я [предложил] – во имя дружбы с

¹⁰¹⁸ Герман (Осецкий; 1828–1895) – епископ Кавказский у 1872–1886 гг.

¹⁰¹⁹ Палладій (Раев) – архієпископ Казанський у 1882–1887 гг.

Феофаном. Приятно было бы друзьям свидеться... Прошу, однако, держать сие в секрете.

/22 збоку/ Феофану и жінці его мой искренний поклон. [В.Ф.] Певницкого вчера в Учеб[ном] комитете расхвалили до зела за книжку его¹⁰²⁰. Но председатель выразил обиду, что не почтил его автор присылкою книги этой. Сам он был и рецензентом книги в Учеб[ном] к[омитете].

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
початок квітня 1886 р.¹⁰²¹

Ф. III, № 3553

/1/ / /почерком Петра Лебединцева/ 1886 г. апрель пред Пасхой

[іншим почерком] Петербург

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Очень сожалею, что письма мои к Феофану и Павлу Ак[имовичу] дали Вам повод предполагать во мне какие-то неприятные для Вас секреты. Ни малейшего отношения к киевским епархиальным или консисторским или другим каким-либо духовным делам поездка моя не имела бы. Весь интерес дела – на Вольни, и притом среди одних чехов. Священник Саска хлопотал здесь о католическом единовении; его послали ко мне. Толковался я с ним, /1 зв./ ничего не понял. Тогда надавали мне бумаг из разных ведомств по делам чехов /примітка знизу/ [Тут и Ваша записка есть.] Саска из своего запаса нанес хламу, и я принялся изучать всю эту чепуху. А тут своей работы немало. Саска между тем уехал и – ну, бомбардировать меня письмами! «Теперь – мол – все дело в ваших руках, от вас зависит наш покой...» Сам он протрубил там про свою поездку, и с места пошли корреспонденции в чешские газеты, что Саско продает веру и т.п. Но стали появляться там и сочувственные статьи: «Если рус[ское] прав[ительств]о разрешит для чехов своих богослужение на национ[альном] языке, приобщение¹⁰²² под двумя видами, отпадение от папы, то оно наилучшим образом решит вопрос о исповедании в целом запад[ном] славянстве – все пойдут за ним...»

Так стоит вопрос. Что с ним делать? Спрашиваю с петерб[ургской] точки, на которой все подобные вопросы кажутся пустою затеей, напрасной тревогой, а для кого-то – нигилизмом! Я, в конце концов, /2/ высказался так: «Чехи-переселенцы не внушают доверия: сегодня скажу одно, завтра другое. Брать на свою шею религиозную организацию их не следует. Но кстати было бы воспользоваться случаем и, по поводу их просьбы, признать в России старокатоличество. Я убежден, что множество польских ксендзов отпадут от папы (конечно, с приходами), и решение польского вопроса значительно облегчится

¹⁰²⁰ У 1885 р. В.Ф. Певницкий опублікував дві книжки, в а 1884 р. ще одну.

¹⁰²¹ Пасха 1886 р. була 13/25 квітня.

¹⁰²² Причастя.

для нас...» Но этот проект показался для одних очень-очень заманчивым, для других – безумием, для главных же – что называется «и хочется, и колется». [К.П.] П[обедоносцев] сильно колеблется и готов устраниваться, хотя все спрашивает, подвигается ли изучение мною чешского дела. В М[инистерстве] в[нутренних] д[ел] и руками, и ногами отмахиваются. Поляки пронюхали, сильно интригуют. Дело стоит так, что врезаться в него значило бы сильно рискнуть здесь целым своим положением, каково ни есть, все же кое-как кормит меня и мою семью. «Или пан, или пропал...» Если бы я имел службу, т.е. влияние на ход дела по канцелярии хоть одной, еще бы сляк-так; а то – могу только ходить, кланяться да выслушивать от столоначальников: «Своих дел много...» А всякую неудачу в ходе такого дела приписали бы мне, и на мне выместили бы ее, /2 зв./ или осмелили бы всю затею. Нужно иметь много самонадеянности, чтобы взяться смело за такое дело. Один [прот.] Янышев чего стоит! А [граф] Толстой? В конце концов, мне сказали бы: «Ты, брат, только в беду вводишь, фантазер...»

Вот почему это дело для меня так щекотно, и я рад бы уже совсем отказаться от него. Но там, на месте, дела принимают такой оборот, что нужно с ними что-нибудь сделать. Драка, ссора, православный священник посредством полиции разгоняет молящихся (самозванных) старокатоликов, выбрасывает из молельни их иконы и сосуды на улицу – черт знает что такое! Все чехи передрались между собою за веру. А начальство не знает, что делать. Поляки пользуются всем этим, штунда тоже, выдумываются разные веры... Изволь, однако, врезываться в такую среду и в такие дела!..

Конечно, едучи по таким делам я прежде всего должен бы был побывать в Киеве¹⁰²³. Вот и все значение моего пребывания в Киеве.

Я подробно изложил Вам дело и потому уверен, что засим Вы оставите всякие подозрения на мой счет. Если бы что-либо из Ваших подозрений было справедливо, я давно бы сам уведомил Вас.

Петерб[ургские] дела и новости всего лучше узнаете от Платона. А затем – с наступающею Пасхою поздравляю Вас и еще с чем-то, /2 зв. збоку/ о чем не хочу говорить решительно, пока оно не придет в исполнение самое. Кланяюсь Феофану и жене его. С Данилом недавно виделся. Бодрится. Теперь я буду свободнее, и чаще буду наведываться к нему. Но сам-то он с лета и доселе всего один раз был у меня!

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
9 червня 1886 р.

Ф. III, № 3554

/3/ 9 июня 1886 г.
Петербург

¹⁰²³ У генерал-губернатора.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Наконец кончено длинное препирательство и раздумывание насчет моей поездки на Волынь. Нашли, наконец, формулу, помилившую все стороны – именно: «Собрать ближайшие сведения о положении...» Слава Богу, что наперед не задаются никакими целями. Когда я заглянул в архиве Министерства вн[утренних] д[ел] в переписку с чехами, я наотрез было отказался от всякого отношения к исповеданию чехов, и бросив всякие /3 зв./ мысли, которые прежде льстили воображению и чувству. Тут прежде нужно распутать путаницу невообразимую, на месте по документам изучить все дело, не доверяя чиновническим донесениям в течение 18 лет. Спорили-спорили, согласились наконец.

Итак, значит, скоро, даст Бог, свидимся. Распоряжение по Министерству вн[утренних] д[ел] будет сделано только 12 числа, а на другой день я и выеду. Не знаю еще, каким путем поеду. Очень не хочется ехать на Москву, куда тянет дело одно: кажется, решусь заехать туда на обратном пути, а прямо отсюда поеду в Киев.

Приглашением Вашим, конечно, воспользуюсь. Если бы Вы и не приглашали, то я сам напросился бы к Вам – как же это мне жить в Киеве, подле Вас, да в гостинице или у кого другого! Я всегда чту Вас как отца покойной Надиньки и доброго гения моей первой семьи, как душу /4/ родную, бескорыстную. Как же мне-то ехать к Надиньке и не у Вас остановиться!

В Киеве официя моя не сложна: побывать у испр[авляющего] д[ела] генерал-губернатора, правителя его канцелярии и попечителя, да с денек посидеть в канцелярии г[енерал-]г[убернато]ра. Затем хотелось бы святыням поклониться, родных и близких повидать. Значит, дней 5 придется пробыть, да и в Житомир, а затем по уездам, где живут чехи. На Волыни предполагаю пошляться около двух месяцев, не то и больше, если понадобится, а потом еще раз приеду в Киев.

Данило Г[аврилович] 7-го числа рано утром выехал за границу. Условились мы, что он выедет в воскресенье, а я приду к нему в субботу, а если раньше решит ехать, то даст мне знать об этом. Но он уехал, не предупредив меня, так[им] обр[азом], я только с Микитою побеседовал. С старухой Бог его развязал, умерла, а то Бог знает, что творилось в доме из-за болезни ее.

Но – до свиданья.

Сам поклонюсь, кому следует.

Ваш Е. Крыжановский.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[серпень – початок вересня] 1886 р.

Ф. III, № 3556

/7/ /іншим почерком/ 1886

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Вот я и в Питере! Только теперь понимаю, сколько я обязан Вам передержанием. Искренне братское спасибо Вам за Ваше сердечное гостеприимство. Сами Вы и виною, что столько лишних дней прожил я у Вас – зачем были так радушны ко мне!

В Москве не удалось побывать как следует. Дождь, холод, ветер – я простудился и бежал на третий день по приезде. Был только в типографии, ее палатах да в ново-/7 зв./открытом при синодальном хоре училище церковного пения¹⁰²⁴. Здесь я познакомился с о. Разумовским, с [Н.А.] Губером, [П.И.] Чайковским¹⁰²⁵ и другими тузами музыки, составляющими Совет училища и хора. Затея с училищем обещает быть многоплодною для всей России. Берутся сильно за дело. А ведь эти господа – лучшие знатоки нашей церковной музыки! При мне собрали полный хор (до 60-ти, кроме несовершеннолетних, которых столько же). Хор – совершенство. По моему мнению, он скоро по отчетности, стройности и гармонии поравняется с придворным, и уже теперь лучше Исаакиевского и Невского (а ведь еще зимою слыл далеко хуже их!) Спели они две пьесы напевов знаменного, киевского, греческого и болгарского. Киевский (в мотивах «Неусыпающую» и «Достойно есть») не так понятен им, как знаменный, /8/ вышел слабее его.

Как мучила меня здесь мысль об устройстве подобной школы Киеву! Да ведь это больших денег стоит. К 900-летию православия непременно по Киеву нужно подумать о своем пении, которое ныне никуда не годится. Чтобы Киеву теперь же добиться хоть 300 руб. (на складку всех хоров), да на них выписать хотя месяц этого нового регента синод[ального] хора, чтобы он вправил хоры митрополичий, Михайлов[ский] и семинарский, да дал бы им единство! Хоть этим путем что-нибудь сделалось бы. Буду говорить об этом здесь митрополиту и [К.П.] Поб[еданосце]ву.

[К.П.] Поб[еданосце]в из Батума вернулся в Тифлис и, убедившись, что поездка по Кавказу принесла ему гораздо больше пользы, чем все пребывание на водах, поехал снова в Батум, откуда пароходом проедет в Севастополь, затем в Питер. Ждут его здесь к 1 окт[ября].

А до приезда его никаких здесь особенных затей не имеется.

Данило Г[аврилович] совсем молодцом глядит, хоть под венец! Только /8 зв./ не избаловался бы опять слабительными.

Моя семья еще в деревне. Сережа похудел и очень рвется уйти из судеб[ного] ведомства. Это для меня новость. Так любил свое болото и вдруг... Не придумаю, что делать с ним. Вижу только, что его нужно отправить на юг. Не

¹⁰²⁴ Синодальне училище церковного співу – навчальний заклад, виокремлений із синодального хору (із 1886 р.), знаходилось у Москві.

¹⁰²⁵ Члени педагогічної ради. Губерт Микола Альбертович (1840–1888) – музичний педагог, директор Московської консерваторії у 1880–1883 рр. Чайковський Петро Ілліч (1840–1893) – композитор і музичний педагог.

хотел кланяться Меркулову¹⁰²⁶, чтобы взяли в канцелярию г[енерал-]г[убернато]ра.

Я почти еще нигде не был и не знаю здешних новостей. Был только в заседании Училищ[ного] совета, чтобы Павла Акимовича успокоить. К счастью, застал на распределение остатка в 46 т[ысяч] от школ[ьных] сумм, – Киеву из него выпало, не в пример прочим, 13 т[ысяч] деньгами и 2 т[ысяч] книгами. Тут же решено заводить образцовые школы при Епар[хиальных] жен[ских] училищах – с будущего года. Павлу Акимовичу пишу особо.

На счет виновника отобрания Феофании здесь пущена из Киева сплетня злая. Конечно, я ее сокрушил. Да, собственно о Феофании дело здесь считают еще не решенным и сомнительным. *C'est pour vous même*¹⁰²⁷.

/8 зв. збоку/ Всему Киеву, так любезно меня принимавшему, до земли кланяюсь. Паче всего: Елене Петровне Сан-Д[онато], митрополиту (которому прошу повторить земной мой поклон за гостеприимство и жертву на [...]), [епископам] Сильвестру, Иерониму, Поликарпу, всем академическим, Павлу Ф[едоровичу] с Сус[анной] Ив[ановной], Борисову.

Особая по духу серия поклонов Феофану [Гавриловичу] и жінці его, Александре Гавриловне (при имени ее – ах, как захотелось постного борщу!), Августину.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
25 вересня 1886 р.

Ф. III, № 3555

/5/ 12 часов дня
25 сент[ября] 1886 г.
Петербург

Сейчас приехал сюда [К.П.] Поб[еда]носце]в. На станции с другими я встречал его. Мои дела по приезде нашел он более других для себя любопытными, и потому мне одному назначил доклад завтра же с утра. Притом он сказал, что [В.К.] Саблер остался на неделю в Ялте, откуда поедет в Киев на неделю. Несомненно, что поездка [В.К.] Саблера в Киев находится в связи с моим киевским письмом. Вас это коснется близко, а потому... И совестно, право, мне – молокососу пред Вами – давать Вам советы, но нетерпение, ревность по Киеву дорогому превозмогает. Сами знаете лучше моего, что проезжему человеку, наскоро собирающему сведения, дорого внимание, предупредительность, всяческая любезность. [В.К.] Саблер сам джентльмен высшего полета, необыкновенно любезен и – его голос будет решающий безусловно. Посему... Будьте с ним совершенно откровенны. Насчет собора (и Владим[ирско]го) всякие

¹⁰²⁶ Меркулов Михайло Мойсейович – управляющий канцелярією генерал-губернатора Київського О.Р. Дрентельна (1881–1888)

¹⁰²⁷ *C'est pour vous même* – це лише для Вас (франц.).

сведения приготовьте. Брошюрок ему всяких своих, икону св. Софии. Он лично стоит всякого внимания и любезности. Ну, а киевские интересы еще более того. А киевские сплетни да будут парализованы.

Простите за сие вмешательство нетерпеливое. Тороплюсь почтой.

Ваш Е. К[рыжановский]

Августина пошлите представиться [В.К.] Саблеру.

Арсеній Гаврилович до Петра Гавриловича

5 грудня 1886 р.

Ф. 154, № 71

/21/ Любезнейший брат Петр Гаврилович!

Благодаря тебе следовало прежде от меня письмо. Но я замедлил, и ты опередил меня.

Прежде всего, благодарю за твою субсидию Сене¹⁰²⁸. Субсидия от университета имеет быть только в январе месяце. Вследствие политической смуты из-за болгар¹⁰²⁹ деньги наши за границей очень упали.

Мациевичу Льву Матвеевичу¹⁰³⁰ твой ответ совет я отослал выпиской из твоего письма. Что касается до ожидаемой братом Феофаном посылки, цены которой /21 зв./ я не вижу, будет она. От всей души желал и желаю успеха «Киевской старине»: но не все ли трудится Феофан над нею, когда покупателей, ни спроса в наше просвещенное время на ученые труды нет и нет? А если этими убыточными трудами подорывается и здоровье?

Синодальные чины – Ш[в]едский и Керский, были и у нас. О первом я узнал уже по проезде его, который был еще до [В.К.] Саблера. Керский прибыл как раз ко дню нашего водворения в новом здании консистории, то было 11 ноября, потому /22/ был на освящении и на обеде по сему случаю бывшему в самом этом новом здании. Здание вышло очень солидное, а меблировка его еще лучше. За обедом мною была сказана речь в ответ на речь преосв. Никанора о церковном суде, сказанную при закладке консистории. Несколькими словами я коснулся автора книги «Чего надо желать нашей церкви»¹⁰³¹ [...]минания печальников нашей церкви. Керский назвал автора книжки – Алексия, архиеп. Литовского; назвал и автора консисторской части этой книги – секретаря, кажется, Костромской консистории, Шерского. [Преосв.] Никанор тоже вступился за мирских советников, сказав: Отчего не выслушать доброго совета, от кого бы он

¹⁰²⁸ Арсеній Арсенійович Лебединцев.

¹⁰²⁹ Из-за болгарского кризиса 1885–1887 г. международная позиция России пошатнулась, так что в марте 1887 года истек и не был продолжен временный договор между Россией, Германией и Австро-Венгрией, т.н. Союз трех императоров.

¹⁰³⁰ Возможно, помилка: Мацевич Лев Степанович (1843–1915) – викладач Херсонської ДС (з 1885 р.), археограф і літературознавець, дописувач «Киевской старины», випускник КДА 1863 р.

¹⁰³¹ Чего желать для нашей церкви / Архиепископ Виленский Алексей (Лавров-Платонов). Санкт-Петербург, 1882–1885, Вып. 1–2.

ни был? На мой вопрос, отчего бы этим мужам совета /22 зв./ не предлагать советов, не скрывая своего имени? Керский сказал, что это в обычае не только у нас, но и за границей, и указал на архиепископа Парижского. Впрочем, после обеда он жал мне руку и мою «теплую» речь, как во свидетельство удовольствия, с которым выслушал ее. С пропуском упоминания о книжке «Чего надо желать нашей церкви», речь моя напечатана в 23 № «Херс[онских] епарх[иальных] ведомостей». Керский отправился от нас чрез Константинополь на Афон. Какая миссия его? Не знаем.

Наконец: Сашурка купно со мною здравствует. Володя с своей семьей – тоже. Саша из Кишинева приезжал два раза и будет праздником. Моряк пока ждет погоды. Феофановой церкви и твоей – всем мой сердечный поклон и целование. Павлу Федоровичу тоже.

Искренно любящий тебя брат Арс[ений] Лебединцев.

5 дек[абря] 1885 г.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[початок 1887 р.]¹⁰³²

Ф. III, № 3557

/9/ /іншим почерком/ 1885?

/тим самим почерком поверху/ 1886 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Ваше письмо напомнило мне, что я не ответил Вам на прежнее. А прежнее – то за стало меня в большом горе. Мой Сережа заболел было тифом с воспалением легких. Одному Богу известно, что я пережил над ним. Телеграфировал жене, чтобы не приезжала, а сам с сестрой милосердия сидел над ним почти месяц! Тиф следов не оставил, кажется, никаких, но воспаление легких при болезни матери /9 зв./ его – страшное дело! Вся жизнь его изменяется. Доктора решили усадить его из Петербурга и впредь не позволять ему по крайней мере 5 лет и носа сюда не показывать. Куда усадить? Он сам так перетрусил, что без меня и жить не сможет. Где место взять обеспеченное и не требующее разъездов во всякую погоду? Судебный следователь уже невозможная для него должность, да и вообще судебной службы ему не рекомендуют. Куда же направиться? Пока решил только уволить его из судебного ведомства и причислить по Министерству внутр[енних] дел, не дадут ли мирового посредника. Сидит он до нового года дома под запрещением чем бы то ни было заниматься. Это случай совсем сокрушил меня. Как его устроить и как /10/ мне устроиться без него? Ведь и жена моя не может жить в Петербурге, разве 4–5 месяцев, зимних. Сережа один был мне здесь опорой хилости моей, но без него что я здесь? И года не продержу. Горе мое! Не придумаю куда деваться? А в Петербурге и я не могу оставаться сам-на-сам.

¹⁰³² Переміщення на єпископських кафедрах, про які йшлося в листі, відбулися восени 1887 р.

Вот чем переполнена душа моя весь почти октябрь и ноябрь, и ничто-ничто меня больше не занимает.

Прерванную работу по отчету о моей поездке кое-как на днях окончил. Но меня уже не интересует это дело и ничто в Петербурге. Такого горя для себя я уже не ждал, особенно глядя на здоровье Сережи.

Ваши сообщения в другое время побудили бы меня на хлопоты, а теперь чуть не слезы только они вызвали у меня. Крылья у меня подрезаны совсем. Как вспомню, что должен расстаться с Сережей – совсем погибаю, а он /10 зв./ совсем ребенок в житейских делах, и погибнет без меня, и сам он не может думать об этом.

У митрополита [киевского] был я на другой день по приезде его. Речь была глав[ным] образом о назначении [еп.] Иеронима¹⁰³³ в Ригу, которое пред тем почти решено было. Я счел, однако, за лучшее спросить самого [еп.] Иеронима. Но тот руками и ногами уперся. Что делать, не насиловать же человека. На днях порешили не трогать его. Но и никого доселе не выбрали.

У [Г.П.] Галагана, кажется, [еп.] Иларион¹⁰³⁴ успел заискать больше [еп.] Иеронима, и Полтаву ему просит [Г.П.] Галаган. Но тут сказали, ч[то] [еп.] Илариону это жирно будет. [Экзарх] Павел едет сюда (с конвоем по городу там архиерею неудобно ездить), чтобы больше не возвращаться. Просит поменять его с [архиеп.] Казанским¹⁰³⁵, аще сей не соизволит, то – в Полтаву. Кажется, Казанс[кий] обменяется.

Праховская штука меня задевает. Спрошу прежде Волын[ского] Палладия¹⁰³⁶. Благо, должен писать ему о семинарии, которую решили из Кременца в Житомир перевести.

С [Иринеем] Ордой¹⁰³⁷ и тут не знают, что предпринять. Обсуждали на все лады, да все не выходит. Сам [В.К.] Саблер пронюхал там про характер его...

Что-то кроют такое, писанное [В.И.] Шемякиным¹⁰³⁸ про Училищ[ный] совет – нехорошее. Мельком только выразил [В.К.] Саблер, а что – не знаю.

Про проект о консистории справлюсь. Но едва ли удастся он как единичная мера. А впрочем...

¹⁰³³ Єпископ Ієронім (Екземплярський; 1836–1905) – київський вдовий священник, викладач КДС, у 1885 р. прийняв монашество і єпископський сан, став єпископом Чигиринським (1885–1890), далі переведений на самостійні кафедри. Помер в сані архієпископа Варшавського.

¹⁰³⁴ Іларіон (Юшенов; 1824–1904) – вікарний єпископ Полтавської єпархії (1884–1887), отримав призначення на Полтавську самостійну кафедру замість єп. Іоанна (Петіна), який вийшов на спокій.

¹⁰³⁵ Архієпископи Павел (Лебедев) і Палладій (Раєв-Пирарев) обмінялися кафедрами.

¹⁰³⁶ Палладій (Ганкевич; 1823–1893) – архієпископ Волинський у 1885–1889 рр.

¹⁰³⁷ Іриней (Орда; 1837–1904) – київський вдовий священник, викладач (з 1883 р. ректор) КДС, у 1883 р. прийняв монашество, у 1888 р. єпископський сан, став єпископом Уманським (до 1890 р.), потім Чигиринським, далі переведений на самостійні кафедри.

¹⁰³⁸ Шемякін Василь Іванович (1840–1916) – службовець канцелярії обер-прокурора Синоду з 1882 р., член комісії з переробки положення про церковноприходські школи, з 1885 р. діловод училищної ради.

/10 зв. збоку/ Предстоят мне хлопоты с чехами. Едет сюда депутация от них, чтоб разом всех забрать в православие. Но депутаты – первые пьявки народные, самозванные искатели поживы. [Воль] шлет с ними своего чиновника. Знают, что я всецело против такого православия, и собирают обвинение против меня, надеясь на поддержку Дундука, zde сущаго. Аз, мошенники! На днях буду писать об этом Меркулову.

Кланяюсь Феофану с жінкою, Павлу Фед[оровичу] и т.д.

/9 зв. збоку/ Какой там проект у вас написан о праздновании 900-летия? Нельзя ли познакомиться с ним? Нельзя же делать это домашним делом.

О Гузеевой – да, [П.И.] Остроумов¹⁰³⁹ оч[ень] хлопочет, Вам достается. [А.Г.] Ильинский тоже хлопочет. Конечно, от них все и зависит.

/10 збоку/ Елене Петровне очень-очень кланяюсь. Не для [...] понадобился мой адрес...

Тут затевают северозападное братство, югозапада не принимают к себе. Как бы не отстать? Поссорился я с ними. Выразился: «Так я буду хлопотать о югозапад[ном] братстве». Ухватились, говорят: «Хорошо бы», – да теперь и пристаю, но – чтобы оно было здесь, а не в Киеве. Легко сказать – здесь...

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
11 травня 1887 р.**

Ф. III, № 3558

/11/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 31 мая 1887 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Не знаю, что и писать в извинение моего долгого молчания. Мне тяжело было писать Вам. Да и долгое время не мог понять ничего в тумане темных дел. Доселе еще я мало что понимаю. Какая-то злая интрига давно подбиралась и к празднику сделала свое дело. И сё, и то прорывалось и тот час пряталось, в особенности от меня. [В.К.] Саблер искренно говорит, что и он не понимает сущности дела. Началось еще с дела Гуляевой, да с /11 зв./ возвращения [В.И.] Шемякина. Возобновилось в приезд генерал-губернатора. «Все было бы лучше, если бы Леб[единце]в захотел: и школы пошли бы хорошо, и с штундою легче управлялись бы, да и все другое было бы иначе. Но он не хочет, самолюбив, противится, когда другие принимают меры... Бесспорно, он там всех умнее, опытнее, митр[ополит]т слаб, он мог бы все сделать, если бы захотел...» Такие речи приходилось слышать, а в чем дело, факты, ни слова. «Ведь вот, захотел – двух священников сместил (не знаю, что это за дело) и хорошо сделал, что уступил. Так бы и в других делах...» (Вы получите чрез Павла Ак[имовича] даже благодарность за это).

¹⁰³⁹ Остоумов Петро Іванович (1839–1913) – службовець Синоду з 1878 р., з 1880 р. директор господарського управління Синоду. Випускник КДА 1863 р., у 1864 р. вступив на службу у Польщі в Установчому комітеті.

У меня голова кружится, мало что смыслю в этих делах, вижу, что-то озлобленно крепко, а что – не понимаю. Мне тяжело с ним говорить по этим делам. И что я с этими чертями /12/ поделаю! «Родственник! У него и жил в Киеве...» Я не выдержал и, отвечая на письмо Ив[ана] И[гнатьевича] Малышевского, обругал киевлян за интригу. Здесь и [В.И.] Шемякин уже пошел на попятный двор, [В.К.] Саблер же продолжает по-прежнему быть к Вам расположенным. Другим можно укоротить язык, только бы знать, откуда идет сплетня. Но одно позволяю себе прямо сказать: помиритесь с ген[ерал]-губ[ернаторским] управлением. Тут нельзя иначе. Все же – власть. Не отказывайте им в просьбах или требованиях, да и не вооружайтесь против мер ошибочных, а лучше предварительно лично объяснитесь, и в случае будут настаивать – Бог с ними – уступите, ведь на их душе грех останется. А то легко ведь им толковать: «Леб[единце]в препятствует...»

Еще: школьное дело в Киев[ской] епархии приобретает особенную важность. К 900-летию хочется указать противникам: «Вот, ведь прочно же стало дело там, где оно давнее началось, откуда свет христ[ианского] просвещения вышел». Пусть Киев[ская] епархия буд[ет] действительно передовою в эт[ом] деле. Павел Ак[имович] расскажет Вам, что решил наш Уч[илищный] совет для Киев[ской] епархии к 900-летию по эт[ой] части. Примите близкое участие в учит[ельских] делах. О чем попросит совет – сделайте, кому внушить, кого заохотить. Особенно дорого будет /12 зв./ содействие к устройству двухклас[ных] училищ (даем по 400 р. на каждое) с подготовкою к учительству. Подчас заехать в заседание местного Уч[илищного] совета с добрым словом (Бог с ним, с эт[им] [еп.] Иринею, его тут знают, теперь Павлу Ак[имовичу] там дали глав[ный] голос).

Все это я пишу Вам, и страх меня берет, что я точно берусь учить Вас. Бога ради, не подумайте так. Мне больно-больно, что Ваше значение пытаются устранить, что от этого великая потеря для епархии, хотелось бы победить интригу, глубоко пустившую корни.

Сие обстоятельство так важно, что я хлопочу здесь послать в Киев [В.К.] Саблера, пускай он там помогает и умиротворит кого следует. Кстати, и сам он не прочь своего [о.] Наумовича там обеспечить. Кстати и о 900-летию там же порешить (митрополичий проект тормозится здесь). [В.К.] Саблер уже согласился ехать и, вероятно, в начале июня будет в Киеве. Вот тут-то пред отъездом его, пособив ему уладить все дела по сердцу его, улучите своб[одный] у него час и объяснитесь с ним откровенно – за что, мол, много в Питере недовольны и чего хотят от меня. Не сам по себе – мол – двукрат[ный] отказ в награде печалит, а его влияние на людское мнение и на достоинство дел моих для епархии.

По многим причинам, о коих не [суть] есть глаголати, хорошо бы при академии устроить комитет для празднования 900-летия. Писал я об этом Ивану Иг[натьевичу]. [В.К.] Саблер там порешит, но имейте в виду, что он ревнует, чтобы центр праздника был в Питере, а не в Киеве. Впишитесь в члены акад[емического] комитета, если он устроится, убедите митрополита дать благословение на устройство такого комитета. Посодействуйте что-/12 зв.

збоку/бы и другие почетные лица вошли в состав комитета, не допускать бы других светских комитетов (тут боятся поползновений всяких политич[ески]х). Город бы пристал к нему. Постарайтесь в приезд [В.К.] Саблера устроить по эт[ому] предмету собрание у [епископа] Сильвестра, с которым переговорите предварительно, разумеется – прежде склонив митрополита. Если на эту почву станет дело, то пойдет хорошо, отсюда будет содействие. А тут соперничают, думают, что «это – мол – личные фантазии м[итрополита]та и его клеветов», тщательно суживать готовы программу праздника для Киева, не позволяют епископов позвать («будет с него и своих викариев»). А нужно бы призвать епископов, б[ывших] Владимиров[ских]¹⁰⁴⁰ епархий. Андрей Гр[игорьевич] боится, что для приезда их потребуются прогоны и проч[ее]. Но я убедил его, что приглашения – не предписание, а местные монастыри разберут их и прокормят.

/11 збоку/ Слава Богу, Павел Ак[имович] всем тут понравился. Хорошо вел свое дело. Вчера он уже уехал – послали его к [С.А.] Рачинскому, там есть чему поучиться. Оттуда на день в Москве остановится для условий с управл[яющим] типографией по части книг. Затем будет в Киеве 18 или 19 числа.

/11 зв. збоку/ С работами по Соф[ийскому] собору пока не придумаю, как повернуть дело. Раз замешалась эта гнусная интрига – она на все наложила тень недоверия и недоброжелательства. «Фантазии» – и что хочешь делай! [В.К.] Саблеру хорошенько втолкуйте, да [А.Р.] Дрентельн бы слово замолвил о необходимости...

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
7 червня [1887 р., м. Санкт-Петербург]**

Ф. III, № 3559

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 11 июня 1887 г.

7 июня

Любезнейший брат Петр Гаврилович!

Два дня тому снова была беседа о киевском торжестве в будущем году. Между прочим я сообщил, что полезно было бы почтить Владимира устройством школы и приюта при Владимир[ском] соборе. Очень понравилась эта мысль [К.П.] Поб[еда]носце]ву. «Ведь вот, если бы захотели, составили бы воззвание к епархии, да напечатали бы там его. Конечно, от имени митрополита», – произнес он и стал развивать опять свою тему о том, что у него на душе о Киеве. «Воззвание нужно бы напечатать поскорее». Я сказал, что подумаю об этом.

Как вы думаете о сем? /1 зв./ Не составите ли такое воззвание и не преподнесете ли его владыке митрополиту? Да поскорее, что [В.К.] Саблер застал на готовое. Я было приготовил проект воззвания. «Россия-мать собирается в

¹⁰⁴⁰ Тобто єпархій на землях, що входили до держави князя Володимира Великого.

буд[ущем] г[оду] праздновать 900-л[етнее] просвещение свое верою Христовою. Киеву ли не отозваться в этот праздник особ[енным] почтением к памяти просветителя всей Руси! Между благодеяниями его одно особенно знаменательно для нашего времени, столь горячо приступившего к просвещению народа в духе св[ятой] веры. Государь наш, истинный преемник Влад[имира], прилагает все заботы к этому важному делу. Владимир не только крестил свой народ, но и тотчас повелел и школы устроить, чтобы не оставить темными в вере, но и научить просветить верою. Теперь уже матери не как во времена его плачутся о чадах своих как о мертвецах, что их в школу забирают, но часто плачут о том, что негде приютить своего сироту и научить его. Почтим же /2/ память Влад[имира] помощью сим бедным устройством школы и при ней приюта при Влад[имирском] соб[оре]». Т.е. это были мысли воззвания еще неизвестно от кого. Кажется, что воспользоваться мыслию К.П. П[обедоносце]ва следует. Как Вы об этом думаете? Если да, то поспешите сообщить эту мысль старцу-владыке, и тут и проект представьте.

Я мечтал прежде употребить для сего [Е.П.] Сан-Донато¹⁰⁴¹. Но для этого нужен прежде всего не капитал, а характер и авторитет, деньги придут. Маленькое пособие дает и Училищ[ный] наш совет, как на постройку, так и на содержание. Из буд[ущих] доходов собора Вл[адимирского] можно бы малую толику на содержание уделять. Служащие при соборе дали бы за небол[ьшое] пока вознаграждение труд по учению и надзору...

Вместе с тем, переговорить бы с город[ским] головою, кажется, подле собора имеются еще своб[одные] места, чтобы часть уступить для буд[ущего] дома школы и приюта.

/2 зв./ Право, это хорошо! Поговорите с владыкой и головою и сообщите поскорее о первых результатах своих переговоров.

Пока – прощайте.

Ваш Е. Крыжановский

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[червень–липень 1887 р.]**

Ф. III, № 3573

/15/ /іншим почерком/ май 1888 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

[В.К.] Саблер привезет обратно киевский проект празднования 900-летия. Я прочитал его, как и проект определения Св. Синода по этому делу, только в самое последнее время. До тех пор я только слышал со всех сторон недовольство проектом. Первоначально думали нивелировать Киев в этом деле с прочими городами, ничем особым не отмечая его. Я не выдержал, написал

¹⁰⁴¹ Олена Петрівна Демидова, княгиня Сан-Донато (1853–1917), вдова київського міського голови у 1870-х роках Павла Павловича (1839–1885). Після смерті чоловіка проживала у Києві, займалась благодійними справами, була близькою до церковних кіл.

К.П. П[обедоносце]ву письмо длинное и горячее (на словах я путаюсь, бумага все терпит): 1, проект Ваш на одних церемониях (я, однако, совсем не знал, кто составлял его), а церемония с Перуном и утомительна, и может подать повод к недоразумениям, пожалуй, бабы сочтут Перуна за нового святого и пронесут имя его по Руси, а путники прокричат «выдыбай нас боже»; мост чрез Днепр незаручившись положит[ельным] обещанием воен[ного] ведомства немислим, а для целей празднования излишен, так как /15 зв./ нельзя представить, чтобы киевлян гоняли чрез Почайну к Днепру (акт XVII века не доказательство факта), крестились в Почайне при впадении ее в Днепр. Мних Иаков прямо говорит, что крещение было в Почайне. 2, Праздник на несколько дней, полиция на ногах, администрация, город – участники, а их мнения не спрашивают. Синод утвердит – ну, они обидятся и скажут, а мы не хотим того и того, пойдут препирательства, скажут: «То все Лебединцев выдумал, чтоб нас устранить». Необходимо предварит[ельное] об[щее] соглашение. Но, 3, хотя проект и подлежит критике, но что же это будет за всероссийский праздник, если Россия не почитит особ[ым] образом самую купель своего крещения? Это будет фокус, а не церковное дело. Это – нигилизм, бездушина, себялюбивое нечто. Чтобы дело устроить как следует, нужно, 4, послать от имени Синода лицо, которое постаралось бы свести все местные элементы воедино и решить это дело сообща. Проект должен быть об[щим] делом. Но инициатива дела принадлежать церковной власти и все дело б[ыть] церковным, при доброй помощи всех свет[ских] властей.

По моему мнению, следовало бы так: митрополит поручает учреждению духовному (а не лицу, чтоб устранить возможность личностей) составить комитет для выработки проекта. В то же время, уведомляя о сем г[енерал-]г[убернато]ра, просит его сказать сему делу свое теплое участие, в котором, мол, наперед уверен, а для сего не признает ли возможным назначить от себя члена в этот коми-/16/тет – одного или двух, гражд[анского] и военного. Точно так же и городу (не лучше ли чрез сем г[енерал-]г[убернато]ра же? Об этом предварительно с [М.М.] Меркуловым условиться бы), да и попечителя [учебного] округа, да от духовенства назначить двух членов. Такое учреждение есть академия, а председатель – ректор, архиерей.

Я, конечно, этого последнего не прописал в письме [К.П.] П[обедоносце]ву, пишу только Вам, но просил послать – всего лучше – [В.К.] Саблера. Письмо имело успех. Определение Синода, еще не подписанное, оставлено. С [В.К.] Саблером мы обо всем переговорили. [В.К.] Саблер дальше и дальше разгорается желанием почитать особенным торжеством мать градов рос[сийски]х. На днях он даже сообщил мне следующее: пробую почву – что, если пригласить в Киев на торжество Константинопольского патриарха, да и весь Синод туда переселить на то время? Я изумился смелости идеи, о которой и сам подумки мечтал. Я выразил неверие возможности такой благодати Киеву, но он сказал, что начало оказалось как нельзя более благоприятным, и сказал, что будет дальше вести это дело всеми силами души. Обещал потом подробно сообщить о ходе этого дела. Конечно, это секрет пока, и Вам решаюсь сообщить его – тоже прося о секрете. Тут, кажется, присоединилось что-то политическое, ставшее в самое последнее время в делах

Востока, имеющее связь и с переменами в Сербии, с возвращением к месту своему в Белград и [митр.] Михаила. Здесь всё что-то шепчутся, но я еще ничего не знаю положительно. Как бы то ни было, но очевидно, что не [В.К.] Саблер это выдумал, а им только применяется. «Ведь это же расход большой? А что скажет на это Андрей Григорьевич?» – «Деньги будут», – отвечено. Значит, тут министр финансов участвует, значит, высшие соображения.

Вот так это дело стоит. Конечно, [В.К.] Саблер сам доверил мне, что вполне надеется в Киеве на ваше содействие.

/16 зв./ Теперь о тяжелом. Когда замешается [мелкое нечто] недоверие, тут ничего не разберешь. Факты все можно опровергнуть, но что-то там сидит и грызет, и его не поймаешь. Бог их, наконец, разберет, но недовольства крутит и подмывает. Все дело, очевидно, в тоне и духе, а не в фактах. Я писал [М.М.] Меркулову откровенно обо всем, заверяя его, что с Вашей стороны не буд[ет] ни малейших причин к деланию дела с ними [не]мирному, напротив, только полное миролюбие, и что консистория – не Вы, не смешивать бы. Хорошо это вышло, что Вы первый вызвались поговорить с ним о недоразумениях. Как видите, отвечено любезною предупредительностью, и искренно говорю, устранив ради дела всякие несимпат[ичные] черты, я очень желал бы Вашего и его согласия. Совсем иной стал бы и Ал[ександр] Р[оманович]ч. Вовсе не слыхал я, чтобы [Е.П.] С[ан-]Донато писала [К.П.] П[обедоносцеву]ву о [С.И.] Гуляевой и о Вас. Приходил ко мне агент ее раза два-три с просьбой от нее справиться то о том, то о другом, м[ежду] пр[очим] и о наградах киевских. Справился, сообщил ему. О [С.И.] Гуляевой хлопотали [П.И.] Остроумов и [А.Г.] Ильинский. Думаю, что старец-владыка точно не знал дела. [С.В.] Керский не мог в Синоде докладывать, чтобы о Вашей награде не решали дела, потому что эта награда не в Синоде решается, а в заседании особого совета из директоров всех частей и еще каких-то членов, а высшие награды духовным лицам решает сам обер-прокурор.

Едва ли [В.К.] Саблер поедет по школам и приходам. Это мысль Павла Ак[имовича], но тот не найдет для этого времени, спешить будет в Москву на съезд (29 июня) миссионеров противораскольничьих.

Господа ради, не теряйте бодрости из-за эт[их] неприятностей. Господь их сам посылает. Я тут недолго, а уже не раз хотелось драла дать. Ну, подумаешь; а дело мне порученное? Вырвет кто другой, пакостить станет – нет, не по-божьему это! И успокоишься.

Написал я житие св. Владимира тоном Нестора и церк[овно-]слав[янским] языком. Вышел во многом смешной язык, но все прочее одобрено знающими мод[...] и весьма. Пошло теперь по рукам знатоков языка, с Смирнова я начал, потом к Тertiю и др[угим] обращаюсь. Для простого народа ничего лучшего нельзя придумать, как сказание по летописи Нестора. Поп[у]лярные русские жизнеописания Владимира – это другое дело и это само собою пускай идет.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
12 серпня [1887 р., м. Санкт-Петербург]**

/3/ /12 августа]

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Итак, с праздником 900-летия выходит хуже, чем было до этой суеты и поездки [В.К.] Саблера. Академия вместо содействия простому и ясному делу, или лучше – в пылу усердия к нему, поставила тормоз, да еще с ссылкой на науку. [А.В.] Прахов воспользовался этим ученым простодушием для своих целей, а [А.Р.] Дрентельн поддержал и тех и других административными соображениями.

Но разве Влад[имирский] собор задуман в видах 900-летия? То же и Херсонесский? Мысль соединить освящение собора с праздником – мысль вчерашняя, случайная, а не существенная в деле. Что же, не успеют кончить собора – стыд только тем, кто обязан был окончить /3 зв./ его и не окончил. Избегая этого стыда и позора, строители и хлопочут отложить праздник. Нет, уж лучше не ждать и выставить этих господ на суд и осуждение пред всею Русью.

Причем тут наука? Владимир крестился в 988 г., положим, Киев крестился в 989 году – так что же из этого? Почему же непременно привязывать торжество общерусское к крещению киевлян, а не Владимира? Ведь уж если считать верно, то начало крещения всей Руси было в Херсонесе, где крестился самодержец всея Руси и с ним представители ее и Киева. Киев крестился в 989 году, ну а прочие города и веси? Уж то ли у Владимира было в то время столько священников, что он мог в один год окрестить все углы Руси? Вероятно, что это дело тянулось годы. Из этих нескольких лет который же выбрать для праздника по всей Руси? Если хлопоталось о том, чтобы дать Киеву подобающее значение в празднике, то вовсе это не значило, чтобы самый праздник ставить в /4/ безусловную зависимость от Киева, особенно от его рассуждений, в котором году его крестили. Стой вся машина всероссийская, ибо я додумался, что меня крестили в 989 году, жди ради моего гонору. Этак какой-нибудь городишко додумается, что его крестили в 990 или 991 году, и следуя киевскому принципу, запротестует: «Не хочу праздновать, буду ждать своего 900-летия». Не будь свидетельства летописца о крещении самого Киева в 988 году, не имей такой силы это предание по всей Руси, что при мысли о 900-летию никому и в голову не приходило о научных изысканиях, тогда другое дело. Но теперь поздно и стыдно науке помешать делу, тем более что ее тут никто не затрагивает, праздник нисколько не говорит против нее.

Бог с ними, с этими учеными. Думалось, что они как учреждение, да первое в России по времени, лучше всего могут устранить разномыслие, неизбежное при личной инициативе, особенно в провинциальных городах, а вышло совсем наоборот. Думалось /4 зв./ как наилучшее, а вышло как наихудшее. Киев удивил всю Россию раздорничеством в этом деле, притом во имя науки.

Имею основания полагать, что Синод не согласится с [А.Р.] Дрентельном (хотя [К.П.] П[обедоносце]в и не прочь поддержать его) и составит определение праздновать в след[ующем] году. На днях будет об этом совещание. Составляю записку.

И лучше, чтобы праздник состоялся в Софийском соборе. К 1889 году окончится Влад[имирский] собор – тогда наука пускай пригласит киевлян отпраздновать их собственное крещение. Выд[а]ть два праздника – больше в[...]ия, новые обеды, пиры et caetera¹⁰⁴², двойной выигрыш.

[В.К.] Саблер теперь горячо стоит за то, чтобы не уступать Академии и [А.Р.] Др[ентельну]. Удивляюсь только, как он не сделал этого в Киеве и не остановил этих затей, точнее, не направил их в должное русло.

Простите. Скоро буду опять писать.

Ваш Е. Крыжановский

P.S. Сейчас получил письмо от Ив[ана] Игнатъича. Распинается за 1889 год. Буду отвечать ему.

/4 зв. збоку/ Беда с Павлом Акимичем. Поллюбился он [В.И.] Шемякину и [В.К.] Саблеру, и те напирают на [К.П.] П[обедоносце]ва, чтобы дать ему поскорее ход, точнее, его руками жар загребать. Знаю, что на этом месте (при г[енерал-]г[убернато]ре, в качестве заведывающего делами ц[ерковно-]п[риходских] школ и шутнды в пяти губерниях) он скоро все потеряет у них и упадет духом. Но поелику он сам нерешительно высказывается, то и пускай будет что будет. Интересней тут журнал, который хотят отнять у него. Скажите пожалуйста, кто бы там мог хорошо вести журнал в случае оставления его Павлом Акимичем?

/3 зв. збоку/ Между нами. Кто-то [митр.] Исидору сообщил из Киева, что [В.К.] Саблер там только обедами занимался, а дела не делал. [Митр.] Исидор сердится, даже резко выражается. Тут ладу нет. [К.П.] П[обедоносце]в уехал, ничему не давши определенных инструкций.

/4 збоку/ Бог строит все к лучшему. Рвались, кричали, что Л[ебединце]в все забрал в руки, праздник даже 900-летия. Ну, дана им была возможность показать себя. Показались! Теперь тут начинают говорить: «Нет, без Л[ебединце]ва там ничего не будет сделано, нужно дорожить им». Сам великий [В.И.] Шемякин сознался в этом пред [К.П.] П[обедоносце]вым. [В.К.] Саблер, кажется, убедился в этом, потому что сам запутался в круг ученых и разных влиятельных лиц, и теперь повторяет, что нужно поклониться Л[ебединце]ву.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
17 серпня [1887 р., м. Санкт-Петербург]**

Ф. III, № 3561

/5/ /іншим почерком/ 1887 г.

17 авг[уста]

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Не думаю, чтобы [А.Р.] Др[етельн] успел остановить праздник – церковное, а не политич[еское], не ученое, ни какое-либо житейс[кое] торжество. 50-летия

¹⁰⁴² Et caetera – і так далі (латин.).

вздорные дозволяют – [...] ли бы 900-летия церковного не разрешили? Государь император сам видел торжество Кирилло-Мефодиевское, и как был рад ему! Может быть, даже сам он пожелает быть в Киеве в 900-летие. Стыдно будет публично даже выразить нежелание из боязни демонстраций. [А.Р.] Др[етельн] говорил об этом [В.К.] Саблеру, писал убедительно [К.П.] П[обедоносце]ву, который и сам поколебался, но об всем этом говорить могут под рукой, а не только не сделают, но и публично не скажут. Между нами: поведи с ним [В.К.] Саб[лер] речи потолковее да потверже – перестал бы и пытаться остановить торжество. Впрочем, Бог милостив, не допустит этого одоления на церковь Свою, на смех врагам ее, им же несть числа. Выше этого безумия ничего /5 зв./ нельзя было бы себе представить, особенно вслед за юбилеем Университета.

Моя записка о необходимости праздновать в след[ующем] году не отлагая поехала в Смоленск, к [К.П.] П[обедоносце]ву. Читал я ее здесь в неб[ольшом] кружке (б[ыл] и [В.К.] Саблер), все одобрили и решили послать да не уступать. [В.К.] Саблер уже переговорил об этом с налич[ествующими] членами Синода.

Ив[ан] Игнат[ьевич] Мал[ышевский] уже два письма прислал мне с доказательствами необходимости и разумности отсрочки. Пишет, что [вскоре засим] еще третье письмо придет с новыми доказательствами. Но думаю, что после моего ответа на первое его письмо он покинет доказывать. Во втором моем письме я подробно изложил сущность моей записки. М[ежду] пр[очим], я обратился с просьбою к Антонине Ив[ановне]¹⁰⁴³ посадить своего мужа за голодный стол, да с ним [епископа] Иеронима и [В.Ф.] Певницкого (на которых Ив[ан] Игнат[ьевич] ссылается как на вполне согласных с ним), только не давать им четвертого.

[В.К.] Саблер вывез о Вас оч[ень] доброе мнение. О Кишиневском пишете Вы догадки. Но сие более чем несостоятельно. Ник[акие] старание вашего старца в эт[ом] направлении не были бы здесь уважены. Варшава безусловно первенствует.

Едва ли для кое-кого не причинит горя посещение Киева Кишиневским, особенно после посещения им Феофании – для хозяина ее, вздумавшего при этом поразить своих гостей княжескими лакеями, богатым сервизом да присутствием княж[еских] детей. Это бестактность, которая даром не пройдет. Бог на ту пору попутал хозяина, который добрый о молве людской, ожидавшей только подтверждения посторонним авторитетным лицом.

/6/ Да, замужество [С.Т.] Голубевым невесты¹⁰⁴⁴ в праве царапать ему глаза. Я сам наблюдал его поведение у [В.Ф.] Певниц[кого] и не имел сомнения...

¹⁰⁴³ Малишевська Антоніна Іванівна – дружина Івана Гнатовича, донька професора КДА Івана Петровича Максимовича.

¹⁰⁴⁴ Голубев Степан Тимофійович (1848–1920) – викладач КДА і Університету св. Володимира. У 1887 р. одружився із донькою Пилипа Олексійовича Терновського (1838–1888), теж професора Академії і Університету. Згідно листів М.С. Лескова до Л.М. Толстого, саме Юхим Михайлович підготував звинувачення проти Пилипа Олексійовича, внаслідок якого професора звільнили і з Академії, і з Університету (лист від 5 серпня 1888 р.).

Но теперь они несколько утешатся – злорадством. Синод усомнился в достоинстве доктор[ской] диссертации его и велел Учеб[ному] комитету пересмотреть все дело. [И.А.] Чистовичу поручен доклад, и тот не дает надежды на благоприятный исход дела. На днях будут у нас дебаты. Большинство голосов уже определилось – не в пользу докторства. Хочу биться, хоть на успех плохая надежда. Читаю и перечитываю сочинение сие.

Мне не удалось поехать в Варшаву. Простудился было и около трех недель сидел и лежал дома. Стало потом поздно. Сынишка мой затем приехал – держал экзамен в гимназию (сегодня выдержал и определен в III класс гимназии при Филологич[еском] институте). Жена не могла приехать, ее болезнь разыгралась, лечится теперь в Варшаве. Сережа капризничает: представлялась возможность получить место, он заупрямился: «Товарищи будут называть выскочкой, я только два года кандидатскую...» М[ежду] тем, еще после болезни от места с жалованьем отказался. Трудненько мне теперь пришлось.

С задуманным при Синоде органом¹⁰⁴⁵ все не склеится дело. Нужна во главе свящ[енническая] особа с доверием отцов Синода, а таковою здесь считается единая и единственная – прот. Смирнов¹⁰⁴⁶. Целое лето он то решится, то отказывается, и так доселе. Всё его беды постигают. Свихнул ногу еще пред Вербой, залечил – пошли вереды¹⁰⁴⁷ по ногам и рукам. Излечил – дочь заболела воспалением легких. Исцелил – снова кинулись вереды. /6 зв./ Кончились вереды – другая дочь заболела тифом. Излечили – помешалась! В тут канцелярия уже отовсюду потребовала адреса буд[ущих] обязат[ельных] подписчиков, взбурила умы. Не постигаю, за что Бог меня эт[им] делом карает. Почему все меня винят, когда за[...] этого рода оканчиваются неуспехом (это уже третий раз в два года). Что я буду делать, когда я убежден, что всякого фращника на мете редактора съедят, не потерпят, да и что это за орган церкви, если чиновник сядет во главе его! Кроме сего, лично, как пред Богом, признаю себя неспособным в редакторы. Я обещаю [прот.] Смирнову всякий мой труд – пахолком служить, если потребуется, только бы согласился; но в послед[нее] время он зарубил себе, будто его хотят сделать только ширмою пред Синодом и обществом!.. А тут канцелярия – непременно, чтоб журнал был с офиц[иальной] и неоф[ициальной] частями и первая имела бы особого редактора! Все отделения уже расписали между собою сотрудничество, вознаграждение и т.д. Сегодня для меня особенно тяжелый день по этой части, столько слышался попреков на совещании, подозрений и т.п. Я все существенное сделал: составил программу, к ней объяснит[ельную] записку, указы, способ получения сотрудников (закрывать «Церков[ный] вестник»¹⁰⁴⁸ и всякую штуку в Киев[ской] ак[адемии], дать хорошую субсидию

¹⁰⁴⁵ *Церковные ведомости* – журнал, офіційний орган Синоду, виходив з 1888 р.

¹⁰⁴⁶ Смирнов Петро Олексійович (1831–1907) – настоятель Ісаакіївського собору в Санкт-Петербурзі (з 1886 р.), член Училищної ради при Синоді. Редактором «Церковных ведомостей» став аж у 1901 р., а з моменту заснування журналу лише співпрацював з ним.

¹⁰⁴⁷ Нарив, абсцес.

¹⁰⁴⁸ «Церковный вестник» – журнал СПбДА, видавався у 1875–1915 рр., а до заснування «Церковных ведомостей» був офіційним органом Синоду.

«Христ[ианскому] чт[ению]» и «Трудам [Киевской духовной академии]» – с тем, чтобы все проф[ессора] эт[их] академий с мелкими статьями адресовались в синод[альный] орган); затем приготовлен проект получения корреспонденции из всех глав[ных] городов Востока прав[ославно]го, европ[ейских] столиц, важнейших городов России, проект разработки синод[ального] материала, должностей по редакции, [славоя] – часто голова ходит кругом (особенно от разыгравшихся карманов чиновничьих, глядящих на дело как на прибавку к жалованью). Ничем не убедить, однако, подозрения тем более множатся, нарекания растут и мучат меня. Но – ни за что, никогда не возьмусь быть орудием чиновничьей похоти – духовной и карманной. Люди только и видят 45 тыс. обязат[ельных] подписчиков – черпать бы пригоршнями, а тут клад не дается.

/6 збоку/ Вот для празднования 60-летия со дня назначения учителем семинарии в Киеве легко оказалось устроить Комитет, а для праздника 900-летия – трудно. Подчас с киевлянами выходят такие притчи. Что поневоле только и объяснять себе дело тем, что вероятно, Владимир плохо крестил их.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
18 вересня [1887 р., м. Санкт-Петербург]**

Ф. III, № 3562

/7/ /іншим почерком/ 1887 г. Петербург

18 сент[ября]

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Ваша брошюрка очень и очень кстати. Толков много (по поводу письма [А.Р.] Др[ентельна] к [К.П.] П[обедоносцеву] и слухов из Киева), мало кто здесь смыслит, в чем именно дело, и среди этих толков и слухов наживают апатию к делу. Брошюрка оживит интерес и даст в руки некое оружие недоумевающим.

Много ли экземпляров выслали Вы сюда? Необходимо бы побольше. Явиться мне с 5 экз[емпляров] в Учеб[ный] комитет, значит подвергнуть опасности фалды своего вице-мундира. В подоб[ном] случа-/7 зв./ях каждый ревнует: «А почему же Вы меня обходите!» А ведь нас в Учеб[ном] к[омитете] ровно чертова дюжина. Да в Уч[ебном] совете настоящая, православная дюжина. А другие? Если пришлете мне еще десятка два экзепляров, то сделаете мой вице-мундир безопасным от крушения на сию пору.

Послали ль Вы брошюрку сию [К.П.] П[обедоносцеву]? Непременно нужно послать, да в нескольких экземплярах (достаточно только обрезать их) и поскорее.

Конечно, [Е.Е.] Голубинский¹⁰⁴⁹ не останется в долгу. Ив[ан] Игн[атьевич] тоже завопиет. В одном из писем к нему я ругнул [Е.Е.] Голубинского – Ив[ан]

¹⁰⁴⁹ Голубинський Євген Євсигнейович (1834–1912) – історик церкви, професор МДА. Автор наукових праць, присвячених хрещенню князем Володимиром Русі.

Игн[атьевич] счел это за личную обиду, и вступаясь за [Е.Е.] Голубинского, написал мне довольно сердитое письмо.

/8/ Все дела у нас спят – до приезда [К.П.] П[обедоносцева]. Тесть его, наконец, умер. 20-го числа девятый день смерти, мадам П[обедоносцева]¹⁰⁵⁰ пожелала остаться на месте до этого дня, а потому и он остается. Все это время он проживал то в Смоленске, то в Москве, то в др[угих] городах. Он не может видеть страданий больного человека, а тесть во время болезни сильно мучился, поэтому он и путался по свету. Теперь он в Москве, завтра отсюда уезжает в деревню к жене, а после 20 [сентября] тотчас вернется сюда, и дела начнутся...

К сожалению, 16 сент[ября] [В.К.] Саблер уехал в Харьков, и некому будет излагать чередные дела [К.П.] П[обедоносце]ву. Впрочем, кое-что распределено м[ежду] братией для обст[оятельного] доклада. М[ежду] делами, мне порученными, числится и праздник 900-летия. ([В.К.] Саблер поехал проводить в[еликую] к[нягиню] Екатерину М[ихайловну]¹⁰⁵¹, только и вернется числа 27-28.)

Сегодня в засед[ании] Уч[ебного] к[омитета] [А.И.] Парвов¹⁰⁵² читал свой доклад о книге [П.А.] Лашкарева¹⁰⁵³. Находит а ней односторонность (всё на древ[нем] праве, Моисей игнорируется), не некие неверности, но вообще признает труд этот самостоят[ельным], глубоко серьез-/8 зв./ным, истинно ученым произведением, даже первым в литературе каноники по самостоятельности и независимости исследования. Вот тебе и Академия с своим отзывом. [Прот.] Парвов ведь тоже канонист. Впрочем, решили ждать [К.П.] П[обедоносце]ва яко законоведа. Книжка Комитетом одбрана для семин[арских] библиотек. Но журнал утверждает обер-пр[окурор].

/8, примітка збоку/ Если встретитесь с [П.А.] Лашкаревым, то не можете ли передать ему, чтобы он выслал мне еще 2-3 экзем[пляра] своей книжки?

/8 зв./ О [С.Т.] Голубеве доселе не б[ыло] рассуждения в Синоде, ничего наперед сказать нельзя.

Недавно мы праздновали, то[...] кропили Белого Орла. Сговоренный с [В.И.] Чумачевским, предупредили и – Белый Орел, обмыт достаточно, хоть сами мы при этом сильно отемнели. Данило Г[аврилович] здоров, но привычка берет свое, все ему кажется, что что-то болит у него, и ему нужно лечиться. Это доходит у него до смешного.

¹⁰⁵⁰ Победоносцева Катерина Олександрівна (1842–1932) – дружина К.П. Победоносцева, донька Олександра Андрійовича Енгельгарда.

¹⁰⁵¹ Катерина Михайлівна (1827–1894) – онука Павла І, донька Олени Павлівни, яка заснувала Хрестовоздвиженську общину сестер милосердя, що опікувалась пораненими при обороні Севастополя. У шлюбі герцогиня Макленбург-Стрелицька. Займалася благодійними справами.

¹⁰⁵² Парвов Олексій Іванович (1834–1897) – голова Училищного комітету при Синоді (із 1883 р. до смерті). Протоісрей, викладач СПбДА,

¹⁰⁵³ Лашкарьов Петро Олексійович (1834–1899) – професор КДА, історик церковного права. Так і не захистив докторської дисертації, кілька разів забалотований Радою Академії. Тут йдеться про його дослідження «Право церковное в его основах, видах и источниках», Київ, 1886.

Крайне жалко, что пустил душу нараспашку в письме к Феофану. Он очень обиделся, совсем иначе понял мое письмо.

Ничего не пишу про здеш[ние] новости, ибо все может измениться с приездом [К.П.] П[обедоносце]ва.

Ваш Е. Крыжановский

[К.П.] П[обедоносце]в с дороги пишет мне – признается, что доселе не смог прочесть моего отчета о чехах и только теперь прочитал его. Ну и сыр-бор загор[ел]ся! Поскорее печатай отчет без пропусков, торопи того-другого и т.д. Кстати [А.Р.] Др[ентельн] вошел с предложением по поводу моего отчета и тоже просит не медлить исполнением всех мер, мною проектированных. Представление его прислали мне вчера на заключение.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
15 жовтня [1887 р., м. Санкт-Петербург]**

Ф. III, № 3563

/9/ /іншим почерком/ 1887 г.

/почерком Петра Лебединцева/ О протоиерействе Лебедева

15 окт[ября]

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Сегодня 15 окт[ября] – мои именины. Как раз письмо Ваше пришло в тот момент, когда мы, в кругу только семьи и близких моих, простым кахетинским подняли рюмку за мое здоровье. Ну, и за Вас выпили.

Пока чехи топчутся на одном месте. Нет у них советника, все Бог знает как относится к ним. С нетерпением ждали мы [прот.] Лебедева – и разочаровались. Увлёкся человек, по первому слову – давай подписки отбирать. Его ли это /9 зв./ дело? Можно ли так сразу? К тому же старшина тут замела его, пошли только об отдельных приходах, о постройке особых церквей и т.д. Не вышло бы тормоза, ибо всего этого желательно было бы избежать. Господь с ним...

Генерал-губ[ернатор], напротив, слишком уж осторожен, во всем готов видеть корыстные виды чехов и за то отказывать. Тем-то и трудно дело, чтобы не увлекаться, но и не отказывать, а очистить влечение от корыст[ных] примесей. Сами же толкнули на корысть, лишив за религиозные дела права на землю и предоставляя это право только православным. Люди простые, не ангелы, не богословы, притом прижатые к стене – где тут /10/ думать о полной чистоте намерений. Как есть чувство, так и выливается в прошениях. Хотят, чтобы на бумаге была чистота стремлений? И это будет, но тем хуже. Ах, Боже, хоть бы два-три пастыря на месте разумных! Отнял Бог на сию пору у Волыни пастырей добрых, хоть зажги ее...

Отсюда посылаются инструкции и всякая штука, пишу-пишу-пишу все эти дни, да это бумага! Хоть бы одна живая душа! Пока не поладится дело с властями

и не найдется живых людей хоть полторы души, дотоле всячески стараюсь сдерживать движение, дать подумать поболее.

Саска действительно прислал прошение о присоед[инении] к православию, но еще не присоединен, да и нескоро будет присоединен, ибо на кого бросить приход его – на Гордличку, на ксендзов? Беда и тут. На месте ревность: почему прошение подано обер-пр[окурору], а не архиерею? С др[угой] ст[ороны], просит при этом обеспечить его «корыстные виды». К.[П.] П[обедоносцев], однако, сморит на все дело очень здраво.

/10 зв./ И правда, что благовременно было бы посадить монаха-чеха в один из волынских монастырей, хотя бы, напр[имер], в Дубенский. Но [если] Палладий поступит с ним как с [о.] Наумовичем, то проклянет жизнь свою.

С вызовом митрополитов ждут государя. Свита съезжается уже, значить, скоро и сам будет. Не советую владыке торопиться сюда теперь, пока не установится погода. Это ужасно, что творит с нами здесь погода! Сколько смертей самых неожиданных! Пророчат такую погоду до конца этого месяца.

Отчет мой о чехах окончен, печатается, по крайней мере, вчера сдал последний корректурный лист, которых вышло 19 л[истов]. Постараюсь выслать Вам один экз[емпляр]. Всего печатается 100 экз. Мне в таких случаях Сам дает 5–6 экз. Будет большая буря из-за этого отчета. И Дундук, и [П.А.] Грессер¹⁰⁵⁴ на дыбы пойдут и имя мое яко зло пронесут. А чешские вожаки проклятию предадут. Да дарма – скажу с [Т.Г.] Ш[евченк]ом, «мы не слукавили с тобою, мы просто шли, у нас нема зерна неправды за собою»¹⁰⁵⁵. Искренно говорю – с болью в сердце писал эт[от] отчет от начала и до конца, до конца более, за несчастную и обманутую чешскую [ману].

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[кінець жовтня – початок листопада 1887 р., м. Санкт-Петербург]
Ф. III, № 3564

/11/ /іншим почерком/ октябрь ноябрь 1886 г. 1887 г. Петербург

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Спасибо за известие о [прот.] Лебедеве. За ним тут был трус немалый. Меня гоняли узнать, где он. В доме никто не знал. Набегался я. Нарасходовался на депеши. Наконец – как раз в пору Ваше письмо, и телеграмма нашла его в Луцке. Успели вовремя сделать, что нужно. Дело в том, что пришло сюда прошение от одной чешской де-/11 зв./ревни о присоединении к православию, да с офиц[иальным] известием, что еще три деревни уже подписали о том приговоры, и прошения поступят вслед за сим. Первый блин вышел комом: все стороны с

¹⁰⁵⁴ Київський генерал-губернатор (1869–1878) О.М. Дондуков-Корсаков. Волинський губернатор (1871–1878), на той час полковник П.А. Грессер.

¹⁰⁵⁵ ... Та дарма! / Ми не лукавили з тобою, / Ми просто йшли; у нас нема / Зерна неправди за собою. (Т. Шевченко, «Доля»).

первого шагу дал делу строй и характер самый нежеланный, особенно православное духовенство отличилось. Архиерей не нашелся и прислал все дело о[бер-]п[рокуро]ру – как, мол, прикажете. Конечно, сыр-бор загорелся тотчас, полились инструкции и т.д. Но для предупреждения зла на месте немедленно, хоть сколько-нибудь, нашелся /12/ человек, знающий чехов и знакомый с воззрениями здешними. Письмо Ваше – неведомо для Вас самих – сослужило большую службу. Теперь Лебедева там рвут на части, все пр[...]ки приглашают к себе, он уже в некоторых побывал. Саска сам разъезжает по своему приходу, убеждает всех присоединяться. И подвашие уже прошение, и составившие приговоры им лично возбуждены к тому. (А по следам его едет священник, избранный [преосв.] Палладием, и убеждает чехов рвать эти прошения и приговоры и составляет новые, в которых расписывается, что это он их обратил и наставил, а что Саска обманщик, мошенник, правительство хочет удалить его и т.д. Даже архиерей своей бумаге назвал его интриганом, /12 зв./ вмешивающимся не в свои дела.) Саска уже присоединил к православию жену свою и детей своих, сам скоро присоединится. Хлопочем о дальнейшей судьбе его.

Дело это повлекло за собою такую для меня работу, что я надолго не буду иметь возможности подумать о чем-либо другом. Все бросил. Обращение униятов, латышей и эстонцев – вся наука! Не попасть бы во что худшее горячностью и поспешностью. Каждую мелочь приходится взвешивать, составлять разъяснения, настояния. Но что бумага на месте? Чем убедить священников, что нельзя вот так и брать их по первому слову? Чем убедить и чиновников, у которых разгорелось желание отличиться? Какие средства у Правительства достать все нужное для этой раздраженной толпы переселенцев, чтобы они уgomонились под кровом православия? Постепенность – мать спасения тут. Невольно вспомнишь при этом старца-митрополита Вашего, подвизавшегося после подоб[ных] обратителей и понесшего на себе горькие плоды такого обращения! А ведь чехи во много раз деморализованнее латышей и зубастее их! Передайте ему мой глубочайший земной поклон и попросите его молиться о сем деле, да направит его Бог не так, как было в 1845–[18]47 годах с латышами.

/11 збоку/ [К.В.] Саблер все откладывает свой приезд. Можно прийти в отчаяние. Все дела стоят-стоят... Будь они неладны. Не в Харьков только, а в Крым поехал, с в[еликой] к[нягиней]. Когда именно Ваш владыка выезжает сюда?

/11 зв. збоку/ За брошюрки спасибо. Книжки [П.А.] Лашкарева также получены. Обер-пр[окурор] утвердил журнал Учеб[ного] к[омитета] об одобрении этой книжки для семинар[ских] библиотек.

/12 збоку/ Здесь все приостановлено, некому заседать в Синоде. Только м[итрополит] Исидор да Никанор! [Преосв.] Павел уезжает в Казань, [преосв.] Дионисий¹⁰⁵⁶ болен, и доктора обрекли его на всю зиму на сиденье в комнатах. [Архиеп.] Леонтия вызывают (по настоянию [митр.] Исидора. Думают, что тут скрывается нечто о Киеве...)

¹⁰⁵⁶ Діонісій (Хитров; 1818–1896) – єпископ Уфимський у 1883–1896 рр.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
28 листопада 1887 р.

Ф. III, № 3602

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Прошу извинить меня за долгое молчание. Сомнительное состояние здоровья и неопределенность будущего служебного положения удерживали меня от всякой корреспонденции. В июле ездил я в Старую Руссу лечиться соляными ваннами. Ванны и питье минеральной воды (Гомбург-Елисаветбрунен¹⁰⁵⁷) значительно поправили было мой желудок, но зато я /1 зв./ приболел там ревматизмом в руках. По возвращении в Петербург повторился со мной драхен-шюц¹⁰⁵⁸, который, впрочем, скоро прошел без особенных последствий, но зато лечение внутр[енними] средствами ревматизма не только развило еще более ревматизм, но и расстроило вновь желудок. Теперь лечат меня от ревматизма массажем, а желудок, по-прежнему, слабительными и мышьяком. Что будет дальше – поживем-увидим.

С августа начались /2/ переговоры об упразднении воен[но]-кодиф[икационного] комитета и об устройстве участи ее членов. Я просил был об увольнении меня в отставку с усиленною пенсией, но при нынешних финансовых недугах начальство не нашло возможным исходатайствовать мне пенсию настолько значительную, чтобы она была достаточна для безбедного существования, и просило меня остаться на службе в кодификационном отделе, который учреждается с 1-го января при Военном совете взамен военно-кодификационного комитета. 1-го января /2 зв./ я буду называться помощником управляющего кодификационным отделом при Воен[ном] совете. Должность эта в том же IV классе, но содержания против прежнего прибавится 750 руб. в год.

Благодарю тебя за поздравление с Белым орлом. Я не рад сему орлу, потому что за него пришлось заплатить 300 р. Меня представляли к табакерке из Кабинета, согласно моему желанию, но для экономии, вероятно, нашли более выгодным отделаться Белым орлом.

Как твоё здоровье?

Посылаемые при сем двести рублей прошу распределить между сестрами по твоему усмотрению.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

Кланяюсь всем родным.

28 ноября 1887 г.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича

¹⁰⁵⁷ Видимо, имеется в виду одна из вод курорта Бад Хомбург – Элизабетбрюннен, показанная при заболеваниях желудка и кишечника.

¹⁰⁵⁸ Drachenschütz – рвота (буквально – воздушный змей).

[грудень 1887 р.]¹⁰⁵⁹

№ 3449

/без початку/

/1/ чехи просят не чого-либo нового, но того, что уже признано русским законодательством для Серапских немцев¹⁰⁶⁰. И Горличка¹⁰⁶¹ в речи своей на Квасил[овском] соборе¹⁰⁶² прямо сказал, что они присоединятся к исповеданию, существующему в России «уже 200 лет» (перехватив). У нас с ним и [И.] Оличем по этому предмету был длинный разговор, и [В.] Горличка в конце концов решил: так как это исповедание в России признано и именно для поволжских гернгутеров¹⁰⁶³ (чехов, только название это не [о]ровити), то и хлопотать не о чем.

Пишу сие и из опасения, чтобы Ваши замечания не успели выйти за порог. Кто там может справиться в делах, на чьей стороне правда, а между тем многим и многим желательно было бы бросить тень недоверия на эту книжку¹⁰⁶⁴, которой суждено произвести полный переворот в быту чехов, и посрамить бессовестных правителей края. И Дундук, и Грессер, не говоря у же о чешских заправилах, памятник поставили бы тому, что нашел бы в этой книге неверные факты, тогда они свободны – «ложь, кле-/1 зв./вета, легкомыслие». Я все это имел в виду, когда писал и перепроверял факты. Я знаю, что будь доказана неверность хоть одного-двух фактов, дело было бы брошено, мир сделали бы строжайший выговор и предложение немедленно убираться. В деле заинтересованы три министерства, ведется оно с ведома и соизволения государя – тут гляди в оба на каждом шагу. Дундук и [губернатор] Грессер и теперь уже кричат против, [ругая] меня на чем свет стоит. В Петербурге, по словам [К.П.] П[обедоносцева]ва, общее возбуждение в всех сферах по этому делу, «меня рвут на все части – дайте чехов почитать» (а книг отпечатано всего 100 экз., благо, смотритель типографии догадался и тайком прибавил еще 50 эк[земпляров], на которые набросились, как на находку. Но теперь и это расхватили, и, кажется, буд[ут] печатать 2-е изд[ание]). Петербург для

¹⁰⁵⁹ Книга, про яку йдеться у листі, вийшла у 1887 р. Про початок зимового сезону гадується як про доконаний факт.

¹⁰⁶⁰ Сарепта-на-Волзі – німецька колонія, зараз у межах Волгограда. Існувала з середини XVII ст. Переселенці були таборитами (гуситами).

¹⁰⁶¹ Гордлічка Вацлав – гуситський священик, у 1871 р. переїхав на Волинь, вирізнявся реформаторською сміливістю релігійних поглядів, для багатьох чехів неприйнятною, однак водночас мав багато палких прихильників. Іван Оліч – один із чеських священиків на Волині, учасник Квасилівського собору, підтримав його рішення.

¹⁰⁶² Квасилівський собор – чеські церковні збори у містечку Квасилів (нині Рівненської обл.). Перші відбулися 14 серпня 1880 р., але імперською владою були визнані недостатньо представницькими. Другі збори, 16 вересня 1881 р., підтвердили висновки перших – проголошення гуситської, братсько-чеської церкви офіційною для чеських поселенців, що одначало б отримання ряду привілеїв від держави. Значна частина чехів поза собором не підтримала цього рішення.

¹⁰⁶³ Одна з течій гуситів, розпочалась у Саксонії вихідцями з Чехії.

¹⁰⁶⁴ Мовиться про видання: [Крыжановский Е.] Чехи на Волыни. СПб. : Синодальная типография, 1887. 160 с.

начала зимнего сезона обрел в чехах на [...] «случай почесать язычка насчет собраний в своем кругу» – «une nouveau le», «incident de Dounduk-Gresser»¹⁰⁶⁵...

Всего более я рад, что [Д.А.] Толстой, который и слышать не хотел, ни принимать докладов о чехах, прочитавши брошюру, прислал [К.П.] Поб[едоносце]ву письмо, в котором назвал ее «весьма занимательным трудом» и выразил полную готовность исполнить все проектированные о чехах меры. Дело уже было пошло в ход

/1 збоку/ От всей души желаю Феофану здоровья и бодрости духа. Павлу Федоровичу мой поклон. Еще не могу отвечать на его письмо. Сегодня дочь его Елена обедает у нас.

/1 зв. збоку/ Сейчас прислали мне из Синода кучу бумаг на заключение. Тут оказывается и представление м[итрополита] Платона о празднике 900-летия. Теперь это дело пойдет скоро. Но зачем эти частности в проекте? Опять могут возникнуть препирательства. Лучше бы коротко просил о разрешении праздновать церк[овное] торжество, а там – как хотят.

/без закінчення/

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
[червень 1887 р.]

Ф. III, № 3607

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Прости меня за долгое мое молчание. Не весело писать, когда ничего радостного не могу сообщить. Продолжаю прилежно лечиться, и вот по требованию Эйхвальда еду опять в Киссинген на пять недель. Уеду 4-го или 8 числа. Уже около месяца как стал чувствовать улучшение в здоровье, и является надежда, что может быть, Киссинген теперь поможет мне более, чем в прошлом году. Сопровождает меня от-/1 зв./ставной унтер-офицер гвардейской артиллерии Петр Францевич Лентин. Квартиру поручаю моему старому слуге Никите Пахомову, сыну Васильеву. Мария Федоровна 2-го июня умерла, и вчера я похоронил ее на Волковском кладбище. Умерла от старческого изнурения, имея от роду 74 года. На прошлой неделе был я у Ефима Михайловича и застал его хворым от простуды. Говорит, что на Вольнъ к чехам он отказывается ехать, потому что дело их очень запутано и граф Толстой не желает, чтобы ведомство правосл[авного] исповедания вмешивалось в его дело. Генеральша Павлова уехала /2/ уже в Карлсбад, а муж ее в Киев. Возвращусь я в Петербург в начале августа, и думаю остаться на той же квартире.

От Ефима Михайловича я слыхал пред Пасхой, что митрополит Платон ходатайствовал настойчиво о награждении тебя митрою, и что [К.П.] Победоносцев обещал представить, но обманул, как оказалось. Получил митру только придвор[ный] протоиерей Толмачев, по представлению [прпротеосв.]

¹⁰⁶⁵ Новинку; інцидент Дундука і Грессера (фр.).

Янышева и министра Двора в Ливадии. [К.П.] Победоносцеву это очень не понравилось, и говорят, он сказал, что это подарок [о.] Толмачеву из Кабинета, и он может поста-/2 зв./вить его у себя на столе и любоваться, но не может надеть на голову без благословения Синода. Не знаю, как это дело уладилось, только говорят, спустя долгое время у [о.] Толмачева был, наконец, вечер по сему случаю.

Иван Васильевич Писарев поручил кланяться тебе. Он уехал на днях в Варшаву и другие места Царства Польского в командировку для расследования дела о нашествии немцев и овладении фабриками и промыслами.

По приезде в Киссинген надеюсь написать тебе о свое путешествии и пребывании там.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

Всем родным мой нижайший поклон. Назарию Антоновичу кланяюсь и поздравляю, хотя и поздно, с орденом Анны 1 ст.

/2 збоку/ Благодарю г-жу Бердяеву за память обо мне и прошу передать ей мой нижайший поклон.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
[1887–1888 pp.]**

Ф. III, № 3565

/13/ /іншим почерком/ 1887 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Ваши чумаки не на шутку всполошили ученых мужей. Завитневич вообразил в них гуннов с Атиллою, идущих на посвящение, и заорал благим матом. Досталось несчастному летописцу за его тенденцию, досталось в заключении и всем, желающим праздновать в 988 г. «Да, ученые люди дознали и стоят непоколебимо... Но что же делать, когда громадное большинство в России еще научается летописями, церков[ными] учениями, церков[ными] кафедрами...»

Да, [А.Р.] Дрентельн тысячу раз прав, ссылаясь на киев[ских] ученых. Пожалуй, еще в процессии, по дороге к Днепру, зайдет спор о годе крещения, и пойдут крестами, трикириями и рипидами¹⁰⁶⁶ драться. Пожалуй, и акты народ[ного] учения представят трактаты в том же духе!

[А.Р.] Дрентельн уступил: « Ничего не имею против церков[ного] торжества». Но сочувствия нет, что всюду и выражает.

/13 зв./ В центре дела, кроме м[итрополита] Пл[атона], только двое, людей низших, думают, хлопчут, остальные или молчат, или полное нерасположение выражают! «Дело испорчено давно, ошибка непоправима, хлопотать в самых скромных рамках, строго церковных. О понтонных мостах и под[обном] смешно и думать...» Вокруг стала только ирония, улыбка... Послушать какого-нибудь чина

¹⁰⁶⁶ Трикірій, дикірій, рипіда – предмети богослужбового вжитку на довгих руків'ях при архієреї: трисвічник, двосвічник зображення шестикрилого ангела-серафима.

синодального, в роде, напр[имер], нашего взаимного друга [И.Г.] Терсинского¹⁰⁶⁷, когда он начнет: «Ну, что же? В Хоз[яйственном] упр[авлении] я спрашивал, нет ли у них какого стула поломанного, чтобы предложить отпраздновать его юбилей. И что нашли праздновать в крещении Р[уси]. Ведь это разврат для народа...» – и пошел! Нет священника в Петербурге, который хоть палец о палец ударил бы в защиту, по кр[айней] мере, не выразил бы недоумения.

[Д.А.] Толстой, наконец, остановился на решении: как себе хотите, так и делайте, это нас не касается

И никого теперь оно не касается, кроме двух-трех здесь!

Совсем-совсем иное вышло бы, если бы прежде всякого проекта и представления последовало соглашение с гражд[анской] властью и достигнуто было бы учреждение смешанной комиссии для выработки эт[ого] дела. Теперь все выяснилось...

/14/ Как бы то ни было, но решение не приближается единственно потому, что сложилось убеждение, что дело испорчено и непоправимо, что придется ограничить все исключительно литургией и водоосвящением, значит, чего торопиться?

О понтонном мосте покиньте всякую мысль. Одним удивление ответили те, от кого бы зависело устройство его. «Помимо того, что в первый раз слышусие, физически невозможно, п[отому] ч[то] войска в лагерях, отрывать понтоньеров, солдат...»

Хотели было прописать: «Литургию и водоосвящение, а прочее – соглашениями на месте с гражд[анскими] властями». Но после бывшего, какое соглашение в Киеве возможно?

Искать Ковалевского¹⁰⁶⁸ поздно. Да и творения его, кроме фраз ничего не имеют в себе. Ни единая душа здесь не выразила какой-либо охоты взяться за исправление акафиста В[ладимиру], пересмотреть стихирь, молитвы Иллариона. Акафистом я занялся: первые 4 конд[ака] и икосов почти вновь написал, оставив только темы их, в 9 кондаке и тему изменил (вклеил школы). Но как провести? Одесский теперь за всякое дело в Синоде берется, к нему и адресовались. Просмотрел: «Ничего не имею против». Вот и все! Но нужно положит[ельное] одобрение, с владычней чьею-либо рукою, ч[тобы], мол, «вот в таком-то виде можно печатать смело, что акафист вообще был бы уместен». Но кто возьмет на себя это?

¹⁰⁶⁷ Терсинський Іван григорович (1817–1888) – високопосадовець Синоду, починав із посади обер-секретаря (1859 р.), входив до різних комітетів і комісій із реформування духовного відомства: щодо громадянських прав духовенства і дітей духовенства, матеріального забезпечення духовенства, уставу духовних консисторій – питаннями, якими цікавився і Петро Гаврилович.

¹⁰⁶⁸ Можливо, Микола Васильович Ковалевський, автор «Короткої історії малоруського народу», виданої у Львові під іменем Івана Марковича (1875).

/14 зв./ Иконы Владимира взялся [Й.С.] Сидорский¹⁰⁶⁹ поправить и издать. Крест на них четвероконечный. Только левая рука и сложена в благословляющую, что очень неуместно. Это поправится. Конечно, многих тысяч не издать и жидам, стоит только купить Христ. или для составления фирмы на издании. Но, кажется, Сергиева лавра, имеющая свою хромотипию¹⁰⁷⁰, подвинется на дело сие, что было бы хорошо.

Стихиры – очевидно, те самые, что лавра сообщила Шишкову – Ковалевский уступил Синоду. Будут напечатаны.

Изданием моего творения жизни Влад[имира] занимается редакция ц[ерковно]-пр[иходских] школ. Неудобно мне диктовать ей то, что особ[енных] расходов требует. Как Бог положит им на душу!

И их же, и Славян[ского] комитета издание запоздало. Существующие брошюры, часто в[есьма] малограмотные, раскупаются все больше и больше.

За всею этою суетою чех посторонились. Дело о школах чешских тоже грозит запутаться. Семинацкий все старается уверить меня в полнейшем сочувствии округа всем нашим желаниям, но иные вести иное о том говорят. Ив[ан] Давыд[ович] Делянов пожелал, чтобы я ему представил подроб[ный] план устройства эт[их] школ. За акафистами и под[обным] не имел времени заняться. Оттого и Киев[ские] рассуждения приостановились.

Получил календарь Ярема. Затея и умная, и хорошо исполненная. Оч[ень] жаль, что с кириллицей обошелся не как желательно, ничего на ней не напечатал. У нас невозможно православие в одной чешской школе.

Разослано еще по полтысячи экз[емпляров] катехиз[иса], 1000 молитв[ословов], акафистов и брош[юр] на чеш[ском] языке. Переводится объяснение литургии Муравьева и др. Новый заказ сделан на мал[ый] катех[изис] и молит[вослов].

Очень обрадовало [К.П.] П[обедоносцева] известие о жертве Елены Петр[овны] на училище Ваше. Благодаря похвале за бескорыстие П[авла] А[кимови]ча (выраженной не П[обедоносце]вым, но П[обедоносце]ву) [К.П.] П[обедоносцев] до того проникся уважением к нему, что полагает, что предположенное назначение ему содержания (хорошего) за труд может его обидеть, и лучше ему остаться при одной своей пенсии. Выигрыш от похвалы?

/1 зв. збоку/ Излил я всю мою досаду на ученых, по поводу статьи З[авитневи]ча в письме к Ивану Игн[атьевичу]. Пожалуй, и мне сделаю оvation, как Феофану на акад[емическом] обеде... А на 15 июля, вероятно, буду в Киеве, так как придется ехать к чехам. Если к чехам не поеду, то и в Киеве не буду, а поеду на Кавказ лечиться, что давно уже располагаю сделать, попить эссендуки.

/14 збоку/ С [М.М.] Меркуловым я выдаюсь. Раз он обедал у меня. Говорили о Феофане. Он чуть не расплакался, когда я рассказал ему, какие планы вначале соединялись с празд[нованием] 900-летия, но уплыли, благодаря

¹⁰⁶⁹ Сидорський Йосиф Семенович – член Навчального комітету при Синоді, 1890 р. призначений керівником Канцелярії. Давній знайомий Юхима Михайловича – раніше служив у Царстві Польському помічником попечителя Варшавського навчального округу.

¹⁰⁷⁰ Різновид типографського обладнання для друку кольорових зображень.

противлению их. «Первый раз слышу, Алек[сандр] Роман[ович] ничего не слышал...» Долгая-долгая была беседа с глазу на глаз, от обеда за полночь. Много чего и я услышал, чего ни я, ни кто другой /13 зв. збоку/ не предполагал. Увы, когда война чуть не на носу, нужно всюду разведывать и соображать. А вдруг и война!.. И праздник не в праздник. «Войны не будет», – сильно твердят здесь, а в то же время приготовления идут в[есьма] деятельно – не на живот, а на смерть.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
15 січня 1888 р.

Ф. III, № 3566

/1/ 15 генв[аря] 1888 года

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Не откажите мне сообщить маленькое сведение, требующееся в скором времени. Именно: не предпринимает ли лавра или коя-либо частная фирма в Киеве издания аналойных икон св. Владимира. Сюда поступают уже вопросы по этому предмету, а тут есть предприниматели, но чтобы не попасть в руки кулаков, необходимы сведения о киевских производителях сих дел. Фирма Сидорского /1 зв./ издала уже такие образцы по 4 и 5 р. (хромотип). Она же хочет издать более дешевые иконы, даже до рубля. Можно ли надеяться, что в Киеве этим способом заготовят значительное число икон?

Иконы [И.С.] Сидорского – прекрасны, по 4–5 р. дорого.

Еще: предпринимает ли лавра печатание службы Владимиру? Нет ли у вас песнотворца, который составил бы новый, более грамотный тропарь Владимиру? Возьмется здесь со службою, выбранною из существующих. К ней прибавили молитву Владимиру по Иллариону. Но служба, по-моему, требует более специального ока, а молитвы совсем неудачным языком сделана. /2/ Поправляется. Да лучше бы молитва Господу Богу, а не одному Владимиру на 900-летие, а таковая же у Иллариона же есть, и прекрасна. Так если лавра не приступила к изданию особой книгой, то пускай подождет и не сделает ли потом маленького издания – для прав[ославных] христиан, ибо для служения здешняя типография себе присваивает право.

А [А.Р.] Дрентельн упирается, ни за что не соглашается на празднование 900-летия. В случае чего, Синод постановит празднованье церковное с участием добрых людей, охочих, обойдемся и без полиции и чиновников. Впрочем, уладится все.

А какое представление сделал о Вас старец-митро-/2 зв./полит! Спасибо ему сказали бы за теплое участие и энергический протест против бывших отказов в награде. Требуется «справедливости». Это было вчера. Сердце чье следует умягчилось... интересно в представлении указание на «духовника ее высочества

А[лександры] П[етровны]¹⁰⁷¹», который «красуется в митре и звездах, не имея никаких заслуг и ученого ценза, да еще митру носит с крестом».

Тороплюсь. До свидания...

Ваш Е. К[рыжановский]

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
січень 1888 р.**

Ф. III, № 3567

/3/ /почерком Петра Лебединцева/ январь. 1888 г.

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Вчера еще я писал Вам, что даже летом, может быть, не приеду в Киев. Не мы, однако, решали, что и чрез минуту с нами будет. Сегодня получил приказ ехать в Киев. 3 февр[аля] думаю выехать, раньше не могу. Свидимся, значит.

Очень-очень не в пору езда для меня такая далекая. Разные дела выпадают так, требующих многих разговоров. И чехи тут со школами, и праздник Ваш, и много мелочей всяких. Со многим народом придется возиться.

Не обессудьте, наперед прошу, если поселюсь в гостинице. Говорю /з зв./ не обессудьте, ибо при существующих киев[ских] отношениях Вы можете подумать, что уклоняюсь намеренно пред лицами некими Ваших благоприятелей. Да и сии из местных, пожалуй, увидят тут политику, станут строить предположения. А говорю пред Богом, что зима – не лето, я и летом порядочно стеснил Вам, а с тем вместе стеснял людей, имевших ко мне дела, но не знакомых с Вами, или стеснявшихся, а потому и пенявших на меня за сие. Потребуется теперь всякому народу побывать у меня – по делам, и нареканий будет больше. Другое – нечто может быть и курьезное, на что вот Л[...], особенно теперь. У меня тянется пара с желудков плохая, а у Вас по этой части и летом, после петербургских сего рода удобств, не так-то /4/ удобно, а зимой пришлось бы совсем пропадать.

Поэтому, устранив всякие предположения и подозрения, не откажите мне указать, где бы удобней поместиться, чтобы иметь две комнаты (приемную и отдельно спальню), совершенно теперь сухие и в подобающем месте, да и не закатиasto. Контракты, вероятно, еще продолжатся, и цены, вероятно, бешенные. Мне бы не больше 5 руб в сутки за комнатки. Не имею никакого понятия о Ваших гостиницах, и боюсь попасть или в труппы, или не по карману. Конечно, ни за какие другие удобства не променяю удобства по части желудка¹⁰⁷².

Бога ради, простите мне такую откровенность. С дороги телеграфирую о дне приезда.

Киев еще не так пугает. Вот Волынь, куда нужно будет поехать!..

Но – до свиданья.

¹⁰⁷¹ Засновниця Покровського монастиря в Києві.

¹⁰⁷² Шлунок (давньогрец.).

/4 зв./ Митрополиту не по душе моя командировка. Не виделся, однако, я с ним теперь. Но напрасны всякие подозрения на этот счет. Решительно ничего никто да не подозревает недоброго. Чехи давно зовут, я все отказывался. Придрались теперь к некоторым киев[ским] мелочам – поезжай, потолкуйте, а там и в Житомир (где что ни шаг – все вопрос до сего дня, и никакими бумагами в голову не вобьешь). На Волынь не к чехам, а к духовенству поеду. В Киеве же со всякими людьми только побалакать приятно придется, ничего больше. Вот только з Голубцовым сходитьсь ли.

Итак, не осудьте, да помогите мне не заболеть в Киеве.

До свиданья.

Ваш Е. К[рыжановский]

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
8 березня 1888 р.**

Ф. III, № 3568

/5/ /почерком Петра Лебединцева/ 8 марта 1888 г.

8 мар[та]

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Приехал я в Петербург после жестокой поездки по Волыни, 5 марта. Все тут уже улеглось от треволнений. Успело и переболеть ([К.В.] Саблер – гриппом, и серьезным), и разъехаться ([С.В.] Керский¹⁰⁷³), и переместиться ([И.А.] Чистович¹⁰⁷⁴), в канцеляриях безначалие, недостаток рук. Суеты для меня много от неведения, к кому обратиться. «Ну, то и то, и др[угое] скажите сейчас же приготовить». А кому сказать? Мечусь бесплодно.

У старца еще не был, но мне говорят о многом неудовольствии /5 зв/ его на меня. Хорошо вышло, что я не у Вас остановился. Завтра иду к нему.

Павла Акимича назначили членом Уч[илищного] с[овета] при Св. Синоде с оставлением на месте при тех же занятиях.

О соединении Уч[илищного] совета с братством и приобщением к нему дел штунды дело уже в ходу. Нужно только переговорить с старцем. Но ком поручить председательство? Одного старец не хочет, другого – Сам. Боюсь, что дело затянется. Предлагаю одного назначить по сану, председателем, а другого, по сану же, товарищем председателя. Об Иринее и речи нет.

[О.] Наумовича склонны освободить от штунды.

¹⁰⁷³ Керський Сергій Васильович (1831–1903) – помічник канцелярії Синоду. Ймовірно, був відряджений для ревізії котроїсь з семінарій або консисторій.

¹⁰⁷⁴ Чистович Іларіон Олексійович (1828–1893) – історик церкви, віце-директор канцелярії обер-прокурора. Переміщений на посаду директора контролю Синоду.

Хотели бы здесь видеть Братство во главе приготовлений к празднованию 900-летия. Поскорее бы выработать устав его (в соединении с Уч[илищным] советом и штундою) да представить в Синод.

[Проф.] Малинин¹⁰⁷⁵ здесь выгородил себя. Показал, что дело с жидовкою давно прошедшее. [Еп.] Сильвестр засвидетельствовал то же – в письме к старцу-митрополиту. Ну, и пускай себе благоденствуют! Жаль Академии, да еще не исполнились до конца судьбы Божии о ней.

Данила Г[авриловича] еще не видел, но слышу, что здоров.

В лавре здесь великий погром произошел. Государь вновь, как и в прошлом году, приехал накануне 26 ф[евраля] поклониться мощам Александра Нев[ского], отыде тощ, не добившись, кто бы отпер гроб, и сотворив молитву, не дозволил никого. И это все – несмотря на предупреждение [митрополита] Исидора за неделю! /6 зв./ Наместник, ризничный, помощники, гробовой – всё разослано по монастырям. Очень уж печалился государь этою «ордою». И где та метла, которая вымела бы сию лавру от величайшего безобразия! Наместником назначен бывший здесь экономом, потом настоятелем монастыря в Тамбов[ской] епархии Иннокентий. Тут вся эта история крайне смутила отцов.

Но – будет пока. Спешу к делам.

Ваш Е. К[рыжановский]

Феофану и жінці его, Александре Гавриловне – мой душевный поклон и благодарение за борщ (не в пост бы поминать).

Павлу Ф[едоровичу] и Сусанне Ив[ановне] поклон и сожаление, что не мог видеть его.

Не решаюсь с местом [И.А.] Чистовича. И семья не хочет. Страшно закреплять себя за канцелярщиной. Не ищущу я ничего, кроме дела и хлеба, первого и без того вдоволь, и вторым не очень обижен. Остаться притом что ведаю, да еще в придачу сие место – это выше сил, а выигрыша на 500 р.

Дорога к белым [...]танам ни мало не увлекает. Решено оставить до Пасхи.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
15 березня 1888 р.**

Ф. III, № 3569

/7/ /іншим почерком/ 15-го марта 1888 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Не могу доселе прийти в себя от Вашей телеграммы. Доселе не верится, что действительно Феофан умер. Еще так недавно и так часто виделись с ним, совсем недоумеваю, что такое случилось. Смутно что-то соображаю, смутно на душе...

Приехал я из Вольни и тот час стал хворать. Телеграмма Ваша застала меня, когда мне только что начали ставить согревательное к желудку, заедающему меня.

¹⁰⁷⁵ Малинін Василь Миколайович (1849 – після 1916) – професор КДА, Університету св. Володимира і Вищих жіночих курсів.

Конечно, все пошло прочь. С час я не мог прийти в себя, не помню, как просидел у стола. Потом оделся и, несмотря на /7 зв./ ужасную погоду, поехал к Данилу. Жаль было уведомлять его письменно, как ни настаивала на том семья моя. Застал его выфранченным, как никогда. «Ведь именины Феофановы сегодня, только что послал ему телеграмму с поздравлением». Кольнуло меня жестоко. Как сказать ему? А он, как на зло, в самом праздничном настроении. Я молчу, а он все говорит без устали – про свое лечение, про службу, про знакомых, и ни слова о Киеве. Прошло немало времени: уже и Никита вернулся с телеграфа, и снова вернулись мы к лечению и служебным делам, и все он ни словом не спросил про Вас и Феофана. Больше часу так прошло. Как ни старался я повернуть разговор на Киев – ничего не выходило. Точно натура чуяла и старалась хоть на час еще отпихнуть грядущую тяготу. Наконец, я не выдержал: «И что же это вы все доселе не /8/ спросите про Киев, про своих братух?» Он усмехнулся: «Что же, живы, здоровы?» И завел речь о «К[иевской] старине». Еще несколько минут шла «Старина», потом сошел разговор и на здоровье. Я стал описывать состояние Феофана, способ лечения, выражая все убеждение, что морфин заест его. Данило все спорил, не соглашался. «Такой здоровый, перенесет». Но уже по лицу моему он видел, что слишком неладно дело и просил сказать ему прямо, как я думаю, проживет ли он, выздоровеет? Тогда я показал ему телеграмму Вашу. Бедный Данило – ни слова, только тяжело стал вздыхать, бледнеть и опускаться в силах. Слезы, наконец, облегчили его. Стали думать о панихиде. Где уж ему! Несмотря на ужасную погоду, сам я вызвался поесть в газетные конторы для напечатания объявления («Нов[ое] вр[емя]» и «Новости») и в Казан[ский] собор.

Приехал я домой и слег тотчас. Разные операции творились надо мною. На др[угой] день пришел Данило – жалкий, беспомощный. Хорошо, что пришел и [В.И.] Чумачевский. Я и отправил их вместе, /8 зв./ придумав разные дополнительные потребности для панихиды, чтобы растормошить его. Я все в постели оставался. На другой день погода все та же. Но не лежалось мне, когда подходило время панихиды. Панихиду служил Лебедев. Собралось душ 20 почитателей покойного. Мордовцев, Пыпин, Драницын, [В.И.] Чумачев[ский], Миронович, дочь Павла Ф[едоровича], какие-то два генерала, Новиков (бывший начальник Ломжин[ской] уч[ебной] дир[екции], теперь член Глав[ного] упр[авления] по делам печати) и др. Данило очень расплакался за «Со святыми упокой...», так что нужно было успокаивать его долго. Пел Казанский хор – прекрасно. (Данило раскошелился.)

С панихиды я опять в постелью И до сей минуты не вставал с постели. Ровно ничего не мог ни читать, ни писать, ни разговаривать. А о чем я думал – ничего не помню. Смутно на душе. Пропала уверенность в себе. Тяжко противна стала служба, люд здешние, вся жизнь здешняя. И меня так замучит это писание вечное, как замучила Феофана «Старина». Да, не раз я боялся этого, а теперь весь я поник от эт[ой не]отступной мысли. И – Боже мой – как рвется душа моя от этих мест и от этих людей, выжимающих из меня последние силы! Точно пред собственной, раскрывшею рот могилою стою я...

Ваш Е. К[рыжановский]

17 мар[та]

Будьте милостивы, опишите подробно последние дни, смерть и похороны Феофана. Семье покойного передайте... не знаю, что передать, язык не поворачивается.

/8 збоку/ Сильно досаждает мне старец клеветами на меня. «Поселился у Иеронима, обедами кормился то у него, то у нее, подарки... и тянет за ними...» Допрашивают и передопрашивают, где я остановился, у кого обедал...

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
початок квітня 1888 р.**

Ф. III, № 3570

/9/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 14 апр[еля].
получ[ено] 6 апр[еля] 1888 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Со дня, в который я писал Вам, и доселе я болел. Как счастливо обошлась вся поездка, так несчастно оказалось отдохновение от трудов многих. Правда, и отдохновение-то нелюдское: уже давно я столько не писал, как в течение этой моей болезни. Все чехи волнуют. Благо, все вопросы пошли на лад. Но чего стоит брать каждый шаг! Ну, да Бог милостив. */примітка збоку/ [Пора бы печататься сборникам и ц[ерковно-]пр[иходской] школы, и академическому.]*

Мне прислал Павел Акимич вырезки из киев[ских] газет о разных /9 зв./ приготовлениях к празднику. Господь да благословит все добрые начинания. Ведь вот люди как засуетились! Простите, по одному духовному ведомству ничего не слышно. Все здесь понимают, от кого это зависит. Особенно печалются, что Владимирское братство сном праведным покоится. Ну, да может, с приездом главы и члены тела церкви киевской зашевелятся и заставят голову подумать. */примітка збоку/ [Митрополит уезжает в понедельник, а я еще не могу так далеко ехать, чтобы проститься с ним. А нужно.]*

А ризы белые – Господа ради, хотя фелони!

А себе к Пасхе митру приготовьте – хорошую, да помолитесь в ней о врагах своих, которых Бог вразумляет, яко немощных. Сие дело решенное, хоть и после почесывания. /10/ Никто же им, кроме самой совести его не вымаливало. Список, одобренный окончательно, после троекратного пересмотра, сегодня я видел в переписке. Перемен, значит, уже не может быть. Сейчас был у меня [В.К.] Саблер и говорил, что Сам велел съездить к Старцу и заявить ему, что просьба его о Л[ебединце]ве исполнена – митрою.

Итак, [преосв.] Поликарпу¹⁰⁷⁶ (его к Анне представлял Старец, да отказано) пожелайте счастливой дороги. Передайте, что его назначили как хорошего хозяина, чтобы вновь образованную епархию устроил. Чрез два-три года он не

¹⁰⁷⁶ Полікарп (Розанов; 1828–1891) – вікарний єпископ Уманський (1884–1888), викладав у КДС, дописував у «Руководство для сельских пастырей». Переведений як самостійний єпископ до Єкатеринбурга.

захочет оттуда уезжать. Екатеринб[ургские] и томск[ие] купцы озолотят его. Угодий там может выпросить у министерства госуд[арственных] имуществ сколько душе угодно. Не то купцы подарят дачу. Другие боялись этой епархии, но бывавшие светские люди прочат там архиерею богатое житье.

Ну, [преосв.] Ириней на его место! Счастливого пути, пока не дожидается Варвары¹⁰⁷⁷. А Варвару придется уступить, веро-/10 зв./ятно, до осени. Первая подходящая епархия – и... Уклонися от зла и сотвори благо¹⁰⁷⁸.

А кого в семинарию? В голову зайти – не отыскать! И одного, и другого хорошего не уступают. Есть еще один, инспектор в Новгороде, хороший очень. Но Новгород – родина [прот.] Парвова, который воюет за оставление его на месте. Боюсь, чтобы не назначили дурачка какого. Я бы не задумываясь ни на минуту назначил [о.] Храповицкого¹⁰⁷⁹. «Мальчик...» Да это удивительный административный талант! А нельзя иначе, как монаха, теперь время не такое, чтобы течение можно было изменить. А в Киеве оно и не изменялось.

Данило хотя осовел, но ничего себе. Как бы с летом ему устроиться.

А что мне делать с летом? Страшно теперь со смерти Феофана хочется позаботиться о себе, наконец, и иметь лето свободное. Но как добиться сего? Ушлют на Волынь заниматься с чешскими учителями – какое там поправление! А увернуться трудно.

[Губернатор] Томара¹⁰⁸⁰ здесь пугает, что на избранном для освящения воды в 900-летие месте – глубина 9 сажень, опасность потонуть. Все чуть недоумевают. Но очевидно – глупость: все зависит от прочности барок.

Но – до след[ующего] письма.

Ваш Е. Кр[ыжановский]

6 апр[еля]

Если увидите [С.Т.] Голубева, передайте ему, что рецензент его, [И.А.] Чистович, признал его «Историю Киев[ской] академии» заслуживающей Уваровской премии, но не решается написать «большой», а просто премии и «вполне». На днях он представит свою рецензию в Акад[емии] н[аук]. На сей раз и мне довелось попасть в рецензенты на Уваров[скую] премию – сочинение

¹⁰⁷⁷ Ириней (Орда; 1837–1904) – ректор КДС (1883–1888). Из білого духовенства, прийняв чернецтво, ставши вдівцем[] У 1888 р. висвячений на єпископа Уманського, потім переведений на Чигиринське вікаріатство (1890–1892).

Варвара – мощі св. Варвари, що лежали у Михайлівському Золотоверхому монастирі, місці перебування єпископа Чигиринського, першого вікарія Київської єпархії; тобто йдеться про Чигиринське вікаріатство. Паломництво до св. Варвари приносило Михайлівському монастирю значні прибутки.

¹⁰⁷⁸ Псалом 33.

¹⁰⁷⁹ Храповицький Антоній (1863–1936) – викладач СПбДА, майбутній митрополит Київський (з 1918 р.). Походив із дворян, син поміщика. У 1890 р. призначений ректором СПбДС (до 1891 р., коли переведений ректором МДА).

¹⁰⁸⁰ Томара Лев Павлович (1839 р.н.) – київський цивільний губернатор у 1885–1898 рр.

[А.С.] Будиловича «Замойская старина»¹⁰⁸¹. Во всем я не согласился с автором, а сочинение признал заслуживающим премии – малой. Наш Учебный комитет постановил [И.И.] Малышевскому за «Кирилл и Мефод[ия]»¹⁰⁸² премию в 1500 р.

/10 збоку/ Сегодня по Петербургу «гвалт», жида как одурелые бегают по улицам, сбивают с ног прохожих, терпя подзатыльники и под[обное]. Настоящий содом поднимают между собою, сошедшись кучками! Это – слух о внезапной смерти [С.С.] Полякова на кладбище при погребении жида Варшавского¹⁰⁸³. И гр[аф] Толстой опечалился, лишившись столь близкого друга.

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
середина квітня 1888 р.**

Ф. III, № 3571

/11/ /почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 30 апр[еля] 1888 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

И еще раз поздравляю Вас и с Пасхой, и с митрой! И всегда желал, и буду желать Вам всяких сладостей жития временного и вечного.

В настоящую пору предмет моего письма следующий. Сенницкий писал мне о чехах Рад[омышльского] у[езда] и, подробно описав деятельность св[ященника] Луки Янковского, – просил при этом моего ходатайства о принятии дочери Янковского в дух[овное] училище обучающейся, на содержание училища. Я всегда щекотлив на подобные ходатайства и молчком прохожу их. Много имею таковых из Киева. Но на сей раз я подумал о ходатайстве, ибо 233 д[уши] новоправо-/11 зв./славных в приходе Янковского, его занятия в школе с чешскими детьми русским языком (бесплатно) и Законом Божиим, которому «охотно учатся даже дети евангелистов» – сами хлопчут за него. Вышло, однако, так, что пока я собрался написать Вам, дело стало известно Самому, который поручил мне присоединить к моей просьбе и его о том просьбу. В течение Вербной и Страстной недели я получил до 30 писем, касающихся чешских дел. Всегда более интересные из таких писем я посылаю Ему для прочета. Пошло и письмо Сенницкого (в нем и др[угие] в[есьма] любопытные сведения по округу). Вот и повод к присоединению просьбы о дочери Сенницкого. /sic/ Аще можно, сотворите сие.

¹⁰⁸¹ Будилович Олександр Семенович (1845–1922) – протоієрей, інспектор Холмської чоловічої гімназії. За твір «Русская православная старина в Замостье» отримав малу Уварівську премію.

¹⁰⁸² Малышевский И.И. Святые Кирилл и Мефодий // Труды КДА. 1885.

¹⁰⁸³ Варшавський Аврам Мойсейович (1821–1888) – фінансист, концесіонер і розбудовник залізниць в Російській імперії, збанкрутів і повісився. Його сват і партнер, Самуїл Соломонович Поляков, під час прощання втратив свідомість і невдовзі помер. Обоє займалися благодійністю – на користь єврейської спільноти і в галузі освіти.

Несмотря на праздники, завален делами. Чехи быстро идут в православие, а беспоря-/12/док в заботах о них увеличивается. Пр[еосв.] Палладий рассердился на меня за мой отчет и принялся делать все наоборот. Беда будет или чехам, или мне, или ему. Господи, как трудно это дело – не с чехами, а с властями духовными. Готов бы отказаться от этих дел, но кому поручить? Хоть умри! Хотя бы скорее преобразовали должность вице-директора в такую, которая была бы компетентна по закону в подобного рода делах, а то – ведь «примером будучи, сказать», что такое я в своих письмах и разъяснениях по чешским делам? «Чего суешься? Какое твое право? Послали тебя посмотреть – смотри, донеси, а указывать – какое право? Предпринимать что-либо – тем менее...» Переписка с пр[еосв.] Палладием в высшей степени тяжела. «Пишите все-все, побольше». А что ни напишешь – все напротив делается: все рекомендованные мною лица в духовенстве преследуются, все охаянные идут в дело; все сле-/12 зв./ланные мною на местах духовенству указания (на это я получил позволения от преосвященного) переменены, подвергнуты осуждению, духовенство сбито с толку.

Перемены в составе синодальных присутствующих здесь много толков вызывают. Вдруг почему-то решено отправить в епархии и [еп.] Леонтия, и [еп.] Никанора, и [еп.] Дионисия. Кого вызвать – еще не решено. [Преосвященные.] Леонтий и Никанор смущены. Неудобь есть глаголати про все сие.

Понимаю внутренние побуждения Августина, но не понимаю внешних несообразностей напечатания им в газетах о брошюре Слав[янского] комитета. Быть грому и молнии! И Иван Игнатьич, выдавший секрет пропуска места о Фотии, подвергнется нареканиям. Брошюра и без того вызвала здесь неудовольствие – дрянною типографскою работою и бесцветностью содержания. А тут эта резкость и – иеромонах под газетною статьею! Нужно было сдержать Августина.

Киев[ский] «Сборник для народа» очень понравился здесь. Делеши моей Павел Ак[имович] не получил. Напишите и Вы ему, чтобы ничего [не изменял] в сборнике, – так угодно Константину Петровичу. В виду неудачи с брошюрой Слав[янского] комитета здесь думают издать киев[ский] сборник еще в нескольких десятках тысяч экз[емпляров].

Ваш Е. Кр[ыжановский].

26 апр[еля].

Пр[еосв.] Поликарп прислал мне икону пр[еподобного] Евфимия, написанную его учениками. Спасибо ему. Отвечал. Пр[еосв.] Иероним прислал мне грустное письмо. По человечеству, жаль его, хоть, может быть, он и рисуется равнодушным на глазах людей.

Юхим Михайлович Крижановский до Петра Гавриловича

5 травня 1888 р.

Ф. III, № 3572

/13/ 5 мая 1888 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Еще и еще поздравляю Вас от всего сердца. Не в награде дело, а в том, что лишением ее пользуются человеческие страсти, инсин[у]ируют, связывают руки для дела, пытаются вырвать и направить по своим страстям и похотям. За дело жаль было, за человеческие слабости. Дай Бог, чтобы митра и их прикрыла и умудрила на сочувствие делам, которым служат Ваши руки.

Я все что-то, вследствие, вероятно, бывшей болезни, не по себе. Все меня огорчает и мучит. Потому не берусь и соображать дал, стоящих и ждущих работы, зная, что привнесу в них драчливые элементы. Много пишу эти дни и все рву потом, не доверяя сам себе. Убиваю так[им] обр[азом] дни за днями, ровно ничего не сделав. А дела ждут-ждут, и это увеличивает мои мучения. Чувствую потребность освежиться, вырваться из Петербурга, но вырваться на полную свободу и независимость, хотя на лето. Увы, не по карману, да и дело на кого оставить. Так думалось-ждалось, /13 зв./ чтобы поскорее заместили должность вице-директора Канцелярии об[ер-]пр[окурора], и ему бы на лето передать дела мои. Но Бог не дал этой радости, назначают Зинченка, который и руками, и ногами отпирается от моих дел. Это совсем обескуражило меня. Все-таки я рад, что мне не приходится абсолютно оставаться в Петербурге, закабалив себя за канцелярией, и могу уехать на все лето из Питера. О сем я и заявил, думая пожить где-либо подешевле, да явившись в Киев к празднику в качестве простого паломника (очень мечтал я об этом утешении!). «Вот и прекрасно, ответили мне, в таком случае поезжайте в конце мая в Киев, там нужна будет в некоторых делах помощь и око, что как делается к празднику. Оттуда поедете на Волынь для присмотра за съездом чеш[ских] учителей и за движением чешских дел. Вернетесь в Киев к празднику, потом опять на Волынь, в августе снова в Киев...» Егда был еси юн... Бог знает, все это может измениться еще 20 раз. На Волыни по духовным делам неудобно ехать, пока не разрешатся там зашедшие трудные дела. Боюсь за [преосв.] Палладия... Искренно говорю, что для меня крайне нежелательно сие, и всего более – что другой выйдет хуже гораздо, и дело испортится окончательно. Но зашли разные виды, и трудно с ними. (Господа ради, *tibi soli*¹⁰⁸⁴ пишу, и не говорите старцу или кому иному.) Если сие станется, то мне крайне неприятно будет пребывание на Волыни, просто – во взгляде на меня как на губителя архиереев, и в ожидании, /14/ что другой новый будет смотреть на меня косо, и дела не поймет вовсе. Все, однако, будет зависеть от того, что последует в ответ на посланное распоряжение по чешскому делу (о поручении этого дела благочинному Метельскому под личным ведением архиерея, помимо консистории). И в Киеве не совсем приятно быть после моей защиты лиц, которых многим хотелось обвинить во что ы ни стало. Там большое недовольство на меня, да и здесь немало злых языков. Как мне при этом там входить в дела, когда на меня косятся! В праздник, если доведется быть, то легче будет только а присутствии Самого.

¹⁰⁸⁴ Tibi soli – тобі (Вам) одному (латин.).

Кстати, Конст[антин] Петр[ович] выразился, что хотел бы быть в Киеве, но еще не знает, как будет. Конечно, по всей вероятности, будет на то и высшая воля. Но все же следует городу послать ему почетное приглашение. У нас с [С.М.] Сольским был о том разговор, и решено было. Почему доселе не исполняется? Давно пора. Напомните при встрече. Очень хорошо было бы, если бы Он присутствовал на празднике. [В.К.] Саблер приедет к началу торжества, к 11 июля.

О священнике Янковском ничего ровно тут нельзя предпринять по неимению для того каких бы то ни было данных. Ведь я знаю о нем только от Сенницкого, из вторых рук, частных для дела, а лично ничего не могу свидетельствовать. Теперь же здесь суммы, из которых можно было бы пособить, расхватаны. И то неловко: хвастаем мы, что чешское дело движется одною доброю волею, а тут – плати за обращение. Это уже потом и по представлению начальства. Кстати, нужно донести Синоду /14 зв./ о присоединении рад[омышльских] чехов. Сделайте это, присовокупив сведения о поселках этих, о количестве всех чехов в них, их расположении вообще, о состоянии новоприсоединенных, о заботах епарх[иального] начальства о них, о видах на дальнейшее присоединение, о наделении их книгами из Синода (чеш[ский] катех[изис], молитвы и проч[ее], посланными чрез [о.] Сенницкого; хорошо бы консистории найти руб[лей] 25 и просить на них выслать еще этих книг), обеспечено ли обучение чеш[ских] детей закону Б[ожиему], надежен ли священник, имеется ли ц[ерковно-]пр[иходская] школа. Палладию послали напоминание, что он доставляет голые цифры присоединившихся, без описания положения, поводов к присоединению, чистоты их, нужд, видов и под. По списку, полученному [о.] Сенницким от [о.] Янковского и и мне присланному, присоединилось 133 д[уши] и крещено детей 100. Вероятно, есть в консистории донесение. Соберите точные справки и как можно скорее доносите. Не то и к Вам заметят о медленности и безучастии в этом горячем здесь деле.

И.И. Малышевский пишет – бранит Августина, заверяет, что это о сделал по своему предположению о его Владимире.

О каком эскизе [М.В.] Васнецова Вы пишете? Для чего он назначается? Как хотелось бы, чтобы переделки с иконостасами удались в соборе и в Михайловском!

Сегодня еще рассуждали здесь о ректуре семинарской в Киеве и ни к чему не пришли. Заговаривали о священниках семинарских, но слегка. Жаль, что Ваше письмо пришло после заседания. Но о Переверзеве подумать бы. Сообщите, чем решится с ним.

Ваш Е. Кр[ыжановский]

5 мая

Мои сегодня переселяются в деревню. Сам остаюсь пока. Жена – хворающая совсем, да и оба молодца мои не совсем здоровы.

Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича

19 травня 1888 р.

Ф. III, № 3574

/17/ /почерком Петра Лебединцева/ май 1888 г.

Любезнейший брат, многоуважаемый Петр Гаврилович!

Пишу кратко. Выезжаю в Киев 26 мая, останавливаться нигде не буду. Скоро, значит, свидимся и поговорим.

Хотел бы я поселиться на первое время в Европ[ейской] гостинице. Отбуду здесь визиты и переговоры, а затем хотя бы с недельку пожить где-нибудь за городом, чтобы там подышать волей и воздухом, да кое-чем (плаванием) заняться где бы? На даче Ионы? А есть ли там пища? Мне бы хоть яйца и молоко было.

В Киеве могу побыть только до 10 июня. Затем на Волынь.

К.П. Поб[еданосцев] едет в Мариенбад, оттуда в Зальцбург. Предположил выезжать 15 июня. И он, и жена ослабели порядочно. Все кучу его приехать в Киев. которым он почему-то очень беспокоится по поводу праздника и торопит меня ехать туда поскорее – точно со мною там водворится покой его. «Я всегда приезжаю из Киева в каком-то чаду, голова трещит от этих /17 зв./ обедов и повсюдной грязи в церквях и непорядке...» Подите! Но если бы город пристал с приглашением, то м[ожет] б[ыть], и поколебался бы.

[В.К.] Саблер приедет на готовое, 10 июля. Я же должен из Волыни прибыть неделю раньше, чтобы всюду «ткнуть нос» по данному поручению.

Сообщение, что думают о белых ризах, очень порадовало Константина П[етрови]ча. «Ну, слава Богу, что надумались! А то ведь это ужас, в какие только ризы не облачатся, и эта пестрая духовная толпа – в всякий день пред лицом съехавшейся России и братушек. Да ведь затеяли, перегрызутся и бросят? Кто там по этой части мог бы твердо взять инициативу?» Я сказал, кто писал мне. «Ну, слава Богу! Митра, митра, значит пособила, слава Богу!...» – стал веселый разговор. «Жаль, что раньше не озаботились митрой... Напишите же...» Высказано при этом все уважение к Вам личное.

Увы, на Волыни мне столько надавали поручений, что о Крыме и думать нечего. С [преосв.] Палладием едва упробил не спешить... Зато заказали все там самому делать. [Епископа] Пермского¹⁰⁸⁵ уже уволили на покой, и едва удалось от Перми спасти Волынь... Сие – единому Вам. Но еще все поруки нет, ибо весь святтейший не прочь... Каково было бы мне ехать в среду безголовья!

/18/ С донесением о радомышльских чехах не донесете ли и о присоединенных в Соф[ийском] соборе до[...]ья? Хорошо бы.

И говорилось о [прот.] Поторжинском, да думается, что он вял. Но сохрани Бог от новгород[ского] ректора, его всячески избыть там хотят. Вот инспектор там, [о.] Тихон, оч[ень] хвалился всеми. Я прошу за него, но [прот.] Парвов, которм Новгородская семинария – родная, очень упирается, желая подбирать там людей

¹⁰⁸⁵ Ефрем (Рязанов; 1815–1888) – епископ Пермский у 1883–1888 гг.

дельных. Смоленский очень хорош, но Энгельгардты¹⁰⁸⁶ и руками, и ногами за него. Беда, но торопиться до августа не следует.

Так Е[лена] П[авлов]на едет в Гельсинфорс¹⁰⁸⁷? Значит, будет здесь? Жаль, что я ее не увижу в Киеве.

Но – до свидания.

Ваш Е. К[рыжановский]

19 мая

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
червень 1888 р.**

Ф. III, № 3575

/19/ /іншим почерком/ из Боярки
июнь 1888 г.

Посылаю письмо [К.П.] Победоносцева. Поклониться нужно [митр.] Платону о Софийском доме. Это было бы кстати, потому что К[онстантин] П[етрови]ч мог бы там поместить с собою англичского гостя. А если бы внизу поместили и [В.К.] Саблера, тогда и совершенно свободны были бы от всяких хлопот с этим гостем.

«Киевлянин» не печатает моей заметки. А обещал напечатать все, что я считаю нужным. Ну, и черт с ним! При случае сообщите об этом митрополиту. Напирал я в /19 зв./ этой заметке на то, что никто не был командирован в Киев для распоряжений, что все должны подчиняться местной власти, что праздник должен иметь христианский характер... Нет ли злощи[...]ления по этому вопросу?

Здесь приятно дышится, но не было бы беспокойно. Начинаются обязательства у того-то пообедать, у того-то вечер провести. А я сел за слабительные! Да думал кое-что сделать тут!

В воскресенье, если будет хороший день, приеду в /20/ город. Нужно бы повидаться с митрополитом.

Сегодня Антонина Иван[овна] именинница. Ну, пропал весь день!

Голова что-то у меня болит.

**Петро Гаврилович до Юхима Михайловича Крижановського
27 червня 1888 р.**

Ф. III, № 4929

/1/ /олівцем/ [П.Г. Лебединцев Е.М. Крыжановському]

¹⁰⁸⁶ Дружина К.П. Победоносцева була з Енгельгардтів, чий родовий маєток на Смоленщині.

¹⁰⁸⁷ Гельсінки.

Полученное сегодня письмо К.П. П[обедонос]цева препровождаю. По отъезде Вашем из Киева ничего особенного у нас не случилось, кроме 2-х заседаний у [епископа] Ириней, на которых установлено подробный порядок крестного хода и, по Петерб[ургскому] примеру, сделано дополнение, что по освящению воды духовенство выйдет на площадку, выдающуюся мысом в Днепр подле Христорожд[ественской] церкви и, сделав каре пред поставленными на стол иконами, совершит отпуст с пением соединенными хорами «Тебе Бога хвалим» и с мног[ол]етием при осенении крестом на 4 стороны. В это время раздастся пушеч[ный] выстрел и звон во всех церквях Киева. Это будет великолепный эффект. [А.Р.] Дрентельн согласился с тем, что крестный ход пройдет по спуску Александровс[кой] горы к Христорожд[ественской] церкви, где присоединится [еп.] Сильвестр с киевск[им] духовенством /1 зв./ и где явится м[итрополит] Платон, чтобы проводить ход к месту освящения воды. Так[им] образом, главное улажено. Слава Богу. Вчера утром прибыл в Лавру м[итрополит] серб[ский] Михаил; на него м[итрополит] Платон возлагает проводить крест[ный] ход от Соф[ийского] собора к Христорожд[ественской] церкви. Из иноепарх[иальных] архиереев заявили желание прибыть в Киев: Модест [епископ] Нижегородский и Павел [епископ] Саратовский¹⁰⁸⁸. Полы и стены в нижнем этаже в Соф[ийском] митроп[олическом] доме уже выкрашены. Новая коллизия: штаб прислал повестку собор[ному] ключарю, что 11-го июля открытие памятника [Б.] Хмельницкому с участием войск согласно Высоч[айшему] повелению, а у нас парад[ная] служба с панихидой в Десят[инной] церкви. Ключарь едет в докладом к митрополиту, а штабу ответили, что у нас нет распоряжения насчет [Б.] Хмельницкого на 11 июля. М[итрополит] Платон в Голосееве.

Вам необыкновенно сладко в г. Остроге. Сожалею. Берегите здоровье свое, не увлекайтесь. Душевно желаю Вам успеха и благополучного возвращения в Киев.

П. Леб[единцев].

27 июня 1888 г.

Киев

**Юхим Михайлович Крижановський до Петра Гавриловича
червень 1888 р.**

Ф. III, № 3576

/21/ /іншим почерком/ из Острога
июнь 1888 г.

¹⁰⁸⁸ Модест (Стрельбицкий; 1823–1902) – епископ Нижегородский, а раніше – Люблінський. Павел (Вільчинський; 1829–1908) – епископ Саратовський. Обое выпускники Подільської ДС і КДА (1849–1853).

[К.П.] Победоносцев пишет, что выезжает из Мариенбада 8 июля, переночует в Вене и затем прямо в Киев поедет. Прибудет туда 11 июля утром. Ничего не говорит в объяснение этой торопливости, но ясно, что он хочет сам перепроверить приготовления к празднику, а если так, то нужно быть готовым на всякий случай – не кроется ли тут что важное, вроде приезда государя или Владимира Алек[сандровича]. Впрочем, если бы последнее, то было бы доселе известно. Во /21 зв./ всяком случае, он очень суетится насчет праздника и требует от меня подробных сведений о делах до приезда его в Киев. Где уж тут писать «через Петербург», поздно. Я, впрочем, послал ему отсюда два письма. Теперь же послал ему длинную депешу, успокаивая его тревогу на счет праздника.

При такой, однако, тревоге его. Я решил приехать в Киев пораньше, именно в понедельник утром (4 июля), не то во вторник.

Если сообщено высочайшее повеление, хотя бы /22/ только штабу, о церемонии открытия памятника, то тут и вопроса не может быть – митрополит всегда найдет возможность остаться в стороне.

[С.М.] Сольский пишет многое, да толку мало. Все он стоит за помещение [К.П.] П[обедоносце]ва у Дехтерева.

Не в «роскошном помещении» дело, а только в приличном, главное же – в хозяине. Иное дело Терещенки: видные городские обыватели, почетные лица, да и то – если бы сами просили. Ну, а Дехтерев что изображает из себя? К чему связывать человека каким-то обязательством, ни к селу, ни к городу? Что у них общего? Хотя бы отличился каким-нибудь благотворением, что ли, а то – только потому, что купчихе это очень-то приятно будет, и он готов раскошелиться, потом хвастаться знакомством и т.п. Терещенки /22 зв./ «уклоняются» – ну, и проваливай! В Софийском доме всего приличнее будет. На этом нужно окончательно остановиться. Стыдно кланяться кому-либо, имея такой дом свой.

С приемом депутатов выходит колотня. Уже, выходит, нельзя 16 [июля], а 14 [июля]. Ну, а если некоторые только приедут 14 [июля]? И как этот магараджа не сообразит этого обстоятельства? Да и как 14-го поздравлять с праздником, если праздника-то еще нет? Кончится тем, что депутаты будут приносить городу поздравления не ему, а братья-славяне найдут в том предлог для своих поздравлений и депутатов, гражданское, мол, дело. Кара Божия на праздник – этот старик.

«Соединенные хоры пропоют у Днепра “Тебе Бога хвалим...”» А [С.М.] Сольский пишет, что с хором выходит трудно и зовет на помощь. Те же самолюбия разыгрались? Левицкий наперед закабалил 60 душ, чтобы подоить город? Видно – молодец не хуже Славянского. Убедите Вашего регента подтвердить взяться за организацию большого хора, не допуская других эксплуатировать певцов, город даст средства. Ему же потом не честь, ибо хор должен быть во главе – в церкви и процессии. Митрополит опять готов сказать: «То дело Лебединцева». Где мне поймать этого Левицкого, когда приеду? Нужно свести его с Калнишевским, чтобы разом столкнуться. Пишу [С.М.] Сольскому, чтобы не вступал ни в какие сделки с Левитским, а его певчим объявил бы, чтобы вступили в условие хотя на 15-е с Калнишевским.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
16 квітня 1891 р.

Ф. III, № 3603

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Прежде всего прошу извинения в долгом моем молчании – это обыкновенная моя и старая болезнь.

Очень сочувствую твоей мысли устроить братство при Зеленинской церкви и прошу вписать меня в число братчиков и внести в братскую скриньку сколько найдешь нужным из посылаемых сегодня в особом пакете денег (300 р.), а оставшиеся затем распределить между более нуждающимися родственниками, /1 зв./ по твоему усмотрению. Поздравляю тебя и всех родных с праздником и желаю тебе и всем родным здоровья. Благодарю тебя за старку – я потчевал ею, кроме [П.А.] Игнатовича, еще Ивана Васильевича Писарева и Павла Петровича Пелехина, и все хвалят, и я пригубил – но от долгого неупотребления крепких напитков не могу быть судьей в этом деле.

О Глебе Тихомирове я просил, и обещали по возможности удовлетворить, но может быть, обманут также, как прежде обманули, /2/ пообещав назначить другого брата, Игоря Тихомирова, в Киев[ский] корпус, а между тем назначили в Полоцкий. Потом я просил перевести его отсюда в Киевский корпус, но мне посоветовали оставить это дело, чтобы переводом не повредить мальчику. Я вполне понимаю желание матери иметь поближе к себе детей, но если это невозможно, то нужно утешиться тем, что детям этим все-таки дают воспитание на казенный счет и принимают в корпус без конкурсного экзамена. А сколько детей офицеров /2 зв./ лишены этого счастья. Так как распределение по корпусам будет в июне, то я еще попрошу о Тихомирове.

Александра Арсеньевича мне удалось пристроить к месту чрез Н.Ал. Сергиевского, который назначил было его сначала в Гродно, а потом переназначил в Ковно. Если он, наученный горьким опытом, будет мудр как змея, то может в недалеком будущем получить там и место директора народных училищ. Миша удружил ему, написав от себя [Н.А.] Сергиевскому благодарственное и рекомендательное письмо и даже припечатал о назначении его в /3/ Одесском листке и в Виленском вестнике, с добавлением, что это сын знаменитого Одесского протоиерея и севастопольского героя. Пред тем он хотел сочинить юбилей моему непосредственному начальнику, генералу Резвому¹⁰⁸⁹, по случаю 80 лет от роду и, напечатав об этом в одной газете, разослал многим генера[ла]м вырезки из этой газеты. Конечно, никакого юбилея не было, и все, получившие извещение это, изумились, что появился какой-то странный человек. По поводу Мишиных статей о разных юбилеях были официальные опровержения в «Русском /3 зв./ инвалиде» и даже в «Правительственном

¹⁰⁸⁹ Резвой Орест Павлович (1811–1904) – начальник Кодифікаційного відділу Військової ради у 1878–1897 рр.

вестнике» высоч[айшее] подтверждение о том, что только два юбилея допускаются: 25-летие в одной и той же должности и 50-летие в офицерских чинах. Никакие убеждения и просьбы на него не действуют, а прибегать к более крутым мерам опасно, так как, по словам [П.П.] Пелехина, Миша от этого может совсем рехнуться.

Я допросил Мишу, есть ли у него в Петербурге долги и какие. По его словам, оказывается, что таких долгов теперь у него на 10 рубл[ей]. Если правда, то и за то спасибо.

/4 зв./ Прошу передать мой поклон брату Андрею и сестрам Ефросинии, Александре и Марфе и Ольге Игнатьевне и Грише и всем родным. Здоров ли Назарий Антонович? Ему также мой поклон.

Н.Ал. Сергиевский передавал мне, что по полученным им достоверным сведениям, предполагается в случае смерти или удаления на покой [митр.] Исидора и [митр.] Платона перевести[митр.] Иоанникия – в Петербург, [архиеп.] Сергия – в Москву, а [архиеп.] Леонтия в Киев. Что теперь думают, не знаю, так как не имею общения с синодальными.

/4 зв./ Прошу по возвращении из Зеленой написать мне, как там открыто братство, на каких основаниях, какие ежегодные взносы от братчиков и кому высылать.

Сын Людмилы Сидоровны, недавно женившийся, получил зимою воспаление легких и на прошлой неделе отправлен на излечение в Ялту.

Остаюсь искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

16 апр[еля] 1891 г.

**Арсеній Гаврилович до Петра Гавриловича
3 жовтня 1891 р.**

Ф. 154, № 72

/обірвані поля/

/23/ Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Царствие небесное владыке Платону! Сегодня совершили мы по нем торжественную панихиду, призвав на нее чрез газеты и власти, и жителей г. Одессы.

Благодарю за письмо и за телеграмму. По письму думал я, что инфлюэнция сведет старца в могилу. Телеграмма подтвердила мое предположение.

Владыка наш 1 окт[ября] прямо из собора выехал на дачу, получив от тебя /23 зв./ телеграмму о смерти владыки Платона, я тотчас отправил ее в архиерейский дом для отсылки на дачу. Оказалось, что ночью получены из Киева еще две телеграммы на имя самого владыки – от преосв. Ириней и от наместника Лавры. Все три рано утром были отосланы на дачу, откуда преосвященный возвратился в 11 часов. Созвать в тот же день на панихиду было затруднительно.

Вчера в консистории было у нас рассуждение о том, не послать ли из Одессы депутата на погребение митрополита. Я не отказывался от сей чести, если

это одобрит /24/ преосвященный, который, вероятно, сам будет назначен на погребение.

Сегодня, когда после панихиды я подошел к преосвященному за благословением, он, благословляя, говорил мне: Что сказать от Вас Петру Гавриловичу? – «Разве вы едете в Киев?» – спросил я. «Еду», – был ответ, и прибавил: «Я не солгу, если скажу брату вашему, что вы совершенно здоровы». – «Так и скажите, прошу вас», – сказал я. Он двинулся к выходу, а я еще пожелал знать, не известен ли ему день погребения? «Это не знаю, мне [...]»¹⁰⁹⁰ только похо[...] Софийском /24 зв./ соборе, – и это сказал тихо, как бы по секрету. После этого докладывать ему о бывшем в консистории рассуждении я нашел неудобным /примітка збоку/ [*Я ожидал, что преосв. Сергей сам предложит поехать в Киев, или спросит: не желаю ли? Но...*] Советами одолжаться он не любит. Владыка он добрый, впрочем, а лично весьма доволен им.

Что-то последует за сим? Т.е. за смертью [митр.] Платона. Не лишимся ли мы [преосв.] Сергия? Если что будет известно, извести и меня.

От всех детей моих – твоих племянников и племянниц, и меня прими сердечный поклон доброго здоровья.

Искренно любящий тебя брат Арс [Ле]бединцев

3 окт[ября] 1891 г.

/23 збоку/ Сердечно благодарю за путеводитель, который сегодня отнесу Надежде Александровне.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
20 грудня 1891 р.

Ф. 154, № 96

/1/ 20 дек[абря] 1891 года

Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Извини меня за долговременное молчание. Собирался давно отвечать на твои письма, но главная причина молчания – дурное расположение духа вследствие одолевших меня недугов. Летом жил я на даче в Павловске и в июле нажил там сильный ревматизм. Пролечившись там целый месяц, переехал в Петербург. Здесь сначала несколько легче стало, а потом болезнь опять усилилась с наступлением сырой погоды, а в довершение /1 зв./ беды приключилась новая болезнь. В начале ноября, обрезывая ноготь на большом пальце правой ноги, заразил живое место, и пришлось делать операцию – снять с корнем ноготь. Пришлось испытать и хлороформирование, и пролежать 5 недель. Слава Богу, обошлось кое-как, уже выезжаю на службу, но хожу пока с палкой и с осторожностью.

¹⁰⁹⁰ Обірвано і обірвано

Поздравляю с новым митрополитом. Как его встречали в Киеве – об этом было в газетах. Как он отнесся к прежнему режиму и какие новые порядки вводит? /2/ Дай Бог, чтобы все было тихо и спокойно.

Прилагаемые при сем триста рублей прошу распределить между сестрами и их детьми по твоему усмотрению. Кланяюсь им и благодарю за поздравление с днем ангела.

Прошу передать мнѣ нижайший поклон Назарию Антоновичу Фаворову, брату Андрею и [Н.О.] Стасиневичу. Благодарю Гришу за фотографию. Дай Бог, чтобы он был утешением для своей матери. О Мише напишу особо.

/2 зв./ Брату Андрею и Саше Феофановичу надеюсь написать на праздниках. Александр Арсеньевич приезжал в Петербург праздником Пасхи и с тех пор я не имею о нем никаких известий. Писал ему, но ответа не получил.

Желаю тебе здоровья и всего хорошего.

Искренно любящий тебя брат Даниил Лебединцев.

Поздравляю с прошедшими именинами и с наступающим праздником Рождества Христова.

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
8 червня 1892 р.

Ф. III, № 3604

/1/ /почерком Петра Лебединцева/ отпр[авлено] 8 июня 1892 г. получ[ено] 12 июня

Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Я премного виноват пред тобою. Прости и не осуди. Перед праздником Пасхи приготовил было письмо, чтобы послать с Павлом Акимовичем Игнатовичем, но в назначенный им для отъезда день не нашел его на Варшав[ском] вокзале. После узнал, что он на праздник уехал с [В.И.] Шемякиным в Новгород, а оттуда в Киев.

Сегодня был на похоронах Сергея Онуфриевича Лабунского, умершего от чахотки. Люд- /1 зв./ мила Сидоровна горько плачет, а вдова убивается. Похоронили с воинскими почестями в Невской лавре.

Завтра уезжаю в заграничный отпуск на два месяца. Буду принимать ванны в Вильдбаде (в Виртембергском королевстве). Целую зиму лечился от ревматизма массажем, но добился только облегчения. Очень бы не хотелось бы странствовать по заграницам, но доктор признает необходимым. Был на днях у меня о. Августин с твоею карточкой. Митрополит Исидор принял его ласково и обнадежил в получении /2/ места при синодской церкви, а пока ему обещал дать приют на подворье.

Третьего дня Миша передал мне, что к нему являлся судебный пристав с исполнительным листом, присланным из Киева, для описи имущества, но так как у него ничего не оказалось, то...

С него взыскивает какой-то [Милованин] 310 руб. Он хочет писать сему кредитору, чтобы он согласился получать ежемесячно по 18 руб. Горе мне с этим Мишей. Дурит и не слушает никаких убеждений. Бог знает, что с ним будет.

/2 збоку/ Георгий Сидорович Лебединец с января сего года находится в Петербурге – собирает материал для истории своего полка. Очень дельный господин, хотя даже гимназии не окончил. К нему в следствие я помещаю Мишу и за квартиру со столом заплатил хозяйке по 20-е июля.

/2 зв./ Прилагаемые при сем пятьсот рублей прошу распределить между родными по твоему усмотрению.

Желаю тебе здоровья и всего хорошего. Кланяюсь всем родным.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

8 июня 1892 г.

Павлу Акимовичу и Назарию Антоновичу мой нижайший поклон.

**Племінник
29 жовтня 1893 р.**

Ф. 154, № 157

/1/ Белая Церковь.
1893 г., октября 29

Высокоуважаемый и дорогой дядя, Петр Гаврилович!

Много придется Вам в воскресенье прочесть и писем, и телеграмм, многих лиц надо Вам будет в этот день выслушать, много ощущений перенести и в то же время, в сознании всего Вами сделанного, спокойно и радостно оглянуться на пройденный Вами жизненный путь.

Позвольте и мне вложить свой кирпич на постройку того здания, которое достойно увенчает 31 октября Ваши заслуги, – позвольте от всего сердца приветствовать Вас и пожелать Вам еще многих и многих лет жизни. Ведь это одно, что Вам можно теперь пожелать: положение, известность в науке и в общественной деятельности, /1 зв./ почет и уважение от лица Вас знающих – все это Вами уже приобретено и, конечно, за Вами останется. Пусть же Господь продолжит Вашу жизнь! Жатва, Вами посеянная, обильна, и сеятель должен вкусить от плодов своих. Мне удивляются здесь, почему я не еду лично в Киев, тем более что 31 октября – день воскресный, но, право, Вам в этот день будет не до меня, и потому я решил отложить свой приезд, когда Вам будет свободнее и мне сподручнее.

За два месяца отношения мои к директору значительно изменились, по крайней мере наружно: полагаю, что отчасти и внутренно, так как директор обыкновенно плохо скрывает свои ощущения. Он сделался ко мне очень любезен и даже предупредителен; думаю, можно быть уверенным в его удовлетворительном и даже хорошем в настоящее время отзыве. С инспектором по-прежнему нет отношений, т.е. не разговариваем друг с

/Без закінчення/

Арсеній Гаврилович до Петра Гавриловича
8 лютого 1894 р.

Ф. 154, № 73

/25/ 8 февр[аля] 1894 г.

Одесса

/почерком Петра Лебединцева/ отв[ет] 16 февр[аля]

Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Очень рад отвечать на твое письмо о предмете, о котором сам хотел посоветоваться с тобою.

Думает ли Од[есское] духовенство о 50-тии моей службы, не знаю. На днях иподиакон, который занимается по собору письмоводительством, докладывал мне, что о. ректор семинарии спрашивал его, с какого времени кафедр[альный] протоиерей поступил на службу? Что ж вы сказали ему? – 17 марта – сказал я. Тогда сказал я иподиакону: Если еще кто спросит о том, скажете: из формулярного списка видно, что кафедр[альный] протоиерей имеет службы 61 год в сложности с временем осады Севастополя, которой месяц, по Высочайшему повелению, считается за год.

/25 зв./ Есть у меня и другое начало счисления лет моей службы. Это 1-е января 1847 года – день производства меня во священника. 25-е декабря был я рукоположен во диакона, когда после литургии было совершено мною пред архиереем обычное ставленническое поклонение, то преосвященный Гавриил, благословляя меня, сказал: «Завтра можно бы произвести и во священники, но пусть до нового года; круглее, батюшко, будет счет». Я хорошо помню старца-архиерея, и намерен приложить их к круглому счет лет своего священства. Кстати и прецедент такого юбилея в Одессе был при [преосв.] Никаноре. Протоиерей М[] Карп[ович] Павлов праздновал 50-е своего священства, а не службы. Кстати и день будет во всех отношениях началь-/26/ный и удобный для празднества. Кстати прожить еще три года с надеждою на милость Божию, ожидающую исправления и покаяния. А когда отпоят за мною (бываемый чин юбилеев весьма схож с чином отпевания), куда девать отпетого, как не в землю или за борт – по крайней мере, в отставку без всякой пенсии.

Еще раз обращаюсь мыслию к юбилею моего священства т.е. к 1-му января 1897 г. не потребует ни предпразднества, ни празднества, и вперед, и назад все эти дни мясоястие и разрешение на все.

Празднование же 50-тия службы, совпавшее со временем великого поста, для меня нежелательно не потому только, что оно может произвести /26 зв./ соблазн даже в мирянах, но мне самому послужит в осуждение. Кто может заставить меня творить или допустить празднество, когда я не хочу этого? Оно

мне не желательно потому особенно, что я не чувствую за собою никаких таких заслуг, за которые прославляют юбилеют юбиляров. Что из того, что был членом консистории, ключарем собора и кафедр[альным] протоиереем? Самостоятельных моих заслуг здесь и быть не могло. А разве, быв кафедральным, я не был с собором подчинен надзору городского благочинного за то, что из риз ключаря украдена была митра? Я не могу вспоминать этого позора, снятого с меня только [преосв.] Никанором. Знаю, что юбиляров только хвалят, но не все они могут вмещать словесе сего. Не у всех юбиляров бываю и заслуги, достойные юбилейного празднества. Мне очень понравился А[лексей] Михайлович Колосов, так выразившийся предо мною о своем юбилее: Это не мой юбилей, а Петра Гавриловича, я только схватился за его колесницу и вот с ним юбилействую. Без таких заслуг, какие есть у тебя и нашлись за 25 л[ет] у [о.] Чемены¹⁰⁹¹, мой юбилей выглядит бесцветным и бессодержательным. Моя заслуга и честь будет состоять в том, если я уклонюсь от него. Разумех, что сотворю: закажу 17 марта обед своей милой невестке. С утра и водворюсь у ней. Туда велю прийти и депешам со службы, не заходя домой. Прислуга будет говорить: «Нет дома, а где? Не знаем». В консистории я уже имел случай высказаться, что я не праздную своего юбилея. Не отрицаю своей заслуги севастопольской, как не отрицаюсь от 11-ти севастопольских лет. Но это было 40 лет и мохом поросло. Я антик¹⁰⁹², в пыли ходячий. Когда покойный император, бывший в Одессе после войны турецкой, увидел на мне Георгиевскую ленту и спросил, где я получил ее, то на мой ответ: В Севастополе, – сказал: Еще тогда, – и поднял вверх руку.

Искренно любящий тебя брат Арсений.

/26 зв. збоку/ Молодых врачей наших со службою радостно поздравляю и блестящих успехов желаю. Всем поклон сердечный.

**Арсеній Гаврилович до Петра Гавриловича
23 березня [1894 р., м. Одеса]**

Ф. III, № 3579

/1/ Любезнейший брат, Петр Гаврилович!

Вероятно, ты уже давно ожидаешь от меня письма, желая что-либо слышать л канувшем в вечность дне моего юбилея. Начну с того, что самым дорогим памятником этого дня будет для меня и потомства моего присланный тобою дорогой складень святых: моего ангела и родителей. Благодарю тебя всем сердцем моим и всею душею, моею. 17 марта в 6 часов утра с сим даром я пошел в собор и,

¹⁰⁹¹ Мартирий Федорович Чемена: Діанова Н. М. Ректор Одеської духовної семінарії Мартирій Федорович Чемена // Інтелігенція і влада. Серія : Історія. 2014. Вип. 30. С. 271–277.

¹⁰⁹² «Яркие личности, наиболее полно воплощающие те или иные общечеловеческие свойства, архетипы» (Антики // Макаров А. Малая энциклопедия киевской старины. К.: Довіра, 2005. – С. 19–21).

освятить его по чину, поставив на престол, сам отслужил благодарственный молебен с помощью трех певцов, случившихся в соборе.

/1 зв./ В 8 ч[асов] утра неожиданно для меня явился ключарь со всем причтом и соборным старостою собора, принеся частное, или домашнее, как он выразился, приветствие, но с ценной иконой Божией Матери (Касперовс[ко]й) и с речью, которой не ожидал из его уст. От самой неожиданности тут я очутился под сильным впечатлением. Откланявшись, я поехал на кладбище к своей покойнице. А в мое отсутствие прислано от преосвященного – [...] на письме за печатью его. В нем я нашел теплое приветствие с юбилеем службы и пожелание в добром здоровье дожить до юбилея священства. К прискорбию, Сеня выкрал у меня это письмо и сообщил в печать. Крепко я [...]ся на него. Но подумал, может быть, сие случилось, да сбудется Писание: «Враги человеку домашние его».

Последовав твоему совету, я почти до 3-х часов был /2/ дома и удостоился посещения градоначальника, городского головы, товарища его и греческого консула, даже некоторых дам. [Е.П.] С[ан-]Донато присла[ла] две какие [...] или два лотка фиалок, которыми облагодетельствовала вся квартира моя.

Обедал у Володи со всеми чадами и внуками. В 6 ч[асов] возвратился домой и почил от всех дел и неизбежных волнений дня юбилейного.

Странно, что газеты известили, что я отклоняю всякое чествование, однако нашлись люди, которые пошли против объявления. Такова сила моды.

Всем сердечный мой поклон. [...]

Искренно любящий тебя брат Арсений

23 мар[та].

**Віктор Арсенійович до Петра Гавриловича
20 травня 1894 р.**

Ф. 154, № 77

/1/ г. Севастополь

Добрейший дядюшка Петр Гаврилович!

Простите, что заставил долго ждать желанных фотографий, но все это по независящим от меня причинам произошло. Снимок этот с натуры и посему не совсем кажется удачным. Картинка же «Голгофа» совсем не может быть снята с натуры в церкви, так как она помещается в нише на вогнутой поверхности. Пробовали, и ничего не выходит. Теперь я разыскал самые оригиналы этих картин на полотне, и вот один художник [...] на днях будет их снимать все. Как будут готовы, так вышлю и эти. Плаваю на шхуне «Бомборы»¹⁰⁹³ и сейчас же /1 зв./ мы снимаемся на Кавказ. Фотографии когда будут готовы, Лиза перешлет Вам. Мы здоровы и одесские тоже. Желаю всего хорошего. Все мы кланяемся. Остаюсь любящим Вас племянник Виктор Лебединцев¹⁰⁹⁴.

¹⁰⁹³ Парусно-гвинтова шхуна «Бомборы» у 1857–1903 рр. у складі Чорноморського флоту.

¹⁰⁹⁴ Віктор Арсенійович Лебединцев – син Арсенія Арсенійовича.

Мая 20-го дня 1894 г.
 Лейтенант Лебединцев
 P.S. Одновременно посылаю бандеролью и фотографию.

Арсеній Гаврилович до Петра Гавриловича
20 листопада 1895 р.

Ф. 154, № 74

/лист написаний ніби наосліп – строки криві, багато повторів і пропущених слів, ніби Арсеній, продовжуючи фразу, не читав вже написане/

/27/ 20 ноября 1895 г.

Когда я писал письмо, зазвонили к всенощной. Торопясь окончить, я забыл про нужный тебе ответ о посещении преосв. Иннокентием освобожденного Севастополя.

Первый раз он прибыл в Крым в сентябре 1854 г., как узнал о высадке в Крыму неприятеля, и прибыл с чудотворной Касперовской иконой. Но князь Меншиков, по отступлении от Альмы находившийся близ Бакчисарая, не пожелал воспользоваться услугой и помощью Богоматери. Тогда он возвратился в Симферополь и оттуда посетил и другие города.

В другой раз он прибыл в /27 зв./ июле м[есяце] 1855 г. прямо на Северную сторону Севастополя, где мы сами искали себе помещение и нашли в походной церкви, в палатке командира укрепления и еще в одной палатке для нас охотно уступленной. С наступлением вечера Иннокентий, по приглашению Д.Е. Сакена¹⁰⁹⁵, чрез рейд отправился на ночлег к нему в Николаевскую батарею, на месте которой устроен ныне большой бульвар¹⁰⁹⁶. На другой служил литургию в [...] адмиралтейской церкви, которой во время всей осады ни разу и не царапнуло. После литургии и после молебна под открытым [небом] говорил речь к воинам и благословлял иконами, присланными из Воронежа и др[угих] гор[одов]. Прямо из церкви его увезли на Инкерманские высоты, где находила главная квартира, гдет он говорил речь и благословлял, оттуда, не заезжая, прямо в Симферополь. Я не имел возможности и проститься с ним Из Симферополя прислал мне свою подорожную, но я не мог воспользоваться.

/без закінчення/

Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
6 серпня 1896 р.

Ф. 154, № 97

¹⁰⁹⁵ Генерал ві кавалерії Дмитро Єрофійович Остен-Сакен (1793–1881) був начальником Севастопольського гарнізону.

¹⁰⁹⁶ Приморський бульвар.

/1/ Павловск. Пиков переулок, дача Гребелкиной.

6 авг[уста] 1896 г.

Любезнейший брат Петр Гаврилович.

В последнем моем письме я обещал, поправившись летом на даче в Павловске, приехать в августе в Киев и в Одессу для свидания с родными. В конце мая со мною приключилась болезнь – острый катар кишек. Доктора кое-как поправили дело, и я 6 июля переехал на дачу, где через неделю /1 зв./ опять возобновилась та же болезнь. С того времени я до сих пор лечусь. От болезни и строгой диеты оч[ень] ослабел. Через неделю собираюсь уже переехать в Петербург. Доктора не советуют теперь пускаться в дорогу. На днях должен возвратиться из заграницы мой постоянный доктор Доброклонский. Посоветуюсь с ним, что он скажет. Очень жаль будет, если мне теперь не удастся совершить предположенную поездку. /2/ Во всяком случае, я напишу после 15 августа. По имеющимся сведениям, Высочайший отъезд из Петербурга предполагается 12 или 13 августа в Вену, где пробудут 2 или 3 дня, а оттуда в Киев для открытия памятника Николаю 1-му и освящения собора.

Миша Шаворский пользовался два месяца в водолечебнице, а 2-го августа получил командировку в Орел, Харьков и Екатеринослав для доставления туда ценностей. С ним еще два банковских /2 зв./ чиновника и артельщик из Екатеринослава. Миша хотел заехать в Киев. Ему дали до Екатеринослава билет 1-го класса, а на обратный путь 150 р. Что делает Александр Ф[еофанови]ч. Он прислал мне № «Киевлянина» с его статьей.

Дай Бог ему остепениться и не возвращаться к прежнему. Почему брат его Константин хочет поступать в институт гражд[анских] инженеров только чрез 2 года? Не понимаю. Не лучше ли ему поступать теперь на медицинский факультет?

/1 збоку/ Как бы Миша Шаворский не смутил опять Александра Ф[еофанови]ча литературной славой.

/2 зв./ Георгий Сидорович писал мне из Одессы, что сын Владимира Арсеньевича принят в училище правоведения на казенный счет и без экзамена. Что-то невероятное!

Желаю тебе здоровья и всего лучшего. Мой поклон всем родным.

Искренно любящий тебя брат Данил Лебединцев.

Арсеній Гаврилович до Петра Гавриловича

[1896 р.]¹⁰⁹⁷

Ф. 154, № 76

¹⁰⁹⁷ За згадкою, що останню нагороду отримав 15 років тому, у 1881 р.

/30/ Естественным дополнением и как бы некоторою иллюстрацією содержания писем прот. Ар[сения] Лебединцева могут служить некоторые сведения, заимствуемые нами из формулярного его списка.

1, За примерные труды по своим должностям и неослабное содействие епархиальному начальству в восстановлении в Крыму священных развалин Херсонесса и Инкермана ему объявлена архипастырская признательность.

2, За присутствие духа, труды и усердие, и отличную распорядительную [деятельность] во время высадки в Крыму неприятеля и занятия им окрестностей Севастополя объявлена ему архипастырская признательность.

3, Письмом г[осподина] гофмаршала /30 зв./ Хрущева¹⁰⁹⁸ от лица его императорского высочества великой княгини Елены Павловны поручено ему духовное попечение о сестрах Крестовоздвиженской общины, прибывшей в Севастополь для служения раненым воинам.

4, Согласно положению Св. Синода и ходатайству военного начальства всемилостивейше награжден золотым наперсным крестом, украшенным драгоценными камнями на Георгиевой ленте за отличное и усердное самоотвержение, оказанное во время осады Севастополя.

5, Как находившемуся в Севастополе во все время осады, предоставлено ему право на зачисление его службы в Севастополе в выслугу на пенсию, считая месяц за год, что объявлено и указом Св. Синода от 21 апреля 1856 г.

6, В Балаклавском соборе (его благочиния) служил литургию /31/ в присутствии государя императора Александра Николаевича II-го, за что его императорским величеством лично пожалован бриллиантовым перстнем.

7, По отступлении от Севастополя назначен духовником Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных воинах в военных госпиталях на все время нахождения в Крыму без сложения обязанностей священника и благочинного по Севастополю, куда имел явиться по прошествии военной бури.

8, (По прошествии бури) 26 сентября 1856 г. удостоен от ее высочества в[еликой] к[нягини] Елены Павловны рескрипта об изъявлении благодарности за достойное и прилежное исполнение обязанностей духовника Кресто-/31 зв./воздвиженской общины и получил от ее высочества большую серебряную медаль, установленную в память милосердного служения страждущей братии.

7 февр[аля] 1857 г. прот. Ар[сений] Лебединцев по домашним обстоятельствам уволен от службы в Севастополе и возвращен в Од[есский] кафедральный собор, в котором он был 1 января 1847 г. рукоположен во священника. Состоя при соборе начала в должности ключаря, а потом кафедрального протоиерея, он здесь проходил службу всегда с отличием, как это видно из тех знаков отличия, которые получил по возвращении из Севастополя. Так: в 1857 сопричислен к ордену св. Анны 2-й ст., в 1862 г. к ордену св. Анны, императорской короною украшенному, в 1865 г. награжден палицей, в 1871 г.

¹⁰⁹⁸ Хрущов Дмитро Петрович (1816–1864) – гофмейстер імператорського двору з грудня 1855 р.

сопричислен к ордену св. Владимира 4 ст., в 1875 г. – к ордену св. Владимира 3-й степ[ени] 1881 г. – награжден золотым, украшенным драгоценными камнями крестом из Кабинета его императорского величества. Это последняя награда получена им пятнадцать лет тому назад.

**Данило Гаврилович до Петра Гавриловича
[1880-ті]**

Ф. III, № 3605

/1/ Любезнейший брат Петр Гаврилович.

Иван Вас[ильевич] Писарев читал дело о памятнике Хмельницкому (в Министерстве в[нутренних] д[ел]). Бумага киевского викария была препровождена [К.П.] Победоносцевым к м[инист]ру вн[утренних] дел, который просил заключение по этому предмету от Киев[ского] генерал-губернатора. [А.Р.] Дрентельн дал заключение, согласное с взглядом [М.В.] Юзефовича. Этот отзыв отправлен из Министерства к [К.П.] Победоносцеву, что там сделают или уже сделали, не знаю.

/1 зв./ Мне кажется, что ты напрасно вмешался в это дело. Пользы особенной или вреда не было бы от того, будет ли на Софийской площади или на другой какой-либо площади, а между тем оскорблен [М.В.] Юзефович, и может быть, недоволен [А.Р.] Дрентельн.

Что делается в центре духовного управления, мне неизвестно, так как я нигде не бываю по нездоровью. Нога моя несколько лучше, но я постоянно подвергаюсь простуде. Не знаю, долго ли протяну в Петербурге. Кажется, скоро придется поневоле куда-нибудь переместиться. Возбужден вопрос об

/Без закінчення/